

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

МОНГОЛІЯ и МОНГОЛЫ.

Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг.

А. Позднѣевымъ.

ТОМЪ I ✓

Дневникъ и маршрутъ 1892 года.

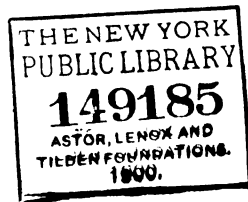
ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1896. ✓

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, П. П. Семенова IX—XVI

Предисловіе автора XVII—XXX

I. Отъ Кяхты до Урги 1—62

Выѣздъ въ Монголію. — Торговля хлѣбомъ въ Кяхтинскомъ маймачѣнѣ. — Долина Кяхты со стороны Монголіи и ея населеніе. — Переправа черезъ Орхонъ. — Эксплуатація поемныхъ луговъ Орхона хошүнами. — Ловля рыбы русскими въ Монголіи. — Военныя игры монголовъ. — Бѣмскія пашни. — Долбнѣ-даба и видъ на Селенгу. — Жилище мѣстнаго шамана. — Прибытіе къ хошүнному хурѣню и управленію Цэ-цзасакѣ. — Мой визитъ къ тусалакчѣи и обзорѣніе хурѣня. — Почтовые станціи въ хошүнѣ Цэ-цзасакѣ. — Свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи этого хошүна. — Амуръ - Баясхуланту: его исторія. — Наружный и внутренній видъ императорскаго монастыря. — Каменописный памятникъ. — Монастырскіе аймаки. — Хуралы и цантѣ. — Средства содержанія монастыря. — Особыя учрежденія при монастырѣ. — Китайская торговля. — Характеристика ламъ. — Ихъ отношеніе къ моимъ изслѣдованіямъ. — Ямунскій бичэчи. — Слѣдованіе по долинѣ р. Ибэна. — Переправа черезъ Орхонъ. — Свѣдѣнія о пути отъ Дархинъ хѣта до Эрдэни-цзү. — Переѣздъ въ долину р. Хары и добываніе солодкаваго корня китайцами. — Гробница ламы. — Хлѣбапашество въ долинѣ р. Харѣ. — Выѣздъ на почтовый кяхтинско-ургинскій трактъ. — Нойнъ-үла. — Основаніе ки-

тайскихъ земледѣльческихъ колоній. — Табуны ургинскаго хутухты. — Кочевья Мандорва гуна. — Прибытіе въ Ургу.

II. Урга или Да-хурѣ 63—149

Различныя наименованія Урги. — Ея первоначальная исторія и перекочевки. — Постепенное возвышеніе Урги какъ административнаго центра. — Ургинскій маймачѣнъ и исторія ургинскихъ торговыхъ поселеній, — Мѣстоположеніе Урги и гора Ханъ-ула. — Населеніе Хурѣня. — Хурѣньскіе аймаки ихъ происхожденіе и значеніе. — Аймачныя кумирни и ихъ устройство. — Цокчйнъ. — Дачинъ калбаинъ сѹмѣ и триумфальныя ворота хутухты. — Кумирни лекарей, астрологовъ и пр. — Кумирня Абатая. — Кумирня Майдари. — Ямунь шанцзотбы. — Внѣшній видъ хурѣнскихъулицъ. — Хурѣньскій рынокъ. — Пекинскія лавки и ихъ бытъ. — Лавки шань-си'скихъ китайцевъ. — Ургинскія ремесленныя и промышленныя заведенія. — Нищіе. — Полицейская часть въ хурѣни. — Ургинскія трущобы. — Ганданъ. — Маймачѣнъ. — Его мѣстоположеніе и раздѣленіе. — Улицы Маймачѣна. — Типы китайскихъ лавокъ. — Гостиницы. — Лѣсная торговля. — Жилища Монголовъ. — Китайское кладбище. — Управление маймачѣна. — Цзахъ-дѣрэ. — Ямуни ургинскихъ амбаней. — Хорѣны. — Новая ургинская крѣпость. — Русское консульство. — Учрежденіе штата при мѣстной православной церкви и необходимость врача.

III. Отъ Урги до Улясутая 149—239

Переправа черезъ р. Тѣлу и долина этой рѣки. — Монголь-охотникъ. — Обученіе почтовыхъ лошадей. — Разказы о нападеніи на Халху хой-хойцевъ. — Посѣщеніе богдоханскихъ табуновъ. — Образчикъ содержанія монгольскихъ управленій. — Переѣздъ по гобійскимъ станціямъ. — Сайръ-усу. — Дальнѣйшіе виды въ Гоби. — Станція Дзэрѣнъ. — Онгійнъ. — Вступленіе въ районъ 20 халхаскихъ станцій. — Горидѣ. — Тацѣ — Шаргальчжүтѣ. — Туй. — Хошунное вспомошествованіе почто-содержателямъ. — Разказы о золотыхъ розсыпяхъ на станціи Ологодй. — Свѣдѣніе о русскихъ торговцахъ. — Ута и Байдарйкъ. — Долина Шарѣ усѣ и памятники древности. — Могильникъ у ст. Даганъ-дѣль. — Долговья обязательства у почтосодержателей. — Дутуйнъ хурѣ. — Приѣздъ въ Улясутай.

IV. Улясутай 239—280

Историческія свѣдѣнія объ этомъ городѣ. — Современное населеніе улясутайской крѣпости. — Крѣпостные ямуни

или мѣста управленія. — Кумирни и другія зданія. — Помѣщенія центрального управленія монголовъ. — Улясутайскій маймачѣнъ. — Дѣни. — Лавки пекинскихъ и хухѹ-хотѣскихъ торговцевъ. — Торговля монголовъ. — Общественныя зданія Маймачѣна. — Маймачѣнскія окрестности. — Торговые пути изъ Улясутая.

V. Отъ Улясутая до Кобдѣ 280—303

Окрестности Улясутая и Эбугѣнъ-хурѣ. — Дорога по берегамъ Богдѣнъ-гѣла и Цзабхана. — Встрѣча съ поѣздомъ амбана. — Разказы цзаланъ о земельномъ спорѣ киргизовъ съ урянхаями. — Переправа черезъ Цзабханъ. — Озеро Багануръ и пески Элсѹнъ-дабанъ. — Временная перекочевка станцій Чжиргалантѹ и Цзахъ-булѹкъ. — Образчикъ уплаты арендныхъ денегъ почтосодержателямъ. — Земледѣліе въ долинѣ Цзѣргѣ. — Озеро Харъ-усѹ. — Прибытіе въ Кобдѣ.

VI. Кобдѣ 303—337

Историческія свѣдѣнія о началѣ и перекочевкѣ этого города. — Кобдѣская крѣпость. — Жилище амбана и ямуни. — Иностранческое училище въ Кобдѣ. — Пакгаузы и кумирня Гэсѣра. — Колодецъ дракона. — Кобдѣскій маймачѣнъ. — Средства для поддержанія порядка и чистоты на городскихъ улицахъ. — Китайскія торговыя фирмы въ Кобдѣ. — Хошѹнная торговля китаецевъ. — Мелочные торговцы Кобдѣ. — Маймачѣнскія кумирни. — Монастырь Шаръ-сумѣ и его каменописный памятникъ. — Мѣстные гѣгѣны и празднества.

VII. Отъ Кобдѣ до Урги 338—480

Выѣздъ изъ города и легенды о старомъ Кобдѣ. — Кобдѣскія пашни. — Переправа черезъ р. Кобдѣ. — Сѣверные берега Харъ-усѹ. — Встрѣча съ цзаланомъ кобдѣскихъ пашень. — Соленое оз. Дзѣрѣнъ. — Теченіе р. Цзабханъ. — Свѣдѣнія о китайцахъ на Убсѣ-нурѣ. — Кунгѹй. — Разказы цзангѣна о состояніи карауловъ пограничныхъ съ Россіею. — Монгольскіе бродяги. — Древніе могильники на Дуланъ-дабанѣ. — Свѣдѣнія объ алтайскихъ урянхаяхъ. — Пребываніе въ Улясутаѣ. — Монгольскіе извозчики. — Слѣдованіе по долинѣ Цзагасутая. — Разказы Бальчжана о злоупотребленіяхъ монголовъ казенными табунами. — Прибытіе въ хурѣнъ Илагѹхсанъ, хутухты. — Исторія возвышенія хубилгановъ Илагѹхсанъ-хутухты. — Его монастырь. — Рѣка Идѣр и монастырь Ханбѣ

гэгэна. — Слѣдованіе долинами р.р. Тэкші и Хочжүла. — Свѣдѣнія о бухя-ортѣ. — Прибытіе въ хурѣнь Далай-вана. — Хожуное управленіе далай-вана и его монастырь. — Слѣдованіе по долинамъ оз. Тэрхійнъ цаганъ и рр. Гичжигинійнъ и Чулуту. — Переправа черезъ Хануй. — Свѣдѣнія о ставкѣ и хошунѣ Сайтъ вана. — Цзайнъ хурѣ и ея гэгэны — Исторія Цзайнъ-гэгэновъ и настоящій хубилганъ его. — Дэдү-хурѣ Цзайнъ-гэгэна и ея окрестности. — Содержаніе монастыря и шабинлары хутухты. — Долговья обязательства вѣдомства Цзайнъ-гэгэна. — Переѣздъ въ Эрдэни-цзү'скій монастырь. — Монгольскіе примыши. — Эрдэни-цзү. Историческія свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ. — Надписи на субурганахъ. — Современное состояніе монастыря. — Замѣтки о мѣстной торговлѣ. — Переѣздъ въ Барунъ-хурѣ. — Современное состояніе этого монастыря. — Выѣздъ въ Ургу. — Курьезная уплата штрафа. — Слѣдованіе по долинѣ Хугэнэ-тарна. — Образчикъ чествованія монголами каменописной надписи и свѣдѣнія о Цаганѣ байшинѣ. — Слѣдованіе по долинѣ Борохчинъ. — Чинъ-тологійскіе памятники. — Монгольскіе конокрады. — Прибытіе на Тѣлу. — Путь отъ Цэгэйнъ до Урги.

VIII. Хубилганы Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. 480—582

Неудовлетворительность нашихъ свѣдѣній о личности Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. — Его первые хубилганы по вѣрованіямъ ламаитовъ. — Чудесныя знаменія предшествовавшія рожденію перваго халхаскаго хубилгана. — Рожденіе Үндүръ-гэгэна и его дѣтство. — Соображеніе о причинахъ побудившимъ Далай-ламу объявить сына Тушѣтү-ханова хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамбы. — Легенды о второмъ путешествіи Үндүръ-гэгэна въ Тибетъ. — Участіе хутухты въ подданствѣ халхасовъ Китаю. — Легенды объ отношеніяхъ Канси къ хутухтѣ и о послѣдующей жизни Үндүръ-гэгэна. — Предназначенія при рожденіи 2-го халхаскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, его рожденіе и дѣтство. — Приемъ въ Пекинѣ. — Легенды о послѣдующей жизни хутухты. — Приношеніе Донкоръ-маньчжүшри и увеличеніе числа шабинаровъ. — Учрежденіе должности шанцзотбы. — Участіе 2-го хубилгана въ политикѣ. — Смерть и постепенное ограниченіе китайцами свѣтскаго значенія хутухты. — Возрожденіе 3-го хубилгана въ Тибетѣ и недовольство этимъ халхасовъ. — Приѣздъ его въ Монголію. — Легенды о жизни 3-го хутухты. — Избраніе 4-го хубилгана и милости къ нему богдохана. — Свѣдѣнія о жизни 4-го хутухты и его дѣятельность на пользу ламаизма. — Пятый хубилганъ и измѣненіе взглядовъ китайцевъ на хутухту. —

Столкновеніе съ китайскими торговцами, перенесеніе Урги и судебное дѣло хутухты въ Пекинѣ. — 6-й хубилганъ и несчастное призваніе его въ Халху. — Седьмой хубилганъ и вліяніе на него халхасовъ. — Цэцэнъ-хая Артасидда. — Кончина 7-го хутухты и избраніе 8-го хубилгана. — Приѣздъ его въ Ургу и измѣненіе отношеній къ нему амбаней. — Разгульная жизнь хутухты. — Общія замѣчанія о жизни хутухты: Порядокъ ихъ избранія. — Приглашеніе въ Монголію и примѣрные расходы халхасовъ на этотъ предметъ. — Поѣздки за хутухтою въ Тибетъ. — Приѣздъ гэгэна въ Ургу, возведеніе его на каеэдру и текстъ жалуемой ему высочайшей грамоты. — Отношенія къ ургинскому хутухтѣ русскихъ подданныхъ: калмыковъ и бурятъ. — Поклоненія гэгэну. — Доходы и богатства Чжэбцзунъ-дамба хутухты. — Смерть хутухты и его мощи. — Мое посѣщеніе монастыря Дамба-доржчи и каменописный памятникъ этого монастыря.

IX. Отъ Урги до Калгана 582—644

Торговые тракты между Ургою и Калганомъ. — Русский мостъ черезъ р. Тѣлу. — Условія нашего движенія и характеристика верблюда. — Свѣдѣнія о монастыряхъ Донкѳръ-маньчжунри. — Встрѣча русскихъ каравановъ. — Историческій очеркъ русскаго и европейскаго почтоваго движенія по Монголіи. — Попытки Си-чана учредить новый почтовый трактъ въ Монголіи. — Гора Сансаръ и монастырь Чой-ра. — Вопросъ о правѣ русскихъ на погребеніе своихъ умершихъ въ монгольской степи. — Долина Бичжиту. — Порядокъ нашего зимняго движенія. — Свѣдѣнія о хошунѣ бывшаго цзасакъ Цзамьянь-хорло. — Посѣщеніе цзалана мэргэнъ-вановскаго хошюна и слухи о Мэргэнъ-ванѣ. — Станція Йэхд-удэ и учрежденіе на ней русскаго торговаго агента. — Встрѣча каравана О-вана. — Минералогическія богатства горъ Шацзагайту. — Учрежденіе определеннаго тракта для слѣдованія посольствъ ургинскаго хутухты. — Озеро Врэнъ-дабасу и добыча соли изъ онаго. — Страшные холода въ Гѳби. — Отводъ запасныхъ пастбищъ для богдоханскихъ стадъ. — Стада богдоханскихъ овецъ. — Монголь-строитель княжескихъ дворцовъ. — Особенности чархарскихъ поселеній. — Цаганъ-балгасунъ. — Поселокъ Бордцэжи. — Пореѣздъ черезъ калганскій хребетъ.

X. Калганъ 644—674

Современныя названія этого города. — Янь-бѳ-шаньское ущелье. — Новая православная церковь въ Калганѣ. — Жилища

русскихъ. — Па-ганъ-цзы. — Великая стѣна и калганскія ворота. — Калганскій маймачэнъ. — Главная улица Шанъ-пу. — Свѣдѣнія о калганской таможенѣ. — Калганскій лагерь мавъчжурскихъ войскъ. — Фирмы калганскихъ торговцевъ солью. — Ся-пу. — Китайскія фирмы, торгующія въ Монголіи. — Ся-пу'скія кумирни. — Мѣстныя банковыя учрежденія. — Русская почтовая контора въ Калганѣ. — Проживающіе въ Калганѣ русскіе комиссіонеры по переправкѣ чаевъ.

Алфавитный указатель именъ предметныхъ и личныхъ . . . 675—683

Алфавитный указатель именъ географическихъ. 684—696

Съ самаго начала второй половины полувѣковаго своего существованія Императорское Русское Географическое Общество напрягало всѣ свои силы на изслѣдованіе Внутренней Азіи, разумѣя подъ этимъ терминомъ почти всю застѣнную часть Китайской Имперіи, сѣверную и ближайшую къ намъ часть которой составляетъ Монголія. Цѣлый рядъ снаряженныхъ Обществомъ ученыхъ экспедицій отважно проложилъ себѣ путь въ самые недоступные и малоизвѣстные уголки необъятнаго пространства застѣннаго Китая и вывезъ о нихъ цѣлую массу свѣдѣній, входящихъ въ обширный циклъ географическихъ наукъ. Но, конечно, отважные путешественники, покрывшіе цѣлою сѣтью своихъ маршрутовъ всю поверхность Внутренней Азіи, совершенно справедливо смотрѣли, какъ это ясно высказалъ славнѣйшій изъ нашихъ путешественниковъ Н. М. Пржевальскій, на свои изслѣдованія только какъ на научныя рекогносцировки, за которыми должны были слѣдовать болѣе детальныя работы лицъ, специально подготовленныхъ къ изученію тѣхъ или другихъ отраслей обширнаго цикла географическихъ наукъ. При этомъ весьма понятно, что всякій отважный путешественникъ, проникающій впервые въ неизслѣдованную страну, можетъ, кромѣ общаго ея географическаго обзора, дать о ней только тѣ свѣдѣнія, которыя соотвѣтствуютъ кругу его общихъ и специальныхъ познаній, а о всемъ томъ, что выходитъ изъ предѣловъ его занятій и компетентности, можетъ дать только свѣдѣнія отрывочныя, способствующія, на ряду съ разрѣшенными путешественникомъ вопросами, возбудить еще множество новыхъ, имъ неразрѣшенныхъ. Но именно это возбужденіе новыхъ вопросовъ какъ нельзя болѣе способствуетъ успѣху географической науки, такъ какъ оно привлекаетъ къ ихъ разрѣшенію цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей.

Такъ, отсутствіе въ изслѣдованіяхъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго геологическихъ данныхъ и недостаточность этихъ данныхъ вынудили Географическое Общество при снаряженіи экспедиціи Пѣвцова ввести въ составъ ея горнаго инженера Богдановича, а въ составъ послѣдней экспеди-

ціи Потанина горнаго инженера Обручева, въ значительной мѣрѣ выполнившихъ пробѣлы нашихъ знаній о Внутренней Азіи въ этой области географіи. Такъ, открытіе экспедиціями братьевъ Грумъ-Гржимайло и Пѣвцова обширной котловины у подножія Тянь-шаня, лежащей ниже уровня океана, вызвало устройство въ этой котловинѣ метеорологической станціи, дѣйствовавшей тамъ въ теченіе полутора года и пополнившей въ значительной мѣрѣ наши свѣдѣнія о климатѣ Внутренней Азіи.

Несмотря однакоже на случайныя колебанія, зависѣвшія отъ того, что Географическое Общество, при всей своей предпріимчивости, всегда снаряжало свои экспедиціи лишь по почину самихъ изслѣдователей, только регулируя ихъ дѣятельность съ цѣлью извлечь изъ нея наибольшую пользу для науки, развитіе нашихъ свѣдѣній о Внутренней Азіи шло довольно послѣдовательно. Оно начиналось съ маршрутныхъ съомокъ и опредѣленія астрономическихъ пунктовъ, дающихъ картографической кадрѣ всякому географическому изслѣдованію, далѣе переходило на измѣреніе высотъ и изслѣдованіе орографіи страны, на изслѣдованія геогностическія, опредѣляющія строеніе земной коры, далѣе на изслѣдованія поверхностнаго слоя земной поверхности, т. е. ея почвы а также ея орошенія, т. е. знакомство съ гидрографіей страны, затѣмъ всѣхъ климатическихъ условій и обусловленнаго ими органическаго ея покрова, т. е. флоры страны, а затѣмъ и ея фауны. Только послѣ такого всесторонняго знакомства съ физическою географіею страны очередь могла дойти и до изученія обитающаго на ней человѣка, антропологическихъ, этнографическихъ и бытовыхъ его особенностей, а также его экономическаго положенія и наконецъ вліянія природы страны на ея обитателей и его обратнаго уже культурнаго вліянія на природу.

Должно сознаться, что все, что было сдѣлано въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ отношеніи изслѣдованій этнографическихъ и экономическихъ, экспедиціями Общества, представляется еще далеко недостаточнымъ. Это объясняется весьма многими причинами. Во-первыхъ, наши экспедиціи, взявшія, если можно такъ выразиться, съ бою выговореннос еще въ 1858 г. Тянь-цзинскимъ договоромъ право путешествовать по Китаю, но еще до экспедиціи Н. М. Пржевальскаго 1871 г. почти не осуществлявшееся, не любили двигаться по большимъ торнымъ путямъ, проложеннымъ торговыми сношеніями, а также посѣщать крупные центры населенія. Они просто обходили ихъ, опасаясь столкновеній съ населеніемъ и китайскими властями и вообще обрашали гораздо болѣе вниманія на изслѣдованіе природы страны, чѣмъ населенія, въ ней обитающаго. Но и при всемъ томъ, при встрѣчѣ своей съ людьми и общеніи съ ними, наши любо-

знательные путешественники вносили въ свои дневники все, что узнавали о нихъ и отъ нихъ. Но главнымъ препятствіемъ къ изученію населенія страны, какъ извѣстно, служитъ недостаточное знакомство съ туземными языками, безъ котораго изученіе историческихъ ея памятниковъ, административныхъ и юридическихъ отношеній ея жителей и ихъ религіозныхъ вѣрованій почти невозможно, да и самое знакомство съ экономическимъ ихъ положеніемъ можетъ быть только поверхностнымъ, не будучи провѣрено обстоятельными распросами. Такимъ образомъ самыя существенныя пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ о застѣнномъ Китаѣ заключались въ недостаточности свѣдѣній этнографическихъ и экономическихъ о его населеніи.

О пополненіи этихъ данныхъ, впрочемъ, уже давно заботилось Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Не довольствуясь тѣми нерѣдко весьма обстоятельными свѣдѣніями, которыя оно получало отъ своихъ консуловъ, постоянно пребывающихъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ пунктахъ застѣннаго Китая, оно снаряжало и нѣкоторыя самостоятельныя экспедиціи съ этою цѣлью. Такъ, въ 1874—1875 г., по инициативѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, была снаряжена экспедиція Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго, долженствовавшая изслѣдовать весь торговый путь отъ Ханькоу до Семипалатинска. Экспедиція эта, не коснувшаяся, впрочемъ, Монголіи, исполнила до нѣкоторой степени свою задачу, т. е. изслѣдовала весь указанный ей путь, но собрала весьма мало этнографическихъ и экономическихъ свѣдѣній о встрѣченномъ ею на этомъ пути населеніи, опять-таки вслѣдствіе незнакомства членовъ экспедиціи съ туземными языками.

И самому Географическому Обществу очень рѣдко удавалось ввести въ составъ своихъ экспедицій лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными нарѣчіями и притомъ обладающихъ достаточно высокимъ образовательнымъ пензомъ. Изъ такихъ лицъ принимали однако же участіе въ экспедиціяхъ Общества: знатоки тюрскихъ нарѣчій, академикъ В. В. Радловъ и Н. Ѳ. Катановъ, извѣстный своей обширной ученостью, ориенталистъ, архимандритъ Паладій и лучшій изъ нашихъ монголистовъ, профессоръ А. М. Позднѣвъ. Послѣдній, принявъ въ 1876 г. участіе въ экспедиціи Г. Н. Потанина, пробылъ даже цѣлыхъ три года въ Монголіи, но и этого времени, по его собственному сознанию, было едва достаточно, чтобы овладѣть только главнымъ средствомъ изученія Монголіи — монгольскими нарѣчіями, но еще не самымъ знаніемъ страны и ея населенія.

Со времени перваго пребыванія А. М. Позднѣва въ Монголіи прошло 14 лѣтъ, и занимая каѳедру монгольскаго языка въ С.-П.-б. университетѣ, А. М. Позднѣвъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію о недостаточности нашихъ свѣдѣній о Монголіи. Къ счастью, въ 1892 году Мини-

стерство Иностранных Дѣлъ предложило А. М. Позднѣву предпринять новое путешествіе въ Монголію съ цѣлью разносторонняго изученія населенія Монголіи, какъ въ этнографическомъ, т. е. бытовомъ, юридическомъ, религіозномъ отношеніи, такъ и въ современномъ экономическомъ, посѣщая при этомъ главные торговые пути и самые крупные центры населенія.

Трудно было найти лицо, болѣе подходящее къ такой задачѣ какъ Алексѣй Матвѣевичъ Позднѣвъ.

* А. М. Позднѣвъ изъ родовыхъ дворянъ Орловской губерніи и сынъ протоіерея г. Орла, первоначальное образованіе свое получилъ въ Орловской духовной семинаріи, а засимъ, въ 1872 году, по выдержаніи испытаній въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ и въ Московскомъ Университетѣ, поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго Университета. Немедленно по окончаніи курса на этомъ факультетѣ А. М. съ 26-го Апрѣля 1876 г. вошелъ въ составъ снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ экспедиціи въ Монголію, будучи командированъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ Монголію для изученія быта монголовъ и усовершенствованія себя въ специальныхъ занятіяхъ монгольскимъ языкомъ. Ближайшимъ результатомъ этой командировки собственно для Университета было приобрѣтеніе университетскою бібліотекою разнаго рода монгольскихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій всего 972 тома (бѣвъ-цзы) подъ 157 заглавіями. Коллекція эта остается еще доселѣ неописанною къ полному своему составу и разобрана только въ частяхъ, но она, несомнѣнно представляетъ большой научный интересъ особливо по образцамъ исторической и свѣтской литературы, свидѣтельствующимъ, что наши понятія о литературѣ монголовъ, какъ о проникнутой ультра-буддѣйскимъ направленіемъ, нельзя почитать безусловно вѣрными. По возвращеніи изъ помянутой командировки А. М. былъ причисленъ къ Университету для приготовленія къ профессорскому званію и 25-го Января 1881 г. защитилъ свою диссертацию на степень магистра монгольской словесности, а со 2-го Марта того же года утвержденъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ монгольской словесности. Въ 1883 г. А. М., по представленіи диссертациі «Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ-эрихъ съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636—1736 гг.», былъ удостоенъ степени доктора монгольской словесности. Въ слѣдующемъ 1884 г. онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ, а въ 1886 г. ординарнымъ. Какъ профессоръ университета А. М. первый открылъ въ Россіи курсъ чтеній по Исторіи литературы монгольскихъ нарѣчій, преподаваніе же монгольскаго языка было оживлено имъ введеніемъ въ курсъ чтенія официальныхъ бумагъ гражданскаго и уголовнаго дѣлопроизводства монголовъ, при подробномъ изложеніи какъ особенностей современнаго официального монгольскаго языка, сложившагося подъ вліяніемъ на жизнь монголовъ Китая, такъ и при объясненіяхъ административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія этой страны. Изъ постороннихъ занятій А. М. помимо участія его въ ученыхъ трудахъ Императорскаго Географическаго, Императорскаго Археологическаго и наконецъ, Историческаго и Юридическаго при С.-Петербургскомъ Университетѣ ученыхъ обществъ, по званію члена оныхъ, надлежитъ отмѣтить еще, что съ 1881 года онъ редактировалъ изданія Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества въ Лондонѣ на монгольскомъ, калмыцкомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Въ 1887 г. Министромъ Государственныхъ Имуществъ съ Высочайшаго соизволенія было поручено А. М. разработать основанія, по которымъ должно быть произведено преобразование учебнаго дѣла въ калмыцкой степи Астраханской губерніи и, во исполненіе этого порученія, имъ былъ составленъ проектъ объ устройствѣ училищной части у калмыковъ.

Въ Университетѣ А. М. съ 1888 года состоялъ секретаремъ факультета Восточныхъ

* Извлечено изъ Записки С.-Петербургскаго Университета о жизни и трудахъ профессора А. М. Позднѣва.

языковъ, а въ 1889 г. ему, помимо занятій по кафедрѣ монгольской словесности, было поручено еще преподаваніе маньчжурскаго языка. Эти обязанности секретаря факультета и преподавателя маньчжурской словесности онъ несъ на себѣ до Апрѣля мѣсяца 1892 года, когда Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, командировало его снова въ Монголію для изслѣдованія административнаго строя и положенія Монголіи, а равно изученія нашихъ торговыхъ отношеній къ Китаю. Изъ этой командировки А. М. возвратился только къ 1-му Октября 1893 г., причемъ для С.-Петербургскаго Университета имъ была снова собрана большая коллекція рукописныхъ и печатныхъ китайскихъ, монгольскихъ и маньчжурскихъ сочиненій, всего 727 томовъ (бэнь) подъ 138 заглавіями, а для своихъ практическихъ занятій со студентами А. М. собралъ рѣдкую коллекцію ламайскихъ кумировъ и другихъ принадлежностей ламайскаго культа.

Появившіяся въ печати работы А. М. могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы:

А) Отдѣльно изданные труды:

- 1) Ургинскіе хутухты. — Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта. Спб., 1879 г. 84 стр. 8^о.
- 2) Города Сѣверной Монголіи. Спб., 1880 г. II + 114 стр. 8^о.
- 3) Образцы народной поэзіи монгольскихъ племенъ. Выпускъ 1-й Народныя пѣсни монголовъ. Спб., 1880 г. + 846 стр. 8^о. (Магистерская диссертація).
- 4) О древнемъ китайско-монгольскомъ историческомъ памятникѣ «Юань-чао-ми-ши». «Спб., 1882 г. 22 стр. 8^о. Съ литографированною таблицей.
- 5) Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую Академію Наукъ Винокуровымъ. Спб., 1881 г. 14 стр. 8^о.
- 6) Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ-эрихэ» съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1636 по 1736 г. — Спб., 1883 г. XXXVIII + 421 стр. 8^о. (Докторская диссертація).
- 7) Астраханскіе калмыки и ихъ отношеніе къ Россіи до начала нынѣшняго столѣтія. Спб., 1886 г. 32 стр. 8^о.
- 8) Объ отношеніяхъ Европейцевъ къ Китаю. (Рѣчь, произнесенная на актѣ С.-Петербургскаго Университета). Спб., 1887 г. 38 стр. 8^о.
- 9) Новый завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа. Часть 1-я. Св. Четвероевангеліе въ переводѣ съ Греческаго языка на калмыцкій. — Изданіе Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества. Спб., 1887 г. 586 стр. 8^о.
- 10) Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Спб., 1887 г. XVI + 492 стр. 8^о.
- 11) Житіе Алексія челоуѣка Божія въ переводѣ на Бурятскій языкъ. Изданіе Св. Синода. Спб., 1889 г. 24 стр. 8^о.
- 12) Краткая Священная Исторія на калмыцкомъ языкѣ. Изданіе Министерства Госуд. Имуществъ. Спб., 1891 г. 48 стр. 8^о.
- 13) Монголо-Бурятскій переводчикъ. Спб., 1891 г. XVII + 108 стр. 16^о.
- 14) Калмыцкія народныя сказки, собранныя въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губерніи и изданныя въ подлинномъ калмыцкомъ текстѣ. Спб., 1892 г. 150 стр. 8^о.
- 15) Калмыцкая Хрестоматія для чтенія въ старшихъ классахъ калмыцкихъ народныхъ школъ. Изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ. Спб., 1892 г. 172 стр. 8^о.

Б) Статьи въ повременныхъ изданіяхъ.

а) въ Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія:

- 16) Рецензія на сочиненіе прот. Орлова: «Грамматика Монголо-Бурятскаго языка». 1879 г. Ч. CCVI отд. 2. 37 стр. 8^о.
- 17) Рецензія на сочиненіе доктора Пясецкаго: «Путешествіе по Китаю» (1881 г. Іюнь. 30 стр.).
- 18) Рецензія на сочиненіе Н. М. Пржевальскаго: «Третье путешествіе въ Центральной Азіи: изъ Зайсана, черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки». (Апрѣль 1884 г. 35 стр.).

19) Рецензія на сочинаніе: *Tám tu king ou le livre des phrases de trois caractères avec le grand commentaire du Vu'ong tân thàng* Trad. par Abel de Michels. (1884 г. Іюнь).

20) Рецензія на сочиненіе: E. A. von Friede: *Lao-tsés Tao-té king*. (1884 г. Октябрь).

21) По поводу рецензіи Н. И. Веселовскаго на сочиненіе: «Монгольская гѣтопись Эрденійягъ эрихэ». 1884 г. Декабрь).

22) Рецензія на сочиненіе М. В. Пѣвцова: *Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Китая..* (1885 г. Мартъ 36 стр.).

23) По поводу рецензіи И. П. Минаева на сочиненіе: «Очерки быта буддійскихъ монастырей».

б) *въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества:*

24) Китайская пайцца, найденная въ Минусинскомъ краѣ въ 1884 г. (1885 г. Т. I, вып. I).

25) Китайская пушка, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ. (1886 г. Т. I, вып. II).

26) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «Первый періодъ китайской исторіи до Цинь-ши-хуангъ-ди» (ibid.).

27) Къ исторіи развитія буддизма въ Забайкальскомъ краѣ. (Т. II, вып. III, стр. 169—188).

28) Китайскія зеркала найденныя въ Кульджѣ (ibid.).

29) Рецензія на сочиненіе: «Калмыцко-русскій словарь, составленный по приказанію Главнаго Попечителя». (Т. I, вып. II).

30) Рецензія на сочиненіе Гером. Николая (Адоратскаго): «Исторія Пекинской Духов. Миссіи». (Т. III, вып. I и II).

31) Рецензія на сочиненіе В. Андріевича: «Очеркъ исторіи Забайкалья съ древнѣйшихъ временъ до 1762 г.» (ibid.).

32) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «Принципы жизни Китая».

33) Рецензія на сочиненіе С. М. Георгіевскаго: «О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Китайцевъ» (ibid.).

34) «Каменописный памятникъ подчиненія Маньчжурами Кореи». (Т. V, вып. I).

в) *Въ Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества:*

35) Къ Исторіи Зюнгарскихъ калмыковъ. (Зап. по отд. Этнографіи 1887 г. Т. X, вып. 2-й, 26 стр. + VI).

36) Рецензія на сочиненіе П. А. Дмитревскаго: «Записки Кигоро о Корей». (Отчетъ за 1885 г.).

37) Замѣчанія къ дорожнымъ замѣткамъ на пути по Монголіи Архим. Палладія 1847 г. (Зап. по Общ. Географіи. Т. XXII, вып. 1-й. 1892 г. 114 стр.

г) *Въ Восточномъ Обзорѣ:*

38) О монгольской исторической литературѣ по памятникамъ, хранящимся въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. (1882 г., №№ 5-й и 6-й).

39) Рецензія на статью: M. Camille Imbault Huart'a «La mort d'une impératrice régente en Chine». (1882 г., № 9).

40) Рецензія на сочиненіе г. Верна: «Современная Японія». (1882 г., № 35—36).

41) Нѣсколько словъ объ Астраханскихъ Калмыкахъ. (1883 г., №№ 46—48).

42) Распространеніе англичанами Св. Писанія въ Сибири и Средней Азій. (1884 г., № 10-й).

43) Рецензія на статью: «Über Rubruks Reise von 1253—1255» von Franz Max Schmidh. (1886 г., № 24).

д) *Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ:*

44) О русской торговлѣ въ Монголіи. (Сибирь, 1879 г., № 8).

45) Рецензія на сочиненіе доктора Пясецкаго: «Неудачная экспедиція въ Китай». Вѣстн. Европы, 1881 г., кн. IV.

- 46) Къ вопросу о бытѣ Калмыковъ. Эхо, 1885 г., № 1450.
47) Карта Собственнаго Китая З. Л. Матусовскаго. (1885 г., Новое Время, № 3256).
48) Китайскія газеты о Россіи. (1886 г. Новое Время, №№ 3600, 3602, 3612, 3630, 3642, 3665, 3704, 3775).
49) «Китай». (1887 г. Русскій Инвалидъ, №№ 224, 235, 239, 241, 247, 252, 254, 266, 268).
50) Калмыцкіе хурулы и ихъ утвари. (Публичная лекція въ Засѣданіи Астраханскаго Отдѣленія Миссіонерскаго Общества). Астр. Епарх. Вѣд., 1887 г., № 16.

В) Сочиненія и статьи, печатанныя на правахъ рукописей:

- 51) Военныя и техническія школы въ Тяньцзинѣ. (Изданіе Военно-учебнаго комитета главнаго штаба въ Сборн. матеріаловъ по Азіи. 1888 г., вып. XXXI).
52) Долонь-нуръ (ibid.).
53) О преобразованіи учебной части у калмыковъ Астраханской губерніи. (Изданіе Министерства Государственныхъ Имуществъ). 1889 г., in fol. 98 стр.

Г) Литографированныя изданія:

- 54) Памятники исторической литературы Астраханскихъ калмыковъ. Спб., 1885 г. 130 стр. 8°.
55) Калмыцкія народныя сказки. Спб., 1886 г. 91 стр. 8°.
56) Официальныя бумаги монгольскаго гражданскаго и уголовного дѣлопроизводства. 1883 г. 56 стр.
57) Житіе св. благовѣрнаго князя Владиміра въ переводѣ на калмыцкій языкъ. (Въ память 900 лѣтій крещенія Руси). Изданіе Главнаго управленія калмыцкимъ народомъ. Астрахань, 1888 г. — II + 86. 8°.
Послѣ 1893 г. А. М. было напечатано:
58) Новый завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа (т. II, Дѣянія и посланія Св. Апостоловъ), въ переводѣ съ греческаго на калмыцкій языкъ. — Изданіе Великобританскаго Библейскаго Общества. Спб., 1894 г. (688 стр.).
Въ Журналѣ М. Н. Прог.
59) «Послѣднія изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества на калмыцкомъ языкѣ».
Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ.
60) Новая православная русская церковь въ Калганѣ.
61) О послѣднемъ китайскомъ возстаніи въ юго-восточной Монголіи и о причинахъ противухристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще.
Въ Восточныхъ Замѣткахъ.
62) Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ.
Въ Запискахъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общества.
63) Вторая серія Калмыцкихъ сказокъ. (Подлинный текстъ съ переводомъ).
64) «Пять китайскихъ печатей».
Въ Извѣстіяхъ И. Р. Географ. Общества.
65) Поѣздка по Монголіи 1892—93 г.
66) 24 статьи въ Энциклопедическомъ словарѣ Эфрона.
67) Ламайскіе кумиры или изображенія божествъ. (Каталогъ коллекціи для Нижегородской Выставки).
68) Лекціи по исторіи монгольской литературы, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1895—96 акад. году. (Спб., 1896 г. Литографиров. изданіе студентовъ. 240 стр.).

Уже одинъ этотъ перечень трудовъ А. М. Позднѣева достаточно удостовѣряетъ, что при полномъ знаніи разговорнаго и литературнаго монгольскаго языка, А. М. соединялъ въ себѣ и обширныя эрудиціонныя

познанія по монгольской исторіи и литературѣ, и предварительное всестороннее, хотя бы, по собственному скромному его признанію, и бѣглое знакомство съ Монголіею во время 3-лѣтняго въ ней пребыванія. Но самую лучшую подготовкою А. М. Позднѣева было, конечно, то, что онъ, читая въ университетѣ въ теченіе болѣе десятка лѣтъ лекціи о Монголіи, изучилъ во всѣхъ деталяхъ всѣ пробѣлы въ имѣвшихся о Монголіи знаніяхъ и выработалъ для себя цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣты на которые не находилъ въ существующихъ и созданныхъ работами всѣхъ до него трудившихся, источникахъ. Такой подготовки не имѣлъ ни одинъ изъ путешественниковъ по Монголіи, а потому нѣтъ сомнѣнія, что матерьялы, собранные А. М. Позднѣевымъ во время путешествія его въ 1892 и 1893 г., представляются неоцѣнимыми.

Достойнымъ и полезнѣйшимъ спутникомъ не легкаго путешествія А. М. Позднѣева была супруга его Ольга Константиновна — одна изъ тѣхъ выдающихся русскихъ женщинъ, которая, не смотря на тяжелыя, условія путешествія, въ особенности при ея нѣжномъ воспитаніи (она воспитывалась въ Смольномъ институтѣ), рѣшилась претерпѣвать лишенія и опасности для того, чтобы совершить свой подвигъ любви и самоотверженія. Нужно ли говорить, что своимъ участіемъ въ трудахъ экспедиціи Ольга Константиновна во многомъ содѣйствовала успѣшному сбору матерьяловъ во время путешествія.

Полувѣковой опытъ Совѣта Имп. Русск. Геогр. Общества давно уже доказалъ ему, что самый трудный моментъ для путешественника и изслѣдователя наступаетъ не тогда, когда онъ, оживленный предпринятою имъ задачею, совершаетъ свое путешествіе или изслѣдованіе и когда, рядомъ съ препятствіями, онъ встрѣчаетъ съ разныхъ сторонъ сочувствіе, поддержку и покровительство. Критическій моментъ наступаетъ чаще всего для путешественника и изслѣдователя тогда, когда онъ принимается за тяжелый и кропотливый трудъ разработки собранныхъ имъ матерьяловъ, средства на изданіе которыхъ у насъ гораздо труднѣе находятся, чѣмъ средства на ученія экспедиціи и поѣздки.

Вотъ почему Совѣтъ Имп. Р. Г. О., не колеблясь, счелъ своимъ долгомъ принять на себя изданіе 6 томовъ почтеннаго труда дѣйств. члена Общества А. М. Позднѣева (седьмой томъ будетъ изданъ Академіею наукъ), который достойнымъ образомъ восполняетъ самый существенный изъ пробѣловъ въ обширномъ циклѣ изслѣдованій Внутренней Азіи, совершавшихся въ послѣднее 25-лѣтіе подъ стягомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

П. Семеновъ.

1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025
2026
2027
2028
2029
2030
2031
2032
2033
2034
2035
2036
2037
2038
2039
2040
2041
2042
2043
2044
2045
2046
2047
2048
2049
2050
2051
2052
2053
2054
2055
2056
2057
2058
2059
2060
2061
2062
2063
2064
2065
2066
2067
2068
2069
2070
2071
2072
2073
2074
2075
2076
2077
2078
2079
2080
2081
2082
2083
2084
2085
2086
2087
2088
2089
2090
2091
2092
2093
2094
2095
2096
2097
2098
2099
2100

А. М. Позднѣевъ и его спутники по поѣздкѣ въ Монголію 1892 – 93 г.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изучая въ теченіе 20 лѣтъ Монголію какъ по произведеннымъ въ ней европейскимъ изслѣдованіямъ, такъ и по бывшимъ доселѣ доступными намъ оригинальнымъ памятникамъ монгольской литературы, я давно уже сознавалъ недостаточность нашихъ знаній о монголахъ, а призванный сообщать студентамъ С.-Петербургскаго Университета свѣдѣнія о Монголіи и готовить ихъ для грядущей дѣятельности Россіи въ этой странѣ, я не рѣдко чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ сознаніемъ неопредѣленности и сомнительности излагаемыхъ мною данныхъ. Правда, готовясь къ профессорскому званію, я и самъ прожилъ 3½ года въ Монголіи; но кто не скажетъ, что этотъ срокъ черезъ чуръ кратковремененъ для того чтобы усвоить малоизслѣдованный языкъ на практикѣ и осмыслить его теорію, — познать хоть мало малъски особенности его нарѣчій, — подготовиться для работъ по литературѣ, исторіи и археологіи, — познакомиться съ религіею народа въ ея догматическомъ, нравственномъ и обрядовомъ отношеніяхъ, — узнать административное устройство Монголіи, — приобрести свѣдѣнія по политической географіи страны, — изучить бытъ, обычаи и потребности монголовъ, — уяснить себѣ какъ дѣйствительное такъ и возможное отношеніе этого народа къ нашему отечеству и наоборотъ. Стоитъ только подумать, какая масса вопросовъ входитъ въ каждый изъ этихъ отдѣловъ знанія, чтобы придти къ заключенію, что въ помянутый короткій срокъ при всемъ стараніи можно приобрести только нѣкоторые отрывки познанія, а не основательные отвѣты на вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы самыя выдающіяся жизненные явленія: административное устройство Монголіи и экономическій бытъ монголовъ. Весьма вѣроятно, что въ моемъ сознаніи полнѣе и точнѣе чѣмъ у другихъ установилось, что Монголія дѣлится на хошұны, управляемые цзасакѣми, что послѣдніе со-

ставляютъ собою сеймы, дѣятельность которыхъ контролируется китайскими амбанами; всецѣло окрѣпла въ памяти номенклатура цѣлаго ряда другихъ чиновъ: тусалахчѣ, цахирахчѣ, цзангинъ, хундуй и проч. Но стоило поставить вопросъ, что такое тусалахчѣ, какія въ точности его обязанности, какова именно его компетенція, какое въ дѣйствительности его значеніе, въ какомъ отношеніи и поскольку можетъ онъ быть полезенъ русскому чиновнику и русскому дѣлу? И положительно говорю, я не имѣлъ у себя на это отвѣта также точно, какъ и до сей минуты мы лишены возможности приобрѣсти объ этомъ какія-либо свѣдѣнія въ нашей литературѣ, помимо моихъ же замѣтокъ, изданныхъ Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба въ составленномъ г. Баторскимъ очеркѣ «Монголія». Въ вопросахъ объ экономическомъ бытѣ Монголіи у насъ царитъ совершенно таже призрачность знаній, выражаемыхъ лишь общими фразами: «Монголія *разоряется* нынѣшнимъ китайскимъ управленіемъ»; «монголы *отягощены* податями»; «монголы въ *неоплатномъ* долгу у китайскихъ банкировъ», ибо «платятъ *громадные* проценты». Однако, что же значить эта фраза «отягощены» податями, сколько именно и какъ уплачиваютъ монголы? Какія это подати, какъ они раскладываются, взимаются и на какой предметъ они расходуются? Что такое «неоплатный» долгъ и какіе это «громадные» проценты? Еще безотраднѣе представляется вопросъ о религіи монголовъ, имѣющей, по общему признанію, такое могущественное вліяніе на весь строй жизни монгольскаго народа, что не зная этой религіи, нельзя понять и монгольской жизни; съ другой стороны исповѣдуемый монголами буддизмъ важенъ для насъ еще и потому, что входящіе въ составъ Россіи буряты, калмыки и нѣкоторые другіе инородцы исповѣдуютъ тоже ученіе. А между тѣмъ, мы имѣемъ по этому предмету только краткіе очерки обрядоваго ученія и никакихъ данныхъ къ познанію особенностей его догматическихъ доктринъ. Для многихъ такое заявленіе покажется страннымъ, въ виду массы изслѣдованій по буддизму, произведенныхъ не только европейскими учеными, но даже и русскими, напр. въ трудахъ профессоровъ Васильева, Минаева и др. Но дѣло въ томъ, что англичане и французы, работая надъ изученіемъ буддизма съ научною и практическою цѣлями, имѣютъ свое дѣло на крайнемъ юго-востокѣ Азіи, въ Индіи и Китаѣ. Изучаемый ими буддизмъ есть собственно «сакьямунианство» и «махаяана», т. е. буддизмъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ, по вѣрованіямъ исповѣдниковъ его, явился онъ изъ устъ самаго будды Сакьямуни и первыхъ толкователей его доктринъ. Изученіе этого буддизма, какъ одной изъ древнѣйшихъ философскихъ системъ, безспорно представляетъ высокій интересъ въ наукѣ, почему онъ обращалъ на себя вниманіе и нашихъ спе-

ціалістовъ по изученію Индіи и Китая. Но въ исповѣданіи монголовъ, равно какъ и нашихъ инородцевъ, является иной буддизмъ, — буддизмъ, реформированный Цзонхавою и именуемый собственно ламаизмомъ. Этотъ послѣдній буддизмъ не изслѣдованъ ни въ русской, ни въ европейской литературѣ, хотя онъ положительно долженъ составить собою самостоятельный предметъ изслѣдованія, ибо ученія Будды и Цзонхавы исходили не только изъ различныхъ, а даже противоположныхъ основъ, оттого доктрины ихъ установились на совершенно различныхъ началахъ и въ развитіи своемъ достигли того, что конечныя цѣли одного вѣроученія почти совершенно игнорируются другимъ. Наши оріенталисты относились однако же къ ламаизму съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая его какъ бы недостойнымъ вниманія и называя «новѣйшимъ извращеніемъ» буддизма, оттого-то ламаизмъ оставался и доселѣ еще остается не изслѣдованнымъ. Много лѣтъ существуютъ у насъ и духовныя миссіи, и особые миссіонерскіе курсы при академіяхъ и семинаріяхъ; но профессора и преподаватели этихъ курсовъ, вмѣсто самостоятельныхъ изслѣдованій по предмету, который они призваны были преподавать, предпочитали довольствоваться переводами трудовъ англійскихъ и французскихъ ученыхъ; таковъ курсъ профессора Казанской Духовной Академіи В. В. Миrotворцева, обнародованный имъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1871 года, таковы же «Записки по ученію о буддизмѣ», читанныя преподавателемъ Иркутской Духовной Семинаріи о. Подгорбунскимъ въ 1892 г. и др. Лекціи эти могли, конечно, представляться интересными слушателямъ, но съ дѣйствительностью, которую встрѣчаемъ мы въ вѣроисповѣданіи монголовъ и нашихъ инородцевъ, они не могутъ знакомить нисколько. Понятно послѣ того, что и этотъ отдѣлъ знаній требуетъ у насъ положительной разработки, если хотимъ мы познать духовныя идеалы монголовъ и дѣйствительныя религіозныя основы, на которыхъ зиждется ихъ жизнь. Впрочемъ, вопросъ объ основахъ того или другаго жизненнаго явленія возможенъ лишь тогда, когда сдѣлаются извѣстными самыя эти явленія, а между тѣмъ я едва ли погрѣшу, если стану утверждать, что мы не имѣемъ у себя и въ контурахъ картины монгольской жизни: у насъ нѣтъ почти никакого представленія о домашней и общественной обстановкѣ монгольскаго быта, о свойственныхъ монголамъ занятіяхъ, забавахъ, обычаяхъ и жизненныхъ порядкахъ, объ усвоенныхъ этимъ народомъ вѣрьяхъ и предразсудкахъ, которые естественно должны обусловливать собою какъ частную жизнь каждой отдѣльной особи, такъ и взаимныя отношенія различныхъ классовъ монгольской общины. Удивительно ли при этомъ, что наши ученые не могутъ съ пониманіемъ прочитать ни монголь-

ской лѣтописи, ни историческаго документа, ни тѣмъ больше такихъ бытовыхъ литературныхъ произведеній монголовъ, какъ сказки, пѣсни, пословицы, поговорки, загадки и пр. О томъ, сколько теряемъ мы при такомъ незнакомствѣ съ бытомъ въ дѣлѣ практическихъ, торговыхъ и жизненныхъ сношеній трудно и говорить. Извѣстно, что для правильной постановки хотя бы коммерческаго дѣла, нужно знать не контуры, а именно детали жизни, нужно знать, чѣмъ именно можемъ мы быть полезными монголамъ и что можемъ получить отъ нихъ; нужно соображать всѣ многообразныя условія, обезпечивающія выгоды того или другого предпріятія. Итакъ, на какой бы отдѣлъ знаній не обратили мы свое вниманіе, повсюду представляются намъ не ясные образы дѣйствительности, а лишь смутныя очертанія предметовъ, какъ будто наблюдаемыхъ съ высоты птичьяго полета.

Въ концѣ 1891 г., г. почетный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, предположивъ издать составленныя покойнымъ о. архимандритомъ Палладіемъ «Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи 1847 г.», обратился ко мнѣ съ просьбою просмотрѣть и, если возможно, дополнить эту работу. Неоднократныя и разностороннія бесѣды мои по сему предмету съ барономъ Теодоромъ Романовичемъ, при которыхъ нерѣдко присутствовалъ еще тогдашній дѣлопроизводитель китайскаго отдѣленія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, М. Г. Ждановъ, вполне выяснили недостаточность нашихъ знаній объ этой странѣ, граничащей съ Россіею на пространствѣ свыше 3000 верстъ и поставили цѣлыя сотни вопросовъ. Потребность пріобрѣсти хоть какіе-либо отвѣты на эти вопросы чувствовалась съ такою осязательностью, что мнѣ тутъ же былъ поставленъ вопросъ, не хочу ли я проѣхать по Монголіи и, на сколько возможно, пополнить недостатокъ нашихъ свѣдѣній объ этой странѣ? Нѣтъ нужды говорить, что измученный неудовлетворенностью своихъ знаній, я принялъ это предложеніе съ восторгомъ. Результатомъ сего было то, что живо заинтересовавшійся поставленными вопросами М. Г. Ждановъ немедленно же составилъ особую записку о необходимости подробнаго и тщательнаго изученія Монголіи въ историческомъ, этнографическомъ, административномъ и торговомъ отношеніяхъ, рекомендовавъ меня какъ человѣка, готоваго исполнить эту задачу. Помянутая записка, по представленіи ея г. Директору Азіятскаго Департамента, графу Д. А. Капнисту, слѣдующимъ порядкомъ дѣлопроизводства, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1892 г. удостоилась Высочайшаго одобренія и командировка моя состоялась.

Отправляя меня въ Монголію, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ

полагало, что программой при исполнении возложеннаго на меня порученія должны служить тѣ же самыя вопросы, которые я самъ намѣчалъ въ своихъ запискахъ и бесѣдахъ. «Ваша опытность въ изслѣдованіяхъ была кочевниковъ, ваше знакомство съ Монголіею, гдѣ вы уже прежде провели продолжительное время», писалъ мнѣ г. Управляющій Министерствомъ, «вселяютъ въ насъ увѣренность, что вы съумѣете съ успѣхомъ выполнить свое изслѣдованіе названной страны».

Путь, который я намѣчалъ себѣ для поѣздки, былъ: отъ Петербурга черезъ Сибирь до Кяхты, а далѣе по Монголіи: ставка Цэ-цзасака, монастырь Амурь-баяхулантѹ, Урга, Хадасунъ, Эрдэни-цзѹ, Барунъ-хуръ, Цзайнь-хуръ, Улясутай, Кобдо, Улянъ-комъ, Улясутай, Сайръ-усу, Урга, Калганъ, Хухѹ-хотѹ, Калганъ, Пекинъ, Си-фынь-коу, Жэ-хо, Долонъ-нѹръ и отсюда прямо къ сѣверу на русскую границу у Кулусутайевскаго караула; еще далѣе на Читѹ, Иркутскъ, Томскъ, Нижній-Новгородъ и Петербургъ. Срокъ пребыванія моего въ командировкѣ опредѣлялся министерствомъ «около полутора года».

Относительно средствъ, издержанныхъ мною на эту поѣздку, длившуюся 1½ года и исчисляемую въ общемъ пространствомъ около 22 тыс. верстъ, мною былъ представленъ подробный отчетъ Министерству, здѣсь же я скажу только кратко, что израсходовано мною было всего 8795 р. 78 к., а получено въ пособіе отъ Министерства 7369 р. 81 коп.; перерасходъ 1425 р. 57 к. былъ возмѣщенъ мною, конечно, изъ собственныхъ моихъ средствъ ¹⁾).

Основною задачею моей поѣздки въ Монголію было произвести изслѣдованія, а за симъ на основаніи ихъ составить возможно полное, систематическое описаніе быта этой страны и ея населенія. Мое вниманіе посему должно было привлекать прежде всего выясненіе тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя коренятся въ условіяхъ подданства монголовъ Китаю, а за симъ изученіе уже выработавшагося при совокупности всѣхъ воздействующихъ причинъ общественнаго строя монгольской жизни. Такимъ образомъ мнѣ удалось до нѣкоторой степени уяснить себѣ современныя права и обязанности монгольскихъ сословій, формы ихъ военно-родовыхъ союзовъ, поземельныя отношенія, усвоенныя различными монгольскими племенами, политико-экономическій бытъ монголовъ, ихъ гражданское и

1) Независимо отъ сего С.-Петербургскій университетъ назначилъ мнѣ, съ опредѣленною цѣлью пріобрѣтенія учебныхъ пособій, 1850 р. Деньги эти были израсходованы мною согласно назначенію и подробное описаніе вывезенныхъ мною памятниковъ литературы, буддійскаго культа и археологій будетъ представлено мною, по специальности предмета изслѣдованія, въ IV т. настоящаго труда. Часть моихъ буддійскихъ коллекцій представляется нынѣ на Всероссийской Выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

уголовное право, религію, ихъ хозяйственную культуру, обычаи, нравы, отношенія къ иностранцамъ вообще и къ русскимъ въ частности; не малую долю своего времени я посвятилъ наконецъ и на выясненіе вопросовъ о развитіи русской торговли въ Монголіи. Сообразно такимъ задачамъ и бывшимъ въ моемъ распоряженіи средствамъ изученія, самый способъ своихъ изслѣдованій я призналъ необходимымъ раздѣлить на двѣ части. Въ дорогѣ я изо-дня въ день велъ возможно полные дневники, стараясь представить въ нихъ не только описаніе пройденныхъ пространствъ, но записывать также всѣ удававшіяся мнѣ наблюденія частныхъ событій, всѣ свои встрѣчи, разговоры и проч. Въ городахъ и другого рода правительственныхъ центрахъ, равно какъ и въ большихъ монастыряхъ, я дневниковъ уже не велъ, а сосредоточивалъ свои занятія на теоретическихъ изслѣдованіяхъ страны, подъ руководствомъ мѣстныхъ знатоковъ и при пособіи разнаго рода письменныхъ памятниковъ. Мнѣ казалось, что другимъ способомъ вести изслѣдованія Монголіи едва ли и возможно съ надлежащею пользою для дѣла. Степные, хошунные монголы, и это не только простолюдины а даже стоящіе у кормила правленія князья, почти не имѣютъ понятія объ общественномъ бытѣ и экономическомъ состояніи Монголіи вообще: они прекрасно могутъ объяснить вамъ положеніе своего хошуна, разказать обо всѣхъ хорошихъ и дурныхъ сторонахъ его быта; но уже относительно своего сосѣдняго хошуна они знаютъ только то, что непосредственно касается ихъ собственныхъ интересовъ, ко всему же остальному пытливость ихъ остается совершенно пассивной. Такимъ образомъ всѣ ихъ разказы могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ познанію частныхъ монгольской жизни, за всѣмъ тѣмъ сообщаемыя ими свѣдѣнія никакъ не могутъ быть распространяемы на всю Монголію и являться матеріаломъ для общихъ заключеній о порядкахъ и бытѣ у монголовъ. Приобрѣсти данныя къ познанію общей жизни Монголіи можно только посѣтивъ всѣ органы центральныхъ монгольскихъ управленій и, конечно, имѣя при томъ знакомство среди лицъ, вѣдающихъ дѣла администраціи. При наличности этого послѣдняго условія, вы всегда и повсюду найдете трехъ,-четырехъ свѣдущихъ чиновниковъ, которые, по вашему приглашенію, будутъ заниматься съ вами, объясняя всѣ постановленія и порядки относительно гражданской жизни монголовъ, будутъ, по желанію, доставлять вамъ и читать съ вами тексты этихъ постановленій, наконецъ разрѣшатъ вамъ и заниматься въ архивахъ ихъ управленій. Тоже самое нужно сказать и касательно дѣла изслѣдованій религіи. Въ каждомъ изъ большихъ монастырей Монголіи всегда имѣется нѣсколько десятковъ ученыхъ и истинно преданныхъ своему дѣлу ламъ, которые съ любовью преподадутъ вамъ все догматическое, нравственное и

обрядовое ученіе ламаизма, отдадутъ въ ваше пользованіе не только всю свою бібліотеку, но будутъ добывать вамъ и другія потребныя книги, словомъ, будутъ заниматься съ вами тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше сами вы обнаружите ревности къ дѣлу ознакомленія съ ихъ вѣроученіемъ. Конечно, всѣ святыни и тайники монастырской общины не могутъ открыться передъ вами сразу, но познакомившись съ вами, ламы не будутъ имѣть для васъ уже ничего запретнаго. Такимъ образомъ въ дѣлѣ изслѣдованія Монголіи главное значеніе имѣетъ время, потребное не только для основательности изслѣдованія, но еще больше для составленія знакомства съ людьми, которые могутъ открыть вамъ матеріалы для изслѣдованій. По этой-то причинѣ слабѣйшую часть моихъ изысканій представляютъ собою свѣдѣнія этнографическія. Усвоить себѣ картину жизни монголовъ, изучить обстановку ихъ домашняго и общественнаго быта, составить понятіе объ особенностяхъ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ общества у этого народа, изслѣдовать свойственные имъ занятія и забавы, обычаи и жизненные порядки, собрать народныя повѣрья и предрасудки, словомъ уяснить себѣ внѣшній и внутренній бытъ монгольскаго народа съ возможно полнымъ разсмотрѣніемъ того, какимъ образомъ и почему принялъ этотъ бытъ тѣ или другія формы—было одною изъ главныхъ задачъ, которыя я преслѣдовалъ во время своей поѣздки по Монголіи; но тутъ-то по преимуществу и требуется время. И это понятно. Составить себѣ истинный взглядъ на семейныя и общественныя отношенія даже одного какого-либо чело-вѣка—значитъ проникнуть въ тайникъ его души: нужно, чтобы самъ чело-вѣкъ, не скрываясь, выражалъ передъ вами свои убѣжденія, свои привычки, свои вѣрованія и чаянія, а со многими ли можно сойтись путешественнику-иностранцу до такой степени откровенности? Правда, мои прежнія знакомства сослужили мнѣ въ этомъ случаѣ по истинѣ тройную службу; но тогда на смѣну этой трудности явилась другая, заключающаяся въ самомъ матеріалѣ, въ количествѣ его содержанія, въ массѣ вопросовъ, въ сложности и разнообразіи отвѣтовъ на эти вопросы. Вотъ почему мое собраніе этнографическихъ свѣдѣній о Монголіи представляется мнѣ далеко несовершеннымъ и почитается мною одною каплею изъ моря житейскаго быта монголовъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня при обнародованіи этихъ свѣдѣній служитъ сознаніе, лаконически выраженное фразою древнихъ: *quod potui — feci*.

Разработавъ и сгруппировавъ собранныя мною свѣдѣнія по всѣмъ вышеозначеннымъ отдѣламъ, я предположилъ издать ихъ нынѣ въ семи отдѣльныхъ томахъ. Изъ числа ихъ

Томъ I представляетъ собою дневникъ, веденный мною въ 1892-мъ

году. Онъ заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, подробный маршрутъ моей поѣздки съ описаніемъ наиболѣе выдающихся посѣщенныхъ мною пунктовъ, а во-вторыхъ, тѣ изъ моихъ личныхъ наблюдений и замѣтокъ, которыя, по частности описываемыхъ ими явленій, не могли найти для себя мѣста въ систематическомъ описаніи Монголіи. Это тѣ, такъ сказать *paralipomena* моего изслѣдованія Монголіи и монголовъ, которыя могутъ служить хорошо иллюстраціею къ общему описанію, хотя и не могли найти для себя мѣста въ немъ именно въ силу своей частности. Сюда же внесены и нѣкоторыя историческія замѣчанія, невольно приходившія мнѣ въ голову и заносившіяся на мною въ дневникъ при поясненіи встрѣчавшихся явленій монгольской жизни. Сообразно посѣщеннымъ мною въ 1892 году мѣстностямъ, весь этотъ томъ описываетъ главнымъ образомъ Сѣверную Монголію, или Халху.

Томъ II-й заключаетъ въ себѣ такой же дневникъ за 1893 годъ и съ подобнымъ же изложеніемъ наблюдений въ южной и юго-восточной Монголіи.

Въ обоихъ означенныхъ томахъ я старался представить передъ читателемъ каждый день моей поѣздки во всемъ многообразіи его наблюдений. Отъ этнографіи здѣсь придется переноситься въ область археологіи, далѣе можетъ представиться или фактъ юридическій, или относящійся до религіи, общественнаго и частнаго быта, народнаго хозяйства, промышленности, торговли и т. п. Каждое событіе описывается здѣсь именно въ той частной формѣ, въ какой предстало оно въ данномъ случаѣ передъ моими глазами и всѣ они слѣдуютъ здѣсь безъ всякаго порядка, связываемыя единственно хронологическою послѣдовательностью моихъ личныхъ наблюдений. Чтеніе этихъ первыхъ двухъ томовъ можетъ показаться затруднительнымъ, съ одной стороны вслѣдствіе внесенія мною въ текстъ ихъ чисто монгольскихъ техническихъ словъ и терминовъ, а съ другой — и самые факты могутъ быть не вполне удобопонятны при незнакомствѣ съ общимъ бытомъ и строемъ Монголіи. Но я не могъ и не считалъ полезнымъ избѣгать того и другого по той причинѣ, что замѣна монгольскихъ терминовъ подходящими русскими словами лишила бы повѣствованіе должной точности выражений, что же касается присоединенія объясненій на факты, то такое, бесполезно увеличивъ размѣръ книги, все же не было бы цѣльнымъ, такъ какъ правильный взглядъ на фактъ возможенъ лишь при знаніи всѣхъ, совокупно дѣйствовавшихъ и породившихъ его причинъ. Я надѣюсь, что дѣло станетъ вполне яснымъ само собою, когда читатель познакомится съ слѣдующими за дневниками частями моего труда, заключающими въ себѣ систематическое описаніе монгольскаго быта, составленное мною уже

по изслѣдованіямъ, обосновывающимся главнымъ образомъ на письменныхъ памятникахъ. Такимъ образомъ

Томъ III-й представитъ собою очерки административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія въ этой странѣ, съ выясненіемъ военнаго и политико-экономическаго состоянія монголовъ въ настоящее время; а

Томъ IV-й будетъ описывать ламаизмъ въ Монголіи, съ изложеніемъ его догматическаго и нравственнаго вѣроученія, быта и обрядовъ.

Оба эти тома составляютъ собою по преимуществу результаты моихъ занятій въ архивахъ различныхъ монгольскихъ управленій, а равно въ монастырскихъ бібліотекахъ и школахъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ специалистовъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ знанія. Другихъ средствъ для пріобрѣтенія свѣдѣній объ общемъ состояніи Монголіи въ помянутыхъ отношеніяхъ, особливо при томъ незначительномъ времени, которое я имѣлъ въ своемъ распоряженіи, я не могъ примѣнить къ дѣлу. Извѣстно, напри- мѣръ, что для управленія Монголіей китайское правительство въ 1818 г. издало особыя законоположенія, переведенныя на русскій языкъ г. Липовцевымъ; но за періодъ 75 лѣтъ, протекшихъ со времени обнародованія этихъ законоположеній, въ нихъ можно сказать не осталось почти ни одной статьи, на которую бы не было получено измѣненій, дополненій, разъясненій, ограниченій и проч., кореннымъ образомъ измѣняющихъ ихъ смыслъ. Никакихъ сборниковъ этихъ новыхъ, нынѣ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій правительства ни китайцами, ни монголами никогда не издавалось и пріобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ этомъ можно только у монгольскихъ юристовъ, которыхъ я и приглашалъ для занятій съ собою. Съ другой стороны мы знаемъ, что монгольскія законоположенія Дайцѣновъ обнимаютъ своимъ содержаніемъ только вопросы объ отношеніяхъ монголовъ къ правящей династии, да уголовныя постановленія; никакихъ предписаній относительно внутренней жизни хошѹновъ эти законоположенія въ себѣ не заключаютъ, такъ какъ китайцы, подчинивъ себѣ монголовъ, предоставили имъ жить по ихъ обычаямъ и съ своей стороны не предназначали для сего никакихъ правилъ. Вотъ почему въ китайскихъ законоположеніяхъ мы не найдемъ никакихъ установленій, напри- мѣръ, о размежеваніи хошѹн-ныхъ земель, или пользованіи ими, о податяхъ и натуральныхъ повинностяхъ, объ ихъ раскладкѣ, сборѣ, расходованіи и проч. и проч. Все это обосновывается у монголовъ уже не на писанномъ, а на обычномъ правѣ, средствомъ для познанія котораго являются опять-таки только показанія монгольскихъ юристовъ. Сидя въ томъ или другомъ архивѣ съ ямуньскими бичѣчинами и имѣя у себя опредѣленную программу вопросовъ, я безъ осо-

бенаго труда могъ производить свои изслѣдованія. Чтобы уяснить себѣ, на примѣръ, положеніе о натуральныхъ повинностяхъ монголовъ, я просилъ показать мнѣ вѣдомость объ отбываніи ихъ, а заручившись этимъ документомъ и изучая его, пріобрѣталъ понятіе не только обо всѣхъ статьяхъ обложенія, но и о порядкахъ раскладки, способахъ исполненія вѣдомости и пр. Если объясненія моихъ наставниковъ казались мнѣ сомнительными и невѣроятными, я просилъ, чтобы они подтвердили мнѣ свои толкованія документами и тогда изъ архивныхъ сундуковъ доставалось новое дѣло, разъяснявшее мой вопросъ. Совершенно также велъ я и изслѣдованія ламаизма. Изучая, на примѣръ, ламайскій катехизисъ, для составленія себѣ понятія объ общемъ курсѣ ламайскаго вѣроученія, я прослушивалъ отъ ламъ толкованія лаконоически выраженныхъ здѣсь доктринъ; но при этомъ мы естественно обращались къ цѣлой сотнѣ сочиненій самыхъ различныхъ вѣроучителей буддизма, спеціально толковавшихъ о томъ или другомъ вопросѣ. Книги были подъ рукою, а ламы-спеціалисты безъ труда находили мнѣ въ нихъ потребные тексты. Такимъ же порядкомъ производились изслѣдованія и относительно обрядоваго ученія. Отправляешься въ кумирню и слушаешь устные объясненія на каждый предметъ ея утвари, требуя подтвержденій письменными свидѣтельствами отцовъ ламайскаго вѣроученія.

Томъ V-й моего труда излагаетъ свѣдѣнія этнографическія, пріобрѣтенныя частію путемъ личныхъ наблюденій, а частію распросами и изученіемъ народной литературы: пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч.

Въ томѣ VI я сгруппировалъ свои замѣтки о китайской и русской торговлѣ въ Монголіи, съ приложеніемъ свѣдѣній по исторіи развитія торговли собственно русской.

Наконецъ VII томъ посвященъ мною историческому изслѣдованію обо всѣхъ владѣтельныхъ княжескихъ домахъ Монголіи, возвысившихся собственно въ періодъ подданства монголовъ маньчжурамъ и играющихъ роль именно въ настоящую пору въ Монголіи. Матеріаломъ къ составленію этого изслѣдованія послужили періодически составляемые китайскимъ правительствомъ послужные списки каждаго изъ этихъ княжескихъ домовъ. Изданіе этого труда моего было благосклонно принято на себя Императорскою Академіей Наукъ.

Таковы будутъ въ печати результаты моей поѣздки, если только хватитъ моей жизни на то, чтобы издать ихъ. Въ трудѣ этомъ читатели повстрѣчаютъ нѣкоторые факты, о которыхъ я уже разказывалъ, возвратившись изъ своего перваго путешествія: въ описаніи городовъ приходится, на примѣръ, повторять хронологическія указанія объ ихъ построеніи, или

передвиженіяхъ, приходится описывать однѣ и тѣ же зданія; но съ одной стороны никто не станетъ противорѣчить тому, что мои настоящіе трактаты являются во многомъ полнѣе и основательнѣе первыхъ, а во вторыхъ я не могъ не повторять прежде говореннаго потому, что рѣшительно всѣ мои работы, явившіяся результатомъ первой моей поѣздки, вышли нынѣ изъ продажи, и, не повторяя я прежде говореннаго, мои студенты снова остались бы безъ пособія къ приобрѣтенію необходимыхъ для нихъ познаній.

Обращаюсь къ дальнѣйшей исторіи своей поѣздки. Явившаяся прямымъ послѣдствіемъ ясно сознаваемой недостаточности нашихъ знаній о Монголіи и необходимости восполнить этотъ недостатокъ, она тѣмъ не менѣе возбудила собою неудовольствіе въ нѣкоторомъ, близко соприкасающемся съ Востокомъ кружкѣ русскихъ дѣятелей. Едва успѣло состояться Высочайшее повелѣніе о моей командировкѣ, какъ въ № 81-мъ «Гражданина», подъ рубрикою «Дневникъ 21 марта 1892 г.» появилась яростная статья, авторъ которой прямо заявлялъ, что онъ хочетъ «если не бить въ набатъ, то все же звонить въ колокольчикъ». Онъ возмущается и не хочетъ вѣрить слухамъ о моей командировкѣ. «Понятны», говоритъ онъ, «занятія исподоволь въ Забайкальѣ для разносторонняго изученія смежныхъ владѣній; понятны безшумныя и невидимыя для глаза поѣздки свѣдущихъ людей туда же, для собиранія полезныхъ указаній и данныхъ; но всякій Knalleffect въ этомъ направленіи, — да еще при нежеланіи высшихъ мѣстныхъ властей, чтобы базисомъ дѣйствій служила наша окраина и наши инородцы, — по меньшей мѣрѣ не своевременны». Еще далѣе правительству нашему предсказывалось, что посылка полусановнаго лица, несомнѣнно, породитъ недоразумѣнія, результатомъ коихъ возникнутъ усложненія въ дѣлахъ, имѣющія окончиться, какъ всегда, не въ нашу пользу. Вслѣдъ за этой статьей о моей поѣздкѣ распутились и другіе, также отчасти проникшіе въ печать слухи: говорили, что я ѣду съ цѣлью распространять христіанство среди бурятовъ, — крестить ургинскаго хутухту, — наконецъ, получить мѣсто генеральнаго консула. Надъ всѣмъ этимъ можно было, конечно, посмѣяться тогда также точно, какъ и теперь: но въ ту пору мнѣ было не до смѣха. Я хорошо понималъ, что слухи о моемъ намѣреніи крестить и распространять христіанство могутъ значительно подорвать успѣхъ моихъ изслѣдованій, ибо они вселятъ ко мнѣ подозрительность у бурятовъ, а черезъ нихъ и у монголовъ, по крайней мѣрѣ живущихъ по границѣ съ Россією; съ другой стороны, всякій ли могъ понять, какъ это человекъ, вполне самостоятельный, достаточно обеспеченный, могущій жить совершенно спокойно, вдругъ ѣдетъ въ пустыни Монголіи только за тѣмъ, чтобы приобрѣтать знанія? Подозрѣніе объ исканіи мною консульскаго мѣста могло родиться при этомъ очень легко, особливо

у людей, для которыхъ консульское мѣсто составляетъ всё desiderata. Именно въ такихъ соображеніяхъ меня не только смущали, а прямо заставляли опасаться за успѣхъ моей поѣздки всё эти газетныя статьи и слухи. Опасенія мои до извѣстной степени и оправдались, почему въ концѣ концовъ я могу сказать, что въ выполненіи своихъ изслѣдованій я всецѣло обязанъ покровительству нашего посланника въ Пекинѣ графа Артура Павловича Кассини, и если въ моихъ работахъ будетъ найдено что-либо цѣнное, то за пріобрѣтеніе этого цѣннаго надлежитъ прежде всего быть признательнымъ графу А. П. Кассини. Глухіе слухи о командированіи въ Монголію «петербургскаго генерала» приходилось слышать и мнѣ въ проѣздѣ по бурятскимъ кочевьямъ, а въ Ургѣ мѣстный консулъ прямо сообщилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, моя поѣзка возбуждаетъ подозрительность и недовольство китайско-монгольскаго правительства. На этомъ основаніи я съ одной стороны долженъ былъ, во-первыхъ, измѣнить нѣсколько маршрутъ своей поѣздки, а во-вторыхъ, въ передній путь свой къ Улясутаю и Кобдѣ, по совѣту того же консула, вовсе не посѣщалъ кочевьевъ монгольскихъ князей, что лишило меня не малаго количества данныхъ. Только пріѣхавъ во второй разъ въ Улясутай, я началъ вести свои изслѣдованія такъ, какъ надлежало вести ихъ съ самаго начала.

Выѣхавъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ своею женою 7-го апрѣля 1892 года, я началъ свои изслѣдованія Монголіи собственно на пространствѣ между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Не имѣя въ виду посѣщать кочевья Сойдтовъ и Урянхадевъ, я по дорогѣ постоянно останавливался здѣсь въ селахъ и старался находить лицъ, ходившихъ на торговлю въ Монголію со стороны Минусинскаго и Усинскаго округовъ, а равно разыскивать лопмановъ, проводившихъ плоты въ вершинахъ Енисея. Разговоры съ этими людьми въ извѣстной степени уяснили мнѣ какъ состояніе нашей торговли между Урянхаями и Сойдтами, такъ и тотъ водный путь, по которому ведется эта торговля и который, несомнѣнно, будетъ имѣть значеніе для нашихъ сношеній съ этою частью Монголіи въ будущемъ.

11 Іюня я прибылъ въ Верхнеудинскъ, откуда началъ совершать экскурсіи въ кочевья бурятъ, ведущихъ сношенія съ Монголіею. Тоже самое я дѣлалъ изъ Селенгинска, въ который переѣхалъ 18 іюня и наконецъ 23-го того же мѣсяца прибылъ въ Кяхту. Здѣсь первымъ моимъ дѣломъ было отыскать себѣ человѣка для прислуживанія въ дорогѣ и, по счастью, на другой же день мнѣ удалось нанять для этой цѣли иркутскаго мѣщанина Ивана Ѳедоровича Ѳедорова, съ уплатою ему по 500 р. въ годъ, или по 41 р. 66 к. въ мѣсяцъ, конечно со всѣми моими расходами по его содержанію и проѣзду. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти. Съ дѣтства

онъ обучался сапожному ремеслу, а засимъ служилъ въ фотографіяхъ въ Иркутскѣ и въ Кяхтѣ, гдѣ и научился фотографскимъ работамъ; еще далѣе онъ проживалъ года два въ Ургѣ, при складѣ купца Воробьева, гдѣ также занимался фотографією, благодаря чему приобрѣлъ много знакомыхъ монголовъ, монгольскихъ князей, ламъ и даже познакомился съ ургинскимъ хутухтою, проживая у него по цѣлымъ недѣлямъ. Приобрѣтеніе такого человѣка было для меня истиннымъ счастьемъ и единственно встрѣча съ нимъ дала мнѣ возможность рѣшиться на проявленіе въ Монголіи своихъ негативовъ, такъ какъ у одного меня для этого рѣшительно не хватило бы времени. Единственнымъ прискорбіемъ моимъ было то, что Иванъ Ѳедоровичъ былъ очень слабъ въ монгольскомъ языкѣ; впрочемъ, какъ русскій смѣтливый, предупредительный и ласковый человѣкъ, онъ умѣлъ какъ-то такъ обходиться съ монголами, что всѣ съ удовольствіемъ останавливались передъ нимъ, съ улыбкою выслушивали его безсвязныя полуслова и слѣдили за его мимикой, а въ результатѣ всякое дѣло, за которое брался Иванъ Ѳедоровичъ, было непременно выполнено какъ слѣдуетъ. За весь мой путь это былъ для меня самый вѣрный и полезный товарищъ и я съ благодарностью записываю теперь его имя, сожальѣя, что я ничѣмъ не могъ вознаградить его, помимо причитавшагося ему по расчету жалованья, всего 546 р. 92 к.

По исполненіи этого, самаго важнаго дѣла въ теченіе дальнѣйшихъ трехъ дней завершились мои окончательныя сборы по поѣздкѣ въ Монголію, результаты коей теперь представляются читателямъ.

Въ заключеніе я считаю долгомъ принести мою глубочайшую признательность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ исполненію моей поѣздки. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ, конечно, центральному управленію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по инициативѣ и на средства коего и состоялась главнымъ образомъ эта поѣздка, доведенная до конца, благодаря высокому покровительству нашего посланника въ Пекинѣ, графа А. П. Кассиня. Свидѣтельствую мою сердечную признательность и бывшему моему слушателю, а нынѣ комиссару Китайскихъ портовъ В. Ю. Гроту, много помогавшему мнѣ въ Пекинѣ, какъ въ дѣлѣ ознакомленія съ городомъ, такъ и по части приобрѣтенія памятниковъ монгольской литературы и буддійскихъ коллекцій. Искренно благодарю наконецъ всѣхъ русскихъ торговцевъ въ Китаѣ, встрѣчавшихъ меня съ отмиѣннымъ радушіемъ, заботившихся облегчить мнѣ физическую тяжесть поѣздки и всеусердно помогавшихъ мнѣ въ приобрѣтеніи всякаго рода знаній. Особливо почитаю себя обязаннымъ въ этомъ отношеніи М. Д. Батуеву (въ Калганѣ), А. Д. Васеневу (въ Улясутаѣ) и Н. Ѳ. Грязнухину (въ Ургѣ). Почти съ дѣтскаго воз-

раста проживая въ предѣлахъ Китая, эти люди прекрасно ознакомились съ характеромъ страны и ея обитателей, а равно составили себѣ обширное знакомство съ туземцами. Благодаря ихъ рекомендаціи, я былъ своимъ человекомъ у многихъ, необходимыхъ мнѣ чиновниковъ изъ монголовъ и китайцевъ, не говоря уже о томъ, что, зорко слѣдя за интересами дня, они давали мнѣ возможность скорѣе пріобрѣтать себѣ руководителей, выгоднѣе совершать покупки, нанимать подводы и проч. и проч. Словомъ, мнѣ трудно даже и сказать, насколько меньше были бы достигнутые мою результаты, если бы я не встрѣтилъ этого добраго участія русскихъ людей: при всей ревности къ пріобрѣтенію знаній, мнѣ, безъ ихъ помощи, несомнѣнно, много разъ приходилось бы отступать отъ закрытыхъ дверей, за которыми таился предметъ познанія. Наконецъ послѣднюю и высшую дань своей благодарности я долженъ принести ученому Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который предпринялъ опубликованіе моихъ трудовъ въ печати.

А. Позднѣевъ.

ДНЕВНИКЪ

1892 г.

I. Отъ Кяхты до Урги.

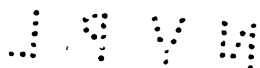
27-е Іюня. Суббота.

Наконецъ сегодня мы вступили въ предѣлы Монголіи. Первымъ наиболѣе продолжительнымъ пунктомъ моей остановки здѣсь должна быть Урга, поэтому-то до сказаннаго города-монастыря я и предполагъ нанять себѣ подводы въ Кяхтѣ. Сношенія кяхтинцевъ съ Ургою такъ обыкновенны, что какъ въ Троицкосавскѣ, такъ и въ Кяхтѣ имѣется не мало русскихъ извозчиковъ, которые берутся за доставку русскихъ пассажировъ отъ Кяхты до Урги. Въ удобномъ, запряженномъ тройкою лошадей тарантасѣ, и подъ звуками русскихъ поддужныхъ колокольчиковъ, они довозятъ путника до этой религіозной столицы Монголіи въ 5 дней, взимая съ него за такой провозъ уже годами установившуюся плату, — 50 р. с. Ёдутъ они всегда по одному и тому же ургинско-кахтинскому тракту, служащему вмѣстѣ съ симъ и русской караванной, торговой дорогой, соединяющей Ургу съ Кяхтою. Для меня этотъ избитый и неоднократно уже описанный путь ¹⁾ не представлялъ особеннаго интереса: мнѣ хотѣлось, съ одной стороны, проѣхать мѣстами менѣе для насъ знакомыми и посмотреть на жизнь и отношенія къ намъ пограничныхъ монголовъ, а съ другой —

1) У Іакинфа, Записки о Монголіи. С.-Петербургъ, 1828 г.; Тимковскаго, Путешествіе въ Китай черезъ Монголію. С.-Петербургъ, 1824 г.; Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. С.-Петербургъ, 1853 г.; Пясецкаго, Путешествіе по Китаю. С.-Петербургъ, 1882 г.; Гаупта, Записки на пути изъ Кяхты въ Ургу-Иркутскъ. 1858 г.; Палладія, Дорожныя записки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. С.-Петербургъ, 1892 г.

посѣтить одну изъ первыхъ святынь Халхи — монастырь Амурь-баяхуланту. Въ такой путь не взялся бы везти меня уже ни одинъ изъ русскихъ, такъ сказать, присяжныхъ извозчиковъ, а потому я нанялъ себѣ двухъ бурятовъ: они обязывались доставить мнѣ четыре лошади, запряженныя въ три телѣги; дорога наша опредѣленно не обозначалась, но мы должны были посѣтить ставку перваго, пограничнаго съ Россіею хошѹна Цэ-цзасакà и монастырь Амурь-баяхуланту, а засимъ выѣхать на ургинскій трактъ тамъ, гдѣ это окажется удобнѣе; съ своей стороны я обязывался провести въ этомъ пути не свыше 12 дней и уплатить своимъ извозчикамъ 70 серебряныхъ, или 77 кредитныхъ рублей, выдавая имъ при этомъ во все время пути и потребное содержаніе.

Сегодня мы встали и начали свои окончательные сборы и укладку вещей въ телѣги въ четыре часа утра, но только къ семи всему было найдено, по возможности, удобное мѣсто въ телѣгахъ, багажъ закрытъ, увязанъ и приготовленъ въ путь. Оставалось только запрягать и ѣхать. Мои буряты попросили у меня позволенія выпить «последній чай» съ своими родственниками и я разрѣшилъ имъ это. Тѣмъ временемъ мы съ женою отправились въ Троицкосавскій соборъ, отслужили молебень, а когда возвратились домой, лошади были уже запряжены. Сѣли и двинулись въ дорогу, напутствуемые добрыми пожеланіями квартирной хозяйки. Было 8 ч. 25 минутъ утра. День не обѣщаль быть особенно жаркимъ: въ 9 часовъ утра термометръ показывалъ $+ 19^{\circ}$ R. Поѣздъ нашъ состоялъ изъ четырехъ телѣгъ. Впереди поѣхали двѣ телѣги, нагруженныя нашими вещами, за ними парная телѣга, въ которой помѣщался я съ женою, и наконецъ одноколка дочери нашего извозчика, которая воспользовалась нашею поѣздкою, чтобы, подъ покровительствомъ отца, съ меньшею опасностью проѣхать на поклоненіе въ Ургу и притомъ посѣтить еще Амурь-баяхуланту. Монастырь этотъ буряты посѣщаютъ сравнительно рѣдко, хотя благоговѣютъ передъ его святынею. Ъзда на лошадяхъ шагомъ почитается равняющеюся 4, или $4\frac{1}{2}$ верстамъ въ часъ и справедливость этого подтвердилась для насъ, ибо отъ Троицкосавска до Маймачэна мы ѣхали ровно часъ. Въ Маймачэнъ теперь не вступали, а объѣхали его съ юго-восточной стороны по такъ называемой «караванской» улицѣ. Такое названіе дано ей именно потому, что по ней проходятъ всѣ караваны, приходящіе въ Маймачэнъ. На юго-западномъ концѣ этой улицы построена сторожка, въ которой мѣстное китайское начальство повѣряетъ билеты пріѣзжающихъ китайцевъ, и безъ предъявленія оныхъ въ Маймачэнъ не можетъ быть пропущенъ ни одинъ торговый поѣздъ. У этой сторожки мы повстрѣчали теперь караванъ до 30 верблюдовъ, нагруженныхъ зерновымъ хлѣбомъ, доставленнымъ съ Орхона, въ

лавку Юнь-шоу-гунь. Надлежит замѣтить, что въ кяхтинскомъ Маймачэнѣ имѣется болѣе 70 лавокъ, занимающихся хлѣбной торговлей, главнѣйшими же изъ нихъ считаются Юнь-шоу-гунь, Юнь-шоу-сянь и Юнь-фа-куй. Всѣ онѣ покупаютъ преимущественно пшеницу, для приготовленія изъ нея крупчатки. Основными поставщиками этого рода зерна являются русскіе крестьяне; что же касается количества китайской хлѣбной торговли въ Маймачэнѣ, то каждая изъ трехъ помянутыхъ фирмъ покупаетъ обычно отъ 20, до 30 тысячъ пудовъ въ годъ, а остальные, болѣе мелкіе китайскіе торговцы—тысячъ по 8, 5, 3 и даже по тысячѣ пудовъ годъ; въ сложности однако, какъ говорятъ китайцы, отъ русскихъ поступаетъ къ нимъ пшеницы отъ 250 до 300 тыс. пудовъ въ годъ. Впрочемъ, изъ числа помянутаго количества китайскихъ лавокъ, занимающихся хлѣбной торговлей спеціально нѣтъ ни одной: всѣ онѣ торгуютъ разными китайскими товарами, производство же крупчатки является у нихъ какъ бы уже второстепеннымъ, придаточнымъ промысломъ. Крупчатка готовится при посредствѣ конныхъ мельницъ, почему такія большія лавки, какъ Юнь-шоу-гунь, содержатъ у себя много лошадей и рабочихъ. На каждаго работника полагается три лошади и съ ними онъ перемольваетъ на крупчатку въ день отъ 5 до 7 пуд. По расчету, стоимость приготовленія крупчатки обходится въ общемъ около 40 коп. за пудъ, но лѣтомъ этотъ расходъ высчитывается нѣсколько дешевле, потому что лошади днемъ угоняются въ степь для подножнаго корма, работа же производится ночью. Крупчатка китайская очень плохаго качества и лучшая стоитъ не выше 3-го сорта русскаго приготовленія; идетъ она частію для мѣстнаго потребленія среди китайцевъ и близко живущихъ монголовъ, а частію покупается русскими жителями Троицкосавска и Кяхты, въ виду ея дешевизны противъ таковой же русскаго приготовленія. Впрочемъ, болѣе крупныя фирмы отправляютъ свою крупчатку и еще въ Ургу, а также производятъ ею торговлю въ окрестныхъ монгольскихъ хошунѣхъ. Проѣхавъ сторожку и миновавъ такимъ образомъ Маймачэнъ, мы вступили въ пригородную часть, занятую домами и землями маймачэнскихъ огородниковъ. Помимо этихъ послѣднихъ здѣсь находится также до 60 дворовъ, занятыхъ харчевнями и бѣдными лавченками, въ которыхъ привитаютъ главнымъ образомъ пріѣзжающіе на маймачэнскій базаръ монголы. Пригородъ Маймачэна располагается по легкому склону къ рѣкѣ Кяхтѣ, которую мы переѣхали вбродъ. Правый берегъ этой рѣчки также не высокъ, какъ и лѣвый. Поднявшись на него, мы увидели отдѣленіе кяхтинско-ургинскаго почтоваго тракта, который отсюда принимаетъ болѣе южное направленіе къ Буринской станціи; между тѣмъ какъ наша дорога уклонилась сильнѣе къ западу. Версты двѣ ѣхали по кяхтинскому

ширь¹⁾ и спустились съ него къ маленькому и мутному протоку Кяхты. За нимъ дорога пошла уже по ровной степи, съ песчаной солонцеватой почвой, на которой растутъ только отдѣльные кустики хараганъ. Природа вообще крайне печальна, и только окружающіе виды доставляютъ здѣсь нѣкоторое развлеченіе путнику. Прямо на югъ возвышаются горы Ибицъхъ-ўла, дальнѣйшимъ протяженіемъ которыхъ на юго-западъ являются горы Дэлгэр-ханъ, а еще дальше ихъ, почти на востокъ отъ насъ, виднѣлась стоящая особнякомъ высокая Дуләнъ-ханъ, по южной сторонѣ которой протекаетъ р. Ирб. Къ сѣверу отъ долины тянутся также невысокія горы, по самой же долинѣ проходитъ въ направленіи на юго-западъ до десятка отдѣльныхъ путей, по одному изъ которыхъ ѣхали мы, и которые вообще носятъ названіе лугорскихъ дорогъ. Собственно они представляютъ собою одну торговую дорогу, соединяющую Ургу и Кяхту, обиліе же колеи зависитъ частію отъ того, что пути эти выбиваются проѣзжающими телѣгами, а частію отъ того, что одни изъ нихъ, располагающіеся повыше, по скату сѣверныхъ горъ, представляются въ весеннее и осеннее время гораздо суше, чѣмъ проложенные внизу долины. Въ настоящую пору товары идутъ по самой срединѣ долины и идутъ въ достаточномъ изобиліи, такъ что на странствѣ первыхъ шести верстъ мы повстрѣчали четыре каравана, приблизительно по 50 запряженныхъ быками телѣгъ въ каждомъ. Вообще можно сказать, что движеніе здѣсь въ направленіи къ Кяхтѣ очень большое: постоянно встрѣчаются то цѣлыя группы монгольскихъ всадниковъ, то отдѣльные путники; за то постоянно кочующаго населенія почти не видно. Первые айли, или группы кибитокъ, мы повстрѣчали только на Тогбскѣль булукѣ, къ которому прибыли въ 11 ч. 10 мин. и который, слѣдовательно, отстоитъ отъ Маймачэна верстъ на 6—7. Забывъ въ одинъ изъ айлей, состоявшій изъ 8 юртъ, я нашелъ, что всѣ эти юрты заняты монголками, содержанками китайскихъ маймачэнскихъ купцовъ, такъ какъ жить ближе къ Маймачэну, или въ самомъ Маймачэнѣ имъ воспрещается. По монгольски они живутъ очень зажиточно: прекрасныя, крѣпкія юрты какъ снаружи, такъ и внутри покрыты бѣлыми войлоками; въ красномъ углу разставлены богатые бурханы и жертвенники передъ оными; повсюду обиліе ковровъ и олбковъ²⁾, все обличаетъ зажиточность. На таганѣ въ каждой юртѣ кипятилось по громадному котлу сливокъ, для выдѣлыванія урма³⁾, по стѣнамъ висѣли куски мяса,—это уже положительная роскошь. Въ обстановкѣ юртъ сказывалась какая-то странная смѣсь. Двери, вмѣсто створчатыхъ монголь-

1) Монгольское названіе для плоскихъ, столообразныхъ возвышенностей.

2) Квадратная четырехугольная подушка для сидѣнія. Подробности см. въ т. V-мъ.

3) Жаренныя молочныя пѣнки.

скихъ, были китайскія, одностворчатыя, въ верхнихъ филенкахъ украшенныя рѣзьбою и заклеенныя бумагою; на притолкахъ юрты были также, по обычаю китайцевъ, наклеены продолговатыя листки красной бумаги съ начертанными на нихъ іероглифами; въ то же время таганъ замѣнялся здѣсь русскою желѣзною печью, съ трубою, сдѣланною изъ листового желѣза. Переправившись черезъ Тѳгѳскѳль булукъ и проѣхавъ еще версты четыре по описанной долинѣ, которая, нѣсколько оживилась здѣсь присутствіемъ полевыхъ астръ и мышинаго горошка, мы миновали одинъ изъ поворотовъ лугорской дороги къ югу, продолжая сами дальнѣйшій путь свой въ направленіи къ З.Ю.З. Отсюда долина начала представлять довольно значительную покатость къ р. Бѳра-гѳль, почва-же ея стала исключительно солончаковой. Вскорѣ мы узнали, что принятая нами дорожная колея была для насъ неправильною: мы черезъ чуръ уклонялись по ней къ югу, тогда какъ намъ слѣдовало ѣхать почти у самыхъ сѣверныхъ горъ. Исправляя ошибку, мы круто повернули на сѣверъ и достигли своей дороги. Въ 1 ч. 15 м. дня доѣхали до такъ называемыхъ кяхтинцами «первыхъ» песковъ, носящихъ у монголовъ наименованіе «Цзѳунъ модонай элэсѳ», что значитъ «пески сотни деревьевъ». Такое имя дано имъ, безъ сомнѣнія, потому, что на этихъ пескахъ въ самомъ дѣлѣ растутъ нѣсколько десятковъ отдѣльно стоящихъ сосенъ. Цзѳунъ модонай элэсѳ тянутся не больше какъ на версту, но они глубоки, сыпучи и трудны для проѣзда. За этими песками идетъ кочковатый промежутокъ съ сильнымъ наклономъ къ Бѳра-гѳлу. А далѣе снова пески, именуемые монголами «Байнъ элэсѳ». Эти пески значительно меньше первыхъ, и, проѣхавъ ихъ, мы остановились, чтобы дать вздохнуть своимъ лошадямъ, въ долинѣ между горами Йэхэ обѳ и Будалянъ ѳла, при небольшомъ озерѣ, или вѣрнѣе болотѣ и вытекающемъ изъ него ручейкѣ. Такихъ болотъ въ долинѣ Бѳра гѳла и параллельно теченію этой рѣки—масса. Вода въ нихъ непріятна на вкусъ и сильно отдаетъ землю, а прилежащія къ нимъ мѣста представляютъ собою сплошную трясины, переправляться черезъ которую можно только въ извѣстныхъ мѣстахъ, иначе трясина эта тягиваетъ въ себя неосторожнаго путника и гибель его неизбежна.

Мѣста, по которымъ мы ѣхали до сихъ поръ, представляютъ собою земли, отведенныя въ пользованіе служилыхъ людей бѳринскаго караула; онѣ протягиваются почти отъ самаго Маймачэна, по правому берегу Бѳры, между тѣмъ какъ долины, лежащія по лѣвому берегу этой рѣки, состоятъ въ пользованіи тѣхъ данниковъ Цэ-цзасака, которые состоятъ въ отрядѣ «Цзѳунъ цэрйкъ»¹⁾ кяхтинскаго царгучѣя. Солдаты бѳринскаго караула,

1) Военная сотня. Подробности о ней см. въ т. III-мъ.

равно какъ и состоящія при ономъ 20 семей хамчжилгà¹⁾ хлѣбопашествомъ не занимаются, а сѣно косятъ по Селенгѣ, ниже впаденія въ нее Орхона. Цзѹнъ цэрѣкъ, напротивъ, имѣютъ у себя много пашень, засѣвая главнымъ образомъ просо.

Оставивъ мѣсто стоянки въ 4½ часа пополудни, мы въ 5¼ часовъ добрались до дугуна Ганданъ-даши-линъ, принадлежащаго обитателямъ бѹринскаго караула. Ламы не живутъ при этой кумирнѣ постоянно, а собираются сюда для совершенія служеній только 4 раза въ годъ. Кумирня снаружи очень бѣдна. Вошедши въ ея ограду, я повстрѣчалъ здѣсь лишь одного ламу, сторожа кумирни, который занимался въ своей юртѣ столярнымъ мастерствомъ и распѣвалъ какую-то молитву на тибетскомъ языкѣ. По распросамъ оказалось, что онъ выдѣлывалъ доски для ганчжѹра, который обитатели бѹринскаго караула недавно приобрѣли своей кумирнѣ, выписавъ его изъ Тибета, черезъ посредство ургинскихъ ламъ. Отсюда верстахъ въ 4-хъ къ западу мы переправились черезъ Бѹру, русло которой не превышаетъ здѣсь двухъ саженой и въѣхали въ роскошный лугъ, приведшій насъ версты черезъ двѣ къ берегамъ Орхона. Орхонъ имѣетъ здѣсь около 50 саженой въ ширину. Правый берегъ его обрывистъ, лѣвый нѣсколько удобнѣе для подъема. Переправа черезъ рѣку совершается на батѣхъ, или большихъ, широкихъ лодкахъ. Мы надѣялись, перебравшись на лѣвый берегъ Орхона, проѣхать еще не менѣе 10 верстъ; но на переправѣ вырвалась и убѣжала моя верховая лошадь. Одинъ изъ проводниковъ бурятъ отправился ловить ее, хотя, повидимому, безуспѣшно. Прождавъ его до 9 ч. вечера, мы рѣшили ночевать тутъ же, на лѣвомъ берегу Орхона, около стоявшей неподалеку отъ рѣки юрты.

28-е Юня, Воскресенье.

9 ч. + 18°; 12 ч. + 20°, 3 ч. + 22°, 6 ч. + 19°, 9 ч. + 12°.

Урочище, на которомъ мы ночевали, носитъ названіе Даланъ-амдулѹмъ. Ночь была проведена нами вполне спокойно, только комары, въ изобиліи привитавшіе въ прибрежномъ тростникѣ, не давали намъ спать. По утру мы увидали себя стоящими на широкомъ, поемномъ лугу Орхона, тянущемся вплоть до Селенги, впаденіе въ которую Орхона находилось не далѣе какъ верстахъ въ 4-хъ отъ нашей стоянки и представляло живописное мѣстечко, съ полого спускающимися къ рѣкѣ склонами горъ. Лошадь наша еще не была приведена и мы обречены были на невольную стоянку. Часовъ въ 5½ утра юрта, близъ которой мы стояли, собралась кочевать. Въ 7 ч. мы сняли фотографическій снимокъ съ этой кочевки и, кажется, нѣсколько

1) Приписныхъ, вспомогательныхъ дворовъ. Подробности о «хамчжилга» въ т. III-мъ.

опоздали, ибо въ пору снимка юрта была уже разобрана и уложена въ тѣлу; оставались не убранными только сундуки и другія принадлежности юрты. Когда и это было собрано, старикъ домохозяинъ наполнилъ молока своихъ козъ и совершилъ во всѣ стороны кропленіе въ честь Сабдака¹⁾, покровителя урочища; засимъ весь поѣздъ двинулся для переправы на противоположный берегъ Орхона. Это была кочевка съ зимника на лѣтникъ; кочевка, конечно, очень поздняя, но здѣшніе бѣдняки монголы вообще кочуютъ рѣдко, во-первыхъ потому, что кочевать имъ, по неимѣнію подводъ, очень трудно, а во-вторыхъ потому, что, при крайней ограниченности ихъ скотоводства; община не стѣсняетъ ихъ кочевкою и, рассчитывая, что они не вытравятъ много травы, разрѣшаетъ имъ проводить время даже на поемныхъ лугахъ до тѣхъ поръ, пока эти луга не будутъ раздѣлены на участки и сданы съ аукціона отдѣльнымъ личностямъ для сѣнокосовъ. Теперь именно наступало это время. Пока мы пили свой утренній чай, къ намъ подъѣзжало шесть—семь человекъ монголовъ, направлявшихся на такой аукціонъ, имѣвшій совершиться по опредѣленію хошѹннаго начальства въ продолженіе четырехъ дней, начиная съ нынѣшняго числа. Для производства аукціона хошѹнный ямунъ высылаетъ своего бичѣчи, который, смотря по количеству явившихся претендентовъ на аренду луговъ и выгодамъ хошѹна, или сдаетъ весь лугъ въ одни руки, или дѣлитъ его на извѣстное число участковъ. Деньги, выручаемая за такое арендованіе поемныхъ луговъ, идутъ въ пользу хошѹна. Наговорившись съ этими монголами, я, въ ожиданіи привода лошади, отправился на берегъ Орхона къ переправѣ, которая была буквально заставлена возами сѣна, отправляемаго монголами для продажи въ Кяхту. Здѣсь прежде всего мы сдѣлали фотографическій снимокъ переправы, а засимъ изъ разговоровъ съ монголами я узналъ, что перевозъ этотъ содержится по опредѣленію хошѹннаго начальства и отбывается мѣстными монголами, какъ хошѹнная повинность. Содержатели обязаны перевозить бесплатно всѣхъ, ѣдущихъ по казенной надобности, а равно и всѣхъ ближайшихъ монголовъ; никакой платы ни отъ хошѹна, ни отъ мѣстнаго общества они не получаютъ; имъ предоставляется только право взимать за перевозъ плату съ китайскихъ торговцевъ и ихъ товаровъ, а также и съ отдаленныхъ монголовъ. Опредѣленной таксы при этомъ не полагается: перевозчики назначаютъ цѣну по собственному произволу, соображая свой трудъ и достатокъ переправляющагося, при чемъ, конечно, имѣютъ значеніе и симпатіи ихъ къ той, или другой личности. Обычно съ китайскихъ торговцевъ они берутъ: за перевозъ 100 овецъ 5 р. с., за те-

1) Геній — хранитель мѣстности, культъ коего собственно шаманскій.

лѣгу съ лошадыю отъ 30 до 50 коп., за верховую лошадь 10 коп. Та же сумма была уплачена и нами, только за верховую лошадь съ насъ взяли 5 коп., такъ что намъ пришлось заплатить всего 1 р. 45 к.

Въ 10¹/₂ часовъ утра привели наконецъ нашу лошадь; она убѣжала по лѣвому берегу р. Бұры до урочища Тучжа. Въ 11¹/₄ двинулись въ путь пересѣкать поемный лугъ Орхона. Травы необычайно высоки и сочны; пѣшехода онѣ закрываютъ мѣстами почти до бедра. Версты черезъ 2 добрались

Нашъ караванъ въ долинѣ р. Орхона.

до протоки Орхона, которая, впрочемъ, не имѣетъ особаго названія. Здѣсь повстрѣчали мы русскихъ мѣщанъ изъ Троицкосавска, пріѣхавшихъ для ловли рыбы, въ числѣ 4 человекъ, на трехъ подводахъ, съ своими сѣтями и лодкою. Въ двѣ тони они поймали въ этой ничтожной протоцкѣ около пяти пудовъ карасей, окуней и щукъ. На Орхонѣ они не остановились, такъ какъ нашли тамъ уже человекъ 30 русскихъ, которые, воспользовавшись двумя праздниками подъ рядъ, 28 и 29 Юня, пріѣхали на рѣку еще прежде ихъ съ тою же цѣлью. Несмотря на указанную и, по нашимъ понятіямъ, очень удачную добычу, ловцы были еще не довольны и намѣревались переѣхать дальше отсюда версты за три, на р. Цзаланъ. Вообще всѣ мѣста, по которымъ мы ѣхали до сего времени, хорошо извѣстны кяхтинскому населенію, которое считаетъ ихъ какъ бы своими и преспокойно отправляется сюда для всякаго рода охоты, особливо для рыбной ловли. Нѣсколько восточнѣе кяхтинцы заходятъ еще дальше отъ границы и съ тою же безцеремон-

ностью ловятъ рыбу на устьяхъ Ирб-гбля, Шарà-гбля и Хара-гбля. Одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь ловцовъ по этому случаю разказалъ, что въ сентябрѣ прошлаго года онъ съ товарищемъ отправился на устье Хары, и въ теченіе мѣсяца они добыли до полутораста пудовъ рыбы, въ томъ числѣ 94 таймени, фунтовъ по 30 каждую. Никакой платы за это монголамъ они не даютъ и позволенія ни отъ кого не спрашиваютъ: чтобы пользоваться этими благами не требуется ничего больше, какъ только жить въ мирѣ съ мѣстнымъ населеніемъ, которое рыбы не ѣстъ, цѣны ей не знаетъ, а потому равнодушно смотритъ на расхищеніе своихъ богатствъ. Пожелавъ ловцамъ удачной добычи, мы пересѣкли протоку Орхона, оказавшуюся глубиною не свыше 10—12 вершковъ и двинулись далѣе по широкой, болотистой долинѣ р. Селенги. По дорогѣ попадаетъ масса трясины, въ которыхъ раза три увязали наши телѣги. Только за р. Цзаланомъ почва стала нѣсколько тверже. Отсюда начались кочевья монголовъ, принадлежащихъ Ильдэнгінъ сумуна хошүна Цэ-цзасака. Часа въ 4 пополудни мы увидали въ сторонѣ отъ дороги айль въ 12 юртъ; это было управленіе Ильдэнгінъ сумуна, т. е. здѣсь кочевалъ его цзангінъ съ прикомандированнымъ къ нему писаремъ. Повсюду попадались намъ большія стада быковъ и табуны лошадей, скотъ же въ большинствѣ случаевъ былъ рослый и тучный. Монголы, видимо, благодумствовали, довольные теплымъ лѣтнимъ днемъ и обиліемъ молочной пищи. Изъ юртъ слышались пѣсни. Въ урочищѣ Гангà я замѣтилъ необычную кучку народа и подѣхалъ къ ней; оказалось, что всѣ мужчины айля, въ числѣ 10 человекъ, были заняты однимъ изъ воинскихъ упражненій «сүръ харбуху», которое составляетъ пріятное развлеченіе взрослыхъ монголовъ. Это — стрѣльба изъ лука въ сүръ, — цѣль, состоящую изъ деревянныхъ столбиковъ, на подобіе кеглей и устанавливаемую шагахъ во ста отъ стрѣляющаго. Ничего серьезнаго такія упражненія, конечно, не представляютъ: правда, онѣ, несомнѣнно, приучаютъ монголовъ къ ловкости владѣть лукомъ; но производится все это именно въ видѣ забавы, вяло, апатично, даже безъ видимаго задора и желанія отличиться. Большинство стрѣлъ оказывалось не долетавшими до цѣли, удачный же выстрѣлъ вызывалъ равнодушно и уныло распѣваемый макталь, — хвалебный гимнъ, исполненіе котораго совершалось какъ бы по традиціи, или заказу. Дорога наша тянулась почти прямо на западъ. Она была очень торною по той причинѣ, что являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовою дорогою, соединявшею кяхтинскій Маймачэнъ со ставкою Цэ-цзасака. Всякія распоряженія и командировки отъ маймачэнскаго царгучея въ означенный хошүнъ идутъ по этой дорогѣ. Въ 5½ часовъ мы доѣхали до небольшой гряды горъ, тянувшихся по южной сторонѣ долины рѣки Се-

ленги и носящихъ названіе Хонгильтү ұла, за которыми еще далѣе на западъ потянулись горы Чжиргалантү. Въ этой южной части долины Селенги населенія лѣтомъ почти не бываетъ на протяженіи приблизительно верстъ 12, и недостатокъ воды служитъ естественною для сего причиною. Еще далѣе, у западной окраины горъ Чжиргалантү, находится уже и вода, но мѣстные монголы засѣвають здѣсь просо и откочевываютъ отъ этихъ полей изъ опасенія ихъ поправки. Миновавъ эти пашни, мы остановились на ночлегъ на берегу р. Селенги, между горами Чжиргалантү и Селенгійнъ бѣмъ. Селенга дѣлаетъ здѣсь довольно крутой поворотъ къ югу и какъ бы запираетъ на западѣ долину, по которой до сего времени лежалъ нашъ путь. Часовъ въ 9 вечера ютящіеся по берегамъ Селенги журавли подняли страшный крикъ и мѣстные монголы приняли это за предвѣстіе дождя тѣмъ болѣе, что съ юго-востока показывались не большія тучки, а онѣ, говорятъ, всегда приносятъ съ собою дождь.

29-е Юня. Понедѣльникъ.

Въ 9 ч. утра $+ 12^{\circ}$; 12 ч. дня $+ 14^{\circ}$; 9 ч. вечера $+ 13^{\circ}$.

Дѣйствительно, не прошло, вѣроятно, и двухъ часовъ, какъ началъ накрапывать порядочный дождикъ. Я проснулся въ 12 $\frac{1}{4}$ часовъ, будучи разбуженъ своими заботливыми бурятами, которые закрывали нашу убогую телѣгу, накидывая на нее мѣшанъ, или полотняную палатку, чтобы хотя немного защитить насъ отъ дождя. Мелкій дождикъ съ перерывами шелъ всю ночь. Въ 6 часовъ утра термометръ показывалъ только $+ 10^{\circ}$, въ 9 часовъ онъ поднялся до 12 и такъ прошелъ весь день сѣренькимъ и непригляднымъ. Мы двинулись въ путь ровно въ 8 часовъ утра и не болѣе, какъ минутъ черезъ 15 подѣхали къ пашнямъ, которыя обрабатываютъ здѣсь китайцы, выходцы изъ кяхтинскаго Маймачэна. Пашни эти тянутся въ длину непрерывною полоскою верстъ на пять, а въ ширину занимаютъ пространство съ версту. Называются онѣ отъ имени прилежащей горы «Бѣмийнъ таря» т. е. Бомскія пашни. Земли подъ пашни арендуются китайцами прямо въ хошунномъ управленіи Цэ-цзасакъ за годовую плату, 8 мѣстъ толстаго кирпичнаго чая, при чемъ князь вмѣстѣ съ отдачею земель, обязуется имѣть и общую ихъ охрану, для чего наряжаетъ изъ хошүна нѣсколько семей монголовъ, которые должны кочевать неподалеку отъ пашень и воспрещать какъ поселенія здѣсь монголовъ, такъ и остановку въ этихъ мѣстахъ каравановъ. Собственно, арендаторами являются два китайца, которые несутъ на себѣ всю отвѣтственность по расчетамъ и могущимъ возникнуть дѣламъ; но на самыхъ пашняхъ китайцевъ проживаетъ не менѣе 20 человекъ, являющихся уже въ видѣ хлѣбопашцевъ-работниковъ. Пашни проходятъ у самой дороги; за ними, ближе къ горамъ

расположена и китайская заимка, являющаяся въ видѣ десятка бѣдныхъ, глинобитныхъ байпиновъ. Засѣянными мы видѣли здѣсь ячмень, овесъ и пшеницу, ближе къ байпинамъ попадался горохъ; говорятъ, что засѣвается еще и просо, но мы не видали его зелени. По пашнямъ проведено множество мелкихъ канавъ, являющихся развѣтвленіемъ одной магистральной, проведенной отъ Селенги. Саженьяхъ въ 300 отъ конца пашень Селенга подходитъ къ самымъ горамъ, образующимъ здѣсь почти отвѣсный утесъ (бѣмъ); дорога посему уклоняется на югъ и направляется къ пересѣченію сѣверныхъ отроговъ горнаго хребта Бурунъ нуру. Такое пересѣченіе совершается переѣздомъ черезъ «семь переваловъ», отчего и вся эта мѣстность носитъ названіе «Долонъ даба». Мы подъѣхали къ этимъ переваламъ и начали подниматься на первый изъ нихъ въ 9¼ часовъ. Онъ оказался состоящимъ изъ шести пригорковъ, спускающихся чрезвычайно круто, оттого и въ общемъ долженъ быть признанъ труднымъ для подъема. Только благодаря сѣренькому дню наши лошади сравнительно безъ особенной усталости поднялись на него. По подъемѣ на первые два пригорка открывается великолѣпный видъ на долину Селенги. Въ западной своей части она течетъ здѣсь шестью извилистыми протоками, образуя множество острововъ самыхъ причудливыхъ формъ и поросшихъ чащами ракитника и ивы; далѣе къ востоку число протоковъ сокращается и наконецъ вся рѣка вступаетъ въ широкую долину и соединяется въ одну ровную, почти прямую ленту, по мѣстамъ блестящую своими струями, а чаще скрывающуюся отъ глазъ, такъ что направленіе ея можно прослѣдить только по высокимъ горамъ, у подножія которыхъ она течетъ, да по густой аллеѣ ракитника, которымъ поросли ея берега. Красота вида слабѣетъ развѣ только отъ того, что все здѣсь пустынно и глазъ не встрѣчаетъ ни жилищъ человѣка, ни даже пасущагося скота. Еще далѣе вверхъ по перевалу этотъ видъ уже скрывается за другими горами; но тогда здѣсь невольно увлекаешься окружающей природой. Всѣ горы поросли густою травою и нерѣдко представляютъ собою роскошный коверъ изъ цвѣтовъ: полевая астры, ярко красная сарана, сиреневыя и бѣлыя ромашки, медовники, шиповникъ, впрочемъ, уже значительно отцвѣтшій, мышиный горошекъ, шаральчжа почти сплошь устилаютъ мѣста по дорогѣ. На ряду съ этимъ въ травѣ оказалась такая масса кобылки, что, идя по травѣ, все время являешься какъ бы окруженнымъ желтою волною этихъ скачущихъ насѣкомыхъ. Взобравшись на первый перевалъ, мы нашли здѣсь устроенное изъ груды камней «обб», почти сплошь увѣшанное лоскутками разноцвѣтныхъ матерій и заброшенное палочками, древесными вѣтками, кусочками аргала и тому подобными приношеніями проѣзжающихъ. Нашъ старикъ бурятъ, какъ человѣкъ у же

облагороженно религиозный, не ограничился ни однимъ изъ такихъ приношеній: онъ имѣлъ при себѣ цѣлую связочку ключковъ, съ изображеніемъ хій морі¹⁾, которыя и закладывалъ онъ подъ камешки какъ этого, такъ и встрѣчавшихся намъ впослѣдствіи обѣновъ. Съ вершины перваго перевала нашъ путь уклонился на ЮЮЗ. Второй перевалъ, къ которому подошли мы въ 10 ч. 50 м., былъ такъ же высокъ какъ и первый, но онъ оказался болѣе пологимъ и длиннымъ, а потому и болѣе удобнымъ для ѣзды; третій имѣлъ у себя очень невысокій подъемъ, но чрезвычайно крутой спускъ; четвертый и пятый представляли собою ничто иное, какъ высокіе и пологіе увалы, удобно и легко переѣзжаемые въ телѣгахъ. Здѣсь повстрѣчали мы 10 человекъ хоринскихъ бурятовъ, ѣздившихъ на поклоненіе къ Ундуръ-гэгэну, въ монастырь Амуръ-баяскуланту. Трое изъ нихъ были верхами, въ одной телѣгѣ сидѣло двое стариковъ, мужъ съ женою, а въ остальныхъ двухъ, повидимому, жены и дѣти всадниковъ. Помимо этихъ бурятовъ мы за весь день не видали въ пути ни одного человека. То же безлюдье было на шестомъ перевалѣ, отъ котораго дорога круто повернула на СЗ, въ направленіи къ седьмому перевалу, болѣе высокому, чѣмъ четыре его предшественника, но такому же, какъ они, пологому. Только на вершинѣ этого перевала въ 2 ч. 35 м. пополудни мы повстрѣчали первый пасшійся на вершинѣ горы скотъ, а, спустившись съ этого перевала, ровно въ 3 часа добрались до перваго аіля. Аіль оказался совершенно пустыннымъ: въ 3-хъ его юртахъ даже были заперты на замокъ двери, въ четвертой сторожилъ юрту глухой и дряхлый старикъ, а въ пятой нашлась дѣвочка лѣтъ 11, возившаяся съ ребенкомъ, которому было едва ли не меньше года. Говорить со старикомъ не было ни какой возможности, а отъ дѣвочки я узналъ, что всѣ обитатели этого аіля уѣхали на свадьбу, празднующуюся въ одномъ изъ сосѣднихъ аілей, версть за 10—12. Юрта, въ которой жила дѣвочка, была очень бѣдна и показалась мнѣ отличною отъ всѣхъ прочихъ, вслѣдствіе развѣвавшася на ней флага. По распросу, оказалось, что она принадлежала шаману, и шаманомъ этимъ былъ старшій братъ дѣвочки, мужчина лѣтъ 30. Изъ числа необходимыхъ принадлежностей шаманскаго культа въ юртѣ не было почти ничего, только на лѣвой сторонѣ юрты, на небольшой полочкѣ, привязанной къ хāна²⁾, я увидалъ стоящими мѣдное литое изображеніе гáриди и точеную изъ дерева хій-морі, да наряду съ ними была привѣшана уродливая маска, на столько засаленная и загрязненная, что только хорошо присмотрѣвшись, можно было различить, что когда-то, встарину,

1) По буквальному переводу «воздушная лошадь», приносящая счастье.

2) Рѣшеткамъ, составляющимъ стѣны юрты.

она была выкрашена въ ярко красный цвѣтъ¹⁾. Дѣвочка разказала мнѣ между прочимъ, что, направляясь прямо по той дорогѣ, по которой мы ѣхали доселѣ, мы пріѣхали бы въ Амурь-баясхулантѹ; если же мы хотимъ заѣхать въ хурънь Цэ-цзасакà, то должны двинуться отсюда по пади, тянущейся прямо на сѣверъ и упирающейся въ долину р. Селенги. Падь эта оказалась носящею названіе Сучжи. Спускаясь по ней все ниже и ниже, мы съ половины ея начали встрѣчать пашни монголовъ, засѣянные просомъ. У самаго выхода въ долину Селенги почва дѣлается песчаною, и тѣмъ не менѣе кругомъ все поросло кустарникомъ, между которымъ попадалось много дикихъ яблонь. Въ 7 часовъ вечера мы выѣхали въ самую долину рѣки и черезъ полчаса остановились на правомъ берегу Селенги, у переправы черезъ оную, почти прямо противъ хуръня Цэ-цзасакà. Селенга въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 35 сажень.

30-е Іюня. Вторникъ.

9 ч. утра + 14°; 12 ч. дня + 18°, 9 ч. вечера + 12°.

Дневали, оставаясь на мѣстѣ вчерашней остановки близъ хуръня Цэ-цзасакà. Собственно давать теперь такое названіе этому хуръню не возможно, ибо Цэ-цзасакъ, полное имя котораго было Цэрэнъ-дондобъ, скончался въ Декабрѣ прошлаго года и въ настоящую пору преемникомъ его управленія считается внукъ его, имѣющій теперь отъ роду только 15 лѣтъ. Въ слѣдующемъ году онъ будетъ утвержденъ въ своемъ званіи богдоханомъ и тогда сдѣлается извѣстнымъ его имя; въ настоящую же пору оно, конечно, извѣстно всѣмъ правителямъ хошѹна и приближеннымъ князя, но, по принятому обычаю, не обнародуется во всеобщее свѣдѣніе, да и самъ народъ, усвоившій себѣ этотъ обычай и свято хранящій его, не старается узнать этого имени. Такимъ образомъ съ слѣдующаго года настоящій хошѹнъ и хурънь должны будутъ измѣнить свое названіе. За отсутствіемъ князя, до времени утвержденія его, верховное управленіе хошѹномъ сосредоточивается въ рукахъ двухъ тусалакчѣ. Мы встали, по обычаю, въ 5 часовъ утра и пока пили чай, все время слушали дикіе крики какого-то монгола, пріѣхавшаго на перевозъ и вызывавшаго перевозчиковъ, чтобы переправиться на противоположную сторону рѣки. Кричалъ онъ не менѣе часа но, очевидно, перевозчики, привыкнувъ къ такимъ крикамъ, не торопились проснуться и удовлетворить желаніе просителя. Безъ усиленно настоятельной нужды монголы не умѣютъ просыпаться рано и любятъ понѣжить себя утреннимъ сномъ. Зная это, я только въ 9 часовъ утра выѣхалъ

1) Впоследствии изъ разговоровъ съ монголами я узналъ, что прежде здѣсь было много шамановъ; но Цэ-цзасакъ страшно не любилъ ихъ и теперь во всемъ хошѹнѣ осталось не болѣе трехъ человекъ, да и тѣ, говорятъ, плохіе.

со своего стана съ цѣлью посѣтить хурѣнь и тамагү, или хошүнное управление Цэ-цзасака. Переправа черезъ Селенгу находится подъ горою, именуемою Оббту и совершается здѣсь на небольшомъ баркасѣ, который мѣстные монголы устраиваютъ ежегодно по два раза въ годъ, для чего приглашаютъ нашихъ бурятъ, кочующихъ по Чжидѣ. Сосновое дерево для постройки заготовляютъ сами монголы, буряты же только выдѣлываютъ изъ него доски и строятъ самый баркасъ. Обыкновенно ихъ приѣзжаетъ 4, 5 человекъ и проживаетъ здѣсь отъ 8 до 10 дней; содержаніе во время работы идетъ на половину монгольское, плата же за постройку настоящаго баркаса была 60 р. с. Въ три мѣсяца баркасъ дѣлается уже негоднымъ для употребленія и требуетъ или капитальнаго ремонта, или же вовсе бросается. Перевозъ, по обычаю, албаный (казенный) и для отправленія этой повинности назначается двѣ оркѣ¹⁾ монголовъ съ двумя причисляющимися къ нимъ хамчжигга. Проѣхавъ черезъ хурѣнь и узнавъ, что завѣдующій имъ да-ламъ уѣхалъ куда-то въ степь, я направился въ тамагү, чтобы посѣтить тусалакчи, надѣясь, что да-ламъ успѣетъ возвратиться ко времени моего обратнаго проѣзда.

Тамага, т. е. печать, или мѣсто гдѣ хранится печать, каковымъ именемъ обозначается хошүнное управленіе, находится приблизительно верстахъ въ трехъ отъ хурѣня. По дорогѣ намъ попалось десятка три юртъ, принадлежавшихъ служащимъ при тамагѣ монголамъ. Самая тамага заключаетъ въ себѣ только два зданія: во первыхъ, огражденный частоколомъ деревянный байшинъ, служащій архивомъ и складочнымъ мѣстомъ для разнаго рода припасовъ, и, во вторыхъ, войлочную юрту, собственно и отправляющую назначеніе какъ зала для присутствія, такъ и помѣщенія канцеляріи; здѣсь-то и принималъ меня тусалакчи. Юрта оказалась довольно обширной, но какъ всякое присутственное мѣсто имѣла казенную обстановку. Прямо противъ двери на трехъ, четырехъ ширдыкахъ²⁾ и одномъ, покрытою дабою, но уже поистершемся отъ времени олбокѣ сидѣлъ тусалакчи; по стѣнамъ юрты были разставлены сундуки для храненія бумагъ, а впереди ихъ были протянуты въ два ряда положенные ширдыки, на которыхъ возсѣдало служащее при этомъ ямуи чиноничество. Меня посадили на первомъ изъ такихъ мѣсть, положивъ предварительно такой же олбокъ, на какомъ сидѣлъ и тусалакчи. Тусалакчи Хблой оказался здоровымъ человекомъ, лѣтъ подл 40, съ довольно серіознымъ лицомъ. Онъ назначенъ на свою должность только годъ тому назадъ и лишь осенью прошлаго года возвратился изъ Пекина, послѣ обычнаго представленія богдохану. Какъ и у всякаго молодого и

1) Оркѣ = семья, или юрта.

2) Продолговатые войлоки, простеганные узорами и употребляемые для сѣдалища.

малоопытнаго чиновника въ его обращеніи со мною проглядывала сначала нерышительность и какъ бы робость; онъ, очевидно, боялся принять меня не такъ, какъ слѣдуетъ: либо не оказать должнаго почтенія мнѣ, либо унижить себя, сказать что-либо лишнее, или показаться не знающимъ своего положенія и должныхъ отношеній. Присутствіе въ юртѣ разнаго рода чиновъ хошуннаго правленія также замѣтно стѣсняло его, оттого въ своихъ разговорахъ онъ оказался крайне осторожнымъ. Живо бесѣдуя со мною о хошунныхъ монастыряхъ и хутухтахъ, онъ совершенно замыкался какъ скоро вопросъ касался его личнаго дѣла, говорилъ въ общемъ, что обязанности тусалакчи очень обширны и что онъ, просидѣвъ уже изъ своей очереди 1½ мѣсяца, ждетъ не дождется, когда пройдутъ еще 15 дней и очередь его пребыванія въ ямунѣ окончится. Два мѣсяца предстоявшаго пребыванія дома были, по его словамъ, счастьемъ. Я понялъ, что какъ всякій монголъ, онъ не можетъ отвѣчать на интересовавшіе вопросы прямо, не зная меня и, главное, въ присутствіи толпы; оттого старался теперь познакомить его только съ собою: вспоминалъ старое изъ своихъ путешествій по Монголіи, спрашивалъ о хошуннахъ и нѣкоторыхъ лицахъ. То обстоятельство, что у насъ напало нѣсколько общихъ знакомыхъ ламъ и тайчжіевъ, сразу сблизило насъ, и разговоръ пошелъ замѣтно оживленнѣе. Что касается ихъ собственнаго хошүна, то тусалакчи между прочимъ разказалъ мнѣ; что населеніе его составляется изъ четырехъ сумуновъ, при которыхъ числятся 600 семей латниковъ такъ называемыхъ «дансатай», т. е. внесенныхъ въ государственные списки; но помимо сего это населеніе раздѣляется еще на 10 баковъ, изъ числа коихъ онъ назвалъ Барунъ хамчжилга, 2) Цзунъ хамчжилга, 3) Ламахайнъ шаби 4) Тайчжинаръ, 5) Барунъ табинъ, 6) Цзунъ табинъ. Каждый изъ четырехъ утвержденныхъ сумуновъ управляется цзанггиномъ; а каждый изъ 10 баковъ «хүндүемъ», за исключеніемъ тайчжинаровъ, управляемыхъ хунъ-тайчжіемъ (түрүлүнъ даруга) и ламахайнъ шаби, управляемыхъ даргю. Помимо сего на земляхъ хошүна Цэ-цзасака кочуютъ шабинары принадлежащихъ этому хошуну хутухтъ: «Номунъ хана», и Дара эхэ. Шабинары ихъ, управляются шанцзотбами въ имѣющемся при каждомъ изъ нихъ ямунѣ и, по крайней мѣрѣ въ хозяйственномъ отношеніи, общему управленію хошүна не подлежатъ вовсе. Кочевья ихъ располагаются главнымъ образомъ вблизи тѣхъ хутухтинскихъ монастырей, къ которымъ они приписаны. Главнѣйшими монастырями хошүна являются: 1) Нинчжй-дольби, или монастырь Цэ-цзасака, 2) Амуръ баясхуланту, 3) Номунъ-ханай хитъ, именуемый еще Үрүшиэли сойокчи сумэ и находящійся къ западу отъ хурьня Цэ-цзасака, также точно на берегу р. Селенги, у горы Дабхурь-

хань-ула 4) Дард эхэйнъ (дархйнъ) хитъ. Помимо сего есть еще нѣсколько малыхъ дугуновъ, при которыхъ ламы не живутъ постоянно.

Китайцы являются въ этомъ хошунѣ, какъ выходцы изъ Кяхты, занимающіеся торговлею, или хлѣбопашествомъ. Главнѣйшія пашни ихъ находятся на правомъ берегу Селенги, въ урочищахъ: Тольбй, Усунъ-сѣрь, Бѣмъ и Хуйтунъ-шард, а на лѣвомъ — въ урочищѣ Тийрикъ.

Распростившись съ тусалакчй, я обошелъ ямуны и въ это время увидалъ особый приборъ, именуемый Мухулэ ~~тукун~~. Это деревянный ящикъ, имѣющій нѣкоторое подобіе нашего гроба и замѣняющій собою у мѣстныхъ монголовъ домъ предварительнаго заключенія, острогъ и вообще всякую тюрьму. Устраивается мухулэ обыкновенно изъ сосновыхъ досокъ, въ 1 вершокъ толщиною и составляется собственно изъ четырехъ частей. Во первыхъ, четыре доски, образующія боковыя стѣны ящика, длиною въ два аршина каждая; во вторыхъ, четыре такія же поперечныя доски, со стороны головы и ногъ заключеннаго, длиною по 15 вершковъ каждая; въ третьихъ, двѣ доски, образующія дно юрты, длиною также въ два аршина и наконецъ, въ четвертыхъ, двѣ доски для крышки ящика такой же длины. Боковыя доски имѣютъ у себя выемки, въ которыя вставляются шипы поперечныхъ и закрѣпляются деревянными клиньями. Дно прикрѣпляется къ ящику пластинами полосоваго желѣза, между же собою доски его скрѣплены тремя шпонками. Въ передней части этихъ досокъ dna, продѣлано отверстіе для спуска нечистотъ заключеннаго; въ двухъ верхнихъ доскахъ крышки также вырѣзано два полукружія, которыя въ соединеніи образуютъ кругъ въ $4\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ для вставляванія шеи заключеннаго. Сюда мѣстное начальство сажаетъ своихъ преступниковъ и послѣдніе просяживаютъ въ этого рода тюрьмахъ иногда 3 и 4 мѣсяца.

Вернувшись къ своей телѣгѣ, я засталъ здѣсь тайчжи 4 ст. и узналъ, что тусалакчй назначилъ его для моей почетной охраны и сопровожденія меня до дому. По дорогѣ въ хурънь мой провожатый разъяснилъ мнѣ, что онъ получилъ свою степень съ утвержденія богдохана и что въ ихъ хошунѣ почти всѣ тайчжи, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, испрашиваютъ себѣ такое утвержденіе, такъ какъ безъ онаго они не могутъ ни носить шарика, ни воспользоваться другими правами, соединяющимися съ ихъ происхожденіемъ. Если какой-либо тайчжи, прежде своего совершеннолѣтія приметъ званіе тѣйна, то онъ точно также долженъ ходатайствовать о своемъ утвержденіи. Правда, ему не даютъ шарика, но зато онъ получаетъ такъ называемый «джабъ», т. е. свидѣтельство о своемъ тайчжискомъ происхожденіи; если бы впослѣдствіи ему пришлось оставить духовное званіе, то это свидѣтельство прямо даетъ ему всѣ права тайчжія.

Подъѣхавъ къ хурѣ, я узналъ, что да-ламà еще не возвратился, и мнѣ пришлось ходить по хурѣню уже одному. Толпа низшихъ ламъ тотчасъ же окружила меня, но отъ нихъ я не могъ узнать многого. Исторія монастыря, его святыни, достопримѣчательности и богатства, все это было имъ совершенно не извѣстно. Они могли только сообщить мнѣ, что хурѣнь этотъ раздѣляется на десять аймаковъ и имѣеть всего 22 кумирни. Постоянно живущихъ при немъ ламъ считается не болѣе 300 человекъ, всего же числится до 1000, которые, однако, по большей части живутъ въ степи и приходятъ въ хурѣнь только 4 раза въ годъ, въ дни великихъ хураловъ. Въ хурѣни существуетъ ученіе панита, но состоящіе въ этомъ аймакѣ¹⁾ ламы имѣютъ только званіе гѣбшѣ, для полученія же высшихъ степеней, габжжү и др., должны отправляться въ Ургү. При хурулѣ живетъ одинъ хубилганъ, именуемый Ламахай. Это перерожденіе одного халхаскаго ламы, существующее нынѣ уже во второмъ своемъ видѣ. Ламахай имѣеть своихъ шабинаровъ, число которыхъ, впрочемъ, весьма не велико.

По дорогѣ къ мѣсту своей стоянки, бесѣдуя съ провожавшимъ меня тайчжіемъ, я узналъ, что онъ состоитъ при тамагѣ ради отправленія почтовой службы. Почтовая станція при тамагѣ назначается для отправки командируемыхъ по казенной надобности чиновниковъ и казенныхъ пакетовъ въ ближайшій хошүнъ. Сообразно сему главнѣйшая гоньба совершается здѣсь, во первыхъ, по направленію къ Кяхтѣ и во вторыхъ, въ хошүнъ Барунъ цзасакà, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ хошүнъ Урчжанъ-цзасакà. До Кяхты считается здѣсь 4 станціи: 1) Кяхта, 2) Орхонъ, 3) урочище Гангà и 4) урочище Монсонай: До хурѣни и тамаги Барунъ цзасакà также 4 станціи. На каждую изъ такихъ станцій назначается для отбыванія почтовой повинности 8 семей хошүнныхъ монголовъ, къ которымъ присоединяются еще 8 хамчжилгà. Первые — люди состоятельные, имѣющіе у себя достаточное число лошадей для почтовой гоньбы и скота для удовлетворенія содержанія ѣдущихъ чиновниковъ; вторые — совершенно бѣдные и отправляютъ свою повинность, служа у первыхъ въ качествѣ кучеровъ, посыльныхъ, или проводниковъ въ дорогѣ.

Вечеромъ, часовъ въ шесть, жена вмѣстѣ съ Ив. Фед. отправилась на берегъ Селенги ловить удочкою рыбу. Сначала эта ловля была неудачна: одна большая таймень и двѣ щуки то срывались у нихъ съ удочки, то перекусывали лесу. Они перемѣнили послѣднюю на болѣе толстую и вскорѣ достали щуку въ 8 фун. вѣсомъ и засимъ окуня, въ 3 фунта. Этого было достаточно для ухи на ужинъ, а потому и ловля была прекращена, тѣмъ

1) Отдѣленіи монастыря.

больше что ко мнѣ пріѣхалъ тусалакчй, которому я дѣлалъ визитъ утромъ и, слѣдовательно, женѣ нужно было заняться угощеніемъ и хозяйствомъ.

Тусалакчй пріѣхалъ ко мнѣ въ 7 ч. въ сопровожденіи двухъ бичѣчи, или письмоводителей. Чтобы послѣдніе не мѣшали нашимъ бесѣдамъ, я приказалъ своимъ бурятамъ взять ихъ къ себѣ и угостить ихъ, а самъ остался одинъ съ тусалакчй. Меня интересовало главнымъ образомъ положеніе хошўна и по этому поводу тусалакчй сообщилъ мнѣ очень многое, хотя рѣчь его была въ сущности сплошною жалобою на современное состояніе дѣлъ.

Положеніе нашего хошўна, говорилъ онъ, очень жалкое. Много лѣтъ уже изъ года въ годъ идутъ у насъ то засухи и неурожай травъ въ лѣтнее время, то страшные снѣга и холода зимою: масса скота погибла и жители дошли до крайняго положенія бѣдности. Года четыре, пять тому назадъ (т. е. съ 1886, 1887 гг.) мы не только не были уже въ состояніи отправлять возлагаемыхъ на насъ податей, или выплачивать долги, сдѣланные китайцамъ, но многіе изъ тайчжіевъ и податныхъ нашего хошўна умерли съ голоду, а еще большее число ушло за границы хошўна и начало промышлять разбоями, или разбрелось и разсѣялось, собирая по другимъ мѣстамъ милостыню. Покойный цзасакъ Цэрэнъ-дондѣбъ и его тусалакчй ровно ничего не могли сдѣлать для удержанія этихъ людей, и будетъ правильно сказать, что они только носили имя начальства, значеніе же цзасачества и хошўна упало тогда до самой низкой степени. Обезсиленные они обращались къ сейму князей, выясняя свое положеніе и прося сеймъ или разложить приходящіяся съ нашего хошўна подати на другіе хошўны, или помочь намъ, выхлопотавъ сокращеніе суммы нашихъ долговъ китайцамъ, или наконецъ походатайствовать о разсрочкѣ въ уплатѣ этихъ долговъ. Цзасакъ Цэрэнъ-дондѣбъ просилъ даже о томъ, чтобы назначили на его мѣсто другаго цзасака, который былъ бы помоложе и поспособнѣе его, а потому могъ бы лучше его сдерживать народъ, управлять имъ и подыскивать ему средства къ жизни. На все это у сеймовыхъ правителей былъ постоянно одинъ отвѣтъ, что всѣ хошўны ханъ-ўласкаго сейма одинаково находятся въ томъ же состояніи крайней бѣдности и раскладывать подати, причитающіяся съ цэрэнъ-дондѣбова хошўна, не на кого, а потому они рекомендовали Цэрэнъ-дондѣбу и его тусалакчямъ *какъ-нибудь*, возможными мѣрами, поддерживать народъ и взыскивать съ него требуемые въ казну взносы. Одновременно съ симъ, по опредѣленію начальства, возникали новые налоги, дѣлались новыя раскладки, поступали новыя требованія, и все это требовалось строго, подъ опасеніемъ штрафа за невысылку. Мѣстные правители наши старались поддерживать и умирять свой народъ, изворачивались на

разные манеры, но что могли они сдѣлать, если тайчи и данники не только что платить подати, а даже и самих себя не были въ состояніи прокармливать, умирали и разбѣгались?! А послы между тѣмъ каждую недѣлю ѣдутъ то съ той, то съ другой стороны и требуютъ или уплаты податей, или погашенія долга. Въ хошунномъ управленіи мы, въ свою очередь, должны были увеличить число разсылныхъ, чтобы откомандировывать ихъ въ разные концы, обыскивать жилища податныхъ; но что и обыскивать? Приѣдутъ, — ничего нѣтъ, кромѣ черной юрты, разбитаго, дыряваго котла, да кое-какого тряпья и лохмотьевъ. Мы отбирали и это, продавали, превращали въ деньги и мало-мало выплачивали подати, хотя и знали, что этимъ путемъ мы уже буквально низводимъ въ конецъ свой народъ. Нашъ хошунъ уже съ давнихъ временъ находился въ стѣсненномъ положеніи, и большая часть его податныхъ людей всегда искала себѣ средства къ жизни по карауламъ, на почтовыхъ станціяхъ, у шабнцевъ и у китайцевъ, нанимаясь къ нимъ на работы и ухаживая за ихъ скотомъ; были люди, которые дѣлали небольшія запашки и сѣяли хлѣбъ, другіе занимались вырываніемъ солодковаго и другихъ земныхъ корней. Но въ ближайшіе годы постоянныя засухи, неурожай и болѣзни привели его въ страшную бѣдность. Теперь за нами числится долгу по уплатѣ въ находящійся при сеймовомъ старшинѣ чжисанъ болѣе 1000 ланъ; на провѣянтъ солдатамъ и на разныя казенныя потребности 1300 слишкомъ кирпичей чая; въ кобдоскіе казенные табуны нужно отправить 8 лошадей и 1 верблюда; въ Ургу должно доставить 9 лошадей въ счетъ табуна, состоящаго для отправленія казенной службы при амбанияхъ и сеймовомъ управленіи (ᠠᠮᠪᠠᠨᠠᠭᠤ ᠰᠡᠮᠣᠮᠣ); наши сумѣнные отправляютъ службу такъ далеко, что ихъ найдете даже на 20 халхаскихъ станціяхъ (на калганско-улясутайскомъ трактѣ); мы выставаемъ цѣликомъ всю сотню солдатъ, состоящихъ при кяхтинскомъ царгучеѣ; по карауламъ, станціямъ и въ число цакдѣ отъ насъ должно выставаться около 130 юртъ; арендной платы по различнымъ хошунамъ, отбывающимъ повинность вмѣсто этихъ юртъ, мы должны вносить болѣе 10,000 ланъ; въ казначейство ургинскаго-хутухтѣ должны 60 лошадей; отъ насъ требуютъ приготовить новое оружіе для солдатъ нашего хошуна; мы обязаны послать на смѣну старымъ новымъ латниковъ на алтайскіе караулы; въ прошломъ году съ насъ требовали подводы для возвращающихся китайскихъ войскъ, теперь возложили поставку дровъ для китайскихъ солдатъ въ Ургѣ на 180 слишкомъ чавъ; китайскимъ купцамъ, проживающимъ въ Пекинѣ, Ургѣ, Улясутаѣ и Кяхтѣ: Тумэнъ-чжиргалу, Буянтү, Да-шэнъ-куй, Гунцүку, Даши и различнымъ мелкимъ китайскимъ торговцамъ, число которыхъ свыше 70, а также монголамъ мы должны,

взятыхъ подъ проценты, и это исключительно на казенные потребности, денегъ свыше 100,000 ланъ; по разнымъ хошӯнамъ своего аймака за нами числится больше 10,000 ланъ, образовавшихся главнымъ образомъ въ силу раскладки и уравненія суммъ, израсходованныхъ на казенныя же надобности; теперь мы дошли уже до того, что если снять со всѣхъ насъ послѣднй халатъ и оставить голыми, такъ и то нельзя удовлетворить всего того, что съ насъ требуется.

Въ доказательство того, что все сказанное справедливо, тусалакчй показалъ мнѣ отпускъ оффиціальной бумаги, свидѣтельствующій, что именно въ этомъ смыслѣ доставлено у нихъ теперь заявленіе о состояніи хошӯна въ канцелярію ургинскихъ амбаней и въ сеймовое управленіе. Въ заключеніе тусалакчй просилъ меня: не буду ли я настолько добръ, чтобы попросить русское начальство назначить снова по границѣ тѣ же цѣны на хлѣбъ, которыя стояли прежде.

Чтобы сдѣлать эту просьбу удобопонятной, я долженъ сказать, что люди наиболѣе состоятельные изъ хошӯна Цэрэнъ-дондоба, занимавшіеся хлѣбопашествомъ и прежде, теперь увеличили свои запашки иногда въ три и четыре раза, такъ что лѣтомъ они теперь, можно сказать, даже не кочуютъ, а живутъ на своихъ пашняхъ. Ближайшимъ поводомъ къ этому переходу изъ пастушескаго быта въ земледѣльческій были для цэрэнъ-дондобцевъ падежи скота, почти изъ года въ годъ повторявшіеся, начиная съ 1880 г. Падежи эти были настолько сильны, что въ хошӯнѣ Цэрэнъ-дондоба, равно какъ и во всей полосѣ отъ Кяхты до Урги, не осталось теперь ни одного сарлыка¹⁾. Въ соотвѣтствіе этому несчастію въ Монголіи, почти въ тѣ же годы, въ нашемъ Забайкальи и мѣстахъ, прилежащихъ Кяхтѣ, случились неурожай, при которыхъ цѣна на хлѣбъ возросла до двухъ р. с. за пудъ. Русскіе хлѣботорговцы начали закупать хлѣбъ въ Монголіи, а одинъ изъ нихъ, именно купецъ И. Ф. Голдобинъ, желая возбудить у монголовъ большій интересъ къ хлѣбопашеству, началъ еще въ 1884 г. выдавать имъ вмѣсто обычной оптовой платы 1 р. 20 к. за пудъ, по 1 р. 60 к. Въ результатѣ амбары г. Голдобина были полны хлѣба, а монголы взялись за выгодное для нихъ воздѣлываніе полей, отъ котораго не отстаютъ и теперь, хотя помянутыя необычайныя цѣны для нихъ уже и прекратились. Памятуя, однако, старыя выгоды, тусалакчй и просилъ, нельзя ли снова назначить цѣны на хлѣбъ. Конечно, я отвѣчалъ ему, что цѣны на товаръ стоятъ у насъ не въ волѣ начальства и что это чисто дѣло торговцевъ.

1) Тибетскій быкъ *Bos gruniens*.

Въ 9 ч. тусалакчї уѣхалъ отъ меня и мы разстались друзьями.

1-е Юля. Среда.

4 ч. утра $+ 5^{\circ}$; 9 ч. $+ 22^{\circ}$ (на солнцѣ); 12 ч. $+ 29^{\circ}$ (на солнцѣ);
3 ч. $+ 23$; 9 ч. $+ 10^{\circ}$.

Съ утра повторилась вчерашняя исторія криковъ на перевозѣ. Мы оставили свою стоянку въ 7 ч. 30 мин. и двинулись назадъ тою же дорогою, по долинѣ р. Селенги, до горъ, именуемыхъ Асамъ эльчжиндѣй. Въ долинѣ можно было замѣтить теперь массу бурундуковъ и еврашекъ. Достигнувъ известной уже намъ пади Сѹчжи, мы начали подниматься по ней обратно, только на этотъ разъ уже другой стороною пади къ перевалу, именуемому Цэгѣйнъ даба. Послѣдній представляетъ собою пологую возвышенность и мало-по-малу уклоняется на западъ, имѣя такимъ образомъ ЗЮЗ. направление. По дорогѣ снова замѣчено было не мало засѣянныхъ пашень, но еще болѣе оставленныхъ годъ, или два тому назадъ; мѣста не распаханная опять начали представлять собою пестрый коверъ различныхъ цвѣтовъ, между которыми, какъ новость для насъ, попадались гвоздика и желтенькая львиная пасть. На вершинѣ Цэгѣйнъ даба оказался песчанымъ, а спускъ съ него такимъ же пологимъ какъ и подъемъ. Изъ пади, въ которую мы теперь спустились, видно было прямо на сѣверъ теченіе Селенги и три пади въ горахъ, окаймляющихъ лѣвый берегъ ея. Во всѣхъ этихъ падахъ ясно различались квадратныя поля зеленыхъ посѣвовъ, а срединная изъ нихъ, самая большая, именуемая Угѣмѹръ, была почти сплошь засѣяна. Неподалеку отсюда намъ повстрѣчался молоденькій лама, лѣтъ 19—20-ти, изъ хуръни Цэ-цзасакъ; онъ ѣздилъ на побывку домой и теперь снова возвращался въ хурънь, везя съ собою на парѣ быковъ два куля хлѣба, который засѣваютъ и обрабатываютъ его отецъ и старшіе братья. Въ 9 ч. 45 м. дорога наша повернула прямо на сѣверъ и мы, повидимому, выѣхали на старыи путь, который оставили, чтобы побывать въ хуръни Цэ-цзасакъ. Отсюда мы все еще продолжали спускаться и въ 10 ч. 20 минутъ снова выѣхали въ долину р. Селенги въ урочищѣ, именуемомъ «ѹхэръ чулѹ», т. е. «Быкъ-камень». Такое свое названіе урочище получило отъ высокаго скалистаго утеса, обрывисто спускающагося въ рѣку и находящагося прямо противъ той пади, по которой лежала наша дорога. Къ востоку отсюда мы снова увидали хурънь Цэ-цзасакъ, находившійся отъ насъ не далѣе, какъ на разстояніи 6—7 верстъ. Долина Селенги въ этомъ мѣстѣ имѣетъ ширины около 2-хъ верстъ и представляется чрезвычайно однообразной: ближе къ горамъ были видны кое-гдѣ небольшія пашни; но въ большей своей части она представляется широкимъ лугомъ, по коему тамъ и сямъ раскинуты квадратныя загороди,

устроенныя изъ тростника. Это указывало на существованіе здѣсь монгольскихъ зимниковъ. Въ настоящую пору населеніе по Селенгѣ было очень не велико, и въ теченіе трехъ часовъ намъ встрѣтился лишь одинъ лама, который оказался для насъ очень полезенъ, ибо разказалъ намъ дорогу. По его указаніямъ, миновавъ падь и гору, именуемую Цантѣйнъ-адакъ, мы должны были доѣхать до горы Эрдэни-обѣ, засимъ повернуть къ югу и ѣхать далѣе по пади, называющейся Тѣлбѣйнъ-амъ, слѣдуя вверхъ по теченію рѣки Тѣлби. Повернувъ въ эту послѣднюю падь, мы нашли здѣсь прекрасную торную дорогу, которую, по словамъ того же монгола, прокладываютъ главнымъ образомъ наши буряты, не рѣдко ѣздящіе лѣтомъ на поклоненіе въ Амуръ-баясхулантѣ, переходя границу у Боцѣйскаго караула. Мѣстное населеніе монголовъ занимается здѣсь земледѣліемъ, а зимою перевозкою чая и товаровъ отъ Урги до Кяхты. Ровно въ 12 ч. дня мы вступили въ Тѣлбѣйскую падь. Она оказалась почти сплошь разработанною подъ пашни, на которыхъ были посѣяны главнымъ образомъ ячмень и просо. Нѣсколько выше мы встрѣтили небольшой поселокъ китайцевъ, всего въ три фанзы. Монголовъ въ этихъ мѣстахъ не было совершенно, и кочевки ихъ здѣсь строго воспрещены хошуннымъ начальствомъ, во избѣжаніе погравы скотомъ посѣвовъ. Только въ 2 часа дня, у высокаго и чрезвычайно правильнаго холма, Сѣнту, намъ попался ѣиль; но, зашедши въ него, я повстрѣчалъ его хозяина занимавшимся плотничьимъ ремесломъ. Помимо убогаго вида его юрты, самое занятіе его обличало въ немъ крайняго бѣдняка, ибо видъ этого условія монголъ никогда не возмется ни за какую работу. Противъ этой долины Сѣнту, по словамъ столяра, на лѣвомъ берегу Селенги находится хурѣн Номунъ-хана, лишь недавно возвратившагося изъ русскихъ предѣловъ, гдѣ онъ, по приглашенію бурятскаго Ханбѣ-ламы, прожилъ довольно значительное время въ монастырѣ сего послѣдняго. Въ долинѣ Сѣнту опять таки разработано не мало земли, при чемъ намъ попалось второе поселеніе китайцевъ, уже въ 5 фанзъ. Пашни здѣсь, однако, не исключительно китайскія, но равнымъ образомъ и монгольскія. Канавами ни китайскія, ни монгольскія пашни не снабжены и орошаются исключительно падающими дождями. Такія пашни продолжаютъ по Тѣлбѣйской долинѣ до того мѣста, гдѣ съ восточной стороны она окаймляется горнымъ мысомъ, именуемымъ Ханхарѣйнъ хошѣ, а съ западной—горою, называемою Могдѣ ѣла. У этихъ мѣсть мы встрѣтили три отдѣльныхъ поселка китайцевъ, заключавшихъ въ себѣ отъ 3 до 5 фанзъ. На мысѣ Ханхарѣйнъ хошѣ построена небольшая кумирня, въ тибетскомъ вкусѣ, принадлежащая лично Цэ-цзасакѣ. Разказываютъ, что построена она была нѣкимъ Дарѣ-соронѣ, гэлѣномъ монастыря Амуръ баясхулантѣ,

не далѣе, какъ года три или четыре тому назадъ, т. е. въ 1888—1889 гг., но за симъ, не будучи въ силахъ содержать этой кумирни, Дарй-сорднъ подарилъ ее Цэ-цзасакѹ. Здѣсь до нѣкоторой степени можно считать границу его владѣній собственно съ СЗ стороны, и отсюда начинается такъ называемый Захальчжинъ-хошѹ, или нейтральныя, пограничныя хошѹнныя земли. Дѣло въ томъ, что у рѣки Бургултѣя, впадающей въ Селенгу съ правой стороны, проходитъ граница хошѹна цинь-вѣна тѹшѣтѹ хѣновскаго аймака. Пространство отъ береговъ этой рѣки, Бургултѣя, до горы Могдѣй ѹла считается пограничнымъ для хошѹна Цэ-цзасакѣ съ хошѹномъ цинь-вѣновскимъ и на такого рода земляхъ могутъ кочевать уже смѣшанно данники обоихъ хошѹновъ. Поднимаясь еще далѣе по Тѹльбѣйской пади, мы достигли до урочища Тѹльбѣйнъ эжинъ, т. е. истоки Тѹльби, и въ 7 ч. 15 мин. вечера остановились здѣсь для ночлега.

2-е іюля. Четвергъ.

4 ч. утра — 8°; 9 ч. утра — 12°, 12 ч. дня — 20°; 5 ч. — 22° 9 ч.

Выѣхали въ 6½ часовъ утра и мало-по-малу начали подниматься на перевалъ, густо покрытый листовичнымъ лѣсомъ, въ которомъ по мѣстамъ попадались еще береза и осина. Перевалъ этотъ ведетъ непосредственно къ хѣту¹⁾ Амѹръ-баяхулантѹ, а потому зовется «Хидѣйнъ-даба». У самаго подъема дорога дѣлаетъ крутой поворотъ и вмѣсто южнаго принимаетъ западное направленіе. Небо было сильно заволочено тучами, когда мы подѣхали къ самому подъему, и этому обстоятельству съ нашей стороны нельзя было не порадоваться тѣмъ больше, что лошади наши были не сильны, а переѣздъ довольно крутой и тяжелый. Правда, для придачи большей отлогости, дорога по нему проведена зигзагами; но это мало облегчаетъ путь, ибо встрѣчающіеся безъ числа по дорогѣ камни и корни деревьевъ дѣлаютъ движеніе повозокъ и въ повозкахъ почти невыносимымъ. Всѣ мои спутники шли теперь пѣшкомъ и по дорогѣ собирали грибы: шампиньоны, масленники и абабки, впрочемъ, едва ли ни единственные представители здѣсь этого рода растительности. Только къ 9-ти часамъ утра мы поднялись на перевалъ и засимъ въ одинъ часъ спустились съ него по пади, именуемой Байнъ-булѹкъ, гораздо болѣе пологой, главное же, не столь каменной и совершенно лишенной древесной растительности, а слѣдовательно, раскинувшихъ по землѣ древесныхъ кореньевъ. Въ 10 часовъ утра мы прибыли въ хѣтъ Амѹръ-баяхулантѹ. Въ 12 часовъ небо, слегка прояснившееся, снова покрылось тучами и пошелъ небольшой дождикъ; но вслѣдъ за симъ показалось солнце и въ воздухѣ стало просто

1) Хѣтъ = скитъ, монастырь.

душно. Въ тотъ же день я отправилъ одного изъ своихъ бурятъ съ хадаками къ ханбѣ-ламѣ и да-гэскѹю съ изъявленіемъ имъ своего привѣтствія и желанія познакомиться. Оба они прислали мнѣ свои хадаки съ просьбою пожаловать. Визиты къ этимъ лицамъ носили обычный характеръ: угощеніе чаемъ, айракомъ и сладостями; разговоръ о моемъ путешествіи и наконецъ нѣсколько моихъ вопросовъ о состояніи хита. — Вотъ все, что было въ этихъ визитахъ. О личностяхъ ханбѣ-ламы и да-гэскѹя можно сказать только то, что весьма научные въ дѣлѣ буддизма, они являются крайне необразованными по нашему, не зная не только исторіи страны, но даже своего монастыря.

Амурь-баясхуланту хитъ.

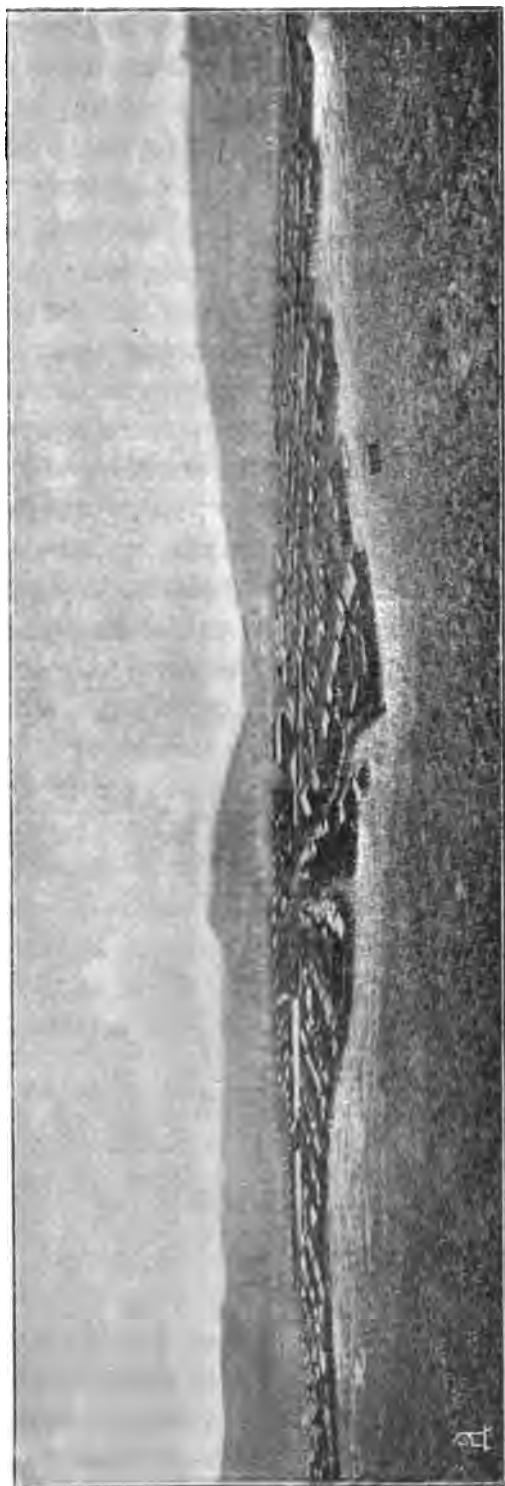
Монастырь Амурь-баясхулантѹ представляетъ собою одну изъ главнѣйшихъ святынь въ сѣверной Халхѣ. Онъ располагается при рѣкѣ Ибѣнъ-гѣль, или, лучше сказать, при одной изъ протоковъ этой рѣки, именуемой Номтѹ-горихѣнъ, у подножія южной стороны горы Бурѹнъ-хѣнъ.

Время основанія Амурь-баясхулантѹ относится къ періоду смерти Ўндѹръ-гэгѣна. Монголы говорятъ, что монастырь этотъ строился въ періодъ царствованія трехъ бодохѣновъ, и такое пониманіе если и не совсѣмъ точно, то все-таки имѣетъ свой *raison d'être*. Дѣло въ томъ, что по смерти перваго монгольскаго хубилгана Чжабцзѹнъ-дамба-хутухты, случившейся въ 1723 году, царствовавшей тогда въ Китаѣ императоръ Канси, особливо любившій Ўндѹръ-гэгѣна, издалъ высочайшій рескриптъ, коимъ повелѣвалось отпустить изъ государственнаго казначейства суммы и построить на нихъ особый монастырь, который долженъ былъ служить усыпальницею Ўндѹръ-гэгѣна. Въ періодъ царствованія Юнъ-чжѣна этотъ монастырь окончательно отстроился, въ царствованіе же Цянъ-луна въ него, въ 1779 году, были перенесены останки Ўндѹръ-гэгѣна, ранѣе чего монастырю былъ пожалованъ императоромъ такъ называемый «гэрэльтѹ-хѣшѣ чулѹ», т. е. камень съ вырѣзанною на немъ надписью, заключающею въ себѣ частію похвалу умершему халхаскому гэгѣну, частію обстоятельства построенія кумирни и наконецъ свидѣтельство о пожалованіи этому монастырю имени Амурь-баясхулантѹ, каковое пожалованіе во всегдашнемъ обычаѣ китайскаго правительства. Сами монголы, по своему обычаю, не преминули украситъ происхождение этого названія легендою. Разказываютъ, что богдохѣнъ, опредѣливъ построить монастырь Амурь-баясхулантѹ, командировалъ сюда знатоковъ счастливыхъ примѣтъ (шиньчжѣчи), для выбора мѣста. Знатоки эти, слѣдя вверхъ по теченію Ибѣна, дошли до горы Бурѹнъ-хѣнъ и у подножія ея встрѣтили играющихъ мальчика и дѣвочку. Спрошенные

объ именахъ, эти мальчикъ и дѣвочка отвѣчали, что перваго изъ нихъ звали Амуръ, а вторую, Баясуланту. Такое совпаденіе, на ряду съ особенностями мѣстности, почти убѣдило изслѣдователей въ счастливыхъ примѣтахъ этого пространства: они довели о немъ до свѣдѣнія богдохана и послѣдній, опредѣлилъ построить здѣсь монастырь, съ именемъ Амуръ-баясуланту. По преданіямъ мѣстныхъ ламъ, по отлогости горъ Бурунъ-ханъ до времени построенія монастыря было много отдѣльныхъ пригорковъ и бугровъ; всѣ они были скрыты, площадь земли уровнена и на ней воздвигнутъ былъ хуръ.

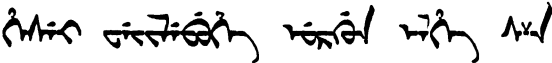
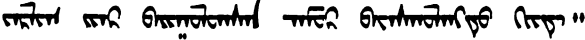
Въ настоящую пору Амуръ-баясуланту хитъ можно представить себѣ состоящимъ изъ трехъ частей, изъ коихъ среднюю составляютъ собственно зданія императорскихъ кумирень, обнесенныя каменною оградю, а двѣ боковыя значительно длиннѣйшія первой и не имѣющія оградъ, будутъ уже обоснованными на добровольныя приношенія монголовъ.

Подходя къ монастырю со стороны его главнаго входа, на югъ, прежде всего встрѣчается, по общему обычаю

Общій видъ монастыря Амуръ-баясуланту.

китайцевъ, «щитъ», именуемый монголами «пайлуръ», или небольшая стѣна, устроенная изъ обоженаго кирпича, оштукатуренная, окрашенная въ красную краску и имѣющая всрединѣ лѣпное украшеніе цвѣтовъ, сдѣланное изъ глазированной глины. По бокамъ этой ограды находятся два такихъ же столба со вдѣланною въ нихъ деревянною доскою, на которой остались еще слѣды нижеслѣдующей надписи: т. е. «многочисленные ваны, цзасаки, тайчжи и ниже, даже до простолюдиновъ, должны здѣсь сходить съ лошадей». Предписаніе это исполняется на столько строго, что не только монгольскіе князья, а даже ургинскій хутухтү, при своемъ посѣщеніи Амурь-баясхулантү, сходятъ здѣсь съ лошадей и далѣе идутъ пѣшкомъ вплоть до монастырскихъ воротъ, что составитъ приблизительно саженой 25 или 30. Пространство отъ щита до главныхъ монастырскихъ воротъ представляетъ собою обширную квадратную площадь, огражденную подвижными рогатками, чтобы на нее не могъ входить скотъ. Зданія, находящіяся за императорскою оградой, располагаются по тремъ уступамъ горной покатоности и, сообразно сему, самая ограда монастыря съ внѣшней стороны представляется въ трехъ своихъ частяхъ постоянно возвышающеюся какъ бы тремя порогами. Ограда сдѣлана изъ обоженаго кирпича, оштукатурена и окрашена въ желто-красную краску; кровля же стѣнъ ограды покрыта черепицею свѣтло коричневаго, или даже кофейнаго цвѣта. Въ оградѣ этой для прохода внутрь имѣется трое воротъ: главныя изъ нихъ, находящіяся на южной сторонѣ кумирни, снабжены по бокамъ двумя калитками, а подъ кровлею имѣютъ пожалованную монастырю богдоханомъ «бянь-э (扁額)», или обдѣланную въ золотую рамку дощечку, голубаго цвѣта, на которой золотыми буквами находится на языкахъ маньчжурскомъ, монгольскомъ и китайскомъ нижеслѣдующая надпись:

 勅 建 慶 寧 寺

т. е. «построенный по высочайшему повелѣнію монастырь Амурь-баясхулантү».

Внутри ограды императорскаго монастыря, съ сѣвера на югъ, располагается четыре отдѣльныхъ двора, съ построенными въ нихъ зданіями, главнѣйшими изъ которыхъ считаются слѣдующія:

На первомъ дворѣ, посреди самаго двора и прямо противъ главныхъ воротъ находится такъ называемое «тамагайнъ сүмэ». Это отдѣленіе мона-

стыря можно назвать чисто китайскимъ, такъ какъ основные предметы поклоненія въ этой кумирнѣ составляютъ, во-первыхъ, эцзэнү сүльдэ, а вторыхъ, такъ называемая монголами «тамага», или дощечка, пожалованная богдоханомъ монастырю и имѣющая точно такую же форму, какую имѣетъ дощечка, прибитая надъ воротами, только здѣсь она стоитъ на особо изготовленномъ для нея постаментѣ. Передъ входомъ въ это сүмэ стоятъ двѣ высокія жерди, называемыя «абургà-мāни», а по бокамъ его два кіоска, изъ коихъ одинъ на правой сторонѣ заключаетъ въ себѣ пожалованный императоромъ монастырю колоколъ, а другой, на лѣвой сторонѣ, — било, называемое монголами «хэйгэргэ». Оба эти предмета назначены для созыванія, посредствомъ издаваемыхъ ими звуковъ, ламъ къ совершенію хураловъ. Къ сѣверу отъ «тамагайнъ сүмэ» находится зданіе вторыхъ монастырскихъ воротъ, внутри которыхъ стоятъ кумиры четырехъ Махарачжа. Эти ворота, также какъ и первыя, бываютъ закрыты въ теченіе цѣлаго года. Онѣ приводятъ во второй дворъ, разбитый боковыми, такими же каменными, какъ и ограда монастыря, стѣнами на три отдѣленія. Поднявшись отъ вышеописанныхъ воротъ по лѣстницѣ въ пять порожковъ, вступаешь на площадку, на которой находится главная монастырская

Богдоханская кумирня монастыря Амурь-баясхуланту.

кумирня. Зданіе ея воздвигнуто на высокомъ каменномъ фундаментѣ, образующемъ вокругъ всей кумирни портики, на которые ведутъ съ трехъ сторонъ кумирни лѣстницы въ 12 порожковъ. Самое зданіе кумирни деревянное, съ такимъ же мезониномъ и покрыто черепицею ярко-коричневаго цвѣта.

Портики поддерживаются такими же деревянными колоннами, въ числѣ восьми на каждой сторонѣ кумирни, съ еще четырьмя отдѣльными, богѣ массивными колоннами по угламъ зданія. Кровля этихъ портиковъ также деревянная, украшена рѣзбою, выкрашена въ разноцвѣтныя краски и по мѣстамъ отдѣлана живописными изображеніями драконовъ и другихъ мѣологическихъ животныхъ Китая. На самой кровлѣ сѣмѣ, по общему обычаю китайцевъ, также стоятъ лѣпныя изображенія мѣологическихъ животныхъ. Это главное зданіе монастыря именуется цокчѣномъ и назначено для общаго служенія всѣхъ ламъ монастыря.

Передъ цокчинской кумирней находятся два деревянныхъ кіоска, которые называются у монголовъ «ту-пунай сѣмѣ». Въ стѣнахъ этихъ кіосковъ хранятся два камня, на которыхъ вырѣзана пожалованная богдоханомъ монастырю надпись, съ достаточною точностью объясняющая всѣ обстоятельства постройки монастыря. Въ монгольской лѣтописи Эрденійнъ эрихѣ мы имѣемъ сохраненную точную копию этой надписи, которую я представляю здѣсь въ текстѣ и переводѣ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

вѣнія Юнь-чжэна (богдохънъ), высочайшимъ указомъ, командировалъ сановниковъ, отпустилъ изъ государственнаго казначейства 100,000 ланъ серебра и приказалъ въ мѣстности монастыря, въ которомъ проживалъ онъ (Чжэбцзунъ-дамба хутухтү) изначала, построить большую обитель, собрать хуваракъ, поручить имъ объясненіе нѣмовъ, служеніе молебствій и устроить все согласно порядкамъ, принятымъ въ западной сторонѣ Далай-ламы и Баньчэнь-эрдэни. Въ 1-мъ году правленія Цянь-луна обитель была отдѣлана, и я, опредѣливъ монастырю имя «Амурь-баясхулантү», пожаловалъ ему собственноручную надпись, назвавъ его «основою добродѣтели міровъ, имѣющихъ число песчинокъ р. Ганга». Соизволяя за симъ на просьбы чиновниковъ, завѣдывавшихъ дѣломъ постройки, я повелѣлъ воздвигнутьobeliskъ и, выгравировавъ надпись, отмѣтить ею всѣ обстоятельства этого дѣла. Какъ подумаю я,—всѣмъ людямъ, порожденнымъ небомъ, присуще одно вѣчное, истинное свойство. Это истинное свойство не знаетъ богатыхъ и бѣдныхъ, не дѣлаетъ различія по внѣшнему виду и наружности, не полагаетъ дѣленія въ странахъ и мѣстностяхъ. Поступая согласно его отличительнымъ велѣніямъ, управлять—просто; оно же составляетъ и основу, на которой великіе государи построили свое ученіе. Желтая вѣра распространена въ сѣверныхъ странахъ; всѣ аймаки, не разбирая высшихъ и низшихъ, стремятся (къ ней) и нѣтъ никого, кто не исповѣдывалъ бы ее съ истиннымъ благоговѣніемъ. Сущность ея ученія представляетъ основы того, какъ исправлять дурные пороки и послѣдовать благимъ добродѣтелямъ. Если теперь монгольскія общины желаютъ изучать священное ученіе, предаваться созерцаніямъ и съ вѣрою вступить на истинный путь Будды, то для нихъ совершенно легко и полагать намѣренія, и поощрять другъ друга къ благимъ добродѣтелямъ. Остается только, чтобы каждый человекъ относился съ сочувствіемъ и возвышался въ добродѣтеляхъ. Кто не скажетъ, что это составляетъ самую насущную необходимость для вѣчной непрерывности того, чтобы всѣ мои дѣти, обитающіе за границами и великою стѣною, полагали въ основу своей дѣятельности соревнованіе въ добродѣтеляхъ и почитали наиглавнѣйшимъ миръ и спокойствіе вселенной, равно какъ и то, чтобы внутреннее и внѣшнее населеніе (имперіи пользовалось) довольствіемъ, радостями, благодѣяніями и милостями? Мои царственные предки милостиво осыпали своими ласками заграничныя аймаки и доставляли благоденствіе всѣмъ странамъ; оттого тьмы народовъ сдѣлались вполнѣ счастливыми, населеніе увеличивается и всякаго рода произведенія являются въ изобиліи и достаткѣ. Настоятели этой кумирни должны увѣщавать и руководить всѣхъ одушевленныхъ существъ, благовѣствовать имъ объ истинныхъ свойствахъ,

побуждать ихъ единомысленно стремиться къ просвѣщенію и благоустройству, дабы всѣ отдѣльныя личности и семья пользовались бы миромъ и спокойствіемъ и наслаждались бы святостью и блаженствомъ. Только въ такомъ случаѣ окажутся они достойно оцѣнившими высокія намѣренія, по которымъ царственный родитель мой доставлялъ свои милости и благодѣянія всѣмъ аймакамъ.

Правленія Цянь-луна 2-го года, (1737 г.) 1-й лѣтней луны, 7-го числа».

Сверхъ сего надъ дверями кіоска правой стороны, на деревянной доскѣ наклеена выписка изъ трактатовъ, заключенныхъ между Россією и Китаемъ, въ которой во всеобщее свѣдѣніе обнародуется свобода русскихъ разъѣздовъ въ предѣлахъ Монголіи. Помимо этихъ трехъ зданій въ срединномъ отдѣленіи второго двора не находится никакихъ построекъ; только по срединѣ и въ углахъ сѣверной стѣны его располагаются три небольшія калитки, черезъ которыя можно проходить на третій монастырскій дворъ. Въ среднюю изъ этихъ калитокъ проходитъ только гэгэнъ въ пору своего посѣщенія монастыря, для прохода же всѣхъ прочихъ ламъ и поклонниковъ назначаются двѣ боковыя калитки.

Въ боковыхъ отдѣленіяхъ втораго двора, какъ уже было сказано выше, устроены ворота восточныя и западныя, чрезъ которыя обычно ходятъ къ кумирнямъ всѣ посѣтителі оныхъ. Съ среднею, цокчинскою частью втораго двора боковыя отдѣленія онаго соединяются посредствомъ небольшихъ калитокъ. Въ обоихъ этихъ отдѣленіяхъ богдоханскихъ построекъ уже не имѣется, а находятся храмовыя зданія, воздвигнутыя монголами на собственный счетъ и примѣнительно къ потребностямъ исповѣдуемой ими желтой вѣры. Такъ на восточномъ дворѣ, у сѣверной стѣны онаго, стоятъ кумирни: 1) Чжудъ и 2) Манба, передъ дверями которыхъ стоятъ четыре хурдэ, для вращанія ихъ благочестивыми поклонниками; въ южной части того же отдѣленія въ настоящее время строится новый, большой храмъ панита. Въ западномъ отдѣленіи стоятъ: 1) на самомъ югѣ кумирня такъ называемаго 80-ти саженнаго Майдари, хотя въ дѣйствительности величина этого бурхана не превышаетъ здѣсь 60 маховыхъ сажней; 2) нѣсколько сѣвернѣе его кумирня для служенія панита и наконецъ у самой сѣверной стѣны расположена 3) кумирня «Гурумъ» съ чествуемыми въ ней 10 докшитами.

Третій дворъ внутри императорской ограды почитается самою основною святынею Амуръ-баясхуланту. Здѣсь находится пять отдѣльных кумирень. Срединною изъ нихъ является кумирня «Цау», т. е. изображенія будды Сакьямүни; по правую сторону ея располагаются, во-первыхъ, увѣнчанная золотымъ ганчжиромъ кумирня, въ которой хранятся «шарилъ» или

останки Ёндуръ гэгэна, и во-вторыхъ кумирня Аюши; а по лѣвую сторону во первыхъ кумирня, въ которой находится шариль 4-го хубилгана Чжэбцзунъ-дамбы и во-вторыхъ кумирня Мánлы.

Четвертый и самый сѣверный дворъ является до нѣкоторой степени какъ бы служебнымъ. Въ немъ, какъ и на третьемъ дворѣ, имѣется пять зданій, при чемъ средину занимаетъ такъ называемый Лабранъ, или байшинъ, съ оригинальною бѣлою черепичною крышею, въ которомъ останавливается Чжэбцзунъ-дамба хутухтѹ въ періодъ своего посѣщенія монастыря; по правую сторону отъ Лабрана стоятъ, во-первыхъ, такъ называемый Цаганъ-дугунъ, въ которомъ находится кумирь Ёндуръ-гэгэна и гдѣ въ періодъ посѣщенія хубилганами Чжэбцзунъ-дамбы монастыря Амуръ-баясхулантѹ имъ подносятъ даншійкъ халхаскіе нойны; а во-вторыхъ, кумирня Майдари; по лѣвую сторону Лабрана расположены, во-первыхъ, кумирня въ часть 4-го гэгэна, а во-вторыхъ, такъ называемый шутэнэй сумэ, главнымъ бурханомъ коего является кумирь Сэчжунъ, по преданію, полученный Абатай-хайномъ отъ Далай-ламы и перенесенный изъ Эрдэнцзѹ въ Амуръ-баясхулантѹ вскорѣ послѣ построения этого монастыря и перенесенія въ оный шарила Ёндуръ гэгэна.

Внѣ императорской ограды, по обѣимъ сторонамъ ея, располагаются жилища ламъ монастыря Амуръ-баясхулантѹ и особые, такъ сказать, общинные сумэ, къ которымъ эти ламы причисляются. Такихъ ламскихъ общинъ, именуемыхъ «аймаками», въ Амуръ-баясхулантѹ считается шесть и самыми большими изъ нихъ являются аймаки: а) Даши-чойнкоръ-линъ и б) Сангай, въ каждомъ изъ которыхъ числится отъ 500, до 600 ламъ. Въ остальныхъ аймакахъ, носящихъ названіе: в) Цзбгай, г) Дэджитъ-линъ, д) Пунцукъ-линъ и е) Шутэнэй, считается въ каждомъ отъ 250 до 300 ламъ. Такимъ образомъ общее число ламъ Амуръ-баясхулантѹ можно полагать въ 2000, или нѣсколько болѣе. По происхожденію своему почти всѣ они принадлежатъ къ вѣдомству шабинаровъ ургинскаго хутухты, но есть въ средѣ ихъ и пришедшіе изъ хошунъ не только восточныхъ, но и западныхъ аймаковъ. Жилища этихъ ламъ располагаются въ самомъ монастырѣ уже по монастырскимъ аймакамъ; каждый селится близъ своего аймачнаго дугуна, и въ общемъ составѣ монастыря эти шесть аймаковъ образуютъ, такъ сказать, шесть отдѣльныхъ кварталовъ, съ множествомъ мелкихъ улицъ и переулковъ. По крайней мѣрѣ четверть ламскаго населенія имѣетъ собственные дома, стереотипную форму коихъ представляетъ небольшой, огороженный частоколомъ изъ листовичныхъ бревенъ дворъ, съ узкими, двустворчатыми и окрашенными въ красную краску воротами. Внутри этого двора, обыкновенно на самомъ заднемъ планѣ, устраивается одинъ или два неболь-

шихъ глинобитныхъ бѣйшина, въ которыхъ ламы проживаютъ лѣтомъ; по бокамъ ограды дѣлаются навѣсы для склада подъ ними дворовой утвари, а по срединѣ двора ставится одна, двѣ или три юрты, въ которыхъ ламы живутъ уже безсмѣнно и лѣтомъ, и зимою. Всѣ эти постройки ламы обыкновенно воздвигаютъ сами, заготовляя лѣсъ въ близлежащихъ горахъ и получая глину изъ окрестностей монастыря. Обычная стоимость устройства такого жилища колеблется между 6 и 8 хунцзами¹⁾ чая, т. е. между 100 и 135 р. с.; но за послѣднее время цѣны на помѣщенія здѣсь начинаютъ значительно возвышаться и причиною сего является незначительность мѣста для построекъ. Дѣло въ томъ, что долина, на которой располагается Амурь-баясхулантѹ, представляетъ только очень узкую полосу вполне удобную для построекъ: съ сѣвера здѣсь возвышаются горы Бурѹнъ ханъ, отроги которыхъ, окаймляя монастырь съ востока, образуютъ пригорки, совершенно непригодные для устройства на нихъ жилищъ; оттого расширить монастырь къ востоку возможно не иначе, какъ только срывъ эти пригорки. На западной сторонѣ монастыря залегаютъ болотистая долина Ибѣна и его протоковъ, селиться на которой также невозможно вслѣдствіе чрезвычайной сырости почвы. Такимъ образомъ монастырю предстоитъ разрастаться только въ южную сторону, въ каковомъ направленіи и увеличивается, дѣйствительно, число его зданій. Содержание пищею и одеждою ламы имѣютъ собственное, частію получая его отъ своихъ, живущихъ въ степи родственниковъ, а частію зарабатывая его отъ приходящихъ богомольцевъ. Съ этою цѣлью они даютъ имъ помѣщеніе въ своихъ дворахъ, доставляютъ имъ воду и топливо, торгуютъ хадаками, безъ поднесенія которыхъ бурханамъ у монголовъ почти не бываетъ поклоненій и проч.; наконецъ нѣкоторое подспорье въ приобрѣтеніи жизненныхъ средствъ доставляютъ ламамъ и доходы, получаемые ими отъ раздѣла приношеній поклонниковъ, во время совершенія ламами служеній, или хураловъ.

Этихъ хураловъ въ монастырѣ Амурь-баясхулантѹ отправляется не особенно много. Въ аймачныхъ дугунахъ служеніе совершается даже не каждый день; для ежедневнаго же служенія назначены, во-первыхъ, два цанитскихъ хурала: одинъ изъ нихъ начинается часовъ въ 7 утра и оканчивается къ 11-ти, другой начинается часа въ 4 пополудни и оканчивается къ 6-ти вечера. Помимо сего въ періодъ утренняго цанитскаго хурала отправляется еще 3) Эмчійнъ-хураль въ кумирнѣ Мánлы, 4) Цзурхайнъ-хураль, 5) Йогайнъ-хураль 6) Чжудыйнъ-хураль, 7) Ламримъ и 8) совершаемый

1) Хунца — усвоенное сибиряками китайское названіе цибика чая; не менѣе рѣдко цибикъ чая называется еще у нихъ «мѣстомъ» чая.

всѣми монастырскими ламами цокчинскій хуралъ. Отдѣльно отъ этихъ хураловъ отправляется еще часовъ въ 5 утра и между 8-ми и 9-ю часами вечера такъ называемая чжиса, т. е. принесеніе жертвъ передъ останками покоящихся въ монастырѣ Ўндуръ-гэгэна и 4-го хубилгана ургинскаго хутухты. Для совершенія этихъ служеній назначается по очередно 5 избранныхъ и наиболѣе почетныхъ ламъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе низшіе обитатели монастыря даже не имѣютъ права приближаться къ этой святынѣ и ограничиваются поклоненіемъ ей передъ дверями кумирни, въ которой она находится.

Служеніе панита началось въ Амуръ-баясулантѣ съ 1763 года, но донинѣ обучавшіеся здѣсь ламы состояли только въ разрядѣ габшй, т. е. учениковъ панита и для полученія хотя бы первой ученой степени, габжж, должны были отправляться въ Ургу. Въ настоящемъ 1892 году монастырь Амуръ-баясулантѣ получилъ въ этомъ отношеніи важное повышеніе, будучи отяченъ правомъ самому возвышать панитскихъ учениковъ до степени габжж. Съ этою цѣлью въ 1-й лѣтней лунѣ изъ Урги былъ командированъ въ Амуръ-баясулантѣ ургинскій порчжй ламъ: въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ преподавалъ здѣсь высшую догматику ламаизма, велъ диспуты со здѣшними панитскими ламами и въ концѣ концовъ призналъ четырехъ изъ нихъ достойными степени габжж. Такимъ образомъ съ нынѣшняго года здѣсь образовалась своя конференція ламъ, имѣющихъ первую ученую степень панита, которая съ слѣдующаго года начнетъ уже свою, самостоятельную дѣятельность касательно возведенія изучающихъ панитъ ламъ въ степень габжж, хотя утвержденіе ихъ въ этой степени будетъ, по общему правилу, принадлежать Чжэбцзунъ-дамба хутухтѣ.

Изъ числа годовыхъ хураловъ церемонія круговращенія Майдари совершается въ Амуръ-баясулантѣ 15 числа послѣдней лѣтней луны, а цамъ 27 числа того же мѣсяца. Тотъ и другой хуралы отправляются здѣсь съ большими церемоніями и Амуръ-баясулантѣскіе ламы, хотя и сознаютъ, что ургинскій цамъ превосходитъ ихній по количеству пляшущихъ масокъ, однако и свой ставятъ не ниже по той причинѣ, что какъ цамъ, такъ и церемонія Майдари обставляются у нихъ 108 чимэками¹⁾, среди коихъ играетъ роль и несомая впереди дощечка, пожалованная монастырю богдоханомъ, чего нѣтъ при церемоніи Майдари и цамѣ ургинскихъ.

Геніевъ хранителей Амуръ-баясулантѣскій монастырь чествуетъ два, во-первыхъ, Чжамсарана, почитаемаго геніемъ хранителемъ (сакѣсу)

1) Буквально «украшеніями», которыя вродѣ нашихъ хоругвей выносятся при религиозныхъ церемоніяхъ. Побродности объ этомъ изложены въ т. IV-мъ.

Үндүр-гэгэна и всѣхъ вообще монастырей его, а во 2-хъ, Хламу избраннаго спеціально покровителемъ Амұръ-баясулантұ.

Значительное число избранныхъ хураловъ, служеніе цанита, а особливо учрежденіе монастыря богдоханомъ и нахождение въ немъ выдающихся святынь ставятъ Амұръ-баясулантұ очень высоко во мнѣніи халхасовъ. Хубилганы Чжэбцэунъ-дамба хутухты по мѣрѣ возможности постоянно посѣщаютъ этотъ монастырь. Такъ седьмой хутухтұ посѣщалъ его два раза съ большими церемоніями; настоящій гэгэнъ церемоніально и съ разрѣшенія пекинскаго правительства ѣздилъ въ Амұръ-баясулантұ только одинъ разъ, въ 1889 г.; но за то, склонный къ эксцентричностямъ, онъ въ 1890 г. два раза пріѣзжалъ въ Амұръ-баясулантұ, не сносаясь съ Пекиномъ и не спрашивая разрѣшенія начальства. Эти поѣздки онъ совершалъ въ обществѣ всего шести приближенныхъ чиновниковъ, проживалъ въ Амұръ-баясулантұ въ оба раза всего по два дня, при чемъ не отправлялъ здѣсь никакихъ служеній. Само собою разумѣется, что для молодаго гэгэна поѣздки эти были не болѣе какъ развлеченіемъ; но ламы разказываютъ о нихъ съ набожною таинственностью, указывая, что божественный духъ гэгэна влечется къ Амұръ-баясулантұскимъ святынямъ. Съ тѣмъ же благоговѣніемъ къ Амұръ-баясулантұ относятся и всѣ вообще халхасы, а равно и наши буряты-буддисты, оттого, побывавъ на поклоненіи у живаго хутухты въ Ургѣ, они довольно часто отправляются въ Амұръ-баясулантұ для поклоненія шаригу Үндүр гэгэна. Поклоненія эти доставляютъ не малые доходы монастырю, почему въ общемъ можно сказать, что онъ имѣетъ у себя весьма значительныя средства.

Средства эти составляютъ во первыхъ изъ принадлежащихъ монастырю стадъ. По отзывамъ мѣстныхъ ламъ, общее казначейство монастыря имѣетъ у себя до 100 верблюдовъ, болѣе 2000 лошадей, до 3000 быковъ и свыше 5000 овецъ. Скотъ этотъ монастырское казначейство не содержитъ въ своихъ отдѣльныхъ стадахъ и табунахъ, а раздаетъ на храненіе различнымъ богатымъ монголамъ, въ количествѣ отъ 50 до 100 головъ въ однѣ руки. Платы за такое храненіе скота не полагается; но принявшій скотъ на храненіе можетъ производить на немъ свои работы, при чемъ заработанная скотомъ плата одною своею половиною доставляется монастырю, а другая половина идетъ въ пользу скотохранителя. Такимъ образомъ масса быковъ, принадлежащихъ монастырю Амұръ-баясулантұ, перевозитъ русскіе и китайскіе чай отъ Урги до Кяхты и обратно русскіе товары изъ Кяхты въ Ургу. Верблюдовъ для этой цѣли не употребляютъ, да и вообще монастырскій саянъ содержитъ ихъ, какъ и повсюду въ прилежащихъ хошұнахъ, очень мало, больше изъ тщеславія о томъ, чтобы его достояніе

исчислялось всѣми четырьмя родами скота. Лошади идутъ главнѣйше на продажу, а овцы частію употребляются на пищу ламъ въ дни великихъ хураловъ, а частію служатъ для выдѣлки изъ ихъ шерсти войлоковъ, веревковъ, тесемъ и проч.

Помимо этого скота, принадлежащаго общему монастырскому сану, въ Амурь-баясхулантѣ имѣеть еще свой скотъ и каждый монастырскій аймакъ въ отдѣльности. Количество этого скота, конечно, не велико, но въ общемъ онъ все же составляетъ почтенную цифру: самый бѣдный аймакъ, Цзбгай, имѣеть, на примѣръ, у себя не больше 100 головъ лошадей, такого же количества быковъ и до 200 овецъ, за то самый богатый аймакъ Чойнкорь-линъ считаетъ у себя не менѣе 250 лошадей и около 1500 овецъ; такимъ образомъ въ итогѣ сумма аймачнаго скота не только равняется, но, можетъ быть, даже превосходить обще-монастырскую.

Другой источникъ доходовъ составляютъ принадлежащія монастырю Амурь-баясхулантѣ земли. Объяснить происхожденіе этихъ земель, какъ монастырской собственности, вообще представляется довольно труднымъ, такъ какъ у монголовъ существуетъ только общественное пользованіе землями; тѣмъ не менѣе въ самомъ монастырѣ мнѣ удалось найти нѣкоторые документы, уясняющіе сказанный вопросъ. Документы эти суть одно попавшее въ мои руки монастырское, судное дѣло. Сущность его заключается въ томъ, что глѣтъ 20 тому назадъ Цэ-цзасакъ и Урчжанъ-цзасакъ, въ видѣ особаго пожертвованія монастырю, предоставили его пользованію пахатныя земли въ своихъ хошѹнахъ, первый по р. Ибѣну, а второй по р. Бургутаяу, каковое обстоятельство и было отмѣчено въ приходе-расходныхъ книгахъ шабинскаго вѣдомства. Но въ 9-е глѣто правленія настоящаго богдохана, т. е. въ 1884 г., Цэ-цзасакъ вздумалъ возвратить себѣ эти земли назадъ и сдать пашни въ урочищѣ Усунъ сѣрь въ арендное содержаніе двумъ китайцамъ, съ годовою платою за нихъ въ 5 цибиковъ кирпичнаго чая. Ламы предъявили по этому поводу искъ, поведшій за собою слѣдствіе и судбище, окончившееся въ пользу шабинскаго вѣдомства, потому что Цэ-цзасаку приказано было возвратить земли монастырю. Тогда Цэ-цзасакъ, очевидно, желая затруднить дѣло, возбудилъ новый вопросъ о томъ, чьему вѣдѣнію, разслѣдованію и рѣшенію должны подлежать всякаго рода судныя дѣла и тяжбы, могущія возникнуть на этихъ земляхъ. Ламы отстояли и этотъ вопросъ, выхлопотавъ рѣшеніе, по коему все это передавалось въ руки шабинскаго вѣдомства. Такимъ образомъ земли эти явились какъ бы навсегда и всецѣло закрѣпленными за шабинарами и состоящими въ ихъ непосредственномъ вѣдѣніи.

Своими землями монастырь Амурь-баяскуланту пользуется двояко: онъ или сдаетъ ихъ въ аренду китайцамъ, или же обрабатываетъ ихъ собственными средствами. Первый изъ этихъ способовъ пользованія особливо практиковался въ старое время и тогда, при заключеніи арендныхъ сдѣлокъ, у монастырскихъ ламъ не существовало даже никакой опредѣленной мѣры земли: китаецъ высматривалъ и снималъ ту или другую горную падь, на которой могъ распахивать неопредѣленное количество земли, могъ распахивать 100 и болѣе десятинъ, лишь бы только на это хватило его рабочей силы; и за такую падь онъ платилъ монастырю отъ 8 до 10 цибиковъ чая. Но впоследствии монголы и сами поняли значеніе и цѣнность пахатныхъ земель и установили на нихъ уже опредѣленную мѣру, низшую единицу которой составляетъ лукъ для стрѣльбы. Земля вымѣривается лукомъ по дугѣ онаго, т. е. отъ одного края дуги до другаго и въ этомъ размѣрѣ лукъ почти равняется маховой сажени, только немного превосходя ее. Пространство въ 20 квадратныхъ луковъ сдается за 10 чаевъ. Другой способъ пользованія землями, т. е. собственная обработка земель монастыремъ, развился особливо за послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда главное казначейство монастыря Чжэбцзунъ дамбѣ хутухты привлекло къ обработкѣ земли своихъ шабинаровъ и составило даже особый отѣкъ¹⁾, повинность котораго именно и состояла въ обработкѣ земли. Урожай съ пашень, обрабатываемыхъ шабинарами, цѣликомъ доставляется монастырю, и это даетъ ему значительно большія средства къ существованію, чѣмъ отдача земель въ аренду. Уразумѣвъ это, ламы начали теперь уже вытѣснять китайцевъ изъ степи, и въ настоящую пору ихъ не осталось, говорятъ, на монастырскихъ земляхъ даже и одной трети. По этому поводу въ мои руки попало два интересныхъ документа отъ 9-й луны минувшаго 1891 г. Въ первомъ изъ нихъ цзайсанъ-даргѣ ибэнскихъ пашень, Лубсанъ дорджи, докладывалъ, что въ различныхъ урочищахъ по р. Ибэну осталось только двѣ заимки китайцевъ, изъ числа тѣхъ, которые прежде имѣли свидетельства на право посѣва пашень и, кромѣ того, здѣсь же проживаетъ три китаецъ, выѣхавшіе въ степь на стодневный срокъ. Во второмъ документѣ даргѣ бургултѣйскихъ пашень докладывалъ, что въ разныхъ мѣстахъ по теченію р. Бургултѣя осталось 6 заимокъ китайцевъ (изъ числа 18), а сверхъ того по Бургултѣю же проживаютъ три китаецъ, выѣхавшіе на стодневный срокъ. Наконецъ въ урочищѣ Чжинту находится четыре

1) Встарину словомъ «отѣкъ» обозначались у монголовъ небольшія родовыя орды, кочевавшія въ одномъ мѣстѣ; нынѣ это слово уже утратило родовое значеніе и стало означать, притомъ исключительно въ шабинскомъ вѣдомствѣ, просто небольшую общину, объединенную подъ одной административной властью. Подробности объ этомъ въ т. III-мъ.

займки китайцевъ, въ которыхъ живутъ они домами и которые сообщили даргѣ, что они предъявляли свой 100-дневный паспортъ въ хошунѣ цзасака Лубсанъ-сайдуба.

Къ монастырю Амурь-баясхулантѣ необходимо причислить еще нѣсколько зданій и учреждений, стоящихъ отдѣльно отъ монастырскихъ построекъ. Таковыми являются:

1) Отдѣленіе шанцзотбинскаго ямуна, въ которомъ разсматриваются самыя мелкія дѣла, возникающія у шабинаровъ, кочевья которыхъ прилежатъ монастырю Амурь-баясхулантѣ. Первенствующимъ членомъ этого отдѣленія является да-гэскуй, онъ же и шанцзотба хита Амурь-баясхулантѣ; за симъ въ званіи членовъ этого ямуна почитаются два донйра, шесть цзайсановъ изъ ламъ и одинъ цзайсанъ изъ свѣтскихъ лицъ, который, собственно, и рѣшаетъ постоянно дѣла въ тамгѣ, между тѣмъ какъ ламы являются къ засѣданіямъ, только въ исключительно важныхъ случаяхъ. Зданія этого учрежденія находятся на сѣверо-западной сторонѣ монастыря и состоятъ изъ одного бэйшина и двухъ юртъ.

2) На южной сторонѣ монастыря, въ разстояніи приблизительно полуверсты отъ него, находится такъ называемая «амбасыйнъ хуръ». Это сложенная изъ сырцеваго кирпича ограда, внутри которой находится нынѣ пустынный и поросшій травой дворъ, по которому проходитъ только нѣсколько дорожекъ, протоптанныхъ живущими здѣсь въ жалкой юртѣ сторожемъ и его семьею. Назначеніе этой ограды состоитъ собственно въ помѣщеніи за стѣнами ея ургинскихъ амбаней, которые могутъ пріѣзжать въ монастырь, сопровождая Чжэбцзунъ-дамба хутухтѣ, если бы послѣднему захотѣлось посѣтить Амурь-баясхулантѣ. Впрочемъ, такія сопровожденія хутухтѣ амбанами относятся ко временамъ давно минувшимъ; въ настоящую же пору въ Халхѣ если не унизились значеніе хутухтѣ, то настолько возвысилось значеніе амбаней, что они уже не ѣздятъ провозать его, а посылаютъ взамѣнъ себя какихъ-либо своихъ приближенныхъ. Эти командированные, впрочемъ, также останавливаются въ «амбасыйнъ хурѣ» и, на время ихъ пріѣзда, для нихъ такъ же, какъ встарину для самихъ амбаней, выставляется нѣсколько юртъ, въ которыхъ и проживаютъ они все время своего пребыванія въ монастырѣ.

3) Еще южнѣе «амбасыйнъ хурѣ», въ разстояніи уже около версты отъ монастыря, располагаются юрты торгующихъ въ Амурь-баясхулантѣ китайцевъ. Всѣхъ китайскихъ торговцевъ здѣсь четыре, которые и содержатъ четыре лавки, помѣщающіяся въ четырехъ отдѣльныхъ юртахъ. Основные предметы продажи ихъ составляютъ русскія произведенія, а именно, изъ числа мануфактурныхъ товаровъ: солдатское сукно, плизъ,

преимущественно черный, цвѣтная бязь, цвѣтной ластикъ и миткаль; изъ кожевенныхъ: юфть и сафьянъ, китайскаго же производства продаются только готовые сапоги, но въ весьма ограниченномъ количествѣ; изъ металлическихъ произведеній продаются также русскіе: топоры, гвозди, пилы, подпилки, проволока мѣдная и желѣзная, буравчики, чаши, ведра, жечь въ листахъ, а также желѣзо какъ листовое, такъ и полосовое; изъ отдѣла суровскихъ товаровъ: разнаго рода пуговицы, наперстки, карандаши, спичечницы, ножницы, очки и пр. Китайскихъ произведеній мнѣ пришлось видѣть здѣсь очень мало: дабѹ, трубки, табакерки и шарики для чиновничьихъ шляпъ, вотъ и всѣ основные китайскіе товары, если исключить, конечно, самый важный продуктъ — чай. Съ такого рода товарами каждая изъ четырехъ китайскихъ лавокъ ведетъ свою торговлю не только въ Амѹръ-баясхулантѹ, но и предпринимаетъ еще мелкіе разѣзды по окрестностямъ, заходя въ хошѹны Урчжанъ цзасакъ, Да-цинъ-вѹна, Барѹнъ Со-гѹна и др. Торговля почти исключительно мѣновая, и главный предметъ вымѣна составляютъ скотъ и продукты скотоводства, особливо шерсть и кожи. По собственному признанію этихъ торговцевъ, они въ прошломъ 1891 г. вывезли изъ своихъ складовъ въ Амѹръ-баясхулантѹ до 11,000 кожъ, и продали ихъ въ Кяхтѣ русскимъ купцамъ на сумму 35,000 р. Въ обмѣнъ на товаръ хорошая воловьѹ кожа пріобрѣтается здѣсь, въ степи, среднимъ числомъ за 1 р. 80 к. и за 2 р. Вымѣнянный скотъ гонится частію въ Китай, но больше опять-таки въ предѣлы Россіи, гдѣ его покупаютъ главнѣйше на Ленскіе золотые прииски. По дальнѣйшимъ разказамъ этихъ китайцевъ выяснилось, что всѣ они торгуютъ компаніями и компаньены ихъ содержатъ свои лавки по различнымъ монастырямъ хошѹна Да-цинъ-вѹна, а нѣкоторые заходятъ даже къ урянхаямъ. Всѣ свои товары они покупаютъ преимущественно на Верхнеудинской ярмаркѣ, а частію въ Иркутскѣ и Ирбити.

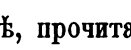
Въ монастырѣ Амѹръ-баясхулантѹ мы пробывли двое сутокъ, т. е. 2-е и 3-е число Юня, въ теченіе каковаго времени мною и были собраны настоящія свѣдѣнія объ этомъ монгольскомъ монастырѣ-городѣ, ибо значительность даже постояннаго населенія его, не говоря уже о прошломъ, даетъ ему полное право на названіе городка. Само собою разумѣется, что свѣдѣнія эти собирались путемъ распросовъ и разнаго рода сношеній. Бесѣды мои, конечно, начались прежде всего съ хозяевами нашей квартиры, какъ-выми оказались, во-первыхъ, гаскѹй ламъ аймака Цзѹгай, а во-вторыхъ, гэлѹнъ того же аймака. Такое явленіе, т. е. что однимъ доможъ владѣютъ два хозяина, представляется въ Амѹръ-баясхулантѹ довольно зауряднымъ. Лама, не будучи въ состояніи единолично пріобрѣсти, или построить себѣ

жилище, обыкновенно входитъ въ компанію съ такимъ же ламою, въ большинствѣ случаевъ своимъ родственникомъ, и вмѣстѣ они покупаютъ, или строятъ себѣ жилище: сначала живутъ въ одной юртѣ, потомъ приобретаютъ другую, засимъ послѣдовательно строятъ себѣ байшинны и наконецъ по времени обзаводятся полнымъ хозяйствомъ. Что касается нашихъ хозяевъ, то они также были между собою въ какомъ-то дальнемъ родствѣ и жили въ одномъ домѣ, или лучше сказать, на одномъ дворѣ уже лѣтъ 30-ть. Теперь каждый изъ нихъ имѣлъ свою юрту и свой байшинъ, при каждомъ жили въ видѣ прислужниковъ маленькіе хуварѣки, въ будущемъ несомнѣнно имѣющіе быть такими же ламами и, можетъ быть, приобрести также совместно этотъ дворъ. Въ ученomъ отношеніи это были люди далеко не книжные. Конечно, они сполна знали потребный имъ кругъ хураловъ, но дальше этого свѣдѣнія ихъ не простирались, да и по всему было видно, что это были люди, поглощенные заботами о насущномъ кускѣ хлѣба. Таковы же были и постоянно приходившіе къ нимъ знакомые. Близорукость и невнимательность къ окружающему у этихъ людей доходить просто до смѣшнаго. Во время моего перваго визита хозяину гаскүйю, къ нему пришелъ старый и, очевидно, почтенный лама, потому что хозяинъ пытался даже уступить ему свое мѣсто. Послѣ обычныхъ вопросовъ, изъ которыхъ мнѣ выяснилось, что этотъ гость — лама живетъ въ Амурь-баясхулантѣ уже болѣе 40 лѣтъ, я продолжалъ разговоръ со своимъ хозяиномъ о состояніи монастыря и спросилъ его, сколько внутри императорской огады всѣхъ кумирень? Къ удивленію, мой гаскүйъ сталъ втупикъ при этомъ вопросѣ и отвѣчалъ, что не знаетъ; потомъ самъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ старшему и, когда тотъ оказался также незнающимъ, добродушно замѣтилъ: «вѣдь вотъ, сколько лѣтъ живемъ, а не знаемъ; да намъ это какъ-то ни къ чему!» Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ стариковъ-ламъ, подумавъ, могъ бы пересчитать въ отдѣльности всѣ храмы на каждомъ дворѣ и дойти до общаго числа; но обстоятельство это служить лучшимъ примѣромъ того, какъ мало обращаютъ монголы вниманія на обыденные предметы и какъ вообще слаба у нихъ способность обобщеній.

Гораздо больше свѣдѣній могъ я получить отъ младшаго брата этого гаскүйя, также ламы гэлүна, имѣвшаго около 30 лѣтъ отъ роду; но человека больнаго и потому удаляющагося отъ обыденной ламской жизни. Съ нимъ обошелъ я весь монастырь, онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія и о здѣшнихъ монастырскихъ зданіяхъ, порядкахъ, особенностяхъ и проч. Прогулка и осмотръ монастырскихъ кумирень въ первый же день приѣзда заняли время не менѣе трехъ часовъ, такъ что домой мы прибыли часовъ въ 8-мъ вечера. Здѣсь меня посѣтило нѣсколько ламъ, при-

шедшихъ посмотрѣть на русскихъ, жена же моя жаловалась, что ее все время положительно осаждали монголы. Правда, осада эта была не особенно тяжелой: подойдутъ люди къ двери — стоятъ, или садутъ на корточки и смотрятъ; всякое движеніе и дѣйствіе вызываетъ съ ихъ стороны замѣчанія о томъ, что именно дѣлается; всякій новый предметъ вызываетъ удивленіе своими формами и догадки о томъ, на что этотъ предметъ пригоденъ. Въ числѣ ламъ, пришедшихъ ко мнѣ, было много странниковъ изъ разныхъ частей Монголіи: здѣсь были монголы рѣшительно всѣхъ халхаскихъ аймаковъ и очевидно было, что Амурь-баясхулантѹ, во мнѣніи монголовъ, является большою святынею. Въ бесѣдахъ со здѣшними ламами разговоръ невольно склонился на обыденную жизнь, при чемъ большинство горько жаловалось на бѣдственное положеніе Халхи и, не скрывая, выражало свое недовольство китайскимъ правительствомъ и его поборами. Зима 1891—1892 г. была очень тяжелою для Монголіи: масса скота погибла отъ холодовъ и шургановъ¹⁾, народъ значительно обѣднѣлъ и несмотря на то, по приказанію амбаней, не дальше какъ въ Маѣ мѣсяцѣ было собрано даже съ шабинаровъ по 200 лошадей съ отѣка, въ видахъ пополненія ханскихъ сѹрѹковъ, также подвергшихся значительному сокращенію отъ падежа. Всего этотъ сборъ съ шабинскаго вѣдомства исчислился въ 14,400 головъ лошадей. 3-го числа, имѣя въ виду заняться фотографическою снимкою монастыря и его главнѣйшихъ достопримѣчательностей, я долженъ былъ напередъ сего испросить разрѣшеніе мѣстнаго монастырскаго начальства и съ этою цѣлью по утру, въ 6¼ часовъ, отправился съ визитомъ къ ханбѣ-ламѣ, полагая, что у него, какъ у главнѣйшаго начальника монастыря, можно получить прямое разрѣшеніе. Ханбѣ-ламѣ, какъ и обыкновенно начальствующіе въ степныхъ монастыряхъ, въ лѣтнее время не живетъ въ самомъ Амурь-баясхулантѹ, а переселяется изъ него въ степь, на вольный воздухъ; оттого къ его юртамъ я пріѣхалъ только къ 7 часамъ. Къ удивленію моему, на предложенный мною вопросъ о фотографіи, ханбѣ-ламѣ отвѣчалъ, что самъ онъ лично ничего не имѣетъ противъ снимковъ, но не можетъ разрѣшить мнѣ этого. «Какъ ханбѣ-ламѣ», пояснилъ онъ, «я вѣдаю дѣла чистоты вѣры, ученія и хураловъ; но все что касается внѣшности монастыря вѣдаетъ да-гэскѹй; поэтому вы просите разрѣшенія у него». Поблагодаривъ ханбѣ-ламу за любезность, я отправился къ да-гэскѹю и послѣ короткой бесѣды предложилъ ему тотъ же вопросъ. Этотъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать мнѣ разрѣшенія, тѣмъ не менѣе я могу снимать, пренятствовать онъ мнѣ не будетъ, но и знать

1) Снѣжныхъ бурь.

объ этомъ не будетъ; «дѣлайте, какъ хотите, только не входите внутрь кумиренъ». Поблагодаривъ и этого, я отправился домой, оставилъ свою лошадь, а самъ уже часовъ въ 10 утра пошелъ въ императорское отдѣленіе монастыря, чтобы предварительно посмотрѣть на все, достойное здѣсь замѣчанія. Почти во всѣхъ кумирняхъ совершались хуралы и надъ всѣмъ дворомъ стоялъ гулъ ламскихъ чтеній. Въ самомъ монастырѣ въ сущности рѣшительно все оказалось устроеннымъ по типу обыкновенныхъ императорскихъ монастырей. Особенно интересными являлись только главная монастырская кумирня (цокчѣнъ), да два кіоска, въ которыхъ заключены были пожалованные богдоханомъ монастырю камни съ вырѣзанными на нихъ надписями на языкахъ монгольскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и китайскомъ. Текстъ и содержаніе этихъ надписей были хорошо мнѣ извѣстны, такъ какъ они цѣликомъ переписаны въ монгольской лѣтописи Эрденійнъ-эрихэ; тѣмъ не менѣе мнѣ все-таки хотѣлось взглянуть на эти камни и если возможно снять ихъ фотографією и эстампажемъ; къ сожалѣнію, кіоски оказались закрытыми на замокъ и проникнуть въ ихъ средину было невозможно. Обходя вокругъ кіоска, я замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ китаяская бумага, замѣняющая стекло въ оконной рамѣ, была прорвана. Посмотрѣвъ въ скважину, я увидалъ монгольскій текстъ памятника, разобраннаго мною части котораго оказались, конечно, вполнѣ согласными со спискомъ его въ лѣтописи; но этотъ лѣтописный снимокъ едва ли не должно будетъ признать теперь единственнымъ монгольскимъ памятникомъ самыхъ надписей. Последнія, очевидно, были и поначалу выбиты на камнѣ черезчуръ мелко и шрифтомъ для камня очень дробнымъ; въ теченіе же сотни лѣтъ все это еще больше побытерлось и повывѣтрилось, такъ что больше половины надписи теперь уже рѣшительно не можетъ быть прочитано. О снимкѣ такого памятника эстампажемъ нечего было и думать. Рассчитывая, что китайскій и тибетскій тексты могли лучше сохранить свои формы, я направился къ другому кіоску, чтобы посмотрѣть на нихъ; но этотъ второй кіоскъ оказался также замкнутымъ и притомъ даже оконная бумага была у него повсюду въ сохранности. Обходя этотъ кіоскъ, я замѣтилъ по правую сторону отъ дверей его, почти подъ самую крышей, прибитую доску, а на ней наклеенною какую-то рукопись. Прочитать текстъ ея цѣликомъ я не могъ, ибо на это не хватало моего зрѣнія, на одной же изъ нижнихъ строкъ я, болѣе по догадкѣ, прочиталъ: т. е. «согласно тому, какъ приговорили амбани»; кромѣ того довольно легко можно было прочесть болѣе крупно начертанную послѣднюю строку, на которой значилась дата бумаги: 9-й годъ правленія настоящаго богдохана. Я спросилъ у бывшаго здѣсь ламы, что это за надпись и онъ,

ни мало не затрудняясь, объявил мнѣ, что здѣсь изложена исторія монастыря. Заинтригованный этою драгоцѣнностью, я внутренно порѣшилъ, что это, вѣроятно, или распоряженіе о какой-нибудь перестройкѣ, или пожалованіе монастырю какихъ-нибудь преимуществъ, а засимъ опредѣлилъ, во что бы то ни стало, списать текстъ этой надписи. Раздумывая, какимъ образомъ исполнить это, я шелъ по двору и вдругъ повстрѣчался съ да-гэскүемъ. Предложивъ ему тотъ же вопросъ относительно содержанія надписи и получивъ одинаковый отвѣтъ, что въ рукописи находится исторія монастыря, я обратился къ да-гэскю съ просьбою, нельзя ли списать эту надпись, общая щедрую награду писцу; но, къ удивленію моему, да-гэскүй, такъ любезно не пожелавшій знать, что я буду фотографировать, на этотъ разъ рѣшительно замѣтилъ, что разрѣшить мнѣ переписку императорскихъ и амбанскихъ приказовъ онъ рѣшительно не можетъ. Приходилось теперь, скрѣпя сердце, или обратиться къ подкупу, или списывать самому. Съ такими невеселыми мыслями возвратился я на квартиру, чтобы обождать окончанія ламамъ хураловъ и засимъ идти фотографировать. На эту работу отправился я съ своимъ Ив. Феодоровичемъ въ 12½ часовъ, захвативъ съ собою и бинокль, чтобы при помощи его прочесть интересовавшую меня рукопись. Но что же оказалось?! Это была простая выписка статей изъ послѣднихъ договоровъ между Россією и Китаемъ, которыми узаконялась свобода русской торговли по всѣмъ мѣстамъ Монголіи. По полученіи текста этихъ договоровъ ургинскими амбанами, послѣдніе нашли необходимымъ выписать соответствующія статьи и разослать ихъ по всѣмъ выдающимся мѣстамъ, чтобы такимъ образомъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Согласно этому приговору, Ли-фанъ-юань разрѣшилъ амбанамъ эту публикацію, и вотъ разрѣшеніе всей волновавшей меня загадки. И горько, и смѣшно было такое невѣжество монголовъ, дѣлавшихъ изъ этого объявленія тайну и воображавшихъ, что текстъ бумаги заключаетъ въ себѣ непременно какую-то исторію монастыря. И передъ этимъ объявленіемъ, какъ передъ святынею, совершаютъ свои круговращенія благочестивые поклонники, ему приносятъ жертвы, на него смотрятъ, какъ на нѣчто божественное. Въ какое заблужденіе могли бы ввести они своими разказами путешественника, не знающаго монгольской грамоты?!

Снимокъ главной кумирни въ императорской оградѣ удалось намъ произвести почти спокойно и безъ всякой помѣхи ламъ; но едва вышли мы изъ воротъ императорской ограды, чтобы снять общій видъ зданій, находящихся за этою оградой, какъ толпа ламъ начала возрастать мало-по-малу и вскорѣ ихъ собралось не менѣе 200 человекъ, каждый изъ которыхъ непременно хотѣлъ посмотреть на аппаратъ и становился передъ объекти-

вомъ, заграждая собою видъ монастыря. Приходилось удовлетворить сначала общему любопытству, а потомъ увѣщавать стать въ сторону и не мѣшать дѣлу. Это было такъ не легко, что два общихъ вида монастыря мы могли окончить только къ 5 часамъ вечера и засимъ возвратились домой.

Здѣсь, едва успѣвъ я пообѣдать, какъ ко мнѣ явился братъ моего хозяина, который сообщилъ мнѣ, что со мною желаетъ познакомиться нѣкій Йондонъ бичѣчи, секретарь здѣшняго ямуна; само собою разумѣется, я приказалъ просить его. Бичѣчи, или ямуньскій секретарь, оказался весьма элегантнымъ и довольно развитымъ, или по крайней мѣрѣ пообтершимся ламою, прежде служившимъ въ ургинскомъ ямунѣ шанцотбы, а лѣтъ семь тому назадъ удалившимся въ Амуръ-баяхулантѹ и нынѣ проживающимъ въ этомъ монастырѣ, получивъ назначеніе ямуньскаго секретаря. Разговоръ съ этимъ ламою коснулся у насъ политики. Йондонъ бичѣчи тайнственно спрашивалъ меня, не слыхалъ ли я чего о Донбй-чжанцанѣ и при этомъ пояснилъ мнѣ, что осенью прошлаго года по Монголіи проѣхалъ нѣкій знаменитый лама съ этимъ именемъ, имѣвшій отъ роду лѣтъ 30—40. Онъ въѣхалъ въ Монголію черезъ Дзиндзиликскій караулъ, проѣхалъ черезъ Улйсутай, отсюда направился по почтовымъ станціямъ въ Ургу и засимъ также по почтовымъ станціямъ проѣхалъ до Кяхты. Онъ говорилъ монголамъ, что онъ внукъ Амурсанѣ. Послѣдній якобы имѣлъ у себя сына по имени Тамурсану, а отъ этого послѣдняго родился онъ, вышеупомянутый Донбй-чжанцанъ. Еще далѣе онъ разславлялъ повсюду, что онъ освободитъ монголовъ изъ-подъ власти Китая и съ этою цѣлью скоро придетъ съ сѣвера со своими войсками. Бичѣчи убѣдительно просилъ меня не скрывать отъ него, и хотя бы по секрету, сказать, не видалъ ли я, чтобы двигались такія войска, или по крайней мѣрѣ не слыхалъ ли, чтобы они готовились къ походу. Я отвѣчалъ бичѣчи, что не слыхалъ ничего подобнаго, да, соображая хронологически обстоятельства, сомнѣваюсь, чтобы это въ самомъ дѣлѣ былъ внукъ Амурсанѣ, ибо трудно представить, чтобы Амурсанѣ, умершій еще въ 1755 году, имѣлъ бы у себя 30 лѣтняго внука. Йондонъ бичѣчи слушалъ меня внимательно, но съ отгѣнкомъ какого-то сомнѣнія и грусти, изъ дальнѣйшей же бесѣды мнѣ стало вполне яснымъ, что какъ самъ онъ, такъ и всѣ монголы до настоящей поры непреложно вѣрятъ и въ дѣйствительность личности этого внука Амурсанѣ и въ справедливость всего имъ сказаннаго, какъ непреложный же аргументъ для доказательства истинности того и другого указываютъ, что лама этотъ имѣлъ у себя шапку, на которой вмѣсто шарика былъ прикрѣпленъ золотой очіръ. Возражать противъ такого аргумента я, конечно, не могъ и по крайней мѣрѣ съ часъ слушалъ разказы о томъ, какъ въ проѣздъ Донбй-чжанцана по

почтовымъ станціямъ народъ, съ затаенными страхомъ и надеждою, повсюду встрѣчалъ его, дѣлалъ передъ нимъ самыя усердныя поклоненія и приносилъ ему богатыя жертвы; другіе разказывали при этомъ, что и самъ Донбй-чжанцанъ разсыпалъ золото особливо бѣднымъ монголамъ; вообще легендарныхъ повѣствованій было безъ конца. По нѣкоторымъ подробностямъ этого разказа я догадался, что рѣчь монгола шла о нѣкоемъ проходимцѣ, русскомъ калмыкѣ Малодербетовскаго улуса Астраханской губерніи, который, по прибытіи въ Ургу, былъ арестованъ ургинскимъ консульствомъ и, послѣ допроса, этапнымъ порядкомъ препровожденъ въ предѣлы Россіи. Последнее обстоятельство если и не было извѣстно народу, то въ свою пору значительно способствовало успокоенію невольной тревоги мѣстныхъ китайско-монгольскихъ властей.

Меня послѣ всѣхъ этихъ разказовъ занималъ одинъ вопросъ, что именно способствовало успѣхамъ Донбй-чжанцана, и, подводя послѣдовательно разговоръ на эту тему, я вскорѣ убѣдился, что основною причиною сего является глухое недовольство народа своимъ правительствомъ, подчасъ даже ненависть къ нему и наконецъ хотя пассивное, но жадное желаніе избавиться отъ того жизненнаго гнета, которымъ китайцы обставили жизнь монголовъ. Къ удивленію, я услыхалъ здѣсь недовольство народа даже собственными монгольскими князьями, многіе изъ которыхъ, какъ говорили мнѣ, при своихъ поѣздкахъ ко двору, заражаются китайскимъ духомъ, тяготѣютъ къ Китаю, обираютъ народъ и, что самое ужасное для монгола, даже оскорбляютъ вѣру. Притворно удивляясь, я указывалъ на примѣры благотворительности князей монастырямъ, но мои рѣчи вызывали только покачиванія головою; наконецъ, разгорячившійся бичѣчи вскрикнулъ: «да что вы говорите мнѣ, я сейчасъ покажу вамъ дѣло, изъ котораго вы увидите, какіе наши князья благотворители!» Сердце мое радовалось, ибо архивъ для меня открывался и, чтобы не утратить возможности познакомиться съ нимъ, я, когда бичѣчи уходилъ домой, сказалъ ему, что пошлю вмѣстѣ съ нимъ человѣка за обѣщанными бумагами. Бичѣчи не много смутился, но не отступилъ отъ даннаго слова и, взявъ съ собою моего младшаго хозяина, немедленно прислалъ мнѣ связку бумагъ, заключавшихъ въ себѣ выше изложенное уже мною судное дѣло Цэ-цзасака. Просмотрѣвъ его, я часовъ въ 8 вечера самъ отправился къ бичѣчи, чтобы отплатить ему визитъ и отнести присланныя бумаги. Бичѣчи встрѣтилъ меня радушно, спросилъ у меня, узналъ ли я теперь характеръ ихъ нойдновъ, и при этомъ сказалъ: «да, ваши нойдны совсѣмъ не то, что наши! Буряты разказывали о васъ, что вы русскій амбанъ; а вы вотъ ѣдете, какъ простой человѣкъ и со всѣми разговариваете. Въ прошломъ году даже вашъ наслѣдникъ престола обѣхалъ

свое царство и видѣлъ довольство и страданія своихъ людей; а наши-то никогда не увидятъ, да и не услышатъ о народныхъ бѣдствіяхъ!» Я сказалъ, что совершенно съ нимъ согласенъ и былъ очень радъ, что могъ почитать монгольскія бумаги, что я люблю читать, и просилъ его дать мнѣ еще что-либо; бичѣчи взялъ первое лежавшее у него дѣло и передалъ мнѣ для просмотра. Въ это время въ монастырѣ раздались звуки раковины, возвѣстившей принесеніе вечернихъ жертвъ передъ шарйломъ Ўндурь-гэгэна. Въ Амурь-баясхулантѣ такая пора почитается наступленіемъ ночи, и мой бичѣчи объявилъ мнѣ, что онъ, какъ дежурный, долженъ идти сегодня въ ямунь. По порядкамъ, заведеннымъ въ здѣшнемъ ямунѣ, въ зданіи онаго ежедневно ночуютъ для охраны одинъ нирбà (казначей монастыря) и одинъ изъ служащихъ при ямунѣ бичѣчи; помимо низшихъ прислужниковъ ямуна. Такое дежурство распредѣляется по очереди между шестью нирбàми и тремя бичѣчинами, при чемъ первымъ приходится дежурить попеременно одну ночь, а вторымъ по двѣ ночи. Я распрощался съ бичѣчи и возвратился домой, гдѣ получилъ непріятнѣйшее извѣстіе отъ своего фотографа. Въ мое отсутствіе онъ началъ проявлять снимки, при чемъ оказалось, что пластинка, на которой снимали мы главную императорскую кумирню, вѣроятно, какимъ-то образомъ подпала вліянію свѣта и рисунокъ на ней явился никуда не годнымъ. Это было непріятно не только потому, что задерживало насъ въ Амурь-баясхулантѣ, но еще болѣе потому, что мѣстные ламы, очевидно, очень ревниво относятся къ охраненію своей, собственно основанной императоромъ, святыни и слѣдовательно всякое излишнее соприкосновеніе съ нею могло дѣйствовать на нихъ удручающимъ образомъ.

4-е Юля. Суббота.

5 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$.

Съ ранняго утра небо покрылось свинцовыми облаками и время отъ времени моросилъ мелкій, по частый дождикъ. Надежды на то, чтобы небо прочистилось и намъ удалось съ удобствомъ исполнить фотографическій снимокъ цокчійскаго дугуна было очень мало. Въ 7 часовъ утра ламы снова начали свои хуралы и намъ приходилось опять ждать до 11-ти час. Тѣмъ временемъ я просмотрѣлъ данныя мнѣ вчера бичѣчиномъ бумаги, которыя оказались содержащими въ себѣ разнаго рода доклады по дѣламъ, принадлежащихъ Амурь-баясхулантѣ пашень. Въ 11 ч. 45 м. два новыхъ снимка императорской кумирни были исполнены и въ 12 ч. 30 минутъ мы распростились съ своими хозяевами и двинулись въ путь. Дорога наша шла теперь въ направленіи къ югу, по довольно узкой долинкѣ Ибэнъ-гблa. Миновавъ амбаньскій хашà и юрты торгующихъ китайцевъ, взглянувъ снова въ падь Байнъ булукъ, по которой мы ѣхали къ Амурь-баясхулантѣ,

мы въ 1 ч. 10 м. добрались до горы Хучжйинъ-хутуль, высоко возвышающейся на западной сторонѣ долины Ибэнъ-гбла. На самой долинѣ здѣсь располагается до 15 юртъ шабинаровъ, обязанныхъ повинностью готовить айракъ для монастырскихъ ламъ. Ибэнъ течетъ въ высшей степени извиристо по своей долинѣ. Переправившись черезъ рѣку почти непосредственно за юргами айракчйн'овъ, или кумысниковъ, мы продолжали путь по долинѣ рѣки, которая отсюда постепенно, но значительно понижается и почва ея изъ хрящеватой сдѣлалась страшно болотистою. Весь путь проходитъ по болотнымъ кочкамъ и рытвинамъ, наполненнымъ водою. Весьма вѣроятно, что обиліе здѣсь влаги усилилось отъ постоянно падаваго сегодня дождя; но несомнѣнно, что и всегда здѣсь не мало воды, потому что живущіе въ этихъ мѣстахъ монголы, очевидно, избѣгаютъ кочевья по долинѣ и располагаютъ свои юрты не иначе какъ по скатамъ горъ. Въ 2 ч. достигли до сопки Будалянъ, у которой попался намъ первый Хиргизйнъ-чулӯ, какъ зовутъ здѣшніе монголы кэрэксұры, а за сямъ они продолжались почти непрерывно по долинѣ Ибэна, такъ что за нынѣшній день мы насчитали всего 84 могилы, но, конечно, не замѣтили ихъ всѣхъ. Надписей и изображеній на могильныхъ камняхъ не было найдено никакихъ. По типу попадались больше продолговатые четырехугольники (Радловъ. Табл. I, № 7); засямъ круглые курганы съ круглыми оградами (Радловъ. Табл. II, № 2) и наконецъ три круглыя могилы съ квадратными оградами и четырьмя насыпями по угламъ. Нѣкоторыя могилы оказались раскопанными. Очевидно, что встарину въ долинѣ Ибэна было такое же густое населеніе, какимъ является оно и теперь. Чуть ни на каждой верстѣ тамъ и сямъ виднѣлись намъ юрты монголовъ съ громаднѣйшими стадами скота: табуны лошадей и стада быковъ по 200, 300 головъ были не рѣдкостью, а овцы встрѣчались пасущимися въ массахъ по 1000 головъ. Болотистая почва Ибэна образуетъ тучныя пастбища и травы произрастаютъ здѣсь въ изобиліи. Въ теченіе 45 минутъ отъ 2 ч. до 2 ч. 45 м. мы переѣхали Ибэнъ три раза. По дорогѣ встрѣтили и перегнали нѣсколько ламъ-бадарчйновъ, идущихъ съ дулдұями то на поклоненіе въ монастырь, то изъ монастыря; не смотря на дождь, они движутся бодро и громко распѣваютъ тибетскія молитвы. Черезъ часъ мы миновали выступающій отъ западныхъ горъ и на половину пересѣкающій долину Хурдұ-тологой, отъ котораго въ 4 ч. 15 м. доѣхали до горы Аргала, на правой сторонѣ Ибэна. Отсюда долина Ибэна расширяется и дѣлается почти вчетверо больше. По подножію горы Аргала, въ урочищѣ Аргалыйнъ-уцзұрь, намъ повстрѣчалось не менѣе 25 хиргизъ-хұровъ и снова весьма значительныя поселенія монголовъ. Всѣ эти монголы, начиная отъ монастыря Амұрь-баясхуланту,

кажутся ведущими обширное скотоводство; но въ дѣйствительности пасущійся около юртъ ихъ скоть принадлежитъ монастырю Амурь-баясхуланту, сами же они являются лишь пастухами, не рѣдко отбывающими свою повинность даже по неволѣ, такъ какъ всѣ они принадлежатъ шабинскому вѣдомству. Грунтъ земли въ Аргалыинъ ѹцзурѣ дѣлается нѣсколько тверже, но верстъ на пять дальше, за падью Цзубчйнъ-тала, снова начинаются болотныя кочки. Словомъ, дорога нынѣшняго дня была положительно не выносимой для колесной ѣзды. Отъ горы Байнъ-ѹла, тянущейся приблизительно версты на три, дорога круто поворачиваетъ на ЮВ. Здѣсь повстрѣчали мы четыре семьи тункинскихъ бурятъ, ѣздившихъ на поклоненіе въ Ургу, а теперь возвращающихся домой и вознамѣрившихся по дорогѣ посѣтить Амурь-баясхуланту. Поднявшись на отлогую боковину Байнъ ѹлы, мы остановились здѣсь на ночлегъ въ 7 ч. 30 м. Остановка эта была, впрочемъ, почти невольной: поднимаясь на пригорокъ, наши лошади чего-то испугались и понесли; старикъ-бурятъ упалъ съ козель сначала на оглобли, а потомъ попалъ между колесъ и въ этомъ положеніи его тащило саженой сто. Несчастный разбился страшно, но еще болѣе испугался, да и сами мы, когда лошади были остановлены, не думали уже видѣть его живымъ. Дѣло обошлось однако настолько благополучно, что онъ не сломалъ даже ни одной кости, а только страшно ободралъ себѣ ноги и вытянулъ жилы на рукахъ. Ѣхать дальше послѣ такого казуса было немыслимо.

5-е Іюля. Воскресенье.

5 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+15\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+20^{\circ}$; 6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$.

Всю ночь шелъ мелкій и частый дождикъ; телѣга, въ которой мы спали, скоро протекла и намъ пришлось спасаться отъ дождя больше подъ шубами. Поднявшись въ 5 ч. утра, мы съ грустью увидали вчерашнее, заволоченное тучами небо и снова теряли надежду, чтобы день прояснился. Въ 8 ч. 30 м. двинувшись отъ горы Байнъ по нѣсколько возвышенной отлогости горъ, мы нашли здѣсь довольно сносную дорогу: она проходитъ по хрящеватому грунту, а потому не особенно поддается дождю и не дѣлается отъ него особенно грязной; къ тому же дорога оказалась значительно исправленной, по крайней мѣрѣ съ нея были собраны всѣ большіе камни и сложены въ груды по обѣимъ сторонамъ дорожной колеи; производилось это исправленіе года три тому назадъ, во время поѣздки Чжэбцзунъ-дамба-хутухты изъ Урги въ Амурь-баясхуланту. По отлогимъ подножіямъ горъ, располагавшихся влѣво отъ дороги, намъ начало снова попадаться множество хйргизъ-хѹровъ, и у одного изъ пригорковъ мы насчитали 28 могилъ. Верстъ на 7 далѣе, у горы Борд бургасу, дорога расширилась, и вдали, за бѣло-туманной полосой, довольно ясно обозначились

силуэты Орхонскихъ горъ. Въ долині, слѣдующей за этою горою Борд бургасу, попадаются небольшія пашни мѣстныхъ жителей. Посѣвы ихъ очень не велики, что, какъ узналъ я впоследствии, происходитъ отъ незначительности падающей здѣсь влаги. Въ 10 ч. утра мы прибыли на урочище Хурэнъ-байшинъ, отъ котораго начинаются уже обширныя пашни, засѣяныя ячменемъ и принадлежащія китайцамъ; здѣсь же находится и китайская заимка въ четыре фанзы. Отъ нея по правому берегу Ибэнъ гѣла тянется довольно длинный, но невысокій хребетъ, называемый Шохойнъ нуру, съ окончаніемъ котораго мѣстность вплоть до Орхона носитъ названіе Ибэнгійнъ адакъ. Въ самомъ началѣ, т. е. въ сѣверной части, этого урочища находится небольшое деревянное зданіе кумирни, именуемой Тарячійнъ сумэ на томъ основаніи, что кумирня эта построена и принадлежитъ гэгэновскому отѣку тарячин'овъ, которые кочуютъ въ этихъ мѣстахъ, хотя и смѣшанно съ двумя другими отѣками, а именно, отѣкомъ даргъ цзайсана Лубсана и отѣкомъ, именуемымъ Тѣйнъ. Всѣ эти отѣки занимаются хлѣбопашествомъ, только первые два отѣка, — тарячи и цзайсана Лубсана, — работаютъ непосредственно для казначейства Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, а послѣдній отѣкъ, Тѣйнъ, доставляетъ выработанный урожай хлѣба въ монастырь Амуръ-баясхулангу. Близъ Тарячійнъ сумэ находится еще особый хашанъ, въ которомъ хлѣбопашцы казначейства Чжэбцзунъ-дамба-хутухты хранятъ свои полевые орудія. За пашнями тарячиновъ слѣдуютъ непосредственно пашни китайцевъ, которые, впрочемъ, расположили свои поля и заимки, всего въ числѣ одиннадцати фанзъ, ближе къ Орхону; тѣмъ не менѣе канавы, проведенныя по этимъ пашнямъ, равно какъ и по пашнямъ тарячиновъ, заимствуютъ свою воду отъ р. Ибэна. Въ 12 ч. 10 м. мы прибыли на берегъ Орхона въ урочище Даланъ амъ улумъ, къ перевозу, который оказался уже чисто монгольскимъ и самой первобытной формы. Два или три продолбленныхъ сосновыхъ бревна (ᠲᠠᠯᠠᠨᠠᠮᠠᠤ ᠤᠯᠤᠮᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠮᠤ), имѣющихъ въ діаметрѣ отъ 10 до 12 вершковъ и длины 4 сажени, связываются между собою по двумъ своимъ концамъ небольшими бревнами «холбѣ» (ᠬᠣᠯᠪᠡ) и составляютъ плотъ, который монголы зовутъ общимъ именемъ «онгоцѣ». Помимо выдолбленной средины каждое бревно имѣетъ еще у себя: а) на кормѣ, по двѣ выдолбленныхъ ступни (ᠨᠠᠭᠠᠨᠠᠮᠤ) предназначаемыхъ для удобства и большей устойчивости стоящихъ здѣсь кормчихъ; б) по двѣ дыры въ мѣстахъ взаимнаго соединенія бревенъ съ холбѣ, которыя именно и привязываются къ бревнамъ при посредствѣ этихъ дыръ; и наконецъ в) по одной дырѣ на носу, назначаемой для укрѣпленія веревки, которою плотъ привязывается къ берегу. Встрѣтившіеся намъ здѣсь монголы были также примитивны,

какъ и ихъ плотъ: совершенно нагіе и не имѣя у себя на тѣлѣ ничего кромѣ опоясаній, они съ удивленіемъ разсматривали нашу убогую, четырехколесную телѣгу и какъ на нѣкоторое чудо смотрѣли на вертящуюся на шкворнѣ въ разныя стороны ось. Очевидно, они никогда не видывали самыхъ простѣйшихъ принадлежностей русскаго быта — и это на разстояніи какихъ-нибудь 185 верстъ отъ границы Россіи. Объяснилось подобное невѣжество однако очень легко: дѣло въ томъ, что перевозчики эти принадлежали къ числу самыхъ бѣднѣйшихъ обитателей хошӯна и, несмотря на свой 30 и даже 40-лѣтній возрастъ, ни одинъ изъ нихъ никогда не выѣзжалъ изъ своего кочевья дальше Амурь-баясхулантӯ. Запросили они съ

Переправа черезъ р. Орхонъ въ ур. Далайъ амъ улумъ.

насъ за перевозъ четырехъ телѣгъ восемь рублей серебромъ, но потомъ согласились перевезти за три рубля. Установка телѣгъ и перевозъ ихъ вызвали невозможный крикъ и содомъ. Плотъ не поднималъ болѣе одной телѣги и такимъ образомъ приходилось переѣзжать рѣку всего восемь разъ. Для большей скорости послали еще за такимъ же плотомъ, который стоялъ нѣсколько ниже по рѣкѣ, но пока привели его, мы успѣли уже переправить двѣ телѣги. Пригнанный плотъ былъ привязанъ засимъ къ первому и на образовавшійся такимъ образомъ большой плотъ въ 5 бревенъ оказалось возможнымъ поставить уже двѣ телѣги; эту-то послѣднюю переправу мы и сняли фотографіею. Лошади были перегнаны вплавь. Такимъ

образомъ мы провозились на берегу $3\frac{1}{2}$ часа и только въ 3 ч. 40 м. могли двинуться дальше. Теперь намъ предстояло еще переѣхать вбродъ одну протоку Орхона. Тѣ же монголы проводили насъ до мѣста переправы, оказавшагося верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ кверху, у самаго отдѣленія этой протоки отъ главнаго русла рѣки. Бродъ былъ не глубокой и не захватывалъ телѣгъ выше колесной ступицы. Отъ этого брода дорога наша приняла ЮЮВ направленіе. Поднявшись на невысокой уваль, мы вступили въ урочище Байрту, которымъ начинается привольная и широкая монгольская степь. Къ югу отсюда высоко поднималась надъ нами величественная гора Ёнигѣту, а на востокъ изъ-за небольшихъ горъ и пригорковъ виднѣлась высокая и одиноко стоящая гора Сайханъ. У этой послѣдней горы намъ предстояло ночевать, ибо отъ Орхона до худукъ горы Сайханъ не имѣется никакой воды; а отъ этого послѣдняго также нѣтъ воды вплоть до р. Хары, на разстояніи приблизительно 35—40 верстъ. Мѣста, по которымъ мы теперь ѣхали къ горѣ Сайханъ, обладали богатѣйшею степною растительностью: преизобиловалъ сочный кипецъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ степь сильно изрыта норками оготонъ (*Lagomys ogotona*); людей здѣсь лѣтомъ не встрѣчается за недостаткомъ воды, впрочемъ, судя по тому, что по дорогѣ мы не видали ни одного хашана, монголы едва ли кочуютъ здѣсь и зимою. Въ 6 ч. 30 м. дорога круто повернула почти прямо на востокъ, а въ 7 ч. 30 м. мы добрались до горы Сайханъ, у южнаго подножія которой нашли худукъ, очень грязный вслѣдствіе нападавшаго дождя и небольшой ключикъ, изъ котораго намъ пришлось брать воду для своего потребленія. Ночью проявленный снимокъ переправы Орхона указалъ на неособенно утѣшительный результатъ этого снимка.

6-е Іюля. Понедѣльникъ.

5 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+13\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+18^{\circ}$; 6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$.

Двинулись въ путь въ 7 ч. утра, по направленію къ ЮВ. Дорога проходила, по старому, тучными пастбищами и сохраняла за собою прежній характеръ постоянныхъ спусковъ и подъемовъ съ одного увала на другой. Окружающая мѣстность такъ же необитаема. Въ 7 ч. 50 м. доѣхали до раздѣленія дорогъ, ведущихъ изъ Амуръ-баясхуланту: къ ЮЗ направилась дорога на Эрдэни-цзү; прямо на СВ — лежала дорога въ Дархйнъ-хитъ, отстоявшій отъ насъ не болѣе какъ верстъ на 10 и ясно виднѣвшійся глазамъ; нашъ путь, въ Ургу, тянулся на ЮВ. Бесѣдуя съ подъѣхавшими къ намъ здѣсь монгольскими всадниками, я могъ распросить у нихъ про дорогу къ Эрдэни-цзү. По словамъ ихъ, путь отъ Дархйнъ-хита до Эрдэни-цзү проходится въ 7—8 дней. Отъ перевала Сайханъ, по которому мы

теперь ѣхали, дорога въ Эрдэнѣ-цзѹ направляется по безводной степи до колодца Байнѣ-далай и засимъ, слѣдуя между горами Шарховѣ-ѹла и Бургѹ-бухѣ, достигаетъ рѣчущки Шарѣ-усѹ. Послѣдняя имѣетъ теченіе на югъ и въ лѣтнее время часто пересыхаетъ, весною же она представляетъ собою тотъ интересъ, что у устьевъ своихъ имѣетъ два русла и иной годъ несетъ свои воды въ озеро Буридѹ-нѹрѣ, а иногда направляется къ другому озеру, носящему имя Хѹхѹ-цэгѣль. Далѣе дорога идетъ на ручей Хѹхѹ-бэрѣ-усѹ, неподалеку отъ котораго, на югѣ, проходитъ граница хошѹна цинь-вана и далѣе начинается хошѹнъ Со-гѹна. Еще далѣе слѣдуетъ рѣчка Тосуйнѣ-усѹ, впадающая въ Тѹлу неподалеку отъ хребта Дабхѹрѣ-ѹла, въ которомъ лежатъ Долѹнѣ-дабѣ или «семь переваловъ» дороги, соединяющей хѹрѣнѣ-цинь-вана съ Ургою. Переправившись черезъ Тѹлу, путники слѣдуютъ вверхъ по р. Харѹхѣ, минуя горы Цзагацѣкъ-ѹла, Хухѣ-добѹ, Торгонтѹ-ѹла и т. д. до станціи Хадѣсунѣ, на маломъ почтовомъ ургинско-улѣсутаискомъ трактѣ. Отсюда по этому тракту до Угѣй-нѹра, отстоящаго въ одномъ днѣ пути отъ Эрдэнѣ-цзѹ. Утро продолжало оставаться сѣреннымъ и въ воздухѣ было сыро. Въ 10 ч. 25 м. почва вдругъ измѣнилась въ сыпуче-песчаную и на ней повстрѣчали мы маленькій лѣсокъ сосновыхъ деревьевъ, тянувшійся приблизительно на полверсты. Мѣстность эта носитъ названіе Дурсѹ-нарасѹ. Въ падахъ, образуемыхъ окружающими ее пригорками, виднѣлось множество плетней съ собраннымъ аргаломъ; это указывало на существованіе здѣсь монгольскихъ зимниковъ. По выѣздѣ изъ этой рощицы намъ показалась въ направленіи къ В высокая Номгѹнѣ-ѹла, у южнаго подножія которой течетъ р. Харѣ (ᠬᠠᠷᠢ ᠠᠷᠢ). Отсюда черезъ два маленькихъ увала мы въ 11 ч. 15 м. достигли до урочища Мангѣрту, которое по нашей дорогѣ тянется вплоть до береговъ р. Харѣ и почитается пограничнымъ для хошѹновъ Цѣ-цзасакѣ и Бѣтурѣ-цзасакѣ. Въ этомъ урочищѣ намъ попался навстрѣчу монголь. Онъ ѣхалъ на двухъ, запряженныхъ быками телѣгахъ и отъ него-то узнали мы названія окружающихъ мѣстностей. Съ урочища Мангѣрту передъ нами въ довольно ясномъ очертаніи выступили по направленію къ ЮВ горы Шубѹтай и Ынгѣтѹ, а нѣсколько восточнѣе ихъ У хѹтѹль и Байнѣ-хангай. Далѣе мы повстрѣчали трехъ китайцевъ, ѣхавшихъ въ хошѹнъ Цѣ-цзасакѣ, для добыванія солодковаго корня. По словамъ ихъ, корень этотъ произрастаетъ почти по всѣмъ урочищамъ хошѹновъ: Бѣтурѣ цзасакѣ, Цѣ-цзасакѣ и Шѹхѹрѣ-цзасакѣ, добываніемъ же его занимаются преимущественно китайцы. Съ этою цѣлью они приходятъ изъ Калгана артелями въ 10, 15 и 20 человекъ, имѣя при себѣ каждая отъ 20 до 40 телѣгъ, запряженныхъ быками. Съ хошѹнами они заключаютъ условія и уплачиваютъ за право

выкапыванія корня отъ 5 до 8 ящиковъ чая. Опреѣленныхъ мѣстностей при этомъ не указывается; китайцы имѣютъ право ходить по всему хошуну и заурочивается только время, обыкновенно отъ конца 4-й до половины 9 луны, да приэтомъ китайцамъ возбраняется еще нанимать себѣ въ помощь монголовъ. Помимо калганскихъ китайцевъ добываніемъ солодковаго корня занимаются еще и нѣкоторые ургинскіе торговцы. Съ хошунами они заключаютъ свои условія совершенно тѣхъ же основанійхъ, для отправки же корня во внутренній Китай пользуются обратными ящиками, приходящими въ Ургу съ чайнымъ грузомъ. За провозъ до Калгана въ различные годы уплачивается отъ 1½ до 2-хъ ланъ серебра съ व्यюка, въсомъ въ 250 гиновъ. О цѣнахъ, существующихъ для солодковаго корня на рынкахъ внутренняго Китая китайцы эти не могли мнѣ сказать ничего опредѣленнаго, употребляется же онъ какъ лекарственное средство, способствующее пониженію температуры въ тѣлѣ; на этомъ основаніи его даютъ при простудахъ, горячкѣ, чаще же всего имъ пользуются женщины во время родовъ. Слѣдуя далѣе по урочищу Мангирту, мы къ 1-му часу дня доѣхали до горъ Уланъ-ула, лежащихъ на правой сторонѣ дороги. По подножію ихъ располагаются небольшія пашни монголовъ, на которыхъ засѣваютъ они ячмень и просо. Влѣво отъ дороги намъ тутъ же показался на вершинѣ горы стоящимъ какой-то байшинъ, а подъ горою двѣ юрты монголовъ. Подѣхавъ къ нимъ, я узналъ, что байшинъ этотъ представляетъ собою гробницу нѣкоего славнаго своею ученостью ламы, происходившаго по рожденію изъ этого урочища, жившаго въ ургинскомъ ганданѣ, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ и похороненнаго на мѣстѣ своей родины. Со времени этого погребенія къ гробницѣ его были приставлены для охраны двѣ вышеозначенныя юрты и въ охраненіи ея состоитъ ихъ повинность. Могилу эту съ тѣхъ поръ никто изъ ургинскаго начальства и ламъ не посѣщалъ рѣшительно никогда и развѣ какой благочестивый пилигримъ изрѣдка заѣзжаетъ сюда для поклоненія. Обѣ семьи горько жаловались мнѣ на свою участь въ томъ отношеніи, что они осуждены жить далеко отъ воды: дѣйствительно, воду они принуждены брать изъ Хары и возятъ ее приблизительно верстъ за пять въ «усунай абдарахъ». Спускаясь съ отлогостей Уланъ-улы, мы издали увидали прекрасный русскій тарантасъ, запряженный тройкою лошадей и окруженный свитою въ 8 человекъ. Оказалось, что это ѣхалъ ширѣтѣ-лама бурятскаго Кичингѣвскаго дацана; онъ былъ на поклоненіи въ Ургѣ и теперь намѣревался еще посѣтить Амурь-баяхулантѣ. Въ 2 ч. 10 м. мы выѣхали на долину р. Хары, противъ невысокаго горнаго хребта, именуемаго Бухунъ-нурѣ и находящагося на правомъ берегу Хары. Здѣсь повстрѣчался намъ монгольскій охотникъ, воору-

ный кремневымъ ружьемъ и отправлявшійся на добычу въ горы. По раз-
казамъ его, охота здѣсь плохая: можно получить только цэбрэновъ
(antelope gutturosa), тарбагановъ (arctomys bobac), да изрѣдка гѳрбсу
(aegoceros sibiricus); изюбрей же вовсе не водится. Достигнувъ береговъ
р. Хары, мы въ 2 ч. 40 м. остановились противъ горы Эрхэтү, дать
вдохнуть своимъ лошадямъ. На этомъ привалѣ подъѣзжали къ намъ пять
человѣкъ гэгэновскихъ «тѳчи». Всѣ они были ламы и ѣхали изъ Урги на
шабнскихъ подводахъ, для повѣрки и счета гэгэновскихъ табуновъ.

Поднявшись съ мѣста стоянки, мы продолжали путь по долинѣ р. Хары.
Добравшись до знакомой рѣки и приближаясь къ мѣстамъ своего постоян-
наго проѣзда, буряты наши повеселѣли, начали понукать лошадей и объ-
явили, что отсюда мы кое-гдѣ поѣдемъ и трускою. Такимъ образомъ отъ
береговъ Хары наше движеніе можно будетъ исчислять въ общемъ около
5½ верстѣ въ часъ. Рѣка Хары необычайно извилиста въ своемъ теченіи,
оттого дорога не идетъ по ея берегамъ, а держится въ сторонѣ, слѣдуя
прямоу направленію. По дорогѣ встрѣтили обозъ въ 123 быка, везшій
на телегахъ чай въ Кяхту; по разказамъ возчиковъ, обозъ своротилъ съ
своего надлежащаго пути и дѣлаетъ крюкъ верстѣ въ 15 по той причинѣ,
что хозяину быковъ понадобилось заѣхать къ своимъ знакомымъ. По мѣрѣ
приближенія къ горѣ Байнъ-уланъ, иначе называемой Байнъ-хангаемъ,
начали попадаться пашни китайцевъ, а вслѣдъ за ними показались и ихъ
займки. По разказамъ мѣстныхъ монголовъ, въ долинѣ р. Хары вообще
проживаетъ очень большое число китайскихъ земледѣльцевъ и сѣютъ они
исключительно пшеницу, арендуя земли у монгольскихъ хошунъ. Сами
китайцы занимаются обработкою земли мало и всѣ полевые работы испол-
няютъ у нихъ монголы. Рабочіе нанимаются съ осени и плата имъ выплачи-
вается всегда впередъ, въ теченіе зимы, товарами, чаемъ, виномъ и пр.,
лѣтомъ же монголы постоянно проживаютъ на пашняхъ и отработываютъ
долгъ, накопившійся въ теченіе зимы. Миновавъ вышеназванную гору
Байнъ-уланъ и проѣзжая находившуюся къ сѣверу отъ насъ, на той сто-
ронѣ Хары падъ Манхатанъ-даба, мы увидали вдали высокій и лѣсистый
Манхатанъ. За этою Манхатанскою падью слѣдуетъ по тому же правому
берегу Хары гора Уланъ-хаирханъ, противъ которой мы и остановились
на ночлегъ, получая воду изъ магистральной канавы, проведенной
китайцами на ихъ пашни. Подъѣзжавшіе къ намъ на мѣсто нашей
остановки монголы много восхваляли русскихъ за ихъ заботы объ
исправленіи путей между Кяхтою и Ургою, а Манхатанъ даба былъ
основнымъ поводомъ для такой хвалы. Когда то страшный перевалъ этотъ
обходится теперь по западной сторонѣ новою и совершенно ровною дорогой,

на разработку которой русскими употреблено было не мало усилий въ 1890 году.

7-е Юля. Вторникъ.

6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+19^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+18^{\circ}$; 9 ч. $+10^{\circ}$.

Мѣсто нашего нынѣшняго ночлега на лѣвомъ берегу Хару было почти въ томъ пунктѣ, гдѣ дорога, направляющаяся изъ Урги въ Амурь-баяхуланту, отдѣляется отъ такъ называемаго «лугорскаго», ургинско-кяхтинскаго тракта, или дороги китайскихъ торговцевъ съ Россіею. Последняя поворачиваетъ отъ этого пункта на сѣверъ и, по переправѣ черезъ р. Хару, обогнувъ гору Уланъ-хаирханъ, уклоняется въ Манхатайскую падь. Русскіе торговые караваны ходятъ также этимъ путемъ, почему, въ видахъ большаго удобства сообщенія, кяхтинское купечество завело здѣсь русскій перевозъ на паромѣ и содержало его, сдавая съ подряда, какъ и перевозъ на р. Ирѣ, кяхтинскому мѣщанину Жданову. Теперь монголы сообщили мнѣ, что этого перевоза не имѣется, такъ что переправа черезъ Хару осталась только на казенномъ ургинско-кяхтинскомъ почтовомъ трактѣ, что будетъ верстъ на пять—шесть выше настоящаго пункта. Эта казенная переправа никогда не уничтожается, ибо монголы отбываютъ ее какъ натуральную повинность, переправляя ѣдущихъ на долбленыхъ бѣтахъ, подобныхъ тому, какой видѣли мы на Орхонѣ. Итакъ мы вступили теперь на лугорскій трактъ. Направляясь отсюда прямо къ востоку, трактъ этотъ вскорѣ же оставляетъ Хару. Последняя, будучи стѣсняема мысомъ невысокаго отрога горы Сэргэхчї ула, уклоняется отсюда на сѣверо-востокъ. Переваливъ этотъ отрогъ по отлогому и довольно легкому для ѣзды перевалу, дорога направляется падью, именуемою, отъ имени прилежащей къ ней горы, Байнъ-цокту. Падь отличается своими сыпучими песками и чрезвычайно трудна для переѣзда, такъ что благодаря лишь большимъ дождямъ, шедшимъ здѣсь цѣлыхъ три дня передъ нашимъ проѣздомъ, мы миновали эту падь сравнительно безъ особенныхъ трудностей, хотя обычно она представляется одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Ища лучшаго пути, караваны проложили по этой пади массу дорогъ, но всѣ они по своимъ качествамъ совершенно одинаковы и въ существѣ дѣла нисколько не облегчаютъ переѣзда. Лишь по приближеніи къ подъему пески исчезаютъ, и засимъ слѣдуетъ пологій, но длинный перевалъ, именуемый Таширъ-дабаномъ. Спускъ съ него по пади Таширъйинъ даба приводитъ въ долину, гдѣ лугорская дорога соединяется съ ѳртѣнскою, т. е. казенною почтовою дорогою отъ Урги до кяхтинскаго Маймачѣна. Здѣсь повстрѣчали мы обширныя пашни гэгѣновскаго казначейства, къ обработкѣ которыхъ

приставлено до 40 семей, или юртъ шабинаровъ. Было очень жарко и въ 1 ч. дня мы, достигнувъ р. Борб, должны были остановиться здѣсь, чтобы дать вздохнуть своимъ лошадямъ. Къ тому же мы не имѣли у себя мяса и намъ необходимо было приобрести барана. Такъ какъ мясо обыкновенно портилось у насъ въ два дня, то мы всегда приобретаемъ себѣ небольшія туши и здѣсь намъ удалось купить барана, правда, маленькаго, одногодоголаго, но необычайно дешево: съ насъ взяли только два рубля серебромъ, помимо, конечно, всегда оставляемыхъ хозяину кожи, головы, ногъ и кишекъ, въ награду за приготовленіе туши. Возня съ бараномъ отняла довольно много времени и мы не ранѣе какъ въ 3½ часа могли двинуться дальше. Спустившись отсюда въ долину Хоримтѹ, на которой находится и казенная почтовая станція, мы увидали здѣсь въ сторонѣ отъ дороги большое движеніе: человекъ 50 монголовъ ставили юрты, устраивали конюезы, скакали туда и сюда на лошадяхъ и водили верблюдовъ, страшно пугавшихъ нашихъ лошадей. Оказалось, что всю эту тревогу надѣлалъ ургинскій порчжѣ-лама, выѣхавшій (послѣ извѣстнаго уже намъ учителя цангту) изъ Амурь-баяхулантѹ дней за 5 до нашего прибытія туда и еще не успѣвшій доѣхать до этихъ мѣстъ, а долженствовавшій пріѣхать на берега Борб только завтра. Влѣво отсюда, т. е. въ СВ углу долины, открывается видъ на величественную Нойнъ-ѹлу, пересѣкающую долину Хоримтѹ и уходящую далѣе къ югу. Гора эта замѣчательна какъ запретная для охоты мѣстныхъ монголовъ, почему вокругъ ея стоитъ нѣсколько семей, на обязанности которыхъ лежитъ охранять Нойнъ-ѹлу; стражники эти именуется «цакдѣ». Нѣсколько сѣвернѣе Нойнъ-ѹлы, въ пади извѣстной подъ названіемъ Цзѹнъ-модѣ, находятся большія пашни китайцевъ, которые устроили здѣсь и два бѣйшина для своего проживанія. Землю они снимаютъ въ тамагѣ Бѣтурь-цзасакѣ, уплачивая деньги исключительно въ пользу цзасакѣ. Земля арендуется безъ всякой мѣры: китайцы снимаютъ прямо всю горную падь, а засимъ количество посѣва разнообразится ими по усмотрѣнію; обыкновенно, впрочемъ, они высѣваютъ не менѣе 150 мѣшковъ разнаго рода зеренъ. Къ западу отъ станціи Хоримтѹ тотъ же Бѣтурь-цзасакъ отдаетъ еще китайцамъ гору Чжиргалантѹ, пользуясь лѣсами которой эти китайцы занимаются плотничьимъ и столярнымъ ремеслами: выдѣлываютъ доски, телѣги, жгутъ уголь и проч. Подѣхавшій къ намъ здѣсь цзангѣнъ хошѹна Бѣтурь-цзасакѣ подробно и обстоятельно разказалъ намъ, что земледѣліе въ ихъ хошѹнѣ, равно какъ и въ сопредѣльныхъ ему вѣдомствахъ цинь-вана тѹшѣтѹ хановскаго аймака, Цэ-цзасакѣ, Со-гуна, Урчжанъ-цзасакѣ и частію Магуна развилось особенно не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Въ ту пору, и

именно въ 1881 г., въ Ургу былъ назначенъ маньчжурскимъ амбанемъ Си-чанъ, который немедленно по прибытіи въ Ургу составилъ особый проектъ объ основаніи и развитіи земледѣльческихъ колоній въ Халхѣ, по рѣкамъ Харѣ, Ирѣ, Орхону и Хэрүлэну. Китайцы, давно уже знавшіе всѣ наиболѣе плодородныя мѣста, успѣли воспользоваться этимъ проектомъ немедленно по его обнародованіи и открыли свои займки въ очень многихъ урочищахъ и прежде всего по всему Орхону съ его притоками: Уртү-гѣль, Могдй, Усүнъ-сѣрь, Ачүту, Хангаль, Бухайнъ-гѣль, Чингиль и др. по Селенгѣ, съ притоками ея: Цолхоръ-гѣль, Хандагайту, Дарцоктай-усу, Ингйтъ, Наранъ-усу и др.; по Харѣ и притокамъ ея: Байнъ-гѣлу, Тункэль-гѣлу, на которомъ располагается ставка Батуръ-цзасака, Номтү-булаку, Кяктуинъ-гѣлу и др. Впрочемъ, первое поселеніе здѣсь китайцевъ было весьма несчастливо. Дѣло въ томъ, что по обстоятельствамъ тогдашняго военнаго положенія Халхи, Си-чанъ привелъ съ собою отрядъ китайскихъ войскъ, въ 1000 человекъ. Между тѣмъ пекинское правительство отказало въ выдачѣ содержанія этимъ войскамъ и предоставило амбаню содержать ихъ на мѣстныя средства. Си-чанъ обложилъ всѣ эти нововозникшія колоніи китайцевъ сборомъ по $2\frac{1}{2}$ ланы съ каждой обработанной десятины, съ обязательствомъ произвести эту уплату хлѣбомъ. Въ ту пору съ одной только Хары было вывезено 12,000 пудовъ пшеницы, а на перевозку ихъ потребовалось 2000 быковъ. Когда въ слѣдующемъ 1882 году прошли слухи о такомъ же налогѣ, то многіе китайцы, не дожидаясь жатвы, бросили свои поля и разбѣжались. Только послѣ перемѣщенія Си-чана изъ Урги они возвратились и теперь осѣли, повидимому, прочно, хотя многія изъ насиженныхъ ими мѣстъ теперь обрабатываются уже монголами. Въ долині Хоримтү мы встрѣтили сравнительно очень небольшое населеніе и притомъ очень незначительное число скота. Мнѣ было понятно, что здѣсь, какъ и вообще при проѣзжихъ дорогахъ, должно было проживать населеніе небогатое и почти не занимающееся скотоводствомъ; но тотъ промыселъ монголовъ, который мы здѣсь встрѣтили, былъ просто поразительнымъ. Мы нашли здѣсь столяровъ, которые доставали себѣ пропитаніе, исключительно выдѣлывая оси и колеса русскаго образца, необходимыя возчикамъ, а къ довершенію удивленія намъ попался даже монголъ, ѣдущій въ русской телѣгѣ, одноколкой и съ дугой. Почва долины Хоримтү болотистая. Съ юга долина заграждается высокою горою, именуемою Обту, и чтобы обогнуть эту гору, дорога постепенно уклоняется сначала къ западу, а обогнувъ, тотчасъ же поворачиваетъ на востокъ и засимъ направляется снова на югъ, къ перевалу Гурунцатү-дабѣ. Перевалъ не особенно трудный, но довольно длинный. Спустившись съ него въ падь

Гурунцзатү-худүкү, мы нашли здѣсь четыре аіля монголовъ и всѣ они занимались плотничьимъ ремесломъ. Отсюда въ 7 ч. 25 м. мы начали подниматься на пологій и длиннѣйшій перевалъ Учжиктү и успѣли взобраться на его вершину только въ 9 ч. вечера. Спускъ съ него не великъ и приводитъ въ падь Сүцзүктү, въ которой мы и остановились для ночлега среди полной темноты ночи.

8-е Іюля. Среда.

5 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+10\frac{1}{2}^{\circ}$.

Поутру можно было осмотрѣться и видѣть, что падь Сүцзүктү, ограничиваемая съ запада горами Учжиктү, на сѣверѣ запирается горою Нойнъ-үла. Подошедшіе бѣдняки сообщили, что къ западу отсюда, у оз. Борд-нүръ находятся обширныя пашни, принадлежащія въ большей части казначейству Чжабцзүнь-дамба-хутухты, а въ меньшей — ургинскому аймаку Сангай. Дорога изъ пади Сүцзүктү направляется прямо на югъ и выходитъ въ широкую долину, на которой мы нашли массу шампиньоновъ: поля были усѣяны ихъ бѣлыми головками какъ цвѣтами. Отсюда начали подниматься на высокій и наполовину поросшій лѣсомъ Нарасутү даба, подъемъ на который длиненъ и извилистъ, а спускъ, какъ и у большинства здѣшнихъ переваловъ незначительный. Съ половины его и по всей отлогости вплоть до начала долины урочище носитъ названіе Аягъ-шанагъ, что значитъ «чашка и ковшъ». Такое названіе урочище получило отъ двухъ озеръ, довольно значительной величины, изъ которыхъ первое, совершенно круглое, походитъ на чашку, а второе имѣетъ нѣкоторое, хотя и довольно отдаленное сходство съ ковшемъ. Помимо этихъ двухъ, по скату горы, можно было замѣтить и еще четыре озера меньшей величины. Почва здѣсь исключительно гуджирная. Встрѣченное нами населеніе все заключалось въ 4-хъ юртахъ и всѣ хозяева ихъ оказались плотниками, почти не имѣющими скота и живущими исключительно заработкомъ. Близъ юрты каждаго изъ нихъ стояло по нѣскольку десятковъ колесъ, осей и все это было заготовлено къ зимнему времени и порѣ движенія чаевъ въ русскіе предѣлы. Несмотря на помянутую бѣдность окрестнаго населенія, мы встрѣтили здѣсь громадныя табуны лошадей и стада быковъ. Скотъ этотъ оказался принадлежащимъ ургинскому хутухтѣ и былъ пригнанъ въ это урочище, какъ на гуджирное мѣсто, произрастающими на которомъ мелкими травами монголы почитаютъ необходимымъ кормить своихъ лошадей, полагая, что на такихъ мѣстахъ они отъѣдаются и жирѣютъ гораздо скорѣе. Спустившись съ отлогостей Аягъ-шанагъ, мы вступили въ долину Хунцалъ, дающую свое названіе располагающейся на ней казенной почтовой станціи. Здѣсь мы снова встрѣчали три юрты плотниковъ. Отсюда вновь послѣдовалъ такой же

подъемъ со спускомъ, по которому опять-таки располагаются озера. Безъ сомнѣнія, такое сходство этихъ двухъ мѣстностей послужило основаніемъ для ихъ одинаковаго названія. Послѣдній переваль извѣстенъ у монголовъ также подъ именемъ Аягà-шанагà и только при крайней необходимости различить мѣстность, они первый изъ вышеупомянутыхъ переваловъ называютъ Нарасутуйнъ аягà-шанагà, а второй «Бургултуйнъ аягà-шанагà», отъ имени рѣчки Бургултая, къ которой приводитъ спускъ съ этого перевала. По вершинѣ Бургултуйнъ аягà-шанагà проходитъ граница хошунъ Батуръ цзасака и Ма-гуна. Достигнувъ берега Бургалтая, мы снова повстрѣчали здѣсь монголовъ, суетившихся надъ постройкою юртъ для проѣзда ургинскаго цорчжè-ламбы и неподалеку отъ нихъ остановились на полдникъ. Противъ мѣста нашей остановки находилось также двѣ юрты плотниковъ и двѣ юрты монголовъ, промышлявшихъ продажею сѣна. Лѣтомъ они косятъ и заготавливаютъ сѣно въ долинѣ Бургултая, на зиму складываютъ его въ особые сарайчики, устраиваемые изъ плетня, а зимою продаютъ извозчикамъ чая. Обычная цѣна сѣна — малый кирпичъ чая, или 30 коп., за два бѣлта, или снопа, всего фунтовъ въ 10 вѣсомъ. До сего времени съ утра дулъ страшный вѣтеръ.

Въ 2 ч. 25 м. мы оставили мѣсто своей стоянки и, проѣхавъ долину Бургултая, въ 3 ч. 30 м. начали подниматься на довольно пологій переваль, именуемый Олинту-дабà. Переваль этотъ вслѣдствіе своей пологости не особенно труденъ для переѣзда, за то слѣдующій непосредственно за нимъ новый дабанъ настолько устрашилъ своею крутизною нашихъ проводниковъ, что они рѣшили объѣхать его. Этотъ послѣдній переваль носитъ названіе Нарїнскаго. Чтобы объѣхать его, мы уклонились къ западу и перебрались черезъ Нарїнскій хребетъ верстахъ въ $3\frac{1}{2}$ отъ дороги. Въ означенномъ мѣстѣ переваль представилъ собою не болѣе какъ подъемъ на невысокую горную гряду. По ту сторону хребта мы вступили въ долину р. Нарйнъ и, чтобы попасть снова на дорогу, должны были повернуть теперь къ востоку. Разказываютъ, что обыкновенно эта падь отличается богатствомъ кормовыхъ травъ, но въ настоящемъ году ростъ этихъ травъ былъ очень плохой. Такъ какъ урочище это является едва ли не самымъ лучшимъ въ хошунѣ, то на немъ живетъ и здѣшній хошунный цзасакъ именуемый Ма-гуномъ, или болѣе полно Мандорва гуномъ. Кочевье его довольно бѣдное: оно заключало въ себѣ не больше десяти юртъ, среди которыхъ юрту цзасака было легко отличить по красной оторочкѣ, окаймлявшей ѳркѳ; около юртъ ходило до 1000 головъ овецъ, головъ 300 лошадей и такое же количество быковъ, — все это, конечно, сравнительно очень мало для такого человѣка, какъ хошунный-цзасакъ. Выѣхавъ снова на дорогу, мы поднялись на уваль, изъ-

за котораго выглядывала гора Хусуту-ундурь, а нѣсколько далѣе къ востоку высокая и покрытая лѣсомъ гора Чингильту. Пологій и длинный спускъ съ этого увала привелъ насъ въ широкую долину р. Куй, именуемую Куй мандагъ. Такое названіе долина получаетъ отъ трехъ небольшихъ горъ, по своимъ формамъ имѣющихъ нѣкоторое сходство съ мандагомъ, или блюдомъ, на которомъ буддисты приносятъ жертвы своимъ божествамъ. Долина Куй мандагъ извѣстна во всей Монголіи, потому что на ней черезъ каждые три года совершается торжество «Долонъ хошунай надамъ», привлекающее къ себѣ дѣйствительно монголовъ со всѣхъ халхаскихъ хошунъ. Въ обычное время долина эта если не богата населеніемъ, то обильна проѣзжающимъ людемъ, ибо она служитъ мѣстомъ, на которомъ сходятся всѣ дороги, ведущія въ Ургу съ сѣвера. Чтобы не пріѣхать въ Ургу поздною ночью, мы въ 7 ч. вечера остановились на ночлегъ на южномъ концѣ этой долины, почти у самаго перевала Тологѣйту даба, перевала, почитаемаго самымъ крутымъ, но за то и представляющимъ къ Ургѣ самую ближайшую дорогу.

9-е Іюля. Четвергъ.

5 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+20^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$.

Встали, по обычаю, въ 4 ч. утра; но, подчищаясь и прибираясь по случаю пріѣзда въ Ургу, провозились на мѣстѣ остановки до 7 ч. 15 м. Всего пути осталось не болѣе 18 верстъ. Немедленно съ мѣста стоянки мы начали подниматься на Тологѣйту-даба. Я, по обычаю, пошелъ пѣшкомъ, а какъ обозъ нашъ поднимался черезчуръ тихо, то ко мнѣ вскорѣ присоединилась и жена. Тологѣйту-даба очень крутъ для подъема съ сѣверной стороны, въ настоящую же пору движеніе по нему затруднялось еще тѣмъ, что дорога, отъ дождей, стала очень скользкою. Сѣверная сторона Тологѣйту даба мѣстами поросла лѣсомъ; вершина его украшена столообразнымъ обб и составляетъ границу для хошунъ Ма-гуна къ сѣверу и Пунъ-бэйсэ къ югу. Подъемъ и спускъ съ перевала заняли у насъ времени 2 ч. и 10 м.; но еще прежде сего уже предстала передъ нами ургинская долина р. Тобы. Повсюду были раскиданы здѣсь юрты и мѣйханы, или холщевыя палатки богомольцевъ, прибывшихъ на поклоненіе гэгэну. Въ 10 ч. 30 м. миновали старую разрушенную ургинскую крѣпость, построенную еще во времена ожидавшагося нашествія на Ургу дунганей въ 1870 г.; нынѣ отъ этой крѣпости уцѣлѣли лишь остатки стѣнъ, когда-то построенныхъ изъ сырцеваго кирпича, да внутри ихъ видны груды глины, образовавшіяся изъ прежде стоявшихъ здѣсь глинобитныхъ байшиновъ. Окрестные виды долины р. Тобы поражаютъ своею картинностью и безспорно самые красивые во всей этой долинѣ. Верстахъ въ двухъ вправо отъ дороги течетъ рѣка Тбла, разбиваясь на множество

мелкихъ протоковъ и образуя массу островковъ, индѣ густо поросшихъ деревьями, а чаще представляющихъ роскошный лугъ, усѣянный самыми яркими цвѣтами. Замѣчательно полное отсутствіе здѣсь какихъ либо кустарниковъ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего является и отсутствіе комаровъ, равно какъ и всякаго другаго рода мошекъ. Такія благоприятныя условія мѣстности побудили ургинскихъ ламъ построить здѣсь лѣтній дворецъ для своего хутухты. Онъ видѣлся намъ теперь издалека и въ туманѣ, высоко поднимая изъ за окружающей его бѣлой ограды раззолоченныя крыши своихъ кумиренно-подобныхъ зданій. Ближе къ дорогѣ видѣлась кумирня «Шаръ-сумѣ», иначе называемая «Пандітайгъ дугуномъ». Это

Лѣтній дворецъ хутухты и кумирня Шара сумѣ.

небольшая кумирня, посвященная Падма-самбавѣ, научившему буддистовъ умиротворять геніевъ земли. Ламы при этой кумирнѣ не живутъ постоянно и хуралы совершаются въ ней очень рѣдко; тѣмъ не менѣе здѣсь ежегодно отправляется даже и гэгэновское служеніе, а бываетъ это обыкновенно въ день осенняго чествованія Хянъ-ўлы. Въ ту пору какъ ламы приносятъ жертвы на вершинѣ горы, гэгэнъ совершаетъ тоже служеніе въ Шаръ сумѣ. Вскорѣ миновали Ганданъ, проѣхали черезъ ургинскіе базары, располагающіеся на южномъ концѣ города, миновали амбаньскій ямунь, острогъ, новопостроенную крѣпость, и наконецъ ровно въ 1 ч. дня въѣхали въ ворота ургинскаго консульства.

II. Ургà или Да-хүрѣ.

Ургà или Да-хүрѣ, главный городъ сѣверной Монголіи или Халхи, лежитъ почти подъ 48° с. ш., при слияніи рѣкъ Тѣлы и Сѣльби, въ 300 верстахъ къ югу отъ русскаго пограничнаго города Троицкосавска и еще болѣе извѣстной у насъ Кяхты. Монгольское слово «Өргѳ», означающее буквально «дворецъ», «ставка важнаго лица» и измѣненное русскими въ «Урга», почти неизвѣстно монголамъ какъ имя этого города; оно употребляется въ этомъ значеніи только европейцами, а изъ среды монголовъ его знаютъ развѣ только тѣ, которые входятъ въ постоянныя сношенія съ русскими. Безъ сомнѣнія, однако, русскіе не сами дали Ургѣ это названіе, и весьма естественно, что монголы встарину звали этотъ городъ-монастырь «Өргѳ», въ отличіе его, какъ мѣстопребыванія хутухты, отъ всѣхъ другихъ монастырей Монголіи. Въ настоящее время сами монголы чаще всего называютъ Ургу ея официальнымъ именемъ «Да хүрѣ», или «Йэхэ хүрѣ», то есть, большой курѣнь, въ просторѣчьи же зовутъ «Богдѳ хүрѣ» или святой курѣнь, а иногда просто «хүрѣ», подъ каковымъ словомъ разумѣютъ они вообще собраніе зданій, расположенныхъ кругомъ, а въ частности—всякій монастырь, безъ сомнѣнія, на томъ основаніи, что кельи живущихъ въ монастырѣ монаховъ, по закону, должны окружать его кумирни, какъ онѣ дѣйствительно и устрояются. Нѣкоторые изъ китайскихъ авторовъ, понимая слово хүрѣ въ смыслѣ «ограда», полагаютъ, что Урга получила такое названіе отъ желтой деревянной изгороди, составляющей отличительную принадлежность дворца Чжэбцзунъ-дамба хутухты; но мы не можемъ принять этого мнѣнія, такъ какъ исторически извѣстно, что Урга носила названіе «хүрѣ» еще задолго до того времени, когда хутухтѣ было пожаловано помянутое отличіе. Какъ всякій монастырь, Урга имѣетъ еще собственное имя: «б'Рай-бунъ-гэчжи-линъ», или болѣе полно: «б'Рай-бунъ-гэчжи-ганданъ-шатъ-дубъ-линъ». Это послѣднее имя неизвѣстно въ употребленіи не только у русскихъ, но и среди монголовъ; даже многіе живущіе въ Ургѣ ламы не знаютъ его.

Въ силу своего двойственнаго значенія, Урга въ настоящую пору можетъ быть разсматриваема двоякимъ образомъ; съ одной стороны, этотъ городъ представляется мѣстомъ, въ которомъ съ давнихъ поръ велась и ведется донинѣ торговля между русскими, китайцами и монголами, и въ этомъ отношеніи происхожденіе Урги относится едва ли еще не къ XVII в.; съ другой — Урга представляется религіознымъ и отчасти правительственнымъ центромъ Монголіи, и это значеніе Урга получила лишь въ весьма недавнее время; такъ что исторію ея за этотъ періодъ можно узнавать

какъ по преданіямъ, такъ и по письменнымъ памятникамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ монголовъ, хотя ни тѣ, ни другіе и не говорятъ о времени ея первоначальнаго построенія.

Древнѣйшее сказаніе объ Ургѣ мы находимъ въ лѣтописи «Эрдэнийнъ эрихэ» подъ 1649 годомъ. Сказаніе это гласитъ, что въ означенномъ году Үндүръ гэгэнъ, то есть, первый перерожденецъ Чжэбцзунъ дамба хутухты въ Монголіи, возвратившись изъ Тибета, по примѣру древняго Цамьянъ цорчи, который устроилъ семь дацановъ въ б'Рай-бунѣ, учредилъ въ номунъ Йэхэ хурѣ, б'Рай-бунъ-гэчи-линъ, семь аймаковъ: 1) Амдунаръ, 2) Чжиса, 3) Сангай, 4) Цзобгай, 5) Хухэнъ ноянь, 6) Дарханъ эмчи и 7) Үрлюдь. Это самое первое сказаніе объ Ургѣ. Изъ него, какъ видно, мы можемъ вывести только, что въ 1649 году монастырь былъ раздѣленъ на семь отдѣльныхъ частей, а изъ преданій можемъ добавить къ сему, что это дѣленіе имѣло въ основѣ какъ удобство администраціи, такъ и опредѣленіе ламскихъ занятій. Преданіе говоритъ, что аймакъ Амдунаръ получилъ свое имя отъ того, что ламы, вошедшіе въ составъ его, принадлежали по происхожденію къ странѣ Амдо и въ то время пришли вмѣстѣ съ Үндүръ гэгэномъ изъ Тибета съ цѣлью быть именно просвѣтителеми и наставниками народа, такъ какъ амдосцы были извѣстны своею ученостью; что Чжиса, Сангай и Цзобгай были назначены исключительно для гэгэна, и что ламы, причисленные къ этимъ аймакамъ, обязаны были или служить по очереди при личности гэгэна и наблюдать за порядкомъ въ городѣ (чжиса), или хранить и завѣдывать казной и кладовыми монастыря (сангай), или готовить и заботиться о столѣ какъ самого гэгэна, такъ и всей братіи, имѣющей обыкновенно общую трапезу во время богослуженій (цзобгай). Аймаки: Хухэнъ ноянь и Дарханъ эмчи получили свои имена отъ сотрудниковъ устроившаго монастырь гэгэна, которые построили на собственный счетъ аймачные дуганы (кумирни) и сдѣлали вклады на содержаніе духовенства. Что же касается Үрлюдскаго аймака, то происхожденіе его имени осталось для меня неизвѣстнымъ. Можно думать, что Урга съ этого времени сдѣлалась резиденціей Үндүръ гэгэна, потому что до времени путешествія въ Тибетъ онъ жилъ въ урочищѣ Ширѣтү-цаганъ нүрь, гдѣ, по словамъ монголовъ, ихъ кочевой монастырь никогда не имѣлъ своего мѣстопробыванія. Впрочемъ, и съ этого времени Урга не была постоянною резиденціей гэгэна; хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты, по всей вѣроятности, проводилъ здѣсь только извѣстную часть года, какъ это было въ обычаѣ всѣхъ гэгэновъ, когда ихъ право разъѣзда по Монголіи не было ограничено постановленіями пекинскаго правительства. Такимъ образомъ по біографіи Чжанчжа хутухты мы узнаемъ, что, когда Чжанчжа хутухту

ѣздилъ въ Монголію въ 1673 году, онъ нашелъ Ёндуръ гэгэна въ хуръни Бальчир'скомъ ¹⁾). Исторически извѣстно также, что Галданъ Бошокту, при нападеніи на Халху, засталъ Ёндуръ гэгэна живущимъ въ Эрдэни-цзѹ, а во время войнъ Галдана хубилганъ Чжэбцзѹнъ-дамба хутухты жилъ постоянно въ юго-восточной Монголіи. Что это переселеніе его на юго-востокъ не было сполна въ зависимости отъ обстоятельствъ смуть и войны, это подтверждается тѣмъ, что даже послѣ 1696 года, когда халхаскіе князья, также скрывавшіеся на юго-востокъ отъ чжунгарскихъ шаекъ, возвратились въ свои кочевья, Ёндуръ гэгэнь оставался тамъ и жилъ попеременно то въ Жэ-хэ, то въ Долбнѣ нурѣ, то въ Пекинѣ.

Съ 1719 года въ лѣтописи Эрдэнинь эрихэ начинаются извѣстія о постоянныхъ перекочевкахъ Хуръни съ одного мѣста на другое; такъ, въ 1719 году Хурънь основывается въ Даганъ дэлю; въ 1720 году на Сэръ ²⁾; въ 1722 году на Тамір'ѣ; въ 1723 г. съ Хангая его перенесли сначала въ Чжиргаланту, а потомъ въ Ибэнь ³⁾; подъ 1729 г. записано извѣстіе, что Большой Хурънь, находившійся въ Хучжирту-булакѣ, построили сначала въ Чжиргаланту, а потомъ перенесли въ Бургалтай; въ 1731 году онъ основывается на Сондрѣ; въ 1733 г. на Тэрэлчжи ⁴⁾; въ 1735 на Улясутаѣ; въ 1736 на Мандалѣ; въ 1740 на Хунцалѣ; въ 1742 на Удэлэгэ; въ 1743 на Ёкгомурѣ; въ 1747 на Сэльби; въ 1756 на Улясутаѣ; въ 1762 снова на Сэльби; въ 1773 г. на Куй-мандалѣ; наконецъ въ 1779 г. былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому испрашивалось разрѣшеніе о томъ, чтобы Большой Хурънь изъ урочища Куй-мандалъ перенести на р. Сэльби, къ сѣверному берегу р. Тобы и поставить неподалеку отъ монастыря Шачжини-бадарагѹлхчи сѹмэ. Такъ какъ на докладъ этотъ послѣдовало высочайшее соизволеніе богдохана, то Хурънь и былъ переведенъ на это, занимаемое имъ и до настоящей поры мѣсто.

Несмотря на такія частыя передвиженія, которыя по общеевропейскому понятію должны были бы возбудить предположеніе, что Урга во все это время, попрежнему, оставалась незначительнымъ монастыремъ съ

1) Чжанчжа хутухт. намт.-Чиндаманійнь эрихэ, т. I-й, стр. 105.

2) Такъ называется мѣстность въ вершинахъ р. Хара, къ сѣверу отъ Урги. Говорятъ, что тамъ и до сего времени уцѣляли развалины китайскихъ построекъ.

3) Мѣстность Амурь-баясхуланту.

4) Отъ Урги вверхъ по Толѣ, на разстояніи 45 верстъ; при впаденіи рѣки Тэрэлчжи съ западной стороны въ Толу. Остатки города донынѣ сохранились и представляютъ на разстояніи двухъ верстъ непрерывный рядъ неглубокихъ рововъ и невысокихъ холмовъ, образовавшихся изъ грудъ сырцеваго кирпича. Преданіе говоритъ, что выросшій рядъ деревьевъ далъ поводъ ламамъ заключить, что въ этомъ мѣстѣ впослѣдствіи будутъ битвы и пройдутъ строи солдатъ.

небольшимъ сравнительно числомъ монаховъ, — она въ дѣйствительности постоянно прибрѣтала все больше и больше значенія, а вмѣстѣ съ симъ, конечно, и увеличивалась въ своихъ размѣрахъ. Хотя Ёндуръ гэгэнъ имѣлъ въ ней только временное мѣстопробываніе, а большую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни провелъ на юго-востокѣ Монголіи, тѣмъ не менѣе Урга, ко времени его кончины, заняла первое мѣсто въ ряду монастырей Монголіи. Второй хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты, родившійся также въ Монголіи, былъ возведенъ на кафедру въ 1729 году и резиденціей его была прежде всего Урга. Только безпорядки въ Халхѣ, происшедшіе вслѣдствіе возмущенія большаго Цэрэнъ-дондоба въ 1732 году, заставили хутухту переселиться въ Долбнъ-нуръ, гдѣ и жилъ онъ до окончанія военныхъ дѣйствій въ 1741 году, то-есть, почти девять лѣтъ; но за то съ этихъ поръ Урга дѣлается уже постояннымъ мѣстопробываніемъ гэгэна. Само собою разумѣется, что при этомъ въ ней увеличивалось число монашествующихъ. Этому увеличенію способствовало еще и то обстоятельство, что, сдѣлавшись религіознымъ центромъ для всего населенія Монголіи, она вскорѣ сдѣлалась и центромъ просвѣщенія для монгольскихъ ламъ. Въ 1756 г. гэгэнъ учредилъ здѣсь первое въ Халхѣ высшее духовное училище, носящее названіе цангита; прослушавшіе курсъ его и выдержавшіе установленныя испытанія получали здѣсь различныя ученые степени, утвержденіе въ которыхъ исключительно принадлежало гэгэну. Такимъ образомъ въ Ургу начали стекаться ламы со всѣхъ концовъ монгольскаго міра и, безъ сомнѣнія, многіе изъ приходящихъ не только оставались здѣсь на долгое время, но и поселялись на постоянное жительство.

Не меньшую услугу возвышенію значенія Урги оказало и китайское правительство, хотя оно, можетъ быть, и нисколько не заботилось объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ то время. Ясно сознавая возможность вліянія гэгэна на всю Халху, китайцы по справедливости могли опасаться его и естественно должны были стремиться къ ограниченію его могущества. Впрочемъ, какъ и всегда въ сношеніяхъ съ монголами, они шли къ этой цѣли постепеннымъ, но неуклоннымъ и твердымъ шагомъ. Прежде всего имъ нужно было удалить гэгэна отъ непосредственнаго столкновенія съ народомъ и его жизнью, и съ этою цѣлью они, подъ предлогомъ святости гэгэна и опасенія унизить достоинство его, отбираютъ у него дѣла по управленію его шабинарами (крѣпостными хутухты); но, соблюдая постепенность, они отдають это управленіе въ руки избраннаго изъ числа тѣхъ же шабинаровъ. Итакъ, въ 1754 году въ Хуръни учреждается впервые присутственное мѣсто для разбора шабинскихъ дѣлъ, а управленіе ими возлагается на «шанцотбу», и на должность эту назначается лама, Сундубъ-

дорчжй съ титуломъ Сэцэнъ-тѳйнгъ. Но это, какъ я сказалъ, было сдѣлано едва ли не для того только, чтобы переходъ управленія шабинарами изъ-подъ власти-гэгэна былъ менѣе замѣтенъ. Маньчжурамъ въ ту пору нужно было раздробленіе власти у монголовъ, они хотѣли поставить на каждый отдѣлъ управленія нѣсколько начальниковъ для того, чтобы послѣдніе всегда взаимно ограничивали другъ друга и въ результатѣ прибѣгали къ самому же маньчжурскому правительству для рѣшенія дѣла. Смерть второго гэгэна черезъ четыре года послѣ учрежденія званія шанцзотбѳи дала первый къ этому поводъ. Въ 1758 г., 7-го числа послѣдняго весенняго мѣсяца состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе хуанди: «Халхаскій Чжэбцзунъ-дамба лама перемѣнилъ одѣяніе (скончался). Хотя въ Хуръни для надзора за ученіемъ и богослуженіями и находится шанцзотбѳа Сундубъ-дорчжй, тѣмъ не менѣе для управленія всѣми низшими шабинарами недостаточно одного только человѣка; посему повелѣвается вызвать халхаскаго тусалакчй-цзянь цзюня, Санцзай-дорчжй, и пусть онъ, присматривая за Хурънемъ, хорошенъко управляетъ сообща хутухтинскими шабинарами, равно предоставляется ему рѣшать и пограничныя дѣла русскія». Такимъ образомъ въ Хуръни появился монгольскій амбанъ (высшій правитель). Но прошло еще три года и для управленія Хурънемъ и шабинарами уже оказалось недостаточнымъ и двухъ человѣкъ: 22-го числа средняго зимняго мѣсяца 1761 года въ Ургу былъ назначенъ для той же цѣли второй амбанъ, и уже изъ маньчжуровъ, по имени Номохонъ. Онъ считался однако ниже монгольскаго амбана, хотя, вѣроятно, имѣлъ гораздо большее значеніе и вліяніе при пекинскомъ дворѣ. Учрежденіе амбаней прежде всего имѣло на Ургинскій монастырь то благотѣльное вліяніе, что съ этихъ поръ онъ не могъ уже совершенно по произволу ламъ и такъ часто мѣнять свое мѣстопробываніе, какъ это было до сего времени. Установившаяся съ этой поры осѣдность, безъ сомнѣнія, способствовала улучшенію внѣшняго вида Урги и ея расширенію. Въ 1809 году для цанѳта были построены здѣсь два большіе дугана, а обучавшіеся цанѳту ламы составили своими жилищами отдѣльную часть города, нынѣ носящую названіе Ганданъ. Но этого еще мало и пребываніе высшихъ властей вскорѣ дало Ургѣ главенство надъ всею сѣверо-восточною Халхою слѣдующимъ образомъ: хотя первоначальное учрежденіе амбаней въ Ургѣ было мотивировано только необходимостью присматривать за Хурънемъ и управлять шабинарами, тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, для этой цѣли едва ли нужны были три отдѣльныя присутственныя мѣста съ цѣлымъ роємъ засѣдателей, секретарей, писцевъ и проч., и само собою разумѣется, что при этомъ назначеніи дѣятельность амбаней и подвѣдомыхъ имъ ямуней (присутствен-

ныхъ мѣсть) была черезчуръ ограничена. Маньчжурскій дворъ хорошо сознавалъ это и вскорѣ расширилъ кругъ ихъ обязанностей за предѣлы завѣдыванія мѣстопробываніемъ хутухты и его данниковъ. Въ 1786 г. въ Пекинѣ состоялось опредѣленіе, утверждавшее за ургинскими амбѣями право окончательнаго рѣшенія дѣлъ по управленію аймаками Тушѣту-хѣновскимъ и Сэцэнъ-хѣновскимъ, принадлежавшее до сего времени одному улѣсутайскому цзянь-цзюню (генераль-губернатору). Событіе это окончательно возвысило Ургу: она сдѣлалась для Монголіи центромъ религіознымъ, разсадникомъ просвѣщенія и средоточіемъ высшей гражданской власти для большей половины Халхи.

Если въ Ургѣ и до сего времени велась постоянная торговля между китайцами и монголами, то понятно, что эта торговая дѣятельность приняла еще большіе размѣры съ тѣхъ поръ, какъ въ Ургу начали стекаться не одни только поклонники гэгэна, но, по обязанностямъ суда и администраціи, стали привлекаться монголы всѣхъ классовъ и состояній. Китайскіе торговцы основали теперь въ Ургѣ свое постоянное мѣстопробываніе и отправлялись за Великую стѣну развѣ только для того, чтобы привезти новые товары. Такъ какъ по буддійской каноникѣ при самыхъ монастыряхъ невозможно устройство лавокъ, то торговцы должны были поселиться въ 10-ти ли (5 верстахъ) отъ Хурѣня, и изъ этихъ первоначальныхъ поселеній ихъ въ настоящее время возникъ къ востоку отъ монастырскихъ зданій цѣлый городъ, превосходящій по величинѣ самый Большой Хурѣнь и носящій китайское имя Маймачэнъ, то-есть «торговый городъ». Но разстояніе 10-ти ли было черезчуръ велико: имъ затруднялись какъ китайцы, такъ и еще болѣе сами ламы, почему, вѣроятно, въ началѣ они смотрѣли сквозь пальцы, можетъ быть, даже въ глубинѣ души и были очень довольны, когда нѣсколько китайскихъ лавокъ построились только на разстояніи какихъ-нибудь 1½ верствъ на западной сторонѣ Хурѣня. Говорятъ еще, что первымъ изъ построившихся въ этомъ мѣстѣ былъ комиссіонеръ (тунъ-ши) самого гэгэна, и это весьма естественно, такъ какъ комиссіонеру гэгэна, легче чѣмъ кому-либо другому было обойти постановленія монастырскихъ правилъ. Какъ бы то ни было, однако это отступленіе, допущенное ламами въ отношеніи двухъ или трехъ лавокъ, не прошло для нихъ безнаказанно: вслѣдъ за комиссіонеромъ гэгэна построились здѣсь другіе китайскіе торговцы и въ періодъ 5-го вида Чжэб-цзунъ-дамбы (1815—1842 г.) китайскія поселенія возросли здѣсь до такого числа, что лавки почти уже примыкали къ Хурѣню. Только теперь ламайское духовенство начало требовать удаленія китайцевъ и принесло свои жалобы амбѣямъ и даже въ Пекинѣ. Само собою разумѣется, что

ни маньчжурскій амбанъ въ Хуръни, ни еще болѣе пекинское правительство никогда и не думали объ удовлетвореніи просьбъ монголовъ, особливо по искамъ съ китайцевъ; чиновничество маньчжуровъ заботилось въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, только о томъ, чтобы продлить дѣло и высосать съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ все, что только было возможно. Время уходило; китайцы, можетъ быть, заручившись словомъ своего начальства, продолжали торговать и жить у самаго Хуръня, а монголы терпѣливо ожидали рѣшенія дѣла, принося по временамъ взятки то тому, то другому изъ рѣшающихъ ихъ тяжбу. Вдругъ новое обстоятельство совершенно открыло имъ глаза на дѣло. Обстоятельствомъ этимъ было построение новой китайской лавки. Ламы увидѣли теперь, что ни просьбы, ни подарки ихъ не имѣли никакого значенія и въ порывѣ негодованія сдѣлали новый докладъ въ Пекинъ, въ которомъ излагали, что Хурънь долго застоялся на своемъ мѣстѣ, что занимаемое имъ пространство имѣетъ влажную почву, и что по этому самому отъ сырости въ Хуръни очень многіе болѣютъ и даже умираютъ. На основаніи этихъ причинъ они просили у богдыхана позволенія перекочевать имъ на новое мѣсто. Въ высочайшемъ приказѣ по поводу этого доклада, данномъ 5-го числа 5-й луны 1836 г., говорилось, что «ради блага жителей гэгэну дозволяется перенести свой Хурънь и поставить его на сѣверномъ берегу Тѡлы»¹⁾. Согласно этому позволенію, ламы въ тотъ же годъ, собравъ свои кумирни и имущество, перекочевали на разстояніе приблизительно около 8-ми ли отъ китайскихъ лавокъ къ западу и построили Хурънь недалеко отъ береговъ Тѡлы. Для жилища гэгэна избранъ былъ Ганданъ и здѣсь построился дворецъ его, существующій и до сего времени, хотя уже и не какъ дворецъ, а какъ сѹмэ, въ которомъ, впрочемъ, никогда не совершается хураловъ. Дѣлали ли китайцы умыленно, или они просто считали невыгоднымъ для себя безцѣльное содержаніе лавокъ въ двухъ мѣстахъ, но большинство ихъ дворовъ также перекочевало въ Маймачэнъ, и только нѣкоторые изъ торговцевъ оставили при Хурънѣ, на торговой площади, свои мелкія лавченки. Такимъ образомъ, разстояніе между ламскимъ и торговымъ городомъ въ одинъ годъ возросло до 20-ти ли.

Это былъ періодъ борьбы китайцевъ съ монголами и, какъ увидимъ дальше, побѣда осталась на сторонѣ китайцевъ. Несомнѣнно, что ламы стѣснялись дальностью разстоянія торговаго города, а переселеніе китайцевъ въ Маймачэнъ оставило имъ прежнее пепелище открытымъ. Къ этимъ обстоятельствамъ прибавилось еще и то, что шестой гэгэнъ едва прожилъ

1) Эрденійн. эрхэ. Гл. 35.

40 дней въ новоустроенномъ городѣ, какъ съ нимъ случилась оспа и черезъ нѣсколько дней онъ скончался. Последнее совершенно убѣдило монголовъ, что на этомъ мѣстѣ оставаться больше невозможно; оно было признано несчастнымъ, и такимъ образомъ, простоявъ около шести лѣтъ на новомъ мѣстѣ, Хурѣнь перекечевалъ снова на устья Сѣльби, свое старое мѣсто. Это перемѣщеніе совершилось въ то время, когда изъ Халхи послано было посольство за призваніемъ на Ургинскую кафедру 7-го хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты изъ Тибета, то-есть, въ годъ женщины, дерева и зайца, по лѣтосчисленію Монголовъ, или въ 1855 г. лѣтосчисленія христіанскаго. Едва только ламы установились съ своими храмами и жилищами, какъ къ западу отъ Хурѣня снова появились китайскія лавки, а лѣтъ черезъ пять послѣ того начали строиться здѣсь и русскіе, полагавшіе въ то время начало своей постоянной торговли въ Хурѣни. Прошло еще два-три года, и Урга была почти сплошь окружена китайскими постройками. Ламамъ опять пришлось начинать протестъ противъ поселеній китайцевъ, хотя на этотъ разъ они не говорили уже о необходимости разстоянія 10-ти ли между Хурѣнемъ и торговыми домами, а просили только не стѣснять имъ путь, по которому обносится ежегодно вокругъ Хурѣня бурханъ Майдари. Дѣло тянулось около двухъ лѣтъ и было покончено въ Пекинѣ тѣмъ, что построеннымъ лавкамъ дозволялось остаться, но на разстояніи одного аршина отъ нихъ проведена была межа, за которою не дозволялось занимать ни одной пяди. Для надзора за китайцами поставлено было въ непремѣнную обязанность ургинскаго царгучѣя (титулъ чиновника, завѣдующаго дѣлами торговцевъ) объѣзжать ежедневно по улицамъ и слѣдить, чтобы торговцы не занимали лишняго мѣста постройками; кромѣ того, онъ однажды въ годъ долженъ былъ измѣрять пространство, занятое каждою китайскою лавкой, и такимъ образомъ осязательно убѣждаться, что захвата земли произведено не было. Вѣсть о приближеніи дунганъ въ 1870 г. заставила многихъ китайцевъ удалиться изъ Урги, и это обстоятельство значительно уменьшило число китайскихъ дворовъ на восточной и южной сторонахъ Хурѣня, такъ что до установленной черты, за которую не могли переходить китайскія постройки, они доходили только на западной сторонѣ монастырскихъ зданій. Но съ усмирениемъ дунганскаго возстанія все опять пошло по старому и, несмотря на то, что царгучѣй совершалъ свои ежедневные осмотры и ежегодныя измѣренія, въ 1873 г. въ ламскомъ городѣ снова выросла цѣлая торговая улица. По этому случаю Чжэбцзунъ-дамба хутухту и сеймовые старшины 4-хъ аймаковъ, въ 13-мъ г. правленія Тунъ-чжи (1874), прямо отъ своего имени представили докладъ богдохану, въ которомъ выясняли, что «вновь по-

строенные китайцами дома и лавки, по истинѣ, стѣсняють пространство для движенія церемоніи Майдари особливо же въ этомъ отношеніи являются помѣхою зданія фирмъ: Вань-шань-хао, Тянь-дэ-тунъ, Юань-цзюй-юй, Лунь-чанъ-юй, Чанъ-синъ-хао, Вань-тунъ-хао, Чэнь-юй-шоу и другіе, а равно и постройки русскихъ купцевъ». Ли-фань-юань, на разсмотрѣніе коего было передано все это дѣло, опредѣлилъ тогда поручить ургинскимъ амбанямъ разрушить лавки семи поименованныхъ фирмъ, какъ неправильно занявшихъ мѣсто, по которому должна слѣдовать церемонія Майдари. Это опредѣленіе было апробовано богдоханомъ и засимъ передано къ немедленному исполненію ургинскимъ амбанямъ. Послѣдніе исполнили его тотчасъ и, по возможности, буквально; т. е. они распорядились о снесеніи семи поименованныхъ лавокъ, тѣ же, которыя не были поименованы, остались существовать по старому, равно какъ и русскія лавки, удалить которыя было, конечно, невозможно, безъ особыхъ сношеній съ русскимъ правительствомъ. Монголы, увидавъ исполненіе своей просьбы лишь на половину, снова обратились въ Пекинъ и просили довести дѣло до конца приказомъ снести какъ эти оставшіяся, китайскія, такъ и русскія лавки; словомъ, привести площадь въ то положеніе, которое было указано имѣть ей въ года правленія Сянь-фына. Прошло два года, пока въ отвѣтъ на эту просьбу изъ Пекина была получена ургинскими амбанями бумага, но не рѣшавшая дѣло, а только сообщавшая, что, согласно высочайшему повелѣнію богдохана, Ли-фань-юань требуетъ отъ ургинскихъ амбаней объясненія, имѣются ли дѣйствительно какія-либо препятствія къ снесенію китайскихъ и русскихъ лавокъ и къ какимъ именно рѣшеніямъ приходятъ мѣстныя ургинскія власти по вопросу объ удаленіи лавокъ собственно русскихъ? Къшайцы вполнѣ основательно, конечно, увидали въ этой бумагѣ поворотъ дѣла въ свою пользу и послѣшили осуществить ее на дѣлѣ: Лѣтомъ 1877 года, во время моего перваго пребыванія въ Ургѣ, мѣста прежде снесенныхъ зданій были застроены снова и въ большинствѣ лавками тѣхъ же фирмъ, которыя только что были снесены; изъ русскихъ торговцевъ рядомъ съ ними построилъ тогда свою лавку съ прилежащими къ ней пристройками г. Цинковъ. Въ порывахъ гнѣва ламы послали тогда новую просьбу въ Пекинъ, а при устныхъ бесѣдахъ только и говорили, что они оставляютъ Ургу и что гэгэнъ переселится куда-либо въ другой монастырь, если ихъ просьба не будетъ уважена. Несмотря на это комичное бряцаніе оружіемъ, которое, безъ сомнѣнія, было извѣстно и въ Пекинѣ, отвѣтъ на помянутое искательство ламъ былъ полученъ отъ Ли-фань-юаня только черезъ шесть лѣтъ, т. е. въ 10-мъ году правленія Гуань-суй (1883), изъ содержанія же его мы узнаемъ, что за все это время, ургин-

ские амбаны не собрались еще отвѣтить на вопросы, поставленные имъ въ 1876 году, а потому Ли-фань-юань и предлагалъ амбаньямъ восполнить этотъ недостатокъ. Послѣ этой бумаги дѣло снова замолкаетъ на пять лѣтъ, пока халхаскіе князья на сеймѣ 1888 г. не порѣшили повторить въ Пекинъ свою просьбу о перенесеніи на другое мѣсто китайскихъ и русскихъ лавокъ. Новый отвѣтъ Ли-фань-юаня на эту просьбу заключалъ въ себѣ почти дословное повтореніе бумаги 1883 года, т. е. Ли-фань-юань требовалъ отъ ургинскихъ амбаней не представленныхъ ими отвѣтовъ на вопросы, предложенные еще въ 1876 г. Правившій въ ту пору въ Ургѣ маньчжурскій амбанъ Ань-дэ лично не раздѣлялъ искательства халхаскихъ князей и, рѣшившись подвинуть это дѣло, представилъ свое заключеніе въ Пекинъ, въ которомъ говорилъ, что, по его личному мнѣнію, существующее пространство для движенія вокругъ Хуръня церемоніи Майдари вполне достаточно, а между тѣмъ перенесеніе китайскихъ лавокъ принесло бы большіе убытки ихъ владѣльцамъ, что, при сравнительно плохой торговлѣ, можетъ послужить къ ихъ окончательному разоренію. Съ другой стороны, ему извѣстно, что русскіе торговцы поступятъ выгодами своей дѣятельности при Хурънѣ и согласятся на перенесеніе своихъ лавокъ въ другое мѣсто только въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, отъ Хуръня будутъ удалены всѣ безъ исключенія китайскія лавки, а во вторыхъ имъ уплачено будетъ вознагражденіе, соотвѣтствующее понесеннымъ отъ переселенія убыткамъ. На этомъ пока и остановилось дѣло объ измѣненіи плана современнаго расположенія отдѣльныхъ частей города Урги. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ этотъ черезъ нѣсколько лѣтъ поднимется снова, ибо чиновники богдохана давно уже прозрѣли въ немъ нѣкоторый источникъ для своихъ доходовъ; но придавать такому возникновенію какое-либо значеніе, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ исторія, рѣшительно не возможно.

Итакъ Урга въ настоящее время является расположенною по р. Сэльби. Въ общемъ, мѣстность ея представляетъ собою котловину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, выходъ изъ которыхъ образуется на востокъ и западъ узкою долиною рѣки Тблы. Понятно, что способная доставить ургинскому населенію выгоду въ смыслѣ защиты отъ вѣтровъ, мѣстность эта не представляетъ собою особыхъ удобствъ для монголовъ, въ стратегическомъ отношеніи, ибо, расположившись въ двухъ означенныхъ проходахъ, непріятель можетъ держать все населеніе долины какъ бы въ западнѣ, лишеннымъ продовольствія и не имѣющимъ удобнаго выхода. Городъ состоитъ собственно изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1) Хуръня, Урги, или монастыря, въ которомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе Чжэб-

цзунъ-дамба; 2) Гандана, или той отдѣльной части, гдѣ находятся кумирни цанита, и гдѣ живутъ ламы, изучающіе высшій курсъ буддѣйской догматики; и 3) Маймачэна, или торговаго города. Всѣ эти три части города расположены на правой сторонѣ рѣки Тѳлы, верстахъ въ 3-хъ отъ береговъ ея, рѣка же Сэльби, протекая съ сѣвера на югъ чрезъ самую средину Хурѣня, оставляетъ въ сторонѣ другія части города. Мѣстность Урги имѣетъ видъ продолговатой равнины, тянущейся съ сѣвера на югъ въ различныхъ мѣстахъ на пространство отъ 6 до 13 верствъ, а съ востока на западъ верствъ на 30, или, можетъ быть, нѣсколько болѣе. Площадь эта со всѣхъ сторонъ ограничена горами: на югъ величественною Богдѣ-ўлою, иначе называемою Ханъ-ўла, на востокъ горами Байнъ-хутуль, на сѣверъ горами Чингильтү-ўла и Даланъ-дабхуръ, посреди которыхъ проходитъ ущелье, не носящее у монголовъ никакого имени и называемое просто Хундуй, и горами Байнъ цзурухэ, а на западъ горами Сангійнъ-ўла; почти примыкающими къ Богдѣ-ўлѣ и въ юго-западной оконечности долины отдѣленными отъ нея только русломъ рѣки Тѳлы.

Общій видъ Урги (хурѣня) съ западной стороны.

Первое мѣсто между этими горами занимаетъ Богдѣ-ўла; высота ея

надъ уровнемъ моря была опредѣлена г. Фритше въ 5,412 футовъ, въ длину же она тянется почти прямо съ востока на западъ на пространствѣ около 30 верствъ. Сообразно общему названію горы Богдò-ўла, что значитъ «святая гора», и отдѣльныя части ея носятъ также высокія названія; такъ, изъ числа трехъ падей, замѣчательныхъ по величинѣ и уваженію къ нимъ монголовъ, одна называется Йэхò-тэнгрійнъ-амà, то-есть, «большая небесная падь»; другая — Бага-тэнгрійнъ-амà, «малая небесная падь»; третья — Цзайсанъ-амà «падь-правитель». Вся гора, отъ подошвы и до вершины, по обѣимъ сторонамъ своимъ густо поросла хвойнымъ лѣсомъ и въ этомъ отношеніи замѣчательна потому, что составляетъ предѣлъ лѣсовъ въ Монголіи: къ югу отъ нея уже не встрѣчается деревьевъ. Богдò-ўла издревле почитается монголами: на ней не можетъ быть ни сдѣлано порубки лѣса, ни раскопана земля, ни даже произведена облава, или охота на дичь, во множествѣ живущую въ ея дѣвственномъ лѣсѣ. Еще недавно монголы разказывали, что, по принятому у нихъ жизненному обычаю, въ виду Богдò-ўлы не можетъ быть совершенно казни преступниковъ, и дѣйствительно, всѣхъ осужденныхъ на смерть преступниковъ прежде отправляли обыкновенно изъ Хуръня въ Долонъ-нуръ, или Калганъ, но на сколько вѣрны были такія увѣренія, сказать трудно, ибо въ Хуръни не могло быть производимо казней и вслѣдствіе того еще, что онъ представляетъ собою мѣстопробываніе хутухты. Такимъ образомъ, имѣла ли въ этомъ дѣлѣ значеніе Ханъ-ўла или хутухту — рѣшить трудно. Но за послѣднее время эта традиція о невозможности совершенія казни въ Ургѣ должна отойти въ область преданій. Въ 1890 году на русскомъ ульхунскомъ караулѣ было совершено преступленіе, при коемъ двумя монголами была вырѣзана, съ цѣлю ограбленія, цѣлая семья русскаго казака, въ числѣ семи чловѣкъ. Преступники были розысканы, пойманы, судимы и приговорены къ смертной казни чрезъ отрубленіе головъ. Казнь, по мѣсту суда, должна была совершиться въ Ургѣ. Говорятъ, ламы хлопотали объ отмѣнѣ такого опредѣленія, но богдоханское правительство не уважило ихъ просьбы и все, чего могли добиться ламы, это то, что мѣстные ургинскіе амбани распорядились о производствѣ казни въ узкой пади рѣчки Ултай, отстоящей отъ Урги верствъ на семь и окруженной такими высокими горными отрогами, что изъ-за нихъ не видно ни Ханъ-ўлы, ни Хуръня, съ находящимся въ немъ дворцомъ хутухты. Обыкновенно за причину, лежащую въ основѣ чествованія Ханъ-ўлы, принимаютъ общеразвитое въ средѣ монголовъ уваженіе къ горамъ, особливо высокимъ, или чѣмъ-либо выдающимся изъ среды другихъ, полагая въ этомъ чествованіи остатокъ сохранившихся шаманскихъ вѣрованій; но мнѣ пришлось въ бесѣдахъ съ монголами

узнать совершенно другое повѣрье ихъ, относящееся въ Хань-ўлѣ, справедливость котораго подтвердилась для меня потомъ и письменнымъ памятникомъ. Въ 9-й лунѣ 1778-го г. изъ Урги сдѣланъ былъ въ Пекинъ докладъ на высочайшее имя, въ которомъ говорилось, что «находящаяся къ югу отъ Хурѣня Хань-ўла, по преданію, называется Хань-ўлою вслѣдствіе того, что при подошвѣ ея родился Чингисъ-ханъ»; въ томъ же докладѣ излагалось далѣе, что всѣ халхасы современъ дѣда Ындуръ-гэгэна, то-есть Абатая, ежегодно приносятъ ей жертвы, и въ концѣ ургинское чиновничество просило императора разрѣшить изъ чествованія ея сдѣлать гражданскій праздникъ, а на жертву присылать отъ двора подарки. Само собою разумѣется, что китайцы не повѣрили этой баснѣ, такъ какъ они знали изъ историческихъ памятниковъ, что мѣсторожденіе Чингиса было вовсе не у подошвы Хань-ўлы; тѣмъ не менѣе резолюція на этомъ докладѣ была слѣдующая: «Чествованіе Хань-ўлы — хорошее дѣло; а посему, согласно докладу Санцзай-дорчжй (собственное имя монгольскаго амбана въ Ургѣ), поручить подлежащему министерству ежегодно весною и осенью посылать курительныя свѣчи и шелковыя матеріи въ узаконенной мѣрѣ съ предписаніемъ Санцзай-дорчжй, чтобъ онъ приносилъ жертвы въ присутствіи вѣновъ, гуновъ и цзасакдовъ монгольскихъ». Съ тѣхъ поръ жертвоприношенія Хань-ўлѣ совершаются ежегодно два раза до настоящаго времени, дни же принесенія жертвъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, опредѣляются ламами астрологами, или цзурхайчяями. Должно замѣтить однако, что Хань-ўлу чествуютъ только аймаки Түшѣту-хановскій и Сэцэнъ-хановскій, два другіе, то-есть Сайнгъ-нойновскій и Цзасакту-хановскій, освободились отъ этого обязательства по особому докладу императору, представленному въ 1780-мъ году отъ улясутайскаго цзэнь-цзюна и хэбэй-амбаней. Кромѣ Хань-ўлы, жители каждой отдѣльной части Урги имѣютъ свою чествуемую ими гору. Такowymi горами являются: для хурѣнскихъ ламъ — Чингильту-ўла, для Маймачэна — Байнгъ-цзүрүхэ. На каждой изъ нихъ воздвигнуто почти со времени основанія города Обб, которому приносятся жертвы. Празднество это, носящее у монголовъ имя «Обб-тахиху», совершается хурѣнскими ламами во второмъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, а жителями Маймачэна въ третьемъ.

Обращаясь теперь къ описанію быта отдѣльныхъ частей города, какowymi онѣ представляются въ настоящее время, я долженъ прежде всего сказать, что точное опредѣленіе народонаселенія какой-либо изъ этихъ частей положительно невозможно. Не говоря уже о Маймачэнѣ, гдѣ число жителей постоянно колеблется по временамъ года, вслѣдствіе прилива и отлива какъ торгующихъ китайцевъ, такъ и покупателей монголовъ, даже

въ Хурѣни, гдѣ населеніе кажется болѣе осѣдлымъ, узнать точное число ламъ положительно невозможно. Сами монголы, на вопросъ о количествѣ ургинскихъ ламъ, обыкновенно отвѣчаютъ «тумэнъ ламъ», то-есть, 10000 ламъ, или еще болѣе подходяще, «тыма ламъ». Я также могу повторить, что число это темное, хотя оно, несомнѣнно, превышаетъ 10,000. Въ прошлую мою поѣздку по Монголіи 1876—1879 гт., въ мои руки попалъ одинъ оффиціальнѣй документъ, а именно, приходо-расходный реестръ казначея (нирбѣ) цокчѣнской кумирни, куда въ извѣстные годовые праздники собираются для совершенія хураловъ всѣ ургинскіе ламы, при чемъ на долю этихъ ламъ по сказанному реестру отпускается изъ цокчѣнскихъ магазиновъ чай, мука, масло и проч. Въ реестрѣ этомъ опредѣлялось количество ламъ въ полномъ ихъ составѣ и сообразно дѣленію ихъ на аймаки. Зная теперь о существованіи такого рода документовъ, я попробовалъ поискать ихъ и въ настоящую поѣздку, при чемъ трудъ мой не пропасть даромъ. Отъ того же цокчѣнскаго нирбѣ я получилъ теперь новый такой же списокъ, выданный лишь ему въ 1889 г. Разсмотрѣніе и сличеніе этого списка со старымъ не только указало мнѣ, приблизительное число ламъ въ Ургѣ, но еще и засвидѣтельствовало, что ламское населеніе Урги постепенно увеличивается, хотя и не особенно значительно. Вотъ какъ опредѣлялось и опредѣляется число ургинскихъ ламъ по этимъ обоимъ спискамъ:

№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ.		№	Наименованіе аймаковъ.	Число ламъ.	
		По старому списку.	По новому списку.			По старому списку.	По новому списку.
1	Амдунарь	600	600	11	Дарханъ эмчѣ . .	400	400
2	Махамая	500	550	12	Эрхѣнъ гѣйнъ . .	400	700
3	Чжиса	500	500	13	Вангай	600	500
4	Сангай	1000	1100	14	Эрдэни хубилганъ	400	450
5	Номчѣ	300	400	15	Баргай	300	200
6	Цзѣгай	1000	1000	16	Гатдублинъ . . .	600	450
7	Дугарь	500	500	17	Бандѣта	300	400
8	Мэргэнъ ханбѣ .	400	350	18	Цзамьянъ сунга	600	600
9	Бипцзѣя	300	400	19	Мэргэнъ номунъ ханъ . .	300	350
10	Хфухэнъ ноянь .	300	300	20	Ламанарь	300	250
	Итого	5400	5700		Итого	4200	4300

| № | Наименованіе
аймаковъ. | Число ламъ. | | № | Наименованіе
аймаковъ. | Число ламъ. | |
|-------------|---------------------------|----------------------------|---------------------------|-------------|---------------------------|----------------------------|---------------------------|
| | | По ста-
рому
списку. | По но-
вому
списку. | | | По ста-
рому
списку. | По но-
вому
списку. |
21	Ўрлюдъ	400	450	25	Дойнхор-линъ . .	400	350
22	Шутѣнъ	1000	1000	26	Цэцѣнъ тѣйнъ . .	600	650
23	Дондублинъ . . .	300	300	27	Чжидаръ	300	300
24	Тайсум-линъ . . .	300	400	28	Дашй-линъ	—	400
Итого . . .		2000	2150	Всего . . .		12,900	13,850

Принимая во вниманіе, что ургинскіе аймаки не имѣютъ опредѣленныхъ штатовъ и что ламы зачисляются въ тотъ или другой аймакъ по произволу, мы можемъ сказать, что круглота показанныхъ чиселъ есть одно изъ самыхъ вѣрныхъ доказательствъ неточности ихъ по обоимъ представляемымъ спискамъ. Правда, назначеніе этихъ реестровъ заставляетъ предполагать скорѣе увеличеніе по нимъ числа ламъ, чѣмъ уменьшеніе его, за всѣмъ тѣмъ число ургинскихъ ламъ въ общемъ растетъ несомнѣнно. Списокъ, попавшій въ мои руки въ 1876 г. и опредѣлявшій число аймаковъ въ 27, а ламъ суммою 12,900, былъ составленъ и утвержденъ ургинскимъ ханбѣ еще въ годъ призванія бывшаго гэгэна, 1855-й; съ тѣхъ поръ число это возрастало и осенью 1877 г. въ Ургѣ образовался новый, 28-й аймакъ, Дашй-линъ, въ составъ котораго вошло еще 300 ламъ; такимъ образомъ въ 1877 г. ургинскихъ ламъ было уже не 12,900, а 13,200. По новому списку 1889 г. означенное число увеличилось еще на 650 человекъ противъ стараго, а въ средѣ ургинскихъ ламъ уже ходили слухи что аймакъ Сангай долженъ скоро раздѣлиться и одною своею частью образовать новый, 29-й аймакъ Урги.

Итакъ Хурѣнъ раздѣляется въ настоящее время на 28 аймаковъ. Выше было уже отчасти указано первоначальное назначеніе этихъ дѣлений; но въ настоящую пору сказанное назначеніе совершенно потерялось, и аймаки составляютъ теперь ни что иное, какъ участки, на которые раздѣляется монастырь для удобства администраціи. Ламы каждаго аймака составляютъ какъ-бы отдѣльный приходъ, всѣ они живутъ въ одномъ мѣстѣ, и дома ихъ располагаются вокругъ ихъ аймачной кумирни. Въ представленной таблицѣ аймаки поставлены въ томъ порядкѣ, какой они занимаютъ въ общемъ хурѣнскомъ кругѣ, при чемъ самый первый, Амдунаръ, составляетъ сѣверную оконечность перпендикуляра этого круга, второй, Махамай, лежитъ къ востоку отъ него, третій еще далѣе на востокъ, и такъ

далѣе. Въ самой срединѣ Хурѣня или круга, составляемаго аймаками, находятся, во-первыхъ, дворець гэгэна, во-вторыхъ кумирни, назначенныя для общественнаго служенія всѣхъ ламъ, живущихъ въ Ургѣ, и, наконецъ, въ-третьихъ, кумирни, въ которыхъ совершается служеніе ламъ, принадлежащихъ различнымъ аймакамъ, но соединенныхъ между собою единствомъ своей специальности и своихъ знаній. Къ первымъ кумирнямъ принадлежатъ Цокчйнъ и Дачйнъ-Галбыйнъ сумэ, а ко вторымъ — Цзурхайнъ-сумэ, или кумирня астрономовъ, Чжудыйнъ-сумэ, или кумирня изучающихъ тарнистическія системы буддизма, Эмчійнъ-сумэ, или кумирня врачей, и Мánлайнъ-сумэ — вторая кумирня врачей. Кромѣ того, въ срединѣ Хурѣня находится самая большая изъ ургинскихъ кумирень — Майдари и такъ называемая «Барунъ-öргö», или кумирня Абатай-хана.

Я не могу указать времени происхожденія каждаго изъ аймаковъ, но несомнѣнно, что образовались они постепенно и въ большинствѣ случаевъ путемъ раздѣленія одного аймака на два. Дѣленіе это обыкновенно совершалось въ то время, когда въ какомъ-либо изъ аймаковъ число ламъ возросло до такого количества, что за ними уже трудно было смотрѣть одному цорчжй (настоятелю), и въ то же время аймакъ этотъ обладалъ такими средствами, что могъ построить дугунъ, или кумирню и отдѣлить часть своего имущества для обезпеченія этой кумирни и отдѣляемаго къ ней духовенства. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ ламамъ рѣдко можно было встрѣчать препятствія, такъ какъ монголы всегда были и до сего времени суть такіе ревностные жертвователи на всякаго рода святыни, что стоило только обратиться духовенству для того, чтобы у нихъ и былъ построенъ дугунъ, и было обезпечено его содержаніе. Въ числѣ 27 хурѣнскихъ аймаковъ шесть образовано совершенно вновь именно такимъ образомъ, то-есть, на спеціальныя средства благотворителей. Само собою разумѣется, что жертвователи на тотъ или другой аймакъ становились извѣстными его духовенству и впоследствии составляли какъ-бы приходъ его. Монголь, пожертвовавшій на созиданіе или обновленіе кумирни, пріѣзжая въ Ургу, останавливался у ламъ того аймака, на который онъ жертвовалъ; сюда же онъ отдавалъ и своего сына, если посвящалъ его въ ламы и поселялъ въ Хурѣни на житье, сюда же онъ и завѣщавалъ своему потомству приносить жертвы на будущее время; съ другой стороны, сами ламы при нуждахъ обращались къ своимъ благотворителямъ. Такимъ образомъ можно сказать, что вся Халха въ отношеніи Хурѣня раздѣляется на 28 частей, и у монгола, кочующаго по берегамъ Буянтү у Кобдо, нерѣдко можно узнать — къ какому аймаку онъ принадлежитъ въ Хурѣни.

Аймачныя дугуны въ Ургѣ не только не отличаются своими богат-

ствами и чистотой, а напротивъ, кажутся очень бѣдными и грязными; но они замѣчательны по своему устройству, которое, несмотря на довольно большое количество осмотрованных мною ламайскихъ кумирень въ Монголіи, мнѣ пришлось увидѣть въ первый разъ только въ Ургѣ, да и потомъ я встрѣтилъ его только въ двухъ кумирняхъ славнаго Эрдэни Цзү, да еще въ такъ называемой Цзүнъ хурѣ, на р. Кэрулэнѣ. Дѣло въ томъ, что кумирни здѣсь, противъ всеобщаго обыкновенія, раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ первая назначается специально для служенія ламъ и называется «Хурулуйнъ-сүмэ», по буквальному значенію «храмъ богослуженій», а вторая представляетъ собою нѣчто въ родѣ алтаря и носить имя «Шүтэнэй-бргѣ», что значитъ «обиталище святыни». Хурулуйнъ-сүмэ составляетъ обыкновенная монгольская юрта, величина которой доходитъ отъ 5 до 8 сажень въ діаметрѣ. Снаружи она покрывается на зиму двойнымъ войлокомъ, а лѣтомъ только полотномъ, но на этихъ покрывкахъ столько заштопаннаго, заплатаннаго и дыряваго, что кумирни монгольской столицы повнѣшнему виду едва ли не хуже самой бѣдной юрты степняка-монгола, и уже, конечно, не могутъ быть сравниваемы съ одинокими степными дугунами. Входъ въ хурулуйнъ-сүмэ всегда обращенъ на югъ, и отъ него къ противоположной сѣверной сторонѣ проходитъ два ряда колоннъ, раздѣляющихъ всю юрту на три части: середина назначается для прохода, а боковыя части, отъ колоннъ до стѣнъ юрты, сплошь установлены низенькими, длинными скамьями, составляющими сѣдалище ламъ во время совершенія ими хураловъ. Бурхάνовъ (то-есть, кумировъ) въ хурулуйнъ-сүмэ очень мало, обыкновенно три и никогда не больше семи. Они ставятся на столахъ у стѣны, противоположной входу, подъ высокимъ балдахиномъ изъ шелковой матеріи. Предъ бурханами, по обычаю, стоятъ семь жертвенныхъ чашечекъ (долонъ цугуцэ), восемь драгоценныхъ жертвъ (найманъ тахиль) и неугасимая лампада. Этимъ ограничивается вся святыня, находящаяся въ хурулуйнъ-сүмэ. Священные изображения встрѣчаются еще въ нѣкоторыхъ кумирняхъ на колоннахъ хурулуйнъ-сүмэ, которыя иногда бывають просто покрашены красною краскою, а иногда и украшены рисунками; кромѣ того, въ трехъ аймачныхъ дугунахъ они обтянуты бархатными коврами, на которыхъ вытканы изображенія ламайскихъ бурхάνовъ.

Балдахинъ, подъ сѣнію котораго стоятъ бурханы хурулуйнъ-сүмэ, скрываетъ отъ глаза дверь, ведущую изъ этой части кумирни во второе и главное отдѣленіе ея, которое можетъ сравниться съ алтаремъ и которое сами монголы называютъ шүтэнэй бргѣ. Шүтэнэй бргѣ во всѣхъ аймакахъ представляетъ собою снаружи четырехугольное, деревянное зданіе съ крышею китайской архитектуры и утвержденною на ней вызолоченною бумбá (ваза),

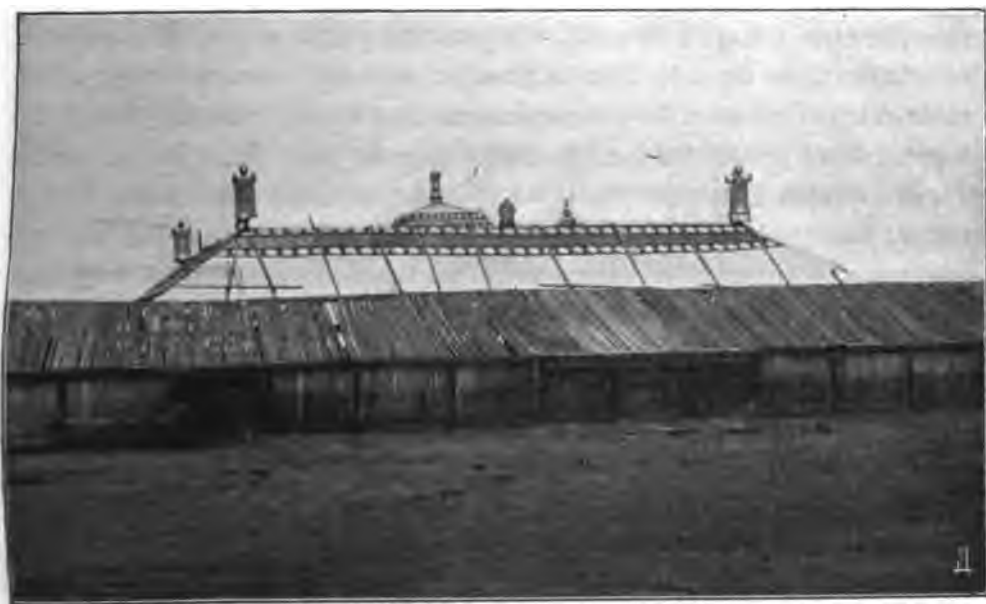
называемую здѣсь ганчжирь; въ двухъ аймакахъ, Сангай и Цзѳгай, шүтэнэй өргѳ двухъ-этажныя, хотя это можно замѣтить только снаружи. Впрочемъ, и вообще шүтэнэй өргѳ, представляющеея извнѣ гораздо болѣе высокимъ и обширнымъ чѣмъ хурулуйнъ-сүмѳ, внутри кажется необычайно тѣснымъ, ибо вышпна его скрадывается сѣнью балдахиновъ надъ бурханами и навѣшанными хадаками, этими необходимыми приношеніями ревнителей вѣры, а величина — неудобною установкою находящихся въ кумирнѣ предметовъ. Посреди зданія стоятъ массивныя бурханы, оставляя невидимую для глаза, заднюю половину его; ближе къ двери передъ бурханами разставлены столы съ жертвами и украшеніями: они заграждаютъ эту переднюю половину кумирни на столько, что по ней едва можно дѣлать два шага отъ входа. Съ боковъ и позади бурхановъ все зданіе страшно загромождено шкафами, сундуками, этажерками для книгъ, лампадъ, сосудовъ, одѣяній и прочихъ принадлежностей ламайскаго культа. Входъ въ шүтэнэй өргѳ бываетъ закрытъ въ теченіе всего года не только для простолудиновъ, но и для ламъ; въ него входитъ только тахильчи, или тотъ лама, на обязанности котораго лежитъ зажиганіе лампадъ и постановленіе жертвъ передъ бурханами, да ежедневно, мѣняясь по очереди, входятъ сюда два ламы, избранныя для чтенія въ шүтэнэй өргѳ тѣхъ самыхъ молитвъ, изъ которыхъ состоитъ богослуженіе, отправляемое въ извѣстный день соборомъ ламъ въ хурулуйнъ сүмѳ. Только одинъ день въ году — 9-го числа перваго лѣтняго мѣсяца — отворены бываютъ двери этого святилища, и тогда въ него дозволяется входить уже всѣмъ и ламамъ, и харѳ, то-есть, чернымъ, — не посвященнымъ въ духовное званіе, да и не только ламайтѳмъ, но и иновѣрнымъ. Въ этотъ же день со всѣхъ бурхановъ снимаются покровы, и они представляются лицомъ къ лицу предъ взорами благочестивыхъ поклонниковъ и любопытныхъ.

Всѣ аймачныя дуганы обнесены оградами, или лучше сказать, частоколами изъ сплошь поставленныхъ бревенъ. Во дворъ ихъ ведутъ, какъ и въ обыкновенныхъ дворахъ, ворота и калитки, устраиваемыя всегда на южную сторону. У воротъ каждой кумирни, подъ навѣсомъ, устроено нѣсколько лавочекъ и вѣшалокъ: это мѣсто для аукціонной продажи имущества, пожертвованныхъ монголами въ пользу кумирень и духовенства.

Изъ числа кумирень, назначенныхъ для общественнаго служенія, первое мѣсто занимаетъ Цокчинъ, который въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть приравненъ къ нашимъ каедральнымъ соборамъ, потому что въ немъ находится каедра ургинскаго хутухты, и въ то же время онъ служитъ именно соборомъ для служенія ламъ всѣхъ аймаковъ.

Цокчинъ не имѣетъ самостоятельнаго штата духовенства и ежедневное богослуженіе совершается въ немъ малолѣтними ламами (то-есть со-

стоящими въ возрастѣ отъ 8 до 18 лѣтъ) отъ 9 до 11 часовъ утра. Вѣроятно, этотъ-то хуралъ и былъ принятъ однимъ изъ нашихъ туристовъ за ургинскую школу ¹⁾. Общее собраніе духовенства въ Цокчйнѣ бываетъ только четыре раза въ годъ, именно: а) въ день Новаго года; б) праздникъ Чойнкоръ дуйчинъ, съ которымъ соединяется въ Ургѣ и чтеніе Ганьчжура, для чего назначается здѣсь три дня, именно съ 9-го по 12-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца; с) праздникъ Майдари — въ третьемъ или четвертомъ мѣсяцахъ, и д) при поднесеніи гэгэну даньшика (жертвы). Цокчйнъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ ургинскихъ кумиренъ по своей архитектурѣ и біографія Ундуръ-гэгэна увѣряетъ насъ, что планъ этой кумирни составленъ былъ самимъ гэгэномъ, при чемъ имъ сдѣ-

Ургинскій цокчйнъ.

лано завѣщаніе о томъ, какъ расширять ее, когда въ томъ будетъ необходимость ²⁾. Имѣя это свидѣтельство въ письменномъ памятникѣ, мы легко можемъ судить, какова была кумирня въ первое время своего существованія и насколько расширена она впоследствии. Старинная кумирня представляла собою квадратное четырехугольное зданіе, дощатыя стѣны

1) *Вѣстникъ Европы*, кн. IV, стр. 273; 1874 г.

2) Халха Монголунъ орон-ду анъха бурхану шачжинъ эхи олохсанъ, баса Чжиб-цзунъ дамба хутухтуйн-турул-тухэ («Повѣствованіе о томъ, какимъ образомъ въ Халхѣ получила начало буддйская вѣра и о перерожденіяхъ Чжэбцзунъ дамба хутухты»), стр. 18. Эта рукопись приобрѣтена мною въ Ургѣ и доставлена въ бібліотеку С.-Петербургскаго университета.

когого не превышали 4 аршинъ въ вышину и были покрыты такою же четырехугольною, весьма пологою, окрашенною въ бѣлую краску, а по вершинѣ обрамленною краснымъ съ черными полосами и бѣлыми кружками бордюромъ. Крыша эта вѣнчалась особымъ, четырехугольнымъ же и нѣсколько суживающимся кверху куполомъ. Таковою, несомнѣнно, была старину цокчѣнская кумирня въ Ургѣ до времени своего расширения, и въ этомъ удостовѣряютъ насъ не только старинныя слѣды зданія, сохранившіеся послѣ его расширения, но равно и уцѣлѣвшія въ этой формѣ цокчѣнскія кумирни монастырей Бару́нь-хуръ, Цзунъ-хуръ и др., устроенныя по одному и тому же составленному Ёндуръ-гэгѣномъ плану. Что касается ургинскаго цокчѣна, то намъ извѣстно, что несмотря на постоянныя перекочевки Хурѣня, зданіе его всегда устраивалось изъ дерева. Освѣщеніе кумирни всегда было и до нынѣ совершается только черезъ четыре окна, прорѣзанныя въ куполѣ. Внутри кумирни съ самаго начала ея существованія всегда ставилось 108 поддерживающихъ крышу колоннъ, между которыми были устанавливаемы ламскія сѣдалища (чжабданъ). Въ настоящее время старинный четырехугольникъ кумирни, согласно завѣщанію Ёндуръ-гэгѣна, уже увеличенъ, но пристройка сдѣлана такимъ образомъ, что старая кумирня осталась совершенно не измѣненною; вокругъ нея сдѣлано было родъ галереи съ высокою крышею въ два ската на обѣ стороны пристройки, а потомъ разобраны были стѣны старой кумирни, такъ что старая крыша его и одна половина крыши вновь пристроенной части остались поддерживаемыми только на столбахъ, поставленныхъ Ёндуръ-гэгѣномъ. Снаружи въ Цокчѣнъ ведутъ трое широкихъ створчатыхъ дверей, изъ которыхъ среднія отличаются отъ боковыхъ своей вышиной и назначены только для прохода хутухты. Что касается внутренности кумирни, то она въ настоящее время не богата и нѣсколько почти не отличается отъ аймачныхъ хурульѣнъ сѣмѣ: тѣ же дыравые, деревянные полы, тѣ же голыя, низенькія скамьи для служащихъ ламъ, которыми установлено почти все пространство кумирни за исключеніемъ узкаго прохода въ срединѣ, тянущагося между двумя рядами колоннъ къ сѣверной стѣнѣ его. Проходъ этотъ, впрочемъ, приводитъ здѣсь не къ жертвенному столу, на которомъ поставляются въ обыкновенныхъ хурульѣнъ сѣмѣ жертвы и бурханы, а къ сѣдалищу гэгѣна, которое устроено совершенно на образецъ нашихъ архіерейскихъ каедръ на горнемъ мѣстѣ, съ тою только разницею, что сѣдалище гэгѣна вмѣсто кресла состоитъ изъ пяти тонкихъ подушекъ (олбѣкъ), положенныхъ на столѣ, устроенномъ на головахъ четырехъ львовъ, а мѣсто спинки замѣняетъ въ этомъ сѣдалищѣ такая же подушка, обдѣланная въ деревянную вызолоченную рамку (тѣшилгѣ). Бурханы цок-

чинской кумирни расположены на сѣверной сторонѣ въ обѣ стороны отъ кааедры гэгэна: они стоятъ здѣсь въ деревянныхъ шкафахъ, дверцы которыхъ въ обыкновенные дни бываютъ закрыты. Вслѣдствіе этого отсутствія всякаго рода блеска Цокчинъ при всегдашнемъ богослуженіи представляется едва ли не самымъ бѣднымъ изъ всѣхъ имѣющихся въ Хуръни кумирень. Впрочемъ, и вообще онъ замѣчательнъ развѣ только потому, что содержитъ въ себѣ много вещей, почитаемыхъ монголами за древность; такъ, здѣсь хранятся олбокъ-тушигдэ (кресло) Ёндуръ-гэгэна, его шапка и посохъ, бурханы, по преданію, имъ собственноручно сдѣланные, книги, принесенныя имъ изъ Тибета, и проч.

Относительно Цокчина есть еще одно слово Ёндуръ-гэгэна, извѣстное почти всѣмъ хурънскимъ ламамъ, но заимствуемое мною для большей вѣрности изъ его біографіи, уже не разъ мною упомянутой. Разказываютъ, что Ёндуръ-гэгэнь, основавъ Цокчинъ, опредѣлилъ его на общее служеніе всѣмъ ламамъ Хуръни; поэтому, хотя при Цокчинѣ и не было утверждено отдѣльной ламской общины, однако въ немъ былъ установленъ гѣбкуй, то-есть, блюститель порядка при богослуженіяхъ, или благочинный. Въ наставленіяхъ Ёндуръ-гэгэнь завѣщалъ поставленному имъ гѣбкую вызывать тишину ударомъ палки по колоннамъ. «Но», сказалъ онъ, — «нельзя ударять тебѣ четыре первыя колонны, идущія отъ горняго мѣста». Гѣбкуй пожелалъ освѣдомиться, почему дано было такое ограниченіе и гэгэнь объяснилъ его такъ: «Двѣ колонны, стоящія по сторонамъ у горняго мѣста, — мои; слѣдующія двѣ — хамбѣ ламы и номунъ-хана. Кромѣ насъ трехъ, все прочее духовенство управляется твоимъ посохомъ». Эти слова гэгэна служатъ и до сего времени основаніемъ для мѣстничества въ іерархіи хурънскихъ ламъ. Сѣдалища хурънскаго хамбѣ и номунъ-хана поставляются въ Цокчинѣ за первымъ рядомъ колоннъ, идущихъ отъ горняго мѣста, а гѣбкуй Цокчина по старшинству іерархіи занимаетъ четвертое мѣсто въ Хуръни. Кромѣ сего, при Цокчинѣ полагается два унзата (канонарха), имѣющіе титулъ «эрдэни-чиндамани». О происхожденіи этого титула преданіе говоритъ, что когда Ёндуръ-гэгэнь спрашивалъ у Банчэнь эрдэни напѣва для устроеннаго имъ монастыря, послѣдній приказалъ ему прислать на обученіе молодыхъ людей. Гэгэнь, прибывъ въ Монголію, послалъ въ Тибетъ двухъ мальчиковъ, которые въ періодъ проживанія въ Тибетѣ видѣли сонъ, будто бы проглотили раковину и бурѣ. Голосъ ихъ сдѣлался подобнымъ этимъ инструментамъ, и они, возвратившись въ Монголію, первые получили титулъ эрдэни-чиндамани, который и остался за цокчинскими унзатами (канонархами) до сего времени. Особымъ почетомъ пользуется еще старшій изъ цокчинскихъ барабанщиковъ, титулуемый

«Тѡхайнъ-хуби хэнгэргэчи». О происхожденіи этого титула разказываютъ также, что во времена Ёндуръ-гэгэна былъ въ цокчинѣ барабанщикъ Тѡхай, въ которомъ гэгэнь прозрѣлъ чѡйчжона, затворяющаго для умирающихъ монголовъ двери ада и направляющаго ихъ къ высшимъ перерожденіямъ. Однажды этотъ Тѡхай въ теченіе цѣлаго хурала билъ въ барабанъ не въ тактъ и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе гэгэна. Гэгэну это понравилось, онъ приказалъ Тѡхайю выдать лишнюю часть доходовъ и въ память этого Тѡхая учредить навсегда при Цокчинѣ особую должность старшаго барабанщика съ титуломъ: «Тѡхайнъ-хуби хэнгэргэчи».

Для извѣщенія ламъ о времени собранія въ Цокчинѣ въ дни ихъ общественныхъ хураловъ, съ восточной стороны кумирни устроенъ деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, саженой семь въ вышину, съ пристроенною къ нему деревянною же лѣстницею. Помостъ этотъ носитъ названіе «бурѣйнъ шатà», то-есть, помостъ, или «лѣстница трубы», заимствованное отъ прямаго назначенія призывать съ него къ богослуженію звуками громадной трубы — үхэръ бурѣ, бишкүра, или небольшой трубы и раковины — лабай, нерѣдко называемой также «дунъ бурѣ», раковинная труба. Для такого благовѣста на бурѣйнъ шатà всходятъ обыкновенно два ламы съ трубами и трубятъ попеременно, въ каждую изъ четырехъ сторонъ свѣта по трижды. Каждый изъ аймачныхъ дугуновъ имѣетъ также свою бурѣйнъ шатà, которая также устроится по юго-восточную сторону хурулѣйнъ сүмэ. По формѣ аймачные бурѣйнъ шатà совершенно одинаковы съ цокчинскою, но они рѣдко превышаютъ вышину двухъ саженой и обыкновенно едва видны изъ-за ограды, окружающей кумиренный дворъ, посреди котораго они воздвигнуты.

При Цокчинѣ имѣются еще кладовыя (санъ), въ которыхъ хранятся предметы всякаго рода, необходимые для служенія. Цокчинскій санъ считается самымъ богатымъ послѣ гэгэнскаго: одежды, книги и предметы церковной утвари считаютъ въ немъ десяткомъ тысячъ; кромѣ того, въ этихъ же кладовыхъ хранится и все необходимое для общественныхъ трапезъ, устрояемыхъ ламамъ при хуралахъ. Для приготовленія пищи у Цокчина есть своя кухня, которая состоитъ изъ большого двора, посрединѣ котораго вкопано въ землю до десятка мѣдныхъ и чугуновыхъ котловъ такъ, что внизу ихъ можно подкладывать дрова и такимъ образомъ производить въ котлахъ варку чая и пищи. Каждый изъ такихъ котловъ вмѣщаетъ въ себѣ отъ 250 до 300 ведеръ воды. Котлы эти были дѣланы китайскими и тибетскими мастерами, о чемъ свидѣлствуютъ отлитыя на каждомъ изъ нихъ надписи. Кромѣ имени мастера, въ надписяхъ извѣщается еще — на какія суммы отлить котель и въ какое время, почему я и

узнать, что всё они принадлежать къ послѣднему пятидесятилѣтію и были отливаемы ламами постепенно на суммы, пожертвованныя тѣмъ или другимъ изъ халхаскихъ правителей. На ряду съ этими котлами во дворѣ всегда бываетъ раскинута нѣсколько холщевыхъ палатокъ (майханъ), въ которыхъ скрываются повара отъ солнечнаго зноя и дождя во время варки пищи, для жилища же ихъ въ сѣверо-восточномъ углу двора построена крѣпкій деревянный байшинъ, въ родѣ сарая. На ряду съ нимъ помещается еще полуразрушенная, деревянная же закуска, о которой я упоминаю какъ объ имѣющей ближайшее отношеніе къ цокчинской кухнѣ и, несмотря на свой жалкій видъ, пользующейся великимъ уваженіемъ хурьнскихъ ламъ. Дѣло въ томъ, что въ ней передъ бурханами, въ особомъ

Ламская кухня при Цокчинѣ.

серебряномъ домбѣ хранится такъ называемая «богдѣйнъ манцза» или вареный чай, по преданію, привезенный Ёндуръ гэгѣномъ изъ Тибета. Рассказываютъ, что въ пору своего чудеснаго семидневнаго путешествія въ Тибетъ, Ёндуръ гэгѣнъ выгналъ однажды на сѣверную сторону горы Брайбунскаго монастыря и, увидавъ тамъ небольшой хитъ, послалъ въ него своего прислужника съ словами: «Я, хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты, въ семь дней прибылъ сюда изъ Халхи, соблаговолите послать мнѣ чашку вашей манцзы». Гэбкуй тамошняго цокчина, повидимому, не особенно обратилъ вниманіе на такую рекомендацію и категорически отвѣтилъ: «пусть хутухту пріѣдетъ и пьетъ, а выносить манцзу онъ не позволитъ». Гэгѣнъ

обидѣлся и самъ не поѣхалъ, а послалъ въ хйтъ одного изъ своихъ шабнцевъ, чтобы онъ, выпросивъ мѣнцзу себѣ для питья, тайкомъ принесъ ее гэгэну. Когда мѣнцза была принесена, гэгэнъ объявилъ, что чай этой мѣнцзы сваренъ на водѣ рѣки Ганга, и заправленъ молокомъ бѣлой львицы. Онъ привезъ этотъ чай въ Ургу и, выливъ его въ мѣнцзу цокчинскаго хурұла, завѣщалъ, чтобы мѣнцза эта велась во вѣки вѣковъ, непрерывно. Съ тѣхъ поръ цокчинскіе повары, при варкѣ мѣнцзы, всегда отливаютъ изъ нея первое домбò и ставятъ въ помянутой закуткѣ, или, какъ говорятъ они, «гэгэнэй мѣнзайнъ байшин'ѣ», передъ бурханами, а при слѣдующей варкѣ выливаютъ старую мѣнцзу въ новую и такимъ образомъ въ ургинскомъ цокчинѣ поддерживается непрерывное преемство тибетской мѣнцзы.

Вторая кумирня, о которой также говорятъ какъ о назначенной для общественнаго служенія ламъ, носитъ къ просторѣчїи монголовъ названіе «дачинъ калбайнъ сұмэ» и помѣщается теперь во дворѣ хутухтинскаго дворца. Время первоначальнаго основанія этой кумирни относится къ 4-му лѣту правленія Цянь-луна, соотвѣтствующему нашему 1739 г. Въ ту пору второй монгольскій хубилганъ Чжэбцзұнъ-дамба хутухты, назначивъ Вандокъ порчжї ламу учителемъ, основалъ въ Ургѣ училище для изученія тарнистическихъ системъ, а для служенія тарнистическихъ хурұловъ соорудилъ особый дацанъ, которому и далъ названіе дачинъ-ган-линъ чжурмэть-дорчжи пубаралъ. Въ 1807 г., уже при четвертомъ хубилганѣ, кумирня эта, продолжавшая служить училищемъ «дѣйнокора» и называвшаяся въ ту пору «Дачинъ-калба-гунду-кабжжи-пубаралъ», была расширена и въ ней помимо дѣйнокора начали служить и многіе другіе хурұлы. Въ 1809 г., при томъ же гэгэнѣ, мезонинъ этого дацана (въ которомъ также помѣщалась кумирня), а равно и крыша его были сплошь вызолочены, причемъ во дворѣ этой кумирни впервые поставилъ свою юрту Чжэбцзұнъ дамба хутухты. Съ тѣхъ поръ хубилганы ургинскаго хутухты въ зимнее время постоянно проживаютъ около дачинъ калбайнъ сұмэ, почему кумирня эта давно уже явилась и является до нынѣ внутри желтой гэгэновской ограды, изъ-за заборовъ которой виднѣются лишь ея вызолоченные мезонинъ и крыша. Обстоятельство это значительно подкупаетъ зрителя въ пользу внѣшняго вида кумирни и она представляется ему безспорно самымъ красивымъ изъ ургинскихъ зданій. Очень многіе, не зная подробностей и вида дачинъ калбайнъ сұмэ за гэгэновской оградой, принимаютъ эту кумирню за самый дворецъ ургинскаго хутухты; но это не правильно, ибо гэгэнъ живетъ только около этой кумирни и помѣщается въ двухъ юртахъ, изъ коихъ одна деревянная, крытая войлокомъ, а другая сплошь войлочная. Сопровождавшій меня въ этой поѣздкѣ И. Θ. Федоровъ,

проживая прежде въ Ургѣ у купца Воробьева, сдѣлалъ фотографическій снимокъ этой кумирни съ прилежащими къ ней гэгэновскими юртами, и разсмотрѣніе этого снимка показываетъ, что въ кумирнѣ только и была красива верхняя часть ея, нижній же этажъ представлялъ собою самое обыкновенное для Урги деревянное зданіе. Въ ночь съ 15-го на 16-е Января 1892 г. кумирня дачинъ калбайнъ сѹмэ вмѣстѣ съ юртами и службами гэгэна сгорѣли почти до основанія, о чемъ въ свою пору было возвѣщено и въ нашихъ газетахъ, гдѣ говорилось еще, что монголами были понесены отъ этого пожара «громадные» убытки, что на ряду съ дворцомъ хутухты погибла его библіотека, гдѣ хранилась масса рѣдкихъ старинныхъ книгъ

Дачинъ калбайнъ сѹмэ и юрты хутухты.

и всякаго рода историческихъ документовъ. Все это однако совершенно несправедливо и, очевидно, корреспондентъ, сообщавшій это извѣстіе, писалъ свои свѣдѣнія а ргіогі, не зная, что гэгэновская библіотека и всякаго рода историческіе документы хранятся вовсе не во дворцѣ хутухты, а въ его казначействѣ, или сѹнѣ, да въ шанцзотбѣнскомъ ямунѣ, которые совершенно не пострадали отъ пожара. Убытокъ отъ истребленія кумирни былъ конечно значительный, но до признанія его «громаднымъ» — опять-таки довольно далеко. Прибывъ въ Ургу въ Іюль 1892 г., я нашелъ что, юрты гэгэна были уже вновь совершенно окончены постройкою, а кумирня «дачинъ калбайнъ сѹмэ» еще строилась, причемъ планъ и фасадъ ея остался совершенно такой же, какой былъ и до пожара, только мезонинъ былъ

сдѣланъ теперь двуруснымъ да, вмѣсто прежнихъ китайскихъ оконъ, заклеенныхъ бумагою, вставлены русскія стекла, пожертвованныя хутухтѣ нашими бурятами. Всѣ деревянныя части мезонина и крыша его снова вызолочены и теперь буквально горятъ на солнцѣ, вмѣстѣ съ ганчжйромъ и чжанцанами, имѣющими форму хурдэ и стоящими по четыремъ угламъ кумиренной кровли. Куполь дацана, по старому, увѣшанъ вокругъ маленькими колокольчиками, нѣжные и серебристые звуки которыхъ почти непрерывно слышатся по Хуръню, такъ какъ язычки ихъ приводятся въ движеніе малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра. Внутренность кумирни еще не была отдѣлана; но въ 1892 году казначействомъ гэгэна уже было ассигновано на первый разъ 6000 ланъ серебра и снаряжалась особая коммиссія ламъ для покупки бурхановъ въ Пекинѣ и Долонъ-нурѣ. По окончаніи постройки, кумирнѣ, конечно, будетъ преподанъ «рабнай», или освященіе, а засимъ, относительно совершенія хураловъ, въ ней будутъ введены старые порядки. По этимъ порядкамъ ежедневное служеніе отправляется въ дачинъ калбайнъ сумэ тибетскими ламами, которые приходятъ изъ Тибета въ Монголію вмѣстѣ съ гэгэномъ, живутъ вблизи гэгэнскаго дворца и составляютъ какъ бы его придворный штатъ тѣлохранителей. Общественные хуралы въ дачинъ калбайнъ сумэ совершались доселѣ очень рѣдко, даже и не ежегодно. Хуръвскіе ламы собирались здѣсь только въ тѣ дни установленныхъ общественныхъ хураловъ, когда гэгэнъ, по болѣзни, не могъ выйти въ Цокчинъ: кромѣ того иногда совершалось здѣсь утреннее служеніе въ день круговращенія Майдари. Наконецъ въ дачинъ калбайнъ сумэ, какъ въ дворцовую кумирню ургинскаго хутухты, всегда собираются всѣ хуръвскіе ламы по кончинѣ гэгэна, останки котораго, до времени погребенія, выносятся также въ эту кумирню.

Кумирня Дачинъ калбайнъ сумэ, какъ было уже замѣчено выше, располагается теперь за желтой оградой гэгэновскаго двора. На южной сторонѣ этой ограды искони устроена была громадная, огороженная рогатками, площадь, назначенная для совершенія на ней поклоненій монгольскаго простонародья гэгэну. Нынѣ, посреди этой площади воздвигнуты еще такъ называемыя «янъ-пай», или деревянныя триумфальныя ворота, нисколько не пострадавшія отъ пожара 1892 года. Построены они были въ 1883 году, въ честь настоящаго восьмого хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты на суммы, пожалованныя съ этою цѣлью китайскимъ богдоханомъ. По формѣ своей ворота эти представляютъ собою зданіе до 6-ти сажен. шириною и 4-хъ сажен. высоты. Построенные на четырехъ основныхъ столбахъ, они образуютъ собою три пролета, покрытые массивной и изукрашенной рѣзбою китайской крышей. Надъ воротами прикрѣплена особая дощечка съ мон-

гольскими надписями: $\text{ᠠᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ}$ т. е. «съ желаніемъ радостно доставить удовольствіе»; а по бокамъ, на лѣвой сторонѣ: $\text{ᠠᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ}$ т. е. «10-й годъ правленія Гуань-ской, послѣдняя осенняя луна»; и на правой: ᠴᠢᠵᠢᠪᠴᠢᠵᠢᠨᠢ ᠳᠠᠮᠪᠠ т. е. «Чжэбцзунъ-дамба хутухтѣ восьмага колѣна (или, что то же, — перерожденіи)».

Къ третьему отдѣлу ургинскихъ кумирень я отношу тѣ, которыя не могутъ быть названы ни частными кумирнями, потому что онѣ не принадлежатъ одному какому-либо аймаку, ни общественными, потому что въ нихъ не бываетъ хураловъ общихъ всѣмъ ламамъ. Такихъ кумирень въ Ургѣ четыре: Эмчійнъ дацанъ (храмъ врачей), Мянлайнъ сумэ (кумирня

Наружный видъ желтой ограды, площадь поклоненій и триумфальная гэгэновскія ворота.

бурхана Мянлы), Цзурхайнъ сумэ (кумирня астрологовъ) и Чжудыйнъ сумэ (кумирня, въ которой совершается служеніе исключительно по тарнистическимъ, то-есть, волшебнымъ книгамъ). Кумирни эти, какъ показываютъ и самыя имена ихъ, назначены для служеній, совершаемыхъ людьми, специально посвятившими себя изученію извѣстной науки. Такимъ образомъ, въ кумирнѣ бурхана Мянлы, или, по-монгольски, Оточй бурхана, который почитается покровителемъ врачеванія и медицины, равно какъ въ Эмчійнъ дацанѣ для отправленія хураловъ ежедневно собираются ламы-лекаря со всѣхъ хурънскихъ аймаковъ; при томъ съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ служатъ только возрастные, а во второмъ собираются и малолѣтки, ибо, кромѣ

отправленія хураловъ, они читаютъ и изучаютъ здѣсь еще и свои медицинскія книги. Таковъ же и дацанъ цзурхайчѣвъ, или астрологовъ. Внѣшній видъ этихъ кумирень одинаковъ съ шүтэнэй өргө аймачныхъ дугуновъ, то-есть постройка ихъ деревянная и одноэтажная; что же касается внутренности кумирень, то онѣ отличаются отъ аймачныхъ дацановъ тѣмъ, что не имѣютъ отдѣльнаго шүтэнэй өргө, а только одно хурульинъ сумэ, у сѣверной стѣны котораго, какъ въ Цокчинѣ, стоятъ изображенія бурхановъ. Идолы, поставляемые въ этихъ кумирняхъ, составляютъ по преимуществу изображенія тѣхъ божествъ, которыя какимъ-либо образомъ извѣстны покровительствомъ специальности, преслѣдуемой ламами. Основаніе этихъ кумирень принадлежитъ къ различнымъ періодамъ. Эмчійнъ сумэ, по біографіи ургинскихъ хутухтъ, построенъ во времена третьяго гэгэна, именно въ 1760 году ¹⁾; лѣтопись Эрдэнийнъ эрихэ добавляетъ, что первымъ настоятелемъ его былъ лама, вызванный изъ Тибета и имѣвшій титулъ «эрдэни-эмчй» ²⁾, то-есть, драгоцѣннаго врача. Служеніе бурхана Мánлы впервые получило свое начало, по сказаніямъ ургинскихъ лѣтописей, въ 1805 г. ³⁾, а устное преда- ніе говоритъ, что къ этому же времени относится и построеніе кумирни Мánлайнъ сумэ. Храмъ астрологовъ, или Цзурхайнъ сумэ, по той же лѣтописи, построенъ четвертымъ гэгэномъ въ годъ черноватой курицы, что соотвѣтствуетъ нашему 1789 году; сказаніе это подтверждается также и лѣтописью Эрдэнийнъ эрихэ ⁴⁾.

Къ кумирнямъ, въ которыхъ богослуженія бывають совершаемы особливо для сего назначенными ламами, въ Ургѣ принадлежатъ двѣ: это, во-первыхъ — Барунъ өргө, или кумирня Абатай хана, перваго распростра- нителя ламаизма въ Монголіи и искоренителя шаманства, и во-вторыхъ — кумирня Майдари. Барунъ өргө, или кумирня Абатая, по своему внѣш- нему виду и обстановкѣ еще въ первую мою поѣздку по Монголіи не могла уже быть названа кумирнею, такъ какъ въ ней заключалось черезъ-чуръ мало принадлежностей ламайскаго культа: бурхановъ въ ней уже тогда было только три, а ламскихъ сѣдалищъ не было вовсе; однимъ словомъ, въ Барунъ өргө все обличало обыкновенную жилую юрту, чѣмъ, говорятъ, она и была въ древности. По преданію, это та самая юрта, въ которой жилъ Абатай ханъ; при внукѣ Абатая, Ундүр гэгэнѣ, она была якобы переве- зена изъ Эрдэни цзусакаго монастыря въ Ургү, причемъ въ Эрдэни цзү

1) Чжибцунъ дамба хутухтинъ цацзы, л. 11-й.

2) Эрдэнийнъ эрихэ, листъ 61.

3) Сказанія о дѣвіяхъ пяти ургинскихъ гэгэновъ, лѣтопись, пріобрѣтенная мною въ Эрдэни цзү и рукопись которой хранится у меня.

4) Эрдэнийнъ эрихэ, л. 74-й.

остался будто бы только нижній помость, на которомъ утверждалась эта юрта до того времени. Перенеся юрту Абатая въ Ургу, Ундуръ гэгэнъ совершилъ надъ нею освященіе, преподаваемое ламайскимъ храмамъ, и такимъ образомъ она обратилась въ кумирню и получила названіе сүмэ. Съ тѣхъ поръ Барунъ бргѣ кочевала вмѣстѣ съ Ургою до настоящаго времени. Съ вѣшной стороны юрта Абатая только поразительна по своей величинѣ, такъ что стоящія на ряду съ нею обычныя юрты монголовъ кажутся предъ нею просто игрушкой. Говорятъ, что въ юртѣ Абатая помѣщается 300 человѣкъ. Осматривая внутренность ея въ 1877 году, я нахожилъ ее почти совершенно пустою, но собранные въ ней, хотя немногочисленные, памятники старины дѣлали въ ту пору изъ нея нѣкоторый

Кумирня Абатая.

музеумъ монгольскихъ древностей. Такъ, у сѣверной стѣны ея, позади бурхановъ стояло совершенное подобіе нашего стариннаго кресла, которое называли сѣдалищемъ Абатая, а по бокамъ его разставлены были фигуры, изображающія древнихъ богатырей, сподвижниковъ Абатая. Простые чурбаны, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина и даже необтесанные въ форму человѣческаго тѣла, съ придѣланными руками составляли туловище, голова котораго по безобразію превосходила самыхъ ужасныхъ буддійскихъ бурхановъ. Лицо окрашенное въ красную краску, оскаленные зубы, громадные выпученные глаза, высоко поднятыя брови, — всегдашній признакъ и выраженіе того, что разумѣютъ монголы подъ понятіемъ дошкинъ (грозный) — находили здѣсь полное свое примѣненіе. Чурбаны были одѣты въ хуякъ (пан-

цырь) и дўлга (шлемъ), сдѣланные изъ стали и украшенные золотомъ. Монголы особливо почитали этихъ богатырей и каждый, войдя въ юрту, считалъ долгомъ прежде всего приложиться лбомъ къ ихъ плечамъ, въ надеждѣ получить черезъ это хоть часть ихъ богатырской силы. По стѣнамъ юрты были развѣшаны и разставлены принадлежности брани, какъ-то: луки, стрѣлы, щиты, сабли и проч. Хуралы совершались въ Барўнъ ѓргѳ ежедневно двадцатью особливо назначенными для сего ламами, которые не причислялись ни къ одному изъ ургинскихъ аймаковъ и жили на содержаніи Түшѣтү хана, оставшагося теперь старшимъ изъ потомковъ Абатая. На счетъ Түшѣтү хана же, со временемъ третьяго гэгэна, содержится и вся кумирня Абатая. Въ настоящую пору Барўнъ ѓргѳ оказалась еще пустыньѣ. Во время пожара въ январѣ 1892 г. ламы бросились спасать хранившуюся здѣсь старину: кресло Абатая и фигуры богатырей они перенесли въ лѣтній дворецъ хутухты и съ той поры предметы эти такъ и оставались тамъ до іюля 1892 г., когда я осматривалъ эту древность. Вся юрта оказалась полустрепанною, полуприкрытою; очевидно, она находится въ какомъ-то забвеніи. Изъ бурхановъ, находившихся въ этой кумирнѣ, первое мѣсто занималъ здѣсь, по старому, Чжамсаранъ, которому притомъ доселѣ три раза въ мѣсяцъ совершается здѣсь особенное торжественное жертвоприношеніе. Причиной этого чествованія монголы выставляютъ обыкновенно въ своихъ разказахъ чудесное обстоятельство, случившееся во времена втораго гэгэна. Разказываютъ, что однажды гэгэнъ вышелъ изъ своего дворца и въ это время сверкнула молніеносная стрѣла и упала какъ разъ около гэгэна. «Гдѣ же ты былъ, Чжамсаранъ?» вскричалъ въ испугѣ гэгэнъ, разсерженный на своего божественнаго хранителя, но Чжамсаранъ показался ему изъ Барўнъ ѓргѳ, и гэгэнъ кротко замѣтилъ, что если бы не было здѣсь Чжамсарана, было бы очень плохо. Съ тѣхъ поръ онъ повелѣлъ приносить въ Барўнъ ѓргѳ постоянныя жертвы Чжамсарану, что соблюдается и донынѣ. Помимо сего въ Барўнъ ѓргѳ всегда совершается особое торжественное жертвоприношеніе, именуемое «Чжамсарангійнъ данърикъ», въ ту пору, когда въ дворцовой кумирнѣ гэгэна отправляется хангалъ. Наконецъ въ ночь подъ первое число Цаганъ саръ, или новаго года, въ Хурѣнъ пріѣзжаетъ одинъ изъ хя (адъютантовъ) Түшѣтү хана, который приноситъ Барўнъ ѓргѳ, отъ лица Түшѣтү хана, жертву Абатая. Въ это время кумирня обращается въ простой домъ, въ которомъ пьютъ чай, ѣдятъ и отправляютъ всякія принадлежности пира; на этомъ торжествѣ, вѣроятно, слѣдуя обычаю древнихъ временъ Абатая, для очага никогда не употребляютъ желѣзнаго тўлга (очага) и всегда устраиваютъ его изъ трехъ камней.

Кумирня Майдари есть самое большое и высокое изъ хурънскихъ зданій. Годъ, въ который основана эта кумирня и отлитъ бурханъ, неизвѣстенъ мнѣ въ точности, потому что онъ не записанъ въ лѣтописяхъ, а сами монголы показывали мнѣ его такъ разнорѣчиво, что на истину ихъ указаній положиться рѣшительно невозможно. Я скажу только, что годъ этотъ принадлежитъ къ числу очень близкихъ къ нашимъ днямъ, ибо достоверно, что время сооруженія какъ кумирни, такъ и бурхана, относится къ періоду пребыванія въ Ургѣ пятаго ургинскаго хутухтѣ, жившаго отъ 1815 года по 1842 годъ. Для болѣе точнаго опредѣленія года, эти двадцать семь лѣтъ мы можемъ сократить еще одиннадцатю годами на слѣдующихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, пятый гэгѣнъ былъ призванъ на ургинскую каедру въ 1820 году, и слѣдовательно, до сего времени храма Майдари не существовало; во-вторыхъ, за шесть лѣтъ до смерти пятаго гэгѣна, а именно въ 1836 году, Урга была перенесена съ Сэльби на Тблу, причемъ кумирня Майдари, уже построенная, была оставлена одинокимъ зданіемъ на долині Сэльби; отъ того періодъ для опредѣленія времени, въ которое построена кумирня Майдари, сокращается въ шестнадцать лѣтъ, то-есть отъ 1820 г. по 1836 годъ.

Бурханъ Майдари, по своей величинѣ и симметричности, можетъ быть почитаемъ поистинѣ однимъ изъ образцовыхъ произведеній китайскаго искусства. Идолъ представленъ возсѣдающимъ на львиномъ престолѣ, и величина его въ этомъ видѣ отъ ступни до вершины головы равняется 40 монгольскимъ «тохдѣй», что составитъ на нашу мѣру приблизительно семь саженой и два аршина. Бурханъ отлитъ изъ желтой мѣди и густо покрытъ позолотою. Толщина стѣнокъ его болѣе вершка, а пустое пространство въ срединѣ, какъ и во всякомъ бурханѣ, наполнено листьями, исписанными молитвами; кромѣ сего, въ немъ хранится частица мощей Цзонкавы. Суммы для отлитія бурхана были собраны со всей Монголіи, и количество ихъ монголы опять-таки опредѣляютъ словами: «түмэнъ ланъ», то-есть, они говорятъ такое число, которое всегда является у нихъ съ представленіемъ чего-либо очень большаго. Всѣхъ идола, говорятъ, равняется 11,000 китайскихъ пудовъ. Майдари былъ отлитъ въ Долбнъ-нүрѣ, въ мастерскихъ китайца, монгольское имя котораго было Аюши-тунчжанъ. Лавка этого китайца, торгующая литыми бурханами, донинѣ находится какъ въ Долбнъ-нүрѣ, такъ и въ Хуръни, но въ ней живутъ все новые люди, отъ которыхъ я не могъ узнать ничего положительно ни о времени производства, ни о величинѣ, или вѣсѣ бурхана. Идолъ составленъ изъ семи отдѣльныхъ частей (голова, грудь, двѣ руки, нижняя часть туловища, двѣ ноги) и по частямъ перевезенъ былъ изъ Долбнъ-нүра въ Ургу. Здѣсь

для него была построена отдѣльная деревянная кумирня, но съ перваго же года построения она постоянно разрушалась и исправленіе ея занимало у монголовъ каждое лѣто. Какъ и всегда, ламы приписывали эту непрочность постройки чудесному обстоятельству: по ихъ понятіямъ, Майдари или не хотѣлъ жить въ этой кумирнѣ, или здѣсь было нѣчто препятствующее. Снаряжено было посольство въ Тибетъ, чтобы испросить объясненій у Баньчэнь-богдò, и послѣдній подтвердилъ первую догадку, именно сказалъ, что Майдари не желаетъ жить въ кумирнѣ китайской архитектуры, и что для него нужно построить новую кумирню тибетской архитектуры, при чемъ онъ самъ будто бы начертилъ планъ и фасадъ зданія. Такимъ

Кумирня Майдари.

образомъ, нужно было создать новую кумирню, и она дѣйствительно была построена во времена уже седьмого ургинскаго хутухты. Архитектура этой новой кумирни, стоящей и донныѣ, совершенно тибетская. Постройка ея деревянная и стѣны сложены изъ отдѣльныхъ брусевъ. Такъ какъ построение кумирни было современно окончанію постройки въ Ургѣ дома русскаго консульства, то монголы захотѣли, по примѣру русскихъ, покрыть свою кумирню желѣзомъ, что и дѣйствительно сдѣлали, хотя весьма непрочно, потому что работа эта была совершена неучеными китайскими мастера-выми, которые не умѣли даже и загнуть желѣзныхъ листовъ, а прибывали ихъ, какъ они были куплены, къ стропиламъ.

Внутренность кумирни Майдари, несмотря на величину ея, представляется, какъ и-всякое шүтэнэй өргө, чрезвычайно тѣсною. Главнѣйше это зависитъ, конечно, отъ массы самого Майдари, стоящаго посреди кумирни. За нимъ у сѣверной стѣны стоятъ пять также массивныхъ бурхановъ, хотя величина ихъ и совершенно уничтожается громадою Майдари. По стѣнамъ восточной и западной въ шкафахъ расположены литые идолы 10000 буддъ, которые якобы были отлиты четвертымъ ургинскимъ гэгэномъ въ 1799 г., ради очищенія грѣха императора Цзя-цина, казнившаго при своемъ вступленіи на престолъ вельможу Ха-юна. Обстоятельство это находится въ лѣтописяхъ, но дѣйствительно ли это тѣ самые бурханы — сказать, конечно, трудно. Надъ шкафами 10000 бурхановъ устроены хоры, и на нихъ уложены Ганьчжуръ и Даньчжуръ, происхождение которыхъ осталось для меня неизвѣстнымъ.

Кумирня Майдари не имѣетъ отдѣльнаго хурулѣйнъ-сүмэ, и богослуженія совершаются въ ней въ самомъ шүтэнэй өргө. Для каждодневныхъ хураловъ назначено здѣсь, какъ и въ кумирнѣ Абатая, 20 ламъ, которые также не причисляются ни къ одному изъ аймаковъ и содержатся на счетъ гэгэна.

Помимо вышенсчисленныхъ кумирень на центральной площади ургинскаго хурѣня можно отмѣтить еще слѣдующія зданія. Какъ разъ противъ сѣверной стѣны кумирни Майдари помѣщается единственное находящееся въ Хурѣни присутственное мѣсто. Это — ямунъ шанцотбѣ, являющагося нынѣ не только главнымъ правителемъ Хурѣня, но и сосредоточивающимъ у себя высшее управление всѣмъ вѣдомствомъ Чжэбцзүнь-дамба-хутухты. По своему внѣшнему виду учрежденіе это ничѣмъ не отличается отъ другихъ ламскихъ построекъ, подобно всѣмъ имъ представляя окруженный бревчататымъ частоколомъ хашанъ, съ красными воротами; но узнать его очень не трудно, съ одной стороны потому что въ теченіе почти цѣлаго дня у воротъ его всегда толпится масса народа, а съ другой — потому что прямо противъ воротъ его располагается судная юрта и у этого мѣста управы также всегда можно видѣть преступниковъ, сидящихъ близъ ямуна закованными въ цѣпи, или съ надѣтыми на шею тяжелыми досками тункэ. Ворота ямуна въ теченіе цѣлаго дня бываютъ открытыми, а потому, стоя у нихъ, всегда можно видѣть какъ производится экзекуція въ монгольскихъ судахъ и слышать стоны пытаемыхъ и наказуемыхъ подсудимыхъ. Такъ какъ шанцотбѣ, являясь высшимъ правителемъ шабинаровъ, въ то же время состоитъ и главнымъ казначеемъ хутухтинскихъ имуществъ, то ямунъ его раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, а съ внѣшней стороны на четыре двора. Въ первомъ дворѣ, какъ уже было сказано, располагается управле-

ніе шабинарами, во второмъ — хозяйственное управление собственно Урги и хутухтинскаго дворца, въ третьемъ живеть самъ шанцзотба и находится его личная канцелярія, а въ четвертомъ (Борд бргб) — управление всѣми имуществами шабинскаго вѣдомства и особливо скотомъ и папшьями. На восточной сторонѣ кумирни Майдари, а равно и прямо противъ дворца гэгэна находится хашанъ ургинскаго ханба номунъ хана, верховнаго правителя Хуръня собственно въ дѣлахъ вѣры. Хашанъ этотъ отличается отъ прочихъ тѣмъ, что во дворѣ его посажено нѣсколько деревьевъ. Всѣ вѣтви ихъ увѣшаны квадратными клочками краснаго, желтаго, бѣлаго и синяго миткала, съ начертанными на нихъ словами молитвъ и маны; такіе же клочки прикрѣплены еще и къ веревкамъ, протянутымъ надъ заборомъ и все это развѣвается и колышется на вѣтрѣ, автоматически творя молитвы за обитателя хашана. На западной сторонѣ кумирни Майдари, параллельно двору ханба, находится ургинская «бэрийнъ хаша», или дворъ типографіи. Здѣсь имѣется особый байшинъ для хранения въ немъ деревянныхъ досокъ съ вырѣзанными на нихъ ксилографическими типами печатаемыхъ сочиненій и большая юрта, въ которой производится самое печатаніе. Ургинская типографія въ настоящую пору весьма незначительна: монгольскихъ сочиненій, конечно, исключительно религіознаго содержанія, въ ней печатается не свыше двадцати и при томъ все это мелкія брошюры; нѣсколько большее число, приблизительно брошюръ до пятидесяти, издается тибетскихъ, главная же масса выходящихъ отсюда книгъ составляется изъ ламайскихъ богослужебныхъ сочиненій. Встарину на типографское дѣло въ Ургѣ обращалось больше вниманія. При четвертомъ хубилганѣ здѣсь начали вырѣзать доски для тибетскаго ганьчжүра, при чемъ было вырѣзано такихъ досокъ всего на 72 тома (изъ 108 томовъ полнаго собранія ганьчжүра); но со смертію четвертаго хубилгана дѣло это прекратилось и ганьчжүръ въ Ургѣ остается до сихъ поръ неоконченнымъ; мало того, очень многія изъ приготовленныхъ досокъ въ настоящее время уже утратились и полопались, другія избились при употребленіи, такъ что ургинскій ганьчжүръ можно считать почти не существующимъ, хотя бѣдныя халхаскіе монастыри все же приобрѣтають его, дополняя недостающее рукописью.

Отъ этихъ частныхъ описаній переходя къ общему изложенію быта Хуръня, прежде всего должно замѣтить, что населеніе его въ настоящее время состоитъ исключительно изъ ламъ. Китайскія лавки и жилища торговцевъ, всегда помѣщавшіяся около Хуръня, никогда не имѣли своего постоянного мѣстопребыванія въ срединѣ его и эта отдѣльность китайскихъ поселеній относилась не только ко времени существованія Хуръня на Сэьби и Тѣлѣ, но и къ болѣе раннему періоду. Слѣды Хуръня, кочевавшаго въ

мѣстности Сэръ въ 1720 г., сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ, что и въ то время китайскіе торгаши жили отдѣльно отъ ламскаго города, хотя и не въ далекомъ отъ него разстояніи. Что же касается монголовъ, то мы имѣемъ основаніе думать, что они жили внутри Хуръня. Такъ, въ 1763 г., 12-го числа четвертой луны былъ данъ въ Пекинѣ высочайшій указъ, вызванный докладомъ ургинскихъ амбаней и рѣшающей различныя вопросы относительно жизни гэгэна и Урги. Въ приказѣ этомъ, между прочимъ, говорилось: «Невозможно, чтобы въ Хуръни, гдѣ живетъ хутухтү, жили совмѣстно мужчины и женщины, а посему должно воспретить проживаниеъ женщинъ въ Хуръни, о чемъ и сообщается къ исполненію амбаню Санцзайдорчжю». На сколько исполненъ былъ этотъ приказъ, неизвѣстно, но въ настоящее время населеніе Хуръня, какъ уже было сказано, чисто ламское. Правда, почти въ каждомъ ламскомъ дворѣ непременно имѣется старуха — «шибаганца» (монахиня), на обязанности которой лежитъ варить чай, готовить пищу и исполнять немногочисленныя работы въ ламскихъ жилищахъ, но этихъ старухъ едва ли даже можно считать за населеніе: онѣ являются безличными личностями.

Внѣшній видъ Хуръня для европейца долженъ показаться очень непривлекательнымъ. Онъ расположенъ кругомъ, пересѣкаемымъ крестообразно двумя широкими улицами (хурънэй ўдэ), сходящимися въ самомъ центрѣ Хуръня и образующими широкую площадь, на которой стоятъ только что описанныя, не аймачныя кумирни Хуръня, дворець гэгэна, ймунъ шанцзотбѣи и принадлежащія къ нимъ зданія. Вокругъ площади расположены аймачныя дугуны и жилища числящихся при нихъ ламъ. Все это пространство испещрено мелкими улицами, переулками и закоулками (гутумчжю), въ которыхъ подь-часъ не только невозможно проѣхать одному экипажу, но и съ трудомъ могутъ разойтись три человѣка. По общему обычаю азіятовъ, ламы не строятъ своихъ домовъ на улицу и, въѣхавъ въ Хурънь, нельзя видѣть ничего, кромѣ заборовъ (хаша) и воротъ (ўдэ). Заборы, ради защиты отъ воровъ, устраиваются всегда очень высокіе, изъ стоячихъ бревенъ лиственницы, а небольшія створчатыя ворота всегда окрашены въ красную краску, увѣнчаны дощечкою съ вырѣзаннымъ «омъ», къ которой прикрѣплено еще сверху вѣтряное хурдэ. Чтобъ еще труднѣе было перелѣзть черезъ заборы, богатые пристраиваютъ къ нимъ внутри двора навѣсы, а на верху этихъ навѣсовъ складываютъ дрова, такъ что ограда сажени въ три съ половиною въ вышину въ Ургѣ вовсе не можетъ быть почитаема рѣдкостью. Надъ заборами важныхъ чиновныхъ лицъ протягиваются еще веревки, къ которымъ прикрѣпляются квадратныя четырехугольныя клочки шелковыхъ и бумажныхъ матерій съ начертанными на

нихъ священными изреченіями и словами молитвъ; назначеніе ихъ то же, что и вѣтрянаго хурда. По обѣимъ сторонамъ воротъ въ каждомъ домѣ, для привязи лошадей приѣзжающихъ, вкопаны невысокіе деревянные столбы. Таковъ наружный видъ всѣхъ ургинскихъ улицъ. Внутри хаша, по обыкновенію, стоятъ двѣ монгольскія юрты: это зимнее жилище ламы и его кухня; если лама богатъ, то, кромѣ того, онъ строитъ еще деревянный домъ (байшинъ), гдѣ проводитъ лѣто. Къ зимнему жилищу — войлочной юртѣ — въ Ургѣ у всѣхъ придѣлываютъ для защиты отъ вѣтра деревянные сѣни (куцзубчи).

При такомъ населеніи и бытѣ Хурѣня естественно, что на улицахъ его почти не видно никакой жизни. Монголы-богомольцы, переходя изъ

Хамбинская улица въ Хурѣни (Хурѣнэй үхэ).

одной кумирни въ другую, бродятъ по улицамъ Хурѣня развѣ до 11 ч. утра, то-есть до того времени, пока еще не кончились службы въ кумирняхъ и не затворились ворота дворца гэгэна, раздающаго по утрамъ свои благословенія, а за симъ всѣ поклонники или сидятъ въ юртахъ своихъ знакомыхъ ламъ, или же проводятъ цѣлый день свой на торговой площади за Хурѣнемъ. Здѣсь же проводитъ свой вѣчный досугъ и большинство ламъ. Такимъ образомъ улицы Хурѣня въ теченіе большей части дня такъ бываютъ пустыни, что можно проѣхать черезъ весь Хурѣнь и встрѣтить только пять, шесть человекъ, несмотря на сравнительно большую массу населенія. Значительная кучка народа всегда толпится у ямуня шанц-

зотбы, но за исключеніемъ сего повстрѣчать гдѣ-нибудь народъ почти невозможно: жители Хуръня весь свой день проводятъ на рынкѣ.

Хурънскій рынокъ находится на западной сторонѣ Хуръня и ламскихъ жилищъ: Прежде онъ былъ расположенъ собственно въ степи, за ламскимъ городомъ, но съ половины 60-хъ годовъ рыночную площадь начали мало-по-малу окружать, съ западной стороны ея, постройки китайскихъ и русскихъ лавокъ, и, умножаясь съ каждымъ годомъ, они уже къ концу 1870-хъ гг. окружили ее со всѣхъ сторонъ и сами по себѣ составляли добрую половину Хуръня, въ настоящую же пору эта часть города разрослась еще больше. Въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ здѣсь образовалось восемь новыхъ улицъ и все это сплошь занято домами торговцевъ, захватывающими теперь почти все пространство отъ Хуръня до Гандана. Въ народномъ языкѣ монголовъ разсматриваемая часть Хуръня называется «дамнурчингъ», каковое названіе происходитъ отъ глагола «дамнаху», что значитъ «нести на плечахъ». Не трудно догадаться, что въ этомъ названіи кроется историческая подкладка, ясно изображающая бывшее хурънскаго рынка, ту пору, когда сюда сходились для торговли лишь мелочные продавцы, приносившіе свои товары на плечахъ и ежедневно удалявшіеся въ Маймачэнъ при закатѣ солнца. Теперь все это давно уже отошло въ область преданій. Памятникомъ когда-то бывшей здѣсь разносной торговли осталась только четырехугольная площадь, которую человекъ, незнакомый съ дѣломъ какъ должно, легко можетъ почесть за средину собственнаго Хуръня, такъ какъ она одною своею стороною соприкасается именно ламскимъ постройкамъ. Лицемъ къ площади обращены въ настоящее время прежде всего всѣ постройки русскихъ купцовъ, торгующихъ, проживающихъ, или имѣющихъ свою собственность въ Ургѣ. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ домъ компаніи Коковина и Басова, лучшее и единственное двухъ-этажное зданіе въ торговой части Хуръня; далѣе за нимъ будутъ слѣдовать дома кяхтинскихъ мѣщанъ М. Н. Лушникова, К. Р. Огородникова, купца Н. Н. Шулынгина, кяхтинскаго мѣщанина Л. А. Березина, компаніи Батуевыхъ и наконецъ неживущаго нынѣ въ Ургѣ купца А. И. Воробьева. Къ сожалѣнію, должно сказать, что внѣшній видъ хурънскаго рынка много утратилъ за послѣднее пятнадцатилѣтіе и это именно вслѣдствіе того, что число русскихъ лавокъ сократилось на площади почти вдвое. Такъ Воробьевъ, Березинъ и Шулынгинъ прекратили свою торговлю вовсе; Батуевы имѣютъ лишь во дворѣ незначительный складъ товаровъ, которые служатъ имъ исключительно при расчетахъ съ монголами, доставщиками чая; остается слѣдовательно фирма Коковина и Басова, да торговцы Лушниковъ и Огородниковъ, которые только и имѣютъ

7*

свои открытыя лавки, производя изъ нихъ розничную продажу товаровъ. Взамѣнъ сократившихся трехъ русскихъ лавокъ здѣсь вдесятеро, если не больше, возрасло число лавокъ китайскихъ, положеніе которыхъ такъ измѣнилось, что ихъ необходимо теперь разсматривать совершенно отдѣльно отъ ургинскаго Маймачэна, служившаго прежде центромъ китайской торговли въ Ургѣ.

Наилучшими по обстановкѣ и богатству лавками въ Хурѣни являются лавки пекинскихъ торговцевъ. Таковы лавки: Жэнь-хо-и 義和人 монгольское имя «Байнъ мунку»; Вань-шэнь-цзинъ 京盛萬 Лунь-шунь-юй 玉順隆 Хэнь-хо-и 義和恆 Жэнь-хо-хэ 厚和人 Вань-тай-хао 號泰萬 Тунь-синь-и 義興通 Лунь-фу-ю 有富東 монгольское имя «Баирту», Тунь-хо-хао 號和通 Лунь-хо-юй 玉和隆 Лунь-чань-юй 玉昌隆 монгольское имя «Бэчжинь-бату», Фу-лай-хао 號來福 Лунь-синь-хао 號興龍 монгольское имя «Бэчжинь-аюши, Чань-синь-хэ 厚興長 Ма-шэнь-хао 號生 Фу-кунь-чай, И-фынь-хао 號豐義 Вань-тунь-хао 號通萬 Юнь-цзюй-гунь 公聚永 Чань-дэ-тай 泰德長 Тянь-цзюй-дэ 德聚天 Цзюй-фынь-хэнь 恆豐聚 Сь-хо-гунь 公和協 монгольское имя «Хэ-шикту», Цюань-цзюй-дэ 德聚全 Гунь-лань-чай 桂 Фу-кунь-чай и другія; всего на хурѣнскомъ рынкѣ имѣется до 35 пекинскихъ лавокъ. Въ pendant съ ними могутъ быть поставлены только очень не многіе торговые дома шаньсійцевъ, каковы: Куань-чэнь-тай 泰全廣 Да-шэ-ми (монгольское имя «Дашй-дондокъ), И-хэ-цзунъ и проч. По общему обычаю китайцевъ, ни одна изъ перечисленныхъ пекинскихъ лавокъ не имѣетъ своимъ хозяиномъ одного какого-либо купца, но всѣ онѣ принадлежать отдѣльнымъ торговымъ компаніямъ, причемъ собственно хозяева лавокъ никогда почти и не живутъ въ Хурѣни. Несмотря на относительный внѣшній блескъ, всѣ эти лавки въ существѣ дѣла не имѣютъ за собою ничего солиднаго и въ самомъ Пекинѣ торговцы ихъ принадлежать въ большинствѣ случаевъ къ тому среднему и даже низшему классу коммерсантовъ, которые ведутъ свои дѣла за Ань-динь-мыньскими воротами. Намѣреваясь открыть свою торговлю въ Монголіи и въ частности въ Ургѣ, эти торговцы еще въ Пекинѣ составляютъ компанію, получаютъ въ кредитъ деньги или товаръ у какого-нибудь богача (цай-цзу) и съ этими товарами ѣдутъ въ Ургу для открытія торговли, стараясь придать здѣсь своимъ лавкамъ прежде всего внѣшній блескъ, который выражается между прочимъ и въ относительной чистотѣ, отличающей собою именно пекинскія лавки. Самыя зданія пекинскихъ лавокъ устраиваются, конечно, по одному общему образцу китайскихъ торговыхъ заведеній, подробное описаніе расположенія

и фасада которыхъ будетъ представлено нѣсколько ниже, въ трактатѣ о специально торговой части Урги, — Маймачэнѣ, теперь же я скажу только, что никогда и ни у кого изъ ургинскихъ торговцевъ не бываетъ такой наружной отдѣлки, такой рѣзбы, такого мелкаго рисунка и такихъ яркихъ красокъ на воротахъ и окнахъ, какія встрѣчаются въ зданіяхъ пекинскихъ лавокъ. Вывѣски ихъ, также всегда изящныя и хитроумныя, пишутся непременно на двухъ языкахъ, — китайскомъ и монгольскомъ; но на китайскомъ, не извѣстномъ монголамъ, они изображаютъ только три іероглифа своей фамиліи, на монгольскомъ же качества лавки описываются нѣсколько подробно. Вотъ для примѣра текстъ одной изъ такихъ вывѣсокъ: 北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

«Пекинская лавка Бату, а въ ней продаются шелковыя и затканныя штофныя матеріи, всякія драгоценныя вещи, продавцы же отличаются прямою и кроткимъ обхожденіемъ». — Внутри пекинскія лавки всегда раздѣляются на двѣ, или на три комнаты, убранныя чисто и изящно: за находящимся прямо противъ входной двери прилавкомъ устраиваются обыкновенно лѣсенкой маленькія полки, на которыхъ красиво разставленъ разнаго рода мелочной товаръ и блестящія бездѣлушки; съ боковъ этой лѣсенки помѣщаются цѣлыя груды свертковъ шелковыхъ матерій, а по другимъ стѣнамъ, на полкахъ, разложены болѣе низкіе сорта шелковой и бумажной ткани, въ пространствахъ же свободныхъ отъ лавокъ развѣшано готовое платье въ видѣ шелковыхъ халатовъ, хантэцзы и другаго рода куртокъ; въ боковыхъ комнатахъ, представляющихъ собою или конторы, или жилыя помѣщенія, куда обыкновенно приглашаются наиболѣе почетные покупатели, всегда развѣшаны по стѣнамъ картины, похвальныя надписи, иногда парныя, поднесенныя лавкѣ въ видѣ адреса монголами, какъ знакъ особаго къ ней расположенія. Вотъ образецъ такой похвальной надписи:

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

北京 街 門 牌 九 號 廣 隆 號 綢 緞 布 疋 貨 物 齊 全 價 廉 實 在 誠 實 無 欺 諸 君 光 顧 請 認 明 廣 隆 號 標 記 為 要 此 佈

Вся эта, сравнительно опрятная и изящная обстановка невольно подкупает въ пользу пекинской лавки всякаго покупателя, начиная съ европейца и оканчивая монголою. При счастливомъ ходѣ дѣлъ, компанія, получая въ Монголіи хорошіе барыши, скоро богатѣетъ и становится на ноги; но нерѣдко также бываетъ и то, что она черезъ пять, шесть лѣтъ торговли закрываетъ свои ворота отъ кредиторовъ и объявляетъ себя несостоятельной. Замѣчательно однако, что даже за день до объявленія своей несостоятельности пекинская лавка всегда удерживаетъ свой обычный лоскъ и ее можно легко отличить, на примѣръ, отъ шаньсѣйской по обстановкѣ, богатству и составу товаровъ. Изъ произведеній Собственнаго Китая въ каждой пекинской лавкѣ всегда можно найти лучшія шелковыя ткани: канфы, гарнитурныя и легкія матеріи, въ родѣ фанцзы, дурдунъ (янь-чжоу), чи-цюй-чоу и проч. Шерстяной и бумажный товаръ въ пекинскихъ лавкахъ преимущественно европейскаго производства. Помимо того здѣсь всегда изобиліе выдѣлываемыхъ въ Пекинѣ принадлежностей монгольскаго быта по всѣмъ сторонамъ народной жизни, начиная съ религіозной и общественной и оканчивая домашнею обстановкой и богатой княжеской юрты, и самой бѣдной кухни. Такимъ образомъ здѣсь продаются всѣ сорты религіозныхъ музыкальныхъ инструментовъ; различныя принадлежности жертвъ и жертвенные сосуды; всѣ роды шапокъ и привѣсокъ ламайскихъ жрецовъ и проч.; монгольскіе князья пахсдятъ здѣсь для себя всѣ роды шариковъ и другихъ внѣшнихъ отличій своего ранга, покупаютъ всѣ необходимыя для нихъ канцелярскія принадлежности, для своей домашней обстановки они приобрѣтаютъ здѣсь вазы, служащія къ украшенію комнатъ, фонари, картины, статуетки и т. п. различныя бездѣлушки. Послѣдній отдѣлъ всегда бываетъ особливо богатъ въ пекинскихъ лавкахъ, потому что составъ его не ограничивается однимъ пекинскимъ, но пополняется еще и европейскимъ производствомъ: европейскіе часы, барометры, термометры, вазы, статуетки, шкатулочки, диковинныя игрушки съ машинками и безъ оныхъ, — все это можно повстрѣчать если не во всѣхъ, то въ весьма многихъ пекинскихъ лавкахъ. Для степнаго монгола-бѣдняка здѣсь есть: донбѣ, деревянныя, фарфоровыя и каменныя чашки, или шѣцзаны, разнаго рода ковши и ложки, рабочіе инструменты и пр.

Генеральное полученіе товаровъ пекинскими лавками въ Хуръни бываетъ два раза въ годъ — весною и осенью, мелочными же партіями они приходятъ неопредѣленно, по два, по три и даже до десяти разъ въ годъ, что обусловливается уже богатствомъ лавки и особо усвоенными у пекинскихъ торговцевъ порядками жизни и образомъ веденія дѣла.

Надежитъ замѣтить, что пекинскія лавки обыкновенно содержатъ у

себя очень много прислуги. Самая незначительная лавка имѣть у себя пять, шесть человѣкъ приказчиковъ, богатяя же фирмы содержать по со- рока, пятидесяти и даже до восьмидесяти человѣкъ. Приказчики пріѣзжаютъ обыкновенно мальчиками лѣтъ 10-ти, 12-ти и первоначально служатъ безъ жалованья; года черезъ четыре или пять имъ назначается содержаніе, но во все это время приказчикъ не считается еще лицомъ довѣреннымъ: онъ слуга, работникъ и отъ него требуется работа безъ всякихъ льготъ и отдыховъ; домой, на родину, онъ можетъ поѣхать тодько тогда, когда возъ- мутъ его въ качествѣ работника, въ противномъ случаѣ, пожелавъ ѣхать домой, онъ долженъ получить полный расчетъ. Прослуживъ нѣкоторое время на жалованьи, приказчикъ, конечно, заслужившій довѣріе, принима- ется фирмою въ компанію и начинаетъ получать опредѣленный %, низшею единицею котораго считается 1 *ли* съ каждаго лана валоваго дохода, т. е. $\frac{1}{1000}$ % со всего проданнаго товара. Съ этой поры бывшій приказчикъ, какъ компаньонъ и до нѣкоторой степени хозяинъ фирмы, получаетъ право ѣздить домой на свиданіе съ родственниками въ такой, впрочемъ, мѣрѣ: полу- чающій отъ одного до пяти *ли* % имѣетъ право на поѣздку черезъ три года; получающій свыше 5 *ли* пользуется правомъ поѣздки черезъ два года; на- конецъ получающіе 10 *ли*, или 1 *фынъ*, уже могутъ жить прямо на родинѣ и обязаны пріѣзжать въ Ургу лишь по очереди, срокомъ не болѣе какъ на одинъ годъ. Отъ ихъ воли и желанія зависитъ, конечно, жить въ Ургѣ болѣе долгое время, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ право ѣздить въ Китай ежегодно. Многие изъ такихъ заслуженныхъ компаньоновъ не прі- ѣзжаютъ даже вовсе въ Ургу, ведутъ особое дѣло въ Пекинѣ и только получаютъ своихъ 10 *ли* % отъ ургинской торговли. Этотъ обычный поряд- окъ обуславливаетъ собою еще и то ярко бросающееся въ глаза обстоя- тельство, что въ ургинскихъ лавкахъ изъ Пекина никогда не встрѣчается пожилыхъ торговцевъ, — самые старшіе изъ нихъ 40, 45 и не болѣе 50 лѣтъ. Такъ какъ богатяя пекинскія лавки имѣютъ у себя много при- казчиковъ въ разрядѣ компаньоновъ, то повятно, что такого рода поѣздки встрѣчаются у нихъ по пяти, шести разъ въ годъ и при каждомъ возвра- щеніи приказчикъ-компаньонъ везетъ въ свою лавку новые товары; отсюда то и происходитъ неопредѣленное число полученія товаровъ пекинскими лавками.

Фирмы, успѣшно ведущія свои дѣла въ Ургѣ, обыкновенно заботятся о томъ, чтобы имѣть у себя нѣсколько лавокъ. Такъ фирма Жэнь-хо-и имѣетъ въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ хурьнскаго рынка 4 лавки; фирмы Дунъ-фу-ю, Лунъ-хо-юй, Синъ-хо-гунъ, Жэнь-хо-хо, Фу-лай-дунъ и др. по двѣ лавки и т. д. Дѣлается это, конечно, въ расчетѣ

на то, чтобы имѣть большее число оборотовъ, ибо монголъ, не купившій нужнаго ему товара въ одной лавкѣ, идетъ и покупаетъ въ другой, или въ третьей, совершенно не подозрѣвая, что лавки эти принадлежатъ одной и той же компаніи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа монголовъ только очень не многіе и при томъ мѣстные жители посвящены въ эту тайну китайцевъ, тѣмъ болѣе, что для вящаго сокрытія ея китайцы даже и лавкамъ этимъ даютъ различныя названія. Пекинскія лавки никогда не бываютъ извѣстны у монголовъ подъ ихъ китайскимъ именемъ, — монголы даютъ имъ свое прозвище и это обстоятельство значительно облегчаетъ для китайцевъ возможность достигать помянутой цѣли. Такъ старѣйшая и наиболѣе обширная лавка Жэнь-хо-и извѣстна у монголовъ подъ именемъ лавки Байнь-мункѹ, а вторая лавка той же фирмы, находящаяся не болѣе какъ въ 200 шагахъ отъ первой, называется лавкою Буинь-дэлыгѣра, третья — лавкою Мишяка и т. д.

Менѣе состоятельныя пекинскія лавки помѣщаются теперь уже не на площади, а въ переулкахъ; они не имѣютъ собственныхъ домовъ и торгуютъ въ наемныхъ бѣйшинахъ. Лавки ихъ въ такихъ случаяхъ выходятъ прямо на улицу и въ большинствѣ совершенно открытыя. Товары у нихъ тѣ же самыя, только въ меньшемъ количествѣ. Съ другой стороны, въ этихъ лавкахъ можно находить прекрасныя вещи пекинскаго издѣлія, какихъ не найдешь, пожалуй, и въ богатыхъ лавкахъ: такъ, напримѣръ, здѣсь попадаются старинныя вещи изъ фалани, дорогія вазы и статуетки, можетъ быть, случайно купленныя этими торговцами на пекинскомъ толкучемъ рынкѣ и вывезенныя въ Ургу.

Изъ числа хурънскихъ лавокъ, принадлежащихъ шансѣйскимъ купцамъ, богатыя представляютъ собою ничто иное, какъ отдѣленія для розничной продажи лао-сирскихъ торговыхъ домовъ и складовъ, находящихся въ ургинскомъ Маймачэнѣ. Менѣе богатыя и наконецъ вовсе мелочныя лавки торгующихъ на хурънскомъ рынкѣ шансѣйцевъ пріобрѣтаютъ даже всѣ свои товары изъ ургинскаго Маймачэна. По внѣшности дѣятельность этихъ мелочныхъ лавокъ кажется самою обширною и всегда полны онѣ покупателей. На серебро, или чай онѣ не торгуютъ почти вовсе, но въ обмѣнъ на свой товаръ принимаютъ отъ монголовъ рѣшительно все: и шерсть, и волосъ, и овчину, и войлока, словомъ, всевозможныя произведенія монгольской степи. Все это засимъ каждое утро переправляется ими изъ Хуръня въ Маймачэнъ, къ тамошнимъ оптовымъ торговцамъ, въ уплату за взятый въ долгъ товаръ. Каждый день поэтому можно видѣть сотни двуколесныхъ телѣгъ, запряженныхъ мулами, ослами и быками, которыя движутся изъ Хуръня въ Маймачэнъ, будучи нагружены перечисленными

видами сырья. Особенно много пришлось мнѣ видѣть скотскихъ кожъ, которыя, по словамъ китайцевъ, развѣ $\frac{1}{10}$ частью идутъ въ Пекинъ, все же прочее количество ихъ направляется въ Кяхту. Разсматриваемыя лавки по преимуществу служили расширенію Хуръня и ими же сполна заняты возникшія здѣсь за послѣднее 15-тилѣтіе восемь новыхъ боковыхъ улицъ.

Помимо этихъ мелочныхъ торговцевъ на боковыхъ улицахъ хуръньскаго рынка помѣщаются:

1) Кондитерскія лавки, въ числѣ пяти, торгующія исключительно пряниками и сладкими хлѣбцами.

2) Двѣ свѣчныя лавки съ находящимися при нихъ мастерскими, въ которыхъ и выдѣлывается продаваемый въ этихъ лавкахъ товаръ, въ видѣ красныхъ и бѣлыхъ свѣчей.

3) Му-чжаны (木匠), или столяры и плотники, общая сумма заведеній которыхъ въ Хуръни свыше 40. Помѣщеніе ихъ всегда легко узнать, потому что дворы ихъ завалены досками и лѣсомъ. Работы производятся у нихъ ежедневно, ибо помимо исполненія заказовъ они готовятъ еще на продажу монгольскіе столики и скамеечки, ларчики для складыванія ламскихъ книгъ, небольшія шкатулки, сундуки, пепельницы для курительныхъ свѣчей и проч. Китайскіе столяры приходятъ въ Ургу преимущественно изъ Калгана. Въ Хуръни, кажется, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ собственнаго дома, но всѣ они живутъ въ наемныхъ квартирахъ, уплачивая въ годъ за свое помѣщеніе отъ 8 до 12 мѣстъ кирпичнаго чая.

4) Тунъ-чжаны (銅匠) — мѣдники и вообще занимающіеся обработкою металловъ имѣютъ здѣсь до 20 мастерскихъ. Главное и всегдашнее занятіе ихъ въ Ургѣ составляетъ приготовленіе бурхановъ, остальные же предметы они выдѣлываютъ только по заказу. Наибольшее число мѣдниковъ и бурханодѣловъ приходитъ въ Ургу изъ Долонъ-нѹра. Чеканимые ими бурханы не отличаются красотой и изяществомъ отдѣлки, но цѣны на нихъ, говорятъ, значительно дороже пекинскихъ и долонъ-нѹрскихъ, въ чемъ я убѣжденъ былъ и собственнымъ опытомъ.

5) Живописцы, извѣстные подъ монгольскимъ названіемъ цзурѣчи, приходятъ въ Ургу главнымъ образомъ изъ провинціи Шань-си, особенно изъ У-тай'я и Инъ-чжоу. Общее число мастерскихъ ихъ не превышаетъ семи, но и эти влечатъ свое существованіе крайне бѣдно. Исключеніе въ данномъ случаѣ представляютъ собою только тѣ ремесленники, которымъ удается принять на себя подрядъ въ гэгѣновскомъ казначействѣ. Трудъ ихъ въ данномъ случаѣ если и не оплачивается особенно дорого, то все-таки они имѣютъ постоянную работу по заказу: рисуютъ бурхановъ на полотнѣ, раскрашиваютъ и золотятъ бурхановъ приготовленныхъ изъ де-

рева, глины и папье-маше, наконецъ исполняютъ и всякаго рода другіе заказы по своей специальности. Квартиры у большинства цзурѣчиновъ малы и грязны до невозможности; помѣщаются они обыкновенно гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ, никогда не занимая бѣйшина свыше двухъ цзяновъ и уплачивая за такую квартиру около 10 чаевъ, т. е. приблизительно 3 р. въ мѣсяцъ.

6) Гутулчй, или сапожники, встрѣчаются изъ самыхъ различныхъ мѣстностей сѣвернаго Китая, начиная отъ Гань-чжоу, до Гу-бэй-коу включительно. Мастерскія ихъ также не велики и по внѣшнему виду едва ли не грязнѣе и бѣднѣе, чѣмъ у цзурѣчиновъ. Собственныхъ лавокъ гутулчйны у себя почти никогда не имѣютъ и выдѣлываемую обувь обыкновенно сбываютъ для продажи въ богатые китайскія лавки. Кожу покупаютъ въ Маймачэнѣ исключительно русскую и притомъ у мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ. Больше всего требуется кожа выдѣлки Иркутскихъ и Томскихъ кожевенныхъ заводовъ, изъ кяхтинскихъ же идетъ болѣе другихъ только выдѣлки завода Матренинскаго.

7) Нѣсколько богаче гутулчйновъ живутъ эльдурчин'ы, т. е. мѣховщики, занимающіеся выдѣлкою кожъ, которыхъ въ настоящую пору считается 12 заведеній. По происхожденію всѣ они шаньсійцы, а по достатку люди, пожалуй, даже зажиточные, ибо каждый изъ нихъ ведетъ дѣло не менѣе какъ на 5—6 тысячъ рублей; но принимая во вниманіе, что оборотъ ихъ капитала совершается только однажды въ годъ, они не дозволяютъ себѣ ничего излишняго сравнительно съ другими ремесленниками. Главнѣйшій матеріалъ для своей обработки—баранья и козья кожи—они приобретаютъ тутъ же, въ Хурѣни, отъ хурѣнскихъ яргачйновъ, или мясниковъ. Имѣя въ виду, что въ Хурѣни ежедневно убивается не менѣе 200 барановъ и козъ, а иногда число потребляемыхъ въ день животныхъ бываетъ и свыше тысячи, легко понять, что кожъ здѣсь вполне достаточно для 12 и даже болѣе заведеній. Каждый эльдурчинъ имѣетъ у себя подряженныхъ монголовъ-яргачйновъ, которые только ему одному и сдаютъ кожи убиваемыхъ ими животныхъ. Каждое утро можно видѣть поэтому, какъ яргачйны несутъ къ своимъ эльдурчинамъ цѣлыя связки кожъ. Сборъ кожъ производится эльдурчинами въ теченіе цѣлаго года, а выдѣлка ихъ только лѣтомъ. Такъ какъ ургинскія власти запрещаютъ китайцамъ портить воду р. Тѣлы, то вымочка кожъ, при выдѣлкѣ ихъ, производится только въ ручьяхъ и протокахъ. Кожы китайской выдѣлки считаются менѣе прочными и теплыми, чѣмъ монгольскаго дубленія, такъ какъ китайцы черезчуръ уже сильно выскабливаютъ мездру; но зато мѣха, обработанныя китайцами, несравненно мягче и нѣжнѣе монгольскихъ. Выдѣланныя кожи эльдурчины про-

даютъ, впрочемъ, въ весьма незначительномъ количествѣ въ ихъ натуральномъ видѣ; но гораздо чаще кроятъ ихъ и шьютъ изъ нихъ одѣяла и шубы. Зимой они выносятъ этотъ товаръ свой на базаръ, развѣшивая его, ради удобства въ осмотрѣ, на жердяхъ и по заборамъ и выручаютъ отъ продажи весь капиталъ, затраченный лѣтомъ на приобрѣтеніе и обработку кожъ.

Далѣе слѣдуютъ ремесленники, уже не имѣющіе у себя торговыхъ заведеній, таковы:

8) Портные (絳裁) цай-фынь, выговариваемое монголами «цай-пунъ», которые почти не живутъ въ Хуръни, а нанимаютъ себѣ помѣщенія главнымъ образомъ въ Маймачэнѣ. Въ 1892 г. въ Хуръни проживало только два портныхъ; своихъ лавокъ они, какъ и сапожники, не имѣли и даже не сдавали своихъ произведеній въ китайскія лавки, а исполняли только заказы по приготовленію одежды для проживающихъ въ Хуръни китайцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ незначительнымъ спросомъ на мастеровыхъ этого рода, обуславливается и незначительность ихъ количества, хотя цѣны на портняжныя работы стоятъ здѣсь сравнительно очень высокія. Такъ за пошитые зимняго мѣховаго, или стеганнаго на ватѣ халата берутъ обыкновенно отъ 10 до 12 кирпичей чая, т. е. отъ 3 р. 50 к., до 4 р. 20 к., а за пошитые лѣтняго халата 8—9 кирпичей, т. е. 2 р. 80 к. и 3 р. 15 к.

9) Нѣсколько больше чѣмъ портныхъ, хотя также весьма незначительное количество въ Хуръни и парикмахеровъ, извѣстныхъ подъ монгольскимъ именемъ «усучиновъ». Открытыхъ заведеній они не имѣютъ, а отправляютъ свои обязанности или на своихъ квартирахъ, или еще обыкновеннѣе по мѣстожителству нуждающихся въ ихъ услугахъ. Китайскіе торговцы, всѣ безъ исключенія, имѣютъ у себя годовыхъ парикмахеровъ, которымъ помѣсячно уплачиваютъ заработанные ими деньги. Впрочемъ, несмотря на этотъ годовой подрядъ и мѣсячную расплату, расчетъ ведется все-таки задѣльно, по количеству исполненной работы. Обычныя условія таковы: парикмахеръ, нанявшись въ извѣстную фирму, или извѣстный домъ, обязанъ черезъ каждые пять дней перечесывать косы у всѣхъ принадлежащихъ этой фирмѣ, или этому дому китайцевъ, а помимо того лѣтомъ черезъ 15, а зимою черезъ 20 дней еще вымывать и подбривать голову въ подобающихъ мѣстахъ; уборка каждого человѣка оцѣнивается при этомъ въ 6 шара-цаевъ за каждый разъ, между тѣмъ какъ при единичномъ уборѣ головы за подбриваніе и прическу берутъ не менѣе полукирпича чая, т. е. 15, или даже 17½ коп.

10) Наконецъ самый низшій родъ ремесленниковъ въ Хуръни составляютъ дарханъы, или кузнецы. Проживая въ самыхъ захолустьяхъ хуръньскаго рынка, они ежедневно выходятъ съ своими наковальнями на

торговую площадь и производить здѣсь всѣ потребныя работы: подковы-ваютъ лошадей и быковъ, поправляютъ, а иногда и выдѣлываютъ новые таганы, топоры, тесла и тому подобныя желѣзныя вещи домашняго обихода.

Таковы современные составъ населенія и положеніе торговой части Хурѣня. Что касается собственно рыночной площади, то она служитъ мѣстомъ для производства самой мелочной торговли. Протяженіе ея съ сѣвера на югъ около 320 саж., а съ востока на западъ около 60 саж. Ночью это пространство бываетъ совершенно пустынно, съ разсвѣтомъ же китайцы ежедневно разставляютъ здѣсь отъ 80 до 120 подвижныхъ войлочныхъ палатокъ (бухэжъ), въ которыхъ продаютъ высылаемую имъ изъ большихъ лавокъ всякаго рода мелочь: чубуки, трубки, табакерки, игрушки, четки, кусочки матерій, чашки, зеркальца, пояски и проч. Предметы эти, конечно, можно встрѣтить и въ большихъ лавкахъ, но по, отзываютъ торгующихъ, въ этихъ войлочныхъ палаткахъ продается мелочныхъ товаровъ на гораздо большую сумму, чѣмъ въ главныхъ китайскихъ магазинахъ. Въ такихъ же бухэжахъ помѣщаются иногда со своимъ товаромъ мѣстные гутулчйны и продаютъ готовую обувь минимумъ на 10% дешевле, чѣмъ можно приобрести ее въ лавкахъ. Что касается живущихъ въ Ургѣ монголовъ, то они ведутъ торговлю еще болѣе мелкую: они не торгуютъ даже въ палаткахъ, а или раскладываютъ прямо по землѣ, на дыравыхъ циновкахъ, или разносятъ на небольшихъ латкахъ старье и всякаго рода рухлядь, которыя скупаютъ въ Маймачэнѣ и у хурѣнскихъ ламъ. Старыя табакерки, пуговицы, обрѣзки кожи, вотъ предметъ ихъ постояннаго торга. Дѣломъ этимъ занимаются по большей части женщины бездомныя и неспособныя къ болѣе труднымъ работамъ. Специальность женской торговли составляютъ еще монгольскія, какъ мужскія, такъ и женскія шапки; торговля эта представляетъ, конечно, гораздо больше выгоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и болѣе трудная, потому что пошить монгольской шапки требуетъ довольно много и умѣнья, и ловкости. Для степныхъ монголовъ главные предметы продажи въ Ургѣ представляютъ собою: женщинамъ — молоко и кумысъ, а мужчинамъ — скоть, въ особенности лошади и бараны, какъ предметъ общей необходимости. Средняя цѣна на обыкновенную лошадь отъ 12 до 20 руб., смотря по времени года и потребностямъ покупателей; къ зимѣ скоть всегда бываетъ дешевле, весною дороже, самое же дешевое время для приобретения лошадей и крупнаго скота вообще — январь и февраль мѣсяцы. Что касается овецъ, то цѣна на нихъ стоитъ почти неизмѣнно въ теченіе цѣлаго года и, опредѣляясь достоинствомъ барана, колеблется между суммою 2-хъ и 3½ руб. Количество при-

гоняемаго на продажу скота въ Ургѣ никогда не бываетъ большимъ и обычно на базарѣ встрѣчается десятка два лошадей да, небольшими группами, сотни полторы, или двѣ, барановъ; верблюды продаются лишь единицами но и то рѣдко. Основная причина этого лежитъ въ томъ, что Урга собственно не представляетъ собою скотскаго рынка, къ которому съѣзжались бы коммерсанты для покупки и продажи животныхъ, какъ это видимъ мы, напримѣръ, въ Долбигъ-нѹрѣ, или Кукѹ-хотѹ: окрестные монголы пригоняютъ сюда для продажи свой скотъ только по нуждѣ, отдѣльными единицами и идетъ этотъ скотъ опять-таки исключительно для удовлетворенія обыденныхъ мелкихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ години неурожая травъ, или скотскихъ падежей, крупнаго скота на ургинской торговой

Хурѣвскій рынокъ.

площади иногда не бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ и такимъ образомъ смотрѣть на Ургу какъ на пунктъ удобный для покупки скота рѣшительно не возможно. Разказываютъ, что когда въ 1882 году, покойный Пржевальскій задумалъ сформировать въ Ургѣ свою экспедицію, то въ теченіе двухъ недѣль онъ не могъ найти здѣсь ни одного подходящаго верблюда: ему предлагались только изнуренные перевозкою чаевъ, требовавшіе продолжительнаго отдыха и корма, словомъ совершенно негодные для дальнѣйшей поѣздки. Если бы не случайность, давшая возможность нашему путешественнику, при содѣйствіи русскихъ купцовъ, захватить партію верблюдовъ и пригнать ее съ Орхона, изъ Эрдэни-цзѹ, — ему пришлось бы

пробыть въ Ургѣ неопредѣленное время. За то и суммы, которыя израсходовалъ онъ на этотъ предметъ, были просто невѣроятными: онъ уплачивалъ отъ 40 до 45 ланъ ямбоваго, т. е. самаго чистаго серебра, что составляло тогда отъ 120 до 135 р. с. за каждую голову верблюда, которую обычно монголы легко отдали бы за 60—80 р., а при покупкѣ гуртомъ и того дешевле. Въ ту же пору быкъ, посредственныхъ вѣса и силы, стоящій обычно рублей 20, продавался за 40 р., а бараны держались въ цѣнѣ отъ 4-хъ до 6-ти руб. за голову, не свыше пуда вѣсомъ. Помимо скота монголы доставляютъ изъ степи дрова и сѣно. То и другое привозятъ они на двухколесныхъ арбахъ, запряженныхъ быками, иногда изъ-за пространства въ 50, 75 верстъ и также въ весьма незначительномъ количествѣ: ежедневно не болѣе какъ по 30—40 возовъ; дрова, не свыше полусотни полутора-аршинныхъ жердей, стоятъ рубля два, а сѣно зеленое, т. е. заготовленное съ осени, никогда не продается за пудъ дешевле 50 коп., хотя бываетъ и втрое дороже. Сходнѣе продается такъ называемая ветошь, или прошлогодняя трава, которую собираютъ монголы даже зимою по степи граблями и привозятъ въ Ургу, назначая здѣсь цѣну на нее въ размѣрѣ отъ 20 до 30 коп. за пудъ.

Особыхъ трактировъ и кабаковъ на хуръньскомъ рынкѣ не было до 1878 г. и до той поры готовое съѣстное продавалось лишь открыто, на самой торговой площади. Торговали съѣстнымъ исключительно китайскіе солдаты, которые устраивали на рынкѣ нѣчто на подобіе обжорныхъ рядовъ старинныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Кухни этого обжорнаго ряда устраивались у китайцевъ прямо на открытомъ воздухѣ; таганъ выставялся на площади и огонь защищался развѣ только войлокомъ, развѣшаннымъ со стороны вѣтра; готовили и продавали здѣсь жареную баранину, пирожки съ мясомъ, пряженцы и пряники. Въ помянутомъ 1878 году, съ распространеніемъ близъ Хуръня торговой дѣятельности и увеличеніемъ вокругъ площади числа китайскихъ лавокъ, впервые устроилось здѣсь и нѣчто вродѣ гостинницы, въ которой каждому частному лицу можно было найти готовый обѣдъ, чай, спросить водки и т. п., вскорѣ здѣсь же начали останавливаться и пріѣзжающіе. Въ настоящую пору число такихъ гостинницъ возрасло въ торговой части Хуръня до пяти. По объему двѣ изъ нихъ представляютъ собою цѣлыя подворья, заключающія въ себѣ каждое свыше 50 помѣщеній, или отдѣльныхъ комнатъ для пріѣзжающихъ, остальные нѣсколько меньше. За всѣмъ тѣмъ хуръньскія гостинницы совершенно не походятъ на общіе всѣмъ монгольскимъ городамъ китайскіе «дяни». Пріѣзжающіе въ Ургу для торговли купцы не останавливаются въ нихъ почти никогда, а о продажѣ изъ нихъ товаровъ, какъ это существуетъ,

напримѣръ, въ Улѣсутаѣ и другихъ городахъ, нѣтъ и помина Въ хурьньскихъ гостинницахъ проживаютъ на время прїѣзда въ Ургу мелкіе чиновники, коммерсанты, являющіеся въ городъ за какимъ-нибудь полученіемъ, или съ какою-нибудь тяжбою, наконецъ, даже ламы; такъ, во время моего пребыванія въ Ургѣ, въ одной изъ хурьньскихъ гостинницъ жилъ долбнъ-нѣрскій нирба, прїѣзжавшій для сведенія своихъ счетовъ съ хутухтинскимъ казначействомъ и полученія отъ сеймоваго управленія содержанія ламъ, проживающихъ въ Долбнъ-нѣрскомъ Шаръ-сумѣ. Надлежитъ замѣтить, что устройство и существованіе этихъ гостинницъ не повело за собою закрытія обжорнаго ряда на торговой площади: торговля съѣстнымъ остается на ней по старому и ведется, кажется, даже безъ магьйшаго упадка; по крайней мѣрѣ вокругъ каждаго таганка, какъ прежде такъ и теперь, всегда можно встрѣтить группу въ пять шесть человѣкъ степняковъ-монголовъ, сидящихъ прямо на землѣ и закусывающихъ горячими пирожками. Къ довершенію описанія рынка нужно добавить, что неподалеку отъ этихъ значныхъ мѣстъ обыкновенно сидятъ бродячіе бандуристы со скрипками, бала-лайками, лютнями и другими музыкальными инструментами, а слѣпцы и ламы-странники читаютъ молитвы, изрѣдка потрясая своими посохами съ колокольчиками (дулдуй), на которые благочестивые слушатели навѣшиваютъ множество хадаковъ.

Бродячихъ нищихъ въ Ургѣ теперь почти не видно; изрѣдка только можно встрѣтить какого-либо мальчишку или старуху, громко читающихъ у воротъ молитву и такимъ образомъ выпрашивающихъ себѣ подаваніе. Самымъ страшнымъ временемъ нищенства въ Ургѣ были, говорятъ, конецъ 1860-хъ и начало 1870-хъ г.г., когда вся Монголія посредственно или непосредственно испытала на себѣ разрушительную силу дунганскихъ возстаній и вслѣдъ затѣмъ подверглась еще болѣе разрушительнымъ физическимъ бѣдствіямъ; въ ту пору нищихъ въ Ургѣ было множество, и всѣ они жили исключительно на торговой площади. Разказываютъ, что площадь въ то время представляла чрезвычайно тяжелое зрѣлище: большими, полунагими валялись эти нищіе на голой землѣ или на какихъ-нибудь лохмотьяхъ и нерѣдко умирали здѣсь же, подъ открытымъ небомъ. Въ 1871 г. смертность ихъ была такъ сильна, что шабинскій ямунь возложилъ на одного нищаго же монгола обязанность смотрѣть за слабѣвшими больными, и, прѣдъ смертію ихъ немедленно вывозить ихъ за городъ. Въ награду за этотъ трудъ монголы получали отъ ямуни содержаніе пищей и одеждой. Засимъ во второй половинѣ 1870-хъ г.г., во время моего перваго посѣщенія Урги, число нищихъ здѣсь было не велико, а въ началѣ 1880-хъ г., при посѣтившихъ Халху новыхъ физическихъ бѣдствіяхъ, оно возрасло

снова. Нищіе этой поры были собственно бродяги и отличались еще особымъ характеромъ: въ числѣ ихъ было много людей, которые не удовлетворялись подаяніями во имя Будды, а безцеремонно промышляли воровствомъ, конокрадствомъ, даже поддѣлкою чайныхъ ассигнацій (тѣцзы), и еще чаще мелкимъ мошенничествомъ, причинявшимъ большой вредъ мѣстному населенію. Власти, не знавшія, какъ избавиться отъ этихъ бездомниковъ, принимали противъ нихъ чрезвычайныя мѣры, въ родѣ облавъ, совершавшихся еженедѣльно, послѣ чего пойманные бродяги немедленно разсылались по хошӯнамъ, къ которымъ они принадлежали. Мѣра эта впрочемъ, не достигала своей цѣли и на половину, во-первыхъ, потому, что постоянно совершался наплывъ новыхъ скитальцевъ, а во-вторыхъ, и подвергшіеся высылкѣ по большей части возвращались назадъ черезъ самое непродолжительное время. Гораздо цѣлесообразнѣе была мѣра, принятая казначействомъ ургинскаго хутухты, которое прямо кормило здоровыхъ бѣдняковъ, заставляя ихъ исполнять кое-какіе работы, а для больныхъ устроило нѣчто въ родѣ страннопріимнаго дома, въ ЮЗ части дамнӯрчиновъ. Съ наступленіемъ 1884 г., когда благосостояніе Халхи нѣсколько поднялось, кормленіе это было прекращено, но память о немъ сохранилась и доселѣ въ томъ, что всѣ ургинскіе нищіе имѣютъ теперь свои логовища на этомъ

Ургинскіе нищіе.

мѣстѣ ихъ прежней кормежки. Ужасное зрѣлище представляетъ собою въ настоящее время этотъ уголь, за юго-западной частью города. Среди грудъ

мусора и всякаго рода отбросовъ обосновали свое мѣстопребываніе эти несчастные: болѣе зажиточные и сильные изъ нихъ выпрашиваютъ себѣ въ милостыню, или собираютъ валяющіеся по степи, сучковатые, искривленные и никому негодные колья и устриваютъ изъ нихъ шалаши, которые прикрываютъ то травою, то какимъ-либо тряпьемъ; а неимѣющіе вовсе силы лежать прямо на землѣ безъ крова, обнаженные и изможденные голодомъ. Сердобольныя шибеганцы набрасываютъ на нихъ лохмотья своихъ старыхъ шубъ и это составляетъ единственный покровъ для крайняго нищаго Урги, который, умирая, даже не бываетъ погребаемъ, а тутъ же, на мѣстѣ своей кончины, бываетъ съѣдаемъ собаками, на глазахъ у своихъ собратій, предвидящихъ для себя ту же участь.

Народъ на торговой площади начинаетъ появляться часовъ съ пяти утра и пробываетъ на ней до заката солнца, когда убираютъ войлочные палатки и расходятся мелкіе торгошники. Для наблюденія за порядкомъ днемъ, и особливо ночью, на площади живутъ въ казенной будкѣ сторожа (манѣчи) изъ китайцевъ, посылаемые изъ Маймачѣна царгучѣйскимъ ямунемъ. Число ихъ бываетъ весьма неопредѣленно и въ разное время колеблется между тремя и шестью, а въ большинствѣ случаевъ ихъ бываетъ четыре. Днемъ этихъ полицейскихъ почти не бываетъ видно: они сидятъ въ своей сторожкѣ и занимаются своими домашними дѣлами; при нуждѣ, за ними посылаютъ нарошнаго и только тогда являются они на мѣсто происшествія, но не въ качествѣ полицменовъ, а скорѣе въ видѣ судей низшей инстанціи. Ночью на обязанности ихъ лежитъ содержать ночныя стражи, число коихъ опредѣляется пятью. Въ виду однако того значенія, которое придаютъ себѣ эти чиновники полиціи, они успѣли достигнуть того, что сторожить ночью имъ не приходится и для охраны города хурьньскіе торговцы содержатъ еще особыхъ ночныхъ сторожей, выдавая имъ уже отъ себя содержаніе. Всѣхъ сторожей нанимается семь, изъ коихъ одинъ считается старшиною. На обязанности послѣдняго лежитъ собирать плату съ купцевъ и выдавать ее въ видѣ жалованья сторожамъ. Русскіе торговцы въ Ургѣ также участвуютъ въ этой уплатѣ, выдавая въ годъ по 15 чаевъ съ хашана. Ночныя стражи, извѣстныя у монголовъ подъ китайскимъ именемъ «чжинъ», состоятъ въ томъ, что два полицейскихъ проходятъ по всѣмъ улицамъ ургинскаго рынка и, въ доказательство своей бдительности, ударяютъ въ гонгъ. Распредѣляются стражи въ Ургѣ такъ, что каждый обходъ совершается черезъ два часа: первая — въ 9 ч. вечера, вторая — въ 11 ч., третья — въ 1 ч. ночи, четвертая — въ 3 ч. и пятая — часовъ около 5-ти утра лѣтомъ и ровно въ пять часовъ зимою. Каждая стража отмѣчается соотвѣтственнымъ числомъ ударовъ въ гонгъ, количество коихъ нарощается послѣдовательно, въ такомъ

порядкѣ: первая стража имѣеть одинъ ударъ — разъ; вторая — разъ, два; третья — разъ, разъ-два; четвертая: — разъ, разъ-два, разъ; пятая — разъ, разъ-два, разъ-два. Знать это необходимо на тотъ конецъ, что помимо стражи гонгомъ же дается знать жителямъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, совершающихся ночью. Если бы стража, совершая свой обходъ, натолкнулась на воровъ, для поимки которыхъ ей нужна помощь жителей, она начинаетъ ударять въ гонгъ часто и мѣрно; замѣтивъ пожаръ, — бьетъ непрерывно, мелкою дробью и т. д. Днемъ для охраны хурѣнскаго рынка помимо этихъ цзаргучѣйскихъ стражниковъ отрягается еще изъ шабінскаго ямуня одинъ хя, на обязанности котораго также лежитъ смотрѣть за чистотою мѣстности, преслѣдовать всякаго рода драки и ловить воровъ. Но при всей этой кажущейся заботливости и распорядительности ургинской полиціи, трудно описать все то, что дѣлается на улицахъ Хурѣни и торговой площади. Чистоту ихъ достаточно можетъ характеризовать то, что монголы всѣхъ званій, возрастовъ и половъ не стѣсняются гдѣ бы то ни было отправленіемъ своихъ естественныхъ потребностей; да этого мало, монголы, живущій въ Хурѣни, считаетъ за невозможное выливать на своемъ дворѣ какія-либо нечистоты и тотчасъ выходитъ для этого на улицу. Несмотря однако на всю эту нечистоплотность монголовъ, въ Ургѣ сравнительно довольно чистый воздухъ, и вовсе нѣтъ ни той нечистоты, ни той вони, которая наполняетъ улицы городовъ китайскихъ. Этому обстоятельству способствуютъ, съ одной стороны, климатическія условія мѣстности, а еще болѣе, и — можно сказать — главнѣйшимъ образомъ, стаи голодныхъ собакъ, бродящихъ по Хурѣню и пожирающихъ не только всякія нечистоты, но и трупы своихъ покончившихъ съ жизнью собратій. Безъ драки на площади положительно не проходитъ ни одинъ день, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко бываютъ и убійства. Однажды, во время пребыванія на площади, мнѣ пришлось видѣть слѣдующую сцену: одинъ лама купилъ у другаго «оркимчжй» (названіе одного ламскаго платья) за двухъ-чайную тѣцзы (кредитный билетъ, выдаваемый китайскими лавками). Вскорѣ продавецъ узналъ, что полученная имъ тѣцзы фальшивая и, отыскавъ тутъ же на площади купившаго у него оркимчжй ламу, началъ требовать перемѣны билета. Лама отказывался, говоря, что отданная имъ тѣцзы совершенно другая; но, по несчастью, нашлись свидѣтели лжи, которые такъ поколотили обманщика, что онъ черезъ четверть часа умеръ. Покойникъ былъ хурѣнскій лама, и потому скоро пришли три аймачныя его товарища и потащили его домой. Бывшіе въ это время со мною русскіе торговцы въ Хурѣни сомнѣвались въ обстоятельствѣ смерти и говорили, что есть много мошенниковъ, которые, послѣ того какъ поколотятъ ихъ, прикидываются убитыми, чтобъ

избѣжать дальнѣйшихъ преслѣдованій за свое мошенничество; но я въ данномъ случаѣ и не стану утверждать, что монголъ былъ убитъ дѣйствительно: дѣло только въ томъ, что фактъ убійства на торговой площади совершенно возможенъ. Я сказалъ, что тѣло ламы скоро было убрано въ виду того, что бываютъ убитые, или умершіе на улицахъ и площади, которые не имѣютъ въ Хуръни никого изъ близкихъ и тѣла ихъ валяются по цѣлымъ днямъ. Въ тотъ же день, когда было вышеописанное убійство ламы, на той же площади, часовъ въ семь утра скоростижно умеръ какой-то бѣдный китаецъ. Пока искали кого-нибудь изъ его знакомыхъ или родичей, прошелъ цѣлый день. Какъ нарочно день былъ жаркій, лицо покойнаго совершенно почернѣло, кровь шла носомъ и ртомъ, — видно было, что началось полное разложеніе, и все это нисколько не понудило ургинскія власти убрать куда-нибудь трупъ. Только поздно вечеромъ явились родственники съ гробомъ; колѣнопреклоненно прочитали они надъ усопшимъ молитвы и потомъ положили его въ гробъ. Не знаю почему, этотъ гробъ не былъ увезенъ въ тотъ же вечеръ и его оставили на улицѣ до слѣдующаго утра.

Чтобы окончить рѣчь объ общественныхъ зданіяхъ Хуръня, мнѣ остается сказать, что здѣсь есть еще свои трущобы, которыя также могутъ быть признаны за общественныя, хотя и неофициальныя мѣста. Здѣсь можно найти, на примѣръ, нѣкоторое подобіе нашихъ домовъ терпимости, есть также и родъ харчевень, но все это отличествуетъ и отъ нашихъ и отъ китайскихъ учрежденій этого рода по своимъ началамъ и имѣетъ своеобразный характеръ, главнымъ образомъ въ силу своей неофициальности. Какъ дома терпимости, такъ и харчевни содержатся въ Ургѣ исключительно китайцами. Первыми промышляетъ самый бѣдный классъ китайскаго населенія рабочихъ-поденщиковъ, а вторыя устрояютъ содержали мелочныхъ лавченочъ, продающихъ въ большинствѣ всякую рухлядь, а иногда и хорошія вещи подозрительнаго происхожденія. Въ своихъ домахъ терпимости китайцы не содержатъ публичныхъ женщинъ; они имѣютъ только помѣщенія, въ которыхъ отдѣльно могутъ провести время мужчина и женщина; засимъ хозяева доставятъ еще, пожалуй, гулякамъ вина и какой-нибудь закуски. По общему порядку, мужчина всегда отыскиваетъ себѣ женщину гдѣ-нибудь на площади и, уже уговорившись, идетъ съ нею въ этотъ домъ терпимости. Иногда, и конечно только для богатыхъ, самъ китаецъ содержатель дома отыскиваетъ женщинъ, но эти случаи рѣдки, хотя и, безъ сомнѣнія, выгодны для китайца, такъ какъ ему при этомъ перепадаетъ порядочный процентъ отъ избираемой, кромѣ условленной платы съ мужчины. Вънѣшнему виду этихъ домовъ терпимости трудно даже дать названіе трущобы, такъ они тѣсны, темны, грязны и

отвратительны. Вся квартира содержателя ограничивается одною только комнатою, по китайскому обычаю, на половину занятою каномъ. Для входящихъ устраивается помѣщеніе въ той же комнатѣ. Все оно состоитъ изъ кровати, которая со всѣхъ сторонъ, сплошь до потолка, забрана досками, такъ что представляетъ отдѣльную конуру, въ которую можно пролѣзть черезъ отверстіе аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною и въ 1 арш. шириною, закрываемое деревянною, дощатою же дверью. Грязный и изорванный войлокъ, скатанный съ одной стороны чтобы образовать изголовье, составляетъ все убранство постели. За пребываніе въ этой конурѣ платится $\frac{1}{2}$ кирпича чаю, т. е. отъ 30 до 35 коп. въ томъ случаѣ, если плату получаетъ женщина; но бываетъ, что какой-нибудь лама уговорится съ проституткой раздѣлить ложе бесплатно, и тогда хозяинъ ничего не имѣетъ кромѣ выгоды, получаемой имъ отъ продажи вина. Обыкновенными посѣтителеми этихъ учреждений бывають: китайцы, живущіе еще въ званіи приказчиковъ въ большихъ китайскихъ лавкахъ; дѣти монгольскихъ чиновниковъ средняго класса и молодые ламы, живущіе при своихъ родственникахъ и учителяхъ. Что касается хурьньскихъ харчевень, то, какъ я уже сказалъ, они помѣщаются въ мелкихъ лавченкахъ и виноторговляхъ, открывающихъ свои заднія двери для приѣма гостей и производящихъ розничную продажу вина; здѣсь же можно и курить опиумъ; приказчики китайскихъ торговыхъ домовъ часто посѣщаютъ эти харчевни именно съ этою цѣлью, такъ какъ куреніе опиума дома имъ строго воспрещается хозяевами.

Вторая часть Урги, также съ ламскимъ населеніемъ, есть Ганданъ. Онъ расположенъ къ западу отъ Хурьня, на небольшомъ холмѣ, отдѣляющемъ площадь рѣки Сѣльби отъ обширной и каменистой долины Чингильтуйнъ тала, тянущейся къ западу отъ этого холма вплоть до горъ Сангйинъ ула и отстоитъ собственно отъ Хурьня на $1\frac{1}{2}$ версты. Въ настоящее время, когда постройки китайскихъ лавокъ на западной сторонѣ Хурьня умножились, они съ одной стороны почти соприкасаются ему, а съ другой не доходятъ до Гандана на разстояніе не болѣе 150 сажень, такъ что если Хурьнь считать не состоящимъ исключительно изъ ламскихъ жилищъ и кумирень, а причислять сюда рынокъ, то можно сказать, что Ганданъ почти сливается съ Хурьнемъ. Такъ какъ Ганданъ былъ построенъ исключительно для изучающихъ высшій курсъ буддійскаго богословія, то исторія его тѣсно связывается съ судьбою въ Ургѣ панита, подъ каковымъ именемъ извѣстно это изученіе. Служеніе панита было введено въ Ургѣ тибетскими ламами, пришедшими въ періодъ втораго вида Чжабцзунъ дамбѣ хутухтѣ въ Монголію, и во главѣ ихъ преданіе ставитъ мудраго Намчжаль-габчжү и Ринчинъ-дорчжй-габчжү. Указать точно годъ пришествія

этихъ лицъ, а слѣдовательно и начала служенія въ Ургѣ цанѣта невозможно, по причинѣ отсутствія на то письменныхъ свидѣтельствъ; но то же преданіе разказываетъ, что цанѣтъ, во время пребыванія Урги на Куй-мандалѣ, то-есть, въ періодъ съ 1736 по 1740 годъ, былъ служимъ въ покчѣнской кумирнѣ, и что ламы въ первое время не оставались для служенія цанѣта постоянно въ Ургѣ, а переходили съ мѣста на мѣсто и знакомили монголовъ съ своимъ нововведеніемъ. Такимъ образомъ существуетъ преданіе, что при второмъ гэгэнѣ цанѣтъ былъ совершаемъ въ Эрдэни-цзѹ, и что, несмотря на кратковременное пребываніе его въ этомъ монастырѣ, число цанѣтскихъ ламъ увеличилось здѣсь десятью новыми лицами, изъявившими желаніе посвятить себя ученію высшей богословской науки; наконецъ, это преданіе гласитъ, что аймакъ цанѣтскихъ ламъ былъ окончательно утвержденъ гэгэномъ въ то время, когда число ихъ увеличилось до 50; это время для насъ уже положительно извѣстно, потому что мы находимъ о немъ письменное извѣстіе въ лѣтописи Эрдэнинь эрихъ. Подъ 1756 годомъ ея записано: «Чжэбцзѹнь-дамба лама основалъ въ Хурѣни храмъ ученія цанѣта и постановилъ настоятелемъ его Донхоръ Манчжүшири ламу». Съ этихъ поръ число цанѣтскихъ ламъ постоянно увеличивалось въ Хурѣни, но они все-таки жили въ общемъ хурѣнскомъ кругѣ и существовали такимъ образомъ нераздѣльно въ средѣ другихъ аймаковъ до тѣхъ поръ, пока Хурѣнь дѣйствительно былъ городомъ ламскимъ. Но какъ скоро началось возвышеніе Урги, какъ скоро она сдѣлалась мѣстомъ правительственнымъ и торговымъ, ученые ламы начинаютъ тяготиться жизнью въ Хурѣни и задумываютъ отдѣлиться отъ него. Свои просьбы объ этомъ они начинаютъ еще во времена третьяго гэгэна, хотя только четвертый удовлетворилъ ихъ желаніе, основавъ въ 1809 году Ганданъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ онъ теперь. Кумирень цанѣта было основано двѣ: одна большая, а другая малая. Нынѣ объ онѣ совершенно сравнены, такъ какъ и малая была увеличена при пятомъ гэгэнѣ и сдѣлана одинаковою по величинѣ и архитектурѣ съ большою. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что вскорѣ послѣ того и самимъ хурѣнскимъ ламамъ пришлось искать спасенія отъ натиска китайцевъ, и что чрезъ 37 лѣтъ послѣ того они со всѣмъ Хурѣнемъ перекочевали на долину Чингильтү. Обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе на увеличеніе и расширеніе Гандана. Къ этому времени относится построеніе здѣсь дворца Чжэбцзѹнь-дамба ламы, перестройка цанѣтской кумирни, устройство нѣсколькихъ цанѣтскихъ дугѹновъ, въ числѣ которыхъ считается чжудѣинь дугѹнь и наконецъ первое раздѣленіе Гандана на аймаки, число которыхъ возрасло здѣсь теперь до четырехъ: 1) Даші чойнпилъ, 2) Гунга-чой-линь, 3) Бадма-йюга и 4) Лам-

римъ. Два гэгэна, умершіе здѣсь въ короткій срокъ (первый въ 1842 г., а второй въ 1848 г.), доказали ламамъ невыгоды избраннаго ими мѣста, и они возвратились снова на Сэльбу, оставивъ Ганданъ опять единственно обиталищемъ ученыхъ, но въ то же время, говорятъ, опредѣлено было погребать здѣсь умершихъ ургинскихъ гэгэновъ. Обстоятельствомъ, побудившимъ ламъ прійти къ такому рѣшенію, почитаютъ якобы желаніе самихъ гэгэновъ имѣть свои усыпальницы въ этой части ургинскаго монастыря. Разказываютъ, что пятый гэгэнъ однажды въ бесѣдѣ съ ламами сказалъ имъ, что послѣ смерти онъ явится въ Ганданѣ. Когда гэгэнъ умеръ, ламы припомнили это слово и приписали желанію гэгэна быть здѣсь погребеннымъ, а засимъ у нихъ составилось и положеніе погребать здѣсь хутухтъ

Ганданъ.

ургинскихъ. Такимъ образомъ къ гробницѣ пятаго хубилгана прибавилась уже теперь вторая, — седьмаго вида Чжебцзунъ-дамба-хутухты, умершаго въ 1868 г. 19 лѣтъ отъ рожденія; но шестой гэгэнъ былъ похороненъ въ монастырѣ Дамба-дорчжй.

Внѣшній видъ Гандана почти одинаковъ съ Хурънемъ: та же широкая четырехугольная площадь, въ срединѣ которой расположены двѣ большія кумирни цанѣта подобно тому, какъ въ Хуръни кумирня Майдари и цокчинская; тотъ же внѣшній видъ дворца за желтою оградой, только онъ здѣсь гораздо менѣе обширенъ и по бокамъ его виднѣются изъ-за стѣны два новыя зданія, служащія кіосками, въ которыхъ покоятся мощи пятаго и

седьмого гэгэновъ. Въ прежнюю мою поѣздку быть въ этихъ кіоскахъ мнѣ не пришлось, потому что меня не впустили въ нихъ сначала подь предложомъ ихъ перестройки внутри, а потомъ подь предложомъ неимѣнія отъ нихъ ключей, якобы хранившихся у самого хутухты; въ этотъ же разъ я и не добивался посѣтить эти кіоски, такъ какъ понятіе о нихъ можно имѣть совершенно полное, ибо всѣ онѣ устроиваются на одинъ ладъ, а мнѣ пришлось осмотрѣть два таковыхъ кіоска въ монастырѣ Дамба-дорчжй и описаніе ихъ будетъ представлено мною, когда придется говорить объ этомъ хитѣ (скитѣ). Ламскія постройки въ Ганданѣ расположены также четырехугольникомъ, но ихъ замѣтно меньше на сторонѣ южной, гдѣ стоитъ дворецъ гэгэна. Внѣшній видъ улицъ и внутренній — дворовъ совершенно хурьинскій. По западной и сѣверной сторонамъ Гандана расположено 28 бѣлыхъ субургановъ, построенныхъ благочестивыми поклонниками будды ради очищенія отъ грѣховъ и отогнанія всякаго рода бѣдъ и напастей; именъ этихъ строителей намъ не сохранили ни преданіе, ни надписи на самыхъ субурганахъ, ни наконецъ гѣтописныя сказанія монголовъ объ Ургѣ, ея кумирняхъ и достопримѣчательностяхъ.

Третья часть Урги, какъ и Ганданъ, стоитъ совершенно отдѣльно отъ Хурѣня и расположена къ востоку отъ него на разстояніи не меньшемъ пяти верстъ, почему и представляется совершенно самостоятельнымъ городомъ. Къ этому различію ея отъ Хурѣня способствуетъ еще и то, что она содержитъ въ себѣ совершенно другое населеніе, которое живетъ другими интересами и другою жизнью. Имя этой третьей и послѣдней части города китайское «Маймачэнъ», что въ переводѣ означаетъ — торговый городъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какое назначеніе имѣетъ эта часть въ общемъ составѣ города: самое ея имя свидѣтельствуетъ объ ея спеціальности. Ургинскій «Маймачэнъ» лежитъ на той же самой продолговатой долинѣ, на которой расположены Хурѣнь и Ганданъ, только долина эта здѣсь имѣетъ другое имя — «Тблайнъ талъ», то-есть, долины рѣки Тблы, протекающей верстахъ въ четырехъ отъ города. Со внѣ Маймачэнъ представляетъ собою почти правильный четырехугольникъ; отдѣльной стѣны, окружающей его, нѣтъ, но заборы дворовъ, составляющихъ окраины во всѣхъ сторонахъ города, стоятъ такъ близко другъ къ другу и такъ соединены одинъ съ другимъ, что ихъ не трудно принять за одну общую стѣну вокругъ города. Во внутрь Маймачэна со стороны Хурѣня ведутъ три большія улицы, между собою параллельныя и снабженныя при вѣздѣ въ нихъ деревянными воротами, которыя, впрочемъ, никогда не затворяются, да и притомъ не всѣ имѣютъ двери. За этими воротами Маймачэнъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, собственно торговая и населенная

китайцами, занимает самую середину и составляет, такъ сказать, городской кремль, а вторая — монгольская — представляет собою какъ бы слободу, окружающую кремль со всѣхъ его четырехъ сторонъ. Отдѣльныхъ названій для этихъ двухъ частей города у монголовъ не существуетъ, и для болѣе точнаго опредѣленія мѣстности они употребляютъ только слова: для китайской части «доторо», а для монгольской: «гадѣ», что значитъ буквально «внутри» и «внѣ». Основаніемъ для такого различенія, безъ сомнѣнія, послужило то, что вокругъ торговой части Маймачэна есть ограда частоколомъ, и такимъ образомъ слова «внутри» и «внѣ» достаточно ясно показываютъ, гдѣ находится мѣстность. Частоколь Маймачэна, отдѣляющій внутреннюю часть отъ внѣшней, — пригорода, имѣетъ семь воротъ: трое восточныхъ, трое западныхъ и однѣ южныя. Всѣ онѣ деревянные и, по общему закону китайцевъ, запираются по закатѣ солнца, когда прекращается всякая торговля; такимъ образомъ, проникнуть ночью изъ одной части города въ другую невозможно.

Почва, на которой расположенъ Маймачэнь, ничѣмъ не отличается отъ общаго грунта Ургинской долины: вообще она глиниста и кое-гдѣ песчана, по мѣстамъ густо усыяна камнями, но большею частью покрыта невысокою травой. Весною, при таяніи снѣговъ, у Тѡлы образуются небольшія озера, которыя въ жаркое время высыхаютъ. Рѣка Тѡла, какъ выше было сказано, протекаетъ верстахъ въ четырехъ отъ Маймачэна и служитъ иногда почти единственнымъ мѣстомъ, откуда его жители могутъ получать воду. Вскрытіе Тѡлы совершается по большей части между 20-мъ — 30-мъ апрѣля, а замерзаетъ она около 25-го октября; разливы рѣки бывають въ концѣ іюля, или въ началѣ августа, при чемъ Тѡла, имѣющая лѣвый берегъ выше праваго, главнымъ образомъ выступаетъ на сторону Маймачэна; за всѣмъ тѣмъ она никогда не заливаетъ его и вообще разливъ рѣки не приноситъ никакого вреда жителямъ. Кромѣ Тѡлы, саженьхъ въ 100 отъ Маймачэна протекаетъ съ сѣвера на югъ рѣчка Улѣтай, которая беретъ начало изъ ключа горы Улѣтай, находящейся къ сѣверо-западу отъ города и впадаетъ въ Тѡлу. На пространствѣ своего теченія Улѣтай питается и еще отъ нѣсколькихъ ключей, но послѣдніе такъ незначительны, что въ концѣ мая русло Улѣтая обыкновенно уже пересыхаетъ, при чемъ дѣлается совершенно яснымъ, что ключи, образующіе эту рѣчку, несутъ свою воду едва на разстояніи 150—200 саженьей. Вотъ почему сказалъ я, что Тѡла бываетъ иногда почти единственнымъ мѣстомъ, откуда жители Маймачэна берутъ воду, теперь же прибавлю еще, что китайцы обыкновенно возятъ ее на быкахъ, лошадахъ и ослахъ, а монголы носятъ на своихъ плечахъ и, несмотря на всю трудность такой доставки, все-таки

еще не пришли къ сознанию необходимости существованія отдѣльных ремесленниковъ — водозововъ. Такимъ образомъ представляется весьма естественнымъ, что при такихъ условіяхъ почвы и орошенія ея, на всемъ протяженіи долины Урги нельзя увидѣть ни одного куста, ни одного дерева. Въ шести-семи верстахъ западнѣе отъ Маймачэна, то-есть, почти противъ Хуръня и еще нѣсколько западнѣе его, у самыхъ береговъ Тблы и на островахъ, образуемыхъ ея протоками, растутъ четыре роци, заключающія въ себѣ по 20—30 деревьевъ тальника и лиственницы, но ихъ, во-первыхъ, трудно и причислять къ Маймачэнской долинѣ по дальности разстоянія, а во-вторыхъ, и это самое главное, онѣ въ настоящее время не растутъ, а скорѣе медленно погибаютъ. Кочующіе здѣсь въ юртахъ монголы, такъ какъ имъ запрещено рубить деревья, придумали другой способъ истребленія ихъ: они надламываютъ суки и пользуются ими, когда послѣдніе засохнутъ. Такимъ образомъ погибло, вѣроятно, очень много растительности: ургинскіе ламы разказываютъ, что не далѣе какъ за 45—50 лѣтъ берега Тблы совершенно скрывались въ одной продолговатой роцѣ, тянувшейся на востокъ за Маймачэнъ, а на западъ доходившей до Сангійнъ ѳла. Только горы, окружающія Ургу, покрыты лѣсами, состоящими изъ березы, ивняка, кедра, лиственницы, ели, сосны, орѣшника, яблони, черемухи и т. п., и это даетъ жителямъ возможность имѣть по довольно дешевымъ цѣнамъ отопленіе; что же касается строевого лѣса, то его можно доставать на горѣ Улѣтай (при вершинѣ р. Улѣтай), да и то въ довольно ограниченномъ количествѣ. Съ половины августа въ лѣсахъ находятъ довольно много ягодъ: голубица, черемуха, брусника, черника, малина и земляника лѣтомъ составляютъ довольно значительный предметъ сбыта монголокъ, при чемъ онѣ обыкновенно продаютъ эти ягоды въ небольшихъ ведрахъ, примѣрно фунтовъ въ 8—10, по цѣнѣ полкирпича чаю или 32½ коп. сер. Изъ царства животныхъ въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются изюбри, рога которыхъ высоко цѣнятся китайцами, какъ медицинское средство, и потому приобрѣтаются ими по дорогой цѣнѣ (приблизительно по 100 и болѣе руб. сер.); дикія козы, кабаны и, въ огромномъ количествѣ, волки. Изъ пресмыкающихся много змѣй разныхъ породъ, но особенно гадюкъ (харъ-цѣхоръ-могай). Монголы охотятся на всѣхъ исчисленныхъ животныхъ съ кремневыми ружьями, а иногда употребляютъ такіе же пистолеты.

Я сказалъ уже, что одну изъ частей Маймачэна населяютъ исключительно китайцы, а въ другой живутъ монголы, хотя и не исключительно, потому что въ послѣднее десятилѣтіе здѣсь уже не мало понастроилось китайскихъ домовъ и лавокъ, такъ что теперь въ Маймачэнскомъ пригородѣ монголы живутъ смѣшанно съ китайцами. Общее населеніе Майма-

чѣна полагають до 5,000 душъ обоего пола, изъ коихъ около 1,800 душъ китайцевъ, а остальные монголы.

Улицы Маймачѣна въ большинствѣ нельзя назвать узкими; главныя изъ нихъ какъ въ китайской, такъ и въ монгольской части города, можно считать даже довольно широкими, но зато почти всѣ онѣ кривы и неправильны: одна изгибается въ полудугу, другая, широкая посрединѣ, суживается по краямъ, третья, начавшись широко на одномъ концѣ, суживается на другомъ на столько, что едва даетъ возможность разѣхаться двумъ телегамъ. При всемъ томъ въ Маймачѣнѣ нѣтъ ни одного такого узкаго переулка, въ которомъ нельзя бы было проѣхать, какъ это нерѣдко встрѣчается въ Хуръни, или Ганданѣ. Улицы въ Маймачѣнѣ не мощеныя,

Улица въ Маймачѣнѣ.

и оттого во время дождей, или въ періодъ таянія снѣга онѣ весьма грязны а лѣтомъ душатъ пылью несмотря на то, что китайцы весьма часто поливають ихъ то помоями, то влажными остатками отъ вчерашней кухни, то наконецъ, своими собственными испражненіями, или даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ привозною водою. Съ цѣлью поливки улицъ, по китайской части города проведены небольшія канавы отъ р. Улятай, но большую часть лѣта они бываютъ сухи, какъ и сама рѣка Улятай, и наполняются водою только тогда, когда сами улицы не требуютъ поливки. Черезъ эти канавы, идущія по обѣимъ сторонамъ улицъ, противъ каждаго дома устроены мостки; то же самое и на переулкахъ, гдѣ канавы пересѣ-

каютъ улицы. За канавами вплоть до заборовъ дворовъ также по обѣимъ сторонамъ улицъ идутъ невысокіе глиняные тротуары шириною въ 3—4 аршина, отгороженные по главнымъ улицамъ отъ проѣзжей дороги столбиками, а въ двухъ переулкахъ обсаженные рѣдкими и тощими деревьями тальника.

Жилыхъ зданій, выходящихъ лицомъ на улицу, въ китайской части Маймачэна, какъ и въ Хуръни, нѣтъ и оттого всѣ улицы города, за исключеніемъ нѣсколькихъ открытыхъ лавокъ, представляются снаружи состоящими изъ заборовъ и воротъ; калитокъ у воротъ китайцы не устрояютъ,—вѣроятно потому, что, имѣя въ теченіе цѣлаго дня открытыми большія ворота, они не имѣютъ въ нихъ нужды.

Китайская часть Маймачэна состоитъ исключительно изъ лавокъ, и богатія изъ нихъ имѣютъ такую внѣшнюю форму: наружный заборъ ихъ на улицу, устроиваемый, какъ и въ Хуръни, изъ утвержденныхъ стоймя бревень лиственницы, обыкновенно обмазывается глиною, такъ что весь Маймачэнь представляется снаружи глинянымъ. Во дворъ, въ самую середину его, ведутъ широкія ворота, веревки которыхъ составляютъ иногда сложенные изъ кирпича и украшенные пилястрами столбы, а чаще просто деревянные брусья, приставленные прямо къ глиняной оградѣ. Ворота устроятся всегда съ навѣсомъ, крыша и карнизъ котораго обыкновенно раскрашиваются самыми яркими красками — красною, зеленою, синею и пр. Соединеніе этихъ цвѣтовъ дѣлаетъ навѣсъ надъ воротами чрезвычайно пестрымъ, но издали оцъ кажется довольно красивымъ, особливо, если сверху украшенъ рѣзными или живописными золотыми изображеніями извивающихся змѣй, драконовъ или другими какими-либо картинами. На самыхъ воротахъ въ каждомъ домѣ непременно наклеивается нѣсколько іероглифическихъ надписей, смѣняемыхъ ежегодно въ день новаго года и заключающихъ въ себѣ какія-либо изреченія благожеланій, выбранныя изъ классическихъ книгъ. У болѣе богатыхъ ворота, какъ и навѣсъ надъ ними, бываютъ крашенныя, и кромѣ наклеенныхъ надписей, украшаются еще изображеніями китайцевъ въ ихъ древнихъ костюмахъ, то-есть, въ точно такой формѣ, въ какой мы видимъ ихъ нарисованными на чайныхъ цибикахъ, или на китайскихъ вазахъ. Китайцы обыкновенно имѣютъ большія дворовыя мѣста, хотя этого и не видно съ перваго раза, и отъ воротъ во внутрь дворы ихъ иногда бываютъ такъ малы, что въ нихъ съ трудомъ поворачивается телѣга. Причиною этого представляется съ одной стороны то, что дворъ бываетъ загроможденъ различными принадлежностями лавки и дома, а съ другой — самое расположеніе построекъ. Почти у самыхъ воротъ, по большей части во всю ширину двора, тянется зданіе

или самой лавки, или ея складочныхъ магазиновъ. За этимъ главнымъ зданіемъ, видимымъ съ улицы, обыкновенно слѣдуетъ гораздо еще большая половина двора, въ которой помѣщаются кухни, службы, складочные амбары, и пр. Такимъ образомъ, вступивъ въ ворота китайской лавки, всегда видишь небольшой дворикъ, обстроенный съ трехъ сторонъ продолговатыми одноэтажными зданіями съ довольно узкими галлерейми, иногда открытыми, а иногда поддерживаемыми съ боковъ колоннами, покрытыми сверху навѣсомъ общей крыши зданія. Оконечности крыши, образующія навѣсъ галлерей, украшаются также рѣзьбой и рисунками на подобіе того, какъ это устроивается надъ воротами. Въ лѣтнее время во многихъ лавкахъ на галлерейхъ устанавливають цвѣты и растенія, насаженныя въ

Китайская лавка въ Маймачѣнѣ.

банкахъ и ящикахъ, а иногда такіе же цвѣты устанавливаются на особыхъ поставцахъ и лѣсенкахъ посреди двора; все это придаетъ двору очень пріятный видъ, особливо послѣ однообразной и пустынной монгольской степи; зимою вмѣсто цвѣтовъ устанавливають елки и другія хвойныя деревья, и такимъ образомъ китайская лавка является нѣкоторымъ образомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ садомъ. Отъ воротъ до лавки дворъ у болѣе состоятельныхъ фирмъ почти всегда бываетъ выстланъ деревянными досками и представляетъ собою довольно чистый полъ, а у небогатыхъ купцовъ къ лавкѣ ведетъ вымощенная досками дорожка, по которой и ходишь до дверей лавки. Двери эти почти никогда не бываютъ створча-

тыя, а прикрываются или завѣсою изъ обшитаго синимъ холстомъ войлока, или же имѣютъ одностворчатую дверь, въ нижней филенкѣ на глухо забитую деревомъ, а въ верхней открытую. Въ эту верхнюю филенку двери вставляются рамы, заклеенныя бумагою, для большаго свѣта въ лавкѣ. Окна въ лавкѣ всегда располагаются съ одной стороны, выходящей на передній планъ; рамы ихъ состоятъ изъ палочекъ нѣсколько тоньше тѣхъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ оконныхъ рамахъ, и расположенныхъ въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ: кругами, треугольниками, квадратами, осьмиугольниками и пр. Палочки украшаются рѣзбой и раскрашиваются снаружи, а внутри заклеиваются бумагою, замѣняющею стекла. Такъ какъ бумага пропускаетъ сквозь себя очень мало свѣта, то китайцы принуждены бывають устроить окна почти во всю стѣну, такъ что стѣны ихъ зданій, выходящія на дворъ, можно сказать, строятся съ этой стороны только на половину, а верхняя половина ихъ составляетъ окна; что касается крыши зданія, то она съ этой стороны держится на углахъ боковыхъ стѣнъ и на небольшомъ простѣнкѣ въ самой срединѣ зданія, то-есть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорублена дверь въ лавку. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ лавкахъ вставлены между бумагою и стекломъ, и при этомъ въ такомъ количествѣ, что еслибы всѣ эти стекла были соединены въ два окна средней величины, то, кажется, служили бы совершенно достаточнымъ освѣщеніемъ для лавки; но китайцы такъ привыкли къ своимъ громаднымъ, заклееннымъ бумагою окнамъ, что до сихъ поръ не думаютъ о возможности имѣть и большее освѣщеніе и въ то же время, оставляя открытымъ меньшее пространство, избѣжать излишней стужи зимою. Можно предполагать, что при своихъ подчасъ черезчуръ уже неумѣстныхъ наклонностяхъ къ изящному, китайцы не знаютъ истиннаго свѣта, проходящаго чрезъ стекло, потому что никогда не пользуются имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если богатый китаецъ вставляетъ стекло въ раму своего окна, онъ почти никогда не оставитъ его чистымъ, а непременно или налѣпитъ на него какую-нибудь картинку, или изукраситъ живописными изображеніями цвѣтовъ, животныхъ, сценъ изъ своего древняго народнаго быта и проч. Въ лавкахъ обыкновенно очень не много товаровъ, такъ какъ здѣшніе китайцы имѣютъ обычай хранить товары въ кладовыхъ и амбарахъ, въ лавкахъ же содержатъ только на показъ имѣющіеся у нихъ сорта матерій и прочихъ произведеній мануфактуры, по одному и много по два куска; кромѣ того, здѣсь у нихъ выставлены мелкія вещи и галантерейные товары, игрушки, мелкія принадлежности туалетовъ, колониальные товары: конфекты, сахаръ, табакъ и проч. Все это стоитъ на полкахъ открытымъ, и развѣ только самыя дорогія вещи располагаются въ поставцахъ и шкафахъ за стекломъ.

Товарами занимаютъ обыкновенно двѣ стѣны, а на третьей иногда развѣшиваютъ продающееся готовое платье, если лавка торгуетъ и этимъ товаромъ, въ большинствѣ же случаевъ третья стѣна остается свободною и назначается мѣстомъ для приѣма покупателей, остающихся подолгу въ лавкѣ. Съ этою цѣлью устраивается здѣсь канъ, или невысокая, но широкая лежанка, подогреваемая печью снизу. На канѣ, кромѣ покрывающихъ его войлоковъ и двухъ-трехъ олоковъ (тонкая подушка, дѣлаемая обыкновенно четырехугольнымъ квадратомъ изъ двухъ или трехъ простеганныхъ войлоковъ и обшитая какою-либо матеріею) передъ столомъ, вышиной въ полъ-аршина, ничего не имѣется; передъ столомъ же всегда стоитъ жаровня съ теплящимися углями, зимою для обогрѣванія, а лѣтомъ для раскуриванія трубокъ. Здѣсь, впрочемъ, китайцы принимаютъ только покупателей второго разряда; богатые пользуются бѣльшимъ почетомъ и приглашаются во второе, дальнѣйшее отдѣленіе лавки. Здѣсь тотъ же канъ, два-три табурета, на столахъ разставлены вѣсы, разложены торговыя книги и счеты; иногда, съ тѣми же принадлежностями всякой торговой конторы, стоитъ и нѣсколько шкафовъ. Товаровъ въ этой комнатѣ не бываетъ, и вмѣсто нихъ стѣны украшаются зеркалами, картинами, или продолговатыми листами, на которыхъ размашисто и красиво написаны изреченія изъ классическихъ книгъ. Таковою обыкновенно представляется богатая китайская лавка въ Хуръни и Маймачэнѣ. Всѣ онѣ устроиваются на одинъ манеръ и единственную разницу можно находить развѣ въ томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не выставляютъ на показъ товаровъ и имѣютъ у себя открытыми только конторы; въ такихъ лавкахъ все требуемое покупателями приносится изъ складочныхъ магазиновъ.

Лавки втораго разряда не столько отличаются отъ богатыхъ торговыхъ домовъ своими товарами, такъ какъ въ нихъ можно находить почти то же самое, сколько самымъ своимъ устройствомъ. Почти всѣ эти лавки не имѣютъ своихъ торговыхъ конторъ, какъ отдѣльныхъ помѣщеній, и оставляютъ очень не большіе склады. Такой порядокъ и устройство ихъ въ свою очередь обусловливается тѣмъ, что онѣ сами привозятъ изъ Китая, а равно и получаютъ на свое имя изъ-за Великой Стѣны весьма незначительное количество товаровъ, и при нуждѣ, берутъ ихъ изъ пекинскихъ лавокъ, торгующихъ тутъ же, въ Ургѣ. Лавки этого разряда принадлежатъ по большей части лаосирамъ, т. е. выходцамъ изъ западнаго Китая. Онѣ строятся лицомъ на улицу и вмѣсто дверей имѣютъ широкия пробойны, закладываемыя, когда лавка запирается, досками, въ количествѣ отъ 10-ти до 13-ти. Шагахъ въ двухъ отъ входа въ лавку располагается полкъ (прилавокъ), за которымъ на полкахъ разложены товары; мелоч-

ныя вещи, каковы: тесьма, веревки, узды, украшенія сѣделъ и упряжи привѣшиваются къ потолку и т. д. Изъ лавки устроивается входъ въ комнату хозяина, здѣсь же помѣщается и его контора. Покупатели и посторонніе сюда почти никогда не заходятъ, какъ потому что это не пріемная, общественная комната, а нѣкоторымъ образомъ хозяйское жилое помѣщеніе, такъ и потому, что покупатели приходятъ сюда для покупокъ розничныхъ, а не оптовыхъ, и слѣдовательно рѣдко остаются въ лавкѣ долгое время: по большей части они оканчиваютъ дѣло у полка, то-есть, пройдя два шага отъ наружной двери.

Третій еще болѣе низшій разрядъ лавокъ похожъ по своему внѣшнему устройству на лавки второго разряда и разнится отъ нихъ преимущественно своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Какъ и во всякихъ другихъ мѣстахъ, въ этихъ мелочныхъ лавкахъ товары продаются самые общедоступные и количество ихъ въ лавкѣ разнообразится также безконечно, какъ безконечно разнятся самыя личности торговцевъ, ихъ капиталы, довѣріе къ нимъ кредиторовъ, условія пріобрѣтенія товаровъ и потребные предметы сбыта. За внутреннею оградой Маймачэна, или собственно въ китайской части его, помѣщаются главнымъ образомъ лавки перваго разряда; второй и третій разряды наполняютъ монгольскую часть города, но и здѣсь лавки не смѣшиваются съ монгольскими жилищами, а группируются отдѣльно отъ нихъ, располагаясь вокругъ частокола китайскаго города. Такимъ образомъ, вышедъ за ворота китайской части Маймачэна и вступивъ въ монгольскую часть его, снова встрѣчаешь китайскія лавки, только расположенныя открыто. Онѣ дышатъ здѣсь большею жизнью, да и народу въ этихъ мѣстахъ всегда бываетъ больше, нежели въ китайской части.

Кромѣ лавокъ, здѣсь существуютъ и разносчики; на лоткахъ разложено продаваемое по вѣсу мясо, по частоколу развѣшаны гуси, утки, иногда зайцы, — избытокъ отъ охоты монголовъ, который привозятъ они для продажи въ городъ; монголки продаютъ здѣсь ягоды, масло и другіе предметы своего труда и хозяйства, а иныя сидятъ за продажей различныхъ поясковъ, нагрудниковъ, дѣтскихъ игрушекъ, шапокъ и проч. Должно замѣтить, впрочемъ, что особенная оживленность торговли и дѣятельности сосредоточивается, главнымъ образомъ, на западной части китайскаго Маймачэна, и притомъ только у среднихъ воротъ его частокола: въ другихъ мѣстахъ торговля идетъ та же самая, только гораздо тише. Мѣсто у среднихъ западныхъ воротъ можно было бы, пожалуй, назвать базаромъ, только здѣсь нѣтъ ни площади, ни другихъ принадлежностей базаровъ, хотя, правда, пространство, на которомъ здѣсь собираются торговцы, и

представляется нѣсколько шире одной улицы, потому что оно представляет соединеніе нѣсколькихъ улицъ у воротъ частокола Маймачэна.

Кромѣ лавокъ, въ китайской части Маймачэна имѣется еще двѣ гостинницы для прїѣзжающихъ (дянь), въ которыхъ останавливаются главнымъ образомъ китайцы, прїѣзжающіе въ Ургу на время, или бывающіе въ ней проѣздомъ. Проѣзжающій можетъ занять одну, двѣ, три, четыре комнаты, но всѣ онѣ никогда не могутъ составлять одной квартиры и будутъ совершенно отдѣльными, съ отдѣльными ходами, ибо таково уже устройство китайскихъ зданій этого назначенія. Комната имѣетъ мѣру цзяня и ровно на половину занимается каномъ, устланномъ войлоками и олбками; кромѣ того, въ ней стоятъ два-три стола и стула, на стѣнахъ развѣшаны картины, или рукописи, вотъ и все убранство комнатъ, однообразныхъ какъ двѣ капли воды. Каждая, гостинница въ Ургинскомъ Маймачэнѣ имѣетъ 30 цзяней, и слѣдовательно 30 номеровъ. Остановившіеся необходимо имѣютъ здѣсь и обѣдъ, и занявшій одинъ цзянь со столомъ платитъ одинъ кирпичъ чаю въ сутки (отъ 60—65 коп. сер. на наши деньги). Извозчиковъ въ Маймачэнѣ нѣтъ, а равно не содержатъ ихъ и гостинницы; но частнымъ образомъ можно всегда достать для проѣзда и верховую лошадь, и китайскую телѣгу, нужно лишь заранѣе попросить объ этомъ хозяина гостинницы. Кабаковъ въ Маймачэнѣ нѣтъ, а есть то, что у насъ называютъ «бѣлой харчевней», т. е. мѣсто, гдѣ продается водка распивочно, и гдѣ въ то же время всегда можно достать нѣчто въ родѣ обѣда, пить чай и проч. Харчевни эти обыкновенно располагаются при небольшихъ лавочкахъ, въ которыхъ продаются самые мелкіе товары, табакъ, нѣчто въ родѣ хлѣба, пряниковъ и тому подобное. Черезъ лавку переходите въ помѣщеніе харчевни, состоящее изъ двухъ или трехъ комнатъ, по устройству подобныхъ комнатамъ въ гостинницахъ, и спрашиваете себѣ, что нужно. Цѣны существуютъ весьма умѣренныя, такъ: одинъ китайскій фунтъ жареной баранины стоитъ 16 к., пять яицъ 16 коп., двадцать пельменей 30 коп., тарелка супу изъ баранины 16 коп.; изъ спиртныхъ напитковъ продается дарасунъ, бутылка — 18 к., а $\frac{1}{2}$ бут. 10 коп.; ханьшинъ, бут. 60 коп., а $\frac{1}{2}$ бут. 36 коп. Китайцы рѣдко посѣщаютъ эти заведенія, но за то монголы оставляютъ въ нихъ много денегъ, особливо когда разгоряченные виномъ они увлекаются всегда имѣющимися здѣсь красавицами. Такихъ харчевень въ Маймачэнѣ считается до пятидесяти семи, и почти всѣ онѣ расположены во второй части города — монгольской.

Здѣсь же, въ южной и особливо въ юго-восточной части Маймачэна сосредоточиваются ургинскіе лѣсные склады. Надлежитъ замѣтить, что торговля лѣсомъ представляетъ собою одну изъ довольно значительныхъ отра-

слей китайской промышленности въ Ургѣ, и въ ургинскомъ Маймачэнѣ вмѣстѣ съ Хурѣнемъ имѣется всего до 100 конторъ, занимающихся этою торговлею. Изъ числа ихъ 28 конторъ принадлежитъ калганскимъ торговцамъ, 36 хуху хотоскимъ, одна контора изъ Бирѹ-хотд, а остальные изъ Шань-си, или точнѣе Тянь-чжэна и Си-чэна. Собственно въ Маймачэнѣ конторъ, ведущихъ вывозную торговлю лѣсомъ, считается свыше 30, большими же изъ нихъ, въ числѣ шести, почитаются тѣ, которыя сбываютъ лѣса ежегодно на сумму отъ 300 до 600 мѣстъ кирпичнаго чая, или, на сумму отъ 5,500 до 10,000 и даже 11,000 руб. сер.; остальные торгуютъ меньше и наконецъ до десятка складовъ имѣютъ годовой оборотъ не свыше 50—60 мѣстъ, т. е. на сумму 800—1000 сер. руб. Общая годовая сумма отпуска лѣса изъ Урги простирается до 100 тыс. руб. или немногимъ болѣе.

Лѣсъ заготавливается въ окрестностяхъ Урги и главнымъ образомъ къ сѣверу отъ нея, на пространствѣ верстъ 80; особенно важными въ этомъ отношеніи являются мѣстности: Бургултай (60 верстъ отъ Урги), Куй-мандагъ (30 верстъ) Гуни-гурбу-уртѣ (80 верстъ), Хандагай (60 верстъ) и нѣкоторыя другія урочища въ хошѹнахъ Пунъ-бэйсэ, Мандорва-гуна, и особливо Лубсанъ-дондоба, Дѣ-цинъ-вана и Цзянь-цзюнь-вана. Богатыя лѣсныя фирмы входятъ для сего въ сношенія съ хошѹнами и арендуютъ въ хошѹнныхъ управленіяхъ принадлежащія имъ и растущіе по горамъ отдѣльные лѣсные участки, на срубъ; засимъ онѣ посылаютъ туда своихъ работниковъ китайцевъ же, въ помощь имъ нанимаютъ еще монголовъ, которые совокупными силами и изготовляютъ дерево на продажу. За работу по порубкѣ лѣса монгольскіе работники берутъ въ этихъ случаяхъ съ китайскихъ лавокъ, смотря по длинѣ и толщинѣ лѣса, отъ 10 до 20 шарацаевъ ¹⁾ съ бревна. Менѣе состоятельныя фирмы приобрѣтаютъ лѣсъ небольшими партіями отъ монголовъ, которые давно уже научились отъ китайцевъ заготавливать брусъ въ потребной для нихъ формѣ и по принятой у нихъ мѣрѣ. Брусъ эти всегда бываютъ одинаковой длины и ширины, а именно, длиною въ 7 китайскихъ чи ²⁾, шириною въ одинъ чи, толщина же бруса бываетъ различна и считается по такъ называемымъ клеймамъ. Каждое клеймо содержитъ въ себѣ, при объясненной выше длинѣ и ширинѣ, 2 китайскихъ цуня ³⁾. Въ брусѣ бываетъ отъ 5 до 9 клеймъ.

Продажа и отправка лѣса изъ Урги совершается почти въ теченіе всего года и до нѣкоторой степени только сокращается весною. Главнѣй-

1) Шарацай — номинальная денежная единица = $\frac{1}{30}$ большого кирпича чая и оцѣниваемая русскими въ 2 коп.

2) Китайскій «чи» = 14,1 русск. дюйма.

3) Китайскій цунь = 1,41 русск. дюйма.

шій вывозъ направляется въ Хухү-хотò, Кáлганъ и отчасти въ Долòнъ-нүррь; перевозка совершается лѣтомъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками, а зимою во вьюкахъ, на верблюдахъ. Специальные караваны съ лѣсомъ изъ Урги, впрочемъ, снаряжаются очень рѣдко: его поднимаютъ и увозятъ отсюда обратные ящики, привозящіе мануфактурные товары изъ Хухү-хотò, чай изъ Кáлгана и муку изъ Долòнъ-нүра. Конечно, первую заботою этихъ ящиковъ бываетъ увести болѣе удобную кладь, напริมѣръ: кожи, шерсть, волосъ и другое сырье; не находя же этихъ продуктовъ, они, чтобы не гнать верблюдовъ, или телѣгъ обратно пустыми, берутъ и лѣсъ. Есть однако хухү-хотò'скіе и фынъ-чжэн'скіе извозчики, которые еще у себя, на родинѣ, принимая подрядъ на доставку въ Ургу мануфактуры, въ то же время заключаютъ и условіе привезти обратно въ Хухү-хотò лѣсъ. Количество такихъ извозчиковъ всегда имѣетъ рѣшающее значеніе для установки цѣны на доставку лѣса изъ Урги къ югу. Отправляется изъ Урги лѣсныхъ товаровъ ежегодно: въ Хухү-хотò отъ 1000 до 1600 телѣгъ и до 2000 верблюдовъ; считая среднимъ числомъ на каждого верблюда и телѣгу по 28 клеймъ, отъ 80,000 до 100,000 клеймъ; въ Кáлганъ отъ 1000 до 1500 телѣгъ и отъ 2000 до 3500 верблюдовъ, т. е. отъ 90,000 до 140,000 клеймъ; въ Долòнъ-нүррь считаютъ вывозимымъ всего 15,000—20,000 клеймъ. Провозная цѣна для лѣса отъ Урги до Хухү-хотò, по словамъ китайцевъ, въ разные годы колеблется въ размѣрѣ отъ 1 лана, до 1 лана 2 цинь серебра за каждую телѣгу, или верблюда; до Кáлгана — отъ 1 лана 3 цинь, до 1 лана 8 цинь за такія же подводы, что же касается Долòнъ-нүра, то, несмотря на то, что онъ отстоитъ отъ Урги на болѣе близкомъ пространствѣ чѣмъ Кáлганъ, цѣна на провозъ въ него бываетъ одинакова съ кáлганскою. Обусловливается эта кажущаяся ненормальность тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Долòнъ-нүррь всегда бываетъ мало обратныхъ извозчиковъ, хотя нельзя не отмѣтить, что за послѣднее время число ихъ изъ года въ годъ все больше и больше возрастаетъ, въ силу увеличившейся доставки въ Ургу изъ Долòнъ-нүра и Бирү-хотò хлѣбныхъ продуктовъ.

Опредѣлить стоимость лѣса для самихъ ургинскихъ торговцевъ, особливо богатыхъ, арендующихъ лѣса у монголовъ на срубъ, — довольно трудно; плата опредѣляется монголами, смотря по размѣру участка, отъ 5 до 15 мѣсть чая въ годъ, при чемъ участокъ измѣряется лишь приблизительно; расчетъ производится по большей части также чаемъ, но бываютъ случаи, что китайцы уплачиваютъ и серебромъ, и товарами; менѣе состоятельные фирмы пріобрѣтаютъ лѣсъ отъ монголовъ, по расчету, отъ 12 до 14 шарацаевъ, т. е. отъ 24 до 28 коп., за клеймо. Послѣдній расчетъ, ко-

нечно, нельзя признать вполне правильнымъ, съ одной стороны потому, что китайцы оплачиваютъ бѣднякамъ монголамъ стоимость лѣса всегда товаромъ по разцѣнкѣ онаго для продажи; а съ другой, и еще болѣе потому, что заключая съ монголами условіе на доставку лѣса, китайцы обыкновенно задаютъ имъ товары впередъ, при чемъ, пользуясь нуждой кочевниковъ, искусственно повышаютъ цѣну своего товара и понижаютъ стоимость лѣса. Продавался въ 1892 г. въ Ургѣ лѣсъ на вывозъ съ китайскихъ складовъ по цѣнѣ 18 шарацѣвъ, т. е. около 36 нашихъ копѣекъ, за клеймо.

Большая часть средних и мало-состоятельныхъ фирмъ, торгующихъ лѣсомъ въ Маймачэнѣ, и рѣшительно всѣ лѣсовщики, ведущіе свое дѣло въ Хурѣни, помимо продажи лѣса брусьями, занимаются еще и разными деревянными подѣлками, каковы: телѣги, посуда, домашняя мебель, утварь и пр. Сбываютъ они все это преимущественно мѣстнымъ ургинскимъ, а также и степнымъ монголамъ, при чемъ уже ни одна изъ фирмъ не продаетъ въ городѣ разнаго рода деревянныхъ подѣлокъ на сумму менѣе 40 мѣстъ чая.

Лавки, производящія въ Ургѣ лѣсную торговлю, обжиганіемъ угля не занимаются; это дѣло сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ самихъ монголовъ, хотя въ Маймачэнѣ и есть двѣ — три артели китайцевъ, промышляющихъ изготовленіемъ и продажей угля, съ каковою цѣлью они снимаютъ лѣсные участки въ тѣхъ же хошѹнахъ.

Жилища монголовъ отличаются отъ китайскихъ еще съ улицы. Заборы ихъ не обмазаны глиною и представляютъ собою частоколъ изъ бревенъ листовенницы; ворота, не имѣющія навѣса, какъ это всегда дѣлается у китайцевъ, у всѣхъ однообразно окрашены въ красную краску и, въ совершенную противоположность китайскимъ, никогда не бываютъ отворены. На телѣгахъ монголы никогда не ѣздятъ, а потому, собственно говоря, и не имѣютъ нужды въ воротахъ; они сами проходятъ, прогоняютъ свой скотъ и проводятъ своихъ верховыхъ лошадей черезъ широкія калитки, которыхъ не дѣлаютъ въ своихъ домахъ китайцы. За оградой у монголовъ всегда большой дворъ, но службъ на немъ они строятъ очень мало и большею частію всѣ надворныя постройки ограничиваются устройствомъ однихъ навѣсовъ у забора, подъ которыми стоятъ телѣги, если хозяинъ дома промышляетъ извозомъ, — нѣтъ, такъ здѣсь располагаются ящики, кадки и пр. Посреди двора стоятъ одна или двѣ юрты, точно такія же, какъ мы видѣли у хурѣнскихъ ламъ; въ нихъ проводятъ монголы зимнее время. За юртами выстроены байшинъ, въ которомъ живутъ лѣтомъ. У богатыхъ монголовъ бываетъ по два и по три байшина, но описывать ихъ нѣтъ нужды, потому что всѣ они построены на одинъ манеръ, какъ у китайцевъ, такъ и у монголовъ.

Переходя теперь къ общему описанію построекъ домовъ, я долженъ прежде всего сказать, что въ хурънскомъ Маймачѣнѣ дома деревянные. Постройки китайцевъ кажутся глиняными и снаружи можно ихъ принять за выстроенные изъ употребляемаго китайцами на устройство своихъ жилищъ не обожженнаго кирпича; но я говорилъ уже, что онѣ обмазываются только глиною поверхъ дерева, какъ въ предохраненіе послѣдняго отъ скорого гніенія, такъ и для большаго сохраненія тепла внутри зданія. Строевой лѣсъ для зданій рубится въ улятайскомъ лѣсу (при вершинѣ р. Улятай); но однако въ послѣднее время его тамъ стало очень мало, такъ что лѣсъ привозятъ изъ различныхъ мѣстностей къ сѣверо-западу отъ Урги. Для построекъ по преимуществу употребляется лиственница; изъ ея же бревенъ дѣлаются и крыши домовъ, а равно заборы и всякаго рода надворныя постройки. Монголы не обмазываютъ заборовъ глиною, но за то, какъ и китайцы, сполна штукатурятъ свои бѣйшины, не исключая и крыши. Благодаря глинистой почвѣ, на которой стоитъ Урга вообще, матеріала этого весьма достаточно въ Маймачѣнѣ: глина находится вездѣ и у самаго Маймачѣна можно встрѣтить ея копи; однако, лучшею почитается глина, добываемая изъ горъ Чингильтү, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ Маймачѣна. Изъ нея въ Ургѣ выдѣлываются горшки, кирпичи и черепица. Гончарное ремесло принадлежитъ однимъ китайцамъ, а монголы не принимаютъ рѣшительно никакого участія въ работахъ подобнаго рода. Кирпичи выдѣлываютъ въ четырехугольныхъ деревянныхъ формахъ на подобіе нашихъ, и обожженный онъ вѣситъ отъ 7 до 9 фунтовъ. Цѣна обожженнаго кирпича отъ 60 до 65 коп. за 25 штукъ; не обожженныхъ за ту же цѣну даютъ 200. Кирпичъ какъ обожженный, такъ и не обожженный, при построекѣ домовъ употребляется только на устройство печей, одинаково какъ монголами, такъ и китайцами, хотя первые пользуются главнымъ образомъ сырцемъ, а вторые предпочитаютъ обожженный. Для крыши нѣкоторые китайцы употребляютъ черепицу, но въ большинствѣ они устраиваютъ ихъ также изъ лиственничныхъ бревенъ. Вообще, постройка дома въ Ургѣ стоитъ не особенно дорого и главнѣйшее затрудненіе встрѣчается здѣсь въ недостаткѣ мастеровыхъ рукъ. Всѣхъ плотниковъ въ Ургѣ считается не болѣе тридцати чедовѣкъ. Большинство изъ нихъ китайцы, но нанимаютъ ихъ съ неохотою, потому что болѣе прочною считается работа монгольскихъ плотниковъ. Всѣ дома строятся по подряду и среднюю цѣну бѣйшина въ три цзяня (обыкновенная величина монгольскаго дома), можно положить отъ 10 до 12 мѣстъ чаю, что составитъ на наши деньги отъ 225 до 300 р. Само собою разумѣется, что не каждый монголъ строитъ свой домъ и большинство маймачѣнскихъ монголовъ живутъ на наемныхъ

квартирахъ. Въ наемъ отдаются юрты, и за одну изъ нихъ, безъ отопленія и освѣщенія, среднюю платою, можно положить отъ 2 до 3 р. сер. въ мѣсяцъ. Какъ монголы, такъ и монголки, нанимають обыкновенно юрты обществами въ два—три человѣка и такимъ образомъ плата за квартиру доходитъ у нихъ до цѣны нѣсколькихъ копѣекъ въ мѣсяцъ.

Содержаніе монголовъ въ Маймачѣнѣ, только благодаря крайней неприхотливости ихъ вкуса, обходится имъ не особенно дорого. Мука, мясо и чай — вотъ три продукта, которые представляютъ насущную потребность маймачѣнскихъ монголовъ, и продукты эти они получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: кирпичъ чаю въ 2½ кит. фунта (цзузѣнъ) отъ 60 до 65 коп.; крупчатка второго сорта, привозимая съ Селенги, изъ Калгана, Долбѣн-нѹра, или изъ Бирѹ-хотѹ, 9—11 коп. за китайскій фунтъ. Ржаного хлѣба и муки въ Монголіи вообще не употребляютъ, а первый сортъ крупчатки привозится въ довольно незначительномъ количествѣ и китайскій фунтъ ея стоитъ 12—13 коп.; мясо скотское, продаваемое здѣсь вмѣстѣ съ костями, отъ 4 до 6 коп. за китайскій фунтъ. Китайцы, какъ болѣе привыкшіе къ изысканному столу, употребляютъ, въ видѣ приправы къ кушаньямъ, разнаго рода зелень, почему въ самомъ Маймачѣнѣ, на окраинахъ города, нѣкоторые изъ китайцевъ разводятъ небольшіе огороды, плоды которыхъ продають здѣсь же, въ Маймачѣнѣ. Такимъ образомъ здѣсь получаютъ тыкву въ продажѣ — за штуку по полкирпича чая, или отъ 30—32 коп.; морковь, петрушку и редиску продають на вѣсъ и даютъ на одинъ кирпичъ чаю до 25—27 китайскихъ фунтовъ; капусту китайскую продають на кирпичъ чаю до 30 гиновъ; картофель на вѣсъ продается рѣдко, а обыкновенную мѣру, которою пріобрѣтается онъ монголами въ мелочной продажѣ, составляетъ маховая сажень положенныхъ въ рядъ плодовъ картофеля; это стоитъ 10 шара-цѣвѣ, или на наши деньги около 20 коп. Кромѣ того, разводятъ и продають лукъ, чеснокъ и огурцы китайской породы, но послѣдніе въ самомъ незначительномъ количествѣ. Дома отапливаются, главнымъ образомъ, дровами лиственничными, сосновыми, а иногда и березовыми, но монголы предпочитаютъ дровамъ аргалъ и истребляютъ его въ зиму въ количествѣ отъ 70 до 80 телѣгъ на каждую юрту.

Занятіемъ китайцевъ служить почти исключительно торговля, и только самая незначительная часть ихъ промышленяетъ какимъ-либо ремесломъ¹⁾.

1) Подтверженіе сказаннаго доказывается отношеніемъ торговыхъ мѣстъ къ общему числу домовъ въ городѣ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ прошлую поѣздку, но остающіеся относительно вѣрныхъ и теперь, на 374 двора, изъ которыхъ состоитъ Маймачѣнъ, приходится 124 лавки, 57 харчевенъ и 2 гостиницы, всего 183 торговыхъ мѣста, — иначе сказать: дворовъ, въ которыхъ не производится торговли, въ Маймачѣнѣ 191. Большинство изъ нихъ принадлежитъ монголамъ.

Товары въ китайскихъ лавкахъ можно находить какъ китайскіе, такъ и русскіе; послѣдніе приобрѣтаются китайцами въ Кяхтѣ и на ярмаркахъ Верхнеудинской, Ирбитской и даже Нижегородской, а первые привозятъ изъ Пекина, Хухѹ-хотò и Калгана. Этимъ же путемъ въ изобиліи доставляются въ Ургу европейскіе товары, или собственно произведенія английской мануфактуры.

Что касается монголовъ, то они, живя въ Маймачэнѣ, по преимуществу занимаются перевозкою товаровъ: чай и кожи они доставляютъ въ Кяхту, верблюжью и овечью шерсть и русскіе товары — въ Калгань. Занимаются они какъ у маймачэнскихъ китайцевъ, такъ и проживающихъ въ Ургѣ русскихъ торговцевъ. Хозяйства въ Маймачэнѣ монголы не имѣютъ, а оставляютъ весь свой скотъ на своихъ степныхъ пастбищахъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ маймачэнскихъ монголовъ считаютъ свой скотъ тысячами, въ самомъ Маймачэнѣ содержится едва ли болѣе ста головъ лошадей и не болѣе 5,000 овецъ; коровъ въ Маймачэнѣ приводятъ очень рѣдко, такъ какъ содержаніе коровъ дороже нежели содержаніе овецъ, да и выгоды, по понятіямъ монголовъ, овца приноситъ гораздо больше коровы. Масло — единственный продуктъ, который не можетъ доставить овца, — доставляется монголами изъ степи; молокомъ же они пользуются и отъ овецъ, имѣя, кромѣ того, отъ нихъ шерсть. Овцу стригутъ одинъ разъ въ годъ — осенью, и въ это время съ нея получаютъ отъ 1 до 1¼ фунта шерсти. Шерсть эта обыкновенно не сбывается, а идетъ на выдѣлку войлоковъ, которые такъ необходимы въ домашней жизни монголовъ. Выдѣлка войлоковъ, какъ и вообще приготовленіе всего необходимаго въ жизни, лежитъ исключительно на обязанности монголовъ. Овца приноситъ въ годъ одного ягненка и ягнится одинъ только разъ въ годъ. Болѣе бѣдные монголы содержатъ козъ, а китайцы разводятъ у себя только свиней, но и то въ самомъ незначительномъ количествѣ — не болѣе 30 штукъ во всемъ городѣ. Такая незначительность скотоводства въ городѣ обуславливается, конечно, главнымъ образомъ дороговизною содержанія животныхъ. Окрестности Урги представляютъ собою далеко не роскошное пастбище, а маймачэнскіе монголы не привыкли заготовлять сѣно на зиму и содержатъ своихъ животныхъ на подножномъ корму въ теченіе цѣлаго года. Вотъ почему зимою, когда трава уже вся бываетъ вытравлена, монголы принуждены бывають покупать сѣно и дорого платить за этотъ продуктъ. Въ Маймачэнѣ сѣно привозятъ съ береговъ рѣкъ Хунцала и Хары, находящихся верстахъ въ 60—70 къ сѣверу отъ Урги. Понятно, что при одномъ условіи дальняго пути оно не можетъ быть здѣсь дешево, и для монголовъ, которые привозятъ его сюда, составляетъ одну изъ наивыгод-

нѣйшихъ статей торговли; случая, что одинъ пудъ сѣна доходить до цѣны двухъ кирпичей чаю, т. е., 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 коп., весьма не рѣдки. Конечно, монголы не лакомятъ своихъ животныхъ такимъ сѣномъ и покупаютъ для нихъ ветошь, или прошлогоднюю траву, собираемую зимою граблями, но и это стоитъ не особенно дешево; именно, возъ ветоши, пуда въ 4, также рѣдко продается дешевле двухъ кирпичей чаю. Вообще содержаніе лошади въ Маймачѣнѣ въ зимній мѣсяць, при томъ образѣ хозяйства, къ которому привыкли монголы, можетъ стоять никакъ не менѣе 10—12 руб., что для монгола составляетъ весьма значительную сумму.

По вѣроисповѣданію жители Маймачѣна раздѣляются собственно на два разряда, даосовъ и буддистовъ: къ первымъ принадлежать исключительно китайцы, ко вторымъ — всѣ монголы и незначительное количество китайцевъ. Кромѣ того, въ Маймачѣнѣ живетъ до 20 монголовъ-шамановъ, хотя ихъ, собственно говоря, можно считать шаманистами на столько же, на сколько всякаго китайца можно считать даосомъ, буддистомъ и конфуціанцемъ. Всѣ ургинскіе шаманы въ то же время и буддисты, и яснѣйшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что старуха-шаманка, съ которою пришлось мнѣ впервые познакомиться, была даже принявшею обѣты шибганцѣ (буддійская монахиня). Вообще должно сказать, что въ Хурѣни шаманство существуетъ не какъ какое-либо вѣроисповѣданіе, а какъ кудесничество, какъ ворожба, которою промышляютъ частныя лица, желая какимъ бы то ни было образомъ увеличить свои средства къ жизни. Такимъ образомъ въ Маймачѣнѣ существуютъ только два вѣроисповѣданія, даоское и буддійское, и сообразно сему здѣсь устроены и кумирни. Всѣхъ кумирень въ Маймачѣнѣ четыре: три даоскихъ въ различныхъ мѣстахъ китайской части города и одна буддійская, построенная въ юго-западной сторонѣ части монгольской. Кромѣ исчисленныхъ общественныхъ зданій, въ Маймачѣнѣ есть еще театръ, находящійся противъ кумирни Гэсѣра, почти въ самомъ центрѣ китайскаго Маймачѣна. Постоянной труппы, впрочемъ, въ ургинскомъ Маймачѣнѣ нѣтъ и актеры бываютъ только наѣздомъ изъ Калгана и Хухѹ-хотѣ. Наѣзды эти случаются раза три, четыре въ годъ, и, конечно, производятъ большое движеніе въ Маймачѣнѣ.

Засимъ къ числу общественныхъ мѣстъ въ ургинскомъ Маймачѣнѣ можно причислить еще китайское кладбище. Находится оно на сѣверномъ концѣ Маймачѣна и представляетъ собою обширный плацъ, обнесенный оградой изъ стоящихъ листовичныхъ бревень. Съ южной стороны этого плаца устроенъ бѣйшинъ съ прилегающими къ нему дворомъ и хозяйственными постройками; это помѣщеніе кладбищенскаго сторожа. Въ задней

сторонѣ его двора имѣются большія створчатыя ворота, которыя ведутъ на кладбище и черезъ которыя проносятся погребаемыхъ здѣсь покойниковъ. Общее число могилъ на китайскомъ кладбищѣ сравнительно очень

Китайское кладбище въ Маймачѣнѣ.

не велико: за свыше пятидесятилѣтній періодъ существованія кладбища здѣсь образовалось не болѣе 200 гробницъ. Извѣстенъ обычай, по которому китайскія семейства, владѣющія собственною землею, предпочитаютъ хоронить своихъ членовъ на этой послѣдней; и, согласно такому обычаю, большая часть умершихъ въ Ургѣ китайцевъ бываетъ увозима своими близкими на родину, въ застѣнный Китай, — въ Ургѣ остаются только люди совершенно бѣдные, а еще чаще бездомные одиночки. Для своихъ покойниковъ китайцы дѣлаютъ обыкновенно очень большіе гробы: не менѣе сажени въ длину и до аршина съ четвертью вышиною, употребляя притомъ доски толщиною не менѣе $2\frac{1}{2}$, а чаще въ 3 и даже 4 дюйма. Гробъ имѣетъ нѣкоторое подобіе нашего: онъ также бываетъ шире въ головахъ и уже въ ногахъ, причемъ доска у изголовья не рѣдко дѣлается выгнутою въ наружную сторону и всегда бываетъ выше, чѣмъ въ ногахъ; такимъ образомъ крышка гроба представляется всегда въ наклонномъ положеніи. Дѣлается эта крышка обыкновенно шире самаго гроба, съ шипами на нижней сторонѣ, которые плотно входятъ въ боковыя стѣнки гроба, на верхней же сторонѣ гробовая крышка бываетъ совершенно гладкою и не рѣдко даже

полируется. Устраивается все это такимъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы предохранить прахъ покойника отъ сырости и дать возможность дождевой водѣ съ удобствомъ скатываться съ гроба. Могилъ китайцы на своемъ кладбищѣ не имѣютъ и покойниковъ въ землю не закапываютъ, а заключивъ тѣло въ гробъ, ставятъ этотъ послѣдній на кладбищѣ прямо поверхъ земли, причемъ на изголовной доскѣ гроба надписывается имя и фамилія покойнаго, мѣсто его происхожденія, лѣта отъ рожденія и дата его смерти. Люди, болѣе состоятельные и усердные къ своимъ покойникамъ, дѣлаютъ еще иногда надъ поставленными поверхъ земли гробами футляры, имѣющіе видъ опрокинутыхъ надъ гробомъ деревянныхъ ящичковъ. Понятно, что при такомъ способѣ погребенія вонь на китайскомъ кладбищѣ бываетъ иногда просто невыносимою, да и по своему внѣшнему виду оно является весьма не привлекательнымъ. Изъ развалившихся отъ времени гробовъ видны кости, черепа, волосы и загрязненныя одежды покойниковъ; въ ямкахъ и образовавшихся отъ дождей лужахъ повсюду скопляется какалто красновато-желтоватая жидкость, подернувшаяся саломъ, куда ни взглянешь, — вездѣ та же отвратительная нечистота и зловоніе.

Заведеній, устроенныхъ съ благотворительными цѣлями, какъ-то: больницъ, домовъ призрѣнія, богадѣленъ и прочаго, въ Маймачэнѣ не существуетъ; при всемъ томъ здѣсь сравнительно мало видно нищихъ, ибо челоуѣколюбіе монголовъ призрѣваетъ у себя всѣхъ, кто ни появился бы въ ихъ юртѣ. Только больные сифилисомъ не находятъ у нихъ этого покровительства, а между тѣмъ они живутъ здѣсь въ очень большомъ количествѣ. Безбрачіе ламъ и одинокая безсемейная жизнь богатыхъ китайцевъ служатъ, безъ сомнѣнія, главнѣйшими причинами разврата женщинъ, обнаруживающагося у нихъ въ самыхъ раннихъ лѣтахъ и въ самыхъ крайнихъ размѣрахъ. Отцы и матери не только смотрятъ равнодушно на развратъ своихъ дочерей, но еще бываютъ причинами ихъ паденія, продавая ихъ за одно, много два мѣста чаю (16—32 руб.). Мужья безъ зазрѣнія совѣсти отпускаютъ своихъ женъ, лишь бы онѣ приносили домой плату. Само собою разумѣется, что при такой низкой степени нравственныхъ понятій и при томъ перевѣсѣ мужскаго населенія надъ женскимъ, который существуетъ въ Ургѣ, проявленіе сифилиса въ самыхъ крайнихъ размѣрахъ составляетъ естественное послѣдствіе обстоятельствъ. Заболѣвающіе сифилисомъ лѣчатся у ламъ и если успѣваютъ хоть немного поправиться, то уѣзжаютъ въ степь; если же не вылѣчиваются, то остаются совершенно безъ призрѣнія, еле таскаясь по улицамъ, или валяясь у заборовъ, на оконечностяхъ города. Здѣсь они умираютъ и по большей части здѣсь же грѣшное тѣло ихъ разрывается на куски собаками.

Для европейца это покажется необычайно страннымъ, и онъ непременно спросить: смотритъ ли кто за этимъ городомъ, есть ли въ немъ какое-нибудь управленіе, какое-нибудь начальство? Отвѣчаемъ: есть начальство, есть и управленіе; оно обязано смотрѣть и за порядкомъ, но описанные случаи оно считаетъ совершенно въ порядкѣ вещей и въ своихъ ямуняхъ обсуждаетъ только дѣла о воровствахъ, грабежахъ, насиліяхъ, убійствахъ, подлогахъ и т. п. преступленіяхъ закона. Составляя одну изъ частей города Урги, Маймачэнъ естественно находится подъ главнымъ управленіемъ ургинскихъ амбаней, но въ частности, гораздо большимъ значеніемъ пользуется въ Маймачэнѣ царгучэй, который имѣетъ здѣсь свое мѣстопребываніе и свое отдѣльное присутственное мѣсто, извѣстное подъ именемъ царгучэева ямуня. Должность царгучэя учреждена въ ургинскомъ Маймачэнѣ съ 1742 года; она всегда занимается маньчжуромъ и, по закону, должна быть замѣщаема новымъ лицомъ черезъ каждые три года. На обязанности царгучэя лежитъ блюсти за порядкомъ города; кромѣ того, ему же непосредственно подчинены всѣ подданные Китайской имперіи, какъ проживающіе по торговымъ дѣламъ въ Хуръни и Маймачэнѣ, такъ и пребывающіе въ разбѣздахъ съ тою же цѣлью въ предѣлахъ тшүтү хановскаго и цэцэнъ хановскаго аймаковъ. Царгучэй разслѣдуетъ всѣ дѣла по тяжбамъ монголовъ съ китайцами, но не имѣетъ полной самостоятельности въ рѣшеніи дѣлъ особливо важныхъ и обо всемъ обязанъ докладывать амбанямъ. Въ царгучэевомъ ямунѣ предсѣдательствуетъ онъ самъ, и кромѣ него нѣтъ никакихъ чиновниковъ, которые имѣли бы не только право постановленія какихъ бы то ни было рѣшеній, а даже права голоса. Такимъ образомъ царгучэйскій ямунь есть ничто иное, какъ канцелярія царгучэя: онъ состоитъ изъ 15 писарей (бичэчи), между которыми пять китайцевъ и десять монголовъ. Жалованья ни одинъ изъ этихъ писарей не получаетъ опредѣленную цифру, но они пользуются доходами ямуня, состоящими изъ пошлинъ, которыя берутся съ китайцевъ за выдачу свидѣтельствъ на право производства торговли въ той или другой мѣстности. Свидѣтельства эти, получаемыя купцами изъ царгучэева ямуня, выдаются китайскимъ купцамъ на основаніи особыхъ постановленій, вѣдающаго инородцевъ министерства въ Пекинѣ. Высшая стоимость свидѣтельства опредѣляется въ 6½ мѣсть чая, т. е. ок. 100 р. с. Среднее число такихъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ изъ царгучэева ямуня, колеблется между 90 и 120, и, слѣдовательно, доходы ямуня можно опредѣлить тысячъ въ 15. Эти-то деньги и дѣлятъ между собою служащіе при царгучэевомъ ямунѣ. На эти же суммы содержатся еще и разсыльные, которыхъ при ямунѣ имѣется всегда не меньше 80 человѣкъ. Самъ цар-

гучэй получаетъ отъ китайскаго правительства только 300 ланъ жалованья. Тѣмъ не менѣе, должность эта привлекаетъ къ себѣ весьма много соискателей, потому что считается чрезвычайно доходною: въ Пекинѣ ее почти никогда не продаютъ дешевле 5,000 ланъ серебра, т. е. 10,000 р.

Описанными частями Урги не исчерпывается все то, что представляетъ собою этотъ городъ. Пространство между ламскимъ Хурънемъ и Маймачѣномъ заключаетъ въ себѣ еще столько отдѣльныхъ зданій, что еслибы ихъ сгруппировать въ одно цѣлое, то они, безъ сомнѣнія, составили бы городъ ни чуть не меньше Хуръня и Маймачѣна. Прежде всего къ югу отъ хурънской торговой площади находится особая торговая часть города, называемая «Цзахъ-дѣр», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «на окраинѣ». Здѣсь, за дорогою Майдари, располагается хурънскій съѣстной рынокъ и проживаютъ торгующіе на немъ монголы, главнымъ образомъ мясники, или яргачины. Всѣ они стоятъ неподалеку отъ базара юртами, близъ которыхъ и убиваютъ покупаемыхъ ими для продажи животныхъ, послѣ чего кожи относятъ къ эльдурчинамъ, а мясо разрѣзываютъ на куски и тащатъ на базаръ, раскладывая его здѣсь прямо на землѣ, или развѣшивая по заборамъ. Болѣе состоятельные изъ такихъ продавцовъ, убивающіе ежедневно по десятку и болѣе барановъ, вывозятъ мясо въ телѣгахъ и продаютъ его съ телѣгъ. Для русскихъ посѣтителей Урги слѣдуетъ, пожалуй, при этомъ замѣтить еще, что покупать мясо съ телѣгъ гораздо безопаснѣе, ибо здѣсь труднѣе встрѣтить дохлятину, чѣмъ у бѣдняковъ, развѣшивающихъ свой товаръ по заборамъ. Баранье мясо обыкновенно продается такими частями: передокъ, заключающій въ себѣ грудину съ двумя передними ногами, стоитъ отъ 2¹/₂ до 4 чаевъ; задокъ — отъ 4-хъ до 6 чаевъ; одна передняя нога — отъ 1¹/₂ до 2 чаевъ и одна задняя — отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ чаевъ. Скотское мясо, или говядина, продается не иначе какъ отдѣльно отъ костей, причемъ фунтъ мяса стоитъ отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ шарацѣвъ, или отъ 5 до 7 коп., а фунтъ костей отъ 2-хъ до 2¹/₂ шарацѣвъ, или отъ 4-хъ до 5 коп. Здѣсь продаютъ и пригоняемыхъ въ городъ живыхъ барановъ и быковъ; цѣна на первыхъ колеблется отъ 10 до 16 чаевъ, а на вторыхъ отъ 30 до 50 чаевъ. Помимо мяса на томъ же рынкѣ продается мука, крупа, рисъ и другіе сорта жита. Торговлей этой занимаются хурънскіе ламы, приобретающіе сказанный товаръ отъ китайцевъ и засимъ перепродающіе его монголамъ, конечно, съ надбавкою процента и съ уменьшеннымъ вѣсомъ. Замѣчательно, что при всемъ этомъ монголы все-таки предпочитаютъ покупать муку у ламъ на базарѣ, чѣмъ брать ее у китайскихъ торговцевъ въ лавкахъ.

Къ юго-востоку отъ «Цзахъ-дѣр» находятся ямуни маньчжурскаго

и монгольскаго амбаней. Это также цѣлое отдѣленьице города, заключающее въ себѣ не менѣе 60 дворовъ (хашановъ), расположенныхъ по двумъ улицамъ. Самую южную часть этой части города занимаетъ ямунь. Громадный дворъ его, огороженный деревяннымъ частоколомъ, раздѣляется съ востока на западъ на три части, изъ коихъ въ срединной находится самое зданіе присутственнаго мѣста; въ боковой, западной, живутъ сторожа и прислужники, а боковая восточная назначается для содержанія въ ней преступниковъ, ожидающихъ своей очереди для допросовъ по производимымъ относительно ихъ дѣламъ. Здѣсь же находятся: бѣйшины, въ которыхъ сложены орудія пытокъ и наказаній; часть ямуньскаго архива и кладовыя съ ямуньскимъ имуществомъ. Въ улицахъ, находящихся позади ямуна располагаются дома служащихъ при ямунѣ чиновниковъ и проживающихъ при нихъ родственниковъ. Самую восточную часть этого отдѣленія Хуръня занимаетъ острогъ, огороженный двумя высокими частоколами, бревна коихъ затесаны на верху въ видѣ острыхъ кольевъ. Внутренность его, не отличающаяся отъ другихъ учрежденій этого рода, будетъ описана мною въ другомъ мѣстѣ, теперь же я скажу только, что посѣщеніе острога здѣсь очень не трудно для каждаго, кто можетъ зайти къ сторожамъ, переговорить съ ними нѣсколько минутъ и засимъ попросить ихъ позволить подать милостыню заключеннымъ. Само собою разумѣется, при этомъ нужна подачка и проводнику-сторожу.

Часть города, противулежащая ямунямъ и располагающаяся къ ЮЗ отъ «Цзахъ-дѣрэ», называется «Хорбн'ами», т. е. «подворьями». Здѣсь помѣщаются подворья халхаскихъ цзасакдовъ, которые построили и содержатъ сказанныя подворья въ Ургѣ, на случай пріѣзда своего въ этотъ городъ для поклоненія хутухтѣ, на княжескій сеймъ, или, наконецъ, для очереднаго служенія въ сеймовомъ чжисанѣ тѣшѣтѣ хановскаго аймака. Понятно отсюда, что зданія эти, будучи выстроены и поддерживаемы, пустуютъ иногда по 5 и 6 лѣтъ для того, чтобы быть занятыми на одинъ какой-нибудь мѣсяць. Постоянными обитателями этихъ хорбновъ являются только ихъ сторожа, да за послѣднее время ургинское начальство ввело еще въ обычай сдавать въ хорбны преступниковъ соответствующаго хошѹна, для пересылки ихъ на родину. Всѣхъ подворій насчитывается теперь въ Ургѣ уже свыше 30 и ни одно изъ нихъ не состоитъ изъ одного дома, а непременно заключаетъ въ себѣ три или четыре бѣйшина, обнесенные оградой, а иногда окруженные еще и небольшими садами. Изъ подворій, выдающихся по своимъ величинѣ и богатству постройки, особенно замѣчательны: 1) Сѣинъ-нойна и князей его аймака: 2) Да-цинъ-вана, 3) Олѣтъ-бѣйсэ, 4) Сѣйтъ-вана, 5) Мѣргѣнъ-цзасака, 6) Хошѹчи-бѣйсэ, 7) Ильдѣнъ-бѣйлэ, 8) Далай-вана и 9) Дургѣчи-вана;

түшэту хановскаго аймака: 10) Харэгийнъ батурь-цзасакà, 11) Гобийнъ түшэ-гүна, 12) Дөнъ-гүна, 13) Уйцзанъ Тб-гүна, и наконецъ 14) самага Түшэту-хана; цзасакту хановскаго аймака: хотохойтскихъ князей: 15) Миханъ-гүна, 16) Ни-гүна и наконецъ 17) самага Цзасакту хана; цэцэнъ-хановскаго аймака: 18) Ахай гүна. Нѣсколько далѣе къ востоку отдѣльно отъ нихъ стоитъ 19) подворье цзасакà түшэту хановскаго аймака, О-вана и наконецъ цѣлый рядъ зданій и построекъ Пунъ-бэйсэ, на земляхъ хошүна коего расположена самая Урга. Помимо бэйшина, служащаго собственно жилищемъ Пунъ-бэйсэ, князь этотъ содержитъ еще въ Ургѣ и свое хошүн-ное управленіе (тамагà), помѣщающееся также въ отдѣльномъ хашанѣ; при тамагѣ этой имѣется свой хошүннй острогъ (шорбнъ) и свой архивъ, также въ отдѣльныхъ зданіяхъ. На ряду со всѣмъ этимъ располагаются отдѣльные хашаны родственниковъ Пунъ-бэйсэ, таковы: хашанъ его матери и хашанъ его дяди Цэ-гүна, еще недавно бывшаго опекуномъ Пунъ-бэйсэ и правителемъ его хошүна. Далѣе въ средѣ хорбновъ помѣщаются нѣкоторыя общественныя зданія, таковы, напримѣръ, чжисà стрѣлковъ, вызываемыхъ изъ различныхъ хошүновъ на смотры; наконецъ, въ періодъ моего пребыванія въ Ургѣ здѣсь же помѣщалась и такъ называемая Дэгинъ чжисà, т. е. аймачное управленіе чигүлгану даргй түшэту-хановскаго аймака.

Помимо вышеисчисленныхъ построекъ за юго-западнымъ угломъ Хурвня не имѣется другихъ зданій; къ востоку же отъ Урги, приблизительно верстахъ въ 1½, отъ нея, на пространствѣ между Хурвнемъ и зданіями русскаго консульства, располагается теперь новое зданіе ургинской крѣпости, назначенное для проживанія въ ней китайскихъ войскъ и построенное только въ 1883 году. Въ ту пору Монголія совершенно неожиданно была объявлена на военномъ положеніи и для охраны Урги были командированы китайскія войска изъ Сюань-хуа-фу. Постройка этой крѣпости до настоящей поры памятна монголамъ, какъ тяжелый гнетъ китайскаго правительства. Въ тотъ страшный годъ по всей Монголіи сначала была засуха и неразлучная съ нею безкормица, а засимъ наступила суровая зима. Прилежащіе къ Ургѣ два восточные аймака Халхи должны были израсходовать болѣе 600,000 ланъ на обмундировку, вооруженіе и выставку затребованныхъ отъ нихъ войскъ и вдобавокъ еще прислуживать китайскимъ солдатамъ доставленіемъ имъ всякаго рода удобствъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимала постройка крѣпости. На сооруженіе ея китайцами было затребовано отъ монголовъ всего 2664 бревна, изготовленіе и доставка коихъ, по распоряженію ханъ-үла'скаго сейма, были возложены на близлежащіе къ Ургѣ пять хошүновъ, а именно: хошүнъ На-бэйсэ (нынѣшній

Пунь-бэйсэ) долженъ былъ доставить 666 бревень; хошунъ Цзянь-цзюнь (О)-вана — 607 бревень; хошунъ Найдань-гуна — 550 бревень; хошунъ Мандорва-гуна — 50 бревень и хошунъ въ званіи гуна цзасака Цэрэнъ-дорджі — 191 бревно. Изъ числа ихъ хошунъ Мандорва-гуна не исполнилъ назначеннаго ему требованія и доставка возложеннаго на него числа бревень была всецѣло исполнена хошунѣмъ Найдань-гуна. Выставляя подводы для перевозки этого лѣса, тѣ же хошунѣ должны были особо еще выслать 100 конныхъ человѣкъ, для постройки самой крѣпости. Кирпичъ и глина, требовавшіеся для обмазки зданій и устройства въ оныхъ 150 печей и лежанокъ, могли быть заготавлиемы и получаемы съ пространства, отстоявшаго не менѣе какъ въ 10 верстахъ отъ лагеря. Нанимать подводы для доставки ихъ было не на что и негдѣ, да къ тому же китайская администрація и не привыкла къ подобнымъ наймамъ; поэтому всѣ приходящіе въ Ургу и отходящіе отсюда караваны на быкахъ, при визированіи своихъ паспортовъ, принуждались силою доставить потребные кирпичъ и глину въ данный срокъ для лагеря. Непривычный къ такимъ работамъ, особливо гобійскій, скотъ при этомъ безчеловѣчно уродовался и подчасъ дѣлался неспособнымъ къ дальнѣйшей работѣ по извозу. Когда дѣло постройки было довершено, китайское правительство опредѣлило уплатить монголамъ за означенные труды, по расчету, 5 фынъ за бревно; такимъ образомъ вся

Китайская крѣпость въ Ургѣ.

постройка крѣпости обошлась въ 130 ланъ, 2 цина, или, на наши деньги, серебряныхъ 260 руб. 40 коп.

Построенная въ формѣ квадратнаго четырехугольника съ одними воротами на южную сторону крѣпость эта имѣетъ въ окружности всего около 240 рус. сажень. Стѣны ея воздвигнуты по общему типу китайскихъ крѣпостныхъ построекъ въ Монголіи, по коему пространство между двумя частоколами изъ стоящихъ листовичныхъ бревенъ утрамбовывается землею. Въ такомъ видѣ толщина этой стѣны достигаетъ двухъ аршинъ. Далѣе, наружный рядъ частокола продолженъ кверху укладкою на оный сырцевого кирпича, опять-таки въ одинъ рядъ. Выложенная такимъ образомъ стѣна изъ сырцевого кирпича имѣетъ значеніе бруствера, въ которомъ подбланы амбразуры, въ числѣ 45 съ каждой стороны крѣпости; мерлоны, по обычаю, равняются двумъ амбразурнымъ отверстіямъ. Засимъ вся эта стѣна, какъ сырцево-кирпичная, такъ и деревянная — листовичная, обмазана съ наружной, равно какъ и съ внутренней стороны глиною.

Ургинская крѣпость располагается у подножія широкаго бугра, посрединѣ коего стоятъ зданія русскаго консульства, и такое положеніе ея дѣлаетъ ее совершенно открытою. Съ вершины бугра можно до мельчайшихъ подробностей не только видѣть внутреннее расположеніе крѣпостныхъ зданій, но даже движеніе каждаго солдата на улицѣ. Проходъ въ крѣпость защищается обыкновенными деревянными двустворчатыми воротами, по своей прочности ничѣмъ не отличающимися отъ воротъ каждой лавки, или чайнаго склада. При входѣ въ крѣпость, внутри ея, первое мѣсто занимаютъ два глинобитные байшина, въ которыхъ проживаютъ дежурные солдаты, назначаемые для караула; отъ этихъ двухъ байшиновъ, протягиваясь съ юга на сѣверъ, построены одна противъ другой двѣ казармы для постоянного жительства солдатъ. Пройдя по улицѣ, образуемой этими казармами, выходишь на небольшую площадь, посреди коей воздвигнуть высокій столбъ, обыкновенно ставимый передъ ямунами и жилищами амбаней. Далѣе, по сѣверную сторону площади, занимая то же положеніе, что и казармы, построено два байшина, изъ коихъ въ одномъ, западномъ, находится крѣпостной ямунь, а другой, восточный, занятъ квартирами офицеровъ. Байшины эти упираются въ построенное поперекъ крѣпости и протягивающееся съ востока на западъ, длинное и такое же глинобитное зданіе, назначенное для помѣщенія завѣдывающаго крѣпостью амбаня. Этотъ амбанскій домъ заключаетъ собою главную и единственную улицу въ крѣпости и остальные зданія расположены въ ней уже по стѣнамъ, а именно: по восьми байшиновъ, назначенныхъ для жилища солдатъ, у стѣнъ западной и восточной и два зданія у стѣны сѣверной. Первое изъ нихъ, находящееся по самой срединѣ сѣверной крѣпостной стѣны и совершенно противоположное дому амбаня, представляетъ собою хлѣбный магазинъ. Это большой глино-

другаго было потрачено не мало силъ, времени и денегъ. Консульство состоитъ изъ одного большаго двухъ-этажнаго, деревяннаго и оштукатуреннаго дома, съ желѣзною крышею и двухъ флигелей при ономъ; къ главному зданію непосредственно пристроено еще небольшое одноэтажное зданіе домовою церкви, крыша коего украшена небольшою главою. Верхній этажъ

Русское консульство въ Ургѣ.

консульства цѣликомъ занять помѣщеніемъ консула, а въ нижнемъ этажѣ расположены квартиры: направо — секретаря и налѣво, на ряду съ церковью, — драгомана. Изъ числа флигелей въ лѣвомъ — помѣщается ургинская почтовая контора съ находящеюся при ней квартирою почтмейстера, — въ правомъ же предположено было устроить помѣщеніе для священника. Помимо сего во дворѣ консульства имѣлись еще отдѣльные домики: для псаломщика, для учениковъ ургинской школы, для помѣщенія казаковъ и для кухни. Всѣ эти зданія, несмотря на наружный довольно сносный видъ, пришли уже въ сильную ветхость, особливо флигели, въ которыхъ помѣщаются почтмейстеръ и священникъ. По восточную сторону консульскаго двора располагается русское кладбище, первоначальное устройство котораго, говорятъ, стоило не малыхъ хлопотъ русскому консульству. Дѣло въ томъ, что по ламскимъ уставамъ, погребеніе мертвыхъ не можетъ быть совершаемо въ мѣстности ближе 10 ли отъ жилища хутухтъ, русское же консульство отстоитъ всего на 6 ли отъ дворца Чжэбцзунъ дамбѣ гэгэна. Поэтому лишь только узнали монголы о погребеніи перваго русскаго у стѣнъ консульства, какъ сейчасъ же потребовали удаленія этого

трупа. На первый разъ консулъ увѣрилъ ихъ, что тѣло зарыто въ землю только на время, и что, по примѣру китайцевъ, родственники погребеннаго, безъ сомнѣнія, возьмутъ его на родину; такъ и замолкло это дѣло въ то время; теперь прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ прибавились десятки русскихъ могилъ, и монголы, привыкнувъ къ погребенію русскихъ, смотря на это совершенно равнодушно, какъ бы забывъ о своихъ правилахъ. Слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что теперь о своемъ кладбищѣ забыли, кажется, и сами русскіе ургинцы. Лишенное ограды и пристража, кладбище это попирается скотомъ, разрывается собаками и загрязнено невыразимо: вмѣсто могильныхъ насыпей на немъ существуютъ какія-то ямы, о крестахъ и памятникахъ нѣтъ и помина. Говорятъ, что надъ могилою здѣшняго миссіонера, о. Архипа Поликينا, былъ поставленъ памятникъ съ чугунною доскою, а надъ могилами другихъ покойниковъ ставились камни и другіе знаки преданности; теперь все это раскрадено монголами, которые похищаютъ также и деревянные кресты съ могилъ, употребляя ихъ на топливо. Само собою разумѣется, можно было бы имѣть здѣсь и сторожа монгола, при уплатѣ ему въ мѣсяцъ рублей трехъ вознагражденія, но для этого нужна, конечно, настойчивая заботливость, а безъ нея — обыкновенно, поговорятъ, да и забудутъ; кладбище же продолжаетъ стоять въ своемъ неприглядномъ видѣ, являясь какъ бы живымъ укоромъ для русскихъ даже противъ грязныхъ китайцевъ. Нѣтъ нужды говорить, что времена теперь давно уже не прежнія и о придиркахъ монголовъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Встарину ламами выражалось, напримѣръ, требованіе, чтобы консульство сняло свой флагъ, потому что, развѣваясь на шпигцѣ двухъ-этажнаго зданія, онъ оказывался выше, чѣмъ тахильгінъ-модò (шесть, который ставятъ монголы предъ дверями храмовъ и жилищами высшихъ ламъ для поставленія на немъ жертвы или лампы), стоящее у дворца хутухты. Не знаю, чѣмъ мотивировался тогда отказъ русскихъ, но вѣрно то, что монголы остались и на этотъ разъ довольными, хоть и не удовлетворенными. Такихъ мелочныхъ требованій и придирокъ, въ различное время, было поначалу многое множество: заходило дѣло о ѣздѣ русскихъ на лошадяхъ по Хуръню, о выгонахъ для русскаго скота и проч. Всѣ свои требованія монголы представляли притомъ всегда съ такою горячностію и въ такой формѣ, что думалось, вотъ уже русскимъ и жить будетъ не возможно: негдѣ будетъ пасти скотъ, не откуда доставать сѣно, придется платить въ три-дорога за отопленіе и т. д. Но ни чуть ни бывало: высказавъ свои требованія, монголы замолкали, а русскіе продолжали жить по старому, и, конечно, гораздо привольнѣе и удобнѣе монголовъ: доселѣ еще они, конечно за плату, косятъ себѣ сѣно съ монгольскихъ луговъ, заготовляютъ дрова

на зиму изъ монгольскихъ лѣсовъ, что же касается выгоновъ для скота въ лѣтнее время, то за нихъ не только ничего не платится, но выбравъ хорошенькое мѣстечко, русскіе не пускаютъ на него еще и самихъ же монголовъ. Все это, относится не къ одному только консульству, но и ко всѣмъ русскимъ, живущимъ въ Хуръни; народонаселеніе же русское здѣсь, конечно, различествуетъ по количеству въ разное время года, хотя никогда не бываетъ менѣе ста душъ.

Подробныя свѣдѣнія о бытѣ и дѣятельности русскаго торговаго населенія въ Ургѣ будутъ представлены мною въ томѣ VI настоящаго труда, специально трактующемъ о русской торговлѣ и торговыхъ людяхъ въ Монголіи; теперь же я замѣчу только, что съ настоящаго 1892 года духовная жизнь русскихъ въ Ургѣ имѣетъ значительно восполниться, въ силу назначенія къ православной церкви ургинскаго консульства постоянного штата духовенства. Потребность имѣть у себя православнаго священника сознавалась русскими еще въ пору моего перваго пріѣзда въ Ургу, въ 1876 году. Внимая просьбамъ своихъ, проживающихъ въ Хуръни сородичей, чаоторговцы наши рѣшили установить на содержаніе причта при Ургинской церкви особый сборъ, по 1 коп. съ каждаго проходящаго черезъ Ургу цибика чая; денегъ этихъ ежегодно собиралось отъ 2500 до 3000 р. и тѣмъ не менѣе дѣло ограничивалось доселѣ только приглашеніемъ въ Ургу священника одинъ разъ въ годъ, обыкновенно, къ празднику Пасхи; во все остальное время русскіе оставались безъ всякаго удовлетворенія религіозныхъ потребностей: больные умирали безъ напутствованія ихъ св. причащеніемъ, умершіе закапывались въ землю безъ погребенія, новорожденные ожидали по году св. крещенія и нерѣдко умирали безъ миропомазанія и причащенія и т. д. Въ настоящемъ 1892 г. Государственный Совѣтъ, согласно представленію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, утвердилъ штаты при ургинской церкви и такимъ образомъ прежнія лишенія въ сказанномъ отношеніи отошли для русскаго населенія въ Ургѣ въ область преданія.

Съ душевною радостью говорили со мною объ этой новости русскіе, ибо теперь у нихъ осталась, можно сказать, только одна неудовлетворенная потребность, это — имѣть у себя европейски образованнаго врача. Дѣйствительно, русская колонія въ Ургѣ, по количеству своего населенія, самая значительная во всемъ Китаѣ (въ одномъ консульствѣ проживаетъ обычно до 50 человекъ, а въ Ургѣ вообще ихъ всегда бываетъ болѣе ста), и тѣмъ не менѣе она совершенно лишена врачебной помощи. Въ случаѣ болѣзни, кромѣ ламъ обратиться не къ кому, изъ числа же этихъ послѣднихъ, если и многіе изучаютъ тибетскую медицину, то дѣйствительно знаю-

щих ее очень не много. Къ сказанному нужно прибавить еще, что лучшіе изъ тибетскихъ врачей весьма часто уѣзжаютъ, по приглашеніямъ, въ хошūны, такъ что ихъ не всегда и найдешь въ потребное время. Здѣсь замѣчаютъ также, что тибетская медицина (можетъ быть даже потому, что ее опытъ касается лишь закаленныхъ въ борьбѣ съ природою обитателей горныхъ и степныхъ пространствъ) не всегда пригодна для леченія русскаго человѣка. Лучшіе изъ тибетскихъ медиковъ сами признаютъ это обстоятельство и въ сомнительныхъ случаяхъ нерѣдко говорятъ: «нашему человѣку мы знали бы какое дать лекарство и какого ожидать отъ него дѣйствія; относительно же вашего — сказать этого не можемъ; приходится невольно поступать ощупью и съ осмотрительностью, опасаясь, какъ бы не надѣлать большого вреда». Иной разъ эти медики положительно отказываются давать свои лекарства, ссылаясь на непониманіе нашихъ болѣзней и въ этихъ случаяхъ окружающимъ остается только, скрѣпя сердце, смотрѣть какъ умираетъ человѣкъ, котораго, можетъ быть и не трудно было бы поднять съ постели. Особенно безпомощными являются дѣти и женщины, такъ какъ ни въ дѣтскихъ, ни въ женскихъ болѣзняхъ, ни еще болѣе въ акушерствѣ ламы уже ничего не понимаютъ. Въ 1884 г. управляющій консульствомъ г. Протасевъ возбуждалъ ходатайство о назначеніи въ Ургу хотя какого-либо фельдшера опять-таки съ необходимою, хотя бы маленькою аптекою; но вопросъ этотъ остается не рѣшеннымъ до сего времени. Потребность во врачѣ здѣсь дѣйствительно общая и удовлетвореніе ея поистинѣ необходимо.

Изъ окрестностей Урги, какъ о мѣстности, имѣющей отношеніе къ городу, необходимо упомянуть еще о пади Хундуй. Замѣчательна эта падь потому, что сюда монголы выносятъ своихъ мертвецовъ. Кладбищъ монголы не имѣютъ и зарываютъ тѣла своихъ покойниковъ очень рѣдко, — обыкновенный же способъ погребенія у нихъ весьма не многосложенъ: завернувъ трупъ въ какое-нибудь тряпье, они выносятъ его за городъ и кладутъ прямо поверхъ земли гдѣ-либо въ сторонѣ отъ дороги. Трупъ впрочемъ не приходится лежать долго, и онъ не только никогда не заражаетъ здѣсь воздуха своимъ гніеніемъ, а даже едва ли бываетъ кѣмъ-либо видимъ: лишь только уходятъ погребатели, какъ изъ разныхъ норъ ущелья Хундуй выходятъ собаки, разрываютъ и съѣдаютъ трупъ, не оставляя рѣшительно ничего, кромѣ бѣлыхъ косточекъ. Изъ оконъ второго этажа ургинскаго консульства часто можно видѣть эту сцену погребенія, но проходить около этого кладбища весьма не безопасно по причинѣ множества живущихъ здѣсь собакъ, уже привыкшихъ къ человѣческому мясу. Бывали случаи, что онѣ бросались на живыхъ и раздѣлывались съ ними точно также, какъ

и съ трупами. Русскіе въ Хуръни, говоря о монгольскомъ кладбищѣ и его собакахъ, никогда не преминуть разказать, что въ 1871 г. здѣсь была заѣдена тѣми же собаками русская подданная бурятка. Собаки, напавъ на нее, стащили ее съ лошади, на которой ѣхала она верхомъ, и съѣли. Никто, конечно, не видалъ этого, только прибѣжавшая въ домъ консульства лошадь да найденныя клоки одежды свидѣтельствовали о несчастной участи, постигшей бурятку.

III. Отъ Урги до Улясутая.

24-е Іюля. Пятница.

Сегодня оставляю Ургу, чтобы посѣтить Западную Монголію вплоть до границъ ея у города Кобдѣ. Для проѣзда моего привели станціонныя подводы, въ числѣ двухъ верблюдовъ подъ вьюки и четырехъ лошадей для впряжки въ телѣгу. Русскій человекъ не можетъ и сказать иначе, какъ «впрягать» въ телѣгу; но монгольскую впряжку довольно трудно, пожалуй, и назвать впряжкой: на оконечности оглоблей телѣги навязываются ремни, къ другому концу которыхъ прикрѣпляется палка (дамнуръ); два верховыхъ монгола подѣзжаютъ съ боковъ къ телѣгѣ, кладутъ палку впереди себя на сѣдло и такимъ образомъ тащатъ телѣгу. Ради меньшаго утомленія лошадей и всадниковъ станціонные берутъ обыкновенно по двѣ и по три перемѣны коней. Распростившись съ женою и консульскими чиновниками, я въ 2 ч. 35 м. двинулся въ путь. Общее направленіе нашего пути должно быть теперь на ЮЗ, поэтому дорога тянется прямо на Хурънь и хотя не проходитъ по самому монастырю, однако идетъ мимо ямуны ургинскихъ амбаней, захватываетъ часть ургинскаго рынка и оставляетъ городъ у триумфальныхъ воротъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Почти у самыхъ этихъ воротъ мы перѣехали мелководную теперь р. Сэльби, глубина которой едва ли превышала и $\frac{1}{4}$ аршина. За Сэльбой потянулись къ сѣверу отъ дороги зданія Гандана, а на югъ у самага берега Тѣлы видѣлись бѣлыя зданія займокъ гэгэна. Дорога здѣсь чрезвычайно непріятна для колесной ѣзды, такъ какъ почва является повсюду усѣянной мелкой дресвой, а мѣстами къ ней примѣшиваются и камни довольно значительной величины, черезъ которые колеса телѣги перескакиваютъ съ неимоверною тряской. О какой-либо осторожности въ ѣздѣ не можетъ быть и рѣчи. Всадники, влекущіе телѣгу, сидя верхомъ, не имѣютъ понятія объ этой тряскѣ и, чувствуя себя совершенно спо-

койно, ѣдутъ, не разбирая придорожныхъ камней и кочекъ. Оставивъ вправо полуразрушившуюся теперь и покинутую солдатами ургинскую крѣпость постройки 1870 года, мы все ближе и ближе подъѣзжали къ берегамъ Тѣлы, текущей здѣсь почти у самаго подножія Богдѣ-ўлы. Близъ мѣста переправы рѣка разбивается на три протоки, изъ которыхъ двѣ первыя переѣзжаются сравнительно довольно легко, такъ какъ глубина ихъ не превышаетъ 9-ти или 10-ти вершковъ, но главное русло рѣки, шириною сажень въ 40, трудно для переѣзда, особенно на пространствѣ самаго быстрого потока рѣки, располагающагося ближе къ лѣвому берегу. Потокъ этотъ выбиваетъ русло мѣстами на значительную глубину и, въ обходъ этихъ выбоинъ, рѣчной бродъ, достигнувъ середины рѣки, направляется вверхъ по ней приблизительно сажень на 30; напоръ воды въ эту пору настолько силенъ, что кажется, вотъ-вотъ перевернетъ онъ телѣгу. Случай эти, впрочемъ, и весьма не рѣдки, такъ что не проходитъ года, чтобы въ Тѣлѣ не утонуло 3—4 китаецъ съ своими телѣгами. Перебравшись на лѣвый берегъ Тѣлы, мы поднялись на невысокій увалъ, съ котораго открылась намъ широкая, постепенно повышающаяся къ западу долина. Она поросла мелкою травкою, но въ общемъ представляется для глаза прекраснымъ зеленымъ лугомъ, видъ котораго оживляетъ душу послѣ монотонной и сѣрой долины Урги. Увалъ, какъ и долина Тѣлы, продолжаетъ еще здѣсь ограничиваться Богдѣ-ўлою, глубокія пади которой, повсюду въ верхней половинѣ поросшія лѣсомъ, чрезвычайно разнообразны и красивы. Одна изъ такихъ падей, къ которой подъѣхали мы въ 4 ч. 20 м., называемая Билѣту амъ, въ весеннее время даетъ начало широкому потоку, въ настоящую пору представляющему собою только сухое глубокое русло. Нѣтъ сомнѣнія, что въ разливъ этотъ потокъ несетъ съ страшною быстротою и силой, такъ какъ въ руслѣ его лежатъ не мало большихъ камней, нанесенныхъ его водами. Переѣхавъ его, мы въ 4 ч. 50 м. повернули на ЗЮЗ, а отъ одной изъ вершинъ Богдѣ-ўлы, именуемой Богдѣйнъ дунчжинъ-гарбѣ, дорога направляется совершенно на западъ и, спустившись съ увала, вступаетъ въ долину Соносхолантѣ, на которой располагается первая станція отъ Урги, на официальномъ языкѣ китайскаго правительства именуемая Босога. У нѣкоторыхъ путешественниковъ можно встрѣтить ея имя Соносхолантѣ, но это, очевидно, заимствованное отъ наименованія урочища названіе является чисто народнымъ и принято лишь у монголовъ. Что касается самаго урочища Соносхолантѣ, то оно, въ свою очередь, получило свое названіе отъ имени невысокой горы, увѣчанной обѣномъ и находящейся къ западу отъ станціонныхъ юртъ. Станція располагается на лѣвомъ берегу Тѣлы неподалеку отъ того мѣста, гдѣ она, будучи стѣсняема горами Сонгинъ-ўла, дѣлаетъ крутой по-

воротъ къ сѣверу. Такимъ образомъ долина Соносколантү ограничивается на сѣверѣ горами Сонгина, на западѣ р. Толою и горою Соносколантү; на югѣ и востокѣ отрогами Ханъ, или Богдò-ўлы. Станцію содержатъ 12 юртъ монголовъ, изъ коихъ 11 принадлежатъ цэцэнъ хановскому ай-маку и 1 тўшгтү хановскому. Нѣкоторые живутъ на этой станціи уже въ третьемъ поколѣніи, для другихъ отбываніе почтовой повинности является совершенною новинкой, такъ какъ они живутъ на станціи лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Вблизи ѳртò никто изъ хошўнныхъ, или шабинаровъ не кочуетъ, какъ и вообще по линіи дороги, и это потому, что прилежащія земли отведены для пользованія отбывающимъ станціонную службу; правда, строго установленной границы этихъ станціонныхъ земель не имѣется, тѣмъ не менѣе обычай установилъ въ общихъ чертахъ нѣкоторыя межи и окрестные жители соблюдаютъ ихъ крайне строго. Двинувшись съ станціи Босога въ 5 ч. 50 м., мы вскорѣ же начали подниматься на невысокій перевалъ, именуемый Аюдсїйнъ хутўль, изъ-за котораго вправо виднѣлся уже другой гораздо высшїй перевалъ, по имени Бурхантўйнъ-даба. Лѣтъ 15 тому назадъ этотъ перевалъ былъ чрезвычайно труднымъ для переѣзда, такъ какъ самъ по себѣ онъ значительно крутъ и притомъ дорога по нему идетъ косогоромъ. Теперь монголы проложили здѣсь новую дорогу и объѣзжаютъ этотъ трудный подъемъ по западной сторонѣ горы. Объѣздъ этотъ дѣлаетъ перевалъ болѣе пологимъ и, можно сказать, совершенно легкимъ для подъема; зато спускъ на южную сторону горы остался совершенно въ старомъ видѣ и представляется крайне неудобнымъ особенно потому, что дорога здѣсь идетъ косогоромъ: избрать здѣсь объѣздъ положительно не возможно, ибо дорога проходитъ ущельемъ. При выходѣ изъ этого ущелья открывается видъ на неширокую долину, ограничиваемую съ юга высокою горою Ёлцзэйтү-хангай, между тѣмъ какъ на сѣверѣ долина эта уходитъ вдаль версты на 15 и даже 20, вплоть до горъ Сальхинтү ўла. Обратившись назадъ, нельзя не замѣтить на южной сторонѣ Бурхантү хорошо отстроеннаго хашана, въ стѣнахъ котораго находится два или три деревянныхъ зданія. Это такъ называемое «сўри» станціи Босога. Въ этихъ зданїяхъ станціонные хранятъ вещи, составляющія необходимую станціонную утварь. Съ долины сўри представляется единственнымъ предметомъ, на которомъ невольно останавливается глазъ путника. Въ самой долинѣ мы обогнали нѣсколько монголовъ, ѣдущихъ изъ Урги, куда нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, отправлялись за покупками, а другіе на богомолье. Въ числѣ послѣднихъ мы встрѣтили почти цѣлый аїаль, т. е. четыре семьи, ѣхавшіе на восьми верблюдахъ. Невысокій перевалъ Табунгстайнъ хутўль отдѣляетъ эту долину отъ долины Тўргэнъ гбла, обильной

травую и представляющей тучныя пастбища. Здѣсь пасутся большіе табуны лошадей, принадлежащихъ станціи Босога; караулятъ ихъ нѣсколько семей монголовъ, родственниковъ почтосодержателей. Въ юртахъ ихъ довольно опрятности. Очаги замѣняются желѣзными печами, съ такими же желѣзными трубами. Къ ЮЗ отсюда виднѣется высокая гора Сумуй, ближе которой, въ направленіи почти на югъ, располагается такъ называемый Бухэгийнъ-даба, состоящій собственно изъ одного высокаго подъема и засимъ изъ ряда небольшихъ уваловъ, съ промежуточными долинами. Долины эти въ большей своей части покрыты хорошею растительностью и удобны для пастбы скота, но мѣстами встрѣчаются пространства, какъ бы покрытыя краснымъ пескомъ, на которыхъ травы уже не высоки и рѣдки. Къ станціи Бухэкъ мы прибыли въ 7 ч. 30 м. Она стоитъ на не обширной долинѣ, ограничиваемой съ СВ горами Сумуй; съ сѣвера горами Сонгина¹⁾, у южнаго подножія которыхъ течетъ Тбла; съ юга — горою Баясхулантү и съ запада небольшими увалами, названія которыхъ мнѣ не сказали. Въ урочищѣ этомъ три булука, или ключа: Хуйтүнъ булакъ, Чжаргалъ булакъ и Цзамгийнъ булакъ. Вода во всѣхъ этихъ ключахъ, какъ говорили монголы, вкусная и чистая, самъ же я пилъ такую воду только изъ Хуйтүнъ булака. По прибытіи на станцію я далъ везшимъ меня монголамъ три серебрянныхъ рубля и всѣ они, неожиданно, повалились мнѣ въ ноги, прославляя мои милости. Станціонный цзангийнъ, встрѣтившій меня при самомъ приѣздѣ, былъ тутъ же и при этомъ не преминулъ сдѣлать внушеніе своимъ хуйкамъ (латникамъ), чтобы и они старались получить такую же награду. Напившись чаю, я попросилъ цзангина дать мнѣ ногу баранины для изготовленія ужина; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно изготовленія мнѣ мяса имъ ничего не было объявлено, а сами они безъ особенной нужды и въ виду лѣтняго времени мяса не держатъ. Меня нѣсколько удивило такое отношеніе монгольскаго цзургана къ требованіямъ нашего консула, хотя, конечно, монголовъ судить строго въ этомъ случаѣ почти не возможно. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ цзангиномъ я узналъ, что все необходимое для жизни обитатели станціи Бухэкъ или получаютъ отъ своихъ стадъ, или же приобрѣтаютъ покупкою въ Ургѣ. Въ народномъ языкѣ станція Бухэкъ нерѣдко называется Баясхулантү. На станціи, по обычаю, находится 12 семей станціонныхъ монголовъ и всѣ они принадлежатъ цацэнъ хановскому аймаку. Станціонный сүринъ находится къ сѣверу, въ направленіи къ Тблѣ; въ немъ при нуждѣ ставится войлочный дугунъ и совершаются хуралы. Обычно большой хуралъ бываетъ здѣсь

1) Сонгина ўла раздѣляется на три части:

или въ послѣдней лѣтней, или въ первой осенней лунѣ и въ эту пору сюда собирается до 100 ламъ. Помимо мѣстныхъ станціонныхъ, приходятъ еще окрестные шабинары и наконецъ нѣсколько ламъ изъ ургинскаго Гандана.

25-е Юля. Суббота.

5 ч. $+5^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+16^{\circ}$; 6 ч. $+16^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$.

Вьюки наши отправились отсюда въ 5 ч. утра раздѣленными: одинъ на верблюды, другой на телѣги, запряженной лошадей; сами же мы выѣхали въ 7 ч. 30 м. и направились на ЮЮЗ. Вплоть до горы Баяхулантѹ, давшей свое имя и народному названію станціи, дорога идетъ по ровной поверхности, усѣянной мелкимъ щебнемъ и покрытой довольно густою травкой. Отъ горы дорога къ станціи Долонъ раздѣляется: западный путь идетъ по горамъ и пересѣкаетъ довольно высокій перевалъ, именуемый Марцайнъ даба, — по этой дорогѣ монголы ѣздятъ весною и въ періоды дурной погоды; восточный путь проходитъ все пространство до Долбна по долинѣ, по этому пути ѣхали мы въ настоящее время. Начиная отъ горы Баяхулантѹ, степь поросла цакилдакомъ (*iris sibirica*) и купы этой травы дѣлаютъ дорогу тряскою. Вся долина въ ширину около 4 версты. Посреди нея были видны потоки нѣсколькихъ ключей и водныхъ скопленій, которые мои проводники называли мнѣ «цзамъйянь худуками», т. е. «придорожными ключами». Можетъ быть они ввали, а можетъ быть это былъ потокъ одного ключа, тянущійся на значительное пространство, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что середина этой долины болотиста; оттого кочующіе здѣсь монголы всѣ ютятся съ своими юртами по склонамъ горъ, и принуждены привозить воду въ бочкахъ и кадкахъ. Еще далѣе по дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько глубокихъ ямъ, наполненныхъ водою; почва въ такихъ мѣстахъ обыкновенно солонцеватая. Только у отроговъ горы Долбна долина нѣсколько повышается; цакилдакъ исчезаетъ, и степь снова дѣлается покрытою мелкимъ кипцомъ въ смѣси съ степною полынью. Мѣстами здѣсь попадаются большіе камни, и на нихъ сидятъ громадные тасъшубу (черные орлы). На станцію Долонъ мы прибыли въ 10 $\frac{1}{4}$ ч. Она расположена въ углу долины, при подножій Долонъ ѳлы, находящейся на СВ отъ станціи и недалеко отъ двухъ ключей, называемыхъ Буриду. Сверхъ обыкновенія, насъ встрѣтило здѣсь очень мало народу и станція казалась совершенно безлюдной; изъ разговоровъ выяснилось, что все здѣшнее населеніе отправилось на богомолье. Дѣло въ томъ, что на Марцайнскомъ перевалѣ находится сѹринъ станціи Долонъ, въ которомъ выстроенъ и дуганъ долбнской станціи; въ этомъ дуганѣ совершался теперь годовой хуралъ, къ отправленію коего собралось до 70 ламъ. Они пришли сюда съ ближайшихъ станцій, изъ хита Донхоръ-маньчжүшри и Урги.

Понятно, что такое собраніе составляло сущій праздникъ для степняковъ; на станціи остались только старыя, да малыя; впрочемъ, изъ юрты нашего почтосодержателя и эти послѣдніе ушли собирать мангърсу (*Allium senescens*), во множествѣ растущій въ здѣшнихъ горахъ.

Станцію Долбнъ мы оставили въ 11 ч. 10 м. и двинулись въ направленіи на ЮЗ, по долбнской долинѣ, ограничиваемой съ востока горами Хугэнэй нурӯ, а съ сѣверо-запада Марцайскими горами. Увалы, пересекающіе эту долину, были почти сплошь изрыты норами сурковъ, или по-монгольски, тарбагановъ, что несомнѣнно свидѣтельствовало объ изобиліи этихъ звѣрковъ. Вскорѣ къ нашему поѣзду присоединился монгольскій охотникъ, выѣхавшій въ настоящую пору именно на охоту за тарбаганами. Онъ разказалъ мнѣ, что принадлежитъ къ числу хошунныхъ податныхъ Пунъ-бѣйсэ и живетъ, промышляя главнымъ образомъ охотою. Предметы охоты: осенью—цаганъ гѣрбѣсү и дзѣраны, зимою къ этому присоединяются волки, которыхъ убиваетъ онъ почти исключительно ради шкуры, потому что мясо волчье на пищу не пригодно и изъ всей туши онъ беретъ только внутренности и желчь, употребляемые въ ламской медицинѣ, хотя эти послѣднія и не цѣнятся дорого, а продаются обыкновенно за два, три хадака. Что касается тарбагановъ, то мясо ихъ идетъ на пищу, а шкура на продажу. Въ лѣто иной разъ набирается до 200—300 шкурокъ, которыя или продаются заѣзжимъ китайцамъ, или же отправляются съ знакомыми извозчиками то въ Кяхту, то въ Калганъ. Въ Кяхтѣ шкурка тарбагана цѣнится въ 3—4 копѣйки, а въ Калганѣ китайцы даютъ за нее отъ 15 до 20 чжбсу (чеховъ). Повстрѣчавшійся намъ охотникъ былъ вооруженъ короткимъ кремневымъ ружьемъ, по общему обычаю монголовъ, устанавливаемымъ для стрѣльбы на подвижныя подставки. Скоро намъ пришлось увидѣть какъ искусство, такъ и результаты его охоты. Едва подъѣхали мы къ возвышенію Марцанъинъ-гоцзогѣръ, какъ охотникъ запримѣтилъ сурка, стоявшаго у своей норы и, подкравшись къ нему, выстрѣлилъ на разстояніи 55 шаговъ. Слѣды крови, оставшіеся у норы, указывали, что выстрѣлъ былъ удаченъ, тѣмъ не менѣе сурокъ скрылся въ нору и достать его оттуда, за недостаткомъ инструментовъ, оказывалось невозможнымъ. Запримѣтивъ мѣсто, охотникъ снова послѣдовалъ за нами и, не болѣе какъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа, когда мы подъѣзжали къ Барчинайнъ-хүтүл'ю, ему снова попался сурокъ, котораго онъ убилъ наповалъ. Эта охота представляла собою прекраснѣйшую бытовую картину и я не преминулъ снять ее фотографією. Оставивъ здѣсь охотника, который на нашихъ глазахъ сдѣлалъ четыре выстрѣла совершенно безъ промаха, мы ускорили движеніе и, переваливъ черезъ Барчинайнъ-хүтүль, въѣхали въ небольшую долину, огра-

ничаваемую съ востока горою Барчинà, а на югѣ пересѣкаемую Ногбнь-дабàн'омъ. Барчинà совершенно отличается отъ окружающихъ горъ своею высотой и отсутствіемъ растительности. Оголенные граниты стоятъ отвѣсно на ея вершинѣ и представляютъ собою неприступныя скалы. Въ совершенную противоположность этому, Ногбнь-дабà покрытъ густою травою. Съ южной стороны его стекаетъ небольшой ключъ, который постепенно расширяется въ своемъ руслѣ по мѣрѣ пониженія мѣстности и наконецъ въ полуверстѣ отъ подошвы Ногбнь-дабàна образуетъ собою порядочный бассейнъ, называемый Ногбнай-усу. Впрочемъ, вода Ногбнай-усу оказывается пригодною для питья только у самаго истока, далѣе, вслѣдствіе мелководья, она дѣлается теплою, а въ самомъ бассейнѣ портится и приобретаетъ солонцеватый вкусъ и дурной запахъ; — можно сказать, что въ этомъ мѣстѣ она является интересною только для журавлей, въ обиліи бродящихъ по берегамъ вышепомянутаго бассейна. Пройдя по лѣвому берегу озера, дорога круто поворачиваетъ сначала на востокъ, а потомъ на югъ, къ перевалу Борд-тологдй, на южной сторонѣ котораго находится почтовая станція Чжиргалантү.

Станція располагается на обширной равнинѣ, ограничиваемой съ сѣвера вышепомянутымъ переваломъ Борд-тологдй, съ запада, — холмами Чжиргалантү, на которыхъ усердные монголы воздвигли до 30 обѣ, на югѣ же, куда лежалъ нашъ путь, равнина эта уходитъ вдаль и лишь на горизонтѣ ограничивается какими то возвышенностями. При станціи располагается и ея сүринъ, заключающій въ себѣ два бэйшина: первый изъ нихъ служитъ станціонной кумирней, во второмъ хранятся станціонныя юрты. Впрочемъ, названіе кумирни не подходитъ сполна къ этому первому бэйшину. Правда, въ немъ установлены всѣ бурханы и принадлежности хураловъ; живущіе при станціи ламы приносятъ здѣсь ежедневныя жертвы передъ бурханами и даже отправляютъ изрѣдка хуралы; но въ дни великихъ и годовыхъ хураловъ, когда ламъ собирается много, станціонныя строятъ войлочный дугунъ передъ дверями этой кумирни. Постоянными остатками этого дугуна являются четыре выкрашенныхъ красною краскою столба, на которыхъ утверждено громадное брхѣ, или дымникъ юрты. Таковъ общій видъ чжиргалантү'скаго сүрина.

Мы оставили эту станцію въ 2 ч. 20 минутъ и двинулись по долинѣ, въ направленіи на ЮЮЗ. Не болѣе какъ въ 10 мин. ѣзды намъ повстрѣчался ключъ, называемый Адагійнъ булукъ, изъ котораго станціонныя не берутъ однако воды, а только поятъ животныхъ. У ключа долина кочковата и поросла дэрсүномъ, но далѣе почва ея дѣлается красно-песчаною и усѣянною мельчайшими камешками. Верстахъ въ 4-хъ отъ станціи у под-

ножія столообразнаго холма, называемаго у монголовъ Ширѣ, мое вниманіе привлекли четыре большіе камня: три изъ нихъ уже упали, а четвертый еще стоялъ, какъ могильный памятникъ. Камни были, очевидно, отесаны рукою человѣка, но никакихъ надписей и изображеній на нихъ не заключалось. Нѣсколько далѣе долина начинаетъ ограничиваться съ востока высокою горою Йэхэ хаирхѣнъ, которой противулежатъ на западѣ длинныя холмы Хурѣнъ хабтагай, противустоящія также и горамъ Сучжи, тянущимся на восточной сторонѣ долины непосредственно за Йэхэ хаирхѣномъ. Продолженіемъ Хурѣнъ хабтагай на западѣ является Цзунъ хабтагай, которому на востокъ противулежатъ горы Хурѣнъ-ундуръ. На югъ, какъ было уже сказано, долина эта простирается на большое разстояніе и только на половину пересѣкается двумя увалами Намъ-дабѣ и Ташигай. Дорога не направляется на эти увалы, а обходитъ ихъ съ восточной стороны, при чемъ оба эти объѣзда являются весьма каменистыми. Такимъ образомъ путь между станціями Чжиргалантү и Үндуръ добб является въ высшей степени однообразнымъ, хотя для меня онъ прошелъ крайне весело, благодаря чисто случайному обстоятельству. Никогда еще не было даваемо мнѣ такихъ прекрасныхъ лошадей, какъ со станціи Чжиргалантү. Быстрота движенія ихъ какъ будто веселила монголовъ и всѣ они были очень разговорчивы и любезны. Настала третья перемѣна лошадей, и въ эту очередь, очевидно, попала одна лошадь, никогда не ходившая подъ дамнуромъ. Всѣ попытки сидѣвшаго на ней монгола остались безуспѣшны, — лошадь не входила подъ палку. Нашелся другой улѣчи (подводчикъ), сѣвшій на нее, однако и усилія этого ѣздока остались безплодны. Ёздокъ заключилъ, что если теперь же не вогнать эту лошадь подъ дамнуръ, то она навсегда испорчена, а чтобы достигнуть цѣли, завязалъ ей глаза. Усѣвшись такимъ образомъ на слѣпую лошадь, онъ ловко положилъ на сѣдло дамнуръ. Отъ непривычной тяжести животное нѣсколько отшатнулось въ сторону, но сильный ударъ ногой заставилъ его скакать по управленію поводевъ. Проѣхавъ минутъ десять, ёздокъ снялъ повязку съ глазъ лошади и несчастная тутъ только поняла, что она находится рядомъ со страшившею ее телѣгою. Вновь шарахнулась она въ сторону, но на этотъ разъ другой улѣчи, скакавшій на ряду съ нею, не только преградилъ ей дорогу, но еще больше притиснулъ ее своею лошадыю къ телѣгѣ. Еще 100—150 сажень такого движенія и лошадь пошла совершенно хорошо, хотя, конечно, все время нужно было зорко слѣдить за ея движеніями. Такъ-то обучаютъ монголы своихъ лошадей.

Недоѣзжая съ версту до станціи Үндуръ добб, мы наскочили на кочковатый солончакъ, и засимъ поднялись на небольшое возвышеніе, судя

по названію, кажущееся монголамъ «высокой грудой» (Ўндурь-добб). На склонахъ этого возвышенія и по самому возвышенію стоитъ почтовая станція, на которую мы прибыли въ 4 ч. 35 мин.

Здѣсь мы должны были купить себѣ барана, чтобы приготовить пищу на день, или два. Покупка совершена была очень скоро: годовалый баранъ былъ приобрѣтенъ за четыре чая (2 р. 40 к.), по обычаю, безъ кожи, головы, внутренностей и ногъ, за что хозяинъ изготавилъ намъ тушу. Мясо у хозяина барана, мясо у насъ — составило праздникъ для цѣлой станціи. Я пригласилъ къ своему ужину цзангѣна, съ которымъ проговорилъ часовъ до 11 ночи. Словоохотливый старикъ, вспоминая старину, разказывалъ мнѣ, какъ сражался онъ съ хой-хойцами, при послѣднемъ нападеніи ихъ на Халху, и вотъ что можно было вывести изъ его разказа.

Шайка, производившая послѣдній набѣгъ на Халху, состояла изъ китаецевъ-магометанъ и татаръ. Первоначально они собрались въ городахъ Цзанъ-цзинъ-фу и Ганъ-чжоу, гдѣ имѣли совѣщанія о томъ, какъ бы пограбить имъ Халху вообще и особливо Ургу, гдѣ представлялись имъ несмѣтныя богатства, надежду же на успѣхъ давали имъ съ одной стороны трусость монголовъ, а съ другой — бывшія удачи ихъ собратій. О совершившемся уже въ эту пору сборѣ монгольскихъ войскъ и расположеніи ихъ хой-хойцы эти не имѣли тогда никакого понятія: они полагали, что стоитъ придти имъ въ Халху и добыча будетъ въ рукахъ, оттого большинство ихъ вышло пѣшими, едва вооруженными кто фитильнымъ или кремневымъ ружьемъ, кто копьемъ, мечемъ, или саблею. У горъ Гурбанъ сайханъ разбойники эти имѣли послѣдній общій станокъ и здѣсь именно рѣшили они прежде всего добыть себѣ лошадей. Съ этою цѣлью они раздѣлились на мелкія шайки и двинулись на грабежъ въ разныя стороны. Вскорѣ массы верблюдовъ и лошадей были пригнаны ими въ общій станъ, послѣ чего уже конными они двинулись въ Халху. Шли отдѣльными небольшими эшалопами и дорогою схватывали монголовъ, женщинъ и даже дѣтей, которыхъ заставляли то показывать дорогу, то прислуживать и вести вьючныхъ верблюдовъ, то наконецъ брали ихъ съ собою просто ради того, чтобы представить свой станъ пообширнѣе. Такимъ образомъ дошли они до р. Онгѣна и здѣсь всѣхъ хой-хойцевъ собралось до 600 человекъ, а съ монголами, женщинами и дѣтьми до 800 человекъ. Противъ нихъ были посланы: 1) шестисотенный отрядъ подъ начальствомъ цзахирахчи Бэхѣ очѣра; онъ выступилъ изъ Урги, направляясь прямо на югъ, по ургинско-калганскому тракту; 2) отрядъ въ 400 человекъ подъ начальствомъ князя Чимѣтъ-гуна, выступившій изъ Эрдэни-цзѹ и, наконецъ, 3) чахарскій отрядъ,

состоявшій въ распоряженіи улѣсутайскаго цзянь-цзюня и имѣвшій свой лагерь неподалеку отъ Онгійна.

Когда было получено извѣстіе о нахожденіи хой-хѡйцевъ у Онгійна и намѣреніи ихъ двинуться на Ургу, то ургинскій маньчжурскій амбанъ сдѣлалъ такое распоряженіе: а) чахарамъ, которые ближе другихъ находились къ шайкѣ, пропуститъ главный отрядъ ея на сѣверъ, къ Ургѣ, а засимъ стать на дорогѣ и уничтожать остальныхъ разбойниковъ; б) Бэхэ очіру стараться тѣснить шайку къ Ургѣ и вступать съ нею въ сраженіе только въ самомъ крайнемъ случаѣ; в) Чимэтъ-гүну удерживать движеніе шайки въ стороны. Амбанъ, очевидно, хотѣлъ завлечь шайку подальше на сѣверъ, чтобы воспрепятствовать возвращенію ея въ Китай и, по разбитіи ея гдѣ-либо около Урги, истребить засимъ остатки ея, во время ея обратнаго бѣгства; слава пораженія при этомъ, конечно, цѣликомъ осталась бы за нимъ. Съ р. Онгійна хой-хѡйцы двинулись на сѣверо-востокъ одною шайкою. Согласно распоряженію, чахарскій отрядъ не особенно искалъ встрѣчи съ нею и, въ сдѣланномъ только для вида нападеніи, убилъ нѣсколько человекъ, пропустивъ всю шайку на сѣверъ. Въ двухъ переходахъ отъ большаго калганско-улѣсутайскаго тракта халхаскій отрядъ Бэхэ очіра, въ которомъ состоялъ и мой разказчикъ цзангінъ, зашелъ въ тылъ шайки и пошелъ по слѣдамъ ея. Отрядъ Чимэтъ гүна оставался восточнѣе. Вскорѣ такое расположеніе халхаскихъ войскъ сдѣлалось извѣстнымъ хой-хѡйцамъ; они сообразили, что попали въ засаду и хотѣли было уклониться на западъ, чтобы повернуть затѣмъ обратно на югъ. Въ свою очередь и Бэхэ очіръ ежедневно получалъ извѣстія о состояніи хой-хѡйскаго стана и, провѣдавъ о движеніяхъ шайки на западъ, рѣшилъ произвести на нее нападеніе. Въ 150 верстахъ отъ Урги, въ мѣстечкѣ Ухъширѣ шестисотенный отрядъ Бэхэ очіра догналъ шайку и вступилъ съ нею въ сраженіе. «Мятежники дрались отчаянно, да и наши нападали какъ львы», говорилъ цзангінъ. — «Главное, у насъ было много боевыхъ запасовъ, а у разбойниковъ— очень мало: уже въ полдень мы увидели, что хой-хѡйцы начали стрѣлять кто камнями, кто кусочками мѣди, кто даже кусочками серебра. Къ вечеру хой-хѡйцы побѣжали, а мы начали собирать добычу. Убитыхъ разбойниковъ было болѣе 300 человекъ и оставили они больше 1000 верблюдовъ и 200 слишкомъ лошадей; наконецъ, осматривая поле сраженія, солдаты Бэхэ очіра собрали болѣе 300 ланъ серебра, которое разстрѣляли хой-хѡйцы. Въ тотъ же день Бэхэ очіръ послалъ донесеніе маньчжурскому амбаню, въ которомъ докладывалъ о своемъ славномъ дѣлѣ, а къ вечеру втораго дня получилъ уже отвѣтъ, въ коемъ амбанъ восхвалялъ храбрость Бэхэ очіра, сообщалъ, что онъ самъ

немедленно выступаетъ изъ Урги, чтобы окончательно поразить мятежниковъ и, наконецъ, приказывалъ Бэхэ очіру преслѣдовать хой-хойцевъ, но ни въ какомъ случаѣ не вступать съ ними въ сраженіе до прихода его, амбана. Письмо оканчивалось обѣщаніемъ амбана хлопотать передъ императоромъ о награжденіи Бэхэ очіра титуломъ «батура» и о пожалованіи ему сверхъ того денежной награды.

Получивъ такой приказъ, Бэхэ очіръ двинулся въ погоню за хой-хойцами и догналъ ихъ во второй разъ въ урочищѣ Биліотайнъ чжиса, на расстояніи верстъ 80-ти отъ мѣста бывшаго сраженія. Съ перваго взгляда было видно, что станъ хой-хойцевъ сдѣлался значительно больше, а черезъ шпионовъ было узнано, что за истекшіе три дня къ хой-хойцамъ присоединилось до 100 человекъ съ награбленными верблюдами, лошадьми и вещами. Часть этихъ присоединившихся принадлежала къ тѣмъ, которые, скрывая награбленное, бѣжали на западъ съ мѣста сраженія въ Ухъ-ширѣ; а часть была совершенно новыхъ людей, которые отстали отъ главнаго хой-хойскаго отряда на Онгійнѣ и двигались за нимъ сзади. Хой-хойцы, несомнѣнно, были извѣщены о приближеніи погони за нѣсколько времени; оттого, когда отрядъ Бэхэ очіра подошелъ къ ихъ стану, то станъ этотъ былъ уже укрѣпленъ. Разбойники огородились кругомъ верблюдами, лошадьми, вьюками, словомъ всѣмъ, что только было въ ихъ распоряженіи и чѣмъ можно было огородиться. Бэхэ очіръ окружилъ ихъ. На другой день къ монгольскимъ войскамъ присоединился еще отрядъ Чимѣтъ-гүна и такимъ образомъ число монгольскихъ войскъ возрасло до 900, или даже 1000 человекъ. Начальники монгольскихъ отрядовъ, имѣя вышепредставленное предписаніе ургинскаго амбана, не смѣли производить нападенія и только старались о томъ, чтобы удержать хой-хойцевъ на мѣстѣ до прихода амбана. Въ теченіе трехъ дней хой-хойцы постоянно высылали изъ своего стана людей съ очевидною цѣлью осмотрѣть ближайшія мѣста и изыскать средства къ освобожденію изъ засады, но часть этихъ соглядатаевъ была убиваема монголами, а часть захватываема въ плѣнъ. Отъ плѣнниковъ этихъ было узнано, что хой-хойцы не имѣютъ у себя уже никакихъ запасовъ и питаются исключительно лошадинымъ мясомъ. Наконецъ, на третій день хой-хойцы отправили къ Чимѣтъ-гүну и Бэхэ-цахирахчй своихъ парламентаровъ, которые предлагали халхаскимъ начальникамъ отдать рѣшительно все, лишь бы только дана была имъ пощада; но парламентары эти были изрѣзаны на куски и замучены монголами до смерти въ глазахъ всего хой-хойскаго стана. Хой-хойцы плакали какъ малыя дѣти, видя такія страданія своихъ собратій.

Наконецъ, прибылъ отрядъ чахарскихъ войскъ подъ начальствомъ

чахарскаго амбана, который, какъ старшій, принялъ теперь на себя распоряженіе всѣми отрядами. Монгольскіе военачальники представили чахарскому амбану распоряженіе ургинскаго амбана, и послѣдній, — говорилъ цзангінъ, — когда подали ему эту бумагу, затопалъ ногами и закричалъ, что ургинскій амбанъ хочетъ присвоить себѣ всю славу. Очевидцемъ этой бурной сцены былъ самъ цзангінъ, дальнѣйшее же онъ разказывалъ только какъ молву. Говорятъ, что въ эту самую ночь начальникъ хой-хойской шайки съ однимъ только своимъ адъютантомъ отправился въ чахарскій лагерь для переговоровъ, а на другое утро къ чахарскому амбану было отправлено три верблюда, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ. На другой день чахарскимъ амбанемъ было объявлено, что хой-хойцы на-завтра намѣрены передать войскамъ богдохана свое оружіе и сдаться на милость богдохана; что при этой церемоніи должны присутствовать всѣ халхаскія войска, а потому онъ предлагаетъ имъ перекочевать лагеремъ къ чахарскимъ войскамъ. Къ вечеру приказаніе это было исполнено, а ночью вся шайка хой-хойцевъ, имѣя для себя открытыми южную и западную стороны, съ шумомъ и криками бѣжала. Передъ своимъ бѣгствомъ хой-хойцы перерѣзали всѣхъ захваченныхъ ими монголовъ, женщинъ и дѣтей числомъ до 80 человекъ; это дѣлали они, во-первыхъ, мстя за смерть своихъ парламентаровъ, во-вторыхъ, подозрѣвая этихъ монголовъ въ измѣнѣ и указаніи неправильныхъ дорогъ и, въ-третьихъ, наконецъ, почитая ихъ излишней обузой при своемъ движеніи. Монгольскія войска, услышавшіе шумъ въ хой-хойскомъ лагерѣ, немедленно отправились доложить чахарскому амбану, но послѣдній принялъ докладъ только утромъ, когда хой-хойцы успѣли уйти уже версты на 20. Получивъ докладъ, амбанъ приказалъ прежде всего осмотрѣть лагерь, потомъ заняться погребеніемъ избитыхъ съ оказаніемъ почестей тѣламъ ихъ, какъ пострадавшихъ за отечество и только на третій день разрѣшилъ преслѣдованіе хой-хойцевъ.

Между тѣмъ хой-хойцы ушли уже далеко. Они раздѣлились на двѣ партіи, и халхаскія войска, получивъ извѣщеніе объ этомъ, въ свою очередь, раздѣлились. Чимэтъ-гунъ отправился восточнѣе и, перешедши калганско-улясутайскій трактъ, возвратился, совершенно не видавъ хой-хойцевъ. Отрядъ Бэхэ очіра шелъ западнѣе. Онъ также не догналъ главной шайки, но постоянно настигалъ мелкіе эшалоны, при чемъ имъ было избито до 150 человекъ хой-хойцевъ. При приближеніи преслѣдователей хой-хойцы не останавливались и не защищались, но оставляли въ рукахъ монголовъ и своихъ убитыхъ, и отстававшихъ въ бѣгствѣ, и даже выюки, которые были захвачены ими, какъ болѣе цѣнные изъ лагеря при Билютаѣ. Достигнувъ р. Оягійна, солдаты Бэхэ очіра совершенно изнурились и

должны были прекратить свое преслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе съ этихъ поръ хой-хойцы уже не вступали болѣе въ предѣлы Халхи. — Легъ спать въ 2 ч. 40 м. ночи.

26-ое Іюля. Воскресенье.

5 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+20^{\circ}$; 2 ч. $+24^{\circ}$; 10 ч. $+14^{\circ}$.

Станція Ёндуръ-добб расположена на склонѣ невысокаго холма, именуемаго Ёндуръ-добб; свою воду она получаетъ изъ колодца, носящаго то же названіе; съ запада она ограничивается невысокими пригорками, именуемыми Ёгѣмуръ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ совершенно открыта. Почтосодержателями станціи являются 12 юртъ цэцэнъ-хѣновскаго аймака со своими родственниками, всего до 45 семей. Мы оставили Ёндуръ-добб въ 8 ч. 40 м. Дорога предлежала въ направленіи къ югу. Передъ нами залегала обширная степь, на которой, кажется, трудно было отличить какое-нибудь урочище. Дѣйствительно, сами монголы стѣсняются различать здѣсь мѣста и кое-гдѣ поставили обб, посредствомъ которыхъ и является только возможность опредѣлять пространство. Нечего говорить, что при такомъ недостаткѣ отличій, у нихъ является подмѣченнымъ и обозначеннымъ особымъ именемъ каждый пригорокъ, но таковыхъ здѣсь крайне мало. Въ 9 ч. 15 м. мы достигли небольшого увала, именуемаго Борѣ хошѣ. Общій наклонъ долины отсюда, очевидно, обозначается къ востоку; вдали показались юрты, въ которыхъ живутъ станціонные содержатели Ёндуръ-добб. За уваломъ Борѣ хошѣ начинаются почти сплошныя розсыпи щебня, мѣстами на самыя незначительныя пространства (приблизительно въ 8—10 саженой), смѣняемые гуджйрами, на которыхъ обыкновенно скопляется дождевая вода. Въ 9 ч. 45 м. показался новый пригорокъ, именуемый Дзэсъ-нохѣй; влѣво отъ него видны были 12 юртъ шабинѣровъ Донхѣръ-маньчжуръ хутухтѣ. Переваливъ черезъ этотъ пригорокъ, мы тотчасъ же поднялись на другой, называемый Бомботу; здѣсь считаютъ монголы половину станціонной дороги, хотя не вѣрно, такъ какъ вторая половина является въ дѣйствительности значительно короче. Однообразіе придорожныхъ видовъ здѣсь поразительно. Въ 10 ч. 15 м. къ западу ясно обрисовалась невысокая гора, Цаганъ-дѣль, на которой рѣзко отличались какіе-то бѣлые камни. Они походили на могильные знаки и мнѣ захотѣлось посѣтить ихъ. Казавшійся близкимъ отъ дороги пригорокъ этотъ оказался стоящимъ отъ нея верстахъ въ 4-хъ, такъ что мнѣ потомъ съ трудомъ удалось догнать свой поѣздъ; но еще досаднѣе было то, что камни оказались простымъ сѣрякомъ, при солнечномъ освѣщеніи представлявшимъ совершенно бѣлыми. Въ 10 ч. 45 м. прибыли на ст. Тала-булакъ. Здѣсь 12 юртъ почтосодержателей, при которыхъ до 50 семей родственниковъ. Станціонный сѣринъ находится здѣсь же, при

станціи; его составляютъ два байшина для помѣщенія кумирень, одинъ для хранения хурұльныхъ принадлежностей и три байшина для хранения станціонныхъ припасовъ, каковыми являются: лучшія юрты (цаганъ-эрѣнгѣръ), ковры, олбокы, столы, чашки, доубо и пр. Воду станціонные обитатели получаютъ изъ худукъ, такъ какъ находящіеся при станціи два ключа, Талъ булакъ и Дэльгѣръ булакъ, весьма незначительны. Станція находится посреди ровной степи и только къ востоку отсюда залегаетъ пологая возвышенность — Ёнигѣту.

Оставивъ станцію Талъ булакъ въ 11 ч. 25 м., мы продолжали путь по долині къ югу вплоть до ограничивающаго эту долину увала, называемаго Ухъ хутұль. Почва здѣсь на всемъ протяженіи къ слѣдующей станціи, т. е. какъ въ долинахъ, такъ и на увалахъ, такая же: она густо покрыта щебнемъ и съ крайне рѣдкою травою; новизною представляется лишь то, что вершины уваловъ повсюду начинаютъ быть каменистыми и обнаруженные пласты дикаго камня придаютъ имъ странный дымчатый цвѣтъ. Такой видъ носятъ на себѣ лежащіе поочереды Шанхагыйнъ оботу, Цзамыйнъ тологой, Шибѣту, Уланъ оботу и другіе увалы. У этого послѣдняго увала Уланъ оботу, увѣнчаннаго дѣйствительно обѣ, станціонные считаютъ половину дороги между станціями, въ политическомъ же отношеніи Уланъ оботу важенъ какъ пограничный пунктъ для хошұновъ Далай-чжондъ бэйсэ и Тѣ гүна, иначе называемаго Уйцзанъ гүномъ. Въ 12 ч. 55 м. мы достигли глубокой впадины, посреди которой стоялъ большой бассейнъ съ водою. Это такъ называемый Хирай нұръ, или озеро Хирай, хотя въ сущности озера здѣсь нѣтъ и вода его не выходитъ изъ земли, а скопляется вслѣдствіе дождей. Солончаковая почва долины дѣлаетъ эту воду горько-соленою, такъ что пить ее можетъ только скотъ, для людей же она вовсе не пригодна. Поднявшись отсюда на каменистый Хирай-нұрынъ урдұ тологой, мы спустились съ него въ долину, покрытую глубокимъ пескомъ; растительности здѣсь крайне мало и только быстрыя ящерицы, бѣгающія въ разныхъ направленіяхъ, развлекаютъ глазъ. Переваливъ еще одинъ увалъ, мы прибыли въ долину станціи Наранъ. Долина эта весьма обширна и протягивается къ югу. Воду станціонные получаютъ изъ худукъ, но имѣется и ключъ, именуемый Наранъ булакъ; замѣчательно, что ключъ этотъ имѣетъ хорошую воду и не замерзаетъ даже зимою. Всѣ почтосодержатели принадлежатъ цацәнъ-хъановскому аймаку. Сұринъ ихъ находится отсюда къ СВ. На станціи Наранъ проживаетъ нынѣ нѣсколько семей шабинаровъ, три года тому назадъ подаренныхъ Чжэбцұнъ-дамба хутухтѣ.

Въ 3 ч. 40 м. мы отправились со станціи прямо на югъ пересѣкать долину Нарана. Почва близъ самыхъ станціонныхъ юртъ гуджирная и, такъ

как на станціи только сегодня прошелъ сильный дождь, то на гуджирѣ образовалась довольно большая и вязкая грязь. По мѣрѣ удаленія на югъ, урочище начинаетъ подниматься, почва осушается и мало-по-малу снова переходитъ въ пространство, покрытое щебнемъ. Въ такихъ мѣстахъ мы впервые начали встрѣчать отсюда въ изобиліи харагану. Поднявшись на увалъ, называемый Цзамьинъ-дэбсѣнъ, мы потеряли изъ виду станцію Наранъ и начали переѣзжать долины, отдѣляемыя одна отъ другой увалами. Ближайшій и болѣе высокій изъ этихъ уваловъ носить названіе Ару-усунай хутуль; на южной сторонѣ его, у самой дороги, находится небольшой колодець, при которомъ ежегодно весною и осенью кочуютъ хошунные люди Тб-гуна. Вслѣдъ за симъ дорога снова начинаетъ подниматься на увалъ, за которымъ слѣдуетъ спускъ во впадину, именуемую Бирфугынъ хонхоръ; слѣдующая за нею лощина называется Бухайнъ хонхоръ и еще далѣе Шибеганцайнъ хонхоръ. Урочища эти на всемъ своемъ протяженіи представляютъ прекрасную дорогу для колесной ѣзды, будучи усыяны мельчайшею галькой, какъ дорожки въ нашихъ лучшихъ паркахъ. На западъ отсюда на самомъ горизонтѣ намъ виднѣлись горы Йэхэ адацакъ и Бага адацакъ. Миновавъ падъ Шибеганцайнъ хонхоръ, мы въ 5 ч. 50 мин. достигли до мѣста, гдѣ почтовый трактъ пересѣкается лугорской дорогой, идущей изъ Калгана на СЗ. Она проходитъ по сѣверной сторонѣ горъ Багагадзарайнъ чулу, которыя въ неясныхъ очертаніяхъ были видны съ дороги въ направленіи къ западу. Отъ мѣста соединенія этихъ дорогъ начинается урочище, именуемое Хирайнъ тугурикъ, составляющее предѣльный сѣверный пунктъ для кочевьевъ станціонныхъ людей слѣдующаго ортона Модонъ. Въ лощинѣ здѣсь находится колодець. Далѣе слѣдуетъ небольшой увалъ, называемый Ару хохъ чулу. Въ 6 ч. 25 м. мы достигли каменистаго перевала Чулунай хиръ; громадные обнаженные граниты его лежали на вершинѣ грядями и издали казались зубчатою стѣною крѣпости. Отсюда пройдя столбообразную возвышенность Дурбальчжинъ уха, мы въ 6 ч. 40 м. прибыли на станцію Модонъ. Станція эта находится въ не широкой долинѣ, будучи окружена горами, на В — Модонъ-ула, на Ю — низкимъ хребтикомъ Уланъ-дэль и на ЮЗ — возвышенностями Хаданъ-хошунъ, за которыми далѣе на ЮЗ находится горько-соленое озеро, именуемое Хаданъ-хошунъ усу. Станціонную службу отправляютъ 12 юртъ цэцэнъ-хяновскаго аймака. Неподалеку отъ станціи находится двѣ хуръ, одна — покровителемъ которой является Ханбѣ-бакши, жительствующій въ Ургѣ, а другая хуръ Чжасарай хубилгана. Въ прошломъ году въ этой послѣдней хурѣ сгорѣлъ главный дугунъ; но въ настоящемъ году его уже выстроили вновь. Лѣсъ для постройки былъ привезенъ изъ Урги, плотниками явились китайцы, къ

освященію же дугуна Чжэбцзунъ-дамба-хутухтү пожертвовалъ въ него мѣдный бурханъ Аюши, вѣсомъ въ 9 китайскихъ пудовъ.

27-ое Юля. Понедѣльникъ.

5 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+23^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра. Отъ станціи не болѣе какъ во 100 саженьяхъ дорога начинаетъ подниматься на возвышенность Уланъ-дѣль, которая оказалась крайне каменистою: отдѣльные высокіе камни ея стоятъ какъ памятники на громадномъ кладбищѣ. Вообще дорога здѣсь, равно какъ и по спускѣ съ увала Уланъ-дѣль, замѣтно каменистѣе и растительности съ каждою новою долиною дѣлается все меньше и меньше. Поднявшись изъ Уланъ-дѣль'ской лощины на уваль Хэрэмьинъ хошү, мы съ вершины его увидали въ направленіи къ востоку два озера, называемыхъ Хэрэмъ нүр. Къ ЮЗ отъ этихъ озеръ протягивается, пересѣкая дорогу, широкая лощина съ гуджирною почвою, густо поросшею дэрэсүномъ. Изъ этой лощины мы поднялись на невысокій уваль Ухъ-хэрэмъ, за которымъ послѣдовала долина, тянувшаяся для насъ на цѣлый часъ ѣзды: ровная и покрытая мельчайшей дресвой, она представляетъ собою прекрасный телѣжный путь, но, по своему безплодію и однообразію, крайне утомительна для путника. Только въ юго-западномъ концѣ ея мѣстность нѣсколько оживляется, по всей вѣроятности, благодаря большому присутствію здѣсь подземной влаги: здѣсь имѣется колодець Сүчжи худүкъ, а около него куются двѣ юрты родственниковъ почтосодержателей станціи Модонъ. У самаго этого колодца начинается подъемъ на Дэрэнгійнъ хутүль, почитаемый половиною разстоянія между станціями, за которымъ слѣдуетъ долина Дэрэнгійнъ-энгиръ и новый подъемъ къ долинѣ Шаргалынъ сүчжи. Урочище это занимается юртами почтосодержателей өртөн'а Төйримъ и протягивается постепенно, склоняясь далеко-далеко на западъ къ колодцу Эмтү, получившему за свою величину прозваніе озера (Эмтү нүр). Переваливъ изъ Шаргалынъ сүчжи черезъ невысокій каменистый кряжъ, мы въ 9 ч. 50 м. пріѣхали на станцію Төйримъ. Она располагается въ ущельи, огражденномъ невысокими холмами, изъ которыхъ мѣстные монголы особливо чествуютъ два, стоящіе рядомъ на восточной сторонѣ станціи и называемые «хойръ-обб». Всѣ 12 юртъ здѣшнихъ почтосодержателей принадлежатъ аймаку Цэцэнь-хана. Неподалеку отъ станціи располагается хурѣ хубилгана Чжасарай ламы, которая почитается дугуномъ для двухъ станцій — Төйримъ и Борд дага.

Двинувшись отъ станціонныхъ юртъ въ 10 ч. 30 м., мы тотчасъ же спустились въ лощину, именуемую Төйримъ и дающую свое имя и самой станціи. Въ лощинѣ этой вырытъ станціонный колодець, а на ряду съ нимъ, нѣсколько къ востоку, лежитъ значительная котловина съ гуджир-

нымъ дномъ. Котловина эта носить названіе Тѳйримъ нуръ, хотя озеро здѣсь нѣтъ и вода въ этой котловинѣ собирается исключительно дождевая. Непосредственно этому озеру соприкасается большая равнина, близъ озера усѣянная кочками и поросшая дэрэсуномъ, но засимъ переходящая въ ровную и гладкую степь, покрытую щербнемъ. Долина эта пересѣкается гребнемъ Шарà-тѳйримьинъ хѳйту нурӯ, тянущимся съ СЗ на ЮВ, а засимъ та же долина называется далѣе уже Шарà-тѳйримьинъ хонхоръ. Здѣсь имѣется большой колодець. Наклонная къ ЮЗ долина эта простирается далеко къ югу и кажется упирающеюся въ горы Хаданъ зарà. Общаго названія она у себя не имѣетъ и только отдѣльныя части отличаются особыми названіями урочищъ: Хуйтунъ булукъ, — отъ имени протекающаго здѣсь источника; Хайрханъ, — отъ имени лежащей къ востоку горы и Халцзанъ, — отъ имени красновато-каменистаго холма, находящагося также къ востоку отъ дороги. Миновавъ эту долину, мы спустились въ лошину Борокчнъ гѳла, подъ каковымъ именемъ извѣстно гуджирное озеро, питающееся дождевою водою, а потому бывающее въ разное время различной величины, иногда же и совершенно пересыхающее. Въ настоящую пору мы пересѣкали западную окраину этого озера въ теченіе 20 минутъ, хотя ширина его въ мѣстѣ нашего переѣзда была едва ли больше версты, такъ сильно поросло это русло дэрэсуномъ: телѣга буквально прыгала съ кочки на кочку, скатывалась назадъ, сползала въ сторону, словомъ, приходила во всевозможныя, неестественныя при ея движеніи положенія. Такъ добрались мы до станціи Борò дагà. Она стоитъ на довольно широкой и длинной долинѣ, протягивающейя главнѣйше съ запада на востокъ и окруженной незначительными увалами. Надъ всѣми этими возвышенностями господствуетъ въ сущности очень не высокая гора Борохчнъ, стоящая въ долинѣ, ближе къ сѣверо-восточной ея окраинѣ. При станціи имѣется два худукà, или колодца, тѣмъ не менѣе при насъ воду брали не изъ колодцевъ, а изъ дождевой лужи. Я узналъ объ этомъ совершенно случайно, когда мѣстный цзангнъ началъ угощать меня чаемъ и, въ отличіе его достоинствъ, сообщилъ, что вода у нихъ теперь прекрасная, — «изъ лужи только третьяго дня шедшаго дождя!» Станціонные люди всѣ принадлежатъ здѣсь аймаку Цэцэнъ-хàна.

Въ разговорахъ съ цзангнномъ я узналъ между прочимъ, что окрестныя мѣста, начиная отъ колодца Эмтунуръ, лежащаго еще сѣвернѣе станціи Тѳйримъ, и далѣе до южныхъ границъ хошунà Гобинъ туншгунà, служатъ пастбищами казенныхъ стадъ, содержимыхъ ради нуждъ халхаскаго управленія и что въ настоящую пору не далѣе какъ въ 2 верстахъ отъ станціи Борò-дагà находится управленіе такими мѣстными сурұками.

Разсчитывая собрать объ этомъ учрежденіи болѣе точныя свѣдѣнія, я тотчасъ попросилъ себѣ лошадь и, вмѣстѣ со станціоннымъ цзангѣномъ отправился верхомъ познакомиться съ чинами этого управленія. Въ какіе нибудь 10 минутъ мы дорысили до кочевья суругыйнъ тамагѣ, которое состояло всего изъ трехъ юртъ: въ одной изъ нихъ проживалъ очередной тусалакчѣ, въ другой — его секретарь (бичѣчи), а въ третьей помѣщалась канцелярія, хранились дѣла управленія и жили сторожа, отбывающіе вмѣстѣ съ симъ и обязанность разсылныхъ. Тусалакчѣ мы не застали дома: онъ уѣхалъ къ Эмтү-нүру посѣтить тамошнее отдѣленіе верблюжьихъ табуновъ; по этой причинѣ всѣ наши разговоры велись съ бичѣчиномъ, котораго мы застали за занятіями въ канцеляріи. Отъ него узнали мы прежде всего, что въ настоящую пору казенныхъ животныхъ осталось въ этихъ мѣстахъ очень не много, такъ какъ, по недостатку травъ, большая часть табуновъ и стада перегнаны въ кочевья Гобинъ тушъ-гуна, куда, вѣроятно, вскорѣ же придется кочевать и управленію. Последнее не имѣетъ у себя постоянного штата, и лица, входящія въ составъ его, отбываютъ свои обязанности по трехмѣсячной очереди. Составъ его опредѣляется однимъ цзасакѣмъ, или тусалакчѣ; однимъ состоящимъ при немъ бичѣчи; тремя цзангѣнами, кочующими впрочемъ не при управленіи, а по отдѣльнымъ мѣстонахожденіямъ табуновъ; да 50 латниками въ званіи табунщиковъ и пастуховъ. Настоящій тусалакчѣ прибылъ сюда собственно для отбыванія лѣтней очереди, но засимъ, по предложенію сеймоваго начальства и по изъявленіи собственнаго согласія, оставленъ и на очередь трехъ осеннихъ мѣсяцевъ. Помимо этихъ постоянно смѣняющихся лицъ табуннаго управленія, при немъ имѣется еще особая должность цзахирахчѣ, на которую аймакъ назначаетъ лицъ уже не по очереди, а безсмѣнно. Этотъ цзахирахчѣ главнымъ образомъ и блюдетъ за стадами, зная состояніе ихъ до мельчайшихъ подробностей, тогда какъ очередные чиновники исправляютъ свои обязанности въ большинствѣ только формально и ограничиваются лишь обычной канцелярской перепиской. Въ настоящую пору въ здѣшнихъ табунахъ находилось: изъ хошүна Тушѣтү-хана, мериновъ 674, жеребцовъ и кобылицъ 52, верблюдовъ 187, быковъ 51 и овецъ 1112; а отъ цэцэнъ-хановскаго аймака, мериновъ 558, жеребцовъ и кобылицъ 43, верблюдовъ 56, быковъ 46 и овецъ 608; всего крупнаго и мелкаго скота около 3500 головъ. Табуны и стада эти никогда не кочуютъ вмѣстѣ, но, за недостаткомъ травъ, разбиваются на отдѣльныя парти головъ по 200, 300 и не болѣе 500. Засимъ бичѣчи разказалъ мнѣ нѣкоторыя изъ общихъ постановленій относительно управленія стада, которыя я считаю за лучшее передать въ третьемъ томѣ настоящаго труда, при систематическомъ

изложеніи свѣдѣній о содержаніи казенныхъ табуновъ въ Монголіи, теперь же я разкажу лишь случай, весьма характеристичный для пониманія порядковъ халхаскаго управленія вообще и чрезвычайно озабочивавшій бичѣчи въ нашъ пріѣздъ, почему онъ и сбивалъ на него нѣсколько разъ свою рѣчь. Дѣло въ томъ, что, начиная вторую очередь своей службы, тусалакчи и бичѣчи, принадлежавшіе къ одному хошуну, приводили въ порядокъ свои финансовыя дѣла и въ настоящую пору ихъ занималъ вопросъ о суммахъ, необходимыхъ на канцелярскія принадлежности управленія. «Мы съ тусалакчи» говорилъ бичѣчи, «назначены къ отправленію этой службы въ первый разъ и, пріѣхавъ сюда, не знали здѣшнихъ порядковъ. Каждому извѣстно, конечно, общее правило, что потребныя для канцеляріи бумага, кисти, тушь и киноваръ выдаются изъ аймачнаго чжисана. По прибытіи сюда въ концѣ третьей луны настоящаго года, мы спрашивали у исправлявшаго передъ нами свою очередь тусалакчи Даші-ринчина, какъ и откуда получать эти вещи и онъ сказалъ намъ на словахъ, будто существуетъ постановленіе, по которому необходимыя для канцеляріи бумага, кисти, тушь и киноваръ приобрѣтаются на суммы, выручаемыя отъ продажи сверхштатнаго скота, который находится на рукахъ у непремѣннаго цзахирахчи Гэндѹна. У этого Гэндѹна можно-де получить или овцу, или деньги, и на нихъ купить все нужное. Цзахирахчи Гэндѹнъ кочевалъ тогда со стадами далеко, въ хошунѣ Гобійнѣ тѹшѣ-гѹна; ѣхать къ нему было не возможно; поэтому мы, повѣривъ на слово сказанному, взяли въ долгъ у аймачнаго тѹнши, китайскаго торговца, Далай-насуту, 200 листовъ бумаги (мѹ-тоу) за 1 ланъ серебра, на 4 цина двѣ палочки туши, да на 5 циновъ 15 писчихъ кистей, а всего на 1 ланъ и 9 циновъ; теперь все это поисписали; на вторую очередь нуженъ свой расходъ; сообщаемъ объ этомъ цзахирахчи Гэндѹну, онъ же отвѣчаетъ намъ, что, при окончаніи весенней очереди, ему дѣйствительно было передано 4 сверхштатныхъ овцы, но когда вслѣдъ засимъ пріѣхалъ, для лѣтней повѣрки скота, командированный отъ аймака тусалакчи Даші-ринчинъ съ находившимися при немъ низшими чиновниками, то они получили этихъ овецъ въ провьянтъ и съѣли ихъ. При лѣтней повѣркѣ скота, излишняго приплода не оказалось и теперь сверхштатныхъ овецъ, или какихъ либо другихъ животныхъ у него, Гэндѹна, не имѣется». Теперь являлся вопросъ, чѣмъ уплатить китайцу сдѣланный долгъ и на какія деньги купить снова бумага, кистей, туши и киновари? Бичѣчи составлялъ по этому поводу бумагу въ аймачный чжисанъ, требуя его указаній, хотя не безосновательно полагалъ, что этихъ денегъ имъ не заплатятъ. «Хайранъ мѹнгѹ мнай!» т. е. бѣдные наши денюжки! восклицалъ онъ нѣсколько разъ и при этомъ ругался самымъ площаднымъ образомъ.

Отдохнувъ на станціи Борò дагā, мы оставили ее въ 3 ч. 30 мин. Путь нашъ лежалъ прямо на югъ. По ровной, дресвяной степи мы въ полчаса достигли невысокаго хребта Сэртэнъ, который отдѣляетъ Борохчинскую долину отъ долины Борò дагā, на которой собственно должна стоять станція. По сѣдловинѣ Сэртэна мы спустились въ долину Борò-дагā, въ сѣверной сторонѣ своей пересекаемую ложбиною потока Мунгутэй дабāнай усū, текущаго лишь весною съ восточныхъ горъ. Отъ этого потока мы подъѣхали къ подножію холма Борò дагā, который китайцы почему-то окрестили именемъ Борò бурянь, давъ то же самое названіе и станціи; названіе это однако же извѣстно только чиновникамъ, получающимъ пакеты китайскаго правительства и совершенно чуждо языку народа. Къ западу отъ Борò дагā, совершенно соприкасаясь съ нимъ своимъ подножіемъ, располагается другой, болѣе обширный и высокій холмъ, именуемый Зарā, который былъ видимъ намъ еще съ равнины Тѣйрима. Что касается долины Борò дагā, то она тянется приблизительно верстъ на десять, ибо, при быстрой ѣздѣ, мы двигались по ней 50 минутъ. Къ ЮЗ она ограничивается плоскою возвышенностью Сэртэнгійнь уха, за которою снова слѣдуетъ котловина, приводящая къ невысокому хребтику съ пятью выдающимися вершинами и потому получившему названіе Табунъ тологѣй. Здѣсь считается половина дороги между станціями. Вторая половина этого пути, также точно исполненная лощинъ и уваловъ, отличается отъ первой нѣсколько большею каменистостью. Болѣе ровною для колесной ѣзды представляется здѣсь только долина Аруладъ, до которой мы доѣхали ровно въ 5 часовъ. Здѣсь находится худукъ и кочуютъ станціонные люди ѳртѣна Байнь-хошū; за то переваливъ эту долину, дорога поднимается на увалъ Хадангійнь цѣхѣ, вершины котораго сплошь покрыты стоящими камнями. Таковою же представляется дорога и вплоть до станціи Байнь-хошū, которою достигли мы въ 5 ч. 25 мин.

Станція эта располагается при подошвѣ крутаго, но не высокаго увала, Зарā, ограждающаго долину Байнь-хошū съ ЮЗ; на ЮВ она уходитъ очень далеко и только на горизонтѣ видна ограничивающая ее цѣпь горъ, именуемыхъ Буинтū. Горы эти находятся близъ кочевья Уйцзанъ Тѣ гūна и чествуются имъ какъ покровительствующіе его нутуку; къ сѣверу отъ нихъ находится главная кумирня въ хошунѣ Уйцзанъ гūна. Воду обитатели здѣшней станціи получаютъ изъ худука. Въ составъ содержателей входятъ 10 юртъ аймака Цэцэнъ-хāна и 2 юрты тушѣтū хāновскихъ. Лица, слѣдующія въ Улясутай могутъ проѣзжать съ этой станціи прямо на станцію Шарā-шубутай калганско-улясутайскаго тракта и такимъ образомъ сократить для себя цѣлыхъ пять переѣздовъ и станцій. Для сего

обыкновенно требуется выставить двѣ перемѣны лошадей въ урочищахъ Цаганъ худукъ и Цодоходъ; впрочемъ, ѣхавшій за нѣсколько дней передъ симъ въ Улясутай Цэцэнгъ-ханъ ограничился одною выставкою, хотя, по словамъ почтосодержателей, онъ доставилъ имъ этимъ только большую тягость, такъ какъ переѣзды были очень длинны.

Въ 6 ч. 10 м. мы оставили станцію Байнъ хошū и, не имѣя ни возможности, ни желанія ѣхать кратчайшей дорогой, двинулись по дорогѣ къ Сайръ усū, на станцію Бильгѣхъ. Такъ какъ путь нашъ лежалъ на ЮЗ, то мы тотчасъ же поднялись на уваль Зарā. Съ вершины его передъ нами открылась громаднѣйшая, уходящая за горизонтъ степь, посреди которой какъ великанъ поднималась со своими утесистыми боками гора Бильгѣхъ. Казалось, на всемъ этомъ пространствѣ рѣшительно не на чемъ было остановиться глазу и, однако, спустившись въ самую степь и пересѣкая ее, мы начали различать хотя и весьма не многочисленныя урочища. Первымъ изъ таковыхъ въ 6 ч. 35 м. было урочище Тугурѣкъ усū; здѣсь имѣется колодець и пасутся станціонныя животныя. Еще далѣе степь различается уже при посредствѣ стороннихъ для нея предметовъ; такъ, на крайнемъ сѣверо-западномъ углу ея находится большая гора Хангā-ўла; степь параллельно этой горѣ также носитъ названіе Хангā. Въ 7 ч. 10 м. мы достигли каменистыхъ холмовъ Зарā и проѣхали между этими холмами въ тѣспинахъ, покрытыхъ густымъ, сыпучимъ пескомъ. Къ 8 часамъ мы добрались до горы Бильгѣхъ, блиставшей при послѣднихъ лучахъ заходившаго солнца своими разноцвѣтными камнями и слюдою. За горою послѣдовала большой солончакъ, отъ котораго мы углубились въ цѣпь холмовъ. Посреди ихъ въ узкой тѣспинѣ мы нашли расположенною станцію Бильгѣхъ. Станція эта была для насъ прямымъ убѣжищемъ, ибо поднявшійся страшный вѣтеръ кругомъ осыпалъ насъ пескомъ и удручалъ невыразимо. На самой станціи я былъ вдвойнѣ вознагражденъ, нашедши здѣсь разговорчиваго и дѣльнаго цзангина, который посвятилъ меня въ очень многія тайны почтоваго вѣдомства въ Монголіи. Мы проговорили съ нимъ до половины 12-го часа ночи.

28-е Іюля. Вторникъ.

5 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+31^{\circ}$; $6\frac{1}{2}$ ч. $+19^{\circ}$; $7\frac{1}{2}$ ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$.

Станція Бильгѣхъ находится въ урочищѣ Мушкā, заимствовавшемъ свое имя отъ мѣстнаго колодца. Близъ горы Бильгѣхъ, гдѣ собственно полагается стоять этой станціи, здѣшніе почтосодержатели признали жить неудобнымъ, во-первыхъ потому, что тамъ плохая вода, а во-вторыхъ потому, что прилежащія горѣ Бильгѣхъ гуджирныя мѣста въ періодъ дождей дѣлаются очень влажными и вредно вліяютъ на здоровье. Обо всемъ этомъ

они уже лѣтъ двадцать тому назадъ доложили ургинскимъ амбѣнямъ, которые и разрѣшили станціи стоять въ урочищѣ Мушкѣ. Станцію содержатъ 12 юртъ изъ аймака Цэцэнъ-хана. Постояннаго дугуна они не имѣютъ, но однажды въ годъ къ нимъ собираются ламы для совершенія хураловъ. За пять дней до нашего приѣзда у нихъ былъ народный праздникъ чествованія обѣ горы Бильгѣхъ. Праздникъ справлялся на средства всѣхъ почто-содержателей, по раскладкѣ. Народу собралось станціонныхъ и изъ хошуновъ до 200 человекъ. По окончаніи религіозныхъ торжествъ, боролись борцы и были скачки лошадей. Первый борецъ и первая лошадь получали призъ по 6 чаевъ.

Въ 7 ч. 40 м. мы оставили станцію Бильгѣхъ и, выѣхавъ изъ холмовъ Мушкѣ, спустились въ долину, ограждаемую на западѣ горами Мбгу. Переваливъ засимъ по сѣдловинѣ двухъ, рядомъ стоящихъ холмовъ Холбоцагѣнъ и непосредственно засимъ поднявшись на пологую возвышенность Хонхоръ-цагѣнъ, мы спустились въ песчаную долину, покрытую дэрэсуномъ. На югѣ эта долина ограничивается уваломъ Харѣ-обѣ, отъ котораго начинается каменистое ущелье, идущее посреди невысокихъ горъ, по отлогостямъ которыхъ проходитъ дорога: тропинка ея то повышается, взбираясь на горную боковину, то понижается, спускаясь съ нея. Такихъ подъемовъ здѣсь семь, почему и мѣстность эта называется «долѣнъ дабѣ» (семь переваловъ). Спустившись съ послѣдняго изъ этихъ переваловъ, мы нашли у подножія его станцію Сологдѣй, содержащую также цэцэнъ-хановцами.

Трудно представить себѣ монотоннѣе, безотраднѣе и безжизненнѣе вида, открывающагося со станціи Сологдѣй. Передъ нами во всѣ стороны залегала сѣрая равнина, уходящая за горизонтъ; почва ея песчано-дресвяная; растительности почти никакой, только отдѣльные кустики дэрэсунъ, да хараганѣ, уныло выглядываютъ изъ-подъ камней. Равнину эту намъ предстояло теперь переѣхать и мы двинулись съ Сологдѣя въ 10 ч. 10 м. Степь эта называется Шибѣгѣинъ гѣби. Посреди ея, въ направленіи къ востоку отъ дороги, есть колодезь Тугурѣкъ усѣ, при которомъ, говорятъ, иногда кочуютъ станціонные монголы. Въ 11 ч. 30 м. намъ ясно обрисовался на югѣ рядъ желтыхъ холмовъ, а горизонтъ покрылся очертаніями синѣющихъ горъ — Хабиргѣ. Желтые холмы эти оказались песчаными; они пересекаютъ степь съ СВ на ЮЗ. Почти на ряду съ ними возникаютъ другіе холмы, протягивающіеся съ СЗ на ЮВ; такимъ образомъ дорога входитъ здѣсь въ тѣнины и, обогнувъ песчаные холмы у мыса Шабактай, проходитъ съ версту посреди вторыхъ холмовъ, пока не пересѣчется горами Цзамѣйнъ хѣхѣ обѣ. Съ вершины этихъ горъ намъ открылся

такой же безотрадный видъ на Тухумъ гѣби, протягивающуюся въ наклонѣ къ ЮВ. Окружность гѣби видна съ горъ версть на 100 и на всемъ этомъ пространствѣ ни одного человѣческаго жилища. Въ 12 ч. 25 м., пересѣкая эту степь, мы подъѣхали къ горнымъ возвышенностямъ, изъ среды которыхъ выдается одна, къ западу отъ дороги, именуемая Байнъ ула. Она чествуется почтосодержателями станціи Сучжи. Самая станція Сучжи располагается не болѣе какъ верстахъ въ четырехъ отъ этой горы, въ направленіи прямо на югъ; мы прибыли сюда въ 12 ч. 40 м.

Станція Сучжи является послѣднею изъ Бухя ѳртѣн'овъ, находящихся въ завѣдываніи ургинскихъ амбаней. Далѣе, начиная отъ станціи Сайръ усу, ургинско-калганскій трактъ соединяется съ трактомъ калганско-улясутайскимъ и дорога въ Улясутай дѣлается общою для двухъ городовъ. Со станціи Сучжи можно проѣхать въ Улясутай и ближе, минуя Сайръ усу и держа путь прямо на станцію Модѣнъ, калганско-улясутайскаго тракта. Къ моему удивленію, станціонный цзангѣнъ извѣстилъ меня здѣсь, что въ извѣщеніи о моей поѣздкѣ (цзэръ) было именно указано такое направленіе моего пути и что помянутое сообщеніе было сдѣлано по требованію консульства. Но лишить меня посѣщенія Сайръ усу — значило лишить меня ознакомленія съ центральнымъ управленіемъ почтовыхъ учрежденій въ Монголіи; допустить этого я никакъ не могъ, а потому уже на свой страхъ приказалъ дать знать о моемъ приѣздѣ сайръ-усускому цзаргучѣю, и засимъ везти себя въ Сайръ усу. Конечно, въ Сайръ усу могли не принять меня, могли не дать лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія подъ предлогомъ, что мнѣ указалъ другой путь; но я съ трудомъ предполагалъ это, во имя своихъ знакомствъ съ монголами, во имя всегдашней любезности китайцевъ въ такихъ пустыхъ дѣлахъ, какъ проѣздъ по станціи, наконецъ, у меня было на всякій случай и легальное основаніе, ибо ѣдущимъ чиновникамъ законъ прямо указываетъ путь на Сайръ усу, а не самовольно измышленную монголами дорогу околицами. Съ такими-то, на всякій случай, основаніями и надеждами я двинулся на Сайръ усу въ 2 ч. 45 м., пославъ напередъ извѣщеніе о своемъ приѣздѣ. Дорога наша лежала теперь на ЮЮЗ. Переваливъ отъ станціи черезъ каменистую гряду Харъ чулѣ, вершина которой была усѣяна громадными валунами чернаго цвѣта, мы спустились въ долину, преграждаемую на ЮЗ другою такою же грядою, только съ камнями бѣлаго цвѣта, называемую Цзамыѣнъ цахѣръ. Отъ этой послѣдней гряды, вплоть до станціи Сайръ усу и даже далѣе ея, залегаетъ дресвяная равнина, совершенно однообразная по внѣшнему виду и различающаяся только названіемъ урочищъ. Ближе къ вышепомянутой грядѣ Цзамыѣнъ цахѣръ лежитъ урочище Дѣнъ, за нимъ слѣдуетъ Дэрѣсѣ,

еще далѣе — Хараганà и, наконецъ, Сайръ усù, на которомъ стоитъ почтовая станція. Надежды мои не обманули меня: мнѣ была приготовлена такая прекрасная юрта, какой не видалъ я еще во всю дорогу; внутри стѣны ея были обтянуты матерією, въ передней сторонѣ сдѣланъ канъ, въ юртѣ стояло два стола, словомъ, удобства были всѣ, какія только были въ распоряженіи монголовъ. Едва успѣлъ я расположиться въ юртѣ, какъ изъ царгучѣйскаго ямуна ко мнѣ явился переводчикъ, который спросилъ меня отъ имени царгучѣя, намѣренъ ли я отправиться въ дальнѣйшій путь сегодня же, или буду ночевать; я отвѣчалъ, что переночую. Далѣе переводчикъ, уже какъ-бы отъ себя лично, спросилъ меня, намѣренъ-ли я посѣтить ихъ амбàня (такъ зовутъ они здѣсь царгучѣя), я отвѣчалъ, что посѣщу непременно, такъ какъ законы приличія обязываютъ меня къ этому. Угостивъ переводчика чаемъ и поболтавъ съ нимъ о разныхъ вещахъ, я отпустилъ его. Не прошло однако и четверти часа, какъ ко мнѣ снова явился секретарь царгучѣя, который послѣ нѣсколькихъ обычныхъ словъ привѣтствія спросилъ, когда я пойду къ царгучѣю; я отвѣчалъ, что очень усталъ въ дорогѣ и немного отдохну. Въ разговорѣ съ секретаремъ я узналъ, что царгучѣй имѣеть чинъ только 5-го класса, а потому его не только можно было, но и слѣдовало поддержать въ черномъ тѣлѣ. Съ уходомъ секретаря поднялся страшный вѣтеръ; минутъ черезъ пять на горизонтѣ съ ЗСЗ показалась страшная, черная, грозовая туча, засверкала молнія, загрохоталъ громъ, вдали ясно обозначился идущій дождь. Мнѣ захотѣлось замѣтить перемѣну температуры и я вышелъ посмотреть на термометръ; онъ показывалъ 19 градусовъ. Степь вся покрыта была песчаными столбами, поднятыми вихремъ, которые неслись почти въ прямомъ направленіи къ востоку. Вскорѣ буря налетѣла на нашу станцію, и мы едва были въ состояніи удерживать свою кибитку, повиснувъ на ея рѣшеткахъ. Черезъ полчаса пошелъ ливень, который продолжался минутъ 20 и вслѣдъ за симъ небо снова очистилось. Въ 7½ часовъ термометръ показывалъ только 13 градусовъ и слѣдовательно температура въ одинъ часъ упала на 6 градусовъ. Едва окончился этотъ дождь, какъ ко мнѣ явился начальствующій въ здѣшнемъ сумѣ дѣ-гэскуй, который повторилъ мнѣ вопросъ: когда пойду я къ царгучѣю? Я отвѣчалъ, что, въ виду своей усталости и бывшаго дождя, не пойду сегодня, но прошу его передать царгучѣю мою визитную карточку. Черезъ четверть часа секретарь, дѣ-гэскуй и цзангйнъ, всѣ трое явились ко мнѣ съ визитной карточкой царгучѣя и заявили мнѣ отъ имени царгучѣя, во-первыхъ его привѣтствіе, во-вторыхъ сожалѣніе, что я такъ усталъ и наконецъ въ-третьихъ заявленіе, что царгучѣй, заботясь о моемъ спокойствіи въ дальнѣйшемъ пути, послалъ по своему

вѣдомству еще особый цзэръ (извѣщеніе) о болѣе удобномъ моемъ слѣдованіи. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что, согласно распоряженіямъ почтоваго вѣдомства китайскаго правительства, о каждомъ ѣдущемъ по почтовымъ станціямъ, цзэръ посылается не только съ мѣста отправленія ѣдущаго, но и со всѣхъ тѣхъ станцій, которыми начинается новый участокъ управленія. Прибывъ на станцію Сэйръ-усу, я вступилъ въ вѣдомство Сэйръ-усу'ской почтовой управы и такимъ образомъ цзэръ долженъ былъ быть посланнымъ по правиламъ; но цзаручю, очевидно, хотѣлось выставить это передо мною какъ особенную для меня услугу, и, не подавая вида, я, конечно, могъ только благодарить его за эту любезность. По уходѣ посѣтителей, я, дѣйствительно, утомленный пятидневнымъ путемъ, едва могъ записать дневникъ и заснулъ какъ убитый.

29-е Іюля. Среда.

5 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+26^{\circ}$; 3 ч. $+31^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$.

Проснувшись, я едва успѣлъ, часовъ около 6, приступить къ своему чаю, какъ ко мнѣ явился мой старый знакомый, Максаръ, мѣйрэнъ Сартульскаго хошүна. Въ пору моей первой поѣздки 1876 г., онъ состоялъ въ числѣ секретарей ямуния улясутайскаго монгольскаго амбана и переписывалъ мнѣ нѣсколько рукописей; теперь, оставивъ службу при ямунѣ, онъ возвратился въ свой хошүнъ, получилъ въ немъ должность мѣйрэня, ходилъ уже съ синимъ прозрачнымъ шарикомъ, обозначающимъ чиновника 3-го класса, и былъ откомандированъ въ Сэйръ-усу на 3-хъ годичный срокъ, для высшаго завѣдыванія отдѣломъ хабсурга на трехъ станціяхъ; два года этой повинности уже было имъ отбыто, оставался третій и послѣдній. Встрѣтились мы съ нимъ какъ старые знакомые; воспоминанія о прежнихъ годахъ и прежнихъ дѣлахъ, сообщенія о настоящемъ положеніи, все это лилось въ непрерывномъ ряду разказовъ; поясненія непонятнаго для меня давались самыя прямыя, словомъ, я еле полусловами успѣвалъ записывать узнаваемыя для себя новости. Посмотрѣвъ на часы, я съ ужасомъ увидалъ, что уже 11 часовъ дня, а между тѣмъ я не былъ еще у цзаргучэя. Едва позавтракавъ, я разстался съ Максаромъ и послалъ сказать къ цзаргучю, что сейчасъ буду у него. Я отправился въ сопровожденіи Ивана Θεодоровича, переводчика и мѣстнаго цзангйна. На полдорогѣ отъ своей юрты къ дому цзаргучэя я былъ встрѣченъ цзаргучэйскимъ секретаремъ; онъ, по обычаю, присѣлъ на одно колѣно, спросилъ о здоровьи и послѣдовалъ за мною. У дверей дома меня встрѣтилъ самъ цзаргучэй: мы привѣтствовали другъ друга, съ нѣкими препинаніями о первенствѣ вошли въ байшинъ и усѣлись на канѣ. Помѣщеніе цзаргучэя представляетъ собою отдѣльный байшинъ изъ сырцеваго кирпича, съ такою же оградю и щитомъ передъ

воротами. Внутри зданіе бѣдно и довольно грязно. Оно раздѣляется на три комнаты: средняя, въ которую входятъ прямо со двора, составляетъ залъ и кабинетъ царгучэя; здѣсь же помѣщается у него и присутствіе, или по крайней мѣрѣ здѣсь вершить онъ свои дѣла. Въ сѣверной сторонѣ ея—кѣнь, на которомъ у самой стѣны поставецъ съ глиняными изображеніями боготворимыхъ китайцами конфуціанскихъ философовъ; далѣе—столъ; по бокамъ стола мѣста для сидѣнья, а въ углахъ кѣна цѣлая масса китайскихъ книгъ. У южной стѣны комнаты, близъ оконъ, два стола, на которыхъ уставлены различныя домашнія принадлежности. Боковыя двѣ комнаты, двери въ которыя были завѣшаны стегаными дѣбувыми драпировками синяго цвѣта, очевидно, были заняты семьей царгучэя, причемъ въ правой комнатѣ помѣщалась его жена, а въ лѣвой—дѣти. Все это легко поддавалось догадкѣ, такъ какъ любопытныя головы сами выдавали себя, постоянно высовываясь изъ-за занавѣсокъ. Царгучэй оказался человѣкомъ лѣтъ подь 40. Онъ спросилъ меня, куда и за чемъ я ѣду, когда выѣхалъ и какъ намѣренъ возвратиться? Я указалъ главнѣйшіе пункты своего пути и сказалъ, что ѣду по дѣламъ русскихъ торговцевъ. Скоро, впрочемъ, я догадался, что царгучэй уже былъ предувѣдомленъ о моей личности Максимомъ, такъ какъ онъ поправилъ мой отвѣтъ и сказалъ, что онъ желаетъ знать, когда выѣхалъ я изъ Петербурга, а не изъ Урги. Мое черезчуръ медленное движеніе показалось, однако, царгучэю очень скорымъ, почему рѣчь перешла на желѣзныя дороги и европейскую жизнь. Царгучэй досталъ одно изъ шанхайскихъ изданій, описывающихъ на китайскомъ языкѣ европейскую жизнь и снабженныхъ множествомъ иллюстрацій, гравированныхъ на мѣди прямо съ фотографій. Перелистывая рисунки, онъ спрашивалъ у меня ихъ значеніе и мое мнѣніе о вѣрности изображеннаго, причемъ разговоръ естественно уклонился на вопросъ о пользѣ такихъ книжекъ. Я утверждалъ, что рисунки эти безусловно вѣрны, такъ какъ наши путешественники ѣздятъ съ фотографіями, дающими буквально непогрѣшимый рисунокъ. При этомъ я не преминулъ сказать, что и самъ, пріѣхавши въ Россію, опишу свою поѣздку; что я имѣю также и фотографію и былъ бы очень радъ, если бы царгучэй разрѣшилъ мнѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько снимковъ. Разрѣшеніе это было дано безъ всякаго затрудненія; мало того, царгучэй тотчасъ же распорядился, чтобы для меня открыли кумирни и проводили бы меня куда я хочу, помогли бы мнѣ нести фотографію и, если нужно, то привели бы лошадей. Я поблагодарилъ его и началъ прощаться, такъ какъ былъ уже второй часъ дня. Царгучэй проводилъ меня за ворота своего дома и здѣсь мы разстались.

Возвратившись домой, мы рѣшили тотчасъ же идти фотографи-

ровать. Мы сѣли на поданныхъ лошадей, монголь, навьючивъ на себя фотографическій ящикъ и стивъ, взобрался на верблюда, и мы отправились.

Станція Сайръ-усу располагается на громадной равнинѣ, ясно ограничиваемой горами только съ южной и западной сторонъ. На югѣ здѣсь высятся горы Сэрбэнъ-ула, Тахилѣктү, иначе называемыя Нэмхэ и Шубүту; на западѣ, у горизонта, тянутся непрерывною цѣпью горы Шонгд-ула. Станціонныя зданія разбросаны по долиинѣ четырьмя главнѣйшими участками. На самомъ югѣ, построена, за особой оградой китайская кумирня, въ честь боготворимаго маньчжурскою династією Гуань-лѣ-ѣ; прямо на сѣверъ отъ нея, въ разстояніи саженой 200, вырытъ степной сайръ-усу'скій колодець, а за нимъ, также саженьяхъ въ 200, раскинулись станціонныя юрты монголовъ; еще далѣе къ сѣверу за ними выстроена монгольская буддѣйская кумирня, а на срединѣ разстоянія между этою послѣднею кумирнею и станціонными юртами стоитъ маленькое квадратное четырехугольное зданье, сдѣланное изъ сырцеваго кирпича, которое мѣстные монголы называютъ субурганомъ; на западѣ, между станціонными юртами и китайской кумирней, но ближе къ первымъ располагается домъ царгучэя и нѣсколько сѣвернѣе его два байшина, назначенные подъ помѣщеніе царгучэйскаго ямуна и квартиры состоящихъ при немъ чиновниковъ.

Общій видъ почтовой станціи Сайръ-усу.

При такомъ расположеніи и составѣ, по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, будутъ интересными общій видъ станціи Сайръ-усу и ея кумирни, почему эти-го

рисунки я и опредѣлилъ снять, хотя и не въ полнотѣ. Общій видъ не могъ быть снятъ вмѣстѣ съ китайской кумирней по той причинѣ, что зданіе этой послѣдней заграждало собою видъ на первыя, отойти же на болѣе далекое разстояніе было нельзя, такъ какъ при этомъ рисунокъ получился бы уже черезчуръ мелкимъ. Въ видахъ этого я рѣшился уже пожертвовать китайской кумирней въ общемъ видѣ и снять ее отдѣльно, а потомъ также отдѣльно представить общій видъ сѣйръ-усу'ской станціи. Китайская кумирня въ Сѣйръ-усу стоитъ совершенно особо отъ станціи на невысокомъ пригоркѣ. Она исполнена по всѣмъ правиламъ китайской архитектуры, хотя матеріалъ, изъ котораго выведены зданія, самый жалкій, — сырцевый кирпичъ. Кумирня обнесена оградой; передъ воротами щитъ и двѣ высокія мачты. Во дворѣ, по самой срединѣ онаго, стоитъ жертвенникъ для сожиганія курительныхъ свѣчъ, далѣе зданіе кумирни, а за нимъ нѣсколько кладовыхъ для склада станціоннаго и кумиреннаго имущества. Всѣ зданія, а въ томъ числѣ и кумирня, окрашены въ розовую, впрочемъ, уже повывѣтшую отъ времени, краску. Самое зданіе кумирни раздѣляется на три части, или три отдѣльныя комнаты, входъ въ которыя идетъ съ портиковъ кумирни. Надъ главными дверями прибита дощечка, на которой на трехъ языкахъ находится слѣдующая надпись:

關	神	勅	關	神	勅
聖	威	封	聖	威	封
大	靈	忠	大	靈	忠
帝	佑	義	帝	佑	義

Это значить: «Принадлежащій фамиліи Гуань, святой Гэсэръ-хянь, по высочайшему повелѣнію, возвеличенный (титулами) прямаго, честнаго, мудраго, величественнаго, чуднаго и спасительнаго». Помимо этой дощечки,

обозначающей своею надписью собственно личность чествуемаго въ кумирнѣ, по бокамъ ея, на главной стѣнѣ, а равно повсюду подъ кровлею портиковъ навѣшано еще до двадцати разноцвѣтныхъ дощечекъ (бянь-э), на которыхъ начертаны уже разные изреченія изъ китайскихъ философовъ въ похвалу кумирнѣ. На стѣнахъ портиковъ рисованныя изображенія: на правой сторонѣ—лошади, а на лѣвой—льва. Внутри зданіе кумирни крайне бѣдно и тѣсно. Въ двухъ шагахъ отъ входа, съ потолка свѣшиваются два бумажныхъ фонаря, за ними нѣсколько изорванныхъ и грязныхъ хадаковъ, которые совершенно скрываютъ отъ глазъ зрителя изображеніе Гуань-лѣ-ѣ, или Гэсэра. Послѣднее является здѣсь даже не въ формѣ кумира, а рисованное на полотнѣ. Передъ нимъ, по обычаю, стоитъ столъ; на послѣднемъ подсвѣчники съ красными восковыми свѣчами, курительныя свѣчи и ящичекъ для складыванія пепла отъ нихъ. Боковыя отдѣленія кумирни совершенно такія же по убранству и принадлежностямъ, только они еще тѣснѣе и грязнѣе средняго.

Сдѣлавъ фотографическіе снимки съ китайской кумирни и общаго вида станціи Сайръ-усу, я направился въ монгольскую буддійскую кумирню, оказавшуюся хотя тоже не изъ богатыхъ, но уже несравненно достаточнѣе, а главное, чище и изящнѣе китайской. Официальное имя этой кумирни у монголовъ «Ганданъ-пунцукъ-линъ». Съ наружной стороны она построена по правиламъ тибетской архитектуры, а внутри раздѣляется на два отдѣленія, изъ коихъ первое назначено для отправленія хураловъ, а второе дальнѣйшее есть собственно «шутэнэй бргѣ», т. е. комната, въ которой собраны и хранятся литые бурханы. Въ первомъ отдѣленіи литыхъ бурхановъ здѣсь нѣтъ, но все оно увѣшано по своимъ стѣнамъ рисованными изображеніями буддійскихъ святыхъ. На главномъ мѣстѣ вмѣсто бурхановъ располагается сѣдалище хубилгана; по бокамъ, сначала четыре кресла: для ханбѣ ламы, порчжй, лобуна и дѣ ламы, далѣе располагаются сѣдалища низшихъ ламъ, со стоящими передъ ними столиками, колокольчиками, цаннами и турецкими барабанами. Во второмъ отдѣленіи, гдѣ собраны литые бурханы, послѣдніе являются интересными не со стороны своихъ формъ, ибо бурханы эти самыя обыкновенныя, но это одна изъ богатѣйшихъ коллекцій для сужденія о выдѣлкѣ бурхановъ: въ сайръ-усу'скомъ сумѣ есть кумиры привезенные изъ Хлассы, изъ Пекина, изъ Гумбума, изъ Долбнъ-нѣра и изъ Урги. И нужно сказать, что лучшая работа, кажется, вся гумбумская и самая худшая долбнъ-нѣрская. Изъ Урги здѣсь имѣется прекраснѣйшій кумиръ 5-го Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; бурханъ этотъ, можно сказать, выдающійся по своей изящности. При кумирнѣ имѣется два Юма тибетскихъ и одинъ монгольскій; въ послѣднее время ламы начали выписывать

Ганьчжурь и покупают его, за неимѣнием средствъ, по частямъ; нынѣ приобрѣтено уже болѣе половины. Монастырь этотъ имѣетъ своего хубилгана, именно, Ранчжамба-хубилганъ ламу, который, впрочемъ, не живетъ здѣсь постоянно, такъ какъ при сайръ-усу'скомъ сумѣ и вообще нѣтъ постоянного собранія ламъ. Обычно ихъ проживаетъ здѣсь пять или шесть человѣкъ, для которыхъ при кумирнѣ построено нѣсколько байшиновъ. Проѣзжая въ кумирню, я встрѣтилъ по дорогѣ старика, настоятеля ея, носящаго титулъ да-ламы, который пѣшкомъ шелъ на станцію посидѣть у знакомыхъ, въ самой же кумирнѣ меня привѣтствовалъ унцзатъ. Это истый лама, безконечно преданный своей кумирнѣ. Съ усердіемъ показывалъ онъ мнѣ свое сумѣ, присутствовалъ при фотографическомъ снимкѣ его внутренности (собственно хурулѣйпъ сумѣ) и приводилъ въ порядокъ завернушіеся ковры, чтобы рисунокъ вышелъ изящнѣе. Шутѣнэй оргѣ оказалось снять не возможно, ибо это отдѣленіе черезчуръ узко и мрачно. Когда, по окончаніи снимка, я выходилъ изъ кумирни, тотъ же унцзатъ подошелъ ко мнѣ съ глубокою просьбой изслѣдовать здѣшнюю мѣстность для того, чтобы опредѣлить, есть ли поблизости кумирни вода, или нѣтъ? При этомъ унцзатъ пояснилъ мнѣ, что доселѣ ламы брали и берутъ свою воду изъ станціоннаго худукѣ. Соленый вкусъ этой воды съ одной стороны, а съ другой — дальность разстоянія кумирни отъ колодца, побудили ихъ искать новую воду, близъ кумирни; изрыты были всѣ стороны въ восьми мѣстахъ, но воды не было найдено. Прибѣгнувъ прежде всего къ молитвамъ покровителю монастыря, Махагѣлѣ, ламы учредили по этому поводу передъ кумирномъ его вѣчную лампаду и снова начали копать, но опять ничего не нашли. Тогда было отправлено посольство въ Гумбумъ и тамошніе хубилганы разрѣшили ламамъ, что вода не показывается у нихъ оттого, что ее задерживаетъ злобный покровитель этой мѣстности, для укрощенія котораго надо построить субурганъ. Это именно то самое глинобитное зданье, которое находится между сумѣ и юртами почтовой станціи. Постройка субургана не принесла однако пользы и теперь унцзатъ обращался съ просьбою ко мнѣ; я отвѣчалъ ему, что не занимаюсь этимъ дѣломъ, а потому и не имѣю для сего никакихъ инструментовъ, и мы разстались.

Возвратившись на станцію, я былъ встрѣченъ здѣсь цзангѣномъ, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ, поѣду ли я сегодня дальше, или еще останусь ночевать. Такъ какъ слѣдующая станція, по словамъ цзангѣна, была очень не далеко, то я рѣшилъ проѣхать ее, и мы двинулись въ путь въ 6 ч. 15 м. вечера. Дорога наша, необозначенная, впрочемъ, никакою тропею, лежала теперь на ЗСЗ, т. е. намъ приходилось пересѣкать ту же сайръ-усу'скую долину, дѣлая уголъ. Долина эта и въ западной сто-

ронѣ своей носить тотъ же равнинный и пустынный видъ, и только проѣхавъ версть 8, уже въ семь часовъ вечера, мы спустились въ лощину Хулагай-хонхоръ, оказавшуюся покрытою болѣе густою зеленою. Къ востоку отсюда имѣется маленькій колодець, именуемый Мананъ, при которомъ кочуетъ, да и можетъ кочевать, только одна юрта хабсурга сайръ-усу'ской станціи. Хулагай-хонхоръ ограничивается на СЗ возвышенностью Харѣцаба, спускъ съ которой приводитъ въ новую долину, мѣстами пестрѣющую бѣлесыми полосами и кругами бесплоднаго гуджѣра. Обильно падавшіе въ теченіе нѣсколькихъ дней дожди образовали здѣсь множество лужъ, значительно затруднявшихъ наше движеніе. Тотъ же характеръ носить и находящееся за долиною ущелье Ухѣръ-чулѣ, отъ котораго мы поднялись къ горамъ Модонъ, продолжая дальнѣйшій путь до станціи по каменистому подножію этихъ горъ, при полной темнотѣ ночи. Прибыли на станцію въ 8 ч. 55 м.

30-е Іюля. Четвергъ.

5 ч. $+11^{\circ}$; 7 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+23^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$.

Путру можно было видѣть, что станція Модонъ располагается въ небольшой котловинѣ, которая на Ю ограничивается горами Модонъ, а на ЮЗ и Западѣ здѣсь возвышаются пятиглавые холмы, носящіе названіе Табунъ-харѣ. Съ сѣвера котловина эта запирается горою Тахилгату обѣ, составляющею предметъ особаго чествованія всѣхъ, живущихъ на станціи. Своего особаго дугуна станція Модонъ не имѣетъ, и живущіе на ней ламы служатъ свои годовые хуралы, вмѣстѣ съ почтосодержателями станціи Булукъ, въ такъ называемомъ Цаганъ-хадайнъ-сумѣ. Для обычныхъ служеній у нихъ выставляется юрта и выстроенъ большой бѣлый субурганъ, находящійся тутъ же, при станціи Модонъ. Почтовую повинность здѣсь, по общему положенію, отбываютъ 18 юртъ харачиновъ съ своими родственниками; въ помощь же имъ приданы еще 11 юртъ цакдѣ и 6 юртъ хабсурга. Изъ числа этихъ послѣднихъ двѣ юрты безсмѣнно назначаются всегда изъ хошѣна Тушѣту хана, а четыре юрты смѣняются, чередуясь трехлѣтнимъ срокомъ, съ шабнарами. Въ настоящее время двѣ изъ такихъ юртъ были назначены изъ хошѣна Барѣнъ Сб-гѣна тушѣту хановскаго аймака, а другіе двѣ изъ хошѣна Балданъ-цзасакѣ сайнъ ноиньовскаго аймака.

Въ дальнѣйшій путь мы двинулись въ 7 ч. утра. Общее направленіе дороги отсюда на ЗСЗ. Изъ котловины станціи Модонъ путь этотъ входитъ въ ущелье, образуемое горами Богдѣ-улайнъ-хошѣ и Дурбѣльчжѣнъ-ула. Повсюду залегаютъ здѣсь глубокій щебень, но травы все же представляется какъ будто больше, чѣмъ въ долинѣ Сайръ-усу. Дорога въ

ущелья извиается между холмами, слѣдуя по ихъ оконечностямъ и боковинамъ. Наконецъ горизонтъ началъ мало-по-малу расширяться и вдали, въ направленіи къ западу, показалась плоская гряда горъ, спускающаяся ближе къ дорогѣ краснымъ утесомъ, Байнъ-ўла. Холмы, среди которыхъ мы пробирались, окончились покрытою черными сланцами грудю Харà-цѣхѣй талà. Вдали она уходила почти вплотъ до горизонта, и отдѣльные холмы ея терялись въ этой свободной шири; только все еще казавшійся утесистымъ мысъ Байнъ-ўла замѣтно возвышался надъ равниною. Нѣсколько южнѣе его, также къ западу отъ дороги, стоитъ одинокій пригорокъ Худà-тологѣй, въ параллели котораго по дорогѣ залегаетъ неплодный солончакъ, а далѣе за нимъ та же долина получаетъ названіе Алтатұ-талà. Здѣсь имѣется два колодца и кромѣ того въ дождливое время скопляется много лужъ, что даетъ возможность монголамъ въ такую именно пору кочевать въ этой мѣстности. Въ 8 часовъ утра мы добрались до горъ Алтатұ-ўла, ограничивающихъ эту равнину на сѣверѣ: горы крайне каменисты, и моя бѣдная телѣга скакала черезъ отдѣльные валуны изъ стороны въ сторону почти готовая разрушиться. Зато послѣдовавшая за этими горами ложбина Алтатұйнь-хонхѣръ оказалась превосходною для ѣзды. Ложбина эта сильно поросла низкою степною полынью, почему мои извозчики замѣтили, что не будь у нихъ этой долинки, они не могли бы выкармливать своихъ лошадей; здѣсь же животныя всегда очень быстро отѣдаются, и вообще для мѣстнаго скота нѣтъ травы полезнѣе этой полыни. Каменистый Харұлту обрываетъ эту прекрасную долинку, а за нимъ вновь протянулась ложбина Харұлтуйнь-хонхѣръ, на которой извозчики указали мнѣ кучу камней, сложенную для показанія половины дороги между станціями. Это было въ 8 ч. 40 мин. и только еще черезъ 10 минутъ мы поровнялись съ мысомъ Байнъ-ўлы, которая казалась стоящею посрединѣ равнины, лишь только выѣхали мы изъ прилежащаго станціи Моднъ ущелья. Здѣсь, издали казавшаяся утесистою и громадною, гора эта представилась очень не высокимъ и пологимъ бутромъ. Отъ мыса ея въ дальнѣйшемъ направленіи къ сѣверу монголы считаютъ начало такъ называемой Номгѣнъ-гѣби, существовавшей свое имя отъ колодца Номгѣнъ, находящагося на востокъ отъ дороги. Степь эта значительно поросла травою, а изъ-за общей зелени кое-гдѣ проглядывали желтенькіе цвѣточки Хабисханà. Въ 9 ч. 30 м. мы достигли возвышенности Хивантұ-ўла, состоящей изъ цѣлаго ряда попереčnýchъ, каменистыхъ холмовъ. Камни залегаютъ здѣсь громадными желтыми плитами, какъ будто покрытыми охрою. Дорога старается удерживать свое обычное сѣверо-западное направленіе, но принуждена лавировать

между холмами вплоть до выхода въ долину Абдарантү (9 ч. 50 м.). Это — каменистая равнина, заканчивающаяся еще болѣе каменистою грядою Цаганъ-хирѧ. Спустившись съ послѣдней мы прѣхали на станцію Дамъ-хабѣрга, въ 10 ч. 25 мин.

Станція Дамъ-хабѣрга въ просторѣчїи называется *Булукъ*, по причинѣ рѣдко встрѣчающихся въ этихъ мѣстностяхъ, но находящагося здѣсь источника, именуемаго Сүчжи-булукъ. Станціонные, по причинѣ незначительности этого ключа, не берутъ однако изъ него воду, а пользуются колодезною. Въ составъ ихъ, помимо 18 юртъ харачѣновъ, входятъ 11 юртъ цакдѧ (10 юртъ Уйцзанъ Тб гүна и 1 юрта Гобинъ түшѣ гүна) и 6 юртъ хабсурга (всѣ принадлежатъ хошүну Гобинъ түшѣ гүна). При мнѣ здѣсь оказался большой разговоръ по поводу подготовлявшагося отъѣзда трехъ станціонныхъ домохозяевъ за покупкою буды (проса) и чая. Продукты эти они покупаютъ въ урочищѣ Чжиранъ-тологдѣнъ-шиндѣ, находящемся въ хошүнѣ Мү-минганъ, къ СЗ отъ Хухү-хотдѣ и къ СВ отъ Бау-тоу. Въ мѣстности этой находится большое число поселковъ китайскихъ землепашцевъ. Поселки располагаются по 3, по 4 бѣйшина, съ населеніемъ отъ 30 до 40 человекъ въ каждой деревушкѣ. Станціонные везутъ съ собою кожи и шерсть, какъ овечью такъ и верблюжью, оттуда же имѣютъ вывезти главнымъ образомъ чай, оцѣниваемый здѣсь въ одинъ ланъ серебра за три кирпича.

Станцію Дамъ хабѣрга мы оставили въ 12 ч. 10 м. и направились по долинѣ Цокцүлгъ, наклоненной на сѣверо-западъ, въ направленіи нашего пути. Вскорѣ намъ показалась высокая, на вершинѣ своей лишенная всякой растительности и кажущаяся какъ бы лысою головою гора Халцзѧнъ; однако прежде чѣмъ доѣхать до нея мы должны были пересѣчь нѣсколько невысокихъ уваловъ: Дабхүръ гүд; Нарѣнъ, Хэй и Хухѣ обѣту. Въ 1 ч. 15 м. мы, по сѣдловинѣ хребта Харѧмъ, перебрались въ новую долину, заимствовавшую свое имя отъ ограничивающей ее съ юга горы Тѣгъ и изъ нея вступили въ рядъ холмовъ Улѧнъ дѣл. Къ сѣверу отсюда открывался прекрасный видъ на кумирню Цаганъ хадѣнъ хурѣ, которая, какъ уже было замѣчено выше, составляетъ молитвенное мѣсто для станцій Модѣнъ и Булукъ, пребываніе же въ этой хурѣ Ранъчжанбѧ хубилганъ ламы связываетъ ее еще и съ Сѣйрѣ-усү'ской станціей. На западной окраинѣ этихъ холмовъ мы нашли станцію Шубүту, расположенную среди страшныхъ буераковъ и прибыли сюда въ 1 ч. и 40 м. пополудни.

Станція Шарѧ шубүту получила свое названіе отъ близъ лежащей горы, которая, впрочемъ, не видна изъ-за окружающихъ станціонныхъ юрты холмовъ. Холмы эти носятъ названіе Цѣхѣ и каждый изъ нихъ предста-

вляеть собою груды громадныхъ валуновъ, лежащихъ въ безпорядочныхъ и безформенныхъ массахъ. Въ направленіи къ ЮЗ отсюда видна уходящая за горизонтъ долина Тэгийнъ талà, посреди которой возвышается каменный массивъ Онцоктү ұлы. Состоящіе на станціи цакдà принадлежатъ 4-мя юртами хошүну Гобинъ түшъ-гүна, 6-ю юртами хошүну Уйцанъ-гүна и одною — хошүну Пуццүкъ бэйсэ; изъ числа хабсурга двѣ юрты являются податными Гобинъ түшъ гүна, а 4—Цзүнь Сò гүна, иначе называемаго Дэдъ-дä-гүномъ. Вода на этой станціи получается также изъ колодца. Станція Шарà-шубүту прямою проселочною дорогою на СВ соединяется со станціею Байнъ-хошү ургинско-калганскаго почтоваго тракта.

Въ 2 ч. 10 м. мы оставили эту станцію и съ холмовъ Цòхò спустились въ громадную степь Мурүй гóби, у которой лишь на ЗСЗ виднѣлись берега, въ видѣ синѣющихся горъ Цаганъ-ұла; Ровно въ 3 часа мы подъѣхали къ пологой и издали какъ бы сливающейся въ одну общую долину возвышенности, вправо отъ которой находится гора Дундү тэгъ. Гора и возвышенность эта не пересѣкаютъ Мурүй гóби сполна, а только дѣлятъ ее на двѣ, впрочемъ, неравныя половины, южная и оставшаяся у насъ теперь назади часть которой называется Бага муруй гóби, а предлежавшая къ пути Йэхэ муруй гóби. Половина дороги считается здѣсь при горномъ мысѣ Дзэкъ, лежащемъ къ западу отъ нашей тропинки; за нимъ поднимается высокая и каменная гора Хòхò хошү, огибая которую дорога поворачиваетъ на сѣверъ и тянется по долинѣ, окаймленной съ востока горами Сэрюнь ұла. Прямо на горизонтѣ видна высокая цѣпь горъ Хулатү. Слѣдуя по долинѣ Сэрюнь ұлы, мы въ 4 ч. 20 м. перевалили черезъ невысокій уваль Уләнъ-дэлъ, за которымъ слѣдуетъ такъ называемая Алàкъ талà, или пестрая степь, безъ сомнѣнія, окрещенная этимъ именемъ потому, что зеленыя равнины ея чередуются здѣсь съ безплодными солончаками и образуютъ въ самомъ дѣлѣ много пестроты. На одномъ изъ такихъ солончаковъ стоятъ юрты станціи Лүсь, къ которой мы подъѣхали въ 4 ч. 45 м. и остановились для ночлега.

31-е Юля. Пятница.

5 ч. $+12^{\circ}$; 10 ч. $+11^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+5^{\circ}$.

Станція Лүсь располагается на обширной равнинѣ, только на западѣ рѣзко ограниченной незначительнымъ уваломъ, — Усунай хойту уләнъ хошү; со стороны сѣверной и восточной почти открытой, а съ юга открытой совершенно. На восточной сторонѣ ея лежитъ черная каменная скала, формою своею напоминающая китайское изображеніе дракона, Лүсь, каковое названіе и придано монголами этой скалѣ, а отъ нея перешло уже и на станцію. На станціи Лүсь живетъ второй цзаләнъ, завѣдывающій

сѣвернымъ участкомъ харачинскихъ станцій Сэйръ-усу'скаго вѣдомства. Я провелъ у него вчера цѣлый вечеръ и въ бесѣдахъ съ нимъ получилъ не мало свѣдѣній относительно станціоннаго управленія въ Монголіи. Цзаланъ живетъ зажиточно и довольно чисто. Въ разговорахъ онъ выражалъ не особенное то довѣріе къ китайскому чиновничеству, а особливо къ своему царгучэю.

Въ составъ станціи Лусъ, помимо 18 харачинскихъ брхб, входятъ а) 6 брхб хабсургъ: по двѣ юрты изъ хошунъ Пунцукъ бэйсэ, Гобинъ тушъ гүна и Цзунъ Со гүна и б) пакдъ, въ количествѣ одной юрты изъ хошүна Мэргэнъ-вана и 10 юртъ изъ хошүна Гобинъ тушъ гүна. Воду всѣ эти станціонные получаютъ изъ худукъ; въ общемъ эту воду можно назвать чистою и пріятною на вкусъ, но въ то же время она имѣетъ чрезвычайно затхлый запахъ. Утро было сѣроє и небо со всѣхъ сторонъ до горизонта было покрыто тучами.

Станцію Лусъ мы оставили въ 8 ч. утра и, направляя путь на СЗ, вскорѣ углубились въ тѣснины холмовъ Чулунъ хороту, которые окружаютъ дорогу будто каменные валы разрушенной крѣпости. Впереди возвышалась громадная Ёнигэтү хада, но прежде чѣмъ добраться до нея мы должны были перевалить нѣсколько невысокихъ бугорковъ, раздѣляемыхъ небольшими ложбинами. Растительности здѣсь замѣтно прибываетъ. Наконецъ дорога снова вступила въ средину холмовъ, составляющихъ отроги совершенно четырехугольнаго квадратнаго массива Ёнигэтү; камни наиболѣе сѣверные, имѣютъ и наиболѣе мягкія очертанія. Извиваясь среди холмовъ, дорога при послѣднемъ поворотѣ, проходя между Ёнигэтүйнъ хйту холбб открываетъ прелестнѣйшій видъ къ СЗ. Залегающая въ этомъ направленіи степь представляется какъ будто глубоко лежащею подъ ногами и уходящею почти до горизонта. Такой видъ развѣ есть еще у Байкала, если смотрѣть на него съ вершины окружающихъ его горъ. Степь эта называется Шабартү тологойнъ хонхоръ. Начавшійся вѣтеръ страшно билъ намъ въ лицо, а вслѣдъ за симъ дождь началъ падать мелкими каплями. Двигаясь по степи, мы сначала добрались до невысокой сопки Шабаръ тологой, а въ 8 ч. 45 м. подъѣхали къ увалу Чжиргалантүйнъ гувэ, дающему свое названіе, Чжиргалантү, и окружающей его мѣстности. Нѣсколько далѣе, и не болѣе какъ черезъ 10 м. ѣзды, мы добрались до каменистаго увала, который назвали мнѣ Гадзәръ дундүйнъ цохб, т. е. «каменистый увалъ половиннаго пути». Названіе это, очевидно, уже позднѣйшаго происхожденія и относится ко времени существованія здѣсь почтовой дороги; но теперь этого рода названія официально и всецѣло утвердились за мѣстностями и почти между каждыми двумя станціями найдется «Гадза-

рѣйнъ дундѣ», также точно какъ у насъ въ Астраханской губерніи «половинки» между казачьими станицами. Вышепомянутое цѣдѣ образуется громадными гранитными валунами, проѣздъ по которымъ причиняетъ чрезвычайную тряску; та же тряска продолжается и въ долину Хѣдѣ ѳндѣръ, только здѣсь она происходитъ не отъ камней, а отъ кочекъ дѣрасѣна, въ обилии поросшаго по здѣшней долине. Мѣста здѣсь чрезвычайно однообразны: равнина пересѣкается увалами сначала Майханъ тологѣемъ, потомъ Хадату тологѣемъ и оба они покрыты на своихъ вершинахъ каменными глыбами коричневаго цвѣта. Отъ Хадату тологѣя равнина дѣлается песчаною и въ этомъ видѣ протягивается до подножія двухъ сплетшихся между собою холмовъ Холбѣ тологѣ, обогнувъ которые по сѣверной сторонѣ, дорога вступаетъ въ падь Облѣчжинъ хѣндѣ. Къ западу падь ограничивается увалами Аргалѣинъ улѣнъ, переваливъ черезъ которые, мы прибыли на станцію Хирѣй чжирѣмъ въ 10 ч. утра. Начался сильный вѣтеръ и частый, мелкій, совершенно осенній дождикъ. Чтобы обождать его, мы устроили себѣ на этой станціи ранній завтракъ, и время проведено было въ бесѣдахъ съ монголами.

Станція Хирѣй чжирѣмъ считается теперь одною изъ самыхъ населенныхъ. Произошло это, конечно, въ силу совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Назначенные къ отправленію здѣсь службы харачины имѣютъ у себя большое количество родственниковъ, живущихъ, какъ и самые почтосодержатели, отдѣльными юртами; такимъ образомъ вмѣсто 18 штатныхъ, на чжирѣмской станціи имѣется до 100 харачинскихъ юртъ. Станціонные цакдѣ сполна принадлежатъ здѣсь хошѣну Гобѣинъ тѣшѣ гѣна; ихъ также вмѣсто 11-ти является свыше 40; наконецъ вмѣсто 6 юртъ хабсурга ихъ, также съ родственниками, считается 28 юртъ; словомъ всѣхъ причисляющихъ себя нынѣ къ станціи Чжирѣмъ имѣется до 175 семей, или юртъ. Такое скопленіе народа за послѣднее время производитъ недостатокъ земель и это тѣмъ больше, что живущіе здѣсь хабсурга принадлежатъ къ отдаленному хошѣну, а потому не могутъ кочевать на своихъ хошѣнныхъ земляхъ, а выпасываютъ свой скотъ на пастбищахъ, отведенныхъ для пользованія станціи. Только цакдѣ, принадлежащіе сосѣднему хошѣну Тѣшѣ-гѣна, нѣсколько облегчаютъ это положеніе, отправляя, по крайней мѣрѣ своихъ родственниковъ, въ пограничныя со станціонными хошѣнными урочища.

Къ половинѣ второго часа пополудни дождь пересталъ и въ 2 ч. 10 м. мы отправились въ дальнѣйшій путь, на пересѣченіе равниннаго урочища Шанагаѣнъ хѣнду. На ЮВ отсюда видѣлся массивный Дѣльгѣръ-хангаѣ, почитаемый однимъ изъ лучшихъ нутѣковъ въ хошѣнѣ Гобѣинъ тѣшѣ-гѣна.

Монголы любятъ эти горы и зовутъ ихъ изобильными, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ условія для выпасыванія всѣхъ сортовъ скота. Сѣверная сторона ихъ покрыта хангайскими травами, кипцомъ и полынью; въ долинахъ мѣстами залегаютъ солончаки; словомъ все благопріятствуетъ для утучненія лошадей, быковъ и овецъ. Южная сторона Дэльгэръ хангаа, напротивъ, совершенно гобійская и въ песчано солонцеватыхъ долинахъ его растутъ лишь дэрэсү, цзакъ и хараганъ, растенія не особенно нѣжныя, но любимыя верблюдами, а потому и верблюды въ Дэльгэръ-хангаѣ вырастаютъ здоровые, большіе и жирные. На нашемъ пути равнина Шангайнъ хбиду пересѣклась возвышенностью Тэмбнь чжиримъ, которую проѣхали мы по сѣдловинѣ Чжиримыйнъ фудэ. Отсюда передъ нами открылась обильная солончаками долина Гуджиртү, перешедшая потомъ въ травянистую степь Ширгисутуйнъ талъ. Степь эта въ дальнѣйшемъ направленіи на ЮЗ значительно понижается почти отвѣснымъ уваломъ, такъ что на послѣдующую за нею равнину Сэрбэнъ можно смотрѣть какъ на громадную котловину. Увалъ этотъ носить названіе Булугинъ хубб, т. е. «берегъ ключа», несомнѣнно, потому, что по спускѣ съ него, почти у самой дороги, лежитъ грязная и соленая лужа, называемая Хбту-булукъ. Въ 3 ч. 15 м., двигаясь по равнинѣ Сэрбэнъ, мы увидали къ западу гору Дүлганту, близъ которой паслись большія стада, принадлежащія уже почтосодержателямъ станціи Мэнгэтү. Равнина здѣсь изобильна травою и кое-гдѣ поросла цѣлыми полосками сиреневой ромашки. Нѣсколько далѣе она пересѣкается уваломъ, тянущимся отъ невысокой горы Хашātu тологдй; у южнаго подножія этой горы стоитъ хуръ станціи Мэнгэтү, за которою мы проѣхали еще двѣ долины и два увала, именуемые Хбхѡ тологдй и Шобхуданъ-тологдй. Отъ этого послѣдняго дорога поворачиваетъ на югъ къ станціи Мэнгэтү.

Мэнгэтү на официальномъ языкѣ называется Дамъ-шакшүрга. То и другое имя этой станціи взято отъ прилежащихъ ѳртѡ колодець, число которыхъ здѣсь восходитъ до 4-хъ, при этомъ китайцы, называя станцію Дамъ-шакшүрга, имѣли въ виду ближайшій къ станку колодезь, а сами монголы, называя ее Мэнгэтү, имѣли въ виду самый большой колодець.

Прямо на сѣверъ отъ этихъ колодець, при горѣ Харагатуйнъ цзунъ, находится граница хошүновъ Уйцзанъ гүна и Гобинъ түшѣ гүна. Доселѣ, отъ параллели Сайръ-усу, станціонныя земли ограничивались на сѣверѣ кочевьями Уйцзанъ-гүна, а на югѣ кочевьями хошүна Гобинъ түшѣ-гүна. У станціи Мэнгэтү земли сего послѣдняго, съ окончаніемъ владѣній Уйцзанъ-гүна, переходятъ и на сѣверную сторону дороги, выдаваясь сюда

клочкомъ версть на 40 шириною и начинаютъ ограничивать теперь стапціонныя земли какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ.

Состоящіе при станціи Дамъ-шакшүрга цакдā принадлежатъ 6-ю юртами хошүну Гобинь-түшѣ-гүна, 2-мя юртами хошүну Түшѣтү-хана, 2-мя юртами хошүну Уйцзань-гүна и одною юртою хошүну Мэргэпъ-вана. Изъ числа хабсурга три юрты хошүна Гобинь-түшѣ-гүна, 2 юрты Цзүнь-Со-гүна и 1 юрта Уйцзань-гүна.

Въ 4 ч. 30 м. мы оставили станцію Мэнгэтү и продолжали путь на СЗ, по долинь Гахайнь-төйримъ, съ глинисто-солонцеватою почвою, покрытою кочками и дэрэсүномъ. По мѣрѣ удаленія однако на СЗ солончаки дѣлаются все рѣже и рѣже и версты черезъ три, въ 4 ч. 45 м., дорога вступаетъ въ Цахюртүйнь-гөби, которая своею равнинностью и протяженіемъ напоминаетъ Тухумъ-гөби, только травы здѣсь гораздо изобильнѣе и вся степь кажется зеленою. Цахюртүйнь-гөби протягивается къ востоку и сюда же направленъ главный наклонъ ея. Въ 5 ч. 10 м. мы подъѣхали къ мѣсту, гдѣ степь эта пересѣкается горою Худā-үла, при чемъ за этимъ невысокимъ переваломъ она получаетъ и другое названіе, заимствуя его отъ находящейся на сѣверной окраинѣ ея горы Добокъ-үла. Съ половины разстоянія между стапціями, до которой мы добрались въ 5 ч. 45 м., та же степь получаетъ названіе Тарбуга; здѣсь находится колодець, впрочемъ, съ незначительнымъ числомъ воды. Степь Тарбугайнь талā ограничивается высокимъ и каменистымъ уваломъ Тарбугайнь-хирай, къ востоку отъ котораго въ лощинѣ раскинулось озеро, или вѣрнѣе лужа, Тарбугайнь-нүръ съ дождевою водою, а неподалеку отъ него колодець Гурбунъ-гүвэ. Далѣе дорога входитъ въ каменистые холмы Цабчирай-цөхб, за которыми слѣдуетъ гуджирная лощина съ залегающими въ ней двумя глубокими руслами Цабчирай-булүка. Одно изъ этихъ руслъ, южное, было теперь сухимъ, по другому вода текла въ изобиліи, но пить ее оказывается невозможнымъ, ибо она является соленою, пропитываясь гуджиромъ, заключающимся въ почвѣ. Поднявшись изъ этой ложбины, мы подъѣхали къ станціи Цабчиръ въ 7 ч. вечера и остановились здѣсь для ночлега.

1-е Августа. Суббота.

5 ч. $+7^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+6^{\circ}$.

Цакдā станціи Цабчиръ составляются изъ хошүнныхъ данниковъ въ числѣ 2-хъ юртъ Мэргэпъ-вана, 4-хъ юртъ О-вана, 2-хъ юртъ Гобинь-түшѣ-гүна и 3-хъ юртъ Барунъ-Со-гүна. Хабсурга всѣ безъ исключенія принадлежатъ хошүну Гобинь-түшѣ-гүна. Воду стапціонные обитатели получаютъ изъ колодца, находящагося при сопкѣ Уланъ-тологдй и отъ нея заимствовавшего свое имя.

Съ утра подулъ сильный и холодный сѣверо-западный вѣтеръ. Оставивъ станцію въ 8 ч. утра, мы снова направились на СЗ, по кочковатой пади Маннай-пѣхѣ, пролегающей между двумя каменистыми грядами того же имени, а миновавъ оную, вступили въ обширную долину Талбай, наклоненную къ югу. Въ нижней части этой долины далеко назади отъ нашей дороги виднѣлось озеро, какъ пояснили мнѣ монголы, съ прѣсною и пригодною для питья водою. Долина Талбай заключается невысокимъ уваломъ Талбайнъ дэбсѣкъ, за которымъ вновь послѣдовала долина съ такимъ же невысокимъ только каменистымъ уваломъ Хирай-сонгѣ. Проѣзжая по этому увалу, мы повстрѣчали здѣсь китайца, — разсылнаго изъ ямуна улясутайскихъ амбаней; онъ везъ какой-то пакетъ къ сайръ-усу'скому цзаргучэю. Его сопровождали три улачина (подводчика); на полверсты далѣе повстрѣчался намъ еще и слуга того же разсылнаго, тоже китаецъ, при которомъ состояло два провозатыхъ. Съ такимъ-то шикомъ, требуя себѣ 10 лошадей и 5 проводниковъ, разѣзжаютъ по Монголіи простые китайскіе разсылные, везущіе одинъ какой-нибудь пакетъ. Въ дальнѣйшемъ пути нашемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ долинъ, пересѣкаемыхъ увалами, таковы: долина и уваль Бадаргъ-тологдѣй, потомъ долина и уваль Мангътъ-ухъ, неподалеку отъ котораго оканчиваются выдававшіяся на сѣверѣ клиномъ земли кочевьевъ Гобійнъ тѣшѣ-гүновскаго хошѣна и отсюда земли этого хошѣна снова начинаютъ ограничивать только южную оконечность станціонныхъ пастбищъ, на сѣверѣ же межа ихъ является сопредѣльною хошѣну Тѣшѣту-хана. Въ кочевьяхъ его съ дороги ясно были видны къ сѣверу горы Хормоцъкъ и Оронцъкъ. А дорога наша между тѣмъ все ныряла по лощинамъ и уваламъ, которые отъ Мангътъ-ухъ являются въ такомъ порядкѣ: Пиндъанъ-тологдѣй, Оцзѣнъ-тологдѣй и Цзургъанъ-тологдѣй. Къ сѣверу отсюда лежитъ выдающаяся предъ другими по своей высотѣ гора Тугуригійнъ обѣ; дорога, протягиваясь у подножія мыса этой горы, минуетъ затѣмъ три каменистыхъ лощины и увала, составляющихъ одно урочище, называемое Шурѣнъ-чулѣ. На сѣверномъ концѣ этого урочища располагается станція Тугурікъ.

Ортѣ Тугурікъ оффициально называется Дамъ-хашату и является пограничнымъ пунктомъ, отъ котораго къ востоку протягиваются земли тѣшѣту хановскаго хошѣна, а къ западу земли хошѣна Чжонднъ-гүна, тѣшѣту-хановскаго-аймака. Всего на станціи Тугурікъ числится до 60 харачинскихъ семей; что же касается пакдѣ, то изъ числа штатныхъ юрты ихъ только одна принадлежитъ аймаку тѣшѣту-хана и именно хошѣну Уйцзанъ-гүна, остальные же пѣбликомъ выходцы пэцѣнъ хановскаго аймака и причисляются къ хошѣнамъ 3 юрты — Далай-чжонднъ-бэйсэ; 1 юрта

Хубчинъ-чжононъ-бэйсэ; 2 юрты Хлэ-бэйсэ; 1 юрта Цзахайнъ-чжунъ-вана Дорчжи-палмо; одна юрта Хатагинъ-дайчинъ-гуна; одна юрта Донъ-дайчинъ-цзасака; и одна юрта Даръ-талъ-дайчинъ-цзасака. Все это люди, пришедшие изъ очень дальнихъ мѣстъ, а потому живущіе здѣсь уже въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи; хабсурга, напротивъ, принадлежатъ здѣсь самымъ ближайшимъ хошунамъ, а именно, 2 семьи Чжононъ-гуна тѣштѣ-хановскаго-аймака и 4 семьи Цэ-гуна сайнъ нойновскаго аймака.

Станцію Тугурникъ мы нашли въ сильномъ возбужденіи, ибо за вчерашній день и въ предшествовавшую ночь случилось здѣсь изъ ряда вонъ выходящее событіе. Дѣло въ томъ, что у одного изъ здѣшнихъ подводчиковъ, по имени Гуя-сэбэгута, былъ 20-лѣтній сынъ, Тэмуръ-вачиръ. Баланванный и вздорный юноша этотъ вчера изъ-за чего-то сначала поссорился, а потомъ началъ драться съ своимъ отцемъ и билъ его съ такимъ ожесточеніемъ, что на крики старика сбѣжались сосѣди и едва могли удержать буяна, который, что называется, забылъ себя отъ злости. Его связали и посадили въ пустую юрту для проѣзжающихъ, а станціонный цзангинъ поручилъ одному изъ солдатъ-подводчиковъ сторожить его. Часа черезъ два юноша успокоился, но цзангинъ приказалъ подержать его «для срама» связаннымъ и въ заключеніи. Вечеромъ мать приносила узнику чаю, а приѣхавшій къ нему въ гости 17-тилѣтній Банца-ракша, сынъ подводчика со станціи Билгыхъ, приходилъ къ своему товарищу, чтобы развлечь его разговоромъ и остался съ нимъ ночевать въ одной юртѣ. Часовъ въ 10-ть вечера, по обычаю, всѣ заснули; а сегодня, на зарѣ, вѣроятно, часа въ 3 ночи, латникъ, которому поручено было сторожить Тэмуръ-вачира, заглянувъ въ его юрту, увидалъ ее пустою. Онъ думалъ, что заключенный ушелъ въ отцовскую юрту, но тамъ его не оказалось, равно какъ и его товарища. Поднялся шумъ по всей станціи. Вскорѣ отецъ Тэмуръ-вачира открылъ, что въ его косякѣ не хватаетъ 4-хъ лошадей и 2-хъ верблюдовъ; а другой, пришедшій подводчикъ этой же станціи заявилъ, что у него пропала 18-тилѣтняя дочь его, Чилхутъ. Ясно было, что трое молодыхъ людей, похитивъ у отца 4-хъ лошадей и 2-хъ верблюдовъ, бѣжали неизвестно куда. Для трехъ лошадей они захватили съ собой три узды, три сѣдла и трое путь; сами поверхъ обычнаго лѣтняго платья, одѣли еще тулупы и такъ уѣхали. Розыскъ бѣглецовъ въ ближайшихъ мѣстахъ, приблизительно верстъ на 20—30 отъ станціи, до сихъ поръ не далъ никакихъ результатовъ, хотя, изъ числа розыскивавшихся 12 человекъ, 9 уже возвратились; подводчики, привезшіе со станціи Дээрэнъ встрѣченнаго мною писца уясутайскаго амбана, также не могли дать никакихъ свѣдѣній о бѣглецахъ. Они какъ будто канули въ воду. При таковыхъ обстоятельствахъ цзан-

гнѣ поджидалъ только возвращенія трехъ остальныхъ посланцевъ, а затѣмъ, говорилъ онъ, нужно поскорѣе извѣщать сѣйръ-усу'скаго царгучѣя, чтобы тотъ нарядилъ оффиціальныя розыски по сосѣднимъ аймакамъ и хошӯнамъ.

Со станціи Тугурѣкъ мы выѣхали въ 11 ч. 10 м. и двигались далѣе по солончаковому тѣйриму (котловинѣ) вплоть до увала Цзэргәнѣ-уха, у подножія котораго, равно какъ и по обѣимъ сторонамъ самаго его, залегаеъ глубокой сыпучій песокъ. За переваломъ черезъ Цзэргәнѣ-уха открывается огромная, наклоненная къ ЮВ долина, въ направленіи же нашего пути на СЗ она кажется постепенно повышающеюся и этотъ подъемъ, сливаясь съ горизонтомъ, не оставляетъ глазу ровно ничего, чѣмъ можно было бы ограничить эту необъятную для зрѣнія равнину. Описываемая равнина носитъ названіе Бута, т. е. «кусты» и дѣйствительно, вся она поросла кустарникомъ хараганѣ, что дѣлаеъ ее весьма неудобною для колесной ѣзды. Только въ 12 ч. 15 м. намъ показался на горизонтѣ уваль Хондоту, но, прежде чѣмъ доѣхать до него, дорога проходитъ въ той же степи урочище Марцакъ съ колодецемъ того же имени, при которомъ кочуетъ нѣсколько юртъ и пасутся большіе табуны верблюдовъ и лошадей, принадлежащихъ станціи Тугурѣкъ. Отъ этого урочища Марцакъ долина получаетъ названіе Хондоту-гала и лишь проѣхавъ ее, мы добрались до вышеозначеннаго увала. На сѣверъ отъ него видны горы, Борд-ундуръ, составляющія почти пограничный пунктъ для земель хошӯна Чжононъ-гӯна въ восточной сторонѣ онаго. Отсюда мы спустились въ лощину, заимствовавшую свое имя отъ послѣдующаго за нею перевала Цаганъ-тэмѣту. Лощина эта наклонна къ сѣверу и ограничивается съ этой стороны высокою горою Огоцкѣ-ула; къ западу отъ этихъ горъ лежитъ граница тӯшѣту хановскаго аймака съ Сѣйнь-нойновскимъ собственно по сѣверную сторону станціонныхъ земель, тогда какъ на югѣ эти земли все еще продолжаютъ быть смежными съ хошӯномъ Гобійнь-тӯшѣ-гӯна, принадлежащимъ тӯшѣту-хановскому-аймаку. Миновавъ за симъ урочище Гунъ-худукъ, пересѣвши долину и уваль Оликту и проѣхавъ по тянущейся версты на двѣ плоской возвышенности Борд-ўцзуръ, мы въ 2 часа дня прибыли на станцію Дзэрәнъ, еще издали, съ вершины Борд-ўцзұра, увидавъ здѣсь какое-то необычайное движеніе.

Станція Дзэрәнъ располагается на обширной равнинѣ, протягивающейсѣя съ В. на З съ постояннымъ наклономъ въ ту же сторону. Долина эта вообще имѣеъ солонцевато-глинистую почву, мѣстами образующую совершенно безплодные солончаки, а потому и находящіяся въ ней два колодца не отличаются особенною доброкачественностью: вода въ нихъ хотя

и чистая, но нѣсколько солоноватая на вкусъ. Станцію составляютъ 52 юрты харачинскихъ (въ томъ числѣ 18 штатныхъ), а изъ 11 штатныхъ юртъ цакдѣ 6 принадлежатъ хошуну Ильдѣнъ бѣйлэ сѣинъ-нойновскаго

Общій видъ почтовой станціи Дзэрэнъ.

аймака и 5 хошуну Уйцзанъ Тб гүна түшѣту хановскаго аймака. Что касается до хабсургѣ, то всѣ 6 юртъ ихъ искони принадлежатъ къ числу податныхъ Ильдѣнъ-бѣйлэ. Благодаря такой близости родныхъ кочевьевъ большинства почтосодержателей, они привыкли уже считать станціонныя земли нераздѣльными отъ хошунныхъ и кочуютъ безразлично на тѣхъ и другихъ; пастбища ихъ по этому самому весьма обширны и народъ на этой станціи вполне благоденствуетъ. То движеніе, которое я замѣтилъ, подъѣзжая къ станціи, происходило здѣсь отъ двухъ причинъ. Первою и главнѣйшею изъ нихъ было то, что станціонный дугунъ праздновалъ въ этотъ день церемонію круговращенія Майдари и, конечно, я не преминулъ отправиться посмотреть ее, хотя въ эту пору она, очевидно, близилась къ концу, ибо колесница Майдари стояла уже на западной сторонѣ кумирни. Станціонный дугунъ устроенъ къ западу отъ станціи, въ разстояніи приблизительно двухъ верстъ отъ нея. Онъ заключаетъ въ себѣ семь отдѣльныхъ сүмѣ, изъ которыхъ три главные построены изъ дикаго гранита, съ черепичною кровлею и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ китайской архитектуры; остальные четыре сүмѣ были сбиты изъ сырцеваго кирпича, покрыты глинобитною крышею, такую же оказалась и ограда вокругъ этого хуръя. Что касается самой церемоніи Майдари, то, подобно тому какъ и въ на-

шихъ сельскихъ бѣдныхъ храмахъ, все здѣсь было мизерно сравнительно съ обстановкою этой церемоніи въ большихъ кумирняхъ, хотя въ существѣ дѣла обрядъ рѣшительно тотъ же. Кумиръ Майдари везется на высокой колесницѣ желтаго цвѣта, разрисованной по сторонамъ изображеніемъ 8 радіуснаго хурдэ. Надъ колесницею установленъ небольшой шелковый шукуръ, или зонть, по бокамъ укрѣплены чжалцаны; тѣ же разноцвѣтныя украшенія несутся по бокамъ телги, только въ качествѣ носильщиковъ являются здѣсь не ламы, а станціонные прихожане дугуна, безъ различія возраста и пола. Народу на церемоніи было приблизительно человѣкъ до 400. Я попробовалъ снять эту церемонію фотографіею, но едва только народъ увидалъ выставленный аппаратъ, какъ, оставивъ своего бурхана, всюю массою бросился ко мнѣ. Не трудно было предугадать, что первый мой снимокъ будетъ крайне неудовлетворителенъ, ибо на стеклѣ должна была получиться цѣлая масса движущихся фигуръ; поэтому давъ возможность большинству перебѣжать, я попросилъ только народъ хоть около меня стоять спокойно. Монголы стали и сами увѣщавать другъ друга не мѣшать дѣлу и тѣмъ не менѣе все-таки каждому хотѣлось заглянуть въ объективъ. Такъ и не удалось мнѣ снять эту церемонію какъ она является въ дѣйствительности, съ народомъ, только нѣсколько старѣйшихъ ламъ осталось сидѣть на мѣстѣ, отправляя свой хураль; другіе, даже изъ числа ламъ, сложили свои инструменты и отправились на мою сторону.

Другую причину станціонныхъ волненій составлялъ остановившійся здѣсь съ утра большой почтовый транспортъ, направлявшійся въ Пекинъ, для доставленія ко двору богдохана дани отъ монголо-татарскихъ поколѣній вѣдомства тарбагатѣйскаго амбана, или такъ называемыхъ «цаганъ-адѹ». Извѣстно, что кочевые данники Китая собственно не несутъ на себѣ никакихъ общегосударственныхъ повинностей и, какъ бы въ доказательство своей зависимости, обязаны только ежегодно представлять ко двору богдохана 8 бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда. Этотъ-то «бѣлый табунъ» и доставлялъ настоящій транспортъ, хотя въ составъ его входило не девять, а гораздо болѣе ста самыхъ разномастныхъ животныхъ. На вопросъ, почему это такъ, монголы объяснили мнѣ, что помимо означенныхъ девяти животныхъ тарбагатѣйскій амбанъ посылаетъ еще обыкновенно при этой оказіи больше сотни лошадей въ подарокъ своимъ пекинскимъ знакомымъ, сослуживцамъ, родственникамъ и пр. Въ числѣ сопровождающихъ этотъ транспортъ изъ Чугучака было всего 19 человѣкъ солдатъ, съ манчжурскимъ чиновникомъ во главѣ. Для отправки ихъ на слѣдующую станцію, со стороны станціи Дээрэнъ требовалось 19 верховыхъ лошадей, двѣ лошади подъ легкіе вьюки, 36 верховыхъ проводниковъ и 40 вьючныхъ.

верблюдовъ, часть которыхъ имѣетъ везти багажъ сопровождающихъ транспортъ, а другая, большая часть, назначалась, по словамъ станціонныхъ, для доставки пшена, везомаго въ мѣшкахъ и предназначаемаго для корма лошадей. Меня крайне удивило, что степная монгольская лошадь можетъ ѣсть пшено; но на это возразили мнѣ, что такъ полагается по закону. На самой станціи для этихъ солдатъ было выставлено девять юртъ, и отпущено два барана и кирпичъ чаю, помимо молочныхъ продуктовъ. Между юртами ихъ дѣйствительно была сложена цѣлая груда кулей съ пшеномъ, тщательно укутанныхъ въ войлокъ заботливыми монголами.

Осматривая дзэрэн'скій-хурѣ, я обратилъ между прочимъ вниманіе на одинъ байшинъ, служившій, какъ сообщили мнѣ, станціонной кладовой. Цзангѣнъ отворилъ мнѣ двери ея, и въ числѣ наполнявшихъ эту кладовую предметовъ были: во-первыхъ, четыре большихъ сундука, въ которыхъ, по словамъ цзангѣна, были сложены ковры, шелковые олбѣки, шелковыя обшивки (хѣшигѣ) казенныхъ станціонныхъ юртъ; шѣцзаны, металлическія донбѣ и проч. принадлежности монгольскаго быта; отдѣльно отъ этого были порядкомъ сложены въ углу: три юрты, изукрашенныя красными и синими нашивками и наконецъ цѣлая четверть байшина была занята сваленными въ груду луками и стрѣлами. Это, какъ поясилъ мнѣ цзангѣнъ, было оружіе станціонныхъ, съ которымъ они должны были являться на смотры, производимые имъ иногда пріѣзжающимъ высшимъ начальствомъ.

Со станціи Дзэрэнъ мы выѣхали въ 5 ч. 15 мин. и направили свой путь по неширокой долинѣ, именуемой Цзадагай хундуй. Долина эта чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ суживается все больше и больше и наконецъ переходитъ въ ущелье Мургуцуйнъ-хабчиль, до котораго мы доѣхали въ 5 ч. 45 мин. и по которому двигались не болѣе 8 минутъ. За этимъ ущельемъ послѣдовала громадная, полого повышающаяся къ сѣверо-западу долина, или лучше, какъ говорятъ сибиряки, тянигусъ, Арү-бѣксѣ, не представлявшій впереди для глаза ровно ничего, помимо ровной и гладкой степи. Только въ 6 ч. 40 м. намъ показались холмы съ восточной стороны Табѣкъ, а съ западной Дѣганъ-дѣль, отъ параллели которыхъ въ линіи дороги начинается долина Задагайтү, покрытая густымъ дэрэсүномъ. Колесное движеніе здѣсь очень затруднительно вплоть до ограничивающаго Задагайтү на западѣ кряжа Борд-хүтүль, по сѣверной сторонѣ котораго станціонные считаютъ половину дороги. Отсюда пошелъ цѣлый рядъ тянигусовъ, на которые мы то поднимались, то опускались, чтобы подниматься снова, таковы тянигусы: Цалбуръ, Ындуръ-шилй, Дамъ-шилй, Борд-ширѣ, Мухуръ-шилй и Борд-табцанъ. Отъ этого послѣдняго возвышенія лоцины,

залегающія между тянигусами, сдѣлались обширнѣе, и на нихъ ясно обрисовалась даже при вечернемъ сумракѣ солонцеватая почва; такова лощина Цзамъинъ-тѳйримъ, ограничиваемая съ сѣвера возвышенностью Эргинѣкъ и лощина Шабартайнъ-тѳйримъ, съ которой дорога поднимается на возвышенность Манитѳу. Спускаясь съ этой возвышенности, попадаешь въ кочковатую и болотистую долину Онгѳинъ-гѳла, на которой, почти у самой рѣки располагается станція Онгѳинъ. Мы прибыли на нее только въ 9 часовъ вечера.

2-е Августа. Воскресенье.

5 ч. $+5^{\circ}$; 9 ч. $+11\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+13^{\circ}$; 6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$.

Станція Онгѳинъ располагается на берегу р. Онгѳина, при высотахъ Онгѳинъ обѳ. Составъ ея нельзя назвать особенно большимъ, ибо на всей этой станціи проживаетъ не болѣе 65 юртъ; изъ нихъ, въ числѣ 11 штатныхъ юртъ цагда, 7 юртъ принадлежатъ хошѳуну Эрдэни-уйцзанъ-гѳна, 3 юрты — Цэ-гѳна и 1 юрта — цэинъ-цэонъ бэйлэ цэцэнъ-хѳановскаго аймака; что касается 6 юртъ хабсургѳа, то всѣ они принадлежатъ хошѳуну Эрдэни-уйцзанъ-гѳна. Станція Онгѳинъ почитается сѳйръ-усѳскимъ почтовымъ начальствомъ въ числѣ уже удаленныхъ станковъ вѣдомства, оттого сѳйръ-усѳскій царгучэй и цзаланы не бываютъ здѣсь болѣе двухъ разъ въ годъ; всякія исправленія на этой почтовой станціи возлагаются уже на мѣстное начальство и самихъ почтосодержателей. Внѣшнимъ образомъ это ярко бросается въ глаза тѣмъ, что, начиная съ Онгѳина, станціонныя юрты, а равно и обстановка ихъ дѣлаются уже значительно хуже предшествовавшихъ; но съ другой стороны и самое содержаніе станціи здѣсь, несомнѣнно, обходится дешевле. Всѣ деревянныя произведенія, какъ-то: юрты, столы, скамьи и проч. здѣшніе почтосодержатели приобрѣтаютъ въ сѣверныхъ хангайскихъ хошѳунахъ сѳинъ-нойновскаго аймака, при чемъ полный деревянный остовъ наилучшей и большой юрты не превышаетъ для нихъ стоимости 15 ланъ серебра, уплачиваемыхъ товаромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря той же самостоятельности въ дѣлѣ ремонта и пополненія необходимыхъ станціонныхъ принадлежностей, на станціи Онгѳинъ впервые встрѣчаются торгующіе китайцы. Они приѣзжаютъ сюда изъ Пекина лѣтомъ, объѣзжаютъ харачинскія станціи къ сѣверу отъ Онгѳина и уѣзжаютъ осенью. Кирпичъ чая продается ими по 5 цинъ; дѳлямбу, въ размѣрѣ потребнаго на одинъ халатъ, по 1 лану серебра; дѳбу, въ томъ же размѣрѣ — 8 цинъ; ци-цѳюй-чоу — 2 лана и 2 л. 5 цинъ, та и другая впрочемъ плохаго качества; донбѳ деревянная съ мѣдными обручами и украшеніями — по 1 л. 5 ц.; кромѣ того они привозятъ много мелкихъ предметовъ, какъ-то: трубки, табакерки, хадаки, мѣшечки для храненія табакерокъ,

табачные кисеты, столовые приборы, состоящіе изъ ножа, палочекъ и проч. Торговля эта ведется главнымъ образомъ на произведенія монгольской степи, причемъ китайцы принимаютъ: верблюдовъ по цѣнѣ отъ 20 до 25 ланъ, уплачиваемыхъ товаромъ; овецъ — отъ 1, до 2 л. 5 ц., овечью шерсть по 5 фынъ за гинъ, уплачиваемыхъ опять-таки товаромъ же.

Станцію Онгійнъ мы оставили въ 8 ч. утра и направились къ переправѣ черезъ рѣку. Ширина Онгійна не превышаетъ здѣсь 30 саж., наибольшая же глубина его въ мѣстѣ брода 15 вершковъ. Теченіе рѣки очень быстрое и русло ея каменисто. Съ правой стороны берегъ рѣки у мѣста брода высокъ, а лѣвый берегъ пологій и представляетъ болотистую почву. Переправившись черезъ рѣку и обогнувъ гряду Онгійнъ обб, мы проѣхали нѣкоторое пространство по густо поросшей дэрэсуномъ котловинѣ, а затемъ поднялись на небольшую возвышенность и направили свой путь по долинѣ, покрытой щебнемъ и самою незначительною растительностью. Долина эта оказалась далеко протягивающеюся на СЗ. Къ сѣверу отъ нея видна была полоса горъ Бургултѣйнъ нуру, принадлежащихъ хошуну дайчинъ Цэ(рэнъ дорджі) гүна, а нѣсколько далѣе ихъ — высокая гора Ёлцзэйтү ундүр, составляющая кочевья податныхъ Эрдэн-уйцзанъ-гүна; при этой горѣ находится ставка гүна и его главная хуръ. Самая гора издали представлялась намъ въ видѣ громаднаго чернаго гроба, широкая часть котораго обращена на югъ, а узкая на сѣверъ. Дорога наша между тѣмъ представляла собою нѣчто, совершенно не поддающееся описанію. Кочки, образующіяся повсюду у кустовъ дэрэсуна, обильно разбросанные по долинѣ камни, доходящіе иногда высотой до $\frac{3}{4}$ аршина, масса ямъ, сухихъ и наполненныхъ водою, — все это дѣлаетъ здѣсь колесную дорогу рѣшительно непроѣзжаемою, такъ что я долженъ былъ ѣхать здѣсь уже верхомъ. Особливо ужаснымъ представляется урочище Дугунай бұцанай дэрэсү. Разговаривая съ сопровождавшими меня монголами, я невольно задалъ вопросъ, какимъ образомъ провозятъ они по этому пути военныя принадлежности улясутѣйскихъ солдатъ; при чемъ узналъ, что когда, лѣтъ семь тому назадъ, въ Улясутѣй были доставляемы изъ Китая новыя пушки, то ихъ, вмѣстѣ съ лафетами, вьючили на верблюдовъ. Нѣсколько лучше дорога стала только послѣ того, какъ мы поднялись въ долину Уланъ-чихй, получившую свое имя отъ сопки, находящейся въ южной сторонѣ ея и наконецъ путь нашъ совершенно исправился, когда мы добрались до равнины Сүль, въ сѣверозападномъ углу которой, при ручьѣ Цзадагай, располагается станція Ёнигэтү.

Эту послѣднюю станцію мы оставили въ 11 ч. 40 м. и направились по возвышенности Халагайту, спускающейся въ сторону дороги шестью

увалами, образующими овраги. Дорога вьется по косогору, то спускаясь, то поднимаясь по этимъ оврагамъ, пока наконецъ не достигаетъ увала Холб-уланъ, за которымъ слѣдуетъ высокій Ёлцзэй тологой. Отсюда начинается прелестная травянистая долина Цзамынъ хобуръ, во множествѣ покрытая цвѣтами и доставляющая невыразимое удовольствіе давно уже не видавшему такой растительности путнику. Для насъ это впечатлѣніе нѣсколько отравлялось тѣмъ, что день былъ вѣтряный и холодный, а изрѣдка при этомъ моросилъ еще мелкій, осенній дождикъ. Тотъ же характеръ растительности сохраняется и на слѣдующей долині Шанда, въ которой располагается хуръ почтовой станціи Хадату. Монастырь этотъ заключаетъ въ себѣ три сѹмэ, построенныхъ изъ дерева и до 20 бэйшиновъ живущихъ при немъ хуваракъвъ.

Спустившись за сямъ въ долину Хурдѹни хой, мы увидали издали высокую и поросшую травой Хадату ѹла, при которой долженъ бы стоять ѳртѹ Хадату; но въ настоящую пору онъ уключвалъ къ югу отсюда, приблизительно верстъ на 10, такъ что мы нашли его не менѣе какъ черезъ часъ времени въ ущельи горъ Бурхантѹ, при ключѣ Хорохѹйту булѹкъ. Хадату является послѣднею станціею харачиновъ сайръ-усу'скаго вѣдомства, а такъ какъ мнѣ нужно было окончательно привести здѣсь въ порядокъ, а можетъ быть и пополнить собранныя свѣдѣнія о существующихъ на харачинскихъ ѳртѹ способахъ управленія и отбыванія повинности, то я рѣшилъ остановиться здѣсь для ночлега, несмотря на то, что часы показывали только 2 ч. 30 м. Все остальное время больше проведено за этой работой.

3-е Августа. Понедѣльникъ.

5 ч. $+1^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+16^{\circ}$; 6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+1\frac{1}{2}^{\circ}$.

Проснулся въ 3 ч. 50 м. утра буквально отъ непривычки къ холоду и, вышедши изъ юрты, увидалъ, что все окружающее было бѣло отъ густаго слоя инея. Станція Хадату, какъ уже было замѣчено, въ лѣтнее время всегда располагается при ключѣ Хорохѹйту булѹкъ: станціонныя юрты стоятъ въ узкой глубокой лоцинѣ. Къ сѣверу отъ нихъ видны отроги высокой горы Хотонтѹ. Настоящимъ мѣстоположеніемъ своимъ станція совершенно противулежитъ границамъ хошѹновъ Эрдэни-ѹйцангѹна къ востоку и Сайнъ нойна къ западу.

Мы двинулись съ Хадату въ 7 ч. 45 м. утра. Небо было сполна заволочено тучами, въ воздухѣ сыро и холодно какъ будто въ самую глубокую осень; нѣкоторые изъ моихъ проводниковъ-монголовъ одѣли шубы и мѣховыя шапки. Изъ станціонной лоцины, испещренной рвами и бугорками, мы поднялись къ горамъ Хотонтѹ, которыя возвышаются надъ окружающею ихъ мѣстностью двумя вершинами, раздѣленными длинной сѣдло-

виной. У подножія этихъ горъ и по отлогостямъ ихъ разсыпано немало камней, тѣмъ не менѣ повсюду здѣсь масса травы и много цвѣтовъ. Дорога поначалу шла все ложбинками, образуемыми отъ волнообразныхъ горныхъ скатовъ, тянущихся частію отъ болѣе высокихъ горъ Хотонту, а частію отъ болѣе низкихъ горъ Сэнжиту, располагающихся на западъ отъ дороги. Этими ложбинами мы постепенно поднимались до вершины Хотонтуйнъ даба, гдѣ глазамъ нашимъ совершенно неожиданно открылся прекраснѣйшій видъ на величественный кряжъ Хангайскихъ горъ. Изъ общаго чернаго массива этого кряжа особливо выдавались къ востоку гора Ашигату, а къ западу — Цаганъ-хайрханъ, обѣ горы, принадлежащія хошуну Сайнъ-нойна. Съ помянутаго перевала мы вѣхали въ ущелье Хотонту улайнъ хабтагай, также точно усѣянное камнями, какъ и пройденныя ложбины, и только по выѣздѣ изъ этого ущелья дорога стала ровнѣе. Отсюда началась громаднѣйшая равнина, на которой глазу приходилось въ первое время останавливаться лишь на одиноко стоящемъ холмѣ Ганца-тологой. Къ 9-ти часамъ утра небо очистилось и горизонтъ значительно расширился. Минувавъ Ганца-тологой, мы увидали скрывавшіяся за нимъ и лежащія къ юго-востоку отъ дороги громадныя снѣжныя горы Богдо-ула: онѣ ясно стояли гораздо дальше хангайскаго кряжа, хотя, по словамъ монголовъ, находились въ томъ же сайнъ-нойновскомъ хошунѣ, въ стойбищахъ шабинаровъ Мэргэнъ-нойнъ-хутухты. Издали снѣга Богдо-улы казались большимъ бѣлымъ облакомъ, а потомъ начали ярко блистать на солнцѣ. Равнина, по которой мы ѣхали, носить здѣсь названіе Талайнъ-тологой, заимствуя это имя отъ невысокой сопки, представившейся намъ теперь нѣсколько вправо отъ дороги. У этой сопки дорога торно раздѣляется, при чемъ одинъ путь ведетъ на сѣверъ, къ зимнему кочевью слѣдующаго станка, а другой, по которому продолжали мы свое движеніе, къ его лѣтней стоянкѣ, находящейся, какъ оказалось впоследствии, на той же долинѣ. Вообще равнина Талайнъ-тологой тянется на пространство не менѣ 40 верстъ и въ направленіи къ СЗ кажется упирающеюся въ горный кряжъ Хангая. Имѣя одно общее названіе, она раздѣляется отдѣльными именами и по частямъ. Такъ въ 9 ч. 40 м. мы доѣхали до ложбины Ёхуръ-чулӯ, получившей такое прозваніе отъ шести большихъ валуновъ, лежащихъ вправо отъ дороги. Часть долины, прилежащая этой неглубокой ложбинкѣ, называется также Ёхуръ чулӯ. Слѣдующая ложбина въ той же долинѣ заключаетъ въ себѣ озеро Гунъ-нуръ. Эта ложбина сплошь покрыта кочками и дэрэсуномъ, а потому крайне неудобна для колесной ѣзды. Озеро Гунъ-нуръ имѣетъ около шести верстъ въ окружности; на южной сторонѣ его оказалась расположенною станція Харъ-нидунъ.

На этой станціи я распроцался съ возчиками изъ харачиновъ, ибо послѣдующія къ Улясутаю 20 станцій содержатся уже халхасами и состоятъ въ особомъ вѣдѣніи улясутайскаго цзънь-цзюня и его хэбэй амбаны, подъ ближайшимъ надзоромъ тайчжіевъ, каждый изъ которыхъ вѣдаетъ 5 бртѣ. Халхаскія станціи не имѣютъ у себя ни точно отмежеванныхъ земель для пастбищъ, ни особаго отдѣла почтосодержателей—цакдѣ, а состоятъ только изъ 14 семей штатныхъ почтосодержателей, да изъ 7 юртъ хабсургѣ. Почтосодержатели эти принадлежатъ различнымъ хошунамъ аймаковъ Цзэнь-хана и Тушѣту-хана, но хабсургѣ являются только изъ двухъ хошунъ: Сайнь-нойна и Эрдэни-уйцзанъ-гуна. Подобно харачинамъ, какъ почтосодержатели, такъ и хабсургѣ всегда имѣютъ здѣсь при себѣ особыя семьи — «бўли», и, несмотря на то, составъ халхаскихъ станцій представляется значительно меньшимъ харачинскихъ.

Станція Харѣ-нидунъ, какъ можно видѣть и изъ предшествовавшаго разказа, располагается на громадной равнинѣ, въ котловинѣ озера Гунъ-нуръ. Къ югу и юго-востоку отсюда еще видны были на горизонтѣ высокія Хотонтү-ўла, которыя переваливали мы отъ станціи Хадату, а на сѣверъ намъ оставалось уже не далеко до вышепомянутаго Хангайскаго кряжа. Въ лѣтнее время станція Харѣ-нидунъ кочуетъ всегда на мѣстѣ своего настоящаго стойбища, зимою же она перемѣщается въ урочище Харѣ-нидунъ, лежащее восточнѣе Гунъ-нүра, при двухъ колодцахъ. Озеро Гунъ-нуръ соленое и вода его не пригодна для употребленія людямъ, но животныя пьютъ ее безразлично съ водою изъ протекающей неподалеку рѣчки. На озерѣ мы нашли массу птицы: лебеди, сѣрые и бѣлые гуси, чирки, сѣрыя утки, турпаны (*Vulpanser gutila*) и безъ конца бекасовъ. Монголы сообщали мнѣ, что болѣе бѣдные изъ нихъ охотятся на эту птицу и употребляютъ ее въ пищу, но, вѣроятно, такая охота устроивается очень рѣдко, ибо птица здѣсь мало напугана и свободно подпускаетъ человека сажень на 40, покрайней мѣрѣ мы именно съ такого разстоянія убили здѣсь одного сѣраго гуся.

Мы оставили станцію Харѣ-нидунъ въ 11 ч. 40 м. дня и направились по той же равнинѣ, которая отъ сѣвернаго берега озера Гунъ-паганъ дѣлается каменистою и густо поросшею дэрэсунюмъ. На разсматриваемомъ пространствѣ равнина эта носитъ названіе Гунъ-буридү и вскорѣ приводитъ къ рѣчкѣ Буридундэй-гѣлу. Послѣдняя имѣетъ до 10 саж. ширины, глубиною не болѣе полуаршина и течетъ на ЮЮЗ. Перебравшись черезъ Гунъ-буридү, мы опять-таки продолжали путь на сѣверо-западъ, по той же поросшей дэрэсунюмъ равнинѣ, вплоть до предгорій Хангайскаго кряжа, отдѣльная возвышенность котораго въ этомъ мѣстѣ называется Зада-толо-

гдй. У подножія южнаго ската этой возвышенности виднѣлось озеро Цаганъ-нуръ, протягивающееся узкою полосою съ востока на западъ. Пологіе склоны Зала-тологдй очень каменисты. Миновавъ ихъ, мы въ 12 ч. 15 м. повернули прямо на западъ и вступили въ долину Горидѣйнъ-гбля, имѣющаго здѣсь теченіе съ сѣвера на югъ; вверхъ по этой долинѣ и потянулась теперь наша дорога. Черезъ 20 м. мы прибыли на станцію Горидѣ, отстоящую отъ лѣтняго кочевья Харѣ-нидунѣ не болѣе какъ верстъ на 10.

Имѣя въ виду, что на нашихъ картахъ всѣ эти мѣстности изображаются черезчуръ неопредѣленно, я распросилъ монголовъ о теченіи этихъ рѣкъ и, по разказахъ ихъ, оказалось, что вышепомянутый Гунъ-буридунѣ-гбль, черезъ который переѣхали мы у станціи Харѣ-нидунъ, верстахъ въ 20 ниже этой переправы, сливается съ Горидѣйнъ-гблемъ, а вмѣстѣ обѣ эти рѣки образуютъ такъ называемый Арагдѣйнъ-гбль, который исчезаетъ въ пескахъ, а не впадаетъ въ какое-то безымянное озеро, какъ это показывается на нашихъ картахъ. Такого озера въ дѣйствительности не существуетъ и мѣсто исчезновенія Арагдѣйнъ-гбля находится въ хошунѣ Сайнъ-нойна; повсюду тамъ песокъ и песчанья горы. Та же невѣрность нашей картографіи замѣчается и далѣе: почтовый калганско-улясутайскій трактъ показывается у насъ пересѣкающимъ Горидѣйнъ-гбль почти у самой станціи Горидѣ и засимъ оставляющимъ эту рѣку; между тѣмъ на дѣлѣ это оказывается совершенно иначе, какъ увидалъ я и лично при послѣдующемъ пути.

Со станціи Горидѣ мы выѣхали въ 1 ч. 10 м. дня и двинулись вверхъ по поросшей дѣрсуномъ долинѣ этой рѣки, отличающейся также своею каменистостью. Долина эта неподалеку отъ станціи упирается въ гору Байнъ-улянъ, при чемъ русло рѣки, будучи утѣсняемо предгоріями этой возвышенности, поворачиваетъ на западъ, а вмѣстѣ съ нимъ поворачиваетъ въ ту же сторону и дорога. Отсюда, продолжая слѣдовать по берегу Горидѣ, дорога вступаетъ въ горную падь и начинаетъ подниматься вверхъ, о-бокъ съ низпадающимъ по пади русломъ Горидѣ. Последнее индѣ представляется въ видѣ глубокой и узкой канавы, а мѣстами выравнивается и является широкимъ ложемъ, устланымъ мелкою галькой. Самая падь окаймлена невысокими горами, надъ которыми господствуетъ гора Шакдѣйнъ-ордй; въ дальнѣйшемъ эта падь нѣсколько разъ пересѣкается поперечными увалами, изъ которыхъ труднымъ для ѣзды оказывается только одинъ, Хбхò обб, не высокій, но очень крутой. Переваливъ его, мы все поднимались вверхъ по пади Горидѣ, пока въ 3 ч. 25 м. ни увидали высокую сопку Буридунѣ-хурунъ-тологдй, окаймляющую съ сѣвера широкую болотистую равнину Буриду, обильную ключами, изъ которыхъ и беретъ

свое начало Горидѣ. Только здѣсь мы оставили теченіе Горидѣйнъ-гѣла, русло котораго уклоняется къ сѣверу, тогда какъ дорога продолжаетъ свое направленіе на западъ, къ перевалу Гангѣ-дабѣ. Спускъ съ этого перевала пологій, но каменистый: отдѣльные громадныя камни стоятъ здѣсь какъ крѣпостныя развалины. Спустившись съ Гангѣ, мы вступили въ долину Шаргѣйнъ-гѣла и прибыли на станцію Тацѣ, гдѣ и остановились для ночлега.

4-е Августа. Вторникъ.

5 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 4 ч. $+18^{\circ}$.

Мѣстоположеніе станціи Тацѣ отличается необыкновенною сыростью: рѣка Шаргѣйнъ-гѣль течетъ здѣсь по широкой ложбинѣ, развѣтвляясь на множество маленькихъ ручьевъ, отсюда естественная влажность какъ въ почвѣ окружающей долины, такъ и въ воздухѣ. Спасаясь отъ этой сырости, почтосодержатели ставятъ свои юрты на высокомъ пригоркѣ; но за всѣмъ тѣмъ даже и лѣтомъ они ходятъ здѣсь по вечерамъ въ шубахъ, да и мнѣ ночью пришлось укрыться шубою же, такъ какъ сырость проникала черезъ шерстяное одѣяло. Почтосодержатели ст. Тацѣ принадлежатъ здѣсь различнымъ хошѹнамъ цѣцѣнъ-хѣновскаго, тушѣтѹ-хѣновскаго и сѣйнъ-нойновскаго аймаковъ; хабсургѣ же рѣшительно всѣ принадлежатъ здѣсь не только аймаку, но даже и хошѹну Сѣйнъ-нойна. Говорятъ, что въ числѣ здѣшнихъ хабсургѣ есть представители отъ каждаго бѣка сѣйнъ-нойновскаго хошѹна, почему и узналъ я, что хошѹнъ этотъ раздѣляется на семь бѣковъ: 1) Хондогѣ, 2) Багѣ-бурѹнъ, 3) Йѣхѣ бурѹнъ, 4) Цзѹни, 5) Гѣль, 6) Хамчжилгѣ и 7) Багѣ хамчжилгѣ. Послѣдніе два бѣка, говорятъ, образовались изъ приписныхъ семей тайчжѣевъ, которые, не будучи въ состояніи, по своей бѣдности, содержать ихъ, передали ихъ въ распоряженіе хошѹна. Объ этомъ велъ я здѣсь пространную бесѣду.

Путру мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и даже косвенною причиною безобразной по существу, но довольно обыкновенной на здѣшнихъ почтовыхъ станціяхъ сцены, рисующей отношенія проѣзжающихъ китайцевъ къ почтосодержателямъ. Дѣло въ томъ, что вчера, прѣхавъ на станцію Тацѣ, я былъ принятъ цзангѣномъ станціи въ самой большой станціонной куртѣ, отличающейся вмѣстѣ съ тѣмъ и большею чистотою и большимъ убранствомъ. Вечеромъ здѣсь было получено извѣщеніе, что завтра придетъ на эту станцію «цаганъ-адѹ», отправляемое частію кобдѣскимъ, а частію улясутѣйскимъ амбѣями, а нѣсколько позднѣе на станцію прискакалъ китайскій солдатъ изъ состава сопровождающихъ адѹ, съ порученіемъ осмотрѣть и приготовить юрты для всего отряда конвоировъ. Пошумѣвъ по поводу того, что лучшая юрта была занята мною, онъ однако вскорѣ былъ успокоенъ угощеніями станціонныхъ и представленнымъ ими соображеніемъ,

что китайскій офицеръ долженъ прїѣхать къ полудню, а я уѣду утромъ, слѣдовательно юрта будетъ свободна. Итакъ, распорядившись лишь, чтобы съ десятокъ юртъ, назначаемыхъ для помѣщенія китайскаго конвоя, были перенесены въ одно мѣсто, онъ улегся спать. Но, на бѣду, въ эту ночь, вѣроятно, не поспалось китайскому офицеру и онъ прискакалъ на станцію часовъ въ семь утра. Колѣнопреклоненно встрѣтилъ его цзангінъ и попросилъ во вторую юрту, а вчерашній солдатъ объяснилъ, что главная юрта занята мною. Гнѣву офицера не было конца: самыя ужасныя ругательства и удары нагайки посыпались на цзангїна и это продолжалось не менѣе получаса. Нужно замѣтить при этомъ, что цзангінъ былъ заслуженный и имѣлъ у себя синій непрозрачный шарикъ, а китаецъ — простой бошкѠ. Избитый цзангінъ тащилъ въ юрту, которую пришлось теперь занять офицеру, и ковры, и шелковыя подушки, — ничто не помогало: бошкѠ бушевалъ, не переставая, даже при моемъ отъѣздѣ, а провожавшій меня другой цзангінъ, подмигивая глазомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ и не перестанетъ бушевать, пока не получитъ по этому случаю два или три цина серебра, т. е. около 75 копѣекъ по настоящему нашему курсу.

Выѣхавъ со станціи Тацà въ 8 часовъ утра, мы сначала поднялись къ возвышенности Байнъ-булукъ, а потомъ, поворотивъ на СЗ, начали спускаться къ рѣкѣ Тацà-гѠлу по глубокой пади. Желтыя высоты стоятъ по обѣимъ сторонамъ этой пади и поразительно прекрасны своею массивностью и разнообразіемъ фигуръ. Сѣверныя изъ нихъ почти лишены всякой растительности, каменисты и утесисты, южныя, напротивъ, въ началѣ были покрыты травой, пологи и имѣли мягкія очертанія, но чѣмъ больше спускались мы книзу, тѣмъ и онѣ дѣлались дичѣе и суровѣе. На половинѣ своего протяженія падь эта пересѣкается отрогами Онговай хутул'я, черезъ которые мы перевалили чтобы продолжать далѣе путь по той же пади, или лощинѣ. Мнѣ захотѣлось сохранить воспоминаніе объ этой живописной мѣстности, но должно признаться, что фотографія совершенно бессильна передать эти красоты, для которыхъ нужна именно кисть живописца. Разсматриваемая падь не имѣетъ одного общаго названія; ей усвоится нѣсколько частныхъ именъ, заимствованныхъ отъ прилежащихъ высотъ, таковы, Хурай, Ундуръ уланъ и пр. Отъ этой послѣдней возвышенности, падь дѣлается положительно утесистою и получаетъ названіе Хабцагай, а еще далѣе является уже просто въ видѣ корридора. Отсюда намъ представился вдаль, на сѣверо-западѣ, еще болѣе поразительный видъ на высокія Арцатұ ұла, возвышающіяся четырьмя отдѣльными кряжами одинъ выше другаго. И среди этихъ обнаженныхъ, дикихъ вершинъ самое полотно пади, по которому пролегла наша дорога, продолжала быть покрытымъ сочными и высокими травами,

со множествомъ цвѣтовъ, особливо сиреневой ромашки. Въ этомъ отношеніи вся окружающая мѣстность живо напоминаетъ собою наиболѣе глухія мѣста Селенги и Орхона. По выгѣздѣ изъ этой пади мы вступили въ долину

Утесы Хабцагай близъ станціи Таца.

р. Таца. На лѣвомъ берегу ея намъ пострѣчался древній памятникъ въ видѣ высокой поставленной сѣрой плиты, но безъ всякихъ изображеній. Таца течетъ здѣсь двумя каменистыми рукавами, каждый изъ которыхъ былъ теперь шириною не болѣе 5 сажень, при глубинѣ, не превышающей 10 вершковъ; но самое русло рѣки никакъ не менѣе 30, или даже 35 саж. При большомъ паденіи и наклонѣ русла, Таца бѣжитъ по нему, пѣнясь и разбивая свои воды о подводные камни. Въ административномъ отношеніи теченіе Тацы является границею для земель хошунъ Сайнъ-нойна и Ламьинъ-гэгэна: лѣвый берегъ принадлежитъ Сайнъ-нойну, а правый Ламьинъ-гэгэну. Въ нижнемъ теченіи Тацы имѣются большія пашни, засѣваемые хошунными людьми обоихъ показанныхъ владѣтелей. Р. Таца на нашихъ ландкартахъ показывается впадающею въ оз. Цаганъ-нуръ; но въ понятіяхъ монголовъ это не совсѣмъ вѣрно и, по словамъ ихъ, Таца, нѣсколько ниже пашень Ламьинъ-гэгэна впадаетъ въ Тахинъ нугайнъ голь, въ которомъ хотя и мало воды, но громадное русло, а потомъ уже о рѣкѣ Тахинъ нугайнъ голь они говорятъ какъ о вливающейся въ оз. Цаганъ-нуръ. Выбравшись на правый берегъ Тацы, дорога направляется по южному скату горъ Арца-ула. Здѣсь повстрѣчали мы древнее кладбище, въ составъ котораго входило 18 большихъ

могиль, съ круглыми грудями камней по срединѣ и съ квадратными четырёхугольными оградами изъ камней, расположенныхъ вокругъ каждой могилы въ два ряда. Кромѣ сего здѣсь было еще 6 малыхъ могиль съ круглыми насыпями и круглыми же оградами въ одинъ рядъ камней. Отъ средняго кряжа Арца-ўлы дорога поворачиваетъ прямо къ западу и спускается въ ложбинку, по которой протекаетъ ручей Арцайнъ-усу. Мы перебрались черезъ него и, засимъ, обогнувъ скалистый холмъ, Мандагъ-тологѣй, повертели снова на сѣверъ, въ падь Богочѣй. По этой пади дорога проходитъ какъ бы среди зеленаго луга и, поднявшись на пологій Богочѣй-хутуль, снова спускается въ долину Хаирханъ-усу, отъ имени источника, вытекающаго со стоящей къ западу отъ дороги горы Хаирхана. Здѣсь повстрѣчались намъ 11 юртъ шабинаровъ Ламыинъ-гэгѣна, скотъ которыхъ пасся какъ въ долинѣ Хаирханъ-усу, такъ и въ отдѣляющейся отъ оной по направленію къ СВ ложбинкѣ Нарипъ, поразительной по богатству травъ самаго нѣжнозеленаго цвѣта и по мягкости очертаній. Ложбинка эта приводитъ къ урочищу Худукъ-урту, на которомъ располагается и почтовая станція того же имени. Къ югу отсюда, верстахъ въ 30, по словамъ монголовъ, лежатъ развалины старинной китайской крѣпости, именуемой теперь Борд-хотд. Въ настоящую пору тамъ не осталось уже камня на камнѣ, можно узнать только, гдѣ были стѣны и гдѣ стояли зданія. Словамъ этимъ необходимо придать полную вѣру, особливо при сохранившихся свѣдѣніяхъ, что въ крѣпости этой китайскія войска проживали въ послѣдній разъ въ періодъ войнъ Даван и Амурсанъ, а съ другой стороны, принимая во вниманіе, что всѣ крѣпостныя постройки были глинобитныя и изъ сырцеваго кирпича. Въ періодъ существованія крѣпости здѣсь было, говорятъ; не только хлѣбопашество, но и разводились фруктовые сады (!?!). Мы прибыли на ст. Худукъ-урту въ 12 ч. 10 м., хотя собственно въ движеніи было проведено нами не болѣе 2 ч. 20 м., остальное время ушло на фотографическія работы въ Хабцагійскихъ утесахъ и въ разговорахъ о Борд-хотдѣ.

Станція Худукъ-урту находится на довольно широкой долинѣ, орошаемой небольшимъ ручьемъ Худукъ-урту, состоящемъ изъ множества мелкихъ ключей, стекающихъ съ вершинъ прилежащихъ горъ. Съ долины этой снова открывается превосходный видъ на снѣжную Богд-ўлу въ кочевьяхъ Мэргѣнъ-нойнъ хутухту. Въ составъ станціи Худукъ-урту входятъ 11 юртъ цэцѣнъ хановскаго аймака и 3 юрты сайнъ-нойновскаго; станціонныя хабсургъ всѣми семью юртами принадлежатъ хошуну Сайнъ-нойна.

Выѣхали въ 1 ч. дня. Дорога отъ станціи принимаетъ направленіе на западъ и вступаетъ въ равнину Шябѣ, ограничиваемую на сѣверѣ

высокою и длинною горою Тахилгá обб, получившею такое имя потому, что она чествуется станціею Худукъ-урту. У южной подошвы этой горы располагается шесть круглыхъ могилъ и одна громадная четырехугольная, огражденная по четыремъ сторонамъ рядомъ плитъ съ четырьмя высокими плитами по угламъ. Перевалъ черезъ горный кряжъ, тянущійся отъ Тахилгá обб къ западу, очень каменистый и изобилуетъ обнаженіями сѣраго гранита. Дорога спускается съ него въ лощину Манитү-хурүнь, получившую свое имя отъ стоящей въ южной сторонѣ лощины невысокой сопки Манитү. Проѣхавъ засимъ еще одну довольно широкую ложбину и поднявшись изъ нея на Эрдэни-хутүль, мы начали отсюда пересѣкать маленькія ложбинки Гушійнь-цаганъ и Булэнь-хошү, получающія свои имена отъ прилежащихъ къ нимъ съ сѣвера горъ. Съ южной стороны обѣ означенныя ложбинки на всемъ своемъ протяженіи ограничиваются горами Сэртэнь-үла, которыя тянутся и еще далѣе на сѣверъ, окаймляя съ юга и слѣдующую по дорогѣ лощину Хуйсүйнь-хундэй. Изъ этой послѣдней лощины дорога совершаетъ довольно крутой поворотъ къ сѣверу и пролегаетъ по доличѣ Дурсүйнь-талá до горнаго кряжа, черезъ который переваливаютъ по Дурсүйнь дабану и который тянется отъ высокой столообразной горы Дурсүйнь үла, кажущейся издали высокимъ квадратнымъ четырехугольникомъ. По спускѣ съ этого перевала мы вступили въ горную падь Сүль-тологдй, которая, протягиваясь къ сѣверу, постепенно расширяется, образуя у ограничивающихъ ее съ сѣвера горъ, Ханъ обб, довольно обширную долину. Съ перевала черезъ эти послѣднія горы мы увидали долину рѣки Шаргальжүтъ, а у подножія сѣверной стороны этихъ горъ нашли расположенною станцію того же имени.

Станцію Шаргальжүтъ мы нашли въ полномъ безначаліи; не было ни цзангйновъ, ни хундүй, оставался только злосчастный бошкд, бѣгавшій изъ стороны въ сторону. Причиною такой смуты было то обстоятельство, что на станціи стоялъ поѣздъ чиновниковъ, сопровождавшихъ въ Пекинъ «цаганъ адү» илійскаго цзянь-цзюня. Цзангйны и хундүй отправились въ ближайшіе айли, чтобы лично отобрать лучшихъ верблюдовъ подъ транспортровку поѣзда до слѣдующей станціи; бошкд бѣгалъ, стараясь угодить китайцамъ. При моемъ пріѣздѣ онъ усиленно началъ хлопотать о приготовленіи для меня подводъ, можетъ быть, опасаясь, что я тоже останусь ночевать и хлопотъ поэтому еще прибавится. Распросить что либо о состояніи станціи не было ни какой возможности. Я узналъ только, что здѣшніе хабсургá тремя юртами принадлежатъ хошүну Эрдэни-уйцзанъ-гүна, а четырьмя — хошүну Балданъ-цзасакá; что же касается штатныхъ почтосодержателей, то мнѣ сказали, что всѣ 14 юртъ ихъ принадлежатъ хошүну Цэцэнь-хана, — но достовѣрно ли это, сказать положительно не рѣшаюсь.

Мы уѣхали со станціи въ 5 ч. 10 мин., а черезъ 5 минутъ были у берега Шаргальчжудыйнъ-гѳла. Русло послѣдняго имѣеть здѣсь приблизительно 40 ширины, но въ настоящую пору Шаргальчжутъ течеть только двумя рукавами у самыхъ береговъ, причеъъ ширина каждаго изъ нихъ не превышаетъ 6—7 саж. Долина праваго берега Шаргальчжута испещрена оврагами и сухими нынѣ руслами потоковъ, нѣсколько ровнѣе и глаже она дѣлается по мѣрѣ приближенія къ горамъ Булѣнъ, окаймляющимъ ее съ сѣвера. Черезъ эти горы мы проѣхали по глубокому ущелью и спустились изъ онаго въ долину ручья Булѣнъ, отъ котораго теперь осталось только сухое русло. Долина рѣчки Булѣна очень камениста и доставляетъ много безпокойства при колесной ѣздѣ; но еще непріятнѣе для меня было то, что проводники мои на дальнѣйшемъ протяженіи дороги оказались незнающими именъ мѣстности и потому мнѣ не было возможности отмѣтить здѣшнія урочища болѣе подробно. Въ общемъ дорога проходитъ здѣсь по шести каменистымъ долинамъ, ничеъъ особливо не отличающимся отъ другихъ видѣнныхъ доселѣ долинъ. Всѣ онѣ отдѣляются одна отъ другой плоскими горами, состоящими изъ глинистаго и кремнистаго сланцевъ; названія болѣе выдающихся мѣстъ были уже потоеъ узнаны и записаны мною на станціи Туй. Такъ третья долина отъ Булѣна, съ невысокимъ переваломъ, именуется Сянчжй; за нею слѣдуетъ новая долина и перевалъ Хѳшѳту, называемые такъ отъ находящагося въ этой долинѣ четыреугольнаго хэрэксѳра, по обычаю, обставленнаго четырьмя плитами. Еще далѣе слѣдуетъ долина съ находящеюся на ней горою Байнъ цзѳрѳхѣ, на которой воздвигнуть субурганъ; на южной сторонѣ этой горы находится, говорятъ, хѳрѣ Ламѳинъ гѣгѣна. Перевалъ заканчивающій собою эту долину, именуется Бомботу; онъ представляетъ по своимъ боковинамъ массу скалистыхъ обнаженій, на половину вывѣтрившихся и потому являющихся въ самыхъ причудливыхъ формахъ. На этомъ перевалѣ со мною случилось несчастье: подъ дамнѳрѣ моей телѣги попала неученая лошадь; спускаясь съ горы, она помчала отъ непривычной тяжести; дамнѳрѣчины бросили телѣгу, она упала, и я вылѣтелъ изъ нея причеъъ довольно сильно ушибъ голову. Слѣдующій за переваломъ Бомботу очень крутой, узкій и каменистый перевалъ Харѣ чулѳнай даба замѣчательнъ какъ пограничная линія для кочевьевъ шабинѳровъ Ламѳинъ-гѣгѣна и податныхъ хошѳна Дѳйцинъ-вѳна; первые располагаются къ востоку отъ Харѣ чулѳнай даба, а вторые къ западу. Перевалъ этотъ приводитъ въ долину р. Туй, на которой расположена и почтовая станція этого имени.

Почтосодержателями на станціи Туй являются монголы всѣхъ четырехъ аймаковъ; хабсургѣ же составляются изъ 2-хъ юртъ хошѳна Эрдѳнѳуйцзанъ-гѳна, 2-хъ юртъ—хошѳна сайнъ-нойновскаго, 2-хъ юртъ—цѣцѣнъ-

вановскаго и 1-й юрты — дай-цинъ-вановскаго. Отъ станціи Туй до Шаргальчжута есть еще и другая, краткая дорога: она идетъ по горамъ и имѣетъ три большихъ перевала, именуемыхъ Гурбанъ-угулца. По дорогѣ этой можно проѣзжать только верхомъ и ходить со вьюками. Я узналъ объ этомъ обстоятельстве только на станціи Туй, ибо на ст. Шаргальчжутъ, какъ известно, станціоннымъ начальникамъ было не до разговоровъ со мною. Вышеупомянутая кратчайшая дорога между станціями была бы для меня еще интереснѣе потому, что съ нея можно было проѣхать на развалины такъ называемаго «Эбдэрхэй хита». По словамъ монголовъ, это былъ старинный, монастырь Номунъ-хана. Нынѣ тамъ видно два отдѣла зданій. Первый, меньшій, представляетъ собою одну только большую кумирню, тибетской архитектуры, при которой якобы проживалъ самъ Номунъ-ханъ, а второй большій, — являлся его монастыремъ, въ которомъ было нѣсколько дугановъ. Никакихъ каменописныхъ памятниковъ въ Эбдэрхэй хитѣ не имѣется. Оставленъ онъ Номунъ-ханомъ лѣтъ болѣе 50 тому назадъ, когда по сосѣдству съ Номунъ-ханомъ обосновалъ свою обитель болѣе могущественный Ламбинъ-гэгэнъ. Послѣдній, говорятъ, прямо заявилъ Номунъ-хану, что двумъ хутухтамъ въ одномъ мѣстѣ жить не возможно тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ долженъ отправлять свое назначеніе. «Вы — владыка ученія (Номунъ-ханъ)», говорилъ Ламбинъ-гэгэнъ, «должны проживать тамъ, гдѣ мало вѣрующихъ, чтобы сѣять между ними сѣмена вѣры и ученія; когда же ознакомятся они съ основами знанія, тогда ваше мѣсто долженъ заступать я, Ламбинъ-гэгэнъ». Послѣ сего Номунъ-ханъ ушелъ къ Цзасакту-хану.

Занявъ юрту хабсургъ, принадлежащаго къ хошуну Дай-цинъ-вана, я узналъ отъ своего домохозяина, что кочевья Дай-цинъ-вана вообще очень не велики. Всего въ этомъ хошунѣ числится теперь 70 латниковъ, всѣхъ же юртъ не свыше 200. Настоящій ванъ, вступившій по смерти отца въ управленіе хошунномъ 11 лѣтъ тому назадъ, нынѣ боленъ. Въ Пекинъ пошло уже его прошеніе объ отставкѣ и о передачѣ хошуннаго управленія и званія цинъ-вана младшему брату. Въ хошунѣ этомъ имѣется два большихъ хита.

5-е Августа. Среда.

5 ч. $+7^{\circ}$; 10 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 6 ч. $+14^{\circ}$; 10 ч. $+4\frac{1}{2}^{\circ}$

По утру, тупая боль въ затылкѣ и кровавыя ссадины на лбу сильно напоминали мнѣ о вчерашнемъ ушибѣ. Я думалъ, что успокою эту боль, полежавъ нѣсколько времени спокойно; но пролежалъ часъ совершенно безтолку, а время между тѣмъ уходило, и я рѣшилъ ѣхать. Мы двинулись со станціи въ 8 ч. 30 м. Дорога направляется теперь прямо на западъ и верстахъ въ двухъ отъ станціонныхъ юртъ переправляется черезъ р. Туй.

Рѣка течетъ здѣсь широкимъ разливомъ и распадается на множество протоковъ: въ мѣстѣ нашей переправы мы переѣхали всего 15 рукавовъ. Паденіе рѣки довольно высокое и она образуетъ множество водопадовъ,

Видъ на долину Түйнъ гѣла съ холма Элэсүтү хуцзубчи.

мѣстами достигающихъ до 1 аршина высоты. Глубина рѣки въ мѣстѣ брода не выше $\frac{3}{4}$ аршина. Цвѣтъ воды синій. Русло крайне каменистое.

Отъ береговъ рѣки мы продолжали путь въ томъ же западномъ направленіи и, непосредственно по выѣздѣ изъ долины рѣки, вступили въ падь, образуемую горами Байнъ-уцзуръ. Это было въ 9 ч. 55 м. утра и такое время можно, пожалуй, считать за время нашего выѣзда со станціи, потому что на берегу рѣки мы простояли 1 ч. 15 мин., занимаясь фотографическими работами. За горою Байнъ-уцзуръ послѣдовало нѣкоторое уклоненіе дороги на ЮЗ и она переходитъ въ другую падь, именуемую Цзамыйнъ хундуй, Горы, окаймляющія эту падь, красныя, остроконечныя и состоятъ, кажется, изъ песчаника; но камней по дорогѣ здѣсь гораздо меньше, чему я былъ неизмѣримо радъ, такъ какъ всякій толчекъ отдавался теперь болѣю въ моей головѣ. Въ 10 ч. 50 м. поднявшись на пологую возвышенность, тянущуюся съ юга, отъ горы Худукъ ѱла, мы продолжали путь въ существѣ дѣла по той же пади, которая только носить здѣсь иное названіе — Булуктү. Отсюда ясно обозначился на горизонтѣ горный хребетъ Ёбусутү нурү, у южнаго подножія котораго, по словамъ монголовъ, находится озеро Буридү цуръ. Отсюда, повернувъ прямо на западъ, мы стали пересѣкать

лощины и увалы: Мэргэнэй хутуль, потомъ Наранъ и Оботу хутуль, спускъ съ котораго очень крутой на верху, дѣлается потомъ пологимъ, длиннымъ и каменистымъ. Онъ приводитъ въ лощину Чжибуртуйнъ-холой, за которою слѣдуетъ подъемъ на Чжибурту-ула и новый спускъ по пади того же имени. Переваливъ за симъ два увала, Харà чулуту и Бүдүнэй хутуль, мы съ вершины этого послѣдняго увидали долину рѣки Урту-харà. На ней располагается почтовая станція Урту-харà, къ которой подъѣхали мы въ 12 ч. 55 минутъ.

Станція Урту-харà стоитъ въ лощинѣ, на склонѣ горы Асхамбà; лощина эта орошается рѣчкою, или лучше сказать ручьемъ, Урту-харà, имѣющимъ весьма незначительное теченіе и въ той же долинѣ скрывающимся подъ землю. Станціонные почтосодержатели принадлежатъ здѣсь аймакамъ Цэцэнъ-хана, Тушѣту хана и Сайнъ-нойна, хабсургà же всѣ сайнъ-нойновцы и принадлежатъ ближайшимъ хошунамъ Ма-цзасака, Далай-гүна и Дацинъ-вана. У всѣхъ этихъ почтосодержателей въ минуты нашего пріѣзда былъ совершенный праздникъ: всѣ они имѣли у себя радостныя лица, каждый похлопывалъ себя по ляжкамъ, ребята скакали на одной ножкѣ и разгорѣвшіяся личики ихъ свидѣтельствовали о чемъ-то необыкновенномъ. Причина этого волненія стала понятна для меня очень скоро. Все дѣло объяснялось небольшою группою рогатаго скота и овецъ, понуро стоявшихъ теперь посреди хотдна. Въ минувшую зиму у трехъ здѣшнихъ почтосодержателей погибло до 40 коровъ и быковъ, а у четвертаго около 150 барановъ, такъ что у первыхъ едва осталось по одной коровѣ, а у послѣдняго только 21 овца, и юрты эти съ прошлаго декабря пришли можно сказать въ полнѣйшее разстройство. Однохотонцамъ тяжело было смотрѣть на своихъ сосѣдей, бѣдствовавшихъ безъ рогатой скотины, а еще досаднѣе было, конечно, отбывать за нихъ повинность, не въ очередь доставляя проѣзжающимъ молоко, масло, сыръ и другіе молочные продукты; нечего и говорить, что еще тяжелѣе было для нихъ разставаться съ лишнимъ бараномъ. Чтобы привести дѣла этой станціи въ порядокъ, завѣдывавшій ею тайчжи черезъ посредство улясутайскаго цзянь-цзюня обратился къ сеймовому управленію тушѣту хановскаго аймака, чтобы оно помогло своимъ аймачнымъ въ исправномъ отбываніи почтовой службы; почему сеймъ предписалъ хошунамъ, къ которымъ принадлежали эти пострадавшіе почтосодержатели, оказать имъ вспомошествованіе высылкою потребнаго количества скота. За какіе нибудь полчаса до нашего пріѣзда, животныя эти были пригнаны: потерявшіе рогатый скотъ получили по шести коровъ, а одинъ сверхъ того еще двухъ быковъ; лишившійся барановъ получилъ для себя 40 овецъ. Для кочевника скотовода, конечно, высшаго счастья и быть не

можетъ. Теперь вся станція, не исключая и ребятишекъ, ходила вокругъ этихъ животныхъ, щупая и осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, изучая мельчайшія подробности ихъ внѣшняго вида, чтобы потомъ не произошло никакихъ ошибокъ.

Мы оставили станцію Уртү-харà въ 2 ч. 45 м. и двинулись въ направлении на СЗ, къ невысокому подъему Цаганъ-хутүль. Спускъ съ него приводитъ въ небольшую лощину, отъ которой дорога слѣдуетъ по отлогой боковинѣ горы Цзамыйнъ-хада; мы прибыли къ этой горѣ въ 3 ч. 30 мин. и отсюда я началъ усиленно слѣдить время, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ смѣняется цѣлыхъ три хошүна. Поднимаясь по боковинѣ Цзамыйнъ-хада, мы взобрались на эту гору въ 3 ч. 40 мин. Вершина ея служитъ западною границею хошүна Дä-цинъ-вана и къ востоку отсюда начинается хошүнъ Мä-цзасакä. Спустившись съ перевала Цзамыйнъ-хада въ лощину, носящую имя послѣдующаго увала Тангäтъ-хутүль, мы вступили въ падь Бомботуйнъ-хүндэй и достигли середины ея въ 3 ч. 55 м.; здѣсь земли Мä-цзасакä уже оканчиваются и начинается хошүнъ Далай-гуна. Такимъ образомъ въ одну четверть часа мы пересѣкли земли цѣлаго хошүна. Надлежитъ замѣтить однако, что хошүнъ Мä-цзасакä идетъ такою узкою полосою только на сѣверѣ, на югѣ же границы его расходятся и, по мѣрѣ приближенія къ гоби, онъ дѣлается все шире и шире. Сопровождавшіе меня монголы много говорили мнѣ о Мä-цзасакѣ по этому случаю, но разказы ихъ будутъ представлены мною въ другомъ мѣстѣ. По дорогѣ насъ окружала здѣсь богатѣйшая растительность: высокія, будто поемныя травы, изобиліе цвѣтовъ, даже грибы, все это, давно не виданное нашими глазами, предстало здѣсь на простанствѣ какого-нибудь десятка верствъ. Какъ общую особенность этой мѣстности нельзя еще не отмѣтить то, что всѣ лощинки и ложбинки имѣютъ здѣсь наклонъ на ЮЗ. Съ слѣдующаго перевала, у котораго считается половина дороги между станціями и который потому называется Гацзарыйнъ-дундү-хутүл'емъ, намъ показалось влѣво отъ дороги озеро Ологдй-нүрѣ. Оно видно также изъ двухъ слѣдующихъ лощинъ и перевала Хутулйинъ-бүца, а равно съ долины и перевала Халтаръ-дабä, имѣющаго очень крутой спускъ. Переваливъ за симъ Богочйинъ-дабä, мы прибыли на станцію Ологдй въ 5 ч. 10 м. Дорога на всемъ протяженіи этого станка была прекраснѣйшая: самая мелкая галька, встрѣчающаяся по пути, не препятствуетъ здѣсь росту травъ и только норы сурковъ являются опасными для ѣзды. Головная боль не позволила мнѣ проѣхать сегодня обычныхъ трехъ станцій и я остановился ночевать на Ологдѣ.

Станція Ологдй располагается на обширной и чрезвычайно живописной долинѣ, густо поросшей травою, обильной растеніемъ и ограничиваемой

горами: на сѣверѣ — Хараганà, на востокѣ — Чжиргалантù, на югѣ — Богочй и на западѣ — Элсүтү-тологдй. На нашихъ ландкартахъ въ разсматриваемыхъ мѣстахъ оказывается вообще довольно много недостатковъ, необходимо требующихъ работъ топографа, ибо, конечно, только произведя точную съемку, мы будемъ въ состояннн представить себѣ положеннн этихъ мѣстъ съ надлежащею полнотою, опредѣленностью и ясностью. Для меня лично, по разказамъ монголовъ, теченн здѣшнихъ рѣкъ и рѣчекъ представилось въ такомъ видѣ. Нѣсколько восточнѣе хребта Ӧхүкь (= Ӧкэкь) и на одной параллели съ нимъ находятся горы Чжиргалантù. Съ южной стороны этихъ горъ, получая свое начало изъ ключей, текутъ двѣ рѣчки: восточная называется Чжиргалантù, а западная — Тэлийнъ-голь. Обѣ эти рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ собою рѣку Ологдй, которая, имѣя въ своемъ теченн ЮЗ направленн и принимая въ себя нѣсколько незначительныхъ притоковъ, сливается съ рѣкою Ӧхүкь и далѣе дѣлается извѣстною уже подъ именемъ этой рѣки, до новаго соединенн съ рѣкою Цагäпъ-турүнъ (а не «тэмүръ», какъ значится у насъ на картахъ). Эта послѣдняя рѣка впадаетъ уже съ лѣвой стороны въ Байдарйкь.

Разказывая о теченн здѣшнихъ рѣкъ, монголы сообщили мнѣ и о нахожденн здѣсь во многихъ мѣстахъ золотыхъ розсыпей. Большинство ихъ встрѣчается въ горныхъ падяхъ и особливо много ихъ къ юго-востоку отъ Ологдйской станцн, въ хошүнѣ Ма-гүна. Сколько именно урочищъ, заключающихъ въ себѣ такія розсыпи, разказчики не могли мнѣ сказать, говорили только, что такихъ мѣстъ здѣсь очень много. Монголы занимаются иногда добываннмъ золота, но дѣлаютъ это тайкомъ и съ большою опасностью, такъ какъ китайское правительство воспрещаетъ эту разработку подъ страхомъ смертной казни. Мнѣ представляется однако, что содержанн этихъ розсыпей должно быть все-таки очень порядочное, такъ какъ тутъ-же говорилось, что Мä-цзасакъ однажды въ три дня получилъ золота на 250 ланъ серебра, а извѣстно, что монголы работаютъ безъ всякихъ приспособленнй.

Станцн Ологдй получила свое названн отъ прилежащаго къ ней съ юго-запада длиннаго и продолговатаго озера. Вода въ этомъ озерѣ горько соленая и непригодная для человѣка, ее пьютъ только животныя. На озерѣ много всякой дичи. Со станцн озеро это не видно, такъ какъ оно скрывается за горами Элсүтү. Какъ озеро оно не представляетъ собою, конечно, ничего особеннаго; но оно должно быть важно для халхасовъ по совершившимся на немъ событнямъ. Дѣло въ томъ, что въ эпоху войнъ Галдана, и именно въ 1688 году, здѣсь рѣшена была участь Халхи: отстаи-

вая свою независимость, халхаскіе Тушѣтү ханъ и Сайнъ-нойнъ дали осенью этого года сраженіе Галдану при озерѣ Ологѡѣ, бились три дня и, будучи разбиты, бѣжали отсюда на югъ и поддались Китаю. Современные халхасы еле помнятъ объ этомъ обстоятельстве: въ первый разъ я спросилъ о немъ у находившихся при мнѣ чиновныхъ и грамотныхъ монголовъ, изъ коихъ одинъ былъ тайчжіемъ 4-й ст., а другой адъютантомъ (хя со стекляннѣмъ шарикомъ) у покойнаго Түшѣтү хановскаго цинъ-вана и оба они оказались совершенными невѣждами, хотя жили на Ологѡѣ уже лѣтъ по 12-ти; только потомъ ко мнѣ явился одинъ старый цзангінъ (прежде управлявшій Ологѡйскою станціею, а нынѣ, по преклонности лѣтъ, вышедшій въ отставку и состоящій просто въ разрядѣ почтосодержателей), который разказалъ мнѣ, что слышалъ о происходившихъ здѣсь когда-то сраженіяхъ. Войска чжунгаровъ стояли на южной сторонѣ озера, а войска халхасовъ на сѣверной; донынѣ, говорилъ цзангінъ, сохранились даже слѣды расположенія этихъ войскъ. Я полюбознѣствовалъ посмотрѣть на это мѣсто, но каковое же было мое удивленіе, когда цзангінъ указалъ мнѣ на круглые, бесплодные солончаки и началъ пресеріозно увѣрять, что на этихъ мѣстахъ не растетъ трава именно потому, что она вытоптана бранными и боевыми конями.

Отъ событій историческихъ разговоръ нашъ снова перешелъ на современность. Халхасы твердо убѣждены, что русскіе должны прійти въ эти мѣста и овладѣть ими, равно какъ и всѣми халхасами. Но, выслушавъ эти разказы, я гораздо больше порадовался другому, мирному и, по-видимому, уже совершившемуся здѣсь нашему завоеванію. Тѣ же монголы разказывали далѣе, что вотъ уже пять лѣтъ, какъ и въ Ологѡѣ, и на слѣдующую станцію Ута началъ ежегодно пріѣзжать изъ Улѣсутая русскій купецъ Игнатѣвъ, для производства торговли. Караванъ его привозить съ собою всѣ основные предметы необходимости монгольской жизни и станціонные настолько привыкли теперь къ этой торговлѣ, что ожидаютъ пріѣзда Игнатѣва, откладывая до него удовлетвореніе своихъ потребностей. Это было ясно видно изъ разговоровъ какъ ологѡвцевъ, такъ и находившихся здѣсь двухъ монголовъ со станціи Ута. Нѣкоторое недовольство монголовъ проглядывало какъ будто въ томъ, что Игнатѣвъ торгуетъ здѣсь почти исключительно на чай и серебро, принимая лишь самое незначительное число барановъ; но за всѣмъ тѣмъ кочевники, очевидно, довольны этимъ русскимъ торговцемъ и русскіе товары идутъ здѣсь ходко. Благодаря сказанному, въ настоящемъ году до Ологѡа добрался и другой русскій торговецъ въ Улѣсутаѣ, Мезенцевъ; по отзывамъ монголовъ, торговля у него шла слабѣе, хотя, кажется, исключительно потому, что чело-

вѣкъ онъ новыи, для монгола же привычка является священнымъ условіемъ во всякомъ дѣлѣ.

6-е Августа. Четвергъ. Преображеніе.

5 ч. $+3^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 6 ч. $+11\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$.

На Русь праздникъ, который съ малолѣтства привыкъ я встрѣчать молитвою. Вспомнилъ службу отца; вспомнилась другая, не менѣе успокоившая мою душу служба въ синодальной церкви о. А. И-ча; по ассоціаціи представленій, мысль перелетѣла къ уважаемому моему сотоварищу И. В. П—скому; за сямъ припомнился и другой любезный сердцу товарищъ Н. И. В—скій. Послѣднему я, уѣзжая, обѣщаль писать, но мыслимо ли исполнить здѣсь это? По истинѣ, некогда приготовить даже официальныхъ писемъ въ министерство и посланнику: писать и сообщать имъ свѣдѣнія — значить утратить два, три часа и отнять это время отъ разговоровъ съ монголами, отъ приобрѣтенія новыхъ знаній, отъ записей неизвѣстнаго, которыя рано или поздно все же придуть на Русь: было бы только чему прійти?!

Мы оставили станцію Ологодъ въ 7 ч. 5 м. Дорога направляется отсюда прямо на ЗЮЗ, по равнинѣ, на которой расположена станція. Почти у самыхъ станціонныхъ юртъ мы переѣхали въ бродъ рѣчку Ологодъ, имѣющую въ этомъ мѣстѣ отъ 5 до 6 сажень ширины и не болѣе поларшина глубины. По выѣздѣ на правый берегъ Ологдѣ дорога направляется на западъ и слѣдуетъ прямо вдоль хребта Хабиргѣ. Долина дѣлается здѣсь гуджирною, и отъ недавно падавшихъ дождей на ней образовалось множество лужъ. Нѣсколько далѣе къ западу, она превращается въ каменистую и чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ каменистѣе. Черезъ полчаса ѣзды мы достигли горъ Холбъ; это двѣ горы, стоящія посреди долины и по странной случайности удивительно похожія одна на другую. Почти у самыхъ этихъ горъ течетъ значительная рѣчка, имѣющая не менѣе 15 саж. ширины и до 12 вершковъ глубины. Имя этой рѣчки называли мнѣ различно и обусловливается сіе нижеслѣдующимъ обстоятельствомъ. Означенная рѣка составляется собственно изъ пяти мелкихъ рѣчекъ, стекающихъ съ ближайшихъ сѣверныхъ горъ. Имена этихъ рѣчекъ суть: Аршанту, Агѣту, Олбтү, Цзолбту и Хуримтү. По соединеніи, онѣ образуютъ одну рѣку, которой каждый изъ монголовъ усвоетъ названіе того источника ея, на которомъ онъ живетъ, или который ему болѣе извѣстенъ; впрочемъ, нельзя не сказать, что наиболѣе распространеннымъ для этой рѣчки является названіе Хуримтү. Нѣсколько ниже, Хуримтү соединяется съ Ологдемъ, хотя съ дороги и невозможно видѣть пункта этого соединенія. Переправляясь черезъ три протоки р. Хуримтү, мы довольно отчетливо могли разсмотрѣть

расположенные вверх по рѣкѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ дороги, ставку и монастырь Далай гүна, а выбравшись на берегъ, проѣхали по южной сторонѣ горъ Холб и за симъ начали подниматься на пологій, но каменистый переваль Шанданай хутүль. У подножя этого перевала мы повстрѣчали имѣющую не менѣе версты въ окружности котловину, нынѣ наполненную дождевою водою. Невообразимая масса лебедей, гусей и уток собралась теперь въ этой лужѣ и европейцу она представилась бы скорѣе искусственнымъ птичникомъ, чѣмъ естественнымъ воднымъ резервуаромъ. Съ перевала Шанданай мы спустились къ горному хребту Орулгү; но, оставивъ эти горы влѣво, дорога поворачиваетъ прямо на сѣверъ, къ перевалу Ындүр-богочйнь-хутүль. Спускъ съ него приводитъ въ долину Ута, которая въ параллели дороги пересѣкается невысокимъ уваломъ, совершенно имѣющимъ форму монгольскаго сѣдла и пазываемымъ «Эмэлъ толгойемъ». Отсюда вплоть до р. Ута долина дѣлается песчаною. Рѣка Ута, течетъ здѣсь тремя протоками, и самый большой изъ нихъ имѣетъ не менѣе 30—40 саж. ширины, глубина же рѣки вообще не превосходитъ 10 верш. На правомъ берегу рѣки мы нашли расположенною почтовую станцію Ута и подъѣхали къ ней въ 9 ч. 40 м. утра.

Почтосодержатели станціи Ута принадлежатъ аймакамъ цэцэнъ-хяновскому, түшгү-хяновскому и сайнь-нойновскому, а хабсургъ всѣ безъ исключенія суть податные хошүна Далай гүна. По словамъ этихъ людей, р. Ута, черезъ которую мы теперь только что переѣхали, получила свое настоящее имя въ разсматриваемомъ пространствѣ исключительно съ официального языка китайцевъ, начавшихъ называть такъ эту рѣку по имени находящагося на ней почтоваго станка, мѣстоположеніе коего опредѣлено уложеніями въ настоящей долини, именуемой Уту (широкая). По этой долини Уту протекають двѣ рѣки, изъ коихъ одна, находящаяся въ восточной сторонѣ долины, черезъ которую мы переправились, собственно у монголовъ называется Цаганъ-түрүту, тогда какъ рѣка, находящаяся въ западной сторонѣ, носитъ названіе Байнь-нүрийнь-гөль. Въ просторѣчии эти рѣки называются еще иногда первая Урдү-гөль (южная рѣка), а вторая — хойту-гөль (сѣверная рѣка). Обѣ эти рѣки сливають вмѣстѣ свои воды по выходѣ изъ долины въ располагающееся къ югу отсюда ущелье Уту; въ томъ мѣстѣ и монголы зовутъ дѣйствительно эту рѣку Утайнь-гөль'омъ.

Выѣхали со станціи Ута въ 11 ч. 10 м. и не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ станціонныхъ юртъ переправились черезъ Байнь-нүрийнь-гөль, съ долины котораго дорога поднимается на Абдрантуйнь-төрбчи-хутүль. Спускъ съ этого невысокаго увала приводитъ въ лоцину Хөхд-сайръ-нурү,

занимствовавшую свое имя отъ прилежащаго горнаго края, но дорога не подходитъ прямо къ этимъ горамъ, а на нѣкоторомъ разстояніи послѣдуетъ за ними въ направленіи къ западу. Миновавъ эту лощину, мы начали пересѣкать долины и перевалы. Первымъ изъ таковыхъ представился намъ чрезвычайно каменистый *Ўндуръ-хутуль*, у подножія котораго мы встрѣтили табунъ лошадей, головъ приблизительно въ 150, принадлежащій одному изъ почтосодержателей станціи *Ўта*. Далѣе, въ 12 ч. 15 м. мы перевалили черезъ *Хуца-тологой*; въ 12 ч. 40 м. черезъ *Шудыйнъ-даба*; въ 1 ч. 10 м. поднялись на пологій и длинный перевалъ *Наринъ-хамаръ*; въ 1 ч. 25 м. достигли еще болѣе пологого и не менѣе длиннаго перевала *Йэхэ-даба*; въ 1 ч. 52 м. перевалили черезъ *Хотойнъ-хутуль*. Горы, окружающія долины, на всемъ означенномъ разстояніи не высоки, съ мягкими очертаніями и покрыты мелкою растительностію; почва долинъ, по которымъ пролегаетъ дорога, представляетъ мельчайшій щебень и густо поросла кипцомъ, аржанцемъ и др. хангайскими травами. Мѣстами попадаются солончаки, но вообще число ихъ здѣсь весьма незначительно. Отъ вершины *Хотойнъ-хутуля* начинается длиннѣйшій спускъ къ долинѣ *Байдарика*, по которому мы двигались 1 ч. 40 м. и слѣдовательно онъ тянется приблизительно верстъ на 20. Въ этой лощинѣ повстрѣчались намъ многочисленнѣйшія стада овецъ китайскихъ банкировъ фирмы *Да-шанъ-куй*, которыя гнали они для продажи черезъ *Хуху-хотэ* въ застѣнный Китай. Всего здѣсь было 20 отдѣльныхъ стадъ, по 1000 головъ въ каждомъ, какъ говорили намъ вообще пастухи; но если предположить, что въ нѣкоторыхъ гуртахъ было и менѣе 1000 головъ, то въ общемъ все же здѣсь было не менѣе 15—18 тысячъ барановъ. Гурты эти буквально заполнили собою всю падь. Пастухи ихъ, шаньсійцы, въ широчайшихъ соломенныхъ шляпахъ, синихъ, дѣбувыхъ, на ватѣ стеганыхъ курткахъ, такихъ же стеганыхъ шальварахъ и въ длинныхъ плащахъ, съ высокими палками въ рукахъ, казались мнѣ какими-то ветхозавѣтными, библейскими пастырями. Спустившись къ р. *Байдаріку*, мы переправились черезъ эту рѣку въ бродъ. Она течетъ здѣсь 11-ю небольшими рукавами, глубина коихъ ни разу не превысила 12 вершковъ. Паденіе ея нѣсколько менѣе, чѣмъ у р. *Туй*; но все же въ каменистомъ руслѣ ея есть водопады, достигающіе высоты 10 вершковъ. Рѣка *Байдарікъ* служитъ границею для кочевьевъ шабинаровъ *Номунъ-хѣна* на лѣвой сторонѣ, а правымъ берегомъ ея начинаются земли хошѹна *Дэдъ-да-вана*, иначе называемаго *Эрдэни-ваномъ*. Почти у самаго берега рѣки стоятъ юрты почтовой станціи, къ которымъ подѣхали мы въ 3 ч. 40 м., находясь такимъ образомъ въ пути $4\frac{1}{2}$ часа. Разстояніе отъ ст. *Ўта* до *Байдаріка* нужно предположить такимъ образомъ никакъ не меньше 45 верстъ

и во всякомъ случаѣ эта станція является самою длиннѣйшею на всемъ пути между Ургою и Улѣсутаемъ.

Почтосодержателями ст. Байдарикъ являются монголы цэцэнъ-хѣновскаго и тѹшѣтѹ-хановскаго аймаковъ, а хабсурга принадлежатъ хошѹнамъ Дэдъ-да-вѣна и Чжононъ-гѹна. Въ бесѣдахъ съ этими людьми мнѣ удалось узнать, что въ нижнемъ теченіи Байдарика находятся довольно значительныя земли, занятыя хлѣбными пашнями. Мѣста эти составляютъ частію нейтральную землю между хошѹнами Дэдъ-да-вѣна, Далай-гѹна и Мѣ-цзасакѣ, а частію принадлежатъ кочевьямъ трехъ означенныхъ хошѹновъ; вообще же на Байдарикѣ находятся пашни пяти нижеслѣдующихъ цзасакѣвъ: 1) Дэдъ-да-вѣна, который засѣваетъ поля по правому берегу Байдарика. Пашни его не велики, такъ какъ правый берегъ этой рѣки окаймленъ горами, и только узкія полосы земли удобны здѣсь для посѣва; всего Дэдъ-да-вѣномъ высѣвается не свыше 50 кулей; 2) Далай-гѹна, имѣющаго свои пахатныя земли на лѣвомъ берегу; посѣвы его самые значительные и ежегодный высѣвъ его не менѣе 250 кулей; 3) пашни Мѣ-цзасакѣ располагаются также по лѣвому берегу. Онѣ весьма незначительны и ни въ какомъ случаѣ не превосходятъ дэдъ-да-вѣновскихъ; почтосодержатели не могли сказать мнѣ далѣе, сѣялъ ли въ настоящемъ году Мѣ-цзасакѣ и вообще на своихъ поляхъ, такъ какъ непорядки въ его хошѹнѣ могли препятствовать этому занятію. Помимо означенныхъ землевладѣльцевъ въ нижнемъ теченіи Байдарика, тамъ находятся еще пашни 4) Цэцэнъ-вѣна, хошѹнъ котораго располагается хотя и вдали отъ Байдарика, однако ванъ ископи вѣковъ арендуетъ здѣсь земли у Далай-гѹна и высѣваетъ на оныхъ до 50 кулей; наконецъ 5) на тѣхъ же основаніяхъ находятся здѣсь и пашни Дѣ-цинъ-вѣна. Всѣ эти пашни орошаются посредствомъ поливки изъ проведенныхъ отъ Байдарика канавъ. Къ обработкѣ пашень каждый хошѹнъ высылаетъ своихъ людей, которые отбываютъ эту работу какъ казенную натуральную повинность. Урожай пашень исчисляется обыкновенно въ самъ-десять.

Станція Байдарикъ, какъ можно думать, по словамъ монголовъ, составляетъ одно изъ такихъ урочищъ, въ которомъ имѣетъ болѣе продолжительную стоянку приказчикъ русскаго улѣсутайскаго торговца, Игнатъева; по крайней мѣрѣ бесѣдовавшіе со мною почтосодержатели сообщали, что приказчикъ этотъ жилъ на станціи цѣлый мѣсяць. Торговля ведется здѣсь главнымъ образомъ на барановъ и пушнину, причемъ бараны и, изъ пушныхъ товаровъ, лисица и хорекъ принимаются прямо на лицо, а подъ шкуры сурка русскій торговецъ задаетъ товаръ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы потомъ получить эти шкуры въ Августѣ мѣсяцѣ и никакъ не позже начала Сентября.

Со станціи Байдарикъ мы двинулись въ направленіи къ СЗ, сначала по кочковатой и поросшей дэрэсүномъ долиной Байдарика, а потомъ поднялись изъ нея на невысокій уваль, извѣстный подъ именемъ Адарантуйнь-хутуля. За нимъ послѣдовалъ болѣе высокій взволокъ Цаганъ-дөрбчи, съ вершины коего начался спускъ въ долину р. Дзэка, а потомъ заблестали волны и самой этой рѣки. Отъ вершины Цаганъ-дөрбчи до береговъ рѣки не болѣе 8 или 9 верстъ. Весь этотъ путь совершается по ровной, слегка наклонной къ рѣкѣ поверхности, пересѣкаемой только однимъ уваломъ, черезъ который переѣзжаютъ по Бага-хэсэгійнь-хутулю. Уваль этотъ имѣеть общій наклонъ къ югу и протягивается отъ горъ Дзэгийнъ-хара, окаймляющихъ долину Дзэка съ правой стороны дороги.

Станція Дзэкъ располагается на широкой равнинѣ почти у самаго берега рѣки. Равнина эта окружена съ юга горами Сэбэктү, съ запада — тянущимся по правую сторону рѣки горнымъ хребтомъ, не имѣющимъ общаго имени, хотя отдѣльныя вершины его носятъ названія Тэнгринъ-мухуръ, Улянъ-тологой и Цаганъ-обту — возвышенности, чествуемой станцією. Вдали на сѣверо-западъ видны горы Шаръ-усуту, неподалеку отъ которыхъ располагается слѣдующая станція Хобуль. Въ числѣ почтосодержателей станціи Дзэкъ числятся 2 юрты тушѣтү-хановскаго аймака, 6 юртъ цацэнъ-хановскаго и 6 юртъ мѣстнаго хошүна; хамжилга всѣ принадлежатъ послѣднему хошуну. Изъ русскихъ постояннымъ торговцемъ на станціи Дзэкъ является Мезенцевъ, не имѣющій своей лавки въ Улсутаѣ, но держащій тамъ свой складъ. Говорятъ, что станція Дзэкъ представляетъ собою весьма выгодный торговый пунктъ, потому что здѣсь проживаетъ тайчжи, завѣдующій пятью станціями, но дѣйствительно ли это такъ, можно сказать только поговоривъ съ купцами. Предметы вымѣна здѣсь на русскіе товары тѣ же, т. е. преимущественно сурокъ, а засимъ попадаетъ лишица и хорекъ. Приказчикъ Мезенцева прожилъ на Дзэкѣ съ половины Мая, до второй половины Іюня.

7-е Августа. Пятница.

5 ч. $+6^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+2^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 45 м. утра и почти у самой станціи переправились черезъ рѣку Дзэкъ. Она течетъ здѣсь четырьмя протоками, изъ которыхъ главный имѣеть до 6 саж. ширины и до 8 вершковъ глубины, а остальные не превышаютъ въ ширину 3-хъ,—4-хъ саженой. Отъ рѣки наша дорога протягивается по длиннѣйшей пади, ограничиваемой съ востока горами Цаганъ-чулуту, а съ запада хребтомъ Цаганъ-нурү, въ которомъ возвышается изъ среды другихъ и видима на далекое разстояніе сопка Харъ-тологой. Дорога вьется у подножія горъ Цаганъ-чулуту. Въ 8 ч. 25 м.

мы достигли небольшой пади, соединяющейся съ падью рѣки Дзэка съ восточной стороны. Падь эта называется Хабангійнь-ясу и хотя разсѣкает собою горы Цаганъ-чулуту на двѣ части, но не измѣняетъ ихъ названій. Въ 8 ч. 40 м. съ той же восточной стороны въ падь рѣки Дзэка выходитъ новая падь, именуемая Уланъ-чжилгà, отъ которой горы Цаганъ-чулуту получаютъ новое названіе Бусунъ-ула. Горы эти имѣютъ уже болѣе западное направленіе и постепенно приближаются къ хребту Цаганъ-нурū, впрочемъ, они не сходятся съ нимъ совершенно, будучи пересѣкаемы хребтомъ Шарà-усунай-ула, который имѣетъ протяженіе съ сѣвера на югъ и замыкаетъ собою долину Дзэка. Черезъ этотъ послѣдній хребетъ мы переправились по перевалу Чжиргалантуйнь-дабà. Спускъ съ него приводитъ въ долину рѣчки Шарà-усу, при которой стоитъ станція Хобдль.

Станція Хобдль располагается на равнинѣ, покатою къ ЮВ и окруженной на ЮВ горами Шарà-усунай-ула; на востокъ — горнымъ кряжемъ Цаганъ-чүлү, изъ середины котораго возвышается гора Булугійнь-орой и на сѣверѣ — горами Бомботу, черезъ которыя проходитъ сумѣнная почтовая дорога изъ Улясутая въ Ургү, содержащая на счетъ аймака Тушѣту-хана.

Здѣшніе почтосодержатели встрѣтили меня какъ-то особенно радушно. Пока я пилъ чай, они сообщили мнѣ, что рѣка ихъ принадлежитъ уже системѣ Цзабхана. Точнѣе, что Шарà-усу, принимая въ себя, невдалекѣ отъ станціи, рѣку Харà-усу, сливается потомъ съ Буянтү-гѣломъ, а Буянтү-гѣль впадаетъ уже въ Цзабханъ. Далѣе они разказали мнѣ, что въ политическомъ отношеніи мѣстность станціи Хобдль важна въ томъ отношеніи, что составляетъ собою границу хошунъ: къ востоку Дэдъ-да-вана, а къ западу — Чжонднъ-гүна, который еще въ недавнее время, при старомъ князѣ, былъ извѣстенъ подъ именемъ пэцэнъ-гүновскаго. Повѣствуя о своемъ житьѣ-бытьѣ, они между прочимъ высказывали явное недовольство улясутайскими китайскими торговцами и сообщили, что, несмотря на близость Улясутая, они почти не ѣздятъ туда за товарами, такъ какъ тамошніе китайцы требуютъ за товаръ главнымъ образомъ деньги и черезчуръ низко цѣнятъ произведенія Монголіи. По этой-то причинѣ содержатели станціи Хобдль, при необходимости покупать чай, или буду, ѣздятъ въ Шинь-чжоу и Гань-чжоу, находящіеся къ западу отъ Алашани и отстоящіе отъ Хобдла на 20 дней ходьбы вычными верблюдами: на югѣ легко и по довольно высокимъ цѣнамъ принимается все, и шерсть, и мерлушка, и кожа рѣшительно всякаго животнаго. То же обстоятельство сблизяетъ хобдльцевъ и съ русскими купцами, которые если и не даютъ высокихъ цѣнъ на мѣстныя произведенія, за то сами пріѣзжаютъ на станцію и проживаютъ здѣсь довольно долгое время, такъ что успѣваютъ удовлетворить

не только всѣхъ станціонныхъ, но и окрестныхъ жителей. Изъ русскихъ здѣсь болѣе другихъ извѣстенъ купецъ Потаповъ.

Мы оставили станцію Хобдль въ 12 ч. 15 м. и направились на юго-западъ, по долинѣ рѣки Шарà-усу, чтобы обогнуть горы, тянущіяся по ея правому берегу. Въ 12 ч. 40 м. дорога приближается къ мѣсту, гдѣ долина рѣки сильно стѣсняется горами: на лѣвой сторонѣ почти къ самому берегу подходятъ горы Цэнгэчжинъ-уланъ-уцзурь, а на правой сторонѣ такъ же близко подходятъ горы Байнъ-хошū. Стѣсненная этими горами, рѣка дѣлаетъ поворотъ прямо на западъ, а вмѣстѣ съ нею, обогнувъ мысъ Байнъ-хошū, направляется и дорога. Отсюда открывается долина, постепенно понижающаяся къ западу и называемая Тэмэ-хуцзū, отъ имени двухъ, стоящихъ посреди ея горъ: Тэмэ-хуцзū и Йэхэ-тэмэ-хуцзū. Противъ первой изъ этихъ горъ мы впервые повстрѣчали стоящимъ древній могильный памятникъ «хбшō-чулū», вытесанный изъ сѣраго гранита и украшенный съ передней стороны орнаментомъ, состоящимъ изъ ломаныхъ и закругленныхъ линий. Мѣстные монголы, очевидно, чествуютъ этотъ камень, ибо почти весь онъ оказался увѣшаннымъ бараньими лопатками, нанизанными на веревочку; но съ другой стороны ему несомнѣнно не придается никакого религіознаго значенія, ибо при первой моей просьбѣ удалить эти лопатки, веревочки были развязаны и лопатки полетѣли на землю. Описываемый камень оказался вышиною въ 3 арш. 13 верш., шириною въ 12 вершк. а

Хбшō-чулū въ ур. Тэмэ-хуцзū.

толщиною въ $4\frac{1}{2}$ верш. Фотографическій снимокъ представляетъ наилучшимъ образомъ изсѣченные на немъ орнаменты; послѣдніе находятся здѣсь только на одной передней сторонѣ, по боковымъ же, равно какъ на задней сторонахъ памятника никакихъ украшеній не имѣется помимо лишь обведеннаго вокругъ всего камня верхняго ободка, отдѣляющаго ясно изображенный здѣсь кружекъ отъ орнамента, украшающаго весь вообще памятникъ.

Продолжая путь отсюда еще далѣе на западъ по той же долинѣ Шарà-усу, мы наконецъ переправились черезъ эту рѣку и засимъ достигли до горы Гэдэгэръ-тологдй, возвышающейся на лѣвомъ берегу рѣки, по которому пролегла теперь наша дорога. Отсюда Шарà-усу снова поворачиваетъ на югъ и въ мѣстѣ этого поворота принимаетъ въ себя рѣку Харà-усу. Въ дальнѣйшемъ теченіи она подходитъ почти къ самымъ горамъ Гэдэгэръ; протоки ея мѣстами сливаются и въ такихъ пространствахъ она имѣетъ до 20 саж. шир. Дорога при этомъ всякій разъ жметъ къ горѣ, проходитъ по косогорамъ и представляется крайне опасною. На станцію Бумба мы пріѣхали въ 3 ч. 10 м.

Станція Бумба располагается въ круглой долинѣ, ограничиваемой на югѣ горами Богонй; на сѣверѣ горами Уртү, получившими свое названіе отъ прилежащей имъ пади, тянущейся на далекое разстояніе; на западѣ уваломъ Чинъ-хүтүль, по направленію къ которому вилась теперь узенькою лентой наша дальнѣйшая дорога. Мы выѣхали въ 3 ч. 30 м. Миновавъ Чинъ-хүтүль, дорога спускается въ небольшую круглую долину рѣки Шарà-усу, съ которой открывается видъ къ западу на возвышающуюся передъ всѣми другими гору Билүту, иначе называемую Байнъ-хайрханомъ, а къ востоку на противстоящую ей гору Ёбүръ чжиргалантү. Почти у подножія этой горы совершается повая переправа на правый берегъ Шарà-усу, отъ которой дорога слѣдуетъ по наклонной къ западу долинѣ этой рѣки. Окружающія эту долину возвышенности не отличаются ни высотой, ни красотою своего вида; изъ среды ихъ можно отмѣтить только гору Хабгагй уланъ, при которой, на лѣвомъ берегу рѣки, находится сумунная почтовая станція того же имени. На станціи этой отбываютъ повинность почтосодержатели трехъ отдѣльныхъ трактовъ: түшѣтү-хановскаго и цэцэнъ-хановскаго, соединяющихъ Улясутай съ Ургою и мѣстнаго хошүна Чжонднъ-гүна, для разъѣздовъ во всѣ стороны хошүна. На правой сторонѣ рѣки, этой горѣ Хабгагй-уланъ противулежитъ аршанъ, или цѣлебный источникъ съ водою желѣзистаго свойства. Говорятъ, что къ нему стекается много монголовъ, чтобы лѣчиться здѣсь отъ катарровъ желудка. Верстахъ въ 4-хъ отъ этого цѣлебнаго ключа дорога поворачиваетъ на сѣверъ и приближается къ долинѣ небольшой рѣчки Тургэнъ-гбля, впа-

дающей въ Шарá-усу. Рѣчущка эта, черезъ которую мы должны были переѣхать, имѣеть не болѣе $2\frac{1}{2}$ саж. ширины и около 5—6 вершковъ глубины. На правомъ берегу ея близъ горы Тургэнъ мы нашли новый хѣшб-чулū, по своимъ формамъ весьма сходный съ видѣннымъ нами въ урочищѣ Тэм̄-хүцзү. Камень сильно пострадалъ отъ времени и особливо въ верхней своей части оказался обитымъ и вывѣтрившимся. Я сдѣлалъ съ него фотографическій снимокъ, хотя время было уже довольно позднее и солнце скрывалось за окружающими горами. Настоящій хѣшб-чулū находится въ сторонѣ отъ дороги приблизительно саженьяхъ во 100, или, пожалуй, нѣсколько менѣе и что удивило меня при этомъ, такъ это отношеніе къ нему монголовъ. Изъ числа 6-ти сопровождавшихъ меня улачиновъ, четверо никогда не подѣзжали къ этому памятнику, чтобы

посмотрѣть на него, хотя, по обязанности почтовыхъ проводниковъ, они ѣздятъ по этой дорогѣ чуть не ежедневно. Въ общемъ тургэнъ-гѣл'скій памятникъ былъ ниже, тэм̄-хүцзү'скаго и гораздо изукрашеннѣе его. Настоящій хѣшб-чулū былъ вышиною въ 2 арш. 8 вершковъ; шириною въ $7\frac{1}{2}$ вершковъ, а въ окружности имѣлъ 1 арш. 12 вершк. Изсѣченные на немъ орнаменты украшали не только его переднюю, обращенную на югъ, но и боковыя стороны и только сѣверная сторона была лишена рисунковъ. По типу этотъ хѣшб-чулū, оче-

Хѣшб чулū на Тургэнъ-гѣлѣ.

Боковая сторона того же памятника.

видно принадлежать къ числу такъ называемыхъ «Оленныхъ камней», въ рисункахъ которыхъ наши археологи хотятъ видѣть «лежащихъ другъ на другѣ оленей»; думаю однако, что при всемъ богатствѣ фантазїи довольно трудно найти въ настоящихъ изваянїяхъ хотя бы одного оленя. Представляемая фотографїя передней и боковой сторонъ памятника наглядно доказываютъ, что эти «оленные камни», вѣроятно не всегда изображали оленей, но представляли своими изсѣченными линїями и какія то другія укра-

шенїя. Положеніе камня не оставляло никакого сомнѣнїя въ томъ, что это памятникъ надгробный, ибо онъ прямо таки стоялъ на могильникѣ. Могильникъ его былъ четырехугольный, квадратный, имѣющій въ каждой изъ своихъ сторонъ по 2 арш. 4 вершка.

Продолжая за симъ путь по той же долинѣ Шарà-усу, мы миновали гору Ялату, отъ которой рѣка, а вмѣстѣ съ нею и дорога дѣлаютъ крутой поворотъ на западъ. Черезъ 10 минутъ отъ этого поворота мы достигли станціонныхъ юртъ ортѣ Ёбурь-чжиргалантү.

Станція Ёбурь-чжиргалантү располагается въ ущельи рѣки Шарà-усу, при горѣ Бургасу ұла. Въ составъ почтосодержателей входятъ здѣсь монголы тўшѣтү хановскаго и цэцэн хановскаго аймаковъ, хабсургà же принадлежатъ хошўнамъ Чжонднъ гўна и Хошўчи бэйсэ. Всѣ они, очевидно, были съ хорошимъ достаткомъ и тѣмъ не менѣ жаловались на судьбу,

пославшую имъ нынѣ ранніе холода: «придется скоро кочевать», говорили они. Замѣчаніе это навело насъ на другой разговоръ, изъ коего я узналъ, что всѣ станціи калганско-улясутайскаго тракта, начиная отъ Шуръка, до Дзака включительно, ежегодно перекочевываютъ на зимнее время къ югу и располагаются приблизительно верстъ на 35 и даже на 40 южнѣе настоящаго тракта. Названія настоящей станціи Ёбуръ-чжиргалантү и слѣдующей Арү-чжиргалантү заимствованы отъ имени горъ, при которыхъ находятся именно ихъ зимнія кочевья. При станціи имѣется хурүль, помѣщающійся въ войлочной юртѣ, тѣмъ не менѣе вокругъ него группируются всѣ станціонныя ламы. О количествѣ ихъ можно судить по тому, что въ двадцати одной юртѣ штатныхъ почтосодержателей числится всего 38 ламъ. Вечеромъ ихъ собралось въ мою юрту человекъ 10, и когда, по поводу разговоровъ о холодахъ, я вышелъ посмотрѣть термометръ, одинъ изъ стариковъ выразилъ свое убѣжденіе, что холода стоятъ оттого, что люди хотятъ узнавать теперь волю неба. На эту тему онъ велъ рѣчь по крайней мѣрѣ минутъ 15 и, въ результатѣ, ламы ушли отъ меня съ значительно поколебленнымъ чувствомъ дружелюбія.

8-е Августа. Суббота.

5 ч. $+1\frac{1}{2}^{\circ}$.

Сегодня утромъ въ $4\frac{1}{2}$ часа начали вычить верблюдовъ, чтобы, по обычаю, отправить ихъ впередъ на слѣдующую станцію. Когда выюки изготовились въ путь, было уже 5 часовъ и термометръ показывалъ $+1\frac{1}{2}^{\circ}$. Восходящее солнце всегда сразу поднимаетъ здѣсь температуру и сегодня мнѣ захотѣлось прослѣдить это явленіе. Умывшись, я въ 5 ч. 30 м. вышелъ снова посмотрѣть на термометръ, но онъ оказался сломаннымъ: циферблатъ былъ наполовину поднятъ изъ своего металлическаго футляра, шарикъ съ ртутью отсутствовалъ вовсе, такъ что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ даже и поблизости, только трубка, прочно прикрѣпленная проволокой, была на своемъ мѣстѣ. Результатъ ли это простаго любопытства монголовъ, при которомъ они хотѣли посмотрѣть вещь, тащили и сломали ее, или сдѣлано это по фанатизму, вызванному вчерашнимъ замѣчаніемъ стараго гѣбкүя? Возможно и то и другое, для меня же лично была невообразимо досадна такая потеря и это тѣмъ больше, что я не захватилъ съ собою другаго термометра. Конечно, можно считать это оплошностью съ моей стороны; но опять-таки трудно предвидѣть, чтобы вещь прочная и прекрасно укрѣпленная могла сломаться. Брать на все запасъ, значить до безконечности увеличивать свой багажъ, ибо нельзя и представить, что именно можетъ подвергнуться фанатизму, или любопытству, а засимъ и поломкѣ монголовъ. Единственную гарантію безопасности отъ подобныхъ

случаевъ можетъ быть наказаніе, и не иное какъ денежный штрафъ. Обстоятельство это напомнило мнѣ разказъ о дѣлѣ, возникшемъ въ 1883 г. въ Ургѣ, разсмотрѣніе коего доходило чуть ли ни до Пекина. Въ ту пору въ Ургѣ стояли китайскіе солдаты, которые нерѣдко ловили сѣтями рыбу, а для сего отправлялись въ урочище Сангинай-булукъ. Мѣстные ламы, увидавшіе въ этомъ, какъ и въ измѣреніи мною температуры, нарушеніе правилъ своихъ вѣрованій, рѣшили какъ-либо отвадить китайцевъ и одинъ изъ нихъ, выбравъ удобное время, перерѣзалъ на куски разложенную для просушки сѣть. Китайцы возбудили дѣло, которое окончилось тѣмъ, что вѣдомство Сангинай-булака уплатило потерпѣвшимъ 400 ланъ серебра, или на наши деньги 800 серебряныхъ рублей за одну сѣть. Съ тѣхъ поръ не только китайцы, но и русскіе свободно ловятъ рыбу въ р. Тѣлѣ и безбоязненно раскладываютъ на берегахъ ея свои сѣти, къ которымъ монголы боятся даже и подходить близко. Меня въ этомъ дѣлѣ больше всего интересовала причина поломки термометра, и, чтобы разъяснить ее, я послалъ за цзангѣномъ; посланный, возвратившись, отвѣчалъ, что цзангѣнъ уѣхалъ для производства слѣдствія по дѣлу на станцію Бомботу; я послалъ за хундѣемъ, — хундѣй уѣхалъ къ табунамъ въ поле; я послалъ за станціоннымъ бичѣчи, — его тоже нѣтъ дома и гдѣ онъ, — неизвѣстно. Теперь было уже очевидно, что всѣ эти лица скрывались отъ меня, а слѣдовательно дѣло здѣсь было преднамѣренное. Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, я призвалъ бошкѣ и сказалъ ему, что такъ какъ у меня случилось такое несчастіе, а разслѣдовать этого дѣла некому, то я прошу его удостовѣрить мнѣ запискою, что у меня на здѣшней станціи сломался термометръ и что виновнаго не могли найти по той причинѣ, что на станціи не было начальства: цзангѣ — уѣхалъ туда-то, хундѣй — туда-то и т. д. Въ отвѣтъ на эту просьбу бошкѣ отвѣчалъ согласіемъ и вышелъ изъ юрты, но не прошло и десяти минутъ, какъ ко мнѣ явились и цзангѣ, и хундѣй, и бичѣчи. Всѣ они прямо повалились мнѣ въ ноги и просили простить ихъ обманъ, обѣщая тотчасъ узнать, кто это сломалъ термометръ. Предстояли такимъ образомъ слѣдствіе, допросъ и судъ. Все это было интересно. Цзангѣ началъ съ того, кому была сдана на храненіе телѣга, къ которой былъ привинченъ термометръ. Оказалось, что сторожить телѣгу долженъ былъ именно лама, сдѣлавшій вчера помянутое замѣчаніе. Онъ приказалъ якобы присматривать за телѣгою своему работнику, тоже ламѣ, только молодому, парню лѣтъ 20-ти; но послѣдній будто бы не пошелъ караулить, а проспалъ спокойно дома. Молодой лама, напротивъ, говорилъ, что онъ и не слышалъ ни одного слова отъ своего хозяина, а засимъ намекнулъ, что по уходѣ верблюдовъ при телѣгѣ именно остался старый лама, говоря, что на его обязанности лежитъ сторожить телѣгу. Но

едва былъ сдѣланъ этотъ намекъ, какъ цзангинъ приказалъ показывать молодого ламу за ослушаніе приказанія хозяина. Бѣдняга повалился мнѣ въ ноги, и я, видя въ чемъ дѣло и чѣмъ долженъ окончиться этотъ шемякинъ судъ, простилъ его. Термометръ былъ, несомнѣнно, сломанъ фанатикомъ ламою. Комедія эта отняла у насъ по крайней мѣрѣ часа два времени и я выѣхалъ со станціи Убуръ-чжиргаланту только въ 9 ч. 40 м..

Мы направились по тому же ущелью Шаръ усунай гѣла и неболѣе какъ черезъ $\frac{1}{4}$ часа достигли примыкающей къ этому ущелью съ правой стороны пади Бургасу, въ которой расположенъ станціонный хурулъ. Въ мѣстѣ присоединенія этой пади ущелье нѣсколько расширяется, но засимъ снова суживается приближающимися къ берегамъ Шаръ-усу горами. Изъ среды этихъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися являются на лѣвой сторонѣ рѣки яркочерная гора Ямату, а на правой — гора Тэль. У подножія этой послѣдней я нашелъ прекрасно сохранившіеся типы мѣстныхъ древнихъ

Видъ могильниковъ въ долинѣ Шаръ-усу.

могилъ и рѣшилъ снять ихъ фотографіею. № 1-й изъ нихъ мало чѣмъ отличается отъ представленной В. В. Радловымъ таблицѣ II, подъ № 2-мъ; но здѣсь почти во всей своей неприкосновенности сохранились громадныя камни, установленныя по четыремъ странамъ свѣта. Величина могильнаго круга въ діаметрѣ равняется 11 саженимъ, срединная же груда камней имѣетъ діаметръ въ 4 саж. 8 вершковъ. Могила № 2-й является интересною въ томъ отношеніи, что въ общемъ кругъ могильной

ограды находится здѣсь пять каменныхъ грудъ, величиною весьма немного уступающихъ грудѣ срединной. Такой типъ могилъ встрѣчался мнѣ на столько часто, что я не могу не поставить его особнякомъ. Дѣло въ томъ, что когда въ могильномъ кругѣ встрѣчается четыре груды камней по четыремъ странамъ свѣта, то весьма нетрудно предположить, что груды эти и насыпались именно съ цѣлью показанія сторонъ, замѣняя собою тѣ камни, которые являются въ могильникѣ № 1-й; но нахождение пятой груды въ ЮЗ углу очевидно или должно противорѣчить сказанному объясненію, или же ставить новый вопросъ означенія этой груды. Объемъ этого пятигруднаго могильника въ діаметрѣ 21 саж. 13 вершк., при величинѣ срединной груды въ 5 саж. Мѣстность этихъ могильниковъ необычайно красива. Сами они располагаются по склону небольшой зеленой пади горы Тэль, внизу вьется широкая рѣка, а на противоположной сторонѣ ея, также посреди пади, возвышается совершенно конусообразная зеленая гора Алтанъ хадасунъ. Двинувшись отсюда далѣе внизъ по рѣкѣ, мы вскорѣ приблизились къ утесамъ Хаирханъ, почти отвѣсно стоящимъ надъ рѣкою. Движеніе происходитъ здѣсь по узкой тропинкѣ и весьма опасно. Изъ послѣдующей за симъ пади Харà бургасуту течетъ небольшой источникъ того же имени; мѣсто это почитается границею хошунѣвъ Чжонднъ-гүна и Хошүчи бэйсэ. Въ 20 мин. ѣзды отсюда обращаетъ на себя вниманіе своею высотой гора Өртөдъ; у подножія ея мы также нашли 4 хэрэксүра. Еще далѣе, отъ горы Цзабилгà, рѣка и дорога поворачиваютъ прямо на югъ и здѣсь же, почти у самаго этого поворота, располагается станція Арү-чжиргаланту.

Мѣсто лѣтней стоянки станція Арү-чжиргаланту называется Үндүрчжиргаланту, получая такое имя отъ горы, ограничивающей станціонную ложбинку съ сѣвера. Почтосодержатели здѣсь народъ крайне бѣдный, почему проѣзжающіе русскіе купцы, по ихъ словамъ, почти не останавливаются у нихъ. Здѣсь впервые повстрѣчалъ я китайскихъ торговцевъ, выѣхавшихъ въ степь за покупкою грибовъ. Продуктъ этотъ продается мѣстными монголами въ сушеномъ видѣ, связками (кэлэкэй) отъ 30 до 50 грибовъ. За сто такихъ связокъ китайцы платятъ одинъ кирпичъ чаю, или же выдавая на соответственную сумму инаго товара.

Въ 2 ч. 45 м. мы оставили Арү-чжиргаланту, чтобы продолжать дальнѣйшій путь по тому же ущелью Шарà усү и черезъ 12 мин. приблизились къ оригинальной горѣ Ихиръ ұла. Вся она усѣяна мельчайшими камешками и представляетъ собою какъ бы громаднѣйшую груду мелко разбитаго щебня. Отъ этой горы рѣка и дорога поворачиваютъ на западъ хотя и не надолго, ибо верстахъ въ четырехъ отсюда начинается длиннѣйшая надъ Ү чулүтайнъ амà, по которой рѣка и дорога снова дѣлаютъ пово-

ротъ къ югу. Въ этой пади, сильно наклоненной къ югу, находится хурӯль станціи Арӯ-чжиргалантӯ, являющійся въ видѣ юрты, обтянутой синею дабу и изукрашенной вышитыми изображеніями бѣлыхъ цвѣтовъ. У гóрь Гасхà хайрханъ, Шарà-усу снова поворачиваетъ на западъ и, протекая по долинь не болѣе $\frac{1}{2}$ версты, вливается въ Буянтӯ гóль. Уголь, образуемый сляніемъ этихъ рѣкъ, называется у монголовъ ұлцзуръ и въ настоящее время почти сплошь усѣянъ хэрэксұрами, число коихъ восходитъ здѣсь до 60-ти. Въ числѣ ихъ мы нашли и прекрасные экземпляры еще особеннаго, хотя и довольно часто встрѣчающагося здѣсь вида могильниковъ. Обычная

Хэрэксұръ въ урочищѣ Улцзуръ.

груда камней окружена у нихъ сплошною четырехугольною оградою изъ уставленныхъ ребромъ каменныхъ плитъ, а вокругъ этой четырехугольной ограды является другая, не сплошная, но состоящая изъ 40 малыхъ кружковъ, также устланныхъ поставленными ребромъ каменными плитами. Величина каждаго изъ этихъ кружковъ равняется двумъ аршинамъ въ діаметрѣ. Длина каждой стороны четырехугольной ограды равняется 20 сажениамъ, а ограда изъ кружковъ имѣетъ въ каждой сторонѣ 24 сажени. Другая такая же могила имѣетъ въ четырехугольной оградѣ $18\frac{1}{2}$ саж. длины, а ограда ея, очерчиваемая кружками, длиною въ 23 саж. Помимо этихъ могилъ здѣсь есть еще нѣсколько камней, которые выросли въ землю. Производить раскопку ихъ я, конечно, не могъ; но въ верхней части ихъ ясно сохранились слѣды выбитыхъ круговъ, подобныхъ начертаннымъ на камняхъ, уже снятыхъ фотографією.

Отъ мѣста сліянія этихъ рѣкъ дорога поворачиваетъ на СЗ и слѣдуетъ уже по долині Буянтү гѣла, а потомъ дѣлаетъ незначительный поворотъ прямо на сѣверъ. Съ точки этого поворота дѣлается ясно видною бѣлоснѣжная Отхонь-тэнгрѣ. Продолжая путь по той же долині Буянтү, мы прибыли на станцію Хучжиртү. У самой станціи совершается въ бродъ переправа черезъ Буянтү гѣль, которая течетъ здѣсь шестью протоками. Главное русло этой рѣки имѣетъ въ ширину не менѣе 40 сажень, глубиною же не превышаетъ 12 вершковъ.

Станція Хучжиртү находится на берегу Буянтү гѣла, среди обширной равнины. Названіе свое она получила отъ рѣчки Хучжиртү, текущей къ СВ отъ станціи. Въ составъ станціонныхъ почтосодержателей входятъ монголы всѣхъ аймаковъ, хамчжилгà же составляютъ изъ хошунныхъ лицъ далай ванà и хошүчи бэйсэ. На станціи былъ страшный содомъ и почти всѣ монголы ликовали. Сегодня они справляли у себя церемонію Майдари и теперь, переходя изъ одной юрты въ другую, распивали вино. Съ другой стороны, вечеромъ сегодня же прибылъ на станцію изъ Улясутая одинъ изъ станціонныхъ почтосодержателей и, сидя среди аяля, разказывалъ улясутайскія новости. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, монголы почти не посѣщали мою юрту и въ 9¹/₂ часовъ я уже лежалъ въ своей постели.

9-е Августа. Воскресенье.

Сегодня поутру лишь только отправлены были выючные верблюды, какъ ко мнѣ начали собираться монголы, при томъ, между прочими, и монголь, пріѣхавшій вчера вечеромъ изъ Улясутая и вчера же утромъ выѣхавшій изъ этого города. Путь его не лежалъ по почтовому тракту, но онъ ѣхалъ краткою, такъ называемой «торговой» дорогой. Изъ Улясутая дорога эта идетъ вверхъ по Богдѣйнь-гѣлу до переваловъ Долѣнь-даба (т. е. семь переваловъ); за вторымъ изъ этихъ переваловъ находится первая отъ Улясутая станція сумунной почтовой дороги, — Босогò; миновавъ семь переваловъ, дорога выходитъ на Ширѣгійнь-гѣль и направляется вверхъ по Ширѣгійнь-гѣлу верстъ на 15, послѣ чего рѣка остается влѣво отъ дороги, а сама дорога направляется въ глубокой логъ и поднимается по оному верстъ пять на перевалъ Хундүлѣнь даба. Спускъ съ этого перевала приводитъ въ долину рѣки Хучжиртү, непосредственно соединяющейся съ Буянтү-гѣлѣмъ въ мѣстности, гдѣ расположена и станція Хучжиртү.

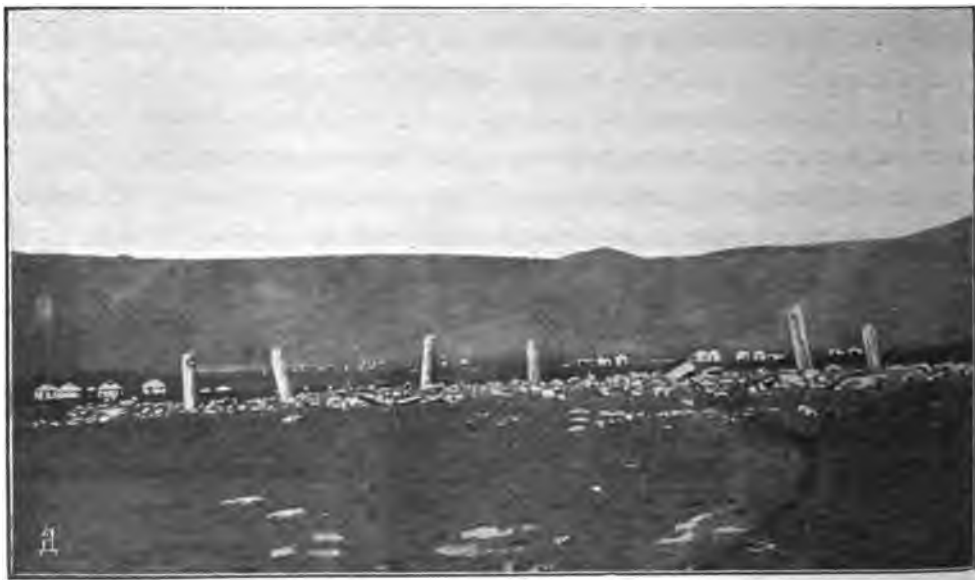
Разказывая о событіяхъ улясутайской жизни, монголь этотъ сообщалъ между прочимъ и кое-какія подробности, рисующія дѣятельность русскихъ въ здѣшнемъ краѣ. Съ русскими всѣ эти монголы живутъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, которыя иногда омрачаются лишь распорядительностью посылаемыхъ приказчиковъ; такъ, въ настоящую поѣздку въ Улясутай этому

монголу пришлось разъяснить фактъ, одинаково послужившій причиною неудовольствія и для русскаго торговца Игнатъева, и для монгола. Дѣло въ томъ, что приказчикъ Игнатъева, торговавшій по почтовымъ станціямъ, возвращаясь изъ этой поѣздки, гналъ съ собою до 200 вымѣняемыхъ имъ на товары барановъ. На станціи Хучжиртү бесѣдовавшій со мною монголъ захотѣлъ пріобрѣсти ихъ. Такія покупки у станціонныхъ монголовъ встрѣчаются весьма часто: имѣя громадный расходъ на барановъ, выдаваемыхъ въ пищу проѣзжающимъ чиновникамъ и жалѣя своихъ, откормленныхъ животныхъ, особливо овецъ, приносящихъ приплодъ, монголы предпочитаютъ на ежедневные расходы именно покупать барановъ. Монголъ предлагалъ русскому приказчику за cadaго годовалаго барана серебромъ 5 цинъ и 5 ф., а приказчикъ, имѣя въ виду, что годовалый баранъ принимается отъ него хозяиномъ за 1 р. 50 к. сер., серебро же вѣсомъ въ 5 ц. и 5 ф., при томъ же пріемѣ, оцѣнивается только въ 1 р. 37½ коп., не согласился на предлагаемую сдѣлку. Это, конечно, и весьма естественно, ибо, продавая 200 барановъ при означенныхъ условіяхъ, онъ терялъ передъ хозяиномъ цѣлыхъ 25 р. сер. Послать съ вопросомъ къ хозяину онъ не догадался, или не захотѣлъ, и пригналъ барановъ въ Улѣсутай. Такимъ образомъ монголъ остался безъ барановъ, а Игнатъеву въ Улѣсутай пришлось продать тѣхъ же барановъ по 5 циновъ и, слѣдовательно, потерять на 200 баранахъ 25 р. с. Для обоихъ настоящій случай былъ непріятенъ и оба толковали объ этой мелочи цѣлый день; хотя, конечно, изъ такого рода мелочей слагается для нихъ и цѣлая жизнь.

Со станціи Хучжиртү мы выѣхали въ 7 ч. 35 м. утра. Дорога непосредственно по выѣздѣ оставляетъ долину Буянтү-гѣла и направляется на западъ, къ долинѣ Хотхорантү, заимствовавшей свое имя отъ возвышенности, ограничивающей станціонную равнину съ запада. Отсюда мы вступили въ падь, Хучжиртү амъ, замыкаемую на западѣ горами Асхатү. Горы, возвышающіяся по обѣимъ сторонамъ этой пади, не высоки, съ мягкими очертаніями и поросли травой; но самое нолотно пади страшно каменисто и едва покрыто рѣдкою и мелкой полынью. Къ подъему на горы Асхатү мы подѣхали въ 8 ч. 50 м.; самый подъемъ совершается здѣсь по пологому скату, а переваливаютъ черезъ эти горы по горной сѣдловинѣ Хубүнэй дөрблчжй, поднимающейся тремя отдѣльными увалами. Спускъ съ горъ Асхатү на сѣверо-западъ крайне незначительный и по крайней мѣрѣ втрое меньше подъема на нихъ съ юга. Почти непосредственно за нимъ является новый взволкъ на Ёргүнъ-ширэггінъ-хутүль, изъ за котораго виднѣлась высокая и тянущаяся съ сѣвера на югъ гора Даганъ-дѣль. Гора эта открывается во всемъ своемъ величии только по спускѣ съ Ёргүнъ-ширэггінъ-хутүля въ долину

рѣки того же имени: здѣсь она возвышается громаднымъ массивомъ, сѣверная сторона коего покрыта густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Долина Ёргунъ-ширэгинъ-гѣла представляетъ собою покатость съ СЗ на ЮВ. Переправившись въ ЮВ углу ея черезъ Ширэгинъ-гѣль, мы засимъ посреди долины пересѣкли другой, меньшій источникъ Наринъ, а еще дагѣ, къ сѣверу отъ него, среди беспорядочныхъ рытвинъ повстрѣчали сухое русло, именуемое Хурай-наринъ. Изъ пади этого русла мы выѣхали на круглую широкую лужайку, посреди коей располагалась почтовая станція Дѣганъ-дѣль, близъ ручья, именуемаго у монголовъ Тѣлинъ-гѣл'омъ. Помянутая станціонная лужайка ограничивается на ЮВ горою Дѣганъ-дѣль, на ЮЗ горами Хайнукъ-тологѣй, и на сѣверѣ горами Аршанту, позади которыхъ, по словамъ монголовъ, находятся горячіе ключи, почитаемые за цѣлебный источникъ. Станціонные монголы принадлежатъ здѣсь аймакамъ Цэцэнъ-хана и Сайнъ-нойна, а хабсургà принадлежатъ хошуну Джа-гуна и Хошучи-бэйсэ.

Шагахъ во ста отъ станціонныхъ юртъ располагается здѣсь одинъ хэрэксуръ совершенно особенной и, кажется, не виданной еще формы, по крайней мѣрѣ со стороны комбинаціи составныхъ частей могильника. Въ срединѣ возвышенія изъ камней здѣсь стоятъ шесть воздвигнутыхъ плитъ; седьмая изъ нихъ, вѣроятно давно уже упала и въ настоящую пору бокомъ

Общій видъ могильника у станціи Дѣганъ-дѣль.

вросла въ землю. Расположеніе могилы совершенно правильно по странамъ свѣта: Съ востока на западъ длина всей могилы 13 саж. и 1 арш.,

съ юга же на сѣверъ длина ея 18 саж. 2 арш. Главнѣйшею особенностью здѣсь являются именно камни. Они располагаются на могилѣ въ два ряда и притомъ такъ, что одинъ рядъ ближе къ ЮЗ сторонѣ могилы, а другой — къ сѣверо-восточной. Первый камень юго-западной стороны находится на разстояніи 1 сажени и $\frac{1}{2}$ арш. отъ южной окраины могилы и въ 5 саженьяхъ отъ западной. Въ настоящую пору онъ представляется крайне вывѣтрившимся, тѣмъ не менѣе, при внимательномъ осмотрѣ, можно опредѣлить, что украшенія были выбиты у него только на сторонѣ обращенной къ югу и притомъ лишь въ нижней половинѣ камня; украшенія эти вообще весьма незначительны и не сложны и являются въ видѣ узкихъ одинарныхъ полосокъ, изображающихъ собою узоры. Вышина этого камня 2 арш. 9 вершк., ширина $8\frac{1}{2}$ вершк., толщина, 6 вершк., а въ окружности весь камень имѣетъ 1 арш. и 11 вершковъ.

Второй каменьюго-западной стороны могилы находится въ разстояніи 8 аршинъ отъ южной могильной окраины и опять-таки въ 5 саженьяхъ отъ западной. Изсѣченный на немъ украшенія гораздо сложнее и начинаются на верху, гдѣ оказывается изсѣченнымъ малый кружокъ, окаймленный сплошною одинарною линіею. Узоры на этомъ камнѣ выведены довольно ясно; они также находятся здѣсь только въ нижней половинѣ камня, но выгравированы уже двойными полосами; боковыхъ узоровъ на этомъ камнѣ нѣтъ.

Камень № 2-й юго-западной стороны.

Вышина камня 2 арш. 7 вершк., ширина $8\frac{1}{2}$ вершк., толщина 4 вершк., а окружность 1 арш. 8 вершковъ.

Третій камень, повидимому, самый главный, находится въ разстояніи 5 саженой какъ отъ южнаго, такъ и отъ западнаго края могилы. Онъ

Камень № 3-й юго-западной стороны.

представляется самымъ узорчатымъ изъ числа всѣхъ прочихъ могильныхъ камней. Въ верхней части его, въ самой срединѣ камня, изсѣченъ большой кругъ, а надъ нимъ, нѣсколько влѣво еще кругъ малый; отъ прочаго рисунка на камнѣ изображенія этихъ круговъ отдѣлены каймою въ двѣ сплошныхъ полосы, съ изсѣченными въ срединѣ этихъ полосъ ямочками. Таковою же представляется и нижняя оторочка этого камня. Узоры оказываются здѣсь со всѣхъ сторонъ камня, причемъ на южной сторонѣ особый узоръ, а на сторонахъ западной и восточной одинаковые. На сѣверной сторонѣ собственно узоровъ нѣтъ, но вверху камня ясно сохранились большой и малый круги съ отдѣляющей ихъ двойной оторочкой. Вышина этого камня 2 арш. 13 вершк., ширина — 9 вершк., толщина $5\frac{1}{2}$ вершк., а окружность 1 арш. 10 вершк.

Четыре камня, находящіеся въ сѣверо-восточномъ углу могилы, расположены въ рядъ и всѣ одинаково стоятъ въ разстояніи 4-хъ саженой

представляется самымъ узорчатымъ изъ числа всѣхъ прочихъ могильныхъ камней. Въ верхней части его, въ самой срединѣ камня, изсѣченъ большой кругъ, а надъ нимъ, нѣсколько влѣво еще кругъ малый; отъ прочаго рисунка на камнѣ изображенія этихъ круговъ отдѣлены каймою въ двѣ сплошныхъ полосы, съ изсѣченными въ срединѣ этихъ полосъ ямочками. Таковою же представляется и нижняя оторочка этого камня.

отъ восточнаго края могилы; отъ сѣверной же стороны первый камень находится на разстояніи 13 арш. отъ края могилы. Камень этотъ также точно сильно подвергся вліянію вѣтра, но на немъ сполна уцѣлѣла верхушка, по которой можно судить, что здѣсь былъ изсѣченъ на верху большой кругъ оторочка коего состояла изъ однѣхъ только ямочекъ безъ ограниченія ихъ чертами. Высота этого камня 12 арш. 12 верш., ширина 9 вершк., толщина 5 вершк. и окружность 1 арш. 12 вершковъ.

Второй камень сѣверо-восточнаго угла находится на разстояніи 14 арш. отъ сѣвернаго края могилы и долженъ быть причисленъ къ наиболѣе сохранившимся. На верху его изсѣченъ большой кругъ, но безъ малаго; оторочка изъ однѣхъ ямочекъ, узоры же изсѣчены двойными полосами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, подобно третьему камню стороны юго-западной. Высота этого камня 3 арш. 6 в., ширина $9\frac{1}{2}$ в., толщина $7\frac{1}{2}$ в. и окружность 2 арш. 7 в. Въ рисункахъ всѣхъ этихъ памятниковъ, хотя они, очевидно, должны быть причислены къ типу «оленныхъ камней», также точно довольно трудно видѣть изображенія оленей.

Камень № 2-й сѣверо-восточной стороны.

Четвертый камень, находящійся совершенно въ сторонѣ отъ другихъ и на разстояніи 25 арш. отъ южнаго угла, такъ вывѣтрился, что на немъ рѣшительно не возможно ничего разобрать. Вышина его 2 арш. 12 вершк., ширина 10 вершк., толщина 4 вершка и окружность 1 арш. 10 вершк.

Станцію Дагань-дэль мы оставили въ 2 ч. пополудни. Дорога отъ нея направляется прямо на западъ, по пади Тэлийнь-гбля. Падь эта, поросшая небольшою травкою и довольно каменистая, заключается горами Ёлбтъ-гологой, отъ которыхъ дорога поворачиваетъ на ССЗ по пади, не имѣющей общаго названія, но различаемой частными именами, прилежащихъ ей горъ. Такъ, южная часть ея, окаймляемая горами Харà-чулū, носить это названіе, а сѣверная—именуется Улянь-хуца. У подножія этой горы находятся курганы, отличающіеся необыкновенною высотой своихъ срединныхъ грудъ. Двуменная падь эта запирается издали кажущимися совершенно отвѣсными, горными массивами Цахаръ и Йэхэ-булукъ, у которыхъ стоитъ станція Тэмүртү.

Станція эта располагается на небольшой равнинѣ, ограничиваемой съ запада горами Цахаръ и Йэхэ-булукъ, съ сѣвера—горами Униртү, съ юга — горою Агдойтуйнь-гэръ, а съ востока—ущельемъ, по которому шла наша послѣдующая дорога. Воду станція получаетъ изъ небольшой рѣчки Дугунтуйнь-гбль. Вмѣстѣ съ нами выѣхалъ съ этой станціи мѣстный хундуй, Гонбо-чжабъ. Онъ отправлялся въ Улясутай за полученіемъ денегъ, присужденныхъ ему по иску и надѣялся сегодня же къ ночи быть въ Улясутай, такъ какъ намѣревался ѣхать верхомъ, по кратчайшимъ тропинкамъ. Искъ Гонбо-чжаба, о которомъ онъ разказалъ мнѣ довольно подробно, представляется настолько интереснымъ, что я не могу не записать его. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году на здѣшней станціи проживала и отбывала почтовую повинность одна юрта түшѣтү хановскаго аймака, состоявшая изъ отца и сына. Отца звали Лубсаномъ, сына Эринчинь; оба они были ламы, женщины у себя не имѣли, а потому и хозяйство ихъ шло очень плохо. Станціонное начальство нѣсколько разъ обращалось въ управленіе түшѣтү хановскаго аймака съ просьбою смѣнить эту юрту; но отвѣта на эту просьбу не было. Въ Июлѣ прошлаго, 1891-го года, Лубсанъ и Эринчинь, застигнутые тяжелыми обстоятельствами, взяли въ долгъ у торгующаго въ Улясутай китайца Ёлцзэйтү 10 ланъ серебра, съ платою по 5 фынь % въ мѣсяць съ каждаго лана; а въ концѣ октября отъ сеймоваго старшины түшѣтү хановскаго аймака была получена бумага, въ которой извѣщалось, что юртѣ Лубсана дозволяется возвратиться на родину и что вмѣсто нея будетъ выслана для отбыванія повинностей другая. Едва только узналъ китаецъ объ этой новости, какъ тотчасъ же явился къ Лубсану и потребовалъ отъ него уплаты долга. Лубсанъ отвѣчалъ, что теперь отдать ему этого долга нечѣмъ, такъ какъ онъ рѣшительно не имѣетъ у себя продажныхъ животныхъ и весь его скотъ ограничивается необходимымъ для собственнаго переѣзда и перевозки во व्यюкахъ имущества домой; но что въ ца-

гань сару, т. е. въ 1-й лунѣ 1892 года, онъ снова прїѣдетъ на станцію и тогда заплатитъ и долгъ, и %. Китаецъ согласился на эту отсрочку, хотя не иначе какъ за поручительствомъ кого-либо изъ другихъ станціонныхъ, а Лубсанъ упросилъ этого хундуй Гонбо-чжаба быть поручителемъ въ его дѣлѣ. Настало новолѣтіе 1892 года; китаецъ явился на станцію за получениемъ долга, а Лубсана какъ не бывало. Китаецъ приставагь теперь къ Гонбо-чжабу, который обратился съ вопросомъ къ управлявшему станціями тайчжю, какъ поступить ему въ этомъ дѣлѣ? Тайчжи отвѣчалъ, что нужно какъ нибудь покончить его, не доводя до свѣдѣнія китайскихъ властей и посовѣтовалъ Гонбо-чжабу развязаться съ китаецемъ, занявъ деньги у кого-либо изъ своихъ монголовъ. Всего требовалось теперь 13 ланъ, — 10 ланъ въ уплату дѣйствительнаго долга и 3 лана въ уплату накопившихся %. Разыскивая такую сумму, Гонбо-чжабъ наконецъ нашелъ ее у одного изъ прислужниковъ того же тайчжя, который соглашался дать Гонбо-чжабу 13 ланъ для уплаты долга Лубсана, но не иначе какъ съ гонораромъ по одному цѣну съ cadaго лана въ мѣсяцъ, т. е. изъ за 10% мѣсячныхъ, или 120% годовыхъ. Гонбо-чжабъ взялъ деньги, расплатился съ китаецемъ и просилъ тайчжя немедленно же сообщить объ этомъ управленію тшѣтү-хановскаго аймака съ тѣмъ, чтобы оно позаботилось поскорѣе погасить этотъ долгъ. Аймачное управленіе взглянуло однако на дѣло иначе. Оно подыскало изданное еще въ 51-мъ году правленія Цянь-луна (1787 года) постановленіе улясутайскаго цзянь-цзюня, въ которомъ говорилось, что «если кто-либо изъ отбывающихъ натуральную повинность по очереди родовыхъ цзасаконъ, или низшихъ чиновниковъ займетъ у китаецевъ деньги, или возметъ въ долгъ товаровъ съ уплатою 5 фыновъ мѣсячныхъ процентовъ (вмѣсто законныхъ 3 фыновъ, т. е. 36% годовыхъ) и оформитъ такой долгъ законною роспискою, то относительно такихъ виновныхъ, если будутъ они князья и цзасаконъ, дѣлать всеподданнѣйшіе доклады богдохану для выраженія имъ выговоровъ и порицаній, а если — неродовитые чиновники, то подвергать ихъ строгому наказанію». Основываясь на такомъ постановленіи, аймачное управленіе признавало все это дѣло незаконнымъ и ставило вопросъ, кто санкціонировалъ уплату мѣсячныхъ процентовъ съ каждой ланы не только въ количествѣ одного цѣна, а даже 5 фыновъ? Тайчжи и хундуй одинаково отвѣчали, что объ указанномъ постановленіи цзянь-цзюня они никогда и неслыхали, поступили же такимъ образомъ потому, что Лубсанъ обѣщавъ отдать долгъ въ 1-й лунѣ и не явился, между тѣмъ китаецъ неотступно требовалъ денегъ, найти же ихъ на болѣе легкихъ условіяхъ было негдѣ. Сеймовое управленіе опредѣлило уплатить этотъ долгъ, но съ тѣмъ, чтобы излишніе противу закон-

ныхъ % были взысканы съ тайчжя, который небрежно относился къ наблюденію за дѣятельностью ввѣренныхъ его управленію подчиненныхъ. Такимъ образомъ окончилось это дѣло, по которому въ возмѣщеніе взятыхъ въ іюлѣ прошлаго года 10 ланъ (20 сер. руб.) уплачивалось теперь 22 лана 1 цинъ (44 р. 20 к. с.).

Двинулись въ дальнѣйшій путь въ 4 ч. 10 м. Дорога направляется первоначально на сѣверо-западъ и проходитъ между двумя горными мысами, называемыми Тэмуртү, дающими свое имя и станціи, отъ которой мы только что отѣхали. Дорога здѣсь ровная и только мѣстами встрѣчаются на какихъ нибудь пять, шесть саженой каменистыя пространства. Отъ этихъ горъ Тэмуртү дорога поворачиваетъ прямо на западъ, въ падъ Йэхэ-пубурай-амà, по обрывистому оврагу которой извивается рѣчка Тэмуртүйнъ гѳль. Верстахъ въ восьми ниже, падъ эта измѣняетъ свое имя и называется Дăгата, заимствуя такое названіе отъ прилежащаго ей въ южныхъ горахъ перевала, по которому проходитъ торговый путь, ведущій изъ Улясутая въ хурънъ Нарұ-баньчѣнъ хутухты. Наклонъ пади Дăгата также на западъ; мѣстами она камениста и заключаетъ въ себѣ много хэрэксұровъ. Минутахъ въ 15 ѣзды отъ Дăгата находится большое каменистое и нынѣ совершенно сухое русло Сăриннъ гѳла. Переправившись черезъ него, мы продолжали свой путь внизъ по теченію рѣчки Тэмуртү и наконецъ выѣхали изъ пади въ довольно обширную равнину, на которой и нашли станцію Шурұкъ.

Станціонныя юрты располагаются при впадѣніи рѣчки Тэмуртү въ Шурұгийнъ гѳль. Послѣдній, по разказамъ монголовъ, беретъ начало изъ одной горы съ Улясутай гѳломъ: два ключа, находящіеся одинъ отъ другаго въ нѣсколькихъ саженьяхъ, даютъ начало этимъ рѣкамъ, которыя потомъ расходятся по различнымъ падямъ и принимаютъ совершенно разное направленіе. На станцію Шурұкъ назначены къ отправленію почтовой повинности монголы со всѣхъ халхаскихъ аймаковъ, но цэцѣнъ-хăновцы и тūшѣтү хăновцы не живутъ здѣсь сами, а платятъ за себя «ацѳкъ». Это значитъ, что они нанимаютъ за себя мѣстныхъ монголовъ, причѣмъ условія этого найма сообщаются управленію улясутайскаго цзянь-цзюнь и хэбэй амбаней. Предшественникъ настоящаго цзянь-цзюня сильно стѣснилъ было такой способъ отбыванія почтовой службы, сдѣлавъ распоряженіе, что, «ацѳкъ» долженъ быть рассчитываемъ платою по 1-му лану въ день, или по 360 ланъ серебра въ годъ съ каждой отбывающей повинности юрты; но при нынѣшнемъ цзянь-цзюнѣ постановленіе это не исполняется, почему и служба по найму увеличилась. Для отправленія почтовой службы монголы теперь заключаютъ полюбовныя сдѣлки и только о содержаніи ихъ доводятъ до свѣдѣнія цзянь-цзюня, представляя въ его управленіе и деньги, слѣдующія

въ уплату отбывающимъ повинность. На станціи Шурүкь за двѣ юрты Цэцэнъ-хана и двѣ юрты Тушѣту хана отбываетъ повинность мѣстный цзасакъ, хошүчи-бэйсэ. Онъ условился вести это дѣло, съ платою по 200 ламъ въ годъ съ каждой юрты; деньги беретъ, конечно, самъ; а службу отправляютъ за него, по его назначенію, его хошүнныя люди.

10-е Августа. Понедѣльникъ.

Выѣхали въ 8 ч. 25 минутъ и около 10 минутъ двигались вверхъ по долигѣ Шурүгійнъ гѣла въ сѣверо-восточномъ направленіи. Долина эта съ песчанымъ грунтомъ и весьма каменная, изобильно поросла хараганю. Среди ея намъ попалось два низенькихъ и искривленныхъ тополя, видъ которыхъ, хотя и не казистый, насъ очень обрадовалъ. Минуть черезъ 15 ѣзды мы увидали на правой сторонѣ рѣки довольно большой монастырь, называемый Агитүйнъ сүмэ. Названіе это дано монастырю по мѣстности, такъ какъ онъ находится у подножія южной стороны Агитүйнъ дабана, черезъ который проходитъ почтовая сумунная дорога изъ Улясутая въ Ургу. Въ Агитүйнъ сүмэ постоянно проживаетъ не менѣе 100 ламъ, а въ дни торжественныхъ хураловъ ихъ собирается до 500 человекъ; тѣмъ не менѣе при этой кумирнѣ не живутъ китайцы, да и русскіе торговцы никогда не останавливаются въ ней, такъ какъ близость Улясутая даетъ возможность здѣшнимъ обитателямъ пріобрѣтать все нужное въ этомъ городѣ. Въ 9 ч. 5 м. мы переѣхали на правую сторону Шурүгійнъ гѣла; дно этой рѣки состоитъ изъ мелкой гальки; ширина ея едва ли болѣе 3-хъ саж., но переѣздъ значительно труденъ вслѣдствіе чрезвычайно быстрого теченія воды; за то вода эта чистая, свѣтлая и очень пріятная на вкусъ. Отъ береговъ Шурүгійнъ гѣла мы начали подниматься на пологую возвышенность перевала.

На половинѣ этой горы находится другой, несравненно большій Агитүйнъ сүмэ, монастырь, къ которому подѣхали мы въ 9 ч. 30 м. Это такъ называемый Дүтүйнъ-хурѣ (т. е. монастырь «заявленный», — о которомъ доводилось до высочайшаго свѣдѣнія богдохана). Дүтүйнъ хурѣ представляетъ собою хошүннй монастырь хошүчи-бэйсэ. Онъ построенъ назадъ тому болѣе ста лѣтъ и тогда же было доведено о немъ до свѣдѣнія богдохана. Богдоханъ пожаловалъ монастырю особое имя и опредѣлилъ штатъ постоянно живущихъ въ немъ ламъ, въ числѣ 80 человекъ. Съ тѣхъ поръ сказанное число ламъ живетъ при монастырѣ постоянно, въ дни же великихъ хураловъ ихъ собирается здѣсь болѣе 1000 человекъ. Лѣтъ десять тому назадъ, Дүтүйнъ-хурѣ славилось особенною торжественностью обстановки при церемоніи Майдари и въ ту пору къ нему стекались со всѣхъ сторонъ массы народа; но въ послѣдніе годы, когда Илагүхсанъ хутухтү обосновалъ свой новый монастырь въ хошүнѣ Далай бэйсэ, онъ сдѣлалъ у себя

церемонію Майдари еще торжественнѣе, и народъ потому, почти оставивъ Дүтүйнь-хүрѣ, устремился къ Илагүхсанъ гэгэну.

Въ пору моего проѣзда, ханбѣ ламѣ Дүтүйнь-хүрѣ уѣзжалъ по какимъ-то дѣламъ въ Ургу, и живущіе при кумирнѣ ламы, какъ штатные, такъ и нештатные, разбрелись по степи, такъ что въ кумирнѣ оставалось только человѣкъ двадцать старыхъ да малыхъ. Поѣздки ламъ въ степь, на свиданіе съ родственниками, въ лѣтнее время составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ монастыряхъ, теперь же отсутствіе начальства усилило это явленіе. Я подъѣхалъ къ монастырю, бродилъ по нему болѣе получаса и не встрѣтилъ ни одного человѣка. Двѣ кумирни были совершенно открыты, повсюду лежала масса серебряныхъ принадлежностей буддійскаго культа, не говоря уже о литыхъ изъ бронзы и мѣди бурханахъ, чинно стоявшихъ на своихъ мѣстахъ; было ясно, что ламы здѣсь не боятся воровъ. Монастырь раздѣляется на три двора, по обычаю всѣхъ императорскихъ кумирень, но всѣ зданія его если и обширны, то грязны и убоги, нося слѣды разрушенія. Главная кумирня находится на среднемъ дворѣ. Она построена изъ дерева, въ три яруса и окрашена въ темно-красный цвѣтъ. Пройти къ ней оказалось довольно трудно, такъ какъ лѣстницы и портики совсѣмъ перегнили. За всѣмъ тѣмъ надъ дверями этой кумирни красуется императорская дощечка, съ начертаніемъ золотыми буквами имени, пожалованнаго монастырю; оно обозначено на трехъ языкахъ, въ нижеслѣдующей формѣ:

ᠮᠠᠨᠵᠢᠷᠦᠰᠡᠨᠠᠨᠢᠯᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ

善 孚 寺

ᠮᠠᠨᠵᠢᠷᠦᠰᠡᠨᠠᠨᠢᠯᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ

Это значить: «Благій и вѣрный храмъ». Надъ окнами южной стороны кумирни, а равно по бокамъ отъ входа въ кумирню, подъ стропилами портиковъ, по обычаю китайцевъ, подвѣшаны частныя «бянь-э», съ начертанными на нихъ изреченіями. Есть здѣсь надписи и китайскія, и маньчжурскія, и монгольскія; общее же число ихъ доходитъ до двадцати. Китайскія «бянь-э» принесены кумирнѣ главнымъ образомъ улясутайскими амбанами и битхэши цзургановъ; маньчжурскія — въ большинствѣ случаевъ тѣми же лицами, а монгольскія — мѣстными ламами и князьями. Вотъ образцы этихъ надписей:

ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ ᠳᠣᠷᠭ᠋ᠢ ᠨᠠ ᠰᠤᠳᠤᠨᠠ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ ᠳᠣᠷᠭ᠋ᠢ ᠨᠠ ᠰᠤᠳᠤᠨᠠ
 ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ
 ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠨᠠ
 ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ
 ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ
 ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ

Это значить: «Великая прарота (этой обители) равна небу. — Поднесена, съ благоговѣйными поклоненіями, гражданскими и военными чинами въ счастливый день 8-й луны, 2-го года правленія Бадаранга-дѳро» (1875 г.).

Монгольскія надписи имѣють ту же форму, но всѣ онѣ приносились въ даръ монастырю коллективно. Вотъ на примѣръ «бянь-э» поднесенная кумирнѣ мѣстными ламами:

ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ ᠳᠣᠷᠭ᠋ᠢ ᠨᠠ ᠰᠤᠳᠤᠨᠠ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ ᠳᠣᠷᠭ᠋ᠢ ᠨᠠ ᠰᠤᠳᠤᠨᠠ	
ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ	Подписи да ламъ, дэм-
ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠩᠭ᠋᠎ᠠ	чи и цзайсановъ, под-
ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ	несшихъ «бянь-э» все-
ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ	го въ числѣ 12 чело-
ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ	вѣкъ.

ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠮᠤᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ

Это значить: (Настоящая кумирня) «распространила удивительное величїе монастыря». — Поднесена съ усердными поклонами въ счастливый день 6-й луны, 3-го года правленія Бадарагүлху туру» (1876 г.).

Есть однако примѣры, что и монгольскїе ламы приносили дощечки на маньчжурскомъ языкѣ, хотя это относится лишь къ лицамъ высшаго управленія; такъ Нарү-баньчэнь хутухтү, вмѣстѣ съ Эрхэ цорчжинь хубилганомъ поднесли монастырю «бянь-э» съ такою надписью:

ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠤ ᠠᠨᠨᠢ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ
ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ

ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ
ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ
ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ

ᠠᠵᠢᠨᠨᠠᠰᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ ᠠᠶᠢᠨ ᠨᠠᠵᠤᠨᠢᠨ

Это значить: «Правдивая природа подобна солнцу и лунѣ. — Поднё- сена сайнь-нойновскаго ймака Нарү-баньчэнь хутуктою и хубилганомъ Эркэ порчжія въ счастливый день 4-й луны, 3-го года правленія Бадаранга дõро (1876 г.).

Внутренность этой кумирни мнѣ не удалось осмотрѣть, такъ какъ кумирня оказалась закрытою, а изъ ламъ при мнѣ ровно никого не было.

Верстахъ въ пяти отъ этого монастыря къ югу располагается ставка мѣстнаго хошўннаго цзасакà, титулуемаго Хошўчи бѣйсэ, здѣсь же нахо- дится и его тамàгà, или хошўнное управленіе. Такимъ образомъ означенное урочище является средоточіемъ хошўна какъ гражданскомъ, такъ и въ рели- гіозномъ отношеніи. Такое значеніе его, безсомнѣнія, было причиною того, что въ немъ поселились и китайскіе торговцы. Почти у самаго монастыря, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ южныхъ воротъ онаго, находится ихъ сбитый изъ глины хашàнъ, внутри коего построено два глинобитныхъ же бàйшина и нѣсколько сараевъ. Китайцы эти пріѣзжаютъ изъ Пекина и жи- вутъ здѣсь постоянно, отправляя на югъ, за Великую стѣну добытыя ими произведенія Монголіи, одинъ разъ въ годъ. Собственно торговля ихъ весьма незначительна и главнѣйшія выгоды получаютъ ими отъ исполненія мелкихъ банкирскихъ обязанностей въ хошўнѣ.

Отъ Дутўйнъ-хурѣ дорога направляется на СВ по пади Намшёръ, а засимъ поворачиваетъ прямо на западъ и слѣдуетъ по каменистой пади Цагàнъ-булўкъ. Въ этой пади расположена послѣдняя станція къ Улясу- тàю, — Хуà шорбту, или лучше сказать лѣтовка этой станціи, потому что на зиму она перекочевываетъ къ югу, въ урочище, отъ котораго получила свое имя и которое отстоитъ отъ пади Цагàнъ-булўкъ на пространствѣ одной кочевки, т. е. верстахъ въ 20-ти.

Отъ Хуà-шорбту до Улясутàя считается только 15 верстъ, но дорога здѣсь очень трудная. Два труднѣйшихъ и неудобнѣйшихъ перевала залега-

ють на этомъ пространствѣ. Двинувшись прямо на сѣверъ, мы сразу же отъ станціи начали подниматься на такъ называемый Бичиктү даба. Такое названіе легко можетъ заинтересовать археолога Монголіи, которому покажется, что на этихъ горахъ гдѣ либо непременно скрываются старинныя письма, или надписи; но это не вѣрно, ибо переваль Бичиктү даба получилъ свое названіе не отъ старинныхъ письменъ, а потому что черезъ него узаконено возить всякаго рода бумаги (бичикъ), отправляемыя въ Пекинъ и получаемыя изъ онаго. Сначала этотъ переваль идетъ на пространствѣ двухъ, или $2\frac{1}{2}$ верствъ довольно полого; но чѣмъ ближе къ вершинѣ, тѣмъ дѣлается круче. Спускъ съ него еще болѣе крутой, приводитъ въ падь Асхатү, въ которой живутъ Улясутайскіе плотники. Отсюда слѣдуетъ другой и еще болѣе крутой переваль, именуемый Хотойнъ-даба. Съ него спускаются въ долину рѣки Богдойнъ гѣла, на правомъ берегу которой стоятъ Улясутайская крѣпость и состоящій при ней торговый городъ. У этой рѣки я поздоровался съ мѣстными русскими купцами, которые выѣхали встрѣтить меня. Въ Улясутай мы въѣхали такимъ образомъ большимъ поѣздомъ и, миновавъ торговый городъ, я остановился здѣсь на отведенной мнѣ, по приказанію цзянь-цзюня, казенной квартирѣ, въ кумирнѣ.

IV. Улясутай.

Городъ Улясутай, хотя по количеству населенія и своей обширности занимаетъ второе мѣсто среди городовъ сѣверной Монголіи, но, составляя резиденцію цзянь-цзюня, такъ-сказать — генераль-губернатора всей Монголіи, онъ, по своему административному положенію, необходимо долженъ быть почитаемъ главнѣйшимъ халхаскимъ городомъ. По характеру своему Улясутай совершенно противоположенъ Ургѣ. Послѣдняя, будучи мѣстопребываніемъ верховнаго буддійскаго первосвященника монголовъ, есть ни что иное, какъ громадный монастырь; Улясутай, напротивъ, служитъ центральнымъ пунктомъ китайскаго управленія въ Монголіи и представляетъ собою главнымъ образомъ военную крѣпость, при чемъ какъ монгольскія, такъ и китайскія историческія сочиненія даютъ этому городу такое значеніе съ самаго ранняго времени, то-есть, изначала считаютъ его крѣпостью для поселенія охранныхъ гарнизоновъ маньчжурскаго войска. Въ китайскомъ сочиненіи Шэнъ-у-цзи, въ третьей цзюани, или книгѣ, находится такого рода замѣтка: «въ срединѣ (правленія) Цянь-лүна воздвиг-

нуты были города Улясутай и Кобдò; но середина царствованія Цянь-лү-нова падаетъ на 1766—1767 годы, тогда какъ мы достовѣрно знаемъ, что оба эти города существовали значительно раньше этого времени: такимъ образомъ, помянутая замѣтка, очевидно, сообщаетъ или о перестройкѣ этихъ крѣпостей, или же о новомъ возведеніи ихъ. Подлинный годъ основанія Улясутая до настоящаго времени остался мнѣ совершенно не извѣстенъ и мы съ достовѣрностью можемъ только утверждать, что Улясутай, вмѣстѣ съ Кобдò, какъ военныя крѣпости, были построены въ періодъ борьбы маньчжурскаго дома и монголовъ съ ѳлбтами, когда такихъ крѣпостей основано было китайцами много, — на Тэсѣ, на Орхонѣ, на Байдарикѣ, на Туѣ, на Тамырѣ, на Дзакѣ и пр. ¹⁾ Нѣкоторый свѣтъ на сказанный вопросъ пролили для меня въ настоящую мою поѣздку мои бесѣды съ ученымъ тусалакчи хошүна Эрдэни-вана, котораго засталъ я состоящимъ на очередной службѣ въ Улясутай. Онъ сообщилъ мнѣ преданіе монголовъ, по коему Улясутайская крѣпость оказывается построенною позднѣе Кобдòской. Дѣло было якобы такъ: изъ многочисленныхъ крѣпостей, построенныхъ въ Западной Монголіи въ эпоху чжунгарскихъ набѣговъ, въ первое время особенно возвысилась Кобдò, какъ ближайшій сторожевой постъ къ странѣ чжунгаровъ. Такъ какъ откомандировываемыя въ Кобдò войска не могли съ удобствомъ помѣщаться въ кобдòской крѣпости, то въ помощь ей вскорѣ была воздвигнута другая крѣпость, въ Цагань-сүлѣ; но и здѣсь, въ виду отвода плодородныхъ земель подъ пашни, недостаточной плодovitости остальной степи и полного отсутствія топлива, войска не могли прожить долго. Разыскивая болѣе удобныя стоянки, тогдашніе маньчжурскіе военачальники остановились на урочищѣ Алдәръ, раскинувшись по рѣкѣ Буянтү, гдѣ располагается нынѣ первая станція улясутайско-кобдòскаго почтоваго тракта. Сюда была переведена часть Цагань-сүльскихъ войскъ, а для помѣщенія ихъ возведена была новая крѣпость, развалины которой находятся теперь верстахъ въ 25 къ зап. отъ Улясутая, близъ монастыря, именуемаго Эбүгәнъ-хурѣ. Вскорѣ однако обнаружилось, что по причинамъ, дѣйствовавшимъ въ Цагань-сүлѣ, солдаты не могли оставаться долго и на Алдәрѣ. Въ біографіи Эрдэни-вана сохранился всеподданнѣйшій докладъ тогдашняго великаго цзянь-цзюня Халхи Ся-бао, отъ 10 г. правленія Юнь-чжэна (1733 г.), въ которомъ Ся-бао испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія богдохана перевести войска изъ мѣстности Алдәръ-тологой и расположить ихъ близъ Улясутай-ула. Такъ какъ на это послѣдовало соизволеніе богдохана, то въ томъ же году состоялось передвиженіе войскъ, которыя и по-

1) Эрдэнинь эрихэ, II, гл. 43-я, л. 95-й.

ложили первое основаніе Улясутайскому укрѣпленію. То же преданіе добавляетъ дагѣе, что въ ту пору улясутайская крѣпость была значительно меньше настоящей; жили въ ней исключительно китайцы, тогда какъ маньчжуры и монголы кочевали въ юртахъ частію въ Алдѣрѣ, а частію по падымъ окружающихъ Улясутай горъ. Въ слѣдующемъ году въ Улясутѣ были построены провіантскіе магазины, склады для храненія оружія и проч. Всѣ соотвѣтствующія статьи военнаго продовольствія были перевезены изъ Алдѣра и Цаганъ-сүля, излишекъ же запасовъ этихъ крѣпостей былъ отправленъ въ Кобдѣ, который съ этого, 1734, года получилъ большую самостоятельность въ управленіи, такъ какъ туда былъ командированъ для завѣдыванія дѣлами управленія тусалакчи цзянь-цзюнь, ъфу Цэрэнъ, носившій титулъ «Эрдэни-вана». Съ этой поры улясутайская крѣпость оставалась безсмѣнно на своемъ мѣстѣ вплоть до настоящаго времени. Въ лѣтописи «Эрдэнинь-эрихэ», подъ 6-мъ годомъ правленія Цянь-лүна (1741 г.) мы находимъ извѣстіе о перекочевкѣ улясутайской военной крѣпости на рѣку Тамірѣ (ᠲᠠᠮᠢᠷ ᠠᠨᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠ), но такое выраженіе, по словамъ толковавшаго мнѣ эти событія тусалакчи, не исполнѣ точно; ибо кочевала въ ту пору не крѣпость, а только находившаяся въ крѣпости главное управленіе халхаскихъ войскъ. Извѣстно, что въ Халхѣ съ 1-го года правленія Цянь-лүнова (1736) былъ объявленъ великимъ цзянь-цзюнемъ ъфу-Цэрэнъ, родовыя кочевья коего располагались по Таміру. Въ 1741 г. ъфу-Цэрэнъ праздновалъ 60-ти лѣтній юбилей своей жизни; и вотъ, во вниманіе къ преклонности лѣтъ его, богдоханъ разрѣшилъ ему, состоя великимъ цзянь-цзюнемъ, проживать въ родовомъ его кочевьи, а для удобства управленія перевести главную канцелярію изъ Улясутая въ Тамірскую крѣпость. Переводъ этотъ, конечно, состоялся; главное военное управленіе de facto было сосредоточено при квартирѣ великаго цзянь-цзюня, на Тамірѣ; но de jure оно продолжало все-таки называться улясутайскимъ и Улясутай продолжалъ оставаться, хотя и номинально только, главною халхаскою крѣпостью, въ которой сосредоточивалось высшее военное управленіе Халхи. Подобнымъ же образомъ должны быть истолковываемы и всѣ другія извѣстія о перекочевкѣ Улясутая, напри- мѣръ, на Байдарикъ, Дзакъ и другія мѣста; все дѣло здѣсь лишь въ перекочевкѣ, по требованію обстоятельствъ, главнаго управленія улясутайскаго цзянь-цзюня въ ту или другую крѣпость; между тѣмъ какъ улясутайскій городъ неизмѣнно оставался на своемъ мѣстѣ и почитался резиденцію цзянь-цзюня.

Въ 1748 году Улясутайская крѣпость значительно расширилась, ибо сюда были стянуты войска со всѣхъ малыхъ крѣпостей, находившихся въ

западной Халхѣ, хотя эта сгруппированность войскъ продолжалась весьма недолго: не больше какъ черезъ четыре года, въ 1752 году, великій цзянь-цзюнь Цянгунъ-чжабъ, при личномъ представленіи къ императору, докладывалъ о томъ, что «доставлять въ Улясутай изъ аймаковъ продовольствіе для множества солдатъ весьма трудно, по причинѣ удаленности нѣкоторыхъ аймаковъ отъ помянутой крѣпости; притомъ же разстоянія мѣстонахожденій войскъ, еслибъ послѣднія были возвращены на старыя мѣста (то-есть, размѣщены снова по мелкимъ крѣпостямъ), вовсе не такъ велики, чтобы имъ быть серьезною причиною для невозможности наблюденія надъ солдатами, или несвоевременнаго собранія войскъ въ потребное время». По докладу этому солдатъ повелѣвалось снова возвратитъ въ мѣста ихъ прежняго жительства, и Улясутай снова остался крѣпостью хотя и главною, но, вѣроятно, незначительно большею въ сравненіи съ другими. Все это было въ то время, когда великій цзянь-цзюнь жилъ на рѣкѣ Тамырѣ, въ лѣтописи Эрдэнийнъ эрихэ подь 1759 годомъ записанъ высочайшій приказъ о перекочевкѣ квартиры великаго цзянь-цзюня и главнаго военнаго управленія Халхи съ Тамыра на Улясутай въ слѣдующихъ словахъ: «Въ прежнихъ военныхъ крѣпостяхъ больше нѣтъ нужды; да и кромѣ того вслѣдствіе лишь преклонныхъ лѣтъ Эу Цэрэна¹⁾, относясь къ дѣлу легко, мы учредили городъ на Тамырѣ военною крѣпостью; нынѣ, вслѣдствіе необходимости разслѣдованія дѣлъ объ Урянхахъ, должно перенести военную крѣпость на Улясутай». Такимъ образомъ съ 1759 года мѣстопробываніе великаго халхаскаго цзянь-цзюня и военная крѣпость перенесены были на рѣку Улясутай, и съ этой же поры начинаются постоянныя заботы цзянь-цзюней какъ о приведеніи улясутайской крѣпости въ лучшій видъ, такъ и о расширеніи оной. Подь 29-мъ годомъ правленія Цянь-луна (1765 г.) въ лѣтописяхъ записанъ высочайшій докладъ амбаней, которымъ до свѣдѣнія императора было доведено, что Улясутайская крѣпость въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ развалилась и теперь представляется необходимымъ исправить ее. По этому докладу произведено было и исправленіе, но вѣроятно, оно было непрочное, ибо зимою того же года глиняныя стѣны Улясутая снова разрушились. Такъ какъ поправлять ихъ вновь было невозможно, то былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, чтобы вмѣсто стараго города, находившагося между рѣками Улясутаемъ и Чжагасуту, по старому примѣру, по-

1) Эу Цэрэнъ былъ двоюроднымъ братомъ перваго сайнъ-нойна — Шамбы. Будучи ребенкомъ, онъ въ 30-мъ году правленія Канси (1691 г.) вмѣстѣ съ своею матерью прибылъ въ Пекинъ, гдѣ и былъ оставленъ императоромъ Канси при дворѣ на воспитаніе. Въ 45-мъ году (1706 г.) онъ былъ сдѣланъ хошй Эу, за него была выдана княжна Чунъ-цзоэ.

строить деревянный городъ; при семъ предполагалось увеличить вышину стѣны до одной двойной сажени и шести локтей, толщину до одной двойной сажени; вся окружность крѣпости исчислялась въ 500 двойныхъ сажений. Стѣны предполагалось устроить, поставивъ въ два ряда частоколы, а средину между этими частоколами утрамбовать землю; съ восточной, западной и южной сторонъ поставить по однимъ воротамъ, съ сѣверной же стороны, такъ какъ она прилежитъ къ рѣкѣ, предполагено было прокопать ровъ и пустить по канавамъ воду вокругъ города. Все это было исполнено, и этотъ видъ Улясутайская крѣпость сохраняетъ и до настоящаго времени, — только канавы, окружающія крѣпостныя стѣны, теперь уже засорились, и воды вокругъ города не имѣется. По всей вѣроятности, объ этомъ послѣднемъ возсооруженіи Улясутая и сообщаетъ намъ вышепредставленная замѣтка сочиненія Шэнъ-у-цзи.

Современный видъ стѣны Улясутайской крѣпости.

Съ 1780 года число проживающихъ въ Улясутаѣ должно было значительно сократиться. Въ этомъ году, соответствующемъ 44-му году правленія Цянь-луня, китайцами были изданы новыя узаконенія и правила относительно управленія Монголіи, которыя значительно измѣняли положеніе улясутайскаго цзінъ-цзюня, а вмѣстѣ съ нимъ и самага Улясутая. Должность улясутайскаго великаго цзінъ-цзюня получила свое начало въ періодъ

маньчжуро-монгольскихъ войнъ съ чжунгарями, и великій цзянь-цзюнь имѣлъ тогда значеніе главнокомандующаго дѣйствующей арміи, въ составъ которой входили какъ монголы, такъ равно и маньчжуры съ китайцами. При такомъ значеніи должности, ее занимали рѣшительно всѣ цзянь-цзюни, начиная отъ перваго Фурдана, до Баобяна включительно. Впослѣдствіи, по окончаніи войнъ на западѣ, должность великаго цзянь-цзюня должна была сама собою уничтожиться. Оставшійся главнымъ представителемъ маньчжурской власти у монголовъ былъ Эфу-Цэрэнъ, но онъ первоначально послѣ званіе тусалакчи цзянь-цзюня. На обязанности его лежало, вмѣстѣ съ хэбэй-амбанами и дарганами четырехъ халхаскихъ сеймовъ, рѣшать не только важнѣйшія дѣла по Монголіи и границѣ, управлять ходомъ приготовленія войскъ въ четырехъ аймакахъ и наблюдать за станціями и караулами, но и вести дѣла меньшей важности, какъ-то: судить бѣглыхъ, разнаго рода преступниковъ, воровъ и пр.; словомъ, великій цзянь-цзюнь Цэрэнъ былъ главнѣйшимъ правителемъ Монголіи, которому докладывались всѣ, даже самыя мелочныя дѣла. Послѣдующіе преемники должности Цэрэна, сынъ и внукъ его Цэнгунъ-чжабъ и Цэбдэнъ-чжабъ, находились въ томъ же самомъ положеніи и хотя носили титулы улясутайскихъ великихъ цзянь-цзюней, но эти титулы давались имъ китайскимъ правительствомъ или изъ уваженія къ памяти ихъ предка — Цэрэна, или за усердіе въ дѣлахъ. Послѣ Цэбдэнъ-чжаба, на должность улясутайскаго цзянь-цзюня впервые былъ назначенъ маньчжуръ по имени Хэтүринга-батү. Можно думать, что монголы того времени были не особенно довольны этимъ назначеніемъ, ибо при смѣнѣ этого Хэтүринга-батү, и именно въ 1780 году, Цянь-лунъ издалъ особый манифестъ, въ которомъ, какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе монголовъ, довольно сурово объяснялось, что должность цзянь-цзюня есть должность верховнаго правителя всей Монголіи, что она не только не наследственна въ поколѣніи Цэнгунъ-чжаба, но даже не должна быть непремѣнно занятою халхаскими нойнами, а потому на мѣсто Хэтүринга-батү на должность улясутайскаго цзянь-цзюня назначается Гинэгуй, тоже изъ маньчжуровъ. За симъ, какъ бы въ укоръ монголамъ, изданы были помянутыя новыя положенія, которыми значеніе цзянь-цзюня еще болѣе возвышалось. По этимъ положеніямъ, цзянь-цзюнь, хэбэй-амбанъ и начальники халхаскихъ сеймовъ (дарги) судили дѣла каждый особю; цзянь-цзюню не докладывалось теперь, и онъ не судилъ всякую мелочь, но являлся только верховнымъ рѣшителемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и надсмотрщикомъ за управленіемъ¹⁾. Такимъ

1) Шэнъ-у-ци въ краткихъ словахъ слѣдующимъ образомъ выясняетъ всѣ преобразованія того времени и опредѣляетъ значеніе улясутайскаго цзянь цзюня: «Въ Улясутаѣ и

образомъ, со времени изданія этого положенія, когда хошунныя цзахирахчи (правители) и начальники сеймовъ получили право имѣть свои отдѣльные суды, число являющихся въ Улясутай преступниковъ, ихъ родственниковъ и приѣзжающихъ ходатаевъ по разнаго рода дѣламъ должно было значительно сократиться. Черезъ семь лѣтъ послѣ сего, число правительственныхъ учрежденій въ Улясутаѣ еще уменьшилось вслѣдствіе уже известнаго намъ изъ исторіи Урги перенесенія верховнаго управленія двумя восточными аймаками Халхи въ Ургу, а это, въ свою очередь, не могло пройти безъ вліянія какъ на количественное, такъ и на торговое состояніе города. Улясутаю приходилось постепенно падать.

Можно думать однако, что и въ этотъ минувшій періодъ господства Улясутаѣ надъ всею Халхой, онъ былъ для нея не болѣе какъ правительственнымъ центромъ, къ которому душа монголовъ далеко не лежала такъ, какъ, напримѣръ, къ Ургѣ,—что монголы приѣзжали сюда только по необходимости, жили здѣсь бездомными одиночками, какъ временные пришельцы, и что общественной жизни въ Улясутаѣ не было никакой. Всего лучше это доказывается тѣмъ, что Улясутай, несмотря на известную намъ религіозную ревность монголовъ, во все это время не имѣлъ у себя даже ни одной кумирни и о построеніи въ немъ первой кумирни мы узнаемъ изъ всеподданнѣйшаго доклада великаго цзянь-цзюня и хэбэй-амбаней, записаннаго въ лѣтописяхъ только подъ 1787 годомъ. Докладъ этотъ вкратцѣ содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Въ Улясутаѣ съ самаго начала его существованія не было построено отъ правительства кумирни; нынѣ, по желанію чиновниковъ и военныхъ людей, въ самой срединѣ крѣпости воздвигнута кумирня подъ названіемъ Гуань-ди. Если будетъ позволено, то рабы съ настоящаго времени будутъ ежегодно, по окончаніи разслѣдованія казенныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ очередными ванами, гунами, цзасакѣми и чиновниками, приносить жертвы весной и осенью, согласно постановленіямъ Срединнаго государства. Что же

Кобдѣ были посажены для управленія; завѣдывающій границею лѣвой стороны цзянь-цзюнь и цань-цзянь да-чэн'и (ихъ три—одинъ въ Кобдѣ и два въ Улясутаѣ; въ число этихъ послѣднихъ одинъ выбирается изъ монгольскихъ родовыхъ князей), всѣ же сполна войска четырехъ халхаскихъ аймаковъ вѣдаются улясутайскимъ цзянь-цзюнемъ. Войска Дурбэтовъ, новыхъ Торгоутовъ и Хошутовъ вѣдаются илійскимъ цзянь-цзюнемъ; кукунорскія войска вѣдаются сининскимъ амбанемъ. Когда случатся дѣла, то цзянь-цзюнь и амбаня дѣлаютъ доклады и распоряженія. Войска внутреннихъ (то-есть 49-ти) чжасакѣвъ вѣдаются аймачными ханами, ванами и т. д. Въ Улясутаѣ и Кобдѣ ежегодно взимается оцѣнная, караульная и военная повинности, а равно пашенные и пастбищные оброки по положенію о вышедшемъ въ походъ съ войскомъ сановникѣ. Въ Маньчжуріи, Кукунотдѣ и Илій охранные цзянь-цзюни и вмѣстѣ съ тѣмъ правители приравнены сюда быть не могутъ, такъ какъ улясутайскій цзянь-цзюнь управляетъ 82-мя хошунами, четырьмя ханами, Урянхайцами и прочими многими племенами, живущими между Алтаемъ и Тянь-шанемъ и составлять *первой важности* постъ за Великой стѣною (Шень-у-ци Цзюань, 3, л. 34-й).

касается расходовъ по предметамъ, необходимымъ при жертвоприношеніи, то они будутъ ассигноваться съ доведеніемъ до свѣдѣнія подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ»¹⁾). На докладъ этотъ послѣдовало высочайшее согласіе, и съ тѣхъ поръ вошло въ обыкновеніе въ Улясутаѣ принесеніе осеннихъ и весеннихъ жертвъ. Кумирня Гуань-ди существуетъ въ крѣпости и до сего времени. Монголы зовутъ ее кумирнею Гэсэра, и въ настоящее время она представляетъ собою древнѣйшее изъ крѣпостныхъ зданій. Въ періодъ нашествія дунганъ въ 1869 году она осталась единственнымъ неповрежденнымъ зданіемъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ построекъ. Такимъ образомъ, съ 1780 года положеніе Улясутая окончательно утвердилось, и съ тѣхъ поръ онъ существуетъ неизмѣнно до настоящаго времени: Улясутай служитъ городомъ, въ которомъ живетъ представитель китайской власти въ сѣверной Монголіи, и потому здѣсь сосредоточивается нѣкоторымъ образомъ управленіе всей Халхи; кромѣ того, онъ служитъ мѣстопробываніемъ амбана, завѣдывающаго аймаками сайнгъ-нойновскимъ и цзасактү-хъановскимъ.

Главнѣйшее населеніе улясутайской крѣпости всегда составляли жившіе здѣсь для охраны китайской власти и смѣнявшіеся по очередямъ солдаты, число которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, въ разное время доходило отъ 3,500 до 800 человекъ. Въ прошлую мою поѣздку по Монголіи въ 1876—79 гг., въ Улясутаѣ, еще отъ временъ дунганскаго возстанія, оставались командированныя тогда въ Монголію чахарскія и солонскія войска (около 800 человекъ); но уже въ концѣ 1879 года, они, въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, были выведены изъ Улясутая и возвращены на родину, взамѣнъ же ихъ, для охраны улясутайской крѣпости, были собраны мѣстные халхаскія войска. Въ свою пору мы говорили объ этой перемѣнѣ, какъ о долженствующей, несомнѣнно, повлечь за собою паденіе Улясутая и даже всей окружной Халхи; такъ какъ чахары и солоны, неоспоримо, привносили въ жизнь халхасовъ хотя бы нѣкоторую долю цивилизаціи: они дѣйствовали образовательно на завязатыхъ кочевниковъ сѣверной Монголіи и, до нѣкоторой степени, способствовали тому, чтобы самъ Улясутай имѣлъ видъ дѣйствительно осѣдлаго города, а не скопища кочевыхъ кибитокъ. Многіе изъ привыкшихъ къ удобствамъ осѣдлой жизни чахарскихъ и солонскихъ солдатъ строили въ Улясутаѣ собственные дома; мало того, недовольствуясь тѣсною улясутайскою крѣпостью, солоны построили тогда, на свои собственные средства, даже свою особую крѣпость, глинобитныя стѣны которой съ полуразвалившимися бѣйшинами доселѣ высятся еще верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ Улясутая, въ долину Чжигга-

1) Эрдэнийн эрхэ, II, гл. 44, з. 133.

стуйнъ-гѡла. На смѣну выведенныхъ чахаровъ и солѡновъ, какъ уже было сказано, были вызваны халхаскія войска, первоначально въ количествѣ 400 латниковъ, но засимъ, въ 1880 г., по обстоятельствамъ тогдашняго объявленія Халхи на военномъ положеніи, число это было увеличено до 2,000 человекъ. Такое обиліе военнаго люда имѣло однако весьма мало значенія для Улясутая. Солдаты эти даже не жили въ крѣпости, а раскинулись отдѣльными кочевыми лагерями по горнымъ падямъ, на пространствахъ верстъ на 30 къ сѣверу Улясутая; что же касается крѣпости, то населеніе ея, помимо обычнаго служилаго при мѣстныхъ управленіяхъ люда, увеличилось тогда развѣ на 40—50 человекъ китайскихъ солдатъ, присланныхъ Ли-хунъ-чжаномъ изъ Тяньцзина, въ качествѣ инструкторовъ для монгольскихъ войскъ. Съ 1883 г. большая часть этихъ экстренно созданныхъ войскъ была распущена и въ Улясутаѣ было оставлено только 200 халхаскихъ латниковъ, но они также точно не поселились въ крѣпости, а постоянно кочуютъ и до настоящей поры въ окрестностяхъ Улясутая, лѣтомъ: по р.р. Ирѡ, Цубурѹ, Наринъ, Чжагастѹ и др.; зимою,—къ западу отъ Эбугѣнъ-хурѣ, по равнинѣ Ханай-худукъ до устья рѣки Усѹнъ-цзуйль, т. е. удаляются отъ Улясутая верстъ на 70. Въ самой улясутайской крѣпости проживаетъ теперѣ самое незначительное число китайскихъ и маньчжурскихъ солдатъ, относящихъ свою службу при цзянь-цзюнѣ, въ званіи его ординарцевъ, и при мѣстныхъ управленіяхъ, въ званіи сторожей и старшихъ разсылныхъ. Для доставленія этому населенію необходимыхъ жизненныхъ удобствъ при крѣпости издавна уже образовалась особая торговая слобода, носящая общее названіе маймачѣна. Такимъ образомъ Улясутай раздѣляется на двѣ части: въ первой—собственно улясутайской крѣпости сосредоточены постоянныя присутственныя мѣста и живетъ часть китайскаго войска; вторая часть—улясутайскій маймачѣнъ—находится отъ крѣпости на разстояніи версты и отдѣляется отъ нея теченіемъ рѣки Чжагастѹ-гѡла.

Улясутайская крѣпость стоитъ почти прислїяніи рѣкъ Чжагастѹ-гѡла и Богдѣйнъ-гѡла; послѣдняя рѣка встарину носила названіе Улясутайнъ-гѡла и на китайскихъ картахъ донинѣ рисуется еще съ этимъ именемъ; но въ дѣйствительности это имя теперь на столько забыто, что рѣдкіе монголы могутъ отвѣчать на вопросъ, которая изъ рѣкъ называлась Улясутай, и существовала ли здѣсь когда-либо такая рѣка. Почву, на которой стоитъ Улясутай, вѣрнѣе назвать песчаною, подъ нею же начинается мелкій камень, или, какъ говорятъ здѣсь русскіе, дресва. Послѣ вышепредставленной мною выписки изъ лѣтописи, могущей дать понятіе о внѣшнемъ видѣ и стѣнахъ Улясутайской крѣпости, я считаю излишнимъ повторять

снова описаніе ея наружности; дополню только, что частоколь, образующій крѣпостныя стѣны, былъ исправленъ въ послѣдній разъ въ 1880 году, когда была исполнена перестройка и многихъ другихъ крѣпостныхъ зданій. Такимъ образомъ, посѣтивъ теперь уясутайскую крѣпость, я нашелъ здѣсь значительно измѣнившимися и улучшенными и зданія присутственныхъ мѣстъ, и жилища великаго цзянь-цзюня, и дворы амбаней, и нѣкоторыя кумирни. Всѣ эти перестройки были совершены благодаря инициативѣ и самому дѣятельному участию въ этомъ дѣлѣ тогдашняго монгольскаго амбана Далай-вана сайнъ-нойновскаго аймака. Внутри уясутайской крѣпости расположеніе всѣхъ этихъ зданій представляется намъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Вступивъ въ главныя, южныя крѣпостныя ворота, наблюдатель тотчасъ же видитъ себя на обширномъ, огороженномъ рогатками дворѣ, для выхода изъ котораго въ крѣпостныя улицы имѣется еще трое воротъ, впрочемъ, съ однѣми только верями и безъ закрывающихся воротныхъ полотень. Первые изъ этихъ воротъ, прямо противулежація южнымъ крѣпостнымъ воротамъ, ведутъ во дворъ присутственныхъ мѣстъ и главной крѣпостной кумирни; вторыя, на лѣво, — во дворъ великаго цзянь-цзюня; третьи, на право, — во дворъ маньчурскаго амбана. Передъ каждымъ изъ этихъ воротъ, по общему обычаю китайцевъ, находится деревянный щитъ, въ видѣ устроенной противъ воротъ стѣны, по длинѣ своей равняющейся ширинѣ самыхъ воротъ и находящейся въ растояніи не больше сажени отъ прохода въ ворота. Направляемся въ первыя ворота, ведущія къ присутственнымъ мѣстамъ. У самаго прохода въ нихъ въ четырехугольныхъ деревянныхъ поставцахъ висятъ по одну сторону — большая чугунная доска, а по другую — родъ турецкаго барабана. Назначеніе этихъ приборовъ состоитъ въ томъ, чтобы, по звукамъ ихъ, въ пору опасности, собирать военное населеніе крѣпости для ея защиты. Переступивъ за эти ворота и обогнувъ щитъ, входишь въ первый дворъ присутственныхъ мѣстъ, на которомъ вытянуты съ юга на сѣверъ продолговатыя одноэтажныя зданія, воздвигнутыя изъ дикаго кирпича, по правой — сторонѣ монгольскаго ямуна, а по лѣвой — крѣпостнаго казначейства. Первое изъ нихъ не отмѣчается никакой вывѣской, хотя въ былые годы, несомнѣнно, имѣло таковую; надъ дверями же втораго мы прочитали слѣдующую надпись на языкахъ монгольскомъ и маньчжурскомъ:

ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ

ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ

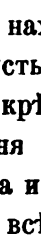
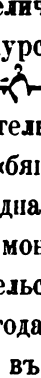
обѣ онѣ одинаково обозначаютъ: «казначейское управленіе военной крѣ-
пости». Поднявшись на три порѣжка, съ этого двора вступаешь въ ворота,
ведущія во второй дворъ. Эти ворота представляютъ собою уже цѣлое
одноэтажное зданіе въ три цзяня величиною, изъ коихъ срединный цзянь,
открытый и проходной, представляетъ собою собственно ворота, а въ бо-
ковыхъ цзяняхъ располагаются складочные магазины. Мѣстонахождение
здѣсь складовъ легко опредѣлить по вывѣскамъ, ибо надъ дверью съ пра-
вой стороны находится маньчжурская надпись , т. е. «кла-
довая для серебра», а надъ дверью съ лѣвой стороны:
т. е. «кладовая для шелковыхъ матерій». Двери той и другой кладовой
заперты громадными висячими китайскими замками, съ выгравированными
на нихъ китайскими іероглифами 信年萬, т. е. «вѣрь десять тысячъ
лѣтъ». — Внутри этого втораго двора находятся также два ямуня, а именно,
по лѣвой, западной сторонѣ, ямунь, отмѣчаемый вывѣскою

что значить: «внутреннее управленіе военной крѣпости», вывѣска же вто-
раго ямуня по правой, восточной сторонѣ, гласить, что это

т. е. «войсковое управленіе военной крѣпости». Внутреннее устройство
зданій всѣхъ этихъ четырехъ управленій, за исключеніемъ лишь незначи-
тельнаго отличія, замѣчаемаго въ «доргѣ ямунѣ» (внутреннемъ управленіи),
совершенно одинаково. Каждое зданіе обращено дверями и окнами во дворъ
и, имѣя величину 4 цзяней, раздѣляется внутри на четыре комнаты. Пер-
вая комната со входа назначается для дежурныхъ писцовъ. У противупо-
ложной входнымъ дверямъ стѣны этой комнаты расположенъ большой камъ,
на которомъ стоитъ столъ съ посланными по бокамъ его олбками. Это
мѣста дежурныхъ писарей. Здѣсь же, на особомъ столѣ, передъ каномъ,
стоятъ заключенная въ ящикъ подъ замкомъ и сверхъ того обернутая
еще кускомъ шелковой матеріи печать учрежденія, ящикъ для храненія
киновари и чернильница для письма. По стѣнамъ развѣшаны тетради
реестровъ для записи входящихъ и исходящихъ бумагъ, а на кану цѣлая
груда бумагъ, находящихся въ данное время въ дѣлопроизводствѣ. Ком-

ната эта обыкновенно очень грязна и неприглядна. Вправо отсюда еще грязнѣе и непригляднѣе комната для помѣщенія сторожей, а влѣво двѣ комнаты—одна для канцеляріи учрежденія, а другая представляет собою залъ для засѣданій главноначальствующихъ тѣмъ или другимъ учрежденіемъ. Комната, назначаемая для канцеляріи, убранствомъ совершенно походитъ на первую со входа комнату дежурныхъ, только въ ней не одинъ, а два кана, расположенные по стѣнамъ, сѣверной и южной; на одномъ изъ нихъ работаютъ два штатныхъ переводчика: одинъ—для перевода бумагъ на монгольскій языкъ съ языка китайскаго, а другой—съ маньчжурскаго и обратно; на другомъ канѣ назначается мѣсто для двухъ штатныхъ писарей. За этою канцеляріею слѣдуетъ третья и послѣдняя комната засѣданій вышшаго начальства. Здѣсь, вмѣсто двухъ, — три кана, съ обстановкою того же рода, только болѣе изящною и чистою. Каны покрыты краснымъ сукномъ, олбѣки тоже, при олбѣкахъ полагаются высокія четырехугольныя китайскія подушки; столы, вмѣсто просто крашенныхъ, сдѣланы лакированные и проч. Главный канъ, прямо противоположный входной двери, назначается повсюду для сѣдалища двухъ цзургановъ: одного китайскаго и одного монгольскаго; канъ съ лѣвой стороны составляетъ мѣсто для двухъ битхэши (секретарей) изъ китайцевъ, а на правой сторонѣ два мѣста назначаются для «аньтахъ», т. е. гостей, каковыми считаются здѣсь всѣ чиновники, приглашаемые, по нуждѣ, изъ другихъ какихъ-либо учреждений, для участія въ засѣданіяхъ того или другаго изъ ямуней. Относительно особенности въ устройствѣ помѣщенія доргъ ямуня слѣдуетъ сказать, что эта особенность относится лишь до залы засѣданій. Въ этой залѣ, какъ и въ ямуняхъ цзургановъ, председатель и члены совѣта разсаживаются по тремъ стѣнамъ комнаты, но каны, съ ихъ обычнымъ убранствомъ, полагаются здѣсь только на двухъ боковыхъ сторонахъ, на главной же, противоположной входу сторонѣ ставится длинная, широкая, подвижная скамья, а передъ нею такой же широкой, прямой и длинный столъ, подобно тому какъ это бываетъ и въ нашихъ присутствіяхъ. Все это устлано краснымъ сукномъ и, можно сказать, блещетъ своею чистотою. Срединное мѣсто за этимъ столомъ принадлежитъ великому цзянь-цзюню, по правую руку его— мѣсто маньчжурскаго амбана, а по лѣвую — монгольскаго. Скамья, на которой засѣдаютъ они, дѣлается подвижною на тотъ конецъ, что здѣсь случаются засѣданія въ присутствіи не только означенныхъ, но и постороннихъ членовъ, командируемыхъ для рѣшенія разнаго рода вопросовъ то пекинскимъ, то русскимъ правительствомъ. Въ такихъ случаяхъ подвижная скамья убирается и вмѣсто нея ставятся четыре кресла: приѣзжающій обыкновенно садится по лѣвую руку великаго цзянь-цзюня, между нимъ и монгольскимъ амбанемъ. Это мѣсто занималъ здѣсь

нашъ второй драгоманъ пекинской миссiи, А. С. Ваховичъ, будучи командированъ для переговоровъ въ Монголію, въ 1888 г.; его же обыкновенно занимаетъ и ургинскій консулъ, нерѣдко посѣщающій Улѣсутай для рѣшенія тяжёбныхъ дѣлъ русскихъ съ монголами.

На сѣверной сторонѣ описываемаго второго двора присутственныхъ мѣстъ, подобно тому какъ это мы видѣли на первомъ дворѣ, вытянуть продолговатый съ востока на западъ, трехцзяньный байшинъ, съ широкимъ сквознымъ проходомъ черезъ него съ юга на сѣверъ. Зданіе это представляетъ собою также ворота. При входѣ въ нихъ, съ южной, наружной стороны установлены двѣ статуи «ши-цза, или тѣхъ животныхъ, съ которыми соединяется у китайцевъ понятіе о лвъѣ, а внутри самага байшина, т. е. уже въ крытомъ проходѣ воротъ, стоятъ двѣ глиняныя фигуры богатырей, держащихъ въ поводу своихъ боевыхъ коней. Черезъ эти главные ворота, или черезъ находящіяся по бокамъ ихъ калитки, посѣтителі вступаютъ въ особый пустынный дворъ, на которомъ воздвигнута старѣйшая изъ улѣсутайскихъ крѣпостныхъ кумирня Гэсэра, называемаго китайцами Гуань-ди. Кумирня эта построена, какъ и всѣ другія казенныя зданія, изъ сѣраго кирпича и является одноэтажной, хотя высота ея въ полтора раза превышаетъ всѣ остальные байшины. Громадные портики кумирни украшены множествомъ «бянь-э», принесенныхъ въ даръ кумирнѣ, по преимуществу, улѣсутайскими цзянь-цзюнями и хэбэй-амбанями. «Бянь-э», висящая надъ главными, срединными дверями гласитъ 極人世萬 т. е. «вѣчная основа человечества»; съ лѣвой стороны этой «бянь-э» виситъ другая, съ монгольской надписью: т. е. «распространила величіе по гобійской мѣстности», а съ правой стороны виситъ «бянь-э» маньчжурская, съ надписью: «указывающая также на то, что кумирня эта «распространила поразительное величіе» въ мѣстѣ своей постройки. Помимо другихъ подобныхъ «бянь-э», выражающихъ своими надписями похвалу кумирнѣ, есть здѣсь одна изъ «бянь-э», имѣющая уже историческое значеніе. Находящаяся на ней монгольская надпись, съ датою 1832 года нашего лѣтосчисленія, свидѣтельствуетъ, что кумирня Гэсэра со времени основанія ея до этого 1832 года ни разу не была исправляема и пришла въ большую ветхость, а потому въ 12-мъ году правленія Турѣ-гэрэльтѣ (Дао-гуана), соответствующемъ нашему 1832 году, она была исправлена на средства, пожертвованныя монгольскими князьями и ихъ данниками. Тутъ же значатся и имена главнѣйшихъ жертвователей, съ показаніемъ пожертвованной каждымъ изъ нихъ суммы. Надписи эти весьма характеристичны для сужденій объ официальной благотворительности монголовъ и потому мы почитаемъ долгомъ

указать, что на дощечкѣ значатся пожертвовавшими: цзасактү хәнъ, чигүлгану даргà сѣйнъ-нойновскаго аймака и тусалакчй цзянь-цзюни сѣйнъ-нойновскаго и цэцэнъ-хяновскаго аймаковъ—по 10 ланъ серебра; три или четыре цзасакà — по 5 ланъ; чиновники, засѣдающіе въ чжисà, собрали между собою всего 3 лана 5 циновъ; далѣе числятся тусалакчй, мэйрәни и цзаланы разныхъ хошүновъ, жертвовавшіе въ большинствѣ случаевъ по три ланы; Илагүхсанъ-хутухтү пожертвовалъ 4 лана 5 циновъ; Чжалаханцза-хутухтү— 3 лана 5 циновъ; танну-урянхайскіе: мэйрәнь— 2 лана 4 цина; а три, четыре ұхәри-да, всѣ — по 2 лана; всего же по дощечкѣ значится собраннымъ пожертвованій 73 ланы 8 цинъ, т. е. на наши деньги 147 р. 60 коп. серебромъ.

По внутреннему своему устройству, равно какъ и въ своемъ убранствѣ улясутайская крѣпостная кумирня Гэсэра не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и нечѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ китайскихъ капищъ. Въ срединѣ ея помѣщается только три бурхана: Гэсэръ-хана, Эрликъ-хана и идолъ божества огня. Великій цзянь-цзюнь и хэбэй амбани посѣщаютъ кумирню Гуанъ-ди ежемѣсячно по два раза, именно въ 1-е и 15-е число, для совершенія здѣсь поклоненій; кромѣ сего, какъ уже было сказано выше, здѣсь ежегодно приносятся жертвы весною, въ 1-й день новолѣтія и осенью, 1-го числа восьмой луны. Въ дни этихъ годовыхъ празднествъ, чествованіе Гэсэра бываетъ особливо торжественно. За нѣсколько дней изъ казенныхъ стадъ пригоняется большой быкъ, предназначенный въ жертву Гэсэру, а для совершенія этого жертвоприношенія являются рѣшительно всѣ, состоящіе на государственной службѣ улясутайскіе чиновники, какъ китайцы и маньчжуры, такъ равно и монголы. Сборъ чиновниковъ для совершенія чествованія Гэсэра всегда назначается въ доргй ймунѣ, приблизительно около 3 часовъ ночи, и отсюда уже предшествуемое цзянь-цзюнемъ и амбанами чиновничество направляется въ кумирню.

Въ прошлый мой пріѣздъ, во дворѣ этой кумирни содержались склады крѣпостнаго оружія и пороха, для чего здѣсь были устроены особые магазины каменной постройки, и погреба, вырытые внутри зданій тѣхъ же магазиновъ; но теперь эти склады оказались уже уничтоженными, или лучше сказать, переведенными въ другое мѣсто. Вмѣстѣ съ обновленіемъ кумирни Гуанъ-ди, которое было предпринято въ 1881 году по инициативѣ бывшаго монгольскаго амбана, далай-вана сѣйнъ-нойновскаго аймака, Гампйль-дорчжй, въ улясутайской крѣпости начаты были постройкою и спеціальными магазинами для склада оружія, пороха и всякаго рода другихъ боевыхъ принадлежностей. Для помѣщенія ихъ былъ отведенъ большой

участокъ земли, неподалеку отъ западныхъ воротъ крѣпости. Участокъ этотъ нынѣ огороженъ частоколомъ, за стѣнами котораго вытянуты длиннѣйшія одноэтажныя зданія изъ сырцеваго кирпича и въ нихъ опредѣлено было сосредоточить крѣпостныя запасы рѣшительно всѣхъ сортовъ и видовъ. Такимъ образомъ здѣсь хранятся не только всѣ боевыя принадлежности крѣпости, но еще хлѣбъ, заготовляемый на пищу солдатамъ и проч. Разказываютъ, что въ 1881 году въ Улясутаѣ было получено изъ застѣннаго Китая и скорострѣльное оружіе; но сколько его и въ какомъ видѣ хранится оно въ настоящее время, — неизвѣстно.

Какъ истинный буддистъ, далай-ванъ, возводя постройки для ямуней, цейхаузовъ и пакхаузовъ, въ то же время не забылъ украсить улясутайскую крѣпость и буддійскою кумирнею, поновивъ большое буддійское капище Маньчжүшри, построенное на срединѣ сѣверной городской стѣны. О времени первоначальнаго основанія этой кумирни у меня нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, но достовѣрно, что она существовала въ Улясутаѣ еще въ года правленія Цянь-лүна, по крайней мѣрѣ отъ 58 года этого правленія (1796 г.) мы имѣемъ на нее уже историческія указанія. Въ настоящую пору кумирня Маньчжүшри не сохранила въ себѣ ничего стараго, такъ какъ при нашествіи дунганъ въ 1870 г. она была до основанія разрушена и сожжена мятежниками. Года черезъ два послѣ сего она вновь была окончена постройкою, и съ тѣхъ поръ съ наружной стороны она представляетъ собою обыкновенный байшинъ, обмазанный глиною, особенность же ея только та, что она возвышается надъ городской стѣною, и къ дверямъ ея ведетъ высокая деревянная лѣстница. Внутренность кумирни Маньчжүшри до настоящей поры почти пустая: недостатокъ средствъ при новомъ сооруженіи ея, побуждалъ въ 1876 году мѣстныхъ буддистовъ послать ламъ за сборомъ подаяній по всей Халхѣ, но, вѣроятно, эти сборы не дали особенно большихъ средствъ, почему во внутренности ея и не было произведено никакихъ улучшеній. Когда я въ 1879 г. посѣтилъ эту кумирню, въ ней имѣлось всего только три и даже не металлическихъ, а деревянныхъ бурхана, изображавшихъ статуи Маньчжүшри, Цаганъ-дара-эхэ и Очиръ-вѣни. Стѣны также далеко не сполна были покрыты рисунками бурхановъ, а вся бібліотека капища состояла изъ большого Юма на монгольскомъ языкѣ; средняго Юма, или сочиненія Хоринъ-табунъ-мингату, сочиненія Банза-рѣкша и Сумбума Чжанчжѣ-хутухты на тибетскомъ языкѣ. Въ періодъ исправленій Далай-вана кумирня была заново облицована кирпичемъ, оштукатурена и окрашена какъ снаружи, такъ и внутри; утварь ея увеличена покупкою новыхъ предметовъ буддійскаго культа; кумиры приобрѣтены металлическіе и т. д. Ламы при кумирнѣ Маньчжүшри, кажется, ни-

когда не жили постоянно и, для совершения хураловъ, всегда собирались изъ различныхъ монастырей улясутайской округи только два раза въ годъ, именно въ 6-й и 9-й лунахъ. То же самое продолжается и теперь съ тою только особенностью, что въ настоящую пору введено въ обычай, чтобы находящійся неподалеку отъ Улясутая монастырь Эбугэнъ-хуръ непремѣнно откомандировывалъ къ совершению вышепомянутыхъ годовыхъ хураловъ отъ 10 до 15 человекъ своихъ ламъ. Помимо сего какъ на особенность кумирни Маньчжүшри слѣдуетъ указать на то, что она назначена спеціально кумирней для совершения въ ней молебствій во всѣ высоко-торжественные, такъ сказать, гражданскіе праздники, каковыми ежегодно является день рожденія богдохана, а засимъ, по временамъ, и другія радостныя, или печальныя государственныя событія. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ торжественные хуралы, по обычаю китайцевъ, совершаются въ теченіе трехъ дней. Къ совершенію ихъ вызывается, по установленію, 12 ламъ; для услуги при совершеніи хураловъ и прислуживанія ламамъ, въ теченіе трехдневнаго проживанія ихъ при кумирнѣ, назначается пять латниковъ, изъ числа улясутайскаго гарнизона (цакдѣ); для принесенія жертвоприношеній отпускается изъ казенныхъ стадъ 10 овецъ, мясо которыхъ должно служить при томъ и пищею для командированныхъ къ отправленію этой службы; для помѣщенія ихъ, по положенію, близъ кумирни Маньчжүшри, ставится одна большая юрта, отопленіе которой производится также на казенный счетъ, и на сей конецъ отпускается три воза дровъ. Отвѣтственность за полную исправность и благолѣпіе на этомъ религиозно-гражданскомъ торжествѣ всегда возлагается на гражданскихъ чиновниковъ, а потому для этой цѣли обыкновенно откомандировывается какой-нибудь изъ монгольскихъ цзасакѳвъ. При совершеніи главнаго жертвоприношенія, въ самый день рожденія богдохана, въ кумирнѣ обязательно присутствуетъ все служащее въ Улясутаѣ чиновничество, которое на этотъ разъ собирается въ ямуиѣ монголь-цзургана, въ парадныхъ костюмахъ, между третью и четвертою ночью стражею (т. е. между 1—3 часами ночи), а съ ударомъ гонга четвертой стражи отправляется въ кумирню предшествуемое цзянь-цзюнемъ и амбанами.

Кромѣ этихъ двухъ большихъ кумирень, въ Улясутайской крѣпости оказались теперь построенными и поновленными еще двѣ кумирни: одна въ честь богини Цаганъ-дара-эхэ, а другая въ честь Аюши. Кумирни эти бѣдны и совершенно пустынные: въ каждой изъ нихъ стоятъ по три глиняныхъ идола, въ ростъ обыкновеннаго человека, жертвенный столъ и кое-какіе деревянные сосуды. Хураловъ въ этихъ кумирняхъ никогда не бываетъ, никто при нихъ не живетъ и охраняются онѣ настолько плохо, что двери

ихъ даже не заперты па замокъ, а просто сдерживаются желѣзной щеколдой; каждый, по желанію, входитъ сюда, помолится, посмотритъ и уходитъ, самъ запирая за собою двери. Если засимъ мы упомянемъ еще объ острогѣ, построенномъ въ Улясутайской крѣпости совершенно по общему типу монгольскихъ зданій этого рода, то тѣмъ и ограничиваются всѣ находящіяся здѣсь общественныя зданія. Въ проѣздъ мой черезъ Улясутай въ 1879 г., здѣсь было еще нѣсколько лавочекъ, открытыхъ чахѣрскими солдатами и торговавшихъ масломъ, свѣчами, бумагою, водкой, пряниками и др. мелочами; но, съ уходомъ чахѣрскихъ и солонскихъ войскъ, не только закрылись эти лавочки, а даже разрушились и глинобитныя бѣйшины, въ которыхъ прежде жили чахѣры. Вообще населеніе Улясутайской крѣпости въ настоящее время значительно сократилось, и жилыя бѣйшины сосредоточиваются главнѣйше въ южной половинѣ, близъ подворій великаго цзянь-цзюня и амбаней. Эти послѣднія устроены совершенно по одному плану и подворье цзянь-цзюня отличается только своею обширностью. Располагаются они на ряду съ ямунами и съ внѣшней стороны имѣютъ большое сходство съ ними. Передъ всѣми подворьями этихъ генераловъ устроены

Внутренній видъ Улясутайской крѣпости и подворья амбаней.

такіе же щиты и ворота, какъ въ ямуняхъ; внутри каждое подворье раздѣляется на три двора, при чемъ въ самомъ дальнемъ изъ нихъ помѣщается тотъ или другой генералъ, занимая какъ главное зданіе, служащее для него официальной залой, такъ и боковыя пристройки, гдѣ собственно проходитъ обычная жизнь этихъ вельможъ.

Въ настоящую пору моего пребыванія въ Улясутаѣ стѣны Улясутайской крѣпости, равно какъ ограды нѣкоторыхъ другихъ казенныхъ зданій и наконецъ устроенные по мѣстамъ мостки подлежали новому исправленію. Въ теченіе 10 лѣтъ, протекшихъ со времени перестройки крѣпостной стѣны, она во многихъ мѣстахъ уже сильно попортилась. Земля, насыпанная между двумя частоколами, образующими крѣпостную стѣну, осѣдая, повыперла вкопанные въ землю столбы и высыпалась наружу, образовавъ собою по мѣстамъ уже не стѣну, а скорѣе земляной валъ. Исправленіе такихъ мѣстъ должно было составить первую заботу начальства. Необходимый для сего лѣсъ былъ доставленъ монголами сосѣднихъ хошунъ еще въ прошломъ году и на нашемъ рисункѣ улясутайской крѣпостной стѣны читатели увидятъ его разложеннымъ вокругъ всей стѣны небольшими грудами. Что касается рабочей силы, необходимой для производства работъ, то для выясненія пріобрѣтеній ея мы почитаемъ за лучшее представить переводъ официальной бумаги, которую мы получили въ копіи изъ чжисана, или очереднаго управленія, сѣинь-ноиновскаго аймака. Бумага эта составляетъ предписаніе цзянь-цзюня чжисану и отъ слова до слова гласитъ слѣдующее: «Нынѣ, для исправленія крѣпостной стѣны и мостовъ здѣшняго города, необходимо выставить солдатъ мѣстнаго гарнизона (ᠰᠢᠵᠢᠰᠠᠨ ᠶᠡᠨ ᠰᠠᠨᠠᠭᠢ); а посему, извѣщая о семъ вашъ чжисанъ, предлагаю поручить тусалакчи мѣстнаго гарнизона откомандировать изъ числа гарнизонныхъ чиновъ и солдатъ одного цзангйна и 15 латниковъ и, снабдивъ ихъ палатками и провіантомъ, обязать ихъ собраться въ нашѣмъ ямунѣ утромъ 8-го числа сего мѣсяца. Всякое замедленіе воспрещается. — Отправлено 7-го числа 7-й луны». — Нѣтъ нужды говорить, что солдаты должны произвести это исправленіе по обязанности отбыванія казенной службы и не получать за свой трудъ никакого вознагражденія.

Выступивъ изъ воротъ улясутайской крѣпости и направляясь въ торговую слободу Улясутая, наблюдатель увидитъ тамъ и сямъ разбросанныя группы кочевыхъ юрть; это будутъ все отдѣльныя центральныя управленія монголовъ. Первымъ изъ нихъ по степени своей важности будетъ «чжиса цзянь-цзюня», или очередное управленіе халхаскихъ цзянь-цзюней, изъ котораго расходятся всѣ главнѣйшія распоряженія по управленію Халхи, какъ исходящія изъ Пекина, такъ и отъ главнѣйшаго представителя пекинской власти въ Халхѣ, улясутайскаго великаго цзянь-цзюня. Далѣе будетъ слѣдовать «Албану-мал'унь-чжиса», т. е. очередное управленіе казенными стадами, содержимыми халхаскимъ правительствомъ ради стратегическихъ и административныхъ цѣлей и выпасываемыми какъ вблизи Улясутая, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Халхи. За нимъ по-

слѣдуютъ три отдѣльныя группы юртъ, посящія общее названіе «гурбунъ-аймагунъ-чжиса», т. е. очередное управленіе трехъ аймаковъ: туштѣту-хана, сѣинъ-нойна и цзасакту-хана, каждый изъ которыхъ постоянно содержитъ въ Улясутаѣ представителей своей власти, главнымъ образомъ для разбора возникающихъ въ Улясутаѣ дѣлъ своихъ людей. Еще далѣе будетъ слѣдовать «цакдѣ-цэригунъ-чжиса», т. е. очередное управленіе улясутайскаго гарнизона и наконецъ «цѡхоръ-ѡртѡнэй-чжиса», т. е. очередное управленіе состоящимъ при канцеляріи улясутайскаго цзянь-цзюня почтовымъ отдѣломъ. Такъ какъ трактатъ о внутреннемъ составѣ этихъ учреждений, по составленному мною плану, долженъ войти въ III томъ настоящаго труда, то я ограничусь здѣсь лишь замѣткой, что съ внѣшней стороны всѣ эти учрежденія весьма походятъ другъ на друга: каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ отъ трехъ до шести юртъ, служащихъ помѣщеніемъ, во-первыхъ, для канцеляріи учрежденія, во-вторыхъ, для ея архива и, въ-третьихъ, для самихъ служащихъ въ учрежденіи чиновниковъ.

Когда развилась при улясутайской крѣпости торговля, или иначе, когда получилъ свое начало улясутайскій маймачѣнъ, на это мы не находимъ никакихъ указаній ни въ лѣтописяхъ монголо-китайскихъ, ни въ сказаніяхъ путешественниковъ; тѣмъ не менѣе, едва ли можно ошибиться, сказавъ просто на основаніи житейскихъ соображеній, что по времени своего существованія онъ ровестникъ самой Улясутайской крѣпости. По своей обширности, торговый городъ въ Улясутаѣ за послѣднее 15-лѣтіе значительно увеличился, тѣмъ не менѣе онъ до настоящей поры не составляетъ собою и половины ургинскаго. Снаружи городокъ не обнесенъ стѣнами, какъ это сдѣлано собственно въ торговой, китайской части ургинскаго маймачѣна и подобно тому, какъ въ слободѣ ургинскаго маймачѣна, ограды жилыхъ дворовъ походятъ здѣсь на наружныя стѣны города. Весь улясутайскій маймачѣнъ представляетъ собою группу домиковъ, численностью доходящихъ теперь, можетъ быть, до 180—200, и расположенныхъ по пяти улицамъ. Три изъ нихъ возникли лишь за послѣдніе годы и являются совершенно пустынными, представляя собою одни заборы; поэтому можно сказать, что городская жизнь сосредочивается здѣсь только на двухъ старыхъ улицахъ, почти сплошь занятыхъ торговыми помѣщеніями.

По своему положенію эти старыя улицы совершенно указываютъ своими концами страны свѣта и взаимно пересѣкаются крестъ на крестъ: главная улица тянется съ востока на западъ, второстепенная съ юга на сѣверъ. Внѣшнимъ своимъ видомъ онѣ довольно сходны между собою, являясь одинаково занятыми непрерывнымъ рядомъ торговыхъ помѣщеній: обѣ одинаково узки, одинаково не ровны, избиты, грязны, а въ пору дождей

одинаково непроходимы, такъ какъ грязь на нихъ растворяется на глубину по крайней мѣрѣ четверти аршипа, а то и болѣе. Въ главную улицу май-

Улица въ Улясутайскомъ маймачѣнѣ.

мачѣна со стороны крѣпости, т. е. восточной, ведутъ деревянныя ворота; на западномъ концѣ ея такихъ воротъ не имѣется, за то въ самой срединѣ города находится ихъ трое, именно въ точкѣ взаимнаго пересѣченія улицъ: однѣ ведутъ съ востока на западъ, другія — съ юга на сѣверъ, третья ворота построены на улицѣ, пересѣкающей городское пространство съ сѣвера на югъ и находятся не болѣе какъ въ саженьяхъ 50 отъ помянутыхъ воротъ, стоящихъ на перекресткѣ улицъ.

Самыми обширными постройками въ маймачѣнѣ должно признать два, такъ называемыхъ «дѣня». Въ переводѣ съ китайскаго «дѣнь» означаетъ постоянный дворъ, и помянутыя зданія дѣйствительно имѣютъ значеніе постоянныхъ дворовъ, только существуютъ они на совершенно другихъ условіяхъ отъ нашихъ. Говорятъ, что улясутайскіе дѣни основаны по образцу заведеній подобнаго рода въ Хүхү-хотѣ и что первоначально они и устроены были выходцами изъ этого послѣдняго города. Свѣдѣніе это весьма вѣроятно, ибо изъ двухъ существующихъ дѣней одинъ и донинѣ принадлежитъ компаніи хүхү-хотѣскихъ торговцевъ-китайцевъ. До нашествія дунганъ въ Улясутаѣ существовалъ одинъ только дѣнь, на главной торговой улицѣ города, въ подворьи, которое впоследствии, въ періодъ 1870-хъ годовъ, было занято торговыми помѣщеніями русскихъ купцовъ. Дѣнь этотъ принадлежалъ хүхү-хотѣскому китайцу. Послѣ дунганскаго погрома тотъ же ста-

рый содержатель дѣня, постоялаго двора, открылъ его снова, но на этотъ разъ уже компаніей изъ четырехъ торговцевъ, по происхожденію принадлежавшихъ также городу Хухү-хотò. Компанія эта составила на общихъ основаніяхъ китайскихъ торговыхъ обществъ; точнѣе, по ихъ условіямъ, вырученные проценты составляли нарощеніе общаго, нераздѣльнаго капитала, а по частямъ они должны были распредѣляться согласно суммѣ, внесенной каждымъ компаньономъ. При такомъ условіи распредѣленія дохода, годовая выручка ни къ одному изъ компаньоновъ не попадала въ руки вся, даже въ предѣлахъ его собственной доли. Составляя, какъ было сказано выше, нарощеніе общаго и, на срокъ заключенія контракта, нераздѣльнаго капитала, она оставалась въ общей кассѣ; при необходимости, она могла переходить наслѣдственно отъ отца къ сыну, внуку и т. д., но никогда не могла быть выдана на руки вся, въ виду могущаго быть отъ этого ущерба цѣлому обществу. Вкладчику-компаньону ежегодно выдавалось только пятьдесятъ ланъ серебра на содержаніе, да и то въ такомъ лишь случаѣ, если выручка, за исключеніемъ затратъ на необходимыя улучшенія и поправки, превышала сказанную сумму. Такимъ образомъ, предположимъ, что общественный капиталъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по веденію дѣла, давалъ чистаго барыша 600 ланъ, и что, пропорціонально взносу каждого компаньона, эта выручка распредѣлялась на такія доли: для перваго 180 ланъ, для втораго 160, для третьяго 140, для четвертаго 120. Ни одинъ изъ компаньоновъ этой доли своей не получалъ сполна, и каждому изъ нихъ выдавалось только 50 ланъ, остальные же деньги составляли нарощеніе общаго капитала, а въ частности, капиталъ перваго увеличивался 130-ю ланами, втораго 110-ю и т. д. Завѣдываніе дѣлами компаніи вели поочередно сами компаньоны, мѣняясь чрезъ каждые три года; при этихъ смѣнахъ обыкновенно происходилъ и общій счетъ оборотовъ, суммъ и имуществъ дѣня. Какъ постоялый дворъ, дѣнь служилъ мѣстомъ останова и продажи товаровъ для китайскихъ торговцевъ, прїѣзжавшихъ на временную торговлю въ Улясутай изъ внутренняго Китая, Хухү-хотò и Калгана. Главнѣйшіе товары, которые въ этихъ случаяхъ привозились китайцами, изъ Хухү-хотò были: толстый кирпичный чай (мѣсто въ 39 кирпичей); столбовый чай; цвѣтныя: дѣлянбу, дѣбу и китайка; мука, рисъ, свинное мясо и рыба; изъ Калгана: кирпичный чай (въ 27 кирпичей мѣсто); дѣлянбу, дѣбу и близъ американскихъ издѣлій; вино разныхъ родовъ, какъ-то: ханьшинъ, или шаопцю, мэй-гу-лю, у-чжа-пй, напитокъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ дарасуна, разные роды постнаго масла, курительный и нюхательный табакъ и пр. Прїѣзжая въ дѣнь, китайскій купецъ получалъ здѣсь комнату съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; товары свои сдавалъ на руки хозяину

дѣня и въ то же время заключалъ съ нимъ условіе о томъ, самъ ли онъ, пріѣхавшій, будетъ продавать свои товары, или же поручаетъ это дѣло дѣню. Продажу товаровъ дѣнь принималъ на себя безмездно: иначе сказать, продавался ли товаръ самимъ пріѣхавшимъ купцомъ, или о распродажѣ ихъ заботился дѣнь, — хозяину дѣня, по обычаю, платилась одна и та же сумма: онъ получалъ два фына съ cadaго лана вырученнаго серебра; вотъ почему всякая продажа изъ дѣня, кѣмъ бы ни была она совершена, хозяиномъ ли товара, или содержателемъ дѣня, непременно записывалась въ конторѣ постоялаго двора. Такимъ образомъ, платою двухъ фыновъ съ одного лана для пріѣхавшаго торговца окупались, во-первыхъ, квартира съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; во-вторыхъ, складъ товаровъ; въ-третьихъ, храненіе ихъ, и наконецъ, въ-четвертыхъ, по желанію, самая продажа ихъ. Сверхъ сего, пріѣзжавшій платилъ постоялому двору еще за свое содержаніе пищею, то-есть, за обѣдъ и ужинъ cadaго дня. Плата эта считалась за всѣ прожитые дни безъ вычета, полагая по четыре цѣна въ день; ею, однако, не окупались чай и все необходимое къ нему, — за все потребное по сему предмету полагалась особая плата. Такимъ образомъ, самая дешевая плата, повидимому, приходилась за складъ, храненіе и хлопоты по продажѣ товаровъ. Замѣтимъ при этомъ, что если пріѣзжавшій купецъ желалъ самъ продавать свои товары, то дѣнь обязывался въ счетъ тѣхъ же двухъ фыновъ съ лана какъ отвозить проданное, такъ и привозить пріобрѣтенное пріѣзжимъ иногороднымъ торговцемъ. Несмотря на такіа выгодныя условія, изъ опыта оказывалось, что большинство пріѣзжавшихъ хозяевъ поручало продавать свои товары дѣню, и въ этомъ они находили главнымъ образомъ тотъ расчетъ, что товары ихъ распродавались скорѣе, убытковъ же отъ сего пріѣзжавшіе никакихъ потерпѣть не могли, ибо товары ни въ какомъ случаѣ не могли быть проданы ни выше, ни ниже цѣнъ, существовавшихъ въ каждое данное время на биржѣ. Распродажа товаровъ дѣнемъ совершалась скорѣе, потому что хозяинъ дѣня, какъ мѣстный житель, естественно былъ болѣе знакомъ съ людьми. Получивъ отъ пріѣхавшаго право продавать товары, онъ сбывалъ ихъ не только на деньги, но и отдавалъ въ долгъ знакомымъ мелочнымъ торговцамъ, имѣвшимъ кочевую торговлю по степи. Эти отпуски въ долгъ всегда совершались завѣдомо для пріѣхавшаго хозяина товаровъ, при чемъ поставлялся также срокъ уплаты, котораго послѣдній и обязанъ былъ дожидаться. Уплата за товаръ въ большинствѣ случаевъ производилась произведеніями монгольской страны, какъ-то: кожей коровьей и лошадиной, мерлушкой, овчиной, конскими хвостами, верблюжьей и овечьей шерстью, грибами и пр.; цѣны на все это получаемое сырье заусловливались, конечно, еще при сдачѣ мелкому торговцу въ долгъ

товаровъ. Въ случаѣ непредставленія рекомендованнымъ отъ дѣня кредиторомъ уплаты къ сроку, хозяева дѣня, какъ поручители, обязывались заплатить за все или чистымъ серебромъ, или товаромъ, по условію. Таковы основы, на которыхъ существовалъ первый торговый постоянный домъ въ Улясутаѣ. Какъ было уже сказано, въ городѣ ихъ существуетъ теперь два: первый — Ю-хунъ-дѣнь, второй, образовавшійся годомъ послѣ него, носятъ прозваніе Батуръ-дѣня. О послѣднемъ въ Улясутаѣ разказываютъ, что онъ основанъ на русскія деньги и это весьма правдоподобно. Обстоятельства были слѣдующія. Въ 1869 г. хозяинъ Батуръ-дѣня жилъ въ Улясутаѣ. Сначала онъ былъ мелочнымъ торговцемъ, но потомъ проторговался и занялъ какую-то мелкую должность на государственной службѣ въ Улясутайской крѣпости. Въ маймачѣнѣ онъ имѣлъ свой домъ или, лучше сказать, подворье, которое и сдавалъ подъ квартиры и лавки русскимъ купцамъ, въ то время впервые пріѣхавшимъ въ Улясутай вмѣстѣ съ консуломъ Павлиновымъ. Когда дунгане разгромили Улясутайскую крѣпость, Павлиновъ, занимавшій квартиру въ срединѣ ея, перешелъ въ подворье русскихъ купцовъ и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ изъ Улясутая на семи верблюдахъ. При такомъ незначительномъ количествѣ подводъ, наши торговцы могли взять съ собою только серебро и необходимые дорожные припасы; что же касается товаровъ, которыхъ было на сумму свыше 30,000 руб. сер., то всѣ они были оставлены въ Улясутаѣ, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ. По выѣздѣ русскихъ, хозяинъ дома, который былъ ими занятъ, воспользовался покинутыми товарами и мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Пекинъ. Черезъ полгода онъ возвратился, поправилъ старыя зданія въ своемъ домѣ, построилъ новую ограду и открылъ нынѣ существующій Батуръ-дѣнь. Условія, на которыхъ останавливаются и ведутъ свои дѣла въ этомъ дѣнѣ проѣзжающіе, тѣ же самыя, какія были приняты и въ торговомъ постоянномъ дворѣ Ю-хунъ.

Этотъ Батуръ-дѣнь представляетъ собою въ настоящую пору безспорно самое богатое и самое обширное торговое учрежденіе въ Улясутаѣ. Постройками своими это подворье занимаетъ, можно сказать, весь сѣверо-восточный уголъ маймачѣна и въ общемъ представляетъ обширный кварталъ, обнесенный одною оградю. Вступивъ въ главныя, южныя ворота этой ограды, вы тотчасъ же видите передъ собою зданіе, вродѣ продолговатой четырехугольной бесѣдки, или, пожалуй, просто сарая, наружная, южная сторона коего совершенно открыта и представляетъ собою одинъ обширный навѣсъ. Въ глубинѣ этого помѣщенія, прямо передъ воротами, стоитъ кумирь «ту-ди», который, кажется, лучше всего можетъ быть названъ ларомъ, такъ какъ «ту-ди» изображаетъ собою генія, покровителя того про-

странства, на которомъ стоитъ зданіе подворья. Для постановки этого кумира назначено собственно и все это зданіе, но какъ занимаемое зда-

Общій видъ внутренности Бѣтурь-дѣня.

ніемъ пространство весьма обширно, то подъ навѣсомъ его нерѣдко складываются и разные, привозимые въ дѣнь товары, равно какъ домашняя и дворовая утварь дѣня. Этимъ стоящимъ прямо передъ воротами зданіемъ внутренность постоялаго двора раздѣляется на три части, при чемъ часть, соприкасающаяся самому зданію и находящаяся позади онаго, отведена подъ складъ имущества и различныя угоды экономіи дѣня, а съ противолежащихъ ей сторонъ выстроены совершенно отдѣльные дворики, отводимые подъ помѣщенія, отдаваемые пріѣзжимъ купцамъ. Такихъ двориковъ во всемъ подворьи имѣется до 30 нумеровъ и въ общемъ они представляютъ собою какъ бы двѣ отдѣльныя улицы, проходящихъ по западной и восточной сторонамъ дѣня. Обращаясь къ описанію первой, срединной, собственно хозяйской части Бѣтурь-дѣня, мы должны сказать, что и она также точно раздѣляется на отдѣльные маленькіе дворы, въ которыхъ сосредоточены помѣщенія для всѣхъ статей гостинничнаго хозяйства. Такимъ образомъ на одномъ дворѣ мы видимъ здѣсь складъ дровъ и угля; на другомъ — телѣжный сарай, со множествомъ повозокъ самыхъ различныхъ типовъ; на третьемъ — складъ матеріаловъ, служащихъ для укупорки разнаго рода привозимыхъ и отправляемыхъ товаровъ; еще далѣе будутъ слѣдовать отдѣльные скотные дворы, для лошадей, муловъ и ословъ; особо отъ сего помѣщается кузница постоялаго двора и наконецъ цѣлыя десятки двори-

ковъ, закоулковъ и сараевъ, заваленныхъ ящиками, корчагами, бочками и проч. Все это предметы, принадлежащія экономіи постоялаго двора и необходимые въ его сложномъ хозяйствѣ. Особо отъ этихъ дворовъ, но въ одну линію съ ними располагаются еще жилища прислуги дѣня, которой экономія постоялаго двора содержитъ у себя очень много: одни говорили мнѣ — 80 человѣкъ, другіе — около 100.

Что касается дворишковъ, отдаваемыхъ въ наемъ для помещенія приѣзжающихъ, то всѣ они построены по одному образцу. Со стороны общаго двора дѣня они не имѣютъ у себя воротъ для проѣзда экипажей, а лишь двустворчатыя калитки на столько однако широкія, что въ нихъ можно проести всякаго рода тюки и громоздкія вещи. Вступивъ въ такую калитку,

Наружный видъ квартиры въ уяйсутайскомъ дѣнѣ.

вы видите передъ собою совершенно отдѣльный дворикъ, длиною саженой въ двѣнадцать, а шириною сажени въ три, или нѣсколько болѣе. Въ глубинѣ его находится главное зданіе, обыкновенно въ три цѣнья. — Это помещеніе для приѣзжаго торговца, всегда раздѣляющееся на три, рѣдко на двѣ комнаты, изъ коихъ одна представляетъ собою торговую контору, а другія являются жилыми. По бокамъ отъ этого зданія, протягиваясь по обѣимъ сторонамъ дворика, возвышаются еще двѣ постройки, изъ коихъ одна, направо, всегда представляетъ собою глинобитный сарай, а другая — налѣво, обыкновенный китайскій, жилой байшинъ. Если торговецъ приѣзжаетъ съ большимъ количествомъ прислуги, онъ отводитъ часть этого

бѣйшина подѣ ея помѣщеніе, а еще чаще устроиваетъ здѣсь складъ привезенныхъ имъ китайскихъ товаровъ; сарай, напротивъ, назначается для ежедневной свалки въ немъ получаемыхъ въ обмѣнъ за проданный товаръ монгольскихъ произведеній, каковы: кожи, шерсть, овчины, конскіе хвосты и проч. Время отъ времени все это приводится въ порядокъ, сортируется, связывается въ тюки и подготавливается къ отправкѣ въ Китай. Такіе связанные тюки, напримѣръ, кожь или шерсти, снова въ сарай уже не возвращаются, а хранятся гдѣ-нибудь въ углу, прямо на дворѣ, будучи прикрыты отъ дождя войлоками, или циновками. Впослѣдствіи я узналъ, что такого рода дворики могутъ сниматъ на время своего пребыванія въ Улясутаѣ и чиновники, почему не мало пожалѣлъ, что мнѣ не пришлось занять одного изъ такихъ помѣщеній, а поселиться въ казенной кумирнѣ, отведенной для меня цзѣнь-цзюнемъ. Жилъ бы я въ дянѣ среди народа, да и содержаніе здѣсь весьма не дорого: занимая полный дворъ, пришлось бы платитъ въ день не болѣе одного лана серебра, или двухъ серебряныхъ рублей со столомъ; между тѣмъ за квартиру въ кумирнѣ китайское чиновничество не полагаетъ никакой платы: приходится дѣлать подарки, стодящіе, конечно, вдвое дороже, и въ то же время чувствовать себя еще обязаннымъ за гостепрїимство.

Послѣ дянѣй лучшія зданія въ Улясутаѣ принадлежатъ лавкамъ пекинскихъ купцовъ, которые и ведутъ болѣе крупную торговлю въ городѣ, хотя въ торговомъ дѣлѣ они здѣсь еще новички, ибо появились уже послѣ дунганскаго погрома. До нашествія хойхѣйцевъ, пекинцы, говорятъ, не торговали въ Улясутаѣ и впервые прїѣхали сюда въ самый годъ дунганскаго нашествія, когда въ разоренный Улясутай не успѣли еще возвратиться потерпѣвшіе здѣсь громадныя убытки ху ху-хотдскіе торговцы. Первая пекинская лавка, потому ли, чтобы ей быть ближе къ покупателямъ, или потому, что на всѣхъ лежалъ еще страхъ набѣга дунганскихъ шаекъ, открыта была въ крѣпости и не ранѣе какъ только черезъ годъ она переселилась въ маймачѣнъ. Вмѣстѣ съ этимъ переселеніемъ число пекинскихъ лавокъ, въ теченіе какихъ-нибудь полутора года, возросло въ Улясутаѣ до десяти. По прїѣздѣ въ городъ, пекинскіе купцы арендовали здѣсь мѣста у прежнихъ улясутайскихъ землевладѣльцевъ и строили дома на свой счетъ, за чтѣ получали право торговать и жить въ этихъ домахъ бесплатно въ теченіе отъ 5—7 лѣтъ; по окончаніи же этого срока, постройки, по условію, должны были принадлежать хозяину мѣста. Когда сроки эти миновались, число пекинскихъ лавокъ въ Улясутаѣ значительно сократилось. Въ маѣ 1879 года въ городѣ оставалось только четыре торговца изъ Пекина, всѣ прочіе оставили свою торговлю въ Улясутаѣ и частію разѣхались по другимъ городамъ (преиму-

щественно уѣхали въ Цончжу, или Гучэнъ и Ургу), а частію измѣнили только городскую торговлю на хошунную и стали торговать, переѣзжая по степи съ одного мѣста на другое. Причиною такого очевиднаго упадка торговли въ Улясутаѣ было съ одной стороны уменьшеніе количества живущихъ здѣсь войскъ, а съ другой — и еще болѣе — обѣдненіе окружныхъ монголовъ вслѣдствіе дунганскихъ грабежей, поборовъ китайскаго правительства и періодически повторявшихся въ то время падежей скота. Въ настоящее время, съ уходомъ изъ Улясутая чахарскихъ и солднскихъ солдатъ, торговля пекинцевъ еще болѣе упала и теперь въ Улясутаѣ остались болѣе видными только три пекинскихъ фирмы, которыя извѣстны здѣсь подъ монгольскими уличными названіями: а) Бэчжинъ-батү, б) Кэшиктү и в) Байнъ-дорчжй. Первыя двѣ изъ этихъ фирмъ, имѣя въ городѣ розничную продажу товаровъ, торгуютъ и оптомъ; послѣдняя ведетъ главнымъ образомъ розничную торговлю въ городѣ и засимъ высылаетъ еще своихъ приказчиковъ въ степь, обосновавши свое главное мѣстопребываніе въ хошунѣ Дургэчй-вана. Съ внѣшней стороны пекинскія лавки въ Улясутаѣ такъ

Внѣшній видъ пекинскихъ лавокъ въ Улясутаѣ.

бѣдны, какъ ни въ одномъ изъ другихъ городовъ Монголіи. Такихъ подво-
рй, какія видѣли мы у нихъ въ Ургѣ, здѣсь не имѣетъ ни одна, и всѣ онѣ

ведутъ свое дѣло, по общему обычаю улясутайскихъ торговцевъ, изъ открытыхъ лавокъ, при которыхъ нѣтъ ни теплыхъ помѣщеній, ни особыхъ конторъ для пріема покупателей. Вся лавка состоитъ изъ одной комнаты, проходъ въ которую на ночь забирается досками. Словомъ, пекинскія лавки отличаются здѣсь отъ другихъ развѣ только своею большею опрятностью. Торгуютъ онѣ, главнымъ образомъ, шелковыми матеріями, каковы: каффы, гранштуры, фанзы, ця-цюй-чоу, мань-чоу и др., имѣютъ и бумажные товары—дѣлямбу, дѣбу, янь-дѣбу, американскую бязь и русскіе ситцы разныхъ цвѣтовъ; продаютъ готовое платье, халаты, курмы, или китайскія кофты съ рукавами, хантазцы, или кофты безъ рукавовъ, зимнія и лѣтнія шапки, сапоги и другія мелочныя принадлежности китайскихъ и монгольскихъ костюмовъ и обыденной жизни, какъ-то: шелковые кисеты, кошельки, мѣдныя и каменныя трубки, мундштуки каменные и стеклянные, такія же табакерки, фарфоровую посуду — блюда, тарелки, чашки и вазы, деревянныя блюда, чашки и пр. Всѣ эти товары пекишцы продаютъ, главнымъ образомъ, на серебро, но берутъ также овчину, мерлушку, козья и коровья кожи и другія произведенія Монголіи. Добытое такимъ образомъ сырье китайцы отправляютъ въ Пекинъ прямымъ путемъ, то-есть, по дорогѣ почтовыхъ станцій изъ Улясутая въ Пекинъ, на Сѣирь-усу. Впрочемъ, этотъ путь избирается довольно рѣдко и гораздо чаще, особливо въ послѣднее время, сырье отправляется съ попутными ящиками до Урги, а оттуда уже направляется на Калганъ. Путь этотъ если и совершается дольше, то во всякомъ случаѣ обходится для китайцевъ выгоднѣе, потому что почти всѣ пекинскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ, имѣютъ свои лавки и въ Ургѣ. Относительно объема и значенія торговли пекинскихъ лавокъ слѣдуетъ сказать, что если въ прошлую свою поѣздку мы замѣчали о невозможности здѣсь конкуренціи съ пекишцами русскихъ торговцевъ, то, при измѣнившихся съ начала 1880-хъ годовъ условіяхъ русской торговли, вскорѣ оказалось наоборотъ, что пекишцы не могутъ уже конкурировать съ русскими. Благодаря широкой пріемкѣ всякаго монгольскаго сырья и всѣхъ видовъ монгольскаго скота въ обмѣнъ на русскія произведенія, наши мелочные торговцы довели дѣло до того, что во второй половинѣ 1880-хъ годовъ по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ окружнаго населенія стени одѣвалось исключительно въ русскія бумажныя ткани. Къ сожалѣнію, слухи, иногда умышленно и сильно преувеличенныя, о падежѣ скота въ Монголіи, начали вызывать собою со стороны русскаго правительства, изъ опасенія заразы, воспрещенія пергона монгольскаго скота въ предѣлы Россіи. Обстоятельство это, лишая нашихъ торговцевъ главнаго предмета ихъ обмѣна, породило собою колебаніе русскихъ успѣховъ, и въ результатѣ въ 1891-мъ

и 1892-мъ годахъ въ окрестностяхъ Улясутая снова возрасла продажа пекинцами американской даянбы и другихъ бумажныхъ товаровъ европейскаго производства.

Богатыхъ лавокъ хуху-хотдскихъ купцовъ и торговцевъ, приѣзжающихъ изъ-за стѣны западнаго Китая, въ Улясутаѣ можно насчитывать до 12-ти. Определить относительную состоятельность ихъ для иностранца, конечно, очень трудно, чтобы не сказать невозможно совершенно; но главнѣйшими изъ этихъ фирмъ признаются: а) Хо-тай-хуй, ведущая въ Улясутаѣ главнымъ образомъ оптовую торговлю; далѣе будутъ слѣдовать б) Синъ-лунъ-хо; лавки, извѣстныя подъ монгольскимъ уличнымъ именемъ в) Битунъ-лосы, г) Байнъ-бобо и д) Юань-хо-танъ. Отъ управляющаго этой послѣдней фирмы я могъ получить болѣе положительныя свѣдѣнія о размѣрѣ ея торговли, достовѣрныя настолько, что онъ прямо развернулъ передо мною оконченную книгу счета оборотовъ за 1891 годъ и показалъ ихъ торговый итогъ, равнявшійся 30,107 ланамъ, т. е. около 60,214 серебряныхъ рублей. Съ наружной стороны хуху-хотдскія лавки въ Улясутаѣ обыкновенно еще бѣднѣе пекинскихъ, и торговля ихъ въ городѣ идетъ по внѣшнему виду значительно тише первыхъ; но за то почти всѣ эти лавки или посылаютъ своихъ приказчиковъ для разъѣздной торговли по степямъ, или же имѣютъ постоянную торговлю при какомъ-либо монастырѣ въ хошунѣ. Товары свои нѣкоторые изъ нихъ привозятъ изъ Хуху-хотд, другія покупаютъ ихъ здѣсь же, въ улясутайскихъ даяняхъ (послѣдній способъ пріобрѣтенія товаровъ относится, конечно, къ менѣе состоятельнымъ). Тѣ, которые ѣздятъ для покупки товаровъ въ Хуху-хотд, по большей части, въ передній путь свой отвозятъ въ Китай собранныя ими при торговлѣ въ кочевьяхъ произведенія монгольскихъ степей, которыя я перечислялъ уже выше; кромѣ того, нѣкоторые хуху-хотдскіе купцы, торгующіе въ Улясутаѣ и степяхъ, занимаются еще и сборомъ скота вообще, а въ особенности барановъ. Подъ этотъ послѣдній продуктъ товары даютъ обыкновенно въ долгъ на годъ, приблизительно въ нашемъ юнѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ собирать барановъ въ маѣ. Въ юнѣ сборъ барановъ оканчивается и въ то же время ихъ отправляютъ въ Хуху-хотд и Калганъ, совершая короткіе и тихіе переходы. Рабочими при этихъ перегонахъ являются исключительно китайцы. Барановъ дѣлятъ на табуны въ 1000 головъ каждый, и на всякій такой табунъ полагается два пастуха. Если въ числѣ полученныхъ за долгъ барановъ попадаются овцы, то ихъ обыкновенно не гонятъ съ баранами на югъ, въ Китай, а оставляютъ здѣсь же въ степяхъ и сдаютъ для содержанія монголамъ, съ условіемъ дѣлить приплодъ пополамъ; другой платы за пастбу и храненіе не полагается. Отъ монголовъ и урянхаевъ, кочующихъ

по Кемчику, хухү-хотдсцы приобрѣтають бѣлку, собирая всего до 30,000 шкуръ ея и оцѣнивая ее по расчету отъ 7 до 8 фынъ за шкурку, при уплатѣ товаромъ. Торгующіе въ мѣстностяхъ по Улѣнь-кѣму, въ окрестностяхъ озера Убса и въ кочевьяхъ дурбѣтовъ, кромѣ помянутыхъ продуктовъ, приобрѣтають еще отъ монголовъ такъ называемую здѣсь круглую пшеницу и ячмень въ зернѣ. Этотъ продуктъ китайцы обрабатываютъ тамъ же, на мѣстѣ, и затѣмъ привозятъ его на продажу въ Улѣсутай въ свои же лавки. Такимъ образомъ, хухү-хотдскіе торговцы Улѣсутая, ведущіе свое дѣло въ Улѣнь-кѣмѣ и у дурбѣтовъ, обзавелись и тамъ своими домами, а также имѣють и мельницы (конныя). Особенную важность представляетъ здѣсь приготовленіе такъ называемой у монголовъ «болосднъ гуриль» (изготовленная мука), выдѣлываемой изъ ячменя. Зерна ячменя предварительно поджариваются, а затѣмъ ихъ перемолываютъ, отъ чего получается пережаренная мука, которую монголы расходуютъ въ большомъ количествѣ какъ приправу къ чаю, а иногда кладутъ и въ бульонъ. У дурбѣтовъ улѣсутайскіе торговцы приобрѣтають также значительное количество верблюдовъ и лошадей; тѣхъ и другихъ китайцы прогоняють для продажи тоже въ Хухү-хотд. Съ конца 1878 года хухү-хотдсцы начали привозить въ Улѣсутай сѣянную крупчатку и просяную муку изъ Цончжү. Подобные привозы до возстанія дунганъ совершались постоянно, и тогда мука стоила около трехъ фынъ за китайскій фунтъ; въ періодъ борьбы съ дунганами привозъ муки совершался, главнымъ образомъ, изъ Кяхты, и тогда цѣны ея возросли до 7 и 8 фынъ за тотъ же китайскій фунтъ. Въ началѣ 1879 г. мука стояла въ Улѣсутаѣ въ цѣнѣ отъ 4½ до 5 фынъ: пониженіе это произошло однако не столько вслѣдствіе привоза муки изъ Цончжү, сколько вслѣдствіе того, что прекратился вывозъ хлѣба изъ Улѣсутая въ военные лагеря и уменьшилось количество китайскихъ войскъ въ западныхъ предѣлахъ великаго дайцинскаго государства. Обычная крупчатка лучшаго сорта продается въ настоящую пору у китайцевъ по 7 фынъ за гинъ, хотя по временамъ доходить и до 9 фынъ.

За симъ остаются мелочные торговцы, о которыхъ говорить почти нечего: лавки ихъ такъ ничтожны, что можно только удивляться, какимъ образомъ живетъ и пропитываетъ себя человекъ этою торговлею. Два, три пояска, два, три аршина дабу, или аршинъ плису, развѣшанные на веревочкахъ подъ потолкомъ лавки, нѣсколько старыхъ гвоздей и обломковъ желѣза на прилавкѣ, изорванная узда, клочекъ ремня отъ повода — вотъ весь товаръ, на выручку съ котораго долженъ существовать торговецъ, да иногда еще и не одинъ, а съ сыновьями или братьями; а между тѣмъ за одну квартиру съ лавкой онъ платитъ около 1½ лана въ мѣсяцъ, содер-

жаніе же въ Улясутаѣ едва ли кому можетъ обойтись дешевле трехъ лань.

Чтобы закончить за симъ разказъ объ улясутайской торговлѣ, нужно добавить нѣсколько словъ о торговлѣ проживающихъ здѣсь монголовъ. Они торгуютъ, главнымъ образомъ, мясомъ. Монгольъ покупаетъ барана, разрѣзываетъ его на куски и продаетъ такъ, что мясо окупаетъ ему барана, а въ барышахъ у него остаются внутренности, голова, копыта и кожа. Такихъ торговцевъ въ Улясутаѣ множество, и видѣть ихъ на улицахъ можно съ ранняго утра и до поздней ночи. Мясо они развѣшиваютъ по оградямъ дворовъ, раскладываютъ на голой землѣ, носятъ на своихъ голыхъ плечахъ по улицѣ, вообще о чистотѣ продукта они въ этомъ случаѣ не заботятся. По временамъ можно видѣть привезеннымъ и разрѣзаннымъ на части быка — это уже конечно не убитый, а издохшій и иногда на нѣсколько сажений распускающій отъ себя довольно не ароматичный запахъ. Съ подобною торговлею монголы являются въ городъ обыкновенно изъ степи, такъ какъ въ самомъ Улясутаѣ ни быковъ, ни коровъ никто не содержитъ. Изъ степи привозятъ также и молоко; лѣтомъ бутылка его стоитъ около одного цѣна серебра, зимою же молоко продаютъ только замороженное — кругами. Кругъ, имѣющій въ поперечникѣ $\frac{1}{2}$ аршина, и вершка въ $1\frac{1}{2}$ толщиною, стоитъ приблизительно отъ 3-хъ—4-хъ цинь. Лѣтомъ монголы разносятъ также для продажи кумысъ въ большихъ кувшинахъ, ведра по три; стбитъ такое количество кумысу отъ 6-ти до 8-ми цѣновъ.

По обычаю всѣхъ вообще китайско-монгольскихъ городовъ, въ Улясутаѣ, на ряду съ лавками, живутъ и ремесленники, при чемъ лавка, занимаемая ими, обращается въ мастерскую. Всѣ ремесленники въ Улясутаѣ по происхожденію китайцы и пріѣзжаютъ большею частию изъ Хухү-хотѣ съ исключительною цѣлью заниматься каждый своимъ ремесломъ. Впрочемъ, работы здѣсь особливо для кузнецовъ весьма мало, развѣ нужно будетъ для какого-нибудь китайца подковать лошадь на безшипную китайскую подкову, или спаять какую-либо испортившуюся вещь. Новыхъ издѣлій никакихъ не производится, вѣроятно, по недостатку матеріала для выдѣлки, такъ какъ желѣза и мѣди здѣсь нѣтъ, для всякаго же рода подѣлокъ кузнецы пріобрѣтаютъ и перековываютъ старье. Гораздо болѣе дѣятельности находятъ столяры и плотники: кромѣ домашней утвари и гробовъ для китайцевъ, они работаютъ еще для монголовъ двери къ юртамъ, кровати, кадушки, кувшины, извѣстные подъ именемъ хобуновъ и проч. Лѣсъ нѣкоторые изъ ремесленниковъ, болѣе бѣдные, покупаютъ, состоятельные же, то есть, имѣющіе у себя работниковъ, сами ѣздятъ для заготовленія матеріала верстъ за 40 отъ города; иные почти цѣлое лѣто проживаютъ такимъ

образомъ въ лѣсу и занимаются единственно заготовленіемъ матеріала, который потомъ обдѣлываютъ зимой и продаютъ въ городѣ. Для вывоза изъ лѣса приготовленныхъ плахъ и тѣса нанимаютъ преимущественно монголовъ, такъ какъ китайцы вообще весьма мало занимаются перевозкою тяжестей. Эти же лѣсовщики готовятъ бревна и тѣсъ на постройку домовъ, такъ что, обратившись къ нимъ, всякій желающій строить домъ, всегда можетъ получить все необходимое. Цѣны на матеріалъ при постройкѣ дома въ Улѣсутаѣ сравнительно довольно низки; такъ, восемь основныхъ столбовъ, употребляемыхъ при постройкѣ китайскаго байшина, продаются обыкновенно по три цѣна каждый (отъ 75 до 90 к.); столбы эти имѣютъ около 6 вершковъ въ отрубѣ и 7 аршинъ длины; по угламъ зданій ставятъ столбы такой же толщины, только длиною въ 4 аршина, — они стоятъ по два цѣна (50—60 к.) каждый; жерди, употребляемая для стѣнъ, толщиной въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ отрубѣ, продаются по 4 фына. Тѣсъ также разнообразится по цѣнѣ, а именно: тесина, имѣющая толщину одинъ вершокъ, а въ ширину отъ 7 до 8 вершковъ и длиною въ 3 аршина, стоятъ 2 цѣна (50—60 к.), а $\frac{1}{2}$ вершковая въ толщину съ вышепоказанною шириною и длиною — одинъ цинъ (25—30 к.). Лѣсъ для матицъ употребляется толщиной вершковъ въ 12-ть, длиною же бываетъ отъ 6 до 9 аршинъ, стоимость его простирается отъ двухъ до трехъ ланъ.

По обычаю, заведенному въ городѣ, всякій желающій строить домъ долженъ заготовить все необходимое, какъ-то: лѣсъ, тѣсъ, глину и проч., самая же постройка производится или по подряду китайскими плотниками за предварительно огуломъ условленную цѣну (обыкновенно не превышающую 60 ланъ и не нисходящую ниже 25), или же плотники нанимаются поденно (на своемъ содержаніи китайскій поденщикъ-плотникъ получаетъ по 4 цѣна въ день, а на хозяйскомъ по 3 цѣна). Монголы въ этихъ работахъ почти не участвуютъ, а если и нанимаются, то не исполняютъ ничего, кромѣ тасканія воды и глины. Поденная плата такихъ работниковъ не превышаетъ 1 цѣна 5 фыновъ.

Дровъ на улѣсутайскихъ лѣсныхъ складахъ никогда не продается и заготовкою ихъ китайцы совершенно не занимаются: это дѣло составляетъ спеціальность для заработка окрестныхъ монголовъ. Послѣдніе рубятъ лѣсъ на дрова главнымъ образомъ по горамъ, окаймляющимъ берега Богдѡйнъ-гѡла и привозятъ эти дрова въ запряженныхъ быками телѣжкахъ. Обычная плата за телѣжку дровъ — 3 цѣна, хотя въ иную пору она поднимается до 5 и даже 8 цѣновъ. Такая дороговизна бываетъ особливо зимою, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и заготовка дровъ дѣлается трудной. Принимая во вниманіе, что погонная сажень дровъ составляется здѣсь

не менѣ какъ изъ 5, или 6 телѣжекъ, нужно считать, что погонная сажень листовичныхъ дровъ стоитъ въ Улясутаѣ отъ 3-хъ до 4-хъ и доходить до 9-ти и даже до 10-ти серебряныхъ рублей.

Казенныхъ и общественныхъ зданій въ улясутайскомъ маймачэнѣ имѣется только два, это, во-первыхъ, домъ полиціи, а во-вторыхъ, китайская кумирня. Домъ полиціи, въ просторѣчїи китайцевъ называемый «тѣнь-цзы-ямынь», а у монголовъ тинкѣмъ (ᠲᠢᠨᠦᠨᠵᠢᠶᠠᠮᠢᠨᠢ), содержится въ улясутайскомъ маймачэнѣ на средства, получаемыя отъ китайскихъ торговцевъ и именно, на содержаніе его расходуются всѣ суммы, собираемыя въ здѣшней торговой слободѣ въ видѣ поземельной подати съ находящихся здѣсь зданій. Въ тѣнь-цзы-ямынѣ обыкновенно засѣдаютъ два чиновника, въ званіи «ба-цзун'овъ» (把總), т. е. самаго низшаго офицерскаго чина, высылаемые изъ улясутайскаго крѣпостнаго доргѣ-ямуна, срокомъ на три мѣсяца. На обязанности ихъ лежитъ слѣдить за порядкомъ въ городѣ, судить мелкія мошенничества и проступки и ежедневно докладывать обо всемъ случившемся доргѣ-цзургану. Кромѣ сего, полицейскіе чиновники исполняютъ здѣсь обязанности таможенныхъ чиновниковъ: они осматриваютъ всякій приходящій въ Улясутай товаръ и взимаютъ пошлины съ cadaго вьючнаго верблюда по два цина, какого бы сорта товаръ ни былъ; исключеніе дѣлается только для привозной муки и разныхъ сортовъ хлѣба, съ которыхъ пошлины не полагается. Наконецъ полиція, какъ уже было сказано выше, взимаетъ пошлины съ домовъ, занимаемыхъ китайцами: годовая плата ограничивается по закону тремя цинами съ cadaго занимаемаго цянѣя. Что касается кумирни, то она стоитъ на самой сѣверной окраинѣ города, въ улицѣ, пересѣкающей городъ съ сѣвера на югъ, и какъ прежде такъ и теперь представляетъ собою полуразрушившееся зданіе, съ наглухо забытыми главными воротами. Входъ во дворъ кумирни возможенъ только черезъ калитку; впрочемъ, китайцы и посѣщаютъ-то ее вообще очень рѣдко, совершая всякаго рода религиозныя церемонїи свои въ загородныхъ кумирняхъ, отстоящихъ отъ маймачэна не болѣе какъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ. Маймачэнская кумирня посвящена Гэсэру и построена, какъ то видно изъ сохранившейся донынѣ надписи надъ ея воротами, въ 14-й годъ правленія Дао-гуана. Во время нашествія дунганей она сильно пострадала: все дорогое было изъ нея унесено мятежниками, статуи разбиты и поруганы, самое зданіе кумирни во многихъ мѣстахъ повреждено. Съ тѣхъ поръ китайцы уже не посѣщаютъ этой кумирни, хотя и оправили нѣсколько ея внутренность. Остатки другой китайской кумирни, сожженной дунганями до основанія, были видны на восточной окраинѣ маймачэна въ прошлое мое пребываніе въ Улясутаѣ, въ 1879 г.; послѣ пожара отъ нея уцѣлѣла только колокольня

и театральная сцена, и притомъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что китайцы порѣшили не поправлять этихъ остатковъ и не воздвигать здѣсь новаго зданія кумирни; нынѣ отъ всего этого не осталось и помина.

Нѣтъ нужды говорить, что далеко не всѣ улясутайскіе жители имѣютъ собственные дома и мало того, по наведеннымъ мною справкамъ, оказалось, что болѣе половины торгующихъ здѣсь китайскихъ фирмъ также точно какъ и находящіяся въ Улясутаѣ три дома русскихъ торговцевъ проживаютъ и ведутъ свое дѣло въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Болѣе состоятельные торговцы арендуютъ для себя обыкновенно цѣлыя подворья со всѣми находящимися на нихъ зданіями, другіе берутъ половину двора, нѣкоторые ограничиваются только однимъ изъ находящихся на дворѣ домовъ, бѣдные наконецъ довольствуются отдѣльными цзянями, т. е. комнатами. Цѣна на всѣ эти виды квартиръ существуетъ, конечно, различная, смотря по мѣстонахожденію подворья и обширности онаго. Самая дорогая квартира, находящаяся на главной улицѣ, состоящая изъ цѣлаго подворья съ байшинами, всего въ 12 цзяней, сараями и маленькими кладовушками, на сколько мнѣ пришлось узнать, стѣитъ 200 ланъ. Болѣе обычный способъ найма представляетъ собою наемъ половины подворья, съ помѣщеніемъ въ 5 цзяней и двумя, трѣмя сарайчиками. Такая квартира на главныхъ улицахъ стѣитъ отъ 60 до 100 ланъ серебра. Условія найма въ большинствѣ долгосрочныя, на 4, на 6 и даже на 10 лѣтъ; при чемъ деньги нерѣдко выдаются домохозяину впередъ, за половину, а то и за весь срокъ заключеннаго контракта. Въ условіяхъ обыкновенно предусматриваются случаи исправленія помѣщеній. Обычай установилъ при этомъ взаимодѣйствіе какъ домохозяина, такъ и его квартиранта: со стороны хозяина при поправкахъ выдается по большей части матеріалъ для поправки, какъ-то: дерево, кирпичъ, глина, песокъ и проч., рабочихъ же почти всегда нанимаетъ за свой счетъ квартирантъ. Уплата поземельныхъ и другихъ опредѣленныхъ налоговъ производится также по условію, хотя въ большинствѣ это опять-таки падаетъ на квартиранта. Изъ числа проживавшихъ въ Улясутаѣ русскихъ торговцевъ, *Ө. И. Мининъ* платилъ за свое помѣщеніе въ 5 цзяновъ, съ дворомъ и кое-какими постройками, — 120 ланъ въ годъ; *А. В. Васеневъ* — за помѣщеніе, приблизительно того же объема, 60 ланъ, но онъ уплатилъ своему домохозяину такія деньги впередъ за четыре года; *И. А. Игнатьевъ* за квартиру, нѣсколько меньшую двухъ первыхъ, до настоящей поры уплачивалъ 40 ланъ въ годъ, но съ начала 1893 года арендная сумма и для него повышались до 60 ланъ. Засякъ изъ числа русскихъ подданныхъ, въ мой проѣздъ черезъ Улясутай, проживалъ еще одинъ татаринъ, приказчикъ *г. Сафьянова*; помѣщеніе его было уже несравненно хуже всѣхъ вышеисчисленныхъ, ограничи-

ваясь всего тремя цзянями, уплачивалъ же онъ за него по 40 ланъ въ годъ.

Описаніе маймачэна едва ли можно ограничить только этою частью города, сгруппированною въ двухъ улицахъ, ибо и официально считаются городскими жителями, и видимо принадлежатъ къ городу также тѣ китайцы, которые живутъ по займамъ около Улясутая и занимаются здѣсь обработкою земли и посѣвомъ хлѣба. Общее число улясутайскихъ займокъ простирается до десяти и всѣ онѣ раскинуты не болѣе какъ на разстояніи трехъ верствъ отъ города, по рѣкѣ Богдѡйнъ, отъ которой проведены канавы для поливки полей въ лѣтнее время. Земля, на которой находятся эти займки, принадлежитъ городу и отдается мѣстнымъ чиновничествомъ въ аренду. Само собою разумѣется, что арендная плата различествуетъ, смотря по достоинству земли. Лучшая земля лежитъ по рѣкѣ Богдѡйнъ; далѣе отъ рѣки и ближе къ горамъ земля менѣе удобна, ибо болѣе камениста и песчана. Арендуются земли исключительно китайцами и въ большинствѣ случаевъ не однимъ лицомъ, а компаніями; обстоятельство это, на мой взглядъ, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, что за хлѣбопашество берутся здѣсь только бѣдняки изъ китайцевъ. Земли на пашняхъ никогда не гуляютъ и не лежатъ подъ паромъ, — ихъ засѣваютъ каждый годъ, предварительно удобряя весною навозомъ, который собирается въ городѣ безъ всякой платы; лѣтомъ посѣвы необходимо требуютъ поливокъ. При такой постоянной дѣятельности, арендаторы по необходимости проживаютъ на своихъ займахъ и лѣто, и зиму; они имѣютъ здѣсь свои бѣишины и завели полное хозяйство. Посѣвы на пашняхъ бываютъ исключительно яровые, сѣютъ ячмень и пшеницу. Начало посѣвовъ обыкновенно падаетъ на послѣднія числа нашего апрѣля мѣсяца, уборка же хлѣбовъ начинается съ половины августа; пашутъ китайцы плугомъ, жнутъ короткими серпами, или лучше сказать, ручными косами. Въ прошлый разъ, при моемъ посѣщеніи займки, слывшей за самую лучшую по доброкачественности почвы, хозяева ея разказывали, что они сѣютъ на своей землѣ исключительно пшеницу; посѣвъ ограничивается 10—11 мѣшками сѣмянъ, изъ которыхъ каждый вѣситъ приблизительно 150 китайскихъ фунтовъ; въ результатѣ отъ такого посѣва получается среднимъ числомъ отъ 100—120 мѣшковъ муки такой же величины. Такая пашня, впрочемъ, единственная близъ Улясутая; какъ я сказалъ уже выше, чѣмъ далѣе отъ рѣки, тѣмъ земля становится каменистѣе и бесплоднѣе, такъ что, по разказамъ, на пашнѣ ближайшей къ горамъ, то-есть, самой худшей, засѣваютъ помянутой величины мѣшковъ до 80, а собираютъ не всегда свѣше 400, хотя и никогда не меньше этой суммы. Соломы получаютъ китайцы обыкновенно очень

мало; на лучшей пашнѣ ея никогда не бываетъ болѣе десяти возовъ, что составить приблизительно пудовъ шестьдесятъ. Такое незначительное количество получаемой соломы зависитъ по преимуществу отъ того, что китайцы сильно избиваютъ ее при своемъ своеобразномъ молоченіи каменными гранеными столбами (столбы эти у китайцевъ никогда не превышаютъ аршина и трехъ четвертей длины). Солома идетъ главнымъ образомъ на кормъ лошадей, работающихъ здѣсь же, въ займкахъ; въ продажѣ она существуетъ по 1 лану и 3 цина, или по 1 лану 2 цина за возъ помянутой величины.

Рабочими на пашняхъ являются по преимуществу китайцы, тѣмъ же менѣе арендаторы иногда нанимаютъ и монголовъ (безъ лошадей) обыкновенно на годичный срокъ. Рабочіе эти съ половины зимы начинаютъ собирать навозъ и потомъ складываютъ его въ кучи; въ концѣ марта они удобряютъ имъ землю, въ концѣ апрѣля пахутъ и производятъ посѣвъ, съ октября начинаютъ молотить и молотъ хлѣбъ. Плата рабочимъ полагается отъ 2¹/₂ до 3 ланъ въ мѣсяцъ, на полномъ хозяйскомъ содержаніи, за исключеніемъ одежды.

Кромѣ пашень, при займкахъ имѣются еще и огороды, на которыхъ сажаютъ капусту, брюкву, рѣдку, картофель, рѣпу и проч. Благодаря уходу, урожай на огородахъ бываетъ всегда очень хорошій, такъ что получаемыхъ здѣсь огородныхъ растений не только хватаетъ для самаго Улѣсутая, но всѣ помянутые виды ихъ, кромѣ того, въ соленомъ видѣ отвозятся еще и на продажу въ Баркуль и Гучэнъ. При караванахъ обыкновенно отправляются въ эти города сами хозяева въ качествѣ торговцевъ и на обратномъ пути привозятъ съ собою на продажу въ Улѣсутай плоды юга, какъ-то: виноградъ, кишмишъ, жужубы, шепталу и проч.

Что касается мѣстныхъ огородныхъ произведеній, то всѣ улѣсутаевцы покупаютъ ихъ прямо на займкахъ, по нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

Мѣшокъ картофеля, приблизительно въ три пуда	— 1 ланъ 2 цина.
— моркови	— въ полтора — — 8 циновъ.
Рѣдка за одинъ гинъ	2 фына.
Капуста — —	2 фына.
Тыква за одинъ плодъ	4 цина.
Брюква за одинъ гинъ	2 фына.
Лукъ—пучекъ въ 50 головокъ .	3 цина.
Рѣдиска — — 10 — . . .	1 цинъ.
Арбузы, привозные изъ Баркуля, отъ 4 до 6 циновъ за штуку.	

Огурцы въ Улѣсутай не родятся совершенно и это до такой степени,

что, по разказамъ огородниковъ, они садили ихъ даже въ коробкахъ и за всѣмъ тѣмъ не получали никакихъ всходовъ.

Почти параллельно съ ближайшими къ городу пашнями и огородами, вѣ маймачѣна, находятся двѣ китайскія кумирни: первая изъ нихъ, называемая кумирнею Эрликъ-хана, едва ли не самая большая изъ всѣхъ кумирень, причисляемыхъ къ маймачѣну; при ней находится театръ и въ особомъ дворѣ китайское кладбище. Своихъ покойниковъ китайцы здѣсь, какъ и въ Ургѣ, не зарываютъ въ землю, но кладутъ ихъ въ большихъ гробахъ открыто, подъ навѣсами, во дворѣ кладбища. Поступаютъ они такимъ образомъ въ виду уже извѣстнаго намъ обычая, по которому родственники умершаго необходимо должны перевезти прахъ скончавшагося на чужой сторонѣ на его родину. Впрочемъ, пока извѣщаются и собираются эти родственники, проходитъ зачастую отъ пяти до восьми лѣтъ; однимъ словомъ, трупъ всегда успѣваетъ сгнить, пока его перевезутъ въ любезное отечество, за Великую стѣну; оттого-то на китайское кладбище можно взойти свободно развѣ только зимою, а лѣтомъ воздухъ здѣсь страшно зараженъ миазмами отъ разлагающихся останковъ. Тѣхъ бездомныхъ одиночекъ, о которыхъ уже положительно извѣстно, что они не будутъ перевезены на родину, хоронятъ на кладбищѣ, но ихъ опять-таки не закапываютъ въ могилы, а поставивъ гробъ поверхъ земли, устраиваютъ надъ нимъ своды изъ сырцеваго кирпича, которые затѣмъ обмазываютъ глиною. Расходы по сему предмету производятся изъ приношеній въ кумирню. Второе китайское капище посвящено Даръ-эхѣ и, не заключая въ себѣ ничего особеннаго какъ кумирня, отличается отъ прочихъ развѣ только тѣмъ, что служитъ постоянною квартирою для прїѣзжающихъ чиновниковъ. Въ теченіе 1871—1873 гг. оно было сдаваемо городомъ подъ лавки и помѣщеніе прїѣзжихъ въ Улясутай русскихъ торговцевъ, а въ настоящій мой прїѣздъ въ этой кумирнѣ, по распоряженію цзянь-цзюня, было отведено помѣщеніе и для меня.

Наконецъ, еще далѣе заимокъ и кумирень отъ города проживаютъ двѣ компаніи китайскихъ купцовъ, извѣстныя подъ именами Да-шанъ-куй и Тянь-я-дэ. Компаніи эти не ведутъ открыто никакой торговли, но дѣла ихъ идутъ едва ли не лучше всѣхъ улясутайскихъ торговцевъ. У монголовъ та и другая компаніи извѣстны подъ общимъ именемъ «тунши», что означаетъ поручителя, плательщика; точнѣе, компаніи эти исполняютъ для монгольскихъ аймаковъ обязанности банкировъ. Такъ какъ о специальной дѣятельности этихъ полуофициальныхъ учреждений, мы предполагаемъ говорить подробно въ III томѣ настоящаго труда, то здѣсь упомянемъ лишь, что обѣ эти фирмы съ внѣшней стороны кажутся богатыми потому, что

имѣютъ у себя обширныя и прекрасно устроенныя дачи, на которыхъ они занимаются хлѣбопашествомъ; но торговой и банкирской дѣятельности у нихъ совершенно не замѣтно, — такъ что, не зная заранѣе объ ихъ профессіи, можно подумать, что вы посѣтили просто благоустроенное имѣніе какого нибудь зажиточнаго и заботливаго фермера.

Улѣсутай, по опредѣленію Эляйса, находится на абсолютной высотѣ 5,736 фут., а по Пѣвцову — на высотѣ 5,810 фут. надъ уровнемъ моря. Онъ расположенъ въ долинѣ, довольно живописно окруженной горами, и имѣетъ также много картинныхъ видовъ въ своихъ окрестностяхъ, при чемъ послѣднимъ нельзя отказать и въ физическомъ богатствѣ. По горамъ, окружающимъ Улѣсутай, и особливо вверхъ по Богдѣйнъ-гѣлу, въ изобиліи растутъ лѣса, состоящіе преимущественно изъ лиственницы, но изрѣдка попадается и тополь, а за симъ много тальнику. Выше уже было отчасти говорено о пользѣ, которую извлекаютъ китайцы и монголы изъ этихъ лѣсовъ; къ сказанному можно еще прибавить во-первыхъ то, что строевой лѣсъ изъ Улѣсутая никуда не вывозится, во-вторыхъ, что на дрова монголы рубятъ только сухія деревья и въ-третьихъ, что изъ этихъ лѣсовъ добывается еще большое количество угля. Послѣдній идетъ на топливо у китайцевъ, такъ какъ обыкновенно въ домахъ ихъ уголь горитъ въ теченіе цѣлаго дня, въ высокихъ жаровняхъ, среди комнаты. Самое большое количество угля расходуется у улѣсутайскаго цзянь-цзюня. Для доставленія угля въ его домъ, у него имѣется специально подряженныхъ двадцать-четыре человѣка изъ монголовъ, на жалованье которымъ ассигнуется китайскимъ правительствомъ 1,200 ланъ серебра. Угля, по положенію, они должны доставить въ годъ 7,500 мѣшковъ, вѣсомъ каждый въ 15 китайскихъ фунтовъ; но собственно говоря, угля выходитъ всегда болѣе обусловленнаго количества. Монголы, берущіе подрядъ на доставку этого угля, сами никогда не пережигаютъ его и уже отъ себя подряжаютъ другихъ доставлять по 10,000 мѣшковъ, а иногда и болѣе, при чемъ въ 1878 году существовала плата по 6 фынъ отъ мѣшка. У хэбэй-амбана расходуется угля почти то же количество, но для доставки его правительствомъ назначается 20 человѣкъ, и на подрядъ ихъ отпускается 1,000 ланъ серебра. Въ обыкновенной продажѣ мѣшокъ угля въ 15 гиновъ стоитъ 5 фынъ. Жгутъ его монголы почти на мѣстѣ самой порубки лѣса, въ громадныхъ печахъ, вырывааемыхъ по косо-горамъ покрытыхъ лѣсомъ горъ. Смола и корье монголами не собираются и никуда не идутъ. Плодовыхъ деревьевъ въ лѣсахъ, окружающихъ Улѣсутай, нѣтъ никакихъ, но плодоносные кустарники въ обиліи растутъ по горамъ. Черная смородина и превосходный крыжовникъ составляютъ здѣсь постоянное лакомство китайцевъ и монголовъ. Послѣдніе собираютъ эти

плоды и приносятъ въ Улясутай на продажу. Кроме того, монголы продаютъ еще много вереску, также обильно растущаго въ окрестностяхъ Улясутая, широко растилаясь по землѣ. Монголы зовутъ его «арца» и употребляютъ какъ благовонную траву для куренія передъ бурханами. Собираніемъ грибовъ (преимущественно масленка) также занимаются, главнымъ образомъ, монголы и, высушивъ ихъ, продаютъ китайцамъ. Въ городскихъ лавкахъ цѣна сушеныхъ грибовъ въ разное время бываетъ отъ двухъ, до четырехъ съ половиною цѣновъ за китайскій фунтъ: не смотря на эту относительную дороговизну, о томъ, на сколько великъ здѣсь сборъ этого продукта, можно судить потому, что его хватаетъ не только на Улясутай, но въ 1877 году одною только изъ хуху-хотскихъ лавокъ было отправлено въ Хухухотъ и Пекинъ 40 верблюдовъ, вычюенныхъ этимъ товаромъ.

Монголы, живущіе въ Улясутай, составляютъ самый бѣдный классъ. Живутъ они, какъ и въ степи, въ юртахъ, но скотоводства у себя никакого не имѣютъ, а занимаются женщины — проституціей, мужчины же услуженіемъ, мелочною торговлей и только немногіе промышляютъ какимъ-нибудь мастерствомъ, — преимущественно плотничествомъ и издѣіемъ серебряныхъ вещей. Замѣчательно, что монголы, причисляющіе себя къ проживающимъ въ Улясутай и снискивающимъ себѣ пропитаніе городскими работами, стоятъ иногда въ дѣйствительности своими юртами верстахъ въ 10-ти и даже 15-ти отъ Улясутая. И нужно сказать, что это самый опасный элементъ городского населенія. Являясь въ городъ на поденныя работы, эти люди промышляютъ главнымъ образомъ воровствомъ, угоняя лошадей и уводя быковъ и верблюдовъ у зазѣвавшихся простаковъ. Удастся такому воришкѣ приобрести скотину, онъ, пригнавъ домой, тотчасъ же убиваетъ ее и такимъ образомъ приобретаетъ себѣ мѣсяца на два пропитанія, а больше онъ и ни въ чемъ не нуждается. Заботясь объ удаленіи такого рода людей, улясутайскій цзянь-цзюнь постоянно дѣлаетъ распоряженія по чжисанамъ о производствѣ облавъ на подобныхъ монголовъ и о высылкѣ захваченныхъ въ ихъ родовые хошунны. За послѣднее время подобными предписаніями повелѣвалось производить облавы на пространствѣ 100 ли вокругъ города, а для производства облавъ періодически высылать людей изъ чжисановъ по три раза въ мѣсяцъ, или черезъ каждые 10 дней. Конечно, все это отправляется только формально, оттого количество бродягъ около Улясутая всегда очень большое. Изъ среды мирныхъ и честныхъ обывателей, проживающихъ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, почти каждый монголъ или занимался, или занимается солянымъ дѣломъ, представляющимъ довольно значительную выгоду. Соль привозится въ Улясутай изъ двухъ озеръ: или изъ Дзэрэнъ-нүра, или изъ Дэбтэръ-нүра, по цѣнѣ же она

продается весьма различно. Монголы, привозя соль, продают ее обыкновенно мѣшкомъ въ два пуда за одинъ кирпичъ чая; но бываютъ случаи, что подобнаго привоза нѣтъ, и тогда, приобретаая ту же соль въ китайскихъ лавкахъ, можно заплатить кирпичъ чая за одинъ ковшикъ. Болѣе обыкновенную торговлю, какъ говорилось уже выше, монголы производятъ мясомъ въ розницу. Купленнаго за два чая барана убиваютъ и продаютъ заднюю половину туши за чай, и переднюю за чай, а въ барышахъ остаются внутренности и голова, служащая пищею для всей семьи торговца, да кожа, которую продаетъ онъ по цѣнѣ отъ 7 фыновъ, до 1-го цина. Менѣе часто можно встрѣчать ульясутайскихъ монголовъ, торгующихъ продуктами степи, какъ-то — кожей, масломъ, дровами и проч. Это случается только въ тѣхъ случаяхъ, если пронырливому горожанину удастся захватить при вѣздѣ въ городъ простака изъ степи. Горожанинъ зазываетъ его въ свою юрту, угощаетъ чаемъ и берется продавать привезенное. Само собою разумѣется, что онъ пользуется барышами. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, монголы берутъ товары изъ китайскихъ лавокъ и разносятъ ихъ для продажи по домамъ; при этомъ они обязуются представить хозяину требуемую имъ цѣну, а полученный при продажѣ излишекъ, если только удастся заполучить его, оставляютъ себѣ. Менѣе смѣшленные и расторопные монголы за торговлю не берутся, а идутъ въ поденное услуженіе: рубятъ дрова, носятъ воду, собираютъ аргаль, весной — обмазываютъ глиною бѣйшины, стѣны заборовъ, крыши дворовъ и проч. Скотоводства, какъ я уже сказалъ, въ Улясутаѣ монголы не имѣютъ, да и вообще скота въ Улясутаѣ содержится весьма мало, что обуславливается, конечно, дороговизной его содержанія. Въ зимнее время лошадь съѣдаетъ въ сутки до 75 монгольскихъ сноповъ сѣна, что стоитъ около 75 к. с.; лѣтомъ лошадь обходится конечно дешевле, потому что ее можно выгонять въ степь, на подножный кормъ; за всѣмъ тѣмъ, такъ какъ городскіе выгоны назначаются здѣсь для пастбищъ казенныхъ табуновъ, то для лошади въ Улясутаѣ даже и лѣтомъ необходимо имѣть кормъ на дому. Вотъ почему всѣ улясутайскіе обыватели не содержатъ скотъ при себѣ, а сдаютъ на пастбу монголамъ; при этомъ платится въ мѣсяцъ: за верблюда $1\frac{1}{2}$ цина, за лошадь и быка по 1 цину, за барана и козу по 3 фына.

Упомянувъ о городскихъ выгонахъ для скота, считаю уместнымъ сказать, что они расположены къ сѣверу и западу отъ маймачѣна, верстахъ въ двухъ отъ мѣста, гдѣ кончаются заимки, обрабатываемыя китайскими арендаторами; точнѣе, они начинаются именно отъ того мѣста, гдѣ р. Ирбъ принимаетъ западное направленіе, и тянутся далеко на западъ, почти вплоть до станціи Борхѣ, второй по почтовой дорогѣ изъ Улясутая въ Кюбдѣ.

Одинъ изъ главныхъ торговыхъ путей изъ Улясутая идетъ на Калганъ; онъ направляется по почтовому тракту на Сайръ-усу и дальше по почтовой дорогѣ изъ Урги въ Калганъ. Провозъ по этому пути обходится до 12 ланъ съ верблюда и представляется, конечно, ближайшимъ; тѣмъ не менѣе китайцы рѣдко посылаютъ по нему свои товары и гораздо чаще отправляютъ ихъ на Ургу, съ попутными ямщиками, а оттуда уже товары отправляются въ Калганъ. Этотъ послѣдній путь хотя и длиннѣе, но выгоднѣе для китайцевъ прежде всего потому, что онъ обходится дешевле, а за сямъ и потому, что почти всѣ улясутайскіе торговцы, отправляющіе свои товары въ Калганъ, имѣютъ въ Ургѣ свои главные склады. Получивъ собранное въ Улясутаѣ монгольское сырье, ургинскія китайскія фирмы всегда разсчитываютъ, выгоднѣе ли отправить его во внутренній Китай, или переслать на продажу русскимъ купцамъ въ Кяхту. Другой торговый путь — до Урги есть тотъ самый, по которому ѣздилъ изъ Урги въ Улясутай въ 1874 году бывшій секретарь Ургинскаго консульства г. Падеринъ, въ 1879 году — Пѣвцовъ; по этому же пути при первой моей поѣздкѣ въ Китай въ 1876—79 г.г. пришлось мнѣ проѣхать въ передній и обратный путь по сѣверной Монголіи и наконецъ часть этой дороги была пройдена мною теперь и будетъ описана ниже. Попутные ямщики за провозъ по этому пути товаровъ берутъ отъ 4-хъ до 6-ти ланъ съ выючнаго верблюда или телѣги, запряженной быкомъ; выюкъ въ томъ и въ другомъ случаѣ равняется 300 гиновъ вѣсу (около 11 нашихъ пудовъ). Нарошныя ямщики на верблюдахъ въ Ургу нанимаются за цѣну отъ 7½ до 9-ти ланъ серебра, а на быкахъ за 6 ланъ и 5 цинъ, или за 7-мъ ланъ. Разность цѣны обуславливается главнѣйше срокомъ доставки. До Кяхты изъ Улясутая большею частію ѣздить на быкахъ. Дорога идетъ сначала по ургинскому тракту на Цзагасутаевскій даба (переваль) и Мэргэнъ хутуль, пересѣкаетъ Идэрыйнъ-голь и Чулутайнъ-голь при ихъ сліяніи; переваливъ черезъ Бухайнъ-даба, пересѣкаетъ р. Хануй, впадающую въ Селенгу и доходитъ до хуръня Дай-цинъ-вановскаго въ аймакѣ тушѣту-хана; отсель слѣдуетъ по берегамъ Селенги версты 50. Орхонъ переѣзжаютъ уже верстахъ въ 25 отъ Кяхты. Всего на быкахъ ѣздить отъ Улясутая до Кяхты въ 40, 50 дней; провозъ же съ телѣги стоитъ отъ 6 ланъ 5 цинъ, до 9-ти ланъ. До Кобдѣ плата съ выючнаго верблюда отъ 3 ланъ 5 цинъ, до 5 ланъ; существуютъ двѣ дороги: первая почтовая, а вторая идетъ нѣсколько сѣвернѣе ея. До Баркюля платится съ выючнаго 10 ланъ; до Цонжю — 15 ланъ: до Хуху-хотѣ ѣздить только на верблюдахъ монголы сайнъ-нойновскаго и тушѣту-хановскаго аймаковъ, при чемъ получаютъ плату за выючнаго верблюда отъ 7 до 9 ланъ. Путь этотъ не былъ

извѣстенъ у насъ до 1878 года когда прошелъ изъ Улясутая въ Хухү-хотò первый русскій торговый караванъ подъ начальствомъ мѣщанина Антропова. Выписки изъ дневника его, объясняющія положеніе улясутайско-хухү-хотòскаго тракта, были помѣщены г. Баторскимъ въ его «Опытѣ военно-статистическаго очерка Монголіи» и хотя по обнародованіи путешествія г. Пѣвцова онѣ значительно теряютъ свою цѣну, однако, все-таки весьма интересны, какъ записки человѣка торговаго и смотрящаго на вещи только со стороны своей специальности; притомъ же караванъ Антропова, слѣдуя по дорогѣ, проложенной торговыми караванами китайскихъ купцовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и расходился съ путемъ, пройденнымъ экспедиціей г. Пѣвцова.

V. Отъ Улясутая до Кобдò.

21-е Августа. Пятница.

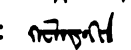
Сегодня оставилъ Улясутай, проживъ въ ономъ десять дней. 19-го числа старшина торгующаго здѣсь русскаго купечества, Мининъ, заявилъ о моемъ предположеніи выѣхать сегодня въ Кобдò и амбани сдѣлали, согласно этому заявленію, распоряженіе о присылкѣ мнѣ почтовыхъ лошадей на мою улясутайскую квартиру, а по станціямъ послали особую повѣстку о моемъ проѣздѣ, которая составляла въ сущности буквальную переписку заявленій нашего консульства. Вотъ точный переводъ этого документа:

Бумага «Устрояющаго пограничныхъ» помощника цзянь-цзюня западной стороны и хэбэй амбаней.

Объявляется приказомъ тайчжіямъ, цзангінямъ и хундүйамъ, завѣдывающимъ почтовыми станціями (отъ станціи Алдаръ до станціи Харà-усу).

Обстоятельство выдачи приказа для всѣхъ ихъ вмѣстѣ:

Для отправленія изъ Улясутая 12-го числа 7-й луны настоящаго года двухъ русскихъ людей, командированныхъ въ Кобдò, по дѣламъ службы, канцелярію завѣдывающаго русскими дѣлами въ Ургѣ чиновника Шишмарева, предлагаемъ мы выдавать потребныя имъ двѣ лошади подъ сѣдло, три вычунныхъ верблюда, шесть верховыхъ проводниковъ для провоза телѣги и одну юрту; а сверхъ сего отправлять отъ каждой станціи особливыхъ чиновниковъ, и подъ присмотромъ ихъ доставить (означенныхъ людей) до мѣста».

Проживающіе въ Улясутаѣ русскіе торговцы собрались проводить меня и, напутствуемый ихъ добрыми пожеланіями, я двинулся въ путь въ 11 ч. 10 м. дня. Отъ Улясутаѣ почтовая дорога въ Кобдò направляется внизъ по долинѣ рѣки Богдòйнь-гòбла. Вскорѣ миновали мы вышеописанныя займки и пашни китайцевъ. Узкая, бѣлая тропа пути видѣлась вдалѣ на значительное разстояніе, а кругомъ по степи близость города сильно сказывалась обиліемъ тамъ и сямъ разбросанныхъ юртъ: все это жилища мастеровыхъ монголовъ, мелкихъ монгольскихъ торгашей и проституттокъ. Слѣдуя по долинѣ Богдòйнь-гòбла, мы два раза переправились черезъ мелководный и каменистый Чигистуйнь-гòблѣ и въ послѣдній разъ почти у самаго мѣста впаденія его въ рѣку Богдò, гдѣ онъ все-таки имѣетъ не свыше 1½ саж. ширины. Дорога почти на всемъ этомъ протяженіи ровная, усыпанная мелкими камнями. Долина, или лучше сказать широкое ущелье Богдòйнь-гòбла, окаймляется въ этихъ мѣстахъ высокими и скалистыми, но довольно однообразными горами. Въ 12 ч. 55 м. мы переѣхали вбродъ рѣку Ирò, являющуюся нѣсколько пошире и поглубже Чигистуйнь-гòбла. На правомъ берегу ея за новенькими, а потому ровными и чистенькими глинобитными стѣнами стоитъ такъ называемая въ просторѣчьи «Эбугэнъ-хуръ», или «монастырь-старецъ». Монастырь этотъ располагается собственно на земляхъ хошўна Чжа-цзасакà и о первоначальномъ построеніи его свѣдѣній никакихъ не имѣется; достовѣрно только, что такъ какъ въ Улясутаѣ искони не было построено ламайской обители, то «Эбугэнъ-хуръ» также искони служилъ для молитвъ и удовлетворенія религіозныхъ потребностей проживающихъ въ Улясутаѣ монгольскихъ солдатъ съ ихъ семьями. Изъ послѣдующихъ и ближайшихъ къ намъ по времени событій монголы помнятъ только, что гдѣ-то 40—50 тому назадъ здѣсь имѣлъ свое мѣстопробываніе Илагўхсанъ гэгэнъ, нынѣ кочующій въ вершинахъ р. Идэра. Расширивъ и приведя въ должный порядокъ находившіяся здѣсь прежде кумирни, Илагўхсанъ гэгэнъ тогда же сдѣлалъ объ этомъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, который пожаловалъ этому монастырю названіе: «устраивающаго отдаленныхъ». Въ 5-мъ году правленія Тунъ-чжи (1867) Илагўхсанъ гэгэнъ получилъ собственныя земли на границѣ цзасактў хановскаго и сайнь-нойновскаго аймаковъ, между р. Хучжиртў и горою Тòно и перекочевалъ изъ «Эбугэнъ-хуръ» на Идэръ. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ началъ постепенно упадать. При нашествіи на Улясутаѣ дунганъ въ 1870 году, Эбугэнъ хурънь подвергся сильному разрушенію и отъ него остались только одна кумирня, да двѣ часовни, изъ коихъ одна хранила въ себѣ великую святыню монголовъ — иоци Ханбò-гэгэна. Въ 1872 г. Цаганъ-гэгэнъ чжунгарскій, выходецъ изъ Тибета, прибывъ къ Улясутаю со своими

войсками, поселился было сначала въ Эбугэнъ-хуръ, но будучи больше воиномъ, чѣмъ жрецемъ, онъ вскорѣ соорудилъ близъ Эбугэнъ-хуръ крѣпость съ двойными, хотя и невысокими глиняными стѣнами, гдѣ и обособилъ свое мѣстопребываніе. Проживъ здѣсь около двухъ лѣтъ, онъ ушелъ обратно въ Чжунгарію вмѣстѣ со своими войсками, а крѣпость, возведенная имъ, разрушилась. Стѣны ея, располагавшіяся верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ монастыря, въ пору моего проѣзда въ 1876 г. значительно возвышались еще надъ землею, теперь же отъ нихъ едва остались низенькіе валы. Что касается самаго монастыря Эбугэнъ-хуръ, то онъ въ настоящій проѣздъ мой оказался для меня просто неузнаваемымъ. Въ 1882 году бывшій монгольскимъ амбанемъ въ Улясутаѣ Дà-цинъ-ванъ тшѣтү-хайновскаго аймака, имѣя въ виду удовлетворить какъ религіозную потребность монголовъ, такъ и необходимую для нихъ медицинскую помощь, подаваемую ламами, вздумалъ возстановить Эбугэнъ-хуръ. Съ этою цѣлью имъ былъ сдѣланъ съ пасущихъ казенныя стада тумэтовъ, 200 солдатъ, прикомандированныхъ къ отнесенію службы въ Улясутаѣ, и съ 20 халхаскихъ станцій улясутайско-калганскаго тракта сборъ, въ количествѣ 10,000 ланъ серебра, и на эти средства произведено было обновленіе обители. Теперь въ ней имѣется 8 большихъ кумирень, построенныхъ изъ дерева; весь монастырь обнесенъ глинобитною оградою и за стѣнами ея постоянно проживаетъ до 200 ламъ, ежедневно отправляющихъ здѣсь свои хуралы. Ревностно заботившійся объ устройствѣ Эбугэнъ-хуръ Дà-цинъ-ванъ не былъ въ этомъ случаѣ безкорыстенъ: для управленія монастыремъ онъ вызвалъ ламъ исключительно изъ своего хошүна, въ число же низшей братіи поступили мѣстные ламы. Монастырю этому онъ придавалъ засимъ высокое значеніе разсадника вѣры будды въ улясутайскомъ краѣ, а потому предписалъ находившимся въ его управленіи Таннү-урянкаямъ присылать сюда молодыхъ ламъ для обученія. Со смертію Дà-цинъ-вана значеніе Эбугэнъ-хуръ начало однако падать. Доселѣ въ немъ продолжаютъ еще жить и опредѣленные штатомъ 200 ламъ и урянхайскіе ученики; но скоро, говорятъ, все это будетъ распущено по домамъ. Отъ праваго берега р. Ирб и отъ кумирни Эбугэнъ-хуръ дорога проходитъ сначала по твердо-песчаному грунту, переходящему потомъ въ песчано-каменистый; нѣсколько далѣе начинаютъ попадаться солонцы, поросшіе дэрэсүномъ и послѣдующая дорога на протяженіи свыше версты становится невыносимой отъ массы кочекъ и ухабинъ; за симъ, поднявшись на невысокій увалъ, мы прибыли на ст. Алдаръ въ 1 часъ 15 м. дня.

Станція Алдаръ есть единственная изъ станцій улясутайско-кобдо-скаго тракта, на которой полагается 12 юртъ почтосодержателей. Послѣд-

нія въ полномъ своемъ составѣ являются принадлежащими здѣсь аймаку тушѣтү хана, въ частности же здѣсь находятся 6 юртъ мэргэнъ-вѣновскаго хошүна, 2 юрты изъ хошүна Тѳ-уйцзанъ-гүна, 2 юрты — О-вана, 1 юрта Дѳ-цинъ-вана и 1 юрта Ва (ичикъ сордонъ) гүна. На станціи, по обычаю, вмѣстѣ съ почтосодержателями живутъ и ихъ буйли, хотя въ весьма незначительномъ количествѣ, не болѣе одной, двухъ юртъ; за то при ней живетъ до 25 юртъ изъ мѣстнаго хошүна, которые рассчитываютъ такъ или иначе найти себѣ заработокъ на станціи. Дѣйствительно, почтосодержатели нерѣдко нуждаются здѣсь въ подводчикахъ и нанимають этихъ монголовъ, уплачивая имъ за проѣздъ въ ту или другую сторону по одному чаю.

Въ 2 ч. 10 м. мы оставили станцію Алдаръ, чтобы слѣдовать по той же долинѣ Богдѳнъ-гѳла, продолжающей свое направленіе на ЮЗ. Дорога поначалу представляется ровною и гладкою, пролегая по небольшимъ уваламъ, полого спускающимся и возвышающимся въ долинѣ. Черезъ полчаса мы подѣхали къ протягивающемуся съ СЗ хребту и мысу его Ёлцѳэй-хошү, отъ подножія которыхъ передъ нами открылся превосходный видъ на Богдѳнъ-гѳль. Рѣка течетъ здѣсь множествомъ протоковъ и ложе ея разстилается сажень на 350—400; каждая изъ этихъ протоковъ въ отдѣльности поросла аллею кустарниковъ и деревьевъ, и такой садъ необычайно радуетъ глазъ послѣ монотонной коричневатой степи. Наслажденіе отравляетъ только дорога, ибо какъ разъ у подножія Ёлцѳэй-хошү раскинулся неудобный для ѣзды солончакъ. Его смѣняетъ каменистый подъемъ на гору Цахиръ-ула, который представляетъ сносный колесный путь лишь у самой вершины перевала, но за то крутизна подъема увеличивается здѣсь до невѣроятія: это — чуть ни совсѣмъ отвѣсный утесъ. Перевалъ этотъ называется Ёдүйнъ-даба. Спускъ съ него гораздо положе, — онъ приводитъ въ долину Ямѳтү-хундүй, раздѣляемую горами Хѳшигѳ-ула на двѣ части, сѣверную и южную. Дорога проложена по сѣверной сторонѣ долины и потому она какъ бы вовсе оставляетъ рѣку Богдѳ, которая направляетъ свое теченіе за горами Хѳшигѳ-ула, по южной сторонѣ долины. Въ 3 ч. 25 м. мы поднялись и достигли вершины Дѳрѳльчійнъ-хутүль, иначе называемаго Ямѳтү-хутүлемъ, который приводитъ въ равнину, извѣстную подъ общимъ именемъ Борхѳ-тала, но различаемую при томъ и частными названіями отъ именъ прилежащихъ ей съ сѣверной стороны горъ, тянущихся съ ВСВ на ЗЮЗ. Таковы горы: Ёлѳ, Тэмэрцзѳтү, Ямѳтү и др.; на югѣ по этой долинѣ продолжаютъ еще тянуться горы Хѳшигѳ. Долина Борхѳ представляетъ собою ровную степь съ прекраснѣйшею дорогой. Съ окончаніемъ Хѳшигѳ-ула, казавшаяся раздвоившеюся долина снова соединяется въ одну, а у самой станціи Борхѳ дорога снова приближается къ берегамъ Богдѳнъ-гѳла. На

всемъ пространствѣ отъ Дорьльчжй хутуля и до ст. Борхò мы видѣли непрерывныя табуны лошадей и громадныя стада овецъ. Оказалось, что это были казенныя стада, согнанныя для провѣрки. На станцію Борхò мы прибыли въ 4 ч. 10 мин. Она стоитъ у самаго берега Богдòйнъ-гòла на лѣвой сторонѣ котораго возвышается гора Борхò, дающая свое названіе всему ее окружающему. Всѣ станціонныя принадлежатъ здѣсь одному аймаку Сайнъ-нойна. Простоявъ на станціи до 5 ч., мы двинулись далѣе по долинѣ Богдòйнъ-гòла и нужно сказать, что трудно подыскать что-либо однообразіе этой долины. Вся она имѣетъ твердый хрящеватый грунтъ, усыпана мелкими камешками и поросла рѣдкимъ кипцомъ. Мѣстами на нѣсколько саженой залягутъ бѣлые пески, но потомъ опять все пріобрѣтаетъ желтовато-коричневатый цвѣтъ. По правой сторонѣ дороги выдающимися горами являются: Халцзанъ-буриктү, тянущійся на цѣлыхъ часъ съ четвертью ѣзды хребетъ Цаганъ-нурү и наконецъ высокая красная гора Уланъ-хайрханъ, не подалеку отъ которой располагается станція Уланъ-худүкъ, на которую прибыли мы въ 7 ч. 50 м. и остановились для ночлега.

Станція Уланъ-худүкъ стоитъ на обширнѣйшей равнинѣ, по которой кое-гдѣ разбросаны отдѣльныя мелкія горки. Съ юга равнина эта ограничивается высокимъ кряжемъ песчаныхъ горъ, именуемыхъ «Монгòль-элсү», у подножія которыхъ почти противъ станціонныхъ юртъ, но на разстояніи отъ нихъ верстахъ въ трехъ, происходитъ сліяніе Богдòйнъ-гòла съ Цзабханомъ. Теченіе Цзабхана несравненно тише Богдòйнъ-гòла; это не только видно на глазъ, но свидѣтельствуется еще и тѣмъ, что Богдòйнъ-гòлъ замерзаетъ всегда дней на 20 позже Цзабхана; послѣдняя рѣка, говорятъ, уже въ половинѣ Октября бываетъ покрыта льдомъ. Въ политическомъ отношеніи мѣста эти представляютъ собою границу для хошүновъ на правыхъ берегахъ Богдòйнъ-гòла и Цзабхана — Сартүль-гүна, а по лѣвымъ берегамъ этихъ рѣкъ — Дайчинъ тушѣ-гүна цзасактү хановскаго аймака. Находясь въ отдаленіи отъ Цзабхана, станція наша кочуетъ теперь при небольшомъ ключѣ, не имѣющемъ особаго названія и протекающемъ не выше 3—4-хъ верстъ отъ береговъ этой рѣки. Почтосодержателями на ней являются 3 юрты отъ тушѣтү хановскаго аймака, 2 юрты сайнъ-нойновскаго и 6 юртъ цзасактү хановскаго. При этихъ 11-ти штатныхъ юртахъ имѣются еще и ихъ бұли, хотя число ихъ не велико, такъ что общее количество станціонныхъ юртъ не превосходитъ 35. Одинъ изъ такихъ бұли былъ у насъ истопникомъ. По разказамъ его, онъ принадлежитъ хошүну Батуръ цзасакә цзасактү хановскаго аймака и не состоитъ ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ тому почтосодержателю, при которомъ числятся бұли, а только хошүнное начальство откомандировало его для вспомо-

моществованія къ отнесенію почтовой повинности: штатный почтосодержатель имѣеть у себя до 300 лошадей, но не имѣеть достаточнаго числа людей и вотъ его послали въ восполненіе этого недостатка. Во время отнесенія этой службы онъ освобождается отъ всякаго рода другихъ повинностей и подъ именемъ его прямо пишется, что онъ отбываетъ повинность натурою; сверхъ сего онъ получаетъ по 1½ ланы въ годъ жалованья изъ числа штатной суммы, назначенной въ окладъ почтосодержателю.

22-е Августа. Суббота.

Двинулись въ путь ровно въ 7 часовъ и направились на СЗ, пересѣкать урочище Дэрэсү-хблой, въ направленіи къ горамъ Цахирь-ула. Дорога проходитъ по солончакамъ, иногда смѣняющимся сыпучими песками. Обиліе кустовъ хараганъ и дэрэсүна дѣлають это мѣсто почти не проѣзжаемымъ для телѣги. Ближе къ горамъ Цзунь-цахирь лежитъ озеро Буридү-нүр, на которомъ мы повстрѣчали страшное изобиліе всякаго рода водяной птицы: гуси, лебеди, утки, турпаны, чирки, бекасы и проч. Подъема на гору монголы избѣгаютъ, а потому, приблизившись къ горамъ Цзунь-цахирь, мы уклонились на югъ, къ берегу Цабхань-гбла, съ цѣлью хотя въ нѣкоторой степени обогнуть гору; подъемъ при таковыхъ условіяхъ совершается по довольно крутому косоугору, но онъ не опасенъ, такъ какъ песчаный грунтъ этого пространства исключаетъ для телѣги всякую возможность опрокинуться. Поднявшись на возвышенность Цзунь-цахира, мы поѣхали спокойнѣе. Дорога здѣсь хотя проходитъ по такимъ же солонцеватымъ долинамъ, но она несравненно ровнѣе и лучше. Надлежитъ замѣтить однако, что въ рѣчи объ удобствахъ дороги для отдѣльнаго путешественника почти невозможно опредѣлить, дѣйствительно ли между станціями плохая дорога, или же ему только пришлось проѣхать по таковой. Монголъ не привыкъ и не знаетъ телѣжной ѣзды, оттого онъ не признаетъ ни торнаго пути, ни еще болѣе выбора дороги: разъ верховый конь его проходитъ спокойно, ему кажется, что также спокойно должна пройти и телѣга. Мы нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ, по какимъ-то необъяснимымъ соображеніямъ, мои улѣчи забирались положительно въ непроѣздня болота и кочки, хотя на разстояніи какихъ-либо ста саженей отъ нихъ паходился совершенно ровный и удобный путь. Дальнѣйшій путь нашъ пролегалъ ровною, но глубоко песчаною степью. Посреди ея мы встрѣтили громадный поѣздъ ѣхавшаго изъ Кобдò въ Пекинъ маньчжурскаго амбана. Остановившійся улѣчи этого поѣзда разказалъ намъ, что амбанъ очень сердитый. Ночевалъ онъ на станціи Бага цзэсь, гдѣ, по положенію, съѣлъ девять барановъ, при чемъ двухъ велѣлъ заколотъ, а за остальныхъ семь потребовалъ деньги, въ размѣрѣ 1 лана и 2 цинъ за каж-

даго барана. Подъ проѣздъ его станція должна была выставить 213 лошадей, 32 верблюда и 95 улачиновъ. Сообщивъ эти новости, улачи поскакаль вслѣдъ за амбанемъ, а мы продолжали свой путь и, недоѣзжая красноватаго холма Барунъ цахиръ, спустились къ рѣкѣ Цзабхану, на берегу коей нашли станцію Йэхэ цзэсъ. Прибыли сюда въ 8 ч. 50 м.

Станція Йэхэ цзэсъ была теперь также печальна и пустынна, какъ и окружающая ее мѣстность. Рѣшительно всё улачи уѣхали въ поѣздъ съ амбанемъ и мнѣ пришлось получить здѣсь въ проводники только четыре человѣка, изъ коихъ двѣ были женщины, да и онѣ-то были уже не станціонные, а сосѣдніе станціи люди. Пока собирались эти импровизированные улачи, я сидѣлъ совершенно одинъ и уныло смотрѣлъ на окружающія мѣста, печальнѣе коихъ едва ли и есть что на свѣтѣ. На песчаномъ берегу Цзабхана раскинута до десятка убогихъ юртъ; на лѣвомъ берегу, т. е. къ югу отъ станціи, высятся песчанья и лишеныя растительности горы Монголь элэсү, тянущіяся на все видимое пространство; кругомъ—къ сѣверу, западу и востоку также пески. Все уныло и безжизненно неизобразимо. Къ счастью, мои проводники, хотя и не обязанные везти меня, собрались очень скоро, и въ 9 ч. 30 м. все было уже готово. По выѣздѣ со станціи мы поднялись на высокій берегъ Цзабхана и направились къ горѣ Барунъ-цахиръ, которая оказалась впрочемъ вовсе не такъ близкой, какъ представлялось это глазу: мы достигли ея подножій только въ 10 ч., правда, по весьма песчаной дорогѣ. Продолженіемъ этихъ горъ служитъ Цоктү-ула, состоящая изъ какихъ-то бѣлыхъ камней. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы спустились снова почти къ самому берегу Цзабхана, который въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на двѣ протоки стоящимъ посреди его островомъ, именуемымъ Цаганъ-аралъ. Островъ этотъ густо поросъ тополями и представляетъ необычайный контрастъ съ бесплодіемъ окружающей степи. Дорога отсюда начинаетъ проходить по солончакамъ и порастаетъ дэрэсүномъ. По такой почвѣ мы доѣхали до горъ Харà-оботу, у которыхъ располагается станція Бага-цзэсъ. Станціонныя юрты стоятъ здѣсь, какъ и на предшествовавшей станціи, у берега Цзабхана. Къ сѣверу отъ нихъ возвышаются горы Харà-оботу, на западѣ вдаль виднѣются горы Дзүрь, за которыми располагается слѣдующая станція, а на югѣ течетъ рѣка Цзабханъ съ окаймляющими лѣвый берегъ ея песчаными горами Монголь элэсү. На станціи шла оживленная дѣятельность по уборкѣ юртъ послѣ проѣзда здѣсь амбана. Почтосодержатели, въ числѣ 2-хъ хозяевъ отъ цзасактү-хяновскаго, 2-хъ хозяевъ тшүтү-хяновскаго и 7 хозяевъ сайнъ-нойновскаго аймака, вели расчеты относительно найма улачиновъ какъ между собою, такъ и съ самими этими улачинами: положено было заплатить возчикамъ телги по

1 чаю, доставлявшимъ янгирцаки, или выюки на лошадяхъ, — по $\frac{1}{2}$ чая, а доставлявшимъ выюки на верблюдахъ по $\frac{1}{3}$ чая. Между прочими разговорами мы сообщали, что въ юртѣ здѣсь лежалъ одинъ монгольскій цзаланъ, упавшій съ лошади и разбившійся въ поѣздѣ амбаня, а потому испросившій себѣ разрѣшеніе не ѣхать далѣе. Я зашелъ въ юрту къ этому цзалану и нашелъ его совершенно здоровымъ: паденіе съ лошади было не болѣе какъ хитрой уловкой цзалана, чтобы не ѣхать далѣе. Цзаланъ оказался человекомъ очень развитымъ и я съ удовольствіемъ провелъ съ нимъ цѣлый часъ въ бесѣдахъ объ амбанѣ.

Амбанъ этотъ по имени Шакдуръ, или, какъ обыкновенно называли его здѣсь, Шя да-жэнь, состоитъ собственно на службѣ въ Гиринѣ, а въ Кобдѣ былъ только временно командированъ для улаженія разнаго рода споровъ, возникшихъ между киргизами и урянхайцами, живущими къ сѣверо-западу и западу отъ Кобдѣ. Основными задачами его командировки были, во-первыхъ, рѣшеніе земельного вопроса, или точнѣе — опредѣленіе мѣстъ кочевьевъ той и другой народности; а во-вторыхъ, указаніе границъ вѣдомства кобдѣскаго и чугучакскаго хэбэй амбаней. Дѣло это получило свое начало еще лѣтъ двадцать, или двадцать пять тому назадъ. Военныя дѣйствія и страшныя смуты, возбужденныя въ ту пору въ Илійскомъ и Тарбагатайскомъ районахъ дунганями и явившіеся результатомъ ихъ громадныя поборы защитника китайской власти Цаганъ-гэгэна побудили тогда нѣкоторые киргизскіе роды искать спокойной жизни на востокъ; почему султаны этихъ родовъ, вошедши въ соглашеніе съ урянхайскими правителями, получили отъ нихъ разрѣшеніе на перекочевку къ востоку и заняли урянхайскія земли. Такимъ образомъ сюда переселились киргизскіе роды: Джантыкэй, Каракасъ, Молху и Чирбучи, занявъ въ первое время мѣста по теченію р. р. Сумдайрыка, Крана, верховьямъ Харя ирцыса и проч. Вслѣдъ за симъ, въ періодъ около 1874 г., сюда же прибылъ возвратившійся изъ похода къ Улясутану Цаганъ-гэгэнь, который задумалъ обосновать свой монастырь въ верховьяхъ Крана и началъ постройку Шаря-сумѣ, болѣе извѣстнаго у насъ подъ именемъ Тулты. Новые поборы Цаганъ-гэгэна на постройку этого монастыря заставили опять стонать киргизовъ, а когда, вслѣдъ за симъ, къ Цаганъ-гэгэну и вновь построенному имъ монастырю начали стекаться его вѣрныя поклонники блоты-барлыки, то киргизы должны были перекочевывать съ верховьевъ Крана и удалиться къ востоку. Подвигаясь въ этомъ направленіи, они вскорѣ дошли до Дайнъ-күля и приблизились къ Кобдѣ не болѣе какъ на разстояніе 30 — 40 верстъ; мѣста же по Крану и около Тулты были сплошь заняты сгруппировавшимися около Цаганъ-гэгэна — блотами, обыкновенно именуемыми у мѣстныхъ жи-

телей «Арбанъ суму ѳлѳтъ-барлыкъ». Около 1882 и 1883 гг. вышепомянутые роды киргизовъ, желая упрочить за собою занятыя ими земли, возбудили прежде всего ходатайство передъ богдоханскимъ правительствомъ о причисленіи ихъ къ кобдѳскому округу, на что и послѳдовало высочайшее соизволеніе¹⁾, а засимъ представили просьбу объ отводѳ имъ опредѳленныхъ земель. Изъ Пекина было поручено уладить это дѳло кобдѳскимъ амбанамъ, почему послѳдніе поначалу прямо дали предписаніе урянхайскимъ властямъ отдѳлить часть принадлежащихъ урянхамъ земель подъ кочевья киргизовъ. Но урянхай посмотрѳли на это дѳло иначе и не только не исполнили даннаго имъ предписанія, но, съ своей стороны, представили докладъ, въ которомъ выяснили, что если въ принадлежащихъ имъ кочевьяхъ и оказывался еще въ недавнее время нѳкоторый избытокъ земель, то въ настоящую пору они рѳшительно стѳснены въ своихъ пастбищахъ. «Двадцать лѳтъ тому назадъ», писали они, «мы отдали свои земли подъ временныя кочевья киргизовъ, но послѳ сего въ нашихъ кочевьяхъ совершенно самовольно и уже безъ всякаго на то права помѳстились еще ѳлѳты-барлыки чугучакскаго вѳдомства; при такихъ условіяхъ мы не только не можемъ отвести теперь земель для киргизовъ, но должны еще обратиться съ просьбою о выселеніи принадлежащихъ иному округу ѳлѳтовъ-барлыковъ. Далѳе урянхай добавляли, что въ случаѳ выселенія ѳлѳтовъ они могутъ уступить *эту землю, на которой кочуютъ ѳлѳты*, киргизамъ. Кобдѳские амбаны, получивъ такую петицію, отнесли къ амбану чугучакскому съ просьбою—убрать подлежащихъ его вѳдѳнію ѳлѳтовъ-барлыковъ изъ предѳловъ кобдѳскаго округа; въ отвѳтъ на что чугучакскій амбанъ препроводилъ въ Кобдѳ свои замѳчанія, въ которыхъ, съ представленіемъ основательнѳйшихъ статистическихъ данныхъ, выяснилъ, что земли Тарбагатайскаго округа такъ незначительны, что на нихъ съ величайшимъ трудомъ размѳщаются въ данную пору и существующіе обитатели; кобдѳскій же округъ, наоборотъ, раскидывается широко, доказательствомъ чего служитъ самое переселеніе въ единыя земли урянхаевъ цѳлыхъ двухъ народностей—киргизовъ и ѳлѳтовъ и совмѳстное проживаніе ихъ въ теченіе двухъ съ половиною десятковъ лѳтъ. Одновременно съ отправкою такихъ соображеній въ Кобдѳ, чугучакскій амбанъ представилъ всеподданнѳйшій докладъ

1) До этой поры означенные роды киргизовъ, кажется, не причислялись ни къ какому вѳдомству, да едва ли почитали себя и дѳйствительными данниками Китая. Послѳ включенія ихъ въ составъ Кобдѳскаго округа, султанамъ ихъ было немедленно объявлено распоряженіе отростить косы и вмѳстѳ съ симъ имъ были пожалованы, соотвѳтственные чину каждого, шарки на шапки. Киргизы привиятили шарки и теперь щеголяютъ ими, отростить же косы отказались и до сихъ поръ ходятъ бритыми, въ своихъ тюбетейкахъ.

въ Пекинѣ, въ которомъ, выяснивъ всѣ вышеизложенныя соображенія, ходатайствовалъ о закрѣпленіи за ѳлѳтами-барлыками мѣста ихъ настоящихъ кочевокъ и о расширеніи соотвѣтственно сему границъ тарбагатайскаго округа до береговъ Чернаго Иртыша и западныхъ предгорій Алтайскаго хребта. Такимъ образомъ изъ одного вопроса возникло уже два, разобрать которые и былъ командированъ амбанъ Шакдуръ. Онъ прибылъ въ Кобдѳ еще осенью прошлаго года, но, частію по причинѣ снѣжныхъ заносовъ въ алтайскихъ перевалахъ, а частію по другимъ обстоятельствамъ, не могъ въ ту же пору отправиться на мѣста незаконно занятыхъ кочевокъ и долженъ былъ прожить въ Кобдѳ до апрѣля мѣсяца настоящаго года. Побывавъ на мѣстѣ и составивъ тамъ при участіи представителей отъ кобдѳскаго и чугучакскаго вѣдомствъ нѣсколько засѣданій, къ которымъ были приглашены и инородческіе правители, амбанъ порѣшилъ: 1) районъ кобдѳскаго и чугучакскаго вѣдомствъ оставить тотъ же, безъ всякихъ измѣненій; 2) ѳлѳтамъ-барлыкамъ объявить, что они должны переселиться съ занимаемыхъ ими мѣстъ на прежнія кочевки въ Эрнъ-хабирга въ теченіе трехъ лѣтъ и, наконецъ, 3) обязать урянхѳевъ по очищеніи этихъ мѣстъ ѳлѳтами, предоставить оныя подъ кочевья киргизамъ кобдѳскаго округа. Неизвѣстно, успѣютъ ли ѳлѳты выселиться въ теченіе трехлѣтняго срока, но, по словамъ цзалана, всѣ теперь уже предугадываютъ, что дѣло это должно вызвать новыя осложненія и новое судьбище по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Урянхѳи, какъ мы видѣли выше, обмолвились словомъ, что въ случаѣ удаленія ѳлѳтовъ-барлыковъ, они передадутъ занимаемыя нынѣ этими послѣдними земли киргизамъ. Но извѣстно, что земли по Крану, Кабѣ и ихъ притокамъ, равно какъ и окрестности Тулты отличаются сравнительно съ другими отмѣнными плодородіемъ: многія мѣста здѣсь не только распахиваются, но и буквально представляются житницею края, доставляя ему значительныя богатства; простыя поля превращаются здѣсь земледѣльцемъ, и при томъ безъ особеннаго труда, въ плантаціи мака, дающія громадныя выгоды при общемъ распространеніи здѣсь куренія опиума въ средѣ китайцевъ. Все это отлично понимаютъ, конечно, киргизы, оттого они еще заранѣе начали хлопотать, чтобы въ опредѣленіи было указано *объ отдачѣ имъ*, согласно заявленію урянхѳевъ, *именно этихъ, занимаемыхъ ѳлѳтами, земель*; чтобы еще больше закрѣпить дѣло, они поднесли Шѳ-дѳ-жѳн'ю взятку въ 2,000 ланъ серебра. Провѣдавъ объ этомъ и урянхѳи также легко поняли, что они сдѣлали промахъ и въ свою очередь начали хлопотать объ его педѣйствительности, хотя, по видимому, и безуспѣшно, ибо поднесенная ими взятка показалась Шѳ-дѳ-жѳн'ю такъ мала, что вызвала только его замѣчаніе. Совершилось это та-

кимъ образомъ: для поѣздки Шя-да-жэн'я къ берегамъ Чернаго Иртыша потребовалось, конечно, устройство экстренныхъ почтовыхъ станцій, каковое и было поручено урянхэйамъ. Китайское правительство, опредѣлившее вознаграждать этотъ чрезвычайный расходъ своихъ подданныхъ, назначило въ возмѣщеніе его 3,000 ланъ серебра, выславъ эти деньги въ Кобдо для раздачи почтосодержателямъ. Кобдоскій амбань, высчитавъ какіе-то расходы и штрафы, выдалъ урянхэйамъ 2,100 ланъ, но при этомъ сказалъ, что такъ какъ Шя-да-жэнъ пріѣхалъ по ихъ же урянхэйскому дѣлу, то имъ слѣдовало бы поднести ему 1,000 ланъ серебра, причемъ довольно недвусмысленно замѣтилъ, что Шя-да-жэнъ пригодится имъ и въ будущемъ. Урянхэйи послѣдовали совѣту амбана, но когда явились они къ Шя-да-жэню съ 1,000 ланъ, то тотъ прямо сказалъ имъ: «Трудясь для васъ, я пріѣхалъ изъ Гирин'я и живу здѣсь больше полугодя; ужели это можно цѣнить 1,000 ланъ? Я убѣжденъ, что киргизы, и не получая вспоможенія отъ правительства, оцѣнили бы мой трудъ вдвое выше!» Въ этомъ отвѣтѣ было все: и недовольство подаркомъ, и попрекъ полученіемъ вспоможенія, и возвышеніе киргизовъ. Для урянхэевъ былъ тяжеле всего этотъ попрекъ полученіемъ: бѣдныя изъ оставшихся у нихъ 1,100 ланъ должны были поднести въ подарокъ поздравившихъ ихъ съ полученіемъ: амбаню—200 ланъ, монголь-цзургану—60 ланъ, такое же число раздать болѣе мелкимъ ямуньскимъ чиновникамъ и наконецъ пожертвовать 50 ланъ на предполагаемый къ постройкѣ въ Кобдо храмъ Гэсэра; такимъ образомъ имъ пришлось увезти домой изъ 3,000 ланъ не много свыше 700.

Бесѣда съ цзаланомъ заняла у меня довольно много времени, такъ что со станціи Бага-цзэсъ я выѣхалъ только въ 2 ч. 45 м. Дорога къ слѣдующей станціи идетъ сначала по берегу Цзабхана и представляется весьма песчаною; изрѣдка попадаются мѣста, покрытыя мелкою галькой, на нихъ растетъ мелкій кипецъ, но далѣе степь опять кажется бесплодною. Въ 4 ч. 20 м. мы подѣхали къ горамъ Дзурь. Они представляютъ собою громадныя массивы, на которыхъ камни лежатъ то въ видѣ черныхъ пластовъ, то валунами. Подъемъ на эти горы однако не крутой и дорога по нему также песчана, какъ и въ предшествовавшей долигѣ. Съ вершины перевала черезъ эти горы, носящаго имя Цахиръ, намъ открылся поразительный видъ на пески, называемые Борд хошунай борольчжй. Это — буквально песчаное море, на которомъ какъ бы застыли всевозможныя формы волпъ вздымавшася вѣтрами песка. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи снять съ этого мѣста фотографическій снимокъ, хотя надѣюсь, что и безъ него впечатлѣніе этихъ песковъ никогда не изгладится изъ моей памяти.

Позади песковъ, т. е. въ направленіи къ югу, возвышаются горы Сѣрьсэртэнъ. Все это кочевья хошӯна Бәтурь-цзасакә. Дальнѣйшій путь мы продолжали по берегу Цзабхана и прибыли на станцію Дзурь въ 5 ч. 35 м. Монголы, отправляющіе почтовую повинность на этой станціи, почти цѣлымъ своимъ составомъ принадлежатъ сәйнъ-нойновскому аймаку, и именно сәйнъ-нойновцевъ имѣется здѣсь 10 штатныхъ юртъ и только одна юрта хошӯна цзасактү-хәновскаго. На станціи народа почти не было, все населеніе разбѣхалось на какой-то праздникъ. Имѣя въ виду, что во весь вечеръ мнѣ не пришлось бы сказать здѣсь ни слова, я рѣшилъ ѣхать ночевать на слѣдующую станцію; во время же краткой остановки здѣсь мнѣ пришлось вмѣсто бесѣды съ монголами, пока улѣчи осѣдывали своихъ лошадей, смотрѣть на совершавшійся перелетъ гусей. Стада ихъ летѣли на югъ связками по 80—100 штукъ, прямо на горы Хобүкъ-сочжирь, снѣговья вершины которыхъ ясно видны со становища Дзүрь, хотя самыя горы уже лежатъ ближе къ Баркулю, чѣмъ къ станціи Дзүрь, какъ увѣрили меня мѣстные монголы. Въ 6 ч. вечера все было готово къ отѣзду и мы двинулись далѣе. Дорога снова потянулась для насъ по берегу Цзабхана: она была ровная, какъ полотно; правда, все это былъ песокъ, но смоченный недавнимъ дождемъ, онъ представлялъ собою прекрасный колесный путь. Вдали, на лѣвомъ берегу Цзабхана, виднѣлась гора Бугү хаирхәнъ. Ровно въ 7 ч. мы подъѣхали къ мѣсту настоящаго брода черезъ рѣку Цзабхәнъ. Для обычныхъ путниковъ оно обозначено столбомъ, вкопаннымъ на берегу, а для проѣзжающихъ на почтовыхъ переправа совершается не иначе, какъ при посредствѣ усучиновъ, которые знаютъ всѣ частности русла и помогаютъ переправѣ: они становятся между оглоблями и поддерживаютъ телѣгу, покрикивая возчикамъ, куда слѣдуетъ направлять движеніе. Ширина рѣки едва ли не превосходитъ здѣсь 40 сажень, глубина же ея въ мѣстѣ брода не превышаетъ 12 вершковъ. Саженьхъ во 100 отъ главнаго русла имѣется еще протока Цзабхана, черезъ которую, несмотря на ея незначительность, переправляютъ также усучины. По выѣздѣ изъ протоки дорога направляется вдоль лѣваго берега Цзабхана, имѣя съ одной стороны рѣку, а съ другой гряды сыпучихъ песковъ, почти лишенныхъ растительности. Миновавъ засимъ нѣсколько гуджирныхъ пространствъ, густо поросшихъ дәрәсүномъ, и проѣхавъ по сѣверной сторонѣ Бугү хаирхана, мы прибыли на станцію Бугү въ 8 ч. 20 м. вечера. Ночь наступила уже сполна, но она была такая ясная и лунная, какія рѣдко приходилось мнѣ видать въ своей жизни. На станціи въ числѣ отправляющихъ повинность оказалось опять 10 юртъ сәйнъ-нойновскаго-аймака и только одна аймака Цзасактү-хәна.

23-е Августа. Воскресенье.

Юрта, въ которой мы ночевали, была выставлена ламою Лубсанъ-гэ-лүномъ, который живетъ на станціи съ двумя своими родными братьями и двумя племянниками. Всѣ эти пять человѣкъ — ламы, живутъ они на станціи въ двухъ юртахъ и не имѣютъ у себя ни одной женщины. Явленіе это не исключительное, но довольно обычное въ средѣ монголовъ. Лубсанъ-гэ-лүнъ съ своею семьей отправляетъ обязанности подводчика по найму, собственно же штатнымъ почтосодержателемъ является какой-то тайчжи изъ хошүна Сартүль-гуна. Такихъ подводчиковъ тайчжи этотъ содержитъ двухъ: онъ выдаетъ имъ двѣ юрты съ обстановкою для постановки оныхъ проѣзжающимъ; каждому подводчику выдаетъ по 30 лошадей и 5 верблюдовъ на отбываніе повинности и уплачиваетъ жалованья въ годъ по двѣ лошади, т. е. за двѣ наемныя юрты подводчиковъ, всего 4 лошади, стояція не менѣе 40 ланъ серебра, тогда какъ самъ получаетъ казеннаго содержанія только 18 ланъ; понятно, какъ оплачиваетъ китайское правительство станціонную службу. Утромъ ко мнѣ явился лама лѣтъ 60-ти и просилъ лекарства для глазъ. У него оказался сильный катарръ. Я далъ ему имѣвшійся у меня свинцовой примочки, хотя и знаю, что бесполезно, ибо первымъ условіемъ леченья здѣсь, конечно, должна быть чистота, а ея то и не имѣется; сидѣнье въ дымной юртѣ передъ горящимъ очагомъ, постоянное смотрѣніе на огонь, все это должно способствовать усилению болѣзни, а не исцѣленію ея.

Мы выѣхали въ 7 ч. утра. Дорога направляется на западъ, слѣдуя теченію рѣки Цзабхана, такъ что съ правой стороны она окаймляется рѣкою, а съ лѣвой песчаными горами Чжиргалантү. На всемъ протяженіи этой станціи Цзабханъ течетъ, раздѣляясь на нѣсколько узенькихъ ручьевъ, катящихъ свои воды по широкому руслу рѣки. Окружающіе виды весьма унылы: глазъ останавливается лишь на стоящей на правомъ берегу рѣки Моритү-үла, да на синѣющихся вдали горахъ Цзусаланъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ снѣжныя горы Барүнъ-Алтай. Черезъ 35 минутъ ѣзды песчанья горы мѣняютъ свое названіе, начинаютъ называться Борд-тологдй и подходят такъ близко къ берегу, что дорога принуждена бываетъ спускаться въ самое русло и проходить уже по водѣ р. Цзабхана. Такія мѣста встрѣчаются нѣсколько разъ, такъ какъ пески то удаляются отъ берега, то снова приближаются къ нему. Въ мѣстахъ наибольшаго такого удаленія песковъ нерѣдко образуются солончаковыя долины, твердый грунтъ которыхъ является отдыхомъ для движенія. Въ 8 ч. 20 м. мы подѣхали къ громадному песчаному холму Ингиртү-тологдй, равнымъ образомъ приближающемуся къ руслу рѣки и отвѣсно спускающемуся въ воду. Холмъ

этотъ приходится переваливать и переѣздъ черезъ него весьма трудень. Станціонные считаютъ у этого холма половину дороги. Въ дальнѣйшемъ дорога, сохраняя за собою тотъ же характеръ, подходитъ наконецъ къ горамъ Цзусаланъ, къ югу изъ-за которыхъ выглядываетъ снѣжный Алтай, или собственно гора Бомботу-хаирханъ, находящаяся въ кочевьяхъ Аюръ-гуна. Такъ какъ послѣдній въ настоящую пору состоитъ сеймовымъ старшиною пзасакту-хановскаго аймака, то земли его называютъ еще Дагйинъ-нутукъ. Отсюда, слѣдуя по песчанымъ возвышенностямъ, мы прибыли на ст. Аргалинту въ 9 ч. 20 м.

Станція Аргалинту стоитъ на высокомъ песчаномъ бугрѣ, на лѣвомъ берегу Цзабхана. Здѣсь среди глубокихъ сыпучихъ песковъ находится искони вѣковъ ея лѣтняя кочевка, отчего и окрестныя горы получили свое названіе Цзусаланъ, что значитъ «лѣтовка». Къ югу отсюда виднѣются высокія черныя горы, поднимающіяся на правомъ берегу Цзабхана. Онѣ называются Бурүль-ула и у подножія ихъ станція кочуетъ зимою. Въ административномъ отношеніи Аргалинту имѣетъ то значеніе, что ею оканчивается управленіе кобдскаго амбана, доходящее отъ Кобдò именно до ст. Аргалинту. Мы такимъ образомъ на этой станціи вступили въ предѣлы кобдскаго вѣдомства.

Оставивъ Аргалинту въ 9 ч. 45 м., мы уже далѣе не слѣдовали за теченіемъ Цзабхана. Рѣка направляется отсюда къ сѣверу, къ мѣсту своего впаденія въ оз. Аяръ-вүръ, между тѣмъ какъ дорога продолжаетъ сохранять западное направленіе и даже съ нѣкоторымъ уклоненіемъ къ югу. Проходитъ она по небольшимъ песчанымъ долинамъ, то и дѣло переваливая черезъ невысокіе и пологіе увалы, таковы: Холбò (10 час.), Дзль (10 час. 10 мин.), Цзамыйнъ-борò тологòй (10 час. 15 мин.) и наконецъ Цзамыйнъ-дòрòльчжй (10 час. 55 мин.). Между двумя послѣдними увалами залегаеть сравнительно большая песчано-каменистая долина, получившая свое названіе отъ горъ Аргалинту-хаирханъ. Съ вершины Цзамыйнъ-дòрòльчжй прямо на западъ виднѣются на горизонтѣ снѣжныя горы Чжиргаланту-ула, при которыхъ должна стоять четвертая отсюда станція; слѣдовательно, онѣ находятся отъ Цзамыйнъ-дòрòльчжй приблизительно верстахъ въ 120-ти. Цзамыйнъ-дòрòльчжй рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ уваловъ этой станціи тѣмъ, что представляетъ собою плоскую возвышенность, по которой грядами залегаютъ еще увалы, на гребняхъ коихъ лежатъ плиты дикаго сланца. Въ 11 ч. 20 м. мы спустились съ дòрòльчжй въ песчаную долину Улнъ-тологòйнъ талà, получившую свое имъ отъ холма, при которомъ считается половина дороги между станціями; мы добрались до него въ 11 ч. 40 мин. На сѣверѣ эта долина ограничивается горнымъ

кряжомъ Дурбэльчжинъ-ўла, а на югъ уходить на далекое пространство. Двигаясь къ западу мы въ 12 ч. 30 м. поднялись изъ нея на Багà-нўрыйнъ-дэль — не особенно высокій, но очень каменистый переваль, съ котораго передъ нами открылись синія воды Багà-нўра. Спускъ съ этого перевала приводитъ въ песчаную долину, тянущуюся вплоть до озера, на берегу коего располагается ст. Багà-нўръ. Мы прибыли къ ней въ 1 ч. 50 мин. дня.

Озеро Багà-нўръ едва ли имѣеть въ окружности свыше 20—25 верстъ. Вода въ немъ горько-соленая и совершенно непригодная къ употребленію; въ озерѣ водится рыба, достигающая, какъ говорятъ, величины 1 аршина, но виды ея остались мнѣ не извѣстными, такъ какъ мѣстные жители не ловятъ ея. Для питья всѣ станціонные берутъ воду изъ находящихся неподалеку отъ озера ключей, ибо колодцы, вырываемые въ почвѣ, равнымъ образомъ даютъ здѣсь горько-соленую воду и пользоваться ими также не возможно. Почтосодержатели принадлежатъ двумъ аймакамъ Сайнъ-нойна и Цзасактү хана, восточныхъ же аймаковъ не имѣется ни одной юрты. На станціи мнѣ повстрѣчался ученый китаецъ, возвращавшійся изъ какой-то командировки къ кобдоскому амбаню въ Пекинъ. Онъ похвастался мнѣ своею находкою на этой станціи, которая состояла въ монетѣ, такъ называемой «кай-юань-цянъ». Монета эта мѣдная и, сколько мнѣ было извѣстно, отливалась во времена Танской династіи. Китаецъ объяснилъ мнѣ, что въ сочиненіи «Вэнь-сянь-тунъ-као» именно относительно этого типа монетъ говорится, будто въ 4-й годъ правленія императора Ву-дэ (621 г. по Р. Х.) отливали монету: «кай-юань-тунъ-бао», которая была пущена тогда въ обращеніе по десяти штукъ въ одной ланѣ. Надпись эта на монетѣ была сдѣлана директоромъ канцеляріи наследника престола Оу-янъ-сюнъ-смъ (знаменитый того времени ученый) и выбитые на ней въ то время буквы были тройкаго характера: па-фэнь-цзы, чжуанъ-цзы и ли-цзы. Особенность этой надписи состоитъ въ порядкѣ буквъ, которыя можно читать и крестъ на крестъ, т. е. сверху внизъ и справа налево; смыслъ въ томъ и другомъ случаѣ является одинъ и тотъ же, оттого монета эта въ просторѣчьи называется обыкновенно: «кай-тунъ-юань-бао. Слово въ слово надпись: «кай-юань-тунъ-бао» обозначаетъ — «первая общеупотребительная драгоцѣнность». Большею частію на китайскихъ монетахъ отливается названіе царствованія, въ которое онѣ отлиты и единственно на этой монетѣ выбита вмѣсто того особая надпись, исключительно указывающая на значеніе монеты въ государствѣ.

Со станціи Багà-нўръ мы выѣхали въ 3 ч. 30 мин. Дорога, обогнувъ сначала озеро по сѣверной сторонѣ, направляется засимъ по его восточному берегу, представляющему собою ровную степь, именуемую Багà-нўрыйнъ-

сѣирь. Такое названіе, несомнѣнно, получила она отъ той песчано-дресвяной почвы, которая залегаетъ здѣсь на все видимое пространство. Растительность долины крайне скудная на сѣверномъ берегу, еще бѣднѣе на восточномъ и, наконецъ, вовсе исчезаетъ при приближеніи къ Элэсунъ-дабану, или «песчаному перевалу». Мы подъѣхали и начали переѣзжать его въ 3 ч. 55 мин. Говорю «переѣзжать», а не «подниматься» на него, потому что «Элэсунъ-даба» собственно представляетъ собою цѣлый рядъ песчаныхъ горъ. Эта монгольская Сахара, поистинѣ, полна ужаса. Сypучій песокъ образовалъ здѣсь собою горы, сажены до 30 высотой. Дорога проходить по боковинамъ этихъ горъ и то спускается книзу, то поднимается высоко кверху, имѣя внизу такіе же песчаные рвы. Берега этихъ рвовъ то пологи, то стоятъ отвѣсными утесами, то наконецъ навѣянные вѣтромъ пески образуютъ надъ ними навѣсы, волнистые слои которыхъ Богъ-вѣсть на чемъ и какъ держатся. О трудности переѣзда по этимъ пескамъ печего и говорить. Мою легонькую телѣжку нужно было тащить шести лошадамъ: двѣ изъ нихъ были обычно подъ дамнуромъ; засимъ къ концамъ того же дамнұра привязали еще пару веревокъ, которыя ловкіе улачины пропустили себѣ подъ ноги, чтобы имѣть возможность тянуть съ бѣльшей прочностью и силой, наконецъ еще одну пару веревокъ привязали къ оси телѣги и, протянувъ ихъ между оглоблями, также начали тащить за нихъ. Другого способа переправы здѣсь не знаютъ, да, правду сказать, и не мыслимо меньшее число лошадей. Пески Элэсунъ-дабана тянутся на пространствѣ 8, или 9 верствъ, и на всемъ этомъ протяженіи полнѣйшая мертвенность: нѣтъ ни одной твердой точки, ни одной былинки растенія: колеса все время засыпаются пескомъ, такъ что ихъ почти и невидно, увязая по ступицу въ песокъ, они при движеніи покрываются еще песчанымъ дождемъ отъ песка, скатывающагося съ верхней ихъ части. Ужасно быть застигнутымъ бурей въ этихъ пескахъ; мѣстные монголы, впрочемъ, отлично опредѣляютъ время этихъ бурь и не рѣшаются ѣхать, если предвидятъ ихъ наступленіе. Изъ этой наитруднѣйшей части пути мы выѣхали въ 5 ч. 25 м. вечера и спустились къ восточному берегу Дургъ-нұра, дорога по которому, какъ бы въ совершенную противоположность миновавшей, твердая, ровная и гладкая какъ полотно. Мѣстами она усыяна такой мелкой галькой, что походить на дорожки въ нашихъ паркахъ. Мы проѣхали южный берегъ Дургъ во всю его длину и, поверотивъ на западный, нашли здѣсь среди высокихъ камышей расположенную станцію Дургъ-нұръ. Юрта для меня была выставлена здѣсь отдѣльно отъ станціи, среди степи. Монголы говорятъ, что они живутъ въ камышахъ, спасаясь отъ постоянно дующихъ вѣтровъ, для меня же они выставили юрту въ степи, чтобы, по возможности, удалить меня отъ

комаровъ, которыхъ здѣсь немало даже и въ эту, уже близкую къ осени пору.

24-е Августа. Понедѣльникъ.

Вчера, прибывъ на станцію почти въ полумракѣ, я не могъ хорошенъко разсмотрѣть ея положеніе, сегодня же утромъ оказалось, что окружающая степь чрезвычайно печальна. Травы здѣсь чрезвычайно плохи и степь представляется почти лишенною растительности; только кусты бударганъ вышпаются на ней рѣдкими кипами, доставляя мѣстнымъ жителямъ прекрасное топливо. Взамѣнъ сего природа, однако, обездолила ихъ водою. Озеро Дургà-нѹръ состоитъ собственно изъ двухъ водныхъ бассейновъ, соединенныхъ между собою узкимъ проливомъ. Въ мѣстномъ названіи собственно одинъ, и именно бѣльшій бассейнъ, зовется Дургà-нѹромъ, тогда какъ другой, меньшій, называется Харà-нѹромъ. Оба эти бассейна имѣютъ горько-соленую воду, такъ что ее почти не пьютъ и животныя, люди же получаютъ воду изъ колодца, хотя и эта послѣдняя также солоновата, а по внѣшнему виду положительно напоминаетъ собою молочную сыворотку.

Со станціи Дургà мы выѣхали въ 7 часовъ утра. Дорога направляется по долинѣ оз. Дургà, носящей общее названіе Хурѣнъ-талà; она представляетъ собою ровную и гладкую степь, съ твердымъ песчано-каменистымъ грунтомъ и постепеннымъ пологимъ повышеніемъ на СЗ. Вдали передъ нами высились горы Чжиргалантѹ, покрытыя снѣгомъ. Мѣстность близъ озера Дургà, на пространствѣ $1\frac{1}{2}$ —2-хъ верствъ отъ береговъ его, густо поросла травою, но дальше, ближе къ нашей дорогѣ, она является опять-таки безплодною: кое-гдѣ попадаетъ мелкій кипецъ, но онъ на столько рѣдокъ, что не можетъ служить пищею для животныхъ. Въ политическомъ отношеніи она составляетъ нутѹкъ кобдѣскихъ тѹмѣтовъ, который простирается здѣсь на югъ до снѣжныхъ горъ Дѣрбѣ-хаирханъ, — онѣ видны съ нашей дороги. Вообще окрестныя урочища весьма пустынные, и это естественно, такъ какъ всѣхъ кобдѣскихъ тѹмѣтовъ полагается 40 юртъ; они стерегутъ скотъ, приходящій изъ Улѣсутая. Долиною Хурѣнъ-талà мы ѣхали до 9 ч. 10 м. Въ западномъ концѣ ея мѣстность принимаетъ холмистыя очертанія и между этими холмами извиивается сухое русло рѣчки Бургасѹ, стекающей съ ближайшихъ южныхъ горъ Бомботѹ-ѹла. Здѣсь повстрѣчали мы большое стадо дѣрѣновъ, которое, испугавшись нашего поѣзда, стремглавъ бросилось бѣжать къ югу. Отъ русла Бургасѹ-гѣла дорога дѣлается каменистѣе, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пересѣкаетъ мелкія сухія русла небольшихъ ручьевъ; таковыхъ я насчиталъ восемь и всѣ они направляются къ Дургà-нѹру. На станцію Харàганà мы прибыли въ 10 ч. 15 м. Она располагается при извиистомъ ручѣѣ

Хараганайнъ-гѳль, на столько незначительномъ, что станціонные обитатели даже не пользуются его водою, а получаютъ ее изъ колодца съ чрезвычайно мутною и солонцеватою влагою. Станціонныя юрты стояли теперь среди приземистыхъ уваловъ и бугровъ; только съ южной стороны ихъ горы казались нѣсколько выше и мѣстные жители за то дали имъ прозваніе Хараганайнъ-Алтай. На западѣ, уже невдалекѣ, была видна южная оконечность горъ Чжиргалантѹ, на вершинахъ которыхъ, говорятъ, покроятся вѣчные снѣга; у этихъ горъ должна находиться и слѣдующая станція, носящая то же названіе Чжиргалантѹ. Намъ однако не пришлось ѣхать туда. На станціи Хараганѹ мы узнали, что послѣдующія станціи Чжиргалантѹ и Цзахѹ-булѹкъ, по случаю проѣзда двухъ амбаней (а именно Шадѹ-жэня, съ которымъ повстрѣчались мы по дорогѣ къ станціи Йэхѹ-цзэсь и вновь назначеннаго изъ Пекина кобдѹскаго Банъ-банъ дѹ-чэня), передвинуты со своихъ мѣсть къ югу. Поводомъ къ такому перемѣщенію послужило то обстоятельство, что станціи эти въ обычныхъ своихъ стоянкахъ представляются расположенными весьма неравномѣрно: между станціями Хараганѹ и Чжиргалантѹ считается 35 ли, между Чжиргалантѹ и Цзахѹ-булѹкомъ 75 ли и наконецъ между Цзахѹ-булѹкомъ и Харѹ-усѹ 120 ли; теперь всѣ эти станціи были поставлены почти на равномъ разстояніи одна отъ другой; съ другой стороны настоящимъ расположеніемъ станцій совершенно обходились тѣ труднѣйшіе перевалы, которые залегаютъ между станціями Цзахѹ-булѹкъ и Харѹ-усѹ. Меня весьма заинтересовало, почему при такихъ важныхъ удобствахъ не сдѣлать бы этихъ случайныхъ выставокъ мѣстомъ постоянного пребыванія станковъ; но въ разъясненіе этого я получилъ отвѣтъ, что поступить такъ рѣшительно невозможно по той причинѣ, что эти случайныя мѣста въ лѣтнее время изобилуютъ комарами до такой степени, что въ нихъ нельзя ни жить, ни пасти животныхъ; зимою, напротивъ, мѣста эти, будучи равнинными, чрезвычайно холодны и не представляютъ никакой защиты отъ постоянно дующихъ здѣсь вѣтровъ. Получивъ это разъясненіе, я несмотря на перспективу быть искусаннымъ комарами, тѣмъ не менѣе весьма порадовался, что мнѣ придется избѣжать труднаго переѣзда отъ Цзахѹ-булѹка къ Харѹ-усѹ и подъ этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ мы оставили станцію Хараганѹ въ 10 ч. 35 м. Отсюда я приобрѣлъ себѣ новаго спутника вплоть до самаго города Кобдѹ. Это былъ монголъ цзасактѹ-хѹновскаго аймака и хошѹна, по имени Цэбѣкъ. Монголъ этотъ, имѣя у себя головъ 40 лошадей и до 150 барановъ, въ прошломъ году взялся отбывать подводную повинность на станціи Хараганѹ вмѣсто одной юрты изъ хошѹна бѣйлѣ сайнъ-нонновскаго аймака, при уплатѣ за это хошѹномъ въ годъ, по четвертямъ года, всего 240 ланъ серебра. Прошлую зиму, вслѣдствіе обильно

выпавшихъ снѣговъ, Цэбэкъ потерялъ 12 лошадей; лѣтомъ дѣла со скотомъ пошли у него лучше, но обиліе проѣздовъ, особливо со стороны амбаней, требовали отъ него постоянного найма лошадей у окрестныхъ монголовъ. Между тѣмъ хошунъ, уплативъ ему деньги за первую четверть года въ 1-й лунѣ, до сего времени не высмалъ еще за вторую, хотя, судя по времени, ему слѣдовало бы получить уже и за третью четверть. Цэбэкъ, черезъ посредство завѣдывающаго станціями заха-булукскаго цзангйна, нѣсколько разъ обращался уже въ кобдоскій чжиса, чтобы учрежденіе это вытребовало деньги изъ хошүна; ему извѣстно было далѣе, что чжиса три раза отправляло свои бумаги по этому поводу въ хошунъ, но отъ послѣдняго не было, что называется, «ни слуху, ни духу», или какъ говорилъ самъ Цэбэкъ: ᠴᠡᠪᠡᠬᠡ ᠶᠡᠨᠡᠨᠠ ᠶᠡᠨᠡᠨᠠ. Списавшись съ писаремъ кобдоскаго чжисапа, Цэбэкъ получилъ теперь отъ него извѣстіе, что если онъ, Цэбэкъ, пріѣдетъ теперь въ Кобдò, то управляющій чжисаномъ — очередной цзасакъ — обѣщаль, не спрашивая больше хошүна, взять деньги у туншей и выдать ихъ Цэбэку съ тѣмъ, чтобы хошунъ имѣлъ бы дальнѣйшіе счета за эти двѣ четверти года уже съ туншами. Говорятъ, что такой ходъ дѣла довольно обыченъ въ управленіи Халхи, почему, надо думать, и Цэбэкъ ѣхаль теперь въ Кобдò, какъ бы имѣя уже деньги въ карманѣ. Онъ принималъ заказы на покупки и обѣщаль исполнить рѣшительно все и каждому, ни у кого не спрашивая денегъ, хотя и самъ при выѣздѣ изъ дома не имѣлъ ровно ничего. По дорогѣ равно какъ и въ Кобдò, до полученія денегъ, онъ рассчитываль прожить у гостепріимныхъ друзей, а засимъ не только со всѣми расплатиться, но и удовлетворить просьбы своихъ заказчиковъ.

Благодаря вышеуказанной перемѣнѣ станцій, мы, вмѣсто обычнаго движенія къ станціи Чжиргалантү на сѣверъ, вскорѣ приняли прямое направленіе на западъ и дорога наша, вмѣсто того чтобы слѣдовать по восточному склону горъ Чжиргалантү, повернула внутрь этихъ горъ, по пади, именуемой Янгирцагыйнъ-хундүй, а засимъ начала постепенно подниматься на Янгирцагыйнъ хутүль. По мѣрѣ повышенія и подъема почва дѣлается все болѣе глинистою, освобождается отъ камней и количество растительности увеличивается. Съ вершины перевала дорога поворачиваетъ на югъ и открывается безподобный видъ на вѣчно-снѣжный Батырь-хаирханъ; здѣсь же находится и граница между землями кобдоскихъ тумэтовъ и кочевьями цзахачиновъ. Спускъ съ перевала совершается по пади Янгирцагыйнъ-хутүли убуръ-хундүй. Вначалѣ падь эта очень узка и густо поросла харагандю, бударгандю и дэрэсүномъ; ниже она расширяется и на половинѣ ея, близъ холоднаго и свѣтлаго ключа, — Хутүль-усу, — мы встрѣтили небольшія пашни цзахачиновъ. Воды этого ключа расходятся по ары-

камъ пашень, а ниже оныхъ соединяются вновь и образуютъ собою небольшой потокъ, носящій у монголовъ названіе *убурь-цэргэйнъ-гьлгь*. Спустившись въ долину, потокъ этотъ вливается въ горько-соленое озеро *Цэргэ-нурь*, располагающееся въ южной части долины *Цэргэ*. Путь нашъ все время лежалъ по правому берегу этого потока и только у самой долины мы оставили его, направившись на сѣверъ, къ временной стоянкѣ станціи *Чжиргалантү*. Последнюю мы нашли расположенною на обширной равнинѣ, верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ озера *Цэргэ-нурь*, при ключѣ *Цаганъ-нүрийнъ захъ-булукъ*. Мы прибыли сюда въ 1 ч. 5 м. и незамѣтно пробыли здѣсь $1\frac{3}{4}$ часа, бесѣдуя со станціонными монголами и любуясь на величественную *Цасутү богдò*, совершенно отчетливо видимую съ мѣста настоящей станціонной кочевки. Станціонные почтосодержатели всѣ принадлежатъ аймаку *Цзасактү-хана*. Они много разказывали мнѣ о мѣстныхъ *цзахайнахъ*, характеристикѣ этого народа, особенностяхъ его калмыцкаго нарѣчія и письма и проч.; засимъ рѣчь перешла на сартүловъ и на богатство ихъ гуна, искони почитаемаго имѣющимъ въ своемъ хошунѣ 1,000 тайчжіевъ и 10,000 податныхъ (*минганъ тайчжитай*, *түмэнъ албатутай*); но свѣдѣнія обо всемъ этомъ читатели найдутъ въ моемъ Историко-географическомъ описаніи Монголіи.

Въ 2 ч. 50 м. мы снова сѣли на коней, чтобы продолжать свое движеніе въ направленіи къ западу. Почва долины *Цэргэ* на всемъ протяженіи пути къ временной стоянкѣ слѣдующей станціи *Цзахъ-булукъ* песчано-каменистая, поросшая *пульхиромъ* (*agriophillum*) и *дэрэсүномъ*; общій видъ степи поразителенъ по своему однообразію. Въ 3 ч. 10 м. мы пересѣкли дорогу, тянущуюся изъ *Гучэна*, а черезъ 40 м. отсюда достигли до значительныхъ пашень *цзахайновъ*. Засѣяна здѣсь, кажется, одна только пшеница и за полями, очевидно, много ухода: пространства ихъ окопаны широкими канавами, вездѣ стоятъ загороди и повсюду разставлены чучелы (*мапухай*), чтобы пугать птицъ. Поля исключительно поливныя и вода на нихъ струится по канавамъ, протянутымъ въ различныхъ направленіяхъ изъ протекающихъ къ западу отсюда рѣкъ *Гурбунъ-цэнкйръ*. Русло этихъ рѣкъ будетъ приблизительно верстахъ въ 10-ти отъ полей. Проведенная по необработаннымъ землямъ долины *Цэргэ* вода этихъ канавъ также значительно оживляетъ мѣстность и обѣ стороны. магистральной канавы весьма густо поросли кипцомъ, аржанцомъ и другими питательными травами. Въ 4 ч. 30 м. мы достигли до невысокаго и тянущагося съ С на Ю увала *Оши*, отъ котораго долина дѣлается каменистою. *Оши* смѣняется далѣе горами *Цзахайнъ-ула*, до которыхъ доѣхали мы въ 5 ч. У западнаго склона этихъ горъ течетъ одинъ изъ *Гурбунъ-цэнкйровъ*, иначе назы-

ваемый Тугүригйинь-гломъ. Воды его сполна расходятся по пашнямъ. Отъ поворота его на юго-западъ начинаются солончаки и долина превращается въ кочковатую и поросшую дэрэсүномъ. Характеръ мѣстности и дороги совершенно измѣняется, почему, вѣроятно, и монголы не считаютъ здѣсь уже долины Цэргэ, а относятъ эти мѣста къ озеру Харà-усу и называютъ ихъ «Харà-усунай эхинъ». Такою-то кочковатую равниной мы въ 6 ч. 10 м. доѣхали до станціи Захà-булукъ, стоящей теперь при колодецѣ Уләнъ-худукъ.

25-е Августа. Вторникъ.

Вчера, бесѣдуя съ мѣстныхъ цзангйномъ, я узналъ, что на станціи Цзахà-булукъ почтосодержателями являются только монголы сàйнъ-нойновскаго и цзасактү-хàновскаго аймаковъ; цэцэнъ-хàновцевъ же и тушѣтү-хàновцевъ, за отдаленностью ихъ кочевьевъ, сюда не назначаютъ вовсе. Впрочемъ, и сàйнъ-нойновцы, выставляя ту же причину, весьма часто не являются сюда для отправленія службы, а нанимаютъ за себя мѣстныхъ жителей. На станціи Цзахà-булукъ сàйнъ-нойновскихъ юртъ полагается двѣ и ни одной изъ нихъ нѣтъ въ наличности, хошүны же, долженствующіе выставить ихъ, представляютъ ацокъ, уплачивая по 36 лошадей и по 324 ланы серебра за каждую юрту. Нанимается для отправленія повинности простой монголъ, по имени Халтàрь, изъ хошүна сартүльскаго гуна. Такая въ сущности непомерно высокая плата обуславливается трудностью разгона. Какъ я уже замѣтилъ выше, дорога, по которой мы теперь ѣхали, была временною; обыкновенный же разгонъ со станціи Цзахà-булукъ неимоверно труднѣе и особливо труденъ переѣздъ къ Харà-усу. Онъ тянется на 120 ли, при чемъ сначала, приблизительно на 30—35 ли, дорога сносна, ибо она проходитъ долиною, по твердому и усѣянному мелкой галькой грунту; но вслѣдъ засимъ начинается высокій перевалъ Намъ-дабà, переѣздъ черезъ который въ самой легкой китайской телѣгѣ требуетъ не менѣе пяти, шести перемѣнъ лошадей. За переваломъ, опять приблизительно на 40 ли, дорога хорошая, по мѣрѣ же приближенія къ озеру Харà-усу она дѣлается хуже, проходитъ по топкимъ болотамъ и особливо неудобна близъ двухъ небольшихъ рѣчущекъ, съ солонцеватыми берегами. По самому берегу Харà-усу дорога лучше, но и здѣсь мягкій солонцеватый грунтъ мѣстности значительно тяжелъ для передвиженія. Правда, есть здѣсь и другая дорога, по которой отъ Цзахà-булука до Харà-усу считается только 85 ли; но залегающій на ней перевалъ Хбхò-дабà не только не доступенъ для телѣжнаго проѣзда, а даже съ трудомъ проходится и вычными; по этому-то станціонные почти никогда не возятъ черезъ него путниковъ, а развѣ доставляютъ пакеты, да и то въ хорошую погоду.

Со станціи Цзахà-булукъ мы выѣхали въ 7 часовъ утра. Дорога направляется почти прямо на сѣверъ по той же долинь, покрытой гуджиромъ и кочками дэрэсұна, а потому очень неудобной для колесной ѣзды. Въ 8 ч. 35 м. мы взобрались на песчаный холмъ и дальнѣйшій путь версты на двѣ, до колодца Байнъ-худукъ, проходилъ глубокими песками. У Байнъ-худука (8 ч. 50 м.) стояло нѣсколько юртъ, принадлежащихъ цзахачинамъ и здѣсь же проходитъ граница цзахачинскаго хошұна. Черезъ 20 м. ѣзды отсюда мы повстрѣчали другой колодецъ Цзамыннъ-худукъ, у котораго стояли уже юрты кобдскихъ хадзарчин'овъ. Отъ этого послѣдняго худука начинается путь уже по твердо-песчаному хрящеватому грунту, покрытому мелкими камнями; но съ приближеніемъ къ пади озера Харà-усу, онъ снова дѣлается солончаковымъ и поросшимъ дэрэсұномъ. Видъ на самое озеро здѣсь не привлекательный. Въ общемъ, оно кажется имѣющимъ продолговатую форму, нѣсколько суживающуюся къ юго-востоку. Южный берегъ его чрезвычайно болотистъ, такъ что отъ сплошнаго воднаго бассейна до материка, по крайней мѣрѣ версты на двѣ, на три, идетъ безпорядочный рядъ островковъ, между которыми болотная вода просвѣчиваетъ незначительными блестками, мѣстами покрываясь зарослями дэрэсұна. По берегамъ озера Харà-усу мы встрѣтили значительныя поселенія монголовъ, заключающіяся въ трехъ айляхъ, а всего не менѣе 40 юртъ. На озерѣ масса дичи, особливо лебедей, утокъ и гусей. Послѣдніе до того не боятся здѣсь человека, что свободно расхаживаютъ цѣлыми стадами между юртами и при приближеніи нашего поѣзда, только давали ему дорогу, нѣсколько прибавляя своего шага, чтобы посторониться. О массѣ здѣсь дикой птицы лучше всего можетъ свидѣтельствовать слѣдующій комичный случай. Сопровождавшій меня г. Федоровъ, человекъ весьма мало охотившійся и не имѣвшій съ собою ружья, задумалъ на Харà-усу попытать счастья и, взявъ маленькій револьверъ, бульдогъ, отправился къ озеру. Цѣлилъ въ гуся,— застрѣлилъ утку, хотя мясомъ ея не пришлось воспользоваться, такъ какъ утка была саженьхъ въ трехъ отъ берега, а дно озера илисто, грязно и топко. Прибыли на станцію Харà-усу въ 9 ч. 55 м.

Станціи ближайшія къ городамъ, говорятъ, всегда бываютъ менѣе исправны, и это сполна подтвердилось для насъ на Харà-усу. Мы не нашли здѣсь ни станціоннаго начальства, ни подводчиковъ, ни лошадей. Пока маленькіе дѣти отправились разыскивать все это по сосѣднимъ айлямъ, мы хотѣли напиться чаю, по и это не удалось. Вода въ озерѣ на столько солонá, что ее не пьютъ и животныя; станціонныя получаютъ воду изъ лежащаго колодца, Цаганъ-худукъ; вода въ немъ оказалась также соленою и грязною, а главное — имѣла отвратительный запахъ застоявшагося гуд-

жѣра. Только въ $12\frac{1}{4}$ часовъ намъ приготовили подводы и мы могли тронуться далѣе. Почти весь путь отъ станціи Харà-усу до Кобдò представляетъ собою сплошной подъемъ и переваль черезъ горы, отдѣляющія долину Харà-усу отъ долины Буинтү-гòла. Въ началѣ подъемъ этотъ такъ пологъ, что замѣчаешь его лишь смотря издали, самая же дорога какъ будто проходитъ по ровному мѣсту въ глубокой пади, ограничиваемой слѣва горами, носящими общее названіе Ямätү-улань, а справа отдѣльными возвышенностями, каждой изъ которыхъ усвоено свое имя. Внизу, у самой станціи Харà-усу, падь эта кочковата и имѣетъ солонцеватую почву, густо поросшую дэрэсүномъ; далѣе она дѣлается каменистою и почти лишенною растительности. Изрѣдка встрѣчающіеся на ней солонцы продолжаютъ быть кочковатыми и такимъ образомъ приходится двигаться или по камнямъ, или по кочкамъ, что весьма неудобно для колеснаго экипажа. Такъ идетъ на всемъ протяженіи окаймляющихъ помянутую падь справа горъ, Чулүнъ-обò, которыя мы миновали въ 1 ч. 10 м. За этими послѣдними каменистость уже уменьшается и почва мало-по-малу дѣлается хрящеватой; телѣжная ѣзда здѣсь спокойнѣе, но вмѣстѣ съ симъ начинается цѣлый рядъ ложбинокъ, отдѣляемыхъ одна отъ другой незначительными увалами. Въ 1 ч. 45 м. отъ урочища Шаргатү-хòлой падь дѣлается уже, подъемъ къ перевалу становится замѣтнѣе, а отъ холмовъ Ухà-обòту (2 часа дня), гдѣ станціонные считаютъ половину дороги, путь снова становится каменистымъ, особливо несносенъ онъ у уваловъ, ограничивающихъ урочище Хұрай-хүдүкь (2 ч. 20 м.). Отъ этого урочища начинаются уже крутые подъемы прежде всего на Тахилійнъ-дабà, получившій свое имя отъ стоящаго на немъ обò, чествуемаго монголами. Обò это лучше всего свидѣтельствуешь, что монголы готовы пожертвовать всякими удобствами для своей религіи. Въ самомъ дѣлѣ, дорога проходитъ здѣсь по ложбинкѣ на столько узкой, что въ ней едва помѣщаются колеи телѣги и, несмотря на то, суевѣрные поклонники будды воздвигли здѣсь свое обò, которое захватило собою не только всю эту ложбинку, но и прилежащія къ ней стороны горы, такъ что объѣзжать это обò приходится теперь страшнымъ косогоромъ. Конечно, путнику не трудно выйти изъ телѣги и пройти пѣшкомъ, но какво проходить здѣсь обозамъ съ кладью?! Въ 2 ч. 35 м. мы поднялись на Тахилійнъ-дабà и непосредственно же по спускѣ съ него, въ 2 ч. 50 м. начали взбираться на Цахіръ-дабà. Послѣдній поднимается тремя пологими уступами и былъ бы совершенно удобенъ для подъема, если бы не масса промоинъ, значительно портящихъ дорогу. Съ вершины третьяго уступа (3 ч. 15 м.), увѣнчаннаго, конечно, обномъ, именуемымъ Сайханъ-обò, открывается великолѣпный видъ: назадъ, къ востоку, передъ вами залегають

до самаго горизонта масса горушекъ и горъ, между которыми кое-гдѣ блестятъ воды озера Харà-усу; на западѣ видна обширная равнина, среди которой расположенъ городъ Кобдò. Съ вершины горы этотъ культурный уголокъ кажется просто какимъ-то раемъ. Среди бурой и совершенно оголенной степи вдругъ видите вы рядъ чистенькихъ и ровныхъ построекъ, кругомъ растутъ высокія и зеленыя деревья, то тянуціяся аллеями, то представляющія собою цѣлыя купы. Нѣсколько шаговъ далѣе отъ обѣи вы встрѣчаетесь съ первымъ китайскимъ сооруженіемъ города Кобдò. Это бревенчатыя ворота, съ двумя калитками по бокамъ, окрашенныя въ красную краску и увѣнчанныя надписями, начертанными на бѣлыхъ доскахъ выпуклыми іероглифами чернаго цвѣта. Подъѣзжая нѣсколько ближе, вы начинаете, смотря въ бинокль, различать на городскихъ огородахъ даже цвѣты самыхъ различныхъ и яркихъ колеровъ. И все это поражаетъ и необыкновенно радуетъ здѣсь рѣшительно каждыя. Ближе къ городу это очарованіе значительно проходитъ: цвѣты оказываются не казистымъ подсолнечникомъ, простымъ макомъ и др. огородными растеніями; однако и при такой дѣйствительности глазъ не налюбуется этимъ непривычнымъ для него зрѣлищемъ. Повсюду журчить свѣтлая вода, повсюду богатая растительность, порядокъ и чистота образцовые. Рѣшительно можно сказать, что Кобдò хотя и самый маленькій, но, несомнѣнно, самый симпатичный городокъ Сѣверной Монголіи, съ которымъ не могутъ сравниться ни Урга, ни еще больше Улясутай.

VI. Кобдò.

Городъ Кобдò, по опредѣленію нашего путешественника Рафаилова, лежитъ подъ $48^{\circ}05$ сѣв. шир. и подъ $61^{\circ}16,4$ вост. дол. отъ Пулкова, высоту же его положенія надъ уровнемъ моря Потанинъ опредѣлялъ въ 4,260 фут., а другіе болѣе кругло высчитывали ее въ 4,400 фут. Относительно времени построенія Кобдò, въ Шэнь-ву-цзи говорится весьма кратко, и первое сказаніе о немъ гласитъ слѣдующее: «Послѣ того какъ Кàнси разбилъ Галдàна и возвратилъ Халхѣ ея прежнія земли, мы раздвинулись до Алтая и поставили войско въ Кобдò». Изъ этой замѣтки китайскаго сочиненія видно только одно, что Кобдò былъ основанъ послѣ пораженія войскъ Галдàна. Но по преданіямъ, которыя разказывалъ мнѣ настоящій кобдòскій амбанъ, г. Кобдò первоначально даже вовсе не имѣлъ

значенія военной крѣпости. Правда, по разбитіи войскъ Галдана, Канси продолжалъ содержать свои войска на границахъ Халхи съ Чжунгарією, но всѣ эти войска были расположены квартирами гораздо южнѣе Кобдѣ; что же касается собственно кобдѣской мѣстности, то она была опредѣлена въ ту пору подъ пашни. Въ 56-мъ, или 57-мъ гг. правленія Канси (1716—1717 г.) тогдашній великій цзянь-цзюнь Фурдънь получилъ высочайшее повелѣніе набрать 1,000 человекъ изъ тумѣтскихъ солдатъ и обособовать хлѣбопахатныя колоніи въ мѣстностяхъ, прилежащихъ р. Кобдѣ; когда эта обработка земель началась, то Фурдънь и построилъ городокъ на р. Кобдѣ, ради собственно помѣщенія этихъ пахарей. Такимъ образомъ, по преданію этому, оказывается, что Кобдѣ первоначально построился около 1718 года; къ сожалѣнію, оно не говоритъ, гдѣ именно стоялъ въ ту пору этотъ городъ. По второму изданію монгольской лѣтописи Эрдэнійнъ-эрихѣ, построеніе Кобдѣ относится къ 1730 году, именно въ немъ говорится: «Въ 8-мъ году правленія Найралтү-түба (Юнь-чжэна, — соотвѣтствующемъ 1730 году нашего лѣтосчисленія), въ лѣто бѣлой собаки, когда великія войска покорили страны на западѣ, повелѣно было, обзрѣвъ мѣстность по берегамъ р. Кобдѣ, построить здѣсь городъ и поселить въ немъ охранный гарнизонъ. Въ томъ же году положено было основаніе города, при чемъ необходимыя принадлежности и желѣзо вывозились изъ Халхи¹⁾. Въ слѣдующемъ году, по сказанію той же лѣтописи, здѣсь поселились впервые китайскія войска подъ верховнымъ начальствомъ цзянь-цзюня, имѣвшаго титулъ «разсѣивающаго величіе». Можно думать однако, что хотя первый кобдѣскій цзянь-цзюнь и именовался вышепомянутымъ громкимъ титуломъ, тѣмъ не менѣе постъ его не былъ самостоятельнымъ, и вся дѣятельность его была въ зависимости отъ великаго цзянь-цзюня улясутайскаго, стоявшаго вообще во главѣ китайскихъ войскъ, боровшихся съ чжунгарями. Только съ 12-го года правленія Найралтү-түба кобдѣскому цзянь-цзюню было предоставлено нѣкоторое право самостоятельности въ дѣлахъ обороны, выступленія на войну и пр. По дальнѣйшимъ сказаніямъ лѣтописи видно, что охранныя войска, помѣщавшіяся въ Кобдѣ, не жили въ этой крѣпости постоянно, а мѣняли свое мѣстопробываніе, сообразуясь съ требованіемъ времени и обстоятельствъ; такъ на примѣръ, въ 1735 году они были переведены въ Цаганъ-суль. Въ 27-мъ году правленія Цянъ-луна (1762 г.), по докладу улясутайскаго цзянь-цзюня и хэбэй амбаней, состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Послѣ того какъ въ кобдѣской мѣстности построили крѣпость и постановили тамъ резиденцію сановниковъ, старый городъ,

1) Эрдэнійнъ-эрихѣ, II, гл. 43, л. 95.

воздвигнутый на берегахъ рѣки Кобдò, въ періодъ войнъ разрушился и подвергался наводненію; по сему повелѣвается: воздвигнуть городъ на восточной сторонѣ рѣки Буянтù, неподалеку отъ берега, со стѣнами вышиною въ двойную маховую сажень слишкомъ, толщиною въ одну маховую сажень слишкомъ, а въ окружности въ 400 двойныхъ маховыхъ саженей; въ трехъ сторонахъ — восточной, западной и южной — устроить по однимъ воротамъ, а по угламъ дозорныя башни; внутри города построить домъ присутственныхъ мѣстъ для разслѣдованія дѣлъ верховными сановниками, домъ военнаго казначейства и домъ присутствія для разслѣдованія монгольскихъ дѣлъ, всего три присутственныхъ мѣста, а также аданія для помѣщенія амбана, чиновниковъ, войскъ и провіантскихъ магазиновъ; за сѣмъ постановить станціи для продолженія трехъ дорогъ, а именно: а) отъ карауловъ, поставленныхъ на Алтаѣ, б) отъ Гучѣна и в) отъ крѣпости Улясутайской. Въ то же время въ Кобдò было назначено пребываніе тусалакчї цзянь-цзюня чжунгарскаго (лѣвой, западной стороны), и ему было поручено верховное главенство въ рѣшеніи дѣлъ, относящихся до войскъ, казны и принадлежащихъ (кобдòскому округу) монголовъ». Для болѣе частнаго разслѣдованія этихъ дѣлъ повелѣвалось вызывать монгольскихъ чиновниковъ поочереды на годъ, и вновь построенный на р. Буянтù городъ именовать, какъ и старый, Кобдò. На правой сторонѣ рѣки Кобдò повелѣвалось отвести мѣста для казенныхъ пашень, къ исполненію же работъ на пашняхъ было вызвано 400 семей халхаскихъ монголовъ, обязанныхъ военною службой и сто солдатскихъ семей китайцевъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени. Для завѣдыванія работающими на пашняхъ монголами были поставлены чиновники, которые должны были имѣть свое мѣстопробываніе въ Кобдò. Кромѣ того, здѣсь долженъ былъ проживать въ теченіе года, поочереды, одинъ изъ халхаскихъ цзасакòвъ для управленія монголами и еще одинъ изъ тайчжіевъ призывался къ такому же очередному занятію должности «цзахирахчї цзапгїна», на обязанности котораго было непосредственное высшее наблюденіе за содержащимися въ Кобдò преступниками, бѣглецами и ворами. На удовлетвореніе нуждъ казенной службы въ Кобдò было собрано съ монголовъ, кочующихъ на пространствѣ отъ Улясутая до Тарбагатая, 2000 лошадей и 1,000 верблюдовъ, а для работы на пашняхъ изъ тѣхъ же мѣстностей 872 быка. Завѣдываніе этимъ скотомъ возлагалось на чиновника, носившаго титулъ «тусалакчї-түши-мѣль», а уходъ за скотомъ — на особливо приставленныхъ къ сему солдатъ. Въ 1766 году въ Кобдò было учреждено новое высшее управленіе Дурбѣтами, и чиновники, засѣдающіе въ этомъ управленіи, были раздѣлены на шесть очередей. Въ 1768 г. очереднымъ монгольскимъ цзасакамъ была

пожалована дощечка для обозначенія ихъ мѣстопробыванія, а труды ихъ повелѣно облегчить, прибавивъ для засѣданія въ ихъ ямунѣ одного помощника изъ тайчжюевъ, который долженъ былъ смѣняться по очереди. Привилегія имѣть дощечку сохраняется присутственнымъ мѣстамъ очередныхъ халхаскихъ цзасакѡвъ до настоящаго времени, только дощечку эту они получаютъ теперь не отъ императора, а отъ хэбэй-амбана, — первый привилегій того былъ въ 1824 году. Начиная съ 1782 г. число кобдѡскихъ пашень то увеличивалось, то уменьшалось, количество работающихъ на нихъ китайскихъ солдатъ то прибавлялось, то сокращалось и такъ вплоть до нашихъ дней, когда, согласно положенію 1808 года, на кобдѡскихъ пашняхъ оставлено всего 224 китайскихъ латника при семи начальствующихихъ. Кромѣ сего, для постояннаго пребыванія въ городѣ оставлено было 48 человекъ китайскихъ солдатъ, изъ принадлежащихъ къ зеленому знамени. Необходимость ихъ мотивировалась незначительностью солдатъ, какъ крѣпостной прислуги, въ Кобдѡ вообще, а потому этихъ оставленныхъ предполагалось употреблять на слѣдующія работы: въ караулъ при воротахъ города, при казначействахъ, складочныхъ и провіантскихъ магазинахъ и при тюрьмахъ; въ конвой, сопровождающій провіантъ до Улясутая; въ прислугу при караванахъ, привозящихъ казенный чай изъ Хухухотѡ, а равно при табунахъ верблюдовъ, пригоняемыхъ изъ Гучэна(?), и наконецъ, какъ конвой, для сопровожденія преступниковъ. Въ 1838 году докладомъ изъ Улясутая великій цзянь-цзюнь и хэбэй-амбани испрашивали назначенія помощника кобдѡскому амбаню по военнымъ дѣламъ; въ резолюціи императора хотя и упоминалось о томъ, что до сего времени существовалъ же кобдѡскій амбань безъ помощника, однако, въ виду обширности края и удаленности его отъ Улясутая, дозволялось назначить особаго сановника съ званіемъ помощника амбана (это настоящій — второй или младшій кобдѡскій амбань). Съ 1838 г. составъ администраціи, живущей въ Кобдѡ, кажется, не измѣнялся, и должности начальствующихихъ остались въ городѣ тѣ же самыя, очеркъ учрежденія которыхъ сейчасъ представлень.

Какъ уже можно было видѣть, всѣ эти чиновныя лица живутъ въ Кобдѡ, или точнѣе сказать, въ Кобдѡской крѣпости, потому что городъ Кобдѡ въ настоящее время состоитъ не изъ одной крѣпости, но еще и изъ маймачэна, подобно тому, какъ это мы уже видѣли въ Улясутай. Впрочемъ, давая кобдѡскому укрѣпленію названіе крѣпости, я придерживаюсь наименованія его въ лѣтописяхъ; собственно же говоря, окруженный стѣнами городъ Кобдѡ давно уже потерялъ это значеніе, потому что онъ не имѣетъ у себя самаго главнаго — гарнизона. По усмиреніи блѡтскихъ возстаній

во второй половинѣ XVIII вѣка, китайскія войска были отведены за Великую стѣну и въ Кобдѣ оставалось такое незначительное количество ихъ, что ихъ не было достаточно и для выполнения обязанностей разсыльныхъ. При нападеніи Хойхѡйцевъ въ 1869—1870 гг., правда, въ Кобдѣ снова сосредоточивались китайскія войска; ихъ было въ ту пору даже такъ много, что самая крѣпость оказалась недостаточною и правительство должно было построить вторую, меньшую, въ полуверстѣ отъ главной крѣпости, на южномъ концѣ кобдѣскаго маймачѣна. Солдаты эти проживали въ Кобдѣ и послѣ набѣговъ Дунганъ на западную Монголію; остатки этихъ войскъ даже пришлось и мнѣ видѣть въ 1876 г., въ первый проѣздъ мой черезъ Кобдѣ; но теперь въ Кобдѣ, какъ и до наступленія Хойхѡйцевъ, уже вовсе нѣтъ гарнизона, отъ чего и кобдѣская крѣпость на языкѣ монголовъ называется не «шэрэгійнь-хуръ» (военный курѣнь) какъ, напримѣръ, Улясутайская, а просто «Сангійнь-хотѣ», что значитъ—казенный городъ.

Внѣшній видъ Сангійнь-хотѣ и описаніе стѣнъ его уже были представлены въ словахъ императорскаго указа, хотя тамъ не упомянуто только объ одномъ, что городъ еще окруженъ рвомъ, въ которомъ, однако, нѣтъ воды и чрезъ который противъ каждаго городскаго воротъ построены узкіе деревянные мосты, для большей прочности обмазанные глиною. Южныя ворота крѣпости, по обычаю, почитаются главными и надъ проходомъ въ нихъ вѣдлана каменная плита, съ начертанными двумя іероглифами: Фу-инъ (匯富). Говорятъ, это древнее названіе крѣпости. Какъ и въ крѣпости Улясутайской здѣсь у южныхъ воротъ сосредоточены главнѣйшія казенныя постройки, какъ-то: дома амбаней и ихъ присутственныя мѣста. Точнѣе, войдя въ южныя ворота крѣпости, вы вступаете на широкую площадь, на которой по лѣвую, западную сторону будетъ располагаться домъ главнаго амбана (цань-цань да-чэн'я), а на правой, восточной сторонѣ — домъ втораго амбана (бань-бань да-чэн'я). Такъ какъ должность бань-бань да-чэн'я въ настоящее мое посѣщеніе г. Кобдѣ была вакантною и я не могъ посѣтить этого амбана, то помѣщеніе его осталось для меня не извѣстнымъ въ своихъ подробностяхъ, но, кажется, оно представляетъ собою стереотипную копію съ дома главнаго амбана, у котораго я былъ и который самъ лично показалъ мнѣ свое жилище до мельчайшихъ закоулковъ. Все подворье амбана обнесено большою оградой изъ сырцеваго кирпича и раздѣляется на двѣ половины—восточную и западную. Амбанъ занимаетъ только одну западную половину, которая раздѣлена съ юга на сѣверъ на три двора. Первые два двора совершенно пустынные и отдѣляются одинъ отъ другаго только оградами, да воротами; единственнымъ назначеніемъ ихъ является, кажется, служить установленнымъ у китайцевъ этикетамъ. На первый изъ

дворовъ въѣзжаютъ чины штабъ и оберъ-офицерскаго званія и, оставляя здѣсь своихъ лошадей, идутъ далѣе пѣшкомъ вплоть до пріемныхъ покоевъ амбана; на второй дворъ въѣзжаютъ лица генеральскаго чина, или титулованныя. Что касается меня, то, пользуясь своею принадлежностью къ великой державѣ и своимъ рангомъ, я проѣхалъ до воротъ третьяго двора, у которыхъ и встрѣтилъ меня амбанъ. На этомъ третьемъ дворѣ, по обычаю всѣхъ вообще китайцевъ, сосредоточены всѣ зданія жилища амбана, какими являются прежде всего бѣйшины налѣво отъ воротъ, построенные въ два ряда. Первый, наружный рядъ заключаетъ въ себѣ официальные пріемные покои амбана. Это—продолговатое, одноэтажное зданіе въ пять цзяней, изъ коихъ срединный цзянь представляетъ собою нѣчто вродѣ передней и устроенъ проходнымъ. Изъ него продѣланы двери въ двѣ боковыя пріемныя комнаты амбана, величиною въ два цзяня каждая. Первая изъ нихъ, направо, такъ сказать, — дѣловой кабинетъ амбана: здѣсь онъ принимаетъ доклады своихъ чиновниковъ, выслушиваетъ просителей, дѣлаетъ допросы важнѣйшимъ подсудимымъ и проч.; вторая комната, обычно находится на заперѣ и открывается только въ случаяхъ визита официальныхъ гостей: здѣсь принимаетъ амбанъ проѣзжающихъ черезъ Кобдо китайскихъ и русскихъ сановныхъ людей, командиремыхъ изъ Пекина и другихъ городовъ чиновниковъ, важнѣйшихъ монгольскихъ князей и проч.; въ этой же комнатѣ амбанъ принималъ и меня. Все здѣсь носитъ характеръ строгой солидности: канъ обтянутъ краснымъ сукномъ, олбѣки такіе же красные, суконные, лежатъ по обѣимъ сторонамъ низенькаго, деревяннаго, лакированнаго стола; по стѣнамъ узкіе и длинные столы, также покрытые краснымъ сукномъ, а съ боковъ ихъ—широкіе, четырехугольные табуреты; на стѣнахъ развѣшаны дуйцзы и этимъ ограничивается все убранство комнаты. Дѣловой кабинетъ амбана по своей обстановкѣ совершенно такой же, только на канѣ здѣсь полагается не два, а одинъ олбѣкъ, собственно для амбана; это служитъ также знакомъ, что никто изъ посѣтителей этой комнаты не можетъ сидѣть на канѣ, а долженъ занять какое-либо второстепенное мѣсто. На столѣ передъ сѣдалищемъ амбана стоятъ червильница съ тушью и вообще всѣ приборы для письма, а по бокамъ кана сложено нѣсколько томовъ законоположеній китайскаго правительства. Перешедши черезъ всю переднюю, или вышепомянутый проходной цзянь бѣйшина, можно вступить въ небольшой дворикъ, шириною сажени въ $1\frac{1}{2}$, на которомъ стоитъ второй такой же пятицзянный бѣйшинъ; здѣсь сосредоточены внутренніе покои амбана, въ которыхъ живетъ онъ постоянно, съ своими, часто мѣняемыми имъ женами. Съ этого дворика небольшая калитка ведетъ въ довольно обширный и широковетвистый садъ, находящійся при

домѣ амбана и занимающій собою весь юго-западный уголъ крѣпости. Садъ этотъ всегда содержится въ большой чистотѣ и убирается обыкновенно арестованными за какую-нибудь провинность монголами.

Если амбанъ послѣ оффиціального приѣма кого-либо изъ своихъ чиновныхъ посѣтителей нисходитъ съ нимъ до интимныхъ бесѣдъ, завтрака и обѣдовъ, то на сей конецъ у него имѣются другія приемныя комнаты, помѣщающіяся въ байшинѣ на правой, восточной сторонѣ двора; такимъ образомъ для того, чтобы пройти въ оффиціальную столовую амбана, нужно перейти черезъ весь дворъ. Обстановка этого помѣщенія, распланированного также точно какъ и первый приемный байшинъ, только безъ проходныхъ сѣней, нѣсколько роскошнѣе и жизненнѣе. Олбѣки здѣсь обтянуты шелковымъ штофомъ, на канѣ, помимо олбѣковъ, лежатъ еще подушки, а по стѣнамъ, кромѣ дуйцъ, имѣются картины китайской акварели.

Сѣверная сторона двора амбана занята также байшиномъ, но это уже не жилое помѣщеніе, а кладовая для храненія казеннаго крѣпостнаго оружія.

Восточное отдѣленіе обнесеннаго общею оградою амбанскаго подворья занимается состоящею при амбанѣ челядью: нѣсколько загрязненныхъ байшиновъ построено здѣсь у стѣнъ ограды, середина же двора остается пустою и назначается для загона сюда лошадей, которыя, въ числѣ 80 головъ, ежемѣсячно пригоняются сюда изъ казенныхъ стадъ, для разъѣздовъ какъ самого амбана, такъ и его прислужниковъ.

На ряду съ помѣщеніями амбаней, нѣсколько сѣвернѣе ихъ, находятся ямуни, или мѣстныя присутственныя мѣста. Таковыхъ полагается здѣсь три: бинъ-бу, или чохай-ямунь, завѣдывающій дѣлами китайскихъ солдатъ и вообще всѣхъ проживающихъ въ Кобдѣ по дѣламъ службы китайцевъ; ху-бу, по-маньчжурски, бойгони-ямунь, или кобдѣское казначейство; и ли-фанъ-юань, или монголь-ямунь, въ которомъ сосредоточивается управленіе всѣхъ причисляющихся въ Кобдѣ монголо-татарскихъ поколѣній, какъ-то: дурбѣты, блѣты, торгоуты, мингаты, цзахачины, урянхай и киргизы. Позади каждаго изъ этихъ ямуней, и слѣдовательно еще сѣвернѣе ихъ, располагаются жилища служащихъ при ямунѣ чиновниковъ, главнѣйшими изъ которыхъ являются битхэши, называемые у монголовъ обыкновенно «цзурганами». По закону, эти битхэши высылаются къ отправленію своей должности изъ пекинскаго ли-фанъ-юаня на срокъ трехъ лѣтъ, но теперь постановленіе это соблюдается только по отношенію къ битхэши, завѣдывающему казначействомъ; что же касается чохай-цзургана и монголь-цзургана, то они нерѣдко просиживаютъ на своихъ мѣстахъ по нѣсколько трехлѣтій, вѣроятно, будучи совершенно забываемы пекинскимъ правительствомъ.

При учрежденіи кобдоскаго ли-фань-юаня, или инородческаго приказа, по положенію 1768 года, находится еще училище для приготовленія писарей, устроенное по расчету на 15 молодыхъ людей. Дѣти прибываютъ сюда, въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ, изъ хошунъ мингѣтскаго и блѣтскихъ и пробываютъ въ школѣ лѣтъ до 18—19-ти. Помѣщаются они въ казенныхъ юртахъ, на содержаніе же ихъ пищею и одеждою хошунны высылаютъ по 18 ланъ (36 сер. руб.) въ годъ на каждаго. Дѣти обучаются въ школѣ маньчжурской и монгольской грамотѣ, начиная непремѣнно съ маньчжурской азбуки, а потомъ уже знакомятся съ монгольской. Далѣе слѣдуетъ зазубриваніе словарей и переводы по сочиненіямъ «Эндүрингэ-тѣцхиянь» и «Сань-цзы-цзинъ», чтеніе маньчжурскаго «Сы-шу» и наконецъ законовъ, въ объемѣ исключительно уголовныхъ постановленій. Учителей въ школѣ полагается два, въ званіи цзангѣновъ, командируемыхъ съ этою цѣлью отъ блѣтскихъ и мингѣтскаго хошунъ; они отбываютъ свои обязанности, исполняя мѣсячную очередь, и получаютъ за свой трудъ содержаніе, въ количествѣ 80 ланъ въ годъ.

Вышеописанными казенными учрежденіями занята вся южная половина крѣпости; въ сѣверной части ея, начиная отъ восточныхъ крѣпостныхъ воротъ, вся, собственно сѣверо-восточная, сторона города занята сплошь подъ помѣщеніе провіантскихъ магазиновъ, зданія коихъ въ свою очередь окружены особою стѣною изъ сырцеваго кирпича. Внутри этой ограды находится громаднѣйшій и ровнѣйшій дворъ, утрамбованный не только наподобіе нашихъ молотильныхъ токовъ, но еще обмазанный мокрою глиной, выровненный и даже выполированный ладонями монгольскихъ рукъ. Провіантскіе магазины представляютъ собою обыкновенные деревянные сараи, внутри которыхъ сдѣланы закрома для ссыпки хлѣба. Крыши магазиновъ деревянные, двускатныя и обмазаны глиною, равно какъ и все зданіе; на верхушкахъ крышъ сдѣланы отверстія, родъ слуховыхъ оконъ, для пропуска воздуха и свѣта въ средину зданія. Всѣхъ такихъ сараевъ, или магазиновъ, числомъ до 45.

На ряду съ провіантскими магазинами, посреди самой крѣпости располагается небольшой плацъ, на сѣверной сторонѣ котораго, близъ сѣверной городской стѣны и на самой этой стѣнѣ устроена главнѣйшая въ крѣпости кумирня Гэсэра. Это едва ли ни самое красивое изъ крѣпостныхъ зданій, хотя снаружи рѣшительно ничто не можетъ намекнуть на эту красоту его. Подходя къ кумирнѣ, вы видите только ея обмазанную глиной ограду, да большія, устроенныя подъ навѣсомъ, ворота, по бокамъ которыхъ стоятъ выгнанные изъ глины же уродливыя изображенія древнихъ китайскихъ богатырей. Пройдя черезъ эти ворота, или черезъ нахо-

дящаяся по бокамъ ихъ калитки во внутрь двора, вы сначала видите также не особенно живописно выглядывающую заднюю стѣну зданія принадлежащаго кумирнѣ театра, но обогнувъ это зданіе сбоку, поражаетесь красотою, простотою и вмѣстѣ какою-то уютностью окружающаго. Оглянувшись назадъ на открытую и пустую сцену театра, расположенную прямо напротивъ дверей кумирни, вы направляетесь потомъ по ровной, нѣсколько воз-

Кумирня Гэсэра въ Кобдóской крѣпости.

вышенной надъ общимъ уровнемъ двора и усаженной по бокамъ тополями и цвѣтами дорожекъ къ зданію кумирни. По сторонамъ идутъ бѣдненькія зданія китайскихъ бѣйшиновъ, отводимыя подъ помѣщеніе въ нихъ пріѣзжающихъ артистовъ. Проходя черезъ трое, довольно эстетично изукрашенныхъ надписями воротъ, вы поднимаетесь по лѣстницѣ къ самой кумирнѣ, устроенной частію на городской стѣнѣ. Когда основана въ Кобдó кумирня Гэсэра, объ этомъ я не имѣю положительныхъ свѣдѣній, но изъ китайской надписи, начертанной на двухъ желѣзныхъ аллебардахъ, стоящихъ у главныхъ дверей кумирни, мы узнаемъ, что аллебарды эти были приготовлены для кумирни 15-го числа 5-й луны 50-го года правленія Цянь-луна, т. е. въ 1786 году; изъ другой китайской надписи на камнѣ, стоящемъ на портикѣ передъ дверями кумирни, видно, что она была возобновлена въ первомъ году царствованія Тунъ-чжи, соответствующемъ

нашему 1862 году. Во время нападенія дунганъ, кумирня Гэсэра, равно какъ и самая кобдская крѣпость, не подверглась никакому бѣдствию, оттого, посѣтивъ Кобдѣ въ 1876 г., я нашелъ и эту кумирню, и ея театральную сцену только состарѣвшимися и предполагаемыми къ перестройкѣ. Въ началѣ 1880 гг., ихъ, говорятъ, дѣйствительно слегка поправили, но теперь здѣсь снова все пришло уже въ ветхость и несомнѣнно требуетъ для себя самага капитальнаго ремонта. Внутри кумирня отличается бѣдностью своей утвари, а изъ кумировъ только деревянная статуя Гэсэра представляется нѣсколько порядочною; статуи же богатырей, спутниковъ Гэсэра, сдѣланы изъ глины и особенно обветшали.

Къ западу отъ кумирни Гэсэра, занимая собою весь сѣверо-западный уголъ крѣпости, располагаются зданія кобдскаго острога. Тюремный замокъ въ Кобдѣ можетъ по своему устройству служить типомъ постройки этихъ зданій въ монгольскихъ городахъ. Ограда тюремнаго замка не отличается здѣсь отъ хашан'а (забора) обыкновеннаго дома; какъ у казеннаго зданія, она сдѣлана, пожалуй, нѣсколько выше, но это не мѣшаетъ ей быть даже хуже и менѣе прочною, нежели у богатыхъ китайскихъ торговцевъ. Частоколъ изъ бревенъ лиственницы, обмазанный глиною, — вотъ наружная стѣна тюремнаго замка. Чтобы сдѣлать эту стѣну выше, на верху ея поставлена рѣшетка изъ тонкихъ прутьевъ. Вступивъ въ окруженный такими стѣнами дворъ замка черезъ ворота, которыя, нужно замѣтить, въ теченіе всего дня, какъ и во всѣхъ частныхъ домахъ, отперты и затворяются только на ночь, находишь байшинъ, въ которомъ живутъ сторожа замка; изъ дверей занимаемыхъ ими комнатъ и входъ къ заключеннымъ. Преступники содержатся въ подземельяхъ, освѣщаемыхъ окнами сверху, чрезъ которыя проходитъ и свѣжій воздухъ въ занимаемое ими помещеніе. Подземелье представляетъ собою большую четырехугольную комнату, которая съ двухъ сторонъ огорожена деревянною рѣшеткою. За этими рѣшетками сидятъ заключенные, пространство же между двумя рѣшетками назначается для прохода прислужниковъ и посѣтителей. Стѣны въ такихъ казематахъ земляныя.

Почти на ряду съ этимъ острогомъ, нѣсколько южнѣ его и ближе къ западнымъ крѣпостнымъ воротамъ, находится едипственная въ Кобдѣ магометанская мечеть. Зданіе ея, стоящее вряду домиковъ китайскихъ солдатъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ этихъ послѣднихъ. Это обычный, жилой, китайскій байшинъ, въ три цзяня, построенный за глинобитными стѣнами и только наклеенная надъ воротами его, на небольшомъ листкѣ, какая-то полустершаяся арабская надпись свидѣтельствуетъ о связи этого домика съ далекой родиной Магомета. Всѣхъ магометанъ въ

Кобдò считается до 150 человекъ; они имѣютъ своего ахуна изъ числа солдатъ здѣшняго гарнизона, но къ отправленію какихъ-либо общественныхъ религіозныхъ обрядовъ почти никогда не собираются и мечеть ихъ, говорятъ, иногда пустуетъ цѣлыми годами.

Воду обитатели Сангійнь-хотò получаютъ изъ колодезь, вырытыхъ во дворахъ; но лучшею почитается вода изъ такъ-называемаго святаго колодца, или аршана. Колодезь этотъ находится въ сѣверо-западной части города; глубина его не превышаетъ $1\frac{1}{2}$, или 2-хъ аршинъ отъ уровня земной поверхности и на всемъ этомъ пространствѣ стѣны его выложены камнемъ, а поверхъ земли онъ обдѣлапъ въ небольшой срубъ, съ крышкою и навѣсомъ. Передъ колодеземъ сдѣлана часовня, въ которой стоитъ кумиръ, представляющій собою сидящаго сѣдаго старца. Китайская надпись сбоку этого кумира гласитъ: «въ этомъ колодезѣ живетъ царь воды и владыка драконовъ». Всѣ эти постройки обнесены съ трехъ сторонъ стѣнами изъ сырцеваго кирпича, а съ четвертой, южной стороны, вмѣсто такой стѣны устроены деревянные ворота, надъ которыми красуется китайская надпись: 泉井王龍, т. е. «ключевой колодезь царя драконовъ».

На ряду съ этимъ колодеземъ стоитъ кумирня, посвященная генію хранителю кобдòской мѣстности и потому называющаяся «Ту-ди-сы» 土地祠. Здѣсь специально приносятъ свои жертвы кобдòскіе землешцы.

Очередные нойны, которые засѣдаютъ въ ямунѣ, рѣшающемъ дѣла халхасовъ, не живутъ въ Сангійнь-хотò, а помѣщаются, какъ и въ Уля-сутаѣ, внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, — въ юртахъ. Очереди въ Кобдò назначаются срокомъ для чиновниковъ изъ тўшѣтү-хановскаго аймака — на годъ, изъ саяннь-нойновскаго — на полгода, цзасактү-хановскіе же мѣняются черезъ каждые три мѣсяца; само собою разумѣется, что въ основѣ такого положенія лежитъ сравнительная удаленность отъ Кобдò первыхъ двухъ аймаковъ и близость послѣдняго. Изъ цэцэнъ-хановскаго аймака очередныхъ цзасакдовъ въ Кобдò не бываетъ.

Торговая часть города Кобдò, или кобдòскій маймачэнъ расположенъ саженяхъ во ста къ югу отъ крѣпостныхъ стѣнъ Сангійнь-хотò и верстахъ въ полтора къ востоку отъ рѣки Буинтүйнъ-гöла. Буинтүйнъ-гöль у торговаго города доходитъ саженей до пяти въ ширину, глубиною же не превышаетъ аршина и каменистое русло его ясно можно видѣть подъ водою. Рѣчная вода пріятна на вкусъ и хотя не отличается особенною мягкостью, все-таки превосходить ту, которою довольствуются кобдòсцы маймачэна: китайцы, живущіе въ кобдòскомъ маймачэнѣ, не берутъ воды изъ Буинтүйнъ-гöла, они считаютъ неудобнымъ привозить ее по причинѣ отдаленности рѣки и пьютъ воду изъ колодезь, которыхъ въ городѣ считается четыре,

кромѣ частныхъ, выкопанныхъ во дворахъ. По преданію, въ г. Кобдѣ съ самаго времени его построения и до 1871 года, въ которомъ Кобдѣ былъ разрушенъ дунганами, были проведены изъ рѣки канавы, водою которыхъ поливали городскія улицы, а иногда и употребляли ее для питья; но послѣ дунганскаго погрома, когда городъ года три — четыре стоялъ полуразрушеннымъ, канавы эти позасорились и еще въ 1876 году вода въ нихъ была по большей части грязная, а иногда и совершенно пересыхала вслѣдствіе наноса, или и нечистотъ въ канавахъ. Съ 1887 года, благодаря внимательной распорядительности мѣстнаго маньчжурскаго амбана, канавы въ кобдѣскомъ маймачѣнѣ были снова углублены и исправлены, и вода по нимъ потекла опять въ прежнемъ количествѣ; съ тѣхъ поръ канавы эти ежегодно очищаются и на сей предметъ даже установленъ особый денежный сборъ въ городѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ одного цина (20 коп.) съ каждаго байшина. Торговая часть Кобдѣ значительно больше Сангійнъ-хотѣ по своимъ размѣрамъ, но состоитъ только изъ трехъ улицъ. Первая главная улица (йэхэ-цзэли) проходитъ съ юга на сѣверъ чрезъ весь городъ ровною линіей; вторая (наринъ-цзэли), тянущаяся также съ одного конца города на другой и параллельная главной на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ ломаную линію только тамъ, гдѣ примыкаетъ къ ней перпендикулярная ей третья улица, соединяющая ее съ главной. Эта послѣдняя улица идетъ съ восточнаго конца города и, пересѣкая главную улицу (йэхэ-цзэли), упирается во вторую, параллельную главной (наринъ-цзэли). Китайцы почему-то почитаютъ эту поперечную улицу одною изъ самыхъ несчастныхъ и полагаютъ, что именно черезъ нее проходятъ въ городъ всякаго рода черти и злые духи, приносящіе съ собою моровыя повѣтрія, болѣзни, падежъ скота и прочія несчастія. Чтобы устрашить этихъ духовъ, они въ стѣнѣ главной улицы, на самомъ перекресткѣ ея съ помянутою поперечною улицею, вдѣлали привезенный ими якобы изъ Шань-дуна камень, на которомъ начертали нижеслѣдующую надпись, въ изображеніи ея сверху внизъ: **當 敢 石 山 泰** что значить: «камень Тай-шань'скихъ горъ противустоятъ (т. е. вліяніямъ злыхъ духовъ)». Предполагается что хранительныя Тай-шань'скія горы защитятъ обитателей отъ всѣхъ тѣхъ наводженій, которыя приносятъ съ собою эти злые духи. Какъ и всѣ другіе маймачѣны, кобдѣскій маймачѣнъ почти сплошь состоитъ изъ лавокъ, если только исключить заборы и ворота во дворъ, которые, впрочемъ, занимаютъ сравнительно большое пространство только на главной улицѣ, что же касается наринъ-цзэли, то она представляетъ почти непрерывный рядъ торговыхъ зданій. Всего лучше это опредѣляется самымъ количествомъ лавокъ: въ наринъ-цзэли ихъ насчитывается 39 въ рядъ, тогда какъ въ главной только 14,

но за то въ главной улицѣ сосредоточены всѣ богатые торговые дома города Кобдѣ. Всѣ постройки въ городѣ сложены изъ сырцеваго кирпича и отличаются ровностью и чистотою, рѣдкою не только въ китайскихъ городахъ, но и желательною для русскихъ. Главная улица, саженей въ 15 ширины, усажена высокими тополями, что при совершенной чистотѣ, при-

Главная улица въ Кобдѣскомъ маймачѣнѣ.

даетъ ей весьма привлекательный видъ, особливо для глаза, привыкшаго къ однообразной сѣровой равнинѣ монгольской степи. Описываемая чистота кобдѣскихъ улицъ отмѣчалась, кажется, рѣшительно всѣми путешественниками, и теперь можно сказать, что этотъ порядокъ поддерживается въ Кобдѣ уже существующими традиціями. Помимо чистоты здѣсь какъ рѣдкость можно услышать какой-либо шумъ на улицѣ, увидѣть безобразную скачку монголовъ на верховыхъ лошадяхъ и никогда не приходится закрывать носа отъ зловонія, обычнаго не только во всѣхъ китайскихъ поселеніяхъ, но даже и на улицахъ Пекина. О томъ, какимъ образомъ достигается въ Кобдѣ этотъ порядокъ, мнѣ пришлось узнать изъ чрезвычайно характеристичнаго для нравовъ мѣстныхъ жителей объявленія кобдѣскаго амбана, которое въ настоящій мой пріѣздъ въ Кобдѣ было расклеено по заборамъ на всѣхъ перекресткахъ и рѣшительно у всѣхъ кумирень и присутственныхъ мѣсть. Это было распоряженіе кобдѣскаго амбана, воспрепятствующее

ѣзду въ городѣ на лошадахъ. Вотъ точный переводъ этого документа: «Недавно халхаскій ламѣ Лубсанъ, напившись водки, произвелъ въ пьяномъ видѣ безпорядокъ на улицѣ, шумѣлъ, буянилъ и безъ всякой осторожности скакалъ верхомъ на лошади по городу, словомъ, дошелъ до предѣловъ незнанія порядка. Я приказалъ посему взять этого ламу Лубсана въ ямунь, надѣть ему на мѣсяць кангү, по окончаніи означеннаго срока публично наказать его, для вящаго примѣра толпѣ, плетями и засимъ отправить его по этапу въ родовой хошүнь. Сообщая объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, объявляю, чтобы отселѣ впредь аймачныя чиновники и простолюдины, пріѣзжая въ Кобдò, отнюдь не смѣли вѣѣзжать верхомъ въ городъ, а слѣзали бы съ своихъ лошадей вдалекѣ и, слѣдуя по улицамъ пѣшкомъ, водили бы своихъ лошадей въ поводу. Ни въ какомъ случаѣ не должны они самовольно вѣѣзжать, или выѣзжать изъ города верхомъ. Если же кто не будетъ поступать согласно настоящему распоряженію и воспротивится ему, то таковаго, какъ и ламу Лубсана, будутъ наказывать ударами плетей и надѣваніемъ кангү, для поданія примѣра прочимъ».

Для наблюденія за порядкомъ и чистотою маймачэна, въ немъ устроена полиція, называемая, какъ въ Улѣсутаѣ, «тин-цзінъ»; здѣсь по очереди засѣдаютъ бѣ-цзуны, высылаемые изъ цзургановъ на срокъ одного мѣсяца. На обязанности полиціи лежитъ блюсти за порядкомъ въ городѣ, преслѣдовать мелкія мошенничества и воровства, судить и разбирать произведенныя на улицахъ драки и сторожить городскія улицы ночью, для чего въ Кобдò устраиваются городскіе обходы, по общему обычаю раздѣляющіеся на пять стражъ.

Обращаясь къ дальнѣйшему описанію внѣшняго вида города, мы должны сказать, что постройки его, также точно какъ и употребляемый для нихъ матеріалъ, весьма однообразны. Обыкновенно на улицу стоятъ построенный или изъ дерева, или сырцеваго кирпича, но во всякомъ случаѣ и непремѣнно обмазанный глиною, одноэтажный байшинъ, единственное окно котораго съ рамою аршина въ $2\frac{1}{2}$ въ вышину и въ сажень, а иногда и того болѣе шириною, раздѣляется на 40—50 клѣточекъ, заклеенныхъ китайскою бумагою для пропуска свѣта. У нѣкоторыхъ богатыхъ въ четыре срединыя клѣточки вставляются стекла, удобопрозрачность которыхъ здѣсь, впрочемъ, не достигаетъ своей цѣли: китаецъ непремѣнно разрисуетъ ихъ картинками, и онѣ дѣлаются едва ли еще не темнѣе бумаги. Это окно принадлежитъ комнатѣ, въ которой помѣщается торговецъ. Рядомъ съ нимъ такой же высоты, но еще болѣе длинное окно безъ рамы служитъ входомъ въ лавку и прилавкомъ ея; на ночь оно забирается досками, и, кромѣ того, у нѣкоторыхъ передъ этимъ окномъ во всю вышину его устроивается дере-

влянный частоколы. Рядомъ съ домомъ располагаются обыкновенно ворота, если и не раскрашиваемыя такъ красиво, какъ это мы видѣли въ ургинскомъ маймачѣнѣ, то во всякомъ случаѣ устрояемыя по одному съ ними плану, съ тѣми же неизмѣнными навѣсами и лавочками. За воротами слѣдуетъ небольшой заборъ изъ сырцеваго кирпича, къ которому примыкаетъ безъ малѣйшаго промежутка другой такой же домъ и съ такими же пристройками. Вотъ общій видъ обыкновенныхъ китайскихъ лавокъ въ наринь-цзэли. На большой улицѣ находятся главнымъ образомъ жилища богатыхъ торговцевъ, оттого она имѣетъ нѣсколько другой характеръ. Богачи строятся просторнѣе и приспособляютъ свои помѣщенія къ самому образу своей торговли. Прежде всего, они, по обычаю застѣнныхъ китайцевъ, не строятъ своихъ домовъ на улицу, — оттого йэхэ-цзэли представляетъ почти непрерывный рядъ заборовъ, смѣняющихся только воротами съ необходимыми при нихъ навѣсомъ и лавочками. Внутри двора, прямо противъ воротъ, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ, ставится щитъ, хотя и заграждающій для посторонняго взгляда внутренность двора, тѣмъ не менѣе оставляющій по бокамъ свободное пространство для прохода и проѣзда. Отъ этого щита чрезъ весь дворъ тянутся постройки жилыхъ зданій съ окнами, такой же величины и устройства какъ и въ вышеописанныхъ домахъ на улицу, и по большей части обращенными на южную сторону. Окна чередуются съ дверями, которыхъ бываетъ отъ 5 до 10, 15 и даже болѣе, смотря по количеству цзэней. За жилыми зданіями располагаются непосредственно амбары и товарные склады. Таковы жилища кобдоскихъ богатыхъ китайцевъ. Лавокъ они не имѣютъ, потому что не ведутъ въ Кобдо мелочной торговли, а продаютъ товаръ главнымъ образомъ оптомъ; по знакомству, конечно, у нихъ можно купить товаръ и въ розницу, какъ — кусокъ пи-цюй-чоу, или штуку какой-нибудь шелковой матеріи, но и это рѣдко. Въ случаѣ какъ оптовой, такъ и розничной продажи, всякаго рода сдѣлки и условія совершаются въ жилой комнатѣ хозяина; товаръ приносится на показъ изъ кладовыхъ приказчиками, въ самыя же кладовыя для выбора, по обычаю, не допускаются не только обыкновенные покупатели, но и близкіе друзья хозяевъ. Мелочная торговля у богатыхъ китайскихъ домовъ идетъ только по хошунамъ, куда съ этою цѣлью они посылаютъ своихъ приказчиковъ. Хошунная торговля китайцевъ весьма выгодна, и эта выгода обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что они даютъ товаръ въ долги, которые собираютъ ежегодно. Торговыхъ домовъ, ведущихъ свои дѣла описаннымъ способомъ, въ Кобдо считается девять: Да-шань-куй, Тянь-и-дэ, Юань-шань-дэ, И-хо-дунъ, Чагантай, Тунъ-шанъ, Шунъ-чай, Могва, Ай-су-ну (монг. Ундурь-мод) и Айгунъ. Со времени моего послѣдняго пре-

быванія въ Кобдò въ 1879 году нѣкоторые изъ этихъ торговыхъ домовъ уже значительно упали, другіе измѣнили свое дѣло, третьи даже совершенно бездѣйствуютъ и тѣмъ же менѣе традиція горожанъ все-таки считаетъ въ Кобдò существующими именно девять вышепомянутыхъ домовъ. Въ частности:

Да-шэнь-куй (大盛魁) составляется компаніею хуху-хотòскихъ купцовъ. Капиталъ этой фирмы высчитываютъ въ 2000 ваней ланъ, что въ переводѣ на наши деньги составитъ около 40 милліоновъ руб. сер. Дѣло Да-шэнь-куй въ Монголіи, какъ извѣстно, состоитъ главнымъ образомъ въ исполненіи банкирскихъ обязанностей почти для всей Халхи. Отдѣленіе этой фирмы въ Кобдò поручительствуетъ за халхаскіе хошұны тұшұту-хāновскаго и цзасакту-хāновскаго аймаковъ и не платитъ только за цэцэнъ-хāновскій аймакъ, такъ какъ въ Кобдò дѣла цэцэнъ-хāновцевъ, по отдаленности ихъ кочевьевъ, не ведутся вовсе. Помимо сего фирма Да-шэнь-куй исполняетъ здѣсь банкирскія обязанности для хошұновъ: блотскихъ, мингātскаго, дурбэтскихъ западнаго аймака, торгоутскаго хāна торгоутскаго вāна и урянхāйскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Барўнъ-амбāня. Въ настоящій мой прїездъ, въ Кобдò проживалъ главноуправляющій монгольскими дѣлами фирмы Да-шэнь-куй и отъ него я узналъ, что, производя свои операціи въ Халхѣ, компанія расходуетъ единственно на жалованье приказчикамъ до 30,000 ланъ и ежегодно отправляетъ въ Хуху-хотò отъ 80 до 100 тысячъ барановъ.

Тянь-и-дэ (天義德), извѣстная у монголовъ подъ именемъ «Насун-тай». Капиталъ этой фирмы считаютъ въ 100 ваней, или милліонъ ланъ (2.000,000 р. с.); является она въ Кобдò поручительницею по аймаку Сайнъ-нойна.

Юань-шэнь-дэ (元盛德), называемая у монголовъ Аршāнъ, по количеству своего основнаго капитала и оборотовъ почитается одинаковою съ Тянь-и-дэ, т. е. ведетъ дѣло приблизительно на 100 ваней, или на милліонъ ланъ. Компанія эта является поручительницею для Цзачаиновъ, Соїдотовъ, Дурбэтовъ восточнаго аймака, Байтовъ и Захāнъ-найманъ бртѣ; но главнымъ дѣломъ этой фирмы является теперь въ Монголіи даже не поручительство, а преимущественно скотоводство. Ежегодный приплодъ въ стадахъ этой компаніи высчитываютъ теперь свыше 30 тыс. барановъ и до 6,000 верблюдовъ. Мелкій свой скотъ фирма выпасываетъ главнымъ образомъ въ кочевьяхъ урянхāйскихъ и дурбэтскихъ, а крупный, т. е. лошадей и верблюдовъ, въ цзачаинскомъ хошұнѣ. Въ 1892 году компанія Юань-шэнь-дэ отправила въ Китай черезъ Хуху-хотò до 45,000 барановъ и 500 верблюдовъ только изъ однихъ собственныхъ стадъ; всего это было на сумму

около 90,000 ланъ, да помимо того около половины этого числа было получено ею сборомъ отъ торговли и также перегнано въ Китай; всего же было отправлено, по мѣстному выраженію, «семь палатокъ». При каждой палаткѣ препровождается, круглымъ счетомъ, 10 тыс. головъ мелкаго скота, для охраны коего приставляется 20 пастуховъ изъ китайцевъ. Скотъ этотъ выгоняется въ Іюль и приходитъ въ Хухү-хотò приблизительно въ концѣ Сентября.

И-хо-дунъ (義和敦) опредѣляетъ свой капиталъ и годовой оборотъ вообще въ 500 тыс. ланъ, или миллионъ сер. рублей. Въ настоящую пору эта фирма не исправляетъ уже обязанностей тунши и, помимо оптовой торговли, ограничивается лишь тѣмъ, что, по распоряженію амбаней, всѣ присутственныя мѣста и казенныя учрежденія города и округа Кобдò обязаны брать всѣ потребныя для нихъ принадлежности въ лавкѣ этой компаніи въ теченіе первыхъ 15-ти дней мѣсяца.

Чагантѣй, — фирма, бывшая въ числѣ первыхъ компаній въ бытность мою въ Кобдò въ 1876 году и отправлявшая тогда обязанности тунши для дурбѣтовъ, въ настоящую пору значительно упала и теперь живетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что, подобно компаніи И-хо-дунъ, снабжаетъ всѣ присутственныя мѣста кобдòскаго округа своими товарами въ теченіе послѣднихъ 15 дней каждаго мѣсяца. Имѣя, еще съ прошлой поѣздки, знакомство съ управлявшимъ дѣлами этой фирмы китайцемъ, носившимъ монгольское имя Далай-гднбо, я теперь могъ подробно и откровенно прослущать отъ него исторію паденія чагантѣевской фирмы; она не особенно многосложна и состоитъ въ слѣдующемъ. Гоняясь за легкой наживой, чагантѣевцы еще лѣтъ тридцать тому назадъ хотѣли имѣть побольше поручительскаго и банкирскаго дѣла. Аймакъ Дурбѣтовъ, для котораго отправляли они обязанности туншей, казался имъ недостаточнымъ и имъ хотѣлось такъ или иначе заручиться банкирствомъ для аймаковъ халхаскихъ. Въ 1869 году желаніе это начало исполняться и чагантѣевцы заключили условіе съ сеймами цзасактү-хѣновскимъ и сѣйнъ-нойновскимъ, по которому они обязались удовлетворять потребности для военныхъ чиновъ означенныхъ аймаковъ, отбывающихъ службу на алтѣйскихъ караулахъ, т. е. выдавать имъ жалованье и все необходимое съ тѣмъ, чтобы уплата за это производилась изъ суммъ, ассигнуемыхъ аймаками на содержаніе карауловъ. Обязанности эти чагантѣевцы отправляли до 1877 года и за все это время постоянно выдавали караульнымъ чай и товары. Между тѣмъ совершилось извѣстное дунганское возстаніе. Халха и особливо аймаки цзасактү-хѣна и сѣйнъ-нойна подверглись разграбленію и сильно обѣдняли; жалованье караульнымъ чинамъ если и было сполна высылаемо, по закону, въ адресъ

кобдоскаго амбана, то было расходуемо этимъ послѣднимъ на другой предметъ, особливо на содержаніе дѣйствовавшихъ противъ дунганъ китайскихъ войскъ и чагантаевцы за свои товары едва могли получать половину ихъ стоимости. Съ конца 1876 года они начали постоянно обращаться съ просьбами въ кобдоскій чжисанъ объ уплатѣ денегъ; чжисанъ писалъ объ этомъ сеймовымъ старшинамъ, но старшины обоихъ сеймовъ ехидно отвѣчали, что, по условію, чагантаевцы должны были получать въ уплату за выдаваемый ими товаръ сумму, высылаемую на жалованье караульнымъ. Аймаки высылали такое жалованье въ той мѣрѣ, въ какой могли и чагантаевцы должны были сообразоваться въ своихъ выдачахъ съ высылкою денегъ на жалованье; если же они выдавали болѣе число товаровъ, то въ этомъ виноваты они сами и аймаки принимать на свой счетъ уплату за этотъ товаръ не будутъ. Получивъ такой отвѣтъ, чагантаевцы пришли въ ужасъ и снова начали свое ходатайство передъ чжисаномъ, выставляя на видъ, что помянутый отвѣтъ сеймовыхъ старшинъ есть не болѣе какъ казуистика. «Восемь лѣтъ», говорили они, «мы содержали караулы и получили долговъ свыше 50,000 ланъ; сеймовымъ управленіямъ хорошо извѣстно, что на тѣ средства, которыя высылали они, караулы не могли содержаться и, слѣдовательно, съ нашей стороны означенные монгольскіе аймаки не видали ничего, кромѣ помощи; между тѣмъ къ нашей фирмѣ теперь также представили свои претензіи наши кредиторы, и если долгъ не будетъ уплаченъ, то фирма должна будетъ погибнуть». Увѣренія и убѣжденія эти не тронули однако монголовъ и дѣло чагантаевцевъ нѣсколько поправилось лишь тогда, когда они обратились къ заступничеству своего же китайца, т. е. кобдоскаго амбана. Послѣдній, рассмотрѣвъ дѣло и принимая во вниманіе дѣйствительно тяжелое экономическое положеніе двухъ западныхъ аймаковъ Халхи, привлекъ къ этому расчету еще и тушѣту-хановскій аймакъ. При совокупныхъ усиліяхъ трехъ аймаковъ, чагантаевцы могли получить въ уплату стоимость отпущенныхъ ими товаровъ, но % на капиталъ, конечно, не получили. Благодаря такой уплатѣ, фирма могла рассчитаться съ своими кредиторами и продолжать дальше свое существованіе, но подняться хотя бы наполовину той высоты, на которой стояла она прежде, ей не удалось еще и до сего времени. Теперь она снова, помимо городской, пачала еще и степную торговлю, поведя свои дѣла у цзасакъ и особливо въ цзасакту-хановскомъ аймакѣ, въ хошунѣ Люнь-цзасакъ, на Цэцэкь-вурѣ.

Тунъ-шанъ, — компанія хуху-хотдскихъ купцовъ, является поручительницею по одному только хошуну дурбэтскаго хошой-цинъ-вана, какое положеніе она совершенно случайно наслѣдовала отъ чагантаевцевъ и, кажется, вскорѣ должна будетъ утратить въ пользу фирмы Юань-шанъ-дэ.

Въ началѣ 1870-хъ гг. дурбѣтскій хошѳи цинь-ванъ, славившійся своимъ богатствомъ и самодурствомъ, вдругъ пожелалъ вступить въ компанію съ весьма небогатою фирмою Тунъ-шанъ и вложилъ въ кассу ея по однимъ 5000, а по другимъ 8,000 ланъ своихъ денегъ. Чтобы получать возможно большее число процентовъ на этотъ капиталъ, онъ прекратилъ обязательства своего хошѳна къ фирмѣ Чагантай и избралъ своимъ тунши фирму Тунъ-шанъ. Но со смертію этого вана обстоятельства измѣнились. Прямого преемника у вана не было: деньги, внесенныя имъ въ дѣла фирмы, должны были быть получены хошѳиннымъ монастыремъ вана, за упокой его души, а хошѳинное правительство, будучи недовольно услугами тунъ-шан'овцевъ, думаетъ теперь, говорятъ, только о томъ, какъ бы расплатиться съ тунъ-шановцами и перейти къ Юань-шанъ-дэ, которые уже состоятъ туншами восточныхъ дурбѣтскихъ хошѳиновъ.

Гуанъ-шу-лунъ, или, въ просторѣчіи, Могва, единственная компанія въ Кобдѳ, цѣликомъ составляющаяся изъ дунганъ. Прежде производившая розничную торговлю какъ въ городѣ, такъ и въ хошѳнахъ, она оставила теперь этотъ родъ дѣятельности и съ 1882 года рѣшила открыть первый въ Кобдѳ дѣнь, или гостиницу для прїѣзжающихъ торговцевъ, наподобіе дѣней улясутайскихъ. Всего въ ней имѣется 10 отдѣльныхъ номеровъ, и съ прїѣзжающихъ она взимаетъ здѣсь за квартиру со столомъ и всѣми удобствами по 2 цина въ сутки, помимо, конечно, уплаты 2% съ капитала, вырученнаго отъ продажи товаровъ. Оборѳтъ фирмы въ общемъ весьма не большой; на дворѣ у нея имѣется еще лавочка, торговля которой идетъ, впрочемъ, слабо.

Остальныя двѣ фирмы — Ундуръ-модѳ и Айгунъ — давно уже прекратили у себя всякое дѣло; тѣмъ не менѣе кобдѳскіе китайцы считаютъ ихъ попрежнему въ числѣ старыхъ зажиточныхъ домовъ и полагаютъ, что, при удобныхъ обстоятельствахъ, они снова откроютъ свою торговлю.

Хошѳинная торговля кобдѳскихъ китайцевъ ведется на общихъ основаніяхъ: они также содержатъ у себя массу приказчиковъ для разсылки ихъ во всѣ концы, также торгуютъ товарами на монгольскую руку и промѣниваютъ ихъ главнымъ образомъ на сырье, которое отправляютъ засимъ во внутренній Китай. Къ особенностямъ здѣшней китайской торговли можно прибавить развѣ то, что китайцы не пользуются здѣсь такимъ расположеніемъ мѣстныхъ инородческихъ князей, какое находятъ они въ другихъ частяхъ Монголіи и, наоборотъ, ихъ страшно поддерживаетъ здѣсь собственно маньчжурское и китайское правительства. Отношенія богатыхъ китайскихъ компаній къ этимъ высшимъ правителямъ, то-есть къ амбаниямъ, нѣсколько приниженныя, хотя сами эти правители и состоятъ у нихъ въ постоянномъ долгу: послѣднее обуславливается отчасти неисправною

доставкою жалованья чиновникамъ изъ Пекина, а отчасти, кажется, еще болѣе зависитъ отъ нечестности самихъ амбаней, которые, входя въ сдѣлки съ компаніями, пользуются нѣкоторою частью чиновничьяго, а въ былое время еще и солдатскаго жалованья. Несмотря на такія, повидимому, близкія и товарищескія отношенія, компаньоны дрожатъ передъ амбанями. Разказываютъ нѣсколько случаевъ, что амбани, только за то что какой-нибудь компаньонъ сидѣлъ, или стоялъ у своихъ воротъ и не сдѣлалъ подобающаго книксена въ то время, какъ амбань проѣзжалъ мимо по улицѣ, били тутъ же его палками, или плетями по обнаженному тѣлу, въ виду всего народа.

Вторыми по богатству считаются лавки пекинскихъ торговцевъ. Пекинцевъ, ведущихъ постоянно свое дѣло въ Кобдѣ, въ прошлый мой пріездъ не было вовсе, въ настоящую же пору здѣсь почитаютъ уже прочно осѣвшею одну фирму, Юнь-цзюй-чэнь (永聚成), которая торгуетъ въ Кобдѣ уже нѣсколько лѣтъ и имѣетъ свою открытую лавку въ городѣ. Остальные пекинцы собственныхъ лавокъ не имѣютъ, а торгуютъ главнымъ образомъ во временно наемныхъ помѣщеніяхъ, въ дянѣ. Въ Кобдѣ они пріѣзжаютъ не надолго, обыкновенно на срокъ не болѣе какъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, за всѣмъ тѣмъ не бываетъ времени, чтобы пріѣзжихъ пекинцевъ не было бы вовсе: уѣзжаютъ одни, ихъ смѣняютъ другіе и т. д. Въ пекинскихъ лавкахъ можно найти всегда свѣжіе и лучшіе товары, притомъ сравнительно по болѣе дешевой цѣнѣ. Товары въ нихъ тѣ же самыя, что и въ Улясутаѣ, хотя и нельзя не сказать, что пекинскія лавки въ Кобдѣ представляются черезъ-чуръ бѣдными не только въ сравненіи съ ургинскими, но даже и съ улясутайскими лавками пекинскихъ торговцевъ; что касается цѣны товаровъ, то отношеніе ея яснѣе всего выразится въ томъ, что пекинцы, живущіе въ Улясутаѣ, въ общемъ итогѣ накладываютъ 35, а кобдѣскіе берутъ свыше 70 процентовъ на продажную цѣну товара, полагаемую въ Пекинѣ.

Гораздо болѣе постоянства выказываютъ въ кобдѣской торговлѣ выходцы изъ западнаго Китая, особливо изъ Хухү-хотѣ. Ведущими выдающуюся по своей бойкости розничную торговлю почитаются изъ таковыхъ двѣ фирмы: Юнь-дэ-куй (永德魁) и Синь-лунь-хо (興隆和). Первая изъ нихъ имѣетъ капитала и годоваго оборота въ Кобдѣ до 30 тыс. ланъ, а вторая торгуетъ тысячь на 20. Дѣла остальныхъ, постоянно проживающихъ въ Кобдѣ хухү-хотѣсцевъ идутъ тише и торговля ихъ менѣе значительна. Что касается временно пріѣзжающихъ хухү-хотѣскихъ торгашей, то они кажутся еще болѣе бѣдными; товаровъ въ каждый свой пріездъ они привозятъ не больше какъ на 1½—2 тыс. рублей и продаютъ ихъ не

иначе какъ въ обмѣнъ на монгольское сырье, не брезгуя въ этомъ случаѣ ни двумя шкурками сурка, ни однимъ фунтомъ верблюжьей шерсти. Они собираютъ рѣшительно все, а потому монголы даже и дали имъ прозвище «хуръмагъ», т. е. сборщиковъ.

Мелочными торговцами въ Кобдѣ являются тѣ самые китайскіе солдаты зеленаго знамени, которые были вызваны сюда изъ за Великой стѣны для посѣва казенныхъ хлѣбѣвъ. Съ тѣхъ поръ, поселившись въ Кобдѣ, они занялись мелочною торговлею, продавая въ своихъ лавкахъ старье и рѣхлядь, а иногда перепродавая и новые товары, приобретаемые ими у богатыхъ торговыхъ домовъ, или у прїѣзжихъ пекинскихъ торговцевъ. Внѣшній видъ мелочныхъ кобдскихъ лавокъ также бѣденъ и разнообразенъ по товарамъ, какъ это мы видѣли и въ Улясутаѣ; но здѣсь мелочные торговцы, кажется, еще болѣе плутоваты, а потому и легче наживаются. Особенно здѣсь выдается плутовство въ обвѣсѣ, при полученіи и сдачѣ денегъ: въ этомъ дѣлѣ китайцы ухищряются самыми разнообразными способами. Частію въ предупрежденіе этихъ мошенничествъ, а частію и вообще для надзора за городскимъ, собственно торговымъ населеніемъ маймачэна, кобдское правительство учредило здѣсь еще особое, полуофициальное управленіе, устроивъ оное изъ самихъ же купцовъ наподобіе того, какъ это существуетъ въ Ургѣ и Улясутаѣ. Съ указанною цѣлью изъ среды кобдскаго купечества избираются мѣстнымъ амбанемъ семь наиболѣе долго прожившихъ въ Кобдѣ и знающихъ мѣстныя обстоятельства торговцевъ, и возводятся въ такъ называемые цзя-тоу (甲頭)¹⁾. Каждому изъ такихъ торговцевъ поручается въ надзоръ отъ 10—15 лавокъ, при чемъ на обязанность «цзя-тоу» возлагается наблюдать, чтобы порученные имъ мелкіе торгаши не заводили бы между собою ссоръ, не пьянствовали, не играли въ карты, не принимали на ночь публичныхъ женщинъ, не пускали на квартиры и не позволяли бы останавливаться у себя подозрительнымъ личностямъ и проч.; словомъ, каждый «цзя-тоу» есть ближайшій и довѣреннѣйшій надсмотрщикъ за благосостояніемъ и поведеніемъ порученныхъ ему лицъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ торгующихъ китайцевъ, «цзя-тоу» — первое лицо, которое должно удостовѣрить, что смерть произошла естественно и безъ этого удостовѣренія полиція обязана производить точное слѣдствіе о смерти. Помимо этихъ обязанностей, «цзя-тоу» вообще играютъ роль коммерческихъ судей при амбанѣ. Вслучаѣ банкротства какого-либо

1) Въ Ургѣ такіе выборные носятъ названіе «пу-шоу» (鋪首), т. е. торговый голова. Общее число ихъ въ ургинскомъ маймачэнѣ и въ Хуръни—12 человекъ. Они избираются маймачэнскимъ цзаргучдемъ и утверждаются амбанами. Обязанности ихъ совершенно тѣ же, что и въ Кобдѣ.

изъ ведущихъ дѣло въ Кобдѣ китайскихъ торговцевъ, «цзя-тоу» собираются на совѣтъ у амбана, рассматриваютъ дѣло и постановляютъ приговоръ относительно того, произошло ли банкротство по несчастію, или оно представляетъ собою злостное дѣяніе. По обязанностямъ «цзя-тоу», купцы эти никакого содержанія не получаютъ, напротивъ, помянутое званіе налагаетъ на нихъ только лишніе расходы; такъ, наравнѣ съ мѣстными банкирами, они обязаны доставлять амбанямъ и цзурганамъ товары по удешевленнымъ цѣнамъ, и въ моемъ личномъ присутствіи было то, что амбань взялъ у «цзя-тоу» чай, вмѣсто существующей на него цѣны — 4 цина, за 3 цина 3 фына; 6 шкуръ лисиць, вмѣсто 12 циновъ, — по 7 циновъ за каждую и одну рысью шкуру, вмѣсто 5 ланъ 6 циновъ — за 3 лана. Въ 1892 году обязанности «цзя-тоу» въ Кобдѣ относили представители фирмъ: Юнь-цзюй-чэнъ, Синь-лунъ-хо, Сань-ху-и, Ю-сань-чуй, Инъ-ду-куй, Ло-ръ и Цу-пу-цза. По заведенному обычаю, «цзя-тоу» эти каждого 1-го и 15-го числа мѣсяца раздаютъ милостыню бѣднымъ, въ количествѣ 2—3 чашекъ муки, или проса для каждого явившагося китайца.

Кромѣ торговли рухлядью и старьемъ, китайскіе солдаты зеленого знамени занимаются еще огородничествомъ и продажей получаемыхъ съ огородовъ овощей. Люди этого промысла живутъ по окраинамъ города и имѣютъ здѣсь свои дома. Въ огородахъ ихъ разводится картофель, вкусный, но очень мелкій; въ продажѣ онъ отъ 3—5 фынъ за китайскій гинъ; брюква также отъ 3—5 фынъ за штуку; морковь отъ 5—8 фынъ за десятокъ; капуста двухъ сортовъ, — одна мелкая съ небольшимъ кочаномъ отъ 8 фынъ до 1 цина за кочанъ; другой видъ ея не имѣетъ кочана, а вмѣсто него большія развѣсистыя листья, наподобіе вазы; цѣна таковой отъ 1 цина 5 фынъ до 2-хъ циновъ за корень.

Наконецъ, изъ числа китайскихъ солдатъ зеленого знамени, проживающихъ въ городѣ, есть нѣсколько ремесленниковъ: серебряники, столяры и кожевники. Кузнецовъ частныхъ въ маймачэнѣ не имѣется, и единственная кобдѣская кузница, помѣщающаяся въ крѣпости, назначена главнымъ образомъ для казенныхъ работъ, хотя исполняетъ и частные заказы.

Русскіе торговцы въ Кобдѣ, описаніе дѣятельности которыхъ войдетъ въ VI томъ этого труда, имѣютъ свои лавки по всѣмъ тремъ улицамъ города. На главной, совершеннымъ особнякомъ отъ прочихъ, ведетъ свое дѣло М. Е. Байдаровъ. Остальные русскіе арендуютъ одно обширное подворье, занимающее уголъ наринъ-цзэли съ восточной городской улицей. Благодаря такому положенію подворья, русскія лавки выходятъ изъ него на двѣ улицы: Котельниковъ и Кузьминъ оказываются торгующими на Наринъ-цзэли, а Бодуновъ — въ восточной улицѣ.

Кобдоскій маймачэнъ имѣеть у себя двѣ китайскихъ кумирни; одна изъ нихъ находится на юго-западномъ концѣ города, а другая—на восточномъ. О времени построения этихъ кумирень китайцы, кажется, не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Кумирня юго-западнаго конца города, называемая въ просторѣчїи монголовъ Усунъ-сумэ, посвящена генію здѣшней рѣки, о чемъ свидѣтельствуетъ и находящаяся надъ воротами ея надпись: Хэ-шэнь-мяо (河神廟). Кумирня эта искони состояла изъ двухъ капищъ: главное, было посвящено Эрликъ-хѣну, второе — генію водъ; но со времени нападенія дунганъ, когда кумирня эта вообще подверглась сильному разграбленію, одно изъ этихъ капищъ, меньшее, опредѣлено было закрыть и всѣ статуи божествъ, а равно всѣ принадлежности, утвари и украшенія были тогда перенесены изъ него въ главное капище. Такимъ образомъ, въ первое мое посѣщеніе города Кобдò, внутри этого меньшаго капища оставались только голыя стѣны, очевидно, годъ отъ года приходившія все къ большому разрушенію. Въ 1883 году мѣстный амбанъ захотѣлъ однако возсоздать эту кумирню и отдѣлалъ ее заново. Правда, второе, меньшее капище остается здѣсь и доселѣ еще довольно бѣдно и пустынно; за то главное представляется однимъ изъ лучшихъ въ Монголіи. На жертвенникѣ его, богатомъ всевозможными принадлежностями культа, стоятъ исписанныя золотыми іероглифами дощечки; за жертвенникомъ, какъ бы въ особомъ шкафѣ, стоитъ изображеніе Гэсэра, въ величину не менѣе полуторнаго человѣческаго роста. По бокамъ этой статуи разставлено всего четыре кумира, каждый въ величину человѣческаго роста: по правую сторону, одинъ изъ нихъ, съ лицомъ темно-желтаго цвѣта, держитъ въ рукѣ свитокъ, съ начертанными іероглифами 河海總薄, т. е. «общій реестръ рѣкъ и морей»; другой, съ лицомъ дикаго цвѣта, держитъ въ правой рукѣ небольшое знамя, а въ лѣвой привязанную на тесемкѣ собаку; съ лѣвой стороны, — одинъ кумирь, съ лицомъ тоже дикаго цвѣта, держитъ въ рукѣ рыбу, а другой, съ лицомъ бѣлаго цвѣта, — пику. Со времени отдѣлки этой кумирни, кобдоскіе амбаны непременно посѣщаютъ ее 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца для поклоненій и чтенія «Шэнь-юй-гуанъ-сюнь». На содержаніе этой кумирни караульные ея, по распоряженію тѣхъ же амбаней, черезъ каждые три мѣсяца производятъ сборъ добротныхъ подаяній, отъ которыхъ не избавляются и проживающіе въ Кобдò русскіе. О томъ, сколько было израсходовано на послѣднюю поправку кумирни и на какія именно средства была она поправлена, мы не имѣемъ свѣдѣній. На портикахъ кумирни попрежнему стоятъ только двѣ деревянные доски, облѣпанныя въ форму памятниковъ. Изъ монгольскихъ и китайскихъ надписей на этихъ доскахъ узнаемъ, что кумирня была исправлена

въ 8-й лунѣ 19-го года правленія Дао-гуана, соотвѣтствующаго нашему 1839 году; кромѣ того, въ надписяхъ объясняется, что исправленіе было произведено на счетъ добротныхъ дателей, при чемъ перечисляются имена ихъ, числомъ до 80, съ обозначеніемъ количества принесенныхъ каждымъ изъ нихъ пожертвованій. Замѣчательно, что перечисленные лица — исключительно монголы-буддисты, и что въ числѣ возсоздателей этого храма бѣольшая половина ламъ. Что касается приношеній, то они не были особенно значительны: двѣ, три лошади, или два, три быка, десятокъ барановъ, нѣсколько десятковъ овечьихъ и сурковыхъ шкуръ — вотъ главнѣйшіе предметы пожертвованія, перечисленные подъ именами создателей храма. Своихъ покойниковъ китайцы при этой кумирнѣ хоронятъ мало, и главнѣйшее кладбище ихъ находится у кумирни, расположенной въ сѣверо-восточной части города. Эта кумирня, называемая Тай-ванъ-мяо, по внѣшнему виду также отличается красотой и богатствомъ, хотя, можетъ быть, это зависитъ и единственно отъ того, что она возобновлена не болѣе шести лѣтъ назадъ. Здѣсь находится главное китайское кладбище, по примѣру улясутайскаго, помѣщающееся въ отдѣльномъ дворѣ отъ кумирни, но содержащееся еще безобразнѣе, чѣмъ въ городѣ великаго цзянь-цзюня. Бѣольшая удаленность мѣстности отъ Великой стѣны естественно порождаетъ то, что китайцы рѣже увозятъ отсюда своихъ покойниковъ, а значительное количество китайскихъ солдатъ, принадлежащихъ къ зеленому знамени, и никогда не увозитъ ихъ; вотъ почему на китайскомъ кладбищѣ въ Кобдѣ гораздо больше хранится китайскихъ гробовъ, чѣмъ въ Улясутаѣ. Самыя гробницы содержатся невыразимо небрежно: многія изъ нихъ совершенно разрушены и въ открытыхъ гробахъ видны остатки покойниковъ, одѣтыхъ въ полный китайскій костюмъ, не исключая и форменной шапки съ красною махровою кистью на маковкѣ. По всему кладбищу валяются кости, вытасченные изъ гробовъ собаками, основавшими свое мѣстопробываніе въ тѣхъ же опорожненныхъ гробахъ. Гроба болѣе богатыхъ китайцевъ, о которыхъ уже достовѣрно извѣстно, что они будутъ перевезены на родину, сохраняются на кладбищѣ въ отдѣльномъ сараѣ или, лучше сказать, подъ отдѣльнымъ навѣсомъ. По общему обычаю китайцевъ, на всѣхъ гробахъ пишется происхожденіе покойника, мѣсто его родины, его имя, званіе, годъ рожденія и наконецъ, годъ, мѣсяцъ, день и часъ смерти.

По первому взгляду кажется, что въ Кобдѣ проживаетъ значительно больше монголовъ, чѣмъ въ Улясутаѣ; но это ошибочно, а ошибочное представленіе это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ Кобдѣ монгольскія юрты расположены открыто вокругъ города, въ Улясутаѣ же они почти незамѣтны для глаза, потому что скрываются за хашѣнами въ

самомъ маймачѣнѣ. Кромѣ халхасовъ, въ Кобдѣ попадаетса много торгоутовъ, урянховъ и дурбѣтовъ. Всѣ помянутыя народности не оставляютъ Кобдѣ въ теченіе всего года. Киргизовъ въ Кобдѣ собственно бываетъ также ничуть не меньше, чѣмъ, напримѣръ, торгоутовъ или урянховъ, но они посѣщаютъ городъ только лѣтомъ и именно: — начинаютъ пріѣзжать съ конца Мая, а отъѣзжаютъ въ концѣ Октября, а иногда даже и ранѣе; такимъ образомъ киргизы никогда не остаются здѣсь на зиму и никогда не живутъ такъ постоянно, какъ монголы. Занятія кобдѣскихъ монголовъ и монголокъ тѣ же самыя, что и въ Улѣсутѣ, — только монголы здѣсь еще бѣднѣе, вслѣдствіе того, что находятъ себѣ соперниковъ въ своихъ работахъ со стороны бѣдныхъ китайскихъ солдатъ зеленого знамени. Проститутокъ въ Кобдѣ также значительно меньше, отчасти вслѣдствіе того, что самый городъ меньше тѣхъ, о которыхъ говорили мы прежде, а еще болѣе отъ того, что многіе изъ китайцевъ женаты и живутъ здѣсь съ природными китайками и маньчурками. Кобдѣ есть единственный городъ Халхѣ, въ которомъ живутъ китайскія женщины.

Наконецъ, въ Кобдѣ имѣется еще вторая, малая крѣпость, нынѣ уже оставленная совершенно и, за исключеніемъ крѣпостныхъ стѣнъ, представляющая собою груды развалинъ. Крѣпость эта находится на южномъ концѣ города, прямо противъ главной крѣпости и главной торговой улицы маймачѣна.

Для монголовъ Кобдѣ имѣеть то преимущество передъ Улѣсутѣмъ, что здѣсь имѣется буддійскій монастырь, чего нѣтъ въ Улѣсутѣ. Изъ лѣтописныхъ сказаній о происхожденіи и существованіи этого монастыря открывастса весьма немногое. Лѣтопись «Эрдэнінъ-эрихэ» въ первый разъ упоминаетъ о немъ подъ 27-мъ годомъ правленія Тэнгрійнъ-тэтхусэн'а, или, по-китайски, Цянь-луна, то-есть подъ 1762 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія, въ слѣдующихъ словахъ: «*Облѣтскій лама Дондѣкъ неподалеку отъ города, стоявшаго при р. Буянтѣ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, основалъ монастырь и съ нѣсколькими ламами совершалъ богослуженіе*»¹⁾. Такимъ образомъ первоначальное основаніе монастыря совершенно совпадаетъ по времени съ перенесеніемъ самаго города съ р. Кобдѣ на берега Буянтѣ-гѣла. Неизвѣстно, въ какомъ видѣ существовалъ тогда этотъ монастырь, но весьма вѣроятно, что, по примѣру всѣхъ облѣтскихъ кѣтовъ, кумирни его помѣщались въ войлочныхъ юртахъ, хотя, можетъ быть, онъ и не былъ кочевымъ, въ виду выгодъ близости къ городу, отъ котораго, конечно, получались всѣ его средства. Можно думать,

1) Эрдэнінъ-эрихэ, II, гл. 44, л. 114-й.

что ламы дѣятельно исполняли свои обязанности въ первое время, ибо со второго же года существованія монастыря тогдашній кобдѣскій хэбэй-амбань Цзалансэнь началъ слушать отъ строителя этого монастыря, гэлүна Дондѣка, буддѣйское ученіе о созерцаніи Ямѣндаги, и такимъ образомъ настоятель монастыря и амбань вошли между собою въ отношенія ученика и учителя. Приобрѣтеніе такого вліятельнаго духовнаго сына было для Дондѣка дѣломъ значительной важности, такъ какъ оно давало ему средства упрочить благосостояніе своего монастыря. Дондѣкъ, повидимому, и не замедлилъ воспользоваться случаемъ, потому что не прошло и четырехъ лѣтъ, и именно въ годъ красной собаки, или что то же, въ 31-е лѣто Цянь-лүнова царствованія (1766 г.) Цзалансэнь дѣлаетъ представленіе императору о построеніи кумирни въ стѣнахъ ограды монастыря, основаннаго Дондѣкомъ. По этому докладу китайскимъ богдоханомъ повелѣвалось отпустить изъ государственнаго казначейства свыше 10,000 ланъ серебра на сооруженіе кумирни, каковое въ то же время было начато и окончено въ теченіе одного года. Кумирня была возведена изъ камня и покрыта черепицею, такова же была и ограда, а равно и боковыя зданія при кумирнѣ. Въ 1767 году со стороны Цзалансэня былъ сдѣланъ новый докладъ объ окончаніи постройки и тогда императоръ пожаловалъ монастырю имя «Түгэмэлъ амурчжигүлүхчи сүмэ» (храмъ всеобщаго успокоенія), повелѣлъ выгравировать на камнѣ сказаніе объ обстоятельствахъ построенія его и поставить этотъ камень въ самомъ монастырѣ. Въ томъ же 1767 году совершенно было освященіе кумирни, и съ тѣхъ поръ она стала извѣстна въ просторѣчій подъ именемъ «Шаръ-сүмэ», что значитъ желтая кумирня (безъ сомнѣнія потому, что, какъ всякій императорскій монастырь, она имѣла часть кровли желтаго цвѣта); настоятелемъ монастыря или Дѣ-ламою былъ назначенъ тотъ же гэлүнь Дондѣкъ, а ламы собраны изъ ѳлѣтскихъ и мишгѣтскихъ хошүновъ. Крімъ того, въ томъ же императорскомъ указѣ повелѣвалось жить здѣсь поочередно, въ теченіе трехъ лѣтъ, хутухтамъ цзасактүхѣновскаго и сѣинъ-нойновскаго аймаковъ, и именно Нарү-баньчэнь-хутухтѣ, Цзалаханцза-хутухтѣ и Илагүксанъ-хутухтѣ. Первымъ прибылъ сюда Цзалаханцза-хутухту и ему-то пришлось вступить впервые въ управленіе здѣшними хуварѣками. Что касается необходимыхъ принадлежностей богослуженія, то онѣ въ первое время приобрѣтались на счетъ монастырскаго казначейства, обогащенію же послѣдняго помогъ тотъ же Цзалансэнь. Онъ представилъ проектъ составленія монастырскаго имущества путемъ сборовъ съ монголовъ, на время, скота съ тѣмъ, чтобы приплодъ остался въ пользу монастыря. Проектъ этотъ былъ утвержденъ, почему со всѣхъ халхѣскихъ аймаковъ и Кобдѣскаго округа было собрано большое

количество скота, который плодился въ теченіе трехъ лѣтъ; по истеченіи означеннаго срока, скоть по счету былъ возвращенъ въ аймаки, а приращеніе его вошло въ монастырское казначейство. Несмотря на это обезпеченіе средствами къ жизни, ламы, по словамъ монголовъ, жили при монастырѣ не болѣе 25 лѣтъ послѣ его основанія, а за сямъ разошлись по степи и начали жить въ своихъ домахъ, собираясь въ Шарà-сумѣ для богослуженій только три раза въ годъ, какъ это заведено въ большинствѣ степныхъ дугановъ. Этотъ порядокъ продолжается отчасти и донинѣ.

Шарà-сумѣ, какъ и всякая императорская кумирня въ Монголіи, снаружи окруженъ стѣной, окрашенной въ красную краску. Въ притворѣ главныхъ и широкихъ воротъ его стоятъ громадныя статуи четырехъ Махаранца, а отъ воротъ къ дверямъ кумирни проложена дорога, выстланная плитами дикаго камня и обожженнымъ кирпичемъ. Самая кумирня отличается обширностію, но утварь ея, бурханы и богослужебныя книги — весьма не многочисленны. На главномъ мѣстѣ, или у сѣверной стѣны кумирни, стоятъ изображенія Цзү, Богдò Цзонкавы и Цзарайсэкъ; по боковымъ стѣнамъ расположены 16 найданъ. Библиотека сумѣ вся помѣщается въ главной кумирнѣ и состоитъ только изъ тибетскаго Ганьчжүра, богослужебныхъ же книгъ при сумѣ не имѣется; ихъ приносятъ ламы въ то время, когда собираются въ монастырь для совершенія служеній. По примѣру всѣхъ императорскихъ кумирень, въ Шарà-сумѣ имѣется императорская дощечка — «Богдò-хяну скюльдэ», только здѣсь она поставляется не на ряду съ бурханами, какъ это приходилось мнѣ видѣть въ другихъ халхаскихъ императорскихъ кумирняхъ, а особливо, на хорахъ, устроенныхъ въ кумирнѣ по тремъ сторонамъ, то-есть, по стѣнамъ южной, восточной и западной.

Обращаясь къ разсмотрѣнію хранящихся въ Шарà-сумѣ каменописныхъ памятниковъ, пожалованныхъ этому монастырю богдоханомъ Цяньлүномъ, должно сказать, что они заключаются въ двухъ камняхъ. Вырѣзанныя на этихъ камняхъ письма составляютъ текстъ одной и той же грамоты, изложенной на трехъ языкахъ и изображенной тремя видами письменъ: маньчжурскими, китайскими и чжунгарскими. Надписи были изсѣчены на столько неглубоко и плохо, что въ настоящее время отъ нихъ едва остались слабыя слѣды, прочесть же ихъ на камнѣ нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Текстъ этой грамоты интересующіеся могутъ найти въ приобретенной мною лѣтописи Эрдэнйи-эрихэ, во второмъ ея изданіи, но помимо сего, мнѣ удалось теперь приобрести другой, переписанный монгольскимъ алфавитомъ списокъ ея, который я и почитаю необходимымъ обнародовать здѣсь въ дословной перепискѣ. Вотъ слова этой грамоты по означенному списку:

١٠٠
 ١٠١
 ١٠٢
 ١٠٣
 ١٠٤
 ١٠٥
 ١٠٦
 ١٠٧
 ١٠٨
 ١٠٩
 ١١٠
 ١١١
 ١١٢
 ١١٣
 ١١٤
 ١١٥
 ١١٦
 ١١٧
 ١١٨
 ١١٩
 ١٢٠
 ١٢١
 ١٢٢
 ١٢٣
 ١٢٤
 ١٢٥
 ١٢٦
 ١٢٧
 ١٢٨
 ١٢٩
 ١٣٠
 ١٣١
 ١٣٢
 ١٣٣
 ١٣٤
 ١٣٥
 ١٣٦
 ١٣٧
 ١٣٨
 ١٣٩
 ١٤٠
 ١٤١
 ١٤٢
 ١٤٣
 ١٤٤
 ١٤٥
 ١٤٦
 ١٤٧
 ١٤٨
 ١٤٩
 ١٥٠
 ١٥١
 ١٥٢
 ١٥٣
 ١٥٤
 ١٥٥
 ١٥٦
 ١٥٧
 ١٥٨
 ١٥٩
 ١٦٠
 ١٦١
 ١٦٢
 ١٦٣
 ١٦٤
 ١٦٥
 ١٦٦
 ١٦٧
 ١٦٨
 ١٦٩
 ١٧٠
 ١٧١
 ١٧٢
 ١٧٣
 ١٧٤
 ١٧٥
 ١٧٦
 ١٧٧
 ١٧٨
 ١٧٩
 ١٨٠
 ١٨١
 ١٨٢
 ١٨٣
 ١٨٤
 ١٨٥
 ١٨٦
 ١٨٧
 ١٨٨
 ١٨٩
 ١٩٠
 ١٩١
 ١٩٢
 ١٩٣
 ١٩٤
 ١٩٥
 ١٩٦
 ١٩٧
 ١٩٨
 ١٩٩
 ٢٠٠

חַיִּים שֶׁעַל כַּתְּמֵם וּמְבֻרָא וְעַד ; וְהִלְכֵם מְהֻלָּלִים לֵב דִּן אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם " .
 לֵב אֶחָד לֵב דִּן חַתּוּמֵם " חַתּוּמֵם מִן אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה וְהַשְּׁמֵרָה
 יִשְׁכַּח אַחֲרַי מִן חַתּוּמֵי וּבִן חַתּוּמֵי אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם לֵב דִּן אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם
 חַתּוּמֵם " אֲשֶׁר־יִשְׁכַּח אַחֲרַי מִן חַתּוּמֵי וְעַד לֵב דִּן אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה " אֲשֶׁר־עָשִׂיתֶם חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם
 חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם וְהַשְּׁמֵרָה חַתּוּמֵם

Въ переводѣ это значить:

«Если я начал старинное дѣло, то, по истинѣ, оно является изъ-за
 желанія подражать примѣру древнихъ, изъ за намѣренія продолжить рядъ
 заслугъ до высшей степени. Послѣ того какъ глубокомысленно внушилъ я
 всему человѣчеству, что невозможно противоборствовать обстоятельствамъ,
 я отмѣчаю, какъ вслѣдъ засимъ началъ и исполнилъ я дѣло строенія и сози-
 данія. Внѣшнія формы его прекрасны и не превосходимы; внутренней
 смыслъ его — доставляя славу близкимъ, приобщить (къ ней?) и отдален-
 ныхъ. Кобдская мѣстность удалена отъ Улясутая почти на 1000 ли. Про-
 странство ея обширно и командуетъ надъ najważнѣйшимъ путемъ, нахо-

дящимся къ сѣверу отъ Алтайскихъ горъ. Прежде, въ 8-мъ году правленія Найралтү-түба, въ лѣто бѣлой собаки (1730), когда великое войско повоевывало и устроило западныя границы, оно, увидавъ эту мѣстность, построило здѣсь городъ и посадило охранные гарнизоны. Въ ту пору еще было предложеніе построить здѣсь кумирню и призрѣвать всѣхъ, возбуждая религиозное чувство. Впослѣдствіи, когда въ 10-мъ году того же правленія, въ лѣто черной мыши (1732), чжунгарскіе блѣтскіе мятежники, потерпѣли страшное пораженіе при Эрдэн-цзү, пришли въ ужасъ и начали просить о пощадѣ, мы распустили войска и на границѣ не было дѣла, поэтому то какъ кумирня, такъ равно и кое-что другое неоконченное пришло въ разрушеніе. Въ періодъ отъ 20-го года правленія Тэнгринъ-тэтхүхсэна, лѣта голубоватой свиньи (1755), до 24-го года того же правленія, лѣта желтоватаго зайца (1759), когда небесное войско, исполняя великія заслуги и пройдя нѣсколько десятковъ тысячъ ли, прибыло сюда, оно построило городъ, обосновало почтовыя станціи и привело къ единому управленію отдаленныя мѣстности; такимъ образомъ этотъ городъ сдѣлался навсегда близкою и необходимѣйшею мѣстностью. Проживавшіе въ немъ для охраны амбани и чиновники, окончивъ постройку воинскихъ зданій и ихъ принадлежностей, представили всеподданнѣйшій докладъ, съ просьбою построить новую кумирню и когда, основываясь на этомъ докладѣ, я повелѣлъ отпустить деньги и возвести постройки, то всѣ поистинѣ возблагововѣли и исполнились величайшею радостью. Кумиренныя зданія, заборы и ограда вообще крѣпки, ровны, заслуживаютъ большаго удивленія и въ высшей степени красивы. Какъ подумаю я внимательно, — царственный дѣдъ и царственный родитель мой, въ виду успокоенія внутреннихъ и исправленія внѣшнихъ, старались, чтобы обитающіе во вселенной жили бы въ мирѣ и спокойствіи. Неожиданно, выискавъ средства, наступили враги и я, выставивъ войска, послалъ ихъ повоевать. Когда силы враговъ истощились, они обратились въ бѣгство и дошли до того, что сдались на капитуляцію, я остановилъ военныя дѣйствія и, послѣдую условіямъ времени, какъ бы привелъ войска въ мирное положеніе. Нынѣ, сполна очистивъ (отъ мятежей) сѣверную и южную части Или, я совершилъ великое дѣло. Относясь съ заботливостью и любовію къ великому правленію, которое оставили (мнѣ) два предшествовавшіе предка, я до мельчайшихъ тонкостей все обдумалъ въ самомъ себѣ. Все ладно, нѣтъ ничего несогласованнаго, все теперь правильно. Скажу о строеніи дѣлъ, прилежащихъ этому городу. То, что посѣвы и пашни здѣсь тучны, вѣроятно, происходитъ оттого что распахали старую землю. То, что городъ какъ будто этажный и дома въ немъ высоки, вѣроятно, происходитъ оттого, что возобновляли старыя стѣны. То, что кумиренное зданіе является очень пра-

вильнымъ, вѣроятно, происходитъ отъ подражанія его стариннымъ формамъ. Какъ посмотрю на построенное по полному подражанію тому, что было воздвигнуто въ минувшей древности, такъ по нему можно, пожалуй, познать и то, что наилучшаго надлежитъ продолжать впослѣдствіи. Если приложить къ этому долгое и внимательное обсужденіе, то мнѣ пришлось быть современникомъ такихъ обстоятельствъ, которыя искони вѣковъ не случаются заурядно. А посему, какимъ же образомъ я безстрашно могъ, относясь пріязненно къ ближайшимъ мѣстностямъ, отторгнуть страны отдаленныя и, будучи, сверхъ исконнаго чрезвычайно внимательнаго отношенія къ своимъ чиновникамъ и народу, еще болѣе внимательнымъ къ нимъ, не заботиться о томъ, чтобы воспользоваться удивительнымъ счастіемъ? Начавъ работы въ послѣдней осенней лунѣ лѣта красной собаки (1766), мы окончили постройку этого монастыря въ 32-мъ году правленія, въ лѣто красноватой свиньи (1767) засимъ мы пожаловали ему похвальную надпись, съ наименованіемъ его «түгэмэлъ амурчжигүлүхчи» (кумирня «всеобщаго успокоенія»), а сверхъ того, составивъ текстъ для обелиска, повелѣли выгравировать его на камнѣ и сочинили нижеслѣдующіе похвальные стихи:

Воздвигнувъ богатый и крѣпкій городъ
Построили (его) въ кобдоской мѣстности;
Всего здѣсь больше тысячи семей,
Всего здѣсь больше десяти тысячъ байшиновъ.

* * *

Собравъ необходимые для работъ матеріалы,
Построили эту кумирню;
Изукрасили драгоценностями и, сдѣлавъ дивомъ,
Красиво раздѣляли въ разные цвѣта.

* * *

Поставивъ, съ усердіемъ, въ рядокъ всякаго рода жертвы,
И всегда уповая на нее (т. е. на кумирню), молимъ добродѣтель;
Разбивъ по канавамъ теченіе многоводной рѣки,
Увлажили почву вокругъ города.

* * *

Весною (здѣсь) распускаются не сѣянныя цвѣты,
Осенью собирается прекрасная жатва.
Послѣ счастливо оконченныхъ военныхъ дѣйствій
Всѣ мы радостно должны постараться о земледѣліи.

* * *

Хотя и прежде сего было то же,
Однако въ этой мѣстности постоянно бывали убійства;
Отселѣ обитатели ея, въ силу покорности наставленіямъ,
Наслаждаются миромъ, навсегда обзаведясь хозяйствомъ

* * *

Такимъ образомъ, отъ ближайшихъ аймаковъ
Вплоть до самой западной границы
Тѣйчжи и зайсанги ихъ
Теперь дѣйствительно весьма размножились

* * *

Если, представляясь (ко двору), они приносятъ моленія,
То отъ подобнаго чествованія благоговѣніе ихъ еще сильнѣе
возрастаетъ.

Какъ подумаю я объ этомъ обстоятельно, —
Подобнаго здѣсь (еще никогда) не бывало.

* * *

Если бы не благоговѣніе передъ велѣніями неба,
То какимъ образомъ я дерзнулъ бы безстрашно на такое само-
возношеніе?!

Выгравировавъ слова этой похвалы,
Даю знать сямъ грядущему человѣчеству.

Составлено богдоханомъ въ 32-мъ году правленія Тэнгринь-тэтхух-сэна, въ годъ красноватой свиньи, около 15-го числа послѣдняго осенняго мѣсяца, въ счастливый день.

Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ монастырѣ Шарà-сумэ, какъ мы уже видѣли изъ словъ высочайшаго повелѣнія богдохана, является одинъ изъ хутухтѣ сайнь-нойновскаго, или цзасактү-хановскаго аймаковъ. Послѣдніе, будучи вызываемы для управленія монастыремъ, всегда пріѣзжаютъ съ родины въ сопровожденіи 15—20 своихъ хувараконъ; кромѣ того, такъ какъ Шарà-сумэ построено собственно для жителей ѳлѣтскихъ и мингѣтскаго хошунѣвъ, то эти послѣдніе также точно обязаны высылать своихъ ламъ для совершенія здѣсь хураловъ. Изъ такихъ-то лицъ составляетъ въ настоящую пору населеніе монастыря. Послѣ дунганскаго погрома, когда Шарà-сумэ подвергся сильному разрушенію, хутухты пере-

стали было являться къ управленію этимъ монастыремъ и начали посылать вмѣсто себя незначительныхъ шабрѣновъ, но съ наступленіемъ 1880-хъ гг. прежній порядокъ былъ восстановленъ снова. По правиламъ, хутухты должны пріѣзжать въ монастырь собственно на трехлѣтнюю очередь, но это правило мало соблюдается и въ большинствѣ случаевъ разъ пріѣхавшій хутухтѣ живеть въ Шарà-сүмэ и два, и даже три трехлѣтія. Когда управлявшій монастыремъ хутухтѣ уѣзжаетъ изъ онаго, то кобдѣскій амбанъ дѣлаеть предложеніе шарà-сүмэскимъ ламамъ, на совѣтѣ съ ѳлѣтскими и мингàтскими правителями, выбрать себѣ, по желанію, одного изъ хутухтѣ подлежащихъ аймаковъ и представить ему, амбаню, протоколъ этого выбора. Получивъ просьбу о назначеніи того или другого кандидата, амбанъ дѣлаеть представленіе уялсутайскому цзянь-цзюню о высылкѣ въ Шарà-сүмэ указаннаго хутухты, а цзянь-цзюнь уже посылаетъ предписаніе начальнику того или другого сейма выслать потребнаго хутухтѣ. Прибывшій хутухтѣ пользуется всегда большимъ уваженіемъ ѳлѣтовъ и мингàтовъ, а потому у него въ теченіе цѣлаго года не переводятся поклонники изъ этихъ хошѣновъ. Хутухтѣ почитается начальникомъ монастыря и всякаго рода монастырскія распоряженія, или сношенія съ начальствомъ исходятъ отъ его имени. Къ богдохану и уялсутайскому цзянь-цзюню онъ, подобно всѣмъ самостоятельнымъ правителямъ, ежегодно посылаетъ отъ себя подарки, а помимо сего къ уялсутайскому цзянь-цзюню ѣздитъ даже и на поклонъ. Въ помощь ему по управленію придаются одинъ главный дà-лама, именуемый здѣсь «чжинкйни дà-лама» и одинъ второстепенный, или «дэдъ-дà-лама»; далѣе при монастырѣ полагаются быть по одному нирбѣ, габкѣю, бичѣчи и проч. Всѣ эти лица выбираются подлежащими хошѣнами и, съ согласія, хутухты, представляются амбаню, для утвержденія ихъ пекинскимъ Ли-фань-юанемъ. На содержаніе собственно кумирни и приготовленіе въ ней необходимыхъ жертвъ кобдѣское казначейство однажды въ годъ высылаетъ сумму, по расчету, 10 ланъ въ мѣсяцъ, на содержаніе же живущихъ при монастырѣ ламъ отпускается по третямъ 50 кирпичей чая и 50 ху проса. Кроме обычныхъ служеній торжественные хуралы полагаются здѣсь въ день рожденія богдохана и въ новый годъ. Такъ какъ въ эти дни требуется присутствіе при хуралахъ ѳлѣтскихъ и мингàтскихъ князей, то на угощеніе ихъ кобдѣское казначейство выдаетъ ламамъ въ первый праздникъ, по положенію, 11 ланъ, 8 цинъ; а во второй — 17 ланъ, 6 цинъ и 4 фына. Въ новолѣтіе при монастырѣ устраиваются военныя игры, къ производству которыхъ вызывается 8 стрѣлковъ и 8 борцовъ, причемъ хутухтѣ вмѣняется въ обязанность слѣдить, чтобы къ исправленію этой должности борцовъ и стрѣлковъ не являлись ламы. Очередные гэгѣны или ху-

тѹхты, со времени нашествія дунганъ и разоренія монастыря, не живутъ въ Шарà-сумэ, но въ отдѣльномъ зданіи, на правомъ берегу Буянтү-гбла, саженьхъ въ 150 отъ главнаго монастыря. Зданіе это построено въ началѣ 1874 года компаніей Дя-шэнь-куй, какъ дача, а потомъ было продано монастырю, пребываніе въ которомъ гэгэны послѣ дунганскаго погрома стали считать для себя невозможнымъ. Все подворье гэгэна состоитъ изъ трехъ байшиновъ, въ которыхъ помѣщается самъ гэгэнь и его хуварàки, и особаго зданія — домової кумирни. Со внѣ и внутри зданія эти теперь не только не отличаются изяществомъ постройки и богатствомъ, но скорѣе поражаютъ своею бѣдностію, такъ что совершенно и не походятъ на жилища хутѹхтъ халхàскихъ.

Кромѣ главной кумирни, какъ казенныя постройки, существуютъ еще два капища по бокамъ ея; первое изъ нихъ, по правой сторонѣ, посвящено Чдй-чжилю, второе, по лѣвой, посвящено Богдо-Цзонхавѣ. Въ этихъ кумирняхъ совершается всеневное служеніе — чжисà, тогда какъ въ главной ламы читаютъ только въ дни общихъ собраній. Отъ этихъ малыхъ кумирень, по бокамъ большой кумирни и по сѣверной сторонѣ монастыря тянутся каменные же одноэтажные корпусы, назначавшіеся въ былое время для жизни гэгэна и состоящихъ при монастырѣ ламъ. Зданія эти состоятъ изъ отдѣльныхъ квартиръ, съ комнатами въ одинъ, или два цзяня; комнаты, какъ можно судить по остаткамъ, были устроены по всѣмъ правиламъ китайскаго искусства: стѣны украшены были картинами, а карнизъ — изображеніями лѣпныхъ цвѣтовъ и проч. Но мы говорили уже, что ламы перестали здѣсь жить почти черезъ 25 лѣтъ послѣ основанія монастыря. Съ тѣхъ поръ большинство этихъ комнатъ стояло пустыми; постоянно занятыми были только квартиры гэгэна, да-ламъ, и двѣ-три ламскихъ — гэлѹ-нами, совершавшими служеніе чжисà; что касается прочихъ комнатъ, то онѣ были занимаемы только во время сборища ламъ, а все остальное время бывали пустыми. Въ 1865 году китайцы дѣлали въ этихъ комнатахъ первый пріемъ русскому чиновнику, командированному въ Кобдò для переговоровъ съ амбàнями относительно открытія въ Кобдò русской торговли, а въ 1872 году, въ періодъ нашествія дунганъ, зданія эти были такъ сильно разрушены, что не поправленные съ тѣхъ поръ, они представляютъ теперь ничто иное, какъ пустые сараи, на стѣнахъ которыхъ по мѣстамъ уцѣлѣли еще рисунки, составлявшіе прежде украшеніе комнатъ.

VII. Отъ Кобдò до Урги.

3-е Сентября. Четвергъ.

Сегодня оставилъ городъ Кобдò. Для обратнаго слѣдованія въ Улї-сутай по караванной дорогѣ русскихъ и китайскихъ торговцевъ, мною нанято было 4 верблюда и 2 лошади, съ двумя провожатыми монголами, всего за 60 кирпичей чая. Цѣну эту можно назвать необычайной, такъ какъ обыкновенно монголы берутъ за вьючнаго верблюда, направляемаго изъ Кобдò въ Улїсутай только отъ 6½ до 7 чаевъ; но такъ бываетъ при обычномъ движеніи каравановъ; въ моей же поѣздкѣ все было неурочно. Прежде всего она была несвоевременна: монголы не ѣздятъ на верблюдахъ лѣтомъ; въ эту пору верблюды у нихъ поначалу отдыхаютъ отъ зимней работы, а со второй половины лѣта и въ первый осенній мѣсяцъ «заправляются» и нагуливаютъ себѣ жиръ для предстоящихъ трудовъ. Отправляя верблюдовъ въ настоящее время, монголъ рѣшалъ такимъ образомъ, что эти верблюды «не заправятся» уже у него какъ слѣдуетъ, а потому и бралъ за поѣздку двойную цѣну. Съ другой стороны, въ обыкновенномъ караванѣ два работника полагается не менѣе какъ на 15 верблюдовъ; здѣсь на четыре верблюда приходилось отправлять то же число, потому что одинъ работникъ если и могъ управиться съ четырьмя верблюдами, то не могъ все время одинъ держать караулы ночью. Требованіе двойной цѣны при такихъ условіяхъ весьма понятно.

Въ 12 час. дня, мы, въ сопровожденіи всего общества русскихъ, выѣхали изъ Кобдò. Безъ сомнѣнія, въ послѣдній разъ въ жизни взглянулъ я на эту долину, со стоящею посреди ея и кажущеюся невысокимъ холмомъ горою Цзоксò-хайрханъ, — на эту долину, красиво окруженную горами съ двумя, особливо широкими падами, изъ которыхъ первая — Биліюту, представляетъ собою дорогу въ Россію, а вторая — Шүту, ведетъ въ кочевья мингатовъ. Наша дорога направлялась теперь въ сѣверную падь горнаго массива Хотòинь-уланъ хошү, до которой отъ крайнихъ домовъ города не менѣе 4-хъ верстъ, проходящихъ по каменистой, а ближе къ горамъ дѣлающеюся болотистой почвѣ.

Пологимъ и невысокимъ хутүл'емъ мы перевалили черезъ Хотòинь-уланъ хошү и спустились въ каменистую долину, окаймляемую далеко на сѣверѣ хребтомъ Хòхò-ўла, а въ линіи нашей дороги усѣянную хэрэксүрами. Только внимательный глазъ можетъ услѣдить эти хэрэксүры: время значительно исказило ихъ строеніе и они буквально смѣшались съ камнями, естественно наполняющими долину. За хутүл'емъ дорога поворачиваетъ къ

востоку и пролегаеть по сѣверному подножію горъ Хотѣйнъ-уланъ хошѹ, направляясь къ перевалу, именуемому Цзаміа-дабаномъ. Въ нижней своей части перевалъ этотъ является пологимъ, но чѣмъ выше, тѣмъ дѣлается онъ круче и вскорѣ становится удобнымъ только для вьючныхъ, а колесный путь, чтобы избѣжать этого труднаго подъема, огибаеть перевалъ съ южной его стороны. Въ 2 ч. 30 м. мы поднялись на вершину Цзаміа-дабана, съ котораго намъ открылся обширный видъ. На сѣверѣ, къ предѣламъ Россіи, онъ заслонялся горою Агѣйту, у которой существуетъ удобный бродъ черезъ р. Кобдѣ и находятся развалины города Кобдѣ, первоначально стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Впереди себя, въ направленіи къ югу, мы увидали гору Ямѣтѹ-уланъ, окаймляющую съ юга падь, по которой проходитъ станціонная кобдѣская дорога и мимо которой мы проѣхали 25-го Августа. Внизу, подъ ногами у насъ разстилась громаднѣйшая равнина, посреди которой синѣло озеро Харѣ-усѹ, окаймляемое съ востока и юго-востока горами Чжиргалантѹ-хаирханъ. Мингаты зовутъ эти горы Ындѹръ-хаирханъ. Онѣ были теперь покрыты снѣгомъ почти до подножія. Это, конечно, послѣдствіе вчерашняго холода и непогоды.

Спускаясь съ Цзаміа-дабана, я слушалъ отъ сопровождавшихъ меня монголовъ разказы о развалинахъ города Кобдѣ. По словамъ ихъ, въ настоящую пору въ означенныхъ развалинахъ не встрѣчается уже ничего цѣльнаго: какъ дома, такъ и стѣны представляютъ собою лишь груды глины и мусора. Городъ, по разказамъ, былъ по крайней мѣрѣ въ 4 раза больше настоящаго, да помимо того и внѣ стѣнъ его видны еще остатки бѣйшиновъ. У монголовъ и китайцевъ существуетъ повѣрье, что развалины эти въ настоящую пору населены духами. Говорятъ, что каждую ночь оттуда слышатся звонъ сторожевыхъ гонговъ и голоса разговаривающихъ людей. Въ сохранившемся посреди города колодцѣ предполагають зарытымъ кладъ, составляющій остатки прежняго китайскаго казначейства. Болѣе подробно разказываютъ, что городъ былъ оставленъ китайцами вслѣдствіе нападенія ѳлѣтовъ. Когда войска ихъ приблизились къ Кобдѣ, китайскій амбанъ скрылъ казенное серебро въ колодцѣ и бѣжалъ. Случившееся вслѣдъ за симъ наводненіе разрушило городъ, такъ что, когда возстаніе ѳлѣтовъ утихло и амбанъ, возвратившись назадъ, началъ искать оставленное серебро, то уже не нашелъ его, да и въ самомъ городѣ не осталось камня на камнѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ въ колодцѣ этомъ нашелся одинъ слитокъ серебра въ 50 ланъ (ян-бао) и китайцы почли это ключемъ къ отысканію остальныхъ сокровищъ. Въ 1878 г. кобдѣскій амбанъ, по особому предписанію изъ Пекина, командировалъ своего цзургана для отысканія серебра, но послѣдній, возвратившись, довелъ до свѣдѣнія подлежащихъ властей, что всѣ

усилія его по выполненію порученія оказались напрасными: онъ тащилъ кладъ при помощи веревокъ и другихъ снарядовъ и не могъ вытащить, — такъ крѣпко охраняется серебро живущимъ въ колодцѣ дракономъ. Въ официальномъ донесеніи его говорилось и о слышанныхъ имъ голосахъ людей, и о звукахъ сторожевыхъ гонговъ; словомъ, оказалось полное и официальное удостовѣреніе относительно всѣхъ легендъ, которыя ходятъ про эти городскія развалины.

По спускѣ съ Цзаміѣ-дабана дорога направляется на востокъ по долинѣ и слѣдуетъ прекрасными ровными колесными колеями. Дорогу эту положили тарячины, провозящіе въ Кобдѣ на быкахъ дрова и сѣно, доставляемые ими частію какъ казенный подрядъ, а частію на продажу городскимъ обывателямъ. Долина, по которой мы теперь ѣхали, окаймляется съ сѣвера уже видѣннымъ прежде хребтомъ Хѡхѣ-ула; далѣе къ востоку слѣдуютъ красноватыя горы Торхѣ-уланъ, а прямо на востокъ три красноватыхъ сопки, одинаково именуемыхъ Ўнигэтѣ-уланъ; правѣе ихъ, далеко-далеко на востокъ синѣется хребетъ Сѣрь, сѣверная оконечность Аргалинтѣ. Горы эти, говорятъ, составляютъ собою юго-восточный предѣлъ кочевьевъ Мингатовъ; нѣсколько южнѣе ихъ стоитъ гора Акбашъ, находящаяся уже цѣликомъ въ мингатскихъ кочевьяхъ; а къ югу возвышается сопка Цѣу-рѣхѣ-хаирханъ. Почва долины твердо-песчаная и густо покрыта дресвою; хараганъ, кажется, единственная растительность этой мѣстности и тѣмъ страннѣе, конечно, слышать, что это земли тарячиновъ, или хлѣбопашцевъ: ожидаешь встрѣтить поля, а находишь почти дикую, бесплодную степь. Въ объясненіе этого надлежитъ замѣтить, что всѣ казенныя землепахатныя земли, состоящія въ кобдѣскомъ вѣдомствѣ, раздѣляются нынѣ всего на 10 участковъ (гадзәръ), которые въ свою очередь распадаются на отдѣлы (хубѣ): каждый участокъ (гадзәръ) обрабатываетъ 25 человекъ (=семей) халхасовъ, а на обработку cadaго отдѣла (хубѣ) полагается не свыше 5 человекъ. На каждый участокъ назначается еще по три китайскихъ солдата зеленаго знамени (ногбнъ-түкь), исполняющихъ обязанности учителей, показывающихъ способы обработки земли и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющихъ мѣстное начальство: старшій изъ нихъ состоитъ въ должности бацзуна, второй — хундѣй, третій — бошкѣ. Вскорѣ мы повстрѣчали нѣсколько юртъ, принадлежащихъ частію мингатамъ, а частію ѡлѣтамъ, прикочевавшимъ сюда только временно. Дѣло въ томъ, что мингаты и ѡлѣты отбываютъ на пашняхъ повинность сторожей. На каждую гадзәръ полагается пять мингатскихъ и пять ѡлѣтскихъ, а всего 10 юртъ, хозяева коихъ, собственно и считающіеся отбывающими службу, обязаны разѣзжать на лошадяхъ и отгонять птиць съ пашень. Срокъ этой повинности 45-днев-

ный и на это время командированные означенными хошүнами люди перекочевывают на земли тарячиновъ. Во избѣжаніе поправки пашень скотомъ, эти прибывшіе сторожа всегда кочуютъ въ болѣе или менѣе почтительномъ отдаленіи отъ посѣвовъ. Въ 4 ч. 15 м. мы доѣхали до арыка Буянтү-усу, проведеннаго изъ р. Буянтү. Здѣсь стоятъ бѣйшины китайцевъ - солдатъ, служащихъ на пашняхъ. Пространства по обѣимъ берегамъ арыка представляютъ прекрасный уголокъ, покрытый зеленою и сочною травою; но черезъ какую-либо версту или полторы все снова принимаетъ прежній пустынный видъ. Въ 5 ч., добравшись до небольшого ручья, именуемаго Цзаміа-гбл'омъ, остановились для ночлега. Цзаміа-гблъ впадаетъ въ озеро Харә-усу, вытекаетъ же онъ изъ снѣжныхъ горъ западнаго Алтая. Одни называли мнѣ эти горы Барүнъ-Алтай, другіе — Цасутү-Хангай, третьи — Алтанъ-хангай. Во всякомъ случаѣ Цзаміа-гблъ получаетъ свое начало западнѣе Кобдѣ.

4-е Сентября. Пятница.

5 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12 ч. $+12^{\circ}$; 3 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+3^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. утра и направили свой путь къ востоку, по той же долинѣ, ровной, слегка песчаной и поросшей дәрәсүнѣмъ и харагапдю. Не вдалекѣ отъ дороги два раза повстрѣчались намъ небольшіе, уже заброшенные нынѣ участки когда-то распахиваемой земли; признать ихъ теперь можно было главнымъ образомъ по окружающимъ ихъ, хотя такимъ же малозамѣтнымъ, водооросительнымъ канавамъ. Послѣдній изъ такихъ участковъ мы видѣли въ 6 ч. 50 м.; засимъ, вплоть до р. Кобдѣ, начались уже земли, никогда неподвергавшіяся обработкѣ, а назначенныя собственно подъ кочевья тарячиновъ. Нынѣ здѣсь пасутся громадныя табуны верблюдовъ, принадлежащія китайскимъ банкирамъ фирмы Да-шәнъ-куй. По разказамъ сопровождавшихъ насъ мингатовъ, это видѣнное нами пастбище является, впрочемъ, не единственнымъ у этой фирмы, ибо такіе же табуны ея находятся и въ другихъ мѣстахъ. Для надзора за здѣшними табунами живетъ одинъ повѣренный фирмы китаецъ, храненіе же и уходъ за животными возлагается на мѣстныхъ жителей, въ данномъ случаѣ — на тарячиновъ. Табунъ ввѣряется обществу изъ 5—6 домохозяевъ, каждый изъ которыхъ получаетъ за свой трудъ по 5 чаевъ въ мѣсяцъ. За потерю верблюдовъ общество отвѣчаетъ круговою порукою. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ растительность долины дѣлается если не разнообразнѣе, то обильнѣе, а главное — могучѣе. Харагана представляетъ собою громаднѣйшіе кусты, высотой свыше сажени; дәрәсүнъ также высокій и сочный. Къ рѣкѣ Кобдѣ мы подѣхали ровно въ 9 ч. утра, у мѣста переправы черезъ нее, называемой Гурбунъ-салагійнъ улумъ, что значитъ — «бродъ черезъ три про-

токи». Такое названіе усвоено этому мѣсту, конечно, потому, что рѣка течетъ здѣсь тремя руслами. Первая изъ этихъ протокъ имѣетъ ширины отъ 25 до 30 саж., а глубины до 1 арш. 9 вершковъ. При такой глубинѣ потребовалось вынимать изъ телѣги всѣ вещи и выючить ихъ на верблюда. Мингаты мои, впрочемъ, ликовали и удивлялись тому, что Кобдѣ такъ мелководна. Вообще переправа черезъ эту рѣку въ бродъ начинается только осенью, а настоящее стояніе воды можно встрѣчать лишь въ глубокою осень. Лѣтомъ черезъ Кобдѣ переправляются не иначе, какъ на «сѣл'ахъ», т. е. на плотахъ. Низкій уровень воды такъ ободрилъ моихъ проводниковъ, что они, перебравшись черезъ первую протоку, не поѣхали даже прямо, чтобы бродить остальные двѣ протоки, каждую въ отдѣльности, а направились версты на двѣ къ югу, гдѣ вторая и третья протоки соединяются въ одну и образуютъ единое русло, шириною не свыше 35 саж., при наибольшей глубинѣ въ 1 арш. 4 вершка. Птицы на рѣкѣ не было никакой, помимо чаекъ, да четырехъ крохалей; гуси, говорятъ, отлетѣли на пашни, гдѣ находятъ они себѣ изобильный кормъ. На островѣ, образуемомъ помянутыми протоками рѣки Кобдѣ, мингаты въ изобилии косятъ сѣно и теперь оно лежало здѣсь сложеннымъ въ копны. Часть этого сѣна возится ими для продажи въ Кобдѣ, другая же—и гораздо большая часть доставляется въ кобдѣскую крѣпость, какъ казенная натуральная повинность, хотя и оплачиваемая правительствомъ. Къ отбыванію этой повинности привлечены собственно мингаты и ѳлѣты, причемъ какъ мингатскій, такъ и ѳлѣтскій хошѣны обязаны выставять изъ своей среды по 12 семей, на которые и возлагается специально доставка сѣна. Количество доставляемаго этими семьями сѣна неодинаково и различается смотря по разряду получаемого ими вознагражденія, или жалованья (цалинъ) отъ правительства. Высшій окладъ или «йэхѣ-цалинъ», выдаваемый первымъ шести юртамъ каждаго хошѣна, исчисляется въ размѣрѣ 21 ланы серебра на юрту; получающіе его обязаны доставить въ годъ 80,000 гиневъ сѣна, т. е. около 3,000 нашихъ пудовъ; низшій окладъ или «багѣ-цалинъ» выдается также шести юртамъ и равняется 12 ланамъ серебра въ годъ; за такой цалинъ юрта обязуется доставить 50,000 гиневъ, т. е. около 1,800 пудовъ сѣна. Само собою разумѣется, что доставить такое количество сѣна никогда не бываетъ подъ силу одной и особливо монгольской семьѣ, оттого для отбыванія разсматриваемой повинности хошѣны всегда назначаютъ на каждый цалинъ по три, четыре и даже пяти юртъ. Сѣно это идетъ на кормъ тумѣтскихъ лошадей, приводимыхъ въ городъ къ отправленію на нихъ казенной и почтовой службы; само собою разумѣется, что этимъ же провіантомъ пропитывается и собственный скотъ мѣстнаго чиповничества. Въ обычной,

частной продажѣ болѣе обыкновенная цѣна сѣна въ Кобдò является въ размѣрѣ одного чая за верблюжій вьюкъ, вѣсомъ въ 400 гиновъ, и по такому расчету китайскому правительству за 80,000 гиновъ пришлось бы платить вмѣсто 21 ланы по крайней мѣрѣ 160 ланъ серебра.

Переправа черезъ Кобдò, совершенная все же не безъ значительнаго труда, заняла у насъ болѣе двухъ часовъ времени и только въ 11 ч. 15 м. мы двинулись далѣе въ направленіи къ СВ, по кочевьямъ мингáтскимъ, такъ какъ къ востоку отъ рѣки Кобдò идутъ уже не земли тарячиновъ, а хошунъ Мингáтовъ. Долина сохраняетъ тотъ же характеръ твердопесчаной равнины, покрытой дэрэсуномъ и хараганю, хотя отсюда къ нимъ мало-по-малу прибавляется еще и новое растеніе — шабакъ (*Atremisia sascogum*). Мѣста эти носятъ общее названіе Цаганъ-булунъ; при нашемъ проѣздѣ они были совершенно безлюдны, несмотря на то, что возраставшее съ каждою верстою обиліе шабака и мѣстами встрѣчающіеся солончаки свидѣтельствовали, что они могутъ быть превосходнѣйшими пастбищами для верблюдовъ. Въ 3 ч. 15 м. мы начали подниматься на невысокій ху́түль — Харà-богочй, составляющій собственно сѣдловину горъ Ёнигэтү-уланъ, чтобы перевалить черезъ эти горы. Подъемъ оказался пологимъ и мягкимъ. Здѣсь повстрѣчали мы массу змѣй: на разстояніи какой-либо версты попалося ихъ болѣе десятка. Поднявшись на Харà-богочй, мы увидели передъ собою котловину, почти цѣликомъ занятую водами озера Харà-усу. Къ сѣверу котловина эта ограничивалась оголенными и скалистыми горами Чигэтү, къ востоку же и юго-востоку тянулась возвышенность Сэръ, являющаяся сѣвровою оконечностью горъ Аргалинтү.

Спустившись съ ху́түля, мы продолжали свой путь на СВ по самому берегу озера. Берега эти солонцеваты и въ изобиліи поросли камышемъ, въ которомъ кроется много всякой дичи, а особливо лебедей, гусей и утокъ. Бѣлыя цапли также во множествѣ гуляли по берегу. Остановились на ночлегъ въ урочищѣ Харà-усунай тдйримъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, продолжая слѣдовать по берегу озера, измѣняетъ свое сѣверо-восточное направленіе на прямое восточное. Вода здѣсь въ озерѣ совершенно прѣсная въ противоположность тому, что повстрѣчали мы на ЮЗ углу озера, 25-го Августа. Я разговорился съ кочующими здѣсь мингáтами о томъ странномъ явленіи, по которому вода въ сѣвромъ концѣ озера является прѣсною, а въ южномъ — соленою; они объясняютъ его тѣмъ, что на сѣверѣ въ озеро впадаютъ р.р. Буянтү и Кобдò, прѣсныя воды которыхъ якобы растворяютъ озерную; но едва ли такое толкованіе вѣрно. По разказамъ ихъ, озеро Харà-усу значительно высыхаетъ и въ настоящее время на южномъ концѣ его образовалось уже нѣсколько мелкихъ небольшихъ озеръ.

Весьма вѣроятно, что именно на этихъ-то отмеляхъ вода, насыщаясь прибрежною солью и дѣлается соленою; сохраняя свой основной прѣсный вкусъ посрединѣ озера и у остальныхъ болѣе глубокихъ береговъ его. Здѣшніе мингаты по отбыванію повинностей принадлежатъ къ числу 50-ти бркѣ, обязанныхъ доставкою въ кобдѣскую крѣпость дровъ. Какъ и для поставки сѣна, на доставку дровъ правительство отпускаетъ 12 цаліновъ высшаго оклада и 12 цаліновъ низшаго оклада, которые раздѣляются поровну между хошѹнами блѣтскимъ и мингатскимъ. Получающіе высшій цалінь, въ 35 ланъ годовыхъ, должны поставлять въ мѣсяцъ 20 выючныхъ верблюдовъ съ древесными полѣпьями; а получающіе низшій цалінь, въ 25 ланъ, — 15 такихъ же выюковъ. Всѣхъ каждаго выюка 320 гинѣвъ. Въ теченіе 6 осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ вмѣсто дровъ должны быть доставляемы въ томъ же количествѣ угли. Помимо этого удовлетворенія казенныхъ потребностей, тѣ же 50 куртъ мингатовъ, доставляютъ еще топливо и въ мингатскій хурѣнь. Послѣдній располагается прямо на сѣверѣ отсюда, на р. Сундулѣ. Въ немъ построены теперь двѣ высокія кумирни, тибетской архитектуры, изъ сырцеваго кирпича. Ламы, живущіе въ этомъ монастырѣ, обосновались какъ въ байшинахъ, такъ и въ юртахъ. Общее число ламъ мингатскаго хурѣня нѣсколько выше 100, байшиновъ же въ монастырѣ около 25. Такъ какъ монастырь этотъ находится на границѣ мингатскаго и дурбѣтскаго хошѹновъ, то дурбѣтскіе ламы весьма часто посѣщаютъ его для совершенія хураловъ.

5-е Сентября. Суббота.

5 ч. $+1^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12 ч. $+13^{\circ}$; 3 ч. $+18^{\circ}$; 6 ч. $+8^{\circ}$; 9 ч. $+1^{\circ}$.

Урочище Харà-усунай тѣйримъ составляетъ границу мингатскихъ кочевьевъ и къ востоку отъ него идутъ уже земли дурбѣтскаго вана. Мы оставили мѣсто своей стоянки въ 7 ч. 30 м. и двинулись далѣе, чтобы огибать озеро Харà-усу въ восточномъ направленіи. Почва береговъ постоянно смѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразится и ея небогатая растительность: въ мѣстахъ глинистыхъ растутъ по преимуществу хармыкъ; на пространствахъ твердопесчаныхъ и усѣянныхъ галькою еще особое растеніе — «тѣсхѣ». Въ 9 ч. 50 м. мы поднялись на уваль Табунъ-тологдѣ и отсюда, оставивъ за собою озеро Харà-усу, слѣдовали по возвышенной долинѣ — Цѣхоръ-нурыйнъ бѣль, получающей свое имя отъ множества маленькихъ озеръ, на которыя разбивается въ этомъ мѣстѣ Харà-усу у своихъ сѣверныхъ береговъ. Долина Цѣхоръ-нурыйнъ талà на всемъ своемъ протяженіи песчана, покрыта мельчайшей галькой и лишена всякой растительности. Глазу рѣшительно не на чемъ остановиться и вниманіе его привлекаетъ сначала стоящая къ сѣверу, въ сторонѣ, красная гора Ургату-

уланъ, а потомъ пересѣкающія дорогу низенькія горы Хурэнъ-тологдй, до которыхъ мы достигли и на которыя начали подниматься ровно въ 1 часъ дня. Въ общемъ Хурэнъ-тологдй представляетъ собою цѣлую группу холмовъ, беспорядочно поднимающихся на плоской возвышенности, усѣянной, какъ-будто раскиданнымъ углемъ, мелкими черными камнями. Растительности здѣсь нѣтъ почти никакой, кромѣ хараганы и дэрэсүна; тѣмъ не менѣе на западной окраинѣ холмовъ имѣется колодець, называемый Дамбайнъ-худукъ, у котораго ютятся двѣ жалкія юрты дурбэтовъ хошүна вана. Лавируя между холмами Хурэнъ-тологдй, мы выбрались въ 2 ч. 15 м. въ небольшую продолговатую лощину, изъ которой начинается подъемъ на горы Сэръ. Подъемъ пологій и вполне удобный для колесной ѣзды. Съ вершины перевала черезъ эти горы намъ открылась, въ направленіи къ сѣверу и востоку, громадная равнина, ограничиваемая синѣющимъ на далекомъ сѣверо-востоку хребтомъ Токтохд-нуру. Послѣдній находился отъ насъ приблизительно верстахъ во 100. По долинѣ этой были разбросаны отдѣльныя горы различной величины. Ближайшая къ намъ, съ высоко вздымающимся каменистымъ гребнемъ краснаго цвѣта, называлась Аранчжуръ-үла. Недоѣзжая до нея версты три, мы повернули нѣсколько къ ЮВ, почему Аранчжуръ-үла осталась у насъ влѣво, дорога же пошла между отрогами ея съ одной стороны и возвышенностями Сэръ—съ другой, какъ бы въ ущельи. Въ 4 ч. 40 м. мы достигли колодца Хошхорыйнъ-худукъ, у котораго стояли двѣ юрты дурбэтовъ и бродила масса скота; но какъ колодець этотъ находился въ сторонѣ отъ дороги версты на двѣ, вода же въ немъ, по словамъ мѣстныхъ дурбэтовъ, была очень плохая, то мы не остановились у него, а продолжали спускаться ниже по тому же ущелью, почва котораго вскорѣ измѣнилась въ сыпуче-песчаную. Въ 5 ч. 35 м. стали для ночлега у колодца Аранчжуръ худукъ.

Здѣсь не успѣли мы еще и развьючить своихъ верблюдовъ, какъ къ намъ явилось двое ребятишекъ, которые принесли съ собою аргалу и вмѣстѣ съ тѣмъ просили у насъ милостыню; минутъ десять спустя подошла ихъ мать, а засимъ и отецъ. Гольитьба это была страшная. Разговарившись съ отцомъ, я узналъ, что онъ состоитъ въ довольно важной должности цзаланъ, завѣдывающаго солдатами, командированными для обработки казенныхъ кобдскихъ пашень; теперь же онъ кочевалъ одинокою юртою въ глухомъ ущельи Аранчжурыйнъ-худука, спасаясь отъ своихъ кредиторовъ. Переданная имъ мнѣ скорбная, но довольно обычная для монголовъ исторія его состояла въ слѣдующемъ. Цзаланъ Цзамьянъ-чжалцанъ числился на службѣ при кобдскихъ пашняхъ уже въ третьемъ поколѣніи. Отецъ его, цзаланъ Дэльгэръ, весною 4-го года Бадарагүлху-турү (1878)

заболѣлъ, сначала, повидимому, катарромъ желудка, а потомъ ракомъ въ желудкѣ. До времени этой болѣзни онъ жилъ порядочно, имѣлъ десятка полтора лошадей и головъ тридцать рогатаго скота; были также и овцы, и козы. Какъ управлявшій солдатами цзалапъ, онъ состоялъ на хорошемъ счету и это, вмѣстѣ съ помянутымъ достаткомъ, давало ему возможность не только нести свою службу, но еще отправлять за двѣ юрты обязанности пахаря-солдата, получая за это ацѡка отъ 400, до 450 ланъ въ годъ. Съ постигшею его болѣзнию все измѣнилось: онъ пролечивалъ въ теченіе двухъ лѣтъ не только все получаемое жалованье, но засимъ пролечилъ и скотъ и большую часть имущества. Сынъ не зналъ истиннаго положенія дѣлъ отца и послѣдній только передъ смертью сказалъ ему, что у него имѣются порядочные долги своимъ сослуживцамъ, пашеннымъ солдатамъ зеленого знамени и солдонамъ, а равно и постороннимъ китайцамъ и монголамъ, при чемъ долги эти были сдѣланы имъ какъ на казенныя, такъ и на собственныя потребности. Лишь только Дэлгѣръ умеръ, кобдѡскій амбанъ, по обычаю, назначилъ сына его, Цзамьянъ-чжалцана, на должность цзалапа и вмѣстѣ съ симъ къ послѣднему приступили кредиторы его отца, требуя возврата долговъ. Главные кредиторы, говорилъ онъ, были два китайскихъ пашенныхъ солдата, Лѡо-са и Дабауръ, да помимо того человекъ до 30 другихъ монголовъ. Долги оказались страшные: всего не менѣе 2500 ланъ, и каждый изъ кредитовъ хотѣлъ получить все сразу, грозя довести дѣло до суда. «Много стоило мнѣ выпросить у нихъ отсрочку; весь маленький достатокъ, который былъ у меня въ рукахъ, наконецъ все возможное изъ имущества, все было продано и отдано кредиторамъ. Продолжая ежегодно получать жалованье и провіантъ по своей должности, получая вспоможеніе отъ хошѹна скотомъ, я все это отдавалъ кредиторамъ въ теченіе десяти лѣтъ и наконецъ просто выбился изъ силъ. Какъ на бѣду—несчастные годы въ Халхѣ, общіе неурожай и падежи привели къ тому, что намъ перестали высылать и жалованье: остались у меня одна только лошадь, да одна корова съ теленкомъ; со всѣхъ сторонъ долги, жалованья не выдаютъ, семьи — пять душъ, со всѣхъ сторонъ стѣсненіе. При такихъ обстоятельствахъ я изложилъ все подробно и просилъ амбана указать мнѣ способъ выйти изъ этого крайняго положенія, но на просьбу эту не послѣдовало даже никакого отвѣта. А у меня между тѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни семью пропитать нечемъ. Кредиторы приступаютъ, я же не только платить долговъ, а и прокормить ребятъ не въ состояніи. Пождалъ я отвѣта отъ амбана цѣлыхъ два года и, наконецъ, просилъ своего цзангѹна извѣстить монгольскій чжисанъ о своемъ крайнемъ положеніи, а самъ скрылся вотъ сюда, чтобы хоть на мѣсяць, или на два не видать кредиторовъ.

«Сколько же у тебя теперь долговъ?» спросилъ я.

«Да вотъ, если хотите, я принесу списокъ, представленный въ чжин-сань». Съ этими словами онъ ушелъ и принесъ мнѣ копію, изъ которой я сдѣлалъ для себя нижеслѣдующую выписку въ точномъ переводѣ.

«Всего осталось нынѣ долговъ:

Солдатамъ зеленаго знамени:

	Ланн.	Цинн.	Финн.
1) Лаб-сэ — 209½ концев. товара ¹⁾ , по цѣнѣ 1 л. 3 ц. за конецъ	273	3	5
2) Да-ба-ѹру — 207 » » » » » » »	269	1	—
3) Цзокомбі'ю — 203 » » » » » » »	263	9	—
4) Аюши — 85 » » » » » » »	110	5	—
5) Гувѣр'у — 15 » » » » » » »	19	5	—
6) Вэй-куй'ю — 31 » » » » » » »	40	3	—
7) Шан'ю — денежнаго долга всего	27	1	—
8) Цзая'ю — 107 концевъ товара, по цѣнѣ 1 ланъ 3 цина
за конецъ	139	1	—
9) Таргун'у — денежнаго долга всего	37	1	—
10) Вэй-ши'ю » » »	14	4	—
11) Чжунъ-ца'ю » » »	54	1	2
12) Дэнъ-гуй'ю — 98 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.
и сверхъ сего одна лошадь.	128	—	5
13) Янъ-шэнъ'у — 21 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.	27	3	—

Солдатамъ изъ Солдоновъ:

14) Сайшингэ — 103 концевъ товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.	133	9	—
15) Китайской фирмѣ Чагантай — денежнаго долга.	88	6	2
16) Въ лавку китайца, именуемаго Харъ-дэбэнь — 8½ концевъ
товара, по 1 л. 3 ц. за конецъ.	11	5	—
17) » » » Баяртү — 31 концевъ товара, по 1 л. 3 ц.
за конецъ	47	3	—
18) » » » Унуга — денежнаго долга.	12	2	2
19) » » » Цзаяту — 8½ концевъ товара, по 1 л. 3 ц.
за конецъ	11	5	—
20) » » » Тунъ-цзя — денежнаго долга.	29	—	—
21) » » » Далай — 26 концевъ товара, по 1 л. 3 ц.
за конецъ	33	8	—

1) Концеми зовутъ монголы отрѣзъ на халатъ, а товаромъ — дэлянбу.

Монголо-халхасамъ түшэту хановскаго аймака:

	Лань.	Цинь.	Финь.
22) Солдату, ламѣ Тогочи изъ хошүна Да-цинъ-вана—12½,
концевъ товара, по цѣнѣ 1 лань за конецъ, всего на.	12	5	—

Мэргэнъ-вановскаго хошүна:

23) Солдату Дакба — денежнаго долга	10	5	—
24) » Чжимба » »	31	3	—
25) Мингатскаго хошүна солдату Цэрэну — денежнаго долга
сверхъ сего одинъ кладеный верблюды.	15	5	—
26) Олътскаго хошүна солдату Далда — денежнаго долга . .
сверхъ сего одна лошадь.	13	—	—

Итого долговъ на сумму 1587 лань, 7 цинь, 6 фыновъ серебра, 2 лошади и одинъ кладеный верблюды».

6-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. +1°; 9 ч. +12°; 12 ч. +14°; 6 ч. +9°; 9 ч. +5°.

Двинулись въ 7 ч. 20 м. и первоначально продолжали путь по тому же ущелью, Аранчжүрийнъ-хүндэй. Оно спускается въ долину, видѣнную нами вчера съ вершины Сэръ, прямо противъ озера Дзэрэнъ-нүръ, названнаго такъ старинными монголами по обилію находящихся здѣсь дзэрэновъ. Какъ бы въ подтвержденіе этой характеристичной особенности данной мѣстности, мы также повстрѣчали здѣсь дзэрэновъ: одинъ разъ стадо головъ въ 15, а другой — пару отдѣльно пасшихся животныхъ. Нынѣшніе монголы почти не зовутъ этого озера Дзэрэнъ-нүромъ: переименовавъ все на буддійскій ладъ, они начали приносить ему жертвы и прозвали его Сангінъ-далай, т. е. моремъ священныхъ жертвъ, хотя это «море» тянется не больше, какъ на пространство 3-хъ верствъ въ длину. Населенія близъ этого озера мы не встрѣтили ровно никакого, да—по словамъ монголовъ—его и не бываетъ никогда на западной сторонѣ Дзэрэнъ-нүра, за бесплодіемъ здѣшней почвы; только на сѣверѣ виденъ былъ намъ дымокъ какъ будто нѣсколькихъ юртъ. Подѣхавъ верхомъ на лошади ближе къ озеру, я напелъ на берегу его пласты чистой самосадочной соли, а изъ дальнѣйшихъ распросовъ узналъ, что соль Дзэрэнъ-нүра почитается самою лучшею изъ всѣхъ соляныхъ озеръ этого края, а потому за нею пріѣзжаютъ не только дүрбэты и монголы близъ лежащихъ хошүновъ, но и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, такъ что дзэрэнъ-нүрская соль доходитъ даже до русской границы: наше населеніе по карауламъ и въ Кошъ-агачѣ употребляетъ также эту соль. Разработка ея производится безъ всякой системы и порядка и, кажется, совершенно свободно: каждый пріѣзжаетъ и беретъ по

нуждѣ. Правда, въ виду принадлежности Дзэрэнъ нѹра хошѹну дѹрбѣтскаго вѹна, мѣстное хошѹнное управленіе содержитъ даже своихъ цакдѣ, или сторожей, при озерѣ (ихъ-то юрты, вѣроятно, и были видны намъ на сѣверной сторонѣ озера); но эти сторожа отправляютъ свою обязанность совершенно формально: они даже не живутъ на мѣстѣ добыванія соли, а по крайней мѣрѣ верстахъ въ 4-хъ отъ него. Мои возчики разказывали мнѣ, впрочемъ, что каждый пріѣзжающій за солью обыкновенно отдаетъ за телѣгу, или за верблюжій вьюкъ сторожамъ по одной бараньей шкурѣ; но плата эта не идетъ въ хошѹнъ, а является въ видѣ взятки сторожамъ. Почва долины Дзэрэнъ-нѹра песчано-дресвянистая, съ растительностью чрезвычайно бѣдною даже у береговъ озера; дагѣ отъ нихъ окрестность дѣлается почти совершенно безплодною. Въ общемъ долина поката на сѣверъ. Къ востоку, какъ путеводная звѣзда, стоитъ передъ нами одинокая и высокая гора Зоксѣ-хаирханъ. На югѣ долина ограничивается хребтомъ Аргалинтѹ, съ котораго, вѣроятно, скатывается весною много воды, ибо потоки ея образовали на нашемъ пути довольно глубокія и широкія русла. Мѣстами эти стоки воды останавливаются въ неглубокихъ котловинахъ и не дагѣ какъ мѣсяца три тому назадъ, словомъ до половины Іюня, здѣсь можно было видѣть много глубокихъ лужъ доходящихъ до полутора верстъ и болѣе въ окружности; въ настоящую пору здѣсь не осталость и слѣда влаги, на мѣстѣ же бывшихъ лужъ красуется ровная «шѣла», глянцевиная, и такая твердая, что ни копыто лошади, ни колесо телѣги не оставляютъ на ней слѣда. Въ 11 ч. 55 м., отѣхавъ уже верстъ 12 отъ береговъ Дзэрэнъ-нѹра, мы спустились въ большую котловину, именуемую Туги и протягивающуюся съ юга на сѣверъ. Она окаймляется утесами изъ сѣрой глины, имѣющими самыя причудливыя формы: издали они кажутся то зубчатыми стѣнами крѣпости, то поднимающимися конусомъ монгольскими юртами. Посреди этой долины и въ одной верстѣ къ сѣверу отъ дороги находится небольшое озерко Туги, близъ котораго видны были кочующими три дѹрбѣтскія юрты. Мѣстность вокругъ этого озерка обильно поросла дэрэсѹномъ, помимо котораго здѣсь встрѣчаются и кормовыя травы—кипецъ и красная полынь, но это не надолго и вскорѣ опять все принимаетъ жалкій видъ безплодной пустыни. По такой-то мѣстности мы, въ 1 ч. 40 м. дня, достигли берега р. Цабхана, въ урочищѣ Дѹрбѣдѣйнъ-обѣ.

Рѣка Цабханъ течетъ здѣсь двумя протоками, отстоящими одна отъ другой на разстояніи версты и имѣющими ширины — восточная до 20, а западная до 25, или даже до 30 саж. Переправу черезъ Цабханъ мѣстные монголы считаютъ очень трудною, такъ какъ дно рѣки вязко и по нему масса зыбкихъ трясинъ, въ которыхъ вязнутъ животныя. Монголы, а съ

ихъ словъ и всѣ русскіе, вѣрятъ и говорятъ, будто Цзабхѣнъ имѣетъ два теченія, одно подземное, а другое наружное. Если животное, переправляясь черезъ рѣку, увязнетъ, то его всасываетъ въ дно наружнаго теченія, если же прососетъ это дно, то животное разомъ юркнуетъ подъ воду и утонетъ почти мгновенно. Несомнѣнно, что такое наблюденіе надъ погибелью животныхъ основывается на опытѣ, хотя я и не знаю — основательно ли его объясненіе; достовѣрно для меня лишь одно, что воды рѣки Цзабхѣна ежедневно измѣняютъ теченіе въ предѣлахъ широкаго рѣчнаго русла: протекая сегодня по одной ложбинѣ, онѣ завтра текутъ по другой. Мнѣ кажется, что это происходитъ оттого, что, при быстротѣ теченія, рѣка несетъ съ собою массу песка и ила, которые, скопляясь въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, наконецъ запруживаютъ воду и обращаютъ ея теченіе въ другое ложе. Переѣзжать черезъ рѣку вбродъ удобнѣе всего въ мѣстахъ этихъ песчаныхъ наносовъ, почему и броды рѣки Цзабхѣна смѣняются ежедневно: тамъ, гдѣ переѣзжали сегодня, нельзя переѣзжать завтра. Мѣстные дурбѣты и сартулы прекрасно изучили особенности русла и теченія рѣки и заранѣе могутъ указать, по какой ложбинѣ рѣка потечетъ завтра; по этой-то причинѣ переправляющіеся черезъ рѣку монгольскіе караваны всегда берутъ ихъ для показанія брода. Мы также пригласили для себя такого проводника, уплативъ ему 1 арш. голубаго плиса (45 коп. сер.), при чемъ, переѣзжая черезъ рѣку, сартулецъ этотъ указалъ мнѣ по какой ложбинѣ завтра потечетъ рѣка.

Подѣхавъ къ рѣкѣ въ 1 ч. 40 м., мы переправились черезъ нее только къ 6 часамъ вечера. Проводники мои сказали мнѣ прежде всего, что передъ переправой нужно дать отдыхъ верблюдамъ; за этимъ отдыхомъ мы простояли почти до 4-хъ часовъ вечера. Затѣмъ пошли отыскивать и пробовать броды на первой протоцкѣ, по переправѣ черезъ которую началась та же исторія относительно второго, главнаго русла рѣки. Перебравшись на правый берегъ Цзабхѣна, мы остановились здѣсь на ночлегъ въ урочищѣ Хармыкту, вѣсколько юго-западнѣе Зоксѣ-хаирхана. Ниже отсюда, по теченію рѣки, китайская компанія Да-шѣнь-куй имѣетъ свою заимку для прожизванія пастуховъ, выпасываемыхъ ею по Цзабхѣну табуновъ лошадей и верблюдовъ. Заимка эта служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ пунктомъ продаваемыхъ компаніею по окрестностямъ товаровъ.

Рѣка Цзабхѣнъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ считается важнымъ пограничнымъ пунктомъ: на лѣвомъ берегу ея лежатъ земли хошѣна дурбѣтскаго-вана, высшее управленіе коихъ сосредоточено въ Кобдѣ, а на правомъ берегу — хошѣнъ Сартуловъ, управляемый уже уясутайскимъ цзянь-цзюнемъ и амбанями; тамъ — поколѣнія чжунгаровъ, здѣсь Халха. Въ

старину по Цзабхану, говорятъ, стояли даже караулы, отдѣлявшіе одну область отъ другой, но нынѣ онѣ уже сняты, хотя мѣстные монголы и не могли сказать мнѣ, когда именно произошло это уничтоженіе.

7-е Сентября. Понедѣльникъ.

5 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$; 12 ч. $+16^{\circ}$; 6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$.

Поутру я направился къ рѣкѣ провѣрить вчерашнее пророчество сартульца и оно оказалось совершенно справедливымъ: рѣка текла уже по указанному имъ новому ложу, хотя сравнительно еще небольшой протокой.

Мѣсто своей стоянки мы оставили въ 7 ч. 40 м. и направились на ВЮВ. Степь близъ береговъ рѣки представляетъ солончакъ, бѣлое полотно котораго покрыто мелкими лепестками красной бударганѣ. Это придаетъ ей чрезвычайно своеобразный видъ и, при яркомъ освѣщеніи солнца, кажется, будто здѣсь раскинута превосходнѣйшая парча съ серебрянымъ фономъ, затканнымъ травчатыми цвѣтами. Черезъ полчаса ѣзды явленіе это осталось уже позади насъ и дорога снова пошла по твердопесчаному грунту, усыпанному дресвою и мелкими камнями. Такою однообразною степью мы ѣхали до 9 ч. 55 м., когда спустились въ глубокую, песчаную котловину, пересѣкаемую двумя увалами и тянущуюся вплоть до горъ Унигэтү. Мѣста эти положительно необитаемы, такъ какъ вся степь отъ Цзабхана до Кунгүя безводна, и тѣмъ не менѣе въ означенной котловинѣ мы встрѣтили табуны лошадей и верблюдовъ. Это такъ называемый «ильдэнъ-малъ», т. е. скотъ, выгнанный на степь: онъ пасется вдали отъ хозяйскихъ жилищъ, безъ всякаго присмотра; дня черезъ три въ четвертый онъ самъ направляется къ той или другой рѣкѣ для водопоя и засимъ снова уходитъ въ эти привычныя для него, безводныя мѣста. Такъ не прихотливъ монгольскій скотъ и мало нужно ему влаги для утоленія жажды.

Ровно въ 1 ч. дня добрались мы до горъ Унигэтү, съ вершины которыхъ вдали на сѣверъ видно большое озеро Киргызъ-нүръ, а на СЗ въ туманной дали виднѣлись высокія снѣжныя горы, которыя мои проводники называли мнѣ Убса-нүрийнъ-хара-хирà. Внизу, прямо на востокъ, въ широкой долинѣ извивалась рѣка Кунгүй. Относительно горъ Убса-нүрийнъ-хара-хирà проводники мои рассказали мнѣ, что это самый богатый нутукъ въ окрестной мѣстности и особливо славна здѣсь долина Чиндамани, получившая свое названіе отъ горы того же имени, при которой стоитъ хурѣ дүрбѣтскаго-вана. Долина эта сплошь изрѣзана потоками воды и канавами, служащими бассейномъ воды для орошенія пашень. Вода во всѣ эти арыки проведена изъ рѣки Хара-хирà. Послѣдняя течетъ у горы Чиндамани, покрытой березовымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, среди котораго часть, соб-

ственно на СВ сторонѣ горы, составляетъ заповѣдныя рощи монастыря дѣрбѣтскаго вана. Мѣстности, прилежащія самому руслу рѣки, каменисты, но окрестности поразительны своимъ плодородіемъ. Всѣ тамошніе дѣрбѣты занимаютъ земледѣліемъ. Хурѣ-вана составляетъ обширный поселокъ, слагающійся изъ 4 частей: а) монастыря, б) вановскаго дворца съ принадлежащими къ нему угодьями, в) военной крѣпости и г) жилищъ китайцевъ. Послѣдніе занимаютъ главнымъ образомъ торговлю и разбогатѣли сравнительно въ недавнее время. Явившись сначала плотниками для постройки кумирень, они потомъ остались здѣсь на житье и начали пахать пашни. Теперь у нихъ имѣются большіе бѣйшины, три конныхъ мельницы (американской системы), 4 склада для муки и зерна. Сами они посѣвомъ хлѣба теперь уже не занимаются, но торгуютъ чаемъ и бумажными матеріями, задавая эти товары дѣрбѣтамъ въ долгъ, съ обязательствомъ уплаты этого долга хлѣбомъ, — такова ихъ мѣстная торговля; доставленнѣй дѣрбѣтами хлѣбъ они продаютъ монголамъ окрестныхъ хошѣновъ — и это ихъ внѣшняя торговля, дающая имъ громадныя барыши. Съ мѣста перевала дорога наша повернула на ЮВ и, не спускаясь сполна въ долину Кунгѣя, потянулась по возвышенности, образуемой сѣвернымъ скатомъ горъ Унигѣтѣ. Такъ ѣхали мы по ровной хрящеватой дорогѣ до 4-хъ часовъ вечера, когда, отъ повстрѣчавшагося намъ небольшого соленого озера, повернули ближе къ рѣкѣ и, по мѣрѣ этого приближенія, почва дѣлалась все болѣе и болѣе песчаной. Подѣхавъ въ 5 ч. 10 м. къ берегу Кунгѣя, мы остановились здѣсь для ночлега. Кормъ для животныхъ былъ незавидный. Русло Кунгѣя имѣетъ здѣсь ширины до 20 саж.; оно чрезвычайно илисто и вода въ рѣкѣ крайне мутная.

8-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. $+3^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 6 ч. $+16^{\circ}$; 9 ч. $+10^{\circ}$.

Съ утра дуетъ холодный сѣверный вѣтеръ. Мы двинулись въ путь въ 7 ч. 45 м. и тотчасъ же переѣхали на правый берегъ рѣки, при общей глубинѣ брода не свыше полуаршина, а засимъ направились вверхъ по теченію Кунгѣя. Берега песчаны и растительности, помимо хараганъ, на нихъ никакой не замѣчается. Дорога тяжела для проѣзда вслѣдствіе обилія песковъ. Въ 10 ч. 35 м. оба берега рѣки стали возвышенны, такъ что рѣка течетъ въ глубокой ложбинѣ, но такое измѣненіе береговъ въ отношеніи къ рѣкѣ не измѣнило характера ихъ почвы и дорога продолжаетъ быть такою же песчаной. Въ 11 ч. вдругъ среди этихъ песковъ показался какъ бы оазисъ желтыхъ кормовыхъ травъ, располагающійся верстахъ въ двухъ отъ берега. Къ этому оазису направляется и дорога, огибая въ этомъ мѣстѣ вдающійся въ рѣку мысъ Борд-уцзуръ. Верблюды наши, разгорѣв-

шіеся отъ ходьбы по пескамъ, начали падать на колѣна и засимъ ложиться, причеиъ никакіе побои и понуканія не достигали цѣли—поднять ихъ снова на ноги. Мы должны были поэтому, спустившись съ Борд-уцаѳура и переправившись снова на лѣвый берегъ рѣки, дать отдыхъ животнымъ, простоявъ здѣсь съ 12 ч. дня до 4-хъ вечера. Пустившись засимъ въ путь по лѣвому берегу, мы нашли его такимъ же песчанымъ и бесплоднымъ, какъ и правый. Въ 5 ч. миновали урочище Шабакъ, въ которомъ нашли двѣ юрты кочующихъ бѣдняковъ. Это были первыя юрты, которыя мы повстрѣчали въ два дня ѣзды отъ береговъ Цзабхана. Урочище Шабактѹ-обѹ весьма красиво. Высокіе берега рѣки почти отвѣсно возвышаются здѣсь надъ ея русломъ, такъ что рѣка течетъ какъ бы въ ущельи, а далѣе она вступаетъ въ широкую долину, огражденную опять-таки отвѣсными скалами. Дорога, впрочемъ, не спускается въ эту долину, а отдалается отъ рѣки, слѣдуя по ея высокому берегу. Продолжая путь въ этомъ направленіи, мы скоро обмеркли и, за темнотою, остановились для ночлега въ 7 ч. вечера.

9-е Сентября. Среда.

5 ч. $+10\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 3 ч. $+9^{\circ}$; 6 ч. $+5^{\circ}$;
9 ч. $+1^{\circ}$.

Двинулись въ путь въ 7 ч. 15 м. и тотчасъ же должны были снова переправиться на правый берегъ рѣки, чтобы объѣхать песчаные утесы лѣваго берега, подходящіе здѣсь къ самому руслу; они называются Улѣнъ эргѣ. Обходъ не больше одной версты, далѣе же дорога снова переходитъ на лѣвый берегъ и слѣдуетъ на нѣкоторое разстояніе почти у самаго русла. Въ 8 ч. 20 м. мы достигли значительнаго урочища Цаганъ-булѹнъ. Это солончакъ съ довольно богатыми зарослями дэрэсѹна. Здѣсь повстрѣчали мы четыре юрты сартѹловъ и двѣ юрты, занятыхъ торгующими китайцами изъ Улѣсутая. Они прибыли сюда весною и привезли главнымъ образомъ дабу, даламбу и чай, а также мелочные товары монгольскаго обихода: чашки, домбѹ, трубки и табакерки. Все это въ настоящую пору было уже распродано ими и въ обмѣнъ на сказанные товары они получили верблюжью шерсть и войлока, груды которыхъ возвышались теперь передъ ихъ юртами. Здѣсь же въ обдѹхѹ¹⁾ пріютился лама, шабѣнецъ Чжэб-цзѹнъ-дамба-хутухты, вмѣстѣ съ своею подругою, здоровою дѣвкою лѣтъ 30-ти. Они вмѣстѣ выѣхали изъ Ургѣ два года тому назадъ и теперь живутъ частію подаваніями, а частію нанимаясь въ работы. По ихъ разказамъ, въ Цаганъ-булѹнѣ торгуютъ не только китайцы, но и русскіе. Послѣдніе

1) Обдѹхой — шалашъ, устраиваемый собственно изъ одной верхней части юрты, т. е. унѣновъ, прикрываемыхъ войлоками.

отдаютъ сюда на выпасъ свой скотъ, при чемъ выдають своимъ пастухамъ незначительное число товаровъ для продажи. Изъ урочища Цаганъ-булунъ мы прибыли въ 9 ч. 25 м. на обширную песчаную луговину Харъ-усувай-бэлычиръ, за которою слѣдуетъ урочище Хусуръ (10 час. 5 м.), также съ песчаной почвою и незначительными солонцами. Въ Хусурѣ мы также нашли 4 юрты сартуловъ. Отсюда, продолжая путь по тому же лѣвому берегу Кунгуня и переваливъ черезъ нѣсколько каменисто-песчаныхъ уваловъ, мы въ 1 ч. 25 м. остановились для полднейки. Здѣсь къ намъ подъѣзжали монголы изъ каравана сартуловъ, ѣхавшихъ въ Уланъ-комъ и въ кочевья дурбэтскаго вана за мукою. Они вымѣнивають ее на чай, въ запасы для продовольствія зимою. Въ томъ же хошунѣ покупають для себя муку мингаты, таричины, монголы хошунъ Лунгунъ и др. Подобный этому караванъ прошелъ на нашихъ глазахъ по правому берегу рѣки: всего было тамъ 15 верблюдовъ. Съ мѣста полднейки мы двинулись въ 3 ч. 45 м. и въ 5 ч. 30 м. подъѣхали къ горамъ Голыйнъ-уланъ и Субэинъ-уланъ, стоящимъ влѣво отъ дороги, на правомъ берегу Кунгуня, а равно къ противулежащей имъ горѣ Байнъ-уланъ, на лѣвой сторонѣ рѣки. Последняя гора возвышается одиноко посреди степи. Въ 7 ч. 30 м. остановились для ночлега въ довольно заселенномъ урочищѣ, носящемъ отъ имени горы общее названіе Байнъ-уланъ, а въ частности именуемомъ Оботу. Рѣка здѣсь уходитъ отъ дороги влѣво, а потому мы ночевали вдали отъ воды.

10-е Сентября. Четвергъ.

5 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+2^{\circ}$.

Выѣхали съ ночлега въ Оботу въ 7 ч. 10 м., чтобы продолжать путь по лѣвому возвышенному берегу. Почва его значительно песчана, а на правомъ берегу рѣки видны тянущимися прямыя горы сыпучаго песка. Въ 10 ч. мы подъѣхали къ горѣ Мандалъ-обо, ниспускающей пологимъ скатомъ въ сторону рѣки и дороги. Населенія по Кунгуню въ нынѣшнемъ году крайне мало, такъ какъ всѣ уковали въ степь, къ востоку. Засуха, приключившаяся съ самаго начала весны, породила здѣсь недостатокъ травъ и только въ послѣдней лѣтней лунѣ, т. е. въ Августѣ, начали падать дожди, нѣсколько оживившіе растительность. Нѣкоторые, остававшіеся на здѣшнихъ пастбищахъ бѣдняки немедленно дали знать о семъ своимъ, перекочевавшимъ на чужія мѣста богатымъ однокочевникамъ, и послѣдніе въ данное время начали возвращаться на свои кочевья. Во многихъ мѣстахъ мы видѣли какъ перекочевавшіе монголы ставили свои юрты; у другихъ было перевезено одно только имущество (цзѳри): сундуки и разныя принадлежности быта были свалены въ одну общую груду и прикрыты хана (т. е. рѣшетками юрты) и войлоками, между тѣмъ какъ крыша юрты остава-

лась на старомъ кочевьи. Очевидно, хозяева, не успѣвшіе еще перебраться со своимъ скотомъ, остались жить въ обѣихъ. Въ 11 ч. мы поднялись на невысокій, пологій и весьма удобный для колеснаго перевала хутуль — Гурбанъ-уцзуръ, названный такъ, безсомнѣнія, потому, что онъ заключаетъ въ себѣ собственно три, врядъ стоящихъ вершины и спускается къ рѣкѣ тремя мысами. Отсегѣ начинается рядъ невысокихъ уваловъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сайримъ. На послѣдній изъ нихъ болѣе высокой и каменистый мы вѣхали въ 12 ч. 5 м. и спустились съ него въ большую равнину Нуга, горы, ограничивающія которую, располагаются въ отношеніи къ рѣкѣ амфитеатромъ. Обыкновенно равнина эта, говорятъ, бываетъ богата влагою и растительностью, теперь травы на ней еле были замѣтны, а воды не было совершенно. Равнину Нуга мы пересѣкали въ теченіе 3 часовъ 10 м., такъ что только въ 3¼ часа пополудни достигли до ограничивающихъ ее горъ Харяту, черезъ которыя переѣзжаютъ двумя невысокими, но длинными увалами. Съ вершины ихъ дорога спускается въ небольшую ложбинку, за которою видна гора Борд-тологдй. У восточнаго подножія этой горы мы остановились для ночлега, верстахъ въ 2-хъ отъ берега рѣки и почти у самой дороги. Ближе къ рѣкѣ мы не поѣхали, во-первыхъ, потому что намъ пришлось бы далеко удалиться отъ дороги, а во-вторыхъ—и пожалуй даже еще больше—потому что на мѣстѣ нашей остановки мы увидали отдыхающими двухъ монголовъ, старика лѣтъ подл 60 и парня лѣтъ 25: они давно уже разсѣдали и пустили на траву своихъ лошадей, а сами, очевидно, уже покончивъ свою закуску, варили себѣ чай. Встрѣтить языкъ послѣ цѣлаго дня движенія по безлюдной мѣстности — удовольствіе не малое и мы остановились именно около этихъ двухъ странниковъ.

Старшій изъ нихъ оказался цзангѣномъ одного изъ карауловъ на границѣ съ Россією, Ботогдн-хблой, а младшій — его проводникомъ, латникомъ того же караула. Цзангѣнъ ѣхалъ въ Улясутай, по приказанію хя, управляющаго пятью караулами, природнаго китайца, только въ прошломъ году командированнаго изъ Пекина на эту должность. Прибывъ къ мѣсту своего служенія, хя, по имени Да-юй, тотчасъ же поѣхалъ по карауламъ для ревизіи и нашелъ на нихъ много безпорядковъ: у большинства стражниковъ недоставало лошадей, а оружія не оказалось и наполовину противъ нормы. Обо всемъ этомъ сдѣланъ былъ докладъ улясутайскому цзянь-цзюню, который потребовалъ отъ хошунъ привести выставленныхъ ими на караулы латниковъ въ должный порядокъ. Хошунъ отвѣчали, что въ настоящую пору исполнить это требованіе невозможно; но что въ слѣдующемъ, т. е. въ нынѣшнемъ, году имъ придется смѣнять

своихъ латниковъ и тогда вновь присланные люди явятся совершенно исправными. Весною нынѣшняго года часть караульныхъ солдатъ, отбывъ срокъ своей службы на караулахъ, дѣйствительно возвратилась въ свои хошұны и на мѣсто ихъ прибыли новые караульные; другіе хошұны, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, оставили отбывать службу на новое трехлѣтіе старыхъ солдатъ. Когда, въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, хя опять поѣхалъ осматривать караулы, то оказалось, что на пространствѣ всего его вѣдомства, а особливо въ Чигирсүтѣѣ и Хандагайтү'ѣ, замѣчаются тѣ же недостатки. Правда, лошади были всѣ налицо, по штату, но оружіе — гдѣ было только поправлено, гдѣ его опять не оказалось вовсе, а гдѣ представили старое и совершенно негодное къ употребленію. Сдѣлавъ повсюду должный выговоръ, хя Да-юй отправилъ теперь къ улясутайскому цзянь-цзюню этого цзангйна, который ѣздилъ съ нимъ по карауламъ, все видѣлъ и могъ передать обо всемъ подробно и обстоятельно. Цзангйнъ долженъ былъ добиться отъ цзянь-цзюня приведенія оружія въ полный порядокъ, а между тѣмъ это требовало значительныхъ расходовъ. На караулахъ Борой-чикитү и Суокъ было только по два лука, всѣ остальные были испорчены и требовали капитальнаго ремонта; на караулѣ Хандагайтү только у четырехъ солдатъ оружіе найдено сноснымъ, у всѣхъ остальныхъ 16 человекъ оно было изношенное, старое, поломанное и должно было быть приобретено заново. Не знаю, насколько успѣетъ цзангйнъ этотъ выполнить возложенное на него порученіе, но онъ, очевидно не сочувствовалъ ему и, къ моему удивленію, взгляды этого монгола были гораздо основательнѣе его начальства. Въ бесѣдѣ онъ совершенно ясно высказалъ мнѣ свое мнѣніе о бесполезности этихъ правительственныхъ заботъ. «Къ чему все это?» говорилъ онъ. «Съ русскими мы живемъ безобидно и не нужно намъ даже никакихъ карауловъ: земли у обоихъ царей много! И что намъ дѣлать луками, если теперь даже каждый русскій «сойтъ» (этимъ именемъ зовутъ монголы нашихъ алтайскихъ калмыковъ) имѣетъ «пистүля» (пистолеть), а чу-фын'скіе (таможенные) солдаты стрѣляютъ и попадаютъ за 5 ли?! Развѣ есть какая польза послѣ этого отъ нашихъ луковъ?!»

Просидѣвъ съ нами съ полчаса, цзангйицъ уѣхалъ съ своимъ проводникомъ вверхъ по берегу рѣки, надѣясь верстахъ въ 10-ти найти знакомыя юрты и ночевать у нихъ.

11 Сентября. Пятница.

5 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $+4\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+6^{\circ}$; 3 ч. $+6^{\circ}$; 6 ч. $+3^{\circ}$; 9 ч. $+0^{\circ}$.

Ночью часовъ съ двухъ поднялся страшный вѣтеръ, а съ 4-хъ часовъ утра пошелъ дождь. Единственное топливо въ степи — аргалъ смокъ и мы не могли ни согрѣться, ни сварить себѣ чаю. Извѣстно, что верблюды не

ходятъ ни при падающемъ сильно снѣгѣ, ни при дождѣ; поэтому мы должны были стоять и мокнуть. Въ 8 ч. 15 м. дождь нѣсколько поутихъ и небо начало проясняться; мы могли двинуться въ путь и, завьючивъ верблюдовъ, въ 8½ ч. утра снялись съ мѣста. Дорога отъ Борд-тологдѣ къ Улясутаю раздѣляется на двѣ: верхнюю и нижнюю. Первая изъ нихъ короче, но она безводна, а потому, слѣдуя по ней, караваны запасаются водою; вторая дорога длиннѣе, за то на ней много колодцевъ и запасовъ воды дѣлать не нужно. Мы, какъ ѣдущіе на легкѣ, не взяли съ собою воды, но поѣхали по первой дорогѣ. Она проходитъ сначала въ Борд-тологдѣйской равнинѣ твердо песчаного грунта; засимъ въ 10 ч. 20 м. мы поднялись на длинный и пологій переваль Шибеганцайнъ-хутуль. На вершинѣ его находится большая тюкюэская могила, съ круглою насыпью и четырёхугольной оградой. Отсюда, миновавъ небольшую котловину, именуемую Наринъ, мы въ 11 ч. 30 м. поднялись на другой пологій уваль, при которомъ также сохранились слѣды древнихъ тюкюэскихъ могилъ. Засимъ послѣдовала громадная долина Ърѣйнъ-худугѣйнъ-тала наклоненная къ СВ и къ р. Кунгюю. Берега послѣдней находятся здѣсь уже не менѣе какъ на разстояніи 5 верстъ отъ дороги. Вся долина эта волнообразна и испещрена массою пригорковъ. Она представляетъ собою богатая пастбища, особливо ближе къ колодцу Ърѣйнъ-худукъ, до котораго мы доѣхали въ 3 ч. 25 м. Онъ располагается у сѣвернаго подножія горы Ъръ хаирхана, отъ которой получаютъ свое названіе и всѣ окрестныя мѣста. Миновавъ эту, царящую надъ всею окрестностью гору, мы по прекрасной ровной дорогѣ дошли до урочища Хаирханъ-худукъ и остановились для ночлега въ 5 ч. вечера. Ъхать дальше было невозможно, ибо постоянно смѣнявшіе другъ друга дождь, градъ и крупа заставляли верблюдовъ ложиться и поднимать ихъ было очень трудно. На горахъ повсюду выпалъ снѣгъ.

Настоящая стоянка была для меня счастливою потому, что совершенно неожиданно открыла мнѣ цѣлую серію новостей по порядкамъ управленія Монголіи. Часовъ въ 7 вечера, на ряду съ нами, у колодца Хаирханъ-худукъ остановился мѣйханъ, подъ защитою котораго пріютились 4 монгольскихъ путника. Главнымъ изъ нихъ оказался даргѣ шабинскаго вѣдомства Цзайнъ-гэгэна. Онъ былъ командированъ въ Кобдѣ, чтобы забрать и привезти домой задержанныхъ въ этомъ городѣ бродягъ помянутаго вѣдомства и теперь возвращался въ общество трехъ такихъ бродягъ. Явленіе это само по себѣ на столько обычное, что я по началу не обратилъ на него и вниманія; но дальнѣйшія бесѣды съ даргѣю представили громадный интересъ. Всѣ спутники даргѣ были положительные нищіе. Они ушли изъ своихъ кочевьевъ побираться и бродили по разнымъ мѣстамъ

отъ 2-хъ до 8 лѣтъ, пока не захватили ихъ въ Кобдò. Одинъ изъ этихъ бродягъ, по имени Дондòкъ, въ теченіе всего послѣдняго года безвыходно проживалъ въ мингàтскихъ кочевьяхъ и пропитывался милостынею, переходя изъ одной юрты въ другую. По несчастію, въ эту пору у одного мингàта пропалъ быкъ. Мингàтъ заподозрилъ въ воровствѣ помянутаго бродягу Дондòка и подалъ заявленіе объ этомъ въ кобдòскій чжисàнъ. Началось дѣло. Чжисàнъ взялъ подъ стражу Дондòка и три раза вызывалъ къ слѣдствію истца — мингàта; но послѣдній не являлся и прибылъ только на четвертое приглашеніе. Эта небрежность истца затянула дѣло почти на два мѣсяца. На судѣ выяснилось, что подозрѣніе мингàта было совершенно неосновательно и Дондòкъ въ кражѣ неповиненъ; что его можно было преслѣдовать лишь за бродяжничество: какъ бродягу, его и сдали прибывшему даргѣ. Бродяжничество Дондòка стоило однако его вѣдомству очень дорого. Поручая Дондòка даргѣ, чжисàнъ сообщилъ сему послѣднему, для передачи управляющему шабинàрами Цзайнъ-гэгэна шанцзотбѣ, слѣдующее. Такъ какъ дѣло Дондòка тянулось 55 дней и во все это время его нужно было содержать подъ стражей, то на него израсходовано: 1) въ уплату сторожившимъ его даргѣ и латникамъ, на содержаніе ихъ пищею и квартирою, на покупку для нихъ дровъ и чая, а равно 2) на содержаніе самаго арестанта, — всего 47 ланъ 8 цинъ и 5 фынъ (95 р. 70 сер. коп.). Засимъ, послѣ окончанія дѣла, Дондòкъ, до времени передачи его даргѣ, содержался въ теченіе шести дней подъ присмотромъ другихъ стражниковъ. За эти шесть дней на содержаніе помянутыхъ стражниковъ и самаго Дондòка было израсходовано 3 лана 4 цина и 8 фынъ; такимъ образомъ все содержаніе Дондòка подъ стражей стоило 51 ланъ 3 цина и 3 фына. Но и этого мало: какъ состоящій подъ судомъ арестантъ, Дондòкъ былъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; на покупку этихъ кандаловъ чжисàнъ еще израсходовалъ 6 циновъ. Всѣ эти деньги были взяты чжисàномъ у отправляющей банкирскія обязанности для сàйнъ-нойновскаго аймака фирмы Тянь-шэнъ-дэ, почему чжисàнъ и просилъ цзайнъ-шабинскаго шанцзотбѣ уплатить эти деньги фирмѣ. Прибавимъ еще, что Дондòкъ былъ навязанъ даргѣ совершенно неожиданно для него, такъ какъ, уѣзжая изъ своей тамаги, даргà имѣлъ порученіе привезти только двухъ бродягъ; для провоза этихъ послѣднихъ были взяты имъ изъ тамаги и два верблюда. Везти Дондòка даргѣ было не на чемъ, поэтому чжисàнъ долженъ былъ взять еще у той же фирмы Тянь-шэнъ-дэ, за счетъ казначейства Цзайнъ-гэгэна, одного верблюда для провоза Дондòка, 6 козъ для прокормленія арестантовъ и 1 кирпичъ чая для питья имъ въ дорогѣ. Весь этотъ долгъ предстояло теперь уплатить вѣдомству Цзайнъ-гэгэна совершенно неужи-

данно и конечно съ крайне сомнительною надеждою — возмѣстить этотъ расходъ въ скоромъ времени изъ средствъ виновниковъ такого убытка.

12-го Сентября. Суббота.

5 ч. $+5^{\circ}$; 9 ч. $+6^{\circ}$; 12 ч. $+10^{\circ}$; 3 ч. $+10^{\circ}$; 6 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$.

Съ равняго утра день обѣщалъ быть яснымъ. На зарѣ къ Хайрхъанъ-худуку пригнали массу скота и нѣсколько табуновъ лошадей для водопоя. Все это краснорѣчиво свидѣтельствовало о богатствѣ здѣшнихъ обитателей. Мы тронулись въ путь въ 7 ч. 5 м. и непосредственно отъ Хайрхъанъ-худука начали подниматься на пологій хутуль, за которымъ послѣдовала незначительная падь. Здѣсь подъѣхалъ къ намъ лама изъ хошӯна Лӯ-гӯна съ тремя выюнными верблюдами, нагруженными кедровыми орѣхами. Товаръ свой онъ везъ на продажу китайцамъ въ Улѣсутай, хотя не прочь былъ поторговать имъ и по дорогѣ, требуя за котель орѣховъ, т. е. приблизительно за пудъ ихъ, 1 кирпичъ чая (= 90 к. с.). Такъ какъ отъ покупки орѣховъ мы отказались, то лама вскорѣ же отсталъ отъ насъ, заявивъ, что онъ будетъ здѣсь дневать, такъ какъ нынѣшній день несчастливъ для вступленія въ Хангай. Мѣста къ востоку отъ Ёрь-хайрхъана почитаются хангайскими. Дѣйствительно, почти весь послѣдующій путь нашъ состоялъ изъ переваловъ черезъ невысокіе горные отроги. Въ 8 ч. мы поднялись на новый хутуль, носящій, какъ и послѣдующая за нимъ богатая кипцомъ падь, имя Ёбуръ-худукъ, т. е. южный колодець. Послѣдній находится верстахъ въ 3-хъ отъ дороги, по сѣверную ея сторону. Въ 9 ч. 40 м. мы поднялись на новый высокій, но пологій перевалъ Сэртэнъ-дабѣ, съ вершины котораго открывается влѣво цѣлый рядъ горныхъ пиковъ вплоть до хребта Дуланъ, — все это отпрыски Хангай. Спускъ съ Сэртэнъ-дабѣна приводитъ въ обширную долину Цзамыйнъ-худукъ, которую мы пересѣкали болѣе часа. Она обильно поросла кипцомъ и представляетъ богатяя пастбища. На ней повстрѣчали мы большіе табуны лошадей и верблюдовъ, а равно такіе же стада овецъ. Долина Цзамыйнъ-худукъ однакоже безводна, и единственный колодець, находящійся на ней и дающій ей свое имя, находится къ сѣверу отъ дороги верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ.

Въ 12 ч. 15 м. мы поднялись изъ долины Цзамыйнъ-худука на перевалъ Дуланъ; онъ также довольно длиненъ, но пологъ и удобенъ для ѣзды. На вершинѣ этого перевала, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится древнее кладбище въ 4 могилы, двѣ изъ которыхъ оказались украшенными еще и каменными бабами. Могилы эти располагаются по южному скату горы, протягиваясь ровною линією съ сѣвера на югъ. Всѣ онѣ имѣютъ одну и ту же форму огражденныхъ каменными плитами четырехугольниковъ. Наибольшую по величинѣ окружающихъ камней, и вмѣстѣ съ тѣмъ счастли-

вѣе другихъ сохранившеюся, представляется самая южная могила. Протяженіе стѣнокъ ея, съ запада на востокъ, 5 арш. 8 верш., а съ сѣвера на югъ—4 арш. 12 верш. Находящійся при ней съ восточной стороны хѣшб-чулѹ имѣеть на себѣ вытесанное на гранитной плитѣ изображеніе человѣка. Плита возвышается надъ землею на 1 арш. 9 вершк.; въ ширину имѣеть 8 вершк., а толщиною въ 3 вершка; въ окружности она равняется 1 арш. 3 верш. На плитѣ, очевидно, изображеніе мужскаго лица, изсѣченнаго весьма не симметрично, ибо на лицо приходится 8 вершковъ, а на все остальное туловище только 1 ар. 1 в.; на половинѣ туловища вдавленными чертами изображены руки, а ниже ихъ такими же линіями показывается пристегнутая къ поясу сабля. Могила эта замѣтно отдѣляется отъ трехъ другихъ могилъ и разстояніе между ними равняется 1 саж. и 1 аршину.

Хѣшб-чулѹ на Дулѣанъ-дабанѣ.

Изъ остальныхъ трехъ могилъ — первая, съ южной стороны, имѣеть протяженія своихъ стѣнокъ, съ запада на востокъ, 4 арш. 6 вершк., а съ сѣвера на югъ 4 арш. 2 вершк. Вторая могила по своимъ размѣрамъ даже болѣе первой, но камни, образующіе стѣны ея, не такъ хороши и велики. Протяженіе стѣнокъ этой могилы съ запада на востокъ 5 арш. 12 вершк., а съ сѣвера на югъ 5 арш. 4 вершка. Стоящій при ней полуповалившійся хѣшб-чулѹ вытесанъ на гранитной плитѣ въ вышину 1 арш. 4 вершка, шири-

ною въ $7\frac{1}{2}$ вершковъ и толщиною въ два вершка. Лицо его сдѣлано гораздо искуснѣе перваго, за то туловище отработано меньше: на немъ не

Хобс-чулү на Дуланъ дабанъ.

сдѣлано даже рукъ, не говоря уже о какихъ-либо принадлежностяхъ костюма. Третья, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая сѣверная могила имѣетъ совершенно квадратныя стѣнки, каждая изъ которыхъ величиною въ 4 арш. 7 вершк. Эти послѣднія три могилы группируются въ одно и стоятъ въ рядъ не больше какъ на разстояніи аршина одна отъ другой.

Спустившись съ перевала Дуланъ и, вслѣдъ за симъ, переваливъ небольшой уваль, мы вступили въ долину рѣчки Хоббѣ. По долинѣ паслись четыре табуна лошадей, принадлежащихъ банкирскому дому Да-шэнъ-күй. Каждый табунъ заключалъ въ себѣ 1000 головъ, и для присмотра за нимъ назначено было 4 пастуха изъ мѣстныхъ монголовъ. Здѣсь же, на берегу рѣчки Хоббѣгійнь-гѣла, имѣетъ свое постоянное мѣстопребываніе одинъ китаецъ, которому компанія Да-шэнъ-күй ввѣряетъ общее завѣдываніе табунами, при чемъ тотъ же китаецъ производитъ здѣсь и мелочную торговлю. Въ параллели дороги мы перебрались черезъ сухое русло рѣчки Хоббѣгійнь-гѣла въ 2 ч. 45 м. Отсюда дорога принимаетъ болѣе южное направленіе, послѣдую которому мы въ 3 ч. 30 м. переправились черезъ полуиссохшую рѣчущку Усунъ-цзуйль и засимъ начали подниматься на перевалъ Уланъ-дэлийнь-даба. Рѣчущка Усунъ-цзуйль составляетъ границу кочевьевъ уясу-

тѣхъ тѣмѣтовъ, на которыхъ выпасываютъ они состоящіе въ улясутайскомъ вѣдомствѣ казенные табуны лошадей и верблюдовъ. Тѣмѣты вообще народъ весьма состоятельный и имѣютъ у себя всѣ роды скота. Между прочимъ отсюда намъ начали попадаться снова сарлыки, такъ что въ означенной части Монголіи рѣчку Усунъ-цзуйль можно будетъ признать, кажется, за сѣверную границу распространенія сарлыковъ. Уланъ-дэлийнъ-даба довольно крутъ и каменистъ; его нужно будетъ признать едва ли не самымъ труднымъ пунктомъ переѣзда на всемъ пути, хотя въ общемъ онъ все-таки не представляетъ собою собственно никакихъ препятствій. Спустившись съ него, дорога снова направляется на востокъ, къ пологому подъему Цаганъ-чулутуйнъ-добрѣлчжй. На этотъ подъемъ мы начали подниматься въ 5 ч. вечера, вершины же его достигли въ 6 ч. 45 м. На протяженіи его имѣются два колодца и два ключа, — послѣдніе бьютъ изъ земли уже на самой вершинѣ перевала. Ключи эти незначительны и въ бассейнахъ ихъ едва возможно набрать два ведра воды, хотя это едва ли ни прямо зависитъ отъ ихъ неразработки.

13-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+10^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+7^{\circ}$; 9 ч. $+2^{\circ}$.

Выступили въ 7 ч. 5 м. и, спустившись съ перевала Уланъ-чулутуйнъ-добрѣлчжй по спуску такому же длинному и пологому какъ и его подъемъ, продолжали путь по пади Уланъ-бэльчиръ, получившей свое имя отъ источника, сухое русло котораго мы переѣхали въ 8 ч. 20 м. Падь эта, постепенно расширяясь, незамѣтно переходитъ далѣе къ востоку въ широкую долину Шинд-булукъ, открытую далеко къ югу, такъ что при хорошемъ зрѣніи съ нея можно видѣть и улясутайско-кобдоскій почтовый трактъ и даже мѣста, лежащія къ югу отъ онаго. Въ долину Шинд-булукъ'а около 10 ч. утра мы повстрѣчали нѣсколько юртъ, принадлежащихъ гоцоходъ-цэрикамъ улясутайскаго цянъ-цзюня, т. е. халхаскимъ солдатамъ, собраннымъ со всѣхъ четырехъ аймаковъ для отбыванія службы при улясутайскомъ цянъ-цзюнѣ. Горы, окружающія эту долину, наполовину покрыты листовичнымъ лѣсомъ, изъ котораго обитатели Улясутая получаютъ для себя немало дровъ и углей. Отсюда часамъ къ 11-ти мы поднялись на невысокій, но длиннѣйшій перевалъ Арұ-хайрханай-даба (другіе называли мнѣ его Ошйкъ-дабаномъ), спускъ съ котораго приводитъ въ лужайку Арұйнъ-булука (11 ч. 20 м.). Лужайка эта раскинулась почти на половинѣ горной возвышенности; на ней имѣется колодець и небольшой ключъ, спускающійся незначительнымъ потокомъ къ долину рѣки Ирб. Мы прибыли въ эту долину въ 11 ч. 45 м. какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ стоятъ байшинъ гоцоходъ-цэриковъ, служащій имъ для склада оружія, лошадиной сбруи, телѣтъ,

юртъ и проч. Нѣсколько выше, по теченію рѣки, видѣнъ былъ другой такой же байшинъ, принадлежащій уже тѣмътамъ, пасущимъ казенные табуны лошадей. Долина рѣки Ирѣ поросла отмынными травами и на ней мы повстрѣчали большой станъ путниковъ, очевидно, расположившихся на нѣсколько дней для поправки своего скота. Меня поразило нарѣчіе этихъ людей и, остановившись у ихъ лагера, я узналъ, что это были урянхѣ, принадлежащіе въ административномъ отношеніи къ отдѣлу такъ называемыхъ «Урянхѣйнъ-долбнъ-хошѣ». Своими кочевьями они занимаютъ пространство отъ рѣки Кобдѣ до Харѣ-ирѣиса и сами называютъ себя Соинъ. Собственно родовой языкъ свой они назвали тѣлэнгитскимъ, но за послѣднее полстолѣтіе онъ находится у нихъ въ презрѣніи и большая часть народа говорить теперь монгольскимъ языкомъ, по нарѣчію чжунгарскихъ блѣтовъ: въ степяхъ еще находятся простаки, которые говорятъ по-соински, или «тѣлэнгитски», но въ хурѣняхъ, ямуняхъ и при сановникахъ рѣшительно всѣ, даже самые низшіе рабочіе обязаны говорить по-монгольски, какъ бы плохо ни говорили они на этомъ языкѣ. Въ административномъ отношеніи урянхѣи эти раздѣляются на семь хошѣновъ, которыми управляютъ два амбана, четыре дѣ и одинъ мѣйрѣнъ, почитаемый главою не только своего, но и всѣхъ семи хошѣновъ. Мѣйрѣнъ этотъ по начальному происхожденію ведетъ свой родъ изъ Халхи: въ далекое старое время соинны призвали къ себѣ для управленія одного изъ халхаскихъ тайчиѣевъ и отъ него пошелъ родъ соинскихъ, или урянхѣйскихъ мѣйрѣней. Предпослѣдній, Гильгѣр-мѣйрѣнъ былъ женатъ на дочери дѣрбѣтскаго хѣна и отъ этого брака родился настоящій мѣйрѣнъ, носящій, по закону, красный шарикъ на шапкѣ. Первоначальное призваніе халхаскаго тайчи совершилось на томъ основаніи, что всѣ соинскіе роды принадлежатъ къ черной кости, тогда какъ для того, чтобы стоять во главѣ правленія требовался человекъ «цаганъ-ясутѣй», или блѣкостный. Всѣ урянхѣйскіе нойны получаютъ свое образованіе въ Улѣсутѣй: ихъ отправляютъ обыкновенно въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, послѣ чего, проживая при ямунѣ улѣсутѣйскаго цѣнъ-цѣюня, они изучаютъ здѣсь монгольскій языкъ и письменность; учатся также и языку маньчжурскому, но говорить на немъ не считается обязательнымъ. Черезъ каждые три года урянхѣйскіе правители устраиваютъ сборъ съ своего народа соболями на предметъ представленія дани богдохѣну и отправляютъ таковую дань, въ количествѣ 800 соболей, въ Улѣсутѣй, для дальнѣйшей пересылки въ Пекинъ. Съ таковою-то данью ѣхалъ къ улѣсутѣйскому цѣнъ-цѣюню и настоящій поѣздъ урянхѣевъ. Станнымъ представилось мнѣ при этомъ то обстоятельство, что свою дань урянхѣи посылаютъ въ Улѣсутѣй, тогда какъ жалованье нойны ихъ получаютъ изъ кобдѣскаго казначейства, да и всѣ

дѣла административнаго, гражданскаго и уголовнаго дѣлопроизводства рѣшаются у нихъ также черезъ посредство кобдоскаго амбана.

Всѣ урянхай исповѣдуютъ ламаизмъ. Въ каждомъ своемъ хошунѣ они имѣли прежде по одной хурѣ. Хурѣ мэйрэня находится на Алтаѣ, въ урочищѣ Кюкѡ-тохѡй, лежащемъ по рѣчкѣ того же имени и составляющей одинъ изъ истоковъ Иртыша. Мѣстность, въ которой кочуетъ хошунъ мэйрэня, носить общее названіе «Мѡриндѣй-дэлгэрѣкѣ». Хурѣ имѣетъ около 100 ламъ и въ стѣнахъ ея находится мѣстопребываніе самого мэйрэня. Хурѣ барунъ амбана находится на Чингилѣ. Хурѣ хойту амбана—на рѣкѣ Турхундѣй-гѡль, впадающей въ Кобдѡ. Хурѣ одного изъ дѣ находится въ урочищѣ Наринъ-хаиртѣ, а другаго — въ Уланъ-хатѣ; двѣ хурѣ прочихъ дѣ-нар'овъ прекратили въ настоящую пору свое существованіе: одна — по несостоятельности хошунныхъ жителей, оказавшихся настолько бѣдными, что имъ не подѣ силу было содержать монастырь; другая была страшно разграблена въ періодъ хой-хѡйскихъ набѣговъ въ 1870-хъ годахъ и съ тѣхъ поръ рѣшительно не могла подняться, какъ ни много думали о томъ урянхайскіе ламы.

Всѣ урянхайскія хурѣ исключительно кочевыя. Сумунныхъ монастырей и кумирень у урянхаевъ нѣтъ вовсе, хотя административное дѣленіе ихъ хошунѡвъ на сумуны существуетъ также и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и во всей Монголіи. Сумуны управляются цзангганами. Въ хошунѣ мэйрэня сумунѡвъ считается 4, въ хошунѣ амбаней по 6, въ хошунѣ дѣ-нар'овъ по 3; всего 28 сумунѡвъ, долженствующихъ выставять 1,400 латниковъ. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ не полагается вовсе и въ урянхайскихъ войскахъ оно никогда не было вводимѡ.

Отъ гоцохѡ'скаго байшина мы слѣдовали внизъ по теченію рѣки Ирѡ версты на три, по прекрасной колесной дорогѣ, ведущей въ Эбугѣнъ-хурѣ. Дорога эта проложена собственно монголами, пріѣзжающими въ монастырь для поклоненій, но помимо того по ней привозятъ на телегахъ дрова въ Улясутѣй, а равно направляются и товарные обозы китайскихъ купцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обозныя животныя утомлены и для нихъ необходимо сдѣлать обходъ перевала. Мы не пошли по этой дорогѣ, а переправившись черезъ рѣку Ирѡ и, оставивъ берега ея, повернули налѣво, углубившись въ цѣпь холмовъ, ведущихъ къ перевалу Олѣйнъ-даба. Перевалъ этотъ крутъ и довольно труденъ для подъема, а спускъ съ него къ востоку хотя и длиненъ, но совершенно удобенъ для колесной ѣзды. У подножія его меня повстрѣчала вся колонія русскихъ торговцевъ въ Улясутѣй, выѣхавшая встрѣчать меня. Такимъ образомъ уже цѣлой кавалькадой всадниковъ въѣхали мы въ каменистую долину Богдѡинъ-гѡла ровно

въ 2 часа дня. Черезъ полчаса миновали хлѣбонахотный участокъ фирмы Да-шэнь-күй, на которомъ стояли теперь лишь скирды собраннаго хлѣба, а отъ него уже не больше какъ черезъ 20 мин. прибыли въ Улясутай.

Время отъ 13-го по 21-е Сентября было проведено мною въ Улясутаѣ за изученіемъ административнаго устройства Халхи. Здѣсь, въ канцеляріи тусалакчй-цзйнь-цзюня, мнѣ легче чѣмъ гдѣ-либо было приобрести всякаго рода вѣдомости и дѣла, относящіяся собственно до *общаго* управленія Халхи. Смѣты объ отправленіи монголами всякаго рода общегосударственныхъ повинностей, службы почтово-станціонной, караульной по границѣ и военной, свѣдѣнія по раскладкѣ всякаго рода податей между четырьмя халхаскими аймаками, — все это можетъ быть съ удобствомъ изслѣдовано *только* въ Улясутаѣ, такъ какъ въ Ургѣ, равно какъ и въ сеймовыхъ управленіяхъ, можно получать данныя лишь для сужденія объ отдѣльныхъ аймакахъ. Для полученія всякаго рода толкованій я пригласилъ къ себѣ трехъ знакомыхъ бичѣчи (секретарей), которые и ходили ко мнѣ ежедневно, въ указанные имъ часы. По вечерамъ я проводилъ время съ русскими купцами, бесѣдуя о торговлѣ.

21-е Сентября. Понедѣльникъ.

Сегодня я оставилъ Улясутай. Для поѣздки въ Ургу мною нанято было, при двухъ проводникахъ, три верблюда подъ выюки, одинъ подъ телѣгу и одинъ верховый, всего пять верблюдовъ, принадлежавшихъ нѣкому Бальчжйнь-хя, богатому пастуху лошадей тумурь-сурұка. Плата была назначена сравнительно довольно высокая: по 16 кирпичей чая за cadaго верблюда, съ выдачею оныхъ впередъ полностью; таковъ уже порядокъ, заведенный русскими при наймѣ ими извозчиковъ-монголовъ, куда бы кто ни ѣхалъ. Обычай этотъ весьма неудобенъ въ томъ отношеніи, что лишаетъ русскихъ возможности прямо раздѣлываться съ неустойкою, обыкновенно выговариваемою у монголовъ, и ведетъ къ излишнимъ судбищамъ. По дорогѣ я долженъ былъ захватить въ хурѣни: Илагұхсанъ-хутухты, Далай ана, Цзайнь-гэгэна, Эрдэни-цзү и Барунъ-хуръ; все это были незначительныя отклоненія отъ пути, которыя, вмѣстѣ съ остановками въ означенныхъ пунктахъ, должны были удлинить мой переѣздъ дней на семь.

Такимъ образомъ, если обыкновенно съ легкими вьюками отъ Улѣсутая до Урги достигаютъ по прямому караванному тракту въ 18 сутокъ, то мнѣ предстояло ѣхать сутокъ 25; и, однако, я почелъ необходимымъ заключить условіе на 40 сутокъ, чтобы имѣть верблюдовъ въ своемъ распоряженіи возможно долгое время. Я думаю далѣе, что это полезно дѣлать каждому особливо на случай болѣзни и другихъ возможныхъ случайностей. Монголы вообще придирчивы до крайности и при первой оказіи не упустятъ предъявить свой искъ къ русскому. Эту придирчивость пришлось испытать и мнѣ въ данномъ случаѣ. Дѣло началось съ того, что монголъ мой пригналъ мнѣ съ утра только тѣ пять верблюдовъ, за которыхъ мною были заплачены ему деньги; когда же я спросилъ у него—на чемъ поѣдутъ мои проводники, онъ отвѣчалъ, что они сядутъ на вьюки. Я возразилъ ему, что это будетъ тяжело для верблюдовъ тѣмъ больше, что у проводниковъ былъ, конечно, свой багажъ, да сверхъ того оказалось еще два тюка съ кожами и пуда три масла, которое везли они на продажу въ Ургу. Я прямо заявилъ, что не позволю везти этихъ вещей на верблюдахъ и что Бальчжйнъ-хя долженъ дать по крайней мѣрѣ одного верблюда для провоза этихъ вещей и проѣзда на немъ одного погонщика; мало того, я обѣщалъ даже заплатить ему за этого верблюда половинную цѣну. Услыхавъ о платѣ, Бальчжйнъ-хя задумался, вышелъ изъ моей комнаты, а черезъ $\frac{1}{4}$ часа возвратился снова и сказалъ, что онъ осмотрѣлъ мой багажъ и находитъ, что грузъ этотъ дѣйствительно тяжелъ для трехъ верблюдовъ, а потому я долженъ нанять четвертаго. Я отвѣчалъ ему, что мой-то личный багажъ даже весьма легокъ для вьюка верблюда; но если прибавить къ нему вещи погонщиковъ, да ихъ самихъ, то будетъ дѣйствительно тяжело. Побродивъ еще по двору, Бальчжйнъ-хя явился съ предложеніемъ дать верблюда, если я заплачу ему хоть 12 чаевъ за него; я же, видя, что дѣло принимаетъ прямо характеръ вымогательства, сказалъ, что прежде я обѣщалъ ему половинную плату, а теперь не дамъ и этого, верблюда же онъ, Бальчжйнъ-хя, долженъ мнѣ поставить, ибо я не обязанъ везти его погонщиковъ, ихъ багажъ, да еще ихъ товары. Въ свою очередь Бальчжйнъ-хя объявилъ, что онъ не повезетъ моихъ вьюковъ на трехъ верблюдахъ, ибо они очень тяжелы. Зная существующія на этотъ счетъ китайскія постановленія, я, ни мало не безпокоясь, послалъ въ полицію перевѣсить свой багажъ и оказалось, что мои вьюки, вмѣсто законныхъ 320 гиновъ, имѣли вѣсу только отъ 212 до 240 гиновъ каждый; вмѣстѣ съ симъ я просилъ полицію обязать Бальчжйнъ-хя выдать одного верблюда подъ проѣздъ погонщиковъ и провозъ ихъ имущества. Полиція, конечно, сдѣлала это постановленіе. Нужно сказать, что самъ я въ полиціи не былъ и Бальчжйнъ-хя, предпо-

лагая, что я не знаю объ ея постановленіи, явился ко мнѣ предварительно съ заявленіемъ, что онъ согласенъ дать верблюда за половинную плату; я повторилъ ему свои слова, что теперь не дамъ ровно ничего. Бальжжйнъ-хя началъ выпрашивать тогда 6, даже 4 кирпича, я не далъ и этого, сказавъ, чтобы онъ велъ скорѣе верблюда, что ни какой платы я ему не дамъ, а если онъ довезетъ меня исправно, то въ Ургѣ будетъ награжденъ по моему усмотрѣнію. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа верблюдъ былъ приведенъ. Съ такими-то препирательствами выѣхали мы изъ Улясутая уже въ 4 часа пополудни и направились вверхъ по Богдѣйнъ-гѣлу, до Улясутайской крѣпости. Отъ этой послѣдней въ хурънь Илагұхсанъ-хутухты можно проѣхать двумя путями: первый изъ нихъ идетъ вверхъ по долиня Богдѣйнъ-гѣла, потомъ переходитъ въ долину Аршанъ-гѣла, минуетъ цѣлебные сѣрные ключи, находящіеся въ вершинахъ этой послѣдней долины и, переваливъ прилежащій имъ хребетъ, спускается на востокъ къ рѣкѣ Идѣръ и монастырю; второй путь направляется на Цзагасутайнъ-дабѣ. Такъ какъ первый изъ этихъ путей очень каменистъ, то монголы не ходятъ по нему на верблюдахъ и ѣздятъ лишь налегкѣ, на верховыхъ лошадяхъ; мы же съ своими верблюдами направились по второму пути. Отъ крѣпостныхъ стѣнъ Улясутая мы вступили въ широкую падь Чигистуйнъ-амѣ, получающую свое названіе отъ протекающей здѣсь улясутайской рѣки Чигистуйнъ-гѣл. Падь эта постепенно поднимается въ направленія къ сѣверу. Съ востока верстахъ въ пяти отъ города съ нею соединяется падь, именуемая Солднъ-амѣ, у устья которой стоитъ кумирня Гэсѣра, воздвигнутая стоявшими здѣсь солднскими солдатами, въ періодъ дунганскаго погрома 1870-хъ годовъ. У этой кумирни я распрощался съ обществомъ русскихъ торговцевъ, ведущихъ свои дѣла въ Улясутѣ и караванъ мой зашагалъ далѣе. Нѣсколько сѣвернѣе Солднъ-амѣ, къ пади Чигисту, присоединяется съ запада глубокая ложбина Табунъ-чихиту. Миновавъ ее, мы остановились на почлегѣ у горы Далѣ-ўла въ $7\frac{1}{2}$ ч. вечера, проѣхавъ, вѣроятно, не болѣе 12 верстѣ.

22-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. —3°; 9 ч. +4°; 12 ч. —1°; 3 ч. —6°; 6 ч. —8°; 9 ч. —13°.

Выѣхали въ 6 ч. 25 м. и продолжали путь по той же пади Чигистуйнъ-амѣ. Въ 7 ч. 10 м. въ нее впадаетъ съ востока незначительная падь Далю. Горы этой послѣдней до половины поросли листовичнымъ лѣсомъ, дающимъ изобилный заработокъ окрестнымъ монголамъ: всѣ они занимаются здѣсь порубкою дровъ и доставкою ихъ въ городъ, на продажу; нѣкоторые обжигаютъ уголь, но это рѣдко, и при томъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Черезъ полчаса новаго подъема отсюда, падь Чи-

гистуйнъ нѣсколько измѣняетъ свое направленіе, поворачивая болѣе къ востоку, и отъ этого мѣста дѣлается очень каменистою. Рѣка Чигистуйнъ-гѡль, очевидно, по извѣстнымъ временамъ года разливается здѣсь во всю падь и образовала для себя обширное русло, по которому въ настоящую пору вода струится отдѣльными протоками. Избѣгая произведенныхъ водою выбоинъ и лавируя по дорогѣ, мы переѣзжали эти протоки по крайней мѣрѣ десятка три разъ въ продолженіе одного часа. По дорогѣ намъ постоянно встрѣчались телѣги, нагруженные дровами и направлявшіяся въ городъ. Въ 9 ч. 10 м. мы поднялись до урочища Бунхантѹ. Здѣсь стояло шесть юртъ, обычно дающихъ пріютъ доставщикамъ и продавцамъ дровъ въ городѣ, при чемъ и въ пору нашего проѣзда около нихъ группировался обозъ телѣгъ въ 40, запряженныхъ быками. Для посѣтителей особыхъ помѣщеній не имѣется, они заходятъ прямо къ курто-владѣльцамъ. Услужливыя хозяйки варятъ для проѣзжающихъ чай и пищу, продукты же имѣютъ сами проѣзжающіе; курто-владѣльцы доставляютъ только свой трудъ и топливо, за что и пользуются незначительными подачками. Эти походныя степныя гостиницы составляютъ для монголовъ, конечно, уже вліяніе города. Въ 9 ч. 50 м. доѣхали до высокой скалы Шорѡнъ-байцѡ, стоящей на западной сторонѣ Чигистуйнъ-амѡ. Она возвышается надъ окружающею мѣстностью какъ громадная стѣна крѣпости, сложенная изъ массивныхъ валуновъ. Напротивъ этой скалы, съ восточной стороны пади Чигистуйнъ, съ послѣднею соединяется широкая падь, именуемая Улѡнъ-хѡлга. Въ вершинахъ ея беретъ свое начало Чигистуйнъ-гѡль, противъ Шорѡнъ-байцѡ вытекающій изъ пади Улѡнъ-хѡлга и дающій свое названіе почти всему, встрѣчающемуся ему въ нижнемъ его теченіи. Къ верху отсюда падь Чигистуйнъ-амѡ получаетъ общее названіе Цзагасутѡнъ-дабѡ, т. е. Цзагасутѡевскій перевалъ, и стекающій съ этого перевала источникъ именуется Цзагасутѡнъ-гѡломъ. Противъ пади Улѡнъ-хѡлга, почти на ряду со скалою Шорѡнъ-байцѡ, располагается падь Хундѹлѡнъ, прорѣзывающая весь свой горный массивъ и служащая мѣстомъ соединенія для Цзагасутѡнъ-дабѡна съ падью, по которой проходитъ почтовый трактъ изъ Улѡсутѡна на Дзиндзилькѣ. При вступленіи нашемъ въ Цзагасутѡнъ-дабѡ поднялся страшно-холодный вѣтеръ. Поднимаясь далѣе вверхъ къ перевалу, мы въ 11 ч. 30 м. встрѣтили тюкюескія могилы въ числѣ пяти. Они располагались у южной подошвы горъ, окаймляющихъ Цзагасутѡнъ-амѡ съ запада и протягивались гуськомъ, въ направленіи отъ запада къ востоку. По формѣ всѣ эти могилы одинаковы и представляютъ собою обыкновенную форму выложенныхъ плитами продолговатыхъ четырехугольниковъ, со стоящею посрединѣ высокою каменною плитою; но самая западная могила

интересна тѣмъ, что на ней водружены не одна, а три каменныхъ плиты: двѣ большихъ и одна малая посрединѣ. Это какъ будто семейная усыпаль-

Могильникъ на Цзагасутайнъ-дабѣ.

ница: отца, матери и ихъ ребенка. Въ 12 ч. дня термометръ показывалъ —1° R. и пошелъ снѣгъ. Вскорѣ онъ перемѣшался съ крупюю и началъ падать въ такомъ обиліи, что на разстояніи какихъ-нибудь 20 саж. трудно было различить впереди дорогу. Къ 1-му часу дня снѣга повсюду было навалено уже вершка на два. Въ минуты небольшой остановки снѣга, можно было разсмотрѣть, что падъ чѣмъ выше, тѣмъ дѣлается уже. Въ 3 ч. снѣгъ пересталъ и начался вѣтеръ, — было очень холодно; итти пѣшкомъ оставалось единственнымъ средствомъ согрѣться; но падъ въ своей вершинѣ сдѣлалась болотистою и движеніе по ней было весьма затруднительно: верблюды еле двигались по замерзшимъ кочкамъ, пѣшеходъ далеко обгонялъ ихъ и затѣмъ долженъ былъ стоять, подвергаясь еще болѣе стужѣ. Наконецъ дорога наша круто повернула въ гору, въ направленіи къ востоку, тогда какъ падъ, по которой мы ѣхали доселѣ, все еще тянулась па сѣверъ. Отъ поворота дорога стала ровнѣе и лучше, но за то подъемъ сдѣлался круче. Въ 4 ч. 25 м. мы взобрались на высшую точку Цзагасутайнскаго перевала, отъ которой дорога начала спускаться по такой же узкой пади,

по какой шла она на перевалъ. Все было здѣсь заморожено и покрыто снѣгомъ. Верблюды не проваливались, ступая на заледенѣлую воду источника. Остановились для ночлега въ 5 ч. 35 м.

Здѣсь мы едва успѣли только развѣвчить своихъ верблюдовъ и разложить палатку, какъ къ намъ подѣхалъ Бальчжинъ-хя, ведя съ собою новаго, здороваго верблюда. Дѣло въ томъ, что исполняя въ Улясутаѣ мое требованіе о поставкѣ въ мой караванъ одного лишняго животнаго для проѣзда погонщиковъ, онъ занялъ слѣдовавшаго теперь за нами верблюда у своихъ знакомыхъ, а въ настоящую пору на смѣну его привелъ своего. Неприятности, происшедшія между нами въ Улясутаѣ, теперь были уже забыты и Бальчжинъ-хя вошелъ въ мою палатку и сдѣлалъ передо мною колѣнопреклоненіе съ обычнымъ выраженіемъ монгольского подобострастія и уваженія. Въ сказанномъ отношеніи характеръ монголовъ дѣйствительно замѣчательный. Этотъ народъ, повидимому, совершенно не испытываетъ горькаго чувства при своихъ несбывшихся планахъ, не знаетъ досады и не помнитъ обиды, или нанесенныхъ ему оскорбленій, если только на сторонѣ его противника стоитъ правда. Всегда и всѣми силами монголъ будетъ отстаивать свою ничтожнѣйшую выгоду; ни одинъ изъ нихъ, начиная съ первостепеннаго князя и оканчивая послѣднимъ податнымъ, никогда не постѣснится смощенничать въ такомъ маленькомъ дѣлѣ, о которомъ не стоило бы собственно и говорить; но разъ вы твердо сказали ему: «руки прочь!» и заставили его подчиниться, монголъ забываетъ обо всемъ происшедшемъ, а къ вамъ начинаетъ питать даже большее уваженіе какъ къ человѣку, который дѣйствуетъ справедливо и въ обиду не дастся. Европейцу нужно всегда помнить эту, отличительную черту характера монголовъ и знать, что разъ вы настаиваете передъ монголомъ на справедливыхъ, но не исполняемыхъ имъ требованіяхъ, никакая обида, никакая брань, даже самые побои, нанесенные ему въ періодъ этого требованія, не испортятъ его добрыхъ отношеній къ вамъ, — вы можете засимъ обращаться къ нему съ обычнымъ довѣріемъ и онъ будетъ по старому добродушно служить вамъ, исполняя ваши желанія и нужды. Такъ было оно и въ данномъ случаѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и угощеній табакомъ, Бальчжинъ-хя сообщилъ мнѣ, что въ виду наступающей темноты ночи онъ останется ночевать при караванѣ и я былъ душевно радъ этому, ибо при здѣшнемъ безлюдьи мнѣ было и поучительно, и пріятно проболтать съ нимъ вечеръ, тѣмъ болѣе, что Бальчжинъ-хя былъ уже лѣтъ 60 отъ роду и многое видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку. Какъ было уже замѣчено выше, онъ состоялъ на службѣ при табунахъ казенныхъ верблюдовъ, находящихся въ вѣдѣніи улясутайскихъ великаго цзънь-цзюня и амбаней. Мнѣ

было интересно собрать свѣдѣнія объ этихъ стадахъ и на этотъ вопросъ навелъ я свою рѣчь.

«Теперь я уже устарѣлъ», говорилъ Бальчжинъ-хя, «и, помимо пристрастия за табунами, не знаю другаго дѣла; да и времена-то пошли другія: теперь служить — разоренье, а была пора, когда на службѣ можно было только богатѣть. На своемъ вѣку я двѣнадцать разъ ѣздилъ въ Хухү-хотѣ за хлѣбомъ и, вѣрите ли, я, молодой пастухъ, ни однажды не привозилъ изъ этой поѣздки менѣе 1000 ланъ серебра!»

«Да откуда же вы брали и за чтѣ?» спрашиваю я. «Вѣдь не взятки же вамъ, солдатамъ, давали?»

«Взятки — не взятки, а подарки бывали хорошіе, да тогда и безъ подарковъ можно было обойтись. Каждому изъ насъ давали тогда въ передній путь 45 верблюдовъ; а улясутайскіе торговцы наши, бывало, еще заранѣе ходятъ въ ямунь узнавать, кого пошлютъ въ Хухү-хотѣ за хлѣбомъ. Какъ узнаютъ, что пошлютъ тебя, такъ и начнутъ ухаживать: «возьми, да возьми мои товары, за деньгами не постоимъ, только перевези пожалуйста!» И то сказать, — имъ выгодно: верблюды хорошіе; монголы красть казенныхъ верблюдовъ боятся и нападеній на казенные караваны не дѣлаютъ, — безопасно; сроки мы принимали какіе хочешь: теперь на своихъ верблюдахъ я вожу китайскіе товары срокомъ въ 45—50 дней, а тогда брался доставить въ 24. Какъ же не польститься китайцамъ на такую выгоду? Ну и платили деньги: обыкновенная плата 9 ланъ, а мы брали 12—13 на каждаго верблюда. Бывало, только перевалились за улясутайскій хребетъ, а тамъ уже цѣлый складъ товаровъ. И серебра двойной вѣсъ везешь, не боишься, что спины будутъ испорчены. Глядишь, до Хухү-хотѣ доѣхалъ, — уже 600 ланъ лежитъ въ сапогахъ и на гашникѣ!»

«А тамъ-то?» продолжалъ онъ, какъ бы погрузившись въ созерцаніе прошлаго. «Развѣ мы стояли, какъ теперь, по 10 дней? Мы проживали по два и болѣе, даже до трехъ мѣсяцевъ. Въ эту пору одни успѣвали подрядиться и съѣздить съ товарами въ Бау-тоу, другіе — въ Калганъ, а третьи даже до Да-туна; слѣдовательно, можно было и еще заработать по 200—300 ланъ. Да, — тогда не получалъ денегъ развѣ тотъ, кто не хотѣлъ и, конечно, бывали такіе. Иной вырвется изъ службы въ Улясутаѣ, да прямо домой и живетъ тамъ мѣсяца два, три, а потомъ, какъ выѣзжать съ хлѣбомъ, онъ и явится въ Хухү-хотѣ, и готовъ къ дѣлу. Правда, ничего не заработалъ, за то погулялъ».

«Но вѣдь объ этихъ вашихъ подрядахъ могло узнать начальство и наказывать васъ?» спросилъ я.

«Да оно и знало, только не наказывало, потому что старые люди были

добрѣ: они не были такъ придирчивы и на все смотрѣли легко. Къ тому же далеко не всѣ подряжались у китайцевъ. Было дѣло и выгоднѣе, какъ, напримеръ, увезти въ Хуху-хотò изъ Монголіи и продать тамъ гучжиръ, или соль.

«Во всѣхъ этихъ случаяхъ», говорилъ я, «происходило одно: вы изнуряли казенныхъ верблюдовъ и, конечно, возвращались не въ срокъ; слѣдовательно ваши войска и чиновники должны были голодовать. Я удивляюсь только, какъ они не доносили объ этомъ и что могли вы говорить въ свое оправданіе?»

«О, наши чиновники никогда не голодовали; да и зачѣмъ имъ хлѣбъ, если у нихъ есть мясо? О приходѣ нашихъ каравановъ мало кто и думалъ: ушли, такъ и придутъ назадъ. Вы знаете, что искони былъ у насъ порядокъ мѣнять верблюдовъ въ Ялту и въ Харà-нидунѣ. Но это только говорилось, что мѣняли; а на самомъ дѣлѣ такой смѣны начальство никогда не высылало. Ну, прїѣдемъ и скажемъ, что верблюды изнемогли, потому что путь далекій, а смѣны не было. Къ тому же тогда посылали только по 380 верблюдовъ, а количество хлѣба было то же самое: вьюки были тяжелые и отговорка была хорошая. Верблюдовъ, правда, много погибало, а еще больше изнурялось въ конецъ; но скота въ ту пору было такъ много, что о немъ не задумывались. Нужно сейчасъ скотину, идешь въ чжисанъ, скажешь, что на скотинѣ болѣзнь, цзасакъ и прикажетъ взять у китайцевъ за счетъ хошүна, а хошүнъ тамъ уже заплатитъ.

«А чиновники, которые ѣздили закупать хлѣбъ и были начальниками каравановъ, развѣ они не спрашивали у васъ относительно верблюдовъ?»

«Кто же будетъ спрашивать? Чиновники тогда тоже были довольны, потому что, по тогдашнимъ порядкамъ, хлѣбъ покупали по рыночной цѣнѣ, и по всѣмъ правиламъ рынка. А вы знаете китайскій обычай: сегодня купишь, а черезъ полгода, или черезъ годъ отдавай деньги, да и то со скидкою %. Всѣ эти % чиновникъ и бралъ себѣ¹⁾; да при томъ еще и жилъ-то онъ на китайскій счетъ, а угощали купцы не только его, но и насъ всѣхъ. Теперь не то: приказано платить тотчасъ же всю рыночную цѣну. Какъ объявили это, китайцы, конечно, не дураки, — знаютъ, что имъ все равно будетъ сполна заплачено и не даютъ % чиновникамъ, развѣ — подарки, да угощеніе».

«Ну, а вы-то ужели перестали теперь брать подряды китайскихъ купцовъ, или возить соль и гучжиръ?»

«Да, положимъ, если и не перестали совсѣмъ, то все же выгоды-то той нѣтъ: теперь при каждомъ караванѣ ѣдетъ китайскій чиновникъ для надзора. Если взять подрядъ у китайца, то половину платы, а то и двѣ

1) Объ условіяхъ китайскаго торгова см. т. VI этого труда.

трети нужно отдать ему. Какой же может быть при этомъ доходъ?» Старикъ вздохнулъ и махнулъ рукой. Послѣ сего разговоры наши перешли на его частную, семейную жизнь.

23-е Сентября. Среда.

5 ч. — 18°; 7 ч. — 10°; 9 ч. — 1°; 12 ч. — +4°; 3 — +4°; 6 ч. — 2; 9 ч. — 9½°.

Мѣсто нашего ночлега было опять-таки на Цзагасутайнъ-гѡлѣ, ибо потоки, сливающіяся съ Цзагасутайнъ-даба, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ, несятъ одно названіе, только первый впадаетъ въ Идэрбійнъ-гѡлѣ, а второй, называясь, какъ мы видѣли, въ своемъ нижнемъ теченіи Чигистуйнъ-гѡломъ, — въ Богдѡйнъ-гѡлѣ. Выступивъ въ походъ въ 7 ч. утра, мы двинулись внизъ по теченію Цзагасутайнъ-гѡла. Вершины Цзагасутайнъ-даба какъ на сѣверной, такъ и на южной сторонѣ его весьма походятъ другъ на друга: та же узкая вверху, но расширяющаяся книзу падь, изъ края въ край покрытая болотистыми кочками, представляющими собою въ настоящую пору нѣчто вродѣ заледенѣлой тундры. Мѣстами на самой линіи пути выступаютъ каменистыя пространства, на которыхъ громадныя каменные глыбы и валуны лежатъ безпорядочными массами. Судить по нашему, — колесная дорога здѣсь немыслима; а между тѣмъ здѣсь проходитъ масса телѣгъ, на которыхъ провозятъ товары въ хуръни Илагұханъ-хутухты и Дургачи-вана, а равно въ прилежащія имъ хошұны, а изъ этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, вывозятъ немало произведеній монгольской степи. Въ 9 ч. 30 м. дорога наша круто повернула на сѣверъ, по пади, называемой Солонъ-амъ. Отсюда пошла прекрасная широкая и ровная дорога, лишь изрѣдка подходящая близко къ незначительному ручью Солонъ-гѡлѣ и идущая косогоромъ у его русла. Протяженіе этой пади не свѣше пяти верстъ, такъ какъ, спустившись по ней, мы въ 11 часовъ сдѣлали уже новый поворотъ, къ востоку, отъ котораго начинается пологій подъемъ на такъ называемый Битұдыйнъ-дѡрбѡлчжй, возвышающійся громадною терассою въ два уступа. На первый изъ этихъ уступовъ мы поднялись въ 12 ч. 30 мин. и на вершинѣ терассы нашли два незначительныхъ озера. Первое изъ нихъ, имѣющее версты 1½ въ окружности, называется Тагыйнъ-нұръ, второе, находящееся отъ перваго въ 20 м. ѣзды, не имѣетъ особаго названія и гораздо меньше перваго; вода въ немъ горько-соленая и пить ее могутъ только животныя, тогда какъ изъ озера Тагыйнъ-нұръ постоянно берутъ воду и кочующіе здѣсь монголы. Поднимаясь на вторую ступень Битұдыйнъ-дѡрбѡлчжй, мы встрѣтили здѣсь большіе табуны, принадлежащія Илагұханъ-гэгѡну; всѣ бывшія здѣсь лошади были рыжей масти. Спускъ съ Битұдыйнъ-дѡрбѡлчжй очень крутой, такъ что въ телѣгахъ по нему можно спу-

скатся лишь описывая ломанья линіи по косоугору. Спускъ этотъ приводитъ въ чрезвычайно красивую долину Битудыйнъ-нүра, небольшого озера, со

Долина озера Битудыйнъ-нүр.

всѣхъ сторонъ окруженнаго горами. Изъ этой долины слѣдуетъ дальнѣйшій спускъ внизъ по р. Битудыйнъ-гѡлу. Дорога, слѣдуя теченію этой рѣчки, направляется нѣсколько на юго-востокъ, а потомъ поворачиваетъ прямо къ востоку и переваливаетъ черезъ такъ называемый Битудыйнъ-хутуль. Съ вершины этого хутуля мы въ 3 часа дня увидали довольно широкую долину Идэрийнъ-гѡла, на восточной крайнѣ которой былъ расположенъ хурьнъ Илагухсанъ-хутухты. Долина эта имѣетъ богатое орошеніе. Спустившись съ Битудыйнъ-хутуля, мы должны были переправиться прежде всего черезъ рѣчку Битудыйнъ-гѡль, имѣющую не выше 2 саж. ширины; потомъ черезъ четверть часа переѣхали черезъ другую рѣчку, Ямату-гѡль, сажени въ 4 шириною, и наконецъ въ 4 ч. 15 м. прибыли къ монастырю Илагухсанъ-гэгэна, стоящему уже на берегу значительной рѣчки Идэрийнъ-гѡла, ширина коей въ разныхъ мѣстахъ долины протирается отъ 15 до 20 сажени.

24-е Сентября. Четвергъ.

5 ч. —10°; 9 ч. +6°; 12 ч. +9°; 3 ч. +7°; 6 ч. —1°; 9 ч. —4°.

Вчера, прибывъ къ монастырю Илагухсанъ-хутухты, я тотчасъ же послалъ свою визитную карточку Шанцотба-цзасакъ ламѣ, который немедленно отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, съ вопросомъ — благополучно ли я приѣхалъ и просьбою пожаловать къ нему. Визитъ мой къ шанцотбѣ продолжался не

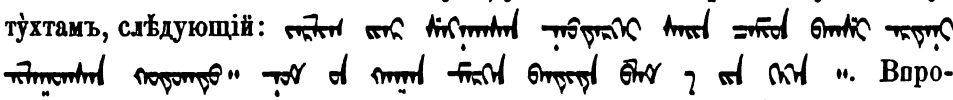
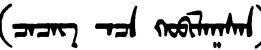
болѣе получаса, а вслѣдъ засимъ пришелъ ко мнѣ и самъ шанзотба, съ которыми я и провелъ цѣлый вечеръ въ бесѣдахъ о хутухтѣ, его шабинарахъ, монастырѣ и современномъ положеніи вѣдомства хутухты. Изъ разговоровъ этихъ мною было узнано слѣдующее.

Исторіи перерожденій и жизни отдѣльныхъ хубилгановъ Илагүхсань-хутухты халхасы не имѣютъ у себя вовсе; тѣмъ не менѣе, какъ и относительно всѣхъ другихъ монгольскихъ гэгэновъ, они полагаютъ, что первый изъ хубилгановъ Илагүхсань-гэгэна явился еще во времена будды Сакьямүни и состоялъ въ числѣ 500 ближайшихъ учениковъ его. Отъ времени бурханъ-бакшй, Илагүхсань-хутухта послѣдовательно десять разъ перерождался сначала въ Индіи, потомъ въ Тибетѣ и, наконецъ, со времени одиннадцатаго перерожденія, хубилганы его появились въ Монголіи, собственно въ городѣ Хухү-хотѣ. Сколько именно было перерожденій его въ Хухү-хотѣнѣ, — халхасы не знаютъ; но у нихъ хранится преданіе, что когда хубилганы Илагүхсань-гэгэна переселились въ Халху, то шабинары ихъ остались на старыхъ мѣстахъ и теперь носятъ званіе хѣшановъ, т. е. буддйскихъ монаховъ краснаго толка. Изъ числа хубилгановъ, перерождавшихся въ сѣверо-западной Монголіи, халхасы помнятъ только четырехъ. Старѣйшій изъ нихъ возродился якобы въ хошүнѣ дѣ-түшѣ-гүна (Дамдинъ-сорона) цзасактү-хѣновскаго аймака, но когда это было, они не помнятъ, равно какъ и о дѣятельности этого хутухты разказовъ у нихъ, кажется, не существуетъ вовсе, помимо лишь простой догадки, что проживалъ онъ въ хошүннѣ хурѣ дѣ-түшѣ-гүна¹⁾. Болѣе извѣстенъ преемникъ его, о которомъ существуетъ вѣрованіе, что онъ появился въ городѣ Кобдѣ и родился изъ цвѣтка. Обстоятельства, какъ раскрылся этотъ цвѣтокъ и какъ въ самой сердцевинѣ его показался сидящимъ малютка, увидалъ какой-то благочестивый лама, пришедшій въ Кобдѣ съ подругою своей жизни изъ хошүна Уйцзань-түшѣ-гүна түшѣтү-хѣновскаго аймака, а потому и хубил-

1) По соображеніи историческихъ обстоятельствъ, такое молчаніе монгольскаго преданія дѣлается вполне понятнымъ. Первое возрожденіе Илагүхсань хутухты въ Халхѣ явилось послѣ того, какъ хутухты эти съ большимъ скандаломъ окончили свою исторію въ Хухү-хотѣ. По преданіямъ, сохранившимся у хухү-хотѣскихъ ламъ, послѣдній хухү-хотѣскій Илагүхсань-хутухтү, за оказанное имъ непочтеніе богдохѣну Канси, былъ зарубленъ китайскимъ генераломъ (см. Т. II, Дневникъ 1893 г., въ главѣ «Хухү-хотѣ»); по дѣйствительнымъ сказаніямъ исторіи, хутухта этотъ, въ періодъ войнъ Галдана, измѣнилъ китайскому богдохѣну, а засимъ схваченный и представленный ко двору, былъ казненъ китайцами. Вѣрить ли въ давномъ случаѣ преданію, или исторіи, несомнѣнно то, что Илагүхсань хутухтү навлекъ на себя гнѣвъ маньчжурскаго правительства и новое возрожденіе его должно было скрываться по крайней мѣрѣ во все царствованіе Канси. Этимъ и объясняется, конечно, почему первый халхскій хубилганъ Илагүхсань-хутухты возродился въ такомъ захолустыи, какъ хошүнъ да-түшѣ-гүна цзасактү хѣновскаго аймака и во всю свою жизнь ни разу не явился общественнымъ дѣятелемъ.

ганъ этотъ, уже по происхожденію его воспитателей, почитается Уйцзанъ-тушѣ-гүновскимъ. Принявъ посвященіе въ ламство, хубилганъ этотъ впервые сдѣлался извѣстенъ пекинскому правительству и былъ включенъ онымъ въ списки халхаскихъ перерожденцевъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ настоятелемъ кобдоскаго Шарà-сүмэ и управлялъ этимъ монастыремъ безсмынно болѣе 30 лѣтъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, уйцзанъ-гүновскій хубилганъ Илагүхсанъ-хутухтѣ собралъ значительное число шабинàровъ и накопилъ порядочныя средства, что дало ему возможность обосновать уже свой собственный монастырь. Это такъ называемая «Эбүгэнъ-хүрѣ», находящаяся верстахъ въ 16-ти къ западу отъ Улясутая. Говорятъ, что Илагүхсанъ-гэгэнъ отдѣлалъ и приспособилъ кумирни этой прежде бѣдной обители ко всякаго рода торжественнымъ хураламъ. Здѣсь провелъ этотъ хутухтà остатокъ дней своихъ и, скончавшись въ преклонной старости, былъ похороненъ въ большой кумирнѣ того же хурѣня, гдѣ и доселѣ хранятся въ золотомъ субурганѣ его шариль, или мощи, подъ именемъ «ханбò-гэгэнэй-шариль». Ему наследовалъ новый хубилганъ, бывший младшимъ братомъ Далай-вана, по сосѣдству съ хошүнными землями котораго стоитъ теперь и монастырь Илагүхсанъ-хутухтѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и знаменитыхъ Илагүхсанъ-хутухтѣ, чему, несомнѣнно, способствовало и самое его происхожденіе отъ владѣтеля значительнаго хошүна. Увеличивъ число своихъ шабинàровъ почти вдвое противъ ихъ прежняго числа, въ чемъ особливо помогъ ему братъ его, нынѣшній Далай-ванъ, этотъ Илагүхсанъ-хутухтà выхлопоталъ въ Пекинѣ самостоятельное и независимое отъ хошүннаго управленіе для своихъ шабинàровъ и получилъ отъ богдохана серебряную печать правителя. Въ продолженіе своей жизни онъ пять разъ былъ вызываемъ въ Пекинъ въ званіи очереднаго служителя при дворцѣ богдохана, и въ каждую такую поѣздку успѣвалъ получать себѣ или какое-либо новое внѣшнее отличіе, или какой-либо титулъ. Наконецъ вѣнцемъ его дѣятельности было приобрѣтеніе отдѣльныхъ земель для своихъ шабинàровъ, каковое обстоятельство совершилось около 1867 г. Заручившись этими землями, Илагүхсанъ-хутухтà перенесъ свою резиденцію изъ Эбүгэнъ-хурѣ на Идэрійнъ-гòль, построивъ здѣсь свой настоящій монастырь. Онъ умеръ въ 1880 году, имѣя 63 г. отъ роду и мощи его въ золотомъ субурганѣ хранятся нынѣ въ особой кумирнѣ. Настоящій хубилганъ Илагүхсанъ-гэгэна родился въ 1881 году и по происхожденію также княжескаго рода: онъ сынъ Дзà-гүна цзасактү-хàновскаго аймака. Хубилганство его было опредѣлено ургїнскимъ хутухтòю въ 1882 году, послѣ чего черезъ 4 года онъ, съ особаго утвержденія и разрѣшенія богдохана, былъ перевезенъ въ монастырь и посаженъ на каеэдру. Какъ не достиг-

шій еще 18-тилѣтняго возраста, онъ въ настоящую пору не имѣеть у себя тамги, почему дѣломъ управленія шабинарами всецѣло завѣдуетъ теперь тотъ самый шанцзотба-цзасакъ ламъ Санчжй, который велъ со мною эту бесѣду. Воспитаніемъ ребенка завѣдуютъ ламы; онъ уже сполна усвоилъ себѣ кругъ буддійскихъ хураловъ, хотя науками съ нимъ занимаются главнымъ образомъ зимою; въ лѣтнее время онъ, какъ ребенокъ, или гуляетъ, или катается верхомъ по степи и ведетъ чисто дѣтскую жизнь.

Полный и официальный титулъ, усвоенный теперь Илагүхсань-хутухтамъ, слѣдующій: . Впрочемъ, титулъ этотъ употребляется только именно въ официальныхъ бумагахъ; въ просторѣчїи онъ не извѣстенъ вовсе и народъ не знаетъ другого имени для этого хутухты, помимо Илагүхсань-гэгэна. Отдѣльныхъ хубилгановъ его по именамъ также не называютъ. Дѣлается это якобы изъ почтенія къ личности, а въ дѣйствительности, пожалуй, просто потому, что имена эти, за малоупотребительностію ихъ, забыты. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что даже цзасакъ-ламъ не могъ назвать мнѣ хубилгановъ по именамъ и сказалъ, что объ этомъ нужно справиться ему въ бумагахъ. Въ обычномъ разговорѣ хубилганы Илагүхсань-гэгэна различаются монголами по происхожденію: 1-й называется да-түшѣ-гүновскимъ, 2-й извѣстенъ подъ названіями или кобдоскаго, или уйцзань-гүновскаго, или родившагося изъ цвѣтка () , 3-й зовется далай-вановскимъ, а настоящій — дза-гүновскимъ.

Земли, опредѣленныя подъ кочевья шабинаровъ Илагүхсань-хутухты, въ настоящую пору ограничиваются на западѣ Цзагасутайнъ-дабан'омъ, на сѣверо-западѣ частію Наринъ-дабаномъ, а частію доходятъ до станціи Ёбуръ-улакчинъ, существующей на улясутайско-дзиндзилькскомъ почтовомъ трактѣ; на сѣверѣ — онѣ доходятъ до озера Хунтү-холбб-нүръ, и на востокъ — до возвышенности Хандайнъ-дөрблѣжй. Какъ уже было замѣчено выше, мѣста эти были отведены подъ кочевья шабинаровъ только въ 1867 г., до того же времени они составляли крайнія урочища хошүновъ: съ юга Хошүчи-бэйсэ сайнъ-нойновскаго аймака, съ сѣвера — Дза-гүна цзасактү-хяновскаго аймака, съ сѣверо-востока Далай-вана, Чжа-цзасакъ и цэдэнъ-вановскихъ людей, обязанныхъ службою въ Улясутаѣ. Какъ урочища, пограничныя въ хошүнахъ, мѣста эти почитались почти нейтральными у ихъ правителей, оттого-то и приобрѣтеніе ихъ было сравнительно легко для хутухты; за всѣмъ тѣмъ хлопоты о закрѣпленіи этихъ земель за шабинарами стоили Илагүхсань-хутухтѣ въ Пекинѣ болѣе

12,000 ланъ серебра, т. е. около 25,000 серебряныхъ рублей на наши деньги.

Шабина́ры Илагѹхсань-хутухты въ настоящую пору раздѣляются на три отѹка: Барѹнь, Цзѹнь и Хѹйту; общее же число ихъ опредѣлить теперь очень трудно. Имѣя въ виду, что халхаскіе хутухты могутъ получать самостоятельное управленіе только въ томъ случаѣ, если количество ихъ шабинаровъ возрастетъ до 700 семей, необходимо было бы предположить а priori, что у Илагѹхсань-хутухты ни какъ не менѣе означеннаго числа; но на дѣлѣ это далеко не такъ. Шанцзотба-цзасакъ увѣрялъ меня, что такого количества шабинаровъ даже и никогда не бывало у хутухты. Дѣло объявленія Илагѹхсань-гэгѣна самостоятельнымъ правителемъ всецѣло принадлежитъ прошлому хубилгану и брату его Далай-вану. Оба они были одинаково честолюбивы, при томъ же будучи родными братьями, почти не раздѣляли своихъ интересовъ и не могли не находить выгоднымъ увеличеніе своихъ земель на счетъ другихъ хошѹновъ. Говорятъ, что желая возбудить вопросъ объ утвержденіи Илагѹхсань-гэгѣна самостоятельнымъ правителемъ, братъ его Далай-ванъ, ради приближенія числа шабинаровъ хутухты къ законной нормѣ 700 семей, просто удѣлилъ ему, номинально, часть своихъ податныхъ, хотя и при этомъ 700 семей у хутухты все-таки не выходило, оттого-то и нужно было производить имъ большіе расходы по этому дѣлу, давая взятки въ Пекинѣ. Въ настоящее время самъ бесѣдовавшій со мною цзасакъ-лама не могъ сказать мнѣ точнаго числа шабинаровъ, такъ какъ въ официальные списки вносятся у нихъ только семьи, дѣйствительно платящія подати, неспособныхъ же платить они не записываютъ вовсе. Число платящихъ семей доходитъ до 312-ти. Подати, вносимыя ими въ казначейство хутухты, особливо сравнительно съ хошѹнными, должны быть признаны весьма незначительными: они платятъ никакъ не болѣе 10 овецъ со 100. Доходы эти идутъ прежде всего на содержаніе управленія, а засимъ на уплату долговъ, сдѣланныхъ какъ прошлымъ хутухтою при поѣздкахъ его въ Пекинъ, такъ и по судбищамъ, возникшимъ уже послѣ его смерти. Долговыя обязательства Илагѹхсань-гэгѣновцевъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, китайскимъ банкирамъ фирмы Насутѹ, которая снабжала вѣдомство хутухты деньгами на веденіе дѣла по пріобрѣтенію земель, на постройку монастыря, покупку бурхановъ, пріобрѣтеніе ганьчжѹра и даньчжѹра, на сооруженіе золотого субургана для мощей хутухты и проч. Масса этихъ долговъ почти всею своею тяжестью лежала на вѣдомствѣ хутухты еще въ пору его жизни, по смерти же его она возрасла, пожалуй, еще болѣе, вслѣдствіе новыхъ судбищъ, возникшихъ въ силу ниже слѣдующихъ обстоятельствъ. Мы говорили уже, что

въ пору ходатайства о дарованіи Илагүхань хутухтѣ земель и обоснова-
ніи изъ его шабинаровъ самостоятельнаго административнаго вѣдомства,
Далай-ванъ почти номинально передалъ ему часть своихъ податныхъ людей.
Точнѣе сказать, дѣло обстояло такъ, что Далай-ванъ только заявилъ
правительству, яко бы, по благоговѣнію къ вѣрѣ Будды, онъ намѣренъ подне-
сти такія-то семьи Илагүхань хутухтѣ и просить на сіе разрѣшенія прави-
тельства; а Илагүхань хутухтѣ, одновременно съ этимъ, ссылаясь на то,
что Далай-ванъ подноситъ ему столько-то семей и что съ причисленіемъ этихъ
семей число его шабинаровъ возрастетъ до 750 дворовъ, просилъ утвердить
его отдѣльнымъ правителемъ. Но какъ объ обособленіи вѣдомства хутухтѣ
было не мало специальныхъ хлопотъ, а о перечисленіи податныхъ далай-ва-
новскаго хошүна въ вѣдомство шабинаровъ не только не заботились, а и
упомянули о немъ только одинъ разъ, то дѣло перечисленія замедлилось и
разрѣшенія на него не было получено даже и послѣ того, какъ хутухтѣ былъ
утвержденъ самостоятельнымъ правителемъ. Само собою разумѣется, что и
хутухтѣ не особенно заботился объ этомъ, такъ какъ у него съ братомъ
это дѣло было общее. Получивъ земли, хутухтѣ и Далай-ванъ позаботились
лишь о томъ, чтобы всѣ семьи, о которыхъ было заявлено правительству,
кочевали если не на самыхъ земляхъ хутухтѣ, то по крайней мѣрѣ побли-
зости къ нимъ. Послѣ смерти Далай-вановскаго хубилгана, случившейся въ
1880 году, многіе изъ этихъ quasi шабинаровъ, можетъ быть даже не
безъ вліянія Далай-вана, разбѣжались и перешли снова въ хошүнное вѣ-
домство. Между тѣмъ новый хубилганъ возродился въ хошүнѣ Чжа-цза-
сакѣ, совершенно чуждомъ далай-вановскому; управлять шабинарами Ила-
гүхань хутухтѣ начали ламы, которые, понятно, не захотѣли уступить
своего и вотъ они предъявили искъ къ Далай-вану, обвиняя послѣдняго
въ задержаніи и укрывательствѣ шабинаровъ хутухтѣ, въ отвѣтъ на что
Далай-ванъ началъ отстаивать за собою своихъ податныхъ, такъ какъ на
перечисленіе ихъ въ вѣдомство хутухтѣ не было получено разрѣшенія изъ
Пекина. Дѣло это длилось около 12-ти лѣтъ и стоило гэгэновскому сану
въ Пекинѣ свыше 10,000 ланъ, пока ему ни удалось наконецъ въ настоя-
щемъ году выхлопотать себѣ утвержденіе этихъ шабинаровъ. Черезъ де-
сять дней послѣ моего выѣзда изъ хурѣня должно было состояться засѣда-
ніе депутатовъ хошүннаго и шабинскаго вѣдомствъ, въ которомъ, подъ
предсѣдательствомъ чигүлгану даргѣ, та и другая сторона должны были
заслужать рѣшеніе Ли-фань-юаня, рассмотреть состояніе и современное
положеніе бѣжавшихъ семей, и засимъ хошүнное вѣдомство должно было
передать эти семьи въ вѣдомство хутухтѣ.

Верховнымъ правителемъ вѣдомства Илагүхань-хутухтѣ состоитъ

въ настоящее время, какъ и у другихъ хутухтъ, шанцотба, только здѣсь, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ хутухтинскихъ вѣдомствъ, онъ носитъ титулъ «шанцотба-цзасакъ-лама». Онъ выбирается изъ наиболѣе способныхъ и образованныхъ ламъ чигулану-даргю сѣинъ-нойновскаго аймака, который черезъ посредство Ли-фанъ-юаня и представляетъ избраннаго на утверждение богдохана. вмѣстѣ съ утвержденіемъ, шанцотба получаетъ отъ пекинскаго правительства печать и послѣ сего вѣдаетъ шабинаровъ уже совершенно на правахъ хошуннаго цзасакъ; различіе здѣсь только въ томъ, что управленіе шанцотбы исключительно гражданское, такъ какъ шабинары вообще не обязаны военной службой у китайскаго правительства. Помощникомъ шанцотба цзасакъ-ламы является дэмчѣ-лама, по кругу своихъ правъ и дѣятельности равняющійся хошунному тусалакчѣ. Онъ замѣняетъ и держитъ печать шанцотбы во время его отсутствія. Лица, занимающія эту должность, выбираются и опредѣляются однако только чигулану-даргю и о назначеніи ихъ въ Пекинъ даже не доносится. Далѣе слѣдуютъ даргѣ отдоковъ и цзайсань. Всего въ вѣдомствѣ Илагухсанъ-хутухты полагается ихъ семь человекъ. Они выбираются и утверждаются цзасакъ-ламю, на обязанности же ихъ лежитъ сполна, во-первыхъ, управленіе отдоками и, во-вторыхъ, поочередное присутствованіе въ ямунѣ шанцотбы для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ, поступающихъ въ это учрежденіе. Ближайшими помощниками ихъ по управленію отдоками являются «шүлэнги», которыхъ полагается, впрочемъ, только по одному въ каждомъ отдѣкѣ. Это власть исключительно распорядительная, по отношенію къ исполненію постановленій ямуна. Въ подчиненіи у cadaго шүлэнги имѣется только по нѣскольку дэмчѣ, которыхъ шүлэнги рассылаютъ въ предѣлахъ своего вѣдомства за сборомъ податей, вызовомъ людей по требованію ямуна и проч.

Въ шанцотбинскомъ ямунѣ Илагухсанъ хутухты, мѣняясь мѣсячною очередью, засѣдаютъ постоянно одинъ дарга, одинъ цзайсанъ и четыре писца. Жалованья они, равно какъ и всѣ служащіе по управленію вѣдомствомъ, не получаютъ никакого и во время очереднаго присутствованія въ ямунѣ получаютъ только жилище, равно какъ и содержаніе пищею изъ шабинскаго сана.

Хурѣ Илагухсанъ хутухты располагается на обширной долинѣ Идэрыйнъ-гбля, окруженной горами: на югѣ — Сэбчжинъ-балборъ, которую чествуетъ самъ Илагухсанъ-гэгэнъ; на западѣ — Битүдү-үла и Ургатү-үла; на сѣверѣ — Хандү-үла и на востокѣ — Дарханъ-үла, которой приносятъ свои жертвы Цзунъ-отдѣкъ. Въ общемъ хурѣ эта раздѣляется на двѣ части: первая — цзунъ (восточная) хурѣ и вторая — барунъ (западная) хурѣ, при

чемъ каждая изъ этихъ частей представляетъ собою совершенно особый монастырь. Въ первомъ хуръни сосредоточены почти всѣ служебныя дугуны: цокчинъ, чойра, майдари, цзунъ-аймакъ, барунъ-аймакъ и хойту-аймакъ, содержимыя тремя отъками. Самыя кумирни эти не представляютъ по своей внѣшности ничего отличнаго отъ обычныхъ кумирень Монголіи, но въ обстановкѣ ихъ замѣчается нѣкоторая смѣсь съ китайщиною. Произошло это оттого, что далай-вѣновскій хубилганъ Илагухсанъ гэгэна, желая, вѣроятно, особливо угодить маньчжурамъ, въ началѣ 60-хъ годовъ вдругъ сдѣлалъ докладъ богдохану, въ коемъ объяснялъ, что его прозорливому духу извѣстны всѣ его древнія перерожденія и якобы въ одномъ изъ этихъ перерожденій онъ возрождался въ числѣ тридцати двухъ богатырей, сопутствовавшихъ Гэсэру, или китайскому Гуань-ди, особливо чествуемому маньчжурской династіей. На этомъ основаніи онъ просилъ богдохана разрѣшить ему чествованіе Гэсэра во вновь обосновываемомъ имъ монастырѣ. Въ Пекинѣ, конечно, не нашли для этого никакихъ препятствій, и съ тѣхъ поръ въ главномъ цокчинскомъ дугунѣ хуръня Илагухсанъ-хутухты ежедневно совершается жертвоприношеніе въ честь Гэсэра; впереди цокчина

Кумирня Гэсэра въ монастырѣ Илагухсанъ-хутухты.

по обѣимъ сторонамъ дугуна, по китайскому обычаю, построены два кіоска въ которыхъ повѣшены китайскій колоколь и барабанъ; между ними, прямо передъ дверями кумирни, поставленъ буйпуръ (курильница) для сожженія хучжй—такъ какъ, по убѣжденію монголовъ, безъ этихъ предметовъ чество-

ваніе Гэсэра не возможно. Цокчйнскій дугунъ занимаетъ первое мѣсто, т. е. является самою южною кумирнею въ восточномъ хурѣнѣ. Позади его, занимая сѣверную сторону монастыря, располагаются въ рядъ: 1) Майдарѣйнъ-сумэ, т. е. кумирня въ честь Майдари, идолъ котораго сдѣланъ здѣсь величиною въ 25 локтей; 2) Чойрайнь-сумэ, въ которомъ отправляютъ свое служеніе ламы, изучающіе цанѣтъ, и наконецъ 3) Гудунъ, въ которомъ хранятся мощи, или шарѣль далай-вановскаго хубилгана Илагұханъ-хутухты. Гудунъ представляетъ собою зданіе, внутри даже мало похожее на кумирню, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни ламскихъ сѣдалищъ, ни другихъ принадлежностей совершенія хураловъ. Небольшое зданіе это состоитъ изъ одной комнаты, пересѣкаемой съ сѣвера на югъ двумя рядами колоннъ, украшенныхъ раззолоченными изображеніями драконовъ. Стѣны Гудуна сплошь росписаны изображеніями «найманъ-тахѣль», «долонъ-эрдэни» и рисунками изъ разнаго рода тѣчи. Посреди зданія, между двумя рядами колоннъ, уставленъ мѣдный, литой и вызолоченный «арсалантү-тэбцэнъ», имѣющій въ каждой изъ своихъ сторонъ по девяти чѣ, т. е. около 4 аршинъ длины, а на немъ поставлена фигура субургана. Субурганъ этотъ именуется золотымъ, хотя въ дѣйствительности онъ только серебряный, покрытый густою позолотою. Вѣсъ его мнѣ опредѣлили во 100 гиновъ, т. е. около 3 пуд. 29 ф. Въ субурганѣ этомъ хранится шарѣль-гэгэна, въ видѣ балъзамированнаго и раззолоченнаго трупа, одѣтаго въ ламскія одежды и посаженнаго въ молитвенной позѣ. По угламъ субургана поставлены бронзовыя литыя изображенія четырехъ махаранца, величиною въ 10 вершковъ каждый и засимъ передъ самымъ арсалантү-тэбцэнномъ уставленъ столъ съ жертвами. Ниже его скамья съ жертвенными сосудами, курильницами, пепельницами, музыкальными инструментами и пр. Аймачные дугуны хурѣня Илагұханъ-хутухты не представляютъ собою ничего особеннаго; но здѣсь впервые пришлось мнѣ видѣть особое устройство чойрайнь, или цанидѣйнъ дугуна, назначеннаго специально для производства въ немъ богословскихъ диспутовъ. Зданіе представляетъ собою простую деревянную бесѣдку со стѣнами на сторонахъ сѣверной, западной и восточной и открытую со стороны южной. Односкатная крыша этой бесѣдки покатая на сѣверъ поддерживается на югѣ тремя колоннами и въ этомъ видѣ все зданіе чрезвычайно напоминаетъ собою эстрады, устраиваемыя въ нашихъ публичныхъ садахъ для музыкантовъ. Пространство подъ крышею эстрады почти совершенно пусто. Изображеній бурхановъ имѣется только два и именно, подъ крышею, въ небольшой аляповато сдѣланной деревянной рамкѣ заключено рисованное изображеніе 21-го хубилгана богини Дарэ эхэ и засимъ на полу, у сѣверной стѣны, установлено рѣзное изъ дерева изображеніе горы, окрашен-

ной въ зеленый цвѣтъ. На вершинѣ горы выдолблена ниша, въ родѣ пещеры, въ которую вставленъ докшѣтъ Сѣндама. Помимо этихъ двухъ изображеній, нѣсколько впереди горы Сѣндамы, поставлено низенькое деревянное сѣдалище для ширѣтуя, спинка (тушилгѣ) котораго украшена рисованнымъ изображеніемъ дракона, а по правую сторону этого сѣдалища есть еще одно сѣдалище, уже безъ спинки, для унзата. Въ пору совершенія религиозныхъ диспутовъ эстрада устилается рядами войлоковъ, на которыхъ садятся ламы. Дальнѣйшія частности этого совершенно новаго и неизвѣстнаго у насъ типа цанѣтскихъ кумирень, равно какъ и выясненіе каноническихъ основаній, по которымъ онѣ строятся въ этомъ видѣ, читатели найдутъ въ IV томѣ настоящаго труда, гдѣ мною будетъ представленъ и фотографическій снимокъ подобнаго цанидѣйнъ дугуна.

За стѣнами, впереди Цзунъ-хурѣня, передъ самыми южными воротами онаго, находится небольшое озеро, чествуемое ламами, а на берегу его сложено маленькое четырехугольное зданіе изъ сырцеваго кирпича, въ которомъ стоитъ глиняный идолъ «гацзарѣйнъ-эцзэна». Кумирь имѣетъ форму китайскаго богатыря и держитъ въ обѣихъ рукахъ по сѣкирѣ. Постройка и чествованіе его совершены и отправляются по инициативѣ Далай-вѣновскаго хубилгана, тѣмъ не менѣе ламы, сознавая, что это чествованіе имѣетъ въ основѣ шаманскія вѣрованія китайцевъ, не относятся къ оному съ должнымъ уваженіемъ.

Вторая часть монастыря, называемая у монголовъ Барунъ-хурѣ, значительно меньше первой и составляетъ собственно жилище хубилгановъ Илагухсанъ хутухты. Отъ Цзунъ-хурѣня она отстоитъ приблизительно на разстояніи 200 саж., въ промежуткѣ же между этими двумя хурѣнями построенъ хашанъ, или дворъ Далай-вѣна. Въ пору жизни прежняго хубилгана, Далай-вѣнъ часто пріѣзжалъ въ монастырь, къ брату и всегда оставался въ этомъ хашанѣ; но теперь онъ не былъ здѣсь уже лѣтъ десять, и ограда его двора видимо разрушается. Что касается самаго Барунъ-хурѣ, то онъ огороженъ частоколомъ изъ бревенъ лиственницы. Главныя ворота его обращены лицомъ на югъ и передъ ними расчищена большая площадь, огороженная рогатками, окрашенными въ красную краску, это — отличительная особенность и преимущество всѣхъ гэгэновъ, пожалованныхъ самостоятельными правителями и имѣющихъ печать. Площадь эта назначается для борьбы и игръ во время монастырскихъ празднествъ. Проходъ съ площади за ограду Барунъ-хурѣ совершается черезъ ворота, построенныя изъ дикаго гранита, въ видѣ сквознаго сарая. Они называются «сасаръ-байшинъ», и когда на площади устраиваются игры, то гэгэнъ и присутствующіе на празднествѣ князья смотрятъ ихъ, сидя подъ кровлею этихъ воротъ. За

воротами все пространство Бару́нь-хурѣ раздѣляется съ юга на сѣверъ на три двора. Въ срединномъ изъ нихъ, саженьхъ въ 10 отъ южной стѣны, стоитъ бѣйшинъ китайской архитектуры для лѣтняго помѣщенія хутухты, а въ такомъ же разстояніи отъ стѣны сѣверной находится кумирня, въ которой гэгэнъ совершаетъ свои хуралы. Посрединѣ между этими зданіями устроенъ высокій, круглый сѣринъ, или деревянный полъ. Здѣсь ставится юрта, въ которой гэгэнъ проживаетъ въ зимнее время.

Изъ числа боковыхъ дворовъ хурѣня правый, или восточный, весь перегороженъ заборами и образуетъ собою до 30 маленькихъ дворишковъ. Въ 3-хъ изъ такихъ дворишковъ построены маленькіе, легкіе бѣйшины, въ родѣ красивенькихъ бесѣдокъ, въ которыхъ гэгэнъ иногда живетъ лѣтомъ; остальные дворики въ обычное время совершенно пустуютъ: назначаются они для помѣщенія князей, пріѣзжающихъ въ монастырь въ извѣстные праздники, для поднесенія даншика хутухтѣ. На лѣвомъ, или западномъ дворѣ сосредоточены всѣ кладовыя и службы гэгэновскаго дворца и помимо того здѣсь же проживаютъ лица, состоящія въ штатѣ хутухты, какъ его ближайшіе руководители, сотоварищи и прислужники.

Въ спискахъ хурѣня Илагухсанъ хутухты въ настоящее время числятся нѣсколько болѣе 200 ламъ, но далеко не всѣ они постоянно проживаютъ въ монастырѣ: многіе уходятъ къ своимъ роднымъ въ степь на два, на три мѣсяца, а воротившись въ хурѣнь и проживъ здѣсь такое же время, уходятъ въ степь снова. Такимъ образомъ постоянно служащихъ и учащихъ ламъ въ монастырѣ рѣдко бываетъ болѣе сотни.

Содержаніе монастыря обезпечивается главнымъ образомъ приношеніями и пожертвованіями добротныхъ дателей. Пожертвованія эти приносятся то по случаю исполненія какихъ либо религіозныхъ требъ, то просто по благочестію; такъ, нанявшійся довести меня до Урги монголь, Бальчжйнъ-хя, по обѣщанію, уже лѣтъ 15, ежегодно представляетъ въ цокчйнскій санъ монастыря по 20 кобылицъ, 10 овецъ съ ягнятами и 400 гиновъ муки. Такихъ вкладчиковъ считается до 18 человекъ. Изъ подобныхъ вкладовъ у монастыря образовалось свое имущество, основную статью коего составляетъ скоть. Всего монастырское казначейство считаетъ у себя до 3000 головъ лошадей, отъ которыхъ получаетъ кумысъ на пропитаніе ламъ, деньгами же, ежегодно выручаемыми отъ продажи извѣстной части этихъ лошадей, содержатся кумирни и монастырскія учрежденія. Верблюдовъ монастырскій санъ у себя почти не имѣетъ, а потому и не зарабатываетъ ничего перевозкою тяжестей. Подати, получаемыя съ хутухтйнскихъ шабьнаровъ, почти цѣликомъ уходятъ теперь на уплату долговъ и изъ общей суммы ихъ главное казначейство гэгэна, по сло-

вамъ шанцотбы, давно уже не удѣляетъ на содержаніе монастыря ни одного чоха.

Что касается самого гэгэна, то онъ, конечно, имѣетъ право пользоваться для своего содержанія всѣми статьями доходовъ, получаемыхъ его вѣдомствомъ, хотя и никогда не поступаетъ такимъ образомъ. Для своего личнаго содержанія, равно какъ для содержанія своего дворца и штата, онъ имѣетъ у себя прежде всего свой собственный табунъ въ 3000 рыжихъ коней. Прежде у него былъ еще такой же табунъ бѣлыхъ лошадей, но онъ роздалъ его своимъ шабинарамъ. Нынѣ, помимо рыжаго табуна, у него имѣется до 2500 головъ еще такъ называемаго «солонгò адū», т. е. разномастнаго табуна. Пасутъ эти табуны отдѣльными косяками, въ 300—400 головъ, шабинары хутухты и за эту услугу они освобождаются отъ уплаты опредѣляемыхъ податей, а равно могутъ пользоваться молокомъ и другими продуктами коневодства, т. е. продавать гриву, хвосты, конскій волосъ; но весь приплодъ они обязаны отдавать въ пользу хутухты и возмѣщать всякую убыль, происшедшую отъ оплошности въ охранѣ; другими словами, — должны платить за украденное, съѣденное волками и пр.

При хуръни Илагұханъ хутухты проживаютъ торгующіе китайцы. Они пріѣзжаютъ сюда изъ Урги, отъ фирмы Ванъ-шанъ-күй (монгольское имя Байнъ-дорчжй) и торгуютъ какъ китайскими, такъ и русскими товарами. Торговля ихъ впрочемъ не особенно значительна и производится главнѣйше въ обмѣнъ на кожи и шерсть. Первые направляются исключительно въ Кяхту, а вторая — въ собственный Китай. Всего отправляется этими китайцами въ разное время года до 280, или 300 верблюдовъ съ выюками помянутыхъ произведеній монгольской степи.

25-е Сентября. Пятница.

5 ч. —7°; 9 ч. +7°; 12 ч. +11°; 3 ч. +8°; 6 ч. —0; 9 ч. —7°.

Выгѣхали въ 5 ч. 25 м. утра и должны были направиться по дорогѣ прямо на сѣверъ, внизъ по теченію Идэрыйнъ-гбла. Отъ монастыря Илагұханъ-хутухты существуетъ собственно двѣ дороги на Ургу: кратчайшая изъ нихъ лежитъ прямо на востокъ, переваливаетъ черезъ Дархандулу и по восточной пади этой горы спускается къ горѣ Тбно. Такимъ образомъ можно сократить по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ разстоянія до р. Чжиргаланту-гбла; но этимъ путемъ можно проѣхать лишь верхомъ на лошади и не только для телѣги, а даже для вьючнаго верблюда движеніе по нему крайне затруднительно, чтобы не сказать невозможно вовсе. Спустя полчаса ходьбы мы приблизились къ берегамъ Идэрыйнъ-гбла и переправились черезъ эту рѣку, которая въ мѣстѣ брода имѣетъ невысокіе, но обрывистые берега, шириною не свыше 20 сажень, при наибольшей глубинѣ въ 12 вершковъ.

Дно ея усѣяно довольно крупной галькой, что значительно затрудняетъ переправу. Отсюда дорога начинаетъ постепенный поворотъ къ сѣверо-востоку, и, оставляя берегъ рѣки, углубляется въ рядъ холмовъ, то поднимаясь на ихъ вершины, то спускаясь съ нихъ. Наиболѣе значительнымъ изъ такихъ подъёмовъ былъ подъёмъ на мысъ, протягивающійся къ сѣверу отъ Дарханъ-ўлы. Мы перевалили его въ 7 ч. утра и за симъ, перекрестивъ еще нѣсколько невысокихъ уваловъ, въ 7 ч. 50 м. оставили позади себя этотъ лабиринтъ пологихъ сопокъ. Въ открывшейся засимъ снова долинтѣ Идэрбѣйнъ-гѣла, на разстоянїи одного часа ѣзды, мы повстрѣчали до 15 тююэскихъ могилъ, отличающихся особенно высокими насыпями въ центрѣ своего круга. Въ 9 ч. дорога поворотила прямо на юго-востокъ. Населеніе по Идэрбѣйнъ-гѣлу крайне незначительно, и доселѣ мы только на лѣвомъ берегу замѣтили 5 юртъ, на правомъ же намъ не встрѣтилось рѣшительно ни одного монгола. Только въ 10 ч. 50 м. добрались мы до лѣсистой горы Тѣно, о которой прежде говорили намъ монголы какъ о пунктѣ соединенія дорогъ, идущихъ изъ хурѣня Илагѣхсанъ-хутухты въ Ургу. Падь этой горы составляетъ границу кочевьевъ Илагѣхсанъ-гэгѣна и хошѣна Чжѣ-цзасакѣ. Рѣка Идэръ поворачиваетъ отсюда на сѣверъ, а дорога принимаетъ болѣе восточное направленіе. Ровно въ 12 ч. добрались мы до р. Чжиргалантѣ, на берегу которой повстрѣчали монголовъ хошѣна Далай-вана, которые на четырехъ телѣгахъ, запряженныхъ быками, везли въ Улѣсутѣй небольшіе сундучки, ящики, столики и т. п. деревянные издѣлія, приготовленные ими въ лѣсахъ, растущихъ по рѣкѣ Хочжѣла, для продажи въ городѣ. Монголы эти разказали намъ, что на пространствѣ полудня ѣзды отсюда, вправо отъ дороги, вверхъ по теченію Чжиргалантѣ, располагается хурѣ Ханбѣ-гэгѣна. Гэгѣнъ этотъ имѣетъ за собою въ настоящую пору только два перерожденія въ Халхѣ. Первоначально онъ явился сюда изъ Тибета въ видѣ дайнчи, или ламы созерцателя, и поселился на берегу Тэкшѣ-баянтѣ-гѣла, въ одинокой юртѣ, имѣя въ этой же юртѣ и свою кумирню. Потомъ на мѣстѣ этой юрты онъ построилъ деревянный дуганъ и скончался въ ономъ, прославившись подъ именемъ благочестиваго тѣйна. Оба послѣдующіе хубилганы его возрождались въ хошѣнѣ Далай вана. При нихъ Тэкшѣ-баянтѣ-гѣлскій монастырь Ханбѣ-гэгѣна разросся: въ немъ построились шесть кумирень и до 150 ламскихъ байшиновъ. Къ сожалѣнію, лѣтъ 15 тому назадъ Ханбѣ-гэгѣнъ заболѣлъ; мѣсто на Тэкшѣ-баянтѣ было признано для него несчастнымъ и для жительства его было избрано мѣсто на рѣкѣ Чжиргалантѣ. Нынѣ монастырь Ханбѣ-гэгѣна остается еще крайне незначительнымъ; онъ построенъ на своемъ мѣстѣ не болѣе 14 лѣтъ и не успѣлъ еще даже воздвигнуть какъ слѣдуетъ свои кумирни. Самъ ханбѣ-гэгѣнъ въ на-

стоящую пору уѣхалъ въ Ургу, почему хурънское ламство разбрелось по степи, и теперь едва ли можно встрѣтить въ монастырѣ свыше десятка ламъ. Побесѣдовавъ съ этими монголами, мы въ 12 ч. 30 м. доѣхали до сопки Номтү-тологой; здѣсь въ былое время стояла третья станція почтоваго тракта между Улясутаемъ и Ургою. Въ 1 ч. 20 м. начали длинный и пологій подъемъ на Бугуйнъ шарà дорбълчжй, до вершины котораго добрались въ 2 ч. 25 м. и засимъ спустились въ долину Ямätу-гблa въ 3 ч. 25 м. Перевалъ этотъ носить мягкія и ровныя очертанія; долина же чрезвычайно богата травами, почему, вѣроятно, и носить названіе Байнъ-тэкшй, или «богатой равнины». Ширина ея около 4 верстѣ. Окрестныя горы поросли густымъ листовичнымъ лѣсомъ, который повсюду спускается, впрочемъ, только на половину горы, подошва же остается безлѣсною и въ лѣтнюю пору, вѣроятно, богато поростаеъ злаками. Въ лѣсахъ этихъ, по словамъ монголовъ, много смородины, крыжовника и брусники. Долину Ямätу-гблa нельзя назвать совершенно ровною, она испещрена множествомъ ямъ, впрочемъ весьма неглубокихъ, дно которыхъ усыпано галькой. О происхожденіи ихъ могу сказать только то, что углубленія эти естественныя, а не произведены рукою человѣка. Въ долинѣ Ямätу мы повстрѣчали большіе табуны лошадей, но не видали ни одного человѣческаго жилища и даже человѣка. Остановились на ночлегъ въ 5 ч. вечера на самомъ берегу рѣки, густо поросшемъ тополями. Аллея ихъ ясно обозначала въ обѣ стороны теченіе рѣки.

26-е Сентября. Суббота.

5 ч. —6°; 9 ч. +7°; 12 ч. +13°; 3 ч. +11°; 6 ч. +8°;
9 ч. —3°.

Выѣхали въ 6 ч. 5 м. и продолжали путь по той же долинѣ Ямätу-гблa. Въ 6 ч. 50 м. перебрались на лѣвый берегъ этой рѣки. Мѣстность отсюда начинается кочковато-болотистая вплоть до береговъ Тэкшй-гблa, къ которымъ мы подъѣхали въ 7 ч. 20 м., близъ сопки Хохò-тологой, гдѣ прежде стояла 4-я станція Улясутайско-Ургинскаго почтоваго тракта. Тэкшй-гблъ имѣетъ въ ширину до 20 саж., а глубиною не свыше 10 вершковъ. Мы встрѣтили его текущимъ съ востока и въ мѣстѣ переправы круто поворачивающимъ къ сѣверу. Отъ этой переправы на правый берегъ Тэкшй начинается подъемъ на Тэкшйнъ-дорбълчжй, съ вершины котораго открывается прелестный видъ на долину Тэкшй-гблa въ направленіи къ востоку. Рѣка пробивается здѣсь по горному ущелью между Тэкшйнъ-дорбълчжй и горою Халчйкъ-ула, выступивъ же изъ тѣсинъ, снова струится по долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Растительность здѣсь повсюду поразительно богатая: долины изобилуютъ травами, горы

покрыты лѣсами, берега рѣки рѣзко обозначаются аллеею тополей и изъ-за густыхъ вѣтвей этихъ послѣднихъ то тамъ, то сямъ блестяли намъ ея ярко освѣщаемыя солнцемъ воды. Переваливъ Тэкшійнъ-дөрбөлчжй, мы повстрѣчали у подножія этихъ горъ четыре юрты монголовъ изъ хошунъ Чжя-цзасакà и Далай-вана. Они кочуютъ здѣсь совмѣстно, такъ какъ мѣста эти пограничныя: правый берегъ Тэкшй считается Далай-вановскимъ, а лѣвый — принадлежитъ Чжя-цзасаку. Обиліе скота, окружавшаго эти юрты, свидѣтельствовало о зажиточности ихъ обитателей. Отъ подножія дөрбөлчжй мы продолжали путь по долинь Тэкшй-гбля до 9 ч. 15 м., когда р. Тэкшй снова сдѣлала крутой поворотъ на югъ. Въ этомъ мѣстѣ въ нее впадаетъ незначительный потокъ, скатывающійся съ сѣверныхъ горъ и отсюда же начинается подъемъ на пологій перевалъ Бульчигинъ-дабà. Подъемъ по началу почти незамѣтенъ, но отъ лѣсистой и выдающейся своего высотой горы Хисà (10 ч. 35 мин.) онъ дѣлается круче. Въ 11 ч. поднялись на перевалъ и начали спускаться съ него по узкому ущелью, утесистыя горы котораго мѣстами выставляли вывѣтрившіеся гранитныя валуны. Ниже ущелье это расширяется и образуетъ падь Бульчигу, индѣ весьма болотистую. Въ обходъ этихъ болотъ дорога проложена по крутымъ и высокимъ косогорамъ и представляетъ массу неудобствъ не только для колесной, но и для вьючной ѣзды: верблюды скользятъ по косогорамъ и наиболѣе слабыя изъ нихъ даже падаютъ подъ тяжелыми вьюками. Ущелье извивается въ поворотахъ то къ сѣверу, то къ востоку и съ послѣдняго изъ такихъ поворотовъ, на востокъ отъ горы Обной гоцзогòръ, мы въ 2 ч. 40 м. увидели долину рѣки Хочжұла, праваго притока Идэрійнъ-гбля. Въ 4 часа на берегахъ этой рѣки я повстрѣчалъ русскаго мелочнаго торговца Губарева, который, проторговавъ лѣто въ Монголіи, вмѣстѣ съ женою, возвращался теперь на зиму въ предѣлы Россіи. Оба они ѣхали верхами на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного монгола. Встрѣча эта меня весьма обрадовала, такъ какъ она давала мнѣ возможность съ одной стороны узнать многое о дѣлахъ современной русской торговли въ Монголіи и положеніи нашихъ торгующихъ въ этой странѣ, а съ другой — отпраздновать въ обществѣ русскихъ ночь своего рожденія. По истинѣ судьба смиростивилась надъ празднующимъ! Мы остановились для ночлега въ 4 ч., закололи барана и въ бесѣдахъ съ г. Губаревымъ просидѣли до глубокой ночи.

27-е Сентября. Воскресенье.

5 ч. —5°; 9 ч. +8°; 12 ч. +12°; 3 ч. +12°; 6 ч. +5°;
9 ч. —4°.

Ночлегъ нашъ былъ на берегу рѣки Хочжұла какъ разъ противъ

пади Зантү, въ которой находится горячій минеральный источникъ, именуемый Зантү аршаномъ. Г. Губаревъ, ѣздившій купаться на этотъ аршанъ, хотя и безъ всякой нужды въ этомъ купаньи, не могъ объяснить мнѣ состава воды этого источника, но онъ измѣрялъ ея температуру, и она оказалась $+26^{\circ}$ R. Мѣсто своей стоянки мы оставили въ 6 ч. 20 м. и направились вверхъ по рѣкѣ Хочжұла. Долина ея болотиста и камениста. Въ 7 ч. переѣхали незначительный потокъ Халұнь-усу, вытекающій изъ прилежащей съ правой стороны дороги пади и вливающійся въ рѣку Хочжұла съ лѣвой стороны ея. Потокъ этотъ имѣетъ всего своего теченія не болѣе 15 верстъ, источникомъ же его является также горячій аршанъ, по словамъ монголовъ, рѣдко посѣщаемый ими, такъ какъ у источника много гадовъ. Въ 7 ч. 40 м. мы ясно увидали пади Цзагасутайнь-даба и по мѣрѣ приближенія къ нимъ почва дороги дѣлалась все болѣе и болѣе зыбкою и болотистою: почти каждый шагъ верблюда вызывалъ ея сотрясеніе и ѣхать приходилось едва ни все время по водѣ, хотя и невидимой для глаза за густою травою. Только въ урочищѣ Бургасутү дорога поднимается на уступъ прилежащихъ горъ южной стороны и становится нѣсколько суше и ровнѣе. Въ 8 ч. 50 м. миновавъ это урочище, мы начали уже подъемъ на Цзагасутайнь-даба, являющійся здѣсь въ видѣ пологого и длиннаго тянигуса, собственно же къ ущельямъ, съ которыхъ начинается крутой подъемъ на перевалъ, мы подѣхали уже въ 9 ч. 30 м. Здѣсь происходитъ сліяніе двухъ рѣкъ, стекающихъ съ дабановъ, и образуется одна рѣка, получающая названіе Хочжұла. Перевалъ черезъ Цзагасутай можетъ быть совершенъ по двумъ ущельямъ: первое изъ нихъ — западное, называемое Цзагасутайнь-барұнь-даба, съ потокомъ барұнь-дабанай-гѡль, удобно только для переправы съ выюнными верблюдами; второе — восточное, называемое Цзагасутайнь-цзұнь-даба, съ потокомъ цзұнь-дабанай-гѡль, возможно и для колесной переправы. Мы поѣхали по второму. Впрочемъ, цзұнь-дабанъ не можетъ быть названъ вполне колеснымъ путемъ, — по нему лишь возможно проѣзжать на телѣгахъ. Обиліе топей и болотистыхъ кочекъ, громадные камни, мѣстами пересѣкающіе дабанъ во всю его ширину, дѣлаютъ этотъ перевалъ едва доступнымъ для проѣзда. Въ какіе-нибудь три часа ѣзды по такой дорогѣ верблюды наши такъ утомились, что мы противъ обыкновенія должны были дать имъ роздыхъ днемъ и сдѣлали остановку отъ 12 ч. 50 м. до 1 ч. 55 м. дня. Продолжая засимъ путь по дорогѣ уже болѣе твердой, но зато и болѣе крутой, мы поднялись на высшую точку перевала только въ 4 ч. 30 м. Вершина его представляетъ совершенно альпійскій характеръ. Оледенѣлыя болотистыя кочки, поросшія густою травою и отдѣляемая одна отъ другой замерзшими лужами, индѣ бугорки

снѣга, — вотъ общій видъ этихъ пространствъ. Въ 5 ч. 35 м. мы, нѣсколько спустившись съ вершины дабана, остановились на ночлегъ неподалеку отъ озера, именуемаго Дабанъ-нүромъ.

Вечеромъ, приблизительно часовъ въ 8, къ мѣсту нашей стоянки подъѣхалъ монголъ, состоящій въ должности хундѹя на первой станціи улясутайско-ургинскаго цэцэнъ-хановскаго тракта, именуемой Бомботу. Монголъ этотъ происходилъ изъ цэцэнъ-хановскаго хошѹна и, испросивъ для себя отпускъ, срокомъ на два мѣсяца, возвращался теперь въ родныя кочевья, чтобы собрать тамъ долги по выданнымъ ему прежде обязательствамъ. Свою службу на станціи онъ отправлялъ уже 24-й годъ, а потому въ разказахъ его было не мало интереса. Онъ сообщилъ мнѣ, что малый почтовый улясутайско-ургинскій трактъ имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ удовлетворять потребности ускоренныхъ сношеній двухъ восточныхъ аймаковъ Халхи съ улясутайскимъ цзянь-цзюнемъ. Сообразно этому назначенію, повинность на этомъ трактѣ первоначально отбывалась совмѣстно тѹшѣтѹ-хановскимъ и цэцэнъ-хановскимъ аймаками, причемъ оба эти аймака содержали одинъ трактъ. Впослѣдствіи на должность монгольскаго амбана въ Улясутай былъ назначенъ цинъ-ванъ тѹшѣтѹ-хановскаго аймака. Имѣя большую поддержку въ Ургѣ, князь этотъ постоянно пользовался почтовыми лошадьми для сношеній по дѣламъ управленія собственнаго хошѹна, а когда потомъ его назначили старшиною ханъ-ѹла'скаго сейма, то и весь тѹшѣтѹ-хановскій аймакъ началъ отправлять ему свои сеймовыя дѣла и донесенія по станціямъ. Само собою разумѣется, это показалось невыгодно цэцэнъ-хановцамъ, которые должны были гонять своихъ лошадей по дѣламъ, совершенно для нихъ чуждымъ и это было основною причиною раздѣленія «бухя-ѳртѳн'овъ». Цэцэнъ-хановцы завели свои станціи, а тѹшѣтѹ-хановцы свои, при чемъ первые избрали дорогу южняе, а вторые — сѣверняе. Мѣстами эти дороги сходятся совершенно, но никогда не бывало того, чтобы содержали они одну станцію. Разность въ количествѣ разъѣздовъ лучше всего можетъ быть опредѣлена тѣмъ, что высшій размѣръ арендной платы для одной юрты на болѣе трудной станціи Шабактѹ, гдѣ обѣ дороги сходятся въ одну тропу, цэцэнъ-хановскимъ аймакомъ опредѣляется въ 170 и даже менѣе ланъ, тогда какъ тѹшѣтѹ-хановцы за ту же станцію никогда не платили менѣе 300 ланъ. Разстояніе между Ургою и Улясутаемъ по той и другой дорогамъ почти одинаково: цэцэнъ-хановскій трактъ является можетъ быть длиннѣе, но не болѣе какъ верстъ на 25—30, поэтому число станцій на обоихъ трактахъ одинаково. Хундѹй хорошо зналъ всѣ свои, цэцэнъ-хановскія станціи, хотя и не могъ точно сказать всѣ соответствующія имъ тѹшѣтѹ-хановскія; я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы

замѣтить всѣ эти станки, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній о нихъ нельзя получить ни въ какомъ законеніи. Вотъ эти станціи.

Цэцэнъ-хяновскія :

Соотвѣтствующія имъ
Тушѣтү-хяновскія :

1) Бомбò.	
2) Хòнду.	
3) Номтү.	
4) Хòхò-тологòй.	
5) Бульчихà.	
6) Хòхò-хисà.	
7) Цзагасутай.	
8) Мухүрь.	
9) Мусутү. нѣсколько южнѣе его	Хòхò-дабà.
10) Ангархай.	
Переправа черезъ Чулүтуйнъ-гòль.	
11) Тэль.	
12) Цзүнъ-модò.	
Переправа черезъ Хòйту-тамйрь, или Ханыйнъ-гòль.	
13) Ишигэнтү.	Байнъ-уланъ.
Переправа черезъ Дундү-Тамйрь.	
14) Шабактү.	Шабактү.
15) Бильгйхъ въ виду у него	Дайрь-борò.
16) Зэгэстыйнъ западнѣе его	Тамйрийнъ-уланъ-хошү.
Переправа черезъ Орхонъ.	
17) Цайдамъ.	Ўгэй-нүрь.
18) Бага-номогòнъ.	Тахйльгу.
19) Шулусутү.	Уланъ-бòмбо.
20) Цүгэль.	Хадасу.
21) Дундү-байнъ.	Чйнъ-тологòй.
22) Хутүль-усу.	Харà-нидү.
23) Онойнъ-булакъ.	Сучжи.
Переправа черезъ Тòлу.	
24) Цаганъ-эргй.	Цэгэйнъ-цаганъ.
25) Ёнгòтү (Угүлца)	Аргаль.
26) Байнъ. восточнѣе его	Ўбүрь-дуланъ.
27) Шарà-хубү.	Шарà-хүбү.

28-е Сентября. Понедѣльникъ.

5 ч. $+0^{\circ}$; 9 ч. $+8\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+11^{\circ}$; 3 ч. $+12^{\circ}$; 6 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+2^{\circ}$.

Ночью, съ половины 2-го часа, поднялся сильный южный вѣтеръ, который дулъ непрерывно до и послѣ нашего выѣзда съ мѣста ночлега въ 5 ч. 45 м. Продолжая спускаться съ Цзагасутайнъ-дабана, мы черезъ $\frac{3}{4}$ часа, т. е. въ 6 ч. 30 м., добрались до озера Дабанъ-нуръ и проѣхали оное во всю длину его съ сѣвера на югъ. Озеро имѣетъ около $1\frac{1}{2}$ версты длины, шириною же оно едва ли превосходитъ 200 саж. Въ южномъ концѣ съ восточныхъ береговъ его отступаетъ длиннѣйшая коса, почти пересѣкающая все озеро. Здѣсь мы повстрѣчали плавающую у береговъ, запоздавшую перелетомъ пару лебедей, — это, конечно, уже жертва будущихъ холодовъ рано наступающей здѣсь зимы. Къ югу Дабанъ-нуръ выпускаетъ изъ себя рѣку Цзагасутайнъ-гѣль, по правому берегу которой мы продолжали спускаться съ перевала отъ 7 до 9 ч. 45 м. утра. Спускъ этотъ далеко не представляетъ собою такихъ трудностей какъ подъемъ: онъ пологъ, ровенъ и дорога по нему, за исключеніемъ развѣ только нѣсколькихъ саженой каменистыхъ пространствъ, вообще удобна для колесной ѣзды. Отъ подножія дабана дорога вступаетъ въ широкую долину Хойту-тэрхйнъ-гѣла. При впаденіи въ эту рѣку вышепомянутаго Цзагасутайнъ-гѣла, стоитъ маленькое деревянное зданіе кумирни, называемой Цзагасутайнъ-дугунъ и принадлежащей одному изъ сумуновъ хошунъ Далай-вана, или, еще частнѣе, отѣку, именуемому Бүгйнъ. Здѣсь въ продолженіе весны и лѣта каждаго года имѣетъ свою постоянную торговлю мѣщанинъ Губаревъ, съ которымъ я провелъ вечеръ 26-го Сентября. Ровно въ 10 ч. дня отъ этого дугуна мы вступили въ долину Тэрхйнъ-гѣла; но сказать такъ было бы очень обще. Монголы для каждой горы и сопки, для каждаго ручья имѣютъ здѣсь особое названіе. Такимъ образомъ изъ Цзагасутайскаго ущелья въ долину Тэрхйнъ-гѣла выливается ручеекъ Сальхинтуйнъ-чжилга, имѣющій теченія всего навсего версты на полторы, и вотъ мѣстность по этому ручью носить названіе Сальхинтуйнъ-гала; этотъ ручей исчезаетъ подъ землею близъ горы Тарантуйнъ-киса и урочище принимаетъ это названіе. Такимъ образомъ на пространствѣ не болшемъ 2-хъ верстъ имѣется уже три — четыре имени, опредѣляющихъ мѣстность. Двигаясь далѣе внизъ по теченію Тэрхйнъ-гѣла, почти по самому берегу рѣки и сохраняя направленіе почти прямо на востокъ, мы въ 12 ч. 35 м. доѣхали до мѣста, гдѣ долина эта пересѣкается тремя высокими, отдѣльно стоящими холмами Онкдйнъ-даба. Нѣсколько восточнѣе ихъ отъ долины Тэрхйнъ-гѣла отдѣляется въ направленіи къ сѣверу падъ Солонготу-ама, надъ которою тремя уступами возвышается гора Цахиръ, состоящая, по-

видимому, изъ бѣлой глины. Мы достигли этого мѣста въ 1 ч. 25 м. дня и должны были переправиться здѣсь черезъ Тэрхійнь-гѡль, т. е. перебродить нѣсколько довольно широкихъ рукавовъ этой рѣки. Глубина ихъ не свыше $\frac{3}{4}$ арш. При такомъ количествѣ воды въ Тэрхійнь-гѡлѣ водятся и даже довольно крупная рыба, но окрестные монголы не ѣдятъ, а потому и не ловятъ ее. Отсюда мы повернули на сѣверо-востокъ, уже безъ дороги, чтобы ѣхать прямо въ Тарятуйнь-хурѣ, составляющую главный монастырь въ хошунѣ Далай-вана. Переваливъ черезъ два небольшихъ увала, мы выѣхали въ обширную долину, посреди которой раскинулось небольшое озерко Шибэртыйнь-адагыйнь-нурѣ, Долина эта носить на себѣ тотъ же типъ ровной степи, покрытой мелкой галькой и поросшей кипцомъ. По ней протекаетъ торная телѣжная дорога, пробитая китайскими купцами, ѣздящими здѣсь изъ Улясутая въ хурѣнь Далай-вана. Въ 2 ч. 45 м. мы миновали озеро Шибэртыйнь-адагыйнь-нурѣ и отсюда въ 3 ч. 10 м. проѣхали въ бродъ черезъ Цахирыйнь-гѡль. Рѣчушка эта имѣетъ ширины не болѣе 2-хъ сажень и не превышаетъ глубины 5—6 вершковъ. За нею долина дѣлается солонцеватою, травы ея гуще и выше, словомъ мѣсто это одно изъ такихъ, которыя монголы почитаютъ за лучшія пастбища для своего скота. Поразительнымъ являлось только при всѣхъ этихъ условіяхъ почти полное отсутствіе здѣсь человѣка: за весь нынѣшній день по тремъ рѣкамъ мы видѣли только четыре юрты, изъ коихъ двѣ стояли при Цзагасутайнь-дугунѣ и принадлежали, несомнѣнно, постоянно живущимъ здѣсь сторожамъ этой кумирни. Долина Цахирыйнь-гѡля небольшимъ уваломъ отдѣляется отъ другой такой же долины съ рѣчушкою, называемою Цѡхѡндѡй-гѡль, переѣхавъ въ бродъ который, мы остановились здѣсь для ночлега въ 4 ч. 10 м.

29-е Сентября. Вторникъ.

5 ч. — 0; 9 ч. — $2\frac{1}{2}$.

Выѣхали въ 5 ч. 35 м. Поднявшись на Цѡхѡндѡй-дѡрѡльчжй, мы углубились въ группу холмовъ, между которыми телѣжная дорога лавируетъ, избѣгая подъемовъ на пригорки. Въ урочищѣ Уланъ-хадѣ, къ которому мы подъѣхали въ 6 ч. 50 м., дороги раздѣляются: въючная идетъ на перевалы Хамарыйнь-дабанъ, доступный впрочемъ исключительно для въючныхъ лошадей; для верблюдовъ существуетъ другой дабанъ, менѣе каменистый и лежащій прямо на сѣверъ — Ърэнъ-модонай-даба; что же касается телѣжной дороги, то она, принимая направленіе на востокъ, совершенно обходитъ эти горы. Двигаясь по этой послѣдней дорогѣ, мы повстрѣчали здѣсь двѣ юрты ламъ Илагѡхсанъ-хутухты, прибывшихъ сюда для присутствованія при рѣшеніи вопроса относительно бѣжавшихъ шабинаровъ, а въ настоящее время разузнававшихъ, въ какихъ именно частяхъ хошуна

Далай-вана проживаютъ эти бѣглецы. Въ теченіе десяти дней, которые они здѣсь прожили, они успѣли разыскать и собрать 70 семей, а черезъ четыре дня должны были получить ихъ оффиціально и заставить перекочевать на земли Илагухсань-хутухты. Въ 9 ч. 45 м. мы, обогнувъ горной мысъ, тянущійся къ югу отъ Брэнъ-модонай-дабана, вступили въ долину Тарятуинъ-гбл, на которой увидѣли массу разбросанныхъ купами деревянныхъ построекъ. Первыми изъ нихъ оказались лавки китайскихъ купцовъ, далѣе слѣдовали лѣтнее жилище вана и его ламы, засимъ самый монастырь, раздѣленный на три отдѣльныхъ части, еще далѣе зимнее жилище вана и наконецъ отдѣльно отъ всего этого тамагà, или хошунное управленіе. Начиная съ 8 ч. утра пошелъ небольшой снѣгъ, ко времени же нашего пріѣзда онъ усилился, порывистый и холодный вѣтеръ морозилъ насъ страшно. Пока мы развьючивали свои вьюки, верблюдъ однимъ неловкимъ поворотомъ задѣлъ телѣгу и разбилъ термометръ. Такимъ образомъ я снова лишенъ былъ возможности записывать состояніе температуры. Такъ какъ въ тамагѣ Далай-вана я надѣялся найти знакомыхъ мнѣ самаго Далай-вана и его тусалакчи, то мы и остановились по близости этихъ юртъ хошуннаго управленія; къ сожалѣнію, ожиданія мои были напрасны. Пока мы развьючивались, подошедшіе изъ ставки монголы сообщили намъ, что Далай-ванъ уѣхалъ теперь въ Ургу на богомолье, а тусалакчи его живетъ у себя дома, верстахъ въ 30 отъ ставки и пріѣзжаетъ сюда лишь по нуждѣ.

Хүрэнъ, ставка и тамагà Далай-вана стоятъ на берегу Тарятуинъ-гбл. Рѣка эта беретъ свое начало не болѣе какъ верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ монастыря; тамагà же и мѣсто нашей стоянки находились на правомъ берегу оной. Еще подѣзжая къ тамагѣ, мы были поражены массою стоящихъ здѣсь палатокъ и майдановъ; — въ разговорахъ выяснилось, что все это были жилища воровъ, высланныхъ хошунными бѣками въ тамагу, для производства надъ ними слѣдствія и суда. Самая тамагà представляла собою группу юртъ, въ числѣ одиннадцати, но только двѣ изъ нихъ особливо выдавались по своей величинѣ: это были, во-первыхъ, пустовавшая теперь юрта тусалакчи, а во-вторыхъ — тамагà; остальные юрты были до невозможности грязны и черны, а заплаты и дыры на ихъ войлокахъ свидѣтельствовали объ ихъ крайней бѣдности; это, оказалось, были юрты сторожей и разсыльныхъ, живущихъ при тамагѣ.

Убравшись кое-какъ со своимъ обозомъ и отогрѣвшись въ юртѣ, я освѣдомился, кто теперь засѣдаетъ въ тамагѣ и получилъ свѣдѣніе, что, по очереди, здѣсь сидятъ теперь нѣкій Эрдэни-шанъ-тайчжи и мѣстный цзаланъ. Немедленно я послалъ имъ свои визитныя карточки и черезъ полчаса оба означенные чиновника явились ко мнѣ, колѣнопреклоненно освѣдомились о

моемъ здоровьи, и засимъ у насъ начались обычные разговоры о томъ, кто я, откуда, куда и зачѣмъ ѣду и т. д. Просидѣвъ около часа, они возвратились домой, а черезъ нѣкоторое время я и самъ отправился въ тамагү оплачивать имъ визиты.

Тамагà, какъ было уже сказано выше, представляла собою большую юрту. Въ передней, сѣверной сторонѣ ея, по общему обычаю, стояли бурханы, съ жертвеннымъ столомъ и находящимися на немъ различными жертвенными принадлежностями. Надъ столомъ возвышался балдахинъ, весь увѣшанный хадаками, составляющими благочестивое приношеніе бурханамъ разныхъ истцовъ, являющихся въ тамагү со своими тяжбами, особливо по дѣламъ гражданскимъ. На ряду съ бурханами по обѣимъ сторонамъ юрты установлены шкафы и въ дѣловомъ безпорядкѣ разставлены ящики съ

надписями , что значить буквально «ручные приказы», или «приказы, находящіеся на рукахъ», т. е. дѣла, состоящія въ производствѣ. За этими шкафами и ящиками помѣщаются кровати, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и судебными креслами: тайчжи по лѣвую сторону, и цалана — по правую. Изъ этого уже можно было заключать, какъ оно и существуетъ въ дѣйствительности, что эти очередные чиновники не только имѣютъ свои засѣданія въ этой юртѣ, но и живутъ въ ней. Ближе къ дверямъ, также по обѣимъ сторонамъ юрты, были снова уставлены ящики для бумагъ, а за ними мѣста для писцовъ. Въ качествѣ послѣднихъ здѣсь находилось нѣсколько мальчиковъ лѣтъ по 15-ти, обязанность которыхъ состояла въ списываніи всякаго рода копій для архива. Какъ бы для вящаго доказательства, что юрта эта, помимо залы суда является и совершенно жилою, посреди ея стоялъ таганъ, въ которомъ кипятилось мясо, имѣющее составить обѣдъ чиновниковъ. Имѣя въ виду снять внутренность этой юрты, я завелъ разговоръ о фотографіи и вскорѣ она была принесена и рисунокъ исполненъ. Къ счастью, онъ вышелъ довольно удовлетворительнымъ, несмотря на то, что небо было пасмурно, въ юртѣ было темно, а главное — дымно и слѣдовательно рисунокъ легко могъ покрыться вуалью. Разговоръ въ этотъ разъ шелъ на тему объ управленіи хошүномъ. Мнѣ было извѣстно, конечно, что предсѣдательство въ тамагѣ принадлежитъ тусалакчи, но оказалось, что въ хошүнѣ Далай-вана въ настоящее время состоитъ не два, а только одинъ тусалакчи; другой изъ нихъ находился подъ судомъ и былъ не у дѣлъ. Обычно тусалакчи отбываютъ свои обязанности предсѣдателей поочередно; теперь, оставшись одинъ, тусалакчи далай-ван'скаго хошүна не могъ пользоваться никакою смѣной, оттого онъ являлся въ присутствіе только для разбора наиболѣе важныхъ дѣлъ, а постоянныя засѣданія въ тамагѣ вс-

лись другими, болѣе низшими членами. Такое положеніе длится въ хошунѣ Далай-вана уже болѣе 1½-ра года, оттого такая система управленія какъ бы вошла здѣсь въ обычай. Въ тамагѣ, чередуясь помѣсячно, засѣдаютъ обычно одинъ изъ чиновниковъ, т. е. цзахирахчи, цзаланъ и мѣйрәнъ, а иногда и цзангыны. Назначеніе той или другой личности зависитъ отъ цзасакѣ. Кромѣ того, въ качествѣ присутствующаго и въ то же время первенствующаго члена назначается одинъ изъ выборныхъ цзасакѣмъ родовитыхъ тайчжювѣ. Для исполненія письменодительскихъ обязанностей въ тамагѣ также ежемѣсячно присутствуютъ три бичѣчи, или писаря. Особаго какого-либо вознагражденія эти чиновники тамаги во время своей очереди не получаютъ; но на содержаніе ихъ хошунъ ежедневно выдаетъ по одной овцѣ, или лучше сказать, удовлетворяетъ всѣхъ этихъ чиновниковъ не только квартирою съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, но равно и пищею. Обязанности рассыльныхъ исполняютъ при тамагѣ такъ называемые «тахаръ» иначе «мэдэтэй», или «вѣстовые». Они отправляютъ свою обязанность поочередно, которая также длится мѣсяцъ. «Мэдэтэй» выставляются отдѣльными баками для каждаго мѣсяца въ числѣ 12-ти человекъ, съ 22-мя при нихъ лошадьми. На содержаніе каждаго мэдэтэй командировавшей его бакъ отпускаетъ по три барана въ мѣсяцъ на человекъ, возлагая при этомъ на обязанность «мэдэтэй» прислуживать при тамагѣ, приносить въ тамагу топливо, воду и проч. Пока мы разговаривали обо всемъ этомъ, въ тамагу явился молодой банди, лѣтъ 25-ти, съ кангю на шеѣ. Оказалось, что онъ еще недавно состоялъ въ качествѣ подводчика, или кучера на почтовой станціи и въ это время сначала отдалъ какому-то монголу подъ проѣздъ казеннаго верблюда, а потомъ самовольно оставилъ службу на станціи и ушелъ домой. По совокупности этихъ преступленій ему опредѣлено было въ наказаніе носить въ теченіе одного мѣсяца кангю, а потомъ дать ему 80 ударовъ плетьюми. Сегодня срокъ ношенія канги для него оканчивался и онъ явился въ управленіе для снятія оной и полученія второго наказанія. Присутствовать при этомъ было, конечно, крайне непріятно, поэтому я началъ прощаться. Тайчжи и цзаланъ пошли провожать меня. Продолжая трактовать съ ними о судѣ надъ преступниками, я попросилъ ихъ между прочимъ показать мнѣ, какимъ образомъ содержать они своихъ преступниковъ и здѣсь впервые увидалъ новый родъ тюремъ, называемыхъ «пун-цзы». Это простая квадратная, четырехугольная яма, имѣющая въ каждой изъ своихъ сторонъ около 1½ сажени, а въ глубину достигающая до 4-хъ саженей. Яма выложена срубомъ и сверху закрывается досками. Всредину ея опускаютъ преступниковъ, число которыхъ доходитъ здѣсь иногда до 10-ти человекъ. Хошунное управленіе имѣетъ у себя двѣ такихъ ямы. Болѣе подробно разговоръ нашъ велся

и о присягѣ, при чемъ Эрдэни-шанъ тайчжи обѣщалъ мнѣ сдѣлать точный списокъ монгольской присяги, съ выясненіемъ всего при ней необходимаго.

Возвратившись домой, я отправился въ хурѣнь на лошадахъ, которыя обязательно были предложены и доставлены мнѣ хошунными чиновниками. Любезность эта была очень кстати не только потому, что до монастыря было все-таки около версты, пройти которую при холодѣ и вѣтрѣ пѣшкомъ казалось не особенно пріятнымъ, но и еще болѣе потому, что масса ламскихъ собакъ легко могла если не вовсе воспрепятствовать, то по крайней мѣрѣ замедлять и мѣшать хожденію и осмотру. Вблизи монастыря р. Тарятуйнъ-гѡлъ течетъ двумя отдѣльными протоками, отчего и самый монастырь дѣлится на три части: часть на лѣвой сторонѣ рѣки именуется «цзунъ-хурѣн'емъ», срединная, между двумя протоками носить названіе «сборной», т. е. «цокчйнъ-хурѣнь» и, наконецъ, располагающаяся по правому берегу рѣки называется «барунъ-хурѣн'емъ». Впрочемъ, всѣ эти три части составляютъ одинъ хурѣнь и имѣютъ одно управленіе, во главѣ котораго стоятъ два дѣ-ламы, живущіе въ цокчйнъ-хурѣнѣ. Къ этимъ дѣ-ламамъ я направился прежде всего, чтобы сдѣлать имъ визиты, но оказалось, что оба они выѣхали въ степь къ своимъ домамъ; захавъ къ цокчйнскому гаскюю, я также не засталъ его дома, — онъ ушелъ куда-то по сосѣдству въ гости; оставалось осматривать монастырь, безъ разрѣшенія на то начальства.

Въ общемъ монастырь Далай-вана представляетъ собою довольно

Общій видъ Цокчйнъ-хурѣня Далай-вана.

значительный городокъ, въ которомъ нужно считать не менѣе 200 домовъ и постоянно живущихъ ламъ до 500 человекъ. Монастырь не обнесенъ стѣнами и главный входъ въ него, располагающійся, по обычаю, съ южной стороны, не отмѣченъ воротами; взамѣнъ сего здѣсь установлена линия бѣлыхъ субургановъ, по четыре съ каждой стороны. «Святой путь» между этими субурганами приводитъ прямо къ цокчинскому, или соборному, дугуну, передъ дверями котораго воздвигнуты «чжанцаны» и «майдариинъ-шата», — родъ лѣстницы саженой въ пять вышиною, на которой развѣшивается рисунокъ Майдари, въ дни чествованія этого бурхана. Самый цокчинъ ни съ внѣшней стороны, ни внутри не представляетъ собою ничего особливо замѣчательнаго; ни одного мало-мальски интереснаго кумира, ни одной, особливо чтимой святыни, ничего не имѣется здѣсь, ибо даже привезенный изъ Тибета, при основаніи монастыря, кумиръ Цзѹ былъ отданъ Далай-ваномъ брату, Илагѹхсанъ-хутухтѣ, при постройкѣ имъ новаго монастыря, ради увеличенія значенія сего послѣдняго. На ряду съ цокчиномъ, по правую сторону онаго, стоитъ такой же ординарный сѹмэ цанита. Сѹмэ этотъ составляетъ главный цанитскій храмъ и называется барѹнъ чой-ра въ отличіе отъ «цзѹнъ чой-ра», или второй цанитской кумирни, находящейся въ цзѹнъ-хурѣни. Какъ и въ монастырѣ Илагѹхсанъ-хутухты, кумирни цанита служатъ здѣсь исключительно для отправленія въ нихъ цанитскихъ хураловъ, диспуты же производятся ламами въ особыхъ открытыхъ зданіяхъ, по формѣ совершенно подобныхъ тому, какое видѣли мы въ хурѣни Илагѹхсанъ-хутухты. Помимо этихъ кумирень въ цокчинъ-хурѣни имѣется еще одна кумирня Манлы тибетской архитектуры, чжудыйинъ-сѹмэ, и нѣсколько незначительныхъ дугуновъ; мѣстами попадаются субурганы, но все это въ высшей степени ординарно. Въ восточной части монастыря, располагающейся по лѣвую сторону рѣки и называемой цзѹнъ-хурѣн'емъ, имѣется только двѣ кумирни цанита, вокругъ которыхъ расположены жилища ламъ. Вообще нужно сказать, что въ Тарятуинъ-хурѣни ученіе цанита процвѣтаетъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, съ большою силой и большинство дугун'овъ принадлежитъ цанит'скимъ ламамъ. Въ западной части монастыря (барѹнъ-хурѣ) дугун'овъ нѣтъ вовсе и въ ней находятся только жилища ламъ, отправляющихъ свои хуралы въ цокчинъ-хурѣни. Съ сѣвера цокчинской части хурѣня располагается собственно ѳргѳ, или домъ самого Далай-вана; но при этомъ домъ онъ построилъ себѣ также нѣсколько кумирень, зданія которыхъ почти сливаются съ цокчинъ-хурѣнемъ, отдѣляясь отъ него лишь небольшою площадью. Кумирни Далай-вана отдѣлены особой оградой съ парадными и, конечно, наглухо закрытыми воротами, имѣющими у себя, сообразно ванскому званію князя,

еще и «ула́нь-хаша́», т. е. огороженный неподвижными рогатками плацъ; проходъ за эти рогатки имѣется только одинъ черезъ узенькую калитку. Въ разсматриваемомъ ванскомъ отдѣленіи монастыря находится только четыре дугуна, но всѣ они построены чрезвычайно легко и красиво: масса рѣшетокъ, отиѣнно разнообразной и причудливой рѣзбы, на терассахъ и портикахъ кумирень, рѣшетки въ окнахъ, по карнизамъ, по периламъ балконовъ, по окраинамъ колоннъ, все это даетъ разсматриваемымъ зданіямъ видъ какихъ-то эфирныхъ построекъ. Особенно отличается этимъ характеромъ самая главная, трехъ-этажная кумирня въ честь Богдо-ламы, или Цзонхавы: расцвѣченная яркими красками и позолотой, она представляется очень эффектной. Другою не менѣе значительной кумирней является дугунъ, полу-тибетской и полу-китайской архитектуры, построенный Далай-ваномъ въ честь своего бурхана покровителя. Дѣло въ томъ, что назадъ тому лѣтъ восемь Далай-ванъ предпринималъ поѣздку въ Тибетъ, представлялся тамъ Далай-ламы и послѣдній при этомъ подарилъ ему кумирь Цзѹ, сказавъ, что кумирь этотъ охранить его, Далай-вана, отъ всякаго несчастія. Далай-ванъ, возвратившись на родину, построилъ для этого Цзѹ особую кумирню, въ которой кумирь и стоитъ, когда Далай-ванъ бываетъ дома; выѣзжая изъ ставки, князь всегда беретъ съ собою и своего кумира и держитъ его при себѣ постоянно.

Въ монастырѣ Далай-вана нѣтъ ни хубилгана, ни гэгэна, но есть такъ называемый бакши-лама. Родомъ тибетецъ, онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ Далай-ваномъ и теперь проживаетъ здѣсь въ качествѣ общаго учителя. Всѣ ламы Тарятуинъ-хуръня принимаютъ теперь свои высшія посвященія именно отъ этого ламы. Въ жизни онъ держитъ себя почти недоступно, никуда не выходитъ и видятъ его постоянно только состоящіе при немъ нѣсколько прислужниковъ. Конечно, нужно ожидать, что по смерти его, далай-вановцы будутъ имѣть у себя его мощи, а засимъ и искать его хубилгана.

На западной сторонѣ монастыря находится гора Даші-дорчжі съ обномъ, чествуемымъ ламами Тарятуинъ-хуръня; что же касается всего хошѹна Далай-вана, то онъ чествуетъ Тэрхѹинъ-цаганъ-нѹрскаго дракона.

Возвратившись по осмотрѣ монастыря, я приготовилъ чай и послалъ за чиновниками; они явились очень скоро и мы провели цѣлый вечеръ въ бесѣдахъ. На обычный вопросъ: «что подѣльваете»? чиновники начали горько жаловаться мнѣ на отъѣздъ Далай-вана, а между тѣмъ за время его отсутствія возникло много серьезныхъ дѣлъ, которымъ они положительно не могли единолично дать рѣшенія. Не говоря уже о важной тяжбѣ съ вѣдомствомъ Илагѹхсанъ-хутухты, поступила якобы и еще одна очень важ-

ная бумага по дѣлу Далай-вана съ его хошѹннымъ тусалакчи, требовавшая именно разсмотрѣнія самаго вана. Меня чрезвычайно интересовало это дѣло съ тусалакчи и, по объясненію чиновниковъ, совершилось оно такимъ образомъ. Далай-ванъ, въ настоящую пору уже преклонный старикъ, за 70 лѣтъ, до самаго послѣдняго времени не имѣлъ у себя дѣтей. Лѣтъ 8 тому назадъ онъ исходатайствовалъ для одного изъ состоящихъ въ ближайшемъ родствѣ къ нему тайчжіевъ назначеніе на должность тусалакчи. Тайчжи этотъ, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый и властный, сообразилъ, что далай-ванъ, приближаясь къ смерти и не имѣя у себя прямого наслѣдника, легко можетъ обратиться съ просьбою къ пекинскому правительству о назначеніи ему преемника, прямо указавъ при этомъ на какую-нибудь личность, а потому подговорилъ людей, которые должны были разславлять передъ мѣстнымъ правительствомъ и особливо въ Пекинѣ, что далай-ванъ, отъ старости, лишился разсудка. Между тѣмъ мысль о неимѣніи наслѣдника терзала и самого Далай-вана и онъ, бывшій уже женатымъ восемь разъ и имѣвшій массу наложницъ, задумалъ жениться еще разъ. Выбравъ себѣ жену, въ возрастѣ 18 лѣтъ, изъ шабинарокъ Цзайнь-гэгэна, онъ прожилъ съ нею одну недѣлю, когда ему объявили, что жена его уже беременна и что для сохраненія ея плода отъ всякаго рода навожденій, ее нужно отправить къ Цзайнь-гэгэну. Тусалакчи былъ совершенно убѣжденъ, что молодая женщина не была беременной, хотя зналъ, что легко можетъ сдѣлаться таковой отъ 22-хъ лѣтняго Цзайнь-гэгэна; поэтому онъ подговорилъ своихъ клеветовъ прямо отравить далай-вана съ тѣмъ, чтобы потомъ начать хлопоты объ укрѣпленіи за нимъ, тусалакчи, правъ наслѣдованія далай-вану; незаконность же рожденія будущаго ребенка далай-вана онъ надѣялся доказать безъ особыхъ затрудненій. Нашлись люди, которые довели обо всемъ этомъ до свѣдѣнія далай-вана и послѣдній, схвативъ тусалакчи, прямо представилъ его улясутайскому цзянь-цзюню. Возбужденное такимъ образомъ дѣло длилось теперь уже болѣе года. Что касается жены далай-вана, то она, дѣйствительно, черезъ 11-ть мѣсяцевъ послѣ отправленія ея къ Цзайнь-гэгэну, родила сына и далай-ванъ былъ въ восторгѣ. Въ концѣ августа онъ уѣхалъ въ монастырь Цзайнь-гэгэна на обрядъ омовенія ребенка аршаномъ, а оттуда, по совѣту гэгэна, отправился въ Ургу, чтобы въ благодарность принести мандаля Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ. Въ настоящую пору далай-ванъ и совершалъ эту поѣздку, а между тѣмъ отъ улясутайскаго амбана къ нему пришло письмо, повидимому, такого содержанія, что такъ какъ, покровительствомъ хутухтѣ, родъ далай-вана теперь уже продлился и опасности утратить правленіе хошѹномъ не представляется, то не будетъ ли умѣстно далай-вану

прекратить теперь свою тяжбу съ тусалакчй? Само собою разумѣется, что отвѣтить на такой вопросъ могъ только самъ далай-ванъ. Другимъ, не менѣе важнымъ дѣломъ было представленіе въ Пекинъ списка тайчжіевъ, существующихъ въ хошунѣ далай-вана. Всѣхъ ихъ въ прошлую перепись, по словамъ чиновниковъ, было свыше 800, хотя они и не могли припомнить точное число единицъ этого превышенія. Черезъ каждые три года тайчжіямъ снова составляется списокъ, для доклада его въ Ли-фань-юань. Это перечисленіе, конечно, еще не было важнымъ, но, на ряду съ этимъ представленіемъ списка, у монголовъ обыкновенно испрашивается разрѣшеніе и на утвержденіе въ степени тайчжіевъ молодыхъ людей чингисовой крови, достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Отмѣтить — достоинъ ли каждый изъ таковыхъ этого утвержденія и охарактеризовать передъ правительствомъ cadaго изъ этихъ молодыхъ людей, — вотъ дѣло, котораго нельзя было исполнить безъ отсутствующаго цзасакъ-вана. Отъ родовыхъ служилыхъ людей разговоръ невольно перешелъ и къ простымъ служилымъ, каковыми являются въ хошунѣ, конечно, прежде всего солдаты. Каждый изъ бесѣдовавшихъ со мною правителей прекрасно зналъ, что въ хошунѣ далай-вана числится три сумуна, или роты солдатъ; но было въ высшей степени любопытно то, что чиновники эти не знали даже точныхъ постановленій о сумунахъ. По положенію, изъ среды трехъ монголовъ, обязанныхъ военною службою, двое солдатъ содержатъ одного хуйка, т. е. латника. Тайчжи говорилъ, что хуйковъ въ сумунѣ 50 и что содержатъ ихъ 100 солдатъ, составляя такимъ образомъ одинъ сумунъ въ 150 цэриковъ; по словамъ цзалаана, напротивъ, выходило такъ, что въ сумунѣ имѣется 150 латниковъ, содержатъ же ихъ 375 человекъ «бэлэдэсэнъ» или «урэчжиль цэриковъ». Споръ, возникшій при этомъ между обоими чиновниками, лучше всего доказывалъ, какъ много занимается хошунное управленіе военнымъ дѣломъ, если чиновникамъ этого управленія неизвѣстно даже числа латниковъ въ сумунѣ. Дѣйствительно, военное дѣло стоитъ теперь здѣсь крайне плохо. Была пора, когда монгольскіе хуйки были дѣйствительно латниками: носили стальные шлемы и кольчуги, имѣли пики, сабли и луки; теперь все это почти отошло въ область преданій. Сначала у солдатъ отобрано было вооруженіе, которое должно было храниться при сумунныхъ управахъ; засимъ показалось тяжело носить, а еще тяжелѣе готовить латы, и въ послѣднее время у здѣшнихъ монголовъ вошло уже въ обычай не употреблять желѣзныхъ, или стальныхъ латъ, кольчугъ или шлемовъ и замѣнять ихъ шелковыми. Такимъ образомъ отборныя войска хошуна далай-вана вмѣсто желѣзныхъ кольчугъ, одѣты теперь поголовно въ кольчуги изъ толстой шелковой канфы, которыя, конечно, гораздо

больше походятъ на женскія кофты, чѣмъ на вооруженіе нашихъ древнихъ рыцарей.

30-е Сентября. Среда.

Съ утра занимались фотографированіемъ здѣшняго хуръня, а засимъ, собравшись, въ 11-ть часовъ дня двинулись въ путь и ѣхали прямо на югъ, по ровной долиинѣ Тарятуинъ-гѡла. Передъ нами величественно возвышалась гора Баясхулантѹ, стоящая уже на правомъ берегу Хѡйту-тэрхѡ-гѡла. По мѣрѣ удаленія на югъ долина Тарятуинъ-гѡла расширяется и, впадая въ долину Тэрхѡ, имѣетъ уже до 2-хъ верстѣ ширины. Въ 12 ч. 40 м. отъ скалы Харѡ-уцзуръ мы повернули на востокъ и начали подниматься на пологій, но длинный Дарханъ-улайнъ-дабѡ. Здѣсь повстрѣчалась намъ кочевка монголовъ далай-вана: они перевозили свой домашній скарбъ на трехъ телѣгахъ, запряженныхъ быками, при чемъ поѣзду ихъ предшествовали мелкія животныя, — овцы и козы, а замыкали его быки, коровы и двѣ лошади.

Съ вершины Дарханъ-улы намъ открылся видъ на громадную долину (верстѣ приблизительно на 40, 45, вплоть до Гичжигинийнъ-дабѡ) и на располагающееся въ западной части этой долины обширное водное пространство озеръ, — Тэрхѡинъ-цаганъ-нуръ'а и соединяющагося съ нимъ съ запада

Видъ на долину озера Тэрхѡинъ-нуръ.

Йэхѡ холбѡ-нуръ'а. Долина собственно этихъ озеръ тянется къ востоку на разстояніе не менѣе 25-ти верстѣ; она имѣетъ солонцеватую почву, особливо

ближе къ озерному берегу. Переѣзжая эту долину наискось, въ направле-
ніи къ ЮВ, мы въ 3 ч. 15 м. переправились вбродъ черезъ рѣку Хойту-
тэрхї, а саженьхъ въ 20 отъ нея черезъ рѣку Уридү-тэрхї. Переправа
была довольно затруднительна, такъ какъ ледъ на рѣкѣ не былъ еще на
столько крѣпокъ, чтобы поднять тяжесть верблюда и намъ приходилось
прорубать ледяной слой во всю ширину рѣки, чтобы образовать дорожку,
по которой бы могли пройти наши животныя. Мѣсто этой переправы на-
зывается «тэрхїйнъ-бэльчиръ». Къ западу отъ нея были совершенно ясно
видны долина Хойту-тэрхїйнъ-гѣла до Онкѣйнъ-амъ, а равно и долина
Уридү-тэрхїйнъ-гѣла, отдѣляемая въ этомъ мѣстѣ отъ Хойту-тэрхї только
горою Баясхулантү. Выступивъ на правый берегъ Уридү-тэрхї, мы нашли
здѣсь небольшое озерко — Тэрхїйнъ багъ-холбб. Существуетъ повѣрье,
что эти два «Холбб» соединяются между собою подземнымъ ходомъ. Разка-
зываютъ, что когда-то встарину около этого озера кочеваль страшно же-
стокій цзангї, который поручилъ проживавшему у него престарѣлому и
безногому ламѣ сторожить двухъ, связанныхъ вмѣстѣ по шеямъ сарлыковъ.
Днемъ старикъ этотъ, скрываясь отъ солнечнаго зноя, отползъ въ горы, на
довольно далекое разстояніе отъ озера, а сарлыки между тѣмъ забрались
въ Йэхэ-холбб и какимъ-то образомъ утонули въ немъ совершенно на гла-
захъ у караульщика. Ламъ сообщилъ цзангїну о случившемся и послѣдній
приказалъ вытащить трупы утонувшихъ животныхъ. Къ удивленію, всѣ
поиски остались напрасны: сарлыки какъ будто пропали, несмотря на то,
что все озерко было изслѣдовано баграми, а на берегу ясно были видны и
слѣды сарлыковъ. Тогда цзангї заподозрилъ, что сарлыки его совсѣмъ не
утонули, а выданы ламѣю какимъ-нибудь ворами, при чемъ послѣдніе для
сокрытія слѣдовъ не погнали этихъ сарлыковъ прямо по степи, а предва-
рительно заставили ихъ переплыть озеро. Ламү арестовали и посадили въ
пүн-цзу; измученный и истомленный онъ началъ молиться гэгэнү Чжэбцзүнъ
дамбъ-хутухты, поклявшись проползти въ Ургу, если быки найдутся. И что
же? На другой день трупы сарлыковъ всплыли на поверхность воды, но
уже не въ Йэхэ-холбб, а въ Багъ-холбб-нүрѣ. Съ тѣхъ поръ и стала из-
вѣстна монголамъ взаимная связь этихъ озеръ подъ землею. Отъ Тэрхїйнъ
багъ-холбб, поднявшись на высокій берегъ, мы въ 3 ч. 50 м. снова всту-
пили на ургинскую дорогу малаго почтоваго, цэпэнъ-хѣновскаго тракта,
по которой и продолжали путь до самой остановки на берегу Тэрхїйнъ-
нүра въ 6 ч. вечера. Воду мы брали изъ Тэрхїйнъ-нүра, — она со-
вершенно прѣсная и довольно прїятна на вкусъ. Само озеро было со-
вершенно свободно отъ льда, хотя по краямъ и образовались уже забе-
режники.

1-е Октября. Четвергъ.

Двинулись въ путь въ 6 ч. 30 м. утра и черезъ 20 м. достигли восточнаго берега Тэрхійнь-нүра въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ него выдѣляется кольцеобразный протокъ, текущій въ утесисто-каменистыхъ берегахъ и называемый Тэрхй-нүрийнь йэхэ-гѡль. Неширокая долина этого протока изобилуетъ мелкими горными падами и невысокими перевалами, происходящими оттого, что горы то подходятъ къ самой рѣкѣ и стоятъ надъ нею утесами, то удаляются отъ нея на нѣкоторое пространство; такимъ образомъ долина то расширяется, то суживается. Таковы пади: Бугуйнь-тологой (7 ч. 10 мин.); далѣе Аралыйнь-амà (7 ч. 20 мин.), находящаяся противъ того мѣста, гдѣ потокъ Тэрхійнь-нүра какъ бы раздѣляется на двое. Въ дѣйствительности онъ образуетъ здѣсь своимъ теченіемъ кольцо, среди котораго находится не большой, поросшій густою травою и мелкими кустарниками островъ. Еще далѣе слѣдуетъ падь Субургатуй-тологой (7 ч. 45 м.), находящаяся при концѣ острова, образуемаго Тэрхй-нүрийнь-гѡломъ. Отсюда мы постепенно поднимались на три пологихъ тянигуса, пока, наконецъ, спустившись съ послѣдняго изъ нихъ, не подошли въ 9 ч. 5 мин. къ берегамъ рѣчки Гичжигиныйнь-гѡль. Рѣчущка эта, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, получаетъ начало изъ горы Хилцахà двумя истоками, изъ коихъ одинъ, большій, называется Бүдуйнь-гичжигиныйнь-гѡль, а другою, меньшій—Наринъ-гичжигиныйнь-гѡль. Оба ручья протекаютъ отдѣльно верстѣ 15 и засимъ соединяются въ одинъ потокъ. У мѣста этого соединенія стоитъ монастырь сумуна Дуду-тайчжи. Гичжигиныйнь-гѡль впадаетъ въ Сумуну-гѡль и общее теченіе его незначительно, тѣмъ не менѣе рѣчущка эта доставляетъ не мало хлопотъ. Въ періодъ ея разливовъ сообщеніе здѣсь совершенно прекращается, такъ какъ въ бродъ переѣхать—глубоко, а лодка ходить не можетъ вслѣдствіе чрезвычайной каменистости русла. Намъ Гичжигиныйнь-гѡль также причинилъ не мало безпокойства. Надлежитъ замѣтить, что въ мѣстѣ нашей переправы онъ протекалъ тремя протоками, изъ которыхъ самая западная была не свыше 10 сажени ширины, средняя — около 12 саж., а восточная около 15 саж. Первая изъ протоковъ являлась очень не глубокою и въ настоящее время промерзла совершенно; мы прошли ее по льду, хотя ледъ этотъ потребовалось усыпать землею, чтобы верблюды не поскользнулись на немъ. Вторая и третья протоки имѣютъ глубины до одного аршина, при чемъ ледъ былъ на столько слабъ, что не могъ выдержать верблюда; потребовалось прорубать ледъ и образовать дорогу, чтобы животное могло перебраться черезъ рѣку вбродъ. Но когда стали рубить, оказалось, что ледъ на рѣкѣ былъ двойной. Пошла вторая рубка. Мы успѣли окончить эту переправу только въ 12 ч. 40 мин.

Монголы мои проваливались нѣсколько разъ въ рѣку и были мокры до пояса; но это было для нихъ ни по чемъ: босикомъ, по льду, они переводили и погоняли верблюдовъ, а потомъ одѣли свои мокрые войлочные чулки и салоги и двинулись въ дальнѣйшій путь, только теперь они пошли пѣшкомъ, что, конечно, уменьшало скорость нашего движенія. Долина, по которой мы теперь ѣхали, закирчалась какъ бы полукругомъ радуги горами Гичжигиньингъ-ўла, нижняя часть которыхъ состояла изъ порфира а верхушки изъ сіенита. Въ 2 ч. 5 мин. перевалили черезъ пологій и длинный перевалъ Гичжигиньингъ-дабѣ, съ вершины котораго намъ открылась вдали долина Чулутуйнъ-гѣла, съ окаймленною деревьями линією теченія этой рѣки. Впрочемъ, было очевидно, что пока мы доберемся до этой долины, намъ предстоитъ перевалить не менѣе, какъ пять или шесть отлогихъ горныхъ скатовъ. Такимъ образомъ послѣдующій путь нашъ представлялъ собою рядъ подъемовъ и спусковъ. Послѣдній изъ этихъ подъемовъ, болѣе высокой, носить у монголовъ названіе Биліюту-тологдѣ и увѣнчанъ обѣ. Съ Биліюту-тологдѣя мы спустились въ долину Чулуту, окаймляемую съ востока высокими и лѣсистыми горами Галцзѣнъ-буридѣ. Горы эти составляютъ границу кочевьевъ для хошунъ Далай-вана на западѣ и — Цэцэнъ-вана, иначе называемаго Сайтгъ-ваномъ, на востокѣ. Итакъ, далѣе мы должны были уже слѣдовать по землямъ Цэцэнъ-вана. Обогнувъ гору Галцзѣнъ-буридѣ, мы приблизились къ рѣкѣ Чулуту, на берегу коей и остановились для ночлега въ 5 ч. 15 м. Рѣка Чулуту, какъ говорили намъ проѣзжіе монголы, получаетъ свое начало не болѣе какъ на день, или полтора, ѣзды къ югу отъ мѣста нашей настоящей остановки, это значитъ верстахъ въ 50—60; общее направленіе теченія рѣки къ СВ. Ниже почтовой станціи Тѣл она соединяется съ значительною рѣкою Сумэйнъ-гѣломъ и впадаетъ въ Селенгу. Лично осматривая подававшійся нашему глазу клочекъ рѣки, мы нашли, что теченіе ея чрезвычайно извилисто и проходитъ въ громадныхъ щекахъ, имѣющихъ до 10 и болѣе саженой вышины. Щеки эти чрезвычайно круты и обрывисты; мѣстами изъ-подъ почвы выступаютъ громадные каменные валуны, и въ такомъ случаѣ щека стоитъ положительно отвѣсною стѣною. Лѣвый берегъ рѣки, повидимому, нѣсколько положе, на немъ меньше этихъ валуновъ и весь онъ усыпанъ мелкою галькой. Съ необычайною трудностью, то придерживаясь за кусты, то ползя на четверенькахъ, приходилось намъ спускаться къ рѣкѣ, чтобы достать себѣ хотя бы одинъ чайникъ воды, и можно сказать, что, стоя на берегу рѣки, мы были почти лишены здѣсь возможности сварить себѣ чай и пищу. Самое русло Чулутуйнъ-гѣла здѣсь не широко, не болѣе 5 саженой. Со дна нерѣдко торчатъ огромныя каменныя глыбы, и вообще дно рѣки, очевидно

крайне не ровно. Близъ мѣста своей остановки, опутивъ въ рѣку палку длиною въ сажень, мы не достали дна, хотя неподалеку торчавшіе изъ-подъ

Теченіе Чулутуйнъ-гбля въ уроч. Галцзанъ-буридѣ.

воды камни образовывали водовороты. Къ вечеру было очень холодно и мы едва могли согрѣться подъ своими шубами.

2-е Октября. Пятница.

Путру въ 7 ч. 25 м. сдѣлали фотографическій снимокъ съ теченія рѣки Чулутуйнъ-гбля и засимъ въ 7 ч. 40 м. двинулись въ дальнѣйшій путь, направляясь вверхъ по теченію рѣки. По мѣрѣ движенія, берега рѣки дѣлались все ниже и ниже, а черезъ часъ ѣзды она совершенно вышла изъ утесовъ: горы, сопутствовавшія ей берегамъ, разошлись въ стороны и далѣе Чулуту течетъ уже по долини. Въ 10 ч., оставивъ почтовый ургинскій трактъ, мы прибыли въ урочище Цаганъ-дэнчжй, гдѣ намъ надлежало переправиться вбродъ черезъ Чулутуйнъ-гбль. Мѣстные жители оказались здѣсь по происхожденію чахарами. Они объяснили мнѣ, что въ кошунѣ сайтъ-вана находится два сумуна чахаровъ. Еще во времена Юньчжэна за одного изъ цзасакдовъ этого кошуна была выдана гунчжу, т. е.

дочь богдохяна. Въ приданое за нею было дано 300 чахарскихъ семей, которые и составили два отдѣльныхъ сумуна. Кочевья имъ были назначены по рѣкѣ Чулуту и далѣе къ востоку вплоть до перевала Мандахай. Гора Тасъ раздѣляетъ кочевья этихъ сумуновъ такъ, что къ востоку отъ нея лежатъ кочевья цзунъ-цахаринъ-сумуна, а къ западу — барунъ-цахаринъ-сумуна. Каждый изъ сумуновъ имѣетъ свой монастырь, при чемъ въ Цзунъ-сумунѣ имѣется даже два дугуна, а въ Барунъ-сумунѣ — одинъ. Въ мѣстѣ нашей переправы Чулуту оказалась развернувшю свое русло на ширину не менѣе какъ въ 150 саженой, но течетъ она тремя протоками, каждый изъ которыхъ имѣетъ отъ 20—25 саж. ширины и отъ 8—12 вершковъ глубины. Отъ береговъ Чулуту мы направились къ востоку, въ падь Бильгяхъ-амъ; но, еще не доѣзжая до оной, въ 11 ч. 10 м. переѣхали черезъ ручей Ногбнъ-гѳль, вытекающій влѣво отъ дороги изъ небольшого озера Ногбнъ-нуръ и впадающій тутъ-же, на глазахъ, въ Чулутуйнъ-гѳль, такъ что всего теченія его будетъ едва ли болѣе 3-хъ верствъ. Отсюда мы поднялись на пологій перевалъ, по спускѣ съ котораго вѣѣхали въ длиннѣйшую падь, окаймляемую не высокими горами, съ чрезвычайно мягкими очертаніями и поросшую листовичнымъ лѣсомъ. Повсюду здѣсь богатая растительность, изобиліе травъ, но въ общемъ виды крайне однообразны. Падь имѣетъ нѣсколько изгибовъ, уклоняясь то къ востоку, то къ юго-востоку; съ каждымъ поворотомъ ожидаешь увидѣть что либо способное остановить вниманіе и каждый разъ — одно и то же разочарованіе. Такъ ѣхали мы до 2 ч. 30 м., пока ни поднялись на невысокій Дунгднъ-дабъ. Спускъ съ него приводитъ въ падь того же имени. По ней струится незначительный потокъ Дунгднъ-гѳль, на берегу коего, близъ горы Дунгднъ-добгоръ мы и остановились для ночлега въ 5 ч. вечера. На берегу этой рѣчущки мы повстрѣчали пять юртъ монголовъ хошѳна сайтъ-вана, а такъ какъ у насъ не было мяса, то обратились къ нимъ съ просьбою продать намъ барана. Монголы за двухлѣтняго барана спросили съ насъ 5 ланъ, т. е. 11 р. 50 коп. сер.; такой цѣны мы еще не встрѣчали въ Халхѣ во всю дорогу; происходитъ же она отъ того что не больше какъ мѣсяцъ тому назадъ здѣсь проѣхали китайцы банкирскаго дома Да-шанъ-куй и обобрали барановъ за долги хошѳна.

3-е Октября. Суббота.

Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 20 м. и продолжали путь тою же колесной и прекрасно наѣзженной дорогой сначала по долинѣ Дунгднъ, а потомъ по пади, именуемой Хурай-хануй и заимствующей свое названіе у небольшой рѣчущки, отъ которой осталось въ настоящее время лишь сухое русло. Падь эта приводитъ въ долину Хануй-гѳла, къ берегамъ котораго мы подѣхали

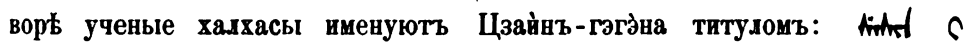
въ 8 ч. 45 м. Населеніе по обѣимъ сторонамъ рѣки весьма значительно, не менѣе 40 юртъ и между прочимъ здѣсь же нашли мы русскаго торговца Николая Алексѣева Зайцева, торговавшаго въ двухъ юртахъ; товаровъ у него, впрочемъ, теперь оставалось уже очень не много, а вымѣненное сырье было сложено на телги для отправленія его на Русь. Съ Зайцевымъ мы пробесѣдовали до 11 часовъ. Отправившись изъ его юртъ, мы въ 11 ч. 35 м. переѣхали р. Хануй; мѣсто брода должны были спрашивать у прибрежныхъ монголовъ, при чемъ тѣ же монголы сообщили намъ, что эта рѣка нѣкоторыми называется еще Хойту-тамйрйнгъ-гѡлъ, такъ что Хойту-тамйръ и Хануй суть одно и то же, только подъ разными названіями. Въ мѣстѣ нашей переправы Хануй имѣлъ до 5 саженой ширины и былъ не свѣше $\frac{1}{2}$ аршина глубиною, хотя въ другихъ мѣстахъ, говорятъ, онъ значительно глубокъ и даже труденъ для переправы. Въ долину Хануя мы повстрѣчали много сарлыковъ. Въ 12 ч. дня мы оставили эту долину уже позади себя и вступили въ неширокій логъ, направляющійся почти прямо на югъ. По этому логу мы шли ровно часъ, пока вправо отъ дороги не показалось намъ небольшое озерко, именуемое Ару-буриду. Отсюда дорога начинаетъ подниматься на отлогій перевалъ — Шаръ-булугйнгъ-даба, перевалъ, дѣлающійся нѣсколько круче лишь отъ горнаго мыса съ правой стороны дороги — Нарйнгъ-хошӯ (1 ч. 25 м.). На высшую точку этого перевала мы взобрались въ 2 ч. 30 м. Спустившись съ него, дорога тотчасъ же пересѣкаетъ ручей Шаръ-булукъ. Въ линіи дороги черезъ него можно съ удобствомъ перепрыгнуть, опираясь на палку; но ниже какъ самый ручей, такъ и долина его расширяется, при чемъ послѣдняя, кажется, дѣлается болотистою, ибо все пространство ея на ЮЗ было усѣяно болотными кочками. Въ 2 ч. 45 м. мы начали подниматься уже на новый тянигусъ — Хучжиртуйнгъ-эхй, т. е. вершина рѣчки Хучжирту. Дѣйствительно, съ самой вершины этого тянигуса, которой мы достигли въ 3 ч. 10 м., начинается ручей, извиающійся засимъ по пади, на пространствѣ верстъ 15-ти. Мы остановились на ночлегъ въ 6 ч. вечера въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ ручей выходитъ изъ своей пади въ долину Дундӯ-тамйрйнгъ-гѡла и засимъ впадаетъ въ эту рѣку. Верстахъ въ 15-ти на ЮЗ отсюда, вверхъ по теченію Дундӯ-тамйра, располагается тамагъ мѣстнаго хошӯннаго цзасака, сайтъ-вана; нынѣ она помѣщается въ войлочныхъ юртахъ, хотя встарину представляла собою едва ли ни самыя лучшія постройки во всей Халхѣ. Остатки этихъ построекъ, говорятъ, сохранились еще и доселѣ, поражая своею величиною и своимъ бывшимъ великолѣпіемъ не только монголовъ, но и китайцевъ. И это не удивительно. Исторически намъ извѣстно, что когда первый сайтъ-ванъ, ѳфу Цэрэнъ, поддался Китаю, то Канси, оставивъ его на жи-

тельство въ Пекинѣ, пожаловалъ ему одинъ изъ пекинскихъ дворцевъ. Послѣ сего, во 2-мъ году правленія Юнь-чжена (1724), эфу Цэрэнъ былъ сдѣланъ тусалакчй цзянь-цзюнемъ халхаскимъ и долженъ былъ возвратиться въ Халху. При новомъ нападеніи чжунгаровъ въ 1731 г. кочевья эфу Цэрэна были страшно разграблены и Юнь-чжэнъ сожалѣя своего «отличнаго богатыря», приказалъ построить для него ставку на южномъ берегу Тамира съ тѣмъ, чтобы дворецъ и всѣ каменные зданія этой ставки были воздвигнуты совершенно по образцу Цэрэнова дворца въ Пекинѣ. Съ 1741 по 1758 г. здѣсь находилась и резиденція великаго уясутайскаго цзянь-цзюня, а слѣдовательно сосредоточивалось управленіе всей Халхи. Въ настоящую пору все это давно уже погибло и монголы, кочевавшіе здѣсь, съ грустію сообщали намъ, что ихъ управленіе, по своей бѣдной обстановкѣ, стоитъ гораздо ниже другихъ управъ. Сайтъ-ваны давно не посѣщаютъ своего хошӯна и живутъ, вотъ уже нѣсколько поколѣній, въ Пекинѣ, постоянно состоя при особѣ богдохана, или же занимая важныя государственныя должности. Такое исключительное и отличное положеніе цзасакѡвъ льститъ, конечно, самолюбію ихъ податныхъ и въ разговорѣ они не преминутъ напомнить, что ихъ князь, по своей близости къ богдохану, не чета другимъ халхаскимъ правителямъ; но дѣло хошӯннаго управленія отъ этого не лучше; напротивъ, ни въ одномъ хошӯнѣ и никогда не бываетъ столько интригъ и дразгъ, сколько въ хошӯнѣ сайтъ-вана. За отсутствіемъ цзасакѡ здѣсь всегда управляютъ хошӯномъ исправляющіе должность цзасакѡ (тамагайги-хаміярухсанъ), и такія обязанности возлагаются обыкновенно на одного изъ четырехъ, причисляющихся къ этому хошӯну, сановитыхъ князей: одинъ изъ нихъ состоитъ въ званіи бэйсѡ, два въ званіи улусъ-түръ-тусалакчй гүн'овъ и одинъ въ званіи гайчжя 1-й ст. Каждый изъ нихъ всегда старается захватить власть въ свои руки и всѣ они истощаются въ интригахъ и тяжбахъ другъ противъ друга. Настоящій правитель Сондмъ-гүнъ, сынъ Чжикчжйтъ-гүна, имѣетъ нынѣ около 40 лѣтъ отъ роду; онъ овладѣлъ тамагю лѣтъ 5 тому назадъ, оклеветавъ въ Пекинѣ бывшаго до того времени правителемъ бэйсѡ. Теперь противъ этого гүна строятъ свои интриги другой гүнъ, посылая для вящшей убѣдительности по три и по четыре раза въ годъ подарки пекинскимъ чиновникамъ. Все это выжимается, конечно, съ народа. Мы долго толковали объ этомъ съ однимъ престарѣлымъ цзангнѡмъ, который заключилъ мнѣ свои разказы и свою рѣчь превосходнымъ изреченіемъ: «подлинно, войнѣ», сказалъ онъ; «түрүйнъ-убучйнъ — йргәни цзоболднъ», — болѣзнь правительства — мученье народа!»

4-е Октября. Воскресенье.

Утро было теплое и небо наполовину заволочено тучами; въ этихъ случаяхъ здѣсь всегда ожидаютъ снѣга, однако его не было и мы спокойно двинулись въ путь въ 6 ч. 30 м. утра. Дорога наша направлялась теперь внизъ по теченію Дундѹ-тамиръйиъ-гѡла, на невысокій увалъ, именуемый Тѣгійиъ-хутѹль. Мы взобрались на него въ 7 ч. 15 м. и нашли здѣсь раздѣленіе дорогъ: одна направлялась къ сѣверу-востоку, въ Ургу, другая — шла нѣсколько юго-восточнѣе, въ Цзайиъ-хурѣ. Двигаясь по послѣдней, мы съ Тѣгійиъ-хутѹль спустились въ долину Дундѹ-тамиръйиъ-гѡла и засимъ переѣхали въ бродъ на правый берегъ этой рѣки въ 8 ч. 15 м. Берега рѣки, особливо лѣвый, густо поросли кустами раkitника; русло, усѣянное мелкою галькой, имѣетъ ширины около 150 саж., но рѣка струится по нему тремя протоками, изъ коихъ только срединная достигаетъ ширины 40 саж., двѣ же другія не превосходятъ 5 сажень, при общей глубинѣ до 10 вершковъ. Отъ береговъ Таміра, пересѣкши долину этой рѣки, мы въ 9 ч. утра вступили въ падь Арпатѹ-амѡ. По ней струится источникъ того же имени, вытекающій изъ прилежащихъ падей съ восточной стороны горъ. Въ 10 ч. 15 м. почти при концѣ пади Арпатѹ мы увидали небольшой монастырь, за двумя отдѣльными оградами: за первой изъ нихъ находилось двѣ кумирни, а за второю — одна. Монастырь этотъ оказался принадлежащимъ Сондмъ-гѹну, нынѣшнему правителю хошѹна сайтъ-вѡна, о которомъ только вчера приходилось намъ слышать столько нелестныхъ разказовъ. Въ общемъ монастырскія постройки выглядятъ здѣсь довольно изящно, ибо всѣ зданія поновлены два — три года тому назадъ; но средства монастыря крайне незначительны и проживаетъ при немъ обыкновенно не свыше 10 ламъ, бываетъ даже и того менѣе, несмотря на всѣ строгости гѹна въ отношеніи къ ламамъ. Миновавъ монастырь, мы въ 10 ч. 50 м. начали подниматься на перевалъ Цаганъ-дабѡ. Перевалъ этотъ, индѣ весьма песчаный, въ то же время повсюду очень каменистъ и необыкновенно крутъ, почему долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ для подъема. Мѣстами каменные плиты вышиною отъ $\frac{3}{4}$ до 1 аршина лежатъ во всю ширину дорожной колеи въ видѣ отвѣснаго порога: никакое животное не въ силахъ преодолѣть такого препятствія для подъема телѣги и въ такихъ случаяхъ ее приходится встаскивать уже на рукахъ. Намъ пришлось поднимать свою телѣгу шесть разъ и, благодаря такимъ трудностямъ, мы взобрались на Цаганъ-дабѡ только въ 12 ч. 45 м. Спускаясь съ этого перевала, при чемъ дорога является уже ровнѣе и легче чѣмъ у подъема, мы увидали у себя подъ ногами монастырь Цзайиъ-гэгѡна, въ который и прибыли въ 1 ч. 40 м. пополудни.

Цзайнь-хүрб̄ и оя гэгэны.

Цзайнь-гэгэны принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ халхаскихъ хубилгановъ, которые въ исторіи своихъ перерожденій имѣютъ хоть одну, заслужившую міровое вниманіе личность. То былъ такъ называемый Цзай-пандита, родившійся въ чжунгарскомъ поколѣніи Торгоутовъ въ 1599 году, прекрасно изучившій буддизмъ въ Тибетѣ, пропедшій съ широковѣщательною проповѣдью его по Хүхү-нүру, Чжунгаріи и Сѣверной Халхѣ и, наконецъ, оставившій по себѣ, несомнѣнно, вѣчную память какъ изобрѣтатель чжунгарской, или калмыцкой письменности. Составивъ новый, такъ называемый «ясный» (тодорхдй) алфавитъ, онъ вслѣдъ за симъ положилъ основаніе и особой калмыцкой литературѣ, издавъ массу главнымъ образомъ переводныхъ съ тибетскаго и санскритскаго сочиненій. Эта, несомнѣнно, мировая личность дала свое имя и всѣмъ послѣдующимъ хубилганамъ Цзайнь-гэгэна, подобно тому какъ имя Даранаты неразлучно теперь съ именемъ халхаскаго Чжэбцзунь-дамба-хутухты. Въ обычныхъ перепискѣ и разговорѣ ученые халхасы именуютъ Цзайнь-гэгэна титуломъ: т. е. «Ликъ истолкователя вѣры, драгоценнаго Цзай-пандита-хутухты». Въ понятіяхъ необразованной черни, Цзайнь-гэгэнь стоитъ также въ числѣ трехъ главѣйшихъ хутухтъ Халхи, при чемъ она различаетъ ихъ по юртамъ и если вы спросите у халхаса, какіе самые высшіе изъ монгольскихъ хубилгановъ, онъ отвѣтитъ вамъ: «Цаганъ-гэрътү ханъ, Чжэбцзунь-дамба, Шаръ-гэрътү ханъ, Цзай пандита и Харъ-гэрътү ханъ, Ламайнь-гэгэнь», т. е. бѣлюртыый ханъ Чжэбцзунь-дамба, желтоуртыый ханъ Цзай-пандита и черноуртыый ханъ Ламайнь-гэгэнь. Три хутухты этихъ дѣйствительно покрываютъ свои кухни, гдѣ по преимуществу и ютятся чернь, войлоками означенныхъ цвѣтовъ: Чжэбцзунь-дамба—бѣлымъ, Цзай-пандита—желтымъ и Ламайнь-гэгэнь—чернымъ. Но замѣчательно, что монголы и халхасы, относясь съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ хубилганамъ какъ Чжэбцзунь-дамба-хутухты, такъ и Цзайнь-гэгэна, въ то же время совершенно ничего не знаютъ о личностяхъ собственно Даранаты и Цзай-пандиты: относительно Цзайнь-гэгэна имъ также точно извѣстны только хубилганы его, жившіе въ Халхѣ, да и то лишь ближайшіе къ нашему времени. Біографій Цзайнь-гэгэна халхасы не имѣютъ и говорятъ, что такія біографіи хранятся въ ямуняхъ; но, конечно, это не больше и не меньше какъ самые краткіе казенные формуляры. По словамъ мѣстныхъ ламъ, Цзайнь-гэгэнь проживаетъ нынѣ въ Халхѣ пятимъ своимъ перерожденіемъ. Первый хубил-

ганъ его, Лобсанъ-принлай, тибетецъ по происхожденію, въ Тибетъ же принялъ посвященіе и получилъ образованіе, а засимъ черезъ Пекинъ прибылъ въ Халху. По соображеніи лѣтописныхъ сказаній, мы можемъ съ достаточными основаніями предполагать, что этотъ Лобсанъ-принлай родился въ 1663 году. Калмыцкая біографія Цзай-пандиты разказываетъ намъ, что по смерти своего великаго ламы-литератора, чжунгары, привезя пепель его въ Хлассу, для совершенія надъ нимъ религиозныхъ обрядовъ, въ тоже время спрашивали Далай-ламу, гдѣ теперь возродится Цзай-пандита и на такой вопросъ Далай-лама отвѣчалъ имъ, что душа Цзай-пандиты находится уже въ утробѣ матери; а во второй половинѣ послѣдней осенней луны 1663 года Далай-лама отправилъ уже къ чжунгарамъ свою грамоту о томъ, что хубилганъ Цзай-пандиты, до времени своего совершенствія, долженъ остаться въ Тибетѣ ¹⁾. По лѣтописи Эрдэни-цзускаго монастыря, тушѣту ханъ, Чахунъ-дорчжй, въ 12 году правленія Канси (1673 г.) ѣздилъ въ Тибетъ и тамъ вмѣстѣ съ цзай-пандитою Лобсанъ-принлай'емъ слушалъ различные ваны и чжананы отъ Далай-ламы ²⁾. Страшныя смуты, возникшія засимъ въ Чжунгаріи, были несомнѣнною причиною, по которой Лобсанъ-принлай не могъ, по обѣщанію, явиться въ эту страну, чтобы принять главенство надъ тамошнимъ ламствомъ; замѣнь сего онъ переселился въ Халху почти немедленно послѣ подданства халхасовъ Китаю и умиротворенія халхаской жизни маньчжурами. Этому хубилгану приписываютъ основаніе настоящей хуръ Цзайнъ-гэгэна, существовавшей, впрочемъ, въ ту пору въ очень скромныхъ размѣрахъ. Второй хубилганъ, Лобсанъ-яндакъ, возродился младшимъ братомъ знаменитаго халхаскаго цзасакъ сѣинъ-нойновскаго аймака, эфу Цэрэна. Третій— Лобсанъ-чжигмэтъ возродился въ хошунѣ Да-цинъ-вана тушѣту хановскаго аймака. О четвертомъ хубилганѣ мнѣ сообщали, что онъ также назывался Лобсанъ-чжигмэтъ и происходилъ изъ хошүна Да-цинъ-вана сѣинъ-нойновскаго аймака. Тождество именъ третьяго и четвертаго хутухты вселяетъ нѣкое подозрѣніе къ справедливости этихъ показаній, особливо принимая во вниманіе, что показанія эти давались всегда съ запинкой и нерѣшительностью относительно достовѣрности. Сомнѣніе это должно быть отнесено однако къ личности третьяго, а не четвертаго хутухты, такъ какъ послѣдній доселѣ еще памятенъ многимъ здѣшнимъ монголамъ какъ живая и дѣйствующая личность. При немъ образовалось особое, гэгэновское отдѣленіе монастыря и хуръ Цзайнъ-гэгэна получила свои настоящіе

1) Цзай-пандитайнъ намтаръ Л. 71—78.

2) Эрдэни-цзугыйнъ тзүхэ Л. 19.

размѣры, начавъ съ этой поры раздѣляться на двѣ части: старую, иначе называемую верхнею частью (Дѣдү-хүрѣ) и новую, или нижнюю (Доду-хүрѣ). Пятый и настоящій хубилганъ Цзайнъ-гэгэна называется Лобсанъ-намчжаль; онъ возродился въ хошунѣ Ганчжуръ-гүна сайнъ-нойновскаго аймака и имѣетъ теперь около 27 лѣтъ отъ роду. Какъ и всѣ другіе современные халхаскіе хубилганы, онъ доселѣ не сдѣлалъ ровно ничего замѣчательнаго и не подаетъ для сего никакихъ надеждъ въ будущемъ; тѣмъ не менѣе онъ уже заявилъ себя своимъ честолюбіемъ и множествомъ курьезныхъ исторій, случившихся съ нимъ въ Пекинѣ при домогательствѣ его честолюбивыхъ замысловъ. Курьезы эти такъ характеристичны для выясненія отношеній пекинскаго правительства къ халхасамъ, что ихъ нельзя не отмѣтить.

Еще въ 1883 г., вскорѣ по достиженіи совершеннолѣтія, Цзайнъ-гэгэнъ началъ хлопотать о томъ, чтобы быть вызваннымъ на очередную службу при дворцѣ богдохана. Хлопоты эти, конечно, требовали подарковъ какъ дѣлавшимъ представленіе улясутайскимъ амбанямъ, такъ и утверждавшимъ это представленіе членамъ Ли-фанъ-юаня; но тѣмъ не менѣе гэгэнъ добился своего и въ 1885 г. состоялся его первый вызовъ въ Пекинъ. Трудно сказать, по кознямъ ли Ли-фанъ-юаньскихъ чиновниковъ, или по простой ошибкѣ, но случилось то, что въ сообщеніи улясутайскихъ правителей Лубсанъ-намчжаль названъ былъ не «Цзайнъ-хубилганомъ», а обычнымъ въ народѣ именемъ «Цзайнъ-гэгэна». Въ Ли-фанъ-юанѣ тотчасъ же придрались къ этой опискѣ и когда хутухта прибылъ въ Пекинъ, ему объявили, что допустить его нельзя: выходитъ-де какое-то недоразумѣніе, — является совсѣмъ другое лицо; словомъ, бѣдному гэгэну пришлось не только разочароваться, но и быть напуганнымъ, такъ какъ его чуть ни обвиняли въ самозванствѣ. О включеніи въ списокъ очередныхъ ламъ, имѣющихъ отправлять служеніе во дворцѣ, нечего было и думать, — лишь бы выбраться изъ Пекина, по возможности, скорѣе и безъ особыхъ убытковъ. Однако и этого не удалось: чиновники Ли-фанъ-юаня объявили, что такъ или иначе дѣло о личности гэгэна должно быть разъяснено; нуженъ-де особый докладъ богдохану, который, можетъ быть, пожелаетъ его видѣть; докладъ этотъ между тѣмъ оказалось невозможнымъ сдѣлать прежде возвращенія богдохана изъ поѣздки на императорскія кладбища; словомъ, хутухтѣ приходилось жить въ Пекинѣ мѣсяца три, четыре. При такихъ обстоятельствахъ Цзайнъ-гэгэну взялись помогать пекинскіе ламы, которые, взявъ съ него 8000 ланъ серебра, т. е. 16000 серебряныхъ рублей, выхлопотали ему разрѣшеніе возвратиться, конечно, безъ всякаго представленія и даже доклада богдохану. Сказанная неудача не охладила однако рвенія Цзайнъ-гэгэна и, возвратившись домой, да понакопивъ деньжонокъ, онъ снова началъ хлопо-

татъ о поѣздкѣ въ Пекинъ на очередь. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось получить отъ богдохана тѣ отличія, которыя имѣлъ у себя его предшествовавшій хубилганъ и таковыми были право сидѣть на соболемъ оубокѣ и ѣздить въ желтой телѣгѣ. Достигнуть новаго вызова Лобсанъ-намчжалу удалось въ 1889 г., при чемъ онъ не только попалъ въ очередь, но и получилъ желаемыя отличія, хотя это стоило ему всѣхъ привезенныхъ съ собою 30000 ланъ серебра, и еще новаго долга китайской лавкѣ, извѣстной подъ монгольскимъ именемъ Байнъ-чжиргалъ, въ 20000 ланъ серебра съ обычно взимаемыми годовыми %, по $3\frac{1}{3}$ цина съ каждаго лана. Другими словами, Цзайнъ-гэгэнъ принималъ на себя и на свое вѣдомство долгъ въ 20000 ланъ и ежегодные проценты по оному въ 6600 ланъ. Возвратившись изъ этой поѣздки, гэгэнъ построилъ для себя особый дворець въ отдѣльной части монастыря, называемой Доду-хурѣ. Дворецъ этотъ, равно какъ и ограду къ оному, онъ воздвигъ по всѣмъ правиламъ китайской архитектуры и это стоило ему также до 10,000 ланъ серебра. Такимъ образомъ можно сказать, что настоящій Цзайнъ-гэгэнъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ постоянно разорялъ своихъ шабинаровъ и, какъ пришлось мнѣ узнать далѣе, повергъ ихъ въ неоплатные долги. Старѣйшіе ламы монастыря, присвоивающіе себѣ право обсуждать дѣйствія гэгэна, говорятъ поэтому такъ: «прежніе хубилганы нашего хутухты стремились къ Буддѣ и мнили переселить Тибетъ на халхаскую почву, а теперь они стали благоговѣть передъ китайцами и въ монастырѣ ихъ живутъ и распоряжаются китайцы».

Дѣйствительно какъ при первомъ общемъ взглядѣ на старую и вмѣстѣ главную часть монастыря Цзайнъ-гэгэна, такъ и при болѣе подробномъ ознакомленіи съ нею, сразу бросается въ глаза стремленіе основателя этого монастыря, Лобсанъ-принлай, пересадить на халхаскую почву Тибетъ. Монастырь располагается по склону и у подножія горы Булугунъ-ула и со всѣхъ сторонъ окруженъ ручьями, стекающими съ прилежащихъ горъ. Мѣстные ламы говорили мнѣ, что расположеніе хурѣнскихъ кумирень весьма напоминаетъ здѣсь собою Будалу и Хлассу. Для вѣщаго сходства Лобсанъ-принлай якобы переименовалъ здѣшніе ручьи въ рѣчки и далъ названіе ручью, протекающему на сѣверѣ — Муруй-гѣла, наподобіе того какъ на сѣверной окраинѣ Тибета течетъ также рѣка Муруй; съ тою же цѣлью ручей, протекающій на западѣ, назвалъ Хундүләнъ-булукомъ и т. д. Не переименованною осталась одна только рѣка Уриду-тамиръ, впрочемъ, находясь отъ монастыря въ разстояніи не меньше трехъ верстъ, она имѣетъ къ нему весьма малое отношеніе, такъ какъ монастырскіе ламы берутъ потребную для себя воду изъ ближайшихъ ручьевъ.

Какъ было уже замѣчено, хурънь Цзайнъ-гэгэна раздѣляется теперь на двѣ отдѣльныя части, Дѣду-хуръ и Дѣду-хуръ, находящіяся одна отъ

Общій видъ Дѣду-хуръ Цзайнъ-гэгэна.

другой на разстояніи около пяти верстъ; тѣмъ не менѣе, въ представленіи здѣшнихъ ламъ, обѣ эти части составляютъ собою единую обитель, раздѣляющуюся на 8 монастырскихъ аймаковъ, изъ которыхъ шесть имѣютъ свои сѹмѣ и отправляютъ свои хуралы въ Дѣду-хуръ, а два — въ Дѣду-хуръ. Въ обычное время въ хуръни Цзайнъ-гэгэна проживаетъ около 1000 ламъ, въ дни же великихъ и годовыхъ хураловъ ихъ собирается здѣсь до 4000 и болѣе человѣкъ.

Внѣшній видъ хуръня Цзайнъ-гэгэна чрезвычайно оригиналенъ сравнительно съ другими монастырями Халхи. Архитектура всѣхъ главнѣйшихъ кумирень его строго тибетскаго стиля и, построенныя въ два и три этажа, онѣ во многомъ напоминаютъ собою, особливо издали, ровныя постройки европейскихъ двухъ-этажныхъ зданій. Старѣйшими по постройкѣ считаются: кумирня, именуемая Нгакбѣ-дацацъ, за нею слѣдуетъ Гушйкъ-дацацъ и наконецъ третья — Гунрикъ-дацацъ. Первые двѣ изъ этихъ кумирень прямо тибетскаго стиля, а въ послѣдней стиль уже смѣшанный, тибетско-китайскій. Разказываютъ, что Гушйкъ-дацацъ былъ любимомъ кумирней второго хубилгана, который построилъ въ ней много бурхановъ, изображающихъ фигуры особливо распространителей буддизма въ Халхѣ. Будучи первымъ хубилганомъ Цзайнъ-гэгэна, возродившимся въ Халхѣ, онъ

заботился о привнесении въ хурънь именно халхаскихъ особенностей; такъ, надъ дверями каждой кумирни онъ подвѣлалъ будто бы надписи на монгольскомъ языкѣ, хотя теперь такая надпись сохранилась только въ Гушійкѣ: она гласитъ, что кумирня эта есть *ᠠᠮᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ*, т. е. «обитель пользы и спокойствія, мѣръ таинственныхъ изреченій». На ряду съ этими тремя старѣйшими дацанами построены два новыхъ въ честь и для служенія докшита Дэмчѳка; хотя геніемъ-покровителемъ хуръня почитается Хлама. Главною кумирнею хуръня, является, конечно, Цокчѳнъ, обнесенный особою оградою и отличающийся своею величиною, но построенный изъ дерева и не представляющій въ своей архитектурѣ ничего особеннаго. По лѣвую сторону цокчѳна располагается Сандуй-сумэ, опять-таки тибетской архитектуры, а по правую — Лабранъ, или дворецъ самого хутухты, нынѣ давно уже пустующій. Лабранъ, какъ и цокчѳнъ, обнесенъ деревянною оградой. За стѣнами его помимо помѣщенія для живого хутухты, находится еще зданіе, въ которомъ хранятся шариль трехъ умершихъ хутухтъ. Зданіе это представляетъ собою ту особенность, что выведенное въ одну ровную стѣну внизу, оно покрыто кровлею, имѣющею форму трехъ прилежащихъ другъ къ другу куполовъ, почему, находясь за стѣною ограды, легко подумать, что здѣсь имѣется три отдѣльныхъ, рядомъ стоящихъ кумирни. По правую сторону Лабрана находится еще одна большая тибетская кумирня, именуемая Чжарай-сумэ. Всѣхъ кумирень въ Дэдү-хуръ Цзайнъ-гэгэна считается до 26, но помимо вышеисчисленныхъ всѣ остальные являются уже бѣдненькими и незначительными зданіями, которыя едва и возможно отличить отъ обычныхъ построекъ ламскихъ жилищъ. Однако и то, что отмѣчено, достаточно для образованія весьма значительной обители. Должно замѣтить еще, что въ 1887 году большая часть хуръньскихъ дугуновъ была поновлена и теперь они ярко блистаютъ на солнцѣ своими позолоченными принадлежностями и украшеніями; вообще хуръ Цзайнъ-гэгэна кажется очень чистенькою и опрятною. Совнѣ по четыремъ угламъ ея разставлены чжалцаны и коробки для мани. Въ сѣверной части монастыря, какъ бы нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ другихъ дугуновъ, находится здѣсь еще такъ называемый Булугунъ-сумэ, посвященный дракону горы Булугунъ, на склонѣ которой расположенъ хуръ. Служенія въ немъ отправляются, впрочемъ, только два или три раза въ годъ, въ дни чествованія обѣ, поклоненія огню и др. Наконецъ, совершенно отдѣльно отъ монастыря, при подошвѣ горы Булугунъ, построенъ здѣсь еще такъ называемый дугунъ Сайтъ-вана, или Цэпѳнъ-вана. Ламъ при немъ не живетъ, но имѣется тахильчи, который ежедневно приноситъ жертву и читаетъ чжиса въ этой кумирнѣ. Построена она въ память второго хубил-

гана Цзайнъ-гэгэна, который, какъ уже было замѣчено, происходилъ изъ рода пэцнъ-вановъ.

Изъ мѣстностей, находящихся внѣ монастырской ограды, замѣчательны здѣсь, во-первыхъ, самая гора Булугунъ, чествуемая монастырскими ламами. Почти у самой вершины ея, на высотѣ приблизительно 35—40 саженой, камни расчищены, стесаны въ ровную поверхность и обдѣланы въ особую форму буддйскихъ медальоновъ. Засимъ на приготовленныхъ такимъ образомъ плоскостяхъ начерчены и разрисованы красками громаднѣйшіе пзуруки, или священныя изображенія. Самое большое и вмѣстѣ срединное изъ такихъ изображеній представляетъ собою Цзонхаву, а по бокамъ, нѣсколько ниже его, въ двухъ меньшихъ медальонахъ изображены два главные ученика Цзонхавы — Лобсанъ-чжамцѣ и Хайдубъ-чжамцѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ находятся: по правую сторону медальонъ съ богинею Цаганъ-дара-эхэ, изображение же бурхана въ такомъ же медальонѣ по лѣвую сторону смылось дождями и теперь нѣтъ уже рѣшительно никакой возможности опредѣлить, что именно было тамъ нарисовано. Ниже всѣхъ этихъ бурхановъ, находится медальонъ съ изображеніемъ бурханъ-бакши, или будды Сакъямүни, также подвергшійся значительной порчѣ и потому съ трудомъ разбираемый въ настоящее время. Вторымъ достойнымъ замѣчанія пунктомъ является гора Хана-ўла, прилежащая хуръню съ сѣверо-западной стороны его. Здѣсь находится обширное кладбище мѣстныхъ монголовъ, которые, по благочестію, почитаютъ за особенное счастье сложить свои бранные останки вблизи обители гэгэна. Для европейца однако какъ-то странно примѣнить сюда слово кладбище, ибо никакого кладбища здѣсь, въ нашемъ понятіи этого слова, нѣтъ. Умершаго монгола завертываютъ въ его старенькую баранью шубу, обвязываютъ веревками и бросаютъ къ подножію горы. Здѣсь, черезъ какіе-либо полчаса трупъ дѣлается достояніемъ собакъ и хищныхъ птицъ, а на другой день можно видѣть развѣ однѣ его бѣлыя кости! Этими костями завалено все подножіе горы и, кажется, рѣдко можно встрѣтить въ Монголіи болѣе нечистое мѣсто, чѣмъ это: человѣческіе черепа, кости, челюсти, зубы, клочки отъ шубъ, въ которыхъ были завернуты покойники, все это валяется здѣсь и производитъ отвратительное зрѣлище. Проѣзжая по этому пространству, кажется, ѣдешь долиною смерти.

Содержаніе монастыря, какъ и самага гэгэна, обезпечивается главнымъ образомъ податями принадлежащихъ гэгэну шабинаровъ. Всѣхъ ихъ у Цзайнъ-гэгэна считается до 1000 юртъ и слѣдовательно до 5000 человекъ. Въ административномъ отношеніи они приписаны къ различнымъ монастырскимъ дацанамъ, или аймакамъ, а какъ въ хуръни Цзайнъ-гэгэна

считается собственно 8 аймаковъ, то и шабинары его раздѣляются на 8 частей, или отдоковъ. Отдоками управляютъ дарги и цзайсаны, высшее же управленіе шабинаровъ сосредоточивается въ ямунѣ, или, попросту, въ «тамагѣ» Цзайнь-гэгэна, предсѣдателемъ коей, а потому и верховнымъ правителемъ шабинаровъ, является шанцзотба. Ямунь шабинаровъ Цзайнь-гэгэна помѣщается въ Дѣду-хурѣ. Замѣчательно, что въ шабинскомъ вѣдомствѣ Цзайнь-гэгэна вошло уже въ обычай, чтобы шанцзотба не присутствовалъ въ ямунѣ, оттого для исполненія обязанностей предсѣдателя здѣсь всегда имѣется одинъ цзайсанъ, носящій титулъ: «шанцзотбайнь тамагайги хаміярухсанъ цзайсанъ». Что касается шанцзотбы, то его почти не возможно застать въ монастырѣ, онъ или проживаетъ дома, въ степи, или находится въ разѣздахъ. Помимо предсѣдательствующаго и хранящаго печать цзайсана, въ ямунѣ постоянно присутствуетъ еще два чиновника: одинъ цзайсанъ, играющій роль дѣлопроизводителя и хранителя архива, и одинъ дарга, по очереди вызываемый изъ того или другого отдока.

Основнымъ занятіемъ шабинаровъ Цзайнь-гэгэна, помимо, конечно, скотоводства, является извозчикій промыселъ: на своихъ верблюдахъ они перевозятъ товары изъ Урги въ Улясутай и Кяхту, а засимъ изъ обопхъ послѣднихъ пунктовъ перевозятъ грузы на югъ, въ Хухү-хотѣ и Калгань, и обратно. Многіе изъ нихъ ходятъ прямо въ Хухү-хотѣ и Калгань для подъема тамошнихъ грузовъ на сѣверъ, везя съ собою въ передній путь на продажу или собственныя произведенія монгольской степи, или же накупленную китайцами въ Монголіи шерсть. Земледѣіемъ цзайнь-гэгэновцы не занимаются и муку получаютъ или съ Селенги, или изъ Хухү-хотѣ. Надлежитъ замѣтить, что въ послѣдніе годы дѣятельность ихъ даже по части извоза стала значительно уменьшаться, ибо число верблюдовъ у нихъ сильно сократилось, въ силу продажи животныхъ за долги вѣдомства Цзайнь-гэгэна. Я уже замѣчалъ выше, что шабинары эти страшно обременены поборами, засимъ при мнѣ лично совершилось то обстоятельство, въ силу котораго цзайнь-гэгэновцы дѣлаются уже почти несостоятельными для уплаты по своимъ долгамъ однихъ процентовъ. Дѣло въ томъ, что въ періодъ моего проживанія въ хурѣ, сюда явились также китайцы изъ Пекина, съ требованіемъ долговъ съ цзайнь-гэгэновскаго вѣдомства. Читатели знаютъ уже, что Цзайнь-гэгэнь, въ бытность свою въ Пекинѣ въ 1889 г., задолжалъ пекинскому купцу Байнь-чжиргалу 20000 ланъ серебра, по коимъ долженъ былъ уплачивать % около 6600 ланъ ежегодно. Въ теченіе трехъ лѣтъ эти % составили собою новый капиталъ въ 20 тыс. ланъ. Согласно узаконеніямъ, практикующимся въ китайской имперіи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ монголамъ, ростовщикамъ дозволяется взимать эти громадные

проценты; но тотъ же законъ охраняетъ и должника особымъ постановленіемъ, по которому, коль скоро сумма % уравнивается съ суммою выданнаго въ долгъ капитала, теченіе % на этотъ капиталъ уже останавливается и залмодавцу предоставляется право получить съ должника только эту двойную сумму выданныхъ ему въ долгъ денегъ. Такъ какъ сдѣланное въ 1889 г. долговое обязательство Цзайнь-гэгэна къ Байнь-чжиргалу въ настоящемъ году вошло именно въ эту стадію удвоенія и прекращенія теченія по оному процентовъ, то китайцы явились теперь въ казначейство Цзайнь-гэгэна съ требованіемъ уплаты долга полностью, т. е. образовавшихся вмѣстѣ съ % уже 40000 ланъ серебра, или 80000 серебряныхъ рублей. Казначейство, никогда не имѣвшее у себя такой суммы денегъ, естественно, отвѣчало отказомъ, китайцы же требовали или немедленной уплаты долга, или заключенія новаго долговаго обязательства въ суммѣ 40000 ланъ, съ каковыхъ должно течь ежегодныхъ % около 13,200 ланъ, при чемъ % эти должны быть безусловно доставляемы Цзайнь-шабинскимъ вѣдомствомъ прямо въ Пекинъ. Лишенное возможности произвести уплату, казначейство должно было согласиться на эти тяжкія условія и долговое обязательство было при нѣ же переписано. Не трудно предугадать, что цзайнь-гэгэновцы стали теперь уже неоплатными и вѣчными должниками Байнь-чжиргала и едва ли будутъ въ состояніи уплачивать ему даже %, не говоря уже о погашеніи капитальнаго долга. Раскладка этихъ % должна потребовать отъ каждой юрты взноса, въ видѣ новаго податнаго налога, приблизительно 13 ланъ серебра, или 26 серебряныхъ рублей въ годъ, а многіе ли окажутся состоятельны для уплаты даже этого единаго побора, не говоря о другихъ, общая сумма коихъ далеко превышаетъ сказанное число? Цзайнь-гэгэновцы состоятъ въ давнихъ и точно такимъ же образомъ возникшихъ долговыхъ обязательствахъ къ очень многимъ китайцамъ. Всѣ эти залмодавцы давнымъ давно уже на однихъ процентахъ получили суммы, въ десять разъ превышающія выданное ими въ долгъ, и тѣмъ не менѣе всѣ они считаютъ цзайнь-гэгэновцевъ своими должниками, продолжая высасывать у нихъ послѣдніе соки въ видѣ сбора своихъ процентовъ. Сборъ этотъ производится рѣшительно цѣлый годъ. При хуръни Цзайнь-гэгэна имѣется нынѣ до 30 китайскихъ лавокъ, главнѣйшее занятіе коихъ состоитъ, впрочемъ, не въ торговлѣ, а именно въ сборѣ этихъ долговъ и процентовъ: отдѣльные повѣренныя ихъ постоянно переѣзжаютъ изъ отѣка въ отѣкъ и собираютъ скотъ, который засимъ выпасываютъ на тѣхъ же земляхъ Цзайнь-гэгэна бесплатно, а далѣе гонятъ или въ Пекинъ, или въ Хүхү-хотѣ на продажу. Большинство торгующихъ здѣсь китайцевъ — изъ Пекина, хүхү-хотѣскихъ имѣется только одна лавка и ургинскихъ — восемь. Лавокъ именитыхъ, въ которыхъ дѣйствительно

можно найти всякій товаръ на монгольскую руку, не болѣе шести; къ намъ присоединяется теперь еще седьмая лавка вышеупомянутаго Байнъ-чжиргала.

5-е Октября. Понедѣльникъ.

Утромъ съ 8-ми и до часа дня занимались фотографированіемъ, сдѣлавъ и общій видъ хурѣня, и снимки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частей и храмовъ. Въ промежуткахъ я заходилъ въ гости къ нѣкоторымъ изъ хурѣнскихъ ламъ, посѣтилъ тамагү Цзайнъ-гэгэна, двухъ сидящихъ въ ней чиновниковъ и наконецъ мѣстную тюрьму. Возвратившись домой, мы пообедали и въ 3 ч. 40 м. дня двинулись перекочевывать ко второй части монастыря, или въ такъ называемую Дбду-хурѣ, къ которой подъѣхали въ 5 ч. вечера. Дбду-хурѣ отъ перваго монастыря отдѣляется только однимъ длиннымъ и пологимъ уваломъ и разстояніе между ними не болѣе 5 верстъ. Дорога на всемъ этомъ пространствѣ представляетъ прекрасный колесный путь и для Монголіи можетъ быть названа очень оживленною. Встарину эти мѣста были, повидимому, излюбленнымъ урочищемъ для сожженія вышнихъ ламъ хурѣня Цзайнъ-гэгэна; благодаря этому, по всей дорогѣ разбросано здѣсь много субургановъ, изъ числа коихъ 4 обращаютъ на себя особенное вниманіе по своей величинѣ. На половинѣ пути, влѣво отъ дороги, у такъ называемаго «святаго ключа» встрѣчается небольшая кумирня тибетской архитектуры. Самый монастырь Дбду-хурѣ построенъ на невысокомъ

Общій видъ Дбду-хурѣ Цзайнъ-гэгэна.

холмѣ; онъ очень небольшой и заключаетъ въ себѣ не болѣе пяти сумѣ, которые, впрочемъ, всѣ отличаются новизною и изяществомъ своей постройки.

Дворецъ гэгэна располагаетсяъ въ самой срединѣ монастыря, занимая своими пристройками еще и всю восточную часть его. Впереди монастыря, или что то же передъ дворцомъ гэгэна, находится обширный плацъ, огороженный деревянной оградой. Отъ него въ ограду гэгэновскаго дворца и главной кумирни ведутъ трехцпъяньныя ворота. Самый дворецъ гэгэна представляетъ собою совершенный китайскій байшинъ и обстановка у него чисто китайская. Видѣть настоящаго хубилгана Цзай-пандиты, мнѣ не пришлось: онъ уѣхалъ на охоту и пробудеть, говорятъ, въ отлучкѣ дня четыре или пять. Такіе выѣзды, по словамъ мѣстныхъ ламъ, совершаетъ онъ очень часто и вообще ведетъ совершенно свѣтскую жизнь.

6-е Октября. Вторникъ.

Путру сдѣлавъ фотографическій снимокъ общаго вида хуръня, мы оставили эту обитель Цзайнъ-гэгэна и двинулись въ дальнѣйшій путь къ Эрдэни-цзѹ, внизъ по долинѣ Уриду Тамырѣнъ-гѳл'а. Долина эта гораздо шире Дундѹ Тамырской и несравненно каменистѣе ея, а потому менѣе удобна для ѣзды¹⁾. Почти у самой Дѳду-хуръ происходитъ раздѣленіе дороги: одна, болѣе торная, увлоняется къ СВ. и ведетъ въ Ургѹ, другая, по которой продолжали мы свой путь, идетъ въ направленіи къ ЮВ; по ней въ 10 ч. 15 м. мы подъѣхали къ самымъ берегамъ Уриду-Тамира у горы Дѹрбальчжинъ, стоящей на правомъ берегу рѣки. Прибрежная полоса по мѣрѣ приближенія къ руслу дѣлается здѣсь все болѣе и болѣе болотистой и кочковатой, а вмѣстѣ съ симъ увеличиваются заросли тополя, тальника и лиственницы, такъ что, слѣдуя вдоль береговъ Тамира, приходится ѣхать какъ бы густою рощей. Въ 10 ч. 45 м. мы подъѣхали къ броду и переправились черезъ рѣку, которая имѣетъ здѣсь до 10 саж. ширины и до 1¼ аршина глубиною. Проводники мои, не зная хорошо здѣшной мѣстности, искали этого брода довольно долго, и замѣчательно, — броды въ Тамирѣ, говорятъ, обусловливаются не столько глубиною рѣки, сколько каменистостью ея русла: большая часть дна завалена такими громадными валунами, что по нимъ немислимо проѣхать не только въ телѣгѣ, а даже и верхомъ на лошади, тѣмъ больше, что всѣ эти препятствія цѣликомъ скрываются подъ водою. Отъ мѣста переправы мы продолжали свой путь по правому берегу рѣки, опять-таки послѣдуя теченію оной. Въ 11 ч.

1) Почитаемъ необходимымъ отмѣтить здѣсь, что на нашихъ картахъ обычно показывается только два Тамира: Хѳйту (сѣверный) тамиръ и Урту (правильно: Уриду=Урдѹ,— южный) тамиръ; но монголы иначе и не считаютъ у себя какъ три Тамира. Хѳйту (сѣверный) тамиръ это — рѣка Хануѣ; та рѣка, которая подписывается у насъ Хѳйту тамиромъ, иначе никогда не зовется монголами какъ Дундѹ-тамиръ (т. е. средній тамиръ) и засимъ третій — Уриду (Урдѹ) тамиръ, или южный Тамиръ, будетъ та рѣка, на которой стоитъ курънь Цзайнъ-гэгэна.

45 м. отъ сѣвернаго подножія примыкающей къ Дурбэльчжинъ-ўлѣ горы Табунъ-модò рѣка Уридү-Тамиръ круто повернула на сѣверъ, мы же продолжали свой путь въ ЮВ направленіи и черезъ 15 мин. достигли новаго раздѣленія дороги: одна половина ея направилась на югъ, къ мѣсту сейма сайнъ-нойновскаго аймака, на Цэцэрликъ-гѡлѣ, а другая потянулась на ВЮВ, къ Эрдэни-цзү. Слѣдуя по этой послѣдней, мы въ 12 ч. 35 м. доѣхали до высокаго и увѣнчаннаго обномъ холма Алтанъ-хадасу и у южной подошвы его переѣхали вбродъ довольно значительную рѣку Цэцэрлигійнъ-гѡлѣ, текущую здѣсь тремя протоками, при общей ширинѣ русла до 25 саж. Отъ праваго берега Цэцэрлигійнъ-гѡлѣ, усѣяннаго саженой на 100 болотными кочками, дорога начинается полого подниматься къ невысокому увалу Дэдү-ногбйнъ-хүтүль, за которымъ въ 12 ч. дня передъ нами открылась небольшая солонцеватая лощина того же имени Дэдү-ногб, ограничиваемая съ В и ЮВ незначительными пригорками Ногбйнъ-дѡрбѡльчжй. Лощина эта оставила намъ самое тяжелое впечатлѣніе, доказавъ, какъ легко происходятъ здѣсь степные пожары. Проѣзжая по ней, мой возница совершенно невинно вытрясъ свою маленькую монгольскую трубочку, а черезъ 5 минутъ послѣ сего мы увидели позади себя уже громадные клубы пущеннаго нами такимъ образомъ пала, который, будучи раздуваемъ довольно сильнымъ вѣтромъ, началъ все больше и больше распространяться въ направленіи къ ЮЗ. Лощина Дэдү-ногб закончилась для насъ невысокимъ хүтүлемъ, съ вершины котораго въ 2 ч. 40 м. мы вступили въ долину Арү-нүра. Посреди ея было видно протянувшееся на далекое пространство озеро. Полувысыхающее обыкновенно въ лѣтнюю пору, оно являлось теперь въ видѣ семи незначительныхъ бассейновъ, протянувшихся ровною линіею отъ сѣвера къ югу. Самый сѣверный изъ этихъ бассейновъ былъ однако и теперь болѣе версты въ окружности, въ общемъ же озеро это протягивается, вѣроятно, не менѣе какъ версты на три въ длину. Долиною Арү-нүра мы ѣхали до 5 ч. вечера, когда поднялись на невысокій переваль Цѡхбнай-дабā и засимъ спустились съ него въ долину ручья Цѡхбнай-гѡлѣ, на берегу коего и остановились для ночлега въ 5 ч. 40 м. вечера.

Здѣсь, неподалеку отъ мѣста нашей стоянки, я увидаль двѣ юрты монголовъ, повидимому, средняго достатка, и направился къ нимъ поговорить о мѣстномъ житьи-бытьи. Оказалось, что обѣ юрты составляли айль тайчжйя Гѡмбо-дорчжй, добродушнаго старика лѣтъ 60, который проживаль здѣсь, занимаясь исключительно скотоводствомъ, вмѣстѣ съ своими приемными племянниками. Старикъ былъ бездѣтенъ и имѣлъ въ собственномъ семействѣ только жену, приблизительно однихъ съ нимъ лѣтъ и, кажется, еще болѣе его добродушную и милую старушку. Самъ тайчжйя Гѡмбо не

могъ разказать мнѣ многого о мѣстномъ краѣ. Во всю свою жизнь онъ никогда не ѣздилъ далѣе съ одной стороны Цзайнъ-хурѣ, а съ другой — Эрдэни-цзү и этимъ узенькимъ горизонтомъ ограничивались всѣ его знанія. Интересы этой четы сосредоточивались исключительно на своихъ юртахъ и животныхъ, которыхъ они любили со всею нѣжностью простодушнаго сердца; теперь старикъ, какъ и жена его уже приняли обѣты убаші и къ вышепомянутымъ мирскимъ заботамъ у нихъ присоединилась еще забота о спасеніи души: каждый мацакъ старикъ ѣздилъ въ Цзайнъ-хурѣ для молитвъ и поклоненій. Въ бесѣдѣ радушный хозяинъ повѣдалъ мнѣ свое единое и страшное горе, доставляемое ему сосѣднею юртою приемныхъ племянниковъ. Дѣло въ томъ, что старшій братъ его, тайчжи Дамдінъ, будучи также бездѣтенъ, лѣтъ 25 тому назадъ взялъ къ себѣ на воспитаніе, ради спокойя своей старости, незаконнорожденнаго сына нѣкоей монгольской дѣвушки (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠯᠠᠳᠤ), Митүкъ, изъ сумуна цзангйна Цэрэнъ-дондй'я. Ребенка звали Гомбо-чжабомъ. Тайчжи Дамдінъ усыновилъ его и, по официальнымъ спискамъ, приписалъ его къ своему дому (ᠭᠣᠮᠪᠣ ᠴᠢᠵᠠᠪᠣᠮᠤ). Это значило, что, въ случаѣ нужды и возможности, онъ имѣлъ право ходатайствовать о передачѣ этому ребенку всего своего имущества; не будеть этой возможности, — Гомбо-чжабъ, получивъ долю изъ имущества своего воспитателя, оставался бы въ числѣ его «хамчжилгà». Уже лѣтъ съ 15-ти Гомбо-чжабъ началъ обнаруживать дурныя наклонности: никакой заботы о хозяйствѣ, никакой помощи семьѣ, мало того, онъ озорничалъ съ сосѣдями и каждый проѣздъ черезъ кочевье торгующихъ китайцевъ вызывалъ непременно пропажу вещей въ домѣ Дамдіна, — эти вещи кралъ Гомбо-чжабъ и продавалъ китайцамъ за лакомства и водку. Опечаленный тайчжи, видя, что изъ приемыша его не будетъ ничего добраго, взялъ къ себѣ на воспитаніе другого ребенка, Цэрэнъ-чжаба, и вскорѣ засимъ умеръ. Хозяинъ мой, наслѣдовавъ послѣ своего брата, Дамдіна, его званіе тайчжи и принадлежавшихъ ему хамчжилгà, почиталъ, согласно народнымъ воззрѣніямъ, своимъ долгомъ заботиться о приемышахъ Дамдіна, заступилъ теперь для нихъ мѣсто ихъ приемнаго отца, продолжалъ воспитывать ихъ и наконецъ женилъ Гомбо-чжаба, построивъ для него особую юрту, между тѣмъ какъ собственная юрта Дамдіна должна была перейти по наслѣдству къ Цэрэнъ-чжабу, какъ младшему приемному сыну. Со времени этой женитьбы Гомбо-чжаба приемный братъ его Цэрэнъ-чжабъ перешелъ на жительство въ юрту Гомбо-чжаба, что же касается средствъ для жизни, то оба молодые человека получали ихъ отъ оставшихся стадъ дамдиновыхъ, которыхъ нельзя было раздѣлить за малолѣтствомъ Цэрэнъ-чжаба и верховнымъ распорядителемъ которыхъ оставался мой хозяинъ, какъ прием-

ный дядя и старшій въ родѣ. Женитьба мало измѣнила Гѣмбо-чжаба: пришедши въ возрастъ, онъ началъ только еще больше озорничать и еще смѣлѣе растрачивать имущество. Со времени прошлой зимы онъ продалъ тайкомъ двухъ коровъ, лошадь и двѣнадцать барановъ, а деньги эти прокутилъ. Теперь мой хозяинъ Гѣмбо-дорчжѣ рѣшился уже на послѣднюю крайность. Онъ намѣревался отправиться къ цзасаку и просить его удалить отъ нихъ Гѣмбо-чжаба. «Я старъ», говорилъ онъ, «каждый мацакъ нужно ѣздить въ хурѣ, да и силы нѣтъ за всѣмъ присматривать. Цэрѣнъ-чжабъ и добрый мальчикъ, да молодъ: ему только 12 лѣтъ. Гѣмбо-чжабъ все у насъ продастъ и пропѣетъ. Пусть выключать его изъ нашихъ родовыхъ хамчжигъ и припишутъ снова въ сумунъ, изъ котораго онъ былъ взятъ отъ своей матери. Разрѣшить это цзасаку, я отдамъ Гѣмбо-чжабу юрту, въ которой онъ живетъ и часть его наслѣдства: лошадей и коровъ по 7 головъ, да 15 овецъ. Цэрѣнъ-чжабъ не останется бѣденъ, былъ бы только хорошъ! Помимо доли изъ дамдинова имущества я и свое все отдамъ ему: мнѣ также дѣвать его некуда». Такъ говорили мнѣ старики и оба плакали, пораженные печалью о недостойномъ Гѣмбо-чжабѣ. Конечно, я ничѣмъ не могъ утѣшить ихъ горя.

7-е Октября. Среда.

Поутру туманъ и земля покрыта такимъ сильнымъ инеемъ, что, казалось, выпалъ снѣгъ. Двинулись въ путь въ 6 ч. 45 м. и тотчасъ по переѣздѣ черезъ Цѣхѣнай-гѣль поднялись на увалъ, гдѣ увидали громадную тюкюэскую могилу. Это была высокая каменная насыпь, окруженная четырехугольною оградою вкопанныхъ, или вросшихъ въ землю камней; каждая сторона этой ограды имѣла у себя около 46 саж. длины. Спустившись съ увала въ 7 ч. 35 м., мы вступили въ долину, юго-западный уголъ которой занимало небольшое озерко. Долина эта, какъ и находящееся на ней озерко, называется Хурумтѣ. Почва ея мѣстами солонцеватая, но густо поросшая травами и въ общемъ представляетъ собою прекраснѣйшя пастбища. Долиною Хурумтѣ мы ѣхали до 8 ч. 55 м., пока не взобрались на пологую возвышенность, именуемую Олѣйнъ-дабан'омъ. Нѣсколько западнѣ нашей дороги, Олѣйнъ-дабанъ, очевидно, круто вздымаетъ свои вершины, поросшя густымъ, по преимуществу кедровымъ лѣсомъ. По словамъ монголовъ, онъ почти непроходимъ въ этихъ мѣстахъ, да и никто не бываетъ тамъ помимо охотниковъ, проложившихъ по нему свои тропы въ погоняхъ за кабанями, лосями и росомахами. За этимъ переваломъ для насъ снова послѣдовала такая же солонцеватая долина съ подъемомъ и переваломъ, именуемымъ Халцзанъ-даба. Черезъ него мы перевалили въ 9 ч. 30 м. и засимъ вступили въ котловину Байнъ-уланъ съ небольшимъ озер-

комъ, неимѣющимъ для себя даже отдѣльнаго названія. Самая котловина эта получила свое имя отъ стоящей посреди ея горы, до которой мы доѣхали въ 10 ч. 45 м. Здѣсь располагается сумунный ѳртѣ Тушѣту-хана, принадлежащій почтовому тракту, соединяющему Ургу съ Улясутаємъ. Что касается горы Байнъ-уланъ, то она замѣчательна лишь какъ пограничный пунктъ для земель Цзайнъ-гэгэна и хошўна бэйсэ сайнъ-нойновскаго аймака. Хошўнъ этотъ очень небольшой и не заключаетъ въ себѣ даже одного сумуна, а состоитъ не болѣе какъ изъ 100 дымовъ, или юртъ. Самъ бэйсэ человекъ еще молодой: ему едва минуло 20 лѣтъ, хотя онъ числится правителемъ хошўна уже около 10 лѣтъ. Переваливъ по боковинѣ Байнъ-улана, мы въ 11 ч. 20 м. миновали узенькую падь Куйсў-гѣла, за которою послѣдовала новая, длинная и узкая лощина, соединяющая Куйсў-гѣл'скую падь съ долиною Цаганъ-сумэйнъ-гѣла. Мы выѣхали на эту послѣднюю въ 1 ч. 5 м. дня и тотчасъ же повертели къ востоку, чтобы слѣдовать внизъ по теченію Цаганъ-сумэйнъ-гѣла. Истоки этой довольно значительной рѣки, называемой нѣкоторыми Джирмантай, говорятъ, находятся верстахъ въ 50 отсюда по направленію къ ЗСЗ, гдѣ она составляется изъ множества горныхъ ключей. Главнѣйшее теченіе ея проходитъ по хошўнамъ Ма-цзасака и бэйсэ сайнъ-нойновскаго аймака, хотя впадаетъ она въ Орхонъ уже въ аймакѣ и хошўнѣ Тушѣту-хана. Въ вершинахъ Цаганъ-сумэйнъ-гѣла находятся горячіе сѣрные ключи, къ которымъ стекаются большыя для купанья, такъ какъ ключи эти цѣлебныя. Въ 1 ч. 45 м. мы переѣхали Цаганъ-сумэйнъ-гѣль и продолжали путь по правому берегу его въ направленіи опять-таки къ востоку. Нѣсколько далѣе долина Цаганъ-сумэйнъ-гѣла сразу расширяется: горы, стоящія по лѣвому берегу рѣки, отходятъ далеко на сѣверъ и тамъ вдали, у подножія ихъ, мы въ 2 ч. 20 м. усмотрѣли небольшую хуръ хошўна бэйсэ. Почти на ряду съ этими горами уклоняется къ сѣверу и Цаганъ-сумэйнъ-гѣль, дорога же продолжаетъ тянуться на востокъ, постепенно принимая все болѣе и болѣе юго-восточное направленіе. Въ 3 ч. 20 м. мы переѣхали рѣчку Харъ-хучжиртуйнъ-гѣль, отъ которой горы, прежде только уклонившіяся на сѣверъ, исчезаютъ вовсе и долина Цаганъ-сумэйнъ-гѣла расширяется къ сѣверу верстъ на 40. Продолжая по ней свой путь въ направленіи къ ЮВ, мы, въ 4 ч. 50 м., достигли рѣки Байнъ-гѣль, на которой стоитъ ѳртѣ того же имени, принадлежащее тушѣту-хановскому ургинско-улясутайскому почтовому тракту. Далѣе, въ 5 ч. 40 м. мы прибыли на берега Арцатў-гѣла, рѣчки не свѣше 2 $\frac{1}{2}$ сажени шириною, гдѣ и остановились для ночлега. Добывая себѣ воду изъ Арцатў-гѣла, мы должны были пробивать на ней ледъ, ока-

во главенствѣ и опредѣлить истинность этого главенства по народнымъ понятіямъ довольно трудно: каждый тянетъ въ свою сторону и представляетъ свои доказательства на первенство. Въ дѣйствительности, Ургѣ въ настоящее время и многолюднѣе и привлекаетъ къ себѣ большее число поклонниковъ, потому что находящійся въ ней кумиръ дѣятельнѣе, могущественнѣе и живѣе вліяетъ на воображеніе народа, чѣмъ Эрдэни-цзѹ'скіе истуканы; но за Эрдэни-цзѹ все-таки и донинѣ остается преимущество по количеству собранныхъ въ его кумирняхъ предметовъ буддійской святыни и, конечно, останется навсегда главенство надъ Ургѣю по древности происхожденія. Все, что существуетъ въ Ургѣ, тѣсно связано только съ воспоминаніями о личности различныхъ хубилгановъ Чжэбцзунъ-дамбахутухты, Эрдэни-цзѹ не ограничивается однимъ этимъ. Монастырь этотъ пережилъ также много бурныхъ сценъ, порожденныхъ возстаніями и смутами народа, какъ и торжественныхъ церемоній, въ которыхъ тотъ же народъ ликовалъ, наслаждаясь миромъ нравственно и физически. Бурханы Эрдэни-цзѹ были неуклонными свидѣтелями многихъ, поистинѣ важнѣйшихъ историческихъ событій Халхи; отъ того здѣсь почти всякій столбъ и холмикъ, всякая кумирня и всякій бурханъ напоминаютъ о какомъ-нибудь лицѣ, имѣютъ за собою разказъ о какомъ-нибудь событіи, близкомъ душѣ каждаго халхаса. Вотъ почему простое воспоминаніе объ Эрдэни-цзѹ поднимаетъ въ душѣ каждаго монгола чувство любви къ родинѣ, порождаетъ у него цѣлый рядъ благоговѣйныхъ воспоминаній о старинѣ и, наконецъ, заставляетъ его въ трепетномъ восторгѣ преклонять колѣна передъ этой святыней.

Объ основаніи Эрдэни-цзѹ, въ приобрѣтенной мною лѣтописи этого монастыря, разказывается, что оно совершилось спустя восемь лѣтъ послѣ знаменитаго путешествія Абатѣй сѣйнъ хан'а на югъ Монголіи, въ Хухѹхотѣ, для свиданія съ Далѣй-ламѣю (1577 г.), отъ котораго онъ впервые получилъ наставленія въ буддійской вѣрѣ. Точнѣе, обстоятельства эти передаются въ слѣдующихъ словахъ: «Засимъ, по возвращеніи (изъ Хухѹхотѣ) Абатѣй ханъ, на 32-мъ году отъ рожденія, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Сѣйнъ-нойномъ, въ годъ «женщины, дерева и курицы», называемый «покровителемъ земли» (1585 г.), послали посла къ Алтанъ-хану и призвали ламу, по имени Гуми-нансѹ, принадлежавшаго къ сектѣ Сакъя. Подъ руководствомъ его, въ 2546 году отъ рожденія всеуказующаго будды, царя сакъя'скаго, въ 464 году отъ рожденія Чингисъ-хана, дарованнаго небомъ, въ 229 году отъ рожденія владыки ученія, богдѣ Цзонхавы, и въ 13 годъ правленія китайскаго императора Ванъ-ли, Абатѣй ханъ на берегу р. Орхона, у подножія южной стороны Хангаля, въ

своёмъ кочевьи, въ верхнемъ этажѣ одного маленькаго бэйшина, въ городѣ, въ которомъ онъ самъ (Абатѣй) жилъ, собственноручно сдѣлалъ изображение лица Далай-ламы, а вслѣдъ за симъ въ томъ же году огня, мужщины и собаки, называемомъ «безконечнымъ» (1586 г.), 15-го числа средней лѣтней луны, именуемой «исполненною разнообразіа», воздвигъ матрицу кумирни и потомъ построилъ сполна храмъ трехъ Цзү, вмѣстѣ съ кумирами. Въ лѣтописи «Эрдэнийнъ-эрихэ» мѣсто построения монастыря опредѣляется еще болѣе точно; она говоритъ, что Абатѣй воздвигъ Эрдэний-цзүскую кумирню въ томъ городѣ, въ которомъ прежде жилъ Угэдэй-хѣнъ и который впослѣдствіи былъ поновленъ Тогднъ-томуромъ; находился онъ на сѣверной сторонѣ горъ Шарга-ачжирга, иначе называемыхъ Шанхайтү-үла и въ древности именовался Тахай. Главнѣйшими изъ поставленныхъ Абатѣемъ въ новооснованномъ монастырѣ предметовъ поклонения были: Будда трехъ (различныхъ) періодовъ(его жизни); Вацжра-дара, Падма-самбава, Бань-чэнь Гунгэ-чжалпанъ, Гарма-лама, Восемь бодисатвъ (འཇགས་པ་ཅུ་བཅུ་གཉིས་), Хояръ-дэгѣдү, 16 лдхановъ (ལྷ་མགས་ལྔ་ལྔ་གཞི་གཉིས་), высочайшихъ предметовъ чествованія, Четверорукий Хлама и 4 Махарачжа (མཚན་མོ་ལྔ་ལྔ་). Кроме того было основано множество другихъ кумировъ, во главѣ которыхъ 1000 буддъ благихъ временъ». Малое освященіе кумирни было совершенно тѣмъ же сакьяскимъ ламою Гуми-нансү и отсюда намъ дѣлается понятнымъ, что Халха первоначально приняла буддизмъ по сектѣ Сакья. Что касается великаго освященія, то оно имѣло свое мѣсто только въ 1587 году, т. е. уже на третій годъ послѣ сооруженія перваго кумира; и такой сравнительно долгій срокъ между началомъ сооруженій и ихъ освященіемъ произошелъ не отъ какого либо замедленія въ постройкѣ кумирни, такъ какъ изъ другихъ сказаній мы узнаемъ, что Цзү'ское сүмэ было окончено постройкою въ одно лѣто, а вслѣдствіе того, что Абатѣй, желая болѣе пышности и славы для своего монастыря, опредѣлилъ пригласить для освященія его Далай-ламу. Преданіе разказываетъ, что когда Абатѣй объявилъ о такомъ своемъ опредѣленіи, то надъ кумирнею ясно для всѣхъ показался ликъ Сакья-пандиты Лодой-чжалцана, который благословлялъ Абатѣй хана за его благоговѣніе предъ Далай ламою и во всеуслышаніе общалъ ему тоже молитвенное покровительство, которое этотъ лама оказывалъ въ древности Хубилай-цэцэнъ хану. Мы думаемъ однако, что такое толкованіе нынѣшними ламами этого видѣнія — позднѣйшее и едва ли заслуживаетъ довѣрія. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что мало понимавшій въ буддизмѣ Абатѣй «ради большаго великолѣпія» хотѣлъ пригласить Далай ламу; но обосновавшіе Эрдэний-цзү сакьяскіе ламы, несомнѣнно, понимали, что Далай-лама принадлежитъ къ враждебной имъ

секты Гэ-луг-ба и, вѣроятно, воспротивились сказанному опредѣленію Абатѣй хѣна, что и произвело замедленіе въ освященіи кумирни. Конечно, желаніе хѣна было исполнено: снаряжено было новое посольство въ Тибетъ, имѣвшее цѣлью пригласить Далай-ламу въ Халху для освященія Цзү; но Далай-лама якобы отказался отъ этого путешествія и послалъ вмѣсто себя сакьяскаго ламу Лодой-чжамбд, которымъ и совершено было освященіе кумирни. Это сказаніе, по нашему, свидѣтельствуется только о томъ, что сакьясцы одержали верхъ надъ сектою Гэ-луг-ба. Въ самомъ дѣлѣ, Далай-лама въ ту пору былъ не болѣе какъ представителемъ своихъ гэ-луг-ба'сцевъ, конечно, преслѣдовавшимъ ихъ интересы, но не имѣвшимъ никакого права входить въ распоряженіе личнымъ составомъ другихъ сектъ, а въ томъ числѣ и сакьяской; верховнымъ владыкою и свѣтскимъ правителемъ Тибета онъ въ ту пору еще не былъ объявленъ; какое же право имѣлъ онъ откомандировывать сакьяскихъ ламъ? Въ настоящее время ламы вѣрятъ и съ полнымъ убѣжденіемъ разказываютъ, что хотя освященіе и совершалось видимо для народа ламою Лодой-чжамбд, однако Далай-лама въ то же самое время самъ благословлялъ Эрдэни-цзү'ское святилище; какъ видимый знакъ этого благословенія, небо пролило дождь цвѣтовъ на кумирню и кумировъ, когда совершался здѣсь первый хуралъ. Въ золотой бумбд передъ статуей большого Цзү донинѣ хранится нѣсколько засохшихъ незабудокъ и какихъ-то желтенькихъ цвѣточковъ, о которыхъ ламы говорятъ, что это именно тѣ самые цвѣты, которые упали съ неба при освященіи кумирни большого Цзү.

Такъ основаны были первые храмы Эрдэни-цзү на собственные средства Абатѣй хѣна. Примѣръ его былъ не бездѣйствененъ для подданныхъ, изъ которыхъ одни принялись строить кумирни, можетъ быть, также по благоговѣнію, другіе, вѣроятно, желали построеніемъ кумирень увѣковѣчить свою славу, а третьи — просто хотѣли сдѣлать угодное и доказать свою любовь къ хѣну, искренно привязавшемуся къ новой вѣрѣ и основанному имъ монастырю. Такимъ образомъ, въ самый годъ освященія Цзү одинъ изъ чиновниковъ Абатѣй-хѣна, по имени Хунчжа Санчжинъ, выстроилъ нѣсколько сүмэ и субургановъ; а по совершенномъ окончаніи абатаевской кумирни Цзү, мастеровые, строившіе эту кумирню, уже отъ себя воздвигли два небольшихъ сүмэ, за что и были щедро награждены Абатѣемъ. Кумирни эти называются нынѣ «Гэгэнэй сүмэ», т. е. кумирнями Гэгэна.

Построенный главнымъ образомъ на средства Абатѣя, Эрдэни-цзү'скій монастырь началъ считаться родовымъ монастыремъ түшѣтү-хѣновъ, получалъ отъ нихъ средства къ существованію и ими по преимуществу поддерживался. Неоспоримо, что въ первое пятидесятилѣтіе

своего существованія Эрдэни-цзү занималъ первое мѣсто среди халхаскихъ монастырей какъ по своему великолѣпію, такъ и по хранившимся въ немъ святынямъ; но за всѣмъ тѣмъ изъ лѣтописи монастыря не видно, чтобы народъ обращалъ на него особенное вниманіе, дѣлалъ въ него вклады, или воздвигалъ въ немъ кумирни. По смерти Абатя, только сынъ его Эрихэй-мэргэнъ ханъ соорудилъ въ Эрдэни-цзү два сүмэ и два субургана. Объясненіе этого обстоятельства весьма просто: какъ и теперь, ламы въ первое время появленія буддизма въ Халхѣ заботились главнѣйше о количествѣ своихъ кумирень, а не о качествѣ и совершенствѣ ихъ. Вотъ почему съ первыхъ же лѣтъ введенія буддизма мы постоянно встрѣчаемъ имена новыхъ монастырей въ Халхѣ и вовсе не видимъ указаній на какія-либо пріобрѣтенія и улучшенія въ старыхъ вообще, а въ Эрдэни-цзү въ частности; самое большее, о чемъ заботились ламы послѣ устройства какого-нибудь монастыря, это — передать его въ хорошія руки, или какимъ-либо инымъ образомъ упрочить его существованіе. Ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ основанія Эрдэни-цзү въ Халхѣ родился первый хубилганъ Чжэбцзүнъ-дамба-хутухты. Онъ былъ сыномъ түшѣту хана Гомбод-дорчжй и, казалось, гдѣ бы всего приличнѣе жить ему какъ ни въ родовомъ монастырѣ түшѣту хановъ, славномъ своими святынями Эрдэни-цзү; однако, мы видимъ, что пятилѣтній Лобсанъ-ванбод-чжалцанъ возводится на каедру въ монастырѣ Ширѣту цаганъ-нүрскомъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы дать лишнія средства къ существованію этому монастырю, тогда какъ Эрдэни-цзү былъ уже обезпеченъ по своему положенію. За всѣмъ тѣмъ рожденіе великаго халхаскаго ламы въ колѣнѣ түшѣту хановъ прошло далеко не безслѣдно для ихъ монастыря. Будучи ребенкомъ и юношею, Лобсанъ-ванбод-чжалцанъ, или Үндуръ-гэгэнъ, какъ называютъ его обыкновенно халхасы, часто посѣщалъ своихъ родителей и свой родовой монастырь, проводилъ здѣсь значительное время, совершая торжественные хуралы и упражняясь въ наукахъ. Такое положеніе сразу измѣнилось только послѣ того, какъ молодой гэгэнъ съѣздилъ въ Тибетъ, сдѣлался поклонникомъ не сакьяскаго Баньчэня, а Далай ламы, былъ объявленъ въ 1653 г. хубилганомъ Даранаты и возвратился въ Халху, сопровождаемый гэ-луг-баскими ламами. Подъ 1654 годомъ въ лѣтописи Эрдэни-цзү записано, что халхаскіе нойны приносили здѣсь 19-лѣтнему хутухтѣ «батү-орошилъ»; къ этому добавляется далѣе, что новоприбывшіе гэ-луг-баскіе ламы убѣждали гэгэна не жить въ Эрдэни-цзү, почему халхаскіе князья въ тоже время порѣшили построить для своего хутухты особую кумирню, сохраняющую и до настоящаго времени свое первоначальное имя: гэгэнэй-бутѣльинъ сүмэ. Официальною цѣлю построенія этой кумирни было устроить особое мѣсто для религіозныхъ

упражненій и созерцаній гэгэна, и, сообразно этой цѣли, постройки были воздвигнуты за стѣнами монастыря и стояли одиноко у горы Шибѣтү. Послѣ сего хубилганы Чжэбцзунь-дамба-хутухты, приѣзжая въ Эрдэни-цзү, постоянно останавливались въ этой кумирнѣ и проживали здѣсь время своего пребыванія на родинѣ. Смертью второго гэгэна прекратились, какъ извѣстно, перерожденія хутухты не только въ родствѣ Тушѣтү хановъ, но и въ Монголіи вообще; послѣдующіе хубилганы, привозимые изъ Тибета, уже не видѣли въ Эрдэни-цзү ничего родного, а потому и почти не посѣщали его. Такимъ образомъ Гэгэнэй-бутэлыинъ сумэ естественно долженъ былъ придти въ упадокъ тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ не въ стѣнахъ Эрдэни-цзү и даже не считался принадлежащимъ Тушѣтү хану. Сообразивъ все сіе, эрдэни-цзүскіе ламы въ 1783 году поновили эту кумирню и поднесли ее Сайнь-нойну; съ тѣхъ поръ всѣ заботы о «гэгэнэй-бутэлыинъ сумэ» легли на Сайнь-нойна: онъ его опрашиваетъ, содержитъ здѣсь своихъ ламъ для совершенія хураловъ и даетъ все необходимое какъ для содержанія этихъ ламъ, такъ и для жертвъ, приносимыхъ кумирамъ, до настоящаго времени. Но если таково было отношеніе къ Эрдэни-цзү хутухты, привозимыхъ изъ Тибета, то первые, собственно халхаскіе хубилганы относились къ своему родовому монастырю весьма благоклонно: они постепенно старались превратить его изъ сакьяской обители въ гэ-луг-баскую и взаменъ воздаваемыхъ имъ здѣсь почестей приносили сюда и вводили здѣсь все, что было заимствуемо ими изъ Тибета. Въ 1658 году халхаскіе нойны снова приносили въ Эрдэни-цзү «батү-оройль» гэгэну, а гэгэнъ впервые совершилъ здѣсь заимствованную имъ изъ Хлассы церемонію «круговращенія Майдари». Кромѣ сего изъ числа монастырскихъ постановленій, относящихся по своему учрежденію къ этому времени, замѣчательны: а) избраніе докшита Гомбо-гүру въ сакү-суны или покровители монастыря; б) принесеніе ему жертвъ и служеніе Гургүла было постановлено теперь ежедневною очередною обязанностью ламъ. Вскорѣ послѣ сего, по случаю сказанной Ёндүръ гэгэномъ загадочной рѣчи, разъясненной впоследствии уже четвертымъ хубилганомъ Чжэбцзунь-дамба хутухты, постановлено было приносить въ Эрдэни-цзү ежедневно 1000 балыновъ «Шалсай» и молоко отъ 100 бѣлыхъ коровъ. Обычай этотъ хранится въ Эрдэни-цзү и до настоящаго времени. Тогда же второй ширѣтү Эрдэни-цзүскаго монастыря Лобомба-санцзай-даши построилъ кумирню Шигэмүния и Майдари и воздвигъ два субургана, а чиновникъ тушѣтү-хана, Гомбо-дарханъ, построилъ кумирню Ринсүмь-гомбо и поднесъ ее гэгэну.

Въ 12-е лѣто правленія Канси (1674 г.) отправился въ Тибетъ на

поклоненіе къ пятому хубилгану Далай ламы тушѣтү ханъ Чахунъ-дорчжі и, возвратившись въ слѣдующемъ 1675 году, построилъ въ Эрдэни-цзү кумирни въ честь Далай-ламы и Цамбѣ.

Въ то же время гэгэнъ и ханъ, уже за стѣнами Эрдэни-цзү, неподалеку отъ онаго къ СВ, построили субурганъ, въ которомъ помѣстили они останки своей матери, ханьши Ханду-чжамцѣ.

Въ 1682 году халхаскіе нойны снова приносили въ Эрдэни-цзү «батү орошйль» Ёндуръ гэгэну, а послѣдній по этому случаю хотѣлъ построить здѣсь особую кумирню и даже приготовилъ для нея фундаментъ, но, по неизвѣстной причинѣ, постройка кумирни въ то время не состоялась, а начавшіяся вслѣдъ засимъ волненія въ Халхѣ и послѣдовавшая вскорѣ за ними смерть Ёндуръ гэгэна отклонили эту постройку и совершенно. Фундаментъ этотъ стоялъ долгое время не оконченнымъ и, какъ увидимъ ниже, ему пришлось быть не вѣстникомъ минувшей мирной и благочестивой жизни монголовъ, а напротивъ — памятникомъ о смутахъ и неурядицахъ, возникавшихъ какъ въ стѣнахъ монастыря, такъ и въ его окрестностяхъ.

Въ періодъ борьбы съ ойратами, когда халхасы, тѣснимые войсками Галдана, бѣжали въ юго-восточную Монголію и тамъ должны были принять подданство Китаю, Эрдэни-цзүскій монастырь до самаго усмиренія блѣтскихъ возстаній и возвращенія халхасовъ въ свои родныя кочевья (1689—1701 г.) оставался не только безъ всякой защиты, но и почти безъ обитателей. Въ Халхѣ въ ту пору, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, оставалось только самое бѣдное населеніе, которому нечего было спасать и которое потому самому не видѣло необходимости спасаться. Враждебныя войска три раза подходили въ эту пору къ Эрдэни-цзү, но за всѣмъ тѣмъ они не принесли ему никакого вреда и монастырь нисколько не пострадалъ, хотя помянутый срокъ не можетъ не считаться для монгольскихъ построекъ довольно продолжительнымъ. Это обстоятельство донинѣ почитается монголами за чудо и Эрдэни-цзүскіе ламы не преминутъ упомянуть о немъ всякій разъ, когда начнутъ разказывать исторію своего монастыря. Единственныя серьезныя поврежденія, какъ говорятъ, были въ то время только въ оградѣ, но и они якобы произошли не столько отъ враговъ и времени, сколько отъ своего же оставшагося здѣсь населенія, которое пользовалось деревомъ отъ стѣнъ на топливо. Возвратившись въ Халху, гэгэнъ немедленно приказалъ очистить и освятить кумирни, что и было исполнено эрдэни-дорчжемъ въ 1702 году. Поправка стѣнъ послѣ Галданова нашествія начата была въ Эрдэни-цзү въ 1706 году, а вмѣстѣ съ симъ возобновлены были и кумирни Цзү. Постройками завѣдывалъ гэлунъ Лобсанъ-даньцзінъ, освященіе же ихъ было совершено эрдэни-дорчжі'емъ. Лобсанъ-даньцзінъ, отличившійся

въ этихъ постройкахъ, впоследствии былъ избранъ въ настоятели монастыря и посему случаю построилъ двѣ кумирни, изъ которыхъ одну посвятилъ бурхану Абидѣ, а другую назначилъ для общаго служенія ламъ.

Послѣ подчиненія халхасовъ Китаю, когда они раздѣлены были на отдѣльные, независимые другъ отъ друга хошұны, тұшѣтұ-хановцы подѣлили между собою Эрдэни-цзұ. Гэгэнъ и тұшѣтұ ханъ, какъ старшіе, приняли на свой счетъ отправленіе молебствій и жертвоприношеній въ основной, главной кумирнѣ Цзұ; бэйлэ Шиддйшири — въ восточной кумирнѣ, а цзасакъ Баранъ — въ западной; чествованіе Гѣмбо-гұру было раздѣлено на очереди. Помимо сего гэгэнъ принялъ на свой счетъ чествованія бурхановъ и совершеніе хураловъ при кумирнѣ Хоншймъ бодисатвы и западномъ субурганѣ, ханъ — при восточномъ субурганѣ, а бэйлэ — кумирни Майдари; наконецъ гэгэнъ, ханъ, бэйлэ и цзасакъ воздвигли каждый по одному «Абуракъ-дарцакъ», т. е. четыре громадныхъ слѣги, доннынѣ стоя-

Современный видъ на главныя кумирни и дарцаки въ Эрдэни-цзұ.

щихъ передъ главными кумирнями на монастырской площади. Въ 1718 г. цзұскій пятый лама, номчй-дорчжй Лобсанъ-чжалцанъ, приемный сынъ Далай-ичжй, посвященный гэгэну, соорудилъ кумирню въ честь Ванчжардари и ганьчжуръ, а въ слѣдующемъ 1719 г. поднесъ ихъ Ундуръ гэгэну по случаю совершившагося 85-лѣтняго юбилея его жизни. Гэгэнъ пожаловалъ тогда этой кумирнѣ имя: «Тэгұсь баясхулантұ аганйшта».

Въ царствованіе Юнь-чжэна, въ 1731 г., во время шестого тұшѣтұ-хана, Ванчжаль-дорчжй, чжунгары снова напали на Халху, причемъ близъ Эрдэни-цзұ они вступили въ сраженіе съ халхасами и были разбиты. Су-

шествуетъ сказаніе, подтверждаемое при томъ и официальными докумен-
тами, что когда вражескія войска ворвались въ монастырь и отворили
двери главной кумирни, то стоящій передъ статуею большого Цзү кумирь
Гѣмбо-гүру согнулся и высунулся. Устрашенные разбойники не посмѣли
войти въ кумирню и пошли назадъ; но въ это время каменные львы, стоя-
щіе передъ кумирней, начали издавать рычаніе и послѣднее привело въ
совершенную панику нападавшихъ: они обратились въ бѣгство и, бросаясь
въ р. Орхонъ, погибали въ ней. Богдоханъ, милостиво принявъ во вниманіе
эти обстоятельства, пожаловалъ р. Орхону званіе тѣшѣ-гүна, т. е. князя
5 степени, съ тѣмъ чтобы рѣкѣ этой ежегодно, въ назначенный астроло-
гами день, совершалось поклоненіе, а определенное ей по званію тѣшѣ-
гуна жалованье, въ размѣрѣ 300 ланъ серебра, при совершеніи извѣстныхъ
религіозныхъ обрядовъ, бросалось бы въ ея волны. Одновременно съ симъ
богдоханъ командировалъ одного изъ своихъ чиновниковъ наградить Цзү,
а для сего, по изслѣдованіи на мѣстѣ, возобновить эрдэни-цзүскія кумирни,
равно какъ и окружающія ихъ стѣны, сдѣлавъ послѣднія шире и простор-
нѣе. Въ эту пору нѣкій галунъ цэцэнъ-хяновскаго аймака, Лобсанъ-дог-
митъ, именуемый Цаганъ-дайнчи, соорудилъ всего шесть кумирень, изъ
числа коихъ одну кумирню Абиды, вмѣстѣ съ находящимся въ ней данчжү-
ромъ, поднесъ гэгэну, въ обезпеченіе же содержанія этого сүмэ передалъ
гэгэну и своихъ шабинаровъ. Засимъ ученикъ третьяго цзүскаго ламы,
Лобсанъ-отсэра, галунъ Лунпанъ также воздвигъ кумирню Абиды и пода-
рилъ его гэгэну.

Въ царствованіе Цянь-луна, въ 1743 году, во время седьмого тѣ-
шѣту-хана Донданъ-дорчжй, второй халхаскій хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба
хутухты посѣщалъ Эрдэни-цзү. Передъ его прїездомъ эрдэни-цзүскіе ку-
миры, нѣсколько загрязнившіеся, были поновлены на средства гэгэнскаго и
хянского казначействъ. При этомъ обстоятельстве шестой эрдэни-цзүскій
лама, биликтү-дарханъ-дорчжй, Лобсанъ-цэдэнъ, построилъ кумирню въ
честь будды Шигэмүни.

Начиная съ 1760 г. галунъ Дамба-дорчжй принялся за возобновленіе
построенной пятымъ цзүскимъ ламою кумирни Вацжра-дары, которая
тогда пришла въ большую ветхость, а засимъ онъ возбудилъ вопросъ о
томъ, какъ вообще поправить эрдэни-цзүскія кумирни и поставить въ бо-
лѣе широкіе размѣры отправленіе хураловъ. Въ 1761 году для вышеозна-
ченной кумирни Вацжра-дары были устроены кумиры 10,000 буддъ бла-
гихъ временъ, 21 кумирь различныхъ хубилгановъ Дара-эхэ, Боди-субурга
и восемь Эрхалэхсэнъ-субурга. Въ ту же пору надъ всѣми этими предме-
тами поклоненія былъ совершенъ хуралъ освященія оныхъ.

Такъ какъ этотъ гэгүнъ Дамба-дорчжй съ малолѣтства посвятилъ свою дѣятельность на благо вѣры и одушевленныхъ существъ, то ханъ и народъ, по своей любви къ нему, сдѣлали его седьмымъ настоятелемъ Эрдэни-цзү'скаго монастыря и поднесли ему титулъ номчи-дорчжй. Послѣ сего ханъ и лама устроили дуганъ на сто слишкомъ хувараконъ и установили отправлять въ немъ ежедневное служеніе цокчина; ежегодно, начиная съ 25-го числа 12-й луны служить Хангалъ; 29-го числа сжигать «собръ»; въ новолѣтіе, въ теченіе первыхъ 11-ти дней служить йорблъ; 15-го числа совершать круговращеніе Майдари; 16-го возносить «дангрйкъ» и пр. Вознося благодареніе буддамъ за такое благоустройство обители, Дамба-дорчжй соорудилъ большую кумирню въ честь Манлы, Махагалы и Гднбо-гүру.

Въ 1761 г. Түшѣтү-ханъ и лама воздвигли большой сүмѣ для хуралонъ.

Въ 1766 г., вслѣдствіе того что кумирни Цзү пришли въ ветхость, номчи-дорчжй убѣдилъ вана Санцзэй-дорчжй и Түшѣтү-хана поновить ихъ. Засимъ, при поправкѣ восточной кумирни Цзү, богдоханъ пожаловалъ 1,000 ланъ серебра, на каковую сумму и была, подъ наблюденіемъ гүна Сондмъ-цампйла, совершена поправка. Въ эту же пору въ Эрдэни-цзү были воздвигнуты двѣ кумирни: одна въ честь Цзонхавы, а другая — въ честь Ямандаги. Что касается главной кумирни Цзү, то поновленіе ея начато было въ 1768 году, а окончено въ 1769 г.; освященіе ея было совершено ламою Ямпйль-дорчжй, вмѣстѣ со всѣми эрдэни-цзүскими хувараконъ. Въ томъ же году эрдэни-цзүскіе ламы сдѣлали представленіе третьему хубилгану Чжэбцзүнъ-дамба-хутухты о построеніи въ ихъ монастырѣ кумирни вмѣстимостью на 1000 ламъ и получили на это разрѣшеніе.

Въ 1772 г. гүнъ Сондмъ-цампйль поновилъ западную кумирню Цзү и въ то же время построилъ еще одинъ новый сүмѣ въ честь бурхана Аюши.

Около этой поры всѣ эрдэни-цзүскія кумирни и субурганы въ разное время, начиная отъ эпохи гэгүна Даныцзйн'я, построенные ламами, были поднесены частію гэгүну, а частію хану. Въ 1773 году начать былъ постройкою предполагавшійся большой дуганъ; онъ строился нѣсколько лѣтъ и по окончаніи былъ освященъ своими ламами.

Прежде, когда число эрдэни-цзүскихъ ламъ не достигало еще 100 человекъ, лама, заботясь о расширеніи вѣры, построилъ дуганъ на 500 человекъ. Вслѣдъ засимъ номчи-дорчжй сдѣлалъ особое предложеніе, въ коемъ объяснялъ, что хотя въ Эрдэни-цзү искони чествуется бурханъ Гднбо-гүру, тѣмъ не менѣе въ монастырѣ нѣтъ никакихъ сочиненій, по которымъ возможно было бы основательно и полно изучать абишйкъ, правила жертвоприношеній и чтенія въ честь этого бурхана. Въ видахъ восполненія этого недостатка командировано было посольство къ Чжанчжя-римбочѣ Ролба,

который сказалъ, что для пріобрѣтенія таковыхъ знаній необходимо снарядить посольство въ монастырь Сакья и прослушать наставленія по сему предмету отъ сакьяскаго гэгэна. Такой отвѣтъ былъ обсужденъ номчй-цорчжйемъ вмѣстѣ съ тшѣтү-ханомъ и въ 1776 году изъ Эрдэни-цзү былъ командированъ въ Тибетъ, а особливо въ сакьяскій монастырь гэккүй покчйнскаго хурала, Лобсанъ-чойдубъ, который прослушалъ наставленія отъ 35-го сакьяскаго-гэгэна, Наванъ-гунга-лодон'а и усвоилъ все, что касается чествованія Гөнбо-гүру. Возвратившись изъ Тибета, онъ привезъ съ собою массу святынь, во главѣ которыхъ были: литыя изображенія пяти сакья и Мйла-лочжавайнъ дотогаду шитүгэнъ; изъ числа книгъ: Табунъ-сакьяйнъ сумбумъ; и изъ отдѣла утвари: хонхд, вачиръ и дамару сакьяскаго-гэгэна; бѣлая раковина, которую Хормуста поднесъ буддѣ Шигэмуню, а потомъ Хубилай-ханъ пожаловалъ Пакба-ламѣ и пр. Этотъ, находившійся въ командировкѣ гэккүй покчйнскаго-хурала былъ сдѣланъ лобуномъ служеній (ལུགས་ལྷན་པ་) Гөнбо-гүру и передалъ свои знанія какъ самому номчй-цорчжй, такъ и прочимъ ламамъ. Послѣ сего онъ построилъ кумирни въ честь Маньчжүшри и Ямандаги и поднесъ ихъ тшѣтү-хану; и наконецъ построилъ двухъ-этажную кумирню, въ верхнемъ этажѣ коей поставилъ кумирь Лама-чотба.

Послѣ сего номчй-цорчжй отправилъ посольство къ Баньчэнь-богдо съ вопросомъ, изученіе какого нѣма (священной книги) было бы по преимуществу полезно въ Эрдэни-цзү? Баньчэнь-богдо отвѣчалъ, что лучше всего было бы изучать Бодй-мүръ, почему съ 1783 года въ Эрдэни-цзү устроена школа для изученія Бодй-мүра, числомъ на 50 хувараконъ.

Въ 1785 г. номчй-цорчжй лама, рѣшившись обновить прежде воздвигнутую имъ кумирню, перестроилъ ее по общему образцу капищъ тибетской архитектуры и сдѣлалъ ее трехъ-этажною. Верхній этажъ онъ опредѣлилъ собственно для служеній Махагялы, поставивъ здѣсь 75 различныхъ кумировъ этого бурхана; средній этажъ раздѣлилъ на три части, изъ коихъ въ одной была кумирня Гөнбо-гүру, во второй—Манлы и въ третьей—пяти ханонъ. Нижній этажъ былъ назначенъ для общаго служенія хувараконъ.

Въ 1786 г. община эрдэни-цзүскихъ ламъ, съ молитвами о здравіи Чжэбцзунъ-дамба-хутухты и о мирѣ и благосостояніи всѣхъ своихъ мнлостынедателей, а особливо Сайнъ-нойна и подвѣдомственныхъ ему хошунонъ, рѣшила построить деревянный бодй-субурганъ. Когда зданіе было готово, въ средину его было заложено отпечатлѣвшееся на глинѣ изображеніе руки Ундүръ-гэгэна, частица мощей будды и другія святыни. Субурганъ этотъ номчй-цорчжй поднесъ Сайнъ-нойну и просилъ его отпустить средства на содержаніе четырехъ, или пяти человекъ ламъ, для

вѣчнаго отправленія служеній при этомъ субурганѣ. Средства были отпущены и хуралы при означенномъ субурганѣ дѣйствительно ежедневно отправляются ламами до настоящаго времени.

Въ 1787 г. номчи-цорчжй сдѣлалъ предложеніе объ основаніи въ Эрдэни-цзѹскомъ монастырѣ служенія цѣма. Съ этою цѣлью, съ соизволенія Чжэбцзѹнь-дамба хутухты, изъ Урги былъ вызванъ въ Эрдэни-цзѹ тибетскій лама-унзѣтъ, гѣрамба, биликтѹ нансѹ, по имени Рабтанъ. Онъ выбралъ молодыхъ хуварѣковъ и началъ обучать ихъ религіознымъ пляскамъ. Въ то же время изъ Хухѹ-хотѹ былъ вызванъ столяръ, китаецъ Лю-шэнъ-юй, который устроилъ цѣм'скія подмоски, необходимые колонны, навѣсы и проч. Монгольскія женщины близъ лежащихъ хошѹновъ приняла на себя трудъ пошить необходимые одежды и облаченія, а равно вышиванія всякаго рода привѣсокъ и пристежекъ. Дѣло подготовленія служенія продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ и, наконецъ, 23-го числа 6-й луны номчи цорчжй могъ исполнить свое желаніе, приступивъ къ служенію цѣма. Впрочемъ, предварительно этого служенія, онъ опредѣлилъ втеченіе трехъ дней, 23, 24 и 25 чиселъ, совершить чтеніе Ганьчжѹра и Даньчжѹра, вечеромъ 25 числа были освящены балыны; 26, 27 и 28 числа посвящены на служеніе Ямѣндагй и только 29 былъ исполненъ цѣмъ, въ которомъ участвовало всего свыше 100 танцующихъ масокъ, изображавшихъ различныя божества.

Въ 1793 г. номчи-цорчжй, по обѣимъ сторонамъ трехъ-этажной кумирни въ честь Махагѣлы, построенной имъ въ 1760 году, воздвигъ еще двѣ двухъ-этажныхъ кумирни, также тибетской архитектуры. Въ кумирнѣ, стоящей по правую сторону, онъ помѣстилъ на верхнемъ этажѣ 16 различныхъ кумировъ Чжэбцзѹнь-дамба-хутухты, изображающихъ этого гѣгѣна въ различныхъ его перерожденіяхъ; а въ нижнемъ — большой кумиръ Цзонхавы, съ назначеніемъ этой кумирни для служенія чдй-ра, или цанита. Въ кумирнѣ, стоящей по лѣвую сторону, на верхнемъ этажѣ былъ поставленъ литой изъ мѣди и позолоченный хотѹ-мандалъ Ямѣндаги, а въ нижнемъ — кумиры 16 лдхановъ.

Въ 1794 г., по высочайшему повелѣнію Цянь-лѹна, изъ Урги былъ командированъ въ Эрдэни-цзѹ бичѣчи Чдйчжи-раши, который составилъ подробное историческое изслѣдованіе объ Эрдэни-цзѹскомъ монастырѣ и до малѣйшихъ подробностей описалъ тогдашнее состояніе этого монастыря. Есть извѣстіе, что описаніе это было тогда же представлено богдохѣну, но въ Монголіи ни точная судьба этого описанія, ни самаго этого описанія не сохранилось.

1796-й годъ былъ годомъ вступленія на престолъ богдохѣна Цзя-

цйна. По этому случаю Тушѣту-хѣнь и Номчѣ-цорчжѣ сдѣлали особые доклады Чжэбцзѣнь-дамба-хутухтѣ, Далай-ламѣ и Баньчэнь-эрдэни, въ которыхъ заявляли, что халхасы ничѣмъ не могли бы такъ выразить своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ богдохѣну, какъ приведеніемъ въ полное благоустройство своей древнѣйшей религіозной обители, въ которой они могли бы возносить свои молитвы за благоденствіе сына неба. При послѣдовавшемъ засимъ одобреніи этого мнѣнія, всѣ халхаскіе хутухты, во главѣ съ Чжэбцзѣнь-дамба-гэгэномъ, тушѣту-хѣнь, цэцэнь-хѣнь, цзасакту-хѣнь и сайнь-нойнь, шанцзотба и всѣ халхаскіе вѣны, бэйлэ, бэйсэ, гүны и владѣтельные тайчжи отозвались на призывъ принести свои пожертвованія. На составившуюся такимъ образомъ сумму были вызваны изъ Хухү-хотѣ мастеровые и художники, которые и начали обновленіе монастыря. По планамъ, еще прежде утвержденнымъ амбѣями, монастырь былъ окруженъ высокою стѣною; ограда главной кумирни Цзү была обложена кирпичемъ, фундаментъ выложенъ цоколемъ, а крыша сдѣлана изъ новой желтой черепицы. Такимъ же образомъ были возсооружены и двѣ боковыхъ кумирни остальныхъ Цзү, двѣ кумирни въ честь Махарачжа, кумирня Хоншѣмъ-бодисатвы, кумирня Майдари, кумирня имени пятого Далай-ламы и другія. Триумфальныя ворота, находящіяся передъ кумирнею главнаго Цзү, были также поновлены, при чемъ расходы по этой перестройкѣ приняли уже всецѣло на свой счетъ китайскіе мастеровые, исполнявшіе дѣло перестройки. Въ то же время была передѣлана кумирня въ честь третьяго хубилгана Далай-ламы, построенная еще Абатѣй-хѣномъ, въ верхнемъ этажѣ ея былъ положенъ писанный золотомъ ганьчжүръ, а нижній опредѣленъ на ежедневное всегдѣшнее отправленіе хураловъ въ честь Гѣнбо-гүру. По окончаніи всѣхъ этихъ и другихъ громаднѣхъ работъ, которыя можно сказать представили передѣлку заново всего монастыря, для освященія его былъ приглашенъ хубилганъ Зая-пандѣты въ третьемъ его перерожденіи и торжество этого освященія продолжалось цѣлыхъ три дня.

Въ 1799 г., по случаю исполнившагося тогда 25-лѣтія жизни четвертаго хубилгана Чжэбцзѣнь-дамба-хутухты, номчѣ-цорчжѣ на мѣстѣ заложенаго еще Үндүръ-гэгэномъ фундамента для кумирни воздвигъ «бодѣ-субурганъ», вышиною въ 5 саженей и въ средину ея заложилъ 100,000 кумировъ различныхъ бурхѣновъ, 55,070 изображеній бодѣ-субургана и множество мощей различныхъ прославленныхъ лицъ буддизма. Субурганъ этотъ освящалъ Чинь-сүцзукту номунъ-хѣнь лама, во-второмъ его перерожденіи.

Въ 1803 г. въ Эрдэни-цзү было введено служеніе сотчжонъ и яра.

Въ 1804 г. по линіи, долженствовавшей образовать стѣны Эрдэни-

цзускаго монастыря, было воздвигнуто 56 субургановъ, вслѣдствіе чего монастырь этотъ какъ бы получилъ для себя ограду совершенно своеобразнаго вида. Субурганы, какъ видно изъ находящихся на нихъ надписей, возводились милостынедателями и поклонниками будды самыхъ различныхъ званій, начиная отъ первостепенныхъ князей до самыхъ обычныхъ монгольскихъ простолюдиновъ, отличавшихся въ свою пору достаткомъ въ средствахъ къ жизни. Впослѣдствіи, года черезъ три, число этихъ субургановъ, окружающихъ монастырь, было доведено до 92. Въ настоящую пору всѣ

Видъ на стѣну и субурганы Эрджени-цзускаго монастыря съ запад. стороны.

они представляютъ собою довольно прочныя зданія, только большая часть находящихся на нихъ надписей дѣлается уже очень трудною для прочтенія. Надписи эти при своемъ приготовленіи обыкновенно высѣкались на особыхъ каменныхъ плитахъ, которыя засимъ и вставлялись въ неглубокія ниши, выдѣлываемыя въ фустѣ субургановъ. Нѣкоторыя изъ такихъ плитъ уже вывалились теперь изъ своихъ нишъ, разбились и погибли; на другихъ высѣченныя надписи вывѣтрились и постерлись; по этой-то причинѣ, несмотря на сравнительную незначительность интереса разсматриваемыхъ памятниковъ, мы все же рѣшились списать изъ нихъ все возможное для прочтенія и такимъ образомъ сохранить эти памятники отъ совершенной гибели. Выйдя изъ южныхъ воротъ монастыря, мы направились на западъ и, обошедши такимъ образомъ вокругъ всего монастыря, постепенно встрѣчали такія надписи на субурганахъ:

№ 2-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магѣдха, Рѣба-гѣрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «бѣди субургана»; (འདྲེས་ལཱ་མཚན་ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ принадлежащіе къ аймаку сеймоваго старшины Вачирай-батү тушѣту-хана и хошүну цзасака Улүсь-турь тусалакчй-гүна: эрдэни-мэргэнь-тайжи Хласоронь-дорчжй, да принимавшій неоднократно обѣты бодисатвы, тѣйнъ Лобсань-дорчжй.

№ 4-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магѣдха, Рѣба-гѣрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субурганъ укрощенія шимнүсовъ»; (འདྲེས་ལཱ་མཚན་ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ шабинець Чжэбцзүнь-дамба-хутухты, гэлүнь Ринчйнъ и шабинець эрдэни-цзүскаго номчй-дорчжй ламы, приближенный Даньцзйнъ-дорчжй.

№ 5-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магѣдха, Рѣба-гѣрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «бѣди субургана»; (འདྲེས་ལཱ་མཚན་ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ шабинець Чжэбцзүнь-дамба хутухты шүлэнгэ Цэдэнь-чжэбъ со многими ламами и простолюдинами.

На угловомъ юго-западномъ субурганѣ № 6-й находится слѣдующая надпись: № 5-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магѣдха, Рѣба-гѣрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «бѣди субургана»; (འདྲེས་ལཱ་མཚན་ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ по началу шабинець Чжэбцзүнь-дамба хутухты, эрдэни-цзүскій Дарханъ-лама, а засимъ возобновилъ его гэлүнь того же монастыря Отсэръ.

№ 7-й. Когда будда Шигэмүни проявилъ въ роцѣ Сѣнь переходеніе отъ страданій, то благоговѣйные города Кѣша, во главѣ съ Бѣкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана пожеланія нирванъ»; (འདྲེས་ལཱ་མཚན་ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства сайнъ-нойновскаго аймака, хошүна цзасакъ-турүйнъ-бэйлэ Дэлэкъ-дорчжйева, тѣйнъ Цэбэль.

№ 8-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваракъвъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѣхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана умпротворенія разъединившихся хуваракъвъ» ($\text{འཇམ་མགས་པོའ་འཇམ་མགས་པོའ་འཇམ་མགས་པོའ་$); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственныя средства изъ цзасактү-хяновскаго-аймака, хошүна цзасакъ-тайчжи 1-й ст. Цэцэнъ-Дондоба, чиндамани-тѣйнь Цзанъ.

№ 9-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ Чжэда укротилъ еретиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширавасты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжай'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана магическихъ превращеній» ($\text{འཇམ་མགས་པོའ་འཇམ་མགས་པོའ་$); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли изъ хошүна цзасакъ-тайчжи 1 ст. Цэцэнъ-дондоба, цзасактү-хяновскаго аймака, тѣйнь-тунгалакъ-биликтү Билцүкъ и дэмчй-лама Чѣйчжунъ.

№ 10-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и прибрѣлъ всесовершенную бди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магадха, Рѣба-гарбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «бди-субургана»; ($\text{འཇམ་མགས་པོའ་འཇམ་མགས་པོའ་$) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ собственнымъ тщаніемъ изъ хошүна улүсь-туръ тусалакчй-гуна Гѣмбо-чжаба, цзасактү-хяновскаго аймака, простолудинъ Лода.

№ 11-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана всесовершенства» ($\text{འཇམ་མགས་པོའ་འཇམ་མགས་པོའ་$); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственныя средства цзасактү-хяновскаго-аймака цзасакъ тайчжи 1 ст. Цэцэнъ и цзасакъ Дондѣбъ.

№ 12-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмүни вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанаши (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбѣ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящій (такой-же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ кандидатъ сеймоваго старшины түшѣтү-хяновскаго-аймака, турүйнь цзюнь-ванъ Мэргэнъ-чжондъ, съ женою Хутуктай.

№ 13-й. Когда будда Шигэмүни родился въ саду Лѣмби, то благоговѣйные, во главѣ съ хяномъ Соддаданюу, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана мирнаго пришествія»

(ᠮᠣᠪᠣᠯᠠᠭᠤ ᠮᠤᠮᠤᠯᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственныхъ средства улцэйтү цзайсанъ Дакданъ, изъ хошүна хэбэй-гуна Гомбо-чжаба, цэцэнъ-хяновскаго аймака.

№ 14-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмүни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанашп (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эва-тэй-Самбб, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ пзахирахчй Саксурь-чжабъ изъ хошүна цзасакъ-тайчжи 1-й ст. Цэцэнъ-дондоба, цзасактү-хяновскаго-аймака.

№ 15-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (ᠰᠤᠮᠤᠨᠠᠭᠤ ᠮᠤᠮᠤᠯᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудили гэлүны: Синйянь, Гундүй и Лобсанъ изъ хошүна въ званіи гуна тайчжия 1-й ст. Цэцэнъ-дондоба, цэцэнъ-хяновскаго аймака.

№ 16-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія лѣтъ своей жизни совершилъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали соорудили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана благословенія» (ᠰᠤᠮᠤᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія построилъ на собственный счетъ ближайшій цзайсанъ цзасакъ тайчжия 1-й ст. Цэцэнъ-дондоба, изъ цэцэнъ-хяновскаго-аймака.

На угловомъ сѣверо-западномъ субурганѣ № 17-й находится слѣдующая надпись:

Когда будда Шигэмүни въ роцѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваракъовъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѣхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана умиротворенія разъединившихся хуваракъовъ» (ᠰᠤᠮᠤᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія сначала воздвигъ сынъ третьяго тушѣтү-хяна Гомбо-дорчжия, бэйлэ Шиддшри; а нынѣ возобновили второй настоятель дацана, принадлежащаго сумуну Хурца-буянъ цзангйна того же хошүна, гэлүнь Даньцзинь и хундүй этого сумуна Дэльгэръ-насунъ.

№ 18-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную боди, то благоговѣйные во

главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магадха, Рѣба-гарбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана укращения шимнусовъ»; (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства простолюдинъ Балцукъ-тэгусъ-бликтү, изъ хошүна цзасакъ-бэйлэ Дэлэкъ-дорчжя, сайнъ-нойновскаго-аймака.

№ 19-й. Когда будда Шигэмүни проявилъ къ роцѣ Сбнъ переходеніе отъ страданій, то благоговѣйные города Кбша, во главѣ съ Ббкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана желанія нирваны»; (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ) настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства цзахирахчи изъ хошүна цзасакъ-бэйлэ Чимэтъ-дорчжя, сайнъ-нойновскаго-аймака.

№ 20-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана всесовершенства» (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства гэлүнъ Наванъ-цзундуй, изъ хошүна тайчжи 1-й ст. Чой-сордна, цзасактү-хановскаго-аймака.

№ 21-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваракъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѣхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана умиротворенія разъединившихся хуваракъ» (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства гэлүнъ тѣйнъ Бадма, изъ хошүна цзасакъ-бэйлэ Чимэтъ-дорчжи, сайнъ-нойновскаго-аймака.

№ 22-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ воздвигъ гэлүль Дакданъ, изъ хошүна хотохйтскаго цзасака Чой-сордна, цзасактү-хановскаго-аймака.

№ 23-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ Чжада укротилъ ереиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширавасты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжай'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана магическихъ превращеній» (ᠰᠤᠪᠦᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠪᠤᠰᠤᠨᠠ ᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственные сред-

ства: тайчжи Чжикчжитъ-чжабъ, изъ хошѹна Цзэнь-цзюнь-вэнова, тушѣту-хэновскаго-аймака и хутухтинскіе шабинцы: гэлѹнъ тойнь Наванъ, тайчжи Цэрэнь-чжабъ, Чибакъ-чжабъ, Санчжай и Тэгѹскэръ.

№ 24-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмѹни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанаші (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбб, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ гэлѹны: Норбд и Наванъ, изъ хошѹна цзасака Чдй-сордна, цзасакту-хэновскаго-аймака.

№ 25-й. Когда будда Шигэмѹни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнѹсовъ и приобрѣлъ всесовершенную боди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магэдха, Роба-гарбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «боди субургана»; (𑖀𑖂𑖃𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐𑖑𑖒𑖓𑖔𑖕𑖖𑖗𑖘𑖙𑖚𑖛𑖜𑖝𑖞𑖟𑖠𑖡𑖢𑖣𑖤𑖥𑖦𑖧𑖨𑖩𑖪𑖫𑖬𑖭𑖮𑖯𑖰𑖱𑖲𑖳𑖴𑖵𑖶𑖷𑖸𑖹𑖺𑖻𑖼𑖽𑖾𑗀𑖿𑗁𑗂𑗃𑗄𑗅𑗆𑗇𑗈𑗉𑗊𑗋𑗌𑗍𑗎𑗏𑗐𑗑𑗒𑗓𑗔𑗕𑗖𑗗𑗘𑗙𑗚𑗛𑗜𑗝𑗞𑗟𑗠𑗡𑗢𑗣𑗤𑗥𑗦𑗧𑗨𑗩𑗪𑗫𑗬𑗭𑗮𑗯𑗰𑗱𑗲𑗳𑗴𑗵𑗶𑗷𑗸𑗹𑗺𑗻𑗼𑗽𑗾𑗿𑘀𑘁𑘂𑘃𑘄𑘅𑘆𑘇𑘈𑘉𑘊𑘋𑘌𑘍𑘎𑘏𑘐𑘑𑘒𑘓𑘔𑘕𑘖𑘗𑘘𑘙𑘚𑘛𑘜𑘝𑘞𑘟𑘠𑘡𑘢𑘣𑘤𑘥𑘦𑘧𑘨𑘩𑘪𑘫𑘬𑘭𑘮𑘯𑘰𑘱𑘲𑘳𑘴𑘵𑘶𑘷𑘸𑘹𑘺𑘻𑘼𑘽𑘾𑘿𑙀𑙁𑙂𑙃𑙄𑙅𑙆𑙇𑙈𑙉𑙊𑙋𑙌𑙍𑙎𑙏𑙐𑙑𑙒𑙓𑙔𑙕𑙖𑙗𑙘𑙙𑙚𑙛𑙜𑙝𑙞𑙟𑙠𑙡𑙢𑙣𑙤𑙥𑙦𑙧𑙨𑙩𑙪𑙫𑙬𑙭𑙮𑙯𑙰𑙱𑙲𑙳𑙴𑙵𑙶𑙷𑙸𑙹𑙺𑙻𑙼𑙽𑙾𑙿𑚀𑚁𑚂𑚃𑚄𑚅𑚆𑚇𑚈𑚉𑚊𑚋𑚌𑚍𑚎𑚏𑚐𑚑𑚒𑚓𑚔𑚕𑚖𑚗𑚘𑚙𑚚𑚛𑚜𑚝𑚞𑚟𑚠𑚡𑚢𑚣𑚤𑚥𑚦𑚧𑚨𑚩𑚪𑚫𑚬𑚭𑚮𑚯𑚰𑚱𑚲𑚳𑚴𑚵𑚷𑚶𑚸𑚹𑚺𑚻𑚼𑚽𑚾𑚿𑛀𑛁𑛂𑛃𑛄𑛅𑛆𑛇𑛈𑛉𑛊𑛋𑛌𑛍𑛎𑛏𑛐𑛑𑛒𑛓𑛔𑛕𑛖𑛗𑛘𑛙𑛚𑛛𑛜𑛝𑛞𑛟𑛠𑛡𑛢𑛣𑛤𑛥𑛦𑛧𑛨𑛩𑛪𑛫𑛬𑛭𑛮𑛯𑛰𑛱𑛲𑛳𑛴𑛵𑛶𑛷𑛸𑛹𑛺𑛻𑛼𑛽𑛾𑛿𑜀𑜁𑜂𑜃𑜄𑜅𑜆𑜇𑜈𑜉𑜊𑜋𑜌𑜍𑜎𑜏𑜐𑜑𑜒𑜓𑜔𑜕𑜖𑜗𑜘𑜙𑜚𑜛𑜜𑜝𑜞𑜟𑜠𑜡𑜢𑜣𑜤𑜥𑜦𑜧𑜨𑜩𑜪𑜫𑜬𑜭𑜮𑜯𑜰𑜱𑜲𑜳𑜴𑜵𑜶𑜷𑜸𑜹𑜺𑜻𑜼𑜽𑜾𑜿𑝀𑝁𑝂𑝃𑝄𑝅𑝆𑝇𑝈𑝉𑝊𑝋𑝌𑝍𑝎𑝏𑝐𑝑𑝒𑝓𑝔𑝕𑝖𑝗𑝘𑝙𑝚𑝛𑝜𑝝𑝞𑝟𑝠𑝡𑝢𑝣𑝤𑝥𑝦𑝧𑝨𑝩𑝪𑝫𑝬𑝭𑝮𑝯𑝰𑝱𑝲𑝳𑝴𑝵𑝶𑝷𑝸𑝹𑝺𑝻𑝼𑝽𑝾𑝿𑞀𑞁𑞂𑞃𑞄𑞅𑞆𑞇𑞈𑞉𑞊𑞋𑞌𑞍𑞎𑞏𑞐𑞑𑞒𑞓𑞔𑞕𑞖𑞗𑞘𑞙𑞚𑞛𑞜𑞝𑞞𑞟𑞠𑞡𑞢𑞣𑞤𑞥𑞦𑞧𑞨𑞩𑞪𑞫𑞬𑞭𑞮𑞯𑞰𑞱𑞲𑞳𑞴𑞵𑞶𑞷𑞸𑞹𑞺𑞻𑞼𑞽𑞾𑞿𑟀𑟁𑟂𑟃𑟄𑟅𑟆𑟇𑟈𑟉𑟊𑟋𑟌𑟍𑟎𑟏𑟐𑟑𑟒𑟓𑟔𑟕𑟖𑟗𑟘𑟙𑟚𑟛𑟜𑟝𑟞𑟟𑟠𑟡𑟢𑟣𑟤𑟥𑟦𑟧𑟨𑟩𑟪𑟫𑟬𑟭𑟮𑟯𑟰𑟱𑟲𑟳𑟴𑟵𑟶𑟷𑟸𑟹𑟺𑟻𑟼𑟽𑟾𑟿𑠀𑠁𑠂𑠃𑠄𑠅𑠆𑠇𑠈𑠉𑠊𑠋𑠌𑠍𑠎𑠏𑠐𑠑𑠒𑠓𑠔𑠕𑠖𑠗𑠘𑠙𑠚𑠛𑠜𑠝𑠞𑠟𑠠𑠡𑠢𑠣𑠤𑠥𑠦𑠧𑠨𑠩𑠪𑠫𑠬𑠭𑠮𑠯𑠰𑠱𑠲𑠳𑠴𑠵𑠶𑠷𑠸𑠺𑠹𑠻𑠼𑠽𑠾𑠿𑡀𑡁𑡂𑡃𑡄𑡅𑡆𑡇𑡈𑡉𑡊𑡋𑡌𑡍𑡎𑡏𑡐𑡑𑡒𑡓𑡔𑡕𑡖𑡗𑡘𑡙𑡚𑡛𑡜𑡝𑡞𑡟𑡠𑡡𑡢𑡣𑡤𑡥𑡦𑡧𑡨𑡩𑡪𑡫𑡬𑡭𑡮𑡯𑡰𑡱𑡲𑡳𑡴𑡵𑡶𑡷𑡸𑡹𑡺𑡻𑡼𑡽𑡾𑡿𑢀𑢁𑢂𑢃𑢄𑢅𑢆𑢇𑢈𑢉𑢊𑢋𑢌𑢍𑢎𑢏𑢐𑢑𑢒𑢓𑢔𑢕𑢖𑢗𑢘𑢙𑢚𑢛𑢜𑢝𑢞𑢟𑢠𑢡𑢢𑢣𑢤𑢥𑢦𑢧𑢨𑢩𑢪𑢫𑢬𑢭𑢮𑢯𑢰𑢱𑢲𑢳𑢴𑢵𑢶𑢷𑢸𑢹𑢺𑢻𑢼𑢽𑢾𑢿𑣀𑣁𑣂𑣃𑣄𑣅𑣆𑣇𑣈𑣉𑣊𑣋𑣌𑣍𑣎𑣏𑣐𑣑𑣒𑣓𑣔𑣕𑣖𑣗𑣘𑣙𑣚𑣛𑣜𑣝𑣞𑣟𑣠𑣡𑣢𑣣𑣤𑣥𑣦𑣧𑣨𑣩𑣪𑣫𑣬𑣭𑣮𑣯𑣰𑣱𑣲𑣳𑣴𑣵𑣶𑣷𑣸𑣹𑣺𑣻𑣼𑣽𑣾𑣿𑤀𑤁𑤂𑤃𑤄𑤅𑤆𑤇𑤈𑤉𑤊𑤋𑤌𑤍𑤎𑤏𑤐𑤑𑤒𑤓𑤔𑤕𑤖𑤗𑤘𑤙𑤚𑤛𑤜𑤝𑤞𑤟𑤠𑤡𑤢𑤣𑤤𑤥𑤦𑤧𑤨𑤩𑤪𑤫𑤬𑤭𑤮𑤯𑤰𑤱𑤲𑤳𑤴𑤵𑤶𑤷𑤸𑤹𑤺𑤻𑤼𑤽𑤾𑤿𑥀𑥁𑥂𑥃𑥄𑥅𑥆𑥇𑥈𑥉𑥊𑥋𑥌𑥍𑥎𑥏𑥐𑥑𑥒𑥓𑥔𑥕𑥖𑥗𑥘𑥙𑥚𑥛𑥜𑥝𑥞𑥟𑥠𑥡𑥢𑥣𑥤𑥥𑥦𑥧𑥨𑥩𑥪𑥫𑥬𑥭𑥮𑥯𑥰𑥱𑥲𑥳𑥴𑥵𑥶𑥷𑥸𑥹𑥺𑥻𑥼𑥽𑥾𑥿𑦀𑦁𑦂𑦃𑦄𑦅𑦆𑦇𑦈𑦉𑦊𑦋𑦌𑦍𑦎𑦏𑦐𑦑𑦒𑦓𑦔𑦕𑦖𑦗𑦘𑦙𑦚𑦛𑦜𑦝𑦞𑦟𑦠𑦡𑦢𑦣𑦤𑦥𑦦𑦧𑦨𑦩𑦪𑦫𑦬𑦭𑦮𑦯𑦰𑦱𑦲𑦳𑦴𑦵𑦶𑦷𑦸𑦹𑦺𑦻𑦼𑦽𑦾𑦿𑧀𑧁𑧂𑧃𑧄𑧅𑧆𑧇𑧈𑧉𑧊𑧋𑧌𑧍𑧎𑧏𑧐𑧑𑧒𑧓𑧔𑧕𑧖𑧗𑧘𑧙𑧚𑧛𑧜𑧝𑧞𑧟𑧠𑧡𑧢𑧣𑧤𑧥𑧦𑧧𑧨𑧩𑧪𑧫𑧬𑧭𑧮𑧯𑧰𑧱𑧲𑧳𑧴𑧵𑧶𑧷𑧸𑧹𑧺𑧻𑧼𑧽𑧾𑧿𑨀𑨁𑨂𑨃𑨄𑨅𑨆𑨇𑨈𑨉𑨊𑨋𑨌𑨍𑨎𑨏𑨐𑨑𑨒𑨓𑨔𑨕𑨖𑨗𑨘𑨙𑨚𑨛𑨜𑨝𑨞𑨟𑨠𑨡𑨢𑨣𑨤𑨥𑨦𑨧𑨨𑨩𑨪𑨫𑨬𑨭𑨮𑨯𑨰𑨱𑨲𑨳𑨴𑨵𑨶𑨷𑨸𑨹𑨺𑨻𑨼𑨽𑨾𑨿𑩀𑩁𑩂𑩃𑩄𑩅𑩆𑩇𑩈𑩉𑩊𑩋𑩌𑩍𑩎𑩏𑩐𑩑𑩒𑩓𑩔𑩕𑩖𑩗𑩘𑩙𑩚𑩛𑩜𑩝𑩞𑩟𑩠𑩡𑩢𑩣𑩤𑩥𑩦𑩧𑩨𑩩𑩪𑩫𑩬𑩭𑩮𑩯𑩰𑩱𑩲𑩳𑩴𑩵𑩶𑩷𑩸𑩹𑩺𑩻𑩼𑩽𑩾𑩿𑪀𑪁𑪂𑪃𑪄𑪅𑪆𑪇𑪈𑪉𑪊𑪋𑪌𑪍𑪎𑪏𑪐𑪑𑪒𑪓𑪔𑪕𑪖𑪗𑪘𑪙𑪚𑪛𑪜𑪝𑪞𑪟𑪠𑪡𑪢𑪣𑪤𑪥𑪦𑪧𑪨𑪩𑪪𑪫𑪬𑪭𑪮𑪯𑪰𑪱𑪲𑪳𑪴𑪵𑪶𑪷𑪸𑪹𑪺𑪻𑪼𑪽𑪾𑪿𑫀𑫁𑫂𑫃𑫄𑫅𑫆𑫇𑫈𑫉𑫊𑫋𑫌𑫍𑫎𑫏𑫐𑫑𑫒𑫓𑫔𑫕𑫖𑫗𑫘𑫙𑫚𑫛𑫜𑫝𑫞𑫟𑫠𑫡𑫢𑫣𑫤𑫥𑫦𑫧𑫨𑫩𑫪𑫫𑫬𑫭𑫮𑫯𑫰𑫱𑫲𑫳𑫴𑫵𑫶𑫷𑫸𑫹𑫺𑫻𑫼𑫽𑫾𑫿𑬀𑬁𑬂𑬃𑬄𑬅𑬆𑬇𑬈𑬉𑬊𑬋𑬌𑬍𑬎𑬏𑬐𑬑𑬒𑬓𑬔𑬕𑬖𑬗𑬘𑬙𑬚𑬛𑬜𑬝𑬞𑬟𑬠𑬡𑬢𑬣𑬤𑬥𑬦𑬧𑬨𑬩𑬪𑬫𑬬𑬭𑬮𑬯𑬰𑬱𑬲𑬳𑬴𑬵𑬶𑬷𑬸𑬹𑬺𑬻𑬼𑬽𑬾𑬿𑭀𑭁𑭂𑭃𑭄𑭅𑭆𑭇𑭈𑭉𑭊𑭋𑭌𑭍𑭎𑭏𑭐𑭑𑭒𑭓𑭔𑭕𑭖𑭗𑭘𑭙𑭚𑭛𑭜𑭝𑭞𑭟𑭠𑭡𑭢𑭣𑭤𑭥𑭦𑭧𑭨𑭩𑭪𑭫𑭬𑭭𑭮𑭯𑭰𑭱𑭲𑭳𑭴𑭵𑭶𑭷𑭸𑭹𑭺𑭻𑭼𑭽𑭾𑭿𑮀𑮁𑮂𑮃𑮄𑮅𑮆𑮇𑮈𑮉𑮊𑮋𑮌𑮍𑮎𑮏𑮐𑮑𑮒𑮓𑮔𑮕𑮖𑮗𑮘𑮙𑮚𑮛𑮜𑮝𑮞𑮟𑮠𑮡𑮢𑮣𑮤𑮥𑮦𑮧𑮨𑮩𑮪𑮫𑮬𑮭𑮮𑮯𑮰𑮱𑮲𑮳𑮴𑮵𑮶𑮷𑮸𑮹𑮺𑮻𑮼𑮽𑮾𑮿𑯀𑯁𑯂𑯃𑯄𑯅𑯆𑯇𑯈𑯉𑯊𑯋𑯌𑯍𑯎𑯏𑯐𑯑𑯒𑯓𑯔𑯕𑯖𑯗𑯘𑯙𑯚𑯛𑯜𑯝𑯞𑯟𑯠𑯡𑯢𑯣𑯤𑯥𑯦𑯧𑯨𑯩𑯪𑯫𑯬𑯭𑯮𑯯𑯰𑯱𑯲𑯳𑯴𑯵𑯶𑯷𑯸𑯹𑯺𑯻𑯼𑯽𑯾𑯿𑰀𑰁𑰂𑰃𑰄𑰅𑰆𑰇𑰈𑰉𑰊𑰋𑰌𑰍𑰎𑰏𑰐𑰑𑰒𑰓𑰔𑰕𑰖𑰗𑰘𑰙𑰚𑰛𑰜𑰝𑰞𑰟𑰠𑰡𑰢𑰣𑰤𑰥𑰦𑰧𑰨𑰩𑰪𑰫𑰬𑰭𑰮𑰯𑰰𑰱𑰲𑰳𑰴𑰵𑰶𑰷𑰸𑰹𑰺𑰻𑰼𑰽𑰾𑰿𑱀𑱁𑱂𑱃𑱄𑱅𑱆𑱇𑱈𑱉𑱊𑱋𑱌𑱍𑱎𑱏𑱐𑱑𑱒𑱓𑱔𑱕𑱖𑱗𑱘𑱙𑱚𑱛𑱜𑱝𑱞𑱟𑱠𑱡𑱢𑱣𑱤𑱥𑱦𑱧𑱨𑱩𑱪𑱫𑱬𑱭𑱮𑱯𑱰𑱱𑱲𑱳𑱴𑱵𑱶𑱷𑱸𑱹𑱺𑱻𑱼𑱽𑱾𑱿𑲀𑲁𑲂𑲃𑲄𑲅𑲆𑲇𑲈𑲉𑲊𑲋𑲌𑲍𑲎𑲏𑲐𑲑𑲒𑲓𑲔𑲕𑲖𑲗𑲘𑲙𑲚𑲛𑲜𑲝𑲞𑲟𑲠𑲡𑲢𑲣𑲤𑲥𑲦𑲧𑲨𑲩𑲪𑲫𑲬𑲭𑲮𑲯𑲰𑲱𑲲𑲳𑲴𑲵𑲶𑲷𑲸𑲹𑲺𑲻𑲼𑲽𑲾𑲿𑳀𑳁𑳂𑳃𑳄𑳅𑳆𑳇𑳈𑳉𑳊𑳋𑳌𑳍𑳎𑳏𑳐𑳑𑳒𑳓𑳔𑳕𑳖𑳗𑳘𑳙𑳚𑳛𑳜𑳝𑳞𑳟𑳠𑳡𑳢𑳣𑳤𑳥𑳦𑳧𑳨𑳩𑳪𑳫𑳬𑳭𑳮𑳯𑳰𑳱𑳲𑳳𑳴𑳵𑳶𑳷𑳸𑳹𑳺𑳻𑳼𑳽𑳾𑳿𑴀𑴁𑴂𑴃𑴄𑴅𑴆𑴇𑴈𑴉𑴊𑴋𑴌𑴍𑴎𑴏𑴐𑴑𑴒𑴓𑴔𑴕𑴖𑴗𑴘𑴙𑴚𑴛𑴜𑴝𑴞𑴟𑴠𑴡𑴢𑴣𑴤𑴥𑴦𑴧𑴨𑴩𑴪𑴫𑴬𑴭𑴮𑴯𑴰𑴱𑴲𑴳𑴴𑴵𑴶𑴷𑴸𑴹𑴺𑴻𑴼𑴽𑴾𑴿𑵀𑵁𑵂𑵃𑵄𑵅𑵆𑵇𑵈𑵉𑵊𑵋𑵌𑵍𑵎𑵏𑵐𑵑𑵒𑵓𑵔𑵕𑵖𑵗𑵘𑵙𑵚𑵛𑵜𑵝𑵞𑵟𑵠𑵡𑵢𑵣𑵤𑵥𑵦𑵧𑵨𑵩𑵪𑵫𑵬𑵭𑵮𑵯𑵰𑵱𑵲𑵳𑵴𑵵𑵶𑵷𑵸𑵹𑵺𑵻𑵼𑵽𑵾𑵿𑶀𑶁𑶂𑶃𑶄𑶅𑶆𑶇𑶈𑶉𑶊𑶋𑶌𑶍𑶎𑶏𑶐𑶑𑶒𑶓𑶔𑶕𑶖𑶗𑶘𑶙𑶚𑶛𑶜𑶝𑶞𑶟𑶠𑶡𑶢𑶣𑶤𑶥𑶦𑶧𑶨𑶩𑶪𑶫𑶬𑶭𑶮𑶯𑶰𑶱𑶲𑶳𑶴𑶵𑶶𑶷𑶸𑶹𑶺𑶻𑶼𑶽𑶾𑶿𑷀𑷁𑷂𑷃𑷄𑷅𑷆𑷇𑷈𑷉𑷊𑷋𑷌𑷍𑷎𑷏𑷐𑷑𑷒𑷓𑷔𑷕𑷖𑷗𑷘𑷙𑷚𑷛𑷜𑷝𑷞𑷟𑷠𑷡𑷢𑷣𑷤𑷥𑷦𑷧𑷨𑷩𑷪𑷫𑷬𑷭𑷮𑷯𑷰𑷱𑷲𑷳𑷴𑷵𑷶𑷷𑷸𑷹𑷺𑷻𑷼𑷽𑷾𑷿𑸀𑸁𑸂𑸃𑸄𑸅𑸆𑸇𑸈𑸉𑸊𑸋𑸌𑸍𑸎𑸏𑸐𑸑𑸒𑸓𑸔𑸕𑸖𑸗𑸘𑸙𑸚𑸛𑸜𑸝𑸞𑸟𑸠𑸡𑸢𑸣𑸤𑸥𑸦𑸧𑸨𑸩𑸪𑸫𑸬𑸭𑸮𑸯𑸰𑸱𑸲𑸳𑸴𑸵𑸶𑸷𑸸𑸹𑸺𑸻𑸼𑸽𑸾𑸿𑹀𑹁𑹂𑹃𑹄𑹅𑹆𑹇𑹈𑹉𑹊𑹋𑹌𑹍𑹎𑹏𑹐𑹑𑹒𑹓𑹔𑹕𑹖𑹗𑹘𑹙𑹚𑹛𑹜𑹝𑹞𑹟𑹠𑹡𑹢𑹣𑹤𑹥𑹦𑹧𑹨𑹩𑹪𑹫𑹬𑹭𑹮𑹯𑹰𑹱𑹲𑹳𑹴𑹵𑹶𑹷𑹸𑹹𑹺𑹻𑹼𑹽𑹾𑹿𑺀𑺁𑺂𑺃𑺄𑺅𑺆𑺇𑺈𑺉𑺊𑺋𑺌𑺍𑺎𑺏𑺐𑺑𑺒𑺓𑺔𑺕𑺖𑺗𑺘𑺙𑺚𑺛𑺜𑺝𑺞𑺟𑺠𑺡𑺢𑺣𑺤𑺥𑺦𑺧𑺨𑺩𑺪𑺫𑺬𑺭𑺮𑺯𑺰𑺱𑺲𑺳𑺴𑺵𑺶𑺷𑺸𑺹𑺺𑺻𑺼𑺽𑺾𑺿𑻀𑻁𑻂𑻃𑻄𑻅𑻆𑻇𑻈𑻉𑻊𑻋𑻌𑻍𑻎𑻏𑻐𑻑𑻒𑻓𑻔𑻕𑻖𑻗𑻘𑻙𑻚𑻛𑻜𑻝𑻞𑻟𑻠𑻡𑻢𑻣𑻤𑻥𑻦𑻧𑻨𑻩𑻪𑻫𑻬𑻭𑻮𑻯𑻰𑻱𑻲𑻳𑻴𑻵𑻶𑻷𑻸𑻹𑻺𑻻𑻼𑻽𑻾𑻿𑼀𑼁𑼂𑼃𑼄𑼅𑼆𑼇𑼈𑼉𑼊𑼋𑼌𑼍𑼎𑼏𑼐𑼑𑼒𑼓𑼔𑼕𑼖𑼗𑼘𑼙𑼚𑼛𑼜𑼝𑼞𑼟𑼠𑼡𑼢𑼣𑼤𑼥𑼦𑼧𑼨𑼩𑼪𑼫𑼬𑼭𑼮𑼯𑼰𑼱𑼲𑼳𑼴𑼵𑼶𑼷𑼸𑼹𑼺𑼻𑼼𑼽𑼾𑼿𑽀𑽁𑽂𑽃𑽄𑽅𑽆𑽇𑽈𑽉𑽊𑽋𑽌𑽍𑽎𑽏𑽐𑽑𑽒𑽓𑽔𑽕𑽖𑽗𑽘𑽙𑽚𑽛𑽜𑽝𑽞𑽟𑽠𑽡𑽢𑽣𑽤𑽥𑽦𑽧𑽨𑽩𑽪𑽫𑽬𑽭𑽮𑽯𑽰𑽱𑽲𑽳𑽴𑽵𑽶𑽷𑽸𑽹𑽺𑽻𑽼𑽽𑽾𑽿𑾀𑾁𑾂𑾃𑾄𑾅𑾆𑾇𑾈𑾉𑾊𑾋𑾌𑾍𑾎𑾏𑾐𑾑𑾒𑾓𑾔𑾕𑾖𑾗𑾘𑾙𑾚𑾛𑾜𑾝𑾞𑾟𑾠𑾡𑾢𑾣𑾤𑾥𑾦𑾧𑾨𑾩𑾪𑾫𑾬𑾭𑾮𑾯𑾰𑾱𑾲𑾳𑾴𑾵𑾶𑾷𑾸𑾹𑾺𑾻𑾼𑾽𑾾𑾿𑿀𑿁𑿂𑿃𑿄𑿅𑿆𑿇𑿈𑿉𑿊𑿋𑿌𑿍𑿎𑿏𑿐𑿑𑿒𑿓𑿔𑿕𑿖𑿗𑿘𑿙𑿚𑿛𑿜𑿝𑿞𑿟𑿠𑿡𑿢𑿣𑿤𑿥𑿦𑿧𑿨𑿩𑿪𑿫𑿬𑿭𑿮𑿯𑿰𑿱𑿲𑿳𑿴𑿵𑿶𑿷𑿸𑿹𑿺𑿻𑿼𑿽𑿾𑿿𑀀𑀁𑀂𑀃𑀄𑀅𑀆𑀇𑀈𑀉𑀊𑀋𑀌𑀍𑀎𑀏𑀐𑀑𑀒𑀓𑀔𑀕𑀖𑀗𑀘𑀙𑀚𑀛𑀜𑀝𑀞𑀟𑀠𑀡𑀢𑀣𑀤𑀥𑀦𑀧𑀨𑀩𑀪𑀫𑀬𑀭𑀮𑀯𑀰𑀱𑀲𑀳𑀴𑀵𑀶𑀷𑀸𑀹𑀺𑀻𑀼𑀽𑀾𑀿𑁀𑁁𑁂𑁃𑁄𑁅𑁆𑁇𑁈𑁉𑁊𑁋𑁌𑁍𑁎𑁏𑁐𑁑𑁒𑁓𑁔𑁕𑁖𑁗𑁘𑁙𑁚𑁛𑁜𑁝𑁞𑁟𑁠𑁡𑁢𑁣𑁤𑁥𑁦𑁧𑁨𑁩𑁪𑁫𑁬𑁭𑁮𑁯𑁰𑁱𑁲𑁳𑁴𑁵𑁶𑁷𑁸𑁹𑁺𑁻𑁼𑁽𑁾𑁿𑂀𑂁𑂂𑂃𑂄𑂅𑂆𑂇𑂈𑂉𑂊𑂋𑂌𑂍𑂎𑂏𑂐𑂑𑂒𑂓𑂔𑂕𑂖𑂗𑂘𑂙𑂚𑂛𑂜𑂝𑂞𑂟𑂠𑂡𑂢𑂣𑂤𑂥𑂦𑂧𑂨𑂩𑂪𑂫𑂬𑂭𑂮𑂯𑂰𑂱𑂲𑂳𑂴𑂵𑂶𑂷𑂸𑂺𑂹𑂻𑂼𑂽𑂾𑂿𑃀𑃁𑃂𑃃𑃄𑃅𑃆𑃇𑃈𑃉𑃊𑃋𑃌𑃍𑃎𑃏𑃐𑃑𑃒𑃓𑃔𑃕𑃖𑃗𑃘𑃙𑃚𑃛𑃜𑃝𑃞𑃟𑃠𑃡𑃢𑃣𑃤𑃥𑃦𑃧𑃨𑃩𑃪𑃫𑃬𑃭𑃮𑃯𑃰𑃱𑃲𑃳𑃴𑃵𑃶𑃷𑃸𑃹𑃺𑃻𑃼𑃽𑃾𑃿𑄀𑄁𑄂𑄃𑄄𑄅𑄆𑄇𑄈

то благоговѣйные изъ города Рачжагрѣхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана умиротворенія разъединившихся хувараконъ» (འཕུལ་པའི་འཇམ་གཏུག་ལ་འཕུལ་བའི་འཇམ་གཏུག་); настоящий (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственные средства тушѣту-хановскаго аймака улусъ-туръ тусалакчй-гунъ Холочй и младшій братъ эрдэни-чжононъ-дайчинъ Намчжалъ-дорчжйя, пандита гэлунъ-тоинъ Хлунтубъ.

№ 30-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (འཕུལ་བའི་འཇམ་གཏུག་); настоящий (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ гэлунъ-лбунъ Лобсанъ-отсэръ, изъ хошүна цзюнь-вана Дорчжй-чжаба, кандидата сеймоваго старшины тушѣту-хановскаго-аймака.

№ 31-й. Когда будда Шигэмүни родился въ саду Ломби, то благоговѣйные, во главѣ съ ханомъ Соддаданюу, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана мирнаго пришествія» (འཕུལ་བའི་འཇམ་གཏུག་); настоящий (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственные средства тушѣту-хановцы: простолюдинъ Чжиса-абтанъ, изъ хошүна цзянь-цзюнь-вана и гэлунъ Гэлэкъ, изъ хошүна кандидата сеймоваго старшины, цзюнь-вана Дорчжй-чжаба.

№ 32-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную боди, то благоговѣйные во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магадха, Роба-гарбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «боди субургана»; (འཕུལ་བའི་འཇམ་གཏུག་) настоящий (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ собственнымъ тщаніемъ эрдэни-цзүскій дайчинъ Дорчжй-лама, тушѣту-хановскаго-аймака.

№ 33-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмүни вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанашй (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эва-тэй-Самбб, построили (пирамиду) сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящий (такой же) предметъ поклоненія воздвигла собственнымъ тщаніемъ Эрхэ-бодисүкъ, мать Сайнъ-нойна.

№ 34-й. Когда будда Шигэмүни въ рошѣ Чжада укротилъ еретиковъ, то благоговѣйные изъ города Ширавасты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжай'емъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана магическихъ превращеній» (འཕུལ་བའི་འཇམ་གཏུག་); на-

стоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ дургэчи-гунъ Эрйнъ-дорчжи, сѣйнъ-нойновскаго аймака.

№ 35-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хуваракъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрѣхи, во главѣ съ милостынедательемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана умиротворенія разъединившихся хуваракъ» (ᠰᠤᠪᠤᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠮᠢᠷᠣᠲᠤᠨᠠ ᠤᠯᠢᠷᠣᠳᠤᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠢᠭᠡᠨᠠ ᠬᠤᠪᠠᠷᠠᠬᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственные средства тѣйчжи Чибакъ-чжабъ, изъ хошүна дүрбэтскаго гуна Чимэтгъ-пала.

№ 36-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (ᠰᠤᠪᠤᠷᠭᠠᠨᠠ ᠨᠢᠰᠬᠣᠵᠢᠨᠠ ᠶ᠋ᠨᠠᠨᠠ ᠬᠤᠨᠠᠳᠤ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудили князья пяти байтскихъ хошүновъ: бэйсэ Хлама-чжабъ, түшѣ-гунъ Ылцээй-орошиху, гунъ Боди-гэрэдь, цзасакъ-Бүхэ и цзасакъ-Бодишири.

№ 37-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія лѣтъ своей жизни совершилъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали соорудили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана благословенія» (ᠰᠤᠪᠤᠷᠭᠠᠨᠠ ᠪᠯᠠᠭᠣᠰᠯᠣᠪᠦᠨᠢ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія построилъ на собственный счетъ тѣйнь Цэрэнъ-паль, изъ хошүна түшѣтүхана.

№ 38-й. Когда будда Шигэмүни проявилъ въ роцѣ Сбнъ прехождение отъ страданій, то благоговѣйные города Кѣша, во главѣ съ Бѣкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана пожеланія нирваны»; (ᠰᠤᠪᠤᠷᠭᠠᠨᠠ ᠨᠢᠷᠠᠮᠤᠨᠠ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства шабинець эрдэни-цзү'скаго Номчи порчжи-ламы, нансү Самбѣ.

№ 39-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магадха, Рѣба-гарбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подѣ именемъ «субургана укрощенія шимнүсовъ» (ᠰᠤᠪᠤᠷᠭᠠᠨᠠ ᠤᠬᠤᠷᠣᠳᠤᠨᠠ ᠶ᠋ᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠰᠣᠪᠣᠸᠣᠨᠠ ᠶ᠋ᠨᠠᠶ᠋ᠢᠨᠠ ᠰᠢᠮᠢᠨᠢᠭᠤᠰᠣᠪᠣ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственные средства шабинець Чжэб-цзүнь-дамбы, тѣйнь Наванъ.

На сѣверо-восточномъ углуномъ субурганѣ № 40-й находится слѣдующая надпись:

Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благо-

словеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана всесовершенства» (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།); настоящій (такой же) предметъ поклоненія поначалу построили въ складчину восемь гэлүновъ, шабинцевъ эрдэнь-цзүскаго ширѣтүя, ачиту-ламы, Гунцука, а потомъ возобновилъ тѣнь Цэвѣнь-гѣмбо, изъ хошүна-гуна Намчжалъ-дорчжй, тшүштү-хѣновскаго-аймака.

№ 41-й. Когда будда Шигэмүни проявилъ въ рошѣ Сѣнь прехожденіе отъ страданій, то благоговѣйные города Кѣша, во главѣ съ Бѣкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана пожеланія нирвѣны» (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ на собственные средства гэцүль Хичѣхү-шарабъ, изъ хошүна амбанъ цзѣнь-цзюнь вана, тшүштү-хѣновскаго-аймака.

№ 42-й. Когда будда Шигэмүни согласилъ споры хуварѣковъ въ рошѣ «священнаго ученія», то благоговѣйные изъ городовъ Рачжагрѣхи и Магѣды построили (пирамиду), получившую названіе «обладающаго истинными свойствами благотворительности субургана» (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственные средства Дайчинъ-Цэдэнь-чжабъ, изъ хошүна гуна Сандүбъ-дорчжй тшүштү-хѣновскаго-аймака.

№ 43-й. Когда будда Шигэмүни въ рошѣ Чжада укротилъ еретиковъ и показалъ массу магическихъ превращеній, то благоговѣйные изъ города Шравѣсты, во главѣ съ милостынедателемъ Личжаемъ, построили (пирамиду), которую они назвали «построеннымъ въ силу укрощенія еретиковъ субурганомъ» (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ хѣфанъ-Добчжй, изъ хошүна тайчжйя 1-й ст. Тамаринъ-чжаба, сѣйнь-нойновскаго-аймака.

№ 44-й. Когда будда Шигэмүни на берегу рѣки Наранчжана укротилъ шимнүсовъ и приобрѣлъ всесовершенную бѣди, то благоговѣйные, во главѣ съ повелителемъ городовъ Рачжагрѣха и Магѣдха, Рѣба-гѣрбою, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана укрощенія шимнүсовъ»; (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།) настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственный счетъ ученикъ седьмого эрдэнь-цзүскаго номчй-цѣрчжй, лама медикъ Лобсѣнь-балдѣнь.

№ 45-й. Когда будда Шигэмүни въ городѣ Варанѣши (Бенаресѣ) началъ свою проповѣдь, то благоговѣйные изъ этого города построили (пирамиду), получившую названіе «субургана вращанія колеса священнаго ученія» (འཕགས་པ་ལྷན་སྐྱོང་གི་འཇམ་དཔལ་མཚན་ལྷན་སྐྱོང་།) настоящій (такой же) предметъ поклоненія совмѣстно воздвигли: тшүштү-хѣновскаго аймака гунъ-Хо-

лочи, дарханъ-хун-тайчжи Сундубъ-дорчжи, мать ихъ Цаганъ-дара и младшія сестры Долма-чжабъ, Ногбнъ-дара и Цэрэнъ-чжатъ.

№ 46-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана всесовершенства» (𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственные средства шабинки Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, убасанца-Цэрэнъ и дѣвица Намчжалъ-чжабъ.

№ 47-й. Когда будда Шигэмүни родился въ саду Лмби, то благоговѣйные, во главѣ съ ханомъ Соддаданю, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана мирнаго пришествія» (𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудилъ на собственные средства хуваракъ Найданъ, принадлежащій къ хошүнному монастырю цзасака, тусалакчи-гуна Гомбо-чжаба, цэцэнъ-хановскаго-аймака.

№ 48-й. Когда всеобщій учитель, будда Шигэмүни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанаша (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ съ Эвэ-тэй-Самбб, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ тушѣту-хановскаго-аймака, хошүна-цзасака Урчжанъ-чжаба, гэлунъ Дакба и цзангинъ Цэрэнъ-даши.

№ 49-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ построили: гэцүль Чоймпилъ и хуваракъ Чжимба, — оба изъ хошүна гуна Намчжалъ-дорчжи, тушѣту-хановскаго-аймака.

№ 50-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подъ именемъ «субургана всесовершенства» (𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ цзасакъ туруйнъ-бэйлэ Дакданъ-дорчжи, старшина Хэрүлэнъ Барсъ-хотаскаго-сейма.

На юго-восточномъ углуномъ субурганѣ № 51-й находится такая надпись:

Когда всеобщій учитель, будда Шигэмүни, вращалъ колесо священнаго ученія въ городѣ Варанаша (Бенаресѣ), то благоговѣйные, во главѣ

съ Эвэ-тэй-Самбб, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «обладающаго многочисленными вратами премудрости субургана»; настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли собственнымъ тщаніемъ поначалу третій Вачирай багү-түшѣтү-хань, а потомъ возсоорудили снова супруга пятаго түшѣтү-хана, Цэдэнъ-дорчжия, ханьша Отсэръ-чжэть и сыновья его: гунь Дянъ-хунтайчжи, Дондобъ-дорчжй, тайчжй Цэрэнъ-дорчжй.

№ 52-й. Когда будда Шигэмүни проявилъ въ роцѣ Сбнь прехождение отъ страданій, то благоговѣйные города Кбша, во главѣ съ Ббкэ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана пожеланія нирваны»; (ᠰᠢᠭᠡᠮᠦᠨᠢ ᠰᠢᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠢ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигли на собственные средства тойнь-Санцзай и гэцүль-Идәмъ, сыновья тайчжия түшѣтү-хановскаго хошүна Убашй, въ память о своемъ скончавшемся родителѣ.

№ 53-й. Когда будда Шигэмүни въ роцѣ «Священнаго ученія» привелъ въ полное согласіе обуревавшихся взаимными распрями хувараконъ, то благоговѣйные изъ города Рачжагрйхи, во главѣ съ милостынедателемъ Махатва, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана умиротворенія разъединившихся хувараконъ» (ᠰᠢᠭᠡᠮᠦᠨᠢ ᠰᠢᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠢ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія воздвигъ самолично гэцүль-Дамба, изъ хошүна амбанъ, цзянь-цзюнь, эфу, түшѣтү-хановскаго-аймака.

№ 54-й. Когда будда Шигэмүни спустился съ неба, то благоговѣйные изъ города Вайсали, во главѣ съ домохозяиномъ Шильдэк'омъ, построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана нисхожденія съ неба» (ᠰᠢᠭᠡᠮᠦᠨᠢ ᠰᠢᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠢ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ шабинець чжэбцзүнь дамба-хутухты, тойнь Дамдинъ.

№ 55-й. Когда будда Шигэмүни родился въ саду Лбмби, то благоговѣйные, во главѣ съ ханомъ Соддаданюу, воздвигли (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана мирнаго пришествія» (ᠰᠢᠭᠡᠮᠦᠨᠢ ᠰᠢᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠢ); настоящій (такой же) предметъ поклоненія соорудили на собственные средства вторая жена түшѣтү-хана Дарь-дулгарь-чжэть и сыновья его: чиндамани-цэдэнъ-тойнь Цэрэнъ-чжишй-дорчжй и тайчжй 1-й ст. Сондмъ-пунцүкъ-дорчжй.

№ 56-й. Когда будда Шигэмүни ради продленія своей жизни произнесъ благословеніе, то благоговѣйные изъ города Вайсали построили (пирамиду), сдѣлавшуюся извѣстною подь именемъ «субургана всесовершенства»

Ургү и составляющей теперь уже ургинскую святыню; г) заново отдѣланъ былъ также Лабранъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ, съ находящимися по бокамъ его двумя зданіями тибетской архитектуры, а надъ дверями его повѣшена была отдѣланная въ вызолоченную рамку дощечка съ надписью: «Дворецъ Богдѣ-гэгэна, — конечная вершина великаго спокойствія» (འགྲུབ་ལྔ་འཇུག་པོ་གྲོ་ལོ་ལྷན་སྐྱོང་གི་ཡུལ་གྱི་ལྷན་སྐྱོང་ཡུལ་གྱི་ལྷན་སྐྱོང་). Зданіе это вмѣстѣ съ ведущими къ нему воротами китайскаго стиля, безспорно, нужно признать самымъ элегантнымъ изъ всѣхъ эрдэнь-цзускихъ построекъ тибетской архитектуры. Въ «атласѣ древностей Монголіи» В. В. Радлова, (л. XXXIX. 2) снимокъ его сдѣланъ при крайне неудачномъ выборѣ пункта: почти вся постройка скрывается за уродливымъ заборомъ и отъ изящнаго произведенія едва — видна только крыша; поэтому позволяя себѣ представить здѣсь сдѣланный мною снимокъ его, я долженъ еще замѣтить, что почтенный академикъ ошибочно именуетъ эту постройку кумирнею Дакдинъ-цойнхоръ. Въ дѣйствительности это, какъ уже было

Лабранъ въ Эрдэнь-цзү.

замѣчено нами, не болѣе какъ дворецъ хутухтѣ, что, помимо нашихъ личныхъ изслѣдованій, доказывается и находящеюся на немъ вышепредставленною надписью; д) капитальный ремонтъ былъ произведенъ также въ кумирняхъ аймака Даші-чдй-линъ, для поправки которыхъ были вызваны специальные мастерские китайцы изъ Хухү-хотѣ, въ числѣ 40 человекъ. Но самыя главныя работы были произведены въ мона-

стырскихъ стѣнахъ. Надлежитъ замѣтить, что до 1804 года Эрдэни-цзү'скій монастырь вовсе не былъ окруженъ стѣнами. Когда въ 1804 году вокругъ обители было построено 56 субургановъ, сложенныхъ изъ обоженнаго кирпича, а засимъ, въ 1808 году число таковыхъ субургановъ было доведено до 92-хъ, то пространство между этими субурганами было заложено стѣнами частію изъ сырцеваго кирпича, а частію глинобитными, имѣвшими толщины не менѣе $1\frac{1}{2}$ сажени; такимъ образомъ весь монастырь получилъ вокругъ себя сплошную ограду. При посѣщеніи мною Эрдэни-цзү въ 1877 году, бѣльшая часть этихъ глинобитныхъ стѣнъ развалилась, представляла собою картину полнаго разрушенія и даже не походила на стѣны, а образовала вокругъ всего монастыря, такъ сказать, земляные валы, между которыми субурганы выглядывали какъ какіе нибудь маяки. Въ настоящую пору здѣсь представился мнѣ совершенно иной видъ: глинобитныя стѣны между субурганами были возведены снова, при чемъ глина, ради большей прочности, смѣшивалась въ нихъ съ плитнякомъ. Присутствіе въ этой глинобитной части стѣнъ круглыхъ отверстій показываетъ, что глина скрѣплялась еще и бревнами. Помимо сего ламы рѣшили теперь облицевать всю ограду монастыря кирпичемъ, но пока успѣли только отдѣлать облицовку гэгэновскихъ воротъ, расположенныхъ по четыремъ сторонамъ монастыря, да соприкасающихся этимъ воротамъ стѣнъ, въ размѣрѣ двухъ звеньевъ въ каждую изъ сторонъ, а всего слѣдовательно 16 звеньевъ. Дальнѣйшія работы ламы должны были пока прекратить по недостатку средствъ, такъ какъ въ общемъ постройки эти обходились все-таки дорого, несмотря на то, что потребный для работъ кирпичъ монголы выдѣлывали сами въ Хангаѣ; глину для выдѣлки его они брали на лѣвой сторонѣ Орхона и тамъ же обжигали кирпичъ, а въ Цзү привозили уже совершенно готовый. Известь получалась съ береговъ Таміра, обжигалась на мѣстѣ и привозилась въ Цзү также готовою. Главнѣйшій расходъ представляла самая работа, которую производили китайскіе мастеровые, вызванные изъ Хухү-хотѣ: по вычисленію, имъ приходилось уплачивать за облицовку съ двухъ сторонъ каждаго звена стѣны по 40 ланъ серебра, т. е. около 80 сер. руб., при готовомъ содержаніи рабочихъ и выдачѣ имъ готоваго матеріала. Къ этому нужно прибавить еще, что рабочіе вели свое дѣло крайне плохо и въ настоящую пору какъ фундаменты многихъ субургановъ, такъ и самыя стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже потрескались и вѣроятно разрушатся гораздо прежде, чѣмъ вся ограда будетъ приведена къ окончанію своею облицовкою.

Меня чрезвычайно интересовалъ вопросъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ халхасами на обновленіе Эрдэни-цзү; поэтому, осмотрѣвъ произве-

денныя работы, я зашелъ къ знакомому мнѣ нирбѣ и просилъ его показать мнѣ дѣло о постройкѣ. Я ожидалъ, что онъ выложитъ передо мною цѣлый фоліантъ, но, къ удивленію, онъ подалъ мнѣ очень тощую тетрадку. Занявшись ею на своей квартирѣ, я увидѣлъ здѣсь прежде всего именно извѣщенія различныхъ князей и хошунъ о пожертвованіяхъ и вотъ что оказалось по этимъ извѣщеніямъ.

1) а) Тушѣтү-хъанъ, не опредѣляя суммы своего пожертвованія, писалъ, что онъ доставитъ его лично.

б) Хошунъ его увѣдомлялъ, что на нужды построекъ имъ опредѣлено пожертвовать двѣ лошади.

2) Изъ хошуннаго управленія Дъ-цинъ-вана сообщалось, что со стороны самого Дъ-цинъ-вана и его податныхъ представляется 10 лошадей.

3) Отъ Хэбэй-вана (т. е. Мэргэнъ-вана) было заявлено, что Хэбэй-ванъ и его хошунные податные, обративъ свои пожертвованія въ деньги, препровождаютъ всего 35 ланъ.

4) Изъ хошунъ бывшаго Нъ-бэйсэ¹⁾ увѣдомлялось, что семействомъ Нъ-бэйсэ, въ память покойнаго князя, жертвовалось 500 ланъ серебра.

5) а) Тушѣ-гүна Цэрэнъ-дорчжй было два личныхъ пожертвованія: въ 1882 г. 100 ланъ и въ 1883 г. 200 ланъ.

б) Отъ хошунъ его, по особому сборному листу, значилось пожертвованными 84 ланы.

6) а) Гунъ Цэдэнъ-сондмъ, не объявляя суммы своего пожертвованія, сообщалъ, что доставитъ таковое лично.

б) Отъ хошунъ его по подпискѣ собрано 18 ланъ.

7—10) Отъ хошунъ гунъвъ Мишйкъ-дорчжй, Мифанъ-чисдтъ-бабү-дорчжй, Сондмъ-цэрэна, и цзасака Цэдэръ-пала, какъ со стороны самихъ цзасакдвъ, такъ и ихъ хошунъвъ, было препровождено черезъ сеймовое управленіе по особымъ спискамъ всего 42 ланы.

11) Отъ хошунъ Найданъ-сордона сообщалось, что пожертвованія, собранныя разнаго рода вещами, были обращены въ деньги, каковыя и препровождаются въ монастырь въ числѣ 13 ланъ; что же касается пожертвованнаго скота, то таковой, въ количествѣ 3 лошадей, 1 быка и 7 овецъ, хранится въ хошунѣ.

12) Отъ гүна Донддбъ-чжалбд-паламъ-дорчжй поступило: одинъ кусокъ даламбу и одинъ хадакъ.

13) Отъ управленія хошунъ состоящаго въ званіи гуна цзасака Цэ-

1) Дѣло относится къ 1886 г., когда Пунъ-бэйсэ еще не былъ утвержденъ въ своемъ званіи послѣ отца его, Нъ-бэйсэ, умершаго въ 1883 году.

рэнъ-дорчжй сообщено, что со стороны гуна и его хошунныхъ податныхъ поступило на обновленіе Эрдэнъ-цзү'скаго монастыря всего 30 ланъ.

14—15) Отъ хошунъ цзасаковъ Цзамьянъ-хорло и Сондмъ-дорчжй было заявлено, что со времени объявленія о сборѣ пожертвованій по новолѣтіе 1886 г. никакихъ суммъ на сей предметъ не поступало, но что хошунъ постарается доставить таковыя вполнѣдствіи.

16) Отъ хошүна бывшаго цзасакъ Урчжанъ-чжаба сообщалось, что, за обѣднѣніемъ хошүна, ни вещей, ни денегъ для пожертвованія въ ономъ не оказалось.

17—19) Относительно хошунъ Цзянь-цзюнь вана (О-вана), гуна Турү-болдта и цзасакъ Цэрэнъ-дондоба сеймовое управленіе сообщало въ эрдэнъ-цзүскій чжися, что отъ нихъ не поступало никакихъ сообщеній о производствѣ сбора пожертвованій.

Засимъ въ дѣлѣ значилось еще, что для надзора за производствомъ построекъ была составлена коммиссія, въ составъ которой входили отъ шабінскаго вѣдомства дѣ-лама Тобчжй, отъ хянь-үла'скаго сейма цзакхирхчй хошүна бывшаго Нѣ-бэйсэ, Чжамсаранъ, и спеціально отъ хошүна Түшүтү-хана одинъ тайчжи, съ состоящимъ при немъ писмоводителемъ. Коммиссія эта, по словамъ мѣстныхъ ламъ, не собиралась ни разу, такъ какъ дѣ-лама обязанъ былъ присутствовать въ шабінскомъ ймунѣ; цзакхирхчй Чжамсаранъ, за смертію Нѣ-бэйсэ, управлялъ хошунномъ; что же касается түшүтү хановскаго тайчжи, то, оставаясь одинъ, онъ, волей неволей, долженъ былъ предоставить все дѣло веденія постройки настоятелю монастыря и монастырскому казначейству. По увѣренію ламъ, съ которыми я велъ далѣе бесѣды по этому предмету, всѣ произведенныя ими доселѣ работы стояли около 6,000 ланъ, въ настоящую же пору монастырское казначейство, израсходовавъ всѣ находящіяся у него суммы, продолжать работъ рѣшительно не можетъ. Я спросилъ, что же думаютъ дѣлать ламы вполнѣдствіи, и что намѣрены они предпринять, чтобы довести дѣло до конца? Но въ отвѣтъ на это послышались надежды на будду, на гэгэна и на судьбу. Каждый по своему выражалъ и свои жалобы, и свои вѣрованія; наконецъ, ко мнѣ, какъ къ вѣщему ученому, приступили даже съ просьбою испытать землю, при чемъ мнѣ сообщили общее ламское повѣрье, якобы, въ періодъ достиженія общаго числа монастырскихъ ламъ до 1000 человекъ, здѣсь появится изъ земли «эрдэнъ-тогѳо» — драгоценный котелъ, который безконечно будетъ наполненъ мясомъ и будетъ вѣчно кормить ламъ. Не имѣя времени слушать эти бредни, какъ ни представлялись они любопытными для изученія повѣрій и характера народа, я отправился къ настоятелю монастыря и въ бесѣдѣ съ нимъ предложилъ тотъ же вопросъ объ

изысканіи новыхъ средствъ для продолженія монастырскихъ построекъ. Этотъ отвѣчалъ мнѣ болѣе реально и толково, что монастырское начальство не въ далекомъ будущемъ предполагаетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему отдать въ арендное содержаніе китайцамъ урочища, прилежащія монастырю съ сѣверной стороны. По извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ, твердо сохранившимся и въ памяти ламъ, урочища эти еще въ недавній періодъ чжунгарскихъ войнъ были распахиваемы. Мы имѣемъ у себя указъ богдохана Канси, относящійся къ 54 году его правленія (1715 г.), по которому въ мѣстности, прилежащей Эрдені-цзү'скому монастырю, были основаны военныя хлѣбопашныя колоніи. Арыки, проведенныя тогда на пространствѣ между Орхдономъ и Кѣкшинъ-орхдономъ, громадныя цистерны для храненія воды незначительной рѣчущки Кѣкшинъ-орхдономъ донинѣ еще сохранились и могутъ быть безъ особеннаго труда реставрированы арендаторами. Всѣмъ этимъ намѣрено было воспользоваться начальство, чтобы извлечь выгоды для своего монастыря. Окончательное рѣшеніе этого вопроса должно было состояться въ Пекинѣ, но еще прежде представленія въ Пекинъ нужно было испросить согласіе сейма. Цорчжй надѣялся получить это согласіе на имѣющемъ состояться въ слѣдующемъ году общемъ собраніи князей тѹшѣтѹ хановскаго аймака.

Эрдені-цзү'скій монастырь раздѣляется въ настоящую пору на 6 аймаковъ. Старѣйшій изъ нихъ Дарханъ-цорчжй-линъ обязанъ своимъ благоустройствомъ одному изъ первыхъ настоятелей Эрдені-цзү'скаго монастыря; впрочемъ, несмотря на свою относительную древность, онъ не успѣлъ развиться настолько, чтобы превысить въ какомъ-либо отношеніи другіе аймаки. За нимъ будетъ слѣдовать Даши-чѣй-линъ, въ которомъ въ настоящую пору считается до 500 ламъ. Совершенно равнымъ съ нимъ по количеству ламъ признается и третій аймакъ Дақданъ-чѣйнокоръ. Отъ Даши-чѣй-лин'а, вслѣдствіе накопленія въ немъ ламъ, послѣдовательно отдѣлялись сначала четвертый аймакъ, Дорчжй-гомунъ, въ которомъ считается теперь до 300 ламъ, и потомъ пятый — Чан-чибъ-линъ, къ которому приписано приблизительно 250 ламъ. Наконецъ, шестой аймакъ, Йондонъ-Гундѣтъ, является въ стѣнахъ монастыря самымъ малочисленнымъ и хотя въ общемъ число ламъ его не менѣе, чѣмъ въ предшествующемъ аймакѣ, но большая часть ихъ не живетъ въ монастырѣ, а проживаетъ, по недостаточности средствъ, дома, въ своихъ кочевьяхъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что за послѣдніе два и даже полтора десятилѣтія, съ объединеніемъ монастыря, число Эрдені-цзү'скихъ ламъ значительно сократилось. Сократились также приливъ населенія къ этому монастырю и находящаяся въ немъ торговля, которая искони ведется въ немъ исключительно китайцами.

Эти, торгующіе въ Эрдэни-цзѹ китайцы, живутъ въ такъ называемыхъ, по преданію, «китайскихъ оградахъ» (хорбнѣ), т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во времена Канси стояла китайская крѣпость съ населявшимъ ее гарнизономъ и жили китайцы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ близъ монастыря Эрдэни-цзѹ. Въ настоящую пору весь здѣшній рынокъ ограничивался только четырьмя лавками китайскихъ торговцевъ, прибывшихъ частію изъ Кяхты, а частію изъ Урги. Вотъ съ какими товарами пріѣхали эти торговцы:

1) Лавка кяхтинскаго китайца Ванъ-вэнь. Онъ привезъ съ собою кирпичнаго чая два мѣста; дабу 80 кусковъ; дэлянбу 100 кусковъ; муки три куля. Товары эти были привезены на 5 телѣгахъ, запряженныхъ быками. При хозяинѣ состояло 7 приказчиковъ; пріѣхали эти послѣдніе китайцы на 7 верховыхъ лошадяхъ.

2) Лавка кяхтинскаго китайца Янь-мо-линь. Онъ привезъ съ собою кирпичнаго чая 13 мѣстъ; китайки 100 паръ кусковъ; дэлянбу 200 кусковъ; табаку 1 цибикъ; ци-цой-чоу 20 кусковъ; золотыхъ и шелковыхъ нитокъ 5 гиновъ. Товары были привезены на 7 телѣгахъ, запряженныхъ быками. Помимо сего у Янь-мо-линя было верховыхъ лошадей 4 и приказчикъ 1.

3) Лавка ургинскаго китайца Хань-ши-гуна. Онъ привезъ съ собою: чая кирпичнаго 1 мѣсто; дабу 100 кусковъ; ци-цой-чоу 5 кусковъ; табаку 1 цибикъ. Товары были привезены на 3-хъ телѣгахъ, запряженныхъ быками. При торговцѣ Хань-ши-гунѣ состояло три китайца въ качествѣ прислуги, пріѣхавшихъ на 3-хъ верховыхъ лошадяхъ.

4) Лавка китайца Ма-фу, изъ Вангійнъ-хурѣ, на Селенгѣ. Онъ привезъ съ собою: дабу 120 кусковъ; дэлянбу 100 кусковъ; табаку 2 цибика; сахару-леденцу 80 гиновъ; муки 19 кулей. Товары эти были привезены на 8 телѣгахъ, запряженныхъ быками. При Ма-фу состояло: приказчиковъ 4 человекъ и верховыхъ лошадей 3.

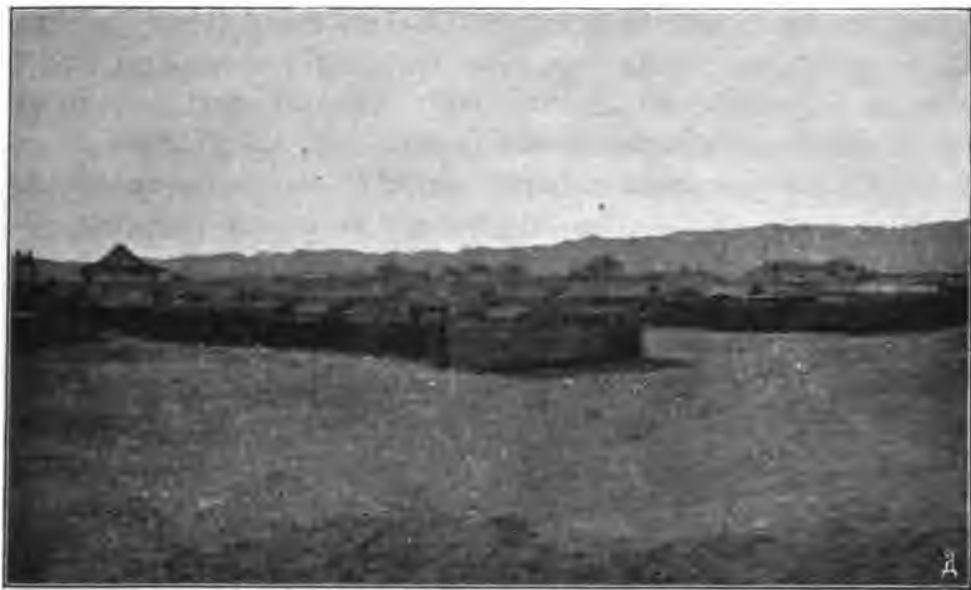
Настоящія свѣдѣнія были выписаны мною въ канцеляріи Эрдэни-цзѹскаго монастыря передъ тѣмъ, какъ отправиться къ осмотру китайскихъ лавокъ. Показанія эти, какъ могъ я провѣрить то на дѣлѣ, были совершенно справедливы, хотя въ этомъ можно было быть убѣжденнымъ и безъ провѣрки, потому что китайскіе торговцы, вывозя свои товары въ степь, не имѣютъ для себя никакого повода скрывать количество ихъ; напротивъ, укрывательство можетъ имѣть еще для нихъ ту невыгодную сторону, что, въ случаѣ воровства или пропажи товаровъ, торговецъ не имѣетъ права искать большаго, чѣмъ это было имъ показано. Все, что нашелъ я излишняго въ лавкахъ представляло собою мелочной товаръ въ родѣ иголокъ,

наперстковъ, двухъ-трехъ десятковъ трубокъ и проч. Такого рода товары китайцы не включаютъ въ описи въ тѣхъ случаяхъ, когда они вывозятся въ незначительномъ числѣ: здѣсь каждая лавка имѣла этихъ мелочей не больше, какъ на 6—10 ланъ, да и цѣнить ихъ въ самомъ дѣлѣ было трудно, ибо все это было уже подержанное старье.

Такимъ образомъ торговля въ Эрдэни-цзү'скомъ монастырѣ представилась мнѣ въ самомъ жалкомъ видѣ, особливо по сравненію съ видѣннымъ мною въ 1877 году. Изъ разговоровъ по этому поводу выяснилось, что для такого сокращенія были какъ общія, такъ и частныя причины. Къ числу общихъ причинъ нужно отнести, во-первыхъ, обѣднѣніе монголовъ вообще и эрдэни-цзү'скаго монастыря въ частности. Прямымъ послѣдствіемъ этого обѣднѣнія было то, что монголы сдѣлались расчетливѣе и вмѣсто того, чтобы покупать товары по болѣе дорогой цѣнѣ въ степяхъ, начали сами ѣздить въ Кяхту: они отвозятъ туда главнымъ образомъ кожу, масло и войлоки, а оттуда привозятъ все потребное для жизни. Съ другой стороны, на сокращеніе здѣшней торговли имѣло значеніе то обстоятельство, что въ 1877 году мѣстный хошунный владѣтель Тушѣтү-ханъ состоялъ въ должности дэдъ-чигүлгану-даргъ и велъ всѣ дѣла ханъ-ула'скаго сейма монголовъ. Понятно, что къ ставкѣ его, находившейся верстахъ въ трехъ отъ Эрдэни-цзү, стекалось много люда изъ самыхъ различныхъ хошунъ. Теперь Тушѣтү-ханъ, за назначеніемъ его на должность монгольскаго амбана, долженъ былъ переселиться въ Ургү, и приливъ монголовъ къ Эрдэни-цзү значительно сократился. Въ частности, наконецъ, нужно сказать и то, что я попалъ въ Эрдэни-цзү въ самое тихое для торговли время. Лѣтомъ, въ теплую пору, монголы бродятъ по всей степи и легко проникаютъ за потребными товарами до Ургы и Кяхты; зимою это удобство движенія сокращается и тогда, особливо съ начала Января, китайская торговля значительно усиливается, особливо чаемъ, мукою и, наконецъ, мануфактурами. Въ это время въ Эрдэни-цзү пріѣзжаютъ и болѣе состоятельные торговцы, привозящіе товаровъ на 1000 и болѣе ланъ.

Изъ вышепредставленнаго историческаго очерка Эрдэни-цзүскаго монастыря читателямъ явствуетъ, что онъ представляетъ собою пунктъ весьма обширный по своимъ постройкамъ. Дѣйствительно, мѣстные ламы считаютъ здѣсь всего до 62 кумирень; но помимо зданій Цзү и общественныхъ дугановъ, располагающихся на главной монастырской площади, всѣ прочія постройки представляются здѣсь и очень бѣдными и расположенными скученно и тѣсно. Ламскія помѣщенія обычно являются въ видѣ маленькихъ огороженныхъ листовничнымъ частоколомъ двориковъ, на которыхъ еле помѣщаются одинъ, два байшина, да юрта; далѣе на нихъ

рѣдко можетъ повернуться и телѣга. Всего за стѣнами Эрдэнѣ-цзѹскаго монастыря считается до 500 байшиновъ, расположенныхъ довольно правильными улицами, какъ это видно на прилагаемой фотографіи.

Общій видъ монастыря Эрдэнѣ-цзѹ съ юго-западнаго угла монастырской стѣны.

Въ монастырѣ Эрдэнѣ-цзѹ, какъ извѣстно, не мало каменописныхъ памятниковъ, надъ снятіемъ которыхъ потрудились цѣлая экспедиція академика В. В. Радлова. Я не имѣлъ возможности заниматься подобными снимками: исполнять ихъ фотографіею было бесполезно по самому характеру памятниковъ; снимать эстампажемъ по способу В. В. Радлова я не могъ по причинѣ уже наступившихъ холодовъ. Но самымъ главнымъ препятствіемъ былъ для меня недостатокъ времени. Передо мною лежало еще изслѣдованіе всей южной и восточной Монголіи, а времени у меня едва оставалось уже 10 мѣсяцевъ.

10-е Октября. Суббота.

Сегодня предпринята была перекочевка въ Бару́нь-ху́рѣ, также одинъ изъ старѣйшихъ монастырей Халхи, отстоящій отъ Эрдэнѣ-цзѹ къ ЮВ, верстъ на 20. Мы выѣхали въ 10 ч. 5 мин. и поѣхали въ сказанномъ юго-восточномъ направленіи, по долинѣ р. Орхона, оставляя за собою Эрдэнѣ-цзѹскій монастырь. Черезъ полчаса ѣзды начали подниматься на ограничивающія эту долину горы, Шанхай-у́ла, которыя въ данномъ мѣстѣ полого спускаются длиннѣйшимъ мысомъ въ Орхонскую долину. Подъемъ очень не трудный, а спускъ съ онаго, почти незамѣтный вовсе,

приводить къ незначительному потоку Шүчжійнь-усу. Мы достигли этого потока въ 12 ч. 35 м. Мѣстность на весь видимый горизонтъ носить характеръ мягкихъ гобійскихъ долинъ, съ суглинистою почвою, покрытой не высокимъ кипцемъ и зарослями душистой полыни. Древесной растительности, или какихъ-либо кустарниковъ не видно вовсе. Переправившись черезъ ручей, мы должны были опять подниматься на такой же пологій перевалъ Шүчжійнь-даба, за которымъ опять послѣдовала долина, въ версту шириною и новый перевалъ Цолмоту-даба. Съ вершины его въ 1 ч. 10 м. дня показался монастырь Бару́нь-хуръ, располагающійся въ обширной долинѣ Сарайнь-гѳла. Рѣчущка эта въ самыхъ широкихъ своихъ мѣстахъ имѣетъ русло не болѣе 3-хъ саженой, а глубина ея въ данную пору не превосходитъ и полу-аршина. Она окружаетъ монастырь съ сѣверной и восточной сторонъ и находится въ разстояніи приблизительно получасовой ходьбы отъ ближайшихъ монастырскихъ зданій. Переводивъ ее, мы подъѣхали къ самому монастырю въ 1 ч. и 45 м. дня.

Общій видъ Бару́ръ-хуръ.

Монастырь, извѣстный въ просторѣчїи подъ именемъ Бару́нь-хуръ, на официальномъ языкѣ монгольскихъ буддистовъ называется б'Райбунъ-гэчжї-ганданъ-шат-дуб-линъ. Монгольскія лѣтописи относятъ основаніе его къ 4-му году правленія Шүнь-чжи, что соотвѣтствуетъ 1647 году нашего лѣтосчисленія; а халхаское преданіе приписываетъ основаніе его Үндүръ-гэгэну, хотя послѣдній въ эту пору имѣлъ только 12-й годъ отъ

роду. Бару́нь-ху́рѣ олицетворяетъ собою типъ національно-монгольскаго буддйскаго монастыря, расположеніе и постройки котораго почти совершенно чужды формъ, привнесенныхъ въ жизнь монголовъ со стороны Тибета и Китая. Точно также не найдется въ Бару́нь-ху́рѣ и какихъ-либо особенно замѣчательныхъ буддйскихъ святынь и на вопросъ о мѣстныхъ святыняхъ, ламы отвѣтятъ, что «у нихъ собраны всѣ святыни» (ᠪᠠᠷᠤᠨᠢ ᠬᠤᠷᠢ ᠰᠠᠭᠠᠨᠲᠤ ᠰᠢᠶᠠᠨᠢ ᠨᠢ). Другими словами, ничего нѣтъ здѣсь отличнаго, но являясь естественнымъ пособникомъ для удовлетворенія религіознаго чувства мѣстнаго населенія, монастырь этотъ обосновался и развивался въ силу необходимости, возрасталъ правильно, послѣдовательно и прочно, постепенно накопляя свое достояніе, по мѣрѣ нужды и возможности. Въ настоящую пору Бару́нь-ху́рѣ въ административномъ отношеніи раздѣляется на четыре аймака, расположенные по четыремъ угламъ монастыря: сѣверо-западный уголъ его занимаетъ аймакъ Тѣйсунъ-линъ, сѣверо-восточный — Даші-линъ, юго-восточный — Шатъ-дуб-линъ, и юго-западный — Дарчжъ-линъ. Средину монастыря занимаютъ его общественныя зданія, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ теперь цокчинъ, или соборная кумирня Бару́нь-ху́рѣ. Кумирня эта построена по образцу цокчиновъ Ундуръ-гэгэновскаго типа въ той формѣ, которую первоначально начерталъ онъ для соборовъ своихъ ламъ, т. е. безъ прибавочныхъ крышъ и расширеній зданія. Цокчинъ обнесенъ оградой; передъ дверями его четыре убогихъ, на нашъ взглядъ, деревянныхъ навѣса, подъ которыми установлены хурдѣ, для вращанія ихъ молящимися; здѣсь же нѣсколько вправо помѣщается большой субурганъ, составляющій гордость Бару́нь-ху́рѣнскихъ ламъ. По лѣвую сторону цокчина помѣщается «чжудьинъ-сумѣ», гдѣ отправляютъ свои хуралы ламы, различныхъ аймаковъ, изучающіе тарнистическія системы, и также общественное капище Майдари; а по правую сторону стоитъ панітскій дуганъ и кумирня Манба. Большая часть перечисленныхъ кумирень относится по своему построению къ прошлому и началу нынѣшняго столѣтій; но ядро всѣхъ монастырскихъ построекъ, изъ котораго собственно развился весь монастырь, составляетъ такъ называемая «цаганъ-ху́рѣ». Она располагается также въ центрѣ настоящаго монастыря, въ кругу его общественныхъ кумирень и находится нѣсколько сѣвернѣе цокчинскаго дугана. Свое названіе эта часть монастыря, несомнѣнно получила отъ окрашенныхъ въ бѣлую краску стѣнъ, составляющихъ ея ограду и представляющихъ, равно какъ и ведущія за эту ограду ворота, постройку позднѣйшаго времени. Зданія, находящіяся за стѣнами «цаганъ-ху́рѣ», если вѣрить преданіямъ ламъ, являются древнѣйшею частью Бару́нь-ху́рѣни. Наибольшимъ почетомъ пользуются здѣсь

пять громадныхъ юртъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 150 до 200 человекъ каждая и заключающихъ въ себѣ кумирни, о которыхъ говорятъ, что ими-то именно и начался монастырь. Внутри цаганъ-хуръ, впрочемъ, также нѣтъ ничего не обыкновеннаго. Правда, всѣ юрты отдѣланы совнѣ весьма красиво, покрыты бѣлыми войлоками, расшиты красными хубб; но внутри — это типъ самыхъ заурядныхъ кочевыхъ сѹмѣ. Основнымъ предметомъ чествованія является здѣсь бурханъ Гѹнбо-гѹру, тотъ самый, который почитается и геніемъ-хранителемъ Эрдэни-цзѹ; тѣмъ не менѣе сакѹсуномъ Барѹнъ-хуръ признается Хла-ма, хуралы коего отправляются въ цокчинѣ. Этимъ, можно сказать, и исчерпывается достопримѣчательное Барѹнъ-хурънскаго монастыря, хотя мѣстные ламы не ограничиваютъ свою обитель описанными рамками, а присоединяютъ еще къ ней такъ называемый «хубилганъ-ламайнъ-сѹмѣ», который почитаютъ они отдѣльнымъ аймакомъ своего монастыря, съ именемъ Пунцѹкъ-дарчжа-линѣ. Аймакъ этотъ въ настоящую пору почти уже обосновался въ отдѣльный, отстоящій версты на 4 къ сѣверо-западу отъ Барѹнъ-хурън монастыря и произошло это такимъ образомъ. Около 50 лѣтъ тому назадъ барѹнъ-хурънскіе ламы пригласили къ себѣ нѣкоего, прибывшаго изъ Тибета хубилгана, Нойнъ-ламу. Какъ лицо, одаренное высшею природою, хубилганъ этотъ пожелалъ обосновать себѣ отдѣльное мѣстопребываніе и построилъ для себя кумирню, по той же рѣкѣ Сарайнъ-гѹлу, но, какъ сказано, версты на 4 выше Барѹнъ-хуръ. За нимъ послѣдовало, конечно, нѣсколько барѹнъ-хурънскихъ ламъ, которые и обосновали собою этотъ пятый аймакъ Барѹнъ-хуръ. Лѣтъ 15 тому назадъ въ Пунцѹкъ-дарчжа-линѣ, построена была кумирня, которая по своей величинѣ и изяществу, можно сказать, рѣшительно превосходитъ всѣ барѹнъ-хурънскіе дуганы.

Въ административномъ отношеніи Барѹнъ-хуръ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что здѣсь имѣется чжиса, или отдѣльная управа шабінскаго вѣдомства подобно тому, какъ это мы видѣли въ хутухтинскихъ монастыряхъ Амѹръ-баясхулантѹ и Эрдэни-цзѹ. Замѣчательно при этомъ, что китайскіе торговцы мало посѣщаютъ Барѹнъ-хуръ и, заѣзжая въ него, весьма рѣдко остаются здѣсь на долгое время. Фактъ этотъ тѣмъ страннѣе, что барѹнъ-хурънскій монастырь, несомнѣнно, годъ отъ года все болѣе и болѣе увеличивается по количеству своего народонаселенія: за послѣдніе годы, съ обѣднѣніемъ эрдэни-цзѹскаго монастыря, очень многіе эрдэни-цзѹскіе ламы перекочевали въ Барѹнъ-хуръ и теперь Барѹнъ-хуръ почитается имѣющимъ уже гораздо больше братіи, чѣмъ Эрдэни-цзѹ.

11-е Октября. Воскресенье.

Двинулись въ 6 ч. 50 мин. утра прямо къ востоку и, перебравшись на лѣвую сторону Сарайнъ-гѳла, направились по дорогѣ, называемой Энгэрийнъ-зѳмъ, на Шарѳ-ширѳгийнъ-хутуль. Послѣдній представляет собою единственное мѣсто, съ котораго было возможно сдѣлать фотографическій снимокъ общаго вида Баруиъ-хурвѳня и мы исполнили это. Шарѳ-ширѳгийнъ-хутуль довольно высокъ, но пологій, гладкій, а потому и удобный для тележной ѳзды. Переѳхавъ его и текущую у восточнаго подножія его рѣчушку Шарѳ-цзѳльгѳйнъ-гѳль въ 7 ч. 40 м., мы вступили въ долину, которая, протягиваясь и имѣя общій наклонъ съ востока на западъ, ограничивается на сѣверо-востокѣ горами, черезъ которыя ведетъ перевалъ Олъцзѳйтѳ-дабѳ. Долина эта имѣетъ общее названіе Ноиханъ-гала, отъ имени пересѣкающихъ ее невысокихъ и мягкихъ холмовъ, именуемыхъ Ноиханъ-добѳ. Дорога пересѣкаетъ эти холмы почти незамѣтно для путника, до того они пологи и гладки. Въ 10 ч. 5 м. мы начали подниматься на Олъцзѳйтѳ-дабѳ. Съ вершины его стекаетъ незначительный источникъ, не имѣющій для себя отдѣльнаго имени и называемый просто Олъцзѳйтѳ-дабѳнай-усу. На пространствѣ перевала онъ образуетъ нѣсколько водныхъ бассейновъ, являющихся то въ формѣ маленькихъ озеръ, то въ видѣ неглубокихъ лужъ, но, стекая съ перевала, скрывается подъ землею. По этому перевалу мы повстрѣчали много беркутовъ, а къ сѣверо-западу отъ него видѣлся намъ обширный ѳилъ управленія тѳшѳтѳ-хѳновскаго хошѳна. Спустившись съ Олъцзѳйтѳ-дабѳна въ 11 ч. 25 мин., мы очутились въ горной котловинѣ съ болотистою почвою и нѣсколькими протекающими по ней ручьями. Обиліе влаги даетъ возможность проживать здѣсь значительному населенію съ массою скота, впрочемъ, избѣгая сырости долины, все это населеніе ютится съ своими юртами по отлогостямъ горъ. Котловина эта называется Худѳкѳ-элѳсутѳ. Когда мы проѳзжали ее, къ намъ подѳѳхалъ изъ близъ лежащаго ѳила одинъ, повидимому, довольно состоятельный монголъ, лѳтъ 50 отъ роду, отправлявшійся въ ѳмунь тѳшѳтѳ-хѳновскаго хошѳна для отбытія замѣчательнаго наказанія. Дѣло его, по его разказамъ, началось еще осенью 1890 г., по случаю обычнаго ежегоднаго чествованія Гѳнтѳйскихъ горъ. Въ ту пору, за чрезмѣрнымъ обложеніемъ повинностями прилежащихъ къ Ургѳ хошѳновъ, обязанность выставки второй и третьей почтовой станціи въ направленіи къ Гѳнтѳю, пала, по раскладкѣ, на тѳшѳтѳ-хѳновскій хошѳнъ. Хошѳнъ поручилъ Табахѳй-балдану, такъ звали этого монгола, къ назначенному сроку доставить шесть лошадей для установки станціи. Табахѳй-балданъ отправился, но, не доѳзжая послѣдней станціи передъ Ургою, Шарѳ-хубу, лошадей этихъ у

него украли съ ночлега. Пока разыскивалъ онъ покражу и бесплодно обращался къ нѣсколькимъ своимъ знакомымъ, прося ихъ дать ему взаимны шесть лошадей для отбытія повинности, время уходило и срокъ торжественнаго поѣзда приближался: возвращаться домой и взять своихъ лошадей было некогда, ибо свой табунъ находился у Табахай-балдана отъ Шархубу версть за 300, пріѣхать обратно въ хошунъ ни съ чѣмъ онъ боялся, тѣмъ болѣе что разсчитывать вѣрно на исправленіе дѣла, найдя въ хошунномъ управленіи 6 лошадей, было невозможно. При такомъ положеніи дѣлъ Табахай-балданъ рѣшилъ скрыться. Конечно, на пути церемоніи это произвело переполохъ: прибывшіе чиновники не нашли станціи на должномъ мѣстѣ, а по возвращеніи изъ своей поѣздки возбудили объ этомъ дѣло. Призванный теперь къ отвѣту монголъ чистосердечно изложилъ всѣ свои обстоятельства, подтвердившіяся и показаніемъ свидѣтелей, тѣмъ не менѣе, аймачный чжисанъ приговорилъ его къ уплатѣ штрафа въ три девятка скота, поручивъ хошунному управленію взыскать этотъ скотъ и доставить его въ аймачный чжисанъ. Такъ какъ уплатить три девятка скота для Табахай-балдана значило разориться на половину, то онъ, путемъ подарковъ и посуловъ, убѣдилъ чиновниковъ своего хошуна сдѣлать докладъ въ аймакъ о томъ, что онъ, Табахай-балданъ, несостоятеленъ для уплаты штрафа, въ отвѣтъ на что аймакъ наистрожайше предписалъ хошуну взыскать штрафъ въ теченіе законнаго срока. Предписаніе это было объявлено Табахай-балдану и его сумунному цзангину. Здѣсь надлежитъ замѣтить, что по правилу, хотя и не извѣстному въ законѣ, но принятому въ хошунныхъ управленіяхъ всей Монголіи, при взысканіи штрафныхъ девятковъ скота, оштрафованнымъ дѣлается нѣкоторая льгота по раскладкѣ взноса, а именно, для представленія каждаго девятка полагается срока одинъ мѣсяць и еще пять дней сверхсрочныхъ. Сроки эти всѣ уходили и по окончаніи каждаго изъ нихъ сумунный цзангинъ представлялъ хошуну, что Табахай-балданъ штрафа не уплатилъ. По минованіи трехъ сроковъ, хошунное управленіе снова представило въ сеймовой чжисанъ, что наказанный, по несостоятельности своей, штрафа въ три девятка скота внести не могъ. Аймачный чжисанъ на этотъ разъ предписалъ взамѣнъ взысканія съ Табахай-балдана трехъ девятковъ скота дать ему 300 ударовъ плетью. Такое опредѣленіе хошунъ распорядился привести въ исполненіе опять-таки по тѣмъ же срокамъ, который назначается и для уплаты скота. Табахай-балданъ ѣхалъ теперь для полученія наказанія уже въ третій и послѣдній разъ: получивъ первую порку, онъ ко второй поѣхалъ ровно черезъ мѣсяць, а къ третьей ѣхалъ черезъ мѣсяць и пять дней.

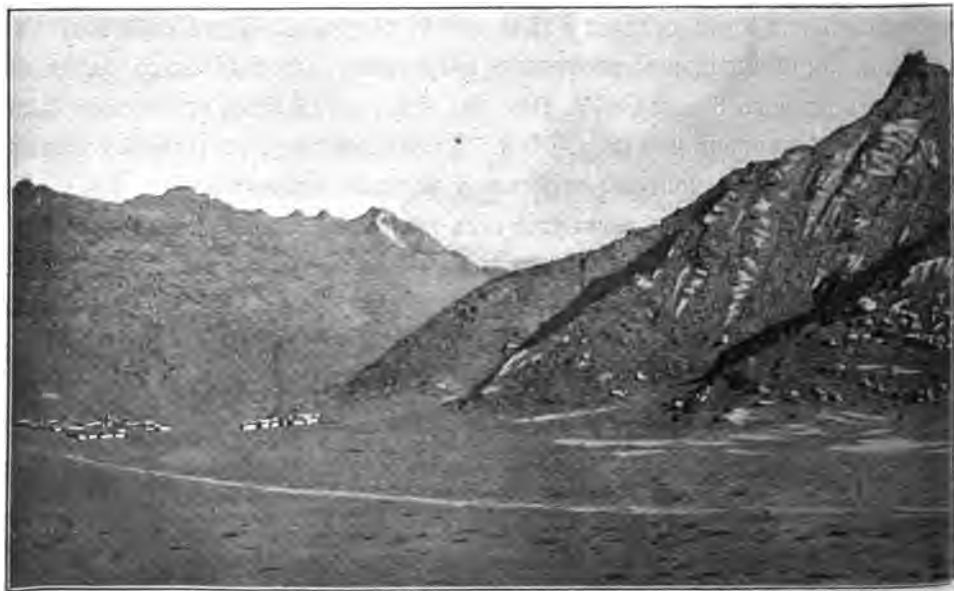
Пожелавъ монголу полегче вынести плети, мы разстались съ нимъ,

проѣхавъ котловину Худукъ-элэсуту и взобравшись на Элэсутуйнъ-дабанъ, т. е. песчаный перевалъ, хотя песку здѣсь очень мало. Съ вершины его передъ нами вновь разостлалась обширная долина, также богато поросшая травами какъ и Ноиханъ-гала, только во всѣ стороны изрѣзанная увалами, холмами и пригорками. Дорога наша уклонилась здѣсь нѣсколько болѣе къ востоку и въ 12 ч. 15 м. дня мы поднялись на одинъ изъ такихъ холмовъ, по такъ называемому «Хѣшѣтуйнъ-дабану». Неподалеку отъ вершины этого перевала, въ оправданіе его имени, находится дѣйствительно могильный памятникъ (хѣшѣ), представляющій собою воздвигнутую плиту, высотой до 2 саженой, но безъ надписей. Только по спускѣ съ перевала долина, получающая здѣсь наименованіе Хобуръ, становится ровнѣе и впереди, по дорогѣ, начинаютъ ясно обозначаться мрачныя и изобилующія ущельями горы Хугэнд-ѹла, ограничивающія долину Хобуръ съ сѣверо-восточной стороны. Въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи Хобурская долина дѣлается солонцеватою, густо порастаетъ кипцомъ и представляетъ собою превосходныя пастбища. Такъ тянется она до горъ Номохднъ-ѹла, къ южной оконечности которыхъ мы подъѣхали въ 2 часа дня. Отсюда, вмѣсто солончаковой, почва дѣлается песчаною, но дорога сохраняетъ прежнія удобства для движенія. По солонцевато-глинистому грунту она залегаетъ на всемъ протяженіи горъ Номохднъ, пролегая по подножію ихъ. Такъ ѣхали мы до самой остановки на ночлегъ, въ 6 часовъ вечера, среди на-двинувшейся темноты ночи. Отъ Хобурыйнъ-гѣла до самаго мѣста остановки мы, впродолженіе 4-хъ часовъ ѣзды, не встрѣчали воды; теперь остановились близъ юртъ станціи Уланъ-хошѹ, получающей для себя воду изъ колодца. Устанціонныхъ монголовъ мы купили одногодалаго барашка, уплативъ за него 3 ланы, т. е. 6 р. 60 коп., тогда какъ его можно было купить за 4 кирпича чая (2 р. 40 к.) и даже дешевле, такъ какъ означенное количество чая монголы спросили у меня по первому слову. Къ сожалѣнію, кирпичный чай у меня уже весь вышелъ и я предложилъ уплатить за барашка серебромъ. На это предложеніе я получилъ запросъ 3 ланы. Жалко было отдавать почти тройную сумму, но дѣлать было нечего. Хлѣба у меня не было. Уже болѣе недѣли я питался однимъ мясомъ, да пилъ чай; теперь не было и мяса. Такова жизнь въ Монголіи: здѣсь не нужно серебра, ибо имъ не удовлетворишь голода. Въ томъ же положеніи были, конечно, и монголы, которые, несомнѣнно, съ большимъ удовольствіемъ взяли бы у меня 4 кирпича чая, чѣмъ три ланы серебра.

12-е Октября. Понедѣльникъ.

Поутру можно было ясно осмотрѣть мѣстность. Мы стояли посреди поросшей дэрэсѹномъ равнины, ограничиваемой съ юга горами Номохднъ,

а на сѣверѣ горами Хугэнѣ-хаирханѣ, тянущимися съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 50 мин. и продолжали путь по той же долинѣ, имѣющей здѣсь опять солончаковую почву. Въ 7 ч. 30 м. переѣхали вбродъ рѣчку Тарнайнѣ-гѣль, текущую съ юго-востока на сѣверо-западъ. Рѣчка Тарнайнѣ-гѣль, какъ разказывали мнѣ это мѣстные монголы, неподлеку на югъ отъ мѣста нашего брода составляется изъ двухъ небольшихъ рѣчушекъ Харалинѣ и Шаралинѣ. Новообразованная этими ручьями рѣчка Тарна имѣетъ общее теченіе на сѣверо-западъ, омываетъ сначала подножія горъ Хугэнѣ, засимъ протекаетъ мимо горы Борной-тологдѣ, еще ниже по теченію ея на лѣвомъ берегу будетъ Дакдэнѣ-тологдѣ; верстахъ въ 10 отъ сего послѣдняго въ Тарнайнѣ-гѣль впадаетъ ручей Цапайнѣ-буридѣ и мѣсто этого впаденія находится какъ разъ противъ горы Вачиртѣ-орднѣ. Ниже Тарнайнѣ-гѣль получаетъ названіе Харѣха-гѣль. Въ мѣстѣ нашего брода р. Тарнайнѣ-гѣль оказалось глубиною невыше полу-аршина, но русло ея широко и теченіе очень быстрое. Отсюда продолжали движеніе на сѣверо-востокъ по почвѣ сначала болотистой, а потомъ вскорѣ перешедшей въ песчаную. Это были такъ называемые Бага-монгѣль-элэсѣ, продолженіемъ которыхъ въ направленіи къ юго-востоку являются Йэхѣ-монгѣль-элэсѣ, гораздо болѣе длинные и тяжелые для ѣзды, чѣмъ настоящіе. Пески Бага-монгѣль-элэсѣ залегаютъ верстѣ на 5, или 6 и мы успѣли выбраться изъ нихъ только къ 9 часамъ утра, когда миновали и горы Хугэнѣ. Въ дикомъ ущельи

Хугэнѣ-тарнайскаѣ хитѣ.

самой сѣверной оконечности ихъ стоитъ живописно построенный въ горахъ буддійскій монастырь, именуемый Дамчой-чжан-чуб-линъ. Величественные, дикіе и скалистые горные массивы, лишенные почти всякой растительности высятся здѣсь, поднимаясь чуть ни до облаковъ, а у подножія ихъ, какъ стадо бѣлыхъ барановъ, раскинулись постройки кумирень тибетской архитектуры. Видъ этотъ поразителенъ по своей красотѣ. Рассказываютъ, что до времени подданства халхасовъ Китаю здѣсь кочевали монголы, входящіе нынѣ въ составъ сайнгъ-нойновскаго-аймака, и въ частности податные хошӯна цзасака Ваншӯка. Когда въ 1694 г. Галданъ-бошокту, разграбляя Халху, вербовалъ себѣ сообщниковъ изъ халхасовъ, то, принадлежавшій къ хошӯну Ваншӯка, тайчжи Битуда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, имѣвшимъ кочевья именно по горамъ Хугэнѣ и рѣчкѣ Тарнайнъ-гѣль, двинулись къ востоку на соединеніе съ Галданомъ. Ваншӯкъ, съ оставшимся у него народомъ, не могъ остановить движеніе Битуды, такъ какъ Битуда, въ общемъ, увелъ съ собою большую часть податныхъ Ваншӯка; но сайнгъ-нойнгъ Шамба послалъ на помощь Ваншӯку свои войска, подъ командою чиновника Шачжина и, совокупными силами, они возвратили измѣнниковъ. Въ молитвенную благодарность за это событіе Ваншӯкъ и построилъ якобы Хугэнѣ-тарнаскій монастырь, который теперь принадлежитъ уже тушѣту хановскому-аймаку. Въ 11 ч. 20 м. мы подъѣхали къ горамъ Аргаль, у которыхъ дорога раздѣляется: станціонная слѣдуетъ на югъ, — она кочковиста, камениста и длиннѣе; дорога мургӯльчиновъ, т. е. поклонниковъ ургинскаго хутухты, слѣдуетъ на сѣверъ и имѣетъ за собою только одинъ недостатокъ — это незначительность на ней воды. Мы поѣхали однако по этой дорогѣ и слѣдовали по ровной долинѣ твердо песчанаго грунта, поросшей дэрэсӯномъ и изрѣдка кипцомъ. Въ 1 ч. 45 м. подъѣхали къ высокой черной горѣ Уруктуйнъ-ӯла, на сѣверной сторонѣ которой течетъ мутный потокъ Сабангуйнъ-гѣльа. На берегу этой рѣки мы остановились для ночлега, такъ какъ дальше, по словамъ монголовъ, вода была очень далеко, и мы не могли добраться до нея ранѣе полуночи.

Здѣсь, неподалеку отъ мѣста нашей остановки, находился айль одного изъ самыхъ богатыхъ и именитыхъ тайчжиевъ сайнгъ нойновскаго хошӯна, Идама, къ которому я и отправился въ гости. Идамъ жилъ какъ и всякій богатый монголъ, но въ обстановкѣ его юрты мнѣ прежде всего бросилось въ глаза, что на мѣстѣ бурхановъ у него была, по китайскому обычаю, поставлена какая-то большая надпись, вложенная въ деревянную рамку, окрашенную синей кубовой краской и обдѣланную золотыми изображеніями цвѣтовъ. Оказалось, что это была надпись изъ Эдэрэсэнь-цаганъ-байшина. Я списалъ эту надпись и вотъ дословный текстъ ея, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ.

трехъ царствахъ. Хваля, поклоняюсь своему ламѣ. Когда отъ августѣйшаго Чингисъ-хана,

Въ силу стяжанія массы величайшихъ добродѣтелей
Въ теченіе неисчислимаго множества періодовъ,
Проявившаго свое величественное и удивительное существо въ
обширной, монгольской странѣ
И сдѣлавшагося ханомъ обитателей десяти странъ,

миновало тридцать одно высокое ханское поколѣніе, (явился) «заботливо содѣйствующій развитію» Дайнь-ханъ. Изъ двухъ сыновей совершеннѣйшей красавицы, супруги его, Чжимисхэнъ-хатунъ, младшій, Цзалаиръ-хунъ-тайчжи, сдѣлался владѣтелемъ 10000 халхасовъ, въ Хангай-хан(скомъ) нутукѣ. Отъ него произошло семь сыновей и младшій изъ двухъ былъ Уйцзанъ-тайчжи. Отъ него родилось шесть сыновей: Вачиръ-ханъ, Дайчинъ, Йэльдэнъ, Цбхоръ, Хошучи и Бодисунъ. Изъ среды ихъ, какъ солнце и луна, особливо сдѣлались полезными для вѣры и міра ханъ и Цбхоръ. Въ доброе время ихъ содѣйствія довольству, благовѣрная и благородная Матъ-тайхалъ, супруга Хошучи-тайчжия, и Цоктү-тайчжи, мать и сынъ, помышляя о пользѣ безчисленныхъ одушевленныхъ существъ, съ 15-го числа «кукушечьяго» мѣсяца, года желѣза и коровы (1601 г.), предприняли на западной сторонѣ Тансукъ-тала'ской (долины) рѣки Тблы, на южной сторонѣ горы Халдудунъ чжирүхэнъ, на суховерхѣ, постройку шести кумирень, начавъ съ кумирни «сэтхишпй угэй чиндамани» (невообразимой драгоцѣнности) и, по истеченіи семнадцати лѣтъ, окончили ихъ въ первомъ лѣтнемъ «кукушечьемъ» мѣсяцѣ, года огня и змѣи (1617 г.).

Вездѣ и въ каждомъ своемъ перерожденіи у благородныхъ родителей и въ пріятной странѣ,
Да обладаютъ они въ полнотѣ полезными (для спасенія) субъективными и объективными десятию совпаденіями.
Да исполнятся они въ совершенствѣ достоинствъ подвижничества
И да получаютъ они тѣло человѣка, всѣми любимаго.

* * *

Встрѣчаясь съ основами несравненно высокиихъ, благословенныхъ вѣщаній,
Поступая рѣшительно и неуклонно (отъ нихъ), утѣшая свое имя
почестями,

Будучи въ состояніи честно хранить высокіе обѣты,
Да поступаютъ они въ тоже время, вѣчно по 6 парамѣтамъ.

* * *

Усвоивъ 6 главъ круга «Чжй-вѣчжра» (изъ) отдѣла начинаній,
А равно мысль съ непогрѣшительными идѣями,
Въ совершенствѣ и неопустительно помышляя о 4-хъ отдѣле-
ніяхъ,
Да исполнятся они всѣми восьмью могущественными сѣдди, во
главѣ которыхъ хожденіе по небу.

* * *

Въ совершенствѣ познавъ достоинства жизненнаго элексира,
Въ 6 нѣмахъ (изъ) отдѣла окончаній и махамудрѣ,
Да проявляютъ они ясно 10 примѣтъ и 8 достоинствъ
И да исполнятся несравненнѣйшихъ высокихъ сѣдди.

* * *

Какъ поступалъ отъ безконечности
Владыка гнѣвныхъ Бацзъръ-бѣни, этотъ великій бодисатва,
Такъ, ради грѣшныхъ и порочныхъ, своихъ и чужихъ, и я
Да буду помогать всѣмъ одушевленнымъ существамъ со тща-
ніемъ.

* * *

Какъ поступалъ въ неисчислимомъ множествѣ періодовъ
Прославленный святой Нарұ-бандита,
Такъ, ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ 10 странъ,
Да буду поступать и я въ каждомъ своемъ бытіи.

* * *

Какъ всесовершеннѣйшіе будды, во главѣ съ Махѣ-Гаргасунди,
Бодисатвы десяти странъ, во главѣ съ Майдари,
И обладающіе великими сѣдди святыи,
Дѣйствительно и исключительно ради пользы другихъ,

* * *

Какъ просвѣщающій мученія темноты
Всесвѣтлый Наранъ-тэнгрй (духъ солнца)
Не останавливается, кружась, въ 4-хъ тѣбахъ,

Такъ да буду приносить пользу и я, ради блага неисчислимыхъ
одушевленныхъ существъ.

* * *

Да исполнятся всѣ одушевленные существа блаженства и при-
чинъ блаженства!
Да удалятся всѣ одушевленные существа отъ страданій и при-
чинъ страданій,
Да не разлучатся всѣ одушевленные существа отъ блаженства,
которымъ наслаждаются они безпечно,
Да пребываютъ всѣ одушевленные существа въ равнодушiи,
отрѣшенномъ отъ страстей и непостоянства.

* * *

Гравировали: хорлосскій прославленный Чиндамани-убаши и китай-
скій искусный каменьщикъ, подъ управленiемъ Мэргэнъ-убаши.

На вопросъ мой какимъ образомъ и почему тайчжи Идамъ держитъ
у себя эту надпись вмѣсто бурхановъ, онъ отвѣчалъ, что «номъ» (т. е.
святое писанiе) имѣетъ то же значенiе что и будда, — это во-первыхъ; а
во-вторыхъ постановкою настоящей дощечки онъ оказываетъ почтенiе и
своимъ предкамъ. Тайчжи Идамъ считаетъ себя прямымъ потомкомъ по-
строившаго Цаганъ-байшинъ Цоктү-тайчжия. Родъ свой онъ высчиталъ
мнѣ такимъ образомъ: у общаго предка халхаскихъ князей Гэрэснцэ-
цзалайръ-хунъ-тайчжия было семь сыновей, третiй изъ которыхъ Нунухү-
уйцзанъ ноянъ является собственно предкомъ князей нынѣшнихъ түшѣтү-
хановскаго и сайнъ-нойновскаго аймаковъ. У Нунухү было всего шесть
сыновей: старшiй — Абатай-сайнъ-ханъ, начавшiй собою родъ түшѣтү-
хановъ; четвертый — Түмэнхйнъ-хүндүлэнъ, бывшiй первымъ сайнъ-ной-
номъ; иначе онъ назывался «Бурятъ-цэцэнъ-цбѣхоръ»; этихъ двухъ лицъ
и разумѣетъ надпись въ словахъ «особливо сдѣлались полезными для вѣры
ханъ и Цбѣхоръ». Пятымъ сыномъ Нунухү былъ Бахарай хошигүчи-нойнъ,
отъ котораго и родился Цуругунъ-цоктү-тайчжи, въ годъ желѣза и змѣи,
т. е. 1581-й нашего лѣтосчисленiя. Цоктү первый началъ собою въ ихъ
родѣ прозванiе тайчжиевъ. Первоначально всѣ они признавали надъ собою
главенство түшѣтү-хановъ, но когда въ 1725 году, по волѣ богдоханскаго
правительства, въ Халхѣ былъ основанъ четвертый, сайнъ-нойновскiй
аймакъ, то потомки Цоктү-тайчжия, были причислены къ сему послѣднему.
Съ тѣхъ поръ прошло уже шесть поколѣнiй. Во внѣшней обстановкѣ своей
жизни тайчжи Идамъ показался мнѣ человѣкомъ очень богатымъ; то же

подтвердили мнѣ и состоящіе при немъ хамчжилгà, добавившіе при томъ, что онъ очень скупъ. Имѣя у себя около 2500 барановъ, онъ во всю свою жизнь не зарѣзалъ ни одного изъ нихъ и ѣстъ мясо только тогда, когда животное издохнетъ. Въ остальное время весь домъ тайчжія питается молочными продуктами.

13-е Октября. Вторникъ.

Выѣхали въ 5 ч. утра и, поднявшись на невысокій уваль, спустились въ Бодунъ-тала. Это — совершенно необитаемая въ лѣтнюю и осеннюю пору, ровная степь, съ твердо песчанымъ грунтомъ, обильно произрастающимъ дэрэсү. Монголы кочуютъ здѣсь только зимою, при чемъ дэрэсүнь защищаетъ ихъ отъ вѣтровъ и даетъ топливо, а воду приготавливаютъ они для себя изъ снѣга. Бодунъ-тала тянется приблизительно верстъ на 10 и, при самой быстрой ѣздѣ, до СВ конца ея мы добрались только въ 7 ч. 35 м. Здѣсь съ нами случилось событіе, приведшее меня къ очень непріятному открытію. Уже мы подъѣзжали къ увалу Яргайтуйнъ-добрльчжй, какъ одинъ изъ прислужниковъ моего каравана мгновенно упалъ съ верблюда и въ страшныхъ стонахъ заявлялъ, что онъ не можетъ ѣхать далѣе. Оказалось, что онъ былъ страшно пораженъ сифилисомъ: вся нижняя часть его тѣла представляла одну сплошную гнойную рану. Присмотрѣвшись, я замѣтилъ теперь, что на лицѣ, шеѣ и рукахъ у него также были болячки и раны, на которыя я не обращалъ прежде никакого вниманія, да и трудно было замѣтить ихъ за грязью, обычно покрывающею все тѣло каждого монгола. Только теперь пришло мнѣ въ голову, что этотъ человекъ ѣлъ изъ одного съ нами котла, спалъ на моихъ войлокахъ, возился около нашей пищи, нерѣдко варилъ и помѣшивалъ ее и передо мною предстала вся опасность зараженія. Послѣдующіе путешественники должны быть въ этомъ случаѣ крайне осмотрительны. Кое-какъ посадивъ его на верблюда, мы поднялись на уваль Яргайтуйнъ-добрльчжй и засимъ начали спускаться въ направленіи къ сѣверо-востоку по Яргайтуйнъ-хундуй. Падь эта по качествамъ почвы и растительности не отличается отъ предшествовавшихъ ей пространствъ и чрезвычайно однообразна по виду. Въ 10 ч. 10 м. горы Яргайту, окружающія ее съ обѣихъ сторонъ, начали замѣтно расходиться, и вдали показалось озеро Борохчинъ. По мѣрѣ приближенія къ нему, почва все болѣе и болѣе дѣлалась песчаною и противъ самыхъ береговъ, съ которыми мы сравнялись въ 11 ч. 35 м., превратилась въ сыпучіе пески, поросшіе харагапю. Пески эти, впрочемъ, не особенно глубоки и по нашей дорогѣ продолжались не болѣе какъ на одинъ часъ ѣзды, т. е. версты на $4\frac{1}{2}$ —5. Вслѣдъ за симъ почва мало-по-малу твердѣетъ и дѣлается солонцеватою. Въ этомъ видѣ представляется мѣстность на все охватываемое гла-

зомъ пространство по берегамъ Борохчйнъ-гѣла, впадающаго въ озеро Борохчйнъ съ востока. Мы переѣхали эту рѣчку вбродъ въ 12 ч. 45 м. Она имѣетъ глубины до $\frac{3}{4}$ аршина и ширины до 10 саж. Отъ береговъ ея мы продолжали движеніе на сѣверо-востокъ, по долину Борохчйнъ-гала. На сѣверномъ концѣ этой долины, верстахъ въ 8—10 отъ нашей дороги, виднѣлось большое темное возвышеніе, носящее названіе Чйнъ-тологдѣй, пользующееся у монголовъ большою славою. Имѣя въ виду, что экспедиція В. В. Радлова не посѣщала этого урочища, я захотѣлъ осмотрѣть его и, оставивъ караванъ подъ присмотромъ Ив. Фед., отправился одинъ къ Чйнъ-тологдѣю. Отъ береговъ Борохчйнъ-гѣла я хорошею рысью, верхомъ, доѣхалъ до него въ 40 минутъ. Чйнъ-тологдѣй замѣчательнъ своими древностями, къ числу которыхъ монголы причисляютъ теперь, во-первыхъ, обб, а во-вторыхъ, такъ называемый «Эбдэрхэй-балгасу» — разрушенный городъ. Въ настоящую пору отъ него остались лишь земляныя валы, служившіе въ старину стѣнами, оттого къ памятнику этому гораздо примѣннѣе второе названіе, по которому онъ именуется «Эбдэрхэй-хэрэмъ», т. е. разрушенныя стѣны.

Обб Чйнъ-тологдѣй'я, замѣчательное по своей величинѣ, было построено, говорятъ, по приказанію 4-го ургинскаго хутухты (1775—1813 г.) и за справедливость этого преданія ручается, до нѣкоторой степени, форма его постройки, въ которой соблюдены всѣ цзонхавинскіе обряды при построеніи обб. Оно воздвигнуто на возвышенномъ земляномъ холмѣ, густо поросшемъ невысокою муравою. Камни сложены такъ, что образуютъ собою круглую столообразную груды, широкую на столько, что на ней можетъ еще помѣститься въ самой срединѣ насыпь, имѣющая въ діаметрѣ около двухъ аршинъ и засимъ вокругъ ея еще девять меньшихъ насыпей, имѣющихъ діаметръ приблизительно въ аршинъ. Какъ само обб, такъ и находящіяся на немъ насыпи сдѣланы изъ мѣстныхъ породъ порфира. На восточной сторонѣ обб выложенъ изъ камня же квадратный, четырехугольникъ, а по тремъ остальнымъ странамъ свѣта небольшія круглыя обб.

Саженьяхъ во 100 отъ Чйнъ-тологдѣй'скаго холма располагается Чйнъ-тологдѣйскій «Эбдэрэснъ-хэрэмъ». Какъ уже было сказано, въ настоящую пору онъ состоитъ изъ глинянаго вала, представляющаго, вѣроятно, остатки бывшихъ стѣнъ. Валъ этотъ квадратный, четырехугольный и всѣ стороны четырехугольника расположены соотвѣтственно странамъ свѣта. Каждая сторона стѣны имѣетъ приблизительно 1530 шаговъ длины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидны выступы изъ общей правильной черты городской стѣны. Можно думать, что въ этихъ мѣстахъ были крѣпостныя ворота. Такихъ воротъ на восточной и западной сторонахъ по трое, а на южной и

сѣверной по однимъ. Отъ боковыхъ воротъ восточной стороны, черезъ всю внутреннюю площадь хэрэма, прямо къ воротамъ западной стороны проходятъ довольно высокія насыпи. Были ли это стѣны, которыми крѣпость раздѣлялась на три равныя части, сказать затруднительно, потому что безъ раскопокъ и при поверхностномъ обзорѣ здѣсь ничего не видно, кромѣ глиняныхъ валовъ, поросшихъ травою. Преданій о построеніи этого города монголы не имѣютъ; основываясь же на запискахъ Чжэнь-дэ-хуй'я, надо полагать, что онъ принадлежалъ киданямъ. Пустившись отъ Эдэрэсэнь-хэрэма прямо къ сѣверо-западу, на пересѣченіе Борохчинъ-тала и соединеніе съ своимъ караваномъ, я миновалъ небольшое озеро, находящееся въ полуверстѣ отъ Чинъ-тологдѣя и называемое по однимъ Байнь-нуромъ, а по другимъ Шилинь-нуромъ. Караванъ свой я догналъ у сопки Моринъ-тологдѣй, ограничивающей Борохчинъ тала съ востока. Здѣсь находится большой колодезь, славящійся достоинствомъ своей воды. Перебравшись черезъ Моринъ-тологдѣй по невысокому и пологому перевалу, мы въ 3 ч. 30 м. спустились въ долину Харà тала и около 5 часовъ остановились въ ней для ночлега неподалеку отъ станціи Харà-нидунъ, изъ колодца коей брали себѣ воду для питья.

Не далѣе какъ саженьхъ въ 100 отъ мѣста нашей остановки располагался айль, въ 6 юртъ, предпринимавшій на завтра перекочевку на «намурчжонъ», т. е. осеннюю стоянку. Готовность кочевать была видна съ перваго раза: одни укладывали свое имущество и домашній скарбъ, другіе собирали юрты, третьи устанавливали «обхой», чтобы подъ прикрытіемъ его провести послѣднюю ночь на лѣтовкѣ. Обхой строится изъ однихъ уинновъ и еле покрывается войлокомъ; въ западной Монголіи такого рода зданія называются «чжулунъ». Впрочемъ, по разказамъ монголовъ, ночь передъ кочевкою проводится у нихъ почти всегда безъ сна, отчасти вслѣдствіе приготовленій и сборовъ къ переѣзду, а еще болѣе въ силу опасенія со стороны воровъ, которые въ эту пору обыкновенно пользуются общою суматохою для того, чтобы отогнать скоть. Отгоны эти совершаются чрезвычайно быстро, иногда въ виду всѣхъ людей. На табунъ наѣзжаетъ три-четыре верховыхъ всадника, крикнетъ, гикнетъ и лошади помчатся. Удастся грабителямъ отдалиться, они угонятъ изъ табуна нѣсколько лошадей; нѣтъ, — спасаются бѣгствомъ. Таковы угоны лошадей изъ табуновъ; но чаще конокрады ходятъ пѣшкомъ. Подходить, а то и подползаетъ конокрадъ потихоньку къ айлю и къ пасущимся недалекъ отъ него лошадямъ, мгновенно вскочить на лошадь и былъ таковъ. Поймать конокрада очень трудно и почти всегда остаются они безнаказанными. Попадается ему хорошая лошадь, онъ ускачетъ на ней; попадается плохая, —

видитъ конокрадъ, что его догоняють, онъ соскакиваетъ съ лошади и заяжетъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, а лошадь, на которой онъ ѣхалъ, мчится уже одна и преслѣдователи гонятся за нею. Поутру монголы намѣрены были кочевать рано, часовъ въ 6, а то и раньше. Женскіе наряды были уже на готовѣ, ибо для кочевки монголки надѣваютъ всегда лучшее платье.

14-е Октября. Среда.

Выѣхали въ 4 ч. 55 м. утра, когда знакомый мой аилъ уже весь былъ на ногахъ, хотя еще не двигался съ мѣста. Дорога непосредственно отъ нашей стоянки начинается подниматься на невысокій уваль, за которымъ послѣдовало еще шесть такихъ же уваловъ. Мѣстность эта называется «Барсыйнъ-долонъ-даба», т. е. семь барсовыхъ переваловъ и это названіе воскресило въ моей памяти старинную исторію Монголовъ, время царствованія Угэдэя. Извѣстно, сказаніе Юань-ши, по которому Угэдэй въ 1234 г. созывалъ хурултай въ мѣстности Барсъ-долонъ-даба и обнарудовалъ на немъ нѣкоторыя постановленія касательно своей военно-кочевой имперіи. Мнѣ казалось, что Барсыйнъ-долонъ-даба есть именно это урочище, по которому мы теперь двигались. Угэдэй, несомнѣнно, любилъ эти мѣста и, вѣроятно, проживалъ въ нихъ. Къ сѣверу отъ насъ тянулся теперь хребетъ, носящій общее названіе Салынъ¹⁾; черезъ какихъ-нибудь 30 верстъ мы должны были доѣхать до озера Цэгэйнъ-цаганъ. Тунъ-цзянганъ-му свидѣтельствуешь, что въ 4-й лунѣ 1236 г. Угэдэй построилъ городъ Сао-линъ и дворець Гэ-гэ-ца-ганъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это китайское Гэ-гэ-ца-ганъ относится именно къ Цэгэйнъ-цагану, и городъ Сао-линъ, получилъ свое названіе отъ этихъ горъ. На послѣднемъ изъ переваловъ Барсыйнъ-долонъ-дабанъ'а, увѣнчанномъ обб, котораго мы достигли въ 6 ч. 40 м. происходитъ раздѣленіе дорогъ, ведущихъ въ Ургу. Одна изъ нихъ направляется къ сѣверу и называется нижней дорогой, другая слѣдуетъ прямо на востокъ и называется верхней дорогой. Первая изъ нихъ обильнѣе водою и колодцами, поэтому ее избирають ѣдущіе на быкахъ и не могущіе дѣлать большихъ пореходовъ; по второй ѣздить на лошадяхъ и на верблюдахъ люди, рассчитывающіе безъ остановки дойти до Тѣлы. Мы также двинулись по этой послѣдней дорогѣ. Миновавъ небольшую долину,

1) На картѣ г. Пѣвцова хребетъ этотъ носитъ различныя имена, которыя однако принадлежатъ не хребту, а отдѣльнымъ, находящимся въ немъ горамъ. Между прочими названіями помѣчено названіе Тосынъ-замѣръ что значитъ «масляною дорогой». Дѣйствительно, здѣсь есть «Тосунъ-замъ», т. е. дорога на сѣверъ, въ Кяхту, по которой монголы возятъ на продажу масло. Вѣроятно, г. Пѣвцовъ слушалъ какія-нибудь объясненія монголовъ и, не зная языка, принялъ слова «Тосынъ-замъ» за собственное имя горъ.

въ 8 ч. утра, углубились засимъ въ цѣпь горъ, именуемыхъ Арү-Хангаемъ. Собственно, высокихъ переваловъ здѣсь нѣтъ, почему и дорога не представляется особенно трудной. Горы въ общемъ имѣютъ ровныя и мягкія формы, онѣ поднимаются отдѣльными возвышенностями, и дорога лавируетъ по ихъ боковинамъ, то взбираясь на незначительные увалы, то спускаясь съ нихъ. Растительность чисто степная и представляетъ богатый кормъ для скота. Колодезь мало, а вырытые ютятся въ большинствѣ случаевъ по падиамъ и подножиямъ горъ. Болѣе высокимъ представляется только одинъ перевалъ, Арү-Хангайнъ-даба, спускъ съ котораго приводитъ въ долину рѣки Тблы. Черезъ рѣку мы переправились вбродъ безъ особенныхъ затрудненій въ 1 ч. 20 м. дня. Тбла имѣла здѣсь ширины до 40 сажень и глубиною мѣстами была свыше аршина. Растительности по долинѣ ея мы не видали никакой, помимо самыхъ мелкихъ кустарниковъ. Еще съ ранняго утра сегодня начался сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, теперь онъ достигъ почти силы урагана. Верблюды наши сначала ежеминутно останавливались, а потомъ начали ложиться; поэтому мы должны были остановиться для ночлега непосредственно перепродивъ Тблу. Къ востоку и къ югу отъ мѣста нашей стоянки было видно повсюду, что шелъ снѣгъ. Часовъ около 5-ти къ противоположному берегу Тблы подошелъ караванъ китайскихъ купцовъ, ѣдущихъ изъ Улясутая, но, за наступившею темнотою, онъ не рѣшился переправляться. Къ 7 часамъ вечера небо прояснѣло и вѣтеръ утихъ; завтра нужно было ожидать большого мороза.

15-е Октября. Четвергъ.

Поутру было очень холодно и по всему теченію Тблы плотною массою плыла шуга, вслѣдствіе чего переправа черезъ рѣку сдѣлалась невозможною. Прибывшій вчера вечеромъ китайскій караванъ горько жаловался на свою судьбу и очень можетъ быть, что ему придется простоять на берегу съ недѣлю и болѣе, пока рѣка станетъ совершенно и сдѣлается возможною переправа по льду. Верблюды не могутъ переходить рѣку вбродъ при сильной шугѣ. Слава Богу, что мы успѣли избѣгнуть этой участи! Выѣхали въ 6 ч. 10 м. утра. Отъ береговъ рѣки Тблы долина ея болотиста, кочковата и крайне неудобна для ѣзды версты на 4, а засимъ начинается ровная и прекрасная дорога, тянущаяся прямою линіею къ ВСВ. Въ 8 ч. 20 м. мы вступили въ Цэгэйнъ-цаганъ; въ восточной сторонѣ этой степной равнины лежитъ небольшое горько-соленое озеро, дающее свое имя всей окрестности. Сама Цэгэйнъ-цаганъ-тала имѣетъ продолговатую форму. Съ сѣвера она окаймляется невысокими горами чрезвычайно мягкихъ и пріятныхъ очертаній, на югѣ горы гораздо выше. Говорятъ, что въ нихъ находятъ какіе-то разноцвѣтные камни, имѣющіе лекарственное значеніе;

и, кромѣ того, здѣсь же добывается магнитъ. Сама долина имѣетъ прекрасное орошеніе и множество маленькихъ озеръ, благодаря чему въ ней всегда имѣется изобиліе кормовыхъ травъ и мѣстность ея, говорятъ, одна можетъ прокормить весь хошунъ Найданъ-сордонъ-гүна, въ составъ коего она входитъ. Кочевниковъ здѣсь очень много, особливо въ западной части долины; но сколько я ни спрашивалъ ихъ, никто не могъ сказать мнѣ, чтобы здѣсь были какія-либо развалины, или остатки города. Русскіе торговцы изъ Урги часто посѣщаютъ Цэгэйнъ-цаганъ съ цѣлью ловить рыбу въ Толгъ и мой словоохотливый Ив. Оед. рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ ловилъ здѣсь осетровъ пуда по 4 вѣсомъ, помимо того добывали еще много окуней, щукъ, язей и налимовъ. По самой долинѣ мы видѣли массу дрохвъ и два раза дзэрэновъ стадами головъ по десяти. Въ 10 ч. 40 м. стали подниматься на перевалъ Аргалыйнъ-даба, другіе называютъ его Харъ-ямтуйнъ-добрльчжй, Богдчи и Элэсуту-хошү. За нимъ передъ нами открылась такая же ровная, какъ и Цэгэйнъ-цаганъ, долина Цабъ-үлани-тала, и по ней мы въ 12 ч. дня подъѣхали къ добрльчжй, составляющему боковину Цабъ-үлы. Здѣсь повстрѣчался намъ караванъ поклонниковъ ургинскаго хутухты, возвращавшихся изъ Урги на родину, гдѣ-то на берегахъ Цабхана. Съ благочестивою цѣлью поклоненія, они оставили свои кочевья еще въ половинѣ Юля, а доберутся до нихъ обратно не ранѣе половины Ноября; итакъ цѣлая треть года будетъ проведена въ бродяжничествѣ. Въ слѣдующемъ году предпримется снова такое же путешествіе къ какому-нибудь другому хутухтѣ, и въ этомъ проходитъ вся жизнь мало-мальски достаточнаго монгола. Отъ боковины Цабъ-үлы происходитъ измѣненіе въ направленіи Ургинской дороги: тропа ея поворачиваетъ къ сѣверу, въ обходъ песковъ, залегающихъ далѣе на востокъ, и направляется къ колодцу Аргалыйнъ-худукъ. При колодцѣ этомъ находится станція Тушѣту-хановскаго буха-бртѣ. Последнія со времени отдѣленія отъ цацэнъ-хановскихъ подверглись значительному сокращенію: теперь каждая станція состоитъ не болѣе какъ изъ двухъ или трехъ юртъ; цзангны полагаются въ числѣ одного на пять станцій; жалованья никто изъ станціонныхъ не получаетъ, и служба ихъ считается какъ бы отбываніемъ натуральной повинности, въ счетъ албана. До колодца Аргалыйнъ-худукъ мы доѣхали въ 3½ ч. дня. Далѣе, переваливъ черезъ Хоромчжйинъ-хутуль, ночевали въ урочищѣ Чжиримыйнъ-худукъ, до котораго доѣхали въ 6 ч. вечера, Урочище это принадлежитъ хошуну Мандорва-гүна, тѣмъ не менѣе мы повстрѣчали здѣсь много хошунныхъ людей Пунъ-бэйсэ, прибывшихъ со своимъ скотомъ на Чжиримскую долину, чтобы покормить его мѣстнымъ гучжиромъ. Инохошунцы эти платятъ Мандорва-гүну за право такого кормленія самую

незначительную плату: мѣсячная пастьба лошади, напримѣръ, стоитъ не болѣе 10 коп.

16-е Октября. Пятница.

Двинулись въ 6 ч. утра и продолжали путь по той же долинѣ съ твердымъ глинистымъ грунтомъ и незначительною на видъ степною растительностью. До Урги намъ оставалось теперь только двѣ станціи и три переѣзда, всего не болѣе 75—80 верстъ; поэтому, оставивъ весь свой караванъ, я одинъ направился въ Ургу, горя нетерпѣніемъ видѣть поскорѣе жену, русскихъ и получить свѣдѣнія изъ Россіи, которыхъ не имѣлъ уже три мѣсяца. Въ 7 ч. 30 м. я миновалъ станцію Дуланъ. Отъ нея ургинская дорога раздѣляется на цѣлый десятокъ мелкихъ путей, происхождение которыхъ обуславливается обиліемъ къ Ургѣ поѣзжанъ, обладающихъ самыми различными средствами. Одни, ѣдущіе на крѣпкихъ коняхъ и верблюдахъ, ѣдутъ по нѣсколько уклоняющейся къ югу, ближайшей, гористой дорогѣ; другіе, слѣдующіе преимущественно на верблюдахъ, ѣдутъ еще прямѣе на крутой перевалъ Шаръ-хубу, эта дорога почитается самой кратчайшей; третьи, желающіе избѣгнуть крутыхъ подъемовъ, слѣдуютъ окольными путями, по боковинамъ горъ, при чемъ различно мѣняютъ свое направленіе, сообразуясь главнымъ образомъ съ обиліемъ кормовыхъ травъ въ урочищахъ. Я поѣхалъ по одной изъ этихъ дорогъ, хотя и болѣе длинныхъ, но зато и болѣе проѣзжихъ. Въ 8 ч. 40 м. я началъ подниматься на длинный и пологій Аргалыйнъ-цаганъ-хутулъ. Онъ возвышается и опускается почти незамѣтнымъ уваломъ и растягивается на пространствѣ 12—15 верстъ. За нимъ въ 11 ч. я поѣхалъ къ горамъ Бурханту, колесная дорога обходитъ которыя, слѣдуя по пологому скату ихъ, или по Бурхантуинъ-добрѣлчжй. Такимъ образомъ на всемъ означенномъ пространствѣ отъ Аргала мнѣ не встрѣтилось ни горъ, ни даже значительныхъ подъемовъ. Отъ Бурхантуинъ-добрѣлчжй дорога моя углубилась въ цѣпь холмовъ, составляющихъ отроги Сонгинъ-улы. Лавируя между этими холмами, я въ 11 ч. 30 м. началъ подниматься на хребетъ Сонгинъ, оставивъ станцію Шаръ-хубу вправо. Съ вершины Сонгинъ-дабана передо мною открылась громадная ургинская долина рѣки Толы и вдаль, какъ бѣлое пятнышко, завиднѣлись зданія русскаго консульства. Какъ будто уже у себя, дома, на родинѣ. Въ 12 ч. 35 м. спустившись съ Сонгинъ-дабана, я переѣхалъ вбродъ рѣчушку Сонгинъ-булакъ, которую всѣ русскіе ургинцы привыкли считать уже своею. Благодаря любезности монгольскихъ правителей, мѣста по берегамъ Сонгинъ-булака предоставлены въ пользованіе русскихъ; всѣ чины нашего консульства и казаки имѣютъ здѣсь свои покосы и на цѣлую зиму заготавливаютъ кормъ своему скоту; купцы посту-

*

паютъ такимъ же образомъ, хотя помимо Сонгинѣ имъ приходится арендовать покосы и въ другихъ мѣстахъ. Нашъ консулъ Шишмаревъ построилъ себѣ на Сонгинѣй-булакѣ деревянную избушку и лѣтомъ выѣзжаетъ сюда какъ бы на дачу, всѣ остальные чины консульства, если выѣзжаютъ, живутъ въ монгольскихъ юртахъ. Берега Сонгинѣй-булака мѣстами густо поросли кустарникомъ, между которымъ не мало черемухи, черной и красной смородины и проч. Слѣдуя далѣе по Чингильтуйнъ-талѣ, я увидалъ здѣсь въ сторонѣ отъ дороги большую церемонію ургинскихъ ламъ, начавшуюся, говорятъ, еще при восхожденіи солнца въ центрѣ Урги, а засимъ перешедшую на окраины ламскаго города и, наконецъ, достигшую Чингильтуйнъ-талѣ, верстахъ въ 7 отъ Хурѣня. Процессію окружала толпа народа не менѣе 3-хъ, или 4-хъ тысячъ человекъ. Поводомъ къ совершенію ея послужило событіе, случившееся еще въ 1882 г. Въ ту пору къ здѣшнимъ горамъ было откомандировано нѣсколько человекъ китайскихъ и монгольскихъ солдатъ, съ цѣлью добыванія глины для строившейся тогда ургинской крѣпости. Рабочіе эти, при неосторожномъ веденіи своего дѣла, были завалены и погибли въ вырытой ими глиняной шахтѣ. Это было въ Октябрѣ, а вслѣдъ засимъ въ Ургѣ открылся сыпной тифъ, похитившій много народу. Ламы объяснили, что эпидемія эта явилась прямымъ результатомъ мщенія погибшихъ, неоплаканныхъ, хотя и ожидавшихъ людскаго участія душъ и тогда же совершили первое молебствіе объ успокоеніи ихъ. Въ настоящую пору таже эпидемія, говорятъ, открылась снова и по старой памяти противъ нея принято и прежнее средство. Отсюда вступивъ въ ургинскую долину, я въ 3 ч. 40 м. проѣхалъ Ургу, а въ 4 ч. 30 м. добрался до Русскаго Консульства.

17-е Октября. Суббота.

Настоящее пребываніе мое въ Ургѣ было посвящено на собраніе свѣдѣній объ ургинскомъ Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухтѣ и посѣщеніе прилежащихъ Ургѣ монастырей его.

VIII. Хубилганы Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухты.

Личность ургинскаго Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухты, какъ верховнаго жреца всей Монголіи, боготворимаго притомъ всѣми ламаитами, оброчала на себя вниманіе рѣшительно всѣхъ изслѣдователей Монголіи и ламаизма; но въ различныхъ сказаніяхъ о ней мы находимъ столько противорѣчиваго, смѣшаннаго, непонятаго, наконецъ, просто измышленнаго, что, предположивъ изучить какъ вѣрованія монголовъ относительно Чжэбцзунъ-

дамба-хутухты, такъ и его дѣйствительныя исторію и значеніе, мы должны были прямо отбросить почти все, что было написано объ ургинскомъ хутухтѣ доселѣ и принятыя снова какъ за сборъ устныхъ монгольскихъ преданій о немъ, такъ и за изслѣдованіе относящихся до него дѣйствительныхъ историческихъ памятниковъ. У Риттера, напримѣръ, мы находимъ мнѣніе, что Чжэбцзунъ-дамба составляетъ предметъ вѣрованій и поклоненій монголовъ еще съ древнѣйшихъ временъ, потому что онъ является продолженіемъ перерожденій какого-то великаго ламы, пользовавшагося большими почестями еще при императорахъ Юань въ Китаѣ, а по изгнаніи ихъ изъ Китая раздѣлившаго съ ними ихъ судьбу, бѣжавъ на сѣверъ Гоби, гдѣ у бассейна Селенги и основалъ онъ свое мѣстопребываніе. Мнѣніе это не имѣетъ за собою рѣшительно никакого основанія, такъ какъ ни одно изъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ монгольскихъ, такъ и китайскихъ, не говоритъ намъ ни о какомъ, бѣжавшемъ съ Тогднъ-тэмүромъ, великомъ ламѣ; извѣстно лишь, наоборотъ, что монголы, возвратившись изъ Китая на сѣверъ, совершенно забыли буддизмъ и всѣми силами своей души предались шаманству, а слѣдовательно перестали вовсе чествовать хутухты. Игуменовъ утверждалъ мнѣніе, что Чжэбцзунъ-дамба почитается, послѣ далай ламы и баньчэнь-богдо, третьимъ лицомъ въ ламайскомъ мірѣ. Это опять невѣрно и судить объ относительномъ значеніи хутухты въ понятіяхъ народа, также трудно, какъ трудно судить о значеніи святыхъ христіанской церкви: для истинно вѣрующаго сердца всѣ они имѣютъ равное значеніе, хотя въ то же время каждый вѣрующій, по тѣмъ или другимъ причинамъ, чувствуетъ преимущественно своего патрона. То же самое замѣчается и у ламаитовъ. Если, по понятіямъ южныхъ монголовъ, Чжанчжя-хутухту состязается въ своемъ значеніи съ Чжэбцзунъ-дамбою, то послѣдователи секты Ньянмава, или Сакьяской, конечно, никогда уже не согласятся признать своего Сакья-баньчэня, перерожденца великаго Падма Самбавы, ниже ургинскаго хутухты; также точно послѣдователи Бруква будутъ смотрѣть относительно своего Дарма-раджи и пр. Нашъ знаменитый монголистъ, О. М. Ковалевскій, усиливаясь поддержать мнѣніе Игуменова о томъ, что Чжэбцзунъ-дамба есть именно третье лицо въ ламайскомъ мірѣ, сообщалъ, что вообще «хутухты получаютъ степени священства съ соблюденіемъ строгаго порядка: Чжэбцзунъ-дамба посвящается Далай-ламдоу, этотъ — Баньчэнь-эрдэнемъ, а послѣдній — Дзасрай-ринбочэ». (Монг. Хрестом. Т. I стр. 525). Все это опять-таки невѣрно, ибо принятіе посвященія въ ламскія званія отъ того или другого лица не имѣетъ никакого отношенія къ религіозному или іерархическому значенію хутухты. Въ этомъ случаѣ буддисты смотрятъ на дѣло опять таки глазами христіанъ, по которымъ

даръ священства безразлично сообщается человѣку, будетъ ли онъ посвященъ первенствующимъ митрополитомъ, или заштатнымъ викаріемъ; въ частности относительно того, что Чжэбцзунъ-дамба не всегда посвящается далай-ламою, мы имѣемъ точныя указанія лѣтописей, по которымъ оказывается, что второго халхаскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-гэгэна посвящалъ Донкоръ-хутухта, Наванъ-лобсанъ; четвертаго — Чжанчжа-хутухта; пятаго — въ гэгэны посвящалъ Баньчэнь-эрдэни, а въ гэгэли — даже никогда не считавшійся хубилганомъ, простой монгольскій лама, Лобсанъ-цзамьянъ, бывшій только учителемъ гэгэна и т. д. Относительно исторіи хутухты существуетъ не менѣе вымысловъ: Ваддель увѣряетъ, что Чжэбцзунъ-дамба былъ первоначально главнымъ ламою города Хуху-хотъ, а въ разказахъ объ его пребываніи тамъ переносятъ на него легенды объ Илагхсанъ-гэгэни¹⁾. Гюкъ описываетъ блестящую поѣздку 5-го Чжэбцзунъ-дамбы, въ 1839 году, въ Пекинъ, а по передаваемымъ имъ частностямъ относительно этой поѣздки можно подозрѣвать, что онъ смѣшалъ свой вымыселъ съ слышанными имъ событіями о смерти 4-го хутухты, скончавшагося въ 1813 г., по дорогѣ изъ У-тай-шаня²⁾. Эта смерть въ дорогѣ дала поводъ нашему ургинскому консулу Шишмареву сочинить чуть ни положеніе о жизни хутухты; онъ рассказываетъ, что, достигнувъ 20—23-хъ лѣтъ, «хутухта долженъ принимать отъ далай-ламы посвященія, для чего ѣздитъ въ Тибетъ (мы видѣли уже на сколько это справедливо), и, возвращаясь оттуда, умираетъ обыкновенно на дорогѣ»³⁾. Но изъ всѣхъ ургинскихъ хутухтъ только именно одинъ четвертый умеръ въ дорогѣ, да еще первый въ Пекинѣ, всѣ же остальные преспокойно жили и умирали въ Ургѣ. Если немножко остановиться на этой теоріи Шишмарева, то окажется, что хутухты должны всегда умирать въ 20—25 лѣтъ; но мы думаемъ, что и самъ Шишмаревъ былъ введенъ въ это заблужденіе своими предшественниками. Извѣстный путешественникъ Ковалевскій, излагая свои свѣдѣнія объ ургинскомъ хутухтѣ, говоритъ: «не знаю, почему, но онъ (хутухта) то и дѣло здѣсь перерождается»⁴⁾. И ни одному изъ этихъ писателей не пришло въ голову, что первый ургинскій хутухта родился еще въ 1635 году и что изъ числа семи умершихъ его хубилгановъ—шестого собственно нечего и считать (онъ умеръ пятилѣтнимъ малюткой отъ оспы); такимъ образомъ на долю 6 поколѣній приходится приблизительно

1) Waddel The Buddhism of Tibet. or Lamaism. p. 240.

2) Гюкъ, Воспоминаніе о путешествіи по Татаріи.

3) Шишмаревъ, Свѣдѣнія о Халхасскихъ владѣніяхъ, въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. кн. VII, стр. 74.

4) Ковалевскій, Путешествіе по Китаю, стр. 54.

230 лѣтъ, — срокъ не меньшій, чѣмъ назначается теперь для обычной смѣны человѣческихъ поколѣній. Но о хутухтѣ почему-то почиталось необходимымъ говорить что-либо необыкновенное. Пржевальскій, очевидно, наслушавшійся такихъ же мнѣній, сообщаетъ еще новое свѣдѣніе, что «ургинскіе хутухты подвергаются отравленію»; дѣлается же это якобы въ виду опасенія китайскаго правительства видѣть въ хутухтѣ самостоятельную личность¹⁾. Но время, когда китайцы могли опасаться какого-нибудь вліянія хутухтъ, давно уже миновало; объ этихъ опасеніяхъ можно догадываться развѣ читая лѣтописныя сказанія 1700-хъ годовъ и нѣтъ сомнѣнія, что только по старой памяти о тогдашнихъ обстоятельствахъ Вильямсъ, недавно утверждалъ намъ, будто Чжэбцзунъ-дамба пользуется такимъ неограниченнымъ вліяніемъ среди халхасовъ, что китайскіе чиновники только черезъ его посредство имѣютъ возможность управлять туземными монгольскими племенами²⁾. Впрочемъ, если бы мы начали перечислять все, что, по незнанію истиннаго положенія дѣлъ, слагалось въ головѣ нашихъ досужихъ писателей о личности Чжэбцзунъ-дамбы, то намъ пришлось бы представить объ этомъ чуть ни цѣлое разсужденіе; а потому мы почитаемъ за лучшее обратиться къ изложенію собственныхъ изслѣдованій, составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи точныхъ лѣтописныхъ и документальныхъ данныхъ. Къ этому мы присоединяемъ и нѣкоторыя легенды о Чжэбцзунъ-дамбѣ, которыя если и не имѣютъ никакого историческаго значенія, то тѣмъ не менѣе представляютъ интересъ для характеристики современныхъ монгольскихъ вѣрованій о хутухтахъ вообще.

Перерожденія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, по вѣрованіямъ монгольскихъ ламайтовъ, начались еще со временъ Будды Сакьямүни³⁾ и съ той поры хубилганы его появлялись на землѣ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Имя перваго возрожденія Лоддй-шиндү-намдакъ (ᠯᠣᠳᠳᠢ ᠰᠢᠨᠳᠦ ᠨᠠᠮᠳᠠᠬᠤ). Онъ воплотился въ индійской Магадѣ во времена будды Шигэмүнія и дѣйствовалъ въ числѣ 500 бодисатвъ, учениковъ Шигэмүнія.

Имя втораго возрожденія — Барбй-цзобб (ᠪᠠᠷᠪᠢ ᠴᠵᠣᠪᠪᠠ). Онъ явился

1) Пржевальскій, Монголія и страна Тангутовъ, стр. 8.

2) Williams, The Middle Kingdom. London 1883 г.

3) Въ 1879 г., по возвращеніи изъ своего перваго путешествія по Монголіи, я напечаталъ небольшое изслѣдованіе о хубилганахъ Чжэбцзунъ-дамбы подъ заглавіемъ «Ургинскіе хутухты. Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта»; въ этой монографіи мною также были перечислены всѣ хубилганы хутухты; но тогда это было сдѣлано мною по крайне неудовлетворительному монгольскому списку и въ мой текстъ привзошло не мало ошибокъ и невѣрностей. Настоящій списокъ сдѣланъ мною по рукописи, хранящейся въ шаньчэотвинскомъ ямугѣ и слѣдовательно долженствующей представлять собою оффиціальныи документъ.

хубилганомъ въ Индіи во времена Наганчжүны и былъ начальникомъ 500 пандидъ, учениковъ Наганчжүны, въ монастырѣ Налиндара.

Имя третьяго возрожденія — Накбд-чодба (ཀའི་མཚོ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ Индійской провинці Рѳмбаша, во времена хана Хобацзѣда.

Имя четвертаго возрожденія — Ратна-бакүла (རྟ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ индійской провинці Цзаринтай, во времена Чаландара-ламы.

Имя пятаго возрожденія — Рунсүмъ-чой-санъ (རུང་སུམ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Цзанъ, во время Чжовѳ-адишѣ ламы.

Имя шестого возрожденія — Дарма-ванцүкъ (ཏ་རྟ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Бгингъ, во времена Дакбѳ-хлачи (ཏ་མཚོ་མཚོ་) ламы.

Имя седьмого возрожденія — Отсэръ-бал-чжй (འོ་སེར་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Цанъ-ни-цзанъ, во времена ламы Сактя Бадакба-чжалцанъ.

Имя восьмого перерожденія — Борокдѣ-чжалцанъ (བོ་རོ་ཏ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Хла-би-рай-цанъ, во времена Чжовѳ-хла-цзанъ ламы.

Имя девятаго перерожденія — Сан-чжй-рай-чйнъ (ས་མཚོ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Цанъ-ни-цзанъ, во времена Брай-ба-Гум-ба цорчжй.

Имя десятаго возрожденія — Сэнгд-патара (སེང་ཏ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Хла-лунъ-ра-салъ, во времена Бодаринбочѣ ламы.

Имя одиннадцатаго возрожденія — Дашй-балданъ (ཏ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ Тибетѣ, въ монастырѣ Самй, во времена Цзонхавы и былъ извѣстенъ подъ именемъ Цзамьянъ-цорчжй, ближайшаго ученика Цзонхавы. Онъ построилъ въ тибетскомъ Цзанѣ монастырь Балданъ-Брайбунъ.

Имя двѣнадцатаго перерожденія — Чой-гй-нинъ-чжйтъ (མཚོ་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ индійской Сингалѣ, во времена далай ламы Гэдунъ-дуб'а.

Имя тринадцатаго перерожденія Гунгѣ-долцокъ (ཀའི་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинці Нѣри, во времена далай-ламы Гэндунъ-чжамцѣ.

Имя четырнадцатаго возрожденія — Качйтъ-сачжонъ (ཀའི་མཚོ་མཚོ་). Онъ явился хубилганомъ въ Индіи, во времена хана Баридари.

Имя пятнадцатаго возрожденія Чжэбцзунъ-дараната-гунга-нинбо (ཅེ་བཟུགས་པུན་པོ་ལོ་ན་པུན་པོ་བོ་ལོ་ན་པོ་བོ་ལོ་ན་པོ་བོ་). Онъ явился хубилганомъ въ тибетской провинціи Варангъ, во времена Рапшъ-чжамцѣ ламы, въ годъ голубоватой свиньи (1573 г.). Онъ учился въ монастырѣ Чжо-нанъ и былъ современникомъ Лобсанъ-чойчжй-чжалцана. Тридцати лѣтъ отъ роду, въ годъ черноватаго зайца (1603), онъ принялъ отъ Цзамьянъ-гунга-чжамцѣ обѣты галүна. Тридцати пяти лѣтъ, въ годъ желтой обезьяны (1608), составилъ шастру, подъ заглавіемъ Чжагаръ-чдй-чжунъ, объясняющую начало и первая судьбы священнаго ученія въ Индіи. Сорока двухъ лѣтъ, въ годъ голубоватаго зайца (1615), обосновалъ въ тибетской провинціи Цзанъ монастырь, извѣстный подъ именемъ Дакданъ-пунцүкъ-линъ. Онъ ходилъ въ Монголію по приглашенію народа этой страны и основалъ здѣсь нѣсколько монастырей подъ покровительствомъ китайскаго богдохана. Онъ умеръ въ Монголіи.

Вотъ всѣ перерожденія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты до времени появленія хубилгановъ его въ Халхѣ. На вопросъ мой къ ламамъ о томъ, какимъ образомъ Чжэбцзунъ-дамба отъ временъ будды Сакьямүни до Ёндүръ-гэгэна, т. е. въ періодъ, по ихъ вѣрованіямъ, 2596 лѣтъ, могъ возрождаться только 15 разъ и слѣдовательно въ каждомъ своемъ перерожденіи жить приблизительно 173 года, ламы отвѣчали мнѣ, что такой расчетъ мой не вѣренъ, ибо хутухты жили, какъ и всѣ люди, одинъ 30, другой 80 и болѣе лѣтъ; но, до появленія хубилгана Ёндүръ-гэгэна, Чжэбцзунъ-дамба возрождался пятнадцать разъ именно на землѣ, и эти перерожденія записаны въ человѣческихъ спискахъ; въ остальное время онъ возрождался въ различныхъ частяхъ вселенной, съ цѣлью благотворить, также какъ и людямъ, существамъ другихъ міровъ; эти перерожденія его неизвѣстны никому помимо самого гэгэна, поэтому-то о нихъ и нѣтъ никакихъ сказаній. Что касается хубилгановъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, возрождавшихся собственно въ Халхѣ, то о нихъ халхасы имѣютъ уже болѣе подробныя сказанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ.

Первый хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты родился въ Халхѣ въ 1635 году, т. е. спустя ровно 50 лѣтъ послѣ провозглашенія ламаизма господствующею вѣрою въ сѣверныхъ областяхъ Монголіи и построенія Абатъ-хѣномъ халхаскимъ перваго ламайскаго монастыря, Эрдэни-цзү. Чудесныя знаменія и предсказанія объ этомъ рожденіи начались чуть ни съ перваго года принятія халхасами ламаизма. Преданіе говоритъ, что Абатъ-хѣанъ, построивъ Эрдэни-цзү, на второй же годъ по освященіи его отправился въ Тибетъ. Тамъ, при первой своей аудіенціи у далай-ламы, онъ, ради распространенія «десяти бѣлыхъ» добродѣтелей, поднесъ этому вели-

кому ламѣ бѣлый серебряный мандаля, 100 бѣлыхъ хадаковъ и 100 бѣлыхъ мериновъ; ради процвѣтанія въ Халхѣ «желтой» вѣры — желтый золотой мандаля, 100 желтыхъ хадаковъ и 100 желто-буланыхъ мериновъ; сверхъ сего пожертвовалъ еще цѣлый табунъ въ 1000 разномастныхъ лошадей и множество разнаго рода драгоценностей, камней, шелковыхъ матерій и пр. Далай-лама преподалъ поэтому Абатѣй-хѣну посвященія различныхъ буддъ, а когда Абатѣй попросилъ далай-ламу пожаловать ему, ради утвержденія въ Халхѣ буддизма, одинъ изъ чудотворныхъ бурхановъ и указать ему ламу, который могъ бы отправиться въ Халху и вести тамъ съ пользою проповѣдь буддизма, то далай-лама предоставилъ Абатѣю выбирать любого бурхана и любого ламу, по желанію. Долго ходилъ Абатѣй-хѣнъ по кумирнямъ, смотря на бурхановъ и ламъ, наконецъ онъ замѣтилъ, что покрывка у одного изъ кумировъ колышется, какъ будто отъ сильнаго бѣненія сердца; это былъ кумиръ Вацжра-дары, который и былъ взятъ Абатѣемъ въ Халху. Отыскивая подходящаго ламу, онъ замѣтилъ также одного проповѣдника, сидѣвшаго чуть ни на послѣднемъ мѣстѣ, и предложилъ ему ѣхать съ собою въ Монголію. Лама отвѣчалъ: «въ настоящую пору я не могу ѣхать, а послѣ приду». Лама этотъ былъ, говорятъ, Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ въ своемъ 15-мъ перерожденіи; онъ лично и первый предначерталъ такимъ образомъ свое появленіе въ Халхѣ. При послѣдующихъ своихъ аудіенціяхъ Абатѣй-хѣнъ просилъ самого далай-ламу пріѣхать въ Халху и совершить «великое освященіе» Эрдэнэ-цзусакаго монастыря; но далай-лама также отказался и послалъ вмѣсто себя Сиддигу-габжжѣ, хотя въ то же время онъ сказалъ Абатѣю, что непременно встрѣтится съ нимъ въ Халхѣ.

Миновало уже нѣсколько лѣтъ по возвращеніи Абатѣй-хѣна изъ этой поѣздки въ Тибетъ. Однажды отправился онъ съ толпою своихъ приближенныхъ хѣ (адьютантовъ) охотиться и вдругъ видитъ вдаль, на ровной степи дымокъ. Хѣнъ отправилъ своихъ прислужниковъ посмотрѣть, кто былъ этотъ путникъ, — охотникъ ли какой, сборщикъ ли подаяній на кумирни, или просто нищій? Возвратившіеся посланцы отвѣчали, что тамъ сидитъ и варитъ себѣ кашницу какой-то странный человекъ: онъ одѣтъ въ синій халатъ и слѣдовательно кажется свѣтскимъ, а съ другой стороны у нѣтъ косы и, судя по этому признаку, онъ какъ будто лама. Абатѣй-хѣнъ, припомнивъ данное имъ далай-ламѣ обѣщаніе, въ виду незначительности въ Халхѣ ламъ, кланяться каждому хуварѣку и подозрѣвая въ незнакомцѣ ламу, отправился къ нему. Подѣхавъ къ страннику, Абатѣй-хѣнъ сдѣлалъ ему земной поклонъ, прислужники же его, видя въ сидящемъ какого-то замарашку, съ удивленіемъ говорили между собою: «какъ счастливъ этотъ

человѣкъ, что такой великій ханъ ему кланяется!» Въ свою очередь и незнакомецъ, смотря на поклонъ хана и неподвижныя позы другихъ, произнесъ: «какъ счастливъ этотъ ханъ, отдавшій поклонъ въ ту пору, какъ всѣ другіе и не думаютъ кланяться». Далѣе, разговаривая съ ханомъ, этотъ странный человѣкъ, явившійся подъ видомъ сборщика подаяній на кумирню, сказалъ: «это мѣсто нашего свиданія будетъ въ высшей степени замѣчательно; поставь на немъ какой-нибудь знакъ!» Абатѣй тотчасъ же приказалъ насыпать здѣсь обѣ, а урочище это назвалъ «Исунъ-цзуйль». Угостивъ Абатѣя своей кашней, человѣкъ этотъ скрылся и тутъ только узнали, что это былъ далай-лама, исполнившій теперь свое обѣщаніе видѣться въ Халхѣ съ Абатѣй-ханомъ.

Послѣ сего прошло почти полустолѣтіе. Однажды, уже внукъ Абатѣя, тѣшѣтѣ-ханъ Гомбѣ-дорчжй проѣзжалъ по тому же урочищу и вдругъ видитъ, что у вышепомянутого обѣ сидитъ какой-то благообразный лама. «Что ты здѣсь дѣлаешь?» спросилъ ханъ. «Я чествую жертвами эту мѣстность», отвѣчалъ лама и вдругъ сдѣлался невидимъ. Вслѣдъ засимъ по небосклону изо дня въ день протягивалась радуга, Гомбѣ-дорчжй ханъ и его супруга постоянно видали знаменательные и благовѣщіе сны и наконецъ ханша Хандѣ-чжамцѣ сдѣлалась беременной. Прослышавъ объ этомъ, гэгэнъ-цэцэнъ-ханъ халхаскій отправилъ къ тѣшѣтѣ-хану подарки и письмо съ такимъ содержаніемъ: «мнѣ постоянно приходитъ на мысль, что у тебя родится прекрасный сынъ, который будетъ руководить всѣхъ насъ, потомковъ Сутѣ-богдѣ Чингисъ-хана; поэтому мнѣ хочется повидаться съ тобою и провести нѣсколько дней въ развлеченияхъ и забавахъ». Вслѣдъ за этимъ письмомъ цэцэнъ-ханъ дѣйствительно пріѣхалъ къ тѣшѣтѣ-хану и, пропировавъ у него нѣкоторое время, воротился домой. Это была прекрасная пора, когда не было ни жаровъ, ни засухи, ни эпидемій, ни болѣзней; дождей и воды было въ изобиліи, лѣса и степи пестрѣли цвѣтами, масса птицъ заливалась новыми прекрасными пѣснями; всѣ видали благовѣщіе сны, особливо же хану и ханшѣ то и дѣло снились бурханы, слышались слова священныя писаній, а радуга ниспускалась надъ ними такъ низко, что, казалось, ее можно схватить рукою. Цэцэнъ-ханъ, возвратившись въ свои кочевья, собралъ своихъ мастеровъ и заказалъ имъ сдѣлать дѣтскую люльку, украшенную драгоценностями и опоясанную тремя желѣзными обручами, а когда она была готова, отправилъ ее къ тѣшѣтѣ-хану. Между тѣмъ срокъ разрѣшенія отъ бремени ханши приближался. Гомбѣ-дорчжй предположилъ поэтому пораньше перекочевать на зимники и отправился посмотреть мѣсто, гдѣ можно поставить ему свою юрту. Ъдучи по степи, онъ прибылъ въ урочище Исунъ-цзуйль къ тому мѣсту, которое было отмѣчено предсказа-

ніемъ далай-ламы и увидалъ, что здѣсь, вблизи извѣстнаго намъ обб, оцѣнилась бѣлая сука. Обстоятельство это было принято имъ за добрый знакъ и здѣсь-то именно приказалъ онъ обосновать на этотъ годъ свое зимнее кочевье. Былъ уже 9-й мѣсяць года, рѣки покрылись льдомъ и повсюду лежалъ глубокій снѣгъ; и чудо, — едва поставили ханскую юрту, какъ посреди ея становища выросъ и совершенно расцвѣлъ бѣлый цвѣтокъ. Наступило 25 число 9 луны года голубоватой свиньи (1635). Раннимъ утромъ этого дня совершилась новая необычайность. Ханьша почувствовала боли родовъ и въ то же время изъ груди ея молоденькой, 16-ти лѣтней прислужницы показалось молоко. Дѣвушка плакала отъ стыда и только ханьша Хандучжамцѣ утѣшила ее, объяснивъ, что когда у ханьши родятся дѣти, то такъ и слѣдуетъ, чтобы у любимой ея прислужницы показалось молоко. Нѣсколько спустя, тѣмъ же утромъ, ханьша родила сына, но молоко у ней не пришло; поэтому на общемъ совѣтѣ рѣшено было омыть аршаномъ (освященною водою) груди вышенамянутой 16-ти лѣтней дѣвушки и сдѣлать ее кормилицею малютки. Ребенка положили въ люльку, присланную цэцэнъ-ханомъ и особыя прислужницы сторожили его и день, и ночь. По веснѣ къ тушѣтү-хану прибылъ снова цэцэнъ-ханъ. Однажды, сидя въ юртѣ, держалъ онъ на рукахъ малютку, какъ вдругъ явились три ацзара (обитатели Индіи). Ребенокъ, очевидно, признавъ этихъ людей (онъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ этими индійцами въ одномъ изъ прежнихъ перерожденій), какъ будто началъ говорить съ ними и потянулся къ нимъ такъ, что цэцэнъ-ханъ еле могъ сдержать его на колѣнахъ. Послѣ сего ацзары вдругъ сдѣлались невидимы, а цэцэнъ-ханъ объявилъ, что такое необычайное явленіе, несомнѣнно, свидѣтельствуеетъ, что ребенокъ будетъ здоровъ и по времени сдѣлается великимъ и спасительнымъ для всѣхъ ламою; по таковымъ причинамъ заблагоразсудилъ онъ, гэгэнъ-цэцэнъ-ханъ, поднести этому малюткѣ свой титулъ «гэгэна» съ тѣмъ, чтобы этотъ будущій малютка-лама назывался гэгэномъ, а онъ, ханъ, именовался бы уже просто «цэцэнъ-ханомъ». Возвратившись домой, цэцэнъ-ханъ отправилъ отъ себя одного знатока примѣтъ, который, посмотрѣвъ на малютку, доложилъ цэцэнъ-хану, что «новорожденный сынъ тушѣтү-хана, по истинѣ ненаглядный ребенокъ: удлиненность угловъ его глазъ и необычайная правильность въ строеніи зрачка и бѣлка свидѣлствуютъ о томъ, что онъ можетъ созерцать всѣ десять странъ свѣта, въ тѣлѣ же его совмѣстились всѣ признаки будды, а потому можно считать за несомнѣнное, что онъ дѣйствительный будда». По третьему году¹⁾ ребенокъ началъ говорить и первыми словами его были: «Ая-ла-ма-

1) Принимаю здѣсь монгольское лѣтосчисленіе, по которому возрастъ челоуѣка считается съ момента его зачатія; по нашему счету гэгэну тогда не было еще и двухъ лѣтъ.

дуй-сум-сан-чжій-ди-чой-чжи-кор-ло-барду-ла-на-мэдъ», т. е. тибетскій текстъ употребительной ламайской молитвы. Черезъ нѣсколько времени онъ, совершенно не учившись, началъ ежедневно читать молитвы, произносимыя при двухъ жертвоприношеніяхъ «Нама-сангадѣ». По общему обычаю, около ханскаго сына собрано было много дѣтей, съ которыми онъ могъ бы забавляться; но игры этого удивительнаго ребенка состояли лишь въ томъ, чтобы строить кумирни, служить хуралы, изображать великихъ ламъ и бурхановъ, приносить жертвы буддамъ и проч. Было ясно, что ребенокъ какъ бы самою судьбою предназначался въ ламы и, не нарушая ея очевидныхъ предначертаній, Гѣмбо-дорчжій рѣшилъ посвятить своего сына на служеніе буддѣ. Въ годъ желтаго барса (1638), когда ребенку еще не исполнилось и четырехъ лѣтъ, лама Чжамбалинъ преподалъ ему обѣты и посвященіе въ гэнэны, при чемъ ему было дано первое монашеское имя Цзана-бацзэръ. Въ слѣдующемъ году желтоватаго зайца (1639), другой лама, Вансү-бурлигү, преподалъ ему уже посвященіе въ первую монашескую степень, рабчжүна, и новое имя его было Лобсанъ-ванбѣ-чжалцанъ (ᠯᠣᠪᠰᠠᠨᠦ ᠪᠠᠨᠪᠡ ᠴᠢᠵᠠᠨᠠ). Вмеѣстѣ съ симъ малютку рѣшено было сдѣлать настоятелемъ монастыря, построеннаго на Цаганъ-нүрѣ. Тотъ же лама Вансү-бурлигү преподалъ ему «камбѣйнъ-чжинанъ» (настоятельскіе наказъ и посвященіе) и возвелъ его на кафедру (ширѣ), провозгласивъ его камбѣ-ламою, съ титуломъ сумати-сакья-дѣцза, т. е. «державшій сакьяское знамя великаго ума». Это было чрезвычайнымъ торжествомъ для халхасовъ. Новому настоятелю приносили жертвы: каждый изъ халхаскихъ князей поднесъ ему въ подарокъ по нѣскольку десятковъ юртъ изъ числа своихъ податныхъ людей и это послужило началомъ къ образованію въ Халхѣ новаго вѣдомства шабинаровъ Чжэбцзүнъ-дамба-хутухты; весь народъ призналъ за нимъ переданный ему цэцэнъ-ханомъ титулъ «гэгэна», а въ особое и видимое отличіе этого званія поднесъ ему богатую юрту, опоясанную желтымъ поясомъ. Самое озеро Цаганъ-нүрѣ, близъ котораго совершалось это торжество, было теперь до нѣкоторой степени переименовано и названо Ширѣгү-цаганъ-нүромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое провозглашеніе гэгэномъ и возведеніе на настоятельскую кафедру четырехлѣтняго малютки имѣло своимъ основаніемъ единственно высокое происхожденіе ребенка отъ старѣйшаго изъ халхаскихъ хановъ; халхаскіе ламы, исповѣдывавшіе ламаизмъ по сектѣ сакья, могли назвать его какъ своего верховнаго настоятеля «державшимъ сакьяское знамя», но никто изъ халхасовъ даже не думалъ видѣть въ Лобсанъ-ванбѣ-чжалцанѣ какого либо хубилгана. Судя по полному молчанію лѣтописей и преданій о первыхъ годахъ его жизни, надо думать, что дѣтство и отрочество гэгэна равнымъ образомъ не имѣли ничего

выдающагося: ребенокъ, вѣроятно, жилъ въ холѣ и въ почетѣ, учился у своихъ лучшихъ и старѣйшихъ ламъ, да по временамъ ѣздилъ изъ монастыря на побывку къ своимъ родителямъ. Единственнымъ выдающимся дѣломъ гэгэна было за эту пору обоснованіе славнаго доселѣ въ Халхѣ монастыря, Бару́нь-хурѣ. Событіе это записывается въ лѣтописяхъ подъ годомъ «красноватой свиньи» (1647), когда гэгэну было слѣдовательно только 12 лѣтъ; тѣмъ не менѣе, по преданію, онъ участвовалъ въ освященіи этой обители и тогда же пожаловалъ ей имя Брайбунъ-гэчжй-ганданъ-шат-дублинь. Признаніе за Лобсанъ-ванбѣ-чжалцаномъ необычайнаго происхожденія и объявленіе его хубилганомъ Даранаты совершилось только черезъ три года послѣ этого событія и чтобы исполнѣ понять истинныя причины и значеніе этого обстоятельства, намъ необходимо нѣсколько отклониться къ разсмотрѣнію тогдашняго положенія дѣлъ на самой родинѣ ламаизма, — въ Тибетѣ.

Буддійскіе іерархи въ Тибетѣ начали получать политическое значеніе въ этой странѣ, кажется, не ранѣе второй половины XIII вѣка, когда монголо-китайскій богдоханъ, Хубилай, впервые провозгласилъ сакьяскаго Пакба-ламу владыкою Тибета. Получивъ духовное главенство и овладѣвъ до извѣстной степени даже свѣтской властью надъ всѣмъ Тибетомъ, лама этотъ обосновалъ въ своей сектѣ довольно сложную іерархію, чтобы, при посредствѣ ея, удобнѣе, съ одной стороны, возвысить свою секту сакья, а съ другой — подавить соперничествовавшія съ нею другія секты, съ которыми преемники Пакба-ламы вступили уже въ открытую борьбу. Извѣстно, напримѣръ, что сакьясцы въ 1320 году сожгли большой монастырь Дикунъ, принадлежавшій сектѣ гар-чжуд-ба. Въ противовѣсъ показаннымъ стремленіямъ сакьясцевъ эти другія секты тибетскаго буддизма, въ свою очередь, образуютъ соперничающія между собою іерархіи, при чемъ всѣ они сходятся въ единомъ желаніи — отнять власть надъ народомъ изъ рукъ мелкихъ владѣтелей, между которыми былъ раздѣленъ тогда Тибетъ. Въ 1417 г. Цзонхава обосновываетъ новую секту, гэ-луг-ба, развившую у себя іерархическій строй, несомнѣнно, сильнѣйшій всѣхъ прочихъ, который начинаетъ стремиться распространить свою власть уже не на мелкіе удѣлы, а на весь Тибетъ. Въ 1640 году пятому великому ламѣ новооснованной секты, Навану, и его духовному отцу Лобсанъ-чойчжй-чжалцану удалось убѣдить ѳлотскаго Гүши-хана овладѣть Тибетомъ и поднести эту страну, вмѣстѣ съ титуломъ далай-ламы, Навану. Съ этой поры Наванъ дѣлается не только духовнымъ, но, по началу хотя бы только номинальнымъ, свѣтскимъ владыкою всего Тибета. Чтобы упрочить за собою эту послѣднюю власть онъ объявляетъ себя воплощеніемъ бодисатвы Авалокитѣшвары, возводитъ въ ту же

степень предшествовавшихъ ему четырехъ великихъ ламъ и приказываетъ составить сочиненіе «Мани-гамбумъ», которое разсматриваетъ воплощенія Авалокитѣшвары, начиная отъ тибетскаго Сронцзанъ-гамбд-хана. Это была прекрасная идея съ цѣлью показать духовную непрерывность царствующей въ Тибетѣ власти, обезпечить вѣрность народа новому представителю этой власти, — далай-ламѣ, и оправдать сего послѣдняго въ присвоеніи себѣ правъ свѣтскаго правителя. Труднѣе всего было при этомъ бороться Навану съ своими же собратьями по дѣятельности, т. е. съ ламами другихъ сектъ; но мало-по-малу всѣ они принуждены были признать великаго хласа'скаго ламу главою ламайской церкви и тибетскаго народа. Мы имѣемъ далѣе основаніе предполагать, что болѣе другихъ соперничествовала съ далай-ламою секта сакьясцевъ, не могшая забыть своего прежняго владычества въ Тибетѣ. Подчиненіе ея совершалось Наваномъ исподоволь, такимъ образомъ, что послѣ смерти каждаго сакьяскаго ламы Наванъ насильно вводилъ въ управлявшемся умершимъ ламою монастырѣ учрежденія секты гѣ-лугъ-ба. Такъ поступилъ онъ и по смерти Даранѣты, принадлежавшаго къ джонанской школѣ сакьяской секты, обративъ построенный Даранѣтою монастырь, Дакданъ-Пунцукъ-линъ, къ галданскому толку. Конечно, подобное обращеніе совершалось не безъ борьбы; тѣмъ не менѣе сакьясцы невольны были уступать возвышавшейся власти, особливо послѣ того какъ значеніе ея было признано и поддержано могущественными маньчжуро-китайскими богдоханами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда получившіе ламаизмъ изъ Тибета халхасы надумали познакомить своего гэгэна съ колыбелью исповѣдуемой ими, хотя и не особенно еще окрѣпшей у нихъ вѣры. Осенью 6-го года правленія Шунь-чжи, въ лѣто желтоватой коровы (1649 г.), гэгэнъ выѣхалъ въ Тибетъ. Караванъ его, по обычаю, зимовалъ въ Гумбумѣ, а по веснѣ слѣдующаго 1650 г. прибылъ въ страну Вѣчнаго Цзѹ. Первый визитъ гэгэна былъ въ Даші-хлумбд, къ славному настоятелю этого монастыря, Лобсанъ-чойчжи-чжалцану, впоследствии провозглашенному Наваномъ, первымъ баньчэнъ-эрдэнѣмъ. Этому Лобсанъ-чойчжи-чжалцану гэгэнъ поднесъ массу подарковъ, принялъ отъ него обѣты гѣцѹла и прослушалъ нѣсколько соединенныхъ съ посвященіями наставленій, главнѣйшимъ изъ которыхъ было «Ямандагайнъ-ванъ». Отсюда халхаскій гэгэнъ отправился въ Будаду, къ далай-ламѣ, Наванъ-лобсанъ-чжамцд; этотъ, получивъ еще большіе дары, преподалъ гэгэну Вачиръ-дара-эргэйиъ-ванъ и засимъ началъ ему истолковывать множество разнаго рода глубокомысленныхъ теорій. Въ такихъ занятіяхъ гэгэнъ прожилъ въ Будагѣ болѣе полугода и аѣтъ ничего удивительнаго, если далай-ламѣ за это время пришло на мысль

воспользоваться его личностью ради собственного возвышенія. Навѣтъ, несомнѣнно, видѣлъ въ молодомъ халхаскомъ ламѣ своего покорнаго ученика и рѣшилъ провозгласить его хубилганомъ Даранаты. Рѣшительно все благоприятствовало и вынуждало его къ выполненію этого плана. Сакъясцы искали въ ту пору хубилгана Даранаты, который долженъ былъ возродиться, конечно, среди исповѣдниковъ той же секты сакъя, тѣмъ не менѣе онъ не былъ еще найденъ. Такъ какъ первый халхаскій монастырь Эрдэни-цзү былъ освященъ сакъяскими ламами, которые засимъ строили также другіе монастыри и разошлись по всей Халхѣ, то Халха естественно считалась исповѣдующею буддизмъ по сектѣ сакъя; мало того, гэгэнъ еще въ Халхѣ былъ провозглашенъ титуломъ «сумати-сакъя-дбца», т. е. «державшимъ сакъяское знамя великаго ума». Его принадлежность по происхожденію къ ханскому роду, уже поставившая его главою всей ламайской церкви въ Халхѣ, все это должно было привлекать къ гэгэну и сакъясцевъ, которымъ было лестно возрожденіе ихъ ламы въ такую важную особу и наконецъ самого далай-ламу, который небезосновательно долженъ былъ предполагать, что обязанный своимъ возвышеніемъ гѣ-лугъ-ба'спамъ, гэгэнъ реформируетъ и халхаскую церковь по сектѣ гѣ-лугъ-ба, съ признаніемъ надъ собою главенства далай-ламы. Въ такихъ-то видахъ далай-лама провозгласилъ Лубсанъ-ванбѣ-чжалцана хубилганомъ Даранаты, пожаловалъ ему титулъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, а въ видимое отличіе его высокаго званія далъ ему право употреблять при своихъ выходахъ желтый шелковый зонть, устраиваемый на подобіе балдахина. Получивъ новое званіе хубилгана, гэгэнъ отправился по тибетскимъ монастырямъ, повсюду принося жертвы и дѣлая вклады; съ другой стороны, посѣщая монастыри, которые, по общему вѣрованію, были основаны имъ же самимъ въ прежнихъ перерожденіяхъ, онъ забиралъ изъ нихъ драгоценности и святыни для своихъ новопросвѣщенныхъ ламаитовъ-халхасовъ. Такъ, въ эту поѣздку онъ взялъ для Халхи изъ Дандакъ-пунцукъ-лина драгоценное сочиненіе Чжат-дамба, написанное золотомъ на листьяхъ сандалнаго дерева; а изъ числа другихъ драгоценностей указываютъ еще на кумиры Майдари, Логишири, Дара-эхэ и др. Весьма вѣроятно, что увлеченный этою поѣздкою по тибетскимъ монастырямъ, гэгэнъ, возвратившись въ Даші-хлумбѣ, обратился съ просьбою къ баньчэнь-эрдэни и далай-ламѣ разрѣшить ему остаться въ Тибетѣ для усовершенствованія своихъ религіозныхъ знаній; но оба великихъ ламы одинаково отвѣчали ему, что будетъ гораздо больше блага для одушевленныхъ существъ, если, возвратившись въ Халху, онъ устроитъ тамъ ламайскія общины, воздвигнетъ монастыри и кумирни, и будетъ содѣйствовать расширенію круга ламайскихъ службъ и молитвосло-

вій. Преподавъ ему засимъ основныя теоріи секты гѣ-лугъ-ба, далай-лама, въ видахъ содѣйствія реформамъ хутухты, посовѣтовалъ ему взять съ собою по 50 человекъ тангутскихъ ламъ, съ званіями бакшй, шанцотба, гѣбкѣй, сойбунъ, а равно разнаго рода художниковъ, живописцевъ и проч.; всего, по преданію, отправилось изъ Тибета въ ту пору съ хутухтою свыше 600 тибетскихъ ламъ. Возвратившись въ Халху въ 1651 году, гэгѣнъ прежде всего принялся здѣсь за сооруженіе кумировъ и построеніе монастырей, при чемъ своими руками исполнилъ кумиры Вачжра-дары и Табунъ-ицзагѣрту. Замѣчательно полное отсутствіе свидѣтельствъ о томъ, чтобы гэгѣнъ, сдѣлавшись поклонникомъ далай-ламы и почитателемъ гѣ-лугъ-ба'сцевъ, насилуовалъ бы принятые до того времени въ Халхѣ обряды и теоріи секты сакьясцевъ. По всей вѣроятности, сопровождавшіе гэгѣна гѣ-лугъ-ба'скіе ламы, видя незначительность развитія богословскихъ знаній въ Халхѣ, рѣшили, что халхасы могутъ быть обращены безъ всякой борьбы, что нужно только вести свое дѣло неуклонно, вводить всякія новшества исподоволь, а засимъ народъ этотъ даже и не замѣтитъ своего перехода изъ одной секты въ другую. Все, что сдѣлали эти тибетскіе ламы съ перваго раза, ограничилось лишь недопущеніемъ гэгѣна жить ни въ одномъ изъ старыхъ сакьяскихъ монастырей и для своей резиденціи они убѣдили Чжэб-цзѣнъ-дамбу, немедленно же по возвращеніи, обосновать новый монастырь: «Рибо д'Гѣр-Гьясь-линъ (Рибо-гѣчжій-линъ). Въ этомъ монастырѣ, извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Урги, гэгѣнъ, по примѣру древняго Цзамьянъ-цорчжй, раздѣлившаго воздвигнутый имъ Брайбунъ на семь частей, также точно устроилъ семь аймаковъ, а именно: Амдунаръ, Чжиса, Сангай, Цзобгай, Хухѣнъ-ноянъ, Дархѣнъ-эмчй и Ёрлюдскій. Черезъ годъ послѣ сего, въ 1653 г. халхаскіе нойны задумали чествовать гэгѣна жертвоприношеніями въ своемъ первомъ монастырѣ Эрдэні-цзѣ; гэгѣнъ опять-таки не сталъ жить и въ Эрдэні-цзѣ, а убѣдилъ князей построить для него особый небольшой монастырекъ, при горѣ Шибѣтѣ-ѣла, который и получилъ названіе Гэгѣнѣй-бутѣгѣл'унъ-сумѣ. Устроивъ до извѣстной степени эти два мѣста своей резиденціи, гэгѣнъ въ слѣдующемъ за симъ году, въ лѣто синей лошади (1654), началъ постройкою новый монастырь на южной сторонѣ Гѣнтѣя; этотъ монастырь также точно, какъ и всѣ послѣдующіе, воздвигаемые гэгѣномъ монастыри, всецѣло принадлежалъ опять таки къ гѣ-лугъ-ба'скому толку.

Какъ политическій дѣятель гэгѣнъ, вѣроятно, въ силу своего малолѣтства, до сей поры не выступалъ еще ни разу и только въ 1655 году мы находимъ первое лѣтописное сказаніе о томъ, что онъ отправляетъ къ богдохѣну свое посольство, представляетъ ему подарки въ

видѣ литыхъ и рисованныхъ изображеній бурхановъ, за что и удостоивается лестныхъ похвалъ; по указаніи на то, чтобы Шунь-чжи какимъ-либо образомъ признавалъ тогда главенство гэгэна, или намѣревался сдѣлать его орудіемъ для своего воздѣйствія на монголовъ, не имѣется ровно никакихъ. Гэгэнь оставался главою ламаизма въ Халхѣ лишь по понятію халхаскихъ ламъ, которые, впрочемъ, не пренебрегали никакими средствами для возвышенія его значенія въ народѣ. Къ этой порѣ относится самое большее число легендъ о чудесахъ, совершенныхъ первымъ халхаскимъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, или, какъ называютъ его халхасы, «Ундуръ-гэгэномъ». Разказываютъ, на примѣръ, что глубокою осенью этого 1655 года, гэгэнь, проводя время въ религиозныхъ упражненіяхъ при горѣ Шибэту-ула, вдругъ рѣшилъ отправиться, въ сопровожденіи шести своихъ приближенныхъ ламъ, въ Тибетъ. Всѣ семеро осѣдали своихъ лошадей и прибыли въ Дашь-хлумбѣ на 7-я сутки. Какъ совершился этотъ необычайный переѣздъ, опредѣлить, впрочемъ, трудно, ибо изъ удостоившихся видѣть его однимъ казалось, будто ѣдетъ семь всадниковъ, а другимъ — будто летитъ семь турпановъ. Въ дорогѣ гэгэна, конечно, охраняли могущественные чой чжоны (геніи-хранители), тѣмъ не менѣе путь не обошелся безъ приключеній. На ночлегѣ въ урочищѣ Таря-хулусунъ у путниковъ украли всѣхъ лошадей. Поутру встали и когда приблизилось уже время ѣхать, доложили гэгэну о пропажѣ. «Меня охраняетъ масса чой чжоновъ, но что же дѣлалъ Чжамсаранъ?!» вскричалъ раздосадованный гэгэнь и засимъ приказалъ своимъ прислужникамъ идти на розыски въ восточную сторону. Въ то же мгновеніе именно съ востока поднялось и начало приближаться облако пыли. Это скакало семь гэгэновскихъ лошадей, къ хвостамъ двухъ изъ которыхъ были привязаны за косы два вора. Гэгэнь похвалилъ Чжамсарана за исправную доставку пропажи и продолжалъ путь свой дальше.

Въ ту же поѣздку гэгэна одинъ монголь саянъ-нойновскаго-аймака, сторожа своихъ пасшихся овецъ, увидалъ семь летящихъ по поднебесью въ направленіи на юго-западъ турпановъ. Зная, что эти птицы бывають въ Халхѣ только въ лѣтнюю пору, монголь сообразилъ, что теперь, въ глубокую осень, могутъ летѣть подъ видомъ этихъ птицъ только или будды, или бодисатвы. Тотчасъ же пригналъ онъ домой своихъ овецъ и говоритъ жегѣ: «Шествуютъ будды; свари поскорѣе мяса, да приготовь донбѣ чаю, я пойду угостить ихъ». Монголка состряпала чай и кушанье, а мужъ ея, забравъ это угощеніе, направился на юго-западъ, куда полетѣли птицы. Уже стемнѣло, когда увидалъ онъ, что на открытой и ровной степи сидятъ семеро незнакомыхъ ему лицъ. Подошедши къ нимъ, онъ разказалъ имъ свое видѣніе, догадку и рѣшеніе угостить буддъ, а засимъ заключилъ этотъ разказъ

словами, что такъ какъ число сидящихъ путниковъ совпадаетъ, съ числомъ летѣвшихъ птицъ, то онъ и подноситъ имъ свое угощеніе. Путники приняли принесенную имъ пищу, а гэгэнъ (это былъ онъ съ своими ламами) далъ радушному монголу въ отвѣтный подарокъ горсть муки и сказалъ: «положи это въ свою жертвенную чашку, употребляемую при призываніяхъ счастья (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠶᠡᠨᠠᠨᠠᠨ) и послѣ того ты во вѣки вѣковъ будешь богатымъ». Предсказаніе это всецѣло исполнилось и потомки этого сайнъ-нойповца доселѣ живутъ богачами.

Прибывъ въ Тибетъ, гэгэнъ прежде всего направился въ Даші-хлумбѣ, чтобы видѣть баньчэнь-эрдэни, но оказалось, что Лобсанъ-чойжэй-чжалцанъ за три дня передъ этимъ умеръ. Получивъ эту вѣсть, гэгэнъ въ страшной печали воскликнулъ: «ахъ я несчастный! Зная, что мой учитель, Вачжрадара, находится въ преклонныхъ лѣтахъ, я нарочно торопился, чтобы поклониться ему и восполнить тѣ наставленія, которыхъ не успѣлъ получить прежде изъ его духовной сокровищницы». Съ этими словами онъ отправился принести мандагъ передъ останками почившаго. И чудо! Подносить гэгэнъ первый мандагъ, въ чертахъ лица умершаго происходитъ перемѣна, — онѣ какъ-бы оживаютъ; подносить второй мандагъ, — покойникъ начинаетъ шевелиться; подносить третій мандагъ, — мертвецъ началъ говорить. «Я не долженъ былъ возвращаться, сказалъ онъ, но разъ стало мнѣ извѣстно, что ты пришелъ изъ дальней стороны и такъ сильно убиваешься, я рѣшилъ вернуться назадъ». Вслѣдъ засимъ онъ тотчасъ же началъ свою широковѣщательную проповѣдь передъ хутухтою. Нѣтъ нужды говорить объ общемъ удивленіи и радости, съ которыми смотрѣли тибетцы и на своего воскресшаго баньчэнь-ринбочэ и на воскресившаго его хутухту. Необычайная быстрота движенія, при которой гэгэнъ доѣхалъ изъ Урги въ Даші-хлумбѣ въ семеро сутокъ, была не менѣе поразительна и въ объясненіе ея гэгэнъ доложилъ баньчэню, что къ совершенію такого чуда его, несомнѣнно, привело то, что во весь свой путь онъ каждое утро отправлялъ жертвоприношеніе, при произнесеніи особой составленной имъ молитвы ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠶᠡᠨᠠᠨᠠᠨ . Баньчэнь похвалилъ религиозную ревность гэгэна и сказалъ ему, чтобы на возвратномъ пути онъ, помимо этой молитвы, читалъ бы еще ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠶᠡᠨᠠᠨᠠᠨ . Послѣ сего онъ преподавалъ гэгэну «Амандагайнъ-ванъ и множество другихъ поученій, наставленій, посвященій и проч. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ баньчэнь спросилъ гэгэна: многіе ли изъ халхасовъ получаютъ высшее перерожденіе? Гэгэнъ отвѣчалъ, что въ Халхѣ также мало людей, перерождающихся въ высшихъ областяхъ вселенной, какъ мало и ниспадающихъ въ злополучныя царства животныхъ, биритовъ и ада; большая же часть

халхасовъ, умирая, получаетъ снова возрожденіе въ человѣка. Баньчэнь приказалъ тогда гэгэну научить халхасовъ читать молитву འཇམ་མཁའ་རྒྱུ་ལྷོ་ལྷོ་, а современные ламы по этому поводу утверждаютъ, что именно благодаря этой молитвѣ буддизмъ процвѣлъ въ Халхѣ до такой степени, что халхасы получаютъ теперь не только при жизни посвященіе въ бодисѣтвъ, но и по смерти возрожденіе дѣйствительными бодисѣтвами. Преданіе разказываетъ, что Баньчэнь-эрдэни, послѣ этого своего воскресенія, жилъ еще 20 лѣтъ и скончался уже 120 лѣтнимъ старцемъ¹⁾. Что касается гэгэна, то, распростившись съ баньчэнемъ, онъ отправился къ Далай-ламѣ, отъ котораго также получилъ и наставленія, и посвященія и, наконецъ, разрѣшеніе посѣтить, по желанію, любые изъ тибетскихъ монастырей. Объ этихъ посѣщеніяхъ у халхасовъ также точно хранится не мало преданій, вродѣ, напримѣръ, легенды о приобрѣтеніи манцзы ургинскаго цокчана (см. стр. 85) и проч. Нѣтъ сомнѣній, что подобные разказы ламъ въ свою пору имѣли громадное вліяніе на умы суевѣрныхъ монголовъ и потому мы съ охотою вѣримъ біографіи Ёндуръ-гэгэна, которая говоритъ, что, слушая объ обстоятельствахъ этой поѣздки своего хутухты въ Тибетъ, халхасы стали несравненно больше чѣмъ прежде благоговѣть передъ хутухтою и молиться ему.

Возвращеніе Ёндуръ-гэгэна изъ Тибета совершилось уже безъ чудесъ поздною осенью 1656 г., а весною слѣдующаго 1657 года халхасы опредѣлили привѣтствовать его возвращеніе. Князья и массы народа собрались въ Эрдэни-цзѹ, куда прибылъ и гэгэнь. Здѣсь халхасы прежде всего поднесли гэгэну даншйкъ (འཇམ་མཁའ་རྒྱུ་ལྷོ་ལྷོ་) и отправили великое молебствіе о благоденствіи и долголѣтіи хутухты; засимъ гэгэнь совершилъ церемонію круговращенія Майдари, во всемъ послѣдуя дашй-хлумбоскимъ обрядамъ; наконецъ предъ лицомъ всего народа, т. е. какъ ламъ, такъ и простолюдиновъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разъяснялъ сообщенное ученіе, въ чемъ помогали ему также и прибывшіе съ нимъ отъ Далай-ламы тибетскіе ламы. Этими церемоніями и проповѣдями въ средѣ халхасовъ, съ одной стороны, укрѣплялось ученіе гѣ-лугъ-ба'ской секты, а съ другой — поднималось значеніе Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, являвшагося окруженнымъ недосягаемымъ для свѣтскаго человѣка ореоломъ внутренняго и внѣшняго величія. Могущество гэгэна въ Восточной Халхѣ достигло теперь крайнихъ предѣловъ, въ него вѣровали и къ нему обращались съ самыми необычайными

1) Это замѣчаніе преданія лучше всего разрушаетъ всю эту фавулу. Извѣстно, что Лобсанъ-чойчжй-чжалцанъ умеръ 93-хъ лѣтъ въ 1662 году; слѣдовательно разказы о его смерти въ 1655 г. также баснословны, какъ и отнесеніе его смерти къ 1675 году, т. е. на 20 лѣтъ позже.

просьбами. Сынъ тушѣтү-хана и племянникъ хутухты, князь Галдѣнъ-дорчжй, изъ года въ годъ прїѣзжалъ, напримѣръ, къ Ёндѣръ-гэгѣну и все просилъ у него разрѣшить неплодство его жены и послать ему сына. Гэгѣнъ нѣсколько разъ говорилъ Галдѣну «погоди», а наконецъ и объявилъ, что сынъ у него будетъ. При этомъ онъ разказалъ слѣдующее. «Я зналъ, что тебѣ нуженъ будетъ сынъ; поэтому, когда отправился я чудеснымъ образомъ въ Тибетъ, то посѣтилъ тамъ гору отшельниковъ и въ нѣкоей пещерѣ отыскалъ ламу, по имени Артасидда, перерожденца Вачжра-пани. Я сказалъ ему, что у насъ одному князю нуженъ сынъ и я прошу его объ этомъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что когда онъ окончитъ созерцаніе, то готовъ возродиться у этого князя. Въ доказательство справедливости, я потребовалъ отъ него росписку, которую теперь и представляю тебѣ. Нынѣ лама этотъ умеръ и духъ его долженъ воплотиться въ утробѣ твоей жены. Вскорѣ жена Галдѣнъ-дорчжжй дѣйствительно забеременѣла и родила сына, бывшаго впоследствии славнымъ халхаскимъ княземъ, съ титуломъ, дарханъ-цинъ-вана. Въ 1659 г. было новое собраніе монгольскихъ хутухтъ, ноинновъ и простолюдиновъ, явившихся изъ всѣхъ семи халхаскихъ хошѣновъ, въ монастырь при озерѣ Ёлцэйтѣ-цаганъ-нѣръ. Всѣ собравшіеся, по старому, присутствовали при торжественныхъ хуралахъ хутухты и слушали отъ него наставленія; но собраніе 1659 г. было особливо замѣчательно потому, что гэгѣнъ въ эту пору соизволилъ на пожалованіе особыхъ титуловъ какъ князьямъ, такъ и ламамъ западной Халхи. Сказанное обстоятельство, отмѣчаемое во многихъ монгольскихъ лѣтописяхъ, является въ высшей степени знаменательнымъ, ибо оно показываетъ стремленіе хутухты распространить свое вліяніе на всю Халху, въ самомъ же актѣ этого пожалованія титуловъ гэгѣнъ впервые выступаетъ какъ политическій дѣятель, присваивающій себѣ право отличать даже монгольскихъ князей. Послѣ сего сказанія о гэгѣнѣ прерываются у насъ на цѣлые 12 лѣтъ и только отъ 1671 года мы имѣемъ извѣстіе, что въ означенномъ году гэгѣнъ выписалъ изъ Тибета ганьчжуръ димпінгской редакціи (ᠭᠠᠨᠢᠴᠵᠢᠷᠠ ᠳᠢᠮᠫᠢᠩᠭ᠎ᠠ); далѣе, въ 1680 г., онъ окончилъ постройкою Гэнтѣйскій монастырь, начатый еще за 26 лѣтъ прежде, а въ слѣдующемъ 1681 г. халхасы снова призывали его въ Эрдэни-цзѣ, подносили ему даньшйкъ, служили великія молебствія и совершали церемонію круговращенія Майдари. Заботясь о религіозномъ просвѣщеніи халхасовъ, гэгѣнъ въ 1683 г. выписалъ изъ Тибета еще одинъ ганьчжуръ и соорудилъ множество кумировъ, изъ числа коихъ кумиры Вачжра-дары, Табунъ-нигѣрту и 8 серебрянныхъ субургановъ были исполнены имъ собственноручно. Въ томъ же 1683 году Ёндѣръ-гэгѣнъ отправлялъ посольство въ Пекинъ и поднесъ богдохѣну въ подарокъ три кумира,

главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Довѣ-дондокъ. Трудно сказать положительно, что было истинною причиною этого посольства. Халха съ началомъ 1680-хъ гг. была постоянно возбуждаема междоусобіями: смуты въ средѣ хотохѣйтовъ и урянхѣевъ, борьба цзасактү-хана съ түшѣтү-ханомъ изъ за данниковъ, наконецъ постоянные набѣги и грабежи честолюбивыхъ блѣтскихъ правителей, все это изъ года въ годъ порождало собою волненія во всей странѣ. Очень можетъ быть, что Чжэбцзунъ-дамба-хутухту хотѣлъ показать богдохану этимъ посольствомъ свое непричастіе означеннымъ смутамъ, можетъ быть хотѣлъ разузнать взгляды на текуція событія пекинскаго двора, а можетъ быть и желалъ напомнить о себѣ богдохану съ тѣмъ, чтобы своевременно воспользоваться пекинскими милостями и возвыситься передъ халхаскими князьями. Послѣднее представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, ибо мы знаемъ, что въ слѣдующемъ 1684 г. гэгэнъ былъ почтенъ богдоханскимъ рескриптомъ, которымъ ему повелѣвалось отправиться на сеймъ халхаскихъ князей и, вмѣстѣ съ посломъ далай-ламы, содѣйствовать своими увѣщаніями примиренію халхасовъ. Въ силу особыхъ обстоятельствъ, сеймъ этотъ не могъ состояться ранѣе іюля 1686 г.; но когда онъ собрался, то Чжэбцзунъ-дамба игралъ на немъ дѣйствительно выдающуюся роль. Вмѣстѣ съ командированнымъ отъ далай-ламы ширѣтүемъ Галданскаго монастыря, онъ произносилъ свои примирительныя рѣчи халхаскимъ князьямъ и наконецъ привелъ этихъ послѣднихъ къ присягѣ въ томъ, что напередъ они прекратятъ между собою всякія распри и будутъ жить дружелюбно. Біографіи Чжэбцзунъ-дамба-хутухты ставятъ это примиреніе халхасовъ въ исключительную и единоличную заслугу Ындурь-гэгэна; но если бы оно и не было такъ, мы все-таки должны признать, что присутствіе и поведеніе Чжэбцзунъ-дамба-хутухты на этомъ сеймѣ было чрезвычайно важно, ибо они повлекли за собою новыя бѣдствія, копечнымъ результатомъ которыхъ было подданство Халхи Китаю.

Дѣло началось изъ-за того, что на разсматриваемомъ, такъ называемомъ хурънь-бэлчир'скомъ сеймѣ сѣдалище Чжэбцзунъ-дамба-хутухты было устроено совершенно одинаково и поставлено въ рядъ съ сѣдалищемъ представителя далай-ламы, ширѣтүя Галданскаго монастыря. Къ такому, якобы неподобающему возвышенію ранга Чжэбцзунъ-дамба-хутухты придрался блѣтскій Галданъ-бошоктү и, выставяя его какъ выраженіе непочтенія халхасами далай-ламы, началъ угрожать халхасамъ войною. По веснѣ 1688 года онъ двинулъ свои войска на Халху, побѣдоносно прошелъ черезъ весь цзасактү-хановскій-аймакъ и отъ рѣки Онгиина раздѣлилъ свою армію на двѣ части, изъ коихъ одна направилась прямо въ цэцэнъ-хановскія кочевья, а другая тронулась къ Эрдэни-цзү, гдѣ проживалъ тогда

Чжэбцзунъ-дамба-хутухта. Спасаясь отъ вражескихъ нападеній, Ёндуръ-гэгэнъ взялъ съ собою жену и дѣтей тушѣту-хана Чахунъ-дорчжй (т. е. свою невѣстку и племянниковъ) и укрылся съ ними сначала въ урочищѣ Ёгѣмуръ, а потомъ, когда прослышалъ о разграбленіи ойратами цэцэнъ-хановскихъ кочевьевъ, то ушелъ за границу Халхи, въ земли Барунъ-сунитовъ. На возвратномъ пути изъ цэцэнъ-хановскаго-аймака Галданъ разбилъ соединенныя силы тушѣту-хановцевъ при озерѣ Ологдй-нуръ (см. выше стр. 210) и послѣ сего халхаскіе князья бѣжали уже къ юго-востоку, съ прямою цѣлью поддаться маньчжурамъ. Преданіе разказываетъ, что всѣ эти князья прежде всего направились къ Ёндуръ-гэгэну и, прибывъ въ урочищѣ Арү-элэсутү, составили здѣсь сеймъ, на которомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухта предложилъ имъ вопросъ, какимъ образомъ думаютъ они продолжать теперь свое существованіе? Всѣ халхасы единодушно отвѣчали, что «о томъ, какъ устроить имъ въ мирѣ свое правленіе, вѣдаетъ гэгэнъ». «Къ сѣверу отъ насъ», сказалъ гэгэнъ, «находится великое государство и мирное правленіе русскаго царя, или такъ называемыхъ «шаръ-хитатъ» (желтые китайцы); но, во-первыхъ, тамъ не распространена вѣра будды, а съ другой стороны, народъ этотъ застегиваетъ полы своего платья на лѣвую сторону, — идти туда намъ нельзя; къ югу отъ насъ находится другое великое и мирное правленіе китайскаго богдохана, или такъ называемыхъ «харъ-хитатъ» (черныхъ китайцевъ); помимо мира и спокойствія, тамъ распространена вѣра будды, что же касается платья маньчжуровъ, то по истинѣ оно подобно одеждамъ небожителей; имущества и богатства ихъ равны драгоцѣнностямъ повелителя драконовъ, а нѣжныхъ шелковыхъ тканей, хадаковъ и штофныхъ матерій у нихъ — безъ счета; если пойдемъ мы въ эту сторону, то всѣ будемъ жить въ тишинѣ и довольствѣ». — Таковыми-то разсужденіями гэгэнъ склонилъ халхасовъ на подданство Китаю и, представивъ всеподданнѣйшій докладъ, привелъ, по преданію *встхъ ихъ* подъ власть богдохана. Дѣйствительные историческіе документы свидѣлствуютъ намъ однако, что гэгэнъ, ходатайствуя передъ богдоханомъ о принятіи въ подданство его самаго, съ подчинявшимися ему шабинарами, хотя и упоминалъ при этомъ о намѣреніи халхаскихъ князей признать свою зависимость отъ маньчжурскаго дома, однако слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за ихъ поступки, якобы прямо заявивъ имъ, что ему, гэгэну, «спросить за нихъ не подобаетъ». Увѣдомленный Кансі'емъ о соизволеніи на просьбу, гэгэнъ оставался по старому жить въ урочищѣ Арү-элэсутү и въ первый разъ представился богдохану какъ его подданный только въ 1691 г., въ пору Долонъ-нур'скаго сейма. На первой же аудіенціи Канси возвелъ Ёндуръ-гэгэна въ достоинство великаго ламы и поручилъ его вѣ-

дѣнію управленіе дѣлами вѣры въ Халхѣ; но еще важнѣе было именно то внѣшнее отличіе, съ которымъ богдоханъ всегда относился къ гэгэну какъ къ первѣйшему изъ халхаскихъ сановниковъ. На этомъ основаніи гэгэнь представлялъ Канси всѣхъ халхаскихъ не только князей, а даже и хановъ, обо всѣхъ дѣлалъ свои отзывы, всѣмъ давалъ свою рекомендацію. Изъ Долонъ-нѣра гэгэнь прямо отправился въ Пекинъ, гдѣ и провелъ всю зиму 1691^{1/2} г., а на лѣто вмѣстѣ съ Канси выѣзжалъ на дачу въ Жэ-хо. Также точно были проведены имъ и послѣдующіе четыре года, съ 1693 по 1697, когда халхасы, по разбитіи Галдана, возвратились на свои родныя кочевья. Гэгэнь проживалъ зиму въ Пекинѣ, а на лѣто выѣзжалъ за Великую стѣну, по большей части въ Жэ-хо. 1693 годъ былъ особенно замѣчательнъ въ жизни гэгэна. Въ этомъ году Канси заболѣлъ, а послѣ молебствія, отслуженнаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухтою, сталъ видимо поправляться и вскорѣ выздоровѣлъ. Обстоятельство это было провозглашено чудомъ и послужило, говорятъ, основнымъ мотивомъ для сближенія богдохана съ хутухтою. Съ этой поры Канси началъ постоянно приглашать къ себѣ хутухту, приблизилъ его ко дворцу и любилъ бесѣдовать съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Нерѣдко Чжэбцзунъ-дамба былъ спутникомъ богдохана и при выѣздахъ его изъ Пекина; такъ, при возвращеніи Канси изъ похода на Галдана въ 1697 г., гэгэнь, по вызову богдохана, встрѣтилъ его за Калганомъ, въ Бургасутай и отсюда ѣхалъ съ нимъ до Пекина. Новый 1698-й годъ гэгэнь встрѣчалъ также въ Пекинѣ и сопутствовалъ богдохану въ его поѣздкѣ по монастырямъ и кумирнямъ для поклоненій; лѣтописи отмѣчаютъ при этомъ какъ необыкновенное событіе, что, посѣтивъ кумирню Цзанданъ-цзү, богдоханъ и хутухта сидѣли здѣсь рядомъ, на одномъ коврѣ. Лѣтомъ 1698 г. гэгэнь сопровождалъ Канси въ его поѣздкѣ въ У-тай-шань, а возвратившись въ Пекинъ, зимовалъ здѣсь и только весною 1699 года удалось ему проѣхать въ Халху, такъ какъ тамъ въ эту пору скончался старшій братъ хутухты, тушѣту-ханъ Чахунъ-дорчжй и гэгэну необходимо было совершить по немъ поминовеніе. Впрочемъ, Канси не надолго отпустилъ гэгэна: уже лѣтомъ того же года послѣдній снова прибылъ на богдоханскую дачу въ Жэ-хо, а зимою переѣхалъ въ Пекинъ. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о расположеніи, которое питалъ Канси къ хутухтѣ и которое въ слѣдующемъ 1700 году нашло себѣ новое подтвержденіе въ трехъ богдоханскихъ рескриптахъ къ далай-ламѣ, гдѣ Канси прямо говорилъ, что онъ «не встрѣчалъ духовной особы выше Чжэбцзунъ-дамба-хутухты». Въ слѣдующемъ 1701 году гэгэнь снова ѣздилъ въ Халху, чтобы возобновить разрушившійся въ періодъ чжунгарскихъ набѣговъ монастырь Эрдэни-цзү, а зимою опять возвратился въ Пекинъ.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что въ первое десятилѣтіе послѣ официального пріема халхасовъ въ подданство, Канси почти не отпускалъ отъ себя Чжэбцзунъ-дамба-хутухту. Монголы хранятъ объ этомъ періодѣ пребыванія Ундуръ-гэгэна въ Пекинѣ массу легендъ, но всѣ онѣ, будучи направлены къ возвышенію хутухты, не имѣютъ однако за собою ничего историческаго и носятъ характеръ исключительно религіозныхъ басенъ, свидѣтельствующихъ лишь о крайней бѣдности фантазіи ихъ слагателей. Разказываютъ, что Канси однажды пригласилъ къ себѣ Чжэбцзунъ-дамбу и приказалъ ему на рубинѣ, величиною въ верхній суставъ большого пальца, выгравировать изображенія: а) будды съ двумя приближенными его учениками, б) 16 лѣханей и в) 4-хъ махарачжа; всего 21 изображеніе буддъ. Когда хутухта исполнилъ это, Канси въ восторгѣ и удивленіи воскликнулъ: «о, этотъ гэгэнъ, поистинѣ равенъ небесному художнику, Бишугармъ!» Съ этой поры онъ началъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ къ гэгэну, что вызывало якобы ропотъ придворныхъ, не желавшихъ признать такого высокаго значенія за «вонючимъ монголомъ». Чтобы обратить этихъ невѣрующихъ, Канси приказалъ въ своей комнатѣ приготовить сѣдалище для гэгэна и подложить подъ него кумиръ будды, а потомъ пригласить гэгэна. Когда хутухта явился, богдоханъ попросилъ его садиться, указавъ на приготовленное мѣсто. Гэгэнъ однако, прежде чѣмъ сѣсть, положилъ свою руку на сѣдалище и вдругъ, скрытый подъ коврами и подушками бурханъ непонятнымъ образомъ прошелъ черезъ всѣ эти покрывки и очутился на рукѣ гэгэна. «Какимъ образомъ этотъ бурханъ явился подъ моимъ сѣдалищемъ?» спросилъ хутухта Канси. Но богдоханъ, не отвѣчая на вопросъ хутухты, обратился прямо къ своимъ придворнымъ и сказалъ: «не говорилъ ли я вамъ? Этотъ хутухта — истинный будда! Вы упрекали меня, что я отношусь къ нему съ почтеніемъ и развѣ въ самомъ дѣлѣ нельзя почитать его удивительнымъ ламою?!!» — Другой разказъ о подобномъ же чудѣ повѣстствуетъ слѣдующее. Въ одинъ день Чжэбцзунъ-дамба призываетъ къ себѣ своего сдѣбуна (келейника) и посылаетъ его на рынокъ приобрести кусокъ горнаго хрусталя. Едва келейникъ успѣлъ выполнить это порученіе и подать требуемый камень хутухтѣ, какъ явились послы Канси, требуя хутухту во дворецъ. Богдоханъ между тѣмъ велѣлъ приготовить для хутухты сѣдалище и положить подъ него ганьчжуръ¹⁾. Когда Ундуръ-гэгэнъ прибылъ во дворецъ, Канси предложилъ ему сѣсть на при-

1) Ганьчжуръ — извѣстный сборникъ «поученій будды», обыкновенно печатаемый въ 108 томахъ. Если этотъ сборникъ, въ принятыхъ на Востокѣ изданіяхъ его, сложить въ одну груду, то онъ займетъ пространство не менѣе 2¼ кубич. арш. Можно представить, что это было за сѣдалище, а по нему судить и о достовѣрности разказа.

готовленное мѣсто. Гэгэнъ, прежде чѣмъ сѣсть, незамѣтно провелъ бывшимъ въ его рукѣ кускомъ горнаго хрустала по сидѣнью и затѣмъ усѣлся. «Скажи мнѣ», сказалъ Канси, «кто долженъ считаться выше, ты ли хутухта, или слово будды? Подъ тобою находится ганьчжуръ!» Гэгэнъ, какъ будто страшно встревоженный и смущенный, спрашиваетъ: «какимъ же образомъ подъ моимъ ковромъ могли лежать слова будды?» Посмотрѣли на ганьчжуръ, оказалось, — нѣтъ ни одной буквы; въ каждомъ томѣ была только чистая бумага. Удивленный Канси спросилъ хутухту, что это значить, а тотъ подалъ ему въ отвѣтъ свой кусокъ горнаго хрустала, въ которомъ, оказалось, отобразились всѣ буквы ганьчжұра. «По милости хутухты, я получилъ такую драгоценность!» вскричалъ богдоханъ и съ этими словами возложилъ этотъ камень съ ганьчжұромъ себѣ на голову, въ ознаменованіе благословенія, а засимъ приказалъ приносить ему жертвы.

Послѣ сего прошло нѣсколько времени и ханъ, желая познакомить хутухту со всѣми достопримѣчательностями Пекина, предложилъ ему осмотрѣть пекинскія кумирни, а приближенныхъ своихъ вельможъ отправилъ сопровождать его. Переходя изъ одной кумирни въ другую, Ёндуръ-гэгэнъ повсюду совершалъ поклоненіе, но, остановившись у одной кумирни, гэгэнъ не только не поклонился, а даже не вошелъ въ нее. Когда спутники гэгэна возвратились, богдоханъ спросилъ у нихъ: все-ли осмотрѣлъ хутухта? Тѣ прямо отвѣчали, что въ такой-то кумирнѣ онъ не былъ. Обстоятельство это заинтересовало богдохана и онъ приказалъ навести историческія справки о происхожденіи этой кумирни. Перерыли архивы и всякіе документы и наконецъ оказалось, что отвергнутая гэгэномъ кумирня была построена какимъ-то евнухомъ одного изъ императоровъ минской династіи и что въ ней, въ не большомъ сосудѣ хранился и прахъ этого евнуха. Послѣдній, будучи человѣкомъ крайне честолюбивымъ и желая, чтобы прахъ его чествовался потомствомъ, построилъ кумирню и въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, сдѣлалъ въ ней очень низенькія двери. Простачки въ самомъ дѣлѣ ловились на такую удочку и, съ теченіемъ времени позабывъ о происхожденіи этой кумирни, чуть ни каждый пекинецъ считалъ святымъ дѣломъ побывать въ ней: божественному духу гэгэна была извѣстна истина, оттого-то онъ и прошелъ мимо того, что другими почиталось за святыню.

Увѣрившись въ необычайныхъ знаніяхъ и дарованіяхъ хутухты, богдоханъ Канси захотѣлъ, чтобы Ёндуръ-гэгэнъ совершилъ для него молебствіе бурхану Аюши, съ освященіемъ воды и особыми молитвами о долготѣи его, богдохана. Гэгэнъ, конечно, согласился, а Канси передъ приходомъ гэгэна приказалъ приготовить все необходимое для молебствія. Изъ музыкальныхъ инструментовъ при отправленіи этого хурала нуженъ былъ

только колокольчикъ и неразлучный съ нимъ вачъръ. Канси, тайкомъ отъ хутухты, приказалъ сдѣлать ему новый колокольчикъ вышиною въ 3 чи (42,3 дюйма), шириною въ 2 чи (28,2 дюйма), а вѣсомъ въ 120 гиновъ (приблизительно въ 4¼ пуда); такой же былъ приготовленъ и вачъръ; всѣ сосуды были заказаны равнымъ образомъ громаднхъ размѣровъ; знали же объ этомъ только самые приближенные къ богдохану царедворцы. По утру гэгэнъ отправляетъ своихъ шабинаровъ приготовить балннъ (обыкновенно, — маленькая жертвенная пирамидка, приготовляемая изъ муки) и приказываетъ требовать для него цѣлый дань (куль) муки, а чтобы повязать шейку водосвятной чаши (бумба) спросить пять цѣлыхъ кусковъ пятицвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Шабинары удивились такому необычайному требованію; чиновники богдоханскаго казначейства назвали ихъ «ненасытными утробами», хотя все же должны были отпустить все, что потребовалъ гэгэнъ для совершенія молебствія. Но общее удивленіе достигло верха тогда, когда оказалось, что все потребовано именно какъ слѣдовало, все было какъ по мѣрочкѣ. Когда гэгэнъ преподавалъ благословеніе богдохану, изъ сосуда съ аршаномъ (освященной водой) видимо для всѣхъ протянулась пятицвѣтная радуга, а на ней показался сидящимъ будда Аюши; когда же хутухта совершенно свободно взялъ въ руки колоколь и вачъръ и началъ дѣйствовать ими какъ обыкновенными маленькими предметами, всѣ пришли въ ужасъ и въ благоговѣніи пали ницъ передъ хутухтою. Послѣ сего слава объ Ундуръ-гэгэнѣ прошла по всему Китаю и не было ни одного человѣка, кто не относился бы къ нему съ почтеніемъ.

Хуанъ-тай-хоу, т. е. старшая жена Канси, прослышавъ обо всемъ этомъ, попросила у Канси позволенія видѣть этого любезнаго богдохану хутухту и Канси, разрѣшивъ ей это, пригласилъ Ундуръ-гэгэна. Когда гэгэнъ пріѣхалъ, хуанъ-тай-хоу посмотрѣла на него черезъ стеколычатое окно и послѣ говорить богдохану: «твой хутухта прекрасенъ какъ свѣтлый мѣсяцъ въ ночь полнолунія; нельзя ли мнѣ пригласить его на свою половину и прослушать отъ него священное ученіе?» «Можно», говоритъ богдоханъ и пригласилъ хутухту. Явившись во дворецъ, Ундуръ-гэгэнъ произнесъ проповѣдь передъ хуанъ-тай-хоу и окружавшими ее женщинами и дѣвцами; а онѣ поднесли ему шитый жемчугомъ вѣнокъ (ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ), мантию (ᠮᠠᠨᠲᠢᠨ) съ украшеннымъ жемчугомъ же воротомъ и духовныя одежды. Послѣ сего хуанъ-тай-хоу спросила у Канси, «что такое хутухта, — бодисатва, или будда?» Канси отвѣчалъ, что Чжэбцзунъ-дамба еще въ древности сдѣлался буддою.

Однажды Канси послалъ за хутухтою своихъ вельможъ, чтобы привезти его; тѣ приходятъ и видятъ, что Ундуръ-гэгэнъ сидитъ, а лице у него совершенно имѣетъ видъ полной луны: такое же круглое и также сіяетъ.

Въ ужасѣ вельможи возвратились къ богдохану и сказали ему объ этомъ, а Канси спокойно отвѣчалъ имъ, что будды вообще могутъ показывать массу разныхъ превращеній и принимать на себя самые различные виды.

Въ другой разъ, когда хутухта сидѣлъ у богдохана, Канси говоритъ ему: «пойдемъ инкогнито, какъ простые люди, и пройдемся по городу и за городомъ». Ёндуръ-гэгэнъ согласился и пошелъ вслѣдъ за богдоханомъ. Вышли они за городъ и видятъ въ одномъ мѣстѣ собралась толпа народа, а посреди этой толпы стоитъ человѣкъ, ростомъ втрое больше обыкновенныхъ людей. Богдоханъ посылаетъ своего приближеннаго спросить, изъ какой мѣстности этотъ человѣкъ? Приближенный возвратился и докладываетъ, что человѣкъ этотъ не знаетъ китайскаго языка. Богдоханъ посылаетъ ученыхъ; тѣ пробуютъ говорить на самыхъ различныхъ языкахъ, но странный человѣкъ ни одного изъ нихъ не знаетъ. Приходятъ ученые и докладываютъ, что они ничего не могли добиться. Канси посылаетъ тогда хутухту. Ёндуръ-гэгэнъ отправился, сказалъ этому человѣку нѣсколько словъ и незнакомецъ, ставъ на колѣна и поклонившись ему до земли, разказалъ ему, что онъ собственно не земной человѣкъ, а обитатель подводнаго царства. Китайцы вытащили его изъ воды и привели въ Пекинъ. Гэгэнъ перевелъ эти рѣчи богдохану, а Канси приказалъ спросить у великана, останется ли онъ жить при дворѣ? Незнакомецъ отвѣчалъ, что онъ съ радостью воспользовался бы милостями богдохана, но, будучи однимъ сыномъ у своихъ родителей, не можетъ оставить ихъ безъ попеченія. «А что ѣдятъ у васъ люди?» спросилъ гэгэнъ, по требованію Канси. Водяной человѣкъ отвѣчалъ, что лѣтомъ они питаются растеніями, а зимою рыбой. Богдоханъ щедро наградилъ этого неземнаго жителя и отпустилъ его, а объ Ёндуръ-гэгэнѣ во всеуслышаніе сказалъ: «Вотъ такъ мой хутухта! Онъ знаетъ языки всѣхъ обитателей вселенной!»

Однажды Канси пригласилъ къ себѣ гэгэна и спрашиваетъ его: «Вотъ ты всезнающій мудрецъ, почему же ты не предупредилъ меня объ имѣющемъ быть нашествіи Ойратовъ и подданствѣ монголовъ Китаю?» Гэгэнъ отвѣчалъ: «Я предупреждалъ и это предупрежденіе находится на оборотной сторонѣ присланнаго мною тебѣ въ подарокъ живописнаго бурхана Аюши. Посмотрѣли на этого бурхана, оказывается, дѣйствительно, надпись, — что кумиръ этотъ приносится богдохану съ пожеланіемъ единенія народовъ и распространенія основъ вѣры». — Развѣ это не заявленіе о подчиненіи халхасовъ Китаю и не указаніе на объединеніе народовъ подъ одною твоею властью?» спросилъ въ свою очередь гэгэнъ. «А я не понялъ этого!» отвѣчалъ Канси и приказалъ подать чаю. Гэгэнъ, принявъ свою чашку, началъ плескать изъ нея чай по направленію въ южную сторону. «Зачѣмъ ты вы-

бросилъ чай, который я тебѣ пожаловалъ?» сказалъ Канси. «Къ югу отсюда въ одномъ городѣ случился пожаръ», отвѣчалъ гэгэнь, «такъ я погасилъ его.» Тотчасъ послали посла разслѣдовать; дѣйствительно, въ одномъ изъ городовъ провинціи Гуань-дунь (Кантонской) въ эту пору былъ пожаръ и, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, когда пламя его распространилось до ужасающихъ размѣровъ, вдругъ съ сѣверо-запада пошелъ какой-то красновато-коричневатый дождь, который и погасилъ огонь.

Когда гэгэнь ѣздилъ съ Канси въ У-тай-шань, то на возвратномъ пути Канси опередилъ гэгэна и возвратился въ Пекинъ прежде. Въ день, назначенный для вѣзда въ Пекинъ хутухты, богдоханъ распорядился поставить за городомъ палатку и устроилъ ему здѣсь первую встрѣчу, выславъ своихъ принцевъ крови, придворныхъ, ихъ женъ, дѣтей и массы народа; въ палаткѣ гэгэну былъ поданъ чай, а засимъ онъ отправился во дворецъ богдохана. Канси вышелъ встрѣчать его за ворота.

Когда гэгэнь уѣзжалъ изъ Пекина въ Монголію, то на послѣдней своей аудіенціи у богдохана онъ попросилъ его посодѣйствовать къ скорѣйшему выходу его каравана изъ пекинскихъ воротъ. Богдоханъ послалъ амбаней распорядиться, чтобы черезъ Ань-диль-мынь-скія ворота не пускали никого, пока не пройдетъ караванъ хутухты. Верблюды, привязанные одинъ къ другому, проходили черезъ ворота гуськомъ, одною непрерывною линіею три дня и три ночи; такъ великъ былъ караванъ хутухты, нагруженный вещами, которыя принесены были китайцами въ подарокъ Ёндурь-гэгэну.

Выѣхали за ворота Великой стѣны и на первомъ же ночлегѣ, близъ сопки Ёндурь-тологой, гэгэнь съ нѣсколькими шабинарами, взошедши на эту сопку, началъ совершать жертвоприношеніе. Вдругъ съ сѣвера подъѣхало пять величественныхъ всадниковъ, верхомъ на изюбряхъ. Они были одѣты въ запоны изъ барсовой кожи, ноги ихъ были обуты въ барсовые сапоги, а сбоку у каждаго были привѣшаны лукъ и стрѣлы. Они поклонились гэгэну въ ноги и заявили, что выѣхали на встрѣчу съ привѣтствіемъ. Прислужники гэгэна спросили, что это за люди и тотъ отвѣчалъ, что вообще это геніи-владыки сѣверныхъ странъ, а въ частности тутъ были духи Алтая, Хангая, Гэнтэя, Буринь-хана и другіе.

Такихъ легендъ о поѣздкахъ и жизни Ёндурь-гэгэна въ Пекинѣ у халхасовъ имѣется множество и отлагая въ сторону ихъ баснословія, мы можемъ сказать только, что всѣ они свидѣлствуютъ отличное довѣріе и уваженіе Канси къ хутухтѣ. Этимъ же довѣріемъ едва ли не слѣдуетъ объяснять и возвращеніе хутухты въ Халху. Поднимавшіяся на западѣ смуты блѣтовъ, волновавшія съ одной стороны Халху, а съ другой — Тибетъ, побуждали Канси воспользоваться хутухтою какъ духовною силою

для вразумленія полудикихъ кочевниковъ, и онъ отправилъ хутухту на родину, чтобы послѣдній, находясь среди самыхъ волновавшихся кочевниковъ, своими жизнью и дѣятельностью возбудилъ у нихъ охоту къ инымъ занятіямъ и интересамъ. Возвратившись въ Халху, Ёндуръ-гэгэнъ прежде всего обратилъ вниманіе на приведеніе въ лучшій видъ своего собственнаго монастыря, или Дѣ-хурѣня. Онъ строилъ новыя кумирни, сооружалъ новыхъ бурхановъ, вводилъ новыя уставы, новыя хуралы и религіозныя церемоніи, училъ ламъ новымъ напѣвамъ и проч., и проч. Къ этой порѣ относятся всѣ легенды, разказываемыя ургинскими ламами объ устройствѣ дѣль вѣры въ Халхѣ. Таковы, напримѣръ, сказанія объ изобрѣтеніи особаго архитектурнаго типа для цокчинскихъ кумирень, о дарованіи инструкцій гѣбкюяи, объ основаніи должностей эрдэни-унзантовъ (см. выше, стр. 82, 83), объ указаніи особаго фасона для ламскихъ костюмовъ, шапокъ и пр. ¹⁾ Насколько достовѣрны всѣ эти легенды сказать мы, конечно, не можемъ, но при этомъ не имѣемъ и никакихъ основаній, чтобы заподозривать справедливость ихъ разказовъ. Къ числу несомнѣнныхъ извѣстій надлежитъ отнести лишь записанныя въ лѣтописяхъ сказанія о построеніи Ёндуръ-гэгэномъ въ 1706 г. монастыря въ честь богини Дарѣ-эхѣ, въ мѣстности Цэгэрлигунъ-эрдэни-тологой, получившаго для себя тибетское имя Эруанчинъ-ганданъ-шат-дубъ-линъ; въ 1710 году былъ основанъ еще монастырь Дашъ-линъ, постройкою коего завѣдывалъ собственно лама Цзамьянъ-шатбайнъ-гэгэнъ; въ 1711 году Ундуръ-гэгэнъ уже безъ посредства другихъ ламъ самъ построилъ такъ называемую Цзунъ (восточную) хурѣ, или монастырь, извѣстный подъ именемъ Шат-дубъ чойнкоръ-лина. Усилившіяся вслѣдъ за симъ смуты блѣтовъ остановили дальнѣйшую дѣятельность гэгэна въ указанномъ отношеніи; онъ долженъ былъ теперь постоянно собирать свѣдѣнія о настроеніи хошунъ и писать какъ окружныя, такъ и частныя посланія къ князьямъ, призывая, ихъ къ мирной жизни и увѣщавая ихъ сохранять между собою дружелюбіе. Всѣ военныя движенія, направляемыя для защиты халхаскихъ границъ совершались также не безъ участія хутухты и когда въ 1715 г. войска тѣшѣту-хановскаго-аймака отправлялись для охранной службы на Алтай, а въ 1717 г. на Кунгуй и Цабханъ, то гэгэнъ лично благословлялъ ихъ и совершалъ имъ молебствія. Въ слѣдующемъ 1718 году Чжэбцзунъ-дамба получилъ даже особый рескриптъ богдохана, коимъ призывался онъ къ подобной дѣятельности. «Беззаконія Чжунгаровъ, убившихъ массу ламъ въ Тибетѣ», писалъ Канси, «достигли предѣловъ крайности. Помимо тебя нѣтъ никого, кто приносилъ бы

1) См. объ этомъ т. IV въ главѣ о «ламахъ».

теперь пользу вѣрѣ; за всѣмъ тѣмъ я почитаю долгомъ напомнить и тебѣ, что относиться легко къ современнымъ обстоятельствомъ не возможно». Въ силу этого высочайшаго рескрипта Ундурь-гэгэнъ нѣсколько разъ и писалъ письма, и посылалъ своихъ пословъ къ Цэвѣнъ-рабтану, убѣждая его прекратить набѣги на Тибетъ и не возмущать какъ тибетцевъ, такъ и монголовъ. Увѣщанія эти по отношенію къ чжунгарамъ оставались кажется совершенно безслѣдными, но для халхасовъ они имѣли большое значеніе и Канси высоко цѣнилъ дѣятельность хутухты, исполняя съ своей стороны всѣ его совѣты и требованія. Такъ, въ 1721 году онъ, по представленію Чжэбцзунъ-дамба хутухты, утвердилъ за туншэту ханомъ пожалованный сему послѣднему еще прежде, далай-ламою титулъ «вачирай-батуншэту-хана» и приказалъ выдать ему новую печать съ изображеніемъ такого титула. Это было, кажется, послѣднею милостію богдохана къ хутухтѣ, ибо въ слѣдующемъ 1722 г. Канси уже умеръ. Когда извѣстіе объ этомъ было получено въ Ургѣ, Ундурь-гэгэнъ первый рѣшился ѣхать на поклоненіе праху почившаго императора. вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Пекинъ туншэту-ханъ и дарханъ-цинъ-ванъ Дондобъ-дорджй, имѣвшій большія связи при дворѣ, такъ какъ онъ былъ женатъ на одной изъ китайскихъ принцессъ, родственной богдоханамъ. Прибывъ въ Пекинъ, Ундурь-гэгэнъ заболѣлъ. Преданіе разказываетъ, что приближенные хутухты, предвидя кончину своего гэгэна, спросили его, гдѣ теперь онъ возродится и въ отвѣтъ на это хутухта сказалъ: «второй ванъ долженъ ввести въ свой домъ дѣвицу, принадлежащую по рожденію къ году обезьяны, или курицы». Это обозначало, конечно, что хубилганомъ его будетъ именно сынъ этого «второго вана» т. е. дарханъ-цинъ-вана, рожденный отъ жены, принадлежащей къ году обезьяны или курицы. Объ этихъ словахъ хутухты было доложено богдохану и послѣдній разрѣшилъ дарханъ-цинъ-вану немедленно же исполнить завѣщаніе хутухты. По таковой-то причинѣ дарханъ-цинъ-ванъ, простившись съ хутухтою, по казеннымъ почтовымъ станціямъ возвратился въ свои кочевья и, еще до смерти хутухты, вступилъ въ бракъ съ дочерью нѣкаго хотохойтскаго табунана Дашй, родившеюся именно въ годъ обезьяны. 14-го числа 1-й луны 1723 г. Ундурь-гэгэнъ скончался въ пекинскомъ монастырѣ Шаръ-сумѣ. Разказываютъ, что въ день его смерти надъ дворцемъ его въ Ургѣ протянулась пятицвѣтная радуга, а на сѣдалищѣ хутухты долго дрожалъ, ясный огонекъ и ламы уже догадывались поэтому, что съ хутухтою совершилось что либо необычайное, а потому служили молебствія объ его здравіи. Въ Пекинѣ между тѣмъ трупъ гэгэна былъ набальзамированъ и выставленъ на поклоненіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ эту же пору Ли-фанъ-юанъ сдѣлалъ слѣдующій докладъ богдохану: «Чжэбцзунъ-

дамба хутухту—первое лицо въ ламайскомъ мірѣ. Его добродѣтели проявлялись въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и умеръ онъ, достигнувъ девяностолѣтняго возраста. Въ періодъ нашествія Галдана, онъ со всею Халхою вступилъ въ подданство Китая и этимъ оказалъ великую услугу нашей династїи. По своему естественному происхожденію онъ былъ сыномъ и братомъ халхаскихъ тѹшѣту-хѣновъ и пользовался полнымъ расположеніемъ двухъ богдохановъ. Императоръ Канси въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ нимъ сказалъ: Въ 1723 году мнѣ будетъ 70 лѣтъ, а тебѣ 90; въ этотъ годъ ты непременно прїѣзжай ко мнѣ. Получивъ такое приглашеніе, хутухта возвратился на родину. Но онъ исполнилъ высочайшую волю: къ условленному сроку прибылъ онъ въ Пекинъ, поклонился гробу императора и, рѣшившись послѣдовать за нимъ, тихо скончался. Принимая во вниманіе все вышеизложенное, министры Ли-фань-юаня почтительнѣйше ходатайствуютъ, чтобы скончавшійся хутухта, по положенію о далай-ламахъ и баньчѣнь-эрдэніяхъ, былъ пожалованъ титуломъ, печатью и грамотою».

Въ силу такого доклада, Юнь-чжэнь пожаловалъ почившему хутухтѣ, а въ лицѣ его и всѣмъ послѣдующимъ его хубилганамъ, титулъ «просвѣтителя вѣры» (ᠠᠨᠢᠰᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠶ᠋ᠢᠰᠤᠯᠠᠭᠤᠨ), съ грамотою на золотомъ листѣ и золотомъ печатью. Но этимъ не окончилось еще чествованіе богдоханомъ хутухты. Юнь-чжэнь выразилъ желаніе отправиться и отдать послѣдній долгъ передъ прахомъ хутухты. Напрасно остававшійся при почившемъ тѹшѣту-хѣнъ представилъ богдохану докладъ съ просьбою не утруждать себя; Юнь-чжэнь написалъ въ отвѣтъ на этомъ докладѣ: «хутухта пользовался отминою любовью моего почившаго царственного отца и чрезвычайными почестями. Мой царственный родитель переселился въ вѣчность въ день Цзя-у, хутухта также скончался въ день Цзя-у; не говоритъ ли это о связи между святымъ и божественнымъ? Хутухта былъ необыкновенный лама и я, ради выраженія почтенія къ нему, отправлюсь лично, что бы принести къ его гробу хадакъ и совершить возліаніе чаемъ. Объявить объ этомъ тѹшѣту-хѣну и приближеннымъ хутухты». Въ томъ же году останки Ундѹръ-гэгэна были перевезены изъ Пекина въ Ургу и для почетнаго сопровожденія этого печальнаго поѣзда богдоханъ командировалъ цѣлое посольство, хотя помянутымъ распоряженіемъ также точно не закончились еще почести, оказанныя маньчжурскимъ правительствомъ Ундѹръ-гэгэну. Существуетъ преданіе, что Канси передъ своею смертію завѣщалъ своему преемнику ассигновать 100,000 ланъ на устройство монастыря, долженствующаго служить усыпальницею для праха Ундѹръ-гэгэна и, вѣрный этому высочайшему повелѣнію, Юнь-чжэнь въ 5 году своего правленія (1728 годъ) дѣйствительно приказалъ отпустить изъ государствен-

наго казначейства такую сумму для построения монастыря Амурь-бая-схуланту.

Что касается самих халхасовъ, то для нихъ первую заботу составляло теперь найти новаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. По соображеніи обстоятельствъ, мы можемъ предполагать, что въ Пекинѣ, равно какъ и у тогдашнихъ вліятельнѣйшихъ и приближеннѣйшихъ къ богдохану правителей Халхи это избраніе хубилгана было предрѣшено немедленно же послѣ смерти Ундуръ-гэгэна, хотя такое опредѣленіе и оставалось тайной для лицъ, болѣе удаленныхъ отъ кормила правленія. Въ настоящее время нѣкоторая часть свободомыслящихъ и неособенно то религіозныхъ ламъ, не стѣняясь, разказываетъ о проискахъ тогдашнихъ князей, желавшихъ представить своихъ дѣтей въ хубилганы Чжэбцзунъ-дамба хутухты; таковыми называютъ: цэцэнъ-хана, да-цинъ-вана сайнъ ноиновскаго аймака, биширэлтү-бэйсэ и др., о которыхъ говорятъ, что они ѣздили даже въ Тибетъ, каждый добиваясь тамъ, чтобы далай-лама провозгласилъ хубилганомъ его сына. Все это весьма вѣроятно, ибо положеніе, которое составилъ себѣ въ Монголіи Чжэбцзунъ-дамба могло дѣйствительно казаться черезчуръ заманчивымъ для каждаго. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ за 1723 и 1724 годы нѣтъ даже и упоминаній объ этихъ домогательствахъ монгольскихъ князей; по письменнымъ разказамъ все идетъ въ эту пору чинно: необычайный глава монгольскаго буддизма родится отъ такого же необычайнаго отца и рожденіе его сопровождается необычайными же признаками.

Второй хубилганъ ургинскаго хутухты былъ сыномъ дарханъ-цинъ-вана Дондობъ-дорчжй, т. е. того самаго сына Галданъ-дорчжјева, рожденіе котораго совершилось въ силу особыхъ вліяній Ундуръ-гэгэна и который, по увѣренію своего божественнаго дядюшки, былъ собственно хубилганомъ какого-то ламы-созерцателя, Артасидды. Воспитанный съ малолѣтства въ Пекинѣ, при дворѣ богдохана, Дондობъ-дорчжй получилъ тамъ въ 1697 г. въ супружество одну изъ дочерей китайскихъ князей 1-й ст. и былъ провозглашенъ титуломъ «хошой-эфу». Это родство съ принцами крови открыло Дондობъ-дорчжю путь къ почестямъ: въ 1700 г. онъ, въ обходъ прямыхъ постановленій о наследованіи, былъ назначенъ түшѣтү-ханомъ, хотя и не удержался долго въ этомъ первостепенномъ званіи. Отъ природы одаренный пылкими способностями, Дондობъ-дорчжй извѣстенъ халхасамъ какъ славный поэтъ, но въ то же время онъ былъ и большой кутила, отличавшійся еще женолюбіемъ. Не дальше какъ черезъ годъ за одно изъ своихъ походовъ онъ былъ лишенъ түшѣтү-ханства и снова возвращенъ въ родовое званіе второстепеннаго князя. Послѣ сего Дондობъ-дорчжй неоднократно отличался въ битвахъ съ Чжунгарами въ Тибетѣ, за всѣмъ тѣмъ онъ не могъ полу-

читать себя прощения во все время правления Канси. Только съ вопареніемъ Юпъ-чжэна его снова возвели въ цинь-ваны (князь 1-ст.), при чемъ богдоханъ снова женилъ его на китайнкѣ, уже съ званіемъ императорской дочери и такимъ образомъ Дондობъ-дорчжй получилъ титулъ «гүруни-эфу». Это случилось за нѣсколько дней до извѣстнаго предсказанія Ундүръ-гэгэна о томъ, что онъ возродится отъ дарханъ-цинъ-вана и жены его, принадлежащей по рожденію къ году обезьяны, въ силу чего Дондობъ-дорчжй чуть, ни черезъ мѣсяць послѣ брака съ китайнкой, поѣхалъ снова жениться и нашелъ себя супругу въ поколѣннй Хотохойтовъ. Это была 19-лѣтняя дѣвушка, по имени Цаганъ-дара-баярту. Почти съ первыхъ же дней послѣ этого брака начались и необыкновенныя видѣнія. Самому дарханъ-цинъ-вану приснилось, что большой шарикъ на его четкахъ и верхній суставъ его большого пальца превратились въ бодисатву Вачжра-дару; молодой супругъ его приснилось, что Ундүръ-гэгэнъ сначала пришелъ къ нимъ въ ограду, а потомъ вошелъ и въ домъ; далѣе и князь, и княгиня постоянно видѣли во снѣ, что юрта ихъ покрыта войлоками желтаго, т. е. ламскаго, цвѣта, что они собираютъ по горамъ цвѣты и пр.

На разсвѣтѣ 1-го дня средней весенней луны года дерева и дракона (1724) у дарханъ-цинъ-вана родился сынъ и тотчасъ же изъ дымника его юрты показался лучезарный свѣтъ, а надъ всею юртою протянулась яркая радуга. Всѣ видѣли это, дивились и благоговѣнно радовались, хотя на другой же день эта радость смѣнилась печалью, — дарханъ-цинъ-ванъ опасно заболѣлъ. Вскорѣ было послано по этому случаю посольство къ Нарб-баньчэнь (ᠨᠠᠷᠪᠠᠨᠠᠨᠢᠴᠡᠨᠢ) хутухтѣ съ просьбою разрѣшить болѣзнь князя и спасти его отъ смерти. Нарб-баньчэнь, еще не слыхавшій о рожденіи у дарханъ-цинъ-вана сына, провидѣлъ уже своимъ духомъ явленіе гэгэна и прямо спросилъ у посольства, «какъ поступлено съ послѣдомъ, вышедшимъ у матери послѣ рожденія ребенка?» — «Его закопали въ землю», — отвѣчали послы. «За это-то и наказанъ дарханъ-цинъ-ванъ»: отвѣчалъ Нарб-баньчэнь, «послѣду этому нужно принести жертвы». Возвратившіеся послы передали отвѣтъ хутухты и совѣтъ ламъ тотчасъ же рѣшилъ привести его въ исполненіе. Прошло уже болѣе десяти дней какъ послѣдъ былъ зарытъ въ землю и чудо, — едва отрыли этотъ послѣдъ, какъ отъ него понесся запахъ кипариса; принесли ему жертвы, — второе чудо: дарханъ-цинъ-ванъ внезапно выздоровѣлъ.

Между тѣмъ какъ подобныя необычайныя явленія ясно знаменовали новаго хубилгана хутухты на его родинѣ, официальное дѣло открытія его шло своимъ порядкомъ. Снаряжено было посольство въ Тибетъ, которое прибыло въ Хлассу по осени 1724 года и, привезя съ собою имена четы-

въ исполненіе. Новоопредѣлившійся хутухта оставался жить въ домѣ своего отца, время отъ времени напоминая только о своей божественной природѣ необычайными знаменіями. Такъ однажды дарханъ-цинъ-ванъ сидѣлъ около своей юрты, держа на рукахъ малютку. «Вонъ на небѣ, въ радугѣ, движутся Маньчжүшри и Чжанрайсэкъ!» закричалъ вдругъ малютка, и дарханъ-цинъ-ванъ, взглянувъ на небо, дѣйствительно увидалъ этихъ буддъ. Когда ребенку свершилось четыре года (а по монгольскому счету пять лѣтъ), халхаскій Донкдоръ-хутухтү, Наванъ-лобсанъ, преподавалъ ему монашескіе обѣты, причемъ ему было даровано имя Лобсанъ-дамба-донми. Это было въ годъ желтой обезьяны (1728), а въ слѣдующемъ 1729 году халхасы возвели своего хутухту на каѳедру, отпраздновавъ это торжество въ урочищѣ Садакъ-тологдй¹⁾. Послѣ сего главнѣйшею заботою халхасовъ было представить новаго гэгэна богдохану. Торопясь этимъ дѣломъ, они уже лѣтомъ 1730 года привили ему оспу, а въ 1731 г. возбудили ходатайство о поѣздкѣ гэгэна въ Пекинъ; однако начавшійся вслѣдъ за симъ смуты со стороны чжунгаровъ, а далѣе совершившееся вторженіе въ Халху Цэрэнъ-дондобовъ и Галданъ-цэрэна отодвинули на нѣсколько лѣтъ удовлетвореніе этой просьбы. вмѣсто торжественной поѣздки къ богдохану, Чжэбцзүнь-дамба въ 1732 году долженъ былъ бѣжать изъ Халхи и, спасаясь отъ чжунгарскихъ набѣговъ, переселиться въ Долонъ-нүр, гдѣ и оставался онъ до самаго окончанія чжунгарскихъ войнъ, т. е. 1735 года, въ концѣ котораго богдоханъ Юнь-чжэнъ скончался.

Вступленіе на престолъ Цянь-луна дало халхаскимъ ламамъ новый предлогъ для ходатайства относительно поѣздки хутухты въ Пекинъ и лѣтомъ 1736 года хутухтү получилъ разрѣшеніе явиться на аудіенцію къ богдохану. Какъ можно заключать изъ журналовъ описаній этой поѣздки, приемъ Чжэбцзүнь-дамба хутухты въ Пекинѣ былъ и на этотъ разъ весьма почетный, хотя къ нему видимо относились, какъ къ мальчику. При приближеніи гэгэновскаго поѣзда къ Пекину, богдоханъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего амбана, который поднесъ хутухтѣ хадакъ отъ имени богдохана. Въ самомъ Пекинѣ, по проѣздѣ черезъ Ань-динъ-мынь'скія ворота, близъ Юньхо-гүна, гэгэна снова встрѣтила депутація придворныхъ амбаней и проживавшихъ въ столицѣ хутухты и ламъ, поднесшая гэгэну второй богдоханскій хадакъ и проводившая гэгэна до приготовленнаго ему помѣщенія въ желтомъ городѣ. Юрта для хутухты была приготовлена за оградою желтаго цвѣта. Едва гэгэнъ вошелъ въ нее и успѣлъ оправиться съ дороги,

1) Описаніе этихъ празднествъ сохранено для насъ въ Histoire et description de tous les peuples. T. VI, p. 213. Paris. 1848.

какъ къ нему пріѣхалъ въ носилкахъ самъ богдоханъ. Гэгэнъ вышелъ къ нему на встрѣчу за двери юрты и сталъ на колѣна. «Не становись, не становись на колѣна!» сказалъ богдоханъ и, поспѣшно вылѣзши изъ носилокъ, взявъ гэгэна за руку и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ юрту. Для богдохана было приготовлено первое мѣсто, въ сѣверной сторонѣ юрты, противъ дверей; олбокъ (сѣдалищная подушка) гэгэна былъ положенъ сбоку, на восточной сторонѣ. Богдоханъ собственными руками потянулъ олбокъ гэгэна поближе къ своему мѣсту и сказалъ: «садись-ка хутухта повыше!» Тотчасъ поданы были чай и фрукты. «Все ли было у тебя, хутухта, спокойно въ дорогѣ? спросилъ богдоханъ и далѣе, не дожидая отвѣта, продолжалъ: «теперь ты только что пріѣхалъ, отдохни, а потомъ, не торопясь, послѣ перваго числа и поѣдешь назадъ». Обратившись къ приближеннымъ, онъ сказалъ: «смотрите, чтобы все было подходяще для здоровья гэгэна; надѣюсь, что теперь все исправно!» — «По милости великаго богдохана», отвѣчалъ хутухта, «я благополучно пріѣхалъ, проживу здѣсь до 1-го числа и выгѣду». — «Чему же ты теперь обучаешься?» спросилъ богдоханъ хутухту. «Изучаю цанитъ», — отвѣчалъ тотъ. Промолчавъ нѣсколько и посмотрѣвъ на хутухту, богдоханъ спросилъ его: «сколько тебѣ лѣтъ?» — «Четырнадцатый годъ», отвѣчалъ хутухта и засимъ тотчасъ же спросилъ: «можно ли мнѣ поклониться Цзанданъ-цзү 1)?» — «Можно», — отвѣчалъ богдоханъ. «Когда?» — «Когда хочешь; да ты съ своими шабнарами и въ саду, и въ цвѣтникахъ у меня погулай», сказалъ богдоханъ, поднимаясь съ своего мѣста. Выходя изъ юрты, богдоханъ сказалъ, что хутухта хотя и молодъ, но у него есть нѣчто особенное: «видно, что высокаго рожденія». Когда вслѣдъ за симъ гэгэнъ представился богдохану, послѣдній снялъ съ себя одѣтыя у него но шеѣ каралловыя четки и пожаловалъ ихъ гэгэну. Сопровождавшимъ гэгэна 22-мъ ламамъ также приказалъ подарить по четкамъ и по хадакѣ. Не медленно по возвращеніи хутухты послѣ этой аудіенціи на квартиру, къ нему присланы были отъ богдохана 60 соболей, 9 кусковъ шелковыхъ матерій и 1 кусокъ маннѣка, т. е. шелковаго штофа, затканаго изображеніями драконовъ, причемъ богдоханъ приказалъ сказать, что это привѣтственный подарокъ ему по случаю прибытія въ Пекинъ. Приближеннымъ хутухты было пожаловано по одному куску шелковыхъ матерій. Присмотръ за жизнью хутухты въ Пекинѣ былъ возложенъ на одного изъ князей крови, извѣстнаго подъ именемъ 16-го ванъ. Когда этотъ ванъ зашелъ къ хутухтѣ, для него стали готовить почетное сѣдалище. «Не нужно, не нужно», сказалъ ванъ: «я забочусь, чтобы хутухтѣ было спокойно; а я, въ присутствіи гэгэна, посижу

1) Кумиръ сандавнаго будды, находящійся въ монастырѣ Сунъ-чжу-сы.

и на простомъ олбѣкѣ». Черезъ нѣсколько дней прїѣзжалъ 12-й ванъ и принялъ отъ хутухты благословеніе. Послѣ сего, по высочайшему повелѣнію богдохана, гэгэну приносили отъ богдоханскаго стола плоды, разныя кушанья и сласти, а помимо того, во все время пребыванія въ Пекинѣ, ему отпускались: мука, крупа, овощи, баранина и приправа къ кушаньямъ.

При возвращеніи въ Халху, гэгэну было дано право имѣть ограду съ желтою каймою и подаренъ былъ къ употребленію походный дворецъ, окруженный такою же желтою оградой. Всего онъ заключалъ въ себѣ 73 отдѣленія (комнаты ᠬᠠᠯᠠᠭᠤ). Ограда этого походнаго дворца обосновывалась на столбахъ съ рѣзными изображеніями птицъ и на 120 колоннахъ; въ ней было шесть выходныхъ наружу дверей, съ навѣсами. Укрѣплялась она на землѣ двумя цѣльными веревками, съ сотнею деревянныхъ гвоздей и 400 желѣзныхъ. Сверхъ сего гэгэну было пожаловано на обратный путь 10,000 ланъ серебра.

По прибытіи въ Халху, гэгэнь, какъ надо предполагать, проживалъ въ Ургѣ, проводя свое время то за ученіемъ, то за забавами, въ обществѣ своихъ приближенныхъ ламъ, старавшихся возвысить его значеніе распространеніемъ въ народѣ слуховъ о разнаго рода чудесныхъ событіяхъ въ его жизни. Къ этой порѣ жизни гэгэна относится, напримѣръ, такая легенда. Однажды гэгэнь, сидя въ своей юртѣ, среди ламъ, вдругъ улыбнулся. «Какая причина твоей улыбки?» спрашиваютъ его ламы. На востокъ, за хурънемъ, далеко отсюда, пасутъ телятъ два мальчика-хуварака; спросите у нихъ, что они дѣлали?» Одинъ изъ ламъ-привратниковъ хутухты отправился по указанію, нашелъ двухъ мальчиковъ и узналъ отъ нихъ, что передъ симъ, спасаясь отъ лѣтняго зноя, они укрылись подъ навѣсъ утеса стаго берега рѣки Тѣлы. Среди обычнаго разговора имъ вдругъ пришло на мысль, не забыли ли они тѣхъ молитвъ, которыя учили зимою, и начали пѣть хвалебную пѣснь (ᠬᠣᠶᠢᠵᠢᠯᠢᠮᠤ) Чѣйчилю. Телята ихъ между тѣмъ разбрелись и, увидавъ это, они отправились, чтобы сгрудить ихъ въ одно стадо. Въ это время скала, подъ которою они сидѣли, рухнула въ воду. Когда привратникъ возвратился въ юрту гэгэна и разказалъ объ этомъ обстоятельстве, то гэгэнь возвѣстилъ, что этимъ двумъ мальчикамъ, за дѣла, совершенныя ими въ прежнихъ перерожденіяхъ, надлежало быть погребенными подъ этимъ обваломъ; но Чѣйчилю, обрадованный пѣніемъ своего хвалебнаго гимна, на время поддержалъ утесъ и опустилъ его только тогда, когда мальчики ушли изъ этого своего убѣжища. Видя все это, гэгэнь и улыбнулся въ радостномъ сознаніи покровительства бодисатвы и святости дѣяній своихъ шабнаровъ.

Въ другихъ легендахъ, относящихся къ этому періоду жизни гэгэна,

сказываются, повидимому, черты напоминающія дѣйствительное время-провожденіе гэгэна. Однажды, повѣствуетъ легенда, хутухтѣ, гуляя съ своими приближенными по берегу рѣки Тѳлы, приказалъ схватить одного изъ своихъ шабинѣровъ, привязать ему къ рукамъ и ногамъ по камню и бросить въ Тѳлу. Прошло нѣсколько дней, приближенные гэгэна, вспомявъ о брошенномъ человѣкѣ, попросили у гэгэна позволенія отыскать его. Гэгэнтъ отправился самъ и, прошедши отъ того мѣста, гдѣ былъ брошенъ юноша, довольно большое пространство внизъ по рѣкѣ, увидалъ, что брошенный застрялъ между камнями въ рѣчной стремнинѣ. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросили его всѣ, вытаскивая изъ воды. «Поясница, да спина немного побаливаютъ», отвѣчалъ тотъ; «а впрочемъ я совершенно здоровъ». — Въ другой разъ гэгэнтъ приказываетъ привести изъ табуна жеребца-неука, и когда таковой былъ приведенъ, то привязать къ его хвосту одного изъ шабинѣровъ и пустить. Неукъ помчался, таща и лягая привязаннаго. По истеченіи нѣсколькихъ дней приближенные гэгэна опять спрашиваютъ о подвергшемся этой пыткѣ, гэгэнтъ приказываетъ отыскать его и его находятъ опять-таки не только живымъ, но даже не имѣющимъ ни одной царапинки на тѣлѣ. Мы полагаемъ, что подобные разказы могутъ имѣть и дѣйствительную подкладку, ибо, проводя свое время среди льстивыхъ и угодливыхъ ламъ и окруженные толпою раболѣпныхъ сверстниковъ, гэгэны до настоящей поры изобрѣтаютъ не мало подобныхъ дикихъ, варварскихъ шутокъ, которыми ламы пользуются для доказательства божественныхъ силъ своего хутухты. О необыкновенномъ значеніи этихъ силъ къ той же порѣ относится еще и такой разказъ. Однажды изъ хурѣня вышелъ за сборомъ милостыни одинъ лама и пошелъ, что называется, куда глаза глядятъ. Добрался онъ до дархѣтскихъ кочевьевъ, гдѣ въ это время въ юртѣ какого-то богатаго монгола мучилась въ родахъ жена. Такъ какъ роды длились уже нѣсколько дней, то богачъ пригласилъ къ себѣ ламъ для совершенія гурюма (молебствія о больныхъ). Прибывшіе ламы приготовили изъ тѣста изображеніе человѣка, олицетворявшаго того злого духа, который поселился въ тѣлѣ страдавшей женщины (цзолѣкъ) и начали читать «кан-ду-диб-сагъ». Читали уже два дня, а пользы все не было. Какъ разъ въ эту пору проходилъ мимо нашъ скиталецъ-лама. Богачъ, увидавши его, выбѣжалъ изъ своей юрты и съ благоговѣніемъ говорить ему: «о, явившійся изъ обителей самаго будды, лама мой, спаси отъ страданій мою жену!» Ламы, служившіе до сего времени свой молебенъ, разсердились на богача, поднялись и ушли съ словами: «когда ты намъ не вѣришь, пусть тебѣ случится гурюмъ этотъ побирашка!» — Нашъ лама былъ между тѣмъ совершенно неученый: никогда не читалъ онъ ни одной священной книги, не

учился ни отправленію гурюмовъ, ни другимъ средствамъ религіознаго врачеванія болѣзней; всѣ его знанія ограничивались лишь чтеніемъ двухъ молитвъ. Вошедши въ юрту богача, началъ онъ, для виду, читать эти двѣ молитвы и въ то же время съ полнымъ благоговѣніемъ молиться въ душѣ своему гэгѣну, Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ, чтобы онъ помогъ ему счастливо отдѣлаться въ этой чужой сторонѣ. И вдругъ, воочію всѣхъ, цзюликъ, приготовленный ушедшими ламами, двинулся съ мѣста и вышелъ изъ юрты. Лама нашъ начинаетъ снова и еще усерднѣе молиться Чжэбцзунъ-дамбѣ и слышитъ, что на ухо ему шепчетъ голосъ: «налей въ чашечку воды, прочитай надъ нею двѣ извѣстныхъ тебѣ молитвы и поставь ее на голову больной». Лишь только исполнилъ онъ все это, женщина родила сына. Всѣ съ вѣрою смотрѣли на ламу и поднесли ему и массу скота, и всякаго рода другихъ подарковъ; слава о немъ разнеслась по всей окрестности. А между тѣмъ въ ту же пору былъ здѣсь другой богачъ, также точно страдавшій въ силу навожденій на него шаманскихъ онгдновъ: руки и ноги его скорчилось, спину согнуло, онъ лежалъ въ страшныхъ мукахъ. Прослышавъ о вышепомянутомъ хурѣнскомъ ламѣ, какъ о могущественномъ цѣлебникѣ, онъ послалъ своихъ слугъ пригласить его. Нашъ лама снова начинаетъ молиться Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ и проситъ его указать ему, идти ли по тому призыву, или нѣтъ? Въ отвѣтъ на эту молитву онъ снова слышитъ шепотъ на ухо: «ступай; тамъ въ юртѣ, съ сѣверной стороны, на почетномъ мѣстѣ, хранится шаманскій онгднъ; на ночь ты не ложись спать въ этой юртѣ, а приготовь себѣ высокую постель снаружи юрты, противъ того мѣста, гдѣ лежитъ онгднъ и что схватишь ночью въ руки, держи покрѣпче!» Лама отправился и точно выполнилъ то, что было ему приказано. Наутро онъ былъ разбуженъ шумомъ прибывшаго поѣзда. Это привезли къ нему шамана, который оказался такимъ же скорченнымъ какъ и больной, пригласившій къ себѣ ламу. «Спаси меня лама!» кричалъ шаманъ, «я умираю, отнынѣ никогда не буду я доставлять тебѣ никакого безпокойства!» Лама, посмотрѣвши что было у него въ рукахъ, увидалъ вылѣпленное изъ тѣста изображеніе скорченного человѣчка. Онъ расправилъ этой фигуркѣ и руки, и ноги, и спину; а одновременно съ симъ расправлялись и тѣ же части тѣла у обоихъ больныхъ. За такое исцѣленіе лама получилъ еще больше приношеній и снова началъ молиться Чжэбцзунъ-дамбѣ о разрѣшеніи вопроса—возвращаться ли ему въ Ургу, или еще оставаться въ странѣ Дархатовъ. «Теперь можешь возвращаться», проговорилъ ему на ухо голосъ, и покорный его велѣнію лама забралъ свои подарки и двинулся въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Провидя духомъ приближеніе этого ламы, гэгѣнъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего привратника

и приказалъ ему немедленно представиться. Когда лама явился и сдѣлалъ обычное поклоненіе гэгэну, послѣдній сказалъ ему: «отнынѣ ты такъ далеко въ чужую сторону не заходи: когда ты оказался на чужбинѣ, безъ всякихъ средствъ и началъ мнѣ молиться, я не могъ не помочь тебѣ; но съ другой стороны, у меня и подводы не было чтобы поспѣшить къ тебѣ; поэтому я долженъ былъ уже занять у генія покровителя здѣшнихъ мѣстъ изюбря, чтобы на немъ добраться до тебя».

Въ 3-е лѣто правленія Цянь-луна, въ годъ желтой лошади (1738) гэгэну исполнилось, по монгольскому лѣтосчисленію, 16 лѣтъ и, высочайшимъ повелѣніемъ, даннымъ въ Долонъ-вурѣ отъ 17 числа Цаганъ-сары, Ли-фанъ-юаню предписывалось утвердить хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты дѣйствительнымъ хутухтою и выдать ему грамоту, писанную на золотомъ листѣ и золотую печать на это званіе. Съ этой поры сказанія о дѣятельности гэгэна принимаютъ уже другой, болѣе дѣловитый характеръ. Въ слѣдующемъ 1739 г. онъ обосновываетъ, на примѣръ, въ Ургѣ дацанъ для изученія тарнистическихъ системъ, постановивъ учителемъ этого дацана Йондонъ-порчжй-ламу и одновременно съ симъ устраиваетъ особую отъ этого дацана кумирню «Чжудыйнъ-сумэ», а далѣе предпринимаетъ цѣлый рядъ новыхъ построекъ и исправленій старыхъ кумиренныхъ зданій какъ въ Ургѣ, такъ и въ другихъ монастыряхъ. Мы знаемъ уже, что въ эту же пору былъ во многомъ поправленъ и эрдэнь-цзускій монастырь (см. стр. 433—434). Ламы не преминули, конечно, украсить своими легендами и этотъ періодъ, но число такихъ легендъ, кажется, уже очень не велико. Разказываютъ, что однажды гэгэнь собралъ всю свою дворню и приказалъ всѣмъ разойтись по своимъ домамъ, предупредивъ еще, что если кто въ эту ночь услышитъ какой шумъ, то не выходилъ бы изъ своей юрты; самъ онъ оставилъ при себѣ на ночлегъ одного только келейника, которому приказалъ лечь въ отдѣльной комнатѣ и также точно не выходить изъ нея, чтобы ни случилось въ окружности. Ночью келейнику этому послышался шумъ какъ будто отъ входившаго множества народа и вся эта толпа, очевидно, направлялась въ моленную гэгэна. Проходя мимо, люди эти бросили на ноги келейника какія-то тяжелыя вещи и засимъ все смолкло. Келейникъ, приподнявшись, посмотрѣлъ, что такое лежитъ у него на ногахъ и оказалось, что это было нѣчто вродѣ сапогъ, сшитыхъ изъ барсовой кожи. Спустя довольно долгое время, снова послышался шумъ, какъ будто толпа эта уходила и вслѣдъ засимъ начало свѣтать. Вставъ утромъ и отправившись, по обычаю, убирать комнату гэгэна, келейникъ увидалъ въ ней до десяти сундуковъ, наполненныхъ серебромъ и спросилъ гэгэна, откуда эти деньги? «Предполагая, что намъ нужны будутъ деньги для обновленія и

построекъ кумирень», отвѣчалъ гэгэнъ, «я приказалъ геніямъ-хранителямъ алтайскихъ и хангайскихъ горъ доставить серебра и вотъ они теперь представили мнѣ его нынѣшнею ночью». Такимъ образомъ, по понятіямъ нынѣшнихъ монголовъ, распространеніе ламаизма въ Халхѣ совершалось въ старыя времена, могуществомъ гэгэна, безъ всякаго обремененія налогами самихъ монголовъ.

Въ дѣйствительности это было, конечно, далеко не такъ. Обновляя свои монастыри, гэгэнъ дѣлалъ постоянно воззванія къ народу и потребное для построекъ серебро стекалось къ нему со всѣхъ концовъ Халхи. Воздвигнутыя зданія и совершаемыя въ нихъ торжественныя церемоніи возбуждали религіозное чувство народа, который безгранично благоговѣлъ передъ личностью гэгэна, тѣмъ болѣе что значеніе сего послѣдняго, несомнѣнно, поддерживалось еще и его физическимъ происхожденіемъ и родствомъ съ важнѣйшими свѣтскими правителями Халхи. Все это не могло не возбудить подозрительности китайскаго двора, который долженъ былъ опасаться вліянія гэгэна на народъ, а потому и не замедлилъ принять свои мѣры къ ограниченію значенія хутухты въ народѣ и серіозному наблюденію за его дѣятельностью. Все это съ необычайною ясностью вытекаетъ изъ разсмотрѣнія отношеній тогдашняго пекинскаго правительства къ хутухтѣ. 12-го числа средней лѣтней луны 6-го года правленія Цянь-луна (1741 г.) богдоханъ издалъ нижеслѣдующій рескриптъ. «Прежде, когда чжунгарскіе мятежники вторглись въ халхаскія кочевья, царственный родитель мой, опасаясь, что они могутъ причинить зло Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ, издалъ высочайшій декретъ, которымъ повелѣвалъ переселить хутухту въ Долднъ-нуръ; а засимъ, когда военныя дѣйствія были окончены, хутухту, согласно просьбѣ халхасовъ, по старому, перемѣстили на жительство въ его халхаскій хурънъ. Народъ чжунгарскій однако искони вѣковъ отличался хитростью и коварствомъ, онъ постоянно возмущался и производилъ волненія. Сколько ни увѣряютъ они теперь о своихъ признательности и миролюбіи; однако не будетъ ничего удивительнаго, если они вдругъ измѣнятъ снова и, выискавъ причины, опять коварно пошлютъ свои войска и нападуть на хутухту. Хутухта есть великій учитель лама, постоянно чувствуемый халхасами; все находящееся въ связи съ нимъ имѣетъ чрезвычайное значеніе и о томъ, какъ бы самымъ прочнѣйшимъ образомъ обстановить его охрану, стоитъ подумать! Посему, препровождая настоящій рескриптъ эфу Цэрэну, повелѣваемъ ему, вмѣстѣ со старѣйшими цзасагами четырехъ халхаскихъ аймаковъ, съ завѣдувающимъ дѣлами хутухтинскаго хуръня тушѣту-ханомъ Дондѡкъ-дорчжіемъ и эфу Дондѡбъ-дорчжіемъ, тщательно и всесторонне обсудить вопросъ о томъ, какъ устроить охрану

Чжэбцзунь-дамба хутухтинскаго хуръня и какимъ образомъ можно съ большимъ удобствомъ перемѣщать хутухту за предѣлы Халхи, при малѣйшемъ движеніи на ея границахъ, а засимъ о результатахъ этого совѣщанія представить всеподданнѣйшій докладъ. Прежде, когда хутухта былъ помѣщенъ въ Долонъ-нурѣ, немедленно же были откомандированы два хя (адъютанта), которые по очереди присматривали за хутухтою; нынѣ, когда хутухта перекочевалъ, надлежитъ по старому назначить двухъ хя съ тѣмъ, чтобы они, смѣняясь по годовой очереди, присматривали, проживая при хутухтѣ. Если при хутухтѣ будутъ проживать эти хя, то для всѣхъ будетъ полезно, да и я буду постоянно получать извѣстія о здоровьи гэгэна, когда будетъ онъ жить въ Ургѣ». Такимъ образомъ за каждымъ шагомъ хутухты былъ устроенъ постоянный надзоръ китайцевъ. Это не помѣшало, конечно, гэгэну удерживать свое значеніе въ народѣ и халхасы попрежнему видѣли въ немъ свое высшее живое божество, для котораго они не щадили никакихъ жертвъ. Такъ въ 1750 году Донкоръ-маньжүшри-хутухту поднесъ Чжэбцзунь-дамбѣ и свой монастырь, едва отстроенный имъ на южной сторонѣ Ханъ-улы, и своихъ шабинаровъ, черезъ что вѣдомство ургинскихъ хутухтъ возрасло, сразу больше чѣмъ на 1000 семей; въ общемъ же число хутухтинскихъ шабинаровъ, говорятъ, простиралось въ эту пору уже до значительнаго числа въ 30,000 душъ. Такое обширное владѣніе всецѣло находившееся въ распоряженіи хутухты, въ свою очередь, не могло не смущать китайцевъ, а потому, не будучи въ силахъ уничтожить духовную власть и религіозное вліяніе гэгэна на народъ, они постарались ограничить его сношенія съ народомъ по крайней мѣрѣ по званію свѣтскаго правителя. Въ 1754 году богдоханъ издалъ декретъ, которымъ объявлялъ, что Чжэбцзунь-дамба-хутухтѣ, какъ монаху и главѣ ламаизма въ Монголіи, неприлично, да и не можетъ быть времени для непосредственнаго участія въ занятіяхъ свѣтскими дѣлами своихъ шабинаровъ; а посему для таковаго управленія въ Ургѣ учреждается особая должность «эрдэни-шанцзотбы», исправленіе которой и возлагается на главнаго ургинскаго казначея, сэцэнъ-тдйна, Лундубъ-дорчжй. Этотъ шанцзотба обязанъ былъ вести всѣ дѣла по управленію шабинарами и только рѣшенія свои представлять на утвержденіе Чжэбцзунь-дамбы, которому присутствовать лично при всякаго рода дѣлопроизводствахъ безусловно воспрещалось. Конечно, все это было направлено къ тому, чтобы ограничить значеніе хутухты, въ распоряженіи котораго теперь остались исключительно ламаискія дѣла. Устроивая эти послѣднія, Чжэбцзунь-дамба учредилъ въ Ургѣ въ 1755 г. первую для Халхи школу цанита, или изученіе высшей догматики и исторіи буддизма, съ устройствомъ при ней публичныхъ диспутовъ и выдачею соот-

вѣтственныхъ ученыхъ степеней. При этомъ всякаго рода внѣшность, начиная отъ архитектуры цанйтскихъ дацановъ и оканчивая костюмами цанйтскихъ ламъ и составленіемъ напѣвовъ для цанйтскихъ хураловъ, все это было составлено самимъ хутухтою.

Въ томъ же 1755 году богдохану пришлось однако волей неволей выѣхать хутухту въ дѣла свѣтской политики. Разыгравшіяся въ эту пору смуты Амурсаны, мечтавшаго объ отдѣленіи Чжунгаріи отъ Китая и объ основаніи самостоятельнаго чжунгарскаго ханства, возбудили тѣ же надежды и въ Халхѣ, а сѣверо-западные халхаскія княжества уже прямо волновались, поднимая у себя тотъ же вопросъ о независимости. При такихъ обстоятельствахъ богдоханъ приказалъ пекинскому Чжанчжя-хутухтѣ послать письмо къ Чжэбцзунъ-дамба-гэгэну съ просьбою посодѣйствовать умиротворенію края и пекинскій іерархъ исполнилъ это, отправивъ свое посланіе въ такихъ выраженіяхъ. «Недостойный Чжанчжя-хутухту у (падмы) ногъ спасительнаго и высокаго гэгэна просить и молить: нынѣ халхаскіе аймаки собрали войска, назначеніе которыхъ не согласуется ни съ гражданскими законами, ни съ поставленіями религіозными; если заведутъ они дѣла, на которыхъ обоснуется смутное время, развѣ это не будетъ згѣшимъ бѣдствіемъ для вѣры и существъ?! Высочайшій святитель гэгэнъ, вѣдая о такихъ обстоятельствахъ, примите сіе сказанное въ свою милосердную мысль». Чжэбцзунъ-дамба отвѣчалъ на это, чтобы Чжанчжя не беспокоился и что дѣло обойдется мирно. Дѣйствительно, въ восточной половинѣ Халхи, гдѣ вліяніе хутухты было сильнѣе, все было спокойно, но на западѣ смуты вскорѣ разразились открытымъ мятежемъ. По наущенію Цэнгунъ-чжаба, халхасы сняли почтовые станки, соединявшіе Калганъ съ Улясу-таемъ и такимъ образомъ сообщеніе Китая съ Халхою было прервано: китайцы не могли теперь не только съ удобствомъ посылать свои войска на западныя границы, но даже и получать извѣстія изъ Монголіи. Въ надеждѣ подавить это возстаніе при посредствѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, богдоханъ написалъ ему уже собственноручно письмо, въ которомъ, излагая обстоятельства прекращенія почтовыхъ сообщеній, говорилъ: «все это обусловливается легковѣрностью неразумныхъ халхасовъ; поэтому то я и не буду строго судить и обвинять ихъ. Если они, узнавъ объ изданномъ мною въ настоящую пору повелѣніи, возвратятся каждый на свою оставленную станцію, то я всѣхъ ихъ прошу и никому не поставлю въ вину ихъ проступка; если же, зная о такомъ моемъ увѣщаніи, они съ прежнимъ самодурствомъ будутъ выставлять разныя причины и не пойдутъ на станціи, то я буду судить ихъ наистрожайшимъ образомъ. Весьма вѣроятно, что и въ вашихъ аймакахъ есть подобныя же люди. Если таковыя въ самомъ дѣлѣ

имѣются, то скажи имъ такъ: «нынѣ богдоханъ, по своей великой милости, прощаетъ вамъ вашъ проступокъ оставленія станцій; отправляйтесь же поскорѣе каждый на свой станокъ и исполняйте свои обязанности». Сверхъ сего ты, хутухта, являешься великимъ ламою, котораго чествуютъ всѣ четыре аймака; поэтому откомандируй нѣсколько старшихъ и наиболѣе заслуживающихъ довѣрія ламъ съ тѣмъ, чтобы они разслѣдовали бы это дѣло и внушали бы, что волноваться изъ-за пустыхъ слуховъ невозможно». Мы знаемъ что Чжэбцзунъ-дамба исполнилъ это повелѣнiе богдохана и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возстанiе въ Халхѣ было всецѣло подавлено. Имѣли при этомъ болѣе значенiе откомандированныя богдоханомъ войска, или увѣщанiя хутухты, сказать трудно; но, несомнѣнно, что богдоханъ высоко оцѣнилъ влиянiе гэгэна въ дѣлѣ умиротворенiя смуть и 8-го числа 12-й луны того же 1755 годъ издалъ высочайшiй рескриптъ, текстъ котораго высоко цѣнится халхасами; какъ святыня хранится онъ въ казначействѣ хутухты, вывѣшенъ въ копию и въ гэгэновскомъ дворѣ, и въ цокчинской кумирнѣ, записывается не только во всѣхъ лѣтописяхъ, а даже въ самыхъ краткихъ исторiяхъ хутухты. Вотъ его не многосложное, но въ высшей степени изящное изложениe:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

Въ переводѣ это значитъ: «Прежде, когда измѣнникъ Цэнгунъ-чжабъ, распусшивъ пустыя и лживыя рѣчи, смутилъ и взволновалъ многихъ халхасовъ, Чжэбцзунъ-дамба хутухту тотчасъ же внушилъ толпѣ, что не воз-

лѣтъ, я также точно долженъ прожить 120 лѣтъ». Всѣ хуварàки съ радостью говорили: «нашъ лама проживеть долго»; однако въ средѣ хурàла нашелся и одинъ мудрый шанцэотба, по имени Пунцүкь-гэлүнь, который молчалъ и не только не радовался, а даже запечалился и сидѣлъ, понуривъ голову. «Что же ты молчишь?» спросили его хуварàки. «Эти слова нашего гэгэна Вàчжра-дàрь», отвѣчалъ онъ, «предвѣщаютъ его кончину. Если на лѣта жизни Ёндүрь-гэгэна, — стараго дерева, — наростить лѣта жизни настоящаго хутухты, то получится 120 лѣтъ. Вотъ что значать эти слова! Вамъ нужно не радоваться, а посовѣщаться, да поднести гэгэну дансүкь и молить его о продленіи его пребыванія съ нами». Но прежде чѣмъ ургинскіе ламы собрались поднести свой маңдалъ, гэгэнь заболѣлъ; болѣзнь его день-ото-дня становилась сильнѣе и 27-го числа послѣдней зимней луны 1757 года онъ скончался.

Избраніе второго хубилгана Чжэбцзүнь-дамба-хутухты показало пекинскому двору, какъ вредно было для халхасовъ имѣть перерожденцевъ гэгэна въ своей странѣ. Многіе князья перессорились, устраивали одинъ противъ другого заговоры и истощали своихъ данниковъ, собирая съ нихъ деньги на подарки; вслѣдъ за князьями дѣлились также на партіи и ихъ податные, которые, при своихъ невѣжествѣ и ненависти, дозволяли себѣ производить уже всякаго рода насилія и безпокойства. Говорятъ, что тѣ холодныя отношенія, которыя доселѣ еще отличаютъ роды түшѣтү-хàновъ и цэцэнъ-хàновъ, возникли именно со времени избранія второго хубилгана и цэцэнъ-хàновцы 1½ столѣтія не могутъ простить түшѣтү-хàновцамъ того коварства, съ которымъ они отклонили тогда представленнаго въ кандидаты Чжэбцзүнь-дамба-хутухты сына цэцэнъ-хàнова. Истощеніе страны во взаимныхъ распряхъ, правда, всегда согласовалось съ политикою Китая въ отношеніи подвластныхъ ему народовъ; но въ данномъ случаѣ это было черезчуръ тяжело даже и для него самого. Вся Монголія была переполнена тогда распрями и бунтами, для усмиренія которыхъ китайцамъ приходилось посылать войска и содержать цѣлыя арміи. Съ другой стороны, то возрастающее вліяніе, которое имѣли гэгэны на монголовъ, не могло не возбуждать въ пекинскомъ дворѣ опасенія за прежнюю подчиненность Монголіи, или по крайней мѣрѣ за ея спокойствіе. Смуты въ Халхѣ при избраніи гэгэна и опасеніе за вліяніе его на народъ, вотъ двѣ причины на основаніи которыхъ пекинское правительство могло желать, чтобы третій гэгэнь переродился не въ Монголіи, а въ Тибетѣ. Для опредѣляющихъ личность гэгэна тибетскихъ тайновѣдцевъ выраженіе такого желанія богдохана должно было имѣть, конечно, смыслъ обязательнаго къ выполненію распоряженія.

Относительно воплощенія третьяго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты мы имѣемъ слѣдующія сказанія. Незадолго до смерти второго хубилгана, въ Тибетѣ, къ далай-ламѣ Галсанъ-чжамцѣ, явился на поклоненіе владѣтельный князь Литанской и Камской провинцій Данъцзинъ-гѣмбо. При этомъ свиданіи, далай-лама выразилъ желаніе, чтобы Данъцзинъ-гѣмбо женился на дочери тогдашняго тибетскаго калуна ¹⁾, Борончжи, и тибетскій князь не замедлилъ, конечно, привести этотъ совѣтъ далай-ламы въ исполненіе. Когда Данъцзинъ-гѣмбо, отпраздновавъ свою свадьбу, снова явился на поклонъ къ Галсанъ-чжамцѣ, послѣдній подарилъ новобрачной княгинѣ свое оркимчжи, а когда молодые уходили, то долго смотрѣлъ съ верхняго этажа своего дворца вслѣдъ этой, по словамъ его, «благословенной» парочкѣ. На обратномъ пути изъ Хлассы въ Литанъ молодая княгиня, которую звали Норчжй-ванбѣ, нашла по дорогѣ «дунгарь-йичиль», т. е. необыкновенно рѣдкую раковину, употребляемую при ламайскихъ хуралахъ въ видѣ музыкальнаго инструмента и имѣющую ту особенность, что отверстіе ея открыто въ правую сторону. Подъѣзжая къ дому, ночлега за три, Данъцзинъ-гѣмбо отправился впередъ, чтобы приготовить все ко встрѣчѣ молодой жены и на первомъ своемъ ночлегѣ, взошедши на гору, началъ совершать жертвоприношеніе; въ эту пору надъ нимъ протянулась пятицвѣтная радуга; всѣ удивились, понявъ, что съ ихъ княземъ должно случиться нѣчто необычайное, и какъ бы въ подтвержденіе этого, самъ Данъцзинъ-гѣмбо нашелъ здѣсь какой-то прекрасный, дотогѣ невиданный еще цвѣтокъ. Когда княгиня подъѣзжала къ дому, на крышѣ сего послѣдняго установилось лучезарное круглое сіяніе, вродѣ радуги, которое скрылось лишь послѣ того, какъ Данъцзинъ-гѣмбо подарилъ найденный имъ цвѣтокъ своей супругѣ. Нѣсколько дней спустя, Данъцзинъ-гѣмбо увидалъ во снѣ, что къ нему пришелъ, опираясь на палку, нѣкій благообразный старецъ, съ длинною бѣлою бородою и сказалъ, что онъ дастъ ему букетъ съ золотыми листьями и плодами; а княгинѣ въ ту же ночь приснилось, что среди ихъ дома выросло дерево kalravikca. Сверхъ сего она изо-дня-въ-день видѣла еще и другія благовѣщія сновидѣнія: то, напримѣръ, къ ней спускается съ неба, вмѣстѣ съ солнцемъ, какой-то величественный по виду человѣкъ, съ лицомъ синяго цвѣта; то схватываетъ она за полу платья малютку, который, вращая золотое хурдѣ, также спускается къ ней съ неба; то видитъ она луну, восходящую изъ громаднаго воднаго бассейна; то представляется ей, будто сидитъ она дома на высокому сѣдалищѣ и вдругъ

1) Калунъ — высшая административная должность въ Тибетѣ, замѣщаемая по выбору. Калуны считаются ближайшими помощниками далай-ламы по всѣмъ частямъ управленія странною.

сверху сплшить къ ней какой-то лама, окруженный лучезарнымъ свѣтомъ. На разсвѣтѣ 1-го числа 10-й луны 1758 года княгиня Норчжй-ванбѣ родила сына и при этомъ была цѣлая масса благовѣщихъ признаковъ. На пятomъ мѣсяцѣ ребенокъ не говорилъ еще ни слова, но дѣлалъ видъ, будто онъ читаетъ священныя книги; на своемъ коврикѣ лежать онъ не любилъ и постоянно тянулся сѣсть на высокое кресло; руками дѣлалъ такія тѣлодвиженія, какъ будто раздаетъ благословеніе народу. Всѣ видѣвшіе это говорили, что это человѣкъ необычайный и непременно будетъ онъ великимъ ламою.

Когда ребенку исполнилось пять мѣсяцевъ, ему, по обычаю, хотѣли сдѣлать и одѣть синюю рубашечку и чудо: дотолѣ не говорившій ни одного слова ребенокъ вдругъ сказалъ: «я не одѣну платья, которое носятъ свѣтскіе люди!» — Всѣ удивились и порѣшили одѣть его въ костюмъ желтаго, ламскаго цвѣта.

Между тѣмъ какъ такія необычайныя знаменія все болѣе и болѣе должны были радостно убѣждать тибетскихъ ламаитовъ о возрожденіи Чжэбцзунъ-дамбы именно въ ихъ средѣ, для самихъ халхасовъ и особливо для шабйнскаго вѣдомства наступали тяжелые дни цѣлаго ряда разочарованій. Мы видѣли уже, какъ еще за три года передъ симъ богдоханское правительство начало принимать мѣры, клонившіяся къ отдаленію хутухты отъ народа; смерть второго халхаскаго гэгэна дала этому правительству удобный случай для дальнѣйшаго проведенія такихъ же ограничительныхъ мѣръ. Едва оффиціальное донесеніе о смерти Лобсанъ-дамба-донми достигло до Пекина, какъ Ли-фанъ-юань представилъ докладъ богдохану, результатомъ коего было нижеслѣдующее, состоявшееся 7-го числа послѣдней весенней луны 1758 г., высочайшее повелѣніе: «Халхаскій Чжэбцзунъ-дамба-хутухту скончался. Хотя въ Хуръни для завѣдыванія духовными дѣлами и находится шанцзотба Сундубъ-дорчжй, тѣмъ не менѣе для должнаго управленія низшими шабинарами не достаточно одного человѣка. Вызвать халхаскаго тусалакчи цзянь-цзюна Санцзай-дорчжй и поручить ему какъ присмотръ за Хурънемъ, такъ и высшее управленіе шабинарами». Получивъ такой декретъ, халхасы, конечно, прежде всего поняли, что время свѣтской власти ихъ гэгэна миновало безвозвратно и послѣдній такимъ образомъ почти на половину утратилъ свое значеніе. За всѣмъ тѣмъ положеніе Чжэбцзунъ-дамба-хутухты было все-таки заманчиво и до десятка халхаскихъ князей отправило своихъ посланцовъ какъ въ Пекинъ, такъ и въ Тибетъ, чтобы развѣдать о возможности успѣховъ для представляемаго каждымъ изъ нихъ кандидата. Возвратившіеся съ той и другой стороны послы могли привезти съ собою только слухи о намѣреніи богдохана провозгласить новаго хубилгана Чжэб-

цзунь-дамба-хутухты въ Тибетѣ и такіе слухи болѣзненно заволновали Халху. Къ этой порѣ относится знаменитая переписка тушѣту-хана съ пекинскимъ Чжанчжа-хутухтою, въ которой тушѣту-ханъ выставляетъ на видъ, какъ много потрудились халхаскіе хубилганы на пользу вѣры и подданства Халхи Китаю; нѣтъ сомнѣнія, что все это имѣло скрытую цѣль указать Пекину на значеніе хубилгановъ, которые возрождаются именно въ Халхѣ. Стремясь подтвердить то же положеніе, ургинскіе ламы въ 1760 году открываютъ у себя школу врачей и устрояютъ еще особый отъ нея эмчійнь-дацанъ, провозглашая, что они исполняютъ только то, что было всецѣло подготовлено вторымъ халхаскимъ хубилганомъ Чжэбцзунь-дамба-хутухты. Но всѣ эти усилія ламъ и князей остались безплодны: слухи о тибетскомъ хубилганѣ распространялись все больше и наконецъ дошли до степени непреложности. Халхаскіе князья, убѣдившись, что хутухта будетъ для нихъ отнынѣ уже не своимъ человѣкомъ, готовы были не только лишить его всѣхъ тѣхъ выраженій пріязни, которыми они окружали прежнихъ хубилгановъ, но даже и вовсе не видать его. Въ такомъ состояніи раздраженія они составили тайный совѣтъ и рѣшили, черезъ посредство своего представителя, Санцзай-доржжй, сдѣлать докладъ богдохану, сохранившійся для насъ во всѣхъ своихъ основныхъ пунктахъ. Докладъ этотъ былъ написанъ въ высшей степени политично, ибо, выражая какъ бы свою заботу о гэгэнѣ, халхасы въ то же время видимо старались удалить его отъ себя. Въ первомъ пунктѣ доклада изображалось, что, извѣстившись о возрожденіи Чжэбцзунь-дамбы въ Тибетѣ, халхасы намѣрены устроить ему встрѣчу съ необычайнымъ торжествомъ и сдѣлать ему пріемъ лучшей изъ наилучшихъ. «Чжэбцзунь-дамба», писали они, «естъ великій святитель для всего ламайскаго міра, а потому на обязанности каждаго ламанта лежитъ забота объ его почестяхъ, благѣ и охранѣ. Къ сожалѣнію, Урга представляетъ собою пунктъ, въ высшей степени неудобный для жизни гэгэна. Сѣверная Монголія искони служила мѣстомъ для чжунгарскихъ набѣговъ и, удаленная отъ Китая, она представляется почти беззащитной, — хутухтѣ жить здѣсь не безопасно; съ другой стороны, въ періодъ тишины и мира въ Ургу стекается масса народа: въ монастырѣ живутъ и женщины, и торговцы: какое же это мѣсто для религиозныхъ упражненій святаго человѣка? Для пользы дѣла хутухту нужно перемѣстить въ Долонь-нуръ, ибо тамъ онъ будетъ и безопаснѣе подъ защитою китайцевъ, и молиться ему въ тамошнихъ, удаленныхъ отъ города монастыряхъ удобнѣе. По тому же основанію — высокаго значенія хутухты, халхасы почитали необходимымъ отличить возвышеніемъ и его родителя, а потому поставляли своимъ долгомъ ходатайствовать передъ богдоханомъ о пожалованіи отцу третьяго хубилгана,

по примѣру родителя далай-ламы, званія гүна. Еще далѣе халхаскіе князья, прежде дававшіе главенство хутухтѣ во всѣхъ своихъ гражданскихъ дѣлахъ, теперь, вмѣстѣ съ китайскимъ правительствомъ, предполагали, что хутухтѣ не удобно ни заниматься свѣтскимъ правленіемъ, ни даже взимать свѣтскія подати со своихъ шабинаровъ; а потому они просили, чтобы богдоханъ назначилъ хутухтѣ свое жалованье, шабинары же были бы избавлены отъ податей въ пользу хутухты, а отбывали бы общія, казенныя повинности, наравнѣ со всѣми другими простолюдинами: ихъ предлагалось раздѣлить на кошүны и сумүны, даргамъ, или правителямъ ихъ, дать чиновныя шаріки, самихъ шабинаровъ привлечь къ отбыванію военной службы, отнесенію повинностей на почтовыхъ станціяхъ, караулахъ и проч. На этомъ докладѣ халхасы также потерпѣли фіаско. Гэгэна имъ дозволялось принять съ почестями, но указывалось, чтобы торжества эти не были обременительны для народа; въ перемѣщеніи хутухты въ Долбнъ-нүрѣ богдоханъ прямо отказалъ по той причинѣ, что это могло бы отозваться скорбью на душахъ преданныхъ своему гэгэну халхасовъ; чтобы хутухтѣ было удобнѣе жить въ Ургѣ, богдоханъ повелѣлъ удалить изъ нея женщинъ и торговцевъ; на выдачу хутухтѣ жалованья богдоханъ не согласился, ибо это не соотвѣтствовало бы монашескому званію гэгэна; наконецъ обложеніе шабинаровъ общегосударственными податями призналъ совершенно излишнимъ для государства и въ ознаменованіе своихъ милостей хутухтѣ повелѣвалъ оставить шабинаровъ въ ихъ прежнемъ положеніи.

При такихъ обстоятельствахъ въ 1763 году состоялся переѣздъ новаго хубилгана въ Монголію. Для сопровожденія хутухты богдоханъ командировалъ изъ Пекина особаго амбана, по имени Лю, а изъ халхасовъ въ этомъ поѣздѣ не было ни одного князя, добровольнаго поклонника; ѣздили только по назначенію: цзасактү ханъ Балдаръ изъ своего аймака, да отъ түшѣтү хановскаго аймака — батуръ-бэйлэ Цэбдэнъ, отъ другихъ аймаковъ представителей не было вовсе. Когда поѣздъ, почти уже миновавъ Күкү-нүрѣ, приблизился къ саянъ-нойновскому аймаку, одинъ изъ князей сего послѣдняго, Чакдуръ бэйсэ, выѣхалъ на встрѣчу и поднесъ гэгэну мандаля; гэгэнъ при этомъ произнесъ наставленіе, которое, какъ слово пятилѣтняго малютки, было провозглашено, конечно, чудомъ. Разказывается еще, что когда гэгэнъ подъѣзжалъ къ Жэ-хо, гдѣ богдоханъ въ ту пору проживалъ на дачѣ, то амбанъ Лю доложилъ хутухтѣ, что, не принявъ посвященія, ему нельзя представляться богдохану. Хутухта якобы отвѣчалъ на это, что онъ желаетъ представиться именно свѣтскимъ, ибо въ этомъ видѣ онъ получить отъ богдохана больше милостей. На аудіенціи, при всякомъ вопросѣ богдохана, гэгэнъ отвѣчалъ ему чистѣйшимъ монгольскимъ языкомъ, и это было

признано, конечно, несомненнымъ доказательствомъ прежнихъ возрожденій хубилгана среди монголовъ. Одаривъ гэгэна, богдоханъ приказалъ Чжанчжэ хутухтѣ преподавать ему отвѣты и, исполняя это высочайшее повелѣніе, Чжанчжэ хутухта послѣдовательно посвятилъ малютку сначала въ гэнэны, потомъ въ гэгүли, и наконецъ преподалъ ему Ямандагайнъ-вѣнъ. Имя, данное гэгэну при этихъ монашескихъ посвѣщеніяхъ, — было Ишй-дамба-нимъ. Послѣ сего гэгэнъ былъ привезенъ въ Ургу, гдѣ халхасы и возвели его на каеэдру. Въ настоящую пору ламы разказываютъ, что во время совершенія этого обряда также точно совершилось чудо: на рукахъ гэгэна показались ясныя изображенія субургана. Ни о какихъ жертвованіяхъ для гэгэна со стороны халхасовъ въ эту пору не упоминается, что же касается богдохана, то онъ пожаловалъ новому хубилгану право ѣздить въ красной телѣгѣ и отпустилъ изъ государственнаго казначейства суммы на построеніе монастыря въ честь втораго гэгэна.

Въ дальнѣйшемъ жизнь третьяго гэгэна прошла совершенна безцвѣтно. Отъ всякой дѣятельности по управленію шабинарами онъ былъ удаленъ совершенно, ибо еще при отправленіи его изъ Долонъ-нүра въ Ургу, богдоханъ издалъ декретъ отъ 30-го числа 5-й луны 1763 г., коимъ сообщалъ, что въ виду малолѣтства хутухты и неспособности его къ управленію, онъ поручаетъ рѣшеніе всякаго рода шабинскихъ дѣлъ проживающимъ въ Ургѣ амбаниямъ, подобно тому какъ въ Тибетѣ рѣшаютъ далай-ламскія дѣла амбапи, проживающіе въ Хлассѣ. Такимъ образомъ у гэгэна остались теперь только дѣла вѣры. Его особенною заслугою выставляется то, что онъ постановилъ обязательнымъ чтеніемъ для каждаго ламы три молитвы: »Ганданъ-хлабъ-чжэ», «Мани» и «Мякцзэмъ»; а для простолюдиновъ написалъ особое посланіе, въ которомъ воспретилъ имъ ругательство вообще, а особливо постоянно слышавшееся на устахъ монголовъ: «чтобъ тебѣ убить своего отца» или «свою мать»; въ своемъ посланіи гэгэнъ убѣждаетъ читателей, что онъ своимъ провидящимъ духомъ вѣдаетъ о возможности исполненія подобной клятвы, а потому и повелѣваетъ воздерживаться отъ такого мрачнаго ругательства. Въ 1765 году, т. е. когда гэгэну было по нашему численію только 7 лѣтъ, онъ совершилъ освященіе построеннаго богдоханомъ въ честь 2-го хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты монастыря «Шачжини-бадарагүлхчи и при этомъ произнесъ, говорятъ, большую проповѣдь. Къ той же порѣ относится и другой разказъ изъ жизни этого гэгэна. Въ то время должность маньчжурскаго правителя въ Ургѣ занималъ нѣкій амбанъ Шу, на котораго былъ сдѣланъ въ Пекинѣ доносъ по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ. Амбаня вызвали для суда въ Пекинъ, но прежде чѣмъ отправиться въ этотъ путь, онъ явился къ гэгэну и умо-

лягъ его объ избавленіи отъ несчастія. «Не бойся», сказалъ ему гэгэнъ: «въ весьма непродолжительномъ времени ты пріѣдешь назадъ въ красномъ одѣяніи, будь здоровъ, никакой бѣды не будетъ!» Когда амбанъ прибылъ въ Пекинъ, то прямо отправился въ судъ и разъяснилъ свои обстоятельства. Богдоханъ простилъ ему нѣкоторыя его оплошности и приказалъ немедленно же, на собственный счетъ, ѣхать въ Кяхту, для занятія должности цзаргучѣя. Исполняя такое высочайшее повелѣніе, амбанъ этотъ не имѣлъ возможности даже побывать въ родномъ городѣ, а прямо изъ Пекина долженъ былъ ѣхать опять черезъ Ургу въ Кяхту. Сынъ этого амбана, пріѣхавшій на свиданіе съ отцемъ, привезъ ему въ подарокъ дождевой плащъ изъ краснаго сукна и въ этомъ красномъ дождевикѣ амбанъ дѣйствительно снова въѣхалъ въ Ургу. Представившись гэгэну и принеся ему подарки, амбанъ между прочимъ спросилъ у гэгэна, какая причина того, что онъ, амбанъ, чувствуетъ къ гэгэну такое благоговѣніе, а самъ гэгэнъ такъ къ нему милостивъ?— «Прежде, во многихъ перерожденіяхъ, я былъ хозяиномъ, а ты былъ моимъ муломъ, на которомъ я ѣздилъ верхомъ, пришпоривал каблуками»; отвѣчалъ гэгэнъ, «по этой-то причинѣ у тебя на ребрахъ два черныхъ пятна». Амбанъ разстегнулся и показалъ всѣмъ, что у него дѣйствительно на обоихъ ребрахъ черные знаки, а самъ онъ только теперь понялъ происхожденіе этихъ родимыхъ пятенъ. Аналогичное сему толкованіе представилъ третій гэгэнъ и по другому случаю. Въ монастырѣ Дамба-дорчжѣ былъ цокчинскій унзатъ, имѣвшій прекрасный голосъ, но обладавшій удивительнымъ порокомъ: онъ выпивалъ цѣлую домбѣ чаю. Когда объ этомъ доложили гэгэну, онъ спросилъ: «есть у него отъ шеи и по всему становому хребту волосы?» — «Есть», отвѣчали ламы. «Въ прежнемъ моемъ перерожденіи», сказалъ гэгэнъ, «онъ былъ моею верховою лошадыю». Засимъ онъ пожаловалъ этому унзату чаю въ своей чашкѣ и съ той поры унзатъ началъ пить по человѣчески.

Помимо этихъ легендъ ургинскіе ламы помнятъ еще, что во времена третьяго гэгэна и именно въ 1767 году въ Ургѣ началось служеніе хурала Яра и въ томъ же году при шанцзотбѣнскомъ ямунѣ были учреждены должности дѣ-ламъ.

Лѣтомъ 1773 года во дворцѣ гэгэна случилось замѣчательное событіе. По веснѣ гэгэнъ собственноручно посѣялъ цвѣты, которые, выросши, рѣшительно всѣ наклонили свои головы на западъ. Приближенные гэгэна спросили его о причинѣ этого страннаго явленія и тотъ отвѣчалъ имъ, что цвѣты эти привезены съ запада, а потому къ своей родинѣ склоняютъ и головы. Вскорѣ послѣ этого, отправившись на поклоненіе въ кумирню Вацжра-дѣры, гэгэнъ обсыпалъ тамъ всю свою голову пепломъ и сказалъ,

что онъ намѣревался жить пока волосы его стануть пепельнаго цвѣта и вотъ они сдѣлались теперь такими. Возвратившись изъ кумирни домой, онъ заболѣлъ. Ламы просили его укрѣпиться, но онъ, очевидно, не желалъ оздоровливать. Между тѣмъ въ монастырѣ собралось до 10 тысячъ поклонниковъ и всѣ они ожидали благословенія гэгэна. Ламы сообщили объ этомъ гэгэну и онъ на другой же день окрѣпъ и благословилъ всѣхъ, а потомъ заболѣлъ опять. Ламы снова принесли гэгэну мандаля и просили его жить; но онъ окончательно отказался и, приказавъ благодарить богдохана за его милости, скончался 21-го числа послѣдней осенней луны 1773 года, едва имѣя 15 лѣтъ отъ роду. Въ ту же ночь богдоханъ видѣлъ во снѣ, что къ нему приѣхалъ Чжэбцзунъ-дамба и сказалъ, что, отправляясь на родину, онъ почелъ долгомъ представиться богдохану, а засимъ поскакалъ на западъ. Проснувшись, богдоханъ разказалъ свой сонъ и приказалъ снарядить посла, чтобы отвезти хутухтѣ хадакъ и осведомиться объ его здоровьи; но пока собирался этотъ посолъ, пришло уже извѣстие, что хутухта умеръ. Богдоханъ распорядился тогда послать въ подарокъ ургинскимъ ламамъ портретъ этого гэгэна, который былъ снятъ съ него китайскими живописцами, когда гэгэнъ былъ еще въ Жэ-хо. Отдавая этотъ портретъ посламъ, богдоханъ сказалъ: «Бѣдный хутухта, какимъ молоденькимъ онъ умеръ?! Теперь слѣдующее перерожденіе его, вѣроятно, появится въ провинціи Цзань!»

Для халхасовъ снова наступилъ періодъ волненій, снова появились надежды на возрожденіе хутухты въ Халхѣ, а услужливые монгольскіе чойчжоны, еще до погребенія третьяго гэгэна, начали утверждать, что хубилганъ его долженъ возродиться въ фамиліи тўшѣтү-хана, жена котораго въ эту пору была беременна. Конечно, для объявленія новорожденнаго младенца хубилганомъ нужно было исходатайствовать еще признаніе его таковымъ у тибетскихъ тайновѣдцевъ; одновременно съ симъ начали приходить извѣстія о возрожденіи хутухты опять въ Тибетѣ; но все это не могло поколебать рѣшимости халхасовъ: дожидаясь родовъ жены тўшѣтү-хана, они не посылали даже обычнаго посольства въ Тибетъ и время отъ времени разглашали только о необыкновенныхъ событіяхъ, сопровождающихъ беременность ханьши. Разочарованіе случилось лишь тогда, когда время разрѣшенія отъ бремени настало и жена тўшѣтү ханова родила дѣвочку. Такъ какъ другого кандидата въ эту пору указываемо и не было, то халхасы рѣшили уже ѣхать въ Тибетъ и посольство ихъ отправилось въ страну Вѣчнаго Цзу осенью 1774 года, а прибывъ туда въ 1775 году, получило и указаніе относительно новорожденнаго хубилгана. Это былъ только что родившійся въ 1775 году младенецъ, сынъ тибетца Сондмъ-дапий и жены его

Яньчжиль-хлама. Относительно родителей гэгэна намъ известно только, что Сондъмъ-даши былъ старшимъ братомъ отца седьмого далай-ламы и такимъ образомъ четвертый хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты приходился двоюроднымъ братомъ далай-ламѣ. На четвертомъ году отъ рожденія, т. е. въ 1778 г. ребенокъ принялъ въ Будагѣ, отъ далай-ламы Чжампаль-чжамцѣ обѣты гэгэна, причемъ ему дано было первое духовное имя Лобсанъ-тобданъ-ванцукъ, которое, впрочемъ, онъ неизмѣнно сохранилъ и при всѣхъ прочихъ посвященіяхъ, а черезъ три года послѣ сего онъ былъ перевезенъ изъ Хлассы въ Ургу. Путь изъ Тибета былъ совершенъ по примѣру поѣздки третьяго хубилгана черезъ Долбнъ-нуръ, гдѣ Лобсанъ-тобданъ-ванцукъ принялъ отъ Чжанчжа хутухты, Ролба-дорчжй, сначала полное посвященіе въ монашество, а потомъ и обѣты гацзюля. Богдохану на этотъ разъ хутухта не представлялся: прямо изъ Долбнъ-нұра онъ отправился въ Ургу, гдѣ и былъ возведенъ, при громадномъ стеченіи ламъ и народа, а равно въ присутствіи хановъ, вановъ и войновъ, на каедру. Впрочемъ, пекинскій дворъ не оставилъ хутухту безъ выраженія своего благоволенія и сверхъ имѣвшихся уже у хубилгановъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты преимуществъ, далъ ему, во-первыхъ, новое право ѣздить въ желтыхъ носилкахъ, а во-вторыхъ, отцу хутухты, рѣшившемуся слѣдовать за своимъ сыномъ въ Ургу, пожаловалъ, по примѣру отца 6-го далай-ламы, званіе улус-туръ тусалакчй гуна. Изъ послѣдующихъ историческихъ сказаній мы узнаемъ, что Сондъмъ-даши, прибывъ въ Ургу, заболѣлъ, какъ говорятъ, отъ переменъ климата и вскорѣ же умеръ, поэтому его титулъ гуна былъ переданъ младшему брату четвертаго хубилгана, Рабтанъ-намчжалу, но со смертію сего послѣдняго наследованіе помянутаго титула въ ихъ родѣ уже прекратилось.

Разказывая о жизни четвертаго гэгэна, ургинскіе ламы выражаютъ вообще какое-то благоговѣйное неудовольствіе къ нему: они зовутъ его «дошхйнъ-дурй», т. е. «сердитый видъ», а изъ разказовъ ихъ можно заключать, что гэгэнь, постепенно приходя въ возрастъ, дѣлался болѣе и болѣе серьезнымъ, не терпѣлъ ламской лѣни и баклушничества, заставлялъ всѣхъ учиться и дѣлать какое-нибудь дѣло, гулякъ же и неисполнителей его воли наказывалъ иногда даже собственноручно дубинкою. Въ 1790 году, Лобсанъ-тобданъ къ имѣющимся уже въ Ургѣ обществамъ ученыхъ ламъ лекарей, тарнистовъ и цанита прибавилъ новое общество астрологовъ, сдѣлавшееся известнымъ подъ именемъ «Найнгъ» и для этого общества устроилъ дацанъ исключительно на ургинскія средства. Въ слѣдующемъ 1791 году, Чжэбцзунъ-дамба, по случаю достиженія совершеннолѣтія, ѣздилъ въ Жэ-хо, чтобы представиться богдохану; въ Халхѣ же, въ ознаменованіе этого

радостнаго событія, мэргэнъ-номунъ ханъ, Цэвэнъ-дорчжй, построилъ монастырь, названный б'Ррайбун'омъ. На пятый годъ послѣ сего, въ 1795 году, четвертый хубилганъ, чрезъ посредство ургинскихъ амбаней, снова просилъ разрѣшенія у богдохана пріѣхать въ Жэ-хо и богдоханъ соизволилъ дать ему аудіенцію, хотя въ этой поѣздкѣ гэгэнъ былъ обставленъ и менѣе торжественно. Въ своей резолюціи Цянь-лунъ прямо писалъ, что ургинскимъ амбанямъ нужно заниматься дѣлами управления и провожать хутухту некогда, а потому обязанность сопутствовать ему возлагается на цзасакъ Сундубъ-дорчжй. Впрочемъ, при представленіи, богдоханъ утвердилъ за настоящимъ гэгэномъ дарованное его прежнимъ хубилганамъ право пользоваться желтымъ «походнымъ дворцомъ» и ѣздить въ красновато-желтой телѣгѣ. Возстановивъ такимъ образомъ за собою права прежнихъ хубилгановъ, гэгэнъ всю свою дальнѣйшую дѣятельность уже исключительно сосредоточилъ на дѣлахъ вѣры. Въ томъ же 1795 г. онъ получилъ изъ Тибета кумиръ Хоншймъ бодисатвы, а засимъ въ 1796 году выписалъ еще два новые бурхана, Маньчжүшри и Вачиръ-вэни, и всѣмъ этимъ бурханамъ преподавъ торжественное освященіе. Въ 1797 году онъ посѣтилъ монастырь Амуръ-баясхуланту и, нашедши тамъ недостатокъ священныхъ книгъ и учебныхъ пособій къ изученію ламами своей вѣры, заставилъ тамошнихъ хувараконъ тотчасъ же, въ періодъ своего пребыванія тамъ, переписать Юмъ въ трехъ экземплярахъ и большое количество разнаго рода мелкихъ сочиненій. Говорятъ, что въ эту поѣздку гэгэнъ открылъ субурганъ Ундуръ-гэгэна и приказалъ лучшимъ живописцамъ снять портретъ съ мощей его; въ слѣдующемъ 1798 году онъ, на основаніи этого портрета, приготовилъ первый кумиръ помянутаго халхаскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты. За доставленіе такой новой святыни, всѣ четыре аймака Халхи поднесли гэгэну дансукъ, а онъ, ревнуя о благочестіи своихъ поклонниковъ, соорудилъ еще три кумира Цзү, Ринсумъ-гѣмбо и кумиръ далай-ламы. Въ 1799 году, по полученіи въ Ургѣ богдоханскаго рескрипта, объявлявшаго по всей имперіи о казни министра Хэ-юнь-тана, Чжэбцзунъ-дамба, восхваляя добродѣтели богдохана и въ то же время соболѣзнуя о совершенномъ имъ пресѣченіи жизни одушевленнаго существа, исполнилъ, ради очищенія грѣха богдохана, 10000 отдѣльныхъ кумировъ «1000 буддъ благихъ временъ» (འཇམ་མཉམས་ཀྱི་སྐུ་བཟོ་བྱེད་པའོ།). Въ 1800 году соорудилъ кумиры 16-ти лѣханей и Ринсумъ-гѣмбо, а засимъ надъ всѣми этими кумирами, равно какъ и надъ бурханомъ Махагэлы, привезеннымъ изъ Тибета, совершилъ освященіе. Въ 1801 году гэгэнъ ввелъ въ Ургѣ Ддйнкорское служеніе. Въ 1802 г. снова ѣздилъ въ Жэ-хо и соорудилъ тамъ восемь субургановъ. Въ 1803 году гэгэнъ предпринялъ поѣздку

въ Тибетъ, причемъ по дорогѣ посѣтилъ Эрдэни-цзѹ, гдѣ халхасы всѣхъ четырехъ аймаковъ поднесли ему дансѹкъ. Прибывъ въ Тибетъ, Чжэбцзѹнъ ламба 15-го числа 4-й луны слѣдующаго 1804-го года принялъ въ Будапѣ отъ далай-ламы Чжампалъ чжамцѹ обѣты галѹна и засимъ въ послѣдней зимней лунѣ возвратился въ Халху. Въ эту поѣздку гэгэнъ вывезъ изъ Тибета кумиры Цзѹ-шигэмѹнѹя, Майдари и многихъ другихъ бурхановъ; наивысшимъ же пріобрѣтеніемъ его почитался ганьчжуръ, писанный золотомъ на черномъ пергаментѣ. Въ слѣдующемъ 1805 г. гэгэнъ окончилъ новыя для Урги и заимствованныя имъ изъ Тибета предпріятія: онъ воздвигъ пять знаменъ Гѹмбо, Шальши и Багинъ и обосновалъ служеніе Манлы по началамъ Дѹйнкора; а засимъ перенесъ привезенный изъ Тибета кумиръ Шигэмѹнѹя въ большой ургинскій дуганъ. Въ 1806 году онъ устроилъ спеціальныя дацанъ для школы Дѹйнкора; это былъ такъ называемый Дачинъ-калба'йнъ-сѹмѣ, въ которомъ, начиная съ 1807 г., совершались и многіе другіе хуралы по началамъ Дѹйнкора. Въ томъ же 1807 г. гэгэнъ выписалъ изъ Тибета писанный золотомъ Юмъ, а халхасы поднесли ему дансѹкъ, по обрядамъ Дамчѹкъ-карбѹ. Далѣе, преданный дѣлу развитія Дѹйнкора, гэгэнъ украсилъ кумирню Дачинъ-калба'йнъ сѹмѣ, вызолотивъ ея крыши и во дворѣ ея обосновалъ свое собственное жилище. Въ томъ же году, онъ основалъ неподалеку отъ монастыря Шачжѹни-бадарагѹлухчи, въ урочищѣ Уланъ-бакца, особый монастырь для ламъ созерцателей, который назвалъ Шат-дубъ-гим-палъ-чжан-чуб-лин'омъ. Мѣсто это оказалось впрочемъ, выбраннымъ весьма неудачно, почему не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1808 году гэгэнъ самъ же перенесъ его въ урочище Бомботу, гдѣ монастырь этотъ стоитъ и донинѣ. Окончивъ это дѣло въ теченіе лѣта, гэгэнъ осенью отправился въ монастырь Амуръ-баясхуланту, гдѣ халхасы подносили ему дансѹкъ. Новолѣтіе 1809 г. гэгэнъ встрѣтилъ въ своемъ новооснованномъ монастырѣ созерцателей, Шат-дубъ-лин'ѣ, а по веснѣ того же года, удовлетворяя желаніе цанитскихъ ламъ въ Хурѹни, началъ для нихъ постройку двухъ особыхъ цанитскихъ кумирень и такимъ образомъ положилъ основаніе особой части Хурѹни, Гандану. Въ концѣ лѣта, когда постройки эти были уже поставлены вчернѣ, гэгэнъ отправился въ Жэ-хо, чтобы представиться богдохану. Здѣсь на аудіенціи у богдохана онъ обсуждалъ вопросъ объ управленіи шабинарами, число которыхъ возросло къ этой порѣ до 50 тысячъ душъ и результатомъ означенныхъ совѣщаній было составленіе новыхъ положеній, обнародованныхъ высочайшимъ рескриптомъ уже въ 1811 году. Рескриптъ этотъ уравнивалъ шанцзотбѹ въ правахъ съ помощниками сеймовыхъ старшинъ, опредѣлялъ выдачу каждому назначаемому на эту должность особаго богдоханскаго наказа и новой

вая свою грамоту и печать на имя Чжэбцзунь-дамба хутухты, въ то же время издалъ высочайшее повелѣніе, чтобы отселѣ въ официальныхъ бумагахъ къ имени ургинскаго гэгэна всегда и непременно были присоединяемы тѣ титулы, которыми были пожалованы хубилганы его въ прежнихъ перерожденіяхъ. За эту милость Лобсань-цолдамъ-чжигмэтъ въ томъ же году представилъ богдохану въ даръ «девять бѣлыхъ». Въ слѣдующемъ 1822 г. гэгэнъ въ счастливый день 19-го числа средней осенней луны произнесъ проповѣдь о значеніи дансѹка и это почитается, кенечно, чудомъ со стороны семилѣтняго дитяти. Въ средѣ монголовъ о пятомъ гэгэнѣ сохранилось очень мало воспоминаній, безъ сомнѣнія, потому, что онъ не производилъ никакого особеннаго впечатлѣнія и былъ личностью совершенно безхарактерною, не имѣвшею ничего своего и вполне подчинявшеюся вліянію окружавшихъ его ламъ. Склонность къ праздности, отсутствіе всякой системы въ образѣ дѣйствій, мизерное честолюбіе и какія-то жалкія низкопоклонство и робость, кажется, составляютъ единственныя черты, проглядывающія во всѣхъ его распоряженіяхъ, докладахъ и дѣйствіяхъ. Въ періодъ жизни этого хутухты китайскій дворъ могъ уже совершенно не опасаться за возникновеніе какой-либо пропаганды противъ его власти, онъ могъ теперь не ухаживать за гэгэномъ, не разсыпать передъ нимъ подарки для обезпеченія своего спокойствія, а напротивъ, замѣтивъ эту слабость, онъ тотчасъ же сталъ поучать гэгэна и во всю его жизнь не исполнилъ почти ни одной его просьбы, игнорируя даже и угрозы интересамъ самаго Китая, которыми думали иногда подвигнуть какое-либо дѣло въ свою пользу ламы и которыя заставляли они писать гэгэна въ докладахъ императору. Такимъ образомъ черезъ три года послѣ того какъ хутухта, былъ привезенъ въ Хүрүнъ, ламы начинаютъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ начальствомъ о томъ, чтобы хутухтѣ было позволено ѣхать въ Пекинъ. Въ 1824 году ургинскій амбанъ Йондонъ-дорчжй представилъ докладъ объ этой просьбѣ богдохану. Въ резолюціи на него говорилось, что императоръ весьма радуется истинной преданности хутухты и его желанію имѣть аудіенцію, но, продолжается дальше, «хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты въ настоящее время молодъ лѣтами, время ему изучать священныя книги, да приобрѣтать знанія. Итакъ теперь ѣздить въ Пекинъ и даже въ Жэ-хо не нужно; что же касается будущаго, то ламы могутъ пріѣхать для представленія хутухты, когда будетъ данъ объ этомъ отдѣльный приказъ. Теперь», заключалъ свое рѣшеніе богдоханъ, «я посылаю (Чжэбцзунъ-дамба хутухтѣ) желтый хадакъ и поручаю Йондонъ-дорчжй передать его и истолковать хутухтѣ мое милостивое повелѣніе». Слѣдя далѣе за лѣтописными сказаніями монголовъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ извѣстія о событіяхъ изъ жизни

хутухты сравнительно рѣдко, а самая эта жизнь представляется намъ какимъ-то пассивнымъ прозябаніемъ, лишеною всякой активности и инициативы даже въ дѣлахъ вѣры. Сообщается, на примѣръ, что въ 1826 году, когда гэгэнъ приближался къ достиженію 12-лѣтняго возраста, то ургинскіе ламы посылали письмо и подарки къ далай-ламѣ, съ просьбою отправить молебствіе о здравіи и спасеніи хутухты ($\text{འཇམ་མགས་པོའ་མཚན་ལྷོ་མཚན་$); очевидно, надъ хутухтою были совершены при этомъ религіозные обряды, извѣстные въ просторѣчїи надъ названіемъ «чжилійнъ-оролгднъ» и отправляемые почти надъ каждымъ простымъ монголомъ. Ни построенія новыхъ монастырей и кумирень, ни пріобрѣтенія новыхъ бурхановъ и номовъ, ни учрежденія новыхъ хураловъ и религіозныхъ церемоній, ничего подобнаго не совершалось; какихъ-либо ходатайствъ, или сношеній съ Пекиномъ и Тибетомъ также не предпринималось. Самъ богдоханъ, правда, посылалъ хутухтѣ свои рескрипты и милости; но это всегда являлось какъ бы случайно и во все не вызывалось какими-либо дѣяніями самого хутухты. Такъ, 26-го числа 1-й луны 1828 г. Дао-гуанъ препроводилъ свое письмо и хадакъ хутухтѣ, извѣщая сего послѣдняго о побѣдахъ, одержанныхъ китайцами въ Туркестанѣ надъ Чжангѣромъ и выражая увѣренность, что хутухта сумѣетъ по этому случаю воодушевить халхасовъ къ прославленію величїя имперїи Дай-циновъ. Въ томъ же году изъ Урги возвращался въ Тибетъ старшій братъ хутухты, Цэдэнъ-пунцүкъ, прожившій съ хутухтою въ Ургѣ свыше 8 лѣтъ. Ургинскіе амбаны, конечно, не безъ просьбы Чжэбцзүнь-дамбы, начали поэтому ходатайствовать о томъ, чтобы богдоханъ, въ воздаяніе такъ ясно выразившейся братской любви, соизволилъ бы на какое-либо отличіе Цэдэнъ-пунцүку и, удовлетворяя этому ходатайству, богдоханъ пожаловалъ вышепомянутому брату хутухты право носить на шапкѣ шарикъ 5-й степени. Въ 1831 году пятый хубилганъ Чжэбцзүнь-дамба хутухты принялъ въ Ургѣ, отъ своего учителя Лобсанъ-цзамьяна, обѣты гэцүля; а черезъ годъ послѣ сего онъ окончилъ уже изученіе полного круга буддійскихъ молебныхъ чтеній. По случаю этого радостнаго событія, тогдашній ургинскій амбанъ, Дорчжѣ-рабтанъ, въ 1833 году сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, въ которомъ излагалъ, что когда хутухта былъ привезенъ изъ Тибета, то вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и вышепомянутый учитель его, лама Лобсанъ-цзамьянъ, въ теченіе десяти лѣтъ ревностно занимавшійся съ хутухтою науками и нынѣ доведшій его до окончанія полного курса; на ряду съ нимъ, нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ хутухты завѣдывалъ другой лама, Ишѣ-гэликъ. Въ прежнее время было въ обычаѣ, что, по окончаніи обученія и воспитанія хутухты, учителю и воспитателю его всегда давали титулы, первому—номунъ-хана, а второму—цор-

чжй. Амбанъ просилъ теперь богдохана, чтобы означенные титулы были утверждены также и за обоими помянутыми ламами. Конечно, богдоханъ соизволил на эту просьбу тѣмъ болѣе, что пекинскому правительству постоянно приходилось теперь огорчать гэгэна и ламъ отказами удалить изъ Урги китайскихъ торговцевъ (см. выше стр. 69). Въ 1834 году гэгэнъ началъ просить у богдохана разрѣшенія на поѣздку въ Тибетъ для принятія тамъ отъ далай-ламы обѣтовъ гэлүна, а равно просилъ о разрѣшеніи употреблять во время этой поѣздки желтую палатку. Такъ какъ эти домогательства разнаго рода отличій со стороны всякихъ чиновныхъ ламъ постоянно беспокоили китайское правительство, то богдоханъ, въ силу означенной просьбы Чжэбцзунъ-дамба хутухты, опредѣлилъ прежде всего разработать и составить общія положенія относительно того, чѣмъ и какъ могутъ пользоваться Далай-лама, Баньчэнь-ринбочэ, Чжэбцзунъ-дамба и др., а засимъ обнародовать эти положенія для руководства, чтобы всѣ эти гэгэны не утруждали попусту начальство. Ургинскому гэгэну согласно этихъ положеній дозволялось жить въ желтой палаткѣ и ѣздить въ телггѣ красновато-желтаго цвѣта. Что касается второго вопроса, относительно поѣздки въ Тибетъ, то богдоханъ писалъ, что гэгэнъ можетъ ѣхать, по желанію, но не иначе какъ на собственный счетъ и съ возможно меньшимъ количествомъ прислуги: ему возбраняется производить хотя бы малѣйшее затрудненіе монголамъ-простолюдинамъ (འཕུལ་ལྷན་པའི་ལྷན་པའི་སྤྱི་བོ་ལྷན་པའི་སྤྱི་བོ་ལྷན་པའི་སྤྱི་བོ་), ибо «удручать излишними податями народъ, изъ-за прихоти, — дѣло не пригодное». 11-го числа послѣдней лѣтней луны слѣдующаго 1835 года гэгэнъ выѣхалъ изъ Урги въ Тибетъ и принялъ тамъ отъ баньчэнь эрдэни обѣты гэлүна. О поѣздкѣ этой говорятъ весьма немногое: гэгэнъ ничего не вывезъ изъ Тибета вещественнаго и не заимствовалъ въ эту пору изъ своей ламайской митрополии даже ни одного обряда, такъ что всѣ сказанія объ этомъ пребываніи хутухты въ Тибетѣ ограничиваются однимъ совершившимся чудомъ, по которому гдѣ-то, на гранитной глыбѣ, отпечатлѣлся слѣдъ ноги хутухты подобно тому, какъ могъ бы онъ отпечатлѣться, если бы гэгэнъ ступилъ на совершенно мягкую глину. Возвратившись въ Ургу въ 1836 г., гэгэнъ былъ окончателно смущенъ наплывомъ въ монастырь его китайскихъ купцевъ. Мы знаемъ уже, что этотъ наплывъ вызвалъ со стороны Чжэбцзунъ-дамба хутухты просьбу о разрѣшеніи перекочевки Хурэня и что богдоханъ разрѣшилъ такую перекочевку. Когда вслѣдъ засимъ гэгэнскій дворецъ обосновался въ Ганданѣ, то большинство ламъ, чтобы быть поближе къ гэгэну, начало проситься о зачисленіи ихъ въ школы цангита, а гэгэнъ зачислялъ каждаго; по этой-то причинѣ, цангитскія школы, говорятъ, никогда не были такъ полны въ Ургѣ, какъ при пятомъ гэгэнѣ.

Въ 1839 году ургинскій амбанъ Дэлэкъ-дорчжи представилъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, въ коемъ излагалъ просьбу Чжэбцзунъ-дамба-хутухты о разрѣшеніи ему представиться богдохану въ Пекинѣ. Получивъ это разрѣшеніе, гэгэнъ въ послѣднихъ числахъ средней зимней луны выѣхалъ въ Пекинъ и новолѣтіе 1840 года праздновалъ у богдохана. 15-го числа 1-й луны, въ день обычный для пожалованія всякихъ наградъ, гэгэнъ получилъ право ѣздить въ свѣтло-желтыхъ носилкахъ, а при своихъ церемониальныхъ выходахъ имѣть предносимыми передъ собою зонты и знамя. Эти милости богдохана были торжествомъ для гэгэна, хотя пребываніе его въ Пекинѣ не обошлось безъ громаднаго скандала, о которомъ современные ламы разказывали мнѣ слѣдующее. Перенесеніе Урги на западъ отъ Гандана, совершившееся въ 1836 году, увеличивъ разстояніе между хурѣнемъ и маймачэномъ до 10 верстъ, скоро возбудило досадливое чувство недовольства какъ у ламъ, такъ и у китайскихъ торговцевъ. Ламы скучали и тѣмъ что далеко имъ ходить за необходимыми для жизни покупками, и тѣмъ что съ удаленіемъ многолюднаго рынка сократилось для нихъ число развлеченій, и тѣмъ, наконецъ, что самое число посѣтителей Хурѣня также уменьшилось: прежде монголь, пріѣзжавшій въ Ургу съ специально торговыми дѣлами, непременно посѣщалъ и монастырь, и кумирни, потому что они стояли тутъ же; теперь, покончивъ свои торговыя дѣла въ маймачэнѣ, онъ уѣзжалъ домой, ибо до монастыря было еще 10 верстъ ѣзды. Китайскіе купцы чувствовали удаленность своего рынка отъ монастыря, конечно, еще больше, ибо она прямо била ихъ по карману, оттого-то они естественно не оставляли своихъ хлопотъ о возвращеніи къ старымъ порядкамъ. Когда Чжэбцзунъ-дамба прибылъ въ Пекинъ, туда явились и китайскіе торговцы изъ Урги въ надеждѣ устроить свое дѣло при содѣйствіи ли-фань-юаньскихъ чиновниковъ. Разказываютъ, что, идя на разные компромиссы, они дали при этомъ взятки, по 5000 ланъ, одному изъ ли-фань-юаньскихъ шубаней (дѣлопроизводителей) и самому Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ, получившему эти деньги черезъ своего шанцзотбѹ. Но, получивъ взятку, гэгэнъ не захотѣлъ исполнить всѣхъ желаній китайцевъ и, раздраженные этимъ, они подали жалобу въ Ли-фань-юань, въ которой, выяснивъ всѣ обстоятельства, обвиняли шубаня, гэгэна и шанцзотбѹ въ вымогательствѣ у нихъ денегъ. Потушить возникшее такимъ образомъ дѣло стоило гэгэну, говорятъ, до 150,000 ланъ, хотя, конечно, и трудно удостовѣрять непреложность этой суммы. Все, что имѣемъ мы несомнѣннаго объ этихъ событіяхъ, заключается въ резолюціи богдохана отъ 19-го числа 1-й луны 1840 г., послѣдовавшей на Ли-фань-юаньскій докладъ, которымъ предлагалось Чжэбцзунъ-дамба-хутухту предать особому суду, а шанцзотбѹ немедленно же отрѣшить

отъ должности. Выше помянутая резолюція богдохана, сохранившаяся еще и донинѣ въ архивѣ ямуна ургинскаго шанцзотбы, отъ слова до слова гласятъ слѣдующее:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Въ переводѣ это значить: «Прибытіе Чжэбцзунъ-дамба-хутухты въ настоящую пору въ Пекинъ и его представленіе ко мнѣ несомнѣнно (свидѣтельствуя) истинность его намѣреній, его чистосердечіе. Я съ большою радостью похваляю (это). Сверхъ сего вышепомянутый хутухту знаетъ лишь одно: ежедневно и тщательно читать священныя и молебныя книги, да побуждать къ совершенію добродѣтелей; помимо сего у него вообще нѣтъ подобающихъ дѣлъ. То, что теперь шубанъ Чэнъ-тянь-ской и его (хутухты) шанцзотба съ вымогательствомъ получили деньги, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вышепомянутому хутухтѣ. Привлекать Чжэбцзунъ-дамба-хутухту къ суду и обсуждать обвиненіе противъ него не нужно; вопросъ объ отрѣшеніи отъ должности шанцзотбы также оставить безъ разсмотрѣнія».

По возвращеніи въ Халху гэгэнъ задумалъ предпринять новую поѣздку въ Тибетъ и началъ ходатайство объ этомъ передъ богдоханомъ. Высочайшимъ указомъ отъ 2-го числа 7-й луны ему было разрѣшено это, но опять-таки не иначе, какъ на собственный счетъ и безъ малѣйшихъ поборовъ съ народа. Существуетъ преданіе, что настоящую свою поѣздку гэгэнъ предпринималъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ полечиться у тибетскихъ врачей отъ сифилиса, которымъ онъ былъ зараженъ и отъ котораго страдалъ

страшно. По недостатку ли средствъ, или вслѣдствіе усилившейся болѣзни, сказать трудно, но гэгэнъ даннымъ ему разрѣшеніемъ ѣхать въ Тибетъ не воспользовался. Скончался онъ въ 1842 году отъ того же сифилиса, въ Хуръни, или собственно въ Хуръньскомъ Ганданѣ; въ Ганданѣ же онъ и похороненъ, т. е. субурганъ съ его набальзамированнымъ трупомъ стоитъ здѣсь донинѣ въ особой, небольшой кумирнѣ.

Шестой хубилганъ ургинскаго хутухты родился опять-таки въ среднемъ Тибетѣ, въ концѣ того же 1842 г. Онъ былъ сыномъ погонщика ословъ и долженъ быть признанъ самымъ несчастнымъ для халхасовъ хубилганомъ. Рѣшительно всѣ экспедиціи, отправлявшіяся въ Тибетъ по дѣлу призванія этого хубилгана, подвергались какимъ-либо несчастіямъ въ пути и это побудило халхасовъ ходатайствовать передъ богдоханомъ, чтобы поѣзду, который везъ изъ Тибета въ Ургу самого хубилгана, дозволено было ѣхать изъ Хлассы черезъ Сы-чуань. 27-го Февраля 1848 г. былъ обнародованъ однако декретъ, которымъ это ходатайство было отклонено въ виду того, что пріемъ массы сопровождавшаго хутухту народа былъ бы обременителемъ для Сы-чуани. Такимъ образомъ халхасы и на этотъ разъ должны были ѣхать по разбойничьимъ кочевьямъ полудикихъ тангутскихъ племенъ и въ результатѣ потерпѣли еще два нападенія. По докладу сопровождавшаго этотъ караванъ маньчжурскаго амбана, Лэ-бин'я, у халхасовъ, при первомъ нападеніи на нихъ, было отнято 60 верблюдовъ, а во второй разъ отбито: 408 лошадей, 17 муловъ и 50 верблюдовъ. Ни мѣста, ни времени этого грабежа Лэ-бинъ въ своемъ докладѣ не обозначаетъ, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ произведенъ тѣми непокорными тибетскими родами, которые гнѣздятся на границахъ Сы-чуани съ Ганьсу и извѣстны подъ общимъ именемъ голоковъ. Для встрѣчи хутухты, халхасовъ ѣздило въ Тибетъ всего около 5000 человекъ. Сдѣлать тамъ вклады въ монастыри, представить приношенія далай-ламѣ, баньчэнъ-эрдэнѣ и наконецъ воротиться въ Халху стоило монголамъ около 20 ваней ланъ серебра, т. е. приблизительно 400,000 серебряныхъ рублей. Привезенный въ Ургу изъ Тибета гэгэнъ жилъ здѣсь всего только 59 дней и все это время былъ боленъ: сначала у него была простуда, а потомъ развилась натуральная оспа; отъ этой болѣзни онъ и умеръ, еще не достигнувъ шести лѣтъ отъ рожденія. Позлащенный субурганъ его находится нынѣ въ монастырѣ Шачжини-бадарагѣлухчи.

Седьмой халхаскій хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты родился неподалеку отъ Хлассы въ 1850 году и былъ сыномъ простаго тибетскаго мірянина, по имени Мигмара. Объявленный хубилганомъ въ 1851 году, онъ въ 1854-мъ принялъ отъ порчжй-ламы Галданскаго монастыря обѣты

гэгэна¹⁾, приче́мъ получи́лъ свое монашеское имѣ Кайдупъ-данцзэнъ, а въ слѣдующе́мъ 1855 году бы́лъ перевезе́нъ въ Ургу и возведе́нъ на кафе́дру. Никакихъ особыхъ отличі́й отъ богдохана гэгэ́нъ при это́мъ не получа́лъ по́мимо того, что отцу́ его, послѣдова́вшему за своимъ сыно́мъ въ Монголію, было пожаловано право пользоваться ви́шними отличі́ями гү́на. О жизни этого́ ближайшаго къ намъ гэгэ́на мы не имѣе́мъ у себя никакихъ официальныхъ документовъ, но за то преданія о немъ еще такъ свѣ́жи у халхасовъ, что въ настоящую пору было бы совершенно возможно возстановить его исторію изъ года въ годъ. Въ обще́мъ мы можемъ выводять изъ этихъ преданій, что, привезенный въ Ургу пятилѣ́тнимъ малю́ткою, гэгэ́нъ на се́дьмомъ году нача́лъ учиться грамотѣ́ и прилежно изуча́лъ буддйскія писанія́ лѣ́тъ до 12-ти. Окруженный старѣ́йшими ламами, старавшимися развлекать хутухту полезными заняті́ями, гэгэ́нъ въ эту пору особливо пристрастился къ одному изъ своихъ придворныхъ ламъ, не ученому, но доброму старику, по профессіи слесарю и подъ руководствомъ его, говорятъ, все время занимался вы́тачиваніемъ разнаго рода фигурокъ, вплоть до самыхъ сложныхъ бурхано́въ. Но, начиная приблизительно съ 1863 года, на хутухту нача́лъ простирать свое влі́яніе тогдашній ургинскій амба́нъ изъ монголовъ, цэ́цэнъ-ха́нъ, Артаси́дда. По сохранившимся о немъ разказа́мъ халхасовъ, это бы́лъ, можетъ быть, и не лишенный способностей, но развратный и легкомысленный монго́лъ, всю свою жизнь отдава́вший на угоды своему сластолюбію́ и не брезгавшій никакими средствами для удовлетворенія́ своихъ похотей. Получивъ назначеніе на должность ургинскаго амба́на, онъ ве́ль здѣ́сь роскошную (конечно, по китайскимъ поняті́ямъ) жизнь, и имѣ́лъ цѣ́лую толпу наложницъ; а какъ все это требовало усиленныхъ расходовъ, то всякаго рода взяточничество и продажничество въ періо́дъ его управленія́ возросли до ужасающихъ размѣровъ. Когда у него перестало доставать средствъ, доставляемыхъ на удовлетвореніе его прихотей изъ хошү́на, онъ задумалъ воспользоваться богатствами хутухтинскаго са́на (казначейства). Съ дикою фантазі́ею, свойственною развѣ́ одному монго́лу, онъ распусти́лъ о себѣ́ легенду, по которой оказывалось, что онъ, цэ́цэнъ-ха́нъ, бы́лъ шаманомъ и владе́лъ всѣ́ми чарами шаманства въ высшей степени. Само собою разуме́тся, что такое извѣ́стіе должно было поразить ужасомъ монголовъ, суевѣ́рныхъ до паники передъ всякаго рода чароде́йствомъ. Но съ друго́й стороны, преклоняясь

1) Ни отъ далай-ламы, ни отъ баньчэ́на хубилга́нъ принимать обѣ́товъ не могъ, такъ какъ существовавший въ ту пору 11-й далай-лама, Кайдупъ, бы́лъ только 17 лѣ́тъ отъ роду и не принималъ еще на себя обѣ́товъ гэлү́на, а 5-й хубилга́нъ баньчэ́нь-богдо въ это́мъ 1864 году только родился.

предъ силою своего хана, какъ шамана, каждый монголь долженъ былъ и не любить его, ибо всякому было извѣстно, что шаманъ — злобный духъ, врагъ добродѣтельнаго будды; что дагѣ шаманъ если и силенъ, то все же ненавистенъ и, наконецъ, какъ всякое зло, онъ долженъ быть побѣжденъ добродѣтелью. Чтобы соотвѣтствовать такимъ понятіямъ, легенда о цэцэнъ-ханѣ, въ видахъ притомъ и его собственныхъ выгодъ, дополнилась сказаніемъ, что цэцэнъ-ханъ оставилъ свое шаманство, будучи побѣжденъ именно могуществомъ седьмого хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Формы ихъ борьбы были уже готовыя и самыя обычныя въ представленіяхъ халхасовъ: шаманъ цэцэнъ-ханъ въ продолженіе цѣлой ночи низвергалъ на хутухту громовыя стрѣлы съ цѣлюю погубить его, а хутухта совершенно безвредно для себя принималъ эти стрѣлы въ свою орхимчжи, и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока обезсиленный цэцэнъ-ханъ не призналъ себя побѣжденнымъ. Съ этого времени ханъ возблагоговѣлъ передъ хутухтою и началъ часто посѣщать его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мало-по-малу знакомить его съ свѣтскою жизнью и мірскими удовольствіями; онъ частенько посылалъ ему китайскіе обѣды, съ прибавкою китайскихъ ликеровъ, русскихъ наливокъ и европейскихъ винъ, и все это постепенно, но больше и больше развивало въ хутухтѣ чувственность. Чтобы хутухтѣ было веселѣе, цэцэнъ-ханъ представилъ ему двухъ своихъ сыновей, которые своею льстивостью и угодливостью молодому человѣку вскорѣ приобрѣли такое его расположеніе, что хутухта безъ цэцэнъ-хановичей не проводилъ ни одного дня. Планы цэцэнъ-хана начали сбываться очень скоро, ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ младшій сынъ его, принявшій на себя монашескіе обѣты, по желанію хутухты, былъ назначенъ дѣ-ламдою, т. е. ближайшимъ помощникомъ шанцзотбы по управленію шабінскимъ вѣдомствомъ и это почиталось для него, конечно, первымъ и вѣрнѣйшимъ шагомъ къ шанцзотбынству. Весьма вѣроятно, что онъ и достигъ бы такого повышенія, если бы цэцэнъ-хановичи вообще были посперіознѣе и посдержаннѣе, а стремились бы къ своей цѣли болѣе умѣренно. Вновь назначенный дѣ-лама, вмѣсто того, чтобы ознакомиться съ дѣлами управленія, продолжалъ только льстить и угождать хутухтѣ, да стараться отдалить отъ него не только шанцзотбу и старѣйшихъ ламъ, а даже и его родныхъ; другой братъ его, Агэ-гунъ, какъ человѣкъ свѣтскій, былъ еще несдержаннѣе въ своихъ походахъ и еще болѣе возмущалъ монголовъ своимъ поведеніемъ и вліяніемъ на хутухту. Между прочимъ онъ пристрастилъ хутухту къ стрѣльбѣ изъ лука и, по разказамъ придворныхъ ламъ, въ періодъ 1865—1866 гг. хутухта буквально не опустилъ ни одного дня безъ того, чтобы не отправиться за городъ и не позабавиться стрѣльбою. Конечно, въ свою пору ламы не пре-

минули украсить эти потѣхи гэгэна легендарными разказами; говорили, что онъ натягиваетъ луки необычайной силы, что взявъ въ руки такой лукъ, онъ спускаетъ изъ него чуть ни въ десять разъ большее количество стрѣлъ, чѣмъ можетъ сдѣлать это самый сильный обыкновенный человѣкъ и что во всемъ этомъ видно именно божественное величїе хутухты; но фактъ занятїй, недостойныхъ хутухты, оставался фактомъ, а еще болѣе шокировало хутухту въ глазахъ народа то, что послѣ потѣхи стрѣльбою, онъ нерѣдко удалялся въ свой загородный дворецъ, гдѣ проводилъ свое время съ гораздо большею свободой, чѣмъ въ городѣ. Веселыя попойки, табакъ, наконецъ общество непристойныхъ женщинъ, все это порождало массу разказовъ о различныхъ эпизодахъ изъ жизни хутухты. Само собою разумѣется, что не одни цэцэнъ-хѣновичи окружали при этомъ хутухту: ему сопутствовала всегда цѣлая ватага богатой и разгульной ламской молодежи; но, по общему увѣренїю, зло лежало именно въ цэцэнъ-хѣнгѣ и его дѣтяхъ. Постоянно производимыя хутухтою и весьма соблазнительныя забавы побудили ургинскихъ ламъ обратиться наконецъ за помощью къ маньчжурскому амбаню, который, не имѣя возможности прямо остановить хутухту, издалъ однако въ концѣ 1866 г. распоряженіе о привлеченїи къ суду и наказанїю каждаго ламы, который будетъ уличенъ въ жизни и времяпровожденїи, не подобающихъ духовной особѣ. Это распоряженіе побудило хутухту весною 1867 года предпринять поѣздку въ монастырь Амуръ-баяхулантѣ, гдѣ онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, получивъ такимъ образомъ возможность вдали отъ начальства вести прежнюю жизнь; но, возвратившись въ Ургу, онъ сталъ замѣтно меньше безобразничать, по крайней мѣрѣ въ обществѣ своихъ хуварѣковъ, и если продолжалъ попойки и пиршества, то главнымъ образомъ съ князьями. Изъ числа послѣднихъ особеннымъ расположенїемъ хутухты пользовался, во-первыхъ, сынъ Дѣ-цинъ-вѣна тѣшѣтѣ-хѣновскаго аймака. Это былъ, говорятъ, скромный молодой человѣкъ, котораго втягивалъ въ разгулъ уже самъ хутухта. Объ отношенїяхъ ихъ между прочимъ разказываютъ, что лѣтомъ 1867 года хутухта пригласилъ къ себѣ однажды этого молодаго княжича, а засимъ началъ оставлять его спать въ своей юртѣ. Сколько ни отказывался княжичъ, почитая себя недостойнымъ принять такую честь, онъ все же долженъ былъ исполнить волю хутухты хотя тѣмъ, что оставилъ въ его юртѣ всю свою верхнюю одежду въ знакъ того, какъ будто онъ самъ оставался у хутухты, снялъ также и шапку, и поясъ, съ которыми никогда не расстается монголъ. Другїе, при воспоминанїи объ этомъ фактѣ, говорятъ, что это была просто потѣха хутухты, который пропировалъ съ княжичемъ вечеръ, а потомъ раздѣлъ его и пустилъ домой въ одномъ бѣльѣ. Второю любовью хутухты былъ сынъ

дѣйчинъ цзюнь-вана цэцэнъ-хѣновскаго аймака; ему хутухта, говорятъ, дарилъ массу вещей изъ своего сана и между прочимъ отдалъ драгоценную яшмовую чашку, оцѣниваемую въ 5000 р. с. Не меньшимъ расположеніемъ его пользовался и настоящій сѣйнъ-нойнъ, которому хутухта отдалъ вывезенную изъ Тибета нерукотворенную статую будды. Это разбрасываніе своихъ сокровищъ больше всего, конечно, возмущало ургинскихъ ламъ. Съ наступленіемъ 1868 года цэцэнъ-хѣновичи устроили для гэгэна еще новую забаву, уже окончательно переполнившую чашу ламскаго терпѣнія: они представили гэгэну свою сестру, которою онъ увлекся, говорятъ, испустившись до жизни обычнаго семьянина. Эти въ высшей степени зазорныя обстоятельства вызвали собою цѣлый рядъ подметныхъ писемъ и наконецъ изданіе двухъ анонимныхъ прокламацій, которыя въ одно прекрасное утро оказались наклеенными на стѣнахъ хутухтинскаго дворца. Въ этихъ письмахъ и прокламаціяхъ противъ десяти человекъ изъ придворныхъ хутухтинскихъ ламъ выставилось обвиненіе, якобы, подчинившись видамъ цэцэнъ-хѣна, они довели хутухту до того, что послѣдній уже болѣе года оставилъ приличныя его сану занятія священными книгами и началъ вести безпорядочную жизнь. Результатомъ сего было между прочимъ изгнаніе изъ Урги нѣкоторыхъ обвиняемыхъ лицъ, а въ томъ числѣ и сына цэцэнъ-хѣнова, дѣ-ламы: онъ отказался отъ занимаемой имъ почетной должности и возвратился на Хэрүлэнъ, въ хошүнъ своего отца. Многие сопоставляютъ смерть хутухты съ этимъ удаленіемъ его друзей и несомнѣнно, что именно съ весны 1868 года онъ вдругъ заболѣлъ: у него открылись усиленныя кровотеченія изъ носа и съ этой поры онъ постепенно началъ ослабѣвать. Мѣсяца черезъ два хутухта поправился настолько, что лѣтомъ могъ принимать поклонниковъ, а въ августѣ даже присутствовалъ на общественномъ празднествѣ монголовъ (долбнъ-хошұнай нѣдамъ); по возвращеніи однако съ этихъ празднествъ онъ заболѣлъ снова; съ конца сентября пересталъ уже вставать съ постели и умеръ 14-го декабря 1868 г. въ 3 часа полудни.

Кончина Чжэбцзунъ-дамбѣ хутухты повергла Ургу въ глубокую скорбь и заставила не мало поволноваться ургинскихъ монголовъ какъ по разъясненію вопроса о причинахъ этой смерти, такъ и по поводу отысканія новаго хубилгана. Добродѣтельный старикъ лама, когда-то развлекавшій хутухту, обучая его выпиливать изъ дерева бурхѣновъ и непритворно привязавшійся къ нему, какъ это часто бываетъ съ добросердечными дѣлками, услышавъ о смерти своего питомца гэгэна, обошелъ вокругъ города, совершая молитву, а потомъ, вернувшись домой, рѣшился и самъ отправиться по слѣдамъ хутухты. Эта добровольная смерть была провозглашена

ламами какъ доказательство святости старца. Вышепредставленныя отношенія цэцэнъ-хана къ хутухтѣ повели естественнымъ образомъ къ тому, что толпа прямо выставила цэцэнъ-хана виновникомъ смерти хутухты. Два приближенныхъ прислужника хутухты, ставленники и клеветы цэцэнъ-хана, были поэтому немедленно посажены въ деревянные клѣтки и увезены изъ Урги, для преданія наказанію въ хошѹнахъ. Вскорѣ распространился еще слухъ, что нѣкій лама, Дибѹ-самбѹ, подкупленный цэцэнъ-ханомъ, читалъ гүрюмы къ богинѣ Янчжамѹ и произносилъ заклинанія, результатомъ коихъ и была болѣзнь хутухты. Пораженіе этого Дибѹ-самбѹ жабою и смерть его были признаны какъ естественное наказаніе хутухтою своего злодѣя. Многіе выказывали надежду, что, въ виду несомнѣннаго причастія цэцэнъ-хана смерти хутухты, богохѹанъ пришлетъ изъ Пекина особаго амбана для производства слѣдствія по этому дѣлу; но время уходило, слѣдователь не являлся и народъ мало-по-малу обратился къ толкамъ о другомъ наиважнѣйшемъ вопросѣ, относительно появленія новаго хубилгана. Тотчасъ послышались рѣчи, что немедленно по смерти хутухты на небѣ протянулись двѣ радужныя полосы, изъ коихъ одна направилась на юго-востокъ, а другая на юго-западъ, и это видѣли не только многіе монголы, но даже и китайцы. Въ силу такого раздѣленія полосъ, появилось и два мнѣнія о мѣстѣ возрожденія хутухты: одни говорили, что онъ снова возродится въ Тибетѣ, другіе почитали возможнымъ возрожденіе его въ юго-восточной Монголіи. Нѣтъ сомнѣнія, что очень многимъ монголамъ хотѣлось, что бы 8-й хубилганъ Чжэбцзүнь-дамбы возродился бы среди нихъ самихъ. Обозрѣвая событія изъ жизни седьмого хубилгана, эти монголы прежде всего припоминали, что ургинскіе ламы и халхаскіе князья неоднократно предлагали скончавшемуся хутухтѣ съѣздить въ Тибетъ для принятія обѣтовъ и посвященій, но онъ упорно отказывался отъ этого, прямо заявляя, что онъ «никогда не поѣдетъ въ Тибетъ». Въ свою пору подобные отказы вызывали у нашихъ европейскихъ дипломатовъ предположеніе, что хутухта не желаетъ признавать своей духовной зависимости отъ далай-ламы; но это предположеніе было, конечно, настолько же основательно, насколько и объясненія монголовъ, утверждавшихъ теперь, что помянутые отказы хутухты выражали нежеланіе его снова возрождаться и вообще появляться въ Тибетѣ. Порѣшивъ, что хутухта неможетъ возродиться въ Тибетѣ, монголы, основываясь на тѣхъ же симпатіяхъ седьмого гэгэна, предполагали, что онъ можетъ явиться хубилганомъ въ домахъ князей, пользовавшихся его расположеніемъ, таковы дома түшѣтү-хѹновскаго дѹ-цинъ-вана, цэцэнъ-хѹновскаго дѹйчинъ цзюнь-вана и наконецъ сѹйинъ-нойна; говорилось при этомъ, что и извѣстную яшмовую чашку гэгэнь подарилъ цзюнь-вану, именно

готовя эту чашку для себя же, чтобы пить изъ нея по возроженіи въ цзюнь-вановскомъ семействѣ. Все это были однако голоса ламъ и простонародья, что же касается князей и правителей Халхы, то они, пожалуй, даже и не желали возрожденія хутухты въ Монголіи; многіе изъ нихъ открыто говорили, что если бы Чжэбцзунъ-дамба возродился въ одномъ изъ восточныхъ аймаковъ, то западные, конечно, остались бы недовольными и это легко могло послужить для нихъ если не яблокомъ полнаго раздора, то причиной взаимнаго охлажденія въ отношеніяхъ. Рѣшающій голосъ однако во всемъ этомъ дѣлѣ появленія хубилгана принадлежалъ все же тибетскимъ тайновѣдцамъ и къ нимъ поэтому должны были прежде всего обратиться халхасы за разъясненіемъ своего вопроса.

Первую экспедицію съ этою цѣлью было предположено отправить въ Тибетъ лѣтомъ 1869 г.; при чемъ тогдашніе безпорядки въ западныхъ областяхъ внутренняго Китая, равно какъ и въ пограничныхъ съ Тибетомъ провинціяхъ весьма значительно беспокоили халхасовъ. Опасаясь погибнуть отъ разбойничавшихъ въ ту пору почти на всемъ пути между Ургою и Тибетомъ дунганскихъ повстанцевъ, халхасы предполагали совершать этотъ путь даже въ обходъ и намѣчали главнымъ образомъ двѣ дороги: одну по рускимъ владѣніямъ чрезъ Сибирь и Туркестанскій край, а далѣе черезъ Афганистанъ и сѣверную англійскую Индію въ Тибетъ; другую—черезъ Сибирь, Европейскую Россію, Черное и Средиземное моря, Суэцъ, Калькуту и наконецъ въ Тибетъ. Но китайское правительство, говорятъ, увѣрило своихъ подданныхъ въ безопасности ихъ слѣдованія прямымъ путемъ, а потому ургинскіе посланцы и на этотъ разъ ѣхали черезъ Тангутъ. Ко времени ихъ прибытія въ Хлассу въ 1870 году, богдоханъ уже издалъ высочайшій рескриптъ на имя далай-ламы, повелѣвавшій сему послѣднему удовлетворить просьбу халхасовъ и опредѣлить имъ хубилгана Чжэбцзунъ-дамба хутухты.

Хубилганъ этотъ, явившійся восьмымъ живущимъ въ Монголіи видомъ Чжэбцзунъ-дамба хутухты и благополучно здравствующій еще и донныѣ, оказался родившимся въ началѣ 1870 года въ тибетской семьѣ одного изъ приближеннѣйшихъ чиновниковъ далай-ламы; точнѣе сказать, отецъ его состоялъ при дворцѣ далай-ламы въ числѣ распорядителей по хозяйственной части. Такое положеніе въ свою пору дало ему возможность скопить значительные достатки, такъ что отецъ нынѣшняго хутухты могъ почитаться человѣкомъ очень состоятельнымъ. Получивъ это точное извѣстіе о возроженіи хутухты и поклонившись ему, экспедиція возвратилась въ Халху, послѣ чего халхасы начали готовиться къ отправкѣ новаго посольства, собственно для перевезенія хутухты. Имъ хотѣлось исполнить

это дѣло какъ только возможно скорѣе, ибо всѣ несчастія, постигшія въ то время Халху, какъ-то, нашествіе дунганъ, разграбленіе халхаскихъ городовъ и хошунъ, падежи скота, все это объяснялось отсутствіемъ покровителя Халхи—гэгэна. За всѣмъ тѣмъ сборы пословъ затянулись почти на три года и лишь 8-го числа 2-й луны (28 марта) 1873-го г. поѣздъ халхасовъ двинулся изъ Урги за хутухтою. Въ 1874 г. халхасы добрались до Хлассы, въ маѣ двинулись въ обратный путь, а 30 октября того же 1874 г. они привезли своего хутухту въ Ургу. Вмѣстѣ съ малюткою въ Ургу прибыли его отецъ, мать и братья. При возведеніи хутухты на каедру, отцу его было пожаловано право носить гун'скій шарикъ (5-й степ.) и вслѣдъ за симъ почти на цѣлый десятокъ лѣтъ жизнь молодого хубилгана потекла изо дня въ день по обычному порядку: онъ жилъ подъ присмотромъ родителей и своего воспитателя, такъ называемаго йонцзонъ-ламы; въ опредѣленное время учился и игралъ, въ опредѣленное же время ламы выносили его для раздаванія благословенія народу. Мирный покой этой жизни былъ нарушенъ только однажды, когда въ 1878 году въ Ургу былъ назначенъ маньчжурскій амбанъ, Чжи-ганъ, который захотѣлъ измѣнить свои отношенія къ хутухтѣ; но объ этомъ, собственно принципиальномъ вопросѣ, мы будемъ говорить ниже, теперь же въ разсмотрѣніи частной жизни восьмого хубилгана, скажемъ, что дѣтская жизнь его въ кругу родной семьи продолжалась собственно до весны 1882 года, когда въ Ургѣ скончался отецъ хутухты. Съ этого времени гэгэнъ уже не посѣщалъ родного крова: мать хутухты поселилась отдѣльно, живя съ четырьмя своими сыновьями и только ежедневно, въ опредѣленные часы являлась къ своему богдѣ для свиданій. Простая тибетянка, не выше среднихъ лѣтъ, она была, говорятъ, женщина очень умная и съ большимъ тактомъ, оттого влияніе ея на хутухту не прекратилось и послѣ смерти его отца. Она умѣла сдерживать своего сына, который, приходя въ возрастъ, постепенно начиналъ все больше и больше сознавать свое положеніе и выказывать собственную волю. Мало-по-малу онъ начиналъ скучать, тяготиться своею монотонною жизнью, ея однообразіемъ и собственнымъ бездѣйствіемъ. Отъ окружающихъ, большею частію пожилыхъ людей, онъ не могъ получить ничего для себя интереснаго, удовлетворяющаго его юношескимъ стремленіямъ. Въ эту-то пору для хутухты было особенно благотворно влияніе его матери. Утверждаютъ, напримѣръ, что, именно благодаря ея совѣтамъ, хутухта началъ обращаться тогда въ русское консульство, прося присылать ему разнаго рода игрушки съ механизмами, модели, картины, вообще все, что есть интереснаго: особенно понравились ему всякаго рода иллюстрированные журналы, которыми онъ просто увлекался, требуя разъясненія чуть ни на каждую картинку.

Это былъ, конечно, прекрасный предлогъ для образованія хутухты, къ сожалѣнiю, имъ никто не воспользовался. 1885 годъ памятенъ халхаскимъ ламамъ, какъ первый, когда молодой гэгэнъ впервые выказалъ упорное неповиновенiе своимъ наставникамъ и при томъ въ самой грубой формѣ. Дѣло возникло по поводу доклада ламъ о переселенiи въ Хурънъ изъ лѣтняго дворца на рѣкѣ Тѳлѣ. Гэгэнъ, чувствовавшій себя менѣе стѣсненнымъ въ своемъ дачномъ помѣщенiи, захотѣлъ продолжить для себя эту свободу, а когда ханбѣ-лама и йонцѣнъ начали ему противорѣчить, онъ, говорятъ, въ порывѣ своего гнѣва перваго ударилъ въ грудь, а втораго вытолкнулъ въ шею изъ комнаты. Въ этомъ случаѣ опять-таки только мать гэгэна сумѣла смягчить для оскорбленныхъ почтеннѣйшихъ ламъ хуръня горечь понесенной ими обиды и мало-по-малу обуздывать хутухтѣ. Вскорѣ однако хутухта лишился и этого, самаго надежнаго руководителя: мать его умерла въ началѣ 1887 года и вслѣдъ за симъ, никѣмъ не сдерживаемый, хутухта началъ совершенно такую же предосудительную жизнь, какъ и его предшественникъ. Окруживъ себя недостойной и разгульной молодежью, онъ изо-дня въ день устраивалъ попойки и кутежи, началъ курить табакъ, играть въ карты и даже проводить время въ обществѣ женщинъ. Что было хуже всего для ламъ, такъ это именно открытые разъѣзды подкутившаго хутухты по городу и нерѣдко даже дебоши, производимые на улицахъ: наскочить и стоптать кого-нибудь своею лошадыю, затравить какого-либо пѣшехода собаками, — вотъ самыя обычныя потѣхи хутухты. При дворѣ хутухты живетъ еще и доселѣ одинъ добрѣйшій старичекъ-лама въ качествѣ не то какого-то прислужника, не то дядьки. Не обращая никакого вниманiя на свою внѣшность, онъ не брилъ волосъ на головѣ, носилъ бороду и проч. Разказываютъ, что однажды гэгэнъ приказалъ смочить ему головные волосы и бороду керосиномъ и подпалить все это огнемъ; нѣтъ нужды говорить, что несчастный получилъ страшные обжоги, и на лицѣ его навѣки остались слѣды этой потѣхи гэгэна. Слушая такiе разказы изъ устъ очевидцевъ и смотря на слѣды обжоговъ старика, я невольно прибрѣталъ до вѣрiе и къ сказанiямъ о второмъ гэгэнѣ, который, какъ говорилось выше, то бросалъ людей въ рѣку, то привязывалъ ихъ къ хвостамъ неученыхъ лошадей, то предавался другимъ не менѣе дикимъ потѣхамъ. Когда настоящему гэгэну надоѣла самая Урга, онъ перенесъ свои разъѣзды въ прилежащiе Хуръню монастыри, а за симъ предположилъ совершать и болѣе отдаленныя поѣздки, для исполненiя которыхъ всякiй разъ требовалось разрѣшенiе богдохана. Такимъ образомъ лѣтомъ 1887 г. гэгэнъ ѣздилъ въ Эрдэнi-цзѣ. Въ 1888 году онъ хотѣлъ посѣтить Амуръ-баясхулантѣ; но, помимо обычныхъ кутежей, въ этомъ году у гэгэна нашлась и работа.

Совершившееся тогда бракосочетаніе богдохана отняло у хутухты, говоря, мѣсяца два времени сначала на приготовленіе богдохану адреса и подарковъ, за симъ на снаряженіе въ Пекинъ посольства, во главѣ съ однимъ изъ дѣ-ламъ, далѣе на совершеніе торжественныхъ хураловъ и наконецъ на ожиданіе возвращенія пословъ, съ которыми гэгэнъ думалъ получить отъ богдохана милости. Лѣтомъ этого года монголы устраивали свои обычныя всенародныя игры (долбнъ-хошунай нѣдамъ) и такимъ образомъ гэгэну не пришлось никуда поѣхать. Предположеніе свое посѣтить Амуръ-баяхулантѣ гэгэнъ исполнилъ уже въ 1889 году. Поѣздка эта была принята имъ по разрѣшенію богдохана и была обставлена всевозможными приготовленіями и торжественными встрѣчами со стороны монголовъ; результаты ея, по крайней мѣрѣ въ отношеніи исправленія пути, пришлось наблюдать и намъ, какъ замѣчалъ я объ этомъ по дорогѣ изъ Амуръ-баяхулантѣ въ Хурънь (см. стр. 49). Пребываніе гэгэна въ Амуръ-баяхулантѣ было пѣлымъ рядомъ овацій, въ свободное отъ которыхъ время онъ съ удобствомъ могъ предаваться здѣсь разнаго рода увеселеніямъ, не будучи стѣсняемъ ни присутствіемъ амбаней, ни привыкшихъ къ этикетамъ и формализму ургинскихъ ламъ. Увезя съ собою самое пріятное впечатлѣніе объ Амуръ-баяхулантѣ, гэгэнъ въ слѣдующемъ 1890 г. уже два раза ѣздилъ въ этотъ монастырь, въ оба раза оставляя Ургу безъ спроса и безъ сношеній съ богдоханскимъ правительствомъ. Это было уже прямымъ преступленіемъ, такъ какъ, по дѣйствующимъ китайскимъ установленіямъ, гэгэнъ не имѣетъ права оставлять Урги; но самоволіе молодого хутухты относилось съ презрѣніемъ къ этому закону. Онъ уѣзжалъ приблизительно на недѣлю, окруженный шестью-семью молодыми ламами, состоявшими въ самыхъ низшихъ должностяхъ по шабинскому вѣдомству и отличавшимися только наклонностями и умѣньемъ покутить. Конечно, такія поѣздки причиняли не мало заботъ высшему ургинскому духовенству и самимъ амбанямъ, тѣмъ больше что поведеніе гэгэна во время этихъ поѣздокъ было прямо предосудительнымъ. Правда, кутежи гэгэна нисколько не уменьшали его обаянія въ народѣ: послѣдній на всякую эксцентричность въ его поведеніи смотрѣлъ какъ на нѣчто загадочное и всякій его поступокъ старался объяснить въ его пользу, на основаніи своихъ священныхъ книгъ; тѣмъ не менѣе, когда во вторую свою поѣздку гэгэнъ прямо дошелъ до уголовныхъ преступленій, ламы положительно возстали противъ него. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ адъютантовъ и вмѣстѣ собутыльниковъ гэгэна былъ заключенъ въ тюрьму, другіе высланы изъ Урги въ хошунъ. Съ этой поры гэгэнъ какъ будто сталъ скромнѣе и слухи объ его дебошахъ пошли тише, хотя, можетъ быть, это обуславливалось тѣмъ, что во время моего пребы-

ванія онъ не жилъ въ Ургѣ и со времени извѣстнаго пожара, погубившаго его юрты, постоянно находился въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, за городомъ, на берегу рѣки Тѣлы.

Въ настоящую пору хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты имѣеть около 22-хъ лѣтъ отъ роду; роста онъ немного ниже средняго, худощавъ; лицо у него какое-то желтое, безъ малѣйшаго признака румянца и еще болѣе неприятное въ силу всегда присущаго ему выраженія какого-то ребяческаго самоволія и капризнаго упрямства, а равно отъ необыкновенно чувственно развитыхъ губъ. Прилагаемый портретъ, который удалось мнѣ снять съ него, представляетъ его сидящимъ въ одной изъ залъ его лѣтняго дворца, въ его обычномъ домашнемъ костюмѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ далай-лама сдѣлался верховнымъ главою всего ламайскаго міра, избраніе хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты производится не иначе, какъ по его опредѣленію, которое однако не можетъ быть совершенно безъ особаго высочайшаго повелѣнія, издаваемаго по этому поводу богдоханомъ. Такимъ образомъ возрожденіе и существованіе Чжэбцзунъ-дамба-хутухты на землѣ всецѣло обусловливается волею богдохана. Халхаскіе ламы прекрасно сознаютъ это, оттого они и никогда не бывають увѣрены въ томъ, что умершій хубилганъ возродится снова. Уже по смерти 6-го хубилгана въ средѣ ургинскихъ ламъ ходила молва, что всѣхъ хутухтъ

должно быть въ Ургѣ только шесть. Когда въ 1868 году умеръ седьмой хубилганъ, имѣя, по монгольскимъ вычисленіямъ, только двадцатый годъ отъ роду, распространился другой слухъ, что хутухта этотъ долженъ былъ прожить собственно 40 лѣтъ; и если духъ гэгэна, не потерпѣвшій окружавшей его дурной обстановки, оставилъ теперь свою матеріальную оболочку, то новое возрожденіе его можетъ совершиться не ранѣе, какъ черезъ 20 лѣтъ, да и при томъ не извѣстно еще, гдѣ совершится это возрожденіе; говорилось также и то, что хутухтѣ въ Ургѣ должно быть только семь. Несмотря на циркулированіе въ толпѣ всѣхъ этихъ толковъ, 250-лѣтняя привычка къ хутухтѣ, а главное то, что существованіе его обезпечиваетъ большія средства къ жизни не менѣе какъ 25,000 ламъ, побуждаетъ халхасовъ каждый разъ, немедленно же по кончинѣ одного хутухты, начинать хлопоты объ открытіи его новаго перерожденца. Встарину вопросъ этотъ интересовалъ монгольскихъ князей, желавшихъ предоставить мѣсто хубилгана своимъ дѣтямъ, чтобы родствомъ съ великимъ халхаскимъ ламою возвысить и свое собственное благосостояніе; теперь, когда эти князья всецѣло усвоили уже себѣ политику маньчжурскаго двора и хорошо знаютъ, что богдоханское правительство никогда не согласится на возрожденіе Чжэбцзунъ-дамба хутухты въ семьѣ какого-либо халхаскаго князя, они оставили всякія хлопоты по сему предмету. По смерти седьмого хутухты, правда, очень многіе изъ халхасовъ выражали желаніе, чтобы хутухта возродился въ Халхѣ, но это желаніе мотивировалось единственно соображеніемъ о томъ, какъ сократились бы расходы по призванію хутухты на каѳедру, если бы онъ былъ халхасомъ. Въ этого соображенія рѣшительно всѣмъ хотѣлось, чтобы онъ былъ по старому тибетцемъ, наконецъ, даже изъ какой-либо другой страны, только не халхасомъ. Они полагали, что единственно родившійся гдѣ-нибудь вдали хутухта можетъ быть одинаковымъ для всей страны и всецѣло удовлетворять своему призванію. Итакъ, говорю, хлопоты объ опредѣленіи личности новаго хубилгана начинаются немедленно по смерти каждаго гэгэна.

По установленной формѣ, ургинскіе амбани въ самый день кончины хутухты посылаютъ съ особливимъ курьеромъ всеподданнѣйшій докладъ въ Пекинъ съ подробнымъ извѣщеніемъ объ обстоятельствахъ смерти и уже въ этомъ докладѣ они обязаны просить высочайшаго повелѣнія богдохана далай-ламѣ опредѣлить мѣсто и личность, въ которыхъ имѣетъ возродиться новый хутухта. Мѣсяца черезъ три, или четыре послѣ сего изъ Урги, специально отъ шабьнскаго вѣдомства, отправляется посольство въ Тибетъ, имѣющее своею цѣлью представиться далай-ламѣ, сообщить ему о смерти гэгэна, просить его совершить поминки по усопшемъ и опредѣлить

его хубилгана. По прибытіи въ Тибетъ посольство это обыкновенно остается тамъ до избранія новаго хутухты.

До сего времени никогда не бывало случая, чтобы избраніе это за-медлялось по какой-либо причинѣ. Изъ Пекина обыкновенно въ-время вы-сылается указъ далай-ламѣ: «Избрать хубилгана изъ дѣтей тибетскихъ». Въ средѣ лицъ, изучавшихъ Монголію, существуетъ мнѣніе, что пекин-скій дворъ давно уже издалъ распоряженіе о томъ, чтобы Чжэбцзунъ-дамба постоянно перерождался въ Тибетѣ; но мы знаемъ за достовѣрное, что та-кого распоряженія не существуетъ, да и къ чему китайское правительство стало бы создавать себѣ такое ограниченіе, если «сыну неба» всегда не трудно указать мѣсто появленія хубилгана; оно же притомъ можетъ и из-мѣняться, сообразно его видамъ.

Въ Тибетѣ, по полученіи богдоханскаго указа и по прибытіи изъ Халхи посольства шабинаровъ, начинаются предварительные выборы ху-билгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Они совершаются далай-ламою, бань-чэнь-богдо и двумя чойчжонами. Тайновѣдцы эти назначаютъ имена 12 маль-чиковъ, рожденныхъ приблизительно въ одно время (не ранѣе 10 мѣсяцевъ по смерти хутухты) и приказываютъ представить ихъ въ Будаду. Здѣсь дѣти подвергаются изслѣдованіямъ ученыхъ ламъ, которые, по мѣрѣ озна-комленія съ ихъ особенностями, постепенно отстраняютъ обладающихъ мень-шими признаками физическаго существа будды; такъ остаются наконецъ три мальчика, которые признаются собственно хубилганами. На чемъ обо-сновывается первоначальное указаніе двѣнадцати мальчиковъ, сказать трудно. Весьма вѣроятно, что при этомъ имѣетъ вліяніе протекція, можетъ быть и желаніе получить какія либо выгоды, достовѣрно только, что всѣ четыре избирателя предварительно условливаются между собою относи-тельно назначенія кандидатовъ, потому что указанія ихъ, выходя изъ че-тырехъ, повидимому, совершенно особыхъ источниковъ, падаютъ всегда на однѣ и тѣ же личности, что, конечно, служить для буддистовъ доказатель-ствомъ единства и божественности избранія.

Окончательное опредѣленіе хубилгана совершается въ Будагѣ, въ при-сутствіи далай-ламы, баньчэнь-богдо, тибетскаго хана, двухъ калуновъ и особливо командруемаго на эти выборы изъ Пекина маньчжурскаго ам-бана. Имена мальчиковъ пишутся на трехъ отдѣльныхъ бумажкахъ и кла-дутся въ золотую урну (бумбд), откуда, по совершеніи установленнаго хурала, вынимаютъ одну изъ этихъ бумажекъ: имя, написанное на ней, и опредѣляетъ хубилгана, долженствующаго быть отправленнымъ въ Мон-голію. Назначеніе трехъ кандидатовъ обусловливается тѣмъ, что всякій будисатва перерождается отдѣльно тремя частями, составляющими его при-

роду: духомъ, словомъ и тѣломъ. Для препровожденія въ Монголію избирается хубилганъ духа, остальные два мальчика, признаваемые хубилганами слова и тѣла, принимаютъ также ламскія посвященія: они живутъ обыкновенно въ Тибетѣ, пользуются почетомъ и иногда занимаютъ мѣста настоятелей монастырей, основанныхъ Даранатою, а иногда состоятъ просто въ числѣ братіи этихъ монастырей. Что касается хутухты, должностяущаго ѣхать въ Монголію, то онъ, будучи въ періодъ своего избранія одного, много $1\frac{1}{2}$ года отъ роду, обыкновенно отправляется или въ монастырь Дакданъ-пунцукъ-линъ, или въ Балданъ-брай-бунъ, основанные также Даранатою, и живетъ тамъ вмѣстѣ со своими родителями, подъ присмотромъ мѣстныхъ ламъ вплоть по переѣзду своего въ Монголію.

Въ дальнѣйшемъ дѣло избраннаго хутухты ведется такимъ порядкомъ. По окончаніи выборовъ, всѣ члены этой избирательной комиссіи составляютъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану и, скрѣпивъ его подписями, передаютъ его командированному изъ Пекина амбаню для представленія его установленнымъ порядкомъ. Одновременно съ отъѣздомъ этого амбана, возвращается домой и большая часть халхаскихъ пословъ, везя съ собою радостную вѣсть о нахожденіи хубилгана; въ Тибетѣ, при новоизбранномъ хутухтѣ, остаются въ эту пору лишь два или три изъ старѣйшихъ халхаскихъ ламъ. Изъ Пекина, по полученіи вышепомянутаго доклада, посылается въ Ургу богдоханскій указъ, въ которомъ подробно прописывается званіе новаго хубилгана и разрѣшается халхасамъ перевезти его въ Халху. Съ этой поры въ Халхѣ начинаютъ готовиться къ призванію на кафедру хутухты.

Сборы эти никогда не оканчиваются въ періодъ ранѣе двухъ и даже трехъ лѣтъ, да оно и понятно, ибо призваніе хутухты требуетъ громаднхъ расходовъ, приблизительно въ 350—400 тысячъ рублей и большую часть этихъ суммъ нужно бываетъ собрать съ народа. Еще въ прошлую свою поѣздку по Монголіи я слышалъ, что, для приглашенія настоящаго хутухты, съ монголовъ было собрано 150,000 ланъ серебра или около 350,000 руб. сер. на наши деньги. Насколько вѣрно такое показаніе, я не могу сказать положительно, но мнѣ тогда же удалось найти весьма интересный документъ по этой части въ архивѣ мэргэнъ-вановскаго-хошўна. принадлежащаго къ аймаку тўшѣтў-хана. Документъ этотъ есть счетъ втораго дополнительнаго сбора съ аймаковъ по случаю назначенія одного лишняго торжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостатка денегъ, собранныхъ по прежде составленной смѣтѣ и первому дополнительному сбору; онъ интересенъ въ высшей степени, какъ потому, что предоставляетъ намъ все, что потребно на торжествахъ монголовъ, такъ и еще болѣе потому, что показываетъ поря-

докъ распредѣленія суммъ между членами общества. Въ краткихъ словахъ документъ этотъ представляетъ слѣдующее: «Осенью 13 года Буринтү-цзасакчй (года правленія Тунъ-чжи) четыре халхаскихъ аймака, вмѣстѣ съ шабинарами, призываютъ на каедру хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, и, по старому, устройвъ радостное торжество, встрѣтятъ его и поднесутъ мандаля на границѣ. Съ нашего аймака сверхъ прежде собранныхъ 5,000 ланъ для поднесенія дансѹка требуется еще теперь выставить 2,500 ланъ и кромѣ того лошадей, борцовъ, стрѣлковъ въ цѣль и награды для нихъ, а именно:

Верблюдовъ	3	Половинокъ русской кожи	
Лошадей	16	(булигарь)	7
Кусковъ матерій	9	Лисьихъ шкуръ	3
Полукусковъ	1	Овецъ	231
Квадратовъ шелк. матерій	22	Шара-цай	8,828

Въ число сихъ 3,053 ланъ, 9 фынъ (слѣдовательно всѣ исчисленныя вещи оцѣниваются въ 553 лана 9 фынъ) опредѣляется взять изъ жалованья недостаточныхъ дэдъ-да-вана и цзасака Цэрэнъ дондоба деньги въ количествѣ 19 ланъ; объ остальныхъ же постановляется слѣдующее: одну седьмую часть ихъ, 433 лана 4 пина, платятъ нойоны (правители хошѹновъ), а остальные деньги вытребываются съ хошѹновъ. При семъ исключаются отправившіеся въ Тибетъ и цзасакъ Дарма-сэнкэ, умершіе: гунъ Билякъ дордджи и цзасакъ Цэванъ-чжабъ; изъ жалованья же да-цинъ-вана и вана Лосоранъ-бацзэр'а берется половина.

Сборъ распредѣляется такъ:

На плоды	30 ланъ	имъ въ мѣсяцъ на пищу	612 козь
На пиръ три быка.	24 лана	для переѣзда ихъ лоша-	
» 32 овцы	32 лана	дей	219
Стрѣлковъ въ цѣль опре-		готовыхъ полотняныхъ	
дѣляется.	60 чел.	палатокъ	57
При стрѣлкахъ всего	8 »	верблюдовъ подъ выюки	91
Снаряжающихъ стрѣл-		скачущихъ 3-хъ лѣтнихъ	
ковъ	2 »	лошадей	336
Имъ полагаются въ мѣ-		для ухода за ними ко-	
сяцъ на пищу	210 овецъ.	нюховъ	38
борцовъ	200 чел.	имъ по одной лошади, и на	
прислуги у борцовъ	9 »	пищу	219 козь

Вмѣстѣ съ мальчиками, скакунами на лошадяхъ, имъ полагается готовыхъ полотняныхъ палатокъ и вычныхъ верблюдовъ на десятерыхъ по три.

Надсмотрщиковъ за бѣгомъ лошадей 99

Эта смѣта второго дополнительнаго сбора можетъ указать примѣрно во что обходится каждая пирушка монголовъ и каковъ долженъ быть ея характеръ; она же вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣждаетъ насъ, что сумма денегъ, потраченныхъ вообще на приглашеніе хутухты, едва ли преувеличена: по всей вѣроятности, она весьма близко подходитъ къ истинѣ.

Въ составъ поѣзда, отправляющагося за хутухтою, по изстари установившемуся обычаю, назначаются по наряду изъ Халхи: одинъ ванъ (князь 1-й или 2-й ст.), въ званіи начальника экспедиціи; отъ cadaго изъ аймаковъ—по одному князю (степени бэйлэ, бэйсэ, гүна, или цзасакъ-тайчжія); отъ шабінскаго вѣдомства—одинъ дэ-лама и специально отъ ламъ Хуръня Чжабцзунъ-дамба хутухты—эрдэни-ханбэ-лама; означеннымъ лицамъ назначается особое содержаніе по этой командировкѣ. Въ прежнее время князья съ охотою ѣздили въ Тибетъ. Къ каждому поѣзду за хутухтою всегда присоединялось нѣсколько добровольцевъ, а оффиціальное назначеніе въ составъ экспедиціи достигалось только искательствомъ; но теперь такая ревность, кажется, очень охладѣла. Разказываютъ, что въ періодъ поѣздки за послѣднимъ, восьмымъ хубилганомъ Чжабцзунъ-дамба-хутухты халхасы не могли найти даже вана для начальствованія экспедиціею. Время, говорятъ, было тяжелое и смутное; общее число первостепенныхъ князей въ каждомъ изъ халхаскихъ аймаковъ не превосходитъ двухъ-трехъ и къ тому же одни изъ нихъ оказались въ преклонномъ возрастѣ, другіе занимали такія должности по общественному управленію, отъ коихъ ихъ нельзя было освободить даже временно; третьи, наконецъ, отговаривались болѣзнью. Ургинскіе амбаны, на обязанности которыхъ лежитъ снаряженіе и отправленіе поѣзда за хутухтою, получивъ такія заявленія вынуждены были представить богдохану общій списокъ халхаскихъ вановъ, прося его назначить начальника экспедиціи; они разсчитывали, что князь, имя котораго будетъ отмѣчено красной кистью богдохана, долженъ будетъ безъ отговорокъ исполнить свое назначеніе; но и этотъ расчетъ оказался ошибочнымъ.

Жребій палъ на состоявшаго въ званіи цзюнь-вана сайнъ нойновскаго аймака, Гимпиль-дорчжй, болѣе извѣстнаго подъ именемъ далай-вана¹⁾; но

1) Гимпиль дорчжй этотъ вступилъ въ управленіе хошунномъ послѣ отца своего Гунцукъ-чжаба, еще въ 1845 году и имѣетъ собственно родовую степень бэйлэ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ на должность улэсутайскаго амбана. Въ 1871 году, при нападеніи на Улэсутай мятежныхъ хойхэйцевъ, онъ во главѣ монгольскаго и соловскаго отрядовъ вы-

послѣдній, несмотря на указаніе богдохана и самыя настоятельныя требованія ургинскихъ правителей, все же заявилъ, что онъ не можетъ ѣхать въ Тибетъ, во-первыхъ по болѣзни, а во-вторыхъ и потому что онъ единственный сынъ у своей 80-лѣтней матери, которую онъ не можетъ оставить на чужое попеченіе. Предлогъ этотъ настолько уважителенъ по китайскимъ законамъ, что ургинскіе амбаны должны были отказаться отъ своего намѣренія отправить далай-вана и для выбора начальника экспедиціи представили новый списокъ богдохану, въ который помимо наличныхъ вановъ, включили еще и всѣхъ князей 3-й ст., т. е. бэйлэ. Выборъ богдохана палъ въ этомъ случаѣ на цэцэнъ-бэйлэ цэцэнъ-хановскаго аймака, который дѣйствительно и ѣздилъ за хутухтою. Это былъ первый примѣръ того, что во главѣ хутухтинской экспедиціи стоялъ князь 3-й степени. Что касается членовъ экспедиціи, то ихъ, конечно, найти никогда не трудно, ибо къ исполненію этой обязанности всегда можно привлечь какого-либо бѣднаго цзасакъ, готоваго безропотно нести всякое данное ему порученіе. Помимо этихъ высшихъ лицъ посольства, въ составъ экспедиціи входятъ еще нѣсколько тусалакчй, до 50-ти тайчжйевъ и болѣе 200 человекъ разной прислуги, какъ-то: вожаковъ и пастуховъ верблюдовъ, особыхъ лицъ, назначаемыхъ для разбивки юртъ и палатокъ, истопниковъ, поваровъ и проч. Кромѣ этихъ официальныхъ лицъ экспедиціи къ поѣзду присоединяются всегда и добровольные паломники, такъ что общее число движущейся толпы превышаетъ обыкновенно тысячу человекъ. Подъ выюками этого поѣзда отправляется свыше тысячи верблюдовъ, навьючиваемыхъ прежде всего походнымъ дворцомъ самого гэгэна, который, какъ извѣстно, былъ подаренъ второму хутухтѣ императоромъ Юнь-чжэномъ, а со времени пятаго хутухты опредѣленъ Дао-гуаномъ въ отличительное пользованіе всѣмъ Чжабцзунъ-дамба-хутухтамъ. Палатки этого дворца вмѣстѣ съ ихъ желтою оградой движутся всегда впередъ, открывая собою движеніе всего поѣзда. За ними тянется караванъ съ продовольственными вещами экспедиціи, взимаемыми по расчету достатка не только на передній, но и на обратный путь; далѣе вычатся подарки далай-ламѣ, баньчэнъ-богдѣ и

ступилъ имъ навстрѣчу, но не могъ удержать хойхдйцевъ, которые и овладѣли Улясутэмъ. За эту провинность Гимпйль-дорчжй отрѣшили отъ должности амбана и вмѣсто степени вана понизили до родовой его степени бэйлэ. Вѣроятно, поэтому-то Потанинъ въ описаніи своей первой поѣздки 1876—1877 г.г. и называетъ его далай-бэйлэ, хотя въ 1872 г. Гимпйль-дорчжй ѣздилъ въ Пекинъ и сдѣлалъ тамъ пожертвованіе, для содержанія войскъ, въ суммѣ 5000 ланъ серебра, 200 лошадей и 20,000 гиновъ муки; за это ему снова было возвращено достоинство вана. Съ конца 70-хъ годовъ Гимпйль-дорчжй снова исправлялъ должность улясутайскаго амбана и въ это время много способствовалъ украшенію этого города, какъ о томъ уже говорилось на стр. 248, и др.

другимъ знатнымъ ламамъ Тибета; посылаются и нѣсколько व्यюковъ съ жертвоприношеніями (дансукъ) отъ всей Халхи самому нововоплощенному хутухтѣ. Китайское купеческое общество ургинскаго маймачѣна также всегда посылаетъ отъ себя представителей съ дарами хутухтѣ, которые много разъ уже состояли изъ однихъ и тѣхъ же предметовъ: мандала (серебрянаго блюда), 1000 ланъ серебра и нѣсколькихъ кусковъ шелковыхъ матерій.

Помимо официальныхъ представителей отъ Халхи, для сопровожденія хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты въ путешествіи его изъ Тибета въ Халху, богдоханъ назначаетъ еще, по установленію, изъ Пекина одного маньчжурскаго амбана, двухъ царгучевъ и двухъ галай-да. Точный порядокъ требуетъ, чтобы лица эти пріѣзжали въ Ургу и сопутствовали экспедиціи съ самаго начала ея движенія; но обычно дѣло ведется такъ, что всѣ вышепоименованные чины изъ Пекина направляются прямо въ Си-нинъ, или другой какой-либо при куку нѣрскій городъ и уже отсюда ѣдутъ съ экспедиціею вмѣстѣ; изъ Тибета они слѣдуютъ за хутухтою до самой Урги и только по благополучномъ прибытіи гэгэна на мѣсто возвращаются въ Пекинъ. Содержаніе этихъ лицъ стоитъ халхасамъ обыкновенно очень дорого; по изстари установившемуся обычаю, всѣ расходы по содержанію маньчжурскаго амбана принимаетъ на себя шабнское вѣдомство, двухъ царгучевъ содержатъ аймаки тшштү-хановскій и пэцэнъ-хановскій, а двухъ галай-да — сайнъ-нойновскій и цзасактү-хановскій.

День выступленія экспедиціи изъ Урги опредѣляется и оповѣщается по всей Халхѣ мѣсяца за три, чтобы такимъ образомъ дать возможность желающимъ или проводить поѣзжанъ, или пристать къ ихъ каравану. Самые проводы бываютъ весьма торжественны. Наканунѣ рѣшительно во всѣхъ кумирняхъ совершаются пышные хуралы: версты на двѣ слышатся тогда звуки громадныхъ ламскихъ трубъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, а надъ всею Ургою стоитъ дымъ отъ священныхъ куреній и благовонныхъ курительныхъ свѣчей. Народъ стекается отовсюду. Въ день выѣзда представители экспедиціи и все мѣстное начальство, во главѣ съ амбанами, собираются во дворцѣ гэгэна и, по отправленіи послѣдняго молебствія, трогаются въ путь. Вся администрація Урги провожаетъ экспедицію за городъ и, миновавъ Гандагъ, останавливается въ заранѣ приготовленныхъ здѣсь палаткахъ, чтобы выпить послѣднюю чашку чая. Здѣсь происходитъ конечное прощаніе, экспедиція откланивается амбанямъ и трогается, хотя опять не надолго. Проѣхавъ одну станцію, поѣздъ останавливается снова, проживая на берегу рѣки Тобы приблизительно дня три, чтобы приготовиться въ дальнѣйшій путь окончательно: дополнить недостающее

или забытое, оставить излишнее и т. д. Многие изъ князей и простолюдиновъ провожаютъ экспедицію черезъ всю Халху вплоть до кочевьевъ внутреннихъ монголовъ.

Всѣ экспедиціи, отправлявшіяся доселѣ въ Тибетъ за хубилганами Чжэбцзунъ-дамба-хутухты всегда выступали изъ Урги въ періодъ между второю половиною февраля и послѣдними числами марта. Поступаютъ монголы такимъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы успѣть до наступленія самыхъ сильныхъ жаровъ достигнуть Хуху-нѹра и въ тамошнихъ степяхъ заправить своихъ верблюдовъ, которые, какъ извѣстно, не способны къ трудной ходьбѣ въ лѣтнюю пору. Двигается поѣздъ обычно по кочевьямъ тушѣту-хѣновскаго и сайнъ-нойновскаго-аймаковъ, а засимъ черезъ хошунъ алашаньскаго-вана въ Хуху-нѹръ. Простоявъ въ хуху-нѹрскихъ степяхъ до осени, экспедиція продолжаетъ свой путь далѣе приблизительно съ октября мѣсяца и является во Хлассу или въ самомъ концѣ декабря, или въ январѣ.

Такъ какъ въ Хлассѣ еще задолго до прихода экспедиціи бываетъ уже извѣстно время ея прибытія, то управленіе далай-ламы заранѣе заботится приготовить помѣщенія для прїѣзжихъ и отводитъ таковыя главнымъ образомъ въ окружающихъ Хлассу монастыряхъ. Отдохнувъ, халхасы представляются всѣмъ духовнымъ владыкамъ Тибета и всѣмъ имъ приносятъ или дансукъ, или мандалъ, а засимъ начинаютъ хлопотать главнымъ образомъ о томъ, чтобы преподать своему хутухтѣ побольше посвященій. Въ ихъ присутствіи хутухта принимаетъ обыкновенно монашескіе обѣты, при нихъ же получаетъ и такъ называемый «камбѣйнъ-чжинанъ», т. е. посвященіе въ настоятели; только послѣ этого почитается возможнымъ везти хутухту въ Халху.

Обратный путь съ хутухтою халхасы совершаютъ по той же дорогѣ съ тою разницею, что поѣздъ ихъ на этотъ разъ еще больше увеличивается, ибо хутухту всегда провожаютъ до своихъ границъ и тибетцы. На всемъ пути отъ Хлассы до Алашани хутухту, по установленію, конвоируютъ еще отъ одного города до другого мѣстные китайскіе гарнизоны. Чтобы, по возможности, сохранить силы своего скота, халхасы обыкновенно ѣдутъ по Тибету на якахъ, которыхъ они нанимаютъ у мѣстныхъ жителей и только отъ южныхъ предѣловъ Хуху-нѹра поѣздъ снова движется на верблюдахъ и лошадяхъ. Съ сѣверныхъ границъ Тибета поѣздъ значительно сокращается, ибо всѣ тибетцы возвращаются домой. Вступивъ въ Тангутъ, халхасы всегда посылаютъ дары предводителямъ мѣстныхъ тангутскихъ поколѣній; это, конечно, ни что иное, какъ задариваніе вождей этихъ полудикихъ и полунезависимыхъ племенъ, чтобы они не грабили и не безо-

ковли экспедицію. Какъ уже говорилось выше, поѣздъ во все это время находится подъ высшимъ распоряженіемъ высылаемаго изъ Пекина маньчжурскаго амбана; но, при призваніи послѣдняго хутухты, правительство, опять-таки впервые, не откомандировывало нарочнаго амбана изъ Пекина, а назначило для сопровожденія хутухты отбывшаго въ ту пору срокъ своей службы второго амбана Хлассы. Онъ выѣхалъ изъ Будабы, говорятъ, десятью днями позже хутухты и, несмотря на медленность слѣдованія хутухтинскаго поѣзда, не могъ догнать его. Миновавъ Хухъ-нуръ, экспедиція прождала амбана 17 дней и, не будучи въ состояніи дожидаться, двинулась далѣе по Монголіи. Оказалось, что амбанъ этотъ, достигнувъ Донкѳра, послалъ докладъ въ Пекинъ и сообщилъ халхаскому начальнику поѣзда, что по болѣзни онъ, амбанъ, догнать экспедиціи не можетъ и слѣдовать за нею далѣе не въ силахъ. вмѣстѣ съ амбанемъ въ Донкѳрѣ остались и другіе маньчжурскіе чины, такъ что въ Ургу хутухта прибылъ исключительно съ своими поклонниками халхасами. На границу Халхи съ южной Монголіей на встрѣчу хутухтѣ всегда выѣзжаетъ шанцзотба, какъ представитель шабинскаго вѣдомства, многіе видные ламы, нѣкоторые князья и массы народа; здѣсь они подносятъ гэгэну дансукъ и засимъ вся эта толпа направляется вслѣдъ за гэгэномъ въ Ургу, постепенно прибывая и увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ по мѣрѣ приближенія къ этому городу.

По прибытіи къ Хуръню, хутухта не ѣдетъ прямо во дворецъ, а всегда на день, или на два, останавливается на степи, близъ Гандана, неподалеку отъ своихъ лѣтнихъ дачъ и живетъ здѣсь въ своемъ походномъ, такъ называемомъ «желтомъ» дворцѣ, устраиваемомъ за желтой полотняной оградой. Отсюда въ назначенный, счастливый день хутухту вносятъ въ Хурънь на желтыхъ носилкахъ. Для входа хутухты въ Хурънь всегда отдѣлываютъ особыя триумфальныя ворота, которыя находятся въ юго-западной части Хуръня и въ обычное время представляютъ собою полуразрушенный деревянный остовъ воротъ, сажени въ двѣ шириною и въ одну или полторы сажени длины; на вершинѣ ихъ всегда остается воздвигнутымъ субурганъ, во время же прохода черезъ нихъ хутухты они увѣшиваются хадаками, шелковыми матеріями и украшаются золотомъ и серебромъ. Внесенный въ Хурънь, хутухта направляется прежде всего въ Барунъ-ѳргѳ, или кумирню Абатая, гдѣ его встрѣчаетъ тѣшѣтѣ-ханъ какъ ближайшій родственникъ Чжэбцзунъ-дамбы. По обычаю, ханъ вмѣстѣ съ своею женою долженъ встрѣтить хутухту у дверей Барунъ-ѳргѳ, ввести его въ юрту, собственными руками развести огонь въ таганѣ и поставить котелъ; а ханьша должна сварить въ этомъ котлѣ чай и мясо, чтобы поднести гэгэну эту пищу. По окончаніи сказанной церемоніи хутухта снова

садятъ въ носилки и переносятъ въ Цокчйнъ. Здѣсь его встрѣчаютъ высшія свѣтскія власти Хуръня, и подносятъ ему дансукъ, передъ началомъ котораго совершается отъ лица китайскаго богдохана передача гэгэну его власти и символовъ ея, состоящихъ въ золотой печати и грамотѣ на владѣніе ею, писанной на золотомъ листѣ. Печать передаютъ гэгэну ургинскіе амбаны, у которыхъ хранится она со дня смерти предшествовавшаго гэгэна, грамота же на золотомъ листѣ присылается для каждаго гэгэна отдѣльная. Текстъ ея, какъ извѣстно, утвержденъ богдоханомъ въ 1834 году и отъ слова до слова гласитъ слѣдующее:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

Въ переводѣ это значить:

«Грамота велѣніемъ неба управляющаго временами Хуан-ди.

Совокупивъ воедино живущихъ въ Поднебесной и управляя тьмами народовъ, я, для побужденія ко всякому совершенству обитателей различныхъ удѣловъ всѣхъ царствъ, раздаю имъ преимущественныя имена и титулы съ тѣмъ, чтобы, стремясь войти въ милость, они тщательно исполняли бы свои обязанности, благоговѣнно храня основную вѣру, разумно руководя непросвѣщеннымъ народомъ и оказывая пользу дѣламъ правительства. Хубилганъ! Чжэбцзунъ-дамба-лама твоего перваго перерожденія, исполненный врожденной мудрости, просвѣтилъ свою душу, подобно луиъ, издревлѣ утвердившейся въ дѣянїяхъ непорочности, и постигъ высочайшее ученіе западныхъ странъ. Посему я и восхвалялъ его. Нынѣ, соизволяя на награжденія, рассмотрѣвъ прежнія постановленія и снова проливая милость, я превозношу тебя, лама, пятое перерожденіе, титуломъ Чжэбцзунъ-дамба-ламы, «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ» и жалую грамоту на золотомъ листѣ. Такъ какъ этимъ самымъ ты, лама, дѣлаешься великимъ ламою, котораго будутъ чествовать всѣ четыре халхаскіе аймака, то ты долженъ съ молодыхъ лѣтъ этой жизни тщательно прилежать къ ученію побѣдоносныхъ и изучать его правою и истинною мыслию. Слѣдуя старымъ правиламъ перваго перерожденія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, ты долженъ распространять желтую вѣру и доставлять благо одушевленнымъ существамъ. Наслѣдуй въ вѣчности корень побѣдоносныхъ и, непреложно распространяя мою желтую вѣру, доставляй благо всѣмъ живущимъ; объедини все въ твоемъ благосклонно взирающемъ вниманіи и постарайся тщательно прилежать къ таинственнымъ дѣянїямъ ученія побѣдоносныхъ. Не небрежи, но, наставляя и управляя всѣми ламами, всѣхъ совокупно побуждай къ совершенству въ правотѣ и истинѣ!»

Далѣе жизнь гэгэна проходитъ почти невѣдомо для обыкновенныхъ смертныхъ въ глубинѣ его дворца, хотя изъ рассмотрѣнія вышепредставленныхъ частныхъ біографій хутухты мы и можемъ составить себѣ о ней, повидимому, довольно ясное представленіе. Дѣтство гэгэна проходитъ всегда тихо, въ занятїяхъ науками и невинныхъ забавахъ. Обученіе его ввѣряется особому ламѣ, пользующемуся титуломъ «номунъ-хана» (царя священнаго ученія), а воспитаніе поручается двумъ ламамъ, изъ которыхъ старшій носитъ титулъ йонцзунъ-хамбѣ-ламы (должность эта учреждена въ 1840 году), а второй называется «чжабтуй-лама». Такъ какъ, согласно постановленїямъ богдоханскаго правительства, Чжэбцзунъ-дамба официально не имѣетъ у себя теперь уже никакой власти и лишенъ права какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго упра-

вленія, то значеніе его — чисто религіозное. Какъ воплощеніе бодисатвы, какъ живущее среди людей божество, хутухта пользуется, можно сказать, безграничнымъ почитаніемъ народа; отсюда его вліяніе легче всего можетъ устроить доброе согласіе между князьями и хошүнами, вызывать содѣйствіе всякаго рода благу жизни. Китайцы хорошо понимали это, оттого-то въ свою пору они и ухаживали за хутухтою, постоянно оказывая ему свое вниманіе, чуть ни каждый годъ вызывая его на аудіенціи къ богдохану и разсыпая передъ нимъ знаки своего благоволенія и награды. Впослѣдствіи, когда монгольскіе князья начали терять свое значеніе, стали охладѣвать и отношенія богдохановъ къ хутухтамъ и можно сказать, что пропорціонально паденію монгольскихъ князей, сокращались и почести, воздаваемые китайцами Чжэбцзүнь-дамба-хутухтѣ. За истекшее пятидесятилѣтіе, когда монгольскіе князья обезсиѣли уже до того, что обратились прямо въ рабовъ Китая, хубилганы Чжэбцзүнь-дамбы не только не получали ни одной награды, но съ 1840 года ни одинъ изъ нихъ и не представлялся богдохану, а за послѣднее время на прерогативы хутухтинскаго величія простерло свое посягательство не только центральное богдоханское правительство, а даже и мѣстныя ургинскія власти. Въ 1878 г. въ Ургу на должность маньчжурскаго амбана прибылъ Чжи-ганъ, который впервые задумалъ измѣнить обычай привѣтствованія Чжэбцзүнь-дамба-хутухтою амбаней. Согласно изстари установившимся порядкамъ, амбаны, при своихъ свиданіяхъ съ хутухтою, всегда дѣлали передъ нимъ три земныхъ поклона и засимъ обмѣнивались хадаками. Такъ было искони вѣковъ. Чжи-ганъ въ первый же день по фактическомъ принятіи на себя обязанностей ургинскаго амбана и пребыванія своего въ ямунѣ, командировалъ гуна Цэрэнъ-дорчжи и одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, Гѣмбо-чжаба, къ ханбб-ламѣ и шанцзотбѣ, съ порученіемъ довести до свѣдѣнія этихъ чиновниковъ, что далай-лама и баньчѣнь-богдо, при встрѣчѣ съ тибетскими сановниками, встаютъ съ своихъ сѣдалищъ, дѣлаютъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу и мѣняются хадаками. Приличествуетъ посему, чтобы и Чжэбцзүнь-дамба соблюдалъ тѣ же этикеты, что далай-лама и баньчѣнь-ринбочѣ. Если же хутухтинское духовенство не желаетъ послѣдовать этому, то онъ, Чжи-ганъ, предполагаетъ войти по сему вопросу съ особымъ высочайшимъ докладомъ. Ханбб-лама и шанцзотба отвѣчали на это, что Чжэбцзүнь-дамба вообще при встрѣчахъ съ амбанами никогда не вставалъ съ сѣдалища, и какимъ образомъ утвердился этотъ обычай, они не знаютъ, относительно же видоизмѣненія его могутъ дать отвѣтъ не иначе, какъ по совѣщаніи съ князьями всѣхъ четырехъ аймаковъ. Чжи-ганъ отвѣчалъ, что въ виду необходимости его свиданій съ хутухтою онъ не будетъ ждать совѣщаній, а требуетъ

немедленнаго отвѣта. Шабйицы смутились, доложили близъ живущимъ князьямъ и, по опредѣленію ихъ, рѣшили представить это дѣло и поручить вести переговоры по нему тогдашнему монгольскому амбаню, На-бѣйсэ, который прежде всего долженъ былъ заявить Чжи-гану о желаніи всѣхъ монголовъ сохранить старый обычай, чтобы хутухта не вставалъ съ мѣста. Такимъ образомъ начали переговариваться между собою уже амбани и порѣшили на томъ, что когда Чжи-ганъ пріѣдетъ къ хутухтѣ, то послѣдній будетъ сидѣть и не встанетъ съ своего мѣста, но амбанъ не будетъ дѣлать хутухтѣ трехъ земныхъ поклоновъ и они просто обмѣняются хадаками.

Съ тѣхъ поръ маньчжурскіе амбани уже не дѣлаютъ троекратнаго земнаго поклоненія передъ хутухтою. Правда, назначенный въ 1886 году амбанъ Аньдэ, будучи солономъ по происхожденію и буддистомъ по вѣрѣ, являлся усерднымъ почитателемъ и поклонникомъ хутухты, но и онъ воздавалъ ему божескія почести лишь частнымъ образомъ, при официальныхъ же церемоніяхъ обходилъ хутухту, не удостоивая даже и правовѣрнаго поклона. Нѣтъ нужды говорить, какъ все это постепенно поднимаетъ значеніе амбаней и сокращаетъ величіе хутухты, по крайней мѣрѣ въ глазахъ мѣстныхъ, ургинскихъ жителей. Болѣе отдаленные монголы мало знаютъ объ этихъ событіяхъ, оттого ихъ идеализація могущества и величія хутухты остается почти нетронутою: въ ихъ благоговѣйномъ представленіи онъ продолжаетъ быть тѣмъ же божествомъ, предъ которымъ можно только падать ницъ въ сознаніи своего ничтожества. Толпы ламъ, разказывающихъ разныя небылицы о жизни и чудесахъ гэгэна и старающихся объяснять таинственно-религіознымъ смысломъ каждый, даже самый уродливый и циничный поступокъ хутухты, еще болѣе вселяютъ въ суевѣрномъ народѣ благоговѣніе къ хутухтѣ. Сравнительная замкнутость и недоступность хутухты, равно какъ и тѣ внѣшняя обстановка и великолѣпіе, въ которыхъ является онъ къ народу, дѣйствуютъ на массу также поразительно. Вотъ почему къ хутухтѣ со всѣхъ сторонъ тянутся толпы поклонниковъ и не только халхасовъ, но также точно южныхъ монголовъ, солдоновъ, дѣлѣтовъ, дурбѣтовъ, тангѣтовъ и наконецъ нашихъ бурятъ и калмыковъ.

Выясненіе отношеній къ хутухтѣ нашихъ подданныхъ было для меня однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ вопросовъ, при чемъ я затрудняюсь даже и передать всѣ собранные мною факты по сему предмету. Въ общемъ, относительно калмыковъ надлежитъ сказать, что паломничество ихъ сюда началось собственно не далѣе 1880 года, когда въ Ургу впервые проѣхала вдова одного изъ калмыцкихъ нойдновъ, Дугарова. Съ тѣхъ поръ отъ четырехъ до десяти калмыковъ изъ года въ годъ посѣщало Ургу. За это время они проѣздили и оставили тамъ не менѣе полумилліона

Переводъ:

«Грамота предмета чествованій (поклонниковъ) желтой вѣры въ сѣверныхъ странахъ, по высочайшему повелѣнію великаго богдохана великаго Дайцинскаго Государства возвеличеннаго титулами «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ», Чжэбцзунъ-дамба-хутухты.

По высочайшему повелѣнію государя великаго Россійскаго государства награжденному званіемъ «бандита-канбб», монголо-бурятскому габджу, Данцзанъ-дампигу.

Причина пожалованія (ему) грамоты, (писанной) на желтомъ атласѣ.

Бандита-камбб, габджу, Данцзанъ-дампиг! Ты, по силѣ искони благоговѣнно положенныхъ добродѣтельныхъ предопредѣленій, родившись на пограничной окраинѣ великаго государства, отъ юности благоговѣлъ передъ ученіемъ будды, глубоко постигъ и усвоилъ себѣ разнаго рода священныя книги и изреченія, соорудилъ многочисленныя удивительныя предметы поклоненія и распространилъ ученіе въ сѣверной странѣ до степени величественнаго блеска. Нынѣ, будучи превознесенъ повелителемъ великаго государства, награжденъ отъ него титуломъ «Бандита-канбб» и собственноручною его грамотою, ты руководишь ко благу многочисленныхъ и малосвѣдующихъ учениковъ и таковая твоя дѣятельность (являетъ собою) чрезвычайно важныя заслуги. Радостно взирая на это, я, хутухта, принимаю въ руководство для дальнѣйшаго не одно только благоговѣніе передъ желтою вѣрой, но и то, что, по нашимъ желтымъ (= религіознымъ) постановленіямъ, есть обычай, чтобы высшіе ламы, вроде банчэнь-эрдэни и далай-ламы, восхваляли подобныя заслуги, поощряли ихъ и выдавали жалованныя грамоты. Данцзанъ-дампиг! Ты хотя и принадлежишь къ монголамъ, состоящимъ въ русскомъ подданствѣ, тѣмъ не менѣе, заслуживъ благоволеніе государя великаго государства, имѣешь въ своемъ управленіи свыше тридцати дацановъ. Сверхъ того повелители нашихъ двухъ государствъ миролюбиво заключили между собою договоры и постановили обоюдно доставлять пользу для своихъ низшихъ подданныхъ. Высочайшая воля глубоко премудра и по истинѣ достойна удивленія. Того ради и я, хутухта, тщательно послѣдуя высочайшей волѣ, восхваляю тебя, Бандита-канбб, Данцзанъ-дампиг, превозношу тебя титуломъ: «Майдаръ-ном'унг-хана» и жалую тебѣ принадлежность камбб'скаго званія (сѣдалище, заключающее въ себѣ) семь подушекъ изъ атласа, затканнаго драконами, съ такою же спинкою. Благоговѣя передъ такою моею милостью, молись и тщательно содѣйствуй укрѣпленію правленія государей обоихъ имперій, пребыванію ихъ въ мирѣ и спокойствіи, а равно постоянно заботься объ охраненіи и распространеніи желтой вѣры.

Сего ради утвердивъ собственноручный знакъ на этой жалованной и поучительной грамотѣ, я препроводилъ (ее).

Писана изъ Большого хуръня, Рибогэжигандагъшатдублинъ, въ счастливый день, 25-го числа послѣдней лѣтней луны, лѣта земли и коровы, въ 15 годъ правленія Гуанъ-суй (т. е. 10 июля 1889 г.).

Грамота, данная на имя ширѣту'я, уже гораздо короче и далеко не такъ цвѣтиста, какъ первая. Вотъ ея монгольскій текстъ дословно:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Въ переводѣ это значить:

«Отъ владыки желтой вѣры сѣверныхъ странъ, возвеличеннаго, по высочайшему повелѣнiю августѣйшаго богдохана Дайцинской имперiи, титулами «просвѣтителя вѣры» и «благодѣтеля одушевленныхъ существъ», гэгэна Чжэбцзунъ-дамба-хутухты.

Сотруднику монголо-бурятскаго «майдаръ-номунъ-хана» Данцзанъ-дампила, награжденнаго, по высочайшему повелѣнiю великаго русскаго государя, титуломъ бандита-камбб, благоговѣйному исповѣднику желтой вѣры и также бурятскому габжэу, Банданъ-иши пожаловали мы титулъ «мэргэнъ-камбб» и сѣдалище въ пять штофныхъ подушекъ, со сплянкою. Благоговѣя передъ такою милостью, долженъ ты послѣдовать Бандита-камбб майдаръ-номунъ-хану и, охраняя желтое ученiе, содѣйствовать распространенiю

онаго. Того ради утвердивъ собственноручный знакъ на этой жалованной поучительной грамотѣ, я препроводилъ (ее).

25 числа послѣдней лѣтней луны 15-го года правленія Гуанъ-ской.

Для своего собственнаго народа гэгэнъ является теперь весьма мало доступнымъ и, помимо лишь незначительнаго числа приближенныхъ лицъ, его почти никто не видитъ. Встарину хутухты чуть ни каждое лѣто перѣзжали съ мѣста на мѣсто, путешествовали по Халхѣ, по южной и восточной Монголіи, наконецъ ѣздили въ Тибетъ; лучшую характеристику этихъ поѣздокъ представляетъ изданный мною въ монографіи «Ургинскіе хутухты» переводъ путешествія 4-го хубилгана въ Эрдэни-цзү; но за послѣднее время все это прекратилось. Настоящій хутухта за всѣ 20 лѣтъ своего проживанія въ Ургѣ выѣзжалъ съ разрѣшенія богдохана, а слѣдовательно не скрываясь отъ народа, всего два раза и народъ можетъ видѣть его теперь только на праздникахъ, да на поклоненіяхъ. Поклоненія гэгэну бывають трехъ родовъ. Первое — «дансукъ ургуху», самое торжественное и потому къ совершенію его нужны большія средства, да и къ участию въ немъ всегда стекается множество народа. Прежде дансукъ совершался Монголами довольно часто, по нѣскольку разъ въ годъ: онъ былъ выгоденъ для ламъ, и, по ходатайству ихъ, гэгэны то и дѣло посылали бадарчиновъ (сборщиковъ подаяній) въ степь, съ проповѣдью о необходимости почитанія святыхъ ламъ и принесенія имъ жертвъ, дабы молитвами этихъ святыхъ избавиться отъ смутныхъ временъ въ мірѣ. Но со временъ пятаго хутухты китайское правительство запретило эти постоянные сборы народа въ Ургу, и постановило правиломъ, чтобы халхаскіе нойоны подносили гэгэну дансукъ не ранѣе какъ черезъ три года, и, въ видѣ особенной милости, разрѣшило совершать эту церемонію ежегодно только шабинарамъ. Торжество это обыкновенно совершается въ концѣ 7-й, или въ 8-й лунѣ, приблизительно около нашего августа. Всѣ 13,000 ургинскихъ ламъ собираются въ соборномъ Цокчинскомъ храмѣ, со звуками инструментовъ вносятъ они подъ балдахиномъ своего гэгэна, и посадивъ его на высокій престолъ, поддерживаемый статуями четырехъ стоящихъ львовъ, начинаютъ читать молитву дансұка, обращенную къ гэгэну. Содержаніе этой молитвы есть просьба, чтобы гэгэнъ не покидалъ того брэннаго тѣла, которое онъ теперь принялъ на себя, не оставлялъ бы сирору своей паствы, но жилъ бы во вѣки вѣковъ и всегда руководилъ и покровительствовалъ ей ко спасенію. Засимъ на серебряныхъ блюдахъ подносятся гэгэну жертвы, состоящія изъ серебра, шелковыхъ матерій, драгоценныхъ камней и проч. Стоимость дансұка можетъ быть никакъ не менѣе тысячи ланъ, если подносятся онъ однимъ лицомъ. Дансукъ шабинаровъ, приносимый теперь ежегодно, оцѣни-

вается обыкновенно отъ 10 до 12 тысячъ ланъ, а дансукъ халхаскихъ князей — отъ 50 до 60 тысячъ.

Второе поклоненіе, съ приношеніемъ мандала, совершается ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день, различными лицами: оно бываетъ не въ кумирнѣ, а въ пріемной залѣ жилища самого хутухты. Это обыкновенное поклоненіе всѣхъ Монголовъ, состоятельныхъ настолько, чтобы заплатить 150 р. с. Желающій поклониться такимъ образомъ долженъ отправиться въ хутухтинское казначейство, внести тамъ 50 ланъ серебра и засимъ ламы выдають ему уже готовый по всѣмъ правиламъ и во всѣхъ отношеніяхъ мандагъ. Мандагъ собственно есть серебряное блюдо, на которомъ выковано изображеніе всего міра въ томъ видѣ, въ которомъ существуетъ онъ по понятіямъ буддѣйской космологіи. На это блюдо насыпаются зерна пшеницы, перемѣшанные съ небольшими раковинами, серебряными монетами и т. п. Это-то блюдо и подносятъ, ставъ на одно колѣно и наклонивъ голову, поклоняющійся, а гэгэнъ даетъ ему свое благословеніе, выражаемое возложеніемъ руки на голову. Символическое значеніе мандала есть врученіе покровительству и заступничеству гэгэна — всего міра; такимъ образомъ поклоняющійся съ поднесеніемъ мандала представляетъ высшее доказательство своего челоуѣколюбія и вѣры.

Что касается третьяго простонароднаго поклоненія гэгэну, то оно совершается на площади, передъ дворцемъ гэгэна, гѣтомъ черезъ день, зимою нѣсколько рѣже, иногда черезъ 5 и 6 дней. Прежде эти поклоненія бывали ежедневно, но еще со временъ третьяго гэгэна, именно въ 1764 году, китайское правительство отмѣнило эти ежедневныя поклоненія, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что хутухта утомляется этими церемоніями, и съ тѣхъ поръ вошелъ въ обычай настоящій порядокъ. Толпы поклонниковъ усаживаются длинными рядами прямо отъ воротъ гэгэновскаго дворца, и въ этомъ положеніи ожидаютъ его появленія. Можно удивляться съ какимъ благоговѣніемъ смотря всѣ они въ сторону, откуда долженъ появиться гэгэнъ, и какая тишина царствуетъ во все это время, ддящееся для нѣкоторыхъ иногда два и три часа. Наконецъ гдѣ-то вдали еле-еле слышались тонкіе звуки флейтъ, вотъ они растутъ и растутъ, дѣлаются сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ слышны ясно; это значитъ, что хутуха вышелъ изъ своихъ покоевъ и появился на второмъ дворѣ, вмѣстѣ съ предшествующею ему свитою. Шествіе изъ воротъ открываютъ попарно ламы, несущіе свернутые въ трубку барсовыя шкуры, которыя назначаются для того чтобы разгонять народъ; но здѣсь разгонять не кого: всѣ сидятъ такъ тихо, что въ этой тишинѣ слышатъ каждый шагъ мѣрно ступающей въ парахъ свиты гэгэна. За двумя парами разгонщиковъ слѣдуютъ, также въ парахъ, двад-

цать четыре тѣлохранителя, за ними шесть флейтистовъ и наконецъ самъ гэгэнъ, несомый въ желтыхъ носилкахъ, на высотѣ $1\frac{1}{2}$ сажень, восемью гэдүнами. По выходѣ за ворота дворца, гэгэну подаютъ съ обѣихъ сторонъ носилокъ по одному хурдэ; это два длинныхъ шеста, обшитыхъ желтою шелковою матеріею; на одинъ конецъ ихъ, верхній, хутухта кладетъ свои руки, другой — нижній, къ которому собственно прикрѣплено хурдэ (цилиндръ металлическій или деревянный со вложенными въ него священными книгами), беретъ въ руки ламă и кладетъ по-очередно на головы поклонниковъ. Обошедъ ряды, хутухта скрывается при звукахъ тѣхъ же инструментовъ, и народъ благоговѣнно ожидаетъ, пока они совсѣмъ не замолкнутъ вдали жилища богочеловѣка.

На праздникѣ Майдари, цамѣ и торжественныхъ играхъ хутухта участвуетъ какъ обыкновенный зритель, занимая только первое мѣсто. Въ одеждѣ своей онъ ни чѣмъ не разнится здѣсь отъ обыкновенныхъ ламъ, за тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что на шапкѣ у него утверждается золотая фигура вачира. Впрочемъ, это не есть ни принадлежность его какъ гэгэна, ни какой-либо знакъ отличія, дарованный гэгэну пекинскимъ правительствомъ. Фигура вачира, укрѣпленная на шапкѣ, была собственно отличительнымъ знакомъ түшѣтү-хановъ и пожалована далай-ламою впервые Абатай-хану, почему въ монгольскихъ лѣтописяхъ онъ и извѣстенъ подъ именемъ «вачирай-сайнъ-ханъ»; впоследствии этотъ отличительный знакъ переходилъ послѣдовательно къ сыну Абатай-хана и внуку его; когда же послѣдній вступилъ въ подданство Китая и долженъ былъ, согласно китайскимъ постановленіямъ, посадить на свою шапку коралловый шарикъ, Ундүр-гэгэнъ взялъ себѣ фигуру вачира, какъ прямой наслѣдникъ түшѣтү-хановъ, и завѣщалъ носить ее всѣмъ хутухтамъ, какъ память о благотворной дѣятельности түшѣтү-хановъ по развитію буддизма въ Монголіи.

Доходы, получаемые съ народа во время поклоненій и подарки, представляемые хутухтѣ главнымъ образомъ въ праздники, служатъ, кажется, основнымъ источникомъ средствъ для содержанія собственно хутухтинскаго дворца и самого хутухты. Отъ своихъ крѣпостныхъ, или податныхъ людей, — шабинаровъ, — хутухта въ обычной своей жизни ничѣмъ не пользуется и подати, собираемыя съ нихъ, имѣютъ, какъ увидимъ мы въ трактатѣ о шабинскомъ вѣдомствѣ, совершенно иное назначеніе. Впрочемъ и то, что получаетъ хутухта въ видѣ жертвы отъ своихъ поклонниковъ, представляетъ громадныя суммы и богатства гэгэна, можно сказать, поразительны. Они хранятся, во-первыхъ, въ такъ называемомъ санѣ, или казначействѣ гэгэна, а засимъ въ его зимнемъ и лѣтнемъ дворцахъ. Хутухтинскій санъ представляетъ собою обширное подворье, на которомъ построено нѣсколько

складовъ, сараевъ и деревянныхъ юртъ, служащихъ кладовыми. Осматривая эти склады во всѣхъ ихъ подробностяхъ въ прошлое свое путешествіе, я нашелъ здѣсь почти каждое зданіе установленнымъ сундуками, полными разнаго рода матерій и мѣховъ, а помимо того мнѣ попадалось много весьма интересныхъ вещей даже по части наукъ, какъ-то: физическіе аппараты, минералогическія коллекціи, замѣчательныя, конечно, не по полнотѣ, а только потому, что состоятъ изъ драгоценностей; далѣе здѣсь имѣется отдѣльная юрта, въ которой собрано разнаго рода оружіе, начиная съ деревяннаго лука съ намазанною ядомъ стрѣлою и кончая ружьемъ Бердана; наконецъ, среди множества полезныхъ вещей встрѣчаются и совершенно не примѣнимыя къ жизни степняка предметы европейской роскоши, какъ-то: богатая люстры, вазы, канделябры, лампы, серебряныя сервизы, фарфоровая и хрустальная посуда и десятка два различныхъ шарманокъ. Какъ на особеннсть сбора одинаковыхъ предметовъ въ количественномъ отношеніи, могу указать, что въ описи гэгэновскихъ имуществъ за 1877 годъ значилось различной величины и матеріала, стѣнныхъ и карманныхъ часовъ 974 штуки. Все это было въ разное время принесено въ даръ гэгэну и поступило въ его сокровищницу. Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что каждый гэгэнъ, собственно говоря, не имѣетъ права собственности: онъ живетъ, пользуется всѣмъ, чѣмъ хочетъ, увеличиваетъ свои имущества, получая подарки и выписывая различныя вещи; но все это принадлежитъ ему только нарицательно и по смерти его переходитъ для такого же пользованія къ его преемнику. Даже при жизни гэгэнъ не имѣетъ права вполне самостоятельно распоряжаться своими имуществами; оттого то, когда седьмой хутухта началъ дарить вещи своимъ пріятелямъ, монгольскимъ князьямъ, ламы вознегодовали за это и посмотрѣли на гэгэна какъ на расточителя не вполне принадлежащихъ ему имуществъ. Само собою разумѣется, что при такихъ порядкахъ и родные гэгэна, послѣ его смерти, не получаютъ отъ него никакого наслѣдства, такъ что если они возвращаются въ Тибетъ обыкновенно богачами, то это богатство пріобрѣтается ими еще при жизни гэгэна, когда они также пользуются почетомъ и получаютъ подарки и приношенія. Извѣстно, на примѣръ, что родители настоящаго гэгэна, прибывъ въ Халху, получили отъ халхаскихъ аймаковъ въ подарокъ 3000 лошадей и приблизительно такое же количество рогатаго скота.

Въ настоящее пребываніе свое въ Ургѣ я не удосужился сходить въ гэгэновскій санъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ прибавилось и чего стало меньше; думаю однако, что мои знакомые нирбы не обманывали меня, когда говорили, что все стоитъ по старому и на своихъ мѣстахъ. Зимній дво-

рець хутухты при мнѣ только отстроивался послѣ пожара, и самъ хутухта жилъ теперь въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ. Изслѣдованіемъ этого послѣдняго дворца я и пополнилъ въ настоящую поѣздку свои знанія относительно внѣшней жизни хутухты. Лѣтній дворець Чжэбцзунъ-дамба-хутухты находится верстахъ въ 2½ или 3-хъ отъ Хуръня, на правомъ берегу рѣки Тѣлы. Онъ представляетъ собою обширное подворье, обнесенное снаружы бѣлою деревянною оградю, а внутри раздѣляющееся съ сѣвера на югъ на два двора, при чемъ сѣверный, главный дворъ въ свою очередь подраздѣляется еще на три отдѣленія. Южный дворъ есть собственно служебный, въ которомъ сосредоточены всѣ кладовыя и казнохранилища гэгэна. Въ срединномъ отдѣленіи сѣвернаго двора находится главное зданіе всего подворья, т. е. кумирня гэгэна. Она представляетъ собою двухъ-этажное зданіе тибетской архитектуры, красиво и богато отдѣланное, но не заключающее въ себѣ ровно ничего выдающагося ни со стороны внѣшней, ни въ своей внутренности. Постоянное жилище гэгэна находится на правой западной сторонѣ двора. Вступивъ на этотъ дворъ, вы встрѣчаете здѣсь, какъ нѣчто необычайное, прежде всего искусственное маленькое озерко, въ которомъ плещется масса рыбы и живетъ пара ручныхъ лебедей и пара турпановъ. Проходя отсюда ко дворцу гэгэна, вы видите передъ собою двухъ-этажное зданіе, какъ будто тибетскаго типа, окруженное со всѣхъ сторонъ, и въ каждомъ изъ этажей, крытыми террасами; но какъ крыша этого зданія построена по китайскому образцу, а рѣзба на колоннахъ, карнизахъ, фронтонахъ, окнахъ, дверяхъ и вообще повсюду, гдѣ только возможно имѣть ее, исключительно китайская, то получается какая-то странная смѣсь, за которую не возможно и опредѣлить преобладаетъ ли въ этой постройкѣ тибетскій типъ, или китайскій. Нижний этажъ зданія находится наравнѣ съ землею. По террасамъ обоихъ этажей и вокругъ всего дворца протянуты жердочки, по которымъ въ лѣтнюю пору, когда пришлось мнѣ быть у хутухты, протянуты жердочки и подвѣшены разнаго рода дощечки и круги. Здѣсь сидятъ и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто разныя иностранныя птички, канарейки, скворцы, попугаи красные и зеленые, большіе и мелкіе, породы *inséparable*; все это прирученное и предназначенное утѣшать гэгэна; далѣе здѣсь я увидѣлъ еще нѣсколько обезьянъ, привязанныхъ на цѣпяхъ къ столбамъ террасы и также прирученнаго орла, подареннаго хутухтѣ какимъ-то княземъ. Внутри зданіе этого хутухтинскаго дворца раздѣляется, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ, на двѣ половины, съ находящимся посреди ихъ широкимъ корридормъ, или сѣнями. Въ правыхъ половинахъ устроены моельни, въ лѣвыхъ — жилия помѣщенія хутухты. Первые по всѣмъ стѣнамъ, съ низа до верха, устав-

лены бурханами, съ находящимися передъ ними жертвенными столами и сѣдалищами для молящихся; во вторыхъ какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ, убранство совершенно одинаково. По тремъ стѣнамъ подѣланы каны, четвертая установлена рѣзными креслами изъ чернаго и сандалнаго дерева и такими же столами съ нагроможденною на нихъ массою различныхъ вещицъ. Въ жилой комнатѣ второго этажа я насчиталъ, напримѣръ, до 30 экземпляровъ часовъ съ разными механизмами при маятникахъ, что, какъ было замѣтно, особенно и занимало хутухту: тутъ была и кукушка, кукующая при боѣ, и львы, ворочающіе глазами сообразно движению маятника направо и налево, и пильщики, по тѣмъ же движеньямъ маятника притягивающіе къ себѣ пилу и пр. и пр.; помимо сего въ комнатѣ было множество статуетокъ, ящичковъ и самыхъ разнообразныхъ куколъ съ машинками. И нужно сказать, что всѣ эти вещицы обыкновенно относятся къ покупкамъ или подаркамъ самаго послѣдняго времени и стоятъ они въ апартаментахъ гэгэна только до тѣхъ поръ, пока на замѣну ихъ не явятся какіе-нибудь новые интересные предметы. Въ мое посѣщеніе гэгэнь восхищался одной новенькой игрушкой. Въ лавку китайца Жэнь-хо-и была привезена игрушка: маленькое фортепіано въ $\frac{1}{2}$ аршина величины, у котораго сидитъ дѣвочка; при заводѣ машинки, дѣвочка начинаетъ двигать руками по клавишамъ и играть. Гэгэнь, увидавъ эту игрушку, тотчасъ же купилъ ее, уплативъ за нее 75 ланъ серебра, т. е. 150 серебр. рублей. Конечно, черезъ мѣсяцъ эта игрушка будетъ замѣнена новою подобною же вещью и отправится въ кладовыя гэгэна. Кладовыя эти находятся на второмъ, южномъ дворѣ лѣтняго хутухтинскаго подворья и существуютъ совершенно отдѣльно и независимо отъ хуръньскаго хутухтинскаго сана. Осматривать въ подробностяхъ этого казнохранилища мнѣ не пришлось; съ внѣшней стороны оно помѣщается въ шести отдѣльныхъ корпусахъ, воздвигнутыхъ по оградѣ южнаго двора и раздѣляемыхъ между собою еще особыми сараями, прикрытыми только навѣсомъ. Здѣсь я увидѣлъ прежде всего массу самыхъ разнообразныхъ экипажей, начиная съ громаднѣйшихъ китайскихъ телгъ и оканчивая европейскими шарабаномъ и бѣговыми дрожками, подаренными хутухтѣ русскимъ консуломъ Шишмаревымъ; далѣе здѣсь устроены складъ разнаго рода мебели, и наконецъ, къ величайшему удивленію своему, я замѣтилъ здѣсь стоящимъ и другой подарокъ нашего консула — фортепіано. Нужно ли говорить, что, при такомъ помѣщеніи и уходѣ за инструментомъ, отъ него остался одинъ загрязненный остовъ. Богатства, собранныя въ кладовыхъ, говорятъ, неисчислимы и неописуемы, представляя собою кунсткамеру столько же богатую, сколько разнообразную и безпорядочную по своему составу. Благодаря этому даже

ламы, въ ближайшемъ завѣдываніи которыхъ находятся эти кладовыя, рѣшительно не знаютъ, что у нихъ есть и чего нѣтъ. Сопровождавшій меня г. Федоровъ года два тому назадъ часто бывалъ у гэгэна и исполнялъ ему разныя механическія работы. Однажды потребовался ему самоваръ и онъ сказалъ объ этомъ гэгэну. Ламы пошли вмѣстѣ съ Федоровымъ по кладовымъ искать подходящаго самовара и въ одномъ изъ складовъ нашли ихъ штукъ до 30 самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ, начиная отъ игрушечныхъ въ одинъ, два стакана и оканчивая громадными старинными самоварами, употреблявшимися у насъ для сбитней.

Въ такой-то обстановкѣ, характеризующей и времяпровожденіе пользующагося ею лица, протекаетъ вся жизнь ургинскаго гэгэна, до самой его смерти. Смерть эта является для всей Монголіи вообще малозамѣтной и если гдѣ волнуются такимъ событіемъ, то только въ Ургѣ, да въ аймакахъ цэцэнъ-хана и түшѣтү-хана, гдѣ по преимуществу кочуютъ шабнары, или податные хутухты. Зато въ Ургѣ и по всему шабнскому вѣдомству безпокойство начинается рѣшительно при каждой болѣзни хутухты, и растетъ по мѣрѣ усиленія болѣзни: начинается служеніе гүрюмовъ, принесеніе жертвъ и пр., народъ стекается къ Хүрѣню все больше и больше, когда же распространяется слухъ о приближеніи кончины хутухты, то толпы народа обыкновенно день и ночь стоятъ вокругъ хутухтинскаго дворца, ожидая услышать какую-либо вѣсть и толкуя вкось и вкривь разнаго рода событія. При смертномъ одрѣ хутухты ежедневно разъ или два появляются амбани, но постоянно здѣсь никого не бываетъ кромѣ ламъ, и только когда хутухта испуститъ послѣдній вздохъ, шанцзотба посылаетъ извѣстить объ этомъ амбаней. Прибывъ по этому извѣщенію, амбани констатируютъ смерть и засимъ выходятъ къ народу съ зажженными въ рукахъ курительными свѣчами и объявляютъ, что «хубилганъ Чжэбцзунъ-дамбы сдѣлался нирваной». Въ тотъ же день посылается въ Пекинъ всеподданнѣйшій докладъ о случившемся и тогда снова и обычнымъ порядкомъ возникаетъ дѣло о новомъ избраніи гэгэна. Въ Хүрѣни между тѣмъ съ одной стороны слышатся повсемѣстный плачь и стоны, а съ другой начинаются заботы объ изготовленіи шарйла или мощей хутухты. Операцию эту производятъ ламы обыкновенно мѣсяца три и даже болѣе и состоитъ она собственно въ особомъ бальзамированіи трупа хутухты. Останки почившаго при этомъ не разрѣзываются и не анатомируются, ихъ приводятъ только въ позу молитвенно сидящаго человѣка (цзабилать), а засимъ натираютъ разнаго рода благовоніями и спиртуозными жидкостями и наконецъ обмазываютъ составомъ соли и другихъ веществъ. Въ этомъ положеніи просоливаемаго мяса трупъ пробываетъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ, однимъ

словомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не высохнетъ, тогда отъ него отдѣляютъ соляной составъ; части тѣла, свободныя отъ одеждъ и прежде всего лице, покрываютъ позолотою, поверхъ позолоты на лицѣ трупа разрисовываютъ брови, усы и губы, но оставляютъ закрытыми глаза. Въ этомъ видѣ трупъ гэгэна и называется шариль (şalığa); его садятъ въ серебряный субурганъ и, по совершеніи торжественныхъ хураловъ, ставятъ въ кумирнѣ, послѣ чего ему воздаются божескія почести на ряду съ бурханами. Изъ числа ургинскихъ гэгэновъ первый и четвертый хубилганы хранятся въ монастырѣ Амурь-баясхуланту, второй и шестой—въ монастырѣ Шачжйни-бадарагѹлухчи, а третій, пятый и седьмой въ ургинскомъ Ганданѣ. Всѣ они похоронены въ сидячей позѣ и отличаются между собою только положеніемъ рукъ. Ундѹръ гэгэнъ похороненъ держащими въ рукахъ вацѣръ и хонхѹ (колокольчикъ); второй гэгэнъ представленъ съ благословляющею правою рукою; третій—держитъ обѣими руками бумбѹ, стоящую у него на когбняхъ; пятый—держитъ книгу. Видѣть мощи гэгэновъ, похороненныхъ въ Ургѣ и въ монастырѣ Амурь-баясхуланту, кажется, положительно невозможно, потому что мѣстные ламы придаютъ уже черезъ чуръ много важности своей святынѣ; но въ монастырѣ Шачжйни-бадарагѹлухчи, познакомившись съ ламами, всегда можно попросить показать шариль гэгэна и монастырскіе слуги исполнять это даже за небольшую плату. Въ минувшую свою поѣздку я, проживъ въ этомъ монастырѣ недѣли три, за одинъ серебряный рубль подробнѣйшимъ образомъ осмотрѣлъ хранящіяся здѣсь мощи второго хубилгана; то же самое могъ бы сдѣлать и теперь, хотя, видѣвъ эту рѣдкость одинъ разъ, смотрѣть на нее во второй не представляется уже и интереснымъ, тѣмъ болѣе что наши осмотры и ошупыванія святынѣ все же не особенно нравятся даже и самымъ снисходительнымъ ламамъ.

Несмотря на это нежеланіе мое снова осматривать шариль, я 29 октября все же поѣхалъ въ монастырь Шачжйни-бадарагѹлухчи, чтобы посмотрѣть на свое старое пепелище, повидать знакомыхъ, а главное снять фотографическій снимокъ этого интереснаго монастыря и списать текстъ находящагося въ немъ каменописнаго памятника, чего не удалось мнѣ исполнить въ первую поѣздку. Воспользовавшись шарабаномъ, любезно предложеннымъ мнѣ секретаремъ нашего консульства, С. А. Ѳедоровымъ, я выѣхалъ изъ консульства часовъ въ 9 утра, а къ 11 былъ уже на мѣстѣ. Монастырь Шачжйни-бадарагѹлухчи, болѣе извѣстный у монголовъ подъ именемъ Дамба-дорчжй, находится не больше какъ верстахъ въ пяти отъ Урги и располагается въ такъ называемой Гунтѹйской пади, по которой проходитъ караванная дорога изъ Урги въ Россію. Построенъ онъ въ 1765 году, на высочайше дарованныя богдоханомъ средства и съ спе-

ціальною цѣлью почитать память скончавшагося тогда второго хубилгана Чжэбцзунь-дамба хутухты. Такимъ образомъ монастырь Шачжѣни бадарагѹлхчи является для Халхи собственно богдоханскимъ монастыремъ. Разказываютъ, что всѣ зданія его вмѣстѣ съ окружающею ихъ оградой были построены китайскими мастеровыми въ теченіе одного года. Въ 1765 году постройки были окончены, кумирнямъ было преподано освященіе, а богдоханъ тогда же повелѣлъ на двухъ гранитныхъ плитахъ выгравировать надпись, объясняющую мотивы построенія монастыря; надпись начертана на лѣвомъ, «почтеннѣйшемъ», камнѣ на языкахъ маньчжурскомъ и монгольскомъ, а на правомъ, именуемомъ «младшимъ», — на китайскомъ и тибетскомъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія монастырь этотъ оставался въ строгомъ смыслѣ богдоханскою кумирнею, при которой проживало установленное штатами число ламъ и которая содержалась на отпускаемыя ей казенныя суммы; но когда въ исходѣ 1774 года здѣсь былъ поставленъ субурганъ съ шарил'омъ третьяго хубилгана, то хутухтинское вѣдомство откомандировало сюда изъ Урги еще особый ламскій аймакъ съ спеціальною цѣлью принесенія жертвъ и служенія хураловъ при субурганѣ хутухты. Ламы эти поселись не въ стѣнахъ монастыря, а построили свои байшины на западной сторонѣ онаго, за монастырской оградой. Черезъ два года послѣ сего богдоханское правительство, извѣстившись, что при монастырѣ обоснована халхасами своя ламская община и вполнѣ основательно полагая, что отправленіе хураловъ здѣсь никогда уже не будетъ оставлено, прекратило производившуюся доселѣ выдачу содержанія штатнымъ ламамъ и передало всѣ монастырскія постройки въ вѣдомство хутухты съ тѣмъ однако, чтобы монастырь этотъ навсегда сохранялъ за собою всѣ особенности и отличія, присвоиваемыя кумирнямъ богдохана; другими словами, ему предоставлялось право сохранять у себя богдоханскую дощечку, имѣть крышу изъ глазированной черепицы, ограду, выкрашенную въ красную краску и проч. Послѣ сего стремясь по возможности увеличить средства монастыря, ламы опредѣлили въ 1778 году одновременно съ перенесеніемъ изъ Урги шарил'а Ундѹръ-гэгѣна въ Амурь-баясхулантѹ, перенести въ монастырь Шачжѣни бадарагѹлхчи субурганъ втораго хутухты, а вмѣстѣ съ нимъ обосновать при немъ еще особый ламскій аймакъ.

Въ настоящую пору монастырь Шачжѣни-бадарагѹлхчи рѣзко раздѣляется на двѣ части. Первая изъ нихъ, богдоханская, представляетъ собою богатые и высокія зданія, каменной постройки и воздвигнутыя по всѣмъ правиламъ тибетскаго зодчества. Зданія эти обнесены двумя каменными оградами, изъ коихъ первая, внутренняя, окружаетъ собственно

кумирни, а вторая, наружная, охватываетъ всё отведенныя подъ монастырь земли. Пространство между первой и второй оградой нынѣ совершенно

Общій видъ монастыря Дамба-доржій.

пустынно, встарину же здѣсь, говорятъ, ставили свои юрты и имѣли свое мѣстопробываніе числившіеся при монастырѣ штатныя ламы. Нынѣ за этими стѣнами кумирни не живетъ уже никого, помимо пяти, или шести человекъ сторожей; что же касается ламъ, то всё они селятся за монастырской оградой, обосновавъ своими жилищами вторую, чисто монгольскую часть монастыря. Эта часть носитъ на себѣ характеръ всёхъ вообще ламайскихъ монастырей въ Халхѣ: она бѣдна, грязна и безпорядочна по своимъ постройкамъ. За хашанами изъ стоящихъ бревенъ листовенницы стоятъ ламскія юрты и байшины, образуя собою узенькія улицы и переулки. Монастырскіе ламы Шачжйни-бадарагѹлхчи раздѣляются нынѣ на четыре аймака; общее же число ламъ, приписанныхъ къ этой кумирнѣ, въ настоящую пору достигаетъ 1200 человекъ.

Привлекавшіе теперь мое главное вниманіе богдохѣнскіе каменописные памятники монастыря Шачжйни-бадарагѹлхчи стоятъ здѣсь, по обычаю, въ особыхъ кіоскахъ, передъ входомъ въ главную монастырскую кумирню. Положеніе и фасадъ этихъ кіосковъ равно какъ и способъ помещенія въ нихъ самыхъ писаницъ совершенно одинаковы съ тѣми, какіе мы

окраски, произвелъ бы постройку по образцу тибетскихъ дугановъ, исполнивъ все блестяще и изящно. Нынѣ чиновники, завѣдывавшіе постройкой, покончивъ работы, представили всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою написать и пожаловать отмѣтку (для кумирни), а потому я и написалъ слѣдующее: Такъ какъ наша династія одинаково управляла внутренними и внѣшними, то всѣ народы многочисленныхъ аймаковъ съ истинными намѣреніями вступили подъ ея подданство. Столица — это пунктъ, имѣющій первенствующее положеніе для обитающихъ во вселенной. Находящіеся къ сѣверу отъ нея и, размѣстившись въ непрерывной послѣдовательности, прикрывающіе ее подобно щиту и оградѣ суть: съ внутренней стороны, пятьдесятъ одинъ хошунъ монгольскихъ цзасакдовъ, а съ внѣшней стороны — аймаки халхаскіе. Прошло уже много лѣтъ какъ сторожатъ они сѣверныя границы и крѣпко охраняютъ ихъ. Нынѣ я, тщательно продолжая августѣйшія предначертанія, которыя имѣли въ виду привести въ исполненіе мои царственные дѣдъ и родитель, послѣдовательно умпротворилъ обѣтовъ, равно какъ многочисленные мусульманскіе аймаки на сѣверной сторонѣ Алтая и включилъ ихъ въ государственную карту; внесенные въ государственныя росписи данники и рабы наши доходятъ на разстояніе 20,000 ли. При такомъ положеніи исконная защита границъ и охрана кочевьевъ халхасами стали теперь не нужными: порубежныя межи ихъ — близки, полученные ими милости — отличны, усвоеніе ими просвѣщенія — основательно. Чжэбцзунъ-дамба хутухту, въ прежнемъ своемъ перерожденіи, принимая во вниманіе (положеніе народной) массы и изъявляя истинныя намѣренія, явился въ военный лагерь, испрашивая высочайшихъ повелѣній. Кто же скажетъ, что настоящій хубилганъ, взирая на быстрое доведеніе до конца этого великаго дѣла, не возликуетъ, такъ какъ теперь ему возможно и радоваться за всегдашнее спокойствіе на отторженныхъ границахъ, и распространять вмѣстѣ съ далай-ламою и баньчэнь-эрдэн'емъ правила вѣры, и съ большею ясностью удостовѣрять непреложность своихъ перерожденій искони вѣковъ? Сверхъ сего, что касается распространенія религіи, то такъ какъ всѣ обитающіе во вселенной и всѣ новоувеличенные районы, каждый въ отдѣльности помышляютъ о томъ, какъ бы чистосердечно выразить свою вѣру и со всеусердіемъ послѣдовать (хутухтѣ), то онъ дѣлается предметомъ чествованія уже не только халхаской желтой вѣры. И найдется ли кто, начиная отъ халхаскихъ вановъ и гуновъ вплоть до исповѣдующихъ ученіе простолюдиновъ, который при посѣщеніи этой кумирни не сложилъ бы благоговѣнно ладоней, не выразилъ бы въ умиленіи своей вѣры и не позаботился бы о всеусердномъ благоговѣніи.

Того ради написалъ я эту отмѣтку.

Въ счастливый день первой лѣтней луны 30-го лѣта правленія Цянь-луна, годъ синеватой курицы (1765)».

Въ монастырѣ Шачжѣни-бадарагѹлхчи, какъ въ обители, являющейся по преимуществу усыпальницею хутухтъ, я получилъ еще свѣдѣнія о дняхъ, установленныхъ халхаскими ламами для чествованія памяти почившихъ гэгѣновъ и служащихъ такъ сказать праздниками ламаитовъ. Праздникъ Ёндуръ-гэгѣна совершается 19-го числа Цаганъ-сары; второго гэгѣна — 27-го числа послѣдней зимней луны; третьяго гэгѣна — 21-го числа послѣдней осенней луны; четвертаго гэгѣна — 16-го числа средней зимней луны; пятаго гэгѣна — 9-го числа первой зимней луны; шестого гэгѣна — 4-го числа послѣдней лѣтней луны и наконецъ седьмого гэгѣна — 22-го числа средней зимней луны.

IX. Отъ Урги до Калгана.

12-е Ноября. Четвергъ.

7 ч. — 28°; 1 ч. дня — 21°; 9 ч. веч. — 23°.

Свою поѣздку въ Китай и южную Монголію я предпринялъ вмѣстѣ съ женою. Для переѣзда ея отъ Урги до Калгана мною взята была на прокатъ китайская двуколесная телѣга. Обычно, такія телѣги отдаются, смотря по времени и спросу, за 30 и даже 40 ланъ; съ меня взяли только 20. Подрядился везти меня монгольскій лама, Хѹхѹ-дондокъ, шедшій со своими верблюдами въ Калганъ для того, чтобы поднять тамъ русскіе чай и перевезти ихъ въ Кяхту. Всего онъ долженъ былъ поставить мнѣ 6 верблюдовъ: одного для телѣги, въ которой ѣхала жена, двухъ подъ верхъ мнѣ и Ѳедорову; одного подъ перевозъ фотографическихъ приборовъ и двухъ подъ вьюки. Всѣ эти животныя были наняты за 90 ланъ серебра, что составило на наши деньги 199 р. 80 коп. На дорогу мы наварили и заморозили себѣ щей и пельменей; радушныя семьи Ѳедорова и Таркова наготовили намъ разнаго рода пироговъ; жены русскихъ купцовъ изъ Урги, по сибирскому обычаю, повезли въ кулечкахъ своихъ подорожниковъ, т. е. сладкихъ пирожковъ и пряженцевъ. Искреннее спасибо за это радушіе!

Окончательная упаковка и размѣщеніе вьюковъ заняло время вплоть до полудня. Къ полудню Тарковъ пригласилъ насъ на обѣдъ, куда съѣхались всѣ ургинскіе торговцы. Верблюды наши двинулись въ 1 ч. 35 м. дня, а мы, просидѣвъ еще за обѣдомъ и попрощавшись, выѣхали только

въ 3 часа пополудни. Ѳедоровы и ургинскіе торговцы провожали насъ верстѣ на 5, такъ что только проѣхавъ Маймачѣнъ и малый мостъ черезъ Тѣлу, мы разстались здѣсь у мѣста, гдѣ догнали своихъ верблюдовъ. Теперь, оставшись одни, мы могли сосредоточиться; представлялся досугъ и поговорить о предпринятомъ пути съ подрядчикомъ и извозчиками. Путь нашъ лежалъ по русскому, ургинско-калганскому караванному тракту. Причина выбора мною для переѣзда именно этого караваннаго тракта, а не болѣе удобной по зимней порѣ и дешевой почтовой дороги, заключалась въ желаніи ознакомиться съ операціями нашихъ коммиссіонеровъ, занимающихся транспортировкой чая изъ Китая въ Россію; съ этою же цѣлью я выѣхалъ въ Пекинъ именно въ началѣ зимы, рассчитывая сдѣлать свой переѣздъ въ болѣе бойкое для транспортировки время. Изъ числа караванныхъ путей я избралъ такъ называемый Чѡйринскій трактъ прежде всего потому, что трактъ этотъ до сего времени былъ для насъ совершенно неизвѣстенъ. Правда, по нему совершили свои переѣзды даже присяжные путешественники: въ 1870 г. Пржевальскій и въ 1879 г. Пѣвцовъ, но ни тотъ, ни другой не представили его описанія въ своихъ книгахъ, почему и на послѣдней нашей картѣ путей по Монголіи составитель ея могъ провести только линію Чѡйринскаго тракта, не обозначивъ на ней ни одного урочища или колодца ¹⁾. Съ другой стороны Чѡйринскій трактъ почитается въ Ургѣ болѣе торной дорогой для провоза чаевъ. Мой подрядчикъ, съ которымъ я теперь бесѣдовалъ объ этомъ, не признавалъ однако такого мнѣнія вполне правильнымъ. По его словамъ выходило, что монгольскіе извозчики, слѣдуя съ русскими чаями изъ Калгана въ Ургу, даже нельзя сказать, чтобы шли какимъ-либо опредѣленнымъ трактомъ, они держатся лишь одного общаго направленія на сѣверъ, путевыя же линіи ихъ отъ одного пункта до другого постоянно измѣняются, смотря по времени года, обилію кормовъ и другимъ мѣстнымъ условіямъ. Въ нашей литературѣ доселѣ было извѣстно, съ точнымъ показаніемъ станцій, двѣ караванныхъ дороги, соединяющихъ Ургу и Калганъ: а) Дарханъ-цзѣмъ, и б) Гунчжуйнъ-цзѣмъ, а третья—Чѡйринъ-цзѣмъ, была извѣстна только по имени; засимъ стали считать шесть дорогъ, прибавивъ къ вышеозначеннымъ путямъ еще: г) Шаръ-номтуйнъ-цзѣмъ, д) Хурънъ-ачжиргайнъ-цзѣмъ, и е) Цзамбулыгійнъ-цзѣмъ; еще далѣе къ этому прибавились: ж) Шилійнъ-цзѣмъ и з) Харчйнъ-ѳртѡной-цзѣмъ; наконецъ нашъ русскій торговый агентъ Петровъ собралъ распросныя свѣдѣнія и обозначилъ еще дороги: и) Ямѣ-тэргэчійнъ-цзѣмъ и і) Зурма-наринъ-цзѣмъ. Изъ бесѣдъ съ подрядчиками для меня выяснилось,

1) См. Зап. Им. Р. Г. Общ. по Общ. Географіи. Т. XXII. 1892 г.

нто всё эти свѣдѣнія, можетъ быть и вполне достовѣрныя, имѣютъ значеніе лишь для дѣла общаго ознакомленія нашего съ Монголіею, назвать же вышеозначенные пути караванными дорогами русскихъ чаевъ буквально невозможно. Такихъ дорогъ пришлось бы насчитать не десятокъ, а сотню и даже болѣе. Дѣло въ томъ, что монгольскіе извозчики, особливо на телѣгахъ, поднявъ русскіе чай въ Калганѣ, всегда и обязательно заходятъ съ ними домой, какъ бы далеко ни отстояли ихъ родныя кочевья отъ Калгана. Бѣриньцы, или Кэшиктѣны заѣзжаютъ, напримѣръ, верстъ на 500 къ СВ отъ Калгана и уже отсюда направляются въ Ургу. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе извозчики, по прибытіи на мѣсто, могутъ въ точности обозначить пункты всѣхъ своихъ остановокъ, но неужели такая дорога ихъ можетъ быть почитаема путемъ, соединяющимъ Калганъ съ Ургою? Собственно, основными караванными трактами могутъ быть признаны только три: Дарханъ-цзамъ, Чойринъ-цзамъ и Гунчжуйнъ-цзамъ; всѣ остальные пути суть только отдѣльныя развѣтвленія этихъ трехъ дорогъ. Было бы ошибочно полагать также Чойринъ-цзамъ наиболѣе торной дорогой для чаевъ. Какъ по болѣе ближайшему, по нему направляется лишь вся первая масса каравановъ; но какъ скоро этими караванами бываютъ вытравлены придорожные кормы, извозчики переходятъ на другіе пути, т. е. или на Дарханъ-цзамъ, или на Гунчжуйнъ-цзамъ, смотря по тому, какой изъ нихъ представляетъ болѣе выгоды согласно ихъ многосложнымъ расчетамъ.

Въ разговорахъ обо всемъ вышеизложенномъ я не замѣтилъ, какъ проѣхали мы верстъ 5 и добрались до мѣста переправы черезъ Тѣлу. Караванъ нашъ перешелъ теперь эту рѣку по льду, какъ дѣлаютъ это и всѣ другіе караваны зимою. Лѣтомъ, напротивъ, всѣ торговые караваны, направляющіеся изъ Урги въ Калганъ и обратно изъ Калгана въ Ургу, слѣдуютъ въ настоящую пору отъ ургинскаго Маймачѣна верстъ на 7 вверху по долинѣ рѣки Тѣлы къ мѣсту, гдѣ съ 1887 г. русскимъ купечествомъ устроенъ большой мостъ для переправы черезъ эту рѣку. Я отмѣчаю слово «большой», потому что мостовъ устроено собственно даже два: одинъ — большой перекинутъ черезъ главное русло рѣки Тѣлы, другой — меньшій черезъ одинъ изъ ея большихъ протоковъ. Ближайшимъ поводомъ къ постройкѣ этихъ мостовъ были затрудненія, причинявшіяся движенію каравановъ въ періодъ разливовъ рѣки весною, лѣтомъ и осенью, при чемъ караваны иногда простаивали на обоихъ берегахъ рѣки цѣлыя недѣли. Извозчики, не желавшіе тратить денегъ на прокормленіе, или на уплату штрафовъ за просрочку въ доставкѣ чая, нерѣдко пускались переходить рѣку вбродъ, но при этомъ всегда подмачивали товаръ, что въ свою очередь вызывало массу споровъ и неудовольствій. Съ постройкою мостовъ

все это прекратилось и чай стали доставляться гораздо исправнѣе. Но помимо этой очевидной пользы для дѣла транспортировки, означенное предприятие служитъ не мало и нашему престижу въ Монголіи. Черезъ рѣку

Видъ русскаго моста черезъ р. Тѣлу.

Тѣлу проходить путь въ Ургу изъ всей восточной Халхи, изъ восточныхъ и южныхъ хошунѣвъ Монголіи, да наконецъ и изъ Маньчжуріи. Движеніе монгольскихъ казенныхъ и китайскихъ купеческихъ караванѣвъ здѣсь очень большое, а еще непрерывнѣе тянутся къ Ургѣ и обратно изъ этого города поѣзда монгольскихъ богомольцевъ и поклонниковъ хутухты. Все это прежде на долгое время оставалось за рѣкою, будучи стѣсняемо мѣстными перевозчиками: бѣдняги проживались и часто терпѣли нужду. Съ постройкою мостовъ эти бѣды отошли для монголовъ въ область преданій и для всѣхъ открылась безостановочная переправа черезъ рѣку. Это истинное благодѣяніе для монголовъ, и послѣдніе сознаютъ его во всей полнотѣ тѣмъ болѣе, что, по условію, съ нихъ не берутъ и никакой платы за передвиженіе по мосту. Построивъ мосты на свой счетъ, русское купечество передало ихъ въ завѣдываніе консульства, которое, на содержаніе мостовъ, установило однокопѣечный сборъ съ каждаго проходящаго русскаго цибика чая, что при предполагаемомъ въ настоящемъ году вывозѣ чаевъ въ количествѣ около 320,000 мѣстъ должно дать около 3,200 р.; сверхъ сего отъ платы за проѣздъ черезъ мостъ не избавлены у насъ и китайцы: съ караванѣвъ

ихъ взимается за переправу телѣги и каждаго вьючнаго верблюда 6 шаръ-цаевъ (12 коп.); за верховую лошадь 3 шаръ-цая (6 коп.); за быка 2 шаръ-цая (4 коп.); за овцу козу и съ каждаго пѣшехода взимается по 1 шаръ-цаю (2 коп.). Весь этотъ сборъ въ теченіе года составляетъ также сумму, превышающую 3,000 р. с. Расходуется эта сумма приблизительно въ 6500 р. говорятъ, на поправку тѣхъ же мостовъ.

Какъ было уже замѣчено выше, мы въ настоящую поѣздку свою не ѣхали черезъ большой мостъ, но, избирая ближайшій путь, переправились черезъ Тѣлу по льду, версты на двѣ ниже этого моста. Дорожка для переправы была усыпана пескомъ и верблюды наши легко и свободно перешагали ледяной помостъ. По лѣвому берегу Тѣлы до сихъ поръ еще раскидывается громадный аилъ «усучиновъ», т. е. семей монголовъ, обязанныхъ переправлять черезъ рѣку. Прежде ихъ было здѣсь, говорятъ, человекъ до 60; они набирались изъ разныхъ хошунъ и нарядъ ихъ имѣлъ основною цѣлью вспомошествовать поклонникамъ гэгэна при переправѣ черезъ Тѣлу. Съ постройкою мостовъ, число «усучиновъ» значительно сократилось. Народъ это очень бѣдный и въ настоящую пору, за неимѣніемъ заработковъ, живущій почти исключительно подаваніями проезжающихъ, не упуская случая и обокрасть ихъ. Далѣе верстахъ въ $2\frac{1}{2}$ или 3-хъ отъ Тѣлы располагается аилъ, извѣстный подъ общимъ именемъ «Бага модочин'ы». Это первый и меньшій поселокъ монголовъ, обязанныхъ повинностью доставлять дрова для отопленія казенныхъ и присутственныхъ зданій въ Ургѣ; помимо того модочины занимаются и порубкою дровъ для продажи. Заготовка этого продукта производится ими въ горахъ, вверхъ по рѣкѣ Тѣлѣ. Модочины почитаются гораздо зажиточнѣе усучиновъ: они имѣютъ даже свою кумирню, при которой однако ламы не живутъ постоянно: только лѣтомъ, въ 6-й лунѣ, собираются они сюда на нѣсколько дней, для служенія Юма. — Отъѣхавъ отъ зданій русскаго консульства всего верстъ на 12, мы остановились на ночлегъ противъ этого Модочисумэ.

13-е Ноября. Пятница.

7 ч. — $25\frac{1}{2}^{\circ}$; 1 ч. дня — 15° ; 9 ч. веч. — $20\frac{1}{4}^{\circ}$.

Весь вчерашній вечеръ и нынѣшнее утро прошли у насъ въ разговорахъ касательно составленія плана передвиженія. Надлежитъ замѣтить, что при нашемъ караванѣ, въ особой телѣгѣ, ѣхалъ еще въ Калганѣ купецъ Пентеговъ; онъ также участвовалъ въ совѣтѣ, но прямо и положительно заявилъ, что ему рѣшительно безразлично, какъ и гдѣ ни ѣхать, лишь бы добраться до Калгана; такимъ образомъ все дѣло распредѣленія движенія предоставлялось мнѣ и подрядчику. Но что такое подрядчикъ-монголъ?

Во-первыхъ, онъ долженъ былъ, по уговору, всецѣло подчиниться мнѣ; а во-вторыхъ, и самъ онъ рѣшительно ничего не могъ сказать о томъ, какъ и сколько можемъ мы проѣхать. На вопросъ, гдѣ мы будемъ ночевать завтра, онъ съ обычною пассивностью монгола отвѣчалъ: «тэмѣ мэдэнѣ», т. е. верблюдъ знаетъ. Это и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, такъ, ибо здѣсь все зависитъ отъ этого уродливаго во всѣхъ отношеніяхъ животнаго. Я долженъ однако оговориться здѣсь, что это мое личное мнѣніе, такъ какъ на значеніе и достоинство верблюда смотрятъ весьма различно, у насъ же; со временъ Пржевальскаго, многіе превозносятъ этотъ «корабль пустыни», воспѣвая его какъ незамѣнимое животное. Дѣйствительно, верблюдъ даже въ концѣ зимы, когда послѣ полугодовой работы силы его уже истощены, все еще можетъ по два, по три и даже по четыре дня оставаться безъ воды и пищи, совершая въ то же время свои обычные переходы. Способность эта, незамѣнимая, особливо въ глазахъ лѣниваго, беззаботнаго и никогда не торопящагося дѣломъ монгола, заставляетъ цѣнить верблюда очень высоко; но этой одной способностью, можно сказать, и исчерпываются всѣ достоинства верблюда, — дагѣ онъ является животнымъ положительно невыносимымъ для европейца. Во-первыхъ, къ работѣ онъ способенъ только зимою, лѣтомъ же верблюдъ дѣлается слабосиленъ и долженъ гулять и откармливаться. Конечно, на отмѣнно хорошемъ верблюдѣ можно ѣхать и лѣтомъ; но такая поѣздка всегда и непременно оплачивается тройною цѣною, ибо съ одной стороны верблюдъ, работавшій лѣтомъ, дѣлается неспособнымъ къ работѣ зимою, а съ другой—заставить верблюда работать лѣтомъ—громаднѣйшій рискъ для хозяина: лѣтомъ верблюдъ линяетъ, болѣзнененъ и легко можетъ издохнуть на работѣ; выдержать онъ эту работу, можетъ издохнуть зимою, ибо не успѣетъ заправиться лѣтомъ. Итакъ необходимо положить, что срокъ работы верблюда только полугодовой. Въ теченіе этого полугодоваго срока работы движеніе его крайне медленно и въ общемъ верблюдъ, слѣдуя въ караванѣ, при самой быстрой ѣздѣ можетъ дѣлать не свыше $4\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Ѣхать верхомъ на верблюдѣ, въ силу особенности его походки, крайне утомительно: все время приходится раскачиваться впередъ и назадъ, съ каждымъ шагомъ животнаго отвѣшивая поклоны; движеніе рысью на верблюдѣ очень тряско; неудобенъ верблюдъ и для телѣги, ибо каждый шагъ его отзывается подергиваніемъ экипажа. Къ неприятнымъ особенностямъ верблюда нужно отнести его пугливость, и нерѣдко поднявшійся вдругъ съ мѣста воробей заставляетъ верблюда бросаться въ сторону, при движеніи же каравана за однимъ бросившимся верблюдомъ кидаются и всѣ другіе, при чемъ легко портятся и ломаются вьюки и всякаго рода поклажи. Питается верблюдъ только днемъ и ночью

пасться не можетъ; оттого монгольскіе извозчики ѣдутъ главнымъ образомъ ночью, а днемъ стоять. При сильномъ дождѣ, вѣтрѣ и снѣгѣ, особливо если они бьютъ въ лицо верблюду, послѣдній отказывается отъ движенія, ложится и караванъ долженъ останавливаться, то же самое случается и при движеніи по пескамъ, когда верблюдъ спотѣетъ. Переходить вбродъ рѣку на верблюдѣ безопасно лишь при мелкой водѣ; но лишь только вода коснется брюха животнаго, всегда нужно остерегаться и смотрѣть, потому что легко можетъ случиться, что верблюдъ ляжетъ и подмочить и сѣдока, и выюки. Бродить рѣку при незначительныхъ заморозкахъ на верблюдѣ не возможно, такъ какъ, проламывая ледъ, онъ рѣжетъ и портитъ свои ступни; въ видахъ этого погонщикамъ приходится всегда прорубать ледъ во всю ширину рѣки и готовить верблюду дорогу по дну. Переправляться черезъ рѣку по льду верблюдъ опять не способенъ, — онъ скользитъ и падаетъ, такъ что на сей конецъ приходится усыпать для него дорогу пескомъ, или землею. Итти по каменистой и галечной почвѣ съ верблюдомъ также трудно, ибо онъ стираетъ свои ступни и хромаетъ, — приходится его лечить и ѣхать на страдающемъ животномъ, что также неприятно. При таковыхъ качествахъ своего выючнаго животнаго монгольскій извозчикъ въ самомъ дѣлѣ становится лицомъ совершенно пассивнымъ въ своихъ операціяхъ и о выполненіи ихъ можетъ говорить только: «тамѣ мадэнэ» — т. е. верблюдъ знаетъ. Но что касается меня, то я не могъ быть безразличенъ къ совершенію своего переѣзда. Ѣхать, какъ монголъ, ночью, я не могъ, потому что это значило бы, вовсе не видать большей половины пути. Соображая всѣ изложенныя обстоятельства, мы уговорились пасти верблюдовъ съ разсвѣтомъ, два-три часа; выѣзжать, когда верблюды перехватятъ травки, ежедневно часовъ въ 8—9-ть утра; ѣхать цѣлый день безъ остановки и дѣлать привалъ на ночлегъ по наступленіи вечерней темноты. Этому порядку держаться на всемъ пути.

Согласно сказанному распредѣленію, мы двинулись сегодня въ путь въ 8 ч. 25 м. утра и продолжали итти по той же долинѣ рѣки Тобы въ направленіи къ горамъ, окаймляющимъ лѣвый берегъ рѣки и запирающимъ громадную котловину, на срединѣ которой раскидывается Урга. Спусти ½ часа ѣзды, мы достигли раздѣленія дарханской дороги отъ чойринской: первая уклонилась къ западу, на перевалъ Бурұлъ-дабѣ, наша же продолжала тянуться прямою линією, постепенно поднимаясь къ перевалу Хблтуйнъ-дабѣ. Въ 10 ч. 45 м. отъ нея круто отдѣлилась торная дорога вправо, ведущая въ такъ называемый Донкдоръ-Маньчжушрѣйнъ хитъ. Это монастырь, принадлежащій также ургинскому хутухтѣ. Онъ построенъ на южной сторонѣ Ханъ-улы, какъ разъ противъ Урги, находящейся, какъ

извѣстно, у сѣвернаго подножія этой горы. Такимъ образомъ разстояніе между Ургою и Донкѡръ-Маньчжушрїйнъ-хїтомъ, если итти по прямому направленію, черезъ Хянь-ўлу, проложенными здѣсь для пѣшеходовъ дорожками, будетъ не болѣе 12 верстъ; въ объѣздъ же Хянь-ўлы до монастыря этого считается отъ Урги 40 верстъ. Время основанія Донкѡръ Маньчжушрїйнъ-хїта относится къ 11-му году правленія Юнь-чжэна (1733 г.), когда хубилганомъ Донкѡръ-Маньчжўшри былъ славный въ Халхѣ лама Наванъ-лобсанъ. Это былъ тотъ самый Наванъ-лобсанъ, который въ 1728 г. преподавалъ объты гэгэна второму халхаскому хубилгану Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ. Разказываютъ, что именно въ память этого событія Наванъ-лобсанъ тогда же задумалъ обосновать отдѣльный монастырь, хотя осуществленіе этого дѣла ему удалось не ранѣе, какъ черезъ шесть лѣтъ. Первоначально была построена только одна громадная кумирня, длиною въ 80 китайскихъ цзїней. Располагалась она на довольно широкомъ уступѣ Хянь-ўлы, тѣмъ не менѣе въ узкихъ мѣстахъ этого уступа приходилось создавать его искусственно, выбивая боковину горы. Въ настоящую пору очень многія кельи ламъ этого монастыря, говорятъ, устроены также въ горныхъ нишахъ и пещерахъ и, по всей вѣроятности, весь монастырь, располагающійся еще въ густомъ лѣсу, имѣетъ очень оригинальный и красивый видъ. Постройка кумирни была совершена Наванъ-лобсаномъ въ одинъ годъ и вскорѣ засимъ онъ скончался. Преемствовавшій ему хубилганъ, Наванъ-ямпїлг-данцзїнь, въ годъ достиженія своего совершенствїя, соотвѣтствовавшій 15-му году правленія Цянь-луна (1750), поднесъ новопостроенный монастырь Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ вмѣстѣ съ своими шабинарами. Хутухта принялъ подношеніе и перечислилъ шабинаровъ въ свое вѣдомство, хотя оставилъ ихъ подъ управленіемъ Донкѡръ-Маньчжўшри, котораго назначилъ онъ цорчжї-ламою этого монастыря. Съ тѣхъ поръ шабинары Донкѡръ-Маньчжўшри во всякаго рода гражданскихъ дѣлахъ подлежатъ вѣдѣнію шанцзотбї ургинскаго хутухты, хотя въ экономическомъ отношеніи положеніе ихъ не измѣнилось и они по старому представляютъ свои подати хубилганамъ Донкѡръ-Маньчжўшри. Въ 56-мъ году правленія Цянь-луна (1791 г.) монастырю Донкѡръ-Маньчжўшри всемилостивѣйше было пожаловано названіе «Буїни-цзалбарихчї-сумѣ».

Отъ мѣста отдѣленія дороги въ Донкѡръ-Маньчжушрїйнъ-хїтъ, Чдїринскїй трактъ начинаетъ замѣтно подниматься на ровное и пологое возвышеніе, носящее названіе кочевья Йѣхэ модочїн'овъ, такъ какъ здѣсь раскладываются юрты главной части монголовъ-дровяниковъ, обязанныхъ поставкою топлива въ присутственныя мѣста Урги. Миновавъ ихъ, мы въ 12 ч. 35 м. вступили въ твердо-песчаную степь съ легкими увалами, име-

нуемыми Байнъ-хуцзубчи, по которой шли въ теченіе часа. Здѣсь отъ Чойринскаго тракта отдѣляется Гунчжуйнъ-цзэмъ. Дорога наша по мѣрѣ приближенія къ горамъ становилась постепенно каменистѣе и круче, и растительность долины замѣтно бѣднѣла. Въ 1 ч. 30 м. начали подниматься на первую ступень перевала черезъ мѣстный отрогъ Гэнтэй'я: это пологій и удобный для колесной ѣзды горный откосъ, именуемый Ширдыктуйнъ-дабѣ. Спускъ съ него приводитъ въ долину Хонгоръ-нүрийнъ-гала съ небольшимъ озеромъ, дающимъ свое имя самой долинѣ, по которой мы слѣдовали съ 2 ч. 20 м. до 3 ч. 50 м. Вслѣдъ заснѣмъ дорога наша начала подниматься на Хблтуинъ-дабѣ, долженствовавшій окончательно скрыть отъ насъ долину р. Тѣлы. Перевалъ Хблту считается самымъ легкимъ и онъ дѣйствительно оказался пологимъ и вполне удобнымъ, какъ для подъема, такъ и для спуска. Всего черезъ мѣстный отрогъ Гэнтэй'я считается здѣсь четыре перевала: а) Улѣнъ-дабѣ, б) Бурѣль-дабѣ, в) Хблтуинъ-дабѣ и г) Долбнъ-дабѣ, находящіеся одинъ отъ другаго по прямой линіи не болѣе какъ въ разстояніи 5 верстъ. Спустившись съ Хблтуинъ-дабѣна, мы вступили въ урочище Ширъ и въ 5 ч. вечера остановились здѣсь для ночлега неподалеку отъ маленькой деревянной кумирни, извѣстной подъ именемъ «Адучинай-сүмѣ». Какъ показываетъ то самое названіе, кумирня эта принадлежитъ пастухамъ, пасущимъ табуны лошадей, высылаемыхъ на службу и разнаго рода потребности ургинскихъ амбаней. Въ свою пору пастухи эти были высланы изъ различныхъ хошѣновъ для отбыванія повинности охраненія этихъ общественныхъ табуновъ; нынѣ нѣкоторые изъ нихъ живутъ здѣсь уже въ третьемъ поколѣніи. Имѣя въ своихъ рукахъ общественные табуны и получая время отъ времени подкрѣпленія изъ хошѣновъ, адучины живутъ не только безбѣдно, но даже богато. Почти всѣ они занимаются подрядами на перевозку товаровъ изъ Урги въ разные города. Нынѣшній подрядчикъ, содержащій русское почтовое сообщеніе между Ургою и Калганомъ, лама Чакдуръ, принадлежитъ также къ адучинамъ и жилище его располагается неподалеку отъ этого адучинъ-сүмѣ.

14-е Ноября. Суббота.

7 час. утра — $25\frac{1}{2}^{\circ}$; 1 час. дня — $16\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 час. вечера — 20° .

По утру — страшный холодъ и казалось, что въ дѣйствительности несравненно болѣе — $25\frac{1}{2}^{\circ}$. Выѣхали въ 10 ч. утра и продолжали путь по долинѣ Ширъ. Къ сѣверу отъ этой долины виднѣлась масса горъ, безпорядочно возвышавшихся своими коническими вершинами; на югѣ передъ нами стоялъ хребетъ, именуемый Хангаемъ; но какія же это жалкія горюшки, сравнительно съ дѣйствительнымъ Хангаемъ, близъ Улѣсутая?!

Переваливъ ихъ въ 12 ч. дня, мы повстрѣчали на дорогѣ чайный караванъ, остановившійся здѣсь часовъ въ 5 утра. Верблюды кормились, извозчики, напившись чаю и закусивъ, занялись работами, состоявшими въ «подборкѣ» чая. Дѣло это состоитъ въ томъ, что, разбивъ мѣсто чая, они подбираютъ отдѣльные кирпичи его по новымъ группамъ. Въ настоящемъ случаѣ подборка производилась по тому обстоятельству, что верблюды у этихъ извозчиковъ были слабы, а грузъ тяжелъ и вотъ, чтобы облегчить выюки при переѣздѣ черезъ перевалъ, извозчики, разбивая мѣста, вытаскивали изъ нихъ по нѣскольку кирпичей и составляли изъ нихъ новые выюки. Такая же подборка производится и въ тѣхъ случаяхъ, когда чай бываетъ подмоченъ. Комиссіонеры дозволяютъ извозчикамъ раскупоривать мѣста, обдирать съ кирпичей оберточную бумагу и просушивать самый чай; это даже вполне необходимо, такъ какъ безъ такой своевременной просушки чай загниетъ и погибнетъ. Впрочемъ, такое разрѣшеніе ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. За Хангаемъ передъ нами открылась большая степная долина съ твердымъ, хрящеватымъ грунтомъ и незначительною растительностью. Снѣгу здѣсь нигдѣ нѣтъ. Только къ 2-мъ часамъ дня мы проѣхали ее и поровнялись съ буграми Борд-удзуръ. Здѣсь повстрѣчались намъ двое монгольскихъ пѣшеходовъ, мужчина и женщина, шедшіе въ Пекинъ на поклоненіе Цзанданъ-цзү. Еще дагѣ намъ начали постоянно встрѣчаться то поднимающіеся съ мѣстъ, то еле двинувшіеся въ ходъ русскіе чайные караваны. Всѣхъ ихъ мы видѣли 8, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ было отъ 20 до 48 верблюдовъ. Въ 4 часа пополудни мы усмотрѣли къ югу отъ насъ горы, казавшіяся издали довольно высокими. Это были Шанду-ѳа; впрочемъ, по мѣрѣ приближенія, онѣ все болѣе и болѣе понижались, а когда мы подошли къ нимъ, то оказались простыми холмами. Не переваливая черезъ эти горы, мы въ 7 час. вечера остановились на сѣверной сторонѣ ихъ для ночлега. Неподалеку отъ насъ сидѣлъ одинъ монголъ, ѣхавшій на верблюдѣ. Онъ развелъ маленькій костеръ и, очевидно, варилъ себѣ чай въ котелкѣ. Пока развѣвывали нашихъ верблюдовъ я направился было къ нему, чтобы получить отъ него огня и поскорѣе развести свой костеръ; но подрядчикъ нашъ тотчасъ же остановилъ меня, заявивъ, что въ дорогѣ брать чужой огонь нельзя и во всякомъ случаѣ это несчастная примѣта: также точно нельзя оказывается и называть мѣста своей стоянки, ибо такое поименованіе оскорбляетъ генія-хранителя мѣстности. Подошедши къ сидѣвшему монголу, я узналъ, что это былъ извозчикъ, везшій изъ Калгана въ Ургу русскую легкую почту. Чойринскій трактъ является постоянною дорогой для слѣдованія русской почты.

Здѣсь я почитаю умѣстнымъ сказать то, что извѣстно мнѣ объ этомъ учрежденіи русской почты по Монголіи. Со времени открытія нашей постоянной торговли въ Китаѣ и свободнаго слѣдованія по Монголіи русскихъ каравановъ (т. е. съ 1861 г.), купечество наше, заинтересованное въ болѣе легкой и дешевой пересылкѣ коммерческихъ свѣдѣній, постоянно чувствовало потребность въ устройствѣ правильнаго почтоваго сообщенія по крайней мѣрѣ между Тяньцзиномъ и Кяхтою. Въ первые годы однако, когда условія нашей торговли въ Китаѣ еще не вполне выяснились, агенты русскихъ купцовъ, проживавшіе въ Тяньцзинѣ и Калганѣ, ограничивались пересылкою своихъ корреспонденцій изъ Тяньцзина, черезъ посредство тамошняго русскаго консула до Пекина, и далѣе съ ежемѣсячною казенною почтою, отправлявшеюся изъ нашей дипломатической миссіи. Что касается Калгана, то отсюда русскіе, вмѣстѣ съ шань-си'скими купцами, имѣвшими дѣло въ Кяхтѣ, обыкновенно отправляли свои письма разъ или два въ мѣсяцъ, нанимая особыхъ монгольскихъ курьеровъ и уплачивая имъ по 5 циновъ серебра (т. е. одинъ серебряный рубль) за каждое письмо, вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ. Вслѣдъ за симъ, когда агенты русскаго купечества водворились въ Тяньцзинѣ, Шань-хаѣ, Хань-коу и другихъ мѣстахъ по Янь-цзы, на дѣло сухопутной торговли было обращено болѣе серьезное вниманіе. Въ видахъ достиженія болѣе быстраго сообщенія, кяхтинскіе купцы съ Іюня 1863 г. устроили правильное почтовое движеніе для пересылки своихъ корреспонденцій, при чемъ они съ готовностью и совершенно бесплатно доставляли и казенную корреспонденцію. Почта ихъ должна была ходить два раза въ мѣсяцъ между Кяхтою и Калганомъ, перевоза газеты, журналы и письма въ тюкѣ, вѣсомъ не болѣе одного пуда. Почтосодержателямъ въ видѣ преміи было предоставлено право брать за каждый лоть письма по 30 коп. съ лицъ, не принадлежавшихъ къ кяхтинскому купечеству, а равно и съ китайцевъ, проживающихъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и Калганѣ. Что касается корреспонденціи, слѣдовавшей въ Пекинъ и Тяньцзинъ, то она пересылалась каждый разъ съ особо нанимаемыми китайскими курьерами, съ платою отъ 10—15 р. въ одинъ конецъ и назначеніемъ срока отъ 2-хъ до 3-хъ сутокъ. Почта эта въ лѣтнее и осеннее время ходила между Калганомъ и Кяхтою въ 12 сутокъ, а зимою и весною въ 14 и даже 15 сутокъ. За содержаніе вышеуказаннаго почтоваго сообщенія купечество одновременно платило своимъ контрагентамъ въ первый годъ 4,000 р., а во второй 5,000 р. кредитными билетами. Доставка этой почты на пространствѣ отъ Урги до Калгана производилась большею частію на пятыми монголами, а между Кяхтою и Ургою контрагенты имѣли своихъ людей, лошадей и верблюдовъ.

Въ концѣ 1863 года нѣкоторыя великобританскія фирмы въ Шанхаѣ обратились съ просьбою къ своему посланнику въ Пекинѣ, чтобы онъ, черезъ посредство нашего посланника, предложилъ бы сибирскому купечеству, не пожелаетъ ли кто-либо изъ среды его взять на себя устройство правильного курьерскаго сообщенія съ условіемъ, чтобы депеши, получаемыя по телеграфу изъ Европы въ Кяхту, доставлялись въ Тяньцзинь регулярно по восьми разъ въ мѣсяцъ въ ту и другую сторону, срокомъ отъ 9 до 10 сутокъ. За устройство такого сообщенія великобританскія фирмы заявляли готовность уплачивать ежегодно отъ 35 до 40 тысячъ руб. сер. въ годъ. Вопросъ этотъ въ началѣ 1864 г. былъ переданъ на обсужденіе кяхтинскихъ купцовъ; между ними оказались и желающіе принять устройство этого сообщенія; а одинъ изъ нихъ, г. Сабашниковъ, представилъ и подробныя условія, по которымъ хотѣлъ онъ выполнять это дѣло. Въ то же время г. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, по порученію центрального правительства, также обратился къ кяхтинскому купечеству съ вопросомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ устроить на собственный счетъ болѣе правильное почтовое сообщеніе взамѣнъ существующей купеческой почты. На вопросъ этотъ купечество отвѣчало отрицательно, ссылаясь на неимѣніе средствъ и на достаточное удовлетвореніе своихъ нуждъ существующею почтою. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, получивъ однако такой отвѣтъ, не оставилъ этого дѣла и въ концѣ 1864 г. представилъ свой проектъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ о возможности и необходимости устройства почтоваго сообщенія между Кяхтою и Тяньцзинемъ, указывая, что расходъ по этому учрежденію можетъ покрываться почтовыми сборами. Въ Іюлѣ 1865 г. проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ, въ видѣ опыта, на три года, съ производствомъ отъ казны выдачи, въ видѣ пособія, по 19,300 р. сер. на расходы по содержанію этой почты. Почта эта, какъ гласилъ документъ, учреждалась съ цѣлью доставленія большихъ удобствъ купечеству, ведущему свои торговыя дѣла въ Китаѣ. По составленнымъ правиламъ, почты между Кяхтою и Тяньцзинемъ отправлялись ежемѣсячно по 4 раза въ ту и другую сторону: легкія вѣсомъ не болѣе одного пуда, а тяжелыя до 25 пудовъ. Съ тяжелыми почтами, по одному разу въ мѣсяцъ, купечество могло посылать изъ Кяхты звонкую монету и другія посылки, а изъ Тяньцзина образцы китайскихъ товаровъ и проч. Перевозка этихъ тяжелыхъ почтъ составляла не малую часть расхода въ общей суммѣ уплачиваемой почтосодержателямъ.

Съ Октября мѣсяца того же 1865 года новое почтовое сообщеніе было открыто по всему тракту, но съ самаго же начала оно произвело неблагоприятное впечатлѣніе на многихъ корреспондентовъ, въ особенности

иностранныхъ. Главнѣйшею причиною тому были крайне медленное и нерегулярное движеніе почтъ, а равно неаккуратное исполненіе нѣкоторыми служащими ихъ обязанностей по пересылкѣ корреспонденцій. Все это, весьма вѣроятно, могло бы быть устранено при честномъ отношеніи къ дѣлу, распорядительности и достаточной опытности лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ какъ въ Сибири, такъ и въ Монголіи: легкія почты могли бы безъ затрудненія двигаться между Кяхтою и Тяньцзиномъ въ 11 и 12 сутокъ, а они между тѣмъ пробывали въ дорогѣ 16 и болѣе. Быстрота движенія почтъ особливо была бы желательна въ періодъ съ Апрѣля по Декабрь мѣсяць. Въ это время существуетъ пароходное сообщеніе между Тяньцзиномъ и другими портами Китая и мы, конечно, могли бы исполнять то, чего доискивались отъ насъ европейцы. Къ быстрому и регулярному доставленію почтъ слѣдовало пріучить монголовъ и это, безъ сомнѣнія, могли сдѣлать лица, знакомыя съ условіями быта страны, особливо при тѣхъ значительныхъ средствахъ, которыя отпускались на содержаніе почтового сообщенія. Эти расходы, какъ было сказано, простирались до 19,300 руб., въ возвратъ же ихъ отъ почтового сбора едва поступала одна четверть сказанной суммы.

Иностранное купечество въ Шанхаѣ, съ перваго же года убѣдившись, что наше почтовое сообщеніе не можетъ удовлетворять требованіямъ его въ отношеніи быстроты доставленія депешъ, въ 1866 г. предложило проживавшему въ Кяхтѣ, великобританскому подданному, г. Гранту, устройство за счетъ фирмъ особаго курьерскаго сообщенія. Г. Грантъ взялся за это дѣло и, несмотря на многія, встрѣтившіяся ему затрудненія, успѣлъ уже къ слѣдующему году пріучить почтосодержателей своей линіи къ регулярному доставленію почты между Кяхтою и Тяньцзиномъ въ 11—12 дней. Сообщеніе г. Гранта открывалось ежегодно съ 1-го Марта и заканчивалось въ концѣ Ноября. Депеши между сказанными пунктами отправлялись отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ мѣсяць въ ту и другую сторону, причемъ постъ-пакеты бывали не болѣе 3 фунтовъ вѣса. Расходы на содержаніе этой линіи стоили г. Гранту въ первые годы отъ 5—6 тысячъ рублей въ сезонъ; впоследствии же, когда депеши по этой линіи начали доставляться еще въ болѣе краткіе сроки, какъ напримѣръ въ 1870-мъ году въ 9 сутокъ, и когда отправки курьеровъ увеличились до 10 и болѣе разъ въ мѣсяць, расходы на линію возросли до 20 тыс. руб. въ сезонъ. Съ 1-го Мая 1871 г. сообщеніе это, по случаю проведенія телеграфа изъ Индіи въ порты Китая, было прекращено; въ общемъ же, говорятъ, операція эта доставила г. Гранту болѣе 50 тыс. рублей чистой пользы.

Что касается русской почты, то положеніе ея за этотъ періодъ также

нѣсколько измѣнилось. Въ Августѣ 1869 г. г. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири представилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ новый проектъ со включеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ постановкѣ дѣла почтоваго сообщенія по Монголіи сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ, хотя эти особенности касались главнымъ образомъ только технической части дѣла. Проектъ этотъ былъ рассмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и, какъ мнѣніе онаго, Высочайше утвержденъ въ 23-й день Марта 1870 г. Русское почтовое сообщеніе по Монголіи было объявлено теперь какъ частное коммерческое предпріятіе, находящееся лишь подъ покровительствомъ Русскаго Правительства. Въ пособіе на расходы по содержанію этого почтоваго сообщенія назначалось по 17,600 р. въ годъ, изъ коихъ 7,100 р. расходовались по штату на содержаніе личнаго состава, а остальные 10,500 р. предназначались на уплату почтовымъ подрядчикамъ. Плата эта, назначенная почтосодержателямъ, по тогдашнимъ условіямъ, можно сказать, была и достаточною, и лестною для монголовъ. Въ ту пору кочевое положеніе монголовъ значительно разстроилось. Неоднократное вторженіе въ Халху дунганскихъ инсургентовъ произвело запустѣніе во многихъ хошѹнахъ, торговля упала, заработковъ у монголовъ не было, а поборы между тѣмъ значительно возрасли; при таковыхъ порядкахъ имѣть дѣло въ 10,500 р. было для монголовъ и даже весьма состоятельныхъ не малымъ подспорьемъ. Мы могли предписывать имъ какія угодно правила съ полной увѣренностью, что они будутъ выполнены. Къ сожалѣнію однако, наши отношенія къ веденію почтоваго дѣла остались тѣ же и въ результатѣ всего этого въ Апрельѣ мѣсяцѣ 1870 г. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири нашелся вынужденнымъ сдѣлать распоряженіе, по которому частные капиталы могли посылаться только нестрахованными, равно и заказная корреспонденція не обязывалась сроками; въ нѣкоторой части нашего общества въ ту пору возникло мнѣніе даже о бесполезности этой почты. Покойный русскій вице-консулъ въ Хань-коу, Пономаревъ, лично разказывалъ намъ о жалобѣ проживавшихъ въ Хань-коу русскихъ купцовъ, будто бы Иркутская почтовая контора, въ совершенный ущербъ торговымъ интересамъ, особливо по срочнымъ чайнымъ заказамъ, отправляла слѣдующую въ Хань-коу корреспонденцію вокругъ свѣта съ англійскою и французскою почтами. Бывали случаи, что чайные заказы изъ Иркутска получались въ Хань-коу черезъ 85 дней и даже три мѣсяца. Нельзя, конечно, сказать, чтобы почтовое вѣдомство наше не заботилось о монгольской почтѣ, все дѣло въ томъ, что заботы его не были направляемы должнымъ образомъ. Оно предполагало, на примѣръ, для развитія дѣятельности монгольской почты заключить согла-

шеніе съ иностранными почтовыми конторами, существовавшими въ Китаѣ, учредить въ Хань-коу и другихъ китайскихъ портахъ свои почтовые конторы и прочее. А между тѣмъ главнѣйшая забота его должна была бы быть направленною исключительно на дѣло ускоренія почтовыхъ сношеній по Монголіи и на пространствѣ между Кяхтою и Тяньцзиномъ, тогда какъ распространеніе нашихъ почтовыхъ операцій за Тяньцзиѣ не могло принести ни пользы самому почтовому управленію, ни удобствъ публикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, требованія проживавшихъ въ Пекинѣ и Тяньцзинѣ иностранцевъ относительно пересылки корреспонденцій въ Шанхай въ лѣтнюю пору вполне удовлетворяли тогда, и притомъ безвозмездно, частные пароходы, содержавшіе сообщеніе между Тяньцзиномъ и Шанхаемъ; въ зимнее же время, съ прекращеніемъ навигаціи по рѣкѣ Бай-хо, почты пересылались между Тяньцзиномъ, Пекиномъ и Шанхаемъ, безвозмездно же, съ курьерами управленія китайскихъ таможенъ. Что касается почтовыхъ сообщеній между портами Китая и Европою, содержавшихся пароходами английскихъ и французскихъ компаній, то они были настолько часты, правильны и быстры, что не только иностранцы, проживавшіе въ Шанхай и другихъ портахъ, а даже жившіе въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ не находили выгоднымъ для себя пользоваться русскою почтою для пересылки писемъ въ Европу. Только ускореніе сообщеній по Монголіи могло быть выгоднымъ для нашего дѣла, а объ этомъ сначала было мало заботы, а потомъ и поставить дѣло на надлежащую точку стало труднѣе. Въ этомъ случаѣ прежде всего игралъ свою роль обычай. Разъ допущено было, что почта вмѣсто 11—12 сутокъ ходила 14—15, всякое уменьшеніе срока ея движенія должно было вызывать увеличеніе цѣнъ со стороны подрядчиковъ, а уплачивать такой прибавки было нечѣмъ. Съ другой стороны, начавшіяся съ половины 70-хъ годовъ бѣдствія въ Монголіи: сильныя засухи лѣтомъ и глубокіе снѣга зимою, годъ отъ года увеличивали тяжесть почтовой гоньбы, вслѣдствіе громадной убыли въ количествѣ перевозочныхъ средствъ. До чего велики были въ этомъ случаѣ потери монголовъ лучше всего можетъ указать слѣдующій примѣръ. Весною 1878 г. я цѣлый мѣсяць прожилъ въ Мэргэнъ-вановскомъ хошунѣ, у нашего почтоваго подрядчика Ганчѣ и подробно ознакомился съ его хозяйствомъ, въ инвентарѣ коего считалось до 3000 верблюдовъ; въ 1883 г. тотъ же Ганчѣ писалъ мнѣ въ Петербургъ, что у него осталось только 700 верблюдовъ, а изъ 1000 головъ рогатаго скота уцѣлѣло 120. Извѣстно, что покойному Пржевальскому въ томъ же 1883 г. пришлось заплатить въ Ургѣ по 135 руб. за голову верблюда, котораго прежде было легко купить за 60, или 65 руб. Тѣ же самыя цѣны на скотъ существовали и для монголовъ. Дальнѣйшіе годы принесли

съ собою еще больше несчастій и въ настоящую пору о домѣ вышепоманутаго Ганчѣ мнѣ разказываютъ, напримѣръ, что у него уже нѣтъ ни одного верблюда, а осталось только 4 лошади, да головъ 30 рогатаго скота. Вообще можно сказать, что за періодъ послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ у тѣхъ изъ монгольскихъ домохозяевъ, которые имѣли у себя по 300—500 верблюдовъ, едва осталось 50—70 головъ, мелкій же скоть у многихъ вымеръ поголовно. Понятно, что возсоздавать при этомъ хотя бы первоначальную правильность почтоваго сообщенія довольно трудно и такимъ образомъ почтовое дѣло наше идетъ по старому. Разстояніе между Кяхтою и Калганомъ распредѣляется какъ и прежде между двумя подрядчиками, хотя перевозочныя средства ихъ едва ли равняются и одной трети того, что имѣли старые подрядчики, Галсанъ и Ганчо, содержавшіе нашу почту въ концѣ 70-хъ годовъ. Впрочемъ, должно сказать, что и настоящіе подрядчики—люди довольно богатые, а для правильности движенія нашихъ почтъ важно даже не столько увеличеніе количества ихъ скота, сколько пресѣченіе по тѣмъ или другимъ причинамъ допускаемыхъ ими злоупотребленій. Прежде всего какъ подрядчики, такъ и нанимаемые ими проводники привыкли уже пользоваться нашей почтой для провоза своихъ собственныхъ вещей и считаютъ это своимъ законнымъ правомъ. На мои указанія незаконности такого образа дѣйствій они отвѣчали обыкновенно: «верблюды наши, мы можемъ везти на нихъ все, что намъ нужно». Повидимому, никто и никогда не внушалъ имъ, что русское правительство платитъ имъ деньги не только за доставку почты, но и за своевременность доставки и что потому обремененіе почты посторонними вещами естественно препятствуетъ выполнению ими послѣдняго и самаго главнаго условія контракта. Если такъ думаютъ и поступаютъ сами подрядчики, то проводникамъ ихъ открывается, конечно, еще большій просторъ для злоупотребленій: они не довольствуются тѣмъ, что нанимаются везти съ почтою посторонніе грузы, но еще стараются нажитья и другимъ способомъ. Подрядчики, напримѣръ, отпускаютъ проводникамъ деньги на прокормъ верблюдовъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и у Чахаровъ; но деньги эти проводники обращаютъ въ собственность, верблюды же везутъ почту голодные и потому идутъ медленно и скоро устаютъ. Всѣ эти обстоятельства, повидимому, очень маловажны, но внѣ устраненія ихъ достиженіе правильности нашихъ почтовыхъ сообщеній рѣшительно невозможно.

Чтобы доставить читателямъ свѣдѣнія о современномъ состояніи содержимаго нами почтоваго сообщенія въ китайскихъ владѣніяхъ, скажемъ теперь же, что сообщеніе это остается по старому между пунктами Кяхты и Тяньцзиня. На пространствѣ этомъ нами содержится четыре почтовыхъ

конторы: въ Ургѣ, Калганѣ, Пекинѣ и Тяньцзинѣ. Въ этихъ конторахъ принимается и отправляется всякаго рода корреспонденція, во всѣ мѣста Россіи и за границу. Всѣхъ нашихъ почтъ по китайскимъ владѣніямъ проходить въ теченіе мѣсяца (за исключеніемъ эстафетъ) восемь, т. е. по три такъ называемыхъ легкихъ почты и по одной тяжелой изъ Кяхты въ Тяньцзинъ и столько же изъ Тяньцзина въ Кяхту. Легкія почты доставляются между Кяхтою, Ургою и Калганомъ на 2-хъ верховыхъ лошадяхъ, при одномъ ящикѣ-монголѣ; изъ Калгана же до Пекина и Тяньцзина онѣ доставляются китайцами на мулахъ, или осликахъ. Съ легкими почтами отправляются только заказная и простая корреспонденція, казенные простые пакеты и періодическія изданія; съ тяжелыми почтами уже рѣшительно всякаго рода корреспонденція и посылки. Тяжелыя почты доставляются по Монголіи на верблюдахъ, во व्यюкахъ, а по Китаю на мулахъ и тоже или व्यюками, или на телѣгахъ. Между Пекиномъ и Тяньцзиномъ, по открытіи навигаціи (отъ Тунъ-чжоу) тяжелыя почты доставляются на лодкахъ по рѣкѣ Бай-хэ. Ради большей безопасности, тяжелыя почты сопровождаются еще на всемъ пути, кромѣ ящиковъ, двумя казаками. По заключеннымъ нынѣ контрактамъ, срокъ доставки легкихъ почтъ между Кяхтою и Калганомъ исчисляется для лѣтняго времени въ 8, а въ зимнюю пору въ $9\frac{1}{2}$ сутокъ; для тяжелыхъ почтъ, лѣтомъ 21 сутки, а зимою 23; между Калганомъ и Пекиномъ легкія почты обязаны ходить какъ лѣтомъ такъ и зимою въ 2 сутокъ, а тяжелыя 4 сутокъ; между Пекиномъ и Тяньцзиномъ — легкія почты 1 сутки, а тяжелыя — 2. Плата за доставку почтъ въ мѣсяцъ: по Монголіи 750 серебряныхъ рублей, а по Китаю 156 сереб. рублей. Въ общемъ, движеніе почтъ по Китаю, за исключеніемъ періода наводненій, бываетъ въ настоящую пору довольно исправно, по Монголіи же почты очень часто запаздываютъ и иногда на срокъ до 5 сутокъ.

15-е Ноября. Воскресенье.

7 ч. утра — $21\frac{1}{2}^{\circ}$; 1 ч. дня — 13° ; 9 ч. вечера — 22° .

Двинулись въ 7 ч. 45 м. Поднялись на пологія горы Шанду, за которыми послѣдовалъ цѣлый рядъ уваловъ. Мы то пробирались между ними, то переваливали черезъ нихъ, пока наконецъ, около 10 часовъ дня, не выѣхали на пространную долину, почва которой была твердо-песчаного грунта, ровная какъ утрамбованныя дорожки нашихъ парковъ. По бокамъ видны небольшіе пригорки. Здѣсь встрѣтили мы два каравана съ русскими чаями, стоявшихъ неподалеку другъ отъ друга на привалѣ, и это была единственная встрѣча за весь день. Въ 12 ч. 35 м. мы прибыли къ урочищу Шаръ-чжилгъ. Это богатая травою ложбина; она имѣетъ общій наклонъ къ юго-востоку и огибаетъ конусообразно возвышающуюся гору

Мунхэ-тологдй. Травы и корма здѣсь были отмѣнно хороши и мѣстами въ углубленіяхъ встрѣчалось довольно снѣгу. Здѣсь мнѣ припомнилось, что вообще горы по лѣвому берегу Тобы характеризовались у насъ какъ разграничивающія сѣверную, гористую степь Монголіи отъ внутренней полосы ея — пустынной гоби. «Переѣзжая Тобу», говоритъ Пржевальскій, «путешественникъ оставляетъ за собою послѣднюю текучую воду и тутъ же на горѣ Хянь-ѹла долженъ распроститься съ послѣднимъ лѣсомъ. Далѣе къ югу до окраины собственнаго Китая тянется та самая пустыня Гоби, которая залегла громадною полоскою поперекъ восточно-азиатскаго нагорья». Все это не совсѣмъ точно. Мы проѣхали теперь отъ дабана уже болѣе 70 верстъ, а пустыня все еще не начиналась и въ крайнемъ случаѣ мѣста эти могутъ быть названы только переходною полоскою къ гобійскимъ мѣстностямъ. Въ общемъ залегающія здѣсь урочища еще напоминаютъ мѣстности къ сѣверу отъ Урги и представляютъ собою тѣ же широкія, плоскія и котловинообразныя впадины, отдѣленные одна отъ другой цѣпами плоскихъ горъ. Травянистая растительность этихъ мѣстъ даже теперь кажется довольно разнообразной и богатой; здѣсь, несомнѣнно, существуютъ правильные атмосферные осадки, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное количество выпадающихъ снѣговъ; одно только отсутствіе кустарниковъ нѣсколько отличаетъ эти мѣста, на примѣръ, отъ долины Куй-мандала; вопреки, наконецъ, увѣренію о полномъ отсутствіи здѣсь проточныхъ водъ, монголы называютъ не мало именъ мѣстныхъ ключей и ручьевъ, только не текущихъ въ линіи дороги. — Съ сопкою Мунхэ-тологдй мы поровнялись въ 1 ч. 5 м. дня; она отстоитъ версты на 1½ влѣво отъ дороги, въ линіи которой за сопкою тянулась та же гладкая степь. День сегодня очень теплый: на солнцѣ даже жарко, но замѣчательно, что со стороны, противоположной солнцу, ухо замерзаетъ и его приходится отогрѣвать треніемъ. Въ 2 ч. 35 м. мы доѣхали до невысокой каменной гряды, именуемой Адунь-чулѹ. Оба ската ея пологи и удобны для ѣзды, а на гребнѣ обнажившіеся камни стоятъ дорожкой, какъ будто уставленные человѣческою рукою. По южную сторону гряды, вправо отъ дороги, находится хорошій колодець. Это показалось мнѣ замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что вода въ этомъ колодцѣ, говорятъ, очень пріятная на вкусъ, а между тѣмъ въ линіи дороги непосредственно по спускѣ съ Адунь-чулѹ залегаетъ обширный солончакъ, который, казалось бы, долженъ имѣть вліяніе на мѣстныя воды. За этимъ солончакомъ послѣдовала громадная долина, называемая Гунь-худугъйинъ, миновавъ которую мы въ 6 ч. 15 мин. вступили въ холмы Ыгѹмѹра и среди нихъ остановились для ночлега. Разговаривая съ подрядчикомъ о мѣстѣ нашей остановки, я замѣтилъ, что онъ показывалъ его мнѣ

издали не какъ обычно дѣлаемъ это мы, вытягивая указательный палецъ, а выпрямляя четыре пальца и пригибая большой къ ладони. Я спросилъ его объ этомъ обстоятельстве, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что именно такимъ образомъ нужно указывать мѣстность, чтобы не оскорбить духа-покровителя ея и не тыкать въ него однимъ пальцемъ какъ въ какую-нибудь домашнюю вещь. Замѣчательно, что на нашихъ старинныхъ иконахъ преподобные и святые основатели монастырей рисуются указывающими на основанныя ими обители также четырьмя, а не однимъ указательнымъ пальцемъ. Очевидно, это этикетъ общій всему востоку. На мѣстѣ своей стоянки я цѣлый вечеръ проговорилъ съ однимъ изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ. Онъ оказался для меня человѣкомъ въ высшей степени интереснымъ въ томъ отношеніи, что носилъ званіе такъ называемаго «чиновника по милости», — хэшиктү-түшимэль. Предокъ его отличился передъ маньчжурскимъ правительствомъ еще въ войнахъ Галданъ-цэрэна и было убитъ въ сраженіи, за что сыну его и было пожаловано званіе «Хэрэглэждэхү-түшимэль». Мой собесѣдникъ, Нэрэнъ, былъ уже въ 5 колѣнѣ отъ этого своего предка. Онъ носилъ мѣдный шарикъ, и получалъ пенсію въ 25 ланъ, которая опредѣлена за его потомствомъ на вѣки (үрэ-тасуралъ-үгэй). Нэрэнъ подробно разказалъ мнѣ о постановленіяхъ богдоханскаго правительства относительно «чиновниковъ по милости», изложеніе же этихъ постановленій читатели найдутъ въ III томѣ настоящаго труда, въ статьѣ о сословіяхъ у монголовъ.

16-е Ноября. Понедѣльникъ.

7 ч. утра —24°; 1 ч. дня —24°; 9 ч. вечера —21°.

Выѣхали въ 7 ч. 45 м. и первоначально слѣдовали между холмами Үгбмүр'а. Влѣво видно было небольшое озеро Хонгөр-нүр, за которымъ съ восточной стороны дороги потянулись Эргэнэгийнъ-үла. Холмы Үгбмүр'а заканчиваются тремя горюшками, именуемыми Гурбунъ-тологдй. Переваливъ ихъ въ 9 ч. 45 м., мы вступили въ обширную степь, называемую въ ея сѣверной части Наранай-аршанту. Название это произошло, съ одной стороны, отъ протягивающихся здѣсь невысокихъ холмовъ Наранъ, а съ другой — отъ находящагося у этихъ горъ минеральнаго источника, къ которому, говорятъ, въ лѣтнее время съѣзжается не мало больныхъ сифилисомъ и кожными сыпями. Какой составъ этого источника, мнѣ не удалось узнать въ точности, однако судя потому, что монголы разказывали о присущемъ ему отвратительномъ запахѣ, я предполагаю, что это сѣрный ключъ. Нѣсколько южнѣе та же долина носитъ названіе Туғурйкъ. Въ этомъ урочищѣ оканчиваются земли хошүна Пунъ-бэйсэ и начинается хошүнъ цзянь-цзюнь бэйлэ цэцэнъ-хановскаго аймака. Это назва-

іе «цзянь-цзюнь бэйлэ», собственно названіе временное и происходит оттого, что правитель этого хошүна, имѣющій званіе бэйлэ, отправляетъ теперь въ своемъ аймакѣ должность цзянь-цзюня. Болѣе постояннымъ можетъ быть признанъ титулъ его цэцэнъ-бэйлэ. Въ 1 ч. 30 мин. дня мы спустились отсюда въ пространную, круглую лощину, именуемую Шилійнь-худүкъ, отъ находящихся здѣсь колодцевъ. Здѣсь, въ сторонѣ, верстахъ въ двухъ отъ дороги, я увидалъ три табуна лошадей и, направившись къ нимъ, весьма счастливо нашелъ при нихъ завѣдующаго этими табунами тайчжія. Онъ разказалъ мнѣ, что табуны эти принадлежатъ хошүну цзянь-цзюнь бэйлэ и образовались не болѣе какъ лѣтъ десять назадъ по слѣдующему случаю. Въ ту пору у Китая были натянутыя отношенія съ Россією; Монголія была объявлена на военномъ положеніи, въ Ургу былъ посланъ 500-ый отрядъ сначала сюань-хуа-фу'скихъ, а потомъ чахарскихъ войскъ и наконецъ на должность ургинскаго маньчжурскаго амбана былъ назначенъ славившійся своими способностями полковода, Си-чанъ. Прибывъ въ Ургу, новый администраторъ тотчасъ же замѣтилъ здѣсь массу безпорядковъ и несообразностей: дѣла велись медленно, страна истощалась отъ поборовъ, а командированные для охраны ея солдаты не получали своевременно жалованія и естественно вынуждаемы были или входить въ неоплатные долги у мѣстныхъ торговцевъ, или же заниматься мародерствомъ среди монголовъ. Основную причину всего этого, а особливо замедленій въ дѣлопроизводствѣ и полученіи содержанія военнымъ отрядамъ, Си-чанъ видѣлъ въ неправильной постановкѣ сообщенія Урги съ Пекиномъ и Улясутаемъ, т. е. резиденціей цзянь-цзюня. Казенный почтовый трактъ изъ Урги въ Пекинъ идетъ на соединеніе съ Алтайскимъ въ урочищѣ Сяпръ-усу, а оттуда уже поворачиваетъ на юго-востокъ къ Калгану. Такимъ образомъ, разстояніе отъ Урги до Калгана по этой дорогѣ исчисляется минимумъ въ 1275 верстъ, тогда какъ по торгово-караванному тракту, оно едва достигаетъ 900 верстъ. Казенное сообщеніе съ Улясутаемъ было еще болѣе поразительно по своему направленію. Слѣдуя изъ Урги въ Улясутай по казенному тракту, нужно сдѣлать 1635 верстъ, тогда какъ монгольскіе князья содержатъ между Ургою и Улясутаемъ свое почтовое сообщеніе, дорога по которому исчисляется только въ 750 верстъ. Принявъ во вниманіе сказанныя обстоятельства, Си-чанъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, въ которомъ излагалъ, что казенныя станціи алтайскаго тракта въ настоящую пору являются страшно истощенными отъ множества развѣздовъ, а между тѣмъ пользы отъ ихъ дѣятельности собственно для восточной Халхи, и въ частности для Урги, очень мало, потому что алтайскій трактъ и по отношенію

къ Пекину, и по отношенію къ Улѣсутаю черезъ чурь круженъ. Амбанъ предлагалъ поэтому устроить отъ Урги два новыхъ и прямыхъ почтовыхъ тракта: отъ Урги до Калгана и отъ Урги до Улѣсутая. Основаніе послѣдняго, по словамъ его, не представляло особенныхъ затрудненій тѣмъ больше, что сношенія съ Улѣсутаемъ не особенно велики: направленіе пути здѣсь было извѣстно, станціи готовы, нужно было только соединить вмѣстѣ составъ отбывающихъ почтовую повинность тушѣту-хѣновцевъ и пэцэнъ-хѣновцевъ и трактъ былъ бы готовъ. Что касается прямого сообщенія между Ургою и Калганомъ, то здѣсь амбанъ предлагалъ: а) избрать Чойринскій трактъ, какъ самый ближайшій; б) учредить на немъ 20 новыхъ станцій; в) въ виду имѣющаго быть сокращенія въ движеніи по алтайскому тракту, взять съ онаго 36 почтовыхъ семей западныхъ аймаковъ¹⁾ и перемѣстить ихъ на вновь открываемый трактъ; наконецъ, г) привлечь къ отбыванію почтовой повинности на этомъ трактѣ внутренніе хошұны, особливо Сунитовъ и Абага, которые нигдѣ не несутъ на себѣ этого рода обще-государственной службы. Докладъ этотъ былъ переданъ богдохѣномъ на обсужденіе сановникамъ, при чемъ Ли-фанъ-юань почелъ долгомъ, прежде всего запросить объ удобствахъ и потребностяхъ этой реформы самихъ монгольскихъ князей. Между сеймовыми старшинами произошелъ первый расколъ: восточные аймаки, которымъ было выгодно отбывать повинность ближе, стояли за новый трактъ; западные, которымъ прямо заявлялось, что съ нихъ потребуютъ 36 семей (а можетъ быть и больше?) для отбыванія службы за 1000 верстъ отъ родины, были противъ него. Завѣдывавшіе самымъ алтайскимъ трактомъ князья писали, что хотя объединеніе на ихъ трактѣ путей изъ различныхъ городовъ и дѣйствительно тяжело, однако они полагаютъ, что эта трудность будетъ все-таки легче для страны, чѣмъ содержать лишній почтовый трактъ, потому что при перевозкѣ пакетовъ почтарю рѣшительно все равно везти ли одинъ пакетъ, или десять; а при перевозкѣ казенныхъ провіантовъ и посылокъ относительная величина каравановъ даетъ возможность сокращать число людей: если вмѣсто 20 извозчиковъ послать 15, то это не произведетъ особыхъ затрудненій. На всѣ эти отвѣты Си-чанъ написалъ соответствующую отповѣдь, указывая, что монголы лѣнливы и лукавы; что замедленіе въ дѣлахъ происходитъ какъ вслѣдствіе кружности дороги, такъ и въ силу того, что почтари, получивъ казенную бумагу, не пересылаютъ ее тотчасъ же дальше, а поджидаютъ другихъ пакетовъ, чтобы отправить ихъ вмѣстѣ и такъ далѣе. «Урга, говорилъ онъ, мѣстность пограничная съ

1) Сайнъ нойновскаго и Цзасакту хѣновскаго.

Россією и для безопасности Имперіи требуетъ скорѣйшихъ сношеній съ центральнымъ правительствомъ. Этимъ аргументомъ Си-чанъ надѣялся многое сдѣлать въ Пекинѣ, а имѣя свою поддержку въ министерствахъ, считалъ начатое имъ дѣло уже оконченнымъ и даже сдѣлалъ распоряженіе по восточнымъ аймакамъ, чтобы они готовились къ обоснованію станцій. Ли-фань-юань, впрочемъ, взглянулъ на дѣло иначе и доложилъ богдохану, что въ виду, съ одной стороны, несомнѣнной важности и пользы проекта, а съ другой—возникшихъ несогласій по этому вопросу въ средѣ самихъ монголовъ, онъ опасается какъ бы внезапнымъ измѣненіемъ существующаго порядка не произвести бѣдшихъ опущеній; а потому просилъ высочайшаго разрѣшенія командировать двухъ своихъ сановниковъ для разслѣдованія дѣла на самомъ мѣстѣ. Богдоханъ далъ, конечно, разрѣшеніе, почему изъ Пекина были посланы въ Монголію амбаны Цянь-си и Дугарь; но пока собирали они свои данныя, Си-чанъ былъ переведенъ изъ Урги и дѣло это лишилось своего главнаго ходатая. Въ то же время, говорятъ, Суниты и Абага, а равно халхасы западныхъ аймаковъ дали взятку амбанямъ, и, возвратившись изъ командировки, они представили свои отзывы въ крайне невыгодномъ для Си-чана свѣтѣ. Старшій изъ этихъ амбаней, Цянь-си, изложивъ мотивы, представленные Си-чаномъ, писалъ, что хотя проектъ этотъ заманчивъ и соответствуетъ обстоятельствамъ времени, тѣмъ не менѣе Си-чанъ вовсе не открылъ новости. Алтайскій трактъ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ и не въ первый разъ испытываетъ онъ трудное время отъ множества дѣлъ. Си-чанъ заботился лишь объ Ургѣ; но онъ забылъ, что по алтайскому тракту идутъ также казенные пакеты и посылки, а равно ѣдутъ чиновники въ Улясутай, Кобдò, во всѣ мѣстности по Бэй-лу и далѣе въ Или и Тарбагатай. Уменьшать поэтому число служащихъ на этомъ трактѣ, хотя бы 36 семьями невозможно. Урга—это ничтожная единица, на которую рѣдко и обращается вниманіе, между тѣмъ въ Кобдò и другихъ сѣверо-западныхъ городахъ требуется постоянное присутствіе охранныхъ войскъ; Или требуетъ также заботъ о благоустройствѣ на далекое будущее время; туда равнымъ образомъ нужно много перевозить и денегъ, и провѣянты, для чего требуется военная охрана. Если обосновать два новыхъ тракта, то для пересылки денегъ въ Ургу по этимъ трактамъ нужно поставить на нихъ и соотвѣтственную охрану, содержать же таковую постоянно—выше силъ монголовъ. Въ настоящую пору при случаяхъ чрезвычайнаго движенія по алтайскому тракту, собираютъ лошадей и верблюдовъ со всѣхъ хошунъ; при основаніи новыхъ трактовъ не трудно дойти до того положенія, что и вспомошествовать станціямъ будетъ некому и нечѣмъ. Далѣе Си-чанъ, удостовѣряя трудность отбыванія почтовой гоньбы и не-

счастное положеніе почтосодержателей, указывалъ, что многіе почтари прямо разбѣжались, за невозможностью жить на станціяхъ и полнымъ неимѣніемъ для сего средствъ; но въ такомъ случаѣ лучше выдать имъ нѣсколько десятковъ тысячъ ланъ и привести ихъ въ должное состояніе. Си-чанъ, предусматривая это, говоритъ, что станціонные монголы алтайскаго тракта будутъ всегда страдать и нести службу не охотно, потому что, принадлежа главнымъ образомъ цзэнь-хъновскому и тшѣтѣ-хъновскому аймакамъ, они принуждены нести службу вдали отъ родины. Но на вновь основываемые тракты онъ уже теперь требуетъ 36 семей изъ западныхъ аймаковъ; развѣ они не будутъ точно также страдать, отбывая службу вдали отъ родины?

Другой командированный амбанъ, Дугаръ, доложилъ только, что, по его наблюденіямъ, западные аймаки Халхи за послѣднее время изъ года въ годъ подвергались различнымъ физическимъ бѣдствіямъ и никакое новое увеличеніе для нихъ налоговъ рѣшительно не возможно.

По такимъ донесеніямъ специальныхъ развѣдчиковъ, дѣло обоснованія трактовъ было отклонено на неопредѣленное время. Но мы видѣли уже, что Си-чанъ въ свою пору даже извѣстилъ восточные аймаки, чтобы они готовились къ отбыванію почтовой службы и устройству станковъ. Въ силу такого оповѣщенія, цзэнь-цзюнь бэйлэ и собралъ въ своемъ хошунѣ эти три табуна лошадей, рассчитывая ими не только отбывать почтовую гоньбу за свой хошунъ, но еще и брать апѣкъ съ западныхъ аймаковъ. Онъ посылалъ даже этого тайчжія въ цзасактѣ-хъновскій аймакъ для соотвѣтствующихъ переговоровъ, при чемъ было условлено, что хошунъ цзэнь-цзюнь бэйлэ будетъ отбывать службу за 18 юртъ, или семей, съ платою за каждую юрту по 200 ланъ. Получить однако такой выгодный подрядъ ему не удалось и лошади, собранные съ хошунныхъ податныхъ, доселѣ гуляютъ на свободѣ какъ принадлежащія хошунному управленію и составляющія общественную собственность въ хошунѣ.

Въ этихъ бесѣдахъ я провелъ цѣлыхъ два часа съ тайчжіемъ, а за симъ, распростившись съ нимъ, отправился догонять свой караванъ. По разказамъ жены, они въ 2 ч. 10 м. поднялись на невысокій увалъ Цахаръ-уха, за которымъ послѣдовала для нихъ огромная слабо-волнистая степь, ограничиваемая на югѣ рядомъ горъ, носящихъ различныя названія, таковы, начиная съ востока къ западу: Цзарà-ўла, Сансаръ, Хутухту-ўла и другія. Самая степь эта близъ Цахаръ-уха называется Цахаръ-талà. На половинѣ этой Цахаръ-талà я догналъ свой караванъ. Далѣе она смѣняетъ свое названіе на Тэрхэтійнь-талà, отъ имени колодца. Не доѣзжая этой Тэрхэтійнь-талà, мы въ 6½ ч. вечера остановились для ночлега.

17-е Ноября. Вторникъ.

7 ч. — 26 $\frac{1}{2}$ °; 1 ч. дня — 15°; 9 ч. веч. — 21°.

Выступили въ 7 ч. утра и продолжали путь по той же степи, которая здѣсь начинаетъ носить названіе Тэрхэтійнъ-тала; подобнымъ же образомъ она мѣняетъ свое названіе у колодець Эбицѣ и Гашунъ, называясь послѣдовательно Эбицѣйнъ-тала и Гашунай-тала. Какихъ-либо видимыхъ знаковъ, уваловъ, или ложбинокъ, которыя отдѣляли бы степь одного названія отъ продолженія ея подъ другимъ названіемъ, не существуетъ: на всемъ этомъ пространствѣ тянется равнина гладкая какъ столъ и усѣянная щебнемъ и камешками кремнистой породы; повидимому, просто мѣстность, ближайшая къ колодцу Эбицѣ, называется Эбицѣйнъ-тала, а ближайшая къ Гашуну, Гашунай-тала. Колодець Гашунъ лежитъ параллельно базальтовымъ горамъ Цзарѣ-ўла, оттого онъ имѣетъ еще болѣе полное названіе Цзарѣгійнъ-гашунъ. Ближе къ горамъ Цзарѣ имѣется небольшой ключъ, текущій потомъ незначительнымъ ручейкомъ и исчезающій подъ землю. Мы достигли этого колодца Гашунъ въ 1 ч. 30 м. дня. Отсюда начинается пологій скатъ къ югу, носящій названіе Ёгбмуръ. Спустившись по нему, мы переѣхали по льду довольно значительный ручей, Ёгбмуръ, проточная вода въ которомъ никогда не изсякаетъ лѣтомъ и не вымерзаетъ зимою. Отъ береговъ его въ 2 ч. 50 м. начали подниматься на уваль, именуемый Арү-хүтүл'емъ. На вершинѣ его имѣется также колодець сажени въ двѣ глубиною и съ количествомъ воды, достаточнымъ для самыхъ большихъ каравановъ. Отсюда дорога становится каменистѣе и вскорѣ вступаетъ въ небольшое ущелье, образуемое пологими боковинами горы Сансаръ. Растительности въ этомъ ущелии нѣтъ никакой и оно цѣликомъ наполняется мелкими обломками гранита. Сама гора Сансаръ кажется громадною для давно уже отвыкшаго отъ высокихъ горъ глаза, и во всякомъ случаѣ послѣ перевала черезъ отроги Гэнтѣя мы не видали такой высокой горы. Въ сторону дороги она ниспускается ровною и мягкою возвышенностью, а на западѣ образуетъ коническую вершину, при чемъ обнаженные гранитные утесы по боковинамъ ея смотрятъ съ какимъ-то грознымъ величіемъ. Подрядчикъ мой сказывалъ мнѣ, что встарину владѣнія цзянь-цзянь бэйлэ доходили на сѣверъ только до этой горы и лишь впоследствии они увеличились на счетъ земель Пунъ-бэйсэ. До параллели Сансаръ-ўлы мы дошли въ 4 ч. 10 м. Обогнувъ ее съ восточной стороны, дорога наша спустилась въ неширокую долину, по которой мы продолжали свой путь до урочища Гэръ-чулү, а въ этомъ послѣднемъ остановились для ночлега въ 6 ч. вечера. Во весь нынѣшній день мы не видали не только ни одного человѣка, но даже и ни одного живого существа.

18-е Ноября. Среда.

7 ч. утра — $23\frac{1}{2}^{\circ}$; 1 ч. дня — 16° ; 9 ч. веч. — $20\frac{1}{2}^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра и продолжали путь по той же каменной долине. Щебнемъ устьяна вся дорога и по сторонамъ ея безпорядочно располагаются камни въ видѣ отдѣльныхъ, громадныхъ валуновъ, сажени по три—четыре вышиною, съ соответственнымъ обхватомъ. Въ 8 ч. 30 м. достигли небольшой ложбинки, именуемой Цаганъ-худугѣйнъ-гблгъ, а за эту рѣчкушкю потянулась опять та же долина до ручья Улцѣурѣйнъ-булукъ. Подъемомъ отъ этого ручья начинаются возвышенности массива Богдѣ-улы. Въ общемъ массивъ этотъ имѣетъ, кажется, одинаковый составъ и строеніе съ видѣнною нами вчера Сансаръ-улой, только онъ гораздо больше этой послѣдней. Тѣ же оголенные утесы крупнозернистаго гранита по сторонамъ горы, тѣ же обнаженные гребни на ея вершинахъ, въ нижней своей части окутанные какъ будто бахрамою осыпями мелкихъ камешковъ; отдѣльно отъ главной горы высятся еще цѣлыя массы каменныхъ массивовъ, являющихся то въ видѣ громадныхъ валуновъ, то въ видѣ продолговатыхъ уваловъ съ такими же каменными гребнями, какъ и на главной горѣ. Дорога лавируетъ между этимъ царствомъ гранита и порфировъ, изрѣдка переваливая черезъ невысокіе каменные же увалы. И вдругъ среди давно уже невиданныхъ признаковъ человѣческой жизни намъ представило поразительное зрѣлище: это были груды заготовленнаго на топливо сусенаго навоза (аргалъ), въ количествѣ не менѣе 15,000 кубическихъ саженей. Во всю свою поѣздку по Монголіи я не видалъ ничего подобнаго; но оказалось, что мы и подъѣзжаемъ къ необыкновенному для сравнительно безплодной степи пункту. Это былъ Чойрайнь-хурѣ, живописный видъ котораго вскорѣ показался намъ при поворотѣ за одинъ изъ безчисленныхъ каменныхъ массивовъ. Чойрайнь-хурѣ раскидывается въ котловинѣ и по боковинамъ Богдѣ-улы, имѣя въ окружности не менѣе двухъ верствъ. Масса глинобитныхъ байшиновъ, окрашенныхъ въ бѣлую краску и составляющихъ лѣтнія жилища ламъ, представляла собою превосходное зрѣлище, а среди ихъ, на полугорѣ высились три блестящихъ золотомъ и разноцвѣтными красками кумирни тибетской архитектуры. Такъ какъ подрядчикъ мой состоялъ ламою Чойринскаго-хурѣня, то мы въ 11 ч. 15 м. заѣхали къ нему и пробыли у него около 3 часовъ, успѣвъ за это время позавтракать и выпить чаю.

Чойрайнь-хурѣ является самымъ большимъ изъ монастырей хошѣна цзянь-цзюнь бэйлэ и по времени своего основанія относится къ первымъ годамъ правленія Цянь-луна. Въ настоящую пору въ монастырѣ этомъ числится до 1500 ламъ и въ административномъ отношеніи онъ раздѣляется

на четыре аймака, или, какъ зовутъ здѣсь, «чжиса»: Цанитъ-чжиса, Чжудъ-чжиса, Дойнкоръ-чжиса и Манба-чжиса (= община лѣкарей). Замѣчательно, что при такомъ обиліи ламъ, всѣ они принадлежать исключительно хошуну цзянь-цзюнь бэйлэ и, мало того, въ Чойрайнь-хуръ даже существуетъ прямое постановленіе не принимать ламъ изъ другихъ хошунъ. Живетъ эта масса монаховъ, повидимому, совершенно безбѣдно, проводя лѣто въ байшинахъ, а зиму въ войлочныхъ юртахъ. Хубилгановъ или какихъ-либо особыхъ святыхъ здѣсь не имѣется, но монастырь, говорятъ, отличается строгостью своей жизни; съ внѣшней стороны это поддерживается воспрещеніемъ не только селиться, а даже пріѣзжать въ монастырь китайскимъ торговцамъ. Такимъ образомъ здѣсь нельзя найти ни нарядовъ, ни лакомствъ, ни водки; и это, конечно, значительно поддерживаетъ нравственность ламъ. Хуралы совершаются ежедневно; но расходы монастыря на эти хуралы поразительны по своей незначительности, какъ пришлось мнѣ узнать это изъ просмотра записей мѣстнаго нирбѣ, или казначея.

Вотъ, напримѣръ, расходы за истекшую девятую луну:

Шафрану и сахару-леденцу на 150 чеховъ.

10 связокъ курительныхъ свѣчей на 120 чеховъ.

Бумажекъ, сжигаемыхъ передъ кумирами, пистоновъ и китайскихъ булочекъ на 120 чеховъ.

На угощеніе ламъ при совершеніи хураловъ (манца): два кирпича чая — 1200 чеховъ.

1 мѣра (сѹлга) и 5 гарнцевъ (шанъ) ячменной муки 690 чеховъ.

3 гина ($4\frac{1}{2}$ ф. коровьяго масла 350 чеховъ).

3 гарнца соли — 330 чеховъ.

1 гинъ коноплянаго масла 135 чеховъ.

На угощеніе ламъ и расходы при служеніи въ цокчинѣ 25 числа:

22 гина пшеничной муки 792 чеха.

100 гиновъ коровьяго и бараньяго мяса 2700 чеховъ.

Дикаго луку (сонгина) и китайскаго уксусу на 60 чеховъ.

2 чи дѣбу — 80 чеховъ.

На отопленіе въ кумирняхъ — 2000 чеховъ.

На лампы, 11 гиновъ коровьяго масла — 300 чеховъ.

Всего слѣдовательно около 9000 чеховъ, или около 12 р. с. въ мѣсяцъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что запись эта представляетъ собою достовѣрную монастырскую отчетность казначея, но какимъ образомъ можно обходиться такими незначительными расходами, сказать положительно не могу, ибо нирба могъ сказать только мнѣ, что расходы именно таковы, а пронаблюдать и провѣрить ихъ мнѣ не представлялось возможности. Другіе мѣсяцы

были почти подобны настоящему, за исключеніемъ лишь цаганъ-саръ и мѣсяца круговращенія Майдари. Всѣ ламы Чойрайнь-хурѣ живутъ въ монастырѣ на свой счетъ, или, лучше сказать, получаютъ пропитаніе и все необходимое для жизни отъ своихъ степныхъ родственниковъ. Чай, мануфактуры и другіе продукты, не производимые степью, но приобрѣтаемые отъ китайцевъ, ламы Чойрайнь-хурѣня предпочитаютъ получать изъ Калгана, основательно полагая, что хотя Калганъ и дальше отъ Чойрана, тѣмъ не менѣе самые продукты продаются въ немъ гораздо дешевле, чѣмъ въ Ургѣ.

Помимо этого Чойрайнь-хурѣ, называемаго собственно «восточнымъ монастыремъ Чой-ра» (ᠴᠣᠢ ᠷᠠᠢ ᠨᠢ ᠬᠤᠷᠢ), въ хошунѣ цзянь-цзюнь бэйлэ имѣется еще шесть большихъ хурѣней, а именно: 1) Барунъ-чойра; 2) Шарнүть-ламримыйнь-хурѣ; 3) Наратуйнь-хурѣ; 4) Нүдунэй-хурѣ; 5) Цбройнь-ламримай-хурѣ и 6) Дуншйкъ-хурѣ; другихъ, малыхъ монастырей имѣется до 15-ти.

Изъ Чойрайнь-хурѣня мы выѣхали въ 2 ч. 30 м. дня и первоначально выбрались изъ монастырской котловины на лобное мѣсто Мандалтү, а отсюда начали пробираться къ юго-востоку, по ущелью, образуемому развѣтвленіями Богдò-ўлы. По ущелью этому протекаетъ ручей живой воды, именуемый Халютайнь-гѣл'омъ; изъ котораго ламы не берутъ однако воды, довольствуясь находящимися въ монастырѣ тремя колодцами. Берега Халютайнь-гѣла весьма каменисты. Въ 3 ч. дня теченіе его уклонилось влѣво отъ дороги и тамъ, говорятъ, онъ скоро скрывается подъ землю. Продолжая лавировать между каменными глыбами, мы въ 3 ч. 30 м. спустились въ лоцинку, именуемую Тэгыйнь-тѣйримъ. Посреди ея располагается небольшое озерко, воды котораго славятся у мѣстныхъ монголовъ своею доброкачественностью. Отсюда дорога поднимается на скалистую возвышенность, съ которой въ 3 ч. 50 мин. мы, по каменистому увалу, именуемому Хадайнь-дабату, спустились въ песчано-каменистую долину потока Булингà-усу, протекающаго саженой 200 и засимъ сливающагося съ рѣчушкою Уйнай-усу. Отсюда въ 4 ч. 20 м. поднявшись на кочковатую долину Хэльтэгэй-хонгѣръ, мы вступили далѣе въ громадную степь Бильгйхъ, по которой ѣхали часа три, и, миновавъ Бильгйхйнь-амà, образуемое двумя увалами, остановились для ночлега при колодцѣ Бильгйхъ-худүкъ въ 8 часовъ вечера.

19-е. Ноября. Четвергъ.

7 ч. утра — 25°; 1 ч. дня — 15³/₄°; 9 ч. вечера — 20¹/₂°.

Выѣхали въ 9 ч. 15 м. и продолжали путь по той же долинѣ Бильгйхъ; мѣстами здѣсь попадаются розсыпи бѣлыхъ, очень красивыхъ камеш-

ковъ; тѣмъ не менѣе мѣсто это считается у монголовъ проклятымъ съ тѣхъ поръ, какъ на немъ лѣтъ 10 тому назадъ умеръ сопровождавшій русскую тяжелую почту казакъ Нѣмчиновъ. Дѣло это въ свою пору надѣлало много шума у монгольскихъ князей и амбаней, создавшихъ изъ него цѣлый и важный вопросъ, который въ отвлеченіи можно было бы назвать вопросомъ о правѣ русскихъ на погребеніе своихъ покойниковъ въ монгольской степи, на мѣстѣ ихъ смерти. Отчеты объ этомъ дѣлѣ въ свою пору проникли даже въ китайскую газету Шэнь-бао. Началось съ того, что, получивъ извѣщеніе о смерти Нѣмчинова, исправлявшій тогда должность нашего консула въ Ургѣ, В. М. Успенскій, обратился къ ургинскимъ амбанямъ за содѣйствіемъ къ погребенію покойнаго на мѣстѣ его смерти. Амбани отвѣтили на это, что въ трактатахъ подобныхъ случаевъ погребенія не предусмотрено и русскіе, проживающіе въ Монголіи, могутъ хоронить своихъ покойниковъ только на отведенномъ для нихъ мѣстѣ, въ Ургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Успенскій не особенно-то обратилъ вниманіе на это заявленіе, а послалъ своихъ людей и приказалъ имъ схоронить бѣднаго Нѣмчинова; но ургинскіе амбани не успокоились и обнародовали по всей Восточной Монголіи прокламацію, которою всѣмъ вообще князьямъ внушали, гдѣ и какъ нужно хоронить русскихъ покойниковъ, а ламамъ хошӯна цэнь-цэюнь бэйлэ приказывали совершить освященіе мѣста, сдѣлавшагося зачумленнымъ со времени погребенія на немъ Нѣмчинова. «Въ Монголіи», писали они, «очень много мѣстностей священныхъ для народа, а свободныхъ для погребенія русскихъ почти нѣтъ. Если умереть кто-нибудь изъ русскихъ, то вообще ихъ нужно хоронить къ востоку отъ Хуръня, въ мѣстности, не особенно уважаемой монголами. Что касается мѣста погребенія настоящаго русскаго казака, то оно находится на дорогѣ между Пекиномъ и Хурънемъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. По дорогѣ этой туда и сюда проходитъ много народа и тутъ же лежатъ зимнія кочевья хошӯна цэнь-цэюнь бэйлэ приносятся моленія о долголѣтней жизни царствующаго богдохана, а вблизи находятся священныя горы Огдлгъ и Хонгдоръ, издавна назначенныя предками мѣстнаго князя для совершенія на нихъ жертвоприношеній. Погребеніе тамъ труша весьма непріятно генію, покровителю этой мѣстности, которая посему должна будетъ погибнуть отъ засухи: тамъ будутъ дуть постоянные и сильныя вѣтры, трава не будетъ расти, проѣзжіе люди непремѣнно будутъ падать съ лошадей и умирать на мѣстѣ, распространяя заразу». Какъ на грѣхъ, въ слѣдующемъ году въ хошӯнѣ цэнь-цэюнь бэйлэ дѣйствительно случился падежъ скота и засуха и все это было, конечно, приписано погребенію Нѣмчинова. Ламы, говорятъ, цѣлый мѣсяцъ служили здѣсь свои молебствія и только послѣ сего имъ удалось «подавить» бѣду,

наводившаго несчастія. Теперь объ этомъ событіи уцѣлѣли только слабыя воспоминанія, но они все же живутъ еще въ народѣ.

Въ 10 ч. 35 м. мы добрались до невысокой черной сопки, именуемой Ханьинъ; она отстоитъ вправо отъ дороги и даетъ свое названіе всей окружающей мѣстности. Дорога въ параллели этой сопки спускается въ неглубокую лощину, въ общемъ покатую къ югу, и слѣдуетъ по ней до новаго уклона въ ровную и совершенно круглую котловину Хабтагай (11 ч. дня). Поднявшись изъ этой послѣдней, мы вступили въ долину Бичжиту, славную своими розсыпями разноцвѣтныхъ камней. Это въ самомъ дѣлѣ поразительное зрѣлище. Пространство на цѣлыя пять, или шесть верстъ образуетъ какъ бы узорчатый каменный коверъ. Безчисленное количество разноцвѣтной гальки, отполированной въ самыя причудливыя формы, черныя и темно-сѣрыя кварциты, обломки яшмы, агата, халцедона, желтаго и краснаго сердолика, бѣлыя кристаллическіе известняки съ чешуйками желѣзнаго блеска, красныя песчаники, слюдистый кварцитъ, окаменѣвшіе кусочки красной, зеленовато-бѣлой и зеленовато-сѣрой глины, розовыхъ мергелей и другихъ камней, имени которыхъ я и назвать не умѣю, буквально устилаютъ всю степь въ самыхъ разнообразныхъ, конечно, сочетаніяхъ. Сначала мы набросились-было на эту диковинку, но потомъ стали собирать ее съ большимъ разборомъ и тѣмъ не менѣе жена моя въ теченіе какихъ-нибудь получаса собрала больше пуда причудливыхъ камешковъ. Долиною Бичжиту мы шли до 12 ч. 40 м. Она смѣняется урочищемъ Шаръ-хѣлой, на южномъ концѣ котораго находится колодець Булукту-гашунъ. Самое слово «гашунъ» — горько-соленый, не особенно рекомендовало достоинство его воды; тѣмъ не менѣе проводники наши говорили, что лучшей воды намъ сегодня не видать, а потому, въ 1 ч. 55 м. дня, мы забрали съ собою отсюда льда, чтобы растопить его къ чаю на мѣстѣ ночлега. Отсюда мы начали подниматься на длинный и пологій уваль, Хадамалъ; — въ верхней своей части уваль этотъ очень каменистъ. Съ него мы въ 3 ч. 15 м. спустились въ каменистую, песчаную долину Хуръ, а изъ этой послѣдней поднялись на уваль Цаганъ-ундуръ, за которымъ передъ нами открылась цѣлая группа холмовъ, имѣющихъ замѣчательно однообразныя, островонечныя вершины. Такія мѣста монголы называютъ «хэцэ»; а какъ здѣсь къ западу отъ дороги возвышается довольно высокая скала Балинъ, то мѣсто это вообще носитъ названіе Балинъ-хаданъ-хэцэ. Мы приѣхали сюда въ 5 ч. вечера и далѣе слѣдовали по долинѣ весьма каменистой. Особенно каменистымъ является урочище Табунъ-харъ, до котораго мы добрались въ 6 ч. 35 м. вечера. Оно получаетъ свое названіе отъ пяти едва замѣтныхъ, впрочемъ, сопокъ, стоящихъ къ западу отъ дороги. Въ 7 ч. 35 м. прибыли въ уро-

чище Мбнгѳтѳ и, миновавъ ограничивающій его съ юга, каменистый уваль Мбнгѳтѳинъ урдѳ-дѳль, въ 8 ч. 15 м. остановились для ночлега. Въ долинѣ Мбнгѳтѳ находится небольшое прѣсное озеро.

20-е Ноября. Пятница.

7 ч. утра — 24° ; 1 ч. дня — $15\frac{3}{4}^{\circ}$; 9 ч. веч. — $21\frac{1}{2}^{\circ}$.

Выѣхали въ 9 ч. 15 м. утра и продолжали путь по той же ровной степи. Мѣстности поразительно однообразны, почва песчано-каменистая, растительности почти никакой. Въ 10 ч. спустились въ котловину, окруженную низенькими пригорками мягкихъ очертаній, съ вершинами, усыянными мелкимъ щебнемъ. Здѣсь имѣется два ключа, а посреди котловины располагается гучжйрное озеро, простирающееся на 300 саженой въ окружности и называемое Мѳ-усѳ. Имя свое оно сообщаетъ котловинѣ и всей окружающей мѣстности. Пить воды изъ него нельзя и соли не добывается. Отсюда, поднявшись на небольшой пригорокъ, мы вступили въ Самбайнъ-гѳби. Это совершенно бесплодная степь, покрытая галькой. Она идетъ нѣсколькими увалами, за однимъ изъ которыхъ лежитъ въ котловинѣ озеро Самбай-гѳбийнъ-нѳръ. Вода въ немъ прѣсная и годная для питья. Мы подъѣхали къ нему въ 12 ч. дня. Отъ береговъ этого озера начинается пологій подъемъ къ небольшой сопкѣ, носящей названіе Цзѳтѳгѳй-хонгѳръ, отъ параллели которой дорога слѣдуетъ верстѳ 8—9 по совершенно ровной и гладкой степи, пока не достигаетъ котловины съ небольшимъ озеромъ. Мѣстность эта называется Алтаганъ; мы добрались до нея въ 3 ч. пополудни. Въ слѣдующей котловинѣ, называемой, отъ имени находящихся въ ней двухъ озеръ, Харъ-нѳрыйнъ-хонгѳръ, находится очень хорошая вода, мы поэтому забрали здѣсь себѣ въ 3 ч. 45 м. нѣсколько кусковъ льда для употребленія его на ночлегѣ. Подъемъ изъ этой котловины образуетъ террасу, первую ступень которой составляетъ урочище Уйцзанъ. Оно сплошь усыяно бугорками и пригорками песчанаго образованія, но покрытыми сверху мелкою травой и дѳрсѳномъ. Вторую ступень той же террасы составляетъ урочище Бударъ. Издали эта ступень кажется отвѣсно стоящимъ яромъ; но, по мѣрѣ приближенія, рѣзкія формы сглаживаются, казавшіяся каменными утесами стѣны оказываются отдѣльно разбросанными по степи валунами, самая же ступень террасы принимаетъ очертанія довольно мягкаго подъема. Къ урочищу Бударъ мы подъѣхали въ 5 ч. 15 минутъ. Отъ него началась ровная, мѣстами каменистая степь, по которой мы и ѣхали, минуя урочища и колодцы Цзѳнъ-уланъ и Чулѳнъ-онгѳдѳ. Въ 8 ч. вечера, переваливъ черезъ каменистый уваль, мы заночевали въ урочищѣ Цзамѳйнъ-чулѳнъ-табакъ.

Во весь сегодняшній день мы опять-таки не повстрѣчали ни одного

живого существа и вообще онъ прошелъ какъ-то однообразно до скуки. Можетъ быть, этому угнетенному состоянію способствуетъ и утомленіе. Девять дней мы уже въ дорогѣ и за все это время ни разу никто изъ насъ не снялъ шубы, оставаясь въ ней такъ, какъ надѣлъ еще въ Ургѣ. О томъ, чтобы умытъ лицо или руки, не можетъ быть и рѣчи. Да и какъ снять шубу, или умываться? Всѣ дни, какъ и сегодня, морозъ свыше 20°. Человѣческаго жилища, помимо Чойрана мы еще не видали. Останавливаемся среди обнаженной, оледенѣлой степи и разставляемъ свои колышки, прикрывая ихъ войлокомъ, чтобы на ночь защититься отъ вѣтровъ. Подъ этимъ покровомъ мы устанавливаемъ и свои сѣдалища, одновременно служащія и постелями. Дабы не ложиться спать прямо на снѣгъ или на промерзшіе камни, я приказалъ въ Ургѣ сдѣлать намъ складныя кровати изъ 4-хъ деревянныхъ колевъ, съ парусинной простилкой; хотя эти кровати возвышаются надъ землею не болѣе четверти аршина, но все же по крайней мѣрѣ не соприкасаешься прямо съ землею. Засявъ мы разводимъ костеръ, растопляемъ ледъ и кипятимъ воду для чая; тѣмъ временемъ вышиваемъ по рюмочкѣ водки и закусываемъ отогрѣтою на огнѣ, жареной въ Ургѣ бараниной. Когда кипятокъ готовъ, мѣсто его на таганѣ замѣняетъ котелъ, въ которомъ варится нашъ супъ, а мы начинаемъ пить чай. Послѣ двухъ-трехъ стакановъ, немножко отогрѣваемся и каждый начинаетъ записывать впечатлѣнія своего дня; не желающіе дѣлать этого ведутъ разговоры. Черезъ 1¼ часъ готовъ супъ, единственное блюдо нашего ужина; ѣдимъ и укладываемся спать какъ были, въ шубахъ, шапкахъ и мѣховыхъ сапогахъ, только на ночь каждый раскидываетъ еще на кровать войлокъ, при чемъ одна половина его служитъ матрацомъ, а другая — одѣяломъ; словомъ, всѣ мы завертываемся въ войлока съ головою, оставляя лишь небольшое отверстие для воздуха. Поутру это отверстие оказывается всегда не только заиндевѣвшимъ, но даже обледенѣлымъ. Спимъ не болѣе 6, или 6½ часовъ; такъ что, улегшись въ 11 часовъ, въ 5½ уже всѣ на ногахъ. Снова разводится огонь и кипятится вода сначала для чая, а потомъ для пельменей, которые мы веземъ изъ Урги въ замороженномъ видѣ. Къ 7 часамъ чай и завтракъ обыкновенно бывають уже окончены и мы начинаемъ готовиться къ дальнѣйшей перекочевкѣ. Болѣе раннее или позднее выступленіе въ походъ зависитъ отъ количества травы на мѣстѣ ночлега. Много ея, — верблюды наѣдаются скоро, и мы выступаемъ въ 7½ часовъ; мало, — приходится кормить дольше, да и верблюды разбредаются по степи, такъ что уходитъ полчаса времени на то только, чтобы собрать ихъ. Движемся цѣлый день, безъ остановки, при чемъ нерѣдко приходится больше идти, чѣмъ ѣхать. Къ 12-ти часамъ дня обыкновенно всѣ голодны; а потому въ адми-

ральскій часъ снова, хотя и на ходу, всѣмъ полагается стаканчикъ водки и ломоть хлѣба съ кускомъ оставшейся отъ вчерашняго ужина, вареной баранины, или ветчины. То и другое является, конечно, съ прослойками льда и иной разъ просто хруститъ на зубахъ, но этого никто и не замѣчаетъ: радуясь наступленію адмиральскаго часа, всѣ, напротивъ, дѣлаются какъ-то говорливѣе и какъ будто оживаютъ въ это время. Отъ завтрака и до ночлега движемся уже безъ всякихъ развлеченій, а на ночлегѣ ежедневно повторяется уже описанная исторія. Сегодня однако былъ ночлегъ съ неприятными открытіями: во-первыхъ, я съ женою открылъ, что мы обовшивѣли а во-вторыхъ, ѣхавшій съ нами Пентеговъ открылъ, что колеса его телѣги такъ разбились о здѣшніе камни, что при дальнѣйшемъ движеніи ему грозитъ опасность бросить свою телѣгу среди степи. Подрядчикъ нашъ объявилъ, что верстахъ въ 15 къ западу отъ дороги кочуетъ одинъ богатый тайчжи, у котораго, несомнѣнно, можно найти колеса телѣги на прокатъ и мы отправили къ этому тайчжию одного изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ.

21-е Ноября. Суббота.

7 ч. утра —24°; 1 ч. дня —15°; 9 ч. вечера —17°.

Сегодня до 8½ ч. утра и совершенно бесполезно прождали отправленнаго вчера къ тайчжию нашего погонщика-монгола. Онъ возвратился только къ этой порѣ и сообщилъ, что у тайчжия есть дѣйствительно даже двѣ пары колесъ; но отдать ихъ на прокатъ до Калгана онъ соглашается не иначе, какъ по уплатѣ ему за одну пару большихъ и новыхъ колесъ 30 ланъ серебра (66 р.), а за другіе, поменьше и похуже, 25 ланъ серебра (55 р. сер.), при чемъ отвѣтственность за исправную доставку колесъ обратно возлагаетъ на Пентегова. Пославъ этому тайчжию заочно титулъ «сумасшедшаго дурака», мы укрутили колеса Пентегова веревками и въ 9 ч. 30 м. двинулись въ дальнѣйшій путь. Миновавъ долину Цзамьинъ-чулунъ-табакъ, мы перевалили черезъ небольшіе холмы и въ 10 ч. 45 м. вступили въ урочищѣ Цзамьинъ-цаганъ-ихиръ. Дорога пролегаетъ отсюда ровною степью, которая постепенно повышается къ югу, поднимаясь на едва замѣтные увалы, раскинувшіеся будто волны великаго моря на десятки верствъ. Въ 11 ч. 30 м. мы подъѣхали къ урочищу Дайнъ-табакъ, по которому проходитъ граница кочевьевъ хошұна цзянь-цзюнь-бэйлэ съ хошұномъ Мэргэнъ-вана тшүтү-хановскаго-аймака. Граница эта ничѣмъ не отмѣчается и извѣстна мѣстнымъ жителямъ, кажется, по преданію. Окрестныя мѣста каменисты, трава небольшая, но, говорятъ, весьма питательная для скота. Монголы считаютъ лошадей этой мѣстности за лучшихъ во всей Монголіи въ отношеніи ихъ выносливости. Единственными недостатками

ихъ считается то, что у всѣхъ у нихъ очень маленькія копыта и заси́мъ всѣ онѣ черезчуръ скоро съѣдаютъ свои зубы, такъ что въ 10 лѣтъ лошадь приходится уже убивать, въ силу неспособности ея къ дальнѣйшему питанію себя. Оба эти явленія несомнѣнно обусловливаются каменистою почвой мѣстности. Въ 12 ч. 15 м. мы достигли увала Шарà-дабату, получившаго за свою сравнительную высоту даже названіе перевала, хотя въ существѣ дѣла это не болѣе какъ одно изъ тѣхъ волнообразныхъ повыше- ній степи, которыя начались еще отъ Цзамьинъ-паганъ-ихир'а. Въ Шарà-дабату мы снова повстрѣчали монгола, везущаго русскую легкую почту. Изъ бесѣды съ нимъ для меня выяснилось, что онъ принадлежалъ къ хошуну бывшаго цзасакà Цзамьянъ-хорлò и даже отправлялъ прежде обязан- ности цзангйна въ этомъ хошунѣ; но заси́мъ, не будучи въ состояніи вести исправно и общественныя, и свои частныя дѣла, отказался отъ этой долж- ности и нанялся въ работники къ содержателю русской почты. Хошунъ бывшаго цзасакà Цзамьянъ-хорлò лежитъ къ западу отъ хошунà Мэргэнъ- вана, и нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія объ его положеніи были уже помѣщены мною въ XXII томѣ Зап. И. Р. Г. Общ. по Общей Географіи «на стр. 185—186» подъ названіемъ хошунà цзасакà Цэбэка. Сынъ этого цзасакà Цэбэка былъ Цзамьянъ-хорлò, въ періодъ управленія котораго хошунъ этотъ, и до того времени весьма незначительный и бѣд- ный, дошелъ до крайняго положенія. По прослушаннымъ мною теперь раз- казамъ цзангйна, хошунъ ихъ началъ особенно падать со времени хойхдй- скаго погрома. Хойхдйцы, нападавшіе на хошунъ Мэргэнъ-вана, на обрат- номъ пути своемъ къ западу, угнали массу скота и изъ хошунà цзасакà Цэбэка; начавшіяся вслѣдъ за симъ военныя дѣйствія и исполненія тре- бованій китайскаго правительства по снаряженію войскъ отразились на хошунѣ также губительно; а когда вслѣдъ за симъ Цэбэкъ умеръ и хошуну пришлось хлопотать объ утвержденіи цзасакòмъ сына его Цзамьянъ-хорлò, то съ народа было взято уже все, что только было возможно взять. Хло- поты эти стоили хошуну около 8,000 ланъ, и такая сумма пала обложе- ніемъ приблизительно въ 60 ланъ на каждую платную душу. Самъ Цза- мянъ-хорлò былъ, по выраженію цзангйна, «нугультэй-нойнъ», т. е. грѣ- ховный правитель; отъ этого умеръ онъ бездѣтнымъ и хошунъ за время его управленія страдалъ отъ постоянныхъ физическихъ бѣдствій. Засухи лѣтомъ, холода зимою, болѣзни на людяхъ, падежъ на скотъ повторялись изъ года въ годъ. Цѣлыми годами люди не ѣли ничего, кромѣ «шаральд- жина»¹⁾: соберутъ его зерна, поджарятъ въ котлѣ, истолкутъ въ муку, да

1) Точно назвать этого растенія европейскимъ именемъ не умѣю.

и пьютъ съ чаемъ. Мы дошли до того», говорилъ цзанггінъ: «что у насъ на три человѣка была одна лошадь и двѣ овцы. А между тѣмъ скотъ нужно было посылать и въ казенные табуны, и на станціи, и на караулы, и на отбываніе внутреннихъ повинностей. Конечно, всѣ налоги наши уплачивались по раскладкѣ другими хошүнами, а мы имъ должны. Для уплаты этихъ долговъ нойнъ отбиралъ все, что только возможно. Иной лама, думая хоть какъ-нибудь пропитаться, пойдетъ въ другіе хошүны съ «бадаромъ»¹⁾; по дорогѣ — гдѣ служить, гдѣ прочтетъ номъ, гдѣ полечить, и принесетъ домой то кусокъ дабу, или далянбу, то два, три амъ (квадрата) чицойчоу. Цзамьянь-хорло и это отниметъ. Приѣдутъ изъ другихъ хошүновъ долги спрашивать, онъ и посылаетъ эти кусочки, выставляя ихъ по цѣнѣ въ три, четыре цина. Хошүны знаютъ, что съ насъ получить нечего, берутъ и это. Въ 4-мъ году правленія Гуанъ-суй (1878-мъ) нужно было посылать верблюдовъ въ Кобдо; съ нашего хошүна приходилось уплатить 3 лана 6 цинъ 9 фынъ (около 7 р. 38 к.), мы и этого не могли; заплатилъ за насъ На-бэйсэ и въ 7-мъ году правленія послалъ требовать этотъ долгъ. Цзасакъ — ко мнѣ: очередь уплаты этого долга была съ моего бака. Ни у кого и ничего нѣтъ. Схватили дѣвченку девяти лѣтъ, продали китайцамъ и уплатили долгъ. Родители и весь бакъ — на меня: ты, говорятъ, цзанггінъ, а не отстаиваешь насъ; а у меня тоже ничего нѣтъ. Подумалъ я, да и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Теперь вотъ уже восемь лѣтъ, какъ Цзамьянь-хорло умеръ бездѣтнымъ. Есть ближніе родственники, къ которымъ управленіе хошүномъ могло бы перейти по праву; но хошүнъ еще такъ бѣденъ, что принять на себя новыхъ хлопотъ совершенно не можетъ. Такъ вотъ и живемъ мы 8 лѣтъ безъ князя; хошүномъ управляетъ тусалакчи». — Разставшись съ цзанггіномъ, я догналъ свой караванъ въ долину Сайнь-усу, получившей свое названіе отъ мѣстнаго колодца, до котораго мы добрались въ 4 часа. Здѣсь насъ догналъ одинъ изъ погонщиковъ нашихъ верблюдовъ, который заявилъ, что потерялъ шесть верблюдовъ и не могъ найти ихъ. Волей не волей пришлось остановиться на ночлегъ, такъ какъ монголы, прислуживавшіе при караванѣ, должны были отправиться на поиски пропавшаго скота.

Чтобы пояснить этотъ случай, я долженъ напомнить, что караванъ, при которомъ мы ѣхали, составляли верблюды, гонимые въ Калганъ, чтобы поднять оттуда русскіе чай. Такъ какъ верблюды эти были безъ вьюковъ, то ихъ полагалось на одного монгола головъ по 15-ти, при чемъ погонщики вели ихъ по обычному способу караваннаго движенія, т. е. передового

1) Монашеская чашка для милостыни.

верблюда погонщикъ велъ въ поводу, а прочіе бурундуками привязывались вереницею за сѣдло одинъ къ другому. Такая привязка совершается обыкновенно очень слабо и дѣлается это въ виду того, чтобы споткнувшійся верблюдъ (а они спотыкаются очень часто) не могъ разорвать себѣ ноздрю, сквозь которую бурундукъ продѣвается. Монголъ настолько беззаботенъ, что, разъ привязавши верблюда и двинувшись въ походъ, онъ даже никогда и не оглянется, цѣлы ли его верблюды и не отвязался ли который изъ нихъ. Такъ, несомнѣнно, было и въ данномъ случаѣ. Верблюды отвязались и остановились на дорогѣ, а монголъ ѣхалъ послѣ того еще, можетъ быть, часа два. Увидавъ, что верблюдовъ нѣтъ, онъ воротился назадъ, говорить, что изѣздилъ всю мѣстность верстъ на пять и не нашелъ, а потому предполагать, что они украдены. Неприятно было останавливаться такъ рано, но о верблюдахъ мы не особенно беспокоились, ибо знали уже по опыту, какъ все это можетъ случиться. Беззаботность монгольскихъ извозчиковъ поразительна, и на нашемъ пути уже много разъ случались такіе казусы: ведетъ монголъ въ поводу верблюда, запряженнаго въ китайскую телѣгу. Поводъ въ рукахъ, телѣга громыхаетъ такъ, что шумъ ея движенія слышенъ за полверсты; вдругъ поводъ изъ рукъ монгола выпадаетъ, везущій телѣгу верблюдъ останавливается, въ степи водворяется мертвая тишина, а погонщикъ все движется на своемъ верблюдѣ, совершенно не замѣчая, что онъ потерялъ телѣгу. Чтобы прослѣдить эту особенность, мы много разъ, нарочно, давали въ такомъ случаѣ проѣхать монголу сажень 30, а то и больше и только тогда крикомъ выводили его изъ созерцанія. О чемъ думаютъ эти философы, — одному Богу извѣстно.

22-е ноября. Воскресенье.

7 ч. — 22°; 1 ч. пополудни — 14°; 9 ч. веч. — 18 $\frac{1}{2}$ °.

Выѣхали въ 9 ч. утра и поднялись на столообразную возвышенность, именуемую Цамъинъ-ширѣ. По ровной и твердо песчаной долины ея мы ѣхали до 10 ч. 15 м., пока ни спустились въ неглубокую котловину, носящую названіе Ёцзуръ. То же самое имя носить находящійся въ этой котловинѣ колодець, а равно и ограничивающія ее на югѣ горы называются Ёцзуръ-чжалцай. Мы поднялись на первую ступень этихъ возвышенностей въ 11 ч. 20 м. Характеръ степи здѣсь нѣсколько измѣняется: она дѣлается песчаною въ котловинахъ и имѣетъ твердо-хрящеватый грунтъ на возвышенностяхъ. За первую ступенью Ёцзура послѣдовало въ 12 ч. 30 м. еще три. Поднявшись на послѣднюю изъ нихъ, дорога спустилась въ обширную котловину Хонхоръ, по которой ѣхали болѣе часу, пока въ 4 ч. 5 м. ни поднялись на пологій уваль, именуемый Муруй-уланъ. Съ вершины его открывается видъ на пространство, усыянное множествомъ овраговъ,

а спускъ съ Муруй-улана на югъ гораздо круче подъема съ сѣверной стороны. Здѣсь мой подрядчикъ сообщилъ мнѣ, что онъ оставитъ часа на два нашъ караванъ, такъ какъ верстахъ въ трехъ отъ дороги кочуетъ его знакомый цзаланъ Мэргэнъ-вановскаго хошүна, Шатдубъ-гомпиля, празднующій полученіе дарханства. Я также изъявилъ желаніе поѣхать къ нему и мы отправились, конечно, напрямикъ, безъ дороги. Путь нашъ проходилъ по песчанымъ оврагамъ, поросшимъ тощею травкой, а видѣ попадались и мощные кусты хараганы. Черезъ 25 мин. мы были у становища Шатдубъ-гомпила, располагавшагося въ одномъ изъ широкихъ овраговъ. Цзаланъ жилъ довольно богато. У него было три юрты. Въ одной, средней величины, крѣпкой и бѣлой кибиткѣ жилъ онъ самъ и она же была приемою для гостей; во второй, большой кибиткѣ, помѣщалась семья цзалана, — это была, такъ сказать, хозяйская кибитка, въ которой текла собственно домашняя жизнь; третья кибитка, такая же большая какъ и вторая, но покрытая уже старыми и почернѣвшими отъ времени кошмами, назначалась для жилища прислуги и въ ней же помѣщалась, такъ сказать, провьянтская кухня хозяина. Яснѣе: ежедневный свой чай и обѣдъ семья цзалана варила въ своей жилой, второй юртѣ; но когда требовалось дѣлать заготовленія, напримѣръ, кипятить молоко для ўрмэ, вялить, для заготовки въ прокъ, мясо цѣлаго быка, то все это дѣлается въ третьей юртѣ, называемой «обронай гѣръ» — сѣрая юрта. Всѣ три юрты стояли врядъ въ указанномъ порядкѣ, такъ что жилая, хозяйская юрта находилась всрединѣ. Разстояніе между ними было шаговъ по 20-ти. На всемъ протяженіи трехъ юртъ, впереди ихъ тянулся обычный для всѣхъ обитателей средней гѣби овечій «хоронъ», или загонъ, сдѣланный изъ хурцэна, но вышина его, аршина въ два, и полная неприкосновенность свидѣтельствовали о зажиточности хозяина. Пока мы клали своихъ верблюдовъ близъ «моринай уя», къ намъ подбѣжали уже два сына цзалана, мальчики лѣтъ 15 и 11, и поздоровались съ подрядчикомъ, который приказалъ имъ сказать отцу, что пріѣхалъ русскій нойнъ. Такимъ образомъ, хотя и за нѣсколько секундъ, но хозяинъ былъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ. Когда мы вошли въ главную юрту, въ ней сидѣли хозяинъ и восемь человекъ его гостей, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ мѣстный тусалакчій. Главное мѣсто занималъ хозяинъ, по лѣвую сторону его сидѣлъ тусалакчій. Всѣ они сидѣли запросто, безъ шапокъ и были уже красноватые и вспотѣвшіе отъ выпитаго вина, но ни одинъ изъ нихъ не былъ пьянъ. Передъ каждымъ гостемъ находился особый столикъ, на которомъ стояла чашка для вина и деревянная тарелка съ наложенными на ней: бислыкомъ, ўрмэ, китайскими бѣбѣ, сушеными жужубами и шенталою. Вошедши въ юрту, мы, по обычаю, присѣли по правую

сторону очага и начали вынимать свои хадаки; хозяинъ между тѣмъ засуетился, ища свою шапку, и наконецъ, увидавъ ее лежащею на сундукѣ, шагахъ въ пяти, отправился туда, надѣлъ ее и сталъ на свое мѣсто. Я подаль ему хадакъ, и, принимая его обѣими руками и согнувшись, хозяинъ началъ благодарить меня, говоря, что онъ и не думалъ, чтобы на его праздникъ заѣхалъ къ нему русскій нойнъ, а потому и не успѣлъ надѣть шапки. Я просилъ его, исполнивъ должный обычай, не церемониться дольше и снять шапку; но онъ согласился на это лишь при томъ условіи, что я буду съ нимъ также безцеремоненъ, стану въ его домѣ своимъ человѣкомъ и займу его мѣсто. Съ этими словами онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто и заставилъ сѣсть на него, какъ ни отговаривался я отъ этой чести. Самъ хозяинъ помѣстился по правую мою сторону, а слѣва у меня очутился тусалакчѣ. Передъ нами тотчасъ же поставили столики съ обычными угощеніями и налили въ одну чашку теплой монгольской архѣ, а въ другую чаю. Омѣниваясь табакерками, мы начали разговоръ, который пошелъ сначала о томъ, кто я, куда и зачѣмъ ѣду; въ это время выяснилось, что цзаланъ этотъ видѣлъ меня еще въ 1878 г., когда я жилъ у Ганчѣ; онъ говорилъ, что даже припоминаетъ теперь мое лицо, хотя я его рѣшительно не помнилъ. Вспомянули по этому случаю о покойномъ Ганчѣ и разговоръ сдѣлался общимъ. Тусалакчѣ между тѣмъ объяснялъ мнѣ причину настоящаго торжества. «Мы празднуемъ теперь», говорилъ онъ, «дарханство цзалана. О, этотъ Шатдубъ-гомпѣлъ, можетъ быть, самый лучший человѣкъ во всемъ мэргэнъ-вановскомъ хошунѣ да и не только въ хошунѣ, а и во всей Халхѣ такихъ поискать. Въ службѣ онъ никогда не извертывался такъ и этакъ, подобно другимъ и никогда не задержалъ никакого дѣла. Много лѣтъ служилъ онъ и не одѣми только податями всему аймаку. Когда вызывались войска изъ Хэй-лунъ-цзяна, отъ Чахаръ, изъ Сюань-хуа-фу, изъ Дай-туна, всѣхъ перевозили подъ его присмотромъ; то же было и когда потребовалось потомъ доставлять провьянтъ этимъ войскамъ. На почтовые станціи со всѣхъ хошунѣвъ были вызваны хабсурга, т. е. вспомогательные подводчики, а гдѣ они осѣли и на какой станціи ихъ сколько, этого никто не знаетъ. Цзангѣны пишутъ сеймовымъ начальникамъ, что на столько-то юртъ нужно жалованье и провьянтъ, а вѣрно ли они пишутъ,—опять неизвѣстно. Конечно, наши цзангѣны обманывать не стануть; но имъ и ошибиться было не трудно, ибо время было тяжелое. Положимъ, нынче въ Даганъ-дѣлѣ стоятъ десять юръ хабсурга; цзангѣнъ и требуетъ жалованья на десять юртъ; но пока ходитъ бумага, двѣ юрты переведены на Байнъ; посылаютъ жалованье въ Даганъ-дѣлѣ на 10 юртъ, а ихъ уже тамъ восемь. Да когда бы деньги-то однѣ, а то есть и цэцэнъ-хановскія, есть и наши, тушѣту-ханов-

скія. Вотъ разобраться съ этимъ дѣломъ и было поручено Шатдубъ-гомпиу. Шесть лѣтъ онъ приводилъ въ порядокъ эти счеты; все высчиталъ и вывелъ на видъ, да и доказалъ, что мы больше 10,000 ланъ переплатили за цэцэнъ-хѣновцевъ. Развѣ это не невиданная польза аймаку? Сеймовой старшина затребовалъ ему награды. Пошли спрашивать по хошунамъ и управленіямъ: какія бываютъ награды за такія дѣла? Прежде всѣхъ указали ургинскіе амбани, что въ ямунѣ ихъ хранится дѣлопроизводство о нѣкоемъ цзангнѣ, Тогдсѣ, который еще въ года правленія Дао-гуана отличился ревностнымъ исполненіемъ казенныхъ дѣлъ и за это самъ онъ, Тогдсѣ, и сыновья его въ одномъ поколѣніи были избавлены отъ всякаго рода податей. Вслѣдъ за симъ прислалъ свое извѣщеніе цзянь-цзюнь; онъ писалъ, что у нихъ когда-то, въ старые годы, было даже составлено особое постановленіе, по которому лицъ, отличившихся неуклонною ревностью на службѣ въ теченіе 20 лѣтъ, надлежитъ награждать освобожденіемъ какъ отъ постоянныхъ и общихъ, такъ и отъ случайныхъ и частныхъ налоговъ: въ домахъ ихъ не останавливаются казенные курьеры и гонцы, а равно не берутъ и подводъ съ ихъ скота. Такое освобожденіе относится какъ до самихъ заслужившихъ его, такъ и до дѣтей ихъ въ теченіе одного поколѣнія. Впослѣдствіи, въ силу обѣднѣнія страны, рѣшено было съ такихъ дархановъ брать только $\frac{1}{8}$ податей. Обсудивъ такой отвѣтъ, сеймъ халхаскихъ князей, принимая во вниманіе, что Шатдубъ-гомпиу не только ревностно трудился 20 лѣтъ, но еще и отыскалъ аймаку свыше 10,000 ланъ его денегъ, опредѣлилъ: освободить Шатдубъ-гомпиу и дѣтей его въ одномъ поколѣніи отъ всякаго рода постоянныхъ и случайныхъ налоговъ: посланцамъ у него не останавливаться и подводъ у него не брать; дальнѣйшую службу общественную предоставить его личной волѣ, князю же, безъ спроса, его ни на какую службу не назначать и наконецъ предоставить Шатдубъ-гомпиу кочевать по волѣ, гдѣ захочетъ. Богдоханъ утвердилъ это представленіе. Такой чести удостоиваются очень немногіе, а потому тусалакчи предложилъ выпить за здоровье Шатдубъ-гомпиу. Трудно представить себѣ что-либо отвратительнѣе отдающей саломъ и теплой сывороткой монгольской водки; однако нужно было пить. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ тусалакчи разказалъ мнѣ, по секрету, что у нихъ въ хошунѣ идутъ теперь большіе поборы. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году пекинское правительство смѣнило князя ихъ Мэргэнъ-ванъ, за «неспособность» къ управленію и назначило цзасакдмъ старшаго сына его. Въ чемъ выразилась эта «неспособность» тусалакчи не сказалъ, но, по отзыву его, Мэргэнъ-ванъ оказывается человѣкомъ лѣтъ 45 и очень энергичнымъ, а сынъ еме имѣетъ 18 лѣтъ и совсѣмъ еще мальчикъ. Ссылаясь на это,

Мэргэнъ-ванъ возбудилъ въ Пекинѣ ходатайство о возстановленіи его въ званіи цзасакъ, а для вящаго успѣха въ ходатайствѣ производить теперь поборы въ хошунѣ. Просидѣвъ въ гостяхъ всего часа $1\frac{1}{2}$, мы стали собираться. Радужный хозяинъ никакъ не хотѣлъ отпустить насъ безъ ужина, тѣмъ болѣе что время онаго для монголовъ уже приближалось, но я отказался наотрѣзъ, ссылаясь на необходимость догнать караванъ. Подрядчикъ мой, повидимому, остался не особенно доволенъ этимъ рѣшеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ ѣхать. Караванъ свой мы догнали уже въ глубокія сумерки, около $7\frac{1}{2}$ часовъ, чѣмъ доставили большую радость начинавшей уже беспокоиться моей женѣ. По словамъ ея, со времени моего отъѣзда, они, отъ вершины Муруй-улана, спустились въ гладкую степь и ѣхали по оной до горы, называемой Бага-удэ; за симъ въ 5 ч. 30 м. обогнувъ эту гору по восточной сторонѣ, продолжали свой путь по той же равнинѣ доселѣ. Въ 8 ч. вечера мы остановились на ночлегъ у колодца Ургунъ-уланъ.

23-е Ноября. Понедѣльникъ.

7 ч. утра — 24° , 1 ч. дня — 13° ; 9 ч. веч. — 19° .

Выѣхали въ 9 часовъ. Дорога, довольно ровная, проходить по долинѣ, испещренной маленькими каменными сопками и невысокими плоскими грядами возвышенностей. Въ 9 ч. 45 м. спустились въ песчаную котловину Шубунъ-харъ, на вершинѣ подъема изъ которой воздвигнута обб. Собственно имя Шубунъ-харъ дано здѣсь небольшой черной горушкѣ, стоящей неподалеку къ югу отъ этого подъема и по внѣшнему виду нѣсколько напоминающей птицу (шубунъ). Вблизи горъ дорога камениста, далѣе же она опять тянется по хрящеватой степи, которая получаетъ здѣсь названіе Сэнчжійнъ-гѣби. Пересѣкая эту гѣби, мы въ 11 ч. 30 м. увидели влѣво отъ дороги, въ урочищѣ Дэрэсѹ-булунъ, небольшое сѹмѣ; нынѣ при немъ, говорятъ, не болѣе 3-хъ или 4-хъ ламъ, лѣтомъ же во время хураловъ ихъ собирается здѣсь человекъ до 100. Въ 2 ч. 45 мин., перебравшись черезъ два пологихъ увала и двѣ небольшихъ лоцины, вступили въ котловину Сэнчжійнъ-гашунъ, иначе называемую Долбнай-гашунъ. Подобная двуименность здѣсь въ большомъ ходу и является слѣдующимъ образомъ. Собственно имя всему этому урочищу даетъ небольшое горькосоленое озерко, называемое «гашунъ»; но какъ подобныхъ горькосоленыхъ гашуновъ въ степи и по дорогѣ много, то ихъ отличаютъ еще названіемъ прилежащихъ мѣстностей. Ёдущіе съ сѣвера, проѣзжая передъ симъ Сэнчжійнъ-гѣби, называютъ поэтому помянутое горькосоленое озерко Сэнчжійнъ-гашунъ; а ёдущіе съ юга на томъ же основаніи зовутъ его Долбнай-гашунъ. Минувавъ котловину Сэнчжійнъ-гашунъ, мы въ 4 ч. 20 мин. перевалили че-

резь каменистый Долбнъ-хүтүль и засимъ вступили въ такую же каменистую долину Долбнъ, на которой послѣдовательно залегаютъ семь пологихъ уваловъ, именуемыхъ Долбнъ-дабѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что мы сегодня не проѣхали бы этихъ семи уваловъ, если бы непосредственно впереди за ними не находились урочище Йэхэ-үдэ, въ которомъ, какъ намъ было извѣстно, проживалъ русскiй торговый агентъ. Перспектива увидать русскаго человѣка и поговорить съ нимъ, наконецъ проспавъ ночь въ теплой куртѣ такъ машила насъ, что мы при полной темнотѣ ночи все двигались впередъ и наконецъ въ 9¹/₂ ч. вечера прибыли въ Йэхэ-үдэ.

Въ отношенiи караванныхъ дорогъ урочище Йэхэ-үдэ замѣчательно какъ пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ главные пути, соединяющiе Калганъ съ Ургою, оттого-то, несомнѣнно, этотъ пунктъ и избранъ для мѣстопробыванiя здѣсь русскаго торговаго агента. Учрежденiе этой должности относится лишь къ періоду 1885—1886 года и было вызвано постоянными исками русскихъ купцовъ, направленными противъ монголовъ за неисправность этихъ послѣднихъ въ срокахъ доставки чаевъ, подмочкѣ, порчѣ, а иногда и совершенной утратѣ товаровъ. Иски эти, доставлявшiе собою массу непрiятныхъ сношенiй чиновникамъ обѣихъ имперiй, вызвали наконецъ заботу ихъ о контролѣ слѣдованiя каравановъ и результатомъ этихъ заботъ обосновалось агенство въ Йэхэ-үдэ, въ составъ котораго вошли съ одной стороны назначаемый нашимъ ургинскимъ консульствомъ русскiй чиновникъ, а съ другой — командиремый ургинскими амбiями монгольскiй тайчжи. Послѣднiй отбываетъ свою службу, какъ и всѣ почти монгольскiе чиновники, не получая за это никакого вознагражденiя; что же касается русскаго агента, то на содержанiе его, какъ и на содержанiе мостовъ, установленъ въ ургинскомъ консульствѣ однокоепечный сборъ съ cadaго цибика провозимаго русскими чая, что должно составить въ отчетномъ году сумму свыше 3000 руб. с. Должность торговаго агента съ самаго основанiя оной, была предоставлена консульствомъ войсковому старшинѣ забайкальскаго казачьяго войска А. Е. Петрову, который до 1891 года дѣйствительно проживалъ на Йэхэ-үдэ, получая содержанiя по 800 р. въ годъ; въ помянутомъ же году онъ, по распоряженiю ургинскаго консула, былъ вызванъ въ Ургу и, помимо должности консульскаго агента, сдѣланъ еще смотрителемъ зданiй консульства, съ прибавкой ему содержанiя за этотъ трудъ по 400 р. въ годъ. Что касается надзора за слѣдованiемъ каравановъ на станци Йэхэ-үдэ, то обязанность эту временно исполняетъ здѣсь въ настоящую пору отставной, бывшiй урядникъ ургинскаго консульства, Каленовъ, получающiй содержанiя по расчету 400 р. въ годъ¹⁾.

1) Въ проѣздъ мой черезъ Ургу въ июлѣ 1893 г. я узналъ, что и Каленовъ оставилъ

Учрежденіе должности консульскаго агента, несомнѣнно, могло бы доставлять большую пользу русскому дѣлу. Главнѣйшая обязанность агента, — слѣдить за правильностью и быстротою движенія русскихъ чаевъ, — можетъ быть исполняема здѣсь очень легко тѣмъ болѣе, что задержка такого движенія относится только къ извѣстной порѣ года. Преимущественное опаздываніе въ доставкѣ чаевъ совершается весною, когда монгольскіе верблюды бываютъ уже утомлены зимними работами, а главное—ослабѣваютъ отъ безкормицы. Узнавать о медленно двигающемся, или вовсе остановившемся и сложившемъ свои чаи гдѣ-либо въ степи караванѣ здѣсь очень легко, такъ какъ подобное обстоятельство всегда извѣстно монголамъ и они не приминутъ довести о немъ до свѣдѣнія агента, безъ всякой заботы о томъ съ его стороны. Самимъ монгольскимъ извозчикамъ хорошо извѣстна эта болтливость ихъ собратій, оттого, видя своихъ изуренныхъ животныхъ и невозможность дальнѣйшаго движенія, они обыкновенно сворачиваютъ съ дороги и сваливаютъ чай гдѣ-либо въ оврагахъ и буеракахъ, надѣясь черезъ нѣкоторое время достать новыхъ животныхъ и двинуться далѣе. Но этого почти никогда не удается имъ выполнить, такъ какъ агентъ, получивъ извѣстіе о брошенныхъ въ степи чаяхъ, принимаетъ мѣры къ ихъ немедленной дальнѣйшей отправкѣ, посылаетъ своего разсылнаго для освидѣтельствованія и храненія чая и, наконецъ, содѣйствуетъ найму новыхъ подводъ на счетъ провинившихся извозчиковъ. Такимъ образомъ, при участіи консульскаго агента доставка чаевъ несомнѣнно можетъ идти успѣшнѣе. Съ другой стороны сами монгольскіе извозчики дѣйствуютъ теперь уже не наугадъ, а съ полнымъ сознаниемъ: калганскіе комиссіонеры сообщаютъ о положеніи дѣлъ консульскому агенту, и монголы поэтому всегда могутъ получить отъ сего послѣдняго въ самой глубинѣ монгольской степи достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о томъ, сколько именно находится въ Калганѣ чаевъ, предназначаемыхъ къ отправкѣ, какое количество животныхъ имѣется для этой отправки, сколько требуется таковыхъ еще и какія существуютъ въ данную пору цѣны за провозъ того или другого сорта чая и проч. Наконецъ консульскій агентъ, находясь постоянно на половинѣ дороги между Калганомъ и Ургою, можетъ слѣдить не за одною только исправностью движенія чаевъ, но также и за правильностью хода русской почты, за выдающимися событіями монгольской жизни и такъ далѣе. Въ настоящую пору, бесѣдуя съ консульскимъ агентомъ, я также нашель у него справочныя цѣны на доставку чаевъ, высланныя ему

Удѣ и на мѣсто его былъ назначенъ простой казакъ, бурятъ по происхожденію, ламаитъ по вѣрѣ и не получившій ровно никакого образованія; словомъ, человекъ совершенно одиородный полудикому монголу по степени своего развитія, взглядамъ и быту.

на ноябрь мѣсяцъ русскими комиссіонерскими домами въ Калганѣ. По сличеніи, цѣны эти оказались слѣдующими:

Ф И Р М Ы:

	Шулынгина.	Батуева.	Коковина и Басова.
Байховый чай.	1 л. 80 ф.	—	1 л. 80 ф.
Плиточный легкій	1 » 90 »	—	—
Плиточный тяжелый.	2 » 10 »	—	—
Кирпичный черный, въ }
52—56 досокъ.	1 » 90 »	1 л. 90 ф.	2 » — »
Кирпичный черный въ 60 }
досокъ	2 » 10 »	2 » 10 »	2 » 15 »
Кирпичный обыкновенный, }
легкій въ 36—45 кирпичей.	2 » 20 »	—	—
Кирпичный обыкновенный, }
тяжелый, въ 45 досокъ.	2 » 30 »	2 » 30 »	2 » 40 »

Къ этому заявленію о цѣнѣ провоза отъ Калгана до Урги фирма Коковина и Басова прибавляла еще, что извозчики, явившіеся къ ней до 10-го ноября, могутъ получить на доставку байховый чай.

Въ Йѣхѣ-Ўдѣнѣ, у русскаго агента мы не нашли конечно ничего русскаго, помимо самовара: но для насъ было счастіемъ уже одно то, что мы могли ночевать въ теплой куртѣ и наконецъ послѣ 12-ти дней ѣзды снять шубы и даже переѣхать свое бѣлье. Нечего говорить, что мы приготовились по этому спать на славу.

24-е Ноября. Вторникъ.

7 утра —24°; 1 ч. дня —14°, 9 ч. веч. —19°.

Полутру, осмотрѣвшись, мы почувствовали самое горькое чувство скорби отъ той безотрадной жизни, которую долженъ былъ вести на Йѣхѣ-Ўдѣ нашъ торговый агентъ. Еще ночью мы, просыпаясь, сознавали, что юрта наша холодна, теперь же, днемъ, мы увидали, что въ войлокахъ ея не мало дыръ, заткнутыхъ кусочками шерсти, войлоковъ и разными тряпками, чтобы только не свисталъ въ нихъ вѣтеръ. Осматривая помещеніе и выслушивая объясненія г. Каленова, мы узнали, что первоначально сюда было выслано двѣ юрты, изъ коихъ одна назначалась для агента, а другая для его кухни и прислуги, но за симъ, въ теченіе семи лѣтъ обѣ юрты развалились. Правда, на поддержку ихъ въ разное время высылалось по три, четыре кошмы, но это мало помогало дѣлу, — требовался капитальный ремонтъ. На производство такового, по словамъ Каленова, было ассигновано 16 сер.

руб., но что можно было сдѣлать на эти деньги, если здѣсь одинъ войлокъ въ 4 маховыхъ сажени (алда) стоитъ 4 лана, т. е. 8 сер. рублей?

Каленовъ принялъ мѣры сформировать изъ двухъ юртъ одну и проживаетъ теперь въ этой дыравой юртѣ, тогда какъ бывшая кухня стоитъ совершенно раскрытой и представляетъ жалкій, полуразрушенный остовъ кибитки. Конечно, въ такомъ положеніи можетъ проживать здѣсь только забайкальскій казакъ, закаленный въ невзгодахъ и наполовину родившійся въ бурятской юртѣ. Онъ живетъ совершеннымъ монголомъ, чуждый духовнаго и физическаго труда; самоваръ является для него уже роскошью и онъ совершенно доволенъ, имѣя возможность цѣлый день спать, болтать съ проѣзжающими монголами и пить чай. Питается онъ исключительно ба-

Нашъ караванъ въ уроч. Йэхэ-ѹдэ.

ранивой; изрѣдка изъ Урги, или изъ Калгана пришлютъ ему хлѣба знакомые казаки или купеческіе приказчики, и такъ уходятъ мѣсяцы и годы жизни. Впрочемъ, если хотите, такъ это и ученый наблюдатель, потому что Императорская Академія Наукъ содержитъ здѣсь отдѣленіе своей обсерваторіи. Въ юртѣ Каленова хранились барометръ и термометръ, а передъ юртою былъ установленъ дождемѣръ. Каковы достоинства этихъ наблюдений — объ этомъ должны лучше всего свидѣтельствовать личность наблюдателя и обстановка его жизни. Позавтракавъ и распростившись съ Каленовымъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь въ 10 час. утра. Дорога наша потянулась ровною степью со всѣхъ сторонъ окруженною, а мѣстами испещренною и въ самой своей срединѣ, плоскими холмами. Въ 11 ч. 20 м.

проѣхали мимо высокаго и усѣяннаго громадными валунами холма, именуемаго Эрдэнь-обб, при которомъ имѣется хорошій колодець. Здѣсь встрѣчали мы стоявшій на привалѣ станъ цзянь-цзюня тушѣтү-хяновскаго аймака, О-вана, который недѣлю раньше насъ выѣхалъ изъ Урги въ Пекинъ и, очевидно, ѣхалъ по общему способу монгольскаго передвиженія, ночами. Фамилія О-вановъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся въ тушѣтү-хяновскомъ аймакѣ и съ гордостью заявляетъ всегда во-первыхъ о томъ, что предки ея еще до времени подданства монголовъ Дайцинской династіи были признаны цзасакъами, а во-вторыхъ о томъ, что искони состоятъ они въ родствѣ съ богдоханами. Дѣйствительно, предокъ О-вана, Сиддйшири былъ объявленъ маньчжурами цзасакомъ еще въ 1686 году въ періодъ хурънь-бальчирскаго сейма и, начиная съ сына Сиддйшири, Даньцзынь-дорчжя, фамилія О-вановъ неуклонно возводится въ званіе цзюнь-вановъ и женится на маньчжурскихъ принцесахъ. Сынъ Даньцзынь-дорчжя, Санцзай-дорчжй, въ свою пору даже и воспитаніе свое получилъ при дворѣ богдохана, въ Пекинѣ, а по достиженіи имъ совершеннолѣтія богдоханъ женилъ его на одной изъ своихъ родственницъ. Это былъ тотъ самый Санцзай-дорчжй, которому въ 1757 г. богдоханское правительство впервые поручило завѣдывать пограничными сношеніями съ Россією и который по сему можетъ называться первымъ ургинскимъ амбанемъ. При немъ особливо увеличился торгъ Китая съ Россією и по этому поводу Санцзай-дорчжй входилъ даже съ особымъ представленіемъ къ богдохану, указывая на выгоды, которыя можетъ получить Китай отъ обмѣна своихъ чаевъ и матерій на русскихъ лошадей. Преемникъ его Йондонъ дорчжй воспитывался также при богдоханскомъ дворѣ и носилъ званіе зятя богдоханова, а равно и завѣдывалъ сношеніями съ Россією. Сынъ этого Йондонъ-дорчжй, Дорчжй-рабтана, внукъ — Насунъ-батү, и правнукъ, настоящій О-ванъ, всѣ были женаты на китайскихъ принцесахъ. Замѣчательно еще, что рѣшительно всѣ князья этой фамиліи, за исключеніемъ лишь Дорчжй-рабтана, постоянно назначались къ исполненію обязанностей тусалакчи цзянь-цзюня въ своемъ аймакѣ. Эту же обязанность отправлялъ и О-ванъ, которому помимо того много разъ поручалось и управленіе дѣлами всего ханъ-ўласкаго-сейма. Сообразно своему высокому положенію, О-ванъ и ѣхалъ съ подобающимъ величіемъ. Станъ его состоялъ изъ шести прочныхъ и новыхъ юртъ, среди которыхъ юрта самого вана отличалась бѣлизною своихъ войлоковъ, расшитыхъ синими оторочками (хүбб) и была какъ бы оградой обнесена чѣмъ-то въ родѣ синихъ дабувыхъ экрановъ. Такія ограды въ ходу у монгольскихъ князей. Къ двумъ колямъ прибавается гвоздями нѣсколько сшитыхъ вмѣстѣ полотнищъ синяго полотна, при постановкѣ колья вби-

ваются въ землю и такимъ образомъ вокругъ юрты образуется полотняная стѣна приблизительно сажени въ четыре длиною. Караванъ вана, какъ сообщили намъ сопровождавшіе его чиновники, состоялъ изъ 125 верблюдовъ. Ванъ предполагалъ доѣхать отсюда до Калгана въ 18 дней, но какъ наше 12 декабря было несчастнымъ днемъ для переѣзда за Великую стѣну, то опредѣлено было вступить въ Калганъ 13-го нашего декабря. Отъ урочища Эрдэнь-обѵ мы, переѣхавъ песчаную котловину, начали въ 12 ч. 30 минутъ переваливать черезъ кряжъ холмовъ, именуемый Цзабукъ. Онъ начинается небольшимъ и пологимъ уваломъ, за которымъ дорога потянулась далѣе въ цѣпи холмовъ, какъ бы въ одной громаднѣйшей траншеѣ. Холмы эти состоятъ изъ сланцевъ дикаго цвѣта, громадныя пласты которыхъ торчатъ какъ горы, изображенныя на рельефныхъ ландкартахъ. Здѣсь повстрѣчали мы два кривыхъ и изможденныхъ вяза. Въ 1 ч. 20 м. выѣхавъ изъ холмовъ Цзабука, мы вступили въ Гэцзыгэйнъ-гашунъ-гѵби, по которой двигались до 5 ч. вечера. Д-ръ Бретшнейдеръ на своей маршрутной картѣ 1891 г. показываетъ здѣсь соединеніе Чойринъ-цзама съ Дарханъ-цзамомъ; но это невѣрно, ибо никакого соединенія здѣсь нѣтъ. Правда, какъ я говорилъ уже выше, монгольскіе караваны, вслѣдствіе недостатка кормовъ, часто измѣняютъ свое направленіе, переходя съ одной дороги на другую; и очень можетъ быть, что караванъ, по показаніямъ котораго г. Бретшнейдеръ составлялъ свою карту, перешелъ въ данномъ мѣстѣ съ Чойринскаго тракта на Дарханскій; но такого рода соединенія путей можно провести не только отъ каждаго колодца, а даже съ каждой версты и придавать имъ значеніе трактовъ рѣшительно невозможно. Гѵби Гэцзыгэйнъ гашунъ песчана и камениста, но во все не трудна для перехода не только во выюкахъ, а даже и въ телѣгѣ. Около 5 ч. вечера мы подъѣхали къ горному кряжу Цзабугэйнъ-уланъ-хадъ и начали переваливать опыи. Въ горахъ этихъ добывается дымчатый топазъ, изъ котораго китайцы приготовляютъ табакерки, мундштуки для трубокъ, пуговицы и другія разнаго рода привѣски и принадлежности монгольскихъ и китайскихъ костюмовъ. Нѣсколько восточнѣе кряжа Уланъ-хадъ находятся горы Шацзагайту, въ которыхъ мѣстные монголы добываютъ прекрасный точильный камень и отправляютъ его на продажу какъ въ Китай, такъ и на сѣверъ Халхи. Кряжъ Уланъ-хадъ довольно толстый и переваль черезъ него совершается путемъ нѣсколькихъ подъемовъ, спусковъ и короткихъ переходовъ между холмами. Выбравшись изъ горъ, мы вступили въ долину Аршанту и за симъ въ южное продолженіе той же долины Шаръ-хадэйнъ-булукъ, гдѣ и остановились для ночлега въ 8 ч. 30 м. вечера, получая прекрасную воду изъ мѣстнаго ключа.

25-е Ноября. Среда.

7 ч. утра — 22°; 1 часть дня — 17°; 9 ч. веч. — 22°.

Отъ долины Шара-хадайнъ-булұка дорога проходить по границѣ кочевьевъ Мэргэнъ-вана къ западу и Цзунъ-сунитовъ къ востоку. Сегодня мы выступили въ путь въ 8 ч. 50 м. Дорога въ теченіе первыхъ 50 мин. ѣзды проходила въ ущельи горъ Шара-хадà, по которому струится незначительный ручей, вытекающій изъ ключа, бьющаго въ прилежащихъ горахъ. Скалистыя горы Шара-хадà дики и величественны; онѣ состоятъ изъ черноцвѣтныхъ сланцевъ, громадныя пласты которыхъ торчатъ наружу. Къ 10 часамъ горы мало-по-малу разступились и дорога наша незамѣтно перешла въ равнину Энгиръ-хайласу. По ея твердо песчаной глади мы ѣхали до 11 ч. 5 мин, когда подъѣхали къ урочищу Ширъгійнъ гэцзыгдйнъ гашунъ. Здѣсь залегаетъ обширный солончакъ, окруженный горами сыпучихъ песковъ. Отъ нихъ въ 12 ч. 15 м. мы поднялись на возвышенность Бурцагійнъ-ширэ; дорога по ней твердопесчаная и усѣяна мелкимъ щебнемъ. Съ вершины этой возвышенности виденъ въ направленіи къ востоку монастырь Цзунъ-сунитовъ именуемый Цаганъ-обдой сүмэ. Говорятъ, въ немъ постоянно проживаетъ до 800 ламъ; но китайскихъ лавокъ и торговли вообще нѣтъ никакой: по нуждѣ торгуетъ только само монастырское казначейство. Отсюда въ 2 ч. 40 м. мы спустились въ обширную котловину, въ которой находится два колодца: въ сѣверной части котловины—колодець Амәнъ-усу, а въ южной—Чулуту-тугүрикъ. Здѣсь увидели мы монгольскій айль въ 6 юртъ и оказалось, что это была одна изъ временныхъ почтовыхъ станцій, ежегодно устраиваемыхъ теперь въ Халхѣ, на срокъ отъ 2½ до 3-хъ мѣсяцевъ, съ специальною цѣлью переѣзда пословъ, командированныхъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтою для представленія богдохану такъ называемыхъ «девяти бѣлыхъ». Представленіе ургинскимъ гэгэномъ этой, своего рода дани началось уже очень давно и для доставки ея въ Пекинъ искони откомандировывались одинъ цзасайнъ-лама и два хялгачиламы, всего съ состоявшею при нихъ свитою, до 20 человекъ. Встарину, по поводу каждаго ихъ проѣзда устраивались особыя сношенія съ лежащими по дорогѣ хошунами, причемъ вѣдомство Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, отправляя ламъ на своихъ собственныхъ верблюдахъ, просило хошунныя управленія объ оказаніи содѣйствія путникамъ. Содѣйствіе это выражалось въ постановкѣ для командированныхъ трехъ юртъ, (или, какъ говорятъ монголы, трехъ огней) на мѣстѣ ихъ полдниковъ и ночлеговъ, въ приготовленіи имъ на станціяхъ необходимаго кушанья, и засимъ въ высылкѣ на каждый ночлегъ особыхъ стражниковъ, для охраны хутухтинскихъ подводъ. Въ ту пору не были опредѣлены съ достаточною точностью ни срокъ выѣзда

этихъ пословъ, ни количество отправлявшихся при нихъ животныхъ; съ другой стороны сообщенія, разсылавшіяся хутухтинскимъ вѣдомствомъ монгольскимъ князьямъ, весьма часто запаздывали въ доставкѣ и князья или не успѣвали собрать и выслать должное количество стражниковъ, или даже умышленно дозволяли себѣ манкировать исполненіемъ этой просьбы. Опытъ постоянно случавшихся при этомъ замѣшательствъ и безпорядковъ побудилъ хутухтинское вѣдомство урегулировать это дѣло, почему на одномъ изъ сеймовъ халхаскихъ князей въ первые годы правленія Тунъ-чжи было опредѣлено, что бы количество животныхъ въ караванѣ, отправляемомъ хутухтою, исчислялось въ размѣрѣ отъ 160 до 170 головъ верблюдовъ и отъ 10 до 15 лошадей. Поѣздъ хутухтинскихъ пословъ съ этого времени долженъ былъ всегда выступать изъ Урги около 10 числа 9-й луны и къ 10-му числу 10-й луны достигать Пекина. По прибытіи въ Пекинъ, ламы должны были начинать дѣло о представленіи дани и въ то-же время производить покупки необходимаго для хутухтинскаго казначейства. Окончивъ закупъ, халгачи-ламы съ прислужниками, въ количествѣ человекъ пятнадцать, должны были выѣзжать, приблизительно 10-го числа 11-й луны обратно въ Ургу; въ эту пору караванъ ихъ состоялъ изъ верблюдовъ, головъ въ 140 и лошадей, въ количествѣ 6, или 8-ми. Въ 20-хъ числахъ той же 11-й луны означенный караванъ обязывался достигнуть урочища Шацзагайтунъ въ Мэргэнъ-вановскомъ-хошунѣ и отсюда снова могъ пользоваться тѣмъ же вспомошествованіемъ халхаскихъ князей, хотя на этотъ разъ, сообразно уменьшенію количества пословъ, князья выставили только «два огня» и высылали нѣсколько меньшее число сторожей. Къ 10-му числу 12-й луны этотъ караванъ долженъ былъ приходить въ Ургу. Что касается остававагося въ Пекинѣ цзайсанъ-ламы, то онъ, по окончаніи дѣла представленія «девяти бѣлыхъ», вмѣстѣ съ четырьмя или пятью прислужниками, имѣя при себѣ верблюдовъ, головъ двадцать и пять-шесть лошадей, долженъ былъ выѣзжать изъ Пекина около 25-го числа 12-й луны, и, подобно первому каравану, могъ пользоваться по дорогѣ готовыми юртами и провьянтомъ. Одновременно съ такимъ урегулированіемъ дѣла движенія своихъ каравановъ, хутухтинское вѣдомство заявляло, что передній и обратный путь въ Пекинъ представляютъ собою не малую дорогу, и для совершенія ея нуженъ порядочный срокъ. При быстротѣ движенія и недостаточномъ питаніи, масса верблюдовъ на этомъ пути отошаваетъ и вовсе гибнетъ; поэтому хорошо было бы, чтобы на каждую изъ выставленныхъ станцій князья высылали бы хотя по одному верблюду, чтобы имъ можно было замѣнить наиболѣе ослабѣваго верблюда хутухтинскаго каравана. Сеймъ князей согласился и на это.

Въ сказанномъ порядкѣ дѣло велось лѣтъ двадцать, но засимъ и онъ оказался неудобенъ и на сеймѣ халхаскихъ князей 1882 г. цэцэнъ-хѣновскій цэнь-цзюнь бэйлэ выяснилъ, что если теперь имѣются уже достаточно определенно установленные сроки для движенія хутухтинскихъ каравановъ, то тѣмъ не менѣе не установлено для нихъ определенной дороги. Хутухтинскіе караваны каждый годъ слѣдуютъ по тому пути, который короче и на которомъ вмѣстѣ съ симъ совершенно меньше потравы кормовъ. Конечно, такія мѣста болѣе или менѣе извѣстны; но взгляды на разстоянія и достаточность кормовъ различны, а отсюда опять происходятъ замѣшательства. Бывало нѣсколько разъ, что онъ, цэнь-цзюнь бэйлэ, предполагая, что караванъ пойдетъ по дархѣанскому тракту, выставялъ свои станціи, черезъ весь хошунъ на сѣверѣ, а караваны между тѣмъ шли по Гунчжуйнъ-цзѣму почему станціи требовались главнымъ образомъ на югѣ хошуна. По такимъ-то основаніямъ цэнь-цзюнь бэйлэ ходатайствовалъ о назначеніи для этихъ каравановъ определенной дороги. Хутухтинское вѣдомство вмѣстѣ съ симъ заявило, что назначеніе на смѣну по одному верблюду на каждой станціи недостаточно и что въ общемъ требуется смѣнить $\frac{1}{2}$ всего числа верблюдовъ, находящихся въ караванѣ. Сеймъ рѣшилъ удовлетворить оба эти требованія и постановилъ, чтобы съ этой поры движеніе хутухтинскихъ каравановъ совершалось исключительно по Дархѣанскому тракту и, въ виду значительнаго количества верблюдовъ этого каравана, ночлежныя станціи, его располагались бы непременно на слѣдующихъ, наиболѣе обширныхъ и лучшихъ урочищахъ и колодцахъ:

а) <i>въ Мэрэнъ-вѣновскомъ-хошунѣ:</i>	г) <i>въ хошунѣ цуна Гомбд-чжѣба:</i>
1) Шѣцагайтү.	10) Цзарѣгыйнъ-шандѣ.
2) Чулунъ-тугурѣкъ.	11) Нидунъ.
4) Аршанту.	12) Цаганъ-тологдѣ.
4) Цаганъ-дэлъ.	д) <i>въ хошунѣ изънь-цзюнь-бэйлэ:</i>
5) Тингъгыйнъ-ширѣ.	13) Гульгугинту ¹⁾ .
6) Сэрюнь-булакъ.	е) <i>въ хошунѣ Пунъ-бэйсэ:</i>
б) <i>на границѣ хошуновъ Мэрэнъ-вѣна и изънь-цзюнь-бэйлэ:</i>	14) Чжиргаланту.
7) Сайнъ-мү-хутулъ.	15) Гакца-худукъ.
в) <i>въ хошунѣ Цзянь-цзюнь-бэйлэ:</i>	16) Шибэни-гуя.
8) Уланъ-худугыйнъ-ширѣ.	16) На Толѣ близъ Урги.
9) Хѣшдтү.	18) Урга.

1) У насъ со времени Тимковскаго пишутъ «Гильтэгэнтэй».

Оставивъ станціонныхъ монголовъ, мы изъ котловины Чулуту-түгү-рикъ, переваливъ черезъ два незначительные увала, въ 5 ч. вечера снова спустились въ котловину Муруйнъ-гашунъ. Отсюда дорога дѣлается замѣтно каменистѣе особливо на вершинахъ уваловъ. Въ 8 ч. вечера остановились ночевать въ урочищѣ Хүтүль.

26-е Ноября. Четвергъ.

6 ч. — 25°; 12 ч. — 18°; 9 ч. — 24 $\frac{1}{2}$ °.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и, миновавъ три плоскихъ, но каменистыхъ перевала, въ 10 ч. въѣхали въ долину, получающую свое имя отъ господствующаго надъ нею холма, Суль-шандъ. Отсюда въ 11 ч. 20 м., переваливъ нѣсколько уваловъ, вступили въ долину съ колодцемъ Билүту, гдѣ нашли сравнительно очень хорошія травы. Въ 12 ч. 35 м. стали подниматься на уваль Шацзагайту. Онъ былъ сплошь усѣянъ камнями темно-дикаго цвѣта и дорога по нему крайне дурна и утомительна. Съ вершины его я усмотрѣлъ къ западу небольшой айль монголовъ, о которомъ мнѣ сказали, что это была первая временная станція для проѣзда хутухтинскихъ каравановъ. Уваль Шацзагайту служитъ границею для трехъ хошунъ: къ сѣверу и сѣверо-западу отъ него располагаются кочевья Мэргэнъ-вана; къ югу и юго-западу—Барунъ-сунитовъ, а къ юго-востоку—Цзунъ-сунитовъ. Такъ какъ мы ѣхали здѣсь прямо на югъ, то вступили въ Барунъ-сунитскія кочевья. Въ 1 ч. 15 м., миновавъ озеро Шацзагайту, начали подниматься на невысокій уваль, отдѣляющій долину Шацзагайту отъ долины Ърэнъ-дабасу нүра. Это послѣднее озеро было ясно видно съ нашей дороги и находилось верстахъ въ восьми отъ нея. Въ параллели его мы были на своей дорогѣ въ 1 ч. и 50 м. Озеро имѣетъ въ окружности около 20 верстъ и, по словамъ монголовъ, изобилуетъ громадными пластами самосадочной соли, вкусъ и бѣлизна которой славятся не только въ Монголіи, но и по всему сѣверному Китаю. Правильной разработки соли въ этомъ озерѣ не ведется и окрестные монголы могутъ добывать ее по нуждѣ, сколько кому требуется. Въ прежніе годы и даже не болѣе какъ лѣтъ пять тому назадъ, соль Ърэнъ-дабасуна въ громадномъ количествѣ вывозилась Барунъ-сунитами въ Хухү-эрги, Хухү-хотò, Фынъ-чжанъ и Лунъ-синъ-цзоръ, причемъ въ ту пору монголы мѣняли китайцамъ каждую доу (=мѣру) соли—на доу проса. Правда, что эти доу были различны: доу, по которой китайцы принимали соль, вѣсила 40 гиновъ (фунтовъ), тогда какъ монголамъ они выдавали просо другою доу, вмѣщавшею въ себѣ только 28 гиновъ; но монголы мирились съ этимъ, ибо таковъ былъ уже изстари установленный обычай. Въ послѣдніе годы рядъ неурожаевъ въ сѣверной Шань-си, при которыхъ цѣна на доу проса съ 400 чеховъ возросла до

1400, прекратилъ однако и мѣну на такія доу; оттого суниты за послѣдніе пять лѣтъ почти не вывозятъ соли въ Китай. За то китайцы уже сами во множествѣ пріѣзжаютъ теперь къ Ёрѣнь-дабасу и разрабатываютъ здѣсь соль, уплачивая Барунъ-сунитскому хошуну по 6 фынъ (около 12 коп. сер.) за доу добытой соли. Деньги эти собираются въ управленіи, причеъ одна треть ихъ выдѣляется въ пользу князя, а двѣ трети идутъ на нужды хошуна. При озерѣ живетъ высылаемый хошунномъ «дѣмалъ», съ нѣсколькими солдатами, для охраны озера и взиманія платы. Что касается монголовъ, то Барунъ-суниты свободно предоставляютъ пользоваться ёрѣнь-дабасун-нурскою солью каждому желающему, къ какому бы ни принадлежалъ онъ хошуну.

Поднявшись изъ котловины Ёрѣнь-дабасу-нѣра, мы вступили въ громадную степь, по которой, несмотря на пересѣкающіе ее увалы, дорога наша была видима верстъ приблизительно на 40. Степь эта вначалѣ, т. е. въ сѣверной своей оконечности, носитъ названіе Дабасундѣй-ирмѣкъ. Въ 4 ч. мы переѣхали первый, пролегающій по ней уваль, отъ котораго та же степь получаетъ названіе Харангуйнъ-тала. Этою Харангуйнъ-тала мы ѣхали до 8 часовъ вечера, когда остановились для ночлега въ урочищѣ Гунъ-тойримѣйнъ-нѣръ. Находящееся здѣсь озеро имѣетъ не болѣе полуверсты въ окружности и обладаетъ совершенно вкусною прѣсною водою.

27-е Ноября. Пятница.

7 ч. — 27°; 12 ч. — 23°; 9 ч. — 27°.

Выѣхали въ 8 ч. утра и продолжали путь по той же долинѣ, получающей здѣсь названіе Хѣлтуинъ-гѣби. Дорога имѣетъ тотъ же характеръ, слѣдуя по степи твердо-песчанаго грунта, съ невысокою и довольно бѣдною растительностью. Въ 11 ч. подошли и начали подниматься на громадную столообразную возвышенность, Хѣлтуинъ-ширѣ; протяженіе ея захватываетъ собою добрую половину всей Хѣлтуинъ-гѣби, въ самой ея срединѣ. Въ 1 ч. 15 м. по такой же дорогѣ миновали мысъ и озеро Эрѣнь-хошѣ, отъ котораго начинается подъемъ на небольшой уваль, отдѣляющій долину Эрѣнь-хошѣ отъ долины Борольжѣй. По этой послѣдней мы ѣхали до 5 ч. вечера и засимъ, переваливъ невысокій, но длинный тянигусъ, Цзамѣйнъ-дабѣ, спустились въ равнину Табунгѣйнъ-тала, въ которой и остановились для ночлега въ 6 ч. вечера, такъ какъ работники наши уѣхали искать снова потерявшихся верблюдовъ.

28-е Ноября. Суббота.

7 ч. — 32°; 1 ч. — 23°; 9 ч. веч. — 29°.

Сегодня поутру оказалось, что жена моя отморозила себѣ за ночь лѣвую щеку. Завернувшись въ войлокъ и оставивъ небольшое отверстіе

для прохода воздуха, она нечувствовала какъ отверстіе это обледенѣло отъ застывавшаго дыханія и, вѣроятно, этотъ-то слой льда и повредилъ ей щеку. Двинулись въ 8 ч. 40 м. и продолжали путь по долинѣ Табунгъинь-тала. Въ 10 ч. 30 м. начали переваливать черезъ пологій увалъ Ухъгъинь-усу, на широкой вершинѣ котораго стояло нѣсколько аилей придорожныхъ нищихъ. При страшномъ холодѣ, они полураздѣтые выходили на дорогу, становились на колѣна и земными поклонами выпрашивали у насъ милостыню. Сердце сжимается при видѣ этихъ несчастныхъ, испитыхъ и желтыхъ лицъ и, несмотря на холодъ, мы не могли не остановиться, чтобы развязать свои мѣшки и дать имъ остатковъ нашего вчерашняго мяса, предназначавшагося на завтракъ, а равно кусочка кирпичнаго чая. Последній всегда нужно имѣть путнику, потому что это самый лучший гостинецъ и подарокъ для монгола. Въ 12 ч. 45 м. достигли колодца Бухангъинь-усу, окрестности коего ничѣмъ не отличаются отъ предшествовавшихъ имъ пространствъ, только въ придорожныхъ холмахъ видно большее преобладаніе бѣлаго мергельнаго известняка. Далѣе степь получаетъ названіе Элисѹ, хотя пески ея, впервые попавшіеся намъ въ 1 ч. 10 м., весьма незначительны; напротивъ, здѣсь преизобилуетъ галька, замѣчательная въ томъ отношеніи, что она отиѣнно хорошо округлена, несмотря на свою величину, доставляющую даже безпокойство при ѣздѣ въ телѣгѣ. Въ 2 ч. 15 м. намъ попался колодецъ, Сүлй-усу, получившій свое названіе, несомнѣнно, отъ обильно произрастающаго здѣсь растенія «сүлй», зерна коего, подобно шаральчжину, составляютъ для монголовъ пищевой суррогатъ въ голодные годы. Китайцы зовутъ это растеніе «ша-пэнъ-ми», т. е. степной рисъ. За колодцемъ Сүлй намъ начали болѣе часто попадаться пространства на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ саженой сыпучихъ песковъ; мѣстами песокъ этотъ навѣянъ въ груды, поросшія высокимъ дэрэсѹномъ. Въ 5 ч. 20 м. мы проѣхали мимо Холтуйнъ-сүмѣ. Маленькій монастырь этотъ, съ однимъ только дуганомъ, располагается между холмами и едва замѣтенъ съ дороги. Обыкновенно въ немъ живетъ не болѣе двухъ, трехъ ламъ. Отсюда за уваломъ начинается мѣстность, именуемая Цахъюртайнъ-гѣби, проѣзжая которую мы въ 7 ч. вечера остановились для ночлега, не будучи въ состояніи ѣхать далѣе, ибо всё буквально кочевѣли отъ холода.

29-е Ноября. Воскресенье.

7 ч. — 32°; 1 ч. дня — 23°; 9 ч. веч. — 26°.

Путру тотъ же невыразимо удручающій, страшный холодъ, къ которому сегодня присоединился еще сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Ити пѣшкомъ — нѣтъ возможности отъ вѣтра; сидѣть на верблюдѣ — холодно, особливо ногамъ; въ телѣгѣ — скучно, ибо ничего не видишь и не можешь

ни слова сказать относительно проѣзжаемыхъ мѣстностей; наконецъ нападаетъ какое-то раздраженіе, — способенъ только браниться изъ-за этого холода. Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и продолжали путь по Цахѳортань-гѳоби. Ровно черезъ часъ поднялись на уваль Цахѳортань-эрмэктѳу и спустились въ Самъ-булугѳинь-гѳоби, по которой въ 11 ч. 5 м. добрались до небольшой рѣчущки Самъ-булѳкъ. Источникъ протекаетъ по солончаку, но вода въ немъ прѣсная. Мѣста эти хотя и принадлежатъ хошѳуну сунѳитовъ, однако не могутъ быть названы вполне сунѳитскими. Еще въ года правленія Юнзчжэна управленіе шанду-дабасѳ-нѳурскихъ пастбищъ представляло всеподданнѳейшій докладъ Богдохану, въ которомъ ходатайствовало о разрѣшеніи ему перекочевывать сюда со своими верблюдами и лошадьми, при случаяхъ голодовокъ въ ихъ собственныхъ кочевьяхъ. Ходатайство это было удовлетворено, при чемъ видѣнная нами теперь рѣчущка Самъ-булѳкъ была признана западною границею для мѣстностей, на которой можно было въ сунѳитскомъ аймакѣ пасти табуны богдохана. Остальныя границы этого пространства опредѣлялись такъ: на югѣ Ноюнъ-лунь; на юго-западѣ Буланъ-хуца на сѣверо-западѣ Саль; на сѣверѣ Санту; на востокѣ — Голбайръ. Вся эта площадь представляетъ собою, говорятъ, мѣста степныя, широкія, открытыя, вполне удобныя для скотоводства. Непосредственно отъ Самъ-булѳка мы поднялись на уваль, за которымъ начинается такъ называемая Бѳтѳумчжѳинь-гѳоби. Желая сократить свою дорогу, подрядчикъ мой свернулъ здѣсь съ главнаго караваннаго тракта и это уклоненіе съ дороги сказалося намъ очень скоро: вмѣсто широкаго пути съ твердымъ грунтомъ дорога оказалась пробитою узенькой колеей по рыхло-глинистой почвѣ, изрытой кочками. Особенно неудобно было двигаться здѣсь телѳгамъ, колеса которыхъ постоянно задѣвали за эти кочки. Въ 3 ч. 55 м. поднялись на возвышенность Бѳтѳумчжѳинь-ширѳ и отъ нея потянулася гладкая степь. Въ сѣверной своей части она называется, по имени находящагося въ ней колодца, Цаганъ-тала, а далѣе къ югу получаетъ названіе Сайнь-гѳла отъ протекающаго здѣсь ручья, вверхъ по теченію котораго направляется здѣсь дорога. Остановились для ночлега въ долинѣ Сайнь-гѳла въ 8 ч. вечера.

30-е Ноября. Поведѣльникъ.

7 ч. — 27°; 1 ч. дня — 16°; 9 ч. веч. — 20°.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. и продолжали путь по долинѣ Сайнь-гѳла; сухое русло его песчано и имѣетъ ширины до 5 саженой. Въ 10 ч. 10 м. проѣхали долину Дэлъгѳръ-тала, съ твердо-песчанымъ щебневатымъ грунтомъ; повсюду на ней кочки, поросшія дѳрасѳномъ. Дуетъ страшный западный вѣтеръ и пыль такая, что дорога едва видна на пространствѣ нѣ-

сколькихъ десятковъ сажений. Изъ долины Дэльгэръ-талà за небольшимъ уваломъ открылась громадная степь Цзадагайтү. Говорятъ, что здѣсь располагается озеро того же имени съ прекрасною водою; обычно оно служитъ мѣстомъ ночлега для каравановъ, мы же, достигнувъ до береговъ его въ 2 ч. 20 м., взяли изъ него льда, чтобы полакомиться чистою водою. Подвигаясь далѣе, въ 3 ч. 45 м. подъѣхали къ урочищу Эхинд-усу, въ которомъ мы насчитали четыре колодца, а при нихъ располагалось до 10 юртъ бѣдныхъ сунитовъ, проживающихъ подаяніями проезжающихъ. Отъ этого урочища верстахъ въ 2¹/₂, мы переѣхали земляной валъ, можетъ быть, границу Минь-чана; вслѣдъ за симъ дорога начинаетъ подниматься къ горамъ Цзадагай-ўла. По ущельямъ, образуемымъ этими горами, мы ѣхали до 5 ч. 20 м. вечера, а далѣе, миновавъ горы Цаганъ-хуръ, вступили въ долину Харà-хадайнъ-талà, получающую свое имя отъ горъ, возвышающихся на западной сторонѣ отъ нашей дороги. Неподалеку отъ горъ Цаганъ-хуръ стоитъ пограничная кумирня сунитовъ, именуемая Цаганъ-хурънэй-сүмд. Къ югу отъ нея находятся два, рядомъ стоящіе пригорка, именуемые Тб-сүль-обб и служащіе границею для сунитскихъ и чахàрскихъ кочевьевъ. Сѣверный пригорокъ составляетъ сунитскую землю, южный — чахàрскую. Пограничные знаки соблюдаются здѣсь весьма строго, ибо земли чахàровъ въ данномъ пунктѣ не принадлежатъ кочевьямъ простолюдиновъ, а отведены подъ пастбища богдохàнскихъ стадъ овецъ. Въ 7 ч. 30 м., замѣтивъ юрты этихъ пастуховъ при колодцѣ Адагайинъ-усу и желая получить отъ нихъ свѣдѣнія о состояніи стадъ, я приказалъ остановиться на ночлегъ.

Пастбищныя земли богдохàнскихъ овецъ занимаютъ собою самую сѣверную границу чахàрскихъ улусовъ и тянутся отсюда къ юго-востоку, до р. Богдйинъ-гѡла. Общее число богдохàнскихъ овецъ весьма велико. Овцы раздѣляются на 80 сүрүковъ и въ каждомъ сүрүкѣ считается по 500 матокъ, иначе называемыхъ «безсмертными» головами животныхъ; это значитъ, что въ каждую данную минуту въ сүрүкѣ должно быть 500 матокъ, несмотря ни на какіе падежи и болѣзни. Ежегодный приплодъ отъ этихъ матокъ исчисляется въ 140 головъ, тогда какъ естественная убыль животныхъ опредѣляется въ 115 головъ въ сүрүкѣ. Назначеніе такой незначительной прибыли даетъ возможность чахàрскимъ пастухамъ не только имѣть въ наличности собственно штатное число скота, но и обогащаться на счетъ имущества своего богдохàна. Въ общемъ «хоничй», т. е. пастухи богдохàнскихъ овецъ, раздѣляются на два хошүна «хубб-шарà», и «гүли-шарà». Для управления ими назначаются 40 да и 40 мэйрэней; т. е. по одному да и по одному мэйрэню на два сүрүка. При представленіи богдохàну приплода,

каждый дѣ обязанъ въ 9-й лунѣ отправить въ Пекинъ 50 головъ отъ своихъ двухъ сурьковъ. Посылаются исключительно кладеные бараны, въ возрастѣ по второму году («шбдлѣнъ»), хотя могутъ быть отправляемы также и хорошіе первогодки (тблгѣнъ), если они отличаются достаточною крѣпостью и величиною.

Сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія чахъръ проживалъ въ хошунѣ «хоничи» только второй годъ и былъ сосланъ сюда, такъ сказать, на пониженіе, за пьянство, а до того времени онъ состоялъ въ вѣдомствѣ «ухурчиновъ», т. е. пастуховъ рогатаго скота. По словамъ его, быть ухурчиномъ гораздо выгоднѣе и лучше. Хошұны ухурчиновъ раздѣляются на четыре отдѣла: а) Чжѣнь-ухурчинъ, б) Хубѣ-шарѣ-ухурчинъ, в) Барѣнъ-ухурчинъ и г) Гѣлишарѣ ухурчинъ. Основныя пастбища ихъ лежатъ къ западу и юго-западу отъ хоничиновъ, близъ ст. Халютай почтоваго алтайскаго тракта. Разговаривавшій со мною чахъръ состоялъ на службѣ въ хошунѣ Хубѣ-шарѣ ухурчиновъ, управляемомъ амбанемъ¹⁾, живущимъ у Хайгынъ нѣра. Въ составъ ухурчинскаго хошұна хубѣ-шарѣ входитъ всего 24 дѣ, причемъ вѣдѣнію cadaго дѣ поручается 30 дойныхъ коровъ, количество же быковъ и воловъ бываетъ различно, смотря по довѣрію амбана и воззрѣнію его на личность и способности того или другого «дѣ»: есть личности, которымъ поручается по 60 быковъ, другимъ по восьмидесяти, по сту и болѣе. Взносы ко двору богдохана отъ ухурчинскихъ хошұновъ состоятъ въ поставкѣ ко двору хурұта и масла. За сборомъ этихъ продуктовъ въ каждый хошунъ пріѣзжаетъ два раза въ годъ по 10 чиновниковъ придворнаго вѣдомства; лѣтомъ собираютъ они хурұтъ, а осенью масло, по расчету отъ каждой дойной коровы по 5 гиновъ масла и по 5 гиновъ хурұта. Чины, пріѣзжающіе въ хошунъ хубѣ-шарѣ, останавливаются всегда въ Борѣнъ сѣмѣ. Ко времени ихъ пріѣзда чахъры обязаны представить сюда коровъ, въ количествѣ двухъ-трехъ головъ отъ cadaго дѣ. Здѣсь, подъ присмотромъ этихъ чиновъ, чахъры обязаны пасти своихъ коровъ, ежедневно доить ихъ и доставлять молоко пріѣхавшимъ маньчжурамъ, а послѣдніе уже сами готовятъ изъ него хурұтъ, или масло. Продукты ихъ приготовленія именно и назначаются къ столу богдохана. Просидѣвъ мѣсяць, или нѣсколько больше и надѣлавъ того и другого продукта гиновъ по 25, или 30, маньчжуры получаютъ остальное, по штату, количество хурұта и масла уже приготовленнымъ отъ дѣ и уѣзжаютъ. Мой чахъръ, состоя въ числѣ дѣ хошұна хубѣ-шарѣ, обязанъ былъ представлять ко двору 360 гиновъ хурұта и столько же коровьяго масла.

1) Вѣроятно, это названіе «амбанъ» народное; ибо едва ли для управленія однимъ хошұномъ ухурчиновъ назначается первостепенный чиновникъ.

1-е Декабря. Вторникъ.

7 ч. —23°; 1 ч. —17°; 9 ч. —22°.

Выѣхали въ 9 ч. утра и ѣхали однообразными ложками, пересѣкая увалы; по бокамъ дороги видно много бугорковъ и пригорковъ; вообще поверхность имѣеть холмистое очертаніе. Долины изобилуютъ кормовыми травами. Часамъ къ 12-ти дня холмы начали дѣлаться выше и подступать ближе къ дорогѣ; вмѣстѣ съ симъ почва обнажается и по всему видимому пространству степи начинаютъ попадаться камни краснаго цвѣта до такой степени похожіе на кирпичъ, что приходилось брать ихъ въ руки и разсматривать, чтобы убѣдиться, что это не искусственный, а природный камень. Холмы эти составляютъ отроги Минганскаго хребта. Мы начали переваливать этотъ послѣдній въ 2 ч. дня и переваливали три, впрочемъ, весьма пологіе, кряжа его до 4½ час. вечера. Два увала стоятъ почти непосредственно одинъ за другимъ, а третій — въ нѣкоторомъ отдаленіи, впрочемъ, не болѣе какъ версты на полторы отъ второго. Долина отдѣляющая ихъ, носитъ названіе Олонъ-худукъ, т. е. долина многочисленныхъ колодцевъ, хотя колодцевъ здѣсь только три и они-то, вмѣстѣ съ небольшимъ ключемъ, составляютъ все орошеніе здѣшнихъ мѣстъ. Въ 5½ ч. мы переѣхали долину Богдинъ-гѣла, гдѣ окончились земли хоничиновъ и начались пастбищныя земли адучиновъ, т. е. пастуховъ богдохянскихъ табуновъ. Въ 8 ч. вечера мы остановились для ночлега въ урочищѣ Чжончидолбнъ-худукъ, неподалеку отъ богатаго чахарскаго аіля.

Отправляясь въ этотъ аіль, я надѣялся найти здѣсь какого-нибудь пастуха богдохянскихъ лошадей и получить отъ него свѣдѣнія объ этой отрасли богдохянскаго хозяйства; оказалось однако, что хотя хозяинъ этого аіля и принадлежалъ хошуну адучиновъ, тѣмъ не менѣе пастбюю табуновъ не занимался: онъ передалъ свое пастбищное дѣло младшему брату, самъ же занимался строительнымъ ремесломъ и былъ извѣстенъ за лучшаго подрядчика. Словоохотливый старикъ разказалъ мнѣ, что на своемъ вѣку онъ построилъ уже больше сотни домовъ различнымъ монгольскимъ князьямъ и ставилъ это себѣ въ особенную заслугу, ибо, по словамъ его, княжескій домъ построить не всякій подрядчикъ: здѣсь нужны знаніе дѣла и умѣнье объединить въ своей артели людей самыхъ различныхъ специальностей. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что этотъ специалистъ домостроенія представлялъ собою дѣйствительно нѣчто вродѣ нашихъ военныхъ и статскихъ портныхъ, до мельчайшихъ подробностей знающихъ, гдѣ и какой долженъ быть кантикъ и сколько въ какомъ мѣстѣ нужно посадить пуговицъ и петличекъ. Повѣстунъ мнѣ о постройкѣ княжескихъ дворовъ, онъ разказалъ, что княжескіе дома строятся въ Китаѣ сообразно

рангу ихъ владѣльцевъ. Дома цинь-вановъ строятся, напимѣръ, на фундаментахъ, тянущихся въ величину всего главнаго двора и возвышающихся надъ общимъ уровнемъ земли на вышину одного джана. ¹⁾ Парадное зданіе должно быть одно, величиною въ 5 дзяней; находится оно у сѣверной стѣны двора и обращено фасадомъ къ югу, по сторонамъ же его можетъ быть воздвигнуто, также величиною въ 5 дзяней, по два зданія въ каждомъ крылѣ и за симъ, въ разстояніи двухъ джановъ отъ этихъ боковыхъ пристроекъ, должны слѣдовать, посреди двора, внутреннія ворота. Всѣ эти зданія дозволяется покрывать зеленою муравленною черепицею и матица ихъ окрашивается краскою зеленаго цвѣта. Внутреннія ворота, если они устраиваются изъ деревянныхъ столбовъ, могутъ быть окрашены красною краскою. Всего во дворахъ цинь-вановъ можно строить семь жилыхъ байшиновъ, причемъ, помимо вышеисчисленныхъ пяти, два остальныхъ зданія, равно какъ и наружныя ворота въ первый дворъ, дѣлаются на ровной землѣ, т. е. безъ возвышеннаго фундамента; покрыты главныя входныя ворота должны быть простою черепицею и только на гребень кровли можетъ быть положена муравленная черепица зеленаго цвѣта; что же касается двухъ байшиновъ, то они должны быть покрыты плоскою черепицею. На портикахъ главнаго зданія дозволяется ставить деревянныя колонны, которыя окрашиваются краскою краснаго, или чернаго цвѣтовъ; южныя наружныя стѣны этого зданія, равно какъ и ворота, могутъ быть украшаемы рисованными золотомъ и различными другими красками изображеніями драконовъ и различныхъ цвѣтовъ и травъ. Если бы въ главномъ своемъ зданіи цинь-ванъ пожелалъ устроить для себя парадное мѣсто, то такое сѣдалище его должно быть вышиною въ 8 чи, длиною въ 1 джанъ и 1 чи, а шириною въ 9 чи. Сѣдалище это устанавливается на возвышенной площадкѣ, окрашенной въ красную краску и возвышающейся надъ общимъ поломъ зданія на $1\frac{1}{2}$ чи. За этимъ сѣдалищемъ, на задней стѣнѣ зданія рисуется золотой драконъ о пяти когтяхъ, парящій въ разноцвѣтныхъ облакахъ. Дѣлать изображеніе этого дракона выпуклымъ строго воспрещается.

Дома цзюнь-вановъ строятся по тѣмъ же правиламъ, только фундаментъ ихъ дѣлается вышиною въ 8 чи; изъ числа построекъ только главное парадное зданіе и внутреннія ворота покрываются зеленою муравленною черепицею, тогда какъ остальные, стоящія по сторонамъ зданія кроются уже

¹⁾ Китайскія мѣры протяженія англійскимъ тьян-цзинскимъ трактатомъ 1858 года опредѣлены такъ: низшая китайская мѣра протяженія — фынь. 10 фынь = 1 цунь, который русскіе называютъ вершкомъ, на который въ дѣйствительности = 1,41 рус. дюйма 10 цунь = 1 чи, т. е. около 14,1 рус. дюймовъ 10 чи = 1 джанъ, т. е. около 1 саж., 4 фут. 9 дюймовъ.

простою черепицею. Драконы, рисуемые на стѣнахъ, должны изображаться четырехъ когтевые и только красками, золото же дозволяется употреблять только при изображеніи цвѣтовъ.

Въ домахъ бэйлэ фундаментъ возвышается на 6 чи; зданія ихъ кроются простою круглою черепицею; въ рисункахъ—драконовъ не полагается, дозволяется же имъ украшать стѣны своихъ воротъ и зданій только золотыми и разноцвѣтными изображеніями цвѣтовъ и травъ.

Въ домахъ бэйсэ и гуновъ фундаментъ долженъ быть вышиною въ два чи; самое зданіе во всемъ походитъ на зданіе бэйлэ, только украшается оно золотымъ и разноцвѣтнымъ рисункомъ болѣе мелкихъ цвѣтовъ и травъ.

2-е Декабря. Среда.

7 ч. —29°; 1 ч. дня —16°; 9 ч. веч. —23°.

Выѣхали въ 8 ч. 45 м. Съ ранняго утра небо было заволочено туманами, а въ 9 ч. пошелъ сильный снѣгъ. Окрестностей наблюдать было невозможно, видно было только, что мы движемся между холмами. Въ 10 час. 15 мин. миновали колодець Чжончй и въ дальнѣйшемъ движеніи путь нашъ пересѣкъся нѣсколькими поперечными дорогами. Говорятъ, что по нимъ ѣздятъ китайскіе торговцы, направляющіеся изъ Хуху-хотѣ и Лунь-шань-цзора въ Долонь-нурь. Въ 11 ч. 55 м. мы достигли небольшой рѣчущки, именуемой Чонбйнь-гбл'омъ; она течетъ узенькимъ потокомъ, въ глубокой разсѣлинѣ окружающей ея степи. Окрестныя мѣста представляютъ собою волнообразную долину, вѣроятно, сильно каменистую, ибо стоящій торчкомъ щебень выглядывалъ даже изъ-подъ значительной толщи снѣга. Миновавъ въ 1 ч. 20 м. озеро Буриду-нурь, мы начали подниматься на горы. Табунъ ула. Большую часть этого кряжа дорога проходитъ по ущельямъ, въ окаймляющихъ которыя горныхъ обнаженіяхъ чаще всего виднѣлась порода черныхъ кварцитовъ. Только къ 5 часамъ вечера мы оставили за собою эти ущелья и вступили въ громадную равнину, тянущуюся съ постепеннымъ повышеніемъ на югъ верстъ на 60. Въ 8 ч. вечера остановились для ночлега. Часовъ въ 10 мимо нашей стоянки прошло два русскихъ каравана съ чаемъ.

3-го Декабря. Четвергъ.

7 ч. —28°; 1 ч. дня —17°; 9 ч. веч. —26°.

Выступили въ 8 ч. 50 м. и продолжали путь по той же однообразной долинѣ. Въ 11 ч. 30 м. показался влѣво отъ нашей дороги большой холмъ Тўлга, у подножія котораго проходятъ колеи Гунчжунь-цзэма. Въ разсматриваемой мѣстности Гунчжунь-цзэмъ, говорятъ, значительно ровнѣе и удобнѣе нашей дороги, которая все время тянется по уваламъ и притомъ значительно каменистымъ. Въ полдень достигли мы урочища Гудуриху,

гдѣ повстрѣчали два озера и нѣсколько чахърскихъ айлей, заключавшихъ въ себѣ отъ 16 до 20 юртъ каждый. Такихъ большихъ айлей нельзя встрѣтить нигдѣ у халхасовъ и они, можно сказать, представляютъ исключительную особенность чахърскихъ степей. Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это обуславливается прежде всего значительнѣйшимъ богатствомъ чахърскихъ степей и самихъ чахъровъ, о чемъ мною уже было говорено въ другомъ мѣстѣ. Глядя теперь на эти юрты и айли, нельзя было не признать большую культурность жизни чахъръ. Почти у каждой изъ ихъ юртъ построены деревянныя сѣни; это значительно защищаетъ ихъ, конечно, отъ холода. Еще больше такой защиты представляетъ то, что чахърская юрта обнесена заваленкой и въ нее слѣдовательно не поддуваетъ вѣтеръ снизу. Помимо сего большинство чахърскихъ юртъ обнесено оградами и хорбнами, передъ каждою изъ такихъ оградъ высятся цѣлыя груды аргалу, что, очевидно, свидѣтельствуешь о заботливости домохозяевъ. Нельзя не упомянуть за симъ, что передъ весьма многими юртами чахъровъ можно встрѣтить еще поставцы, или, какъ называютъ они, «табюры». Нехитрая построечка эта состоитъ изъ четырехъ вкопанныхъ столбовъ, вышиною аршина въ два; на нихъ ставится ларь и въ него чахъры складываютъ свою ежедневную провизію, а равно хранятъ здѣсь кожи убитыхъ животныхъ и пр. У халхасовъ все это валяется на полу въ юртѣ, пылится, обнюхивается, а иногда и грызется собаками, а главное, само по себѣ грязнитъ юрту; у чахъровъ одинъ этотъ поставецъ уже приноситъ много чистоты въ жилище. Много способствуетъ опрятности чахърской юрты еще и то, что подъ своимъ очагомъ они въ большинствѣ случаевъ выкапываютъ небольшія ямки; такимъ образомъ пепель отъ сгорающаго на очагѣ навоза не лежитъ у нихъ грудями посрединѣ юрты, а скатывается въ ямку подъ очагомъ, внутренность же юрты, если хоть немного слѣдить за нею, бываетъ всегда чистою. Лаская свой глазъ чахърскими жилищами, мы незамѣтно подѣхали въ 2 часа дня къ урочищу Манитѹ, въ которомъ происходитъ соединеніе Гунчжунъ-цзѣма и Шарѣ-номтунъ-цзѣма, который служилъ доселѣ нашей дорогою. Въ урочищѣ Манитѹ находятся два большія озера и нѣсколько чахърскихъ айлей, очевидно, уже не ведущихъ кочевого быта а живущихъ осѣдло; объ этомъ ясно свидѣтельствовали построенные при юртахъ бѣишины, или глинобитныя зданія, въ которыхъ чахъры проживаютъ лѣтомъ. Отсюда къ 2 ч. 50 м. мы добрались до колодца Дѹлгѹрту, а еще черезъ часъ миновали урочище Харѣ-усѹ. Въ 5 ч. 30 м. мы подѣхали къ древнему городищу Цаганъ-балгасунъ и такъ какъ мнѣ хотѣлось непременно взглянуть на него, то остановились на ночлегъ почти у самыхъ стѣнъ его. Идти для этого осмотра вечеромъ было, конечно, невозможно.

4-е Декабря. Пятница.

7 ч. —28°; 1 ч. —19°; 9 ч. —22°.

Въ 8 ч. отправились осматривать городище, но утро было такъ холодно, что объ обстоятельномъ осмотрѣ его нечего было и думать, я рѣшилъ отложить это до весны слѣдующаго года, теперь же, благодаря ясному утру, воспользовался имъ для снятія фотографій. Кургановъ въ Цаганъ-балгасунѣ весьма немного и интереснѣйшими изъ нихъ являются: а) круглый валъ въ сѣверо-западномъ углу городища; онъ обложенъ каменными глыбами изъ сѣраго гранита съ выбитыми наверху оныхъ желобобразными углубленіями. Диаметръ круга этого вала равняется 10 арш. а длина каждой глыбы въ 2 арш.; что касается изсѣченныхъ въ нихъ желобовъ, то они, при ширинѣ 6 вершковъ, имѣли глубину въ 3 вер. Въ срединѣ этого кургана имѣется глубокая дыра, расширяющаяся книзу; диаметръ ея по наружности 1 арш. и 2 вер. б). Въ сѣверной сторонѣ городища на самой срединѣ его имѣется 2-й курганъ, представляющій, вѣроятно, остатокъ главнаго дворцоваго зданія: нынѣ отъ него имѣется только груда мусора, въ которой мы отыскали нѣсколько любопытныхъ кусковъ глазированной черепицы. Фотографію были сняты нами здѣсь: оба упомянутые кургана, видъ южной стѣны Цаганъ-балгасуна, внутренность Цаганъ-балгасуна и общій видъ всего городища снаружи.

Окостенѣвъ отъ холода, мы возвратились въ свой станъ, когда онъ готовъ былъ уже двинуться въ дальнѣйшій путь. Выѣхали въ 10 ч. 30 м. и были поражены сразу измѣнившимся видомъ своей дороги. Къ югу отъ Цаганъ-балгасуна почти сплошною линією идутъ пашни и поселки китайцевъ, домики которыхъ раскинулись то группами въ три, четыре бѣйшина, то стоятъ одиночками, будучи осѣняемы купама деревьевъ. Дорога изъ широкой степи сразу превратилась въ узкій проселокъ, имѣющій не болѣе двухъ, а мѣстами сокращающійся до одной сажени въ ширину. Черезъ часъ мы достигли уже значительнаго поселка, Гурбунъ-тохдѣ; въ немъ насчитывается до 40 китайскихъ глинобитныхъ бѣйшиновъ, принадлежащихъ мѣстнымъ земледѣльцамъ. По улицамъ показались продавцы фруктовъ и сластей: на лоткахъ ихъ были разложены яблоки, ши-цзы, виноградъ, кусочки сахара-леденца, китайскіе пряники и бѣбо; все это, конечно, было заледенѣлое и совершенно невозможное къ употребленію. Далѣе за Гурбунъ-тохдѣ идутъ тѣ же виды полей, на которыхъ, по разказамъ, китайцы засѣваютъ пшеницу, ячмень, просо, гречу и множество различныхъ видовъ гороха. Справедливы ли эти разказы, судить теперь по совершенно оголеннымъ полямъ трудно; даже корни прошлогоднихъ посѣвовъ истреблены теперь населеніемъ и на бывшихъ нивахъ мы могли созерцать лишь

гробы умершихъ китайцевъ, нѣкогда работавшихъ на этихъ поляхъ, а нынѣ на нихъ и упокоившихъ свои кости. Извѣстно, что китайцы землевладѣльцы каждый имѣеть свое кладбище на своей нивѣ. Въ 12 ч. 25 м. миновали рѣчку Аруйнъ-гѡлъ; переѣхавъ ее по каменному мосту, длина коего около 5, а ширина не свыше 2-хъ саженой. Продолжая отсюда далѣе свой путь по такимъ же полямъ, мы въ 1 ч. 40 м. увидали верстахъ въ 4-хъ влѣво отъ дороги древнее городище Харъ-балгасунъ, а черезъ часъ послѣ сего достигли китайскаго поселка Борд-цѣжи, или, какъ называютъ его теперь сами китайцы, По-ло цай-цза. Селеніе это, за исключеніемъ Шабартая, считается теперь самымъ значительнымъ китайскимъ поселкомъ въ данной мѣстности и въ общемъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 200 дворовъ китайскихъ землешцевъ, къ которымъ присоединилось и до 20 лавокъ китайскихъ торговцевъ. Помимо удовлетворенія нуждъ мѣстныхъ китайцевъ, торговцы эти содержатъ еще у себя достаточное количество товаровъ на монгольскую руку, хотя въ послѣднемъ отношеніи несравненно богатѣйшими ихъ лавокъ могутъ быть названы лавки шабартайскія. Помимо означенныхъ торговцевъ, въ Борд-цѣжи содержатъ небольшія отдѣленія своихъ складовъ нѣсколько китайскихъ солепромышленниковъ, перехватывающихъ у монголовъ покупкою соль, когда они везутъ ее для продажи въ Калганъ. Наконецъ въ поселкѣ Борд цѣжи имѣютъ свои квартиры и нѣсколько русскихъ. Это низшій разрядъ приказчиковъ, высылаемыхъ нашими калганскими комиссіонерами для встрѣчи монгольскихъ извозчиковъ, направляющихся со своими верблюдами въ Калганъ, чтобы поднять и перевезти чай, или другіе товары на сѣверъ Халхи, или даже до предѣловъ Россіи. Обычай этотъ—высылать приказчиковъ—русскіе, несомнѣнно, заимствовали отъ китайцевъ и установился онъ сравнительно въ недавнее время, когда вывозъ въ Россію чая и другихъ китайскихъ произведеній увеличился, а въ Монголіи между тѣмъ, въ силу періодически повторявшихся падежей, перевозочныя средства значительно сократились. Итакъ, желая поскорѣе заручиться себѣ извозчиками, русскіе комиссіонеры начали высылать своихъ приказчиковъ верстъ за 40 на сѣверъ отъ Калгана, чтобы еще до вступленія монголовъ въ городъ законтрактовывать уже ихъ верблюдовъ подъ свозъ своихъ товаровъ. Порядки эти въ общемъ отзываются весьма невыгодно на русскомъ дѣлѣ, но объ этомъ будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ; теперь же я могу сказать только, что мы несказанно обрадовались, увидавъ въ Борд-цѣжи русскаго человѣка. Жилъ онъ въ китайскомъ байшинѣ и совершенно по-китайски, а потому мы даже и не заѣхали къ нему тѣмъ больше, что онъ занятъ былъ угощеніемъ монголовъ. Последнимъ зданіемъ въ поселкѣ Борд-цѣжи на нашемъ пути была монголо-

ламайская кумирня, Борд-пѣчжинъ-сѹмѣ, построенная совершенно по типу китайскихъ кумирень, такъ что одно только присутствіе на кровлѣ ея ганчжйра можетъ свидѣтельствовать, что это кумирня цзонхавинскаго толка. Далѣе дорога наша пошла по горному скату, имѣя вправо теченіе рѣчущки Борд-пѣчжи. Въ 4 часа мы переправились на правый берегъ этой рѣчки и засимъ вступили въ горы, а въ 5 часовъ остановились для ночлега въ ущельи Да-хань-гоу. Такъ какъ предстоявшій намъ съ завтрашняго утра перевалъ чрезвычайно труденъ для верблюдовъ въ силу своей величины и каменности, то въ Да-хань-гоу обычно замѣняютъ верблюдовъ телѣгами, запряженными быками, лошадьми, или мулами (ло-цзы). Мы наняли для себя двѣ телѣги съ двумя лошадьми, за три ланы серебра, до Калгана и на этихъ двухъ телѣгахъ, помѣстилось у насъ все то, что до сего времени везли 6 верблюдовъ.

5-е декабря. Суббота.

7 ч. — 26°; 1 ч. — 20°; 9 ч. веч. — 24°.

Проснулись, по обычаю, въ 5 ч. утра, но только къ 8 часамъ новыя извозчики наши были готовы и мы двинулись въ путь. Дорога пошла прямо въ гору; она весьма камениста и тянется узенькою колеєю по скатамъ горъ, постепенно повышаясь къ перевалу. Перевалъ этотъ носитъ названіе Сянчжитѹ-дабѣ и по нему обычно слѣдуютъ купеческіе караваны, слѣдующіе въ Калганъ. Проѣхавъ по разсчету верстѣ 6, мы въ 9 ч. 40 м., обогнувъ горный мысъ Сянчжитѹ-ѹлы, должны были круто спуститься въ горную разсѣлину, отъ которой дорога снова начала подниматься къ перевалу уже по искусственно сдѣланной въ горѣ террасѣ. Почва здѣсь менѣе камениста и представляетъ собою порядочный суглинокъ. Такое достоинство ея было оцѣнено китайцами и, подѣлавъ себѣ искусственныя террасы, они расположили на нихъ уступами и свои жилища и свои пашни. Нѣсколько выше отсюда можно уже ясно видѣть древнюю Великую стѣну китайцевъ, отъ которой однако здѣсь остался теперь одинъ только невысокій валъ, да мѣстами еще на половину уцѣлѣли башни, имѣвшія суживающуюся кверху четырехугольную форму. На многихъ изъ этихъ башень еще уцѣлѣла облицовка ихъ кирпичемъ, но большая часть изъ нихъ представляетъ только глиняные остовы, что также не менѣе удивительно послѣ болѣе чѣмъ 2000-лѣтняго существованія. Исторія замѣчаетъ, что по сѣвернымъ мѣстамъ провинціи Шань-си и въ области Шань-цзюнь великая стѣна была построена княземъ Чжао-ваномъ еще при династіи Цинь; отъ Тай-чжоу и горы Инь-шань до Гао-гуань она построена была княземъ Ву-линь-ваномъ при династіи Чжао; а отъ Чжао-янъ до Сянъ-пинъ построена при династіи Янь. Цинь Ши-хуанъ-ди, уничтоживъ 6 княжествъ, покоривъ сѣверныя

области и овладѣвъ мѣстностями къ югу отъ Желтой рѣки, отправилъ Мэнъ-тяна съ нѣсколькими сотнями тысячъ работниковъ и приказалъ имъ построить великую стѣну на пространствѣ отъ Линь-чжао до Ляо-дуна, т. е. на разстояніи болѣе 10-ти тысячъ ли (отъ этого-то великая стѣна и называется по-китайски «Вань-ли чанъ чэнъ», т. е. стѣна въ 10,000 ли длиною). Такъ какъ династіи Цинь, Чжао и Янь существовали еще во времена удѣловъ, то ясно, что мысль построения Великой стѣны и самое начало этого дѣла относятся ко времени гораздо ранъшему Цинь Ши-хуанъ-ди. Послѣдній только окончилъ постройку Великой стѣны и далъ ей настоящіе размѣры. Что касается до времени первоначальнаго основанія стѣны, видимой нами у Калгана, то, по объясненіямъ Ши-гу, древній Чжао-янъ находился внутри области Шанъ-гу, т. е. всецѣло заключалъ въ себѣ мѣста, сопредѣльные Калгану. Наконецъ въ 10 ч. 20 м. мы поднялись на вершину хребта, откуда нашимъ глазамъ представалъ поразительный видъ. Тысячи горъ самыхъ разнообразныхъ формъ и красокъ возвышались передъ нами и въ этомъ лабиринтѣ возвышенностей было что-то величественно гармоничное, доводящее до полнаго забвенія о человѣческой жизни и ея вліяніи на природу, а дающее созерцать эту природу въ ней самой. Стоило однако только оторвать глазъ отъ этого вида, чтобы погрузиться въ самыя неприглядныя мысли. Спускъ съ дабана ужасенъ. Прежде всего онъ необычайно крутъ и, по произведеннымъ здѣсь измѣреніямъ, въ пространствѣ первыхъ пяти верстъ при спускѣ съ Сянчжитү-дабана общій уровень мѣстности падаетъ болѣе чѣмъ на 315 метровъ. Второе неудобство перевала—это его каменистость, описать которую въ сущности не хватаетъ и силы, ибо наше понятіе «каменистый» даже не подходяще сюда. Камни лежатъ здѣсь громадными валунами, вышиною отъ полу-аршина до 10 и болѣе вершковъ и черезъ нихъ то бѣдныя животныя должны перетаскивать свои телѣги съ кладью. Да, телѣга никогда не раскатится здѣсь подъ гору и только тогда, когда увидишь лѣцзу съ вытянутыми ногами и дрожащими мускулами ляжекъ, поймешь всю трудность этаго перевала. Таково спускаться, и что же нужно сказать о подъемѣ?! А между тѣмъ дорога эта представляетъ великій торговый трактъ, соединяющій Китай съ Россією. Избѣгая громадныхъ камней, лежащихъ посреди дороги, дорожныя колеи постоянно лавируютъ то въ ту, то въ другую сторону, хотя такая лавировка удается очень слабо, ибо мѣсто возможное для образованія дороги вообще очень узко, объ очисткѣ же и уравниеніи пути никто и не думаетъ. На половинѣ разстоянія этихъ ужасныхъ 5 верстъ, или, можетъ быть, нѣсколько ближе къ вершинѣ дабана, стоитъ кумирня Гэссэра, построенная на вырытой въ горѣ площадкѣ. При ней съ прошлаго года поселено, говорятъ, 15 человѣкъ китайскихъ

солдатъ зеленаго знамени съ цѣлью охранять путниковъ отъ нападеній разбойниковъ, во множествѣ бродящихъ здѣсь вслѣдствіе военныхъ дѣйствій въ Жэ-хо и общаго возбужденія въ этой странѣ. Только въ 12 ч. 10 м. миновали мы самую крутую часть перевала и подъѣхали къ деревнѣ, именуемой Ту-динъ-цза. Отсюда ущелье дѣлается шире и дорога внизъ, въ направленіи къ Калгану, становится нѣсколько спокойнѣе. Дикія, утесистыя стѣны ущелья замѣтно сглаживаются и мѣстами, на горахъ, начинаютъ попадаться даже пашни. Чѣмъ ближе къ Калгану тѣмъ пашень встрѣчается больше. Онѣ располагаются по террасамъ, искусственно выдѣланнымъ уступами по крутымъ скатамъ, окаймляющимъ ущелье горъ. При болѣе внимательномъ обзорѣ почти у каждой пашни можно видѣть каменную плиту, на которой высѣчены и окрашены въ красную краску іероглифы, обозначающіе имя владѣльца пашни и количество принадлежащей ему здѣсь земли, а равно годъ, въ который поставлена эта плита. Такіе виды тянутся вплоть до калганскаго предмѣстья Янь-бѣ-шань, гдѣ имѣютъ свою осѣдлость русскіе обитатели Калгана. Ровно въ 2 ч. дня мы прибыли въ это предмѣстье и были радушно встрѣчены здѣсь семейю М. Д. Батуева, одного изъ значительныхъ комиссіонеровъ московскихъ купцовъ по дѣлу транспортировки чая изъ Китая въ Россію.

Х. Калганъ.

Калганъ, или по-китайски Чжанъ-цзя-коу (張家口) на языкѣ мѣстной администраціи и простыхъ китайцевъ, особливо ведущихъ торговлю съ Монголією, называется еще Дунъ-коу (東口), т. е. «восточный проходъ» черезъ Великую стѣну, въ отличіе отъ Си-коу (西口), или «западнаго прохода», подъ которымъ разумѣется Гуй-хуа-ченъ (歸化城). Географическое положеніе Калгана достаточно извѣстно, чтобы я, неспециалистъ, могъ говорить о немъ подробно; но мнѣ кажется, что въ настоящую пору, по крайней мѣрѣ съ вѣшной стороны, довольно трудно ограничивать этотъ городъ тою оффиціальною рамкою, въ которую мы, вмѣстѣ съ китайцами, привыкли уже включать его, т. е. Великою стѣною, и можно сказать, что современный Калганъ начинается по крайней мѣрѣ версты за 1½ отъ воротъ Великой стѣны; другими словами, что къ городу необходимо причислить еще предмѣстье онаго, располагающееся по сѣверо-западному ущелью, называемому въ произношеніи мѣстныхъ жителей

Янь-бб-шань (元寶山). Правда, китайцы до сей поры строго отдѣляютъ городъ отъ его предмѣстья въ Янь-бб-шани. Въ послѣднемъ у нихъ существуетъ даже особое и отдѣльное отъ городского управленіе, сосредоточенное въ Фу-минь-фу (撫民府), вѣдѣнію котораго подлежатъ еще всѣ китайскіе фермеры и земледѣльцы, вышедшіе за Великую стѣну и обособившіе свои поселенія, какъ мы уже видѣли, почти вплоть до Цагань-балгасуна. Но все это узнается только впоследствии, когда поживешь въ городѣ и начнешь изучать его части въ деталяхъ, по первому же взгляду путешественника, современный Калганъ начинается, повторю снова, по крайней мѣрѣ версты за $1\frac{1}{2}$ отъ городской стѣны. По скаламъ Янь-бб-шаньскаго ущелья сплошною линіею лѣплятся здѣсь богатѣйшія лавки пекинскихъ и лаосѣрскихъ купцовъ, ведущихъ свою торговлю особенно съ прїѣзжающими въ Калганъ монголами; здѣсь же сосредоточены всѣ жилища помѣщенія, равно какъ и чайные склады русскихъ торговцевъ, имѣющихъ свое дѣло въ Калганѣ; наконецъ въ Янь-бб-шани располагается и большая часть торговыхъ рынковъ на предметы первѣйшихъ продуктовъ для жизни и продовольствія всѣхъ вообще калганцевъ, таковы: мясо, мука, топливо и проч. Разматривая именно такимъ образомъ Калганъ, я начну описаніе его съ Янь-бб-шани.

Въѣздъ въ Калганское предмѣстье рѣзко отдѣляется отъ прочихъ китайскихъ поселеній, располагающихся въ Янь-бб-шани. Версты за двѣ отъ калганской стѣны ущелье дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-востоку, паденіе его становится круче и само оно нѣсколько расширяется. Посреди ущелья течетъ небольшой ручей, превращающійся, впрочемъ, въ періоды таянія снѣговъ и паденія дождей въ стремительный потокъ и приносящій не мало зла мѣстнымъ обитателямъ. Неподалеку отъ вышеуказаннаго поворота Янь-бб-шани начинаются уже сплошныя поселенія калганцевъ. На первомъ планѣ здѣсь, на невысокомъ пригоркѣ возвышается теперь небольшое, но очень красивое зданіе православной русской церкви, постройка коей начата была въ 1892 году Екатеринбургскимъ купцомъ Михаиломъ Димитріевичемъ Батуевымъ. Мѣсто для построенія храма было пріобрѣтено г. Батуевымъ отъ мѣстныхъ китайцевъ первоначально въ размѣрѣ 3-хъ му¹⁾, за 500 ланъ серебра; впрочемъ, опасаясь, чтобы покой и святыня храма не были какъ-либо нарушены или оскорблены китайцами, строитель присоединилъ потомъ къ этой землѣ и еще 3 му, которыя ему удалось пріобрѣсти уже за 200 ланъ. Такимъ образомъ всего русскаго мѣста подъ зданіемъ храма и въ окружности его около 960 кв. саженой,

1) Кит. му = 159 саж. $46\frac{1}{2}$ кв. фут.

стоящихъ 700 ланъ, или около 1750 серебряныхъ рублей. Много труда было положено, конечно, чтобы приобрести эту землю подъ церковь, но еще больше усилій потребовалось, чтобы приспособить ее къ постройкѣ храма. Приобрѣтенное пространство представляло собою крутой скатъ Янь-бб-шани, на которомъ не мыслимо было возвести даже какое-либо маленькое зданіе. Строитель долженъ былъ скопать боковину горы и искусственно выдѣлать на ней террасу, углубившись внутрь горы саженей на 10—12-ть и на этой-то террасѣ расположилъ онъ свои постройки, на высотѣ приблизительно семи саженей въ отвѣсѣ отъ дна ущелья. Чтобы скрытая боковина горы не обваливалась на террасу, онъ укрѣпилъ ее, обложивъ ее бутовою плитою и устроивъ такимъ образомъ со стороны горы какъ бы каменную стѣну; а отъ дна ущелья провелъ на террасу каменную лѣстницу. Самое зданіе храма сложено изъ обожженаго сѣраго кирпича, на фунда-

Новая православная церковь въ Калганѣ.

ментъ облитомъ цоколемъ и крыто черепицею такого же сѣраго цвѣта. Въ верхней части наружныхъ храмовыхъ стѣнъ проходитъ вмѣсто бордюра линія выложенныхъ изъ кирпича крестовъ, а надпрестольная глава изящно и симметрично красуется надъ общимъ корпусомъ храма и завершается мирнымъ изображеніемъ золотого креста. Черезъ особливо при-

строенный къ зданію каменный притворъ входишь внутрь храма, гдѣ помещеніе его измѣряется въ 7 арш. ширины и 20 арш. длиною; храмъ предположенъ слѣдовательно на 70—80 человѣкъ, хотя едва ли скоро возрастетъ здѣсь до этого числа сумма православныхъ. Иконостасъ для церкви былъ исполненъ въ С.-Петербургѣ извѣстнымъ мастеромъ А. А. Сиговымъ. Необходимость переправлять его моремъ исключала возможность оклейки его дубомъ, какъ хотѣлось этого строителю; ибо вліяніе сырости легко могло попортить все сооруженіе; нужно было избѣгать всякой оклейки и дѣлать все изъ цѣльнаго дерева; поэтому-то иконостасъ былъ только отдѣланъ подъ дубъ, съ рѣзьбою, изъ липоваго дерева. Украшенный позолотою онъ представляется по изящной тонкости своей работы едва ли не лучшимъ всѣхъ другихъ иконостасовъ православныхъ церквей въ Китаѣ. Иконы для храма, всего въ количествѣ 23-хъ, были исполнены художникомъ Михайломъ Семеновичемъ Виноградовымъ. Всѣ лики святыхъ писаны на холстахъ, на живописныхъ фонахъ и въ самомъ строгомъ византійскомъ стилѣ. Особеннаго вниманія изъ среды ихъ заслуживаетъ запрестольный образъ Воскресенія Христова, «Моленіе о чашѣ», стоящее у жертвенника, а равно и мѣстная икона Св. Троицы, во имя которой воздвигнуть самый храмъ. Ихъ можно назвать истинно художественными произведеніями покойнаго живописца. Утварью церковь также вполне достаточна. Серебро-позлащенные сосуды особенно хороши по своей работѣ, не менѣе изящны евангеліе и напрестольные кресты; вообще же въ утвари предусмотрѣны даже такія вещи, которыя не всегда можно встрѣтить и въ русскихъ храмахъ, таковы люстры, канделябры, хоругви, лампы на кронштейнахъ и проч.

На восточной сторонѣ церковнаго двора, близъ алтаря, строитель отвелъ особое мѣсто для кладбища; на западной — почти отъ дверей притвора разбитъ изящный цвѣтникъ; на сѣверной, по обѣимъ сторонамъ воротъ, ведущихъ въ храмовой дворъ, построено два маленькихъ флигеля, изъ коихъ одинъ предназначенъ для постоянного проживанія въ немъ сторожа, а другой для временной остановки священника, на случай приѣзда его въ Калганъ къ отправленію богослуженій. Устроивъ такимъ образомъ храмъ и прилежащія къ нему пристройки, г. Батуевъ передалъ все это въ вѣдѣніе Православной Россійской Миссіи въ Пекинѣ, приложивъ къ такому своему приношенію еще 2000 ланъ серебра (4 тыс. руб.), на проценты съ которыхъ миссія съ избыткомъ можетъ содержать сторожа, для храненія этого своего имущества. а при нуждѣ и ремонтировать оное.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый истинно русскій человѣкъ отнесется съ глубочайшимъ уваженіемъ къ христіанскому дѣлу и высокой личности М. Д. Батуева. Стоитъ припомнить, что больше 200 лѣтъ уже русскіе

посѣщаютъ Калганъ, свыше 30 лѣтъ русскія фирмы ведутъ въ этомъ городѣ свои торговыя дѣла; десятки лицъ, благодаря исключительно Калгану, нажили себѣ не тысячи, а сотни тысячъ рублей и теперь оставили его, владѣя уже милліонами. И гдѣ они? Како не обрѣтошася возвратшеся дати славу Богу? Мало того, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ объ удовлетвореніи религіозной потребности тѣхъ своихъ низшихъ служащихъ, которые осуждены безвыѣздно жить и работать въ Калганѣ въ теченіе цѣлыхъ годовъ. Честь и слава строителю храма Святой Троицы, православному христіанину и истинному сыну земли русской, возглашаемъ мы, зная, что до сей поры г. Батуеву, пришлось вынести только не мало болѣзненной горести прямо по поводу постройки этой церкви.

Отъ мѣста православнаго русскаго храма постройки китайцевъ и русскихъ тянутся уже непрерывною линіею. Русскіе купцы не имѣютъ здѣсь своихъ лавокъ, а только жилия подворья, при которыхъ помѣщаются у нихъ кладовыя для храненія привозимыхъ изъ Россіи товаровъ, и отдѣльно еще склады для чаевъ, получаемыхъ ими изъ Китая, съ цѣлью переот-

Домъ купца М. Д. Батуева въ Калганѣ.

правки въ Россію. Жилища всѣхъ нашихъ соотечественниковъ съ наружной стороны представляютъ собою странную смѣсь китайской и русской

архитектуръ, а внутри въ большинствѣ случаевъ довольно сносно отдѣланы по-европейски. Лучшимъ по своему устройству представляется домъ М. Д. Батуева. Въ немъ найдете вы чистыя и изящно мебелированныя комнаты, прекрасную, уставленную растеніями веранду, цвѣтникъ, оранжерею и всякаго рода хозяйственныя постройки для удобствъ и гигиены въ жизни. У другихъ помѣщенія хотя и не меньшія, а даже большія — чѣмъ у Батуева, но съ тою мѣщанскою обстановкой, которая отличаетъ жизнь нашихъ ветхозавѣтныхъ торгашей въ уѣздныхъ городахъ. Весьма вѣроятно, конечно, что все дѣло объясняется здѣсь тѣмъ, что у Батуева есть жена

Типъ жилищъ и складовъ русскихъ комиссіонеровъ въ Калганѣ.

и прекрасная хозяйка, тогда какъ всѣ другіе живутъ quasi холостяками. Въ отношеніи къ специальному дѣлу транспортировки товаровъ препятствуетъ здѣсь устроиться нашимъ соотечественникамъ съ надлежащимъ удобствомъ само калганское ущелье: благодаря крайне узкой и стѣсненной долини онаго, рѣшительно ни одинъ изъ русскихъ не можетъ завести у себя хотя бы одинъ хорошій складъ, чтобы имѣть все подъ руками, но каждый изъ нихъ имѣеть по 5—6 и даже по 10-ти отдѣльныхъ дворовъ, иногда значительно удаленныхъ другъ отъ друга.

Въ совершенную противоположность этому проживающіе въ Янь-бб-шани китайцы рѣшительно всё ведутъ здѣсь мелочную торговлю и имѣютъ у себя открытые магазины, жилия же помѣщенія ихъ представляютъ собою маленькія и грязныя каморки, располагающіяся обычно непосредственно позади лавокъ. По происхожденію торговцы эти раздѣляются на двѣ категоріи: пекинцевъ и лаосировъ, или выходцевъ изъ Западнаго Китая. Какъ и повсюду, лавки пекинскихъ торговцевъ выглядятъ наиболѣе изящными зданіями и кажутся богаче всѣхъ прочихъ, хотя такое мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи нѣкоторыхъ, должно почитаться весьма ошибочнымъ. Дѣло лишь въ томъ, что въ пекинской лавкѣ всегда можно встрѣтить товары разнообразіе и выборъ ихъ богаче: пекинцы торгуютъ и китайскими шелковыми матеріями и всевозможными продуктами привозимой въ Китай европейской производительности, тогда какъ лавки лаосировъ не гонятся за наружнымъ блескомъ, а изобилуютъ по преимуществу товаромъ на монгольскую руку: чай, дѣбу, дѣлянбу, юфть и пр. Помимо сего въ Янь-бб-шани имѣется еще нѣсколько лавокъ, ведущихъ дѣльное дѣло, а равно найдется десятка по два магазиновъ, специально торгующихъ желѣзнымъ, кожанымъ, и москательными товарами. Это, въ большинствѣ, уже торговцы мѣстнаго, калганскаго происхожденія.

Ниже, приблизительно за полверсты до городской стѣны, Янь-бб-шань'ское ущелье образуетъ новое большое паденіе и значительно расширяется. Потокъ, стекающій съ вершины его, разливается по нему въ такомъ объемѣ и стремится внизъ съ такою силою, что въ пору разливовъ воды здѣсь рѣшительно не бываетъ проѣзда. Это неудобство побудило калганцевъ для безостановочнаго сообщенія Янь-бб-шани съ городомъ устроить въ указанномъ мѣстѣ по правой, западной сторонѣ ущелья особую дамбу. На языкѣ мѣстныхъ китайцевъ эта часть города, или его предмѣстья, называется «Па-ганъ-цзы», или «Па-га-рл», что въ буквальномъ переводѣ значитъ — «на плотинѣ»; монголы же называютъ эту площадь «да-бѣн'омъ». Здѣсь сосредоточивается у калганцевъ главнѣйшая торговля скотомъ. Въ теченіе всей зимы и осени быки и овцы цѣлыми сотнями головъ ежедневно пригоняются сюда какъ живущими за предѣлами Великой стѣны китайцами, такъ равно и южными монголами, особливо чахарами и сунитами, и продаются по сравнительно недорогимъ цѣнамъ. Хорошій баранъ въ разное время года стоитъ отъ 1 л. 2 ц. до 2-хъ ланъ серебра; быкъ, смотря по вѣсу его, отъ 9 до 16 ланъ. Въ теченіе 5-й и 6-й луны па-ган-цзы представляетъ собою особенно бойкій торговый пунктъ: въ эту пору монголы пригоняютъ сюда лошадей и продаютъ ихъ въ собственный Китай. Въ послѣднее время ежегодно сбывается здѣсь отъ 15 до 30 ты-

сячь головъ. Китайскіе торговцы прїѣзжаютъ по преимуществу изъ провинцій Ху-бэй, Ху-нань и даже болѣе южныхъ, при чемъ проживаютъ въ

Видъ калганскаго ущелья у Па-ган цзы.

Калганѣ довольно долгое время. Покупаютъ они главнымъ образомъ 3-хъ годовалыхъ кобылицъ, цѣна на которыхъ бываетъ различна, доходя, впрочемъ, даже въ самое дорогое время только до 8 ланъ; въ общемъ пониженіе или повышеніе цѣнности на этотъ скотъ обуславливается, какъ и повсюду, во-первыхъ, количествомъ пригона скота, во-вторыхъ, качествомъ животныхъ, а въ-третьихъ, количествомъ спроса и покупателей. Китайцы, съ которыми приходилось мнѣ говорить здѣсь о торговлѣ скотомъ, замѣчаютъ, что, при продажѣ въ розницу, рѣшительно всѣ виды скота являются въ Калганѣ дороже чѣмъ въ Пекинѣ и объясняютъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что монголы, находя для себя невыгодною продажу скота, всегда и съ большимъ удобствомъ могутъ угонять свой скотъ обратно домой, тогда какъ загнавъ животныхъ въ Пекинѣ, они отдаютъ ихъ уже и по болѣе сходной цѣнѣ.

Площадь «Па-ган-цзы» доведена китайцами почти до самаго окончанія Янь-бб-шань'скаго ущелья. Саженьяхъ въ 150 южнѣе дамбы двѣ горы подступаютъ близко одна къ другой и представляютъ собою какъ бы двѣ

каменныхъ стѣны, съ отвѣсными, вертикальными и, по образному выраженію китайцевъ, «точно разсѣченными сѣкирой» утесами. Въ западной половинѣ пространства между этими скалами, преграждая проходъ по ущелью, высится часть вѣшней Великой стѣны, возобновленной (хотя единственно въ этомъ пунктѣ) въ періодъ Минской династіи. Въ восточной половинѣ того же пространства между скалами образовалъ свое русло вышепомянутый потокъ, стекающій изъ ущелья Янь-бѣ-шань и подкрѣпляемый здѣсь еще другимъ ручьемъ, вытекающимъ изъ Цаганъ-тологѣйской пади. Соединенные ручьи образуютъ уже довольно значительную рѣчку. При началѣ нынѣшней династіи она носила названіе «Динъ-бянь-хэ», т. е. «рѣки, опредѣляющей границу», но въ настоящую пору это названіе уже не извѣстно и современные калганцы положительно не знаютъ для нея другого имени, помимо «Тунъ-цяо-хэ», т. е. рѣки проходнаго моста (通橋河). Разказываютъ что въ пору возобновленія стѣны и укрѣпленія здѣшняго

Великая стѣна и «Большія пограничныя ворота» въ Калганѣ.

прохода Минами, великая стѣна была устроена надъ этою рѣкою какъ бы въ висячемъ положеніи: она поддерживалась будто бы частію поднимавшимися со дна рѣки устоями, а частію упоромъ въ восточную скалу ущелья.

Дѣйствительно, на скалѣ этой донинѣ еще уцѣлѣли знаки какихъ-то сооружений, хотя сказать, что именно было въ данномъ мѣстѣ, рѣшительно не возможно. Мины отдѣлали заново и проходъ черезъ эту стѣну, служащій вмѣстѣ съ сѣмъ и городскими воротами Калгана. Китайцы зовутъ ихъ «Да-цзинь-мынь» (大境門), т. е. «большими пограничными воротами». Вечеромъ, обыкновенно немного спустя послѣ захожденія солнца они ежедневно закрываются громадными, створчатыми, окованными желѣзомъ дверями и открываются лишь съ наступленіемъ утра при солнце-восходѣ. За состояніемъ воротъ наблюдаетъ особый чиновникъ, каютка котораго стоитъ тутъ же при входѣ въ городъ, по южную сторону воротъ и отмѣчена вывѣскою: «тинъ-гуань» (聽官), каковая должность, по нашимъ понятіямъ, должна означать не только дозорнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и шпиона. Здѣсь официально полагается граница собственнаго Китая и начинается китайскій городъ Чжань-цзя-коу, или Калганъ. Необходимо замѣтить однако, что вообще Калганъ ни въ официальномъ мірѣ, ни даже въ воззрѣніяхъ китайскихъ простолюдиновъ не имѣетъ значенія города: онъ признается только военною крѣпостью (堡), при которой раскинулось еще селеніе, почитающееся пригородомъ, или вѣрнѣе слободою, уѣзднаго города Вань-цюань-сянь, отстоящаго приблизительно верстъ на 20 къ западу отъ Калгана. По этой-то причинѣ въ Калганѣ имѣется два управленія. Какъ военная крѣпость, служащая притомъ центральнымъ пунктомъ для управленія чахърскихъ военныхъ знаменъ, Калганъ состоитъ въ верховномъ завѣдываніи Ду-гуна, хотя власть его и весьма ограничена, такъ какъ de jure не простирается далѣе стѣны собственно военнаго, маньчжурскаго города. Какъ пригородъ, или слобода Вань-цюань-сяня, Калганъ управляется Вань-цюань-скимъ уѣзднымъ начальникомъ (чжи-сянь). Такъ какъ Вань-цюань-сянь самъ по себѣ не составляетъ и $\frac{1}{10}$ части Калгана, то мѣстному чжи-сяню естественно приходится имѣть гораздо больше дѣла въ этомъ послѣднемъ, чѣмъ въ своемъ городѣ; тѣмъ не менѣе постоянное мѣстожителство его находится все-таки въ Вань-цюани, въ Калганъ же онъ приѣзжаетъ только два, или три раза въ недѣлю. Постояннымъ представителемъ власти чжи-сяня въ Калганѣ является чиновникъ, въ званіи бошко, въ просторѣчій называемый «ди-фанъ» (地方), или лао-цзя-рл (老家兒).

Какъ торговый городъ, Калганъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна называется Шань-пу (上堡), т. е. «верхняя крѣпостца», а вторая — Ся-пу (下堡), или «нижняя крѣпостца». Слѣдуя изъ ущелья Янь-бѣ-шань, по пути лежитъ прежде всего Шань-пу, вступивъ въ которую черезъ ворота Да-цзинь-мынь, тотчасъ находишь раздѣленіе дорогъ: первая, боль-

шая дорога ведетъ въ главную улицу, города, называемую «Да-мынь-цзе» (大門街), т. е. улицу большихъ воротъ; вторая дорога, уклоняющаяся влѣво, ведетъ въ калганскій маймачэнъ. Эта послѣдняя часть города, хотя и находящаяся въ Шанъ-пу, но отдѣленная особою стѣною, на языкѣ официальныхъ полицейскихъ объявленій называется «ши-цюань» (市圈) т. е. «рыночная изгородь», въ просторѣчїи же ее зовутъ «цюань-ли-тоу» (圈隄頭), что значитъ «за стѣнами». Въ маймачэнъ ведутъ двое воротъ: однѣ малыя, сѣверныя (小北門), а другія, черезъ которыя главнымъ образомъ совершается провозъ товаровъ, — южныя (南門). Послѣднія у монголовъ зовутся «мэлэхэй хаша», т. е. лягушечьими воротами. У сѣверныхъ воротъ находится мѣстное полицейское управленіе, въ которомъ проживаютъ и ночные сторожа маймачэна: еженочно сюда назначается десять человекъ солдатъ, на обязанности которыхъ лежитъ обходить всѣ существующія въ маймачэнѣ лавки. Внутри калганскій маймачэнъ очень не великъ и едва ли превышаетъ въ длину 200 саж., а въ ширину не свыше 100. Онъ представляетъ собою общій дворъ, по восточной и западной сторонамъ кото-

Внутренній видъ калганскаго маймачэна.

раго располагаются двухъэтажныя зданія торговыхъ конторъ и складовъ; на южной сторонѣ помѣщаются одни лишь склады въ видѣ большихъ каменныхъ сараевъ, да еще небольшое зданіе театра, находящееся какъ

разъ противъ кумирни въ честь Гэсэра, построенной на верху сѣверной стѣны. Театральныя представленія идутъ въ маймачэнѣ, какъ и вообще въ Калганѣ, главнымъ образомъ лѣтомъ, зимою же сцена открывается очень рѣдко. Что касается маймачэнской кумирни, то расположенная на верху стѣны, на высотѣ приблизительно 8 саженьей, она представляетъ собою и ведущею къ ней лѣстницею очень красивую картинку. Воздвигнута она, какъ гласить о томъ надпись надъ ея дверями, въ 9 лунѣ 25-го года правленія Цзя-цина, т. е. приблизительно 85 лѣтъ тому назадъ. Калганскій маймачэнъ можно назвать средоточіемъ китайской торговли съ Россіею. Почти вся масса русскихъ суконъ и различныхъ сортовъ плиса, равно и всѣ вывозимые изъ Россіи пушные товары привозятся прежде всего именно въ склады калганскаго маймачэна и уже отсюда приобрѣтаются оптовыми торговцами Ся-пу и вывозятся въ собственный Китай. Расположенныя здѣсь наилучшія и богатѣйшія лавки принадлежатъ фирмамъ: Да-цюань-юй, Ту-чжэнъ, Юй-юань-юнь и др. Здѣсь же сосредоточены и главные склады иныхъ товаровъ для заграничной торговли китайцевъ, ведущихъ свои дѣла какъ въ Кяхтѣ, такъ и производящихъ свою основную чайную торговлю въ сѣверной части Монголіи. Наиболѣе состоятельными изъ этихъ фирмъ въ настоящую пору являются: Сянь-фа-фа-юнь, Куань-цюань-тай. Хэнь-лунъ-гуань, Да-шэнъ-юй, Юй-цинъ-чэнъ, Синь-лунъ-юнь, Вань-цинъ-тай, и Гунъ-хэ-цюань. Количество вывозимаго ими изъ маймачэна въ Монголію чая должно быть признано довольно значительнымъ и именно, они отправляютъ кирпичнаго чая въ Кяхту до 30,000 мѣстъ, а въ Ургу и вообще сѣверную Монголію—кирпичнаго, толстаго (茶磚) до 30,000 ящиковъ и тонкаго (茶葉) до 15,000 ящиковъ.

По главной улицѣ Шанъ-пу, носящей, какъ уже было замѣчено, названіе «Да-мынь-цзе», начиная отъ воротъ Да-цинъ-мынь и на всемъ протяженіи стѣнъ маймачэна, идутъ самыя мелочныя лавки по преимуществу китайскихъ ремесленниковъ, проживающихъ въ Калганѣ. Саженьяхъ въ 200 отъ городскихъ воротъ, гдѣ на главную улицу выходятъ южныя ворота маймачэна, устроено отдѣленіе мѣстной китайской таможни, именуемой «шуй-у-сы» (稅務司). Оно помѣщается въ зданіи, имѣющемъ видъ простой китайской лавки, сидящіе въ которой чиновники досматриваютъ всѣ какъ привозимые въ городъ и маймачэнъ, такъ и вывозимые изъ оныхъ товары, причемъ взимаютъ должную пошлину, производя здѣсь же и всѣ расчеты съ торговцами. Такимъ образомъ у этой таможни въ теченіе цѣлаго дня можно видѣть большую толпу народа иособливо мелочныхъ торговцевъ, жаждущихъ поскорѣе расплатиться и увезти свои товары; по утрамъ же, когда эти торговцы прогоняютъ скотъ, купленный на «па-ган-цзы, улица

въ этомъ мѣстѣ буквально бываетъ запружена массою народа и прогоняемаго имъ скота. Многократныя наблюденія показали мнѣ однако, что таможенные чиновники довольно скоро справляются съ своимъ дѣломъ; такъ утромъ 9-го декабря 1892 г., слѣдя за кассиромъ, получавшимъ пошлину за прогоняемый скотъ, я нашелъ, что въ теченіе 5 минутъ имъ были получены и записаны пошлины съ 21-го торговца. Такой быстротѣ дѣла весьма способствуетъ то обстоятельство, что каждому торговцу напередъ извѣстно количество слѣдующихъ съ него пошлинъ и онъ всегда можетъ заготовить деньги впередъ, по расчету, не затрудняя особливо чиновниковъ своимъ расчетомъ. Мало того, чиновники такъ уже приучили народъ, что каждый у нихъ идетъ съ готовымъ расчетомъ; для тѣхъ же, которые не знакомы съ таможенными тарифами, вывѣшены особыя объявленія съ показаніемъ, какая именно пошлина должна быть уплачена за тотъ или другой товаръ. По сдѣланному мною списку и точному переводу этого документа оказывается, что въ калганской таможнѣ взимается:

Съ каждой прогоняемой лошади	800 чеховъ.
» » быка или коровы . . .	500 »
» » мула » » . . .	500 »
» » осла » » . . .	250 »
» » овцы » » . . .	60 »
» » верблюда » » . . .	60 фынъ серебра.
» » свиньи » » . . .	75 чеховъ.
» » поросенка» » . . .	37 $\frac{1}{3}$ »

Провозимые европейскіе товары оплачиваются:

Русское сукно (哈喇) 4 фына 4 ли съ половинки, т. е. 25 арш.

Русскій пльсъ (徊絨) 5 фынъ 6 ли съ куска 25 арш.

Чешуйка (徊布 родъ полосатаго тика) 2 фына 2 ли съ куска, около 20 арш.

Дрилингъ (達連布) 7 фынъ 6 ли съ куска въ 50 арш.

Шертингъ (粗洋布) 16 фынъ съ куска въ 50 арш.

Люстрингъ (羽綾) 12 фынъ съ куска въ 70 арш.

Родъ шертинга, называемый у китайцевъ янь-бяо-бу (洋標布) 11 фынъ 2 ли съ куска въ 35 арш.

Китайское полотно, извѣстное подъ именемъ да-бу, или цу-бу (粗布) 16 фынъ съ 36 кусковъ, или иначе съ одного тюка, такъ какъ каждый тюкъ дабу заключаетъ въ себѣ, по обычаю, 36 кусковъ.

Китайская чи-цюй-ча (曲紬) 2 фына 2 ли за кусокъ около 25 арш., безъ различія цвѣта и окраски.

Остальные предметы китайской мануфактуры и суровских товаров оплачиваются гуртомъ, съ व्यюка лопзы (мула), вѣсящаго, по закону, 200 гиновъ, при чемъ товары эти раздѣляются на двѣ категоріи:

Первая, къ которой причисляется разная мелочь (иголки, нитки, гребенки, трубки, зеркальца, шапки и т. п.), называемая у китайцевъ «цу-ца хò (粗集貨), оплачивается суммою 1 ланъ 20 фынъ съ व्यюка.

Вторая, къ которой причисляются всѣ, безъ различія, роды шелковыхъ матерій и предметы, выдѣланные изъ оныхъ, называется чоу-ца-хо (紬集貨) и оплачивается суммою въ 2 лана 40 фынъ съ व्यюка.

Русская юфть, безъ различія достоинствъ, 1 фынъ 1 ли съ кожи.

Русскій сафьянъ, безъ различія достоинствъ, 2 фына 3 ли съ кожи.

Металлическія и другія произведенія китайцевъ:

Золото въ пескѣ (金沙) 22 фына съ 1-го лана.

Серебро въ подѣлкѣ (銀器) 22 фына съ 1 лана.

Мѣдные тазы и сосуды (同盆) 33 чехи съ 1 гина.

Опіумъ, безъ различія достоинствъ, 22 фына съ 2 ланъ.

Гастрономическіе товары (каковы: ся-ми, морская капуста и проч.) 40 фынъ съ व्यюка лопзы.

Вѣлый сахарный песокъ и сахаръ леденецъ красный—13 фынъ 3 ли со 100 гиновъ.

Черный сахаръ (хэ-танъ), приготовляемый изъ леденца,—20 фынъ съ куклы въ 150 гиновъ.

Продукты, приобретаемые изъ Монголіи:

Поташъ (硝磺) 18 фынъ съ телѣги въ 600 гиновъ.

Соль кристаллистая, привозимая монголами изъ хошуновъ Цзунъ ху-чигъ, Барунъ ху-чигъ, Абага и др. — по 120 чеховъ съ куля въ 120 гиновъ¹⁾

Лисья шкура—1 фынъ 1 ли за каждую

Волчья шкура 5 фынъ 5 ли.

Бобровая шкура большая 33 фын., малая—половину.

Соболья шкура 3 фына 3 ли.

Рысья шкура 5 фынъ, 5 ли.

Кошачья и козья шкура 2 ли 3 хао.

Лошадиная шкура 6 фынъ.

Верблюжья шкура 6 фынъ

Коровья шкура 6 фынъ.

Верблюжья шерсть 2 ли съ одного гина.

1) Бѣлая соль, привозимая изъ оз. Ирэнъ не подлежитъ оплатѣ.

Лошадиные хвосты и гривы — 3 фына съ 1 гина.

При вывозѣ за предѣлы Великой стѣны байховаго чая взимается: 60 ланъ серебра за билетъ на право вывоза 300 ящиковъ и 15 ланъ 31 фынъ пошлинъ въ дутун'скій ямунь.

При такомъ же вывозѣ кирпичнаго чая уплачивается 60 ланъ за билетъ на право вывоза 150 ящиковъ и 15 л. 10 ф. пошлинъ въ ду-тун-скій ямунь.

При вывозѣ зеленаго чая, употребляемаго монголами въ непресованномъ видѣ (мо-хэ-ча) — 1 ли съ ящика въ 10 гиновъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что означенное росписанiе далеко не охватываетъ всѣхъ предметовъ вывоза и ввоза калганскихъ китайцевъ; въ немъ, очевидно собраны и указаны только самые обыкновенные продукты, по тарифу же относительно остальныхъ предметовъ чиновники дѣлаютъ особыя справки, сообщая какой именно подлежатъ они оплатѣ. Далѣе необходимо замѣтить еще, что пошлина въ калганской таможенѣ взимается только съ китайцевъ, монголы же за ввозимые ими продукты не платятъ ровно ничего. Такое постановленiе служитъ источникомъ для множества мелкихъ злоупотребленiй и обмановъ, такъ какъ китайцы весьма часто заставляютъ монголовъ провозить подъ видомъ ихъ собственныхъ уже купленные китайцами вещи. Въ предотвращенiе такихъ злоупотребленiй калганская таможня содержитъ у себя не мало сторожей и шпионовъ, хотя это и не доставляетъ особенной пользы дѣлу. О дѣятельности калганской таможни для правительства слѣдуетъ сказать, что вообще сборъ пошлинъ въ ней за послѣднее 25-лѣтiе упалъ почти на половину и, по объясненiю таможеннаго директора, такой недоборъ пошлинъ обуславливается исключительно упадкомъ въ Калганѣ китайской торговли чаемъ съ тѣхъ поръ, какъ русскiе начали вывозить этотъ продуктъ въ Россiю сами. Дѣйствительно, еще въ 1867 году общiй вывозъ китайцами изъ Калгана разнаго рода чаевъ простирался до 180 тыс. мѣстъ, тогда какъ въ 1892 году онъ едва превысилъ 73,000 хотя почти исключительно кирпичныхъ чаевъ, оплачиваемыхъ, какъ видно по представленной тарифной таблицѣ, дороже байховыхъ. Почти ежегодный результатъ сбора пошлинъ въ Калганѣ составляетъ теперь сумма около 40,000 ланъ серебра и только за послѣдние три-четыре года она начала повышаться на $1\frac{1}{2}$ —2 тысячи ланъ въ годъ, благодаря упадку торговли въ Хухү-хотѣ и развитiю взаимнъ сего калганскаго рынка.

Отъ мѣста таможни по улицѣ «Да-мынь-цзе» начинаются болѣе богатая китайскiя лавки, производящiя розничную торговлю въ городѣ, но вообще нужно сказать, что по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны онѣ далеко не отличаются здѣсь такимъ изяществомъ, просторомъ и богатствомъ,

какое мы видимъ, напримѣръ, въ Ургѣ. О теплыхъ помѣщеніяхъ внутри дворовъ здѣсь нѣтъ и помина: всѣ лавки открытыя, выходятъ лицомъ на улицу, и заключаютъ въ себѣ не свыше 3-хъ—4-хъ цзяней, такъ что самая богатая калганская лавка въ Шанъ-пу не превосходитъ по своей внѣшности средней ургинской. Товары въ нихъ, правда, разнообразнѣе, чему особливо способствуетъ масса мелочи европейскаго производства, но за то количество каждаго продукта гораздо меньше. Розничная торговля понимается китайцами въ такомъ узкомъ смыслѣ, что въ ихъ лавкахъ трудно даже

Общій видъ главной торговой улицы въ Шанъ-пу.

найти два куска одной и той же матеріи: все это рознично и различно. Весьма многія лавки представляютъ собою, повидимому, специальную торговлю, таковы лавки металлическихъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій, мускательныя лавки, аптекарскіе магазины и пр. Лучшій аптекарскій магазинъ принадлежитъ фамиліи Тянь-синь-хао (天新號), которая всѣ свои лекарственные товары пріобрѣтаетъ изъ города Ци-чжоу, чжи-лиской провинціи, славящагося своею специальною торговлею медикаментами. Всѣ лавки украшены китайскими и монгольскими вывѣсками, иногда вырѣзанными на деревѣ и раззолоченными, но чаще написанными просто на бѣломъ полотнѣ. Содержаніе надписей на вывѣскахъ, помимо обозначенія фамиліи

менѣе удобопрѣзжаема, такъ какъ громадныя выбоины колеи въ каменныхъ плитахъ исключаютъ всякую возможность свернуть съ дороги и объѣхать какую-нибудь колдобину: никакое животное не въ силахъ вытянуть телѣги изъ этой колеи и разъ попалъ въ нее экипажъ, онъ долженъ пройти ее до конца, добраться до немощнаго мѣста, гдѣ поворотъ представляется нѣсколько легче. Для пѣшеходовъ имѣются тротуары, линия которыхъ то низпускается на уровень прѣзжей дороги, то возвышается надъ нею аршина на 1½. Ширина этихъ тротуаровъ рѣдко доходитъ до одного аршина и гораздо чаще ограничивается одною плитою вершковъ въ 10—12; идти по нимъ приходится постоянно или бокомъ, или же ежеминутно сталкиваться съ другими пѣшеходами.

Къ южной оконечности Шанъ-пу непосредственно примыкаетъ особая часть Калгана, занятая военнымъ поселкомъ мѣстнаго гарнизона, который составляется изъ маньчжурскихъ солдатъ 8 знаменъ. Время первоначальной постановки здѣсь этого гарнизона относится къ 32 году правленія Канси (1693 г.) и въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе о постройкѣ для этихъ откомандированныхъ въ Калганѣ охранныхъ войскъ казенныхъ помѣщеній, всего въ количествѣ 31-го офицерскаго двора и 1000 фанзъ для помѣщенія солдатъ. Съ тѣхъ поръ численность калганскаго гарнизона то увеличивалась, то уменьшалась, смотря по требованію времени; въ года правленія Цянь-луна она временами низпадала до 160 человекъ, включая въ это число и начальствующихъ; тѣмъ не менѣе лагерь, или помѣщенія солдатъ, всегда поддерживались въ полномъ ихъ составѣ. Въ настоящую пору поселокъ этотъ представляетъ собою три отдѣльныхъ, огороженныхъ стѣнами изъ сырцеваго кирпича лагеря, въ каждомъ изъ которыхъ домики знаменныхъ маньчжуровъ располагаются прямыми улицами съ востока на западъ, зданія же построены такъ, что всѣ они обращены лицомъ на югъ и каждое изъ нихъ смотритъ въ зады другого. Постройка каждого домика приспособлена къ проживанію въ ней солдата съ женою и дѣтьми, сообразно чему на каждомъ дворѣ помимо главнаго покоя, обращеннаго на югъ, имѣются еще боковыя пристройки, для помѣщенія въ нихъ семьи солдата. Въ общемъ лагери расположены такъ, что два изъ нихъ, назначенные собственно для проживанія воиновъ, непосредственно соприкасаются Шанъ-пу и находятся одинъ по восточную сторону города, а другой по западную, третій же лагерь, южный, заключаетъ въ себѣ управленіе гарнизона, склады его оружія, провіантовъ и проч.; при входѣ въ него имѣется и соответствующая маньчжурская надпись: . Проходы въ каждый изъ лагерей располагаются только въ стѣнахъ западной и во-

сточной. Между лагерями восточной и западной стороны находится громадная площадь, сѣверную оконечность которой занимает ямунь и домъ дутуна, въ срединѣ же площади находится императорская кумирня, именуемая «Вань-шоу-гунь» (萬壽宮), т. е. кумирня, въ которой молятся о долголѣтіи императора. Она воздвигнута въ 15-е лѣто правленія Канси (1676 г.) и представляетъ собою зданіе весьма значительной величины, ограда коего, равно какъ и самыя кумирни окрашены въ свѣтло-розовую краску. Вышепомянутая площадь служить вмѣстѣ съ тѣмъ и плацомъ для производства знаменными маньчжурами военныхъ упражненій, а равно здѣсь же дѣлаются имъ и смотры. Съ этою послѣднею цѣлью на восточной сторонѣ площади устроена бесѣдка, въ которой засѣдаютъ производящіе смотръ амбаны.

Военная площадь маньчжурскаго гарнизона отдѣляетъ верхнюю часть Калгана, Шань-пу, отъ нижней его части, носящей названіе Ся-пу. По сѣвернымъ окраинамъ этой послѣдней, ограничивая плацъ своими заборами, располагается большая часть соляныхъ складовъ и солеварень важнѣйшихъ калганскихъ солепромышленниковъ. На соляное дѣло въ Калганѣ, насколько это мнѣ извѣстно, у насъ не обращалось еще никакого вниманія, между тѣмъ эта отрасль производительности является чрезвычайно важною, давая здѣсь средства къ жизни не одному десятку тысячъ семей. Соль доставляютъ въ Калганъ и китайцы изъ чахарскихъ кочевьевъ, и монголы изъ хошунновъ Абага, Цзунъ хучить, Барунъ хучить, Цзунъ Сунить, Барунъ сунить и др. Въ самомъ Калганѣ фирмъ, оффиціально производящихъ соляную выварку и торговлю и получающихъ для сего узаконенныя свидѣтельства отъ правительства, считается только десять: 1) Дэ-мо цзянь-дянь (德懋城店); 2) Хэ-чэнъ цзянь-дянь (合成城店); 3) Дэ-хэнъ цзянь-дянь (德恆城店); 4) Юань-лунъ цзянь-дянь (元隆城店); 5) Цюань-чэнъ цзянь-дянь (全成城店); 6) Дэ-юань цзянь-дянь (德元城店); 7) Тянь-хэ цзянь-дянь (天合城店); 8) Юань-шэнъ цзянь-дянь (元盛城店); 9) Тай-чэнъ цзянь-дянь (泰成城店); 10) Юй-юань цзянь-дянь (裕源城店). Всѣ они получаютъ гучжиръ, или неочищенную углекислую соду, изъ чахарскихъ кочевьевъ, гули-хуху и хуботу-цаганъ, и количество обрабатываемаго ими матеріала сравнительно весьма значительно. За 1892 годъ, напримѣръ, всѣ эти десять фирмъ ввезли на свои склады отъ 38 до 39 тысячъ тельгъ гучжира, вѣсомъ около 640 гиновъ каждая, т. е. количество прибрѣтеннаго ими гучжира было около 920 тысячъ русскихъ пудовъ. Относительно меньшее количество соли (хотя съ неуступающею выгодною) переправляютъ въ Китай другія фирмы, закупающія собственно соду (青鹽), или, какъ вазываютъ ее монголы, черную соль (ᠨᠠᠯᠠ ᠴᠢᠨᠠᠭ), привозимую ими въ формѣ пластовъ или плитъ изъ хошунновъ Абага. Фирмъ, занимающихся этимъ

видомъ промышленности, въ 1892 г. въ Калганѣ считалось 8, изъ числа ихъ за означенный годъ получили:

Ф И Р М Ы:

Ся-шэнь-тай	4000	тегъгъ,	вѣсящихъ	около	1,400,000	гинъ.
Юй-шунь чанъ . . .	2000	»	»	»	700,000	»
Тай-хо-дэ	1000	»	»	»	350,000	»
Юнь-синъ-жуй . . .	1000	»	»	»	350,000	»
Да-и-дэ	2000	»	»	»	700,000	»
Дэ-цюань-юнь . . .	1000	»	»	»	350,000	»
Фу-шэнь-юнь . . .	1000	»	»	»	350,000	»
Дэ-хо-чжунъ	1000	»	»	»	350,000	»

Вывозомъ бѣлой соли, доставляемой въ куляхъ вѣсомъ по 120 гиновъ, въ томъ же году занимались три фирмы, изъ коихъ:

Фо-синъ-яо получила	4000	кулей	или	около	480,000	гиновъ.
Юнь-синъ-яо »	2500	»	»	»	300,000	»
Тянь-тай-дэ »	3500	»	»	»	420,000	»

Такимъ образомъ общее количество соли, поташу и соды, выпущенное изъ Калгана въ 1892 году должно превышать собою 1,200,000 русскихъ пудовъ. Я не имѣлъ у себя достаточно времени, чтобы изучить эту отрасль промышленности Калгана и, оставляя подробности изслѣдованія этого вопроса будущимъ путешественникамъ, замѣчу лишь, что главнымъ направлениемъ калганскаго солянаго вывоза должно признать, кажется, Пекинъ.

Миновавъ соляные склады и вступая въ главную улицу Ся-пу, вы прежде всего встрѣчаете здѣсь массу старьевщиковъ, продающихъ самыя низшіе сорты рабочаго платья. Они раскладываютъ свои товары прямо на землѣ, заслоняя ими проходы въ красильныя мастерскія, сгруппированныя исключительно въ этой части города. Всѣхъ красильнъ въ Калганѣ считается девять, но изъ нихъ только три ведутъ дѣйствительно большое дѣло. Надлежитъ замѣтить, что здѣшніе оптовые мануфактурные торговцы закупаютъ для своихъ оборотовъ какъ европейскіе, такъ и китайскіе полотняные товары въ неокрашенномъ видѣ и уже у себя и на мѣстѣ окрашиваютъ ихъ по каждому данному требованію въ тотъ или другой цвѣтъ. Излюбленнымъ изъ цвѣтовъ какъ у китайцевъ, такъ и у монголовъ является синій; оттого потребленіе кубовой краски здѣсь составляетъ не менѣе какъ $\frac{4}{5}$ въ отношеніи всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Ся-пү представляет собою древнѣйшую и вмѣстѣ съ симъ богатѣйшую часть Калгана. Здѣсь сосредоточиваются всѣ помѣщенія и склады оптовыхъ калганскихъ торговцевъ. Главная улица, пересекающая эту часть города съ сѣвера на югъ, называется Ву-чэнь-цзе (武城街) и служитъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ главнымъ образомъ помѣщаются какъ жилища всѣхъ этихъ оптовыхъ торговцевъ, такъ равно и ихъ заведенія. Въ сѣверной части Ся-пү сосредоточены кожевенныя заведенія

Общій видъ главной торговой улицы въ Ся-пү.

и лавки кожевенниковъ, которыя очень не трудно узнать по ихъ внѣшнему виду, такъ какъ всѣ продукты ихъ производства и торговли находятся налицо. Передъ дверями лавокъ и посреди улицы съ громадныхъ деревянныхъ рамахъ распялены бычьи и лошадиныя кожи, находящіяся въ выдѣлкѣ и распространяющія ужасное зловоніе на далекое пространство; а внутренность этихъ лавокъ сполна увѣшана уздечками, хомутами, шлеями, потфееми, чепраками и проч.; все это здѣсь же на улицѣ готовится, вырѣзывается изъ цѣлыхъ кожъ, сшивается, окрашивается въ различныя цвѣта и предлагается вниманію покупателей. Далѣе идутъ лавки деревян-

ныхъ издѣлій, лавки рогожъ и рогожныхъ издѣлій, экипажныя мастерскія, мучныя лабазы и проч. Почти всѣ эти лавки въ Ся-пѹ специальныя, и хотя онѣ, несомнѣнно, торгуютъ и въ розницу; но, очевидно, ведутъ свои дѣла на широкую ногу, ибо помѣщенія ихъ не только обширнѣе шань-пѹскихъ, но и буквально завалены товаромъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ собою только опиумныя лавки, вошедши къ которой вы не отличите ее отъ простаго дома и не признаете за торговое заведеніе: продуктъ ихъ сбыта хранится невидимо для покупателя въ кладовыхъ и, по нуждѣ, ему приносятъ потребное количество. Цѣна на обычно потребляемый массою опиумъ въ Калганѣ по 500 чеховъ за 1 лану.

Помѣщающіяся на Ву-чэнъ-цзѣ лавки оптовыхъ калганскихъ торговцевъ по своему внѣшнему виду не отличаются отъ богатыхъ лавокъ торговцевъ, ведущихъ розничную продажу и только во дворахъ ихъ домовъ имѣются громаднѣйшіе склады, гдѣ хранятъ они предметы своего торга оптомъ. Сами эти коммерсанты въ открытыхъ своихъ лавкахъ почти никогда не бывають, а обыкновенно просиживаютъ въ конторахъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ ведутъ переговоры съ прїѣзжающими къ нимъ покупателями изъ иныхъ городовъ и поселковъ. Подробное изученіе способовъ веденія ими своего дѣла должно представить громаднѣйшій интересъ, хотя для такого изученія потребны цѣлыя годы; мои собственныя изслѣдованія по сему вопросу войдутъ въ составъ VI тома этого труда.

Наиболѣе состоятельными изъ китайскихъ лавокъ, ведущихъ розничную торговлю, почитаются въ Калганѣ тѣ, которыя, помимо торговли въ городѣ, ведутъ еще свои коммерческія дѣла съ монголами. Какъ это ведется и вообще у китайцевъ, калганскіе торговцы подѣлили между собою торговлю въ прилежащихъ Калгану хошѹнахъ и такимъ образомъ каждая фирма имѣетъ уже свой опредѣленный районъ дѣятельности. Богатѣйшими изъ таковыхъ фирмъ считаются слѣдующія:

1) Да-синь-дэ (大新德), ведущая свое дѣло въ различныхъ южныхъ хошѹнахъ халхасовъ сайнъ-нойновскаго аймака. Фирма эта почитается какъ старѣйшею, такъ и наиболѣе состоятельною передъ другими фирмами. Далѣе за нею въ порядкѣ постепенности слѣдуютъ:

2) Да-хэнъ-юй (大亨玉), торгующая у Барѹнь-сунитовъ.

3) Да-дэ-гунъ (大德公), которая ведетъ свое дѣло и въ Барѹнь-сунитскомъ и въ Цзѹнь-сунитскомъ хошѹнахъ.

4) Тянь-тай-дэ (天太德), также ведущая свое дѣло въ Барѹнь-сунитскомъ и въ Цзѹнь-сунитскомъ аймакахъ, хотя и въ другихъ сумѹнахъ чѣмъ Да-дэ-гунъ.

5) Фү-синь-лунь (復興隆), торгующая на одинаковыхъ условіяхъ съ предъидущей и

6) Юнь-синь-лунь (永興隆), имѣющая свое главное дѣло въ кочевьяхъ Мэргэнъ-вановскаго хошүна.

Строго судя, нужно сказать однако, что всѣ означенныя фирмы хотя и продаютъ свои товары монголамъ, но, за исключеніемъ лишь двухъ фирмъ, Дэ-синь-дэ и Юнь-синь-лунь, не ведутъ своей торговли въ Монголіи. По установившимся обычаямъ, они даже не посылаютъ своихъ приказчиковъ съ товарами для разъѣзднаго торга; въ силу близости разстоянія монголы пріѣзжаютъ къ нимъ, въ Калгань, за товарами сами. Пріѣздъ этотъ бываетъ обычно два раза въ годъ: въ Цаганъ-сарà, или въ мѣсяцѣ новолѣтія и въ 10-й лунѣ каждаго года. Богатымъ монгольскимъ общинамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ въ каждый изъ такихъ пріѣздовъ фирмы выдаютъ въ кредитъ товаровъ на 30, 50 и даже 100 ланъ; за сборомъ же долговъ они высылаютъ своихъ приказчиковъ, которые выѣзжаютъ въ степь въ 3-й лунѣ, а возвращаются въ 8-й. Замѣчательно, что даже при такихъ поѣздкахъ приказчики не берутъ съ собою товаровъ для продажи: на своихъ верблюдовъ они вычатъ только свои мѣханы, постели, да муку и крупу для пищи. Съ этимъ скарбомъ приказчики разъѣзжаютъ по степямъ въ теченіе всѣхъ пяти мѣсяцевъ и занимаются исключительно сборомъ долговъ. Главнымъ образомъ они собираютъ въ уплату и пригоняютъ въ Калгань овецъ, и хотя съ меньшею охотою, но берутъ также лошадей, быковъ и верблюдовъ. О размѣрахъ торговли означенныхъ калганскихъ фирмъ въ Монголіи трудно сказать положительное слово, но вообще она представляется весьма незначительной. Мы знаемъ, на примѣръ, что въ 1892 году фирма Тянь-тай-дэ опредѣляла свой оборотъ полученіемъ около 1300 барановъ, до 200 лошадей, до 100 быковъ и до 60 верблюдовъ, слѣдовательно весь итогъ ея торговли сводится тахшумъ къ 15,000 рублей. Правда, о другихъ калганскихъ торговцахъ въ Монголіи говорятъ, что дѣло ихъ представляется гораздо шире; но все же общій оборотъ всѣхъ показанныхъ шести фирмъ никоимъ образомъ не превыситъ суммы 250,000 руб. сер. Выгоды ихъ обуславливаются главнѣйше продажей продуктовъ монгольской степи въ собственномъ Китаѣ, такъ: овецъ они гонятъ для сбыта въ Пекинъ и въ Тай-юань-фу; лошадей отправляютъ черезъ Бао-динъ-фу, въ Хэ-нань и Шанъ-дунъ, верблюдовъ распродаютъ китайцамъ, занимающимся перевозкою чаевъ между Тунъ-чжоу и Калганомъ; а быки расходятся на мѣстѣ, будучи покупаемы для пищи и работъ окрестными землепашцами. Въ общемъ каждый изъ родовъ этихъ животныхъ продается не менѣе

какъ вдвое сравнительно съ цѣною, по которой пріобрѣтается онъ торговлею въ Монголіи.

Для услугъ и разѣздовъ по Монголіи каждая изъ вышепомянутыхъ фирмъ содержитъ у себя сравнительно очень большое число приказчиковъ; такъ, напримѣръ, домъ Тянь-тай-дэ (съ дѣлами коего я познакомился болѣе подробно), производя торговлю по сунитскимъ хошунамъ на сумму 6 или 7 тысячъ ланъ, нанимаетъ себѣ до 40 приказчиковъ, и платитъ каждому изъ нихъ отъ 18 до 24 ланъ жалованья въ годъ, выдавая еще содержаніе пищу, но обязывая ихъ имѣть свою одежду. И на такое-то жалованье приказчики эти живутъ не только сами, но еще содержать свои семьи. Последнее обстоятельство лучше всего, конечно, свидѣтельствуетъ о неприхотливости китайскаго люда, а также и о дешевизнѣ жизни въ Калганѣ. Правда, весь этотъ людъ тѣснится по окраинамъ города и въ прилежащихъ Калгану слободахъ и деревняхъ; тѣмъ не менѣе дешевизна его жизни должна быть поразительна даже и для этихъ мѣстностей. Одинъ изъ старшихъ приказчиковъ фирмы Тянь-тай-дэ содержалъ, напримѣръ, свою семью въ прилежащей Калгану деревнѣ. За подворье въ 4 байшина, съ огородомъ и всѣми надворными постройками онъ платилъ въ годъ 10 ланъ, при чемъ одинъ байшинъ отдавалъ въ наймы за 2 ланы въ годъ, а съ огородовъ получалъ количество рѣшительно всѣхъ потребныхъ овощей, вполне достаточное для годового потребленія семьи. Одинъ байшинъ былъ у него параднымъ; въ двухъ другихъ отдѣльно помѣщались его мать и жена съ дѣтьми; сходились они вмѣстѣ только на работахъ въ огородѣ и ко времени обѣда.

Помимо большихъ лавокъ на главной улицѣ Ся-пү находится еще и масса мелочныхъ лавченокъ, а тротуары и боковыя части ея почти сплошь установлены столиками и сундуками коробейниковъ, продающихъ новые и старые гвозди, замочки, подсвѣчники, фонари и т. п. домашнюю рухлядь. На ряду съ ними помѣщаются уличные рабочіе и мастеровые: сапожники, всегда готовые починить сапоги, портные, исправляющіе платье, слесаря, шивающіе проволокой разбитую посуду и проч. Еще больше здѣсь столовъ со всякаго рода кушаньями: у одного въ горячемъ котлѣ поджариваютъ блинчики, у другого торгуютъ уже испечеными кренделями, у третьяго можно найти вареное и жареное мясо и т. д. Движеніе въ Ся-пү необычайно большое. Вступаешь въ эту часть города и буквально еле-еле пробираться сквозь толпу идущаго народа.

Кумирень въ Ся-пү насчитывается всего не менѣе 40 и самую красивенькою изъ нихъ является теперь кумирня Хэ-шэнь-мяо (河神廟); находящаяся въ сѣверной части улицы Ву-чэнь-цзе. Построена она лѣтъ

15 тому назад на средства здѣшнихъ маньчжурскихъ солдатъ, въ честь духа Чжань-цзя-коу'ской рѣки. Старѣйшими изъ Ся-пӯ'скихъ кумиренъ

Наружный видъ входа въ Ся-пӯ'скій кремль и кумирни Гасэра.

почитаются кумирня Гасэра, называемая Чжэнь-ву-мяо (貞武) и кумирня въ честь Юй-хуань-ѣ (玉皇), построенная еще въ царствованіе минскаго императора Цзя-цина. Обѣ эти кумирни находятся въ особой части Ся-пӯ, именуемой «Пӯ-ли-тоу». Это—ся-пӯ'скій кремль, воздвигнутый на холмѣ и, подобно шань-пӯ'скому маймачѣну, огороженный стѣнами. Здѣсь за этими стѣнами

калганское казначейство, пакгаузы и большая часть присутственных мѣстъ Калгана.

Въ боковыхъ улицахъ Ся-пӯ самое видное мѣсто занимаютъ конторы калганскихъ банкировъ. Съ внѣшней стороны эти конторы походятъ до нѣкоторой степени на лавки, только двери ихъ бываютъ всегда закрыты, въ большинствѣ случаевъ стегаными на ватѣ синими занавѣсками. Внѣшнимъ отличіемъ этихъ лавокъ служатъ вывѣски, изображающія собою связку чеховъ. Внутри конторы представляютъ собою обширныя комнаты, перегороденныя прилавкомъ, на которомъ помѣщается нѣсколько вѣсовъ различной величины и засимъ установленныя отдѣльными столиками, за

которыми служащіе производятъ свои занятія. Разказываютъ, что число банковъ въ Калганѣ особливо увеличилось гдѣтъ двадцать тому назадъ, когда многіе шаньсійцы перевели сюда свои капиталы изъ средняго Китая. Эти вновь открытые банки называются въ Калганѣ Инь-хъань (銀行) и обыкновенно имѣютъ отъ 5 до 20 тысячъ лань; старинныя же калганскія банковыя конторы шаньсійцевъ называются «пiao-ху» и считаютъ свои капиталы сотнями тысячъ лань. Банки «инь-хъань» почему-то не пользуются расположеніемъ у здѣшняго торговаго люда, а мѣстные мандарины налагаютъ на нихъ такіе большіе налоги, что почти лишаютъ содержателей ихъ всей прибыли. Такимъ образомъ основная дѣятельность принадлежитъ здѣсь конторамъ «Пiao-ху» (票戶), которыя имѣютъ еще за собою то преимущество для веденія своихъ операцій, что выпускаютъ ассигнаціи, вполне замѣняющія собою наши кредитныя деньги. Всѣ калганскія Пiao-ху принадлежатъ исключительно шаньсійцамъ.

Другія лавки, помѣщающіяся въ боковыхъ улицахъ Ся-пū торгуютъ всевозможными товарами и отличаются отъ лавокъ улицы Ву-чэнь-цзѣ только относительно меньшимъ богатствомъ своей обстановки и своихъ товаровъ.

По многочисленнымъ переулкамъ Ся-пū проживаютъ семьи мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ Калгана, въ числѣ которыхъ имѣется не мало магометанъ по вѣроисповѣданію. Послѣдніе почти ничѣмъ не отличаются отъ другихъ китайцевъ, входя съ ними въ самыя тѣсныя связи. Для обученія своей вѣрѣ калганскіе магометане-китайцы имѣютъ у себя три школы, учителя которыхъ прибываютъ изъ самыхъ различныхъ областей Китая. Миѣ не извѣстно, насколько знакомятся калганцы въ этихъ школахъ съ магометанствомъ теоретически, на практикѣ же они, повидимому, не особенно соблюдаютъ предписанія своей вѣры: они ѣдятъ свинину, пьютъ вино и даже курятъ опиумъ. По общимъ обычаямъ китайцевъ, калганцы никогда не строятъ своихъ домовъ лицомъ на улицу, а всегда во дворѣ, такъ что, проходя по переулкамъ, видишь только рядъ заборовъ изъ сырцеваго кирпича, съ узенькими и покрытыми широкимъ навѣсомъ калитками, да кое-гдѣ на заборахъ можно видѣть еще красную надпись, обозначающую сколько семей живетъ за извѣстной оградой. Увидѣть внутренность двора калганскаго китайца также невозможно, ибо передъ калиткою всегда водруженъ щитъ, заслоняющій домашнюю жизнь отъ нескромнаго наблюдательнаго глаза. Въ каменныхъ или глинобитныхъ щитахъ, по самой срединѣ ихъ, обыкновенно продѣлывается небольшая ниша, въ которую вставляется такъ называемый «ту-ди» (土地), или кумиръ покровителя дома, а передъ этимъ ларомъ ставится глиняный сосудъ для сжиганія

въ немъ курительныхъ свѣчей. На калиткахъ почти всегда наклеены красныя или продолговатыя или круглыя, или наконецъ квадратныя четырехъугольныя бумажки съ надписями.

На ряду съ ними можно встрѣтить иногда наклеенными на калиткахъ и бѣлыя листы; это обозначаетъ, что во дворѣ есть покойникъ; въ надписяхъ на этихъ листахъ сообщается, какого числа скончался усопшій, какихъ онъ былъ лѣтъ и отъ какой болѣзни умеръ. Другимъ знакомъ покойника является вывѣшенный надъ воротами пукъ бѣлой бумаги.

Обращаясь теперь къ обзорѣ русскои жизни въ Калганѣ, надлежитъ сказать прежде всего объ единственномъ существующемъ здѣсь правительственномъ учрежденіи — калганской почтовой конторѣ. Составъ ея ограничивается всего однимъ лицомъ, управляющимъ конторою и, конечно, большаго состава здѣсь и не требуется. Черезъ Калганъ проходитъ въ теченіе мѣсяца только 4 почты изъ Россіи въ Китай и столько же обратно изъ Китая въ Россію. Почты эти привозятъ корреспонденцію всего только въ три торговые русскіе дома. Чтобы собрать или разобрать и разслать такую почту, нужно времени максимумъ $1\frac{1}{2}$ —2 часа и этимъ ограничивается все занятіе чиновника притомъ въ почтовые дни, т. е. 8 разъ въ мѣсяць, остальное время онъ положительно свободенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ чиновникъ могъ бы быть весьма полезнымъ нашему правительству въ другихъ отношеніяхъ. На него, на примѣръ, можно было бы возложить надзоръ за жизнью русскіхъ, проживающихъ въ Калганѣ. Ниже мы увидимъ, что у нашихъ калганскихъ комиссіонеровъ постоянно происходятъ взаимныя недоразумѣнія и раздоры, разслѣдованіе и прекращеніе которыхъ можно было бы съ удобствомъ поручить, хотя въ извѣстной степени, этому чиновнику; но само собою разумѣется, что для этого нужно имѣть человека съ достаточнымъ образованіемъ. Между тѣмъ образовательный уровень всѣхъ нашихъ почтовыхъ чиновниковъ въ Монголіи не превышаетъ курса низшей школы, такъ что по своему развитію они стоятъ несравненно ниже не только завѣдывающихъ и управляющихъ, а даже простыхъ конторщиковъ торговыхъ фирмъ. Привлечь на должность управляющихъ конторами людей болѣе развитыхъ и образованныхъ, впрочемъ, едва ли возможно при тѣхъ скудныхъ средствахъ содержанія, которыя ассигнуются нашими штатами по означенной должности. Въ Калганѣ, на примѣръ, на содержаніе управляющаго почтовою конторою отпускается звонкою монетою: жалованія 700 руб., на наемъ помѣщенія 300 руб. и на канцелярскіе расходы 100 руб. а всего 1100 руб. сер. (съ вычетомъ изъ этой суммы пересыльныхъ и пенсіонныхъ). Съ перваго раза сумма эта кажется порядочною; но стоитъ только принять въ расчетъ стоимость содержанія въ Калганѣ,

чтобы сказать, что жить на нее почти невозможно. Подведу по сему случаю неизбѣжные и самые точные расходы.

1) За наемъ помѣщенія въ 4 небольшихъ комнаты съ кухней, построенныхъ по китайскому образцу, не отдѣланныхъ, безъ печей, безъ половъ, безъ мебели, словомъ, за однѣ глиняныя стѣны и небольшое мѣсто земли (около 30 кв. саж.) въ годъ. 150 сер. руб.

Къ этому нужно присовокупить, что всякаго рода перестройки, перекладки и ремонтъ всецѣло относятся китайцемъ-домохозяиномъ на счетъ квартировладельца; таковой расходъ не можетъ быть исчисляемъ менѣе 250 руб. одновременно и засимъ ежегодно. 25 руб.

2) На отопленіе такого дома потребно:

а) Въ помѣщеніи конторы, квартирѣ завѣдывающаго и находящейся при ней кухнѣ не можетъ быть менѣе трехъ печей (предположимъ ихъ даже всѣ желѣзныя, а не каменные). Печи эти, по условіямъ климата и особенностямъ китайскихъ построекъ, приходится топить день и ночь въ теченіе почти 5 мѣсяцевъ каменнымъ углемъ, цѣна на который въ Калганѣ бываетъ обыкновенно отъ 6—9 чеховъ за гинъ. На каждую желѣзную печь выходитъ въ сутки отъ 40 до 60 гиновъ (на каменную отъ 60 до 80 гиновъ). Полагая среднее 50 гиновъ, получимъ расходъ каменнаго угля по 150 гиновъ на каждый день въ теченіе 150 дней. Въ теплое время, т. е. въ остальные семь мѣсяцевъ, когда приходится топить одну кухню ежедневно нужно того же угля около 35 гиновъ. Такимъ образомъ среднимъ числомъ на 3 желѣзныхъ печи потребуется около 30,000 гиновъ въ годъ. Разсчитывая приобрести ихъ по средней цѣнѣ, $7\frac{1}{2}$ чеховъ за гинъ, придется уплатить 225,000 чеховъ, каковыя при переводѣ на серебряныя рубли (по самому выгодному курсу 700 чеховъ за рубль) будутъ равняться минимум 320 руб.

3) Сверхъ сего управляющій долженъ платить еще прислугѣ-китайцу за отопленіе его кана (лежанки) въ кухнѣ, гдѣ живетъ этотъ слуга, и въ проѣздъ почты за отопленіе кана въ помѣщеніи для казаковъ. . . 25 руб.

4) На наемъ одного разсыльнаго при конторѣ (50 руб.) одной прислуги (50 руб.), ночного сторожа (12 руб.) освѣщеніе (48 руб.) водоноса (12 руб.) и канцелярскіе расходы (28 руб.) въ годъ. 200 руб.

5) За очистку нечистотъ во дворѣ и на праздничные подарки прислугѣ. 30 руб.

Такимъ образомъ для управляющаго конторою получается обязательнаго расхода въ теченіе года отнюдь не менѣе 750 руб., а слѣдовательно на всѣ постороннія нужды, на содержаніе себя одеждою и главное пищею остается только 350 руб. въ годъ. Сумма эта, конечно, менѣе чѣмъ скром-

ная, особливо если принять во вниманіе, что, въ силу постоянныхъ неурожаевъ хлѣба въ Сѣв. Китаѣ, пищевые продукты въ Калганѣ стоятъ довольно дорого. Такъ, напримѣръ, пудъ муки не важнаго качества стоитъ около $2\frac{1}{2}$ серебряныхъ рублей; такая же цѣна за пудъ говядины; а пудъ бараньяго мяса стоитъ около 3 руб. Мы не говоримъ уже о необходимости для почтмейстера имѣть свою мебель, посуду, печи и проч. хозяйственные предметы первой необходимости. Удовлетворить всему этому изъ 350 руб. по истинѣ не возможно и понятно, какимъ жалкимъ представляется здѣсь положеніе управляющаго конторой. Нѣкоторые изъ занимавшихъ здѣсь эту должность поступали на службу въ мѣстныя чайныя фирмы русскихъ комиссіонеровъ, и таковыя жили дѣйствительно сносно; но для подобной конторской службы необходимо имѣть и извѣстную долю образованія и хорошій почеркъ, чего у нашихъ малограмотныхъ почтовыхъ чиновниковъ почти не встрѣчается и имъ приходится довольствоваться исключительно казеннымъ содержаніемъ. Положеніе настоящаго управляющаго Калганскою почтовою конторою, г. Бурдюковского, человѣка семейнаго и также точно не имѣющаго никакихъ побочныхъ работъ и доходовъ, должно быть признано по истинѣ плачевнымъ.

Всѣ остальные русскіе, проживающіе въ Калганѣ, причисляютъ себя уже къ торговому сословію, хотя собственно русской торговли, въ смыслѣ сбыта произведеній русскихъ мануфактуръ, или какихъ-либо другихъ отдѣловъ промышленности, въ Калганѣ нѣтъ рѣшительно никакой. Всѣ русскіе занимаются здѣсь исключительно комиссіонерствомъ по переотправкѣ чаевъ, движущихся изъ Хань-коу и Фу-чжоу на Кяхту и нужно сказать, что, при полномъ соблюденіи русскихъ интересовъ, эта спеціальная дѣятельность ихъ представляется на столько широкою, обширною и разнообразною, что рѣшительно не оставляетъ времени для постоянныхъ коммерческихъ занятій въ лавкѣ, или даже въ складочномъ магазинѣ. Поэтому-то можно съ убѣдительною сказать, что русская торговля въ Калганѣ можетъ развиваться лишь тогда, когда сюда явятся люди отдѣльные, спеціально посвятившіе себя торговымъ занятіямъ и интересамъ; настоящіе же русскіе торговцы въ Калганѣ ограничиваются только тѣмъ, что помимо комиссіонерства иногда, при избыткѣ денегъ, покупаютъ еще на наличное серебро китайскія шелковыя матеріи и отправляютъ ихъ въ Москву на продажу, при посредствѣ московскихъ комиссіонеровъ.

Въ 1892—1893 гг. въ Калганѣ существовало три русскія фирмы комиссіонеровъ, которыя одновременно съ симъ имѣли свои конторы и въ Ургѣ, а потому дѣятельность ихъ должна быть разсматриваема нераздѣльно какъ въ Калганѣ, такъ и въ Ургѣ. Одна изъ этихъ фирмъ, Шулыгинъ и К°,

почти бездѣйствовала. Правда, она считала въ ряду своихъ довѣрителей Губкина, Грибушина, Сибирякова и др.; тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлаго сезона ей едва ли удалось отправить болѣе 17 или 18 тыс. ящиковъ, какою дѣятельностью невозможно было окупить даже расходы по содержанию конторы и складовъ. Собственно нужно считать въ Калганѣ два русскихъ комиссіонерскихъ дома: Батуевъ и К° и Коковинъ и Басовъ, каждый изъ которыхъ переправляетъ около 120 тысячъ ящиковъ въ годъ, а то и болѣе. Первый изъ этихъ домовъ, Батуева и К°, переправлялъ чай Швецова, Губкина, Пяткова, Вогау, Боткина, наслѣдниковъ Грибушина, Молчанова, Расторгуевыхъ, Нѣмчинова, Н. И. Грибушина, Прорубникова, Колокольникова, М. А. Хаминова и др. У второго комиссіонерскаго дома, Коковинъ и Басовъ, состояла прежде всего масса мелочныхъ довѣрителей, вродѣ Лушникава, Игумнова, Волосатаго, Чухина и др., нерѣдко выписывающихъ всего на всего двѣ, три сотни ящиковъ, да помимо того въ спискахъ его числились и почти всѣ солидные какъ московскіе, такъ и сибирскіе чаоторговцы. Вообще относительно этихъ наиболѣе значительныхъ коммерсантовъ чайнаго дѣла, каковы, на примѣръ, Губкинъ, Боткинъ, Вогау и др., слѣдуетъ сказать, что они никогда не отдають переправку всѣхъ выписываемыхъ ими чаевъ въ руки одного изъ комиссіонеровъ, а всегда дѣлятъ ихъ между различными комиссіонерскими домами. Весьма вѣроятно, что поступаютъ они такимъ образомъ, во-первыхъ въ видахъ вообще невѣдѣнія о томъ, который изъ комиссіонерскихъ домовъ долѣе просуществуетъ, а во-вторыхъ изъ-за желанія имѣть больше связей, которыя дають имъ возможность при несправности одного комиссіонера возложить исполненіе его обязанностей на другого. Надлежитъ замѣтить, что наши комиссіонерскіе дома по переотправкѣ чаевъ въ Китаѣ вообще и въ частности въ Калганѣ обычно являются очень не долговѣчными, и составъ дѣятелей въ каждомъ изъ основныхъ пунктовъ нашего транзита, Тянь-цзинѣ, Калганѣ и Ургѣ, всегда и цѣликомъ измѣняется въ каждые десять лѣтъ. Объясняется это тѣмъ, что за дѣло комиссіонерства берутся у насъ люди не богатые, а предприимчивые: при неудачѣ въ дѣятельности, новенькій комиссіонеръ закрываетъ свою контору, потому что въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ теряетъ все свое состояніе; при счастья и умѣньи вести дѣло онъ въ теченіе семи, восьми много десяти лѣтъ успѣваетъ нажить капиталъ, исчисляемый сотнею и болѣе тысячъ рублей и опять-таки закрываетъ свою контору съ цѣлью возвратиться въ Россію и начать свое собственное дѣло. За послѣдніе годы условія наживы сдѣлались еще нѣсколько труднѣе, а лѣтъ двадцать тому назадъ, для начала комиссіонерской дѣятельности не требовалось почти никакого капитала, нужно было имѣть только довѣріе чаотор-

говцевъ. Конечно, и до настоящей поры чайный комиссіонеръ не расходуетъ на дѣло отправки чая собственно ни одной своей копѣйки: веревки, попоны и рогожи, потребныя для укупорки чая въ Калганѣ, онъ приобретаетъ на счетъ чаевладѣльца, его же деньгами онъ оплачиваетъ расходы по засвидѣтельствуванію контрактовъ, даже обычныя канцелярскія принадлежности, какъ бумагу, чернила, перья, карандаши и почтовые марки, все это пишется на счетъ чаевладѣльцу; но дѣло въ томъ, что прежде русскіе комиссіонеры главную массу чаевъ отправляли черезъ посредство китайскихъ лавокъ. Русскій комиссіонеръ входилъ тогда въ сношеніе съ какой-либо китайскою фирмой и предлагалъ ей доставить русскій чай изъ Калгана въ Ургу, положимъ, по цѣнѣ 5 р. с. за цибикъ; переотправщиками такимъ образомъ являлись тогда собственно китайцы: они прискивали и нанимали извозчиковъ-монголовъ, имѣли съ ними дѣло и платили имъ за провозъ, конечно, уже не свыше 4 р., кладя пятый въ свой карманъ; что касается русскаго комиссіонера, то онъ довольствовался тѣмъ, что безъ всякаго труда и затратъ получалъ отъ чаевладѣльцевъ свой комиссіонный гонораръ. Но прошли года, и русскіе поняли, что они могутъ обходиться и безъ китайцевъ, а нанимать монголовъ и отправлять свой чай сами. Съ этого времени комиссіонеру вести дѣло безъ собственнаго, хотя бы и небольшого капитала стало уже нельзя, за послѣдніе же годы, когда конкуренція значительно возросла, а между тѣмъ многіе изъ довѣрителей переводятъ суммы, слѣдующія въ уплату за переотправку чая, черезъ полгода и даже черезъ годъ, — обходиться безъ собственнаго и даже порядочнаго капитала сдѣлалось очень трудно. Содержаніе каждой изъ дѣйствующихъ нынѣ въ Калганѣ конторъ и складовъ обходится теперь владѣльцамъ ихъ не менѣе 10 и даже 12 тыс. ланъ серебра, т. е. около 20—24 тыс. руб. въ годъ; понятно, что нужно быть прежде всего отвѣтственнымъ на эту сумму, да имѣть еще средства уплатить монголамъ-извозчикамъ, чтобы потомъ возвратить уже все это съ лихвою полученіемъ отъ чаевладѣльцевъ.

18-го декабря я оставилъ Калганъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Пекинъ, куда и прибылъ 21-го того же декабря. Такъ какъ дорогу между Калганомъ и Пекиномъ мнѣ пришлось пройти во второй разъ, возвращаясь въ Монголію въ 1893 году, причемъ въ этотъ второй разъ я естественно могъ смотрѣть съ большею основательностью на проходимыя пространства, то описаніе пути между Калганомъ и Пекиномъ будетъ представлено мною уже въ дневникахъ 1893-го года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ПРЕДМЕТНЫХЪ И ЛИЧНЫХЪ.

А.

Абага (хошунъ) 602.
Абатай ханъ халхаскій 75, 78, 90, 91, 427, 428, 429, 438, 451, 472, 485—487.
Абида (бурханъ) 433, 434.
Абуракъ дарцагъ 433.
Агигуйнъ сумэ 235.
Адучины 590, 636.
Алтанъ ханъ (тумэтскій) 427.
Алтайскіе караулы 19, 355.
Алтайскій трактъ 601, 171—239, 281—303.
Амбанъ (общ. назв. генераловъ) 143, 287.
Амбан ургинскіе 67, 68, 97, 144, 158.
» уласутайскіе 249, 251, 276.
» кобдоскіе 287, 293, 307, 339.
Амбанъ тарбагатайскій 191, 287.
Амдунаръ (аймакъ въ Ургѣ) 64.
Амурсана 520.
Амуръ баяскуланту 23—50, 462, 509, 532.
Антроповъ (русс. торговецъ) 280.
Ань-динъ мынь 100, 505, 512.
Ань-дэ (маньчж. амбанъ) 563.
Аргалъ (сухой пометъ) 11, 133, 606.
Артасидда (лама совершитель) 497, 509.
Артасидда (цэцэнъ-ханъ) 541, 542, 545.
Аршанъ (торговая фирма) 318.
Асаръ байшинъ 383.
Ахай-гунъ (цэц. хан. айм.) 141.
Аюръ-тушѣ гунъ 293.
Аюши (бурханъ) 164, 435, 501.
Аюши-гунчжанъ (фирма) 93.
Айгунъ (торгов. фирма) 317, 321.
Аймакъ (ламскій) 77.

Б.

Ба-цзунъ (низ. офиц. чинъ) 271, 316.
Бадма-йога 117.
Байнъ бобо (торгов. фирма) 267.
Байнъ дорчжи (торг. фирма) 265.
Байнъ мунгу (кит. лавка) 104.
Байнъ чжиргалъ (торг. фирма) 414, 418.
Байты (поколѣніе) 318.
Бакши лама 399.
Бакъ (отдѣл. хошуна) 15, 394, 396.
Балданъ (цз. С. Н. айм.) 179, 203.
Балданъ-брайбунъ (монаст. въ Тиб.) 484.
Бальжинъ-хя 365, 370, 384.
Банца-ракша (сочин.) 188, 253.
Банъ-банъ-да-чэнь 297, 307.
Баньчэнь эрдэни 83, 94, 436, 537.
Бао-бинъ (улас. цзянь-цзюнь) 244.
Барби-цзобо (хубилг. ург. хут.) 483.
Баринъ (хошунъ) 584.
Барунъ орго (кумарня) 78, 90—92, 559.
Барунъ Со гунъ (цзасакъ) 40, 179.
Барунъ суниты (покол.) 630.
Барунъ-цзасакъ (т. ч. Урчжавъ цз.) 17.
Барунъ чойра (монастырь) 608.
Барынинъ хаша 96.
Батуевъ М. Д. (рус. торгов.) 99, 623, 644, 673.
Батуръ-дянь 261.
Батуръ-цзасакъ (Т. х. айм.) 53, 57, 140.
Батуръ цзасакъ (Цз. х. айм.) 284, 291.
Бахарай хошигучи ноянь 472.
Байдаровъ (рус. торг.) 324.
Байшинъ (глинобит. зданіе) 11, 14, 106, 143, 173, 251, 308, 384, 458, 577.

Березинъ (рус. торг.) 99.
 Бинъ-бу (въ Кобдо) 309.
 Бислыкъ 617.
 Битуда (тайчи) 467.
 Битунъ лоси (торгов. фирма) 267.
 Битхэши (т. ч. цаурганъ, дѣлопроизводитель) 309.
 Бичэчи (секретарь и писецъ) 7, 45, 47, 139, 166, 173, 396.
 Бишкуръ 84.
 Боди субурга 434, 436.
 Боди-муръ (сочинение) 436.
 Бодисунъ (сынъ Даянъ-хана) 470.
 Бодуновъ (рус. торг.) 324.
 Бруква (буддйская секта) 481.
 Буниъ-дэлыгэръ (кит. фирма) 104.
 Були 197.
 Буринскій вараулъ 5.
 Бурханъ (ламайск. идолъ) 4, 83, 95, 105, 277, 382, 399, 417, 434, 486.
 Бурѣйнъ шата 84.
 Бурятъ цэцэнъ цохоръ 472.
 Бухакъ (торгов. палатка) 108.
 Буяни цэалбарихчи сумэ 589.
 Буянту (кит. фирма) 19.
 Бэлэдэсэнъ цэрикъ 401.
 Бэхэ-очиръ (полководецъ) 157—160.
 Бэчжинъ бату (торг. фирма) 265.
 Бэй-лу 603.
 Баянъ-э 26.

В.

Вансу-бурлигу (лама) 489.
 Ванчжалъ-дорджи (туш. х.) 433.
 Ва (ичикъ соронъ) гуиъ 283.
 Ваншукъ (цасакаъ) 467.
 Вань-ли чанъ-чэнъ 643.
 Вань-шэнь-куй (торг. фирма) 384.
 Вань-гунъ-хао (торг. фирма) 71, 100.
 Вань-тай-хао (торг. фирма) 100.
 Вань-шэнь-хао (торг. фирма) 71.
 Вань-шэнь-цзинъ (торг. фирма) 100.
 Васеневъ А. Д. (русск. торг.) 272.
 Ваховичъ А. С. (драгом. рус. посол.) 251.
 Вачжра-дара 428, 433, 486.
 Вачиръ-ханъ 470.
 Ву-дэ (правл. И-ра Тянской дин.) 294.
 Ву-линъ-ванъ 642.

Г.

Галданъ-бошокту 65, 210, 303—304, 466, 498.
 Галданъ-дорджи (князь) 497, 509.

Галданъ-цэрэнъ 600.
 Галданъ (часть Урги) 67, 69, 73, 99, 116—119, 122, 153 533, 537.
 Галданъ-даши-линъ (кумирня) 6.
 Галданъ-пундукъ-линъ (саиръ-усу'ская кумирня) 177.
 Ганчжиръ 80.
 Ганчжуръ (энциклоп.) 6, 81, 95, 96, 177, 329, 501.
 Ганчжуръ-гуиъ (С. Н. айм.) 413.
 Ганьчо (почтосодержатель въ Монголиі) 596.
 Гацзарийнъ-эцзэнъ (идолъ) 383.
 Гарчжугба (буд. секта) 490.
 Гарнда (миеол. птица) 12.
 Гарма лама 428.
 Гильгэръ-мэйрэнъ урианх. 363.
 Гинэгуй (уляс. цзянь-цзюнь) 244.
 Гобийнъ-тушъ-гуиъ 140, 165, 166.
 Годдобинъ И. Ф. (купецъ) 20.
 Гомбоевъ (бурятскій ханбо-лама) 564.
 Гонбо-гуру (бурханъ) 431, 434, 435, 461.
 Гонбо-дорджи (тайчи) 422.
 Гонбо-дорджи (туш. ханъ) 487.
 Гонбо-чжабъ (монголь) 232.
 Гоцохо-цэрикъ 362.
 Грантъ (англичанинъ) 594.
 Гуанъ-ди 245, 250—252.
 Гуанъ-ло-ѣ 175.
 Губаревъ (рус. торг.) 388.
 Гудунъ (кумирня съ мощ. Илаг. х.) 382.
 Гуми-нансу 427.
 Гунга-долцовъ 484.
 Гунга-чой-линъ (аймакъ въ Галданѣ) 117.
 Гунга-чжалцанъ 428.
 Гунрикъ-дацанъ 415.
 Гундукъ (кит. фирма) 19.
 Гунчжунъ цзамъ 583.
 Гуиъ-ланъ-чай (торг. фирма) 100.
 Гутумчи 106.
 Гуши-ханъ (олотскій) 490.
 Гушикъ-дацанъ 415.
 Гуа-сэбэгуть (монголь) 188.
 Гэ-лугъ-ба (секта) 429, 490.
 Гэлунъ-чжамцо 484.
 Гэрэсэнцэ-цэаларъ-хунъ-тайчи 473.

Д.

Да-гэскуй 39, 172.
 Да-дэ-гуиъ (кит. фирма) 665.
 Да-лама 14.
 Да-синъ-дэ (кит. фирма) 665.
 Да-тушъ-гуиъ (Цз. Х. айм.) 375.

- Да-цинъ-ванъ (Т. Х. айм.) 40, 129, 282, 390.
 » (С. Н. айм.) 140, 204, 207, 214.
 Да-шэ-ми (торг. фирма) 100.
 Да-шэнь-куй (торг. фирма) 19, 213, 275, 317, 318, 337, 341, 350, 361, 407.
 Давданъ-пунцукъ-линъ 485, 491.
 Далай-гунъ С. Н. айм.) 207, 208, 214.
 Далай лама 399, 412, 428, 490—493, 537.
 Далай насуту (кит. фирма) 167.
 Далай-чжононъ-бэйсэ 162, 187.
 Дамалъ (завѣдующій) 631.
 Дамба-дорчжи (монастырь) 119, 522, 523.
 Дамба-дорчжи (хубилганъ) 426.
 Дамба-дорчжи (настоятель Эрдэни-цзу) 435.
 Даммурчинъ (часть хуръня) 99, 112.
 Даммуръ 95, 149.
 Дамчой-чжанъ-чубъ-линъ 467.
 Данчжуръ 95.
 Даныцзинъ-гомбо 524.
 Данышикъ (жертвоприношеніе) 81.
 Далай-ванъ (С. Н. айм.) 140, 235, 248, 252, 376, 377, 383, 388, 393—400, 405.
 Дара-гала-дайчинъ цзасакъ 188.
 Дара эхэ (богиня) 252—275, 382, 434, 492.
 Дара-эхэ (гэгэнь) 15.
 Дараната 411, 481, 485, 490, 492.
 Дарга 38, 418.
 Дари-соронъ (гэлунъ) 22.
 Дарма-раджа 481.
 Дарханъ (кузнецъ) 107.
 Дарханъ (сословіе) 617.
 Дарханъ-цзамъ 583.
 Дарханъ-эмчи (аймакъ въ Ургъ) 64.
 Даши (торг. фирма) 19.
 Даши-балданъ 484.
 Даши чойнпилъ (аймакъ въ Ганданъ) 117.
 Дачинъ калбанъ сумэ 77, 86.
 Даянь ханъ халхаскій 470.
 Дайчинъ тушъ гунъ 284.
 Дайчинъ (сынъ Даянь-хана) 470.
 Джабъ (грамота) 16.
 Джантыкэй (киргиз. родъ) 287.
 Джован'ская школа 491.
 Дза-гунъ (Цз. Х. айм.) 376, 377.
 Дзасрай-римбочэ 488.
 Ди-кунгъ (монастырь въ Тибетѣ) 490.
 Долонъ-хошунай надамъ 61.
 Долонъ цугудэ 79.
 Долонъ эрдэни 382.
 Донданъ дорчжи (туш. ханъ) 434.
 Дондокъ (олотскій лама) 328.
 Дондобъ дорчжи (дарханъ цинъ ванъ) 507.
 Дониръ 39.
 Донкоръ (Донхоръ) маньчжурши хутухту 117, 153, 161, 519, 589.
 Донъ-гунъ (Т. Х. айм.) 141.
 Донъ дайчинъ-цзасакъ (Ц. Х. айм.) 188.
 Дорги цзурганъ 271.
 Дорги ямунъ 250, 271.
 Дорчжи-рабтанъ (монг. князь) 625.
 Дуганъ 64, 153.
 Дугаръ (кит. амбанъ) 603.
 Дуллуй (посохъ) 48, 111.
 Дунгане 70, 281, 595.
 Дуншинъ хуръ 608.
 Дунъ-фу-ю (торгов. фирма) 100, 103.
 Дурбэтскій ханъ.
 Дурбэтскій ванъ 344, 349.
 Дурбэты (поколѣніе) 268, 305, 309, 318, 327, 348, 352.
 Дургэчи ванъ (Цз. Х. айм.) 140, 265, 373.
 Дутуйнъ-хуръ 235—238.
 Дэхъ-да-ванъ (т. ч. Эрдэни ванъ) 213, 214.
 Дэмчи-лама 380.
 Дэмчокъ-бурханъ 416.

Ж.

- Жэнь-хо-и (торг. фирма) 100, 103.
 Жэнь-хо-хо (торг. фирма) 100, 103.

З.

- Захайнъ найманъ орто 318.
 Захальжинъ-хошу 23.
 Зайцевъ (русск. торговецъ) 408.

И.

- И-фынъ-хао (торг. фирма) 100.
 И-хэ-цзунъ (торг. фирма) 100.
 И-хо-дунъ (торг. фирма) 317, 319.
 Игнатьевъ (русск. торг.) 210, 227.
 Идамъ (тайчжи С. Н. хошува) 467.
 Илагуханъ гэгэнь 235, 281, 328, 367, 373—385, 393, 482.
 Ильдэнгийнъ суму 9.
 Ильдэнь-бэйлэ (С. Н. айм.) 140, 190.
 Инъ-ду-куй (торг. фирма) 324.
 Иши-дамба-нимъ 528.
 Иши-пунцукъ (хубилганъ) 426.

К.

- Кай-юанъ-гунъ-бао (монета) 294.
 Кайдубъ-данцзанъ (ург. хутухта) 541.

Казенные табуны (въ Кобдо) 19.
 „ „ (въ Ургѣ) 19.
 „ „ (въ Улясутаѣ) 256, 362.
 Каленовъ 621—624.
 Канга 316.
 Канси 304, 500—509.
 Каракасъ (киргиз. родъ) 287.
 Караулы алтайскіе 19.
 Качитъ-сачжонъ 484.
 Киргизы 287—290, 309, 327.
 Коковинъ и Басовъ (фирма) 99, 623, 673.
 Консульство въ Ургѣ 145, 480.
 Котельниковъ (купецъ) 324.
 Куанъ-чэнъ тай (торг. фирма) 100.
 Кузнецовъ (русск. торговецъ) 324.
 Кэшиктэнъ (хошунъ) 584.

Л.

Лабай 84.
 Лабранъ 33, 416.
 Ламаинъ гэгэнъ, 201, 204, 411.
 Ламахай (хубилганъ) 17.
 Ламримъ (айм. въ Гавданѣ) 117.
 Ланъ-шунъ-чой-линъ 535.
 Ли-фанъ-юанъ (въ Пекинѣ) 71, 309, 336,
 401, 413, 602.
 Ли-фанъ-юанъ (въ Кобдо) 309, 310.
 Ли-хунъ-чжанъ 247.
 Лобомба-санцавай-даши 431.
 Лобсанъ-ванбо-чжалцанъ 430, 489.
 Лобсанъ-дамба-донми 512.
 Лобсанъ-намчжалъ (цзинъ гэгэнъ) 413.
 Лобсанъ-отсэръ 434.
 Лобсанъ принай 412.
 Лобсанъ-тобданъ-ванцукъ 531.
 Лобсанъ-цзамьянъ 482.
 Лобсанъ-цолдамъ-чжигмэтъ 534.
 Лобсанъ-чжамцо (ученикъ Цзонхавн) 417.
 Лобсанъ-чжигмэтъ 412.
 Лобсанъ-чойчжи-чжалцанъ 485, 490.
 Лобсанъ-цэдэнъ 434.
 Лобсанъ-яндавъ 412.
 Лобунъ 177.
 Лодой-чжалцанъ (Сакъя пандита) 428.
 Лодой-шинду-намдакъ 483.
 Лоръ (торг. фирма) 324.
 Лу-гунъ 354.
 Лубсанъ-дондобъ (цзасагъ) 129.
 Лубсанъ-сайдубъ (цзасагъ) 39.
 Лунпанъ 434.
 Лунъ-синъ-хао (торг. фирма) 100.
 Лунъ-хо-юй (торг. фирма) 100, 103.
 Лунъ-чанъ-юй (торг. фирма) 71, 100.

Лунъ-шунъ-юй (торг. фирма) 100.
 Лушниковъ (русск. торговецъ) 99.
 Лъ-бинъ (кит. амбанъ) 540.
 Лунъ-цзасагъ 320.

М.

Ма-шэнъ-хао (торг. фирма) 100.
 Майдари (божество и его кумиры), 70, 81,
 88, 90—96, 139, 190, 226, 382, 431,
 492, 461, 608.
 Майханъ (палатка) 10.
 Ма(ндорва) гунъ 60, 129, 142, 478.
 Ма(ни-батуръ) цзасагъ (С. Н. айм.) 207,
 208, 214, 425.
 Максаръ (мэйрэнъ Сартул. хош.) 173.
 Магталъ (хвал. гимнъ) 9.
 Маначи (сторожа) 113 635.
 Манба (бурханъ) 461.
 Манла (бурханъ) 89, 90, 398, 435.
 Манлайнъ-сумэ 89.
 Манца 85, 86, 496.
 Манъчжурши (бурханъ) 253, 436.
 Мати-тайхалъ (хагх. княгиня) 470.
 Махагала (бурханъ) 178, 435.
 Махаранца 329, 382, 428.
 Мацакъ (буддйскій постъ) 423.
 Мезенцевъ (русск. торгов.) 210, 215.
 Му-минганъ (хошунъ) 181.
 Мучжанъ 105.
 Мухэлэ (тюрьма) 16.
 Мигмаръ (тибетецъ) 541.
 Мила лочжава (бурханъ) 436.
 Мингаты 309, 310, 318, 328, 336, 340,
 342—344, 364.
 Митукъ (монгола) 423.
 Миханъ-гунъ (хотохойтскій) 141.
 Мишикъ (кит. лавка) 104.
 Могва (торг. фирма) 317, 321.
 Модочины (дрованики) 586, 589.
 Молху (киргиз. родъ) 287.
 Монголъ цзурганъ 254, 290.
 Мэдэтэй 896.
 Мэнъ-тянъ 643.
 Мэргэнъ-ванъ 283, 596, 613.
 Мэргэнъ-ноинъ-хутухту 196.
 Мэргэнъ-цзасагъ (С. Н. аши) 140.
 Мэйрэнъ (хошунный) 173, 396.

Н.

Наванъ 490.
 Наванъ-гунга-лодомъ 436.

Наванъ-лобсанъ (Донкоръ маньчж.) 512, 589.
Наванъ-ямпилъ-данъ-цзинъ 589.
Наганъчуна 484.
Накбо-чотба 484.
Намчжалъ-габчжу 116.
На-бэйсэ 141, 615.
Наратуйнъ-хуръ 608.
Нару-баньчэнь хутухту 234, 238, 328, 471, 510.
Насутай (торг. фирма) 318, 378.
Найданъ-гунъ 142, 478.
Найманъ-тахиль (жертвы) 79, 382.
Нгакбо даданъ 415.
Нинчжи-долби 15.
Нирба 47, 76, 607.
Ни-гунъ (хотохойтск.) 141.
Ноннъ лама (хубилганъ) 462.
Номохонъ (ург. амбанъ) 67.
Номунъ ханай хитъ 15, 20.
Номунъ ханъ 15.
Номунъ ханъ (ургинскій) 83.
Норчжи ванбо 524.
Номунъ ханъ (Цз. Х. айм.) 204, 213.
Ньинмава (секта) 481.
Нууху уйцзанъ ноннъ 472.
Нудунъ хуръ 608.
Нѣмчиновъ (рус. казакъ) 609.

О.

О-ванъ (Т. Х. айм.) 141, 142, 283, 625.
Обо 11, 474.
Обохой (палатка) 353, 475.
Огородниковъ (рус. торговецъ) 99.
Олбокъ (подушка) 4, 14, 83.
Олотъ-бэйсэ 140.
Олоты (поколѣніе) 309, 310, 318, 328, 336, 339, 340, 342.
Олоты-барлыкы 287—289.
Оржимчи 114, 542.
Оточи (бурханъ) 89.
Отсаръ балъчжій 484.
Оу-лянь-сюнь (кит. ученый) 294.

П.

Павлиновъ (рус. консулъ) 261.
Па-ганъ-цзы 650, 651.
Падма-самбава 418, 428.
Пакба-лама 436, 490.
Пайгуръ 26.
Пентеговъ Е. А. (русскій купецъ) 586.
Петровъ (торговый агентъ) 621.

Поборы съ монголовъ 42, 256, 379, 554.
Пономаревъ (виде-конс. въ Хань-коу) 595.
Потанинъ (путешеств.) 303.
Потаповъ (рус. торговецъ) 217.
Почтовые станціи (халхаскія) 19, 165, 238.
Пржевальскій (путешественникъ) 583, 587, 596.
Пуль-бэйсэ 129, 141, 478.
Пуль-цзы (тюрьма) 396, 403.
Пу-шоу (торгов. голова) 323.
Пѣвцовъ (путешественникъ) 583.

Р.

Рабнай 88.
Ранчжамба хубилганъ лама 178, 181.
Ратна бакула 484.
Ринсумъ гонбо 532, 631.
Ринсумъ чой-санъ 484.
Ринчинъ-дорджи габчжу 116.
Рафаловъ (путешеств.) 303.
Ролба дорджи 531.
Ролба (чжанчжа хутухту) 435.

С.

Сабашниковъ (русс. купецъ) 593.
Сабдакъ (шаман. божество) 7.
Сакъя (секта) 418, 426.
Сакъя-баньчэнь 418, 481.
Сакъямуни 483.
Самія (монастырь въ Тиб.) 484.
Сангай (айм. въ Ургѣ) 64.
Сангинъ хото (часть Кобдо) 307, 313.
Санцуй (бурханъ) 416.
Санцай-дорджи 67, 75, 97, 526, 625.
Санчжи-рай-чинъ 484.
Санъ (казначейство) 19.
Санъ-ху-и (торгов. фирма) 324.
Санъ-цзы-цзинъ (сочиненіе) 310.
Сарлыкъ 20.
Сартуль-гунъ 284, 299, 300, 350.
Сайнъ нонновскій аймакъ 75.
Сайнъ ноннъ 140, 195, 204, 431, 436.
Сайтъ ванъ 140, 405, 408, 409.
Секретарь (см. бичэчи).
Сиддишри (монг. князь) 625.
Си-чанъ (ургин. амбанъ) 58, 601—604.
Синъ-лунъ-хо (торг. фирма) 267, 322, 324.
Синъ-хо-гунъ (торг. фирма) 103.
Соитъ (поколѣніе) 363.
Сономъ-гунъ (правитель хошуна) 409.
Сономъ-даши 530.
Сономъ дампилъ (лама) 435.

Сойоны 246.
Сойоты 318.
Сронцзанъ ганбо ханъ (тибетск.) 491.
Субурганъ 119, 178, 461.
Сумбумъ Чжанчжа хутухты (сочин.) 253.
Сундубъ-дорчжи (1-й ургин. шанцзотба) 68.
Суниты (поколѣніе) 602.
Сури 151.
Суругинъ тамага 166.
Суръ (мѣта для стрѣльбы) 9.
Сы-чуанъ (пров. Кит.) 540.
Сы-шу (сочиненіе) 310.
Съ-хо-гунъ (торг. фирма) 100.
Сэнгэ патара 484.
Сэндама (бурханъ) 383.
Сэчжунъ (бурханъ) 33.

Т.

Табунъ нигурту (бурханъ) 496.
Табуны кобдоскіе 19, 296.
» при амбанахъ 19, 590.
» при сеймов. управ. 19.
Тамага 27, 141, 395—397.
Тамаганъ сумэ 26.
Танну-урианхай 282.
Тарковъ И. М. (почмейстеръ въ Ургѣ) 582.
Тарячи (отокъ шабинаровъ) 50.
Тарячины (кобдоскіе) 340, 341.
Тахаръ (см. медэчи) 396.
Тахилгинъ модо 146.
Тай-ванъ-мяо (кумирня) 326.
Тайчжи 16, 17, 197, 401, 613.
Тинъ-цзы ямунъ 271.
Тинъ-цзинъ 316.
Тогонъ тэмуръ (ханъ) 428, 481.
Торгоуты (поколѣніе) 309, 327, 411.
Тохай 84.
Тойнъ (отокъ) 50.
Тутэмэль амурчжигулухчи сумэ 328.
Тумуръ сурукъ 365.
Тумэнхинъ хундулэнь 472.
Тумэты (кобдоскіе) 296, 298.
» (уласутайскіе) 362, 363.
Тунгэ 95.
Тунши 166, 275.
Тунъ-синъ-и (торг. фирма) 100.
Тунъ-хо-хао (торг. фирма) 100.
Тунъ-цзянь-ганъ-му (сочиненіе) 476.
Тунъ-чжанъ 105.
Тунъ-чжи 311.
Тунъ-шанъ (торг. фирма) 317, 320.

Тусалакчи 13, 166.
Тусалакчи-холой 14.
Тусалакчи цзянь-цзюнь (уласут.) 67.
» » » (аймачный), 256.
Тушилгэ 82.
Тушѣту хановскій аймакъ 75, 139.
Тушѣту ханъ 91, 141, 187, 430—440, 559.
Тѣ-цзы 112.
Тэгусъ баясхуланту аганишта 433.
Тэлэнгитскій языкъ 363.
Тэмуръ вачиръ 188.
Тинъ-дэ-тунъ (торг. фирма) 71.
Тянь-и-дэ 275, 317, 318.
Тянь-цзюй-дэ (торг. фирма) 100.
Тянь-тай-дэ (торг. фирма) 665.

У.

Угэдэй ханъ монгольскій 428, 476.
Уланъ хаша 399.
Улачинъ (подводчикъ) 187.
Улцэйтү 232.
Ундуръ гэгэнь 12, 24, 64, 68, 81, 90, 461, 485—509.
Ундуръ модо (торг. фирма) 317, 321.
Унцзатъ 83.
Урлюдъ (айм. въ Ургѣ) 64.
Урмэ 4, 617.
Урушіяи сойокчи сумэ 15.
Урчжанъ-цзасакъ (Т. Х. айм.) 17, 37, 40.
Урчжиль-цэрикъ 401.
Урианхай 241, 287—290, 309, 318, 327.
Урианхайнъ долонъ хошу 363.
Успенскій В. М. (русск. консулъ) 609.
Усунъ сумэ 325.
Усучины 291, 586.
Ухурчины 634.
Уйцзанъ То-гунъ 141, 162, 163, 168, 187, 190, 283.
Уйцзанъ-тайчжи 470.

Ф.

Федоровъ С. А. (секретарь консул.) 582.
Фу-кунъ-чай (торг. фирма) 100.
Фу-лай-хао (торг. фирма) 100, 103.
Фу-минъ-фу 644.
Фурданъ (уласут. цз.-цзюнь) 244, 304.
Фу-синъ-лунъ (торг. фирма) 665.

Х.

Ха-юпъ (лит. вельможа) 95.
Хабсурга 173, 179.

Хадааь 80, 111.
 Хадзарчины 301.
 Хамчигла 6, 423.
 Хана (рѣшетки юрты) 12.
 Ханбо гэгэнь 281, 386.
 Ханбо гэгэний хурь 386.
 Ханбо лама (бурятскій) 22, 564—567.
 Ханбо номунъ ханъ (ургинскій) 83, 96, 163, 536.
 Ханду чжамцо 432, 487.
 Харалана растение 4, 341.
 Хара-балгасунъ (городище) 641.
 Харачины 179.
 Хайдубъ чжамцо (ученикъ Цзонхавы) 417.
 Хій мори 12.
 Хла-бэйсэ (Ц. Х. айм.) 188.
 Хлама (бурханъ) 416, 428, 462.
 Хоничи 634.
 Хоншимъ бодисатва 433.
 Хороны (часть Урги) 140.
 Хо-тай-хуй (торг. фирма) 267.
 Хошунъ 112.
 Хошучи (сынъ Даанъ-хана) 470.
 Хошучи-бэйсэ (С. Н. айм.) 140, 220, 377.
 Хойхойцы 614, 157—160.
 Хуанъ-ди.
 Хуанъ-тай-хоу 503.
 Хубилай цэцэнь-ханъ 428, 436, 490.
 Ху-бу (въ Кобдо) 309.
 Хубчинъ чжононъ бэйсэ (Ц. Х. айм.) 188.
 Хунь (латникъ) 401.
 Хундуй (звание) 15, 203.
 Хундуй (горная падь) 148.
 Хунъ-тайчжи (звание) 15.
 Хуралъ (богослуженіе) 607.
 Хурамалъ (мелочной торговецъ) 323.
 Хурдэ 191, 461.
 Хурулмийнъ сумэ 79, 90.
 Хуръ Цэ-цзасака 13.
 » Номунъ-хана 22.
 Хухэнь ноанъ (айм. въ Ургѣ) 64.
 Хэ-юнь-танъ (кит. вельможа) 532.
 Хэнгэргэчи 84.
 Хэнь-хо-л (торг. фирма) 100.
 Хэрэглэдэху тушимэлъ 600.
 Хэтуринга бату (уласут. цз.-цзюнь) 244.
 Хя (адъютантъ).
 Хя (управл. караулами) 355—356.

Ц.

Цаганъ аду 191, 199.
 Цаганъ гэгэнь 281, 287.
 Цаганъ дара баярту 510.

Цаганъ-дара-эхэ 417.
 Цаганъ-сара 92, 608.
 Цаганъ хадайнъ сумэ 179, 181.
 Цаганъ хуръ 461.
 Цавда 179, 349.
 Цамъ 437.
 Цанитъ 11. 32, 34, 35, 66, 116.
 Цанинъ гэгэнь 357, 400, 411.
 Цзалаиръ хунъ-тайчжи 470.
 Цзалансэнь (кобд. амбанъ) 328.
 Цзаланъ 182, 287, 394, 396, 617.
 » кобдоскихъ пашень 345—348.
 Цзалаханцза хутухту 328.
 Цзамьянь хорло (цзасакъ) 614.
 Цзамьянь порчжи 484.
 Цзанабацзаръ 489.
 Цзангинъ 152, 166, 171, 188, 199, 203, 210, 396, 614.
 Цзанданъ цзу (кумиръ будды) 591.
 Цзарайсэкъ 329.
 Цзаручэй (кяхтинскій) 5. 9, 19.
 » ургинскій 70, 138.
 » савръ усускій 171—175, 187, 189, 193.
 Цзасаекту хановскій аймакъ 75.
 Цзасаекту ханъ 141.
 Цзасакъ (родовой князь) 254.
 Цзаха-дэрэ (часть Урги) 139.
 Цзахачины 298, 301, 309, 318, 320.
 Цзахайнъ найманъ орто.
 Цзахайнъ чжунъ-ванъ (Ц. Х. айм.) 188.
 Цзахирахчи 166, 396.
 Цзая-пандита 411—423.
 Цзайсанъ 418.
 Цзогай (айм. въ Ургѣ) 64.
 Цзонхава 93, 329, 399, 427.
 Цзу (кумиры будды) 329.
 Цзунъ суниты (покол.) 630.
 Цзунъ цэринъ 5, 6, 19.
 Цзурачи 105.
 Цзурухайнъ сумэ 78, 89.
 Цзурухайчи 75.
 Цзя-тоу (торговые головы) 323.
 Цзянь-цзюнь (уласут.) 197, 207, 243—276 355.
 Цзянь-цзюнь бэйлэ (Ц. Х. айм.) 193, 601, 606, 613.
 Цзянь-цзюнь ванъ (Т. Х. айм.) 129.
 Цзюй-фынь-хэнь (торг. фирма) 100.
 Цовту тайчжи 470.
 Цочинъ 76, 78—86, 88, 90, 381, 398, 461.
 Цоройнъ ламримай хуръ 608.
 Цорчжи 177.
 Цохоръ (сынъ Даянъ-хана) 470.

Пуругунъ цокту тайчи 472.
 Пу-цу-ца (торг. фирма) 324.
 Цэ-гунъ (Т. Х. айм.) 141.
 Цэ-гунъ (т. ч. Дайчинъ Цэрэнь-гунъ С. Н. айм.) 188, 193, 194.
 Цэ-цзасагъ (т. ч. Цэрэнь-дондобъ) 13, 18, 19, 22.
 Цэбдэнь-чжабъ (улясут. цз.-цзюнь) 244.
 Цэванъ-рабтанъ 507.
 Цэнгунъ-чжабъ (ул. цз.-цзюнь) 241.
 Цэрэнь-дондобъ (чжунгарскій) 65.
 Цэрэнь-дорчжи (Т. Х. айм.) 142.
 Цэрэнь (эфу) 241—244, 408.
 Цэцэнь-бэйлэ (Ц. Х. айм.) 601.
 Цэцэнь-ванъ 204, 214, 405.
 Цэцэнь хановскій аймакъ 75, 139, 169.
 Цэцэнь ханъ 169, 203, 541—545.
 Цюань-цзюй-дэ (торг. фирма) 100.
 Цянь-си (кит. амбанъ) 603.
 Цянь-лунъ 304, 311.

Ч.

Чагантай (торг. фирма) 317, 319.
 Чанъ-дэ-тай (торг. фирма) 100.
 Чанъ-синъ-хао (торг. фирма) 71, 100.
 Чахары 246, 407, 596.
 Чахунъ-дорчжи 432.
 Чжа-цзасагъ 281, 377, 388.
 Чжабданъ 82.
 Чжагаръ чой-чжунъ 485.
 Чжалданъ 191.
 Чжамбалинъ 489.
 Чжамсарангийнъ даврийъ 91.
 Чжамсаранъ (бурханъ) 35, 91, 494.
 Чжанчжа хутухта 64, 481, 620, 531.
 Чжанъ-дэ-хуй (жит. путешественникъ) 475.
 Чжао-ванъ 642.
 Чжасрай хубилганъ 163.
 Чжи-ганъ (маньчжур. амбанъ) 547.
 Чжимискхэнь хатунъ 470.
 Чжинкни-да-лама 336.
 Чжиса (сеймов. старшины) 19, 141, 167, 463.
 » (албану малунъ) 256.
 » (гурбунъ аймагунъ) 257.
 » (кобдоскій) 298, 320.
 » (цавда цэрпгунъ) 257.
 » (цохоръ ортоной) 257.
 » (цзянь-цзюня) 256.
 » (стрѣлковъ) 141.
 Чжиса (аймакъ въ Ургѣ) 64.
 Чжово (Чжу) адша 484.
 Чжононъ-гунъ (Т. х. айм.) 181, 214.

Чжудийнъ-сумэ 78, 89, 398.
 Чжунунъ (т. ч. обохой) 475.
 Чжэбдаунъ-дамба-хутухту 63, 164, 400, 411, 426—459, 481—578, 628.
 Чигулгану дарга 70, 380.
 Чилхутъ (монголка) 188.
 Чимэть гунъ 157—160.
 Чингисъ-ханъ 75, 427.
 Чирэучи (киргиз. родъ) 287.
 Чой-гий винчжитъ 484.
 Чойнокоръ дуйчинъ 81.
 Чойра 606—608.
 Чойрайнъ сумэ 382, 398.
 Чойчжи-раши (авторъ описанія Эрдэни цзу) 437.
 Чойчжилъ (=Чой-чжалъ) 514.
 Чойчжонъ 84.
 Чугучагъ 191.

Ш.

Шабинары 38, 48, 66, 67, 162, 179, 353, 378, 418, 589.
 Шабронъ (молодой хубилганъ) 336.
 Шакдуръ амбанъ (Ша-да-жэнь) 287—290.
 Шалсай (жертвоприношеніе) 431.
 Шаманы 12, 135.
 Шамба (сайнъ-ноинъ) 467.
 Шанцзотба цзасагъ лама 374, 377, 380.
 Шанцзотба 519, 525, 533, 538.
 Шара сумэ (въ Доловѣ нурѣ) 111.
 Шара сумэ (въ Кобдо) 328, 337, 376.
 Шара-сумэ (въ Пекинѣ) 507.
 Шаргайнъ голъ 199.
 Шарнуть ламримийнъ-хурѣ 608.
 Шатдубъ гимпилъ чжан-чуб-лянь 533
 Шачжини бадарагулухчи 65, 528, 575—582.
 Шачжинъ (полководецъ) 467.
 Ши-хуанъ-ди 643.
 Шибеганца 97, 113, 135.
 Ширдмъ 14.
 Шипмаревъ (консулъ) 280.
 Шоронъ (острогъ) 141.
 Шулингийнъ Н. Н. (русскій купецъ) 623, 672.
 Шулэнга 380.
 Шунъ-чай (торгов. фирма) 317.
 Шутэней орго (часть кумирня) 79, 90, 177.
 Шухуръ (зонть) 191.
 Шэнь-юй-гуанъ-суй (сочиненіе) 325.

Э.

Эбугэнь-хурѣ 240, 254, 282, 364, 376.
 Эльдурчинъ 106, 139.

Эмчийн-сумэ 78, 89.
Эрдэни-ванъ (т. ч. дэдъ-да-ванъ С. Н. айм.) 213.
Эрдэни уйцзанъ-гунъ (С. Н. айм.) 193—195, 203, 204.
Эрдэни шанъ тайчжи 394.
Эрхэй мэргэнъ ханъ 430.
Эрликъ-ханъ (божество) 252, 275, 325.
Эрхэ цорчжийнъ хубилганъ 238.
Эрхэлэхсэнъ субурга 434.

Ю.

Ю-сант-чуй (торг. фирма) 324.
Ю-хунъ-дэнъ 261.
Юань-шэнъ-дэ 317, 318.
Юань минъ-юань (дворецъ) 534.
Юмъ (сочинение) 177, 253, 586.
Юнъ-дэ-куй (торг. фирма) 322.
Юнъ-синъ-лунъ (торг. фирма) 665.
Юнъ-фа-куй (торг. фирма) 3.
Юнъ-хо-танъ (торг. фирма) 267.
Юнъ-цзюй-чэнъ (торг. фирма) 322, 324.
Юнъ-чжэнъ 304, 512.
Юнъ-шоу-гунъ 3.

Юнъ-шоу-сянъ 3.
Юй-цзюй-гунъ (торг. фирма) 100.

Я.

Ямандага (бурханъ) 328, 435, 437.
Ямпилъ дорчжи 435.
Ямунъ: амбаньскій 140.
» хошунный 7, 14—16, 394—396.
» шанцзотбы или хутухтинскій 15, 95, 111, 114.
» цзаргучейскій 113, 138.
Янъ-пай 88.
Янъчжиль хлама 531.
Яргачинъ 106—107, 139.

Ө.

Өедоровъ И. Ө. 87.

Й.

Йондонъ дорчжи (монг. князь) 535, 625.
Йэльдэпъ (сынъ Даянъ-хана) 470.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

А.

Абдаранту 181.
Абдарантуйнъ-торочи-хутуль 212.
Агиту 211.
Агойту ула 339.
Агойтуйнъ гэръ 232.
Адагнинъ булукъ 155.
Адагнйнъ усу 634.
Адарантуйнъ хутуль 214.
Адунъ чулу 599.
Акбашъ (гора) 340.
Алакъ-тала 182.
Алашанъ 216, 558.
Алдаръ (почт. ст.) 240, 241, 282, 283.
Алтагана 611.
Алтанъ хадасунъ 224.
Алтанъ хадасунъ (гора въ дол. р. Цэцэр-
лигъ) 422.
Алтату-тала 180.
Алтату ула 180.
Алтай 305.
Амдо 64.
Амуръ баясхуланту 2, 12, 24—47, 48, 576.
Арагойнъ голъ 198.
Аралнинъ ама 404.
Аранчжуръ ула 345.
Аранчжуръ худукъ 345.
Аргалинту (почт. ст.) 293.
Аргалинту (хребетъ) 340, 349.
Аргаль (гора въ долинь Ибэна) 48.
Аргаль (горы въ дол. Хугэнэ-тарна) 467.
Аргалиннъ уланъ 184.
Аргалиннъ даба 478.
Аргалиннъ цаганъ хутуль 479.

Ару-боксо 192.
Ару-бурвуду 408.
Ару нуръ 422.
Ару усунай хутуль 163.
Ару ханрханай даба 362.
Ару хангайнъ даба 477.
Ару хохо чулу 163.
Ару хутуль 605.
Ару чжиргаланту (почт. ст.) 221, 224.
Ару элэсугу 499.
Аруйнъ голъ 641.
Аруладъ (долина) 168.
Арца или Арцату ула 200, 201.
Арцату голъ 425, 426.
Арцату ама (въ долинь Тамира) 410.
Аршанту (рѣка) 211.
Аршанту (гора) 228.
Аршанту (уроч.) 629.
Аршанъ голъ 367.
Асамъ эльчжинэй 21.
Асхамба (гора) 207.
Асхату ула 227.
Асхату (горная падь) 239.
Ачугу (притокъ Орхона) 58.
Ашигату (гора) 196.
Аюдсйнъ хутуль 151.
Аяга-шанага (уроч.) 59, 60.
Аяръ-нуръ 293.

Б.

Бага адацакъ 163.
Бага галзарнинъ чулу 163.
Бага монголъ элэсу 466.
Бага модочини (нутукъ) 586.

Бага муруй гоби 182.
 Бага нурь (озеро и почт. ст.) 294.
 Бага нуруинь дэль 294.
 Бага нуруинь санрь 295.
 Бага тэнгрийнъ ама 74.
 Бага удъ 620.
 Бага холбо нурь 403.
 Бага хэсэгийнъ хутуль 214.
 Бага цэвэь (почт. ст.) 285, 286, 290.
 Бадарга-тологой 187.
 Баннь будукъ (горная падь) 23.
 Баннь-будукъ (притокъ Тацы) 200.
 Баннь голъ (притокъ Хары) 58.
 Баннь нуруинь голъ 212.
 Баннь-тэкши 387.
 Баннь ула (въ долинь Ибэна) 49.
 Баннь ула (въ Тухумъ гоби) 171.
 Баннь ула 180.
 Баннь уланъ (гора) 198.
 Баннь уланъ (гора на Кунгуъ) 354.
 Баннь уланъ (гора и сумун. почт. ст.) 425.
 Баннь узуръ 206.
 Баннь хаирханъ 218.
 Баннь хангай (гора бл. Урги) 53, 55.
 Баннь хошу (почт. ст.) 168, 182.
 Баннь хошу (горы) 217.
 Баннь худукъ 301.
 Баннь хутуль (горы) 73.
 Баннь хуцзубчи 590.
 Баннь цэзурхэ 73, 75.
 Баннь цэзурхэ (гора) 204.
 Баннь цокту (гора) 56.
 Баннь элэсу 5.
 Балинь хада 610.
 Бао-динъ-фу 666.
 Баркуль (городъ) 274, 279, 291.
 Барсминъ домонъ даба 475.
 Барунъ Алтай 292, 341.
 Барунъ хуръ 82, 459, 462, 490.
 Барунъ цахиръ (горы) 286.
 Барчинай хутуль 154.
 Батырь хаирханъ (бѣлокъ) 298.
 Бау-тоу (городъ) 181, 371.
 Баясхуланту (гора въ долинь Толн) 152.
 Баясхуланту (почт. ст.) 153.
 Баясхуланту (гора въ долинь Тэрхи) 402—403.
 Бай-хэ (рѣка) 598.
 Байдарикъ (рѣка и почт. ст.) 209, 213, 240, 241.
 Билютайнъ чжиса 159.
 Билюту ама (падъ Хань-улы) 150.
 Билюту (падъ близъ г. Кобдо) 338.
 Билюту тологой (въ долинь Чулуту) 405.

люту ула (т. ч. Баннь хаирханъ) 218.
 Бильгихъ (почт. ст.) 169, 188.
 Бильгихъ (долина и колодезь) 608.
 Бильгихъ ама (въ долинь р. Чулуту) 407.
 Биру хото (городъ) 129, 130, 133.
 Биругинъ хонхоръ 163.
 Битудминъ дорольчи 373, 380.
 Битудинъ нуръ 374.
 Бичигету даба 239.
 Бичигету 610.
 Богдо ула (т. ч. Ханъ ула).
 Богдо ула (въ Хангай) 196, 202.
 Богдо ула (близъ Чойра хуръ) 606.
 Богдо улаинъ хошу 179.
 Богдоннъ голъ (притокъ Цзабхана) 226, 247, 270, 273, 276, 281, 283, 284, 365, 367.
 Богдоннъ голъ (въ Чахарин) 634—636.
 Богдойнъ дунчжинъ гарбо 150.
 Богопи ула 218.
 Богочи 202.
 Богочи (т. ч. Аргалинъ даба) 478.
 Богочинъ даба 208.
 Бодунъ тала 473.
 Бомботу (почт. ст.) 390.
 Бомботу 161.
 Бомботу (горн. переваль) 204.
 Бомботу (горы въ долинь Шара-усу) 216.
 Бомботу ула 296.
 Бомботу хаирханъ 293.
 Бомботуинъ хундэй 208.
 Боминъ таря 10.
 Боро (рѣка) 57.
 Боро бургасу 50.
 Боро буринъ 168.
 Боро дага (почт. ст.) 164, 165.
 Боро-нуръ (въ хон. Батуръ цэ.) 59.
 Боро табцанъ 192.
 Боро тологой (у ст. Чжиргаланту) 155.
 Боро тологой (на Кунгуъ) 355, 357.
 Боро ундуръ 189.
 Боро уцзуръ 189.
 Боро уцзуръ (мысь на Кунгуъ) 352.
 Боро уцзуръ 591.
 Боро хото (древ. крѣпость) 202.
 Боро хошу 161.
 Боро хошунай боролючжи 290.
 Боро хутуль 192.
 Боро цэчжи 641.
 Боро ширэ 192.
 Борокчинъ голъ (озеро) 165.
 Борокчинъ голъ 474.
 Борокчинъ нуръ 473.
 Боролючжи (долина) 631.

Вороной тологой 466.
 Борой чивиту (карауль) 356.
 Боройнъ сумэ (въ Чахаріи) 635.
 Борхо (почт. ст.) 278.
 Босога (почт. ст. алтайск. тракта) 150.
 Босого (почт. ст. сумун. тракта) 226.
 Богонн холой 355.
 Боцойскій карауль 22.
 Бугу (почт. ст.) 291.
 Бугу хаирханъ 291.
 Бугуйнъ тологой 404.
 Бугуйнъ шара дорольчжи 387.
 Будала 414, 491.
 Будаланъ ула 5.
 Бударъ (уроч.) 611.
 Будунэй хутуль 207.
 Буинту (горы) 168.
 Буинту голь т. ч. Буянту 302.
 Буланъ хуца 633.
 Булинга усу 608.
 Булугунъ ула 414.
 Булугийнъ орой 216.
 Булугийнъ хубо 185.
 Булукту 206.
 Булукту гашунъ 610.
 Булукъ (почт. ст.) 179, 181.
 Бульчигинъ даба 388.
 Булянъ (рѣчка) 204.
 Булянъ хошу 203.
 Бумба или Бомботу (почт. ст.) 218, 222.
 Бунханту (уроч.) 368.
 Бура голь 5, 6, 8.
 Бургасу голь 296.
 Бургасу ула 220, 223.
 Бургасуту (уроч.) 389.
 Бургасутай (уроч. въ Чахаріи) 500.
 Бургу-бухэ (гора) 53.
 Бургултай (притокъ Селенги) 23, 37, 38.
 Бургултай (притокъ Хары) 60, 65, 129.
 Бургултайнъ нуру 194.
 Буриду (ключи) 153.
 Буриду нуръ 53.
 Буриду нуръ (въ долині Горида) 206.
 Буриду нуръ (въ долині Цзабхана) 285.
 Буриду нуръ (въ Чахаріи) 638.
 Буридунай голь 197.
 Буридунай хурунъ тологой 198.
 Буруль-даба 588.
 Буруль ула 293.
 Бурунъ нуру 11 т. ч.
 Бурунъ ханъ (горы) 24, 34.
 Бурханту 195.
 Бурханту ула 479.
 Бурхантуинъ даба 151.

Бурцагийнъ ширэ 627.
 Бусунъ ула (въ дол. Дзака) 216.
 Бута (уроч.) 189.
 Бутумчиннъ гоби 633.
 Бухангийнъ усу 632.
 Бухайнъ голь (притокъ Орхона) 58.
 Бухайнъ даба 279.
 Бухайнъ хонхоръ 163.
 Бухунъ нуру (горы) 54.
 Бухэгинъ даба 152.
 Бухэкъ (почт. ст.) 152.
 Буянту (или Буинту) голь 216, 225, 226, 240, 305, 313, 327, 341, 343.

В.

Ванъ-цзавъ-сянъ 653.
 Вачирту оронъ (гора) 466.

Г.

Галцзанъ буриду (въ дол. р. Чулуту) 405.
 Ганга (уроч. на Селенгѣ) 9, 17.
 Ганга даба 199.
 Гангъ (р. въ Индіи) 86.
 Ганца тологой 196.
 Ганца худукъ 629.
 Ганъ-чжоу (городъ въ Ганъ-су) 106, 157, 216.
 Ганъ-су (кат. пров.) 540.
 Гао-гуанъ 642.
 Гасха хаирханъ 225.
 Гаханнъ тойримъ 186.
 Гашунай тала 605.
 Гиринь 287.
 Гичжигинийнъ голь 404.
 Гичжигинийнъ даба 402, 405.
 Голбайръ (уроч.) 633.
 Голынаъ уланъ (гора на Бунгу) 354.
 Горида (почт. ст.) 198.
 Горидийнъ голь 198.
 Гуанъ-дунъ (кат. пров.) 505.
 Гу-бэй-воу 106.
 Гудуриху (уроч.) 638.
 Гультугинту 629.
 Гумбумъ 177, 178, 491.
 Гунчжуннъ цзамъ 583, 584, 590.
 Гунъ буриду 197.
 Гунъ тойриминнъ нуръ 631.
 Гунъ-худукъ 189.
 Гунъ худугийнъ тала 599.
 Гунъ-цаганъ нуръ 196, 197.
 Гурбанъ сайханъ (горы) 157.
 Гурбанъ угулцаа 204.

Гурбанъ уцзуръ (на Кунгуѣ) 305.
 Гурбунъ гувъ 186.
 Гурбунъ салагинъ улумъ 341.
 Гурбунъ тогогой 600.
 Гурбунъ тохой 640.
 Гурбунъ цэнкиръ 299.
 Гурунцзату даба 58.
 Гу-чэнъ (городъ) 274, 299, 305, 306.
 Гучжарту 185.
 Гушійнь-цаганъ 203.
 Гэ-гэ-ча-ганъ 476.
 Гэдэгэръ тогогой
 Гэнтэй (горы) 463, 493, 605.
 Гэръ-чулу 605.
 Гэцзыгэйнь гашунъ гоби 626.

Д.

Да-тунъ-фу 371.
 Да-хуръ (см. Урга).
 Да-ханъ-гоу (ущелье) 642.
 Дабанъ нуръ 390.
 Дабхуръ ула (хребетъ) 53.
 Дабхуръ ханъ ула 16.
 Даганъ дэль (уроч.) 65.
 Даганъ дэль 192.
 Даганъ-дэль (гора въ долинь Буянту) 227.
 Даганъ дэль (почт. ст.) 228.
 Дагата 234.
 Даниъ куль 287.
 Даниъ табавъ 613.
 Дала ула 367.
 Даланъ ама улумъ 6, 50.
 Даланъ дабхуръ (гора) 73.
 Далу (горная падь) 367.
 Дамбанъ худукъ 345.
 Дамъ хабирга (почт. ст.) 181.
 Дамъ хашату 187.
 Дамъ шакшурга (почт. ст.) 185.
 Дамъ шили
 Дарханъ ула 380, 385, 402.
 Дарханъ цзамъ 583, 588.
 Дархинъ хитъ 52.
 Дарцоктай усу (притокъ Селенги) 58.
 Дашн хлумбо 491, 495.
 Дашн дорчжи 399.
 Дай-тунъ (т. ч. Да-тунъ-фу) 618.
 Дзагинъ хара 215.
 Дзакъ (рѣка и почт. ст.) 215, 221, 240.
 Дзэндэлигъ 368.
 Дзуръ (гора и почт. ст.) 286, 290, 291.
 Дзэъ (горн. мысъ) 182.
 Дзэрэнъ (почт. ст.) 188—192.
 Дзэрэнъ нуръ 277, 348—350.

Дзэсъ вохой 161.
 Джирмангай (рѣка) 425.
 Добокъ ула 186.
 Доду хуръ (Цзань гэгэна) 415, 420.
 Долонъ (почт. ст.) 153.
 Долонъ даба (перевалъ на Селенгѣ) 11.
 Долонъ даба (на Уляс-Калг. трактѣ) 170.
 Долонъ даба (въ хр. Дабхуръ ула) 53.
 Долонъ даба (въ дол. Богдойнь гола) 226.
 Долонъ даба (перевалъ въ въ Ург. долинь)
 590.
 Долонъ нуръ (городъ) 65, 66, 74, 88, 93,
 105, 109, 130, 133, 177, 499, 512, 519,
 638.
 Донкоръ-маньчжушрійнь хитъ 588.
 Дорольчійнь хутуль 283.
 Дугунай буцанай дэрэсу 194.
 Дугунтуийнь голъ 232.
 Дуланъ (хребетъ въ Хангаѣ) 359.
 Дуланъ (сумун. почт. ст.) 478.
 Дуланъ ханъ (гора) 4.
 Дулганту 185.
 Дулгурту 639.
 Дунгойнь (гора и рѣчка) 407.
 Дунду тамиръ 408, 414, 421.
 Дунду тэгъ 182.
 Дунъ-коу (=Калганъ) 644.
 Дурбэдийнь обо 349.
 Дурбэльчжинъ ула 294.
 Дурбэльчжинъ ула (въ дол. Тамира) 421.
 Дурбэльчжинъ уха 163, 179.
 Дурга нуръ (озеро и почт. ст.) 295.
 Дурсу-нарасу (уроч.) 53.
 Дурсуйнь тала 203.
 Дэбтэръ нуръ 277.
 Дэду ногойнь хутуль 422.
 Дэду хуръ (цзань гэгэна) 415.
 Дэдэнэ тогогой 466.
 Дэль 293.
 Дэльгэръ тала — 633.
 Дэльгэръ хангай 184.
 Дэльгэръ ханъ (гора) 4.
 Дэнь (уроч.) 171.
 Дэрън хайрханъ 296.
 Дэрънгійнь хутуль 164.
 Дэрънгинъ энгиръ 164.
 Дэрэсу (уроч.) 171.
 Дэрэсу булунъ 620.
 Дэрэсу холой 285.

Ж.

*Жэ-хо (городъ) 65, 500, 644.

З.

Задагайтү 192.
 Зала-тологой 198.
 Занту (горная падь) 389.
 Занту аршань (минерал. источн.) 389.
 Зара (горы) 168, 169.
 Зоксо хаирхань 349.
 Зурма наринь цзамь 583.

И.

Ибидихь ула (горы) 4.
 Ибэнгийнъ адавь (уроч.) 50.
 Ибэнь голъ 24, 38, 48, 65.
 Идэрийнъ голъ 279, 281, 367, 374, 385.
 Или 603—604.
 Иркутскъ 595.
 Иро (рѣка сист. Селенги) 4, 9, 58.
 Иро (рѣка сист. Цзабхана) 247, 281, 362, 364.
 Ингирту тологой 292.
 Ингять (притокъ Селенги) 58.
 Инь-шань 642.
 Инь-чжоу (гор. въ Шань-си) 105.
 Исунъ цзуинъ 487.
 Ихиръ ула 224.

Е.

Каба (притокъ Иртыша) 289.
 Калгань 74, 105, 130, 133, 134, 259, 267, 371, 418, 582, 592, 601, 608, 644—674.
 Камъ (пров. въ Тибетѣ) 524.
 Киргизъ пуръ 351.
 Кобдо (городъ) 149, 240, 279, 285, 287—290, 298, 301—337.
 Кобдо (рѣка) 304, 339, 341, 343, 604.
 Коко тохой (уроч. и рѣчка) 364.
 Кошь-агачъ 348.
 Крань (рѣка) 287, 289.
 Куй (рѣка и почт. ст.) 61, 117, 129, 599.
 Куйсу голъ 425.
 Куву хото (т. ч. Хуху хото).
 Кунгуй рѣка 351.
 Кэмчикъ (рѣка) 268.
 Кякуйинъ голъ (притокъ Хары) 58.
 Кяхта (городъ) 1—4, 8, 19, 63, 134, 268, 279, 284, 418, 482, 592.
 Кяхта (рѣчка) 3, 52.

Л.

Линь-чжао 643.
 Литань (пров. въ Тибетѣ) 524.

Лунъ-синъ-цзоръ 630, 638.
 Лусъ (почт. ст.) 182.
 Ляо-дунъ 643.

М.

Магада (въ Инди) 483.
 Манавъ 179.
 Мангать уха 187.
 Мангирту (уроч. на р. Хара) 53.
 Мандалту (уроч.) 608.
 Мандалъ (т. ч. Куй мандалъ) 65.
 Мандалъ обо (на Кунгуѣ) 354.
 Мандалъ тологой 202.
 Мандахай (переваль) 407.
 Маниту 193.
 Маниту хурунъ 203.
 Маниту 639.
 Маннай дохо 186.
 Манхатай (переваль) 55.
 Марцакъ (уроч.) 189.
 Марцайнъ даба 153.
 Маймачэнь (вяктинскій) 2, 4, 9, 10.
 » (ургинскій) 68 — 72, 73, 104, 119—140.
 » (улясутайскій) 257—276.
 » (кобдоскій) 306, 313.
 Майханъ тологой 104.
 Минганскій хребеть 636.
 Минъ-чанъ 634.
 Могой ула 22.
 Могой голъ (прит. Орхона) 58.
 Могу (горы) 170.
 Модонъ (почт. ст. Ург.-Калг. тракта) 163.
 Модонъ (почт. ст. Алтайск. тракта) 171, 179.
 Монголь элэсу 284, 286.
 Монготу 611.
 Мопсонай (уроч.) 17.
 Моринъ тологой 475.
 Моринэй дэльгэрэвъ 364.
 Мориту ула (на Цзабханѣ) 292.
 Му-усу 611.
 Мунгутэй дабанай усу 168.
 Мунхэ-тологой 599.
 Мургуцунъ хабчинъ 192.
 Муруй гоби 182.
 Муруй голъ 414.
 Муруй уланъ 617, 620.
 Муруйнъ гашунъ 630.
 Мухуръ шили 192.
 Мушка (уроч.) 170.
 Мэнгэгү (почт. ст.) 185.
 Мэргэнь-хутуль 279.
 Мэргэней хутуль 207.

Н.

Намширь (горная падь) 238.
 Намъ-даба 156.
 Намъ даба 300.
 Наранъ (почт. ст.) 162.
 Наранъ-усу (притокъ Селенги) 58.
 Наранъ хутуль 207.
 Наранай аршанту 600.
 Нарасуту даба 59.
 Нарари (тиб. провинція) 484.
 Наринъ (переваль) 60.
 Наринъ 181.
 Наринъ (долина) 202.
 Наринъ (долина на Кунгуѣ) 357.
 Наринъ голъ 247.
 Наринъ хамаръ 213.
 Наринъ хаирту 364.
 Нидунъ 629.
 Ногонъ голъ 407.
 Ногонъ даба 155.
 Ногонай усу 155.
 Ногойнъ дорольчи 422.
 Нонинъ ула 57.
 Нонханъ тала 463.
 Номгонъ гоби 180.
 Номгонъ ула 53, 59.
 Номохонъ ула 465.
 Номту булакъ (притокъ Хары) 58.
 Номту горниковъ 24.
 Номту тологой 387.
 Ноюнъ-дунъ 633.
 Нэинхэ (горы) 175.
 Нуга (на р. Кунгуѣ) 355.

О.

Обольжинъ хундэй 184.
 Обоной гоцзогоръ 388.
 Оботу (гора) 14.
 Оботу (гора въ дол. Хоримту) 58.
 Оботу хутуль 206.
 Оголь (гора) 609.
 Огоцокъ ула 189.
 Олинту 189.
 Олинту даба 60.
 Олинъ даба 364.
 Оло-ула 283.
 Ологой нуръ (оз. и почт. ст.) 209, 209,
 499.
 Олонъ худукъ 636.
 Олоту 211.
 Олотъ тологой 232.
 Олонъ дабанъ 424.

Ольцзойту даба 463.
 Онгинъ (рѣка) 157, 158, 160, 193.
 Онгинъ (почт. ст.) 193.
 Онгоной хутуль 200.
 Онкойнъ даба 392, 403.
 Онцокту ула 182.
 Онцонъ тологой 187.
 Оронцакъ (гора) 187.
 Ортодъ ула (въ дол. Шара-усу) 224.
 Орулту 212.
 Орхонъ (рѣка) 2, 6, 8, 50—52, 58, 109,
 240, 279, 425, 427, 434.
 Отхонъ тэнгри (бѣлокъ) 226.
 Оши 299.
 Ошикъ даба 362.

П.

Пекинъ 14, 65, 177, 193, 419, 592.
 Пивданъ тологой 187.
 По-ло-цай-ца 641.

Р.

Райбунъ (монастырь въ Тибетѣ) 64.
 б) Райбунъ гэчи ганданъ шат-дубъ линъ
 (т. ч. Барунъ-хурѣ) 460.
 Райбунъ гэчи (ганданъ шат-дубъ) линъ
 (т. ч. Урга) 63.
 Ранбаша (пров. въ Индіи) 484.

С.

Сабангинъ голъ 467.
 Саяръ усу (почт. ст.) 169, 171—179, 601.
 Салинъ (хребетъ) 476.
 Сальхинту ула 150.
 Саль (уроч.) 633.
 Сальхинтуйнъ чжигга 392.
 Самбанъ гоби 611.
 Сангийнъ далай (т. ч. Дээрэнъ-нуръ) 348.
 Самъ будугийнъ гоби 633.
 Сансаръ ула 604, 606.
 Санту (уроч.) 633.
 Санту (долина на Селенгѣ) 22.
 Сао-линъ (хребетъ) 476.
 Сарайнъ голъ 460.
 Саринъ голъ 234.
 Сайнъ голъ 633.
 Сайнъ усу 613.
 Сайримъ (уроч. на Кунгуѣ) 355.
 Сайханъ (гора) 52.
 Селенга 6, 9, 13, 58, 133, 279, 405, 418.
 Си-коу (= Хуху хого) 644.

Ся-чэнь (городъ въ Шань-си) 129.
 Сологой (почт. ст.) 170.
 Солонготу ама 392.
 Солонъ-ама 367.
 Солонъ-голь 373.
 Сонгина ула 73, 116, 150, 479.
 Сонгинай булакъ 222, 479.
 Соноръ (уроч.) 65.
 Соносколанту 150.
 Субургату тологой 404.
 Субэйнъ уланъ (гора на Кунгуѣ).
 Сули усу 632.
 Суль 194.
 Суль-тологой 203.
 Суль-шанда 630.
 Сумдайрыкъ (рѣка) 287.
 Сумуну (т. ч. Сумэйнъ) голь 404, 405.
 Сумуя (гора) 152.
 Сундули (рѣка) 344.
 Суокъ (вараулъ) 356.
 Суцаукту (падь) 59.
 Сучжи (падь у р. Селевги) 13, 21.
 Сучжи (горы въ хош. Пунъ-бэйсэ) 156.
 Сучжи-худукъ 164.
 Сучжи (почт. ст.) 171.
 Сын-чуанъ (кит. провинція) 540.
 Сэбчжинъ-балборъ (гора) 380.
 Сэбэжту (горы) 215.
 Сэьби (рѣка) 63, 65, 93, 116, 149.
 Сэнчжи 204.
 Сэнчжиту (горы) 196.
 Сэнчжиту даба (въ Инъ-шани) 642.
 Сэнчжинъ гоби 620.
 Сэрбэнь ула 175.
 Сэрбэнь (долина) 185.
 Сэргэхчи ула (въ дол. Хары) 56.
 Сэртэнь (хребетъ) 168.
 Сэртэнь даба 359.
 Сэртэнь ула 203.
 Сэрь (хребетъ) 340, 343.
 Сэрь (см. Усунъ сэрь) 65, 97.
 Сэрь-сэртэнь 291.
 Сэрюнь-булакъ 629.
 Сэрюнь ула 182.
 Сюанъ-хуа-фу 618.
 Сянъ пинъ 642.

Т.

Табакъ 192.
 Табунгийнъ тала 631.
 Табунгстайнъ хутуль 151.
 Табунъ модо (гора на Тамирѣ) 422.
 Табунъ тологой 168.
 Табунъ тологой 344.

Табунъ ула 638.
 Табунъ хара 610.
 Табунъ хара 179.
 Табунъ чихиту 367.
 Тагинъ нуръ 373.
 Тагийнъ тойримъ 608.
 Тала булакъ (почт. ст.) 161.
 Талайнъ-тологой 196.
 Талбай 187.
 Тамиръ (рѣка) 65, 240, 241, 410, 421.
 Тангаты хутуль 208.
 Тансукъ тала 470.
 Тарантуйнъ хиса 392.
 Тарбагатайскій округъ 289, 305.
 Тарбуга 186.
 Тарнайнъ голь 466.
 Тарятуйнъ голь 394.
 Тарятуйнъ хуръ 393.
 Тарячинъ сумэ 50.
 Таря-хулуусунъ (уроч.) 494.
 Тахай (древ. городъ) 428.
 Тахилакту 175.
 Тахилга обо 203.
 Тахилгату обо 179.
 Тахилдинъ даба 302.
 Тахинъ нугайнъ голь 201.
 Таца (рѣка и почт. ст.) 199—201.
 Ташигай 156.
 Таширъ даба 561.
 Тай-шанъ (горы въ Шань-дунѣ) 314.
 Тай-чжоу (древ. обл. въ Китаѣ) 642.
 Тай-юанъ-фу 666.
 Тингийнъ шарэ 629.
 Тийрикъ (уроч. на Селенгѣ) 16.
 Тогосколь-булукъ 4, 5.
 Токтохо нуру 345.
 Тола (рѣка) 53, 63, 65, 69, 72, 93, 119,
 150, 477, 514, 515, 583—586, 588,
 598.
 Тологойту даба 61.
 Тольби (рѣка и уроч.) 16, 22.
 Тоно (гора) 281.
 Тоно (гора въ дол. Идера) 385, 386.
 Торонту ула 53.
 Торхо уланъ (гора) 340.
 Тосунинъ усу (притокъ Толи) 53.
 Тосулъ обо 634.
 Тойримъ (почт. ст.) 164.
 Троицкосавскъ 1—3, 8, 63.
 Ту-динъ-цза (поселокъ) 644.
 Туги 349.
 Тугуринъ (почт. ст.) 187.
 Тугурикъ (на границѣ хош. Пунъ-бэйсэ)
 600.

Тугуриикъ усу 169.
 Тугуриикъ усу (уроч. въ Гоби) 170.
 Тулга 638.
 Тулта (город. въ Чжунгарин) 287, 289.
 Тункэль-голь 58.
 Туиъ-чжоу 598.
 Тургэиъ голь (притокъ Толи) 151.
 Тургэиъ голь (притокъ Шара-усу) 219.
 Турхунай голь 364.
 Тухумъ гоби 171, 186.
 Тучжа (уроч.) 8.
 Туй (рѣка и почт. ст.) 204, 240.
 Тэгийиъ тала 182.
 Тэгийиъ хутуль (въ дол. Тамира) 410.
 Тэкши буянту голь 386—388.
 Тэлийиъ голь 209, 232.
 Тэлы (гора въ дол. Шара-усу) 223.
 Тэмурту (почт. ст.) 232.
 Тэмуртуийиъ голь 234.
 Тэмэ хуцзу 217.
 Тэмэнь-чжиримъ 185.
 Тэмэрцзэту ула 283.
 Тэнгриниъ мухуръ 215.
 Тэрхийиъ бэльчиръ 402.
 Тэрхийиъ голь 392.
 Тэрхийиъ цаганъ нуръ 399, 402.
 Тэрхэтгийиъ тала 604.
 Тэсъ (рѣка) 240.
 Тянь-цзинъ 247, 592—598.
 Тянь чжэиъ 129.

У.

У-тай-шанъ 105, 482.
 У-чулутайиъ ама 224.
 Убса-нуръ 268.
 Убса нурийиъ хара хира (горы) 351.
 Убуръ улакчинъ (почт. ст.) 377.
 Убуръ худукъ 359.
 Убуръ цзэргэйиъ голь 299.
 Убуръ чжиргаланту 218.
 Убуръ чжигаланту (почт. ст.) 220.
 Убусуту нуру (хребеть) 206.
 Угэй нуръ 53.
 Угомуръ (падъ въ дол. Селеиги) 21.
 Угомуръ (уроч.) 65.
 Угомуръ 161.
 Угомуръ (холмы) 599.
 Угомуръ (ручей близъ Цзара улы) 605.
 Удуйиъ даба 283.
 Удэльгэ (уроч.) 65.
 Уланъ бакца 533.
 Уланъ бэльчиръ 362.
 Уланъ даба 590.

Уланъ дэлы 163.
 Уланъ дэлы (холмы) 181.
 Уланъ дэлийиъ даба 361.
 Уланъ комъ 268, 354.
 Уланъ оботу 162.
 Уланъ тологой 186.
 Уланъ тологой (при р. Дзакъ) 215.
 Уланъ тологойиъ тала 293.
 Уланъ хада 393.
 Уланъ хаирханъ (гора у р. Хары) 56.
 Уланъ хаирханъ (въ дол. р. Богдо) 284.
 Уланъ халга 368.
 Уланъ хату 364.
 Уланъ хошу (сумун. почт. ст.) 465.
 Уланъ худукъ (почт. ст.) 284.
 Уланъ худукъ (въ дол. Цзэрэ) 300.
 Уланъ худа 232.
 Уланъ чжигга (въ дол. Цзака) 216.
 Уланъ чихи 194.
 Уланъ эрги (на Кунгуфъ) 353.
 Улцзуръ (уроч.) 225.
 Улцзурыйиъ булакъ 606.
 Улцзэй тологой 195.
 Улцзэй хошу 283.
 Улцзэйту ундуръ 194.
 Улцзэйту хангай 150.
 Улцзэйту цаганъ нуръ 497.
 Улясутай (городъ) 19, 169, 194, 239—282,
 305, 306, 418, 601—604.
 Улясутай (притокъ Толи) 65.
 Улясутай ула (гора) 240.
 Улясутайиъ голь (нижъ Богдойиъ) 247.
 Улятай (рѣка) 74, 120, 132.
 Ундуръ богочийиъ хутуль 212.
 Ундуръ добо (почт. ст.) 156, 161.
 Ундуръ уланъ 200.
 Ундуръ хаирханъ 339.
 Ундуръ хутуль 213.
 Ундуръ чжиргаланту (уроч.) 224.
 Ундуръ шили 192.
 Унигэту (гора) 52.
 Унигэту 162.
 Унигэту (почт. ст.) 194.
 Унигэту (горы на Кунгуфъ) 351.
 Унигэту уланъ 340, 343.
 Унигэту хада 183.
 Унирту (горы) 232.
 Урга (городъ) 1—3, 19, 63—149, 177,
 222, 268, 279, 394, 418, 426, 601—
 603.
 Ургату ула 380.
 Ургату уланъ 345.
 Ургувъ уланъ 620.
 Ургувъ-ширѣгийиъ хутуль 227.

Уриду тамиръ 414, 420.
 Уриду тэрхи голъ 402.
 Урту голъ (притокъ Орхона) 58.
 Урту ула 218.
 Урту хара (рѣка и почт. ст.) 207.
 Уруктуйнъ ула 467.
 Усунъ сэръ 16, 37, 58.
 Усунъ цзунль (сист. Цзабхана) 247, 361.
 Ута (рѣка и почт. ст.) 212.
 Уха-оботу 302.
 Уха хутуль 162.
 Уха хэрэмъ 164.
 Уха ширэ (уроч.) 158.
 Ухагинъ усу 632.
 Ухукъ (= Уэкъ) 209.
 Ухэръ чулу (утесъ на Селенгѣ) 21.
 Ухэръ чулу (ущелье на Алт. трактѣ) 179.
 Ухэръ чулу 196.
 Уцзуръ чжалцай 116.
 Учжикту даба 59.
 Уйцзанъ 611.
 Уянай усу 608.

Ф.

Фу-инъ (древ. наз. Кобдо) 307.
 Фынъ-чжэнъ 630.

Х.

Хабангынъ ясу 216.
 Хабирга (горы) 170.
 Хабирга 211.
 Хабтагай 610.
 Хабтагай уланъ 218.
 Хабцагай 200.
 Хагынъ нуръ 635.
 Хадамалъ 610.
 Хадангынъ цохо 168.
 Хаданъ зара 165.
 Хаданъ хошу 163.
 Хадасунъ (почт. ст.) 53.
 Хадату (почт. ст.) 195.
 Хадату-тологой 184.
 Хадайнъ дабату 608.
 Хаирханъ (утесы въ дол. Шара-усу) 224.
 Хаирханъ 165.
 Хаирханъ усу 202.
 Хаирханъ худукъ (въ дол. Кунгуя) 357.
 Халагайту 194.
 Халдудунъ чжирухэнъ 470.
 Халгаръ-даба 208.
 Халунъ усу (притокъ Хочжула) 389.
 Халцзанъ 165.
 Халцзанъ 181.

Халцзанъ буригту 284.
 Халцзанъ даба 424.
 Халютайнъ голъ 608.
 Халютай (почт. ст. алтайск. тракта) 635.
 Хамарынъ дабанъ 393.
 Хана ула 417.
 Ханай худукъ 217.
 Ханга ула 169.
 Хангалъ (притокъ Орхона) 58.
 Хангай (горы) 590.
 Хангайскій (хребетъ) 196.
 Хандагайту (притокъ Селенги) 58, 129.
 Хандагайту (карауль) 356.
 Хандайнъ дорольчжи 377.
 Хаңду ула 380.
 Хануй (рѣка) 279, 407, 408.
 Ханхарынъ хошу 22.
 Ханъ обо 203.
 Ханъ ула 62, 73, 150, 589, 599.
 Ханынъ (сопка) 610.
 Ханъ-коу 592—597.
 Халчикъ ула 387
 Хара балгасунъ 641.
 Хара-богочи 343.
 Хара бургасуту 224.
 Хара голъ 9, 52, 54, 58, 134.
 Хара ирдысъ 287, 363.
 Хара нидунъ (почт. ст.) 196.
 Хара нидунъ (сумун. почт. ст.) 475.
 Хара нидунъ (уроч.) 372.
 Хара нуръ (часть Дурга нура) 296.
 Хара нурынъ хонхоръ 611.
 Хара обо 170.
 Хара оботу (въ дол. Цзабхана) 286.
 Хара тала 475.
 Хара усу (притокъ Шара-усу) 216, 218.
 Хара усу (оз. и почт. ст.) 297—302, 339.
 Хара усунай бэлычиръ (на Кунгуѣ) 354.
 Хара усунай гойримъ (уроч.) 343.
 Хара-уцзуръ (при Тэрхи голѣ) 402.
 Хара хадайнъ тала 634.
 Хара хира 351.
 Хара хучжиртуйнъ голъ 425.
 Хара цаба 179.
 Хара цохоной тала 180.
 Хара чулу 232.
 Хара чулу 171.
 Хара чулунай даба 204.
 Хара чулуту 207.
 Хара ямагуйнъ дорольчжи 478.
 Харагана (уроч.) 172.
 Харагана (гора) 209.
 Харагана (почт. ст.) 296.
 Хараганайнъ алтай 297.

Харагатуинъ цзунъ 185.
 Харалинъ (рѣчка) 466.
 Харамъ 181.
 Харангуинъ тала 631.
 Харату (горы на Кунгуѣ) 355.
 Харимкту 350.
 Харулту обо 180.
 Харуха голъ 53, 466.
 Хайнукъ тологой 228.
 Хиванту ула 180.
 Хидийнъ даба 23.
 Хицзаха (гора) 404.
 Хирай нуръ 162.
 Хирай сонго 187.
 Хирай чжиримъ (почт. ст.) 184.
 Хирайнъ тугурикъ 163.
 Хиса ула 388.
 Хла-би-рай-цамъ (тиб. пров.) 484.
 Хла-лунъ-ра-салъ (тиб. пров.) 484.
 Хласса 177, 414.
 Хобо (рѣчка и долина) 361.
 Хоболъ (почт. ст.) 215.
 Хобукъ сочжиръ (горы) 291.
 Хобуръ (долина) 465.
 Холбо (гора) 211.
 Холбо 293.
 Холбо-тологой 184.
 Холбо уланъ 195.
 Холбо-цаганъ 170.
 Холтуинъ гоби 631.
 Холтуинъ даба 588, 590.
 Хонгилту ула 10.
 Хонгоръ нуръ 600.
 Хонгоръ нуринъ тала 590.
 Хонгоръ ула 609.
 Хондоту (уроч.) 189.
 Хонхоръ цаганъ 170.
 Хоримту (почт. ст.) 57.
 Хормоцакъ (гора) 187.
 Хоромчжйнъ хутуль 478.
 Хорохойту булакъ (уроч.) 195.
 Хоту будукъ 185.
 Хотонту ула 195.
 Хотонту улайнъ хабтагай 196.
 Хотойнъ даба 239.
 Хотойнъ уланъ хошу 338.
 Хотойнъ хутуль 213.
 Хотхоранту (долина) 227.
 Хохо-бэри-усу, 53.
 Хохо даба 300.
 Хохо обо 198.
 Хохо сайръ нуру 212.
 Хохо тологой 185.
 Хохо тологой (въ долини Тэжши) 387.

Хохо ула 338, 340.
 Хохо ундуръ 184.
 Хохо хошу 182.
 Хохо цэгаль (озеро) 53.
 Хочжула (рѣка) 386, 388.
 Хошиго ула 283.
 Хошоту 204.
 Хошотуйнъ дабанъ 465.
 Хошхорийнъ худукъ 345.
 Хойту тэрхийнъ голъ 392, 402.
 Хойту тамиръ 408.
 Хуа-шороту (почт. ст.) 238.
 Хубилганъ ламайнъ сумэ 462.
 Хубунэй дорольчи 227.
 Ху-бэй (обл. Кит.) 651.
 Хугэнэй нуру 154.
 Хугэнэй ула — 465 (т. ч. Хугэнэ Хаирханъ) 466.
 Худа ула 186.
 Худукъ урту (почт. ст.) 202.
 Худукъ элэсуту 463.
 Хулагай хонхоръ 179.
 Хулату ула 182.
 Хундүлэнъ (горн. падь) 368.
 Хундүлэнъ будукъ 414.
 Хундүлэнъ даба 226.
 Хунту холбо нуръ 377.
 Хундалъ (почт. ст.) 59, 65, 134.
 Хурай 200.
 Хурай наринъ 228.
 Хурай худукъ 302.
 Хурду тологой 48.
 Хурдуни холой 195.
 Хуримту (рѣка) 211.
 Хурумту нуръ (озеро и долина) 424.
 Хурънъ ачжиргайнъ цзамъ 583.
 Хурънъ байшинъ (уроч.) 50.
 Хурънъ бэльчиръ 498.
 Хурънъ тала 296.
 Хурънъ тологой 345.
 Хурънъ ундуръ 156.
 Хурънъ хабтагай 156.
 Хурънъ (т. ч. Урга) 63—145.
 Хуръ (долина) 610.
 Хусуръ (уроч. на Кунгуѣ) 354.
 Хусуту ундуръ 61.
 Хутулмийнъ буца 208.
 Хутуль усу 298.
 Хутухту ула 604.
 Хуху хото 109, 130, 134, 181, 258, 259, 267, 269, 279, 306, 318, 371, 375, 418, 630, 638.
 Хуху нуръ 411, 558, 559.
 Хухэ добо 53.

Хухэ оботу 181.
 Хухэ эрги (городъ) 630.
 Хуца-тологой 180.
 Хуца тологой 213.
 Хучжирту (почт. ст.) 236.
 Хучжирту (рѣка) 281.
 Хучжирту-булукъ 65.
 Хучжиртуйнъ эхи (переваль) 408.
 Хучжийнъ хутуль 48.
 Хуйсунъ хундэй 203.
 Хуйтунъ булакъ 152.
 Хуйтунъ булакъ 165.
 Хуйтунъ шара 16.
 Хэ-нань 666.
 Хэльтэгэй хонхоръ 608.
 Хэрүлэнъ (рѣка) 58.
 Хэрэмъ нуръ 114.
 Хэрэмийнъ хошу 164.
 Хэй 181.
 Хэй-лунъ-цзянъ 618.

Ц.

Цаба ула 478.
 Цабчирай цохо 186.
 Цабчиръ (почт. ст.) 186.
 Цаганъ аралъ 286.
 Цаганъ даба (въ долиниѣ Тамира) 410.
 Цаганъ байшинъ 472.
 Цаганъ булукъ (горная падь) 238.
 Цаганъ булунъ 343.
 Цаганъ булунъ (на Кунгуѣ) 353.
 Цаганъ дорочи 214.
 Цаганъ дэль 161.
 Цаганъ дэнчжи 406.
 Цаганъ нуру (въ долиниѣ Дзака) 215.
 Цаганъ нуру (въ дол. Богдоннѣ гола) 284.
 Цаганъ нуръ 198.
 Цаганъ нуръ 201.
 Цаганъ нуринъ цзаха булукъ 299.
 Цаганъ оботу (гора при р. Дзака) 215.
 Цаганъ суль 240, 241.
 Цаганъ сумэйнъ голъ 425.
 Цаганъ тала 633.
 Цаганъ турунъ 209.
 Цагайнъ туруту 212.
 Цаганъ тэмэгү 189.
 Цаганъ ула (въ Муруй гоби) 182.
 Цаганъ хаирханъ 196.
 Цаганъ хира 181.
 Цаганъ худукъ 169.
 Цаганъ худугийнъ голъ 606.
 Цаганъ хутуль 208.
 Цаганъ хуръ (горы) 634.

Цаганъ чулуту (горы въ дол. Дзака) 215.
 Цаганъ чулутуйнъ дорольчжи 362.
 Цалбуръ 192.
 Пантайнъ адакъ 22.
 Панъ-ни-цзанъ (тиб. пров.) 484.
 Цасуту богдо (бѣлокъ) 299.
 Цасуту хангай 341.
 Пахаръ (горы) 232.
 Пахаръ уха 604.
 Пахиръ даба (близъ Кобдо) 302.
 Пахиръ даба 290.
 Пахиръ ула 283.
 Пахиръ ула (въ дол. Тэрхи) 392.
 Пахюртуйнъ гоби 186.
 Пахюртайнъ гоби 632.
 Пацайнъ буриду 466.
 Цзабилга ула 224.
 Цзабукъ 626.
 Цзабханъ голъ 216, 284, 290—349—
 353, 478.
 Цзагасутайнъ голъ 368—373.
 Цзагасутайнъ даба 279, 389.
 Цзагасутайнъ даба 368.
 Цзагацакъ ула 53.
 Цзадагай 194.
 Цзадагай хундуй 192.
 Цзадагайту 634.
 Цзангъ хуръ 410—420.
 Цзаланъ (рѣка) 8, 9.
 Цзамбулыгийнъ цзамъ 583.
 Цзамия (переваль и рѣка) 339.
 Цзаминнъ боро тологой 293.
 Цзаминнъ булакъ 152.
 Цзаминнъ дорольчжи 293.
 Цзаминнъ дэбсэнъ 163.
 Цзаминнъ тологой 162.
 Цзаминнъ тойримъ 193.
 Цзаминнъ хада 208.
 Цзаминнъ хобуръ 195.
 Цзаминнъ хохо обо 170.
 Цзаминнъ худукъ 359.
 Цзаминнъ хундуй 206.
 Цзаминнъ цаганъ ихиръ 613.
 Цзаминнъ цахиръ 171.
 Цзаминнъ чулуъ табакъ 611.
 Цзанъ (туб. провин.) 484.
 Цзара ула 604, 605.
 Цзаринтай (индйск. пров.) 484.
 Цзаминнъ ширэ 616.
 Цзаха булакъ (почт. ст.) 296—301.
 Цзахагинъ ула 299.
 Цзайсанъ ама 73.
 Цздохо 169.
 Цзовсо хаирханъ 338.

Цзолоту (рѣка) 211.
 Цзунъ модонай элэсу 5.
 Цзунъ модо (горная падь) 57.
 Цзунъ уланъ (володецъ) 611.
 Цзунъ хабтагай 156.
 Цзунъ хуръ 79, 82.
 Цзунъ цахиръ ула 285.
 Цзурганъ тологой 187.
 Цзурухэ хайрханъ 340.
 Цзусланъ (горы) 292, 293.
 Цзутугэй хонгоръ 611.
 Цзэргэ (озеро и долина) 299.
 Цзэргэнэ уха 189.
 Цзянь-цзинь-фу 157.
 Ци-чжоу 659.
 Цокту ула (въ дол. Цзабхана) 286.
 Цокцуль 181.
 Цолмоту даба 460.
 Цолхоръ голъ (притокъ Селенги) 58.
 Пончжу (= Гучэнь) 265, 268, 279.
 Цохоной голъ 393.
 Цохоной даба 422.
 Цохоръ нуринъ бэлъ 344.
 Цубуру голъ 247.
 Цэгэйнь даба 21.
 Цэгэинъ цаганъ 476, 478.
 Цэнгэчжинъ уланъ уцзуръ 217.
 Цэцэкъ нуръ (озеро) 320.
 Цэцэрликъ голъ 422.

Ч.

Черный Иртышъ 289.
 Чжань-цзя коу (= Калганъ) 644.
 Чжао-янь (древ. обл. Китая) 642.
 Чжаргалъ булакъ 152.
 Чжибуртуйнь холонъ 206.
 Чжигасутуйнь голъ 247.
 Чжида (рѣка) 14.
 Чжинту 38.
 Чжиранъ тологойнь шинди 181.
 Чжиргаланту (уроч.) 65.
 Чжиргаланту (почт. ст.) 155.
 Чжиргаланту (гора) 209.
 Чжиргаланту (горы по р. Цзабхану) 292.
 Чжиргаланту (горы и почт. ст. Ул-Кобд. тракта) 293, 296.
 Чжиргаланту голъ (прит. Идэра) 386.
 Чжиргаланту ула (въ дол. Селенги) 10.
 Чжиргаланту ула (въ хон. Бат. цз.) 57.
 Чжиргалантуйнь гувэ 183.
 Чжиргалантуйня даба (въ дол. Шара-усу) 216.
 Чжириминъ удэ 185.
 Чжириминъ худукъ 478.

Чжончи долонъ худукъ 636, 638.
 Чигирсутэй (караулъ) 356.
 Чигистуйнь голъ 281, 367.
 Чигэту (горы) 343.
 Чингиль (притокъ Орхона) 58.
 Чингиль (рѣка быв. Чжунгарин) 364.
 Чингильту ула 61, 73, 75, 132.
 Чингильтуйнь тала 116, 480.
 Чиндамани (гора) 351.
 Чинъ тологой 474.
 Чинъ хутуль 218.
 Чойраинъ хуръ 606.
 Чойринскій трактъ 583, 588, 602.
 Чонойнь голъ 638.
 Чулунай хиръ 163.
 Чулунь обо 302.
 Чулунь онгоцо 60.
 Чулунь хороту 183.
 Чулуту тутуринъ 627.
 Чулутуйнь голъ 279, 405.

Ш.

Шабактай 170.
 Шабакту (почт. ст.) 390.
 Шабакту обо 353.
 Шабартайнь тойримъ 193.
 Шабартай (селеніе) 641.
 Шабарту тологойнь хонхоръ 183.
 Шакдыинъ орой 198.
 Шанагаинъ хонду 184.
 Шанда 195.
 Шанданай хутуль 212.
 Шанду ула 591.
 Шанхагйинъ оботу 162.
 Шанхай ула 459.
 Шанхайту ула 428.
 Шань-цзюнь (древ. обл. Китая) 642.
 Шань-хай 592, 594, 597.
 Шань-дунъ 314, 666.
 Шара булукъ 408.
 Шара булугинъ даба 408.
 Шара голъ 9.
 Шара дабату (уроч.) 613.
 Шара номтуйнь цзамъ 583.
 Шара хубу 463, 479.
 Шара тойриминъ хойту усу 165.
 Шара усу 217.
 Шара усу (притокъ оз. Буриду) 53.
 Шара хадаинъ булукъ 626.
 Шара холонъ 610.
 Шара усуту (горы) 215, 216.
 Шара цзольгойнь голъ 463.
 Шара ширэгинъ хутуль 463.
 Шара чжилга 598.

Шара шубутай (почт. ст.) 168, 181.
 Шаралинь 466.
 Шаргалыннь сучжи 164.
 Шарга-ачжирга 628.
 Шаргальжуть (рѣка и почт. ст.) 203, 204.
 Шаргату холой 302.
 Шархова ула 53.
 Шацзагайту 626—630.
 Шибаланцайнъ хонхоръ 163.
 Шибаланцайнъ хутуль (на Кунгуй) 357.
 Шибэ 202.
 Шибэгийнъ гоби 170.
 Шибэни гуя 629.
 Шибэртыйнъ адагийнъ нуръ 393.
 Шибэту ула 431.
 Шибэту 162.
 Шилиннь нуръ 475.
 Шилиннь худукъ 601.
 Шинь-чжоу 216.
 Шинэ булукъ 362.
 Ширгистуйнъ тала 185.
 Ширдытуйнъ даба 590.
 Ширѣту цаганъ нуръ 430.
 Ширэгийнъ голъ 226, 228.
 Ширэгийнъ гэцэнгэйнъ гашунъ 627.
 Ширь (уроч.) 590.
 Шобхуданъ тоголой 185.
 Шонго ула 175.
 Шоройнъ нуру (хреб. въ дол. Ибэна) 50.
 Шоронъ байца.
 Шубувъ хара 620.
 Шубутай (горы) 53.
 Шубуту (горы близъ Саиръ усу) 175.
 Шубуту (почт. ст.) 181.
 Шудыннъ даба 213.
 Шуругинъ голъ 234.
 Шурукъ (почт. ст.) 221, 234.
 Шурунъ чулу 187.
 Шуту (падь близъ Кобдо) 338.
 Шучжинъ усу 460.

Ъ.

Ърь хаирханъ 357, 359.
 Ърийнъ худукъ 357.
 Ърэнъ дабасу нуръ 630, 631.
 Ърэнъ модонай даба 393.

Э.

Эбдэрхэй балагасу (или хэрэмъ, въ ур. Чинъ тоголой) 474.
 Эбдэрхэй хитъ 204.

Эбдэрэсэнъ цаганъ байшинъ 467.
 Эбугэнъ хуръ (близъ Улясутая) 247, 281.
 Эбидэйнъ худукъ 605.
 Элису 632.
 Элэсунъ даба 295.
 Элэсутуйнъ дабанъ 465.
 Элэсуту тоголой 209.
 Элэсуту хошу 478.
 Эмту нуръ (володецъ) 164, 166.
 Эмель тоголой 212.
 Энгирь-хайласу 627.
 Энгэрийнъ цзамъ 463.
 Эргидэжъ 193.
 Эргэнэгийнъ ула 600.
 Эрдэни обо 22.
 Эрдэни обо (въ гоби) 625.
 Эрдэни цэу 52, 65, 79, 90, 109, 117, 157, 333, 426—459, 485, 492, 496.
 Эрдэни хутуль 203.
 Эрѣнъ хабирга 289.
 Эрѣнъ хошу 631.
 Эрхэту ула 54.
 Эхинэ усу 634.

Я.

Ялату ула 220.
 Ялту (уроч.) 372.
 Яма тэргэчинъ цзамъ 583.
 Ямату голъ (притокъ Идэра) 374.
 Ямату голъ (притокъ Тэкши) 387.
 Ямату ула 223, 283.
 Ямату уланъ 302, 339.
 Ямату хундуй 283.
 Янь-бо-шанъ 644, 645, 650.
 Янгирагийнъ хутуль 298.
 Янь-цзы-цзыанъ 592.
 Яргайтуйнъ дорольчи 473.
 Яргайтуйнъ хундуй 473.

Й.

Йэхэ адацажъ 163.
 Йэхэ булукъ (горы) 232.
 Йэхэ даба 213.
 Йэхэ модочинъ (нутукъ) 589.
 Йэхэ монголъ элэсу 466.
 Йэхэ муруй гоби 182.
 Йэхэ обо (гора) 5.
 Йэхэ тэнгрийнъ ама 74.
 Йэхэ удэ 621.
 Йэхэ хаирханъ 156.
 Йэхэ-холбо нуръ 402, 403.
 Йэхэ цубурай ама 234.
 Йэхэ цзэсъ (почт. ст.) 286.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
64	5—12	1649	1651
73	33	Сангійнъ	Сонгина
77	11	растетъ	ростеть
78	7	галбѣинъ	галбайнъ
101	12	ᠠᠭᠠ	ᠠᠭᠠ
106		обработанныя	обработанные
118	13	Чжебцзунъ	Чжебцзунъ
215	18	Хобуль	Хобдль
221	34	другаго	другого
223	16	таблицѣ	въ таблицѣ
225	6	Улцзуръ	Улцзуръ
235	39	бэйсэ	бэйлэ
244	28	Цэньгунъ	Цэнгунъ
250	17	монгольскаго	маньчжурскаго
251	32	времена	времени
255	21	проходить	проходить
272	32	А. В. Васеневъ	А. Д. Васеневъ
318	3	тѣмъ ме менѣ	тѣмъ не менѣ
365	30	Далай ана	Далай вана
461	9	возрасталъ	возросталъ
466	6	неподолеку	неподалеку
506	19	Цэгэрлигунъ	Цэцэрлигунъ
528	3	отвѣты	обѣты
582	11	22-го числа	12-го числа

